

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Астраханский государственный университет
Кафедра ЮНЕСКО

ЭЛИТЫ И ЛИДЕРЫ:

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*Материалы Международного конгресса
19–22 апреля 2017 г.*

Издательский дом «Астраханский университет»
2017

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редакционный совет:

д-р филос. наук, проф. П.Л. Карабущенко (ответ. редактор),
д-р экон. наук, проф. А.П. Лунев (глав. редактор),
д-р биол. наук, проф. А.В. Федотова,
д-р филос. наук, проф. А.П. Романова,
д-р филос. наук, проф. Л.В. Баева,
д-р полит. наук., проф. А.А. Вартумян,
д-р филос. наук, проф. А.П. Глазков,
д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН А.В. Дмитриев,
д-р полит. наук, проф. А.В. Понеделков,
д-р пед. наук, проф. Р.Г. Резаков

Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете : материалы Международного конгресса. 19–22 апреля 2017 г. / сост. П.Л. Карабущенко ; под ред. проф. А. П. Лунева и проф. П. Л. Карабущенко. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2017. – 364 с.

19–22 апреля 2017 г. в стенах Астраханского государственного университета состоялся международный конгресс «*Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете*». Целью настоящего конгресса было обсуждение наиболее актуальных вопросов, связанных с понятиями элит и лидерства, их роли в обществе знания, требованиям, предъявляемым к ним в современном мире, а также проблемам, связанным с элитным образованием. Организаторами мероприятия для обсуждения были предложены следующие темы: современное элитное и массовое образование: pro et contra; элита, лидеры и командная работа в современных компаниях; культура элит и лидерства; философия элитности и лидерства в информационном обществе; социологический портрет современной элиты и современного лидера; профессиональные элиты и политические проблемы; селекция элит и миссия университета; открытое образование: лидерство и инновации; культурная элита России: история и современность; проектное обучение: лучшие проекты и международный опыт (инициатива CDIO) развития студентов и персонала. В рамках Конгресса было проведено шесть сессий: 1) Элитология образования: теории и университетские практики. 2) Социокультурные аспекты феномена элиты и лидерства. 3) Когнитивные науки и критическое мышление. 4) Информационные технологии в формировании элит и лидеров. 5) Бережливое мышление и управление качеством. 6) Современные коммуникационные стратегии и лидерство.

В сборнике представлены материалы Международного конгресса, которые будут интересны исследователям, специалистам в области политики, социологии, философии и смежных наук.

ISBN 978-5-9926-0993-6

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом «Астраханский университет», 2017
© П. Л. Карабущенко, составление, 2017
© В. В. Сорокин, оформление обложки, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЭЛИТОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРИИ И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ

Карабущенко П.Л. (г. Астрахань)	
Элитология образования и личность: от олигархической элитарности к меритократической элитности.....	9
Neakyung Kim (Dongseo, Korea)	
From Elite Education to Inclusive Education	12
Баева Л.В. (г. Астрахань)	
Развитие компетенций лидерства и soft skills в информационном обществе и медиакультуре.....	13
Гамидов С.С. (г. Астрахань)	
Формирование «Больших умов» – лидеров современности через социализацию.....	15
Резаков Р.Г. (г. Москва)	
Элитарность и образованность: генезис взаимосвязи.....	17
Пономарева Г.М. (г. Москва)	
Динамика «протоэлит» в пространстве современного университета.....	20
Мартынова М.Ю. (г. Москва)	
Современный элитогенез: новые вызовы и новые образовательные стратегии	23
Барышков В.П. (г. Саратов)	
Интеллектуал и ценности: уместность и приверженность	25
Колесникова Н.И. (г. Новосибирск)	
Владение научной речью как показатель элитного образования	29
Стефанова Г.П., Крутова И.А. (г. Астрахань)	
Подготовка профессиональной элиты через формирование обобщенных приемов познавательной деятельности	31
Золотых Л.Г. (г. Астрахань), Чжу Цзянин (г. Ченду, КНР)	
Репрезентация элитности русского языка в международном образовательном пространстве: практика Астраханского государственного университета	33
Хлыщева Е.В. (г. Астрахань)	
Элитарная культура в пространстве общества массового потребления: свой versus чужой	36
Щеглова Л.В. (г. Волгоград)	
Парадоксы элитного образования.....	38
Ильин А.А. (г. Москва)	
Научные элиты и политические проблемы на примере учений П.И. Новгородцева и И.А. Ильина.....	40
Белолипская Г.С., Максимова Н.В. (г. Астрахань)	
Активные методы обучения в контексте журналистского образования.....	43
Андросенко Н.В., Янченко А.Ю. (г. Санкт-Петербург)	
Концепция эффективности образования в области качества для формирования будущей элиты	45
Небрятенко С.В., Нагорная М.О. (г. Астрахань)	
Подготовка военной элиты: исторический опыт царской России.....	48
Вялкова Т.С. (г. Астрахань)	
Культурные традиции современного элитарного образования.....	51
Яковлева Т.Н. (г. Астрахань)	
Управленческие команды в образовании.....	52
Мацуй Е.А. (г. Астрахань)	
Инновационная деятельность вуза	54
Майсак Н.В., Давыдова Л.Н. (г. Астрахань)	
Креативные игры в формировании комплаенса лидеров – представителей организационной элиты	56
Захарова Е.В. (г. Новосибирск)	
Воспроизводство элиты в университетах Республики Корея	59
Хангельдиева И.Г., Золина М.А. (г. Москва)	
Специфика реализации принципа индивидуализации в образовании старшеклассников в условиях школы при вузе.....	62
Невмержицкая Ю.П. (г. Сочи)	
Этнопедагогическое обеспечение ценностно-смыслового развития как фактор селекции интеллектуальной элиты	64

Братолобова М.В., Брызгалова И.Г. (г. Ростов-на-Дону) Образовательный проект студентов Южного федерального университета «Открой Ростов» как средство развития интеллектуального туризма в России.....	66
Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. (г. Волгоград) Современные студенты – будущая элита страны? (По итогам социологического исследования).....	68
Зубова О.Г. (г. Москва), Оськина О.И. (г. Астрахань) Открытое образование: инновации и формирование компетенции «думать» в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе.....	72
Маркина Н.В., Анохина А.П. (г. Челябинск) Соотношение стилей лидерства и толерантности к творческой личности у старшеклассников челябинского научного общества учащихся.....	75
Лазько М.В., Арыкбаев Р.К. (г. Астрахань) PDCA как методология проектного обучения по естественнонаучным и инженерным направлениям подготовки кадров аграрного факультета	78
Леонова О.В., Тырнова Н.А. (г. Астрахань) Методики активизации лидерского потенциала студентов, изучающих современную социологию.....	80
Диденко О.Н. (г. Волгоград) Научно-образовательная элита в социальном пространстве университета (уроки истории)	81
Халифаева О.А. (г. Астрахань) Развитие креативности и когнитивных стилей молодежи как факторы формирования творческой элиты.....	84
Бичарова М.М., Пепелин М.А., Кушнир Н.А. (г. Астрахань) К вопросу о подготовке лидеров среди специалистов транспортного комплекса Прикаспийского региона	86
Зиналиева Н.К. (г. Астрахань) Формирование элитарности в современной студенческой среде (на примере обучения в Астраханском государственном университете).....	89
Амирханян А.М. (г. Ереван, Армения), Лебедева И.В., Слюсарев В.Н. (г. Астрахань) Современный университет и проблемы академической мобильности.....	90
Акимов О.В. (г. Астрахань) Формирование межкультурной компетенции в процессе преподавания китайского языка в вузах.....	93
Лебедева И.В. (г. Астрахань), Амирханян М.Д. (г. Ереван, Армения), Слюсарев А.Н. (г. Астрахань) Инвестиции в образовательный процесс мигрантов: опыт Германии	95
Шиняева Т.С. (г. Астрахань) Электронное портфолио обучающегося в формировании элит и лидеров университета.....	97
Немчинова А.Л., Щербакова Л.В. (г. Астрахань) Образовательная элита вуза: социологический портрет творческого преподавателя.....	99
Бичарова М.М., Краснощеков В.В. (г. Астрахань) Подготовка специалистов морского и речного транспорта Астраханского региона: от массового к элитному высшему образованию.....	102
Подвойский Л.Я. (г. Астрахань) Современное элитарное и массовое образование: вызовы XXI века.....	104
Гайнутдинова Е.В. (г. Астрахань) Ценностные предпочтения образовательной элиты.....	108
Рекешева Ф.М. (г. Астрахань) Сознание и бессознательное в элитарном и массовом образовании.....	110
Dr. Bruce Leimsidor (Venice, Italy) Western elites and the multicultural society	113
Geesje van den Berg (Pretoria, South Africa) Open education: innovation in leadership and student support.....	116
Tashlinskaya E.Sh. (Ulyanovsk) Elite (the outline to the portrait)	119
Macho T. (Berlin), Lebedeva I., Karabushenko P. (Astrakhan) The system of elite education in modern Germany	120
Голованева М.А. (г. Астрахань) Эффективные стратегии студенческого Учебного интерактивного дискурса	122

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ЭЛИТЫ И ЛИДЕРСТВА

Романова А.П. (г. Астрахань) Гетеротопия элитного кондоминиума в пространстве современного города	125
Кузина С.И., Хагуш С.Л. (г. Ростов-на-Дону) Культурные элиты в процессах народной дипломатии.....	127

Петров В.Е. (г. Великий Новгород)	
Российская «золотая молодежь»: социологический и элитологический портреты	129
Лодкина Т.В., Горбачева В.М., Климова Т.Ю. (г. Волгоград)	
Развитие лидерского потенциала сельских школьников в деятельности детских общественных объединений	132
Истомина О.Б. (г. Иркутск)	
Интеллигенция и ее социальные задачи в современном поликультурном регионе.....	135
Кочеткова Н.Н. (г. Астрахань)	
Культурная элита России: история и современность.....	137
Минева О.К. (г. Астрахань)	
Специфика управления мотивацией персонала со стороны бизнес-элиты на различных этапах развития компании (пять стадий упадка)	140
Тюрин А.О. (г. Астрахань)	
Привилегированные группы в иерархии военнопленных второй мировой войны (на материалах лагеря № 204 для военнопленных при УМВД по Астраханской области).....	142
Усачева Л.В., Самарец Т.В. (г. Астрахань)	
Формирование культурной элиты в СССР и современной России	145
Акмаева Р.И. (г. Астрахань)	
Особенности российских топ-менеджеров	147
Плахова Н.Г. (г. Астрахань)	
О национальном своеобразии мышления культурных элит России	150
Колоскова Н.И. (г. Ростов-на-Дону)	
Информационное неравенство – основа современного расслоения общества	153
Канатьева Н.С. (г. Астрахань)	
Религиозные лидеры сектантов и старообрядцев астраханской губернии в XIX в.	156
Дринова Е.М. (г. Волгоград)	
Религиозная элита в политическом процессе (5 тезисов по политизации религиозной элиты).....	159
Милаева Т.В. (г. Сыктывкар)	
Многофакторная система лидерства	161
Каширская Л.В. (г. Астрахань)	
Анализ характеристик и гендерных стереотипов, влияющих на создание имиджа руководителей образовательного учреждения.....	163
Бочарникова И.С. (г. Астрахань)	
Социокультурный портрет лидера: региональные особенности.....	166
Некрасов С.Ф. (г. Новосибирск)	
Сочетание социальных механизмов воспроизводства и самовоспроизводства элиты.....	169
Топчиев М.С. (г. Астрахань)	
Элитарная культура в свете культурной безопасности.....	171
Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. (г. Волгоград)	
Гендерные аспекты лидерства в управленческой деятельности.....	172
Федюлина Е.В. (г. Астрахань)	
Имморталистические устремления индивида как феномен элитарности.....	175
Бигалиева А.Г., Киселева Ю.А. (г. Астрахань)	
Судьбы людей как отражение истории Астрахани.....	177
Демина А.В., Черничкин Д.А. (г. Астрахань)	
In vino veritas: к вопросу об элитных алкогольных напитках	179
Демина А.В. (г. Астрахань)	
Литература фэнтези: на перекрестке элитарной и массовой культур	181
Кусмидинова М.Х. (г. Астрахань)	
Авторское кино как элемент элитарной культуры	183
Марисова Н.Д. (г. Астрахань)	
Хореографическое искусство нижеволжского региона в пространстве элитарной культуры России (по материалам практики учебных полевых исследований).....	185
Смолиговец О.С. (г. Волгоград)	
Субъектный статус интеллигенции во взаимодействии элит и масс	188
Бычков Д.М. (г. Астрахань)	
Святой как духовный лидер: рецепция феномена святости в современном литературном дискурсе	191
Подвойская Н.Л. (г. Москва)	
Элитологические взгляды Д.С. Лихачева.....	194
Бигалиева А.Е., Киселева Ю.А. (г. Астрахань)	
Судьбы людей как отражение истории Астрахани.....	197

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Понеделков А.В., Воронцов С.А. (г. Ростов-на-Дону), Нувахов Т.А. (г. Батайск)	
Социологический портрет современного лидера в экспертном и массовом сознании.....	200
Вартумян А.А. (г. Пятигорск)	
Профессиональные элиты и политические проблемы: проявления регионалистских и сепаратистских тенденций в политике элит	204
Никовская Л.И. (г. Москва), Молокова М.А. (г. Курск)	
Элиты в России: обновление и возможности конкуренции	205
Усманов Р.Х. (г. Астрахань)	
М.Я. Острогорский о роли элит и политического образования при формировании партийной системы демократического общества.....	209
Панкратов С.А. (г. Волгоград)	
Идущие во власть: молодежный парламент Волгоградской области в региональной публичной политике.....	213
Морозова Е.В. (г. Краснодар)	
«Политика вращающихся дверей» как механизм ротации элит: сравнительно-политологический аспект	215
Ярмак Ю.В. (г. Москва)	
Политическая элита в интеллектуальном контексте Российской революции 1917 г.	216
Степанов В.П. (г. Орёл)	
Мобилизация мобилизаторов: общественное движение как механизм активизации этнических элит	218
Поляков А.В. (г. Армавир)	
Социальная сплоченность на Северном Кавказе как политический капитал и ресурс эффективности элит	223
Галкина Е.П., Кадничанская М.И., Буковцева Е.С. (г. Ульяновск)	
Роль социальных сетей в современных коммуникационных стратегиях региональной политической элиты	225
Иванова Л.А. (г. Астрахань)	
Феномен политических элит в общественном мнении россиян: парадоксы и стереотипы восприятия	227
Китаев С.В. (г. Волгоград)	
Характеристики основных фаз мобильности советской номенклатуры.....	230
Миронова Ю.Г. (г. Астрахань)	
Образ политического лидера в оценках студенческой молодежи (на примере студентов АГУ).....	232
Морозов С.И., Савченко И.А. (г. Волгоград)	
Силовые элиты и проблемы обеспечения политической безопасности России	235
Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. (г. Астрахань)	
Представители военной элиты Германии и Австро-Венгрии периода Первой мировой войны в астраханском плену	238
Бобылев В.В. (г. Сочи)	
Политическая персоналистика: образовательный контекст	241
Мордасов А.О. (г. Астрахань)	
Элита и самоорганизация гражданского общества в современной России: воспроизводство и трансформация политического порядка.....	243
Лазуткина Е.В. (г. Астрахань)	
Роль лидеров мнений в организации публичных интернет-дискуссий	245
Григорьев А.В. (г. Астрахань)	
Образ идеального политического лидера в контексте современных внешнеполитических вызовов.....	248
Лебедева И.В. (г. Астрахань), Анджело Музайо (г. Генуя, Италия), Сайдаев В.В. (г. Астрахань)	
Современные элиты Европы и их анализ «культурного шока» последней волны мигрантов.....	251
Чистякова И.Ю. (г. Астрахань)	
Стратегии и тактики речевого воздействия в современной политической риторике	252
Мироненко Н.А. (г. Астрахань)	
Формирование имиджа политического лидера в СМИ в условиях современной политической культуры России.....	257
Пастухова Л.С. (г. Москва)	
Проектный метод в вопросах подготовки молодых лидеров местных сообществ	259

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Кайгородов Б.В. (г. Астрахань)	
Когнитивная образовательная технология «ключевые слова» в формировании лидерских качеств студентов	261
Бадалова Е.Н. (г. Астрахань)	
Когнитивное литературоведение в контексте элитарного образования	263

Глазков А.П. (г. Астрахань)	
Критическое мышление и лидерство	265
Исаев Г.Г. (г. Астрахань)	
Борьба за лидерство в русской литературе 1920-х годов	267
Рыскельдиева Л.Т., Зарапин О.В. (г. Симферополь)	
Элитарность, эзотерия и генезис научного текста	269
Востриков И.В. (г. Астрахань)	
Критическое мышление как форма и инструмент противостояния обману	271
Тихонова В.Л. (г. Астрахань)	
Специфика критического мышления как фундамента элитарного сознания	273
Вострикова Т.И., Молчанова Е.Е. (г. Астрахань)	
Этосная составляющая как первооснова элитарного типа речевой культуры	275
Коротченко Ю.М. (г. Симферополь)	
Валютативная автономность элитарного сознания	277
Слащева М.А. (г. Астрахань)	
Визуальные элементы креолизованных текстов: коммуникативный аспект	279
Сколота З.Н. (г. Астрахань)	
Элитарный (авторский) кинематограф как инструмент формирования критического мышления	280

БЕРЕЖЛИВОЕ МЫШЛЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ

Скоблева Э.И. (г. Астрахань)	
Практика применения инструментов бережливого производства и шести сигм в высшем образовании	283
Ахунжанова И.И., Томашевская Ю.Н. (г. Астрахань)	
Использование кейс-технологий в практике российского бизнес-образования	284
Файзиева Г.В. (г. Астрахань)	
Технология DMAIC в развитии бережливого мышления современного руководителя	287
Кондратьев А.Г. (г. Астрахань)	
Обучение инструментам бережливого производства как средство повышения эффективности сотрудников	289
Мамедова Х.К., Муравьев С.Г. (г. Астрахань)	
Современные подходы и эффективное применение методик бережливого производства в строительстве	290
Лепёхин О.А. (г. Астрахань)	
Бережливое производство в банковском деле: требования и вызовы для высшего образования	291

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛИТ И ЛИДЕРОВ

Баранов А.В. (г. Краснодар)	
Политические технологии формирования молодёжных элит России	294
Жолобов Д.А., Жолобова Л.И. (г. Астрахань)	
Формирование лидерских качеств при подготовке студентов – разработчиков программного обеспечения	296
Воронцова О.И., Гаранов Ю.С. (г. Астрахань)	
Социальная сеть «ВКонтакте» как инструмент коммуникационного взаимодействия в профессиональной среде	298
Морозов Б.Б., Жарких Л.Н., Евдошенко О.И., Окладникова С.В., Брумштейн Ю.М. (г. Астрахань)	
Курсы по программированию для школьников в Астраханском государственном университете: взгляд с позиций формирования элит	300
Коломина М.В., Кирилина Ю.П. (г. Астрахань)	
Развитие лидерских качеств на уроках информатики в Астраханском колледже культуры и искусств	301

СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИДЕРСТВО

Аглеева З.Р. (г. Астрахань)	
Коммуникативные стратегии элиты	304
Лодкин А.Е., Четверикова Т.А. (г. Волгоград)	
Образ современного лидера в представлениях студентов вуза	305
Борытко Н.М. (г. Волгоград), Храпов С.А., Зайченко Е.А. (г. Астрахань)	
Элита, лидерство студентов вуза в пространстве социально-культурной деятельности	307
Гаджиева Е.А., Арутюнян С.А. (г. Астрахань)	
О некоторых проблемах лидерства и командной работы в современных организациях	309

Крюкова Е.В., Смирнова Д.Ш. (г. Астрахань)	
Стратегия успеха в сфере инновационных кластеров.....	312
Фадеева И.В. (г. Астрахань)	
Влияние массовой коммуникации на формирование образа элитарной и успешной профессии: проблемы профориентации.....	314
Джабраилова З.А. (г. Астрахань)	
Лонгрид как современный формат отражения проблемы лидерства	316
Нефедова Д.С. (г. Астрахань)	
Лексика инновационной сферы в современной коммуникации.....	318

Трибуна молодых ученых

Груздева В.И. (г. Астрахань)	
Элитарность как ценностная характеристика авторской куклы в составе коллекционного собрания.....	320
Сиянова Т.В. (г. Астрахань)	
Особенности американской системы элитарного образования.....	322
Пономарёв А.Д. (г. Волгоград)	
К вопросу о корреляции политической культуры и политического лидерства: опыт теоретического анализа.....	324
Адилова В.И. (г. Астрахань)	
Политическая культура правящей элиты Великобритании.....	326
Полякова В.В. (г. Астрахань)	
Роль образовательного процесса в рекрутировании политической элиты.....	328
Нечай В.Н. (г. Астрахань)	
Кризис лидерства и преемственности власти в странах Центральной Азии	330
Холова Л.А. (г. Астрахань)	
Элита и эрзац-элита: чужой среди своих	333
Блохин Д.Г. (г. Астрахань)	
Сектантская эсхатология как проявление псевдоэлитарности	335
Таскалиева А.Х. (г. Астрахань)	
Политическая культура современной российской элиты	337
Бегалиева М.В. (г. Астрахань)	
Трансформация германской политической элиты	339
Меркулова А.В., Шаров Д.А., Честнов А.А. (г. Астрахань)	
Формирование и развитие профессиональных компетенций и лидерских качеств студента путем участия в соревнованиях по информационной безопасности	341
Зорин К.А., Облова Е.А., Сидоренко В.Д. (г. Астрахань)	
Инструменты формирования лидерских и предпринимательских качеств у студентов	343
Рахманина А.А. (г. Астрахань)	
Внедрение информационной системы сопровождения вступительных испытаний как инструмент повышения эффективности приемной кампании.....	345
Живенкова В.А. (г. Астрахань)	
Культура образования политических элит	346
Ростецкая А.-М.С. (г. Астрахань)	
Виртуальный музей в системе форм современной коммуникации	348
Потапова Е.А. (г. Волгоград)	
Роль политической элиты в создании фейковых новостей.....	350
Мусаева Д.Р. (г. Астрахань)	
Концепт «лидер» в медиадискурсе издания «Холдинг Лидерства».....	352
Михова Е. И. (г. Астрахань)	
Прецедентные имена в элитарном журнале.....	354
Мунтяну О. (г. Астрахань)	
Коммуникативные стратегии в современной социальной рекламе.....	356
Аглеев И.А. (г. Астрахань)	
Трансформация стереотипов лидерства	358
Диденко И.В. (г. Волгоград)	
Роль университетов в формировании культурной элиты: исторический аспект.....	360

ЭЛИТОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРИИ И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ

ЭЛИТОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЛИЧНОСТЬ: ОТ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ ЭЛИТАРНОСТИ К МЕРИТОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТНОСТИ

Карабущенко Павел Леонидович,

*доктор философских наук, профессор кафедры политологии
и международных отношений, Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Спор между сторонниками элитарности (привилегированной социальной исключительности) и элитности (личным достоинством) ведется ещё со времен софистов и Сократа. Спор о том, кому и на каких основаниях – условиях давать качественное образование, делающее человека элитной личностью и субъектом элиты. Софисты (Протагор, Гиппий, Горгий) выражали олигархический принцип – качественное образование только для элиты (кастовое воспроизводство элитой самой себя). Сократ и Платон ратовали за открытый (либеральный) принцип образования: оно предназначено для всех одаренных лиц, вне зависимости от их социального происхождения и материальных возможностей.

В настоящее время дискуссия между элитарным и элитным продолжается уже в формате культурно-цивилизационного дискурса между олигархическим и меритократическим принципом селекции элит. Речь фактически идет о том, какой путь в элиту самый предпочтительный и какими качественными параметрами должна обладать элита, чтобы максимально проявить свои творческие способности и профессиональные возможности. Поскольку элита является самой престижной и самой узловой по значимости и важности силой социокультурных отношений, то вопросы о том, какой она должна быть, как она должна формироваться и как осуществлять свои профессиональные функции, становятся одними из центральных в общественной науке. У каждой элиты ее генезис имеет уникальные особенности. Это как отпечатки пальцев рук человека. По этим «узорам» можно судить о том, что собой представляет конкретная элитная группа и отдельно взятый член этой группы.

Но *элита* – это всего лишь форма идеи господства. Содержанием этой идеи является *элитность* (внутреннее качество превосходства). А процесс развития и гармонизации формы и содержания определяется нами как *элитизация*, т.е. элитогенез. Современная элитология – это наука, стремящаяся раскрыть суть и содержание вышеуказанной триады «элита (форма) – элитность (содержание) – элитизация (генезис)». Самым адекватным на сегодняшний день путем селекции элиты является ее генезис через систему качественного образования. Поэтому одним из важнейших разделов элитологии является не политическая элитология, а элитология образования, понимаемая нами в духе инженерии элитной личности.

Ещё в средние века университет был кузницей кадров альтернативных аристократий элит (юристы, врачи, теологи), не входивших в число избранного дворянства, но крайне необходимых для нормального функционирования социума и политической системы. Уже в XIX в. известный английский философ и педагог Дж. Ньютон утверждал, что миссия университета заключается в том, чтобы *воспитывать джентльменов*, т.е. потенциальную элиту [12]. В информационный век зависимость элиты от образования будет лишь все возрастать, увеличивая её связи с высокими научными технологиями. В информационном обществе элите мало быть только политической или экономической, ей нужно и важно еще быть и научной, или, по крайней мере, научно просвещенной. Информационный мир не терпит дилетантов. Это мир высококачественных профессионалов. Только самоподготовкой и самообразованием желаемого результата достичь нельзя. Необходимо пройти через систему университетского универсального и специального образования.

Историками давно было замечено, что образованная элита – залог гражданской стабильности и национальной безопасности страны. Чем примитивнее культурный и образовательный уровень элиты, тем больше велика угроза непрофессионального ответа на вызов своей эпохи. В XXI в. многое будет зависеть от того, насколько реально качественное образование получили представители элитных групп. XX в. показал, что демократическое заигрывание элит с массами приводит к их собственному омассовлению (нравственному обнищанию, повальному увлечению PR-технологиями и катастрофическому снижению IQ). Смена парадигм – «восстания масс» на «восстание элит» – в первую очередь будет означать восстановление элитного качества самих элит, преодоление ими тех свойств и качеств, которые не являются характеристиками элит.

Есть элита, ставшая избранной в режиме жесткой и открытой системы конкурентного отбора, а есть элита, созданная по назначению властей. Между этими элитами такая же пропасть, как между каналом и канализацией. Селекция элит – многоступенчатый процесс отбора лучшего из хорошего. Он начинается с процесса выделения и отделения из обыденного и рядового всего неординарного и необычного; начинается и проходит как процесс выделения и усиления способностей индивида, ведущей к утверждению его как личности.

Идея университета. Изначально университет (от лат. *universitas* – совокупность, общность) задумывался как комплексное изучение систематизированных наук [13, р. 15–16]. Он мыслился как свободная корпорация студентов

и профессоров, объединенная общими интересами и целями. Идея свободы (немецкая модель) и дисциплины (французская модель) примирялись на почве получения необходимого передового знания. При этом длительное время университетское образование оставалось весьма дорогим удовольствием, которое могли себе позволить лишь состоятельные люди¹. В самой идее Университета была изначально заложена элита, как искомая цель. Существование университета оправдано, если он производит на свет элиту. Университет – самый совершенный механизм селекции элит. Иного системного способа отбора лучших из многих, мир еще не придумал. Главная задача университета – содействовать рождению меритократии.

В наше время наука становится важнее политики; Университет – важнее политбюро, а студент воспринимается уже не как область приложения розги, а как качественное вложение в человеческий капитал. Все руководители настоящего – это студенты прошлого, а все настоящие студенты – это потенциальные руководители будущего. Всё начинается со студенческой скамьи, и все национальные лидеры государств прошли через это. Как разглядеть в студенческой массе будущего национального лидера? Не всегда отличники по учебе становятся лидерами на практике.

Миссия университета должна исходить из ее основной идеи – производства личности, оцениваемой обществом в качестве субъекта элиты (научной, культурной, управленческой). Университет – это средство реализации жизненного проекта личности. Университет – это место существования т.н. протоэлит. Протоэлита – это сообщество потенциально возможных кандидатов в элитные группы; тех, кто еще не реализовал свой элитный потенциал, но пришел в университет с тем, что бы актуализировать и активизировать свои личностные достоинства. Задача университета – всячески содействовать раскрытию этих качеств, помогать, а не мешать их становлению.

В современных элитарных западных университетах идея элиты как цели их профессиональной деятельности доведена до своего полнейшего абсурда, поскольку оказалась полностью подчиненной интересам олигархии. Элитарными оказываются те вузы, которые имеют избыточное финансирование, т.е. используют финансовое преимущество в качестве своего профессионального превосходства. Все западные вузы, входящие в топ-100 самых лучших университетов мира, являются элитарными по своей сути [7]. Возникает один законный вопрос: насколько корректны критерии этих рейтингов, заточенные под англосаксонские реалии? Было замечено, что тот, кто рейтинги создает (заказывает), тот чаще всего в них и побеждает. Неизменным остается идейное противостояние элитного и элитарного, как глобального спора меритократического и олигархического принципа за право создавать элиты и руководить ими.

Каковы принципиальные отличия элитарного и элитного вуза? Постараемся прояснить терминологию и разобраться в ее сущности. Напомним, что *элитное* указывает на личное достоинство, на превосходство личности над ее статусом; преимуществом здесь является не социальное, а персональное качество; элитное есть господство содержания над формой. *Элитарное* – это, прежде всего, статусное преимущество, это вытекающие из иерархического превосходства кастовые привилегии; это воплощающий амбиции престиж; элитарное есть господство формы над содержанием.

Итак, Элитные вузы выдвигаются за счет своего качественного образования, элитарные – за счет использования своего финансового превосходства. Элитные вузы сами взращивают научную элиту, элитарные – ее покупают. Элитные вузы страдают от «утечки мозгов», элитарные на этой «уточки» наживаются и обогащаются. Деятельность элитных вузов нацелено на создание меритократии, активность элитарных – на воспроизводство элит, обслуживающих олигархат. Элитные вузы это свободная корпорация студентов и преподавателей объединенная общим научным творчеством; элитарные вузы – это подразделение олигархических структур, имитирующих деятельность элитных вузов. Элитные вузы живут в режиме социальной экономии, элитарные – в режиме материально-финансового изобилия.

Отмеченные принципиальные расхождения между элитным и элитарным принципами оценки, формирования и деятельности элиты определяют и сам непростой характер их взаимоотношений. Спор носит очевидный принципиальный характер. Настоящее время – время трансформации развитого индустриализма в ранний постиндустриализм – отмечается все еще сильными всплесками активности олигархии («элиты крови»), стремящейся помешать меритократии (элите знаний) окончательно утвердиться в качестве доминирующего и управляющего начала. Активность олигархии носит охранительный характер, они все еще пытаются сохранить свою власть в социокультурных традициях XX столетия.

Элитарные олигархические университеты. Проводимые англосаксонскими структурами многочисленные рейтинги, призваны лишний раз показать и доказать их мировое превосходство. Рейтинг – это еще один механизм давления на мир и в продвижении своих стандартов, своей системы ценностей. При этом из года в год «самые лучшие» вузы лишь меняются местами, что выглядит весьма демократично, но ни на йоту не отдают преимущество кому бы то ни было [сравни: 5 и 7]. Рейтинг – это самореклама. А самореклама Запада носит преимущественно олигархический, а не меритократический характер, поскольку рекламируются исключительно финансовые возможности их элитных сообществ. Отбери у этих элит печатный станок и их власть рухнет, и тогда они придумают тысячу новых способов, чтобы вновь оказаться во главе всемирного исторического процесса.

¹ Историки отмечают, что университетское образование изначально было лишь для весьма состоятельных лиц. И только с начала XX в. доступность высшего образования для широких масс населения непрерывно возрастала [13, р. 117]. До этого серьезным препятствием для этого была его высокая стоимость. Так, в Великобритании образование в XIX в. было доступно только для аристократов, и лишь в начале XX в. Лондонский университет сделал высшее образование более доступным для массового потребителя [13, р. 118–119].

Существующие рейтинги констатируют одну общую закономерность – прямую связь качества образования от количества финансовых вливаний. Для примера, эндаумент Гарвардского университета по итогам 2012 г. составил \$32,7 млрд, что сопоставимо с государственными бюджетами некоторых африканских стран [11]. Американские элитарные вузы могут существовать, только имея избыточное финансирование, т.е. всегда имея про запас значительную денежную массу. Они настолько избалованы сегодня таким избыточным финансированием, что утратили всякие охранительные инстинкты выживания в кризисных ситуациях. Случись какой-нибудь коллапс в США – первой обанкротится их университетская система.

История данного вопроса показывает, что олигархические университеты изначально имели финансово-материальное преимущество, которое и предопределило их элитарный статус. Так, основатель одного из самых престижных американских ун-тов Стэнфорд – магнат *Леланд Стэнфорд* (1824–1893) в 1891 г. пожертвовал на университет примерно 20 млн долл. США (400 млн в долларах 2005 г.). После таких мощных финансовых инъекций быть не элитарным стыдно, да и просто невозможно. На этом примере видно, что американский олигархат проявляет социальную ответственность и вкладывает значительные финансовые ресурсы в систему образования, здравоохранения и культуры. В этом как раз и заключается их патриотизм – престиж страны измеряется, в том числе, и элитарностью / элитностью образовательной системы. Университет – это лицо государства. По качеству даваемого в нем образования в XXI столетии будут судить о качественном уровне самой страны в целом.

Опыт американских университетов в общении с олигархами необходимо перенимать другими национальными системами. Речь не идет о слепом копировании, а о том, как сделать свой крупный капитал открытым для социальных и культурных проектов своего времени. В России существует очевидный дефицит социальной ответственности госкорпораций и олигархов, которые в погоне за сверхприбылью игнорируют развитие культуры, образования и здравоохранения¹. Но достучаться до совести олигархов, можно только их сильно испугав.

Корпоративная культура. Помимо избыточного финансового содержания для поддержки статуса элитного вуза необходимо еще и наличие определенной корпоративной культуры – для студенчества это соблюдение некоего «кодекса чести», для преподавателей – максимальная реализация своих творческих способностей в академической научной деятельности.

По первому корпоративному признаку студенческая масса с первого дня своего обучения в вузе обязана соблюдать определенный код поведения, который стимулирует развитие в них благородных качеств личного достоинства: ответственность, принципиальность, долг, честь... Примером здесь может быть известный «Кодекс чести» (*Honor Code*) Принстонского университета [10]. Другим важным моментом студенческой корпоративной культуры является воспитание в них лидерских качеств, что считается неременным условием культурной и психологической селекции элит. С начала 1990-х гг. в России в высшей школе внедрялись многочисленные программы по воспитанию лидерских качеств среди учащихся. Специалисты признают, что воспитание лидерских качеств у молодежи является делом повышенной ответственности [4].

По второму корпоративному признаку – академической научной активности преподавателей – речь идет о максимальном эффективном использовании ими своего творческого потенциала в развитии конкретных научных направлений; о высоком уровне признания их научного авторитета, измеряемого по шкале известности и престижа. В адрес ученых чаще всего звучит требование проявлять максимум творчества и инновации. Согласно Ф. Шлейермахеру (1768–1834), профессор должен демонстрировать студентам «акт создания» нового знания [14, Vol. III, p. 21]. Сама по себе элитология уже является инновационным учением и технологией, направленной на уточнения критериев, по которым воспроизводится качество самой элиты [см.: 1–2]. В настоящее время изучение элит и элитности выходит на новый уровень осмысления их реальности [см.: 3; 8–9]. Наступает время системного изучения феномена элиты, как системы формы и содержания (элиты и элитности).

Выводы. Если реализовать полностью все заложенные в системе университетского образования средства и возможности, то получится потенциально идеальная элита. Универсум высшего образования как раз и заточен на создание элитной касты специалистов. Иного оправдания своего существования у университета нет и быть не может. При таком подходе все учебные заведения должны стремиться к тому, чтобы быть элитными. И это их стремление проявляется всякий раз, когда речь заходит о совершенствовании учебного процесса и материально-технической базы. Всё дело в том, что одни вузы это намерение реализуют, тогда как другие, лишь заявляют о своем намерении или терпят неудачу в процессе реализации этой поставленной элитарной идеи.

На основе приведенного выше материала постараемся сделать некоторые выводы. Прежде всего, следует обратить внимание на социальную ответственность олигархата, на то, что у истоков элитарности Университетов стоит крупный капитал. Именно подобного рода альтруизма и не хватает российской олигархии (вывод: надо заставить (стимулировать) олигархов быть социально ответственными). Второй важный вывод – это усиленная работа со студенческой протоэлитой по воспитанию в ней чувств лидерства, культа личной чести и способности реализовывать свои персональные достоинства. И, наконец, главный перспективный вывод: университет это место и средство формирования меритократии, поэтому доминирующие в настоящее время олигархические тенденции рано или поздно должны будут сойти на нет, уступив место новым постиндустриальным принципам и технологиям. Будущее

¹ По данным журнала *Forbes*, в 2016 г. в рейтинг самых богатых людей России вошло 77 долларовых миллиардеров.

университета и всего человечества за меритократией, поэтому олигархия (если желает исторически уцелеть), должна сама активно содействовать её формированию и приходу к власти.

Список литературы

1. Ашин Г. К. Элитология и обществознание // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 4 (25).
2. Ашин Г. К. Элитология как российская инновация // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1 (26).
3. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь / под ред. проф. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделкова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
4. Мухина В., Ермоленко Г., Сидоришин Ф. Программа «Будущие лидеры России» – 6 лет // Развитие личности. 1998. № 2. С. 4–14.
5. Названы 100 лучших вузов мира – РЕЙТИНГ. 06.03.2013. Режим доступа: <http://news.day.az/unusual/387953.html>.
6. Понеделков А. В., Аверин А. Н., Магомедов К. О. Кадровый потенциал политико-административной элиты и его роль в реализации государственной социальной политики // Элитология и стратегии развития современной России. Ростов н/Д, 2016. С. 321–345.
7. Рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info>.
8. Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
9. Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. 420 с.
10. Acknowledging Your Sources. 2016. Режим доступа: <http://www.princeton.edu/pr/pub/integrity/pages/sources/>.
11. Harvard Management Company Endowment Report. Message from the CEO. September 2013. Режим доступа: http://www.hmc.harvard.edu/docs/Final_Annual_Report_2013.pdf.
12. Newman on University Education / ed. by Roger J. McHugh. Clonskeagh, Brown and Nolan, 1944. XLVIII. 167 p.
13. Rudy, The Universities of Europe, 1100–1914. N.J., Prentice Hall, 1987.
14. A History of the University in Europe, Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945). 2004. 764 p.

FROM ELITE EDUCATION TO INCLUSIVE EDUCATION

Hekyung Kim,

Ph.D., Dongseo University, Korea

For the last decade, Korean universities had focused on elite education. The key words in elite education had been internalization, creative thinking, and leadership. Under this education policy, programs were devised only to meet the needs of a group of outstanding achievement students. But now with our communities being diversified and discovering the individual needs of students being valued to develop individual strengths and gifts, inclusive education is being put into practice in many universities in Korea. Inclusive education requires strong leadership from university president and administrators, lecturers' different teaching methods to meet the needs of individuals and their different education goals, and restructuring classes, to name a few.

ОТ ОБРАЗОВАНИЯ ЭЛИТНОГО К ОБРАЗОВАНИЮ ВКЛЮЧЁННОМУ

Ким ХеКюн,

доктор философии, Университет Донгseo, Корея

За последние десять лет корейские вузы уделяли основное внимание элитному образованию, в котором роль ключевых понятий играют закрытость и исключительность, творческое мышление и лидерство. В условиях подобной образовательной политики учебные программы разрабатывались с расчётом лишь на небольшой круг студентов, продемонстрировавших выдающиеся достижения. Однако с учётом того, что в современном обществе, отличающемся своим разнообразием, преобладают тенденции уделить индивидуальное внимание каждому студенту для того чтобы развивать присущие лично ему способности и сильные стороны, во многих университетах Кореи в настоящее время внедряется включённое образование. От руководства вузов оно требует, как минимум, чёткого и эффективного управления, а от преподавателей университетов – использования ряда методик преподавания и перестройки учебных занятий; при этом должны быть учтены потребности каждого студента, равно как и цели получения им образования.

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ЛИДЕРСТВА И SOFT SKILLS В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И МЕДИАКУЛЬТУРЕ¹

Баева Людмила Владимировна,
*доктор философских наук, профессор,
декан факультета социальных коммуникаций,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Будущее современного общества связывается с формированием компетенций, которые могли бы способствовать адаптации и развитию личности к условиям высокотехнологичного общества, глобализационной открытости, межкультурной коммуникации. Исследовательский центр в области образования при Европейской комиссии совместно с Институтом перспектив Технологий обучения в рамках проекта «Европейское обучение – 2020» сформулировали навыки, которые будут нужны человеку в ближайшем будущем. К таким качествам относятся: межличностная коммуникация, лидерство, командная работа, управление проектами и людьми, навыки ведения переговоров, управление конфликтами и рисками, знание иностранных языков, умение работать в условиях многозадачности, творчество [2].

Значительная роль, по мнению современных работодателей, принадлежит сегодня так называемым soft skills – мягким или социальным навыкам, формирование которых происходит при взаимодействии людей в процессе решения практических и теоретических задач. Так, руководитель «Сбербанка» Г. Греф отметил, что сегодня «особенно важны так называемые универсальные, или базовые, компетенции – soft skills. Это связано с тем, что профессиональные навыки или hard skills в современном мире меняются молниеносно, а умение учиться, работать с информацией и критически мыслить способны помочь человеку освоиться и сохранить свою профессиональную ценность» [1]. Различия между soft и hard skills заключаются в том, первые представляют собой профессиональные, а вторые социальные компетенции: hard skills являются навыками работы преимущественно с машинами, soft skills – навыками работы с людьми и проектами [9]. К мягким или социальным навыкам относят коммуникабельность, вежливость, организованность, умение работать в команде, пунктуальность, критическое мышление, креативность, гибкость, дружелюбность, лидерские качества, умение решать сложные задачи, умение слышать, слушать и договариваться, планировать свою деятельность, навыки тайм-менеджмента, умение работать с информацией, стрессоустойчивость, обучаемость и многие др. [12]. Сегодня практически невозможно найти профессии, в которых были бы не актуальны soft skills. Несмотря на то, что в информационном мире человек может работать относительно автономно, выполнять свои задачи посредством электронного офиса или проходить обучение дистанционно, навыки взаимодействия остаются широко востребованными. Это связано, прежде всего, со спецификой самой электронной культуры, информационного общества, которое отличается значительной открытостью, высокой ролью социальных сетей, необходимостью постоянной передачи и получения информации.

Термин «мягкие навыки», согласно толковому словарю английского языка, определяется как «желательные качества сотрудников, которые не зависят от приобретенных знаний: они включают в себя чувство общности с другими, умение работать с людьми, позитивный и гибкий подход» [8]. По мнению Парсонса, мягкие навыки – это черты характера, которые улучшают взаимодействие человека, производительность труда, и перспективы карьерного роста [11]. Главной особенностью soft skills является то, что их применение не ограничивается одной профессией. Мягкие навыки постоянно развиваются через практику в течение как рабочей, так и повседневной жизни, особенно это касается навыков межличностного общения [11].

Soft skills называют «прикладными навыками» или «навыками XXI века» [10]. Их роль при приеме на работу может оказаться принципиальной при прочих равных знаниях претендентов. Веллингтон отмечает, что мягкие навыки, прежде всего, готовность и умение позитивно взаимодействовать с другими, является важнейшими при приеме на работу не только в качестве менеджеров, но и специалистов в области работы с информационными технологиями [13]. Специфика информационного социума и современной электронной культуры формирует человека, который должен быть способен к поиску и передаче разнообразной информации, критическому и системному анализу в условиях многозадачности. Формы обучения в этих условиях значительно трансформировались, поскольку традиционные методы перестали быть эффективными и адекватными современным новым технологическим условиям. Если обратиться к вопросу о том, каковы же мягкие навыки современного лидера в условиях информационного социума, то необходимо дать некоторую характеристику особенностям электронной и медиакультуры, которые являются основой жизненного мира современного человека. В наиболее общем плане электронная культура может быть определена как совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения IT-инноваций, характеризующаяся созданием единого информационного пространства, виртуальной формой выражения, применением дистанционной технологией. Феномены электронной культуры можно объединить в две основных группы: 1) электронно-цифровая форма для реальных культурных объектов (электронные музеи, библиотеки, выставки и др.); 2) электронно-цифровые объекты культуры, созданные с помощью ИКТ (компьютерные программы, сети, технологии, компьютерные игры, электронное искусство др.) Электронная по форме и сути культура является продолжением, разви-

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 16-18-10162 «Новый тип рациональности в эпоху медиального поворота», СПбГУ.

тием «реальной», ставшей сегодня (чтобы сохранить свою ценность и конкурентность) электронной в технологическом выражении. К особенностям электронной культуры относятся свободный доступ, открытость для обладателей информационными ресурсами); дигитальность, существование объектов без контакта с «личного» субъектом; интерактивный характер взаимодействия субъекта и объектов, предполагающий участие в формировании информационного контента; плюрализм контента, в том числе этический и ценностный; симуляционный статус объектов культуры (существование в искусственно созданной реальности); преобладание визуального восприятия над смысловым; быстрая обновляемость и быстрое устаревание объектов; развлекательно-игровой характер, формирующийся в условиях общества потребления благ и услуг; повышенная роль медиа, средств коммуникации и связи, которые сами становятся объектами электронной культуры и ее модераторами [7].

В условиях развития электронной культуры информационные технологии становятся фактором развития экономического уклада, социальной среды, жизненного мира человека, а средства связи или медиа превращаются в модераторов мышления и мировоззрения. М. Маклюэн полагал, что медиасреда охватывает все артефакты, исключая, пожалуй, лишь природные объекты [4]. В условиях информационной эпохи медиафон, во многом незаметный ранее, становится все более явным, объявляющим свое присутствие и влияние. Маклюэн подчеркивал три важнейших свойства медиасреды: эмерджентность, незаметность и перманентную изменчивость. Медиа порождают энергию небывалого масштаба, формирующую смыслы и образы, структуры и паттерны, идеи и ценности. При этом медиафон практически неуловим, проникает повсюду, становится подобным воздуху или вирусу. В современных технологических условиях он постоянно изменяется и принимает новые формы (блоги, сети, электронные библиотеки, музеи, магазины и прочее). Медиа становится источником культурного кодирования, моделирования сознания, поэтому им в настоящее время во многом отводится важная роль в формировании особого типа рациональности и мышления. Специфика медиа состоит в их посредничестве при передаче некоего сообщения, послания от субъекта к субъекту.

Ведущий теоретик-аналитик информационной культуры М. Кастельс отмечал, что информационная технология инициирует сетевую логику изменений в социальной системе [3]. Постоянное перенаправление информации становится своеобразным «поток», пребывание в котором для современного субъекта придает чувство вовлеченности. Современный человек в условиях электронной культуры – это био-социо-электронный субъект, который посредством информационных медиа моделирует окружающее пространство. При этом происходит и формирование новой базовой потребности индивида – самому быть частью и актором социальной медиасреды. В противном случае существование человека выпадает из единого «потока», становится маргинальным, то есть существующим вне логики электронной культуры. В условиях информационной медиареальности важнейшими социальными навыками становятся: отбор, критическая обработка и использование информации, умение создавать новое, обучаться, обладать гибкостью, готовность переходить на новые ресурсы и технологии, умение управлять проектами и командами с применением информационных систем, социальных сетей, дистанционных форм менеджмента. Лидером становится тот, кто способен к созданию и оперированию наиболее значимой информацией, оказывающей влияние на значительное количество людей. Следовательно, ее творчество, аналитика, критическое восприятие, управление информацией оказываются важнейшими компетенциями лидеров и новой элиты информационного мира.

Ключевым навыком эпохи медиа становится коммуникация, постоянная передача информации, идей, образов, знаний, наполняющих жизненный мир современного человека. В информационном пространстве коммуникация концентрируется в социальных сетях, присутствие в которых имеет различные функции (от рекреации, досуга, бизнеса и кибертерроризма). С каждым годом число пользователей социальных сетей увеличивается. Исследование ФОМ 2016 г. показывает 87 % россиян являются пользователями различных соцсетей, 37 % по несколько раз в день заходят в сеть для общения или получения информации [6]. В обществе формируется своего рода потребность получать и передавать информацию, поддерживать виртуальное общение. Особенностью информационной эпохи становится тенденция к постепенному вытеснению реальной коммуникации – виртуальным взаимодействием. Чертами виртуальной коммуникации становится глобальность, стирание статусных, пространственных, языковых границ, повышенное внимание к самопрезентации, прагматический или гедонистический характер и др. В процессе виртуальной коммуникации медиа выступают не просто посредниками, но и полноправными участниками процесса общения, обретают свой способ подачи информации, характер интерпретации, форму визуализации и др. Коммуникация посредством электронных медиа становится массовым обменом информации, уподобляя человека передающему устройству, самому становящимся медиатором единой сети.

В этих технологических условиях лидерство оказывается у тех, кто наиболее адаптирован к условиям электронной культуры, кто способен использовать этот ресурс для социального взаимодействия, роста производительности труда, творчества новых идей и продуктов. В системе мягких навыков лидера в этих условиях оказывается информационная культура как «интегративная способность личности, проявляющаяся в освоении, владении, применении, преобразовании информации с применением информационных технологий и применением этих умений в обучении и в дальнейшей профессиональной деятельности» [5]. В более широком смысле информационная культура включает в себя теоретические знания и практические навыки, которые предоставляют возможность свободно и эффективно ориентироваться в пространстве информации, принимать активное участие в его формировании и с помощью технологических ресурсов способствовать информационному взаимодействию. Современный лидер оказывается модератором информации, мышления, направлений деятельности его команды (коллектива), от уровня развития его информационной культуры и понимания возможностей медиа- и киберпространства зависят продуктивность и успешность его действий. Современный лидер это медийный субъект, живущий по законам ме-

диакультуры, формирующий имидж своей компании посредством самых передовых технологий. Скорость обновления технологии в информационном социуме становится одним из факторов его продвижения, при высоком уровне владения информационной культурой.

Список литературы

1. Греф Г. Инновационная практика: наука плюс бизнес. Режим доступа: <http://scienceplusbusiness.ru/congress2016>.
2. Европейское обучение – 2020. Режим доступа: <http://www.smart-edu.com/learning-in-europe-2020.html>.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: НИУ ВШЭ, 2000.
4. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007.
5. Нурмеева Н. Р. Формирование информационной культуры как отражение современных требований информационного общества. *Educational Technology & Society*. 2008. № 11(4). Режим доступа: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v11_i4/html/11.htm.
6. ФОМ: Онлайн-практики россиян: Социальные сети, январь 2016. Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495>.
7. Baeva L. V. E-Culture. *Encyclopedia of Information Science and Technology*. USA. P. 6847–6854.
8. Dictionary of English. Режим доступа: <http://dictionary.reference.com/browse/softskills/>.
9. Evenson R. Soft skills, hard sell // *Techniques: Making Education & Career Connections*, 1999. № 74 (3). P. 29–31
10. Gewertz C. Soft skills in big demand: Interest in teaching students habits of mind for success in life is on the rise // *Education Week*. 2007. № 26 (40). P. 25–27.
11. Parsons T. L. Definition: Soft skills. 2008. Режим доступа: <http://searchcio.techtarget.com/definition/soft-skills>.
12. Robles M. M. Executive Perceptions of the Top 10 Soft Skills Needed in Today's Workplace // *Business Communication Quarterly*. 2012. № 75 (4). P. 453–465.
13. Wellington J. K. The "soft skills" of success: Be it high tech, low tech, or no tech // *Vital Speeches of the Day*. 2005. № 71. P. 628.

ФОРМИРОВАНИЕ «БОЛЬШИХ УМОВ» – ЛИДЕРОВ СОВРЕМЕННОСТИ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛИЗАЦИЮ

Гамидов Санан Салех оглы,
кандидат политических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

В современном мире динамика процессов, происходящих в мировой политической арене, растет с большой скоростью, тем самым постоянно меняя миропорядок, ужесточает конкуренцию между странами. Идущий процесс глобализации создает новые возможности, открывая доступ к знаниям, опыту, культуре других обществ, к международным рынкам капиталов, современных технологий, инновационных продуктов, стимулирует конкурентоспособность. В условиях глобальной конкуренции, на первый план выходят страны, способные к быстрой адаптации в постоянно меняющейся среде, которые сохраняют конкурентоспособность за счет непрерывного развития экономического потенциала.

Современные экономика и общество все в большей степени становятся креативными, главными продуктами которых являются новые идеи и инновации в различных областях деятельности. Человеческий капитал становится основным источником экономического развития и мирового лидерства. Успешность стран будет обуславливаться качеством граждан, интеллектуального, духовного и морального состояния общества [3, с. 4].

Постоянно изменяющаяся среда влечет за собой необходимость постоянного совершенствования человеческого капитала, которая в современном мире является конкурентным преимуществом любого развитого государства. Одной из важных задач современного государства для поддержания конкурентоспособности является улучшение производительности труда. Современная глобальная конкуренция в области развития человеческого капитала актуализирует проблему интенсивного развития человеческого капитала и инновационного потенциала современных стран, основным носителем которого являются специалисты, умеющие постоянно генерировать новые креативные идеи, развивать свою деятельность и окружающую среду.

Динамичное изменение окружающей среды влияет на условия развития человеческого капитала. Эти условия в свою очередь определяют направления развития современных лидерских школ различных государств. В таких условиях, лидерские школы находятся в состоянии постоянного изучения природы вызовов, с которыми постоянно сталкиваются современные лидеры, за счет чего и совершенствуются программы развития лидерства. Если изучить исследования различных лидерских школ в промежутке между 2005 и 2010 гг., то можно сделать следующий вывод: «Развитие лидерства раньше было сфокусировано на личности и стало чрезмерно элитарным». Сегодня происходит переход от старой парадигмы, в которой лидерство основывалось на человеке или должности, к новой, в которой лидерство является коллективным процессом, распространяющимся на множество людей. Учитывая то, что среда стала более сложной, изменчивой и непредсказуемой, изменился и набор компетенций лидерства. Современному лидеру требуется такие компетенции, как адаптивность, самосознание, «сетевое» и критическое мышление, умение ориентироваться в нестандартных ситуациях и принимать решения. Получается, что новые условия среды требуют перехода от изолированных поведенческих компетенций к способности мыслить комплексно. Это, в свою очередь, предполагает наличие таких адаптивных компетенций, как быстрая обучаемость, самосознание, умение чувствовать

себя комфортно в ситуациях неопределенности и стратегическое мышление, а именно появляется необходимость в формировании «больших умов» [2, с. 6].

Для создания условий формирования «больших» умов современные лидерские школы участвуют в разработке молодежной политики, направленной на расширение возможностей молодежи для эффективной самореализации, успешной социализации и роста человеческого капитала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития и конкурентоспособности.

В настоящее время, почти во всех высших учебных заведениях проводятся специальные программы, в рамках которых проводятся разнообразные мероприятия по развитию личностей студентов как будущих лидеров, что определяет образовательные учреждения как лидерские школы. Данные программы помогают развиваться студентам, как креативно мыслящим личностям, вырабатывают в них лидерские качества, способность работать в команде и вести массовую, межличностную коммуникацию. В таком случае задачей современной образовательной среды является использование новейших технологий в формировании новых компетенций лидерства, используя в обучении проектный подход. Реализация такого подхода позволяет личностное, межличностное и профессиональное становление современной молодежи, через их социализацию.

Управление социализацией осуществляется посредством процессного подхода, отвечающего философии всемирной инициативы CDIO: «Задумка – Проектирование – Реализация – Управление», автором и соучредителем которой является Эдвард Кроули (Edward F. Crawley), профессор авиационной, аэрокосмической и инженерных систем Массачусетского технологического университета. На первых и вторых стадиях возникают идеи и планируются мероприятия, технологии по формированию условий образовательной среды, продуцирующих становление определенного типа компетенций (личностных, межличностных, профессиональных компетенций или их комплекса). На третьей и четвертой стадиях происходит реализация данных проектов (мероприятий), мониторинг их эффективности, осуществляется выявление «проблемных точек», разработка мер по повышению качества процесса [2, с. 151].

На практике это происходит через запуск проектов. Студенческое сообщество задумывает проект, определяет условия проекта (инициативность, массовость, точно вовремя, системность, доступность, партнерство с администрацией университета), каждый из которых направлен на развитие определенных навыков у студентов. Например, инициативность – творческое мышление, массовость – умение работать в команде, точно вовремя – умение принимать решение в критических условиях, доступность – умение правильно подать проект, для привлечения участников, партнерство – умение правильно представить проект, для привлечения ресурсов и т.д. Реализация проекта происходит именно самими студентами, после чего сообщество готовится к новым проектам. И так происходит постоянное психологическое и физическое удерживание студентов, в процессе чего происходят качественные изменения в развитии студентов, прежде всего в их способности к коммуникациям, выстраивании новых актуальных и современных отношений, формирование «больших» умов, а именно развитие у студентов стратегического и системного мышления, сотрудничества, умения быть лидером изменений и комфортно себя чувствовать в ситуациях неопределенности. В итоге образовательное учреждение превращается в холдинг, внутри которого создаются условия для формирования у студентов лидерских качеств, критического мышления, креативности, развития индивидуального и коллективного IQ, через выстраивание эффективных коммуникаций и опыта работы в командах. В таких условиях обучающиеся вне учебы могут реализовать свои инициативы и идеи, участвовать в управлении различных проектов, развивать свои навыки. Люди развиваются быстрее, когда чувствуют ответственность за собственный прогресс. Это значит, что через социализацию студентов образовательным учреждениям следует выращивать постоянных победителей, которые на психологическом уровне настроены на решение задач любой сложности, а именно креативных лидеров, которые имеют навыки нестандартного подхода к решению проблем. Это позволит им комфортно чувствовать себя в ситуациях неопределенности, выходя постоянно из зоны комфорта планировать, предвидеть изменения и управлять ими.

Таким образом, глобальная конкуренция формирует естественный переход к инновациям в области развития человеческого капитала, стимулирует постоянное совершенствование навыков и компетенций современных специалистов. Политические игры мировых держав создают нестабильную среду, где всем современным странам приходится постоянно менять условия реализации экономического потенциала, выстраивать новые отношения с различными партнерами, исходя из своих политических и экономических интересов. В таких условиях, для более успешного развития таких отношений требуется гибкая экономика. Она способна перестраиваться в очень короткий период, что в свою очередь зависит от гибких и выдерживающих постоянные динамичные и интенсивные изменения лидеров, умеющих управлять этими изменениями, креативно мыслить, экспериментировать с новыми подходами. Современные государства должны выстраивать молодежную политику таким образом, чтобы в рамках этой политики молодежь смогла постоянно развивать различные компетенции и соответствовать современным требованиям, определяющим конкурентоспособного лидера, который обладает комплексным и адаптивным мышлением, а именно обладать такими компетенциями как быстрая обучаемость, самосознание, умение чувствовать себя комфортно в ситуациях неопределенности и стратегическое мышление. Следовательно, современному государству, для мирового лидерства нужно придерживаться активной политики в формировании «больших умов» в области кадрового резерва менеджеров. Для реализации такой политики большое значение имеют современные образовательные учреждения, которым следует реализовать образовательные программы, предполагающие достаточное количество практической и внеучебной деятельности, также программы социализации студентов, в рамках которой происходит формирование «больших» умов.

Список литературы

1. Лунёв А. П., Храпов С. А. Управление социализацией студенчества как механизм роста человеческого капитала России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2013. № 1.
2. Ник Петри. Тенденции в развитии лидерства. Центр креативного лидерства. 2011. С. 36.
3. Стратегия развития Российской молодежи на период до 2025 года. Режим доступа: <https://fdm.gov.ru>.

ЭЛИТАРНОСТЬ И ОБРАЗОВАННОСТЬ: ГЕНЕЗИС ВЗАИМОСВЯЗИ

Резаков Равиль Гарифович,

*доктор педагогических наук, профессор,
начальник управления научных исследований и разработок
Московского городского педагогического университета,
профессор кафедры теории и истории педагогики
Института педагогики и психологии ГАОУ ВО МГПУ, г. Москва*

Не является секретом, что возрастание роли политических, экономических, интеллектуальных и духовных элит в современном обществе влечёт за собой интерес к изучению и исследованию элитарных концепций. А рассмотрение генезиса концептуальных подходов неизбежно приводит к необходимости всестороннего содержательного анализа.

Из всего многообразия терминологического содержания мы рассмотрим взаимосвязь *элитарности и образованности*, предполагая, что *элитарность в современной России теряет свою непреложную связь с образованностью*. Прежде чем мы перейдём к объяснению этой позиции, определимся с терминологическим содержанием.

Понятие «**элитарность**» рассматривается как сложное, многостороннее явление, подразумевающее принадлежность к идеальному состоянию, к избранному. В широком смысле «элитарность» означает свойственность элите, принадлежность к месту в статусной иерархии, и в нашем случае **не имеет** отношение к понятию «элитарное образование». Данное понятие, по мнению Г.К. Ашина, означает «...образование для узкого круга, предназначенное для выходцев из знатных («элита крови») и наиболее состоятельных семей («элита богатства») [1, с. 543]. Н.С. Пряжников считает, что элитарность противоречивое понятие, требующее не только понимание высших идеальных образцов подлинной элитарности, но и понимание отношения к ним людей незлитарных (людей массы) [2, с. 17]. Так как элитарность определяется внутренним сознанием человека, то во многом зависит, как он сам определяет свой идеал, и какими путями он его стремится достигнуть, и ни всегда этот путь может нравственным с «библейских» идеальных правил бытия.

По отношению к человеку, образование выступает как средство развития его личности, а с точки зрения общественных функций образование выступает как средство передачи социального опыта и социальной наследственности [3, с. 35]. Рассматривая «**образованность**» как результат образования, необходимо понимать, что это не только способность непрерывно учиться, самостоятельно добывать информацию, ставить и решать задачи в различных предметных сферах на креативных началах, но и основа конкурентоспособности и профессиональной компетентности, которые в целом определяют социально-профессиональную характеристику личности.

Дав краткую, но не всеобъемлющую характеристику терминам «образованность» и «элитарность», рассмотрим, что легло в основу их объединения, какие свойства присущие этим предметным направлениям, дающие возможность рассмотреть их в единстве и расхождении. Одним из таких объединяющих признаков являются ценностные ориентации в их многозначном понимании (философском, психологическом, педагогическом и т.д.).

Все величайшие античные философы (Демокрит, Платон, Аристотель), представители педагогической и психологической мысли эпох Возрождения и Просвещения уделяли немало внимания ценности образования человека. А также, элитарным ценностным ориентациям, которые напрямую можно соотнести с ценностными ориентациями, так как они направлены на улучшение самого человека, на его элитарность за счёт устремленности к идеалам человеческого развития, желания стать лучшим.

Желание стать лучше, достичь определенного жизненного и личностного идеала, напрямую связано с профессиональным и жизненным утверждением в определенной иерархической структуре.

Вопрос иерархизации общества обозначил в своей работе П.Л. Карабущенко, который дал характеристику XIX и XX столетию как переходу «от массового и поэтому всегда усредненного образования к образованию элитному, от всегда деструктивной и потому конфликтной массовой психологии к элитарному сознанию» [4]. Он также подчеркивает, что утверждение основ постиндустриализма, приведет к перестройке элиты по трем параметрам «избранности»: интеллектуализму, профессионализму и креативности, что будет соответствовать изменению элитарного сознания, элитарного образования и элитарной культуры.

В рамках элитизации сознания первооснова закладывается Р. Декартом, так, известная его фраза «мыслю, следовательно, существую», которая говорит о субъективизации души, приравнивается к индивидуальному сознанию, к тому осознанию, что ставит человека выше всех живых существ.

Обращаясь к истокам возникновения элитологии как научной дисциплины, и одной её составляющей философской элитологии, которая в свою очередь подразделяется на: элитологическую онтологию, элитологическую гносеологию, элитологическую философскую антропологию, элитологический персонализм. Различные концепции элитизма строятся на основе трёх основных положений. Во-первых, это признание неравенства людей и неизбежности социальной и политической дифференциации общества. Во-вторых, акцентирование неизбежности выделения в дифференцированном обществе групп и лиц, осуществляющих власть. В-третьих, констатация неизбежности отстранения большинства людей от процесса осуществления власти или ограничения их участия во власти [6, с. 7].

Здесь уместно напомнить, что элитарность это осознание и переживание своего места в статусной иерархии, которая соотносится с недостижимой для других этой высоты. Это совпадает с высказанной мыслью известного П. Сорокина о социальной стратификации, который первым дал теоретическую и доказательную базу неравенства по горизонтали и вертикали социальных статусов. Он показал четыре главных измерения стратификации – неодинаковые доходы, доступ к власти, уровень образования, престиж профессии [5].

В условиях функционирования постиндустриального общества ведущую трансформацию приобретает образование как одна составляющих культурного, социального и интеллектуального капитала. Также, велика роль престижа как субъективного показателя стратификации, здесь подразумевается, понимание «престижа» как уважение статуса, сложившееся в общественном сознании, и оно, как правило, определяется общественным престижем различных профессий. Т.е. социологи одним из базисных видов стратификации выделяют – профессиональный (престиж).

Принадлежность к элите социологами рассматривается на основании двух составляющих – субъективной (психологическая идентификация с определенным слоем) и объективной (социальное вхождение в определённый слой). Рассматривая объективные показатели: доход, власть, образование, престиж, социологи считают, что крупное состояние, высокое образование, большая власть и высокий профессиональный престиж – необходимые условия для того, чтобы вас могли отнести к высшей страте общества, т.е. к элите [7, с. 210–214].

Чаще всего образованность понимается как качество личности, «характеризующее способность человека использовать в своей жизнедеятельности освоенные им продукты материального и духовного труда людей, т.е. их прошлого опыта и включать их в свой собственный опыт, руководствуясь действующими социальными нормами и духовными ценностями в обществе. На практике образованность заключается в объеме информации (знаний, умений, навыков), позволяющей правильно мыслить в пределах существующей системы представлений, рассуждать, стремиться к благу, оценивать последствия своих действий» [16]. Помимо этого образованность определяется также и умением человека осмысливать явления собственной духовной жизни, рефлексировать, планировать свое интеллектуальное развитие, дисциплинировать свою волю. Образованность указывает на цельность существующей у личности картины мира, цельность той аксиологической системы координат, которые ведут ее по жизни. При этом выделяют самые различные уровни образованности: от бытовой до академической. Образованность означает завершенное состояние личности, достижение ею уровня самодостаточности, реализации своего творческого потенциала и достижение профессионального признания. И высшей точкой («АКМЕ») этого профессионального и творческого успеха является признание за ней статуса элитности [9].

Элитность является высшим уровнем образованности. Качество научной элиты как раз и измеряется уровнем ее элитности – оценка уровня ее интеллектуальной деятельности, меры креативности, эффективности и инновации. Как правило, элитность в науке связана с активной творческой интеллектуальной деятельностью ученого. Одной из реальных оценок качества такого творческого процесса является понятие «интеллектуальная собственность». В соответствии с «Всеобщей декларацией прав человека», «каждый человек имеет право на защиту своих моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является» (*The Universal Declaration of Human Rights, Article 27*). В основе морального («Личностного») аргумента лежит идея о том, что каждый человек имеет право выделить простой объект и переделать его по своему желанию. Европейский закон об интеллектуальной собственности формируется на этом понятии, что идеи это продолжение человека и его личности [23].

Интеллектуальная собственность и, в частности, патенты, является средством для «технологического продвижения вперед, экономического роста и создания богатства для всех стран» [13]. В научной литературе можно встретить такой эпитет, как «новое золото нашего времени», которое ждет своей разработки и использования. Причем «золото» это носит преимущественно интеллектуальный характер, что укрепляет позиции принципов постиндустриального общества, которому соответствует т.н. «элита знаний» (или меритократия). Все возрастающая опора на патентную систему наиболее наглядно проявляется в стремительном развитии и применении патентных стратегий и роста международного лицензирования в последние годы [14, с. 65]. Напомним, что патент – это право интеллектуальной собственности на изобретение техники [21, р. 158]. Обращает на себя внимание то, что уже в самом определении понятия «патент» и «интеллектуальная собственность» изначально заложен и присутствует принцип элитности (т.е. качественного превосходства).

С этим связано выяснение еще одного элитного качества интеллектуальной деятельности – эффект инновации. Как отмечается в документах Евростата, патентная статистика составляет основу для оценки уровня инновационной активности стран и регионов, поскольку «преобразование технологических знаний в экономический рост и благосостояние является одним из ключей к повышению способности к конкуренции любой страны в современной экономике», а данные патентной статистики «все больше используются в политике инноваций или в офисах патентов, чтобы контролировать события в этих областях» [21, р. 158]. Ради справедливости отметим, что патентные ин-

дикаторы также имеют и ряд недостатков, главными из которых являются то, что не все изобретения могут быть запатентованы, и то, что не все патенты имеют одинаковую стоимость их применения, а, следовательно, и неравную величину их первоначальной оценки. Поэтому, чтобы быть запатентованным, изобретение должно соответствовать нескольким условиям: 1) оно должно быть новым, 2) быть способным к индустриальному применению и 3) не быть «исключением» [19, р. 160].

Научная элита занята в сфере производства интеллектуальной собственности. Причем чаще всего речь идет или о производстве стратегически важного знания, или о сфере т.н. высоких технологий. Статистический анализ последних лет убедительно показывает, что Запад медленно, но стабильно начинает утрачивать монополию на интеллектуальную собственность. Согласно статистике «Всемирной организации интеллектуальной собственности» (ВОИС – World Intellectual Property Organization, WIPO) [15], доля развитых стран (с высоким уровнем дохода) за период с 2004 по 2011 г. снизилась: по числу поданных патентных заявок – с 82,7 до 67 %, по числу заявок на торговые марки – с 55,5 до 45,1 %, по заявкам на промышленный дизайн – с 52,5 до 24,9 % [22]. В этот же период доля стран со средними доходами, к числу которых относятся быстро растущие развивающиеся страны, выросла: по патентным заявкам на изобретения – с 14,9 до 29,8 %, по заявкам на торговые марки – с 34,3 до 43,9 %, по заявкам на дизайн – с 42,4 до 72 %. При этом Китай увеличил свое участие: по патентным заявкам на изобретения – с 8,3 до 24,6 %, по заявкам на торговые марки – с 13,4 до 22,8 %, по заявкам на дизайн – с 33,4 до 68,1 % [22].

В 2011 г. Китай окончательно вышел на первое место по количеству полученных заявок на все виды интеллектуальной собственности, впервые обогнав США. Если в 1995–2009 гг. вклад Китая в рост числа патентных заявок составил 37,2 %, при том, что вклад США был 28,6 %, а ЕС – 9,3 %, то в 2009–2011 гг. вклад Китая в общий рост увеличился до 72,1 %, а США снизился до 16,2 %, ЕС – до 2,8 % [22, р. 24]. Из-за либеральных реформ 1990-х г. Россия выпала из списка лидеров в производстве интеллектуальной собственности. Согласно вице-президенту РАН Жоресу Алферову, РФ до сих пор не удалось выбраться с обочины технологического прогресса, на которую мы оказались выброшенными в «лихие девяностые» [8]. Лишь в 2010-е гг. Россия начала медленно вылезать из той «ямы», в которую она угодила в конце XX в., и постепенно возвращаться в число ведущих стран мира [см.: 17–18]. Элитная система образования как раз и предусматривает эффективное внедрение в систему обучения передовых научных технологий, прошедших мировую экспертизу. Приведенные данные указывают на то, что такие технологии имеются, но не все они могут быть использованы в образовательных целях. Однако сама информация об их существовании представляет собой прекрасную базу данных для проведения научных исследований в рамках подготовки профессиональных специалистов.

Ещё раз отметим, что элитность всегда указывает на самый высокий уровень образованности индивида, когда все оценивают его как самодостаточную уважаемую и авторитетную личность. Взаимосвязь «элитность и образованность» особенно заметна на примере генезиса научной элиты [см.: 19–20]. Элитность указывает не только на профессиональный рост субъекта, но и помогает определить наивысшую точку его творческой деятельности. В этом вопросе элитология и акмеология фактически становятся единым методологическим целым.

Список литературы

1. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО–Университет, 2010. 600 с.
2. Пряжников Н. С. Психология элиты. М.: МПСУ ; Воронеж : МОДЭК, 2012. 320 с.
3. Краевский В. В. Общие основы педагогики. М.: Академия, 2003. 256 с.
4. Карабущенко П. Л. «Восстание элит» и его возможные сценарии // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понеделков, А. М. Старостин. Ростов н/Д, 2004.
5. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
6. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Элитология. Ярославль : ЯрГУ, 2006. 96 с.
7. Кравченко А. И. Социология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 384 с.
8. Алферов Ж. И. Выбраться с обочины! // Аргументы и факты. 2011. № 50.
9. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. М.: МОСУ и МГИМО (У) МИД РФ, 1998. 432 с.
10. Быстрова А. Н. Концептуальный подход к интеграции управленческого учёта инновационной деятельности // Экономически анализ: теория и практика. 2010. № 39. С. 109–113.
11. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь / под ред. проф. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделкова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
12. Международная патентная деятельность. Режим доступа: http://studme.org/32373/ekonomika/mezhdunarodnaya_patentnaya_deyatelnost.
13. Меморандум Генерального директора ВОИС относительно повестки развития Международной патентной системы (A/36/14) [“WIPO Patent Agenda (A/36/14)”] at p2.
14. Мингалева Ж. А. Об использовании данных зарубежной патентной статистики для анализа результатов инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2009. № 2. С. 65–71.
15. Минков А. М. Международная охрана интеллектуальной собственности. СПб : Питер, 2001. 720 с.
16. Безрукова В.С. Основы духовной культуры. Екатеринбург, 2000.
17. Российский статистический ежегодник. 2011 год. М.: Росстат, 2011. 795 с.
18. Российский статистический ежегодник. 2013 год. М.: Росстат, 2013. 717 с.
19. Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.

20. Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / под ред. П.Л. Карабущенко. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. 420 с.
21. Science, technology and innovation in Europe. Statistical books. Eurostat. 2008.
22. World Intellectual Property Indicators: 2012. WIPO. 2012. P. 24. Режим доступа: wipo.int/freepublications/en/intproperty/941/wipo_pub_941_2012.pdf.
23. Richard T. De George. 14. Intellectual Property Rights // The Oxford Handbook of Business Ethics / ed. by George G. Brenkert and Tom L. Beauchamp. Oxford, England : Oxford University Press, 418 p.

ДИНАМИКА «ПРОТОЭЛИТ» В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Пономарева Галина Михайловна,
доктор философских наук, профессор,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Традиционно формирование элит средствами образования понимается как целенаправленный процесс по селекции особого типа личности, способной использовать свои знания, способности и связи для избирательной трансформации социума за счет повышения его управляемости при сохранении относительной социальной стабильности. Подготовка элит требует длительного времени: знания скорости, целей и масштабов их воспроизводства в той или иной социальной среде, особенностей структурной динамики элитарных групп, допустимой меры их ротации, влияния культурных традиций на социальные стратегии и коммуникативные компетенции национальных элит.

Международный опыт показывает тесную связь подготовки элит с дифференциацией образовательных воздействий на разно одаренных учеников, с вариативными образовательными программами и регламентацией их содержания в соответствии с умственными способностями обучающихся, их дальнейшими перспективами и искомым социальным статусом.

Необходимость своевременного перехода к шестому технологическому укладу при одновременном преодолении проблем, характерных для постперестроечной России, свидетельствует о том, что формирование элит средствами современного образования уже сейчас требует выделения особых образовательных топосов как «точек роста»: нельзя подготовить новую элиту, используя старые формы университетского образования, старые подходы и старые педагогические кадры.

С другой стороны, формирование элит – долговременный процесс, поэтому кардинальное преобразование современного отечественного университетского образования имеет определенные перспективы и может быть связано с широким использованием подходов, направленных в первую очередь на обучение деятельности в ситуации повышенных рисков и неопределенности. Динамика современных глобализируемых обществ, к которым может быть отнесена и Россия, по-новому ставит вопрос о значении транзита элит и о феномене национального возрождения последнего десятилетия, в контексте которого подготовка национально ориентированных элитарных групп приобретает первостепенное значение.

Использование понятия «**протоэлита**» в этих условиях достаточно корректно: оно обозначает группу лиц, для которых получение образования является условием подтверждения или обретения соответствующего статуса и отражает потенциальный характер их возможного вхождения в формирующееся, а потому очень динамичное, сообщество новых когорт элитарного типа.

Формирование новых отечественных элит происходит на фоне резкой социальной дифференциации, повышенной социальной мобильности, множественных типов идентичности. В этих условиях получение элитного образования не гарантирует обретения статусной принадлежности к реальной элите в силу повышенной вне- и внутригрупповой конкуренции и применения эффективных механизмов «выбраковки» тех, кто по каким-либо причинам еще не обрел необходимых и достаточных компетенций. Тем не менее, реформа образования, уже длительное время проводимая в России, в какой-то мере может улучшить уровень подготовки «протоэлит» в нашей стране.

Дискуссии последнего десятилетия (что считать «знанием», кто и как должен осуществлять отбор познавательных блоков в образовательные программы элитарного типа, как совмещать в них использование различных теоретико-методологических установок и культурных традиций) привели к выводу о необходимости оперирования в ходе подготовки «протоэлит» так называемыми «большими теориями». Они тесно связаны с современной наукой, имеют дело с тенденциями и процессами, а не с устаревшими данными и «вечными» истинами. Освоение такого типа знаний служит основанием для использования вероятностных и прогностических моделей и расчетов рисков в ситуациях, трудно поддающихся стандартизации и диктующих необходимость выработки эвристических, нестандартных решений. В рамках образовательной подготовки «протоэлит» это обусловило частичный отказ от традиционного фундаментального образования в пользу утилитарно-функционального, динамический баланс между базовыми и элективными курсами, увеличение акцента на межпредметные связи и отношения, что позволяет выстраивать эффективные адаптивные стратегии в соответствии с быстро меняющимися реальными ситуациями.

Такое образование носит перманентный, индивидуально-центрированный характер, связанный с мотивированной позицией получающего образование человека, что обеспечивает формирование эксклюзивной системы его ком-

петенций за счет отказа от узкопрофессиональных навыков и перехода к освоению смежных областей знания. Это означает, что образование «протоэлит» перестало быть нравственно индифферентным: мало знать, нужно прогнозировать системные последствия применения полученных знаний. Одновременно данный тренд означает, что формирование национальных элит сегодня сопряжено с переоценкой роли экспертного знания и с отказом от рассмотрения экспертного сообщества в качестве необходимого условия принятия адекватных решений соответствующими элитарными группами.

Подготовка современных элит сегодня – это формирование экспертов высочайшего уровня, не только понимающих, что происходит в современном мире, но и знающих, как действовать в той или иной ситуации. Понятно, что такая переориентация на соединение в одном лице свойств и качеств представителей элитарных групп и знаний экспертного уровня предполагает жесткий индивидуальный отбор с самых ранних этапов университетского образования.

Такой отбор невозможен без использования системы перманентных, пакетированных, проблемных заданий, активизирующих познавательные способности и потребности индивида и выполняющих не только творческие, но и дифференцирующие функции. Во главу угла ставятся принципы самоопределения, саморазвития, самообразования, самореализации, которые рассматриваются в качестве образовательных установок селективного типа, но подходят далеко не всем представителям «протоэлит», попадающим в образовательное пространство современного университета. Здесь нужно быть готовым к отказу от традиций «педагогических ретрансляций» знания: на первый план при формировании элит средствами образования выходит способность преподавателя формировать навыки самопознания и саморегуляции индивида.

Роль современного преподавателя не только в том, чтобы развивать когнитивные, интеллектуальные способности личности, обогащая её информационно-познавательный потенциал. Она также в том, чтобы стимулировать эмпатические, коммуникативные способности человека, приучая его действовать в инокультурном окружении, выстраивать адекватные стратегии принятия решений на основе учета различных способов понимания мира, мышления, деятельности, общения и поведения в различных сообществах.

Появляется и новая составляющая, связанная с формированием в процессе обучения «протоэлит» особых компетенций, помогающих индивиду пережить или переживать опыт поражения.

Формирование элит средствами университетского образования сталкивается с изменением характера самой университетской среды, члены которой имеют высокую степень автономности и эмансипации. В этих условиях сформировать современную элиту могут только преподаватели соответствующего уровня подготовки, владеющие достоверной информацией о современных тенденциях развития, способные ее транслировать в адекватной форме и применять для разработки и экспликации прогнозных моделей. Данное требование предполагает постоянное профессиональное обновление когорты преподавателей, работающих с «протоэлитами», и владение ими универсальными принципами практического диалога, предполагающего достижение рационального консенсуса всех его членов в рамках образовательных практик элитарного уровня. Акцент на intersubjectивность имеет смысл только при полной симметричности отношений между преподавателями и студентами и при широком использовании современных принципов так называемой «педагогики действия».

«Педагогика действия», как известно, разрабатывается в Эссекском институте образования (Великобритания) и связана с продвижением на рынке образовательных услуг программ подготовки элитных кадров в сфере социального управления и менеджмента.

«Педагогика действия» ориентирована на понимание образования «протоэлит» в первую очередь как исследовательского процесса, когда предмет познания позиционируется в качестве объекта исследования. Одновременно представители обучающихся «протоэлит» берут на себя роль исследователей, и, участвуя в образовательных действиях, познают как объект исследования, так и самих себя.

«Педагогика действия» ликвидирует известный парадокс, возникающий, когда модели познания, сложившиеся в естественных науках, при образовании «протоэлит» применяются к социальным ситуациям, что создает аберрацию полученных компетенций и ведет к повышению антропогенных рисков.

В «педагогике действия» утверждается значение случайного, ситуационного, непредсказуемого, что предполагает оперирование вероятностными моделями в противоположность авторитету позитивистского общего закона. Именно в этом случае получение знания рассматривается как исследовательский процесс, где теория и практика тесно слиты, что не нарушает когерентность и рациональность познания и не создает проблему релевантности.

«Педагогика действия» настаивает на свободе интерпретаций участников познания и требует изучения и критического объяснения ими своих суждений как необходимой процедуры для оправдания выбранной теоретической позиции и основанных на ней практических выводов. Это создает необходимые условия для формирования у «протоэлит» компетенций экспертного уровня: институализированная сила профессионализма легитимируется в форме экспертизы, включающей в себя такие характеристики, как функциональная специализация, незаинтересованность и универсальность правил.

В процессе получения соответствующего образования «протоэлитами» особое значение приобретают требования прогрессирующей рационализации институализированных действий и субъективного инструментализма.

Прогрессирующая рационализация институализированных действий нацелена на создание иерархии юрисдикций, в которой на каждом уровне решается вопрос о средствах достижения заданных целей, но не вопрос их релевантности.

Субъективный инструментализм обеспечивает уместность выбора методов и средств индивидом при решении конкретной проблемы, конкретной исследовательской задачи, когда система познавательных действий рассматривается в качестве множества переменных, связывающих исследователя с его целью.

Формирование «протоэлит» с помощью «педагогики действия» осуществляется, таким образом, через развитие и широкое использование институализированных практик упорядочивания процессов принятия решений в проблемных ситуациях с учетом аутентичных знаний и гибких систем контроля.

Погружение в «педагогику действия» позволяет индивиду адекватно оценивать собственные возможности для развития системы необходимых компетенций и выбирать соответствующие образовательные траектории для их корректировки с учетом плюралистического репертуара имеющихся интерпретационных исследовательских программ. Закономерно поэтому, что в «педагогике действия» широко используются техники вопрошания в их современном изводе как способы стимулирующей активизации индивида при решении сложных познавательных задач. Они развивают способность включаться в процесс решения проблемы с любого уровня, с любыми средствами, с любым объемом достоверной информации.

Образовательные структуры, связанные с целенаправленным формированием национальных элит, имеют как универсальные, так и специфические, локально ориентированные компоненты. Учитывая потребность транзитивных обществ в высокообразованных национальных элитах, особое внимание уделяется их опережающему обучению, тесно связанному с целенаправленным созданием того типа социального контекста, который традиционно структурируется вокруг «конструирования будущего».

Образовательное пространство современного университета оценивается в данном случае с точки зрения значимых средовых характеристик – как динамичная система с быстро трансформирующимися параметрами, каждый из которых оказывает программируемое воздействие на те, или иные доминантные компетенции «протоэлиты» и на уровень ее включенности в решение социально значимых задач.

Знание специфических особенностей образовательного пространства современного университета задает меру конвертации национальных и международных образовательных стандартов, программ, стратегий и стилей преподавания, что чрезвычайно важно в ситуации интеграции мировых и национальных элит и их социальной динамики в глобализированных и транзитивных средах.

К характеристикам образовательного пространства современного университета, напрямую влияющим на скорость формирования национальных элит, следует отнести возрастание социокультурного разнообразия и увеличение объема значимой информации. В этих условиях динамика «протоэлит» не может происходить без социальной и профессиональной дифференциации и выстраивания широкого круга взаимодействий с инокультурными группами, имеющими разные представления о современности.

В образовательном пространстве университета «современность» элит конструируется с помощью освоения «пакетов деятельности», в которых содержатся модели социокультурного поведения и социокультурного сознания, заточенные под «управление будущим». «Пакетирование» элитарного образования имеет смысл только в том случае, если оно контекстуально специализировано и не способствует продвижению «универсальных» моделей псевдоэлитарной идентификации.

Контекстуальная спецификация в процессе получения образования «протоэлитами» связана с заменой ценностей социального равенства ценностями социальной справедливости, что в образовательном пространстве современного университета приводит к индивидуализированным программам обучения. Это приучает представителей «протоэлиты» уже на ранних этапах получения образования к ответственности за свой собственный уровень компетенций и степень включенности в профессионально ориентированные экспертные сообщества, а также связанные с этим профессиональные и экзистенциальные риски.

Указанные риски в транзитивных обществах во многом обусловлены увеличением социального разнообразия, но для большинства населения это выглядит как сужение возможного выбора социокультурных альтернатив и ограничение действия «социальных лифтов».

До недавнего времени ситуация усугублялась тем, что приглашаемые в сферу отечественного элитарного образования западные специалисты оказались не готовы к специфике транзитивных обществ, к отказу от теории автоматических заимствований и трансляции мало подходящего для национальной элиты России опыта. Излишнее доверие к содержанию зарубежного образования в сфере подготовки отечественной элиты привело к кадровому голоду, к размытому образу «управляемого будущего», к умножению тактических и стратегических ошибок, которые нуждаются сегодня в комплексном исправлении.

Изменение в последнее пятилетие векторов развития и появление новых «точек роста» российского общества предполагает кардинальную переоценку роли отечественной элиты, которая начинает рассматриваться в качестве значимого резерва и ресурса национального возрастания. Это неизбежно ставит вопрос о национально-культурной укорененности элиты и её нацеленности на последовательную защиту национальных интересов.

Изменение представлений о месте и роли элит в транзитивных социумах требует изменения национально ориентированных образовательных парадигм. Однако новая парадигма в образовании никогда не возникает на пустом месте: она опирается и одновременно отрицает предшествующие традиции. В этом смысле любая парадигма оказывается не новой, а лишь последующей. Это означает, что формирование элит в пространстве современного национального университета должно опираться на уже апробированные модели национально ориентированного образования. Именно такое образование позволяет представителям отечественной элиты понять, каким образом следу-

ет действовать в условиях глобализации, защищая национальные интересы и повышая уровень управляемости как социумом в целом, так и отдельными его частями.

В данном случае целесообразно вести речь о тесном сопряжении формирования элит в пространстве университетов с задачами национальной безопасности.

Национальные элиты имеют дело с постоянно усиливающимися процессами диверсификации, с наличием пространственно конституированных и дифференцированных групп различной силы и значимости, использующих местные институты для поддержки собственных интересов, которые могут противоречить доминирующим центральным. В этих условиях формирование элит не может не иметь региональной привязки, обеспечивающей локальным группам легитимность и опосредованный доступ к центральной государственной власти. Учет данного фактора имеет большое значение при нарастании миграционных процессов, когда объективно снижается интегрированность социума, но резко возрастает роль «местечковой» элиты и активизируются символические значения «почвы».

Поэтому формирование элит средствами современного университетского образования предполагает и их знание региональных форм организации социальной жизни и коммуникативных стандартов, обеспечивающих эффективность реализации совместных программ деятельности.

В современном мире с присущими ему противоречиями национальная элита должна оперировать знаниями, отражающими моментальный поперечный срез наблюдаемого социума как сложного и запутанного «процесса», а не как гомогенного, статически-стабильного «единства».

И обеспечить национальную элиту такими знаниями обязаны современные университеты.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭЛИТОГЕНЕЗ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

Мартынова Марина Юрьевна,

*доктор политических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет, г. Москва*

Тема элит – одна из наиболее обсуждаемых в российской политологии. За постсоветский период в России сформировались научные школы по изучению элит, продолжают выстраиваться мосты международного сотрудничества в целях проведения компаративистских исследований в данной области.

Эволюция элитологии, ее повестка, методологические подходы, тематическая специализация изысканий отражены в работах известных политологов [3]. Большинство исследователей элит достигнут консенсус относительно оптимальных подходов к изучению современных элит.

Однако в каком бы контексте не исследовалась элита, ее общественная функция – уловить логику мирового развития, гармонично вписывая в нее свою деятельность по управлению общественными процессами, обеспечить «вхождения в будущее».

Как известно, образ ближайшего будущего включает технологические прорывы, трансформации культуры, изменения общественных отношений, новые системы управления и другие области, изменения в которых на горизонте 15–20 лет могут стать решающими для нашего общества.

Следовательно, элитой де-факто будут те, кто, опередив большинство людей в понимании, как ответить на грядущие вызовы, займет лидирующие позиции в сферах экономики, политики, культуры, образования и т.д.

Эта элита, безусловно, будет отличаться от привычного образа. По крайней мере, она лишится многих известных признаков и приобретет новые.

Эти обстоятельства, на наш взгляд, являются стимулом к дальнейшему развитию методов изучения элит и оценки их деятельности.

Однако на данный момент произошла абсолютизация одного из подходов в элитологии, который закрывает возможности других форм и видов анализа, имеющих право на существование, а их применение дает не менее аргументированные, веские и взвешенные доказательства правомочности их использования.

Речь идет о наиболее распространенном среди политологов, политических журналистов статусно-функциональном подходе, согласно которому, элита – это те, кто занимает ключевые позиции в экономике, политике и других сферах общественной жизни [1]. Однако такой подход позволяет описывать статус-кво, но не влиять на качество правящих элит в сторону ее улучшения.

Стремясь к усовершенствованию теории элит, известные философы, политологи, социологи предупреждали о том, что она (теория) не должна превращаться в служанку существующей власти, а являть собой знания и нравственный ориентир для духовно растущего общества.

Например, в значительной мере опираясь на нормативно-ценностный подход при анализе российской действительности, Ж.Т. Тощенко высказывает обоснованное несогласие называть элитой «исключительно чиновников высшего звена, обладающих формальной властью в организациях и институтах и диктующих правила организации жизни в обществе» [12].

С одной стороны, подобная трактовка противоречит значению слова «элита», которое происходит от французского *élite*, что означает лучший, отборный, и не соответствует определению элиты как лучших представителей об-

щества или какой-либо его части в словаре русского языка, изданном под эгидой Академии наук СССР под редакцией А.П. Евгеньевой [7, с. 758].

С другой стороны, ученый предупреждает от злоупотребления этим словом, обращая внимание на то, что мода на дискуссию об элитах вызвана стремлением групп и людей, обладающих властью или капиталом (или тем и другим вместе) выглядеть в глазах общественного мнения более значимыми, чем «просто» политики или бизнесмены. По его мнению, элита в условиях сегодняшней ситуации в России выступает в виде некоего фантома: людям предлагают именовать элитой нечто сомнительное, весьма спорное и подозрительное во всех отношениях [12, с. 503].

По мнению Ж.Т. Тощенко, к элите необходимо относить представителей общества, обладающих не только экономической, политической или военной властью, но, в первую очередь, определенными социальными и нравственными качествами.

Среди признаков элиты, ученый выделяет:

- служение высшим интересам общества,
- постоянное проявление гражданственности, верности обществу, в котором ты живешь и работаешь,
- соблюдение требований нравственности,
- высокий интеллектуальный уровень,
- преемственность в формировании элиты [12, с. 489].

Схожие взгляды высказывали еще классики элитологии Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, М. Вебер, М.Я. Острогорский, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби, так или иначе обращая внимание на то, что формирование элиты является следствием естественного отбора наиболее способных, достойных представителей общества, обладающих высокими нравственными качествами.

Сомнения в правильности использования термина элита при характеристике современной социальной реальности приводят к его замене на такие, как «лидерство», «бюрократия», «правлящий класс», «политический класс», «истеблишмент», «политические деятели», «руководители», «номенклатура», «клики», «кланы», «касты».

На наш взгляд, дальнейшее развитие элитологии возможно лишь при усилении внимания к развитию нормативно-ценностного подхода, который исходит из первоначальной сущности понятия «элита», отвергает или серьезно сомневается в том, что тот, кто занимает высокий пост в структуре власти или обладает финансовыми ресурсами, и есть «лучший», «отборный», «качественный».

Как совершенно справедливо отмечает в своих работах П. Л. Карабущенко, миссия элитологии должна заключаться в выработке рекомендаций по улучшению элиты за счет внедрения в нее подлинной элитности [9].

Реализации этой миссии способствует тому, что проблемами элитологии все чаще начинают заниматься философы, антропологи, психологи что, несомненно, свидетельствует о развитии методологической базы данной дисциплины.

Перемещение в центр внимания элитологии вопроса элитизации личности человека, раскрытия и максимального развития в нем «всех возможных (мыслимых и неммыслимых) достоинств его духа и плоти» [8] снимает многие ограничения в ее объектно-предметном поле.

Следствием распространения такого подхода будет, на наш взгляд, перевод внимания исследователя с оценки несоответствия, например элиты де-юре элите де-факто на решение задачи, что нужно сделать, чтобы минимизировать это несоответствие. В современном обществе есть серьезный запрос на знания о том, как развить элитную личность.

Ученые продолжают свой поиск общих схем развития элитности, приводящих личность к элитному статусу, пытаются выявить стандартную модель элитогенеза. Однако надо признать, что список достоинств элиты, элитных качеств не имеет ограничения, он дополняется по мере развития науки о человеке и обществе. Невозможно создать «типовой проект», некий шаблон, трафарет элитной личности: «этот стандарт всегда корректируется творчеством, поэтому его можно сравнить со скелетом» [9].

Поэтому работы современных российских ученых, исследующих внутренние, скрытые механизмы развития талантов, гениальности вызывают острейший интерес у широкой общественности [13].

Мир текуч, привычная при описании мира логика перестает работать. Найти ответ на современные вызовы может только развивающийся творческий человек.

Например, уже сейчас в связи с переходом человечества к глобально-информационному обществу, сложилась ситуация, которая изменяет всю общественную парадигму [10].

По мнению целого ряда исследователей, ведущей тенденцией организации общества постепенно становится информационно-сетевой принцип, который предполагает, что основной социальной ячейкой является сеть, некое объединение граждан, близких по духу и интересам. По их мнению, в недалекой перспективе «все общество будет представлять собой систему сетевых структур, а правящим классом в таком обществе становится новая социальная группа – нетократия, формируемая из представителей транснациональных корпораций, каждый из которых станет куратором одной из сетей» [2].

Такой вызов требует совершенно новых подходов к пониманию механизмов модернизации российского общества. Однако «без очищения нравственного климата у нас нет шансов на национальный успех» [6]. Роль в этом процессе элиты является определяющей при условии, если она сама разовьет требуемые качества, необходимый уровень культуры.

Другой пример: С началом эпохи глобализации относительно устойчивые альянсы элит в рамках национальных границ и военно-политических союзов сменились системой временных элитных альянсов, пересекающих государственные рубежи [4, с. 8].

В результате процессы глобализации снижают возможности национальных элит контролировать экономики своих стран, а также отчасти сферы политики и культуры: «постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень ослабляет степень влияния на регулирование в общегосударственном масштабе как для рядовых граждан, так и для сформировавшихся групп давления (интересов)» [10, с. 10].

Однако уже существующий мировой порядок постоянно подвергается «переформатированию». Так утрачена монополия «коллективного Запада на глобальное управление, в частности из-за нарастания его внутренней неоднородности и структурных проблем» [5, с. 8]. В мировой политике «появляется больше потенциальных возможностей, используя взаимодействие ведущих региональных и глобальных центров силы и влияния, найти ответы на наиболее острые вопросы, поставленные окончанием холодной войны» [5, с. 9].

Данный процесс требует разумного сочетания гибкости в вопросах участия российских элит в решении мировых проблем и большей «национализации» элит [11]. Встраивание в чужой геополитический проект, игра в чужую «шахматную партию» представляет слишком большой риск для национальных интересов. При этом элита должна уметь не только генерировать идеи, необходимо располагать не менее важной способностью – их реализовывать, а также обладать способностью к адаптации, приспособлению к меняющимся условиям, в том числе умение признавать свои ошибки и корректировать свои действия.

Список литературы

1. Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. М.: Международные отношения, 1985.
2. Бард А., Зюдерквист Я.. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб : Юнайтед Пресс, 2004.
3. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
4. Гаман-Голутвина О. В. Трансформация роли элит и этики госслужбы в условиях глобализации. М.: РОССПЭН. 2000.
5. Громыко Ал. А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 8.
6. Дискин И. Е. Институциональные преобразования и гражданское общество. М., 2017.
7. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньева. М., 1981. Т. 4. С. 758.
8. Карабущенко П. Л. Антропологическая элиология. Москва – Астрахань: АстрФ МОСУ, 1999.
9. Карабущенко П. Л. Стандартная модель элитогенеза: ДНК элиты, ПДК элитности и кпд элитизации // Философия и общество. 2013. № 4 (72). С. 100–113.
10. Кочетков А. П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 8–20.
11. Мартынова М. Ю. Элитарность как критерий отбора на управленческие позиции: современные проблемы и тренды // Элиология и стратегия развития современной России. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. С. 231–237.
12. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
13. Черниговская Т. В. Что такое Ум, Мудрость, Гениальность, Интеллект. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Lu8SI2ajlOw>.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ И ЦЕННОСТИ: УМЕСТНОСТЬ И ПРИВЕРЖЕННОСТЬ

Барышков Владимир Петрович,

доктор философских наук, профессор,

Саратовский государственный национальный исследовательский университет, г. Саратов

В связи с реформой российского высшего образования, с переходом его на уровневую систему вырабатываются новые цели и задачи образовательной системы. Они ориентированы не просто на потребности народного хозяйства, но и на людей, способных ответить на эти потребности. Такие специалисты исходят уже из собственных ориентиров, установок и целей, а не отвлеченных, технизированных и зачастую мифичных «запросов производства» или социально-экономических условий. Речь идет о сопряжении интересов конкретного человека и требований социальной системы. Ясно, что деперсонализация кадровой стратегии не отвечает сегодняшним вызовам (вспомним слоганы административной эпохи: «кадры решают все», «незаменимых людей нет»).

Возникает необходимость прояснить типовые социальные и социопсихические характеристики участников современных процессов профессиональной подготовки и применения кадров. Речь идет о профессионализме как одной из ключевых компетенций современного специалиста и собственно о наборе некоторых компетенций интеллектуала. Что представляет собой профессионал в сфере интеллектуальной деятельности? К этой теме примыкает рассмотрение лексических и иных значений таких концептов (а они уже стали специальными терминами) как интеллигент, интеллектуал, профессионал, специалист.

Профессионал соотносится с его антиподом – дилетантом (неумеха, профан). Интеллектуал есть позитивист прагматического толка по призванию, а также по признанию этого факта другими людьми. Он соотносится с антиподом – практик-делатель (чего бы не делать, лишь бы делать, многостаночник). Профессионал это всегда человек владеющий мастерством. Приведем различные коннотации, связанные с термином «мастерство»: «мастер на все

руки»; «дело мастера боится»; «мастер своего дела», рубрика в газете: «люди дела». Профессионала можно уподобить мастерскому. Токарь разложил инструмент на верстаке. У каждого инструмента свое место и назначение, и мастер с закрытыми глазами может взять с верстака любой из них. Они подготовлены (заточены, налажены, выведены) ровно так, как надо для выполнения определенной операции. Рукоятка каждого инструмента отполирована (в результате длительного и частого использования) кожей его рук. Такой мастер не может быть многостаночником. Точно также и интеллект: его инструменты ментального свойства, но подобно рукоятке напильника должны быть сращены с телом его мысли и отполированы в частых применениях. Здесь есть свои требования по допускам в духовных и душевных движениях к объекту приложения усилий, своя нудительность и ее ограничения.

У техники, у любого приспособления или аппарата, есть своя инфраструктура. Приобретая или обретая такое приспособление с целью облегчить свою жизнь, мы зачастую получаем новые хлопоты по содержанию, оснащению и отладке нового механизма. Вместо того, чтобы упростить и облегчить себе жизнь мы ее усложняем. Должно пройти время, иногда достаточно длительное, чтобы эта деталь оказалась вплетенной в наше миропроцессуальное существование. С этой точки зрения, любое новое обстоятельство в отлаженной миродейтельности лишнее. В этом состоит прагматизм вообще и прагматизм интеллектуала, в частности.

«Делай, что должен, и пусть будет, что будет» – один из императивов интеллектуала. Проблема должного может раскрываться посредством различения нескольких аспектов: а) должное как должно бы быть; б) должное как должно быть; в) должное в значении – «не могу иначе». Как известно, прогресс в нашей стране определяется тем, что каждый занят не своим делом (Филипп Филиппович у М. Булгакова, В.П. Зинченко). Что значит «свое дело»? Бывают достаточно жесткие критерии. Примером могут быть требования к экспертам (профессионалам) ВАК (разновидность экспертного сообщества). Один из питерских профессоров-философов выдвинул такой аргумент, отказываясь от экспертизы диссертации: меня в ВАКе знают как специалиста по философии науки, а мне предлагается работа по другой специальности, другого профиля.

Из сказанного следует, что прагматик-интеллектуал с необходимостью придерживается некоторой системы норм, он не является неформалом. В случае, если он этим нормам привержен внутренне, то есть, нормы находят в нем личностную опору, следует говорить уже о ценностях.

Зададимся вопросом – насколько возможен ученый как духовный авторитет? Признанными образцами духовного авторитета, выступают носители высшей, трансцендентной истины. Прежде всего, это относится к нравственной и религиозной областям. Духовные авторитеты есть поводыри (лидеры) человечества. Совпадают ли духовный авторитет и духовное лидерство? В области духовной лидерство, скорее, есть функция от авторитета.

Приходится встречаться иногда с тем, что известное истолкование слова «философия» претерпевает реконструкцию. На первое место ставят Софию (мудрость), а любовь – на второе. Получается не «любовь к мудрости», а мудрость любви. Можно это понять так, что любовь к мудрости неизбежно влечет за собой мудрость любви, порядок любви, строй любви. Это некое устройство мира, симфония, синхрония, синергия, архитектоника, которая воспринимается любящим мудрость. Любовь к мудрости приводит к обретению мудрости любви, разлитой в мире. Любитель мудрости становится мудрецом, приобщившись к мудрости в мире. Так, интеллект есть инструмент «телесности» мысли, физическое воплощение тела мысли, тела мудрости.

Можно ли поставить знак равенства между духовным авторитетом и мудрецом, духовностью и мудростью как определяющим качеством духовного авторитета? Представляется, что это различные свойства социокультурной реальности: духовность есть воплощение просветленности человека трансцендентным началом, абсолютным добром (Будда). Тогда мудрость есть практическое действенное приложение открывшейся человеку истины мира и жизни. Они могут совпадать. И все же есть различия в их онтологическом статусе. Духовность некоего человека есть олицетворение и воплощение абсолютного начала. Она представляет собой манифестирование такого начала, его демонстрацию как провозглашение «благих вестей» в мире. Зачастую сопряжена с самоотверженностью, жертвенностью, стоическим терпением и – посредством его – с «вразумлением» людей (пророки).

Мудрость есть знание как понимание основ мироустройства в его применении и проявлениях в различных областях жизнедеятельности людей (Соломон). Следовательно, лидерство и мудрость есть функция от духовности, но не собственно духовность. Строго говоря, духовный авторитет может не быть ни лидером, ни мудрецом. Однако духовный лидер не может не быть духовным авторитетом, не может не быть мудрым человеком. Таким образом, нужно различать понятия «духовный авторитет», «духовный лидер», «мудрый человек».

Далее следует сказать о «духе» науки, коль скоро речь идет об ученом как духовном авторитете. Признание специфического духа науки, ее онтологических первоначал, специфической «идеи» науки выводит ее из универсальной области духовного либо как иное в его специфике, либо как регион духовности с особым образом закрепленными, воплощенными в нем корпоративными смыслами. Иначе говоря, признание особой духовности науки, не содержащей в себе нравственного начала, выхолащивает общезначимое понятие духовности и в этом отношении делает не применимым его к науке. Единственно возможный выход состоит в том, чтобы распространить понятие духовности, прежде всего, как нравственности, на сферу науки, сферу научного знания.

Ученый как духовный авторитет соотносится с духовным авторитетом науки, ее духовным содержанием, с духовным содержанием знания. Подобным образом религиозный духовный авторитет соотносится с духовным содержанием религии и в максимальной степени выражает такое содержание. В каком смысле научному знанию присущ духовный авторитет, духовное содержание? Возможны два противоположных ответа. Первый – научное знание не

обладает духовным содержанием, в отличие от веры, и второй – научное знание несет в себе такое духовное содержание, духовные смыслы.

Несмотря на широкое технологическое распространение, системообразующее значение в современном обществе далеко неоднозначно решается вопрос о том, что собой представляет научное знание, каким должно быть и какую роль выполняет в современном мире. Ясно, например, что «активистски ориентированная техника, базирующаяся на Галилеевой науке, не смогла разрешить главные проблемы человеческого бытия» (К.С. Пигров). Научное знание в его служебной функции, таким образом, соотносится с проблемами человеческого бытия. В зависимости от степени его соответствия человечности и следует говорить о духовной содержательности научного знания. В этом значении «дух» науки эпохи модерна бесчеловечен. Ученые как носители такого духа новоевропейского знания не могут быть отнесены к разряду духовных авторитетов для общества в целом. Статус ученого как духовного авторитета внутри науки не может обеспечить такого же его положения вне науки.

С другой стороны, в науке занят интеллект человека как творца знания, который представляет собой не только вычислительное мышление, но и волю, свободу. Собственно же научное знание, знание ставшее, ничего подобного не содержит. Тем не менее, без герменевтики знания, без его личностной и культурной интерпретации не только невозможно приращение знания, но невозможно и освоение имеющегося. Современные методики обучения ориентированы, в первую очередь, на психологические способности человека, тогда как интерпретация знания с личностных позиций – явление далеко не ординарное, не сводимое к свойствам памяти или другим психологическим механизмам усвоения знания. Такая особенность научного знания делает его специализированной, вопреки распространенному мнению, не общедоступной областью.

Следует различать ученого как духовный авторитет и ученого, обладающего духовным авторитетом. Ученый как духовный авторитет воплощает в себе духовный потенциал науки, духовный потенциал знания, если о таком потенциале вообще уместно говорить. Обладание духовным авторитетом относится уже к свойствам, качествам личности, к ее уникальному жизненному пути, которые могут быть присущи ученому как человеку безотносительно к духовному содержанию научного знания.

О духовном авторитете ученого, с нашей точки зрения, можно говорить в нескольких отношениях. Такой статус человека в науке может быть обусловлен, во-первых, 1) подвижничеством, служением науке, посвящением своей жизни научному познанию в той или иной из специализированных областей и 2) крупными достижениями в этой области; во-вторых, гуманитарной деятельностью вне науки (Б. Рассел, А. Сахаров), демонстрирующей широкие мировоззренческие горизонты ученого, далеко выходящие за предметно-специализированное значение его деятельности. Здесь как раз и возникают фигуры «мудрецов от науки»; в-третьих, ролью лидера, консолидирующего эпицентра внутри науки.

Духовный авторитет в науке – это нравственно обоснованное лидерство, логически и онтологически (по внутренней логике как необходимости), подтвержденная правильность (мудрость) и справедливость сложившегося положения дел в научном сообществе.

В данном случае имеется в виду отнюдь не оправданность существующего самим его существованием. В науке на самом деле нередки случаи достижения статусности человеком, который, по общему мнению, этого положения не достоин. Речь идет о таком лидерском положении ученого, которое не сводится к его научным достижениям и не ограничивается его распорядительными способностями. Какие качества должны быть присущи ученому как духовному авторитету, или обладающему им, – об этом и идет разговор.

Самостоятельным аспектом выступает тема авторитета в науке и в научном знании. Известно, что творческий поиск, исследовательские дерзания, оригинальные подходы и связанный с этим этос науки, противостоят авторитетам, требуют независимости, самостоятельности, критичности. «Лучшие из учеников, те, кто не читает книг учителя» (Деррида).

Сегодня при рассмотрении проблем эпистемологии, познающего сознания в целом все настойчивее звучит требование перехода от гносеологического анализа познания субъектом мира к онтологическому исследованию его существования в мире. В связи с этим анализ сциентистских аспектов познания необходимо дополнить анализом его экзистенциальных составляющих. В таком срезе высвечиваются черты познания как человекомерного события, ценностного акта утверждения человеческой подлинности. Познание становится не одним лишь поиском «чего-то», но и «чем-то» самим по себе, событием человеческой самоидентификации [4, с. 40].

В самом знании, в процессе его функционирования, с точки зрения психологии и социологии, присутствует экзистенциальная составляющая, уже, действительно, неотделимая от ученого и наполняющая научную деятельность судьбическим, личностным, духовным потенциалом.

Одним из современных понятий, возможно, способных выразить конкретные формы духовной реализации человека в научной деятельности является духовный интеллект. В этой связи заметим, что некоторые авторы понимают под духовностью единую основу навыков решения проблем, релевантных повседневным жизненным ситуациям. Духовность постулируется как аспект адаптивного личностного функционирования, поскольку повышает вероятность достижения целей. Иная точка зрения состоит в том, что в духовном бытии человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи эффективной адаптации к среде. Он стремится обрести независимость от преходящих, временных и постоянно изменяющихся обстоятельств и достичь свободы духа.

Первая точка зрения основывается на психологической теории множественных интеллектов Г. Гарднера [2]. Согласно ее автору, она была призвана ответить на вопрос, каковы те познавательные способности, которые позво-

ляют человеческим существам выполнять набор взрослых ролей в различных культурах. Г. Гарднер предположил, что интеллект не является унитарной когнитивной способностью, и выделил восемь различных видов интеллекта. Среди них определяющее место отведено межличностному и внутриличностному видам. Они являются личностными и социальными по своей природе. Внутриличностный интеллект Гарднер определил, как способность индивидуума получать доступ к своей внутренней жизни, понимать себя, свои возможности и желания, реакцию на различные вещи, а также стремления и мотивы избегания. Межличностный интеллект есть способность проводить различие между другими индивидуумами.

Духовность в этом случае рассматривается как разновидность интеллекта. Индивиды, обладающие духовным интеллектом, характеризуются следующими признаками: способностью к трансценденции, способностью использовать духовные ресурсы для решения адаптивных задач, способностью осуществлять добродетельное поведение: оказывать прощение, выражать благодарность, проявлять смирение, являть сострадание [1, с. 20].

Одной из подобных добродетелей, включенных в духовный интеллект, предстает терпение. Терпение предполагает изменение себя, в большей степени, чем изменение обстоятельств. Те напряжения, которые при этом возникают, следует компенсировать преимущественно духовными средствами. К.С. Пигров полагает, что терпение состоит в том, чтобы позволить всему идти своим ходом, находить в любом случайном рисунке его внутреннюю закономерность и красоту. Терпение есть форма сохранения силы, интенсивный поиск свободы, способ возвыситься над ситуацией [5, с. 15]. Думается, что подобные свойства, присущие личности, могут составить описание типа ученого как духовного авторитета. Существенным является способность ученого обратиться к себе, внутрь себя, поскольку познание, созерцание, оценка связаны с самопознанием и самосозерцанием.

Одной из составляющих ученого как духовного авторитета является как раз профессионализм интеллектуала. В мировой культуре имеются традиции воспитания (и самовоспитания) характерных для интеллектуала-профессионала черт и особенностей поведения и отношения к миру в целом. Как замечает Е.Л. Скворцова, превращение времени жизни во время судьбы (в результате концентрации на своих переживаниях) способствует и особому восприятию каждого события, каждой встречи (с каким-либо явлением природы, с новым человеком, невиданным животным или растением), придает им статус уникальных [6, с. 44–45].

Особость восприятия событий, события встречи рассматривается как элементы эзотерических практик и измененных состояний сознания. Интересно, что проводимые на основе таких практик семинары активно посещают профессионалы различных профилей и уровней. Очевидно, такая подготовка к специализированной деятельности формирует психологические и мировоззренческие черты человека, необходимость которых люди ощущают. Значит, существуют особые качества, характеризующие профессионала, которые не сводятся к уровню технических навыков. Определенное состояние человека, возникающее в культурной практике восточной цивилизации (например, «Блуждание в Митиноку») раскрывает специфическое содержание таких состояний у интеллектуала-профессионала.

В современных условиях образ путешествия иносказательно, метафорически выражает путешествие к себе, к своим, собственным духовным истокам, поскольку «формирование субъектности в онтогенезе невозможно без обращения человека внутрь себя» [3, с. 33]. Складывание внутренних духовных условий есть неотъемлемая часть онтологии существования субъекта, в том числе субъекта познающего. Иногда это путешествие имеет не фигуральное, а вполне реальное воплощение в поездках более или менее регулярных, пребывании – более или менее длительном – в излюбленном месте, наедине с собой, с природой. Здесь вполне может осуществляться отвлечение от рутинных повседневных забот, могут формироваться предпосылки к тому таинственному состоянию, которое определяется как трансцендирование.

М. Фуко непосредственным образом связывает познание с духовностью. Гнозис – это то, что всегда стремиться переместить, перенести в сам познавательный акт условия, формы и следствия духовного опыта. Духовность есть преобразование самого субъекта. «Духовностью, – пишет он, – можно назвать тот поиск, ту практическую деятельность, тот опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для постижения истины» [7, с. 286]. Таким опытом будут – очищение, аскеза, отречение, обращение взгляда внутрь самого себя.

Духовность научного познания состоит в способности формирования ценностных предпочтений и личностных смыслов самим познающим субъектом. Ученый, находящийся в ситуации динамического самоформирования, что называется в состоянии постоянной «работы над собой», именно этим зачастую отличается от коллег. Его духовные усилия очевидны для окружающих и выражаются в стиле поведения, в характере и способах решения как научных, так и производственных, образовательных задач, в межличностном общении.

Ученый как интеллектуал – это человек, профессионально занимающийся мыслительной деятельностью, производящий продукт в духовной сфере и воспроизводящий среду, в которой этот продукт потребляется. Имеется ли некая интеллектуальная субстанция в человеке? Представляется, нет. Интеллектуал – это не особое качество, которое относится, например, к нравственности или к пресловутой харизме. Скорее, это свободная профессия: также как у художника, музыканта, актера, его деятельность связана с потребностью самовыражения и неопределенностью институциональной принадлежности, с конституированием самого себя как субъекта познания. Те, кому это действительно удается, воплощают духовное содержание научного познания.

Список литературы

1. Газгиреева Л. Х. Духовный интеллект как составляющая современной личности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 6.

2. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. М.: И.Д. Вильямс, 2007. 512 с.
3. Знаков В. В. Психология субъекта А.В. Брушлинского, герменевтика М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие: субъектный подход. М.: Институт психологии РАН, 2008.
4. Крымский С. Б. Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса // Вопросы философии. 1998. № 4.
5. Пигров К. С. Кризис и катастрофа // Мысль. 2004. № 5.
6. Сковцова Е. Л. Странствия как путь художника в традиционной Японии // Человек. 2010. № 3.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта. М.: Прогресс, 1991.

ВЛАДЕНИЕ НАУЧНОЙ РЕЧЬЮ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Колесникова Наталия Ивановна,

доктор педагогических наук, доцент,

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

Развитие науки в образовательной среде традиционно связывают с университетами, предназначенными давать открытое высококачественное элитное образование. Степень «интеллектуальности» будущей элиты во многом зависит от уровня образования, которому должен соответствовать и преподавательский корпус.

Каждый ведущий университет заинтересован в повышении публикационной активности аспирантов, докторантов, профессорско-преподавательского состава. Каждый преподаватель должен владеть научной речью: уметь представлять в письменной и устной форме результаты собственных научно-методических и научно-теоретических исследований на российских и международных научных конференциях, в научных российских и зарубежных журналах различного ранга, осуществлять научное руководство, формировать исследовательские компетенции у обучающихся.

К сожалению, отсутствие навыков строгого научного письма может наблюдаться и у тех, кто уже имеет ученую степень.

Современные факультеты и центры повышения квалификации, призванные восполнить этот пробел, под инновационными технологиями нередко понимают игровые технологии, подменяя преподавателя пишущего на преподавателя играющего и изгоняя из своих программ научное письмо, которым преподаватель как человек с высшим образованием по умолчанию уже должен владеть.

Не умаляя и не преувеличивая значение игровых технологий, отметим их справедливое отсутствие в рейтинговых показателях университетов и сомнительную важность, например, для подготовки магистрантов, аспирантов и докторантов технических направлений к защите диссертаций.

Решению этой проблемы должны способствовать центры академического письма, открывающиеся или уже функционирующие в ведущих вузах России. Однако открытие таких центров, их статус, организация работы вызывают сегодня огромное количество вопросов, начиная с подготовки профессионалов, которые могли бы в них работать. Можно, конечно, пригласить туда профессиональных переводчиков, которые будут доводить представленные им на русском языке тексты до публикации в рейтинговом журнале, можно с этой же целью пригласить и редакторов для русских текстов. Публикационный рейтинг вуза, вероятно, поднимется, но это будет не образованием, а услугой. В педагогике давно решен вопрос, что важнее: накормить человека рыбой, или научить ловить рыбу. Поэтому для языковой подготовки научной элиты нужны образовательные центры академического письма, идея которых обсуждается сегодня на страницах журнала «Высшее образование в России», и, как минимум, включение курсов научной речи в основные и дополнительные образовательные программы университетов.

Здесь следует сказать, что курсы научной речи и академического/научного письма являются уже существующими и предлагаемыми университетскими практиками. С начала 2000-х гг. в Новосибирском государственном техническом университете в учебные планы для магистрантов ряда технических и гуманитарных специальностей включена дисциплина «Научная речь для магистрантов», а в рамках повышения квалификации разработан курс «Научная речь для аспирантов, докторантов, преподавателей».

Названные дисциплины преимущественно направлены на формирование русской письменной научной речи с дальнейшей ориентацией на подготовку научных статей на английском языке (умение формируется в рамках другого курса), однако мы не спешим называть их курсами академического или научного письма, поскольку их заключительным модулем обязательно является представление научных результатов в устной форме.

При разработке данных курсов мы опирались на методы, принципы и приемы, сложившиеся в современной методической теории и практике развития научной речи. Основными методами, использованными для решения поставленных задач, являются различные виды эксперимента (констатирующий, прогнозирующий, обучающий, итоговый), наблюдение за процессом овладения жанрами научной речи, метод опроса и анкетирования.

Содержание курсов базируется на материале кандидатской и докторской диссертаций [1, 2], на многолетнем опыте преподавания курса «Научная речь» («Научная речь для аспирантов, докторантов, преподавателей») учителям школ, преподавателям вузов, магистрантам, аспирантам и докторантам; апробировано в докладах на городских, региональных, всероссийских, международных конференциях, международных конгрессах в России и за рубежом.

Цель курса «Научная речь для аспирантов, докторантов, преподавателей» – формирование стилистической, текстовой, жанровой, риторической компетенций как составляющих коммуникативной компетенции в научно-профес-

сиональной сфере общения в структуре будущей элитарной языковой личности (Ю.М. Лотман, О.Б. Сиротинина, И. А. Стернин и др.).

Стилистическая компетенция языковой личности – *готовность* к построению стилистически корректных научных текстов разных жанров (знание стилистических средств, их комбинации, правил сочетаемости, умение отобрать их для построения определенного жанра).

С текстовой компетенцией мы соотносим ее владение структурно-смысловыми и композиционными особенностями текста (умение выделять и логически последовательно соединять смысловые блоки текста, комбинировать различные способы изложения, моделировать связный текст с учетом категориальных особенностей научного текста, выстраивать метатекстовое сопровождение, вводить в текст цитаты, оформлять ссылки, библиографию и пр.).

С жанровой компетенцией в научной сфере общения мы связываем сформированное у элитарной языковой личности представление о многообразии видов и разновидностей научных жанров, обусловленных их целевым и функциональным назначением; способность к моделированию научных текстов разных жанров (умение выбрать жанр сообразно коммуникативной ситуации, представить его в соответствии с социально одобренной моделью, реализованной адекватными языковыми конструкциями и стилистическими средствами и пр.).

Риторическая компетенция – составная часть, высший уровень коммуникативной компетенции языковой личности. Риторический подход в обучении, ориентированный на теоретическое осмысление и практическое воплощение текста, оптимизирует пути овладения научной речью, помогает освоению композиции речи, конкретных видов и жанров устной и письменной профессионально ориентированной речи, культуры научной полемики с учетом специфики основного предмета [4].

Содержание курса, его структура базируются на модульном подходе – курс делится «на организационно-методические блоки, обеспечивающие освоение определенного сегмента знаний, обладающие цельностью и завершенностью, полнотой и логичностью построения содержательной учебной информации». Каждый отдельный модуль «содержит свои структурные единицы и учебные элементы, способствует успешному освоению материала, помогает обеспечивать принцип сознательного обучения» [3].

Курс состоит из пяти модулей:

1. Научный стиль.

Функциональные стили современного русского языка. Взаимодействие функциональных стилей. Научный стиль русского литературного языка как один из функциональных стилей. История возникновения научного стиля. Основные черты научного стиля. Дифференциации научного стиля по подстилям и жанрам. Язык науки и подязыки специальностей. Научная терминология. Специфические особенности терминов. Речевые нормы учебной и научной сфер деятельности.

2. Научный текст.

Способы изложения в научном тексте (описание, повествование, рассуждение, определение, сообщение). Подтипы способов изложения. Коммуникативные цели способов изложения. Структура научного текста. Типы связи предложений в абзаце. Типы сверхабзацев (цепочечно-рамочный и линейно-рамочный). Композиционно-смысловая структура научного текста. Два плана научного текста. Основные свойства научного текста. Основные текстовые категории.

3. Жанровые классификации и жанровые модели.

Жанрово-стилевое многообразие русской научной речи. Письменные и устные жанры русской научной речи, жанровые классификации. Научные жанры и их внутрижанровые варианты. Модели познавательной деятельности ученого. Жанр и субжанр. Межжанровая модель научного текста. Основные этапы научного поиска и межжанровая модель научного текста. Типологические модели научных текстов и жанров. Постановочный текст. Текст-обоснование. Рецензия, отзыв, лекция. Научный отчет. Жанр доклада. Внутрижанровая классификация докладов. Структура доклада. Аннотирование и реферирование научного текста. Аннотация, внутрижанровая классификация аннотаций. Жанровый репертуар библиографических рефератов. Учебный монографический и обзорный реферат.

Во главу угла поставлен жанр научной статьи, ее жанровые модели применительно к техническим и гуманитарным текстам, сопутствующие ей вторичные жанры.

4. Риторический аспект научной речи.

Языковые, стилистические, текстовые, жанровые ресурсы научного текста, его организация, стилевое своеобразие, средства воздействия на адресата, способы достижения эффективности общения и их осознанный выбор. Средства связности (скрепы) научного текста (лексические, грамматические, стилистические, смысловые, интонационные и др.). Решение практико-ориентированных риторических задач, импровизационные выступления на научную тему, риторический анализ научных текстов, тренинговые задания по технике речи.

5. Представление научных результатов.

Формой итоговой аттестации (выпускной работой) является статья для публикации в ведущем научном журнале, дополнительно может быть подготовлена электронная презентация научного доклада с последующим обсуждением. Способности к аналитической и продуктивной текстовой деятельности в научной сфере общения, которые должен продемонстрировать слушатель, являются обязательным компонентом структуры элитарной языковой личности.

Учет индивидуальных потребностей обучающихся в группах реализуется в предоставляемой им возможности выбора материала в рамках одного задания с учетом их специальности и научных интересов, например, возможность выбрать текст для реферирования, проблему статьи, доклада и т.п. [3].

Слушатели курсов на достойном уровне пишут научные работы по специальности, обоснования для открытия новых научных программ, готовят доклады и лекции. Молодые преподаватели выигрывают различные конкурсы научных исследований, например, грантовый конкурс фонда Потанина и др.

Сформированные компетенции помогают успешно освоить курс научного письма на иностранном языке и в дальнейшем активно публиковать статьи в ведущих российских и зарубежных журналах. Следует отметить и повышение конкурентоспособности специалистов, владеющих научной речью.

Вышеизложенный опыт постановки и преподавания курса, его роль в формировании научно-профессиональной культуры элитарной языковой личности, востребованность в других вузах доказывают его эффективность и значимость для элитного образования.

Список литературы:

1. Колесникова Н. И. Лингвометодические основы развития научной речи студентов нефилологических вузов. Омск, 1999. 245 с.
2. Колесникова Н. И. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования. Орел, 2009. 450 с.
3. Колесникова Н. И. Преподавание речеведческих дисциплин в нефилологическом вузе // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 119–127.
4. Kolesnikova N., Malinina M., Ridnaya Y. The integrated master level course «Scientific rhetoric» // Social sciences and arts (SGEM 2016). Albena : STEF92 Technology Ltd., 2016. Vol. 1. P. 1151–1157.

ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ ОБОБЩЕННЫХ ПРИЕМОВ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Стефанова Галина Павловна,

*доктор педагогических наук, профессор,
первый проректор – проректор по основной деятельности,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Крутова Ирина Александровна,

*доктор педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой теоретической физики и методики преподавания физики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В обществе всегда существовал и существует тонкий слой специалистов, называемый профессиональной элитой. Это и ученые, и врачи, и политики, и художники, и другие. «Под профессиональной элитой понимаются такие профессионалы, которые задают в обществе образцы высших уровней профессиональной деятельности» [4]. Формирование профессиональной элиты – это задача не только высшей школы и послевузовского образования, но и всех типов общеобразовательных учреждений. Понятно, что становление элитного специалиста обусловлено его высококачественным образованием. Результатом качественного образования является формирование у обучаемых глубинного понимания материала предмета, содержания задач, возникающих перед человеком, и умения успешно выполнять специфические виды деятельности не только в определенных конкретных и постоянных условиях, но и в любых быстроменяющихся конкретных ситуациях. Следует подчеркнуть, что такие специалисты владеют в совершенстве не только стандартами и правилами, но и знают все исключения из этих стандартов и правил.

Каков же «механизм и условия подготовки таких людей?»

Известно, что великий древнегреческий философ Платон выступал за тщательную селекцию элиты [2]. Он считал, что наиболее способных надо учить отдельно. Такого же мнения придерживались и Конфуций в Китае, и Сулейман Великолепный в Турции. Как показывает исторический опыт, элита общества всегда формировалась в достаточно суровых условиях [3]. Такую огромную и тяжелую нагрузку всегда выдерживали далеко не все – процент отсева в элитарных учебных заведениях всегда был высоким. Но у тех, кто её выдерживал, воспитывалось упорство и высочайшая работоспособность.

В те далекие времена обучение осуществлялось через монолог учителя (перипатетическая школа Аристотеля). И это было оправдано, так как объем знаний был не очень большим, а способы выполнения различных видов деятельности только начинали накапливаться. Сегодня ситуация резко изменилась, но характер деятельности учителя в большинстве случаев остался прежним: он – главный источник информации, он объясняет, рассказывает, а обучающиеся – это аудитория, статисты перед которой учитель может выступить. При этом ответственность за сформированность знаний, умений и качеств личности перекладывается на обучающихся; именно они должны не только присутствовать на выступлении учителя, но и вникать в смысл произносимых слов, верить всему, что он говорит и выполнять всё, что он требует [1]. В таких условиях уровень образованности ученика напрямую зависит от его личностных способностей, усидчивости, силы воли, внимания и т.п.

Мы считаем, что сложившуюся традицию можно и нужно менять. Это изменение возможно, если во главу угла поставить деятельностную природу человека: каждый познает окружающий мир, ищет пути решения возникающих проблем только через собственную деятельность. А значит и учебный процесс должен быть организован так, чтобы в нем была задействована деятельностная природа человека. Именно обучающиеся должны, подобно ученым, создавать новые знания, подобно инженерам, искать способы решения конкретных прикладных задач, и действовать при этом в соответствие со своей личной потребностью.

Эффективность формирования профессиональных видов деятельности напрямую связана с уровнем овладения научными знаниями, которые являются основой при решении профессиональных задач. Это приводит к изменению роли преподавателя: он должен управлять процессом усвоения знаний через формирование тех видов деятельности, которые выполняются с опорой на эти знания.

Тогда возникает вопрос: каковы же эти виды деятельности? Для их выделения, прежде всего, обратим внимание на то, что они должны быть связаны с самими знаниями, которые являются неоднородными. Их принято делить на следующие элементы: понятия, законы, научные факты, теории. Понятия, в свою очередь, можно разделить на понятия об объектах, явлениях, величинах, процессах, состояниях. Выделим виды деятельности, связанные с каждым элементом знания. Для этого воспользуемся философским положением о том, что в каждом продукте человеческой деятельности заложено два вида деятельности: по его созданию и по его применению. Представим виды деятельности, связанные с элементами знаний, в таблице 1.

Таблица 1

Виды деятельности, связанные с элементами знаний		
Элементы знаний	Виды деятельности	
	по созданию знаний	по применению знаний
Понятия об объекте	Создание понятия об объекте	1. Распознавание объекта в конкретной ситуации. 2. Создание конкретных объектов, соответствующих понятию
Понятие об явлении	Создание понятия о явлении	1. Распознавание явления в конкретной ситуации. 2. Воспроизведение явления в конкретной ситуации
Понятие о величине	Создание понятия о величине	1. Нахождение значения величины в конкретной ситуации. 2. Воспроизведение свойства, которое оценивается данной величиной
Закон	Выявление устойчивых связей и отношений между величинами, описывающими данное явление	1. Составление уравнения, описывающего заданную конкретную ситуацию. 2. Создание конкретных ситуаций, в которых объективно действует данный закон
Научный факт	Получение научного факта	1. Распознавание конкретных ситуаций, соответствующих научному факту. 2. Создание конкретной ситуации, соответствующей научному факту
Теория	Создание теории (выделение постулатов, создание идеализированных объектов, разработка математического аппарата)	1. Объяснение конкретных ситуаций на основе теории. 2. Предсказание новых объектов, явлений, их свойств, состояний

Для формирования человека, который глубоко понимает научные знания, необходимо организовывать его деятельность по созданию знания, то есть познавательную деятельность. Познавательная деятельность – не специфическая учебная, а деятельность, конечным продуктом которой являются новые знания: понятия, законы, научные факты, теории.

Свойства этих конечных продуктов скрыты в их названиях. Чтобы выявить их, необходимо помнить, что «понятие» – это мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними; «явление» – изменение состояния объекта, возникающее в определенных условиях при взаимодействии с другим объектом; «научный факт» – суждение в котором в повествовательной форме выражена обобщенная достоверная информация о чем-то: об условиях нахождения объекта в данном состоянии; о границах применимости закона, правила, принципы и т.п.; «закон» – обобщенная информация о виде связей и отношений между величинами и т.д. на основании трактовки этих терминов можно сформулировать цели познавательной деятельности в общем виде. Например, цель познавательной деятельности по созданию понятия об объекте состоит в получении обобщенного знания об объектах, обладающих данным свойством; цель познавательной деятельности по созданию понятия об явлении состоит в получении обобщенного знания об объектах, взаимодействие которых приводит к определенному изменению их состояния и об условиях этого взаимодействия; целью познавательной деятельности по созданию теории является установление сущности группы объектов и явлений.

На современном этапе развития общества накоплено огромное количество конкретных элементов знаний в самых различных предметных областях – множество понятий, законов, теорий и т.д. Изучить их все в ограниченный период обучения практически невозможно. Поэтому современному профессионалу необходимо дать «инструменты», с помощью которых он мог бы самостоятельно «добывать» знания. Такими «инструментами» являются обобщенные приемы познавательной деятельности по созданию и применению знаний. Они обладают свойством широкого пере-

носа и применимы в любых ситуациях, что позволяет человеку быть независимым от конкретных производственных, экономических и социальных условий, происходящих в обществе.

Чтобы подготовить элитного профессионала в высшем учебном заведении, требуется коренным образом пересмотреть организацию познавательной деятельности студентов. Прежде всего, студентов надо включать в деятельность по созданию знаний, изучаемых на конкретном занятии. Каждый преподаватель должен владеть содержанием деятельности по созданию различных элементов знаний. Под содержанием деятельности будем понимать логическую последовательность обобщенных действий, приводящих к формулировке нового знания, которое может быть получено как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне познания. Например, зависимость электрической проводимости композитных материалов от параметров воздействующего магнитного поля можно установить экспериментально, многократно варьируя исследуемые образцы этих материалов и свойства воздействующего объекта, а можно теоретически предсказать на основе внутреннего строения вещества этих образцов.

Для осуществления познавательной деятельности преподавателю необходимо создать следующие условия: 1) составить исходную ситуацию, в которой у студентов возникает познавательная потребность в получении знания; 2) сформулировать цель познавательной деятельности в виде познавательной задачи, в которой указаны деятельность, которую надо выполнить, конечный продукт деятельности и его свойства; 3) разработать программу достижения цели.

Из таблицы 1 видно, что с каждым элементом знания связана не только деятельность по его созданию, но и деятельность по его применению. Под выражением «человек, усвоивший знания», понимается человек, владеющий теми видами деятельности, в которых эти знания применяются в качестве опорных.

Из вышесказанного можно сформулировать следующий тезис: знания можно считать усвоенными, если человек может распознавать конкретные ситуации, соответствующие данному знанию и воспроизводить их. Поэтому управлять усвоением знаний студентов преподаватель должен через управление формированием двух видов деятельности: по распознаванию и воспроизведению конкретных ситуаций, соответствующих знаниям, подлежащим усвоению.

Для достижения этой цели нужны задания, удовлетворяющие определенным требованиям. Во-первых, в вопросах или требованиях таких заданий должны формулироваться цели, вынуждающие человека выполнять виды деятельности по применению различных элементов знаний (табл. 1). Во-вторых, для того, чтобы то или иное знание было усвоено необходимо, чтобы одну и ту же деятельность студент выполнял в различных ситуациях. Психологи утверждают, что следует подбирать такие ситуации, в которых человеку когда-либо придется выполнять аналогичную деятельность. При этом каждый вид деятельности должен формироваться сразу в обобщенном виде, что и делает человека независимым от условий, в которых он будет действовать в будущем. В-третьих, к каждому требованию заданий должно быть подобрано 8–10 ситуаций. Это также соответствует данным психологических исследований, согласно которым для овладения деятельностью её необходимо выполнять многократно.

В результате у обучающихся в период обучения формируются такие важнейшие качества элитарной личности как упорство, умение четко формулировать цель, планировать свои действия по её достижению, прогнозировать результат и получать конечный продукт, заложенный в цели деятельности.

Список литературы

1. Анофрикова С. В. Алфавит учительской деятельности, иллюстрированная примерами деятельности учителя физики : в 2 ч. М.: МПГУ, 2003. Ч. 2. 275 с.
2. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. М.: Наука, 2004. 467 с.
3. Ашин Г. К. Элитное образование // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 76–86.
4. Элитное образование: вчера и сегодня / под ред. В. С. Горшкова. СПб.: Проспект, 2007. 289 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭЛИТНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАКТИКА АСТРАХАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Золотых Лидия Глебовна,

доктор филологических наук, профессор,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Чжу Цзянин,

кандидат филологических наук, доцент,

Чендуский институт Сычуаньского университета иностранных языков, КНР, г. Ченду

Образовательные услуги по обучению иностранных граждан в настоящее время, по данным ЮНЕСКО, предоставляют более 130 государств в мире. Для России сегодня оказание образовательных услуг по обучению иностранных граждан является не только одной из самых перспективных сфер привлечения инвестиций, но и, как отмечалось в «Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях» (2002 г.), стратегической задачей в плане подготовки зарубежной интеллектуальной элиты для «обеспечения долговременных политических и экономических интере-

сов России в регионах мира. Использование кадрового потенциала зарубежных специалистов, выпускников российских вузов для создания долговременных благоприятных условий развития политического, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества России с зарубежными странами».

Проблема изучения русского языка и проблема обучения русскому языку в современном мире рассматривается сквозь призму политических, социальных и культурных перемен, произошедших и в России, и по отношению к России, и в мире в целом. Высокий уровень интереса со стороны зарубежного государства к культуре, событиям в экономической, политической и общественной жизни России, а также степень поддержки русского языка и большой процент его изучающих являются объективными показателями «дружественного» отношения той или иной страны к нашей державе.

Значимость обучения в Советском Союзе молодежи из зарубежных государств подтверждается проведением в Москве в 2003, 2007 и 2012 гг. Всемирных форумов иностранных выпускников российских (советских) вузов (в 2017 г. планируется провести IV Всемирный форум). Среди бывших выпускников российских (советских) вузов – главы государств, члены правительств, парламентарии, авторитетные политики своих стран, родоначальники целых научных школ, которые начинали свою карьеру после получения советского / российского диплома и внесли весомый вклад в развитие родной страны и родного народа.

Хотя участники прошедших Форумов в своих выступлениях подчёркивали, что Российская Федерация занимает достойное место среди государств, лидирующих в подготовке специалистов для зарубежных стран, надо признать, что распад Советского Союза и социалистического лагеря, а также потеря образовательных связей нашей страны с развивающимися странами, повлекли ослабление российского влияния на мировом образовательном рынке. Современным положительным фактором является активизация за рубежом деятельности как по воссозданию, так и организации новых национальных объединений иностранных выпускников советских вузов.

Есть определённый потенциал для укрепления благоприятного отношения к России за рубежом в лице иностранных выпускников советских / российских вузов, говорящих на одном языке – русском и испытывающих ностальгию по стране, которая подарила им не только профессию, но и сильные тёплые чувства, заполняющие их души и не угасающие, несмотря ни на какие изменения в мире. И в такой миссии русского языка представлена его элитность..

Без преувеличения можно сказать, что флагманами в системе подготовки иностранных специалистов в российских вузах являются Московский государственный университет, Российский университет дружбы народов, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, имеющие авторитетные научно-методические школы с богатыми традициями и авторскими коллективами, которые выступают мощным импульсом развития научно-практической мысли в области преподавания русского языка иностранцам. Однако история становления русистики и опыт преподавания русского языка как иностранного в региональном вузе, как, например, в Астраханском государственном университете, показывает зарубежный интерес не только к центральным вузам.

За пятнадцать лет Астраханский государственный университет прошёл путь от вуза, занимающегося международной деятельностью от случая к случаю, до университета, центральная задача которого состоит в широкомасштабной планомерной перспективной международной деятельности. Вуз показал значимость влияния региона на формирование престижа России как мировой державы с богатым культурным и образовательным наследием и потенциалом. Одним из примеров-подтверждений является проведение международных форумов иностранных студентов и выпускников на базе Астраханского государственного университета при участии Министерства образования и науки Российской Федерации, корпоративной некоммерческой организации «Всемирная ассоциация выпускников», некоммерческого партнёрства «Ассоциация иностранных студентов России». Так, 2–5 октября 2016 г. прошёл уже IV Каспийский форум иностранных студентов и выпускников, цель которого – пропаганда российской культуры и российского образования; развитие образовательной политики России в направлении международных студенческих обменов, формирование межнациональных связей, культурных ценностей, толерантности и патриотизма; мотивация деловой активности; позитивная социализация студенческого сообщества.

История обучения иностранных граждан русскому языку в стенах Астраханского государственного университета (далее – АГУ) начала свой отсчёт с 1 апреля 2002 г., когда приказом ректора профессором Лунёвым Александром Павловичем был открыт Центр русского языка как иностранного, который в 2003 г. переименован в Центр международного образования. В 2007 г. был открыт факультет довузовской подготовки иностранных граждан. За небольшой срок в период 2002-2008 гг. автором данной статьи была организована система обучения иностранных граждан и создана научно-методическая база русского языка как иностранного в АГУ при поддержке коллег из РУДН: профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной, заведующего кафедрой русского языка и методики его преподавания профессора Виктор Михайлович Шаклеина, доцентов Елены Николаевны Барышниковой и Светланы Игоревны Ельниковой, которые в течение многих лет курировали профессиональное развитие русистов нашего вуза.

Основным кадровым составом указанных выше подразделений были недавние выпускницы филологического факультета АГУ: Репина Вероника, Думназева Вера, Казачкова Евгения – все они ныне кандидаты филологических наук. Позже в их ряды влилась Хохлина (Лаптева) Мария, ныне профессор кафедры современного русского языка. Первый прорыв в международное образовательное пространство прошёл именно в период с 2002 по 2008 г., когда курсы русского языка как иностранного прошли более 100 иностранных граждан из Исламской Республики Иран, Турции, Китая, Египта, Вьетнама, Франции, Англии, Шотландии, Германии, Италии, Финляндии, Марокко, стран Аф-

рики. Именно в это время внедрён курс культурно-языковой адаптации для студентов Гилянского государственного университета (2003) и Мазандеранского университета (2005) Исламской Республики Иран, организована практика для иностранных студентов, владеющих русским языком, в иностранных фирмах, находящихся на территории Астрахани (2003), разработан бизнес-курс для иностранцев, приехавших в Астрахань с коммерческой целью, который был внедрен для сотрудников компаний «Agir KCO» (Англия, Шотландия) и «Rozetti» (Италия) на судостроительном заводе «Красные Баррикады» (2006–2007).

С 2008 г. кафедра современного русского языка (с 2009 г. заведующий кафедрой – Золотых Лидия Глебовна) стала создавать межрегиональные экспериментальные площадки для совершенствования методики преподавания русского языка иностранным гражданам с участием русистов ведущих вузов и русистов стран СНГ с целью упрочения регионального влияния на формирование имиджа России в международном образовательном пространстве.

Определенным шагом к развитию международного сотрудничества на региональном уровне стало проведение летних школ по программе интенсивного обучения русскому языку американских студентов. АГУ выступал эксклюзивным партнёром Исследовательского фонда Университета штата Нью-Йорк (SUNY) и Council of American Overseas Research Centers (CAORC) в организации и проведении интенсивной программы русского языка по инициативе Critical Language Scholarship Program Russian Language Institutes (CLS) – «критических языков» в 2008–2010 гг.

Для молодых людей в возрасте от 19 до 27 лет, съехавшихся из разных штатов Америки, Астрахань на 2 месяца стала «Россией в миниатюре», где они воочию увидели российскую действительность, познакомились с российской культурой, историей и современностью и, конечно, совершенствовали свои навыки русского языка.

Разработанный курс учитывал как особенности американской системы обучения, так и научно-методические технологии российской образовательной системы. Перед российской стороной стояла важная задача – достойно представить не только университет, регион, но и Россию. Большинство из американских студентов впервые воспринимали и понимали нашу страну только в Астрахани, когда знакомились с неширокими улицами, на которых все дышит стариной, и многочисленными набережными величественной Волги и её притоков, посещали крупные торговые европейские центры и шумные восточные рынки и, конечно, слушали беглую русскую речь как из уст людей славянской внешности, так и от лиц других национальностей, веками мирно живущих на астраханской земле.

Перед преподавателями университета встала и другая, не менее важная проблема – обеспечить учебно-методическую базу проекта: подготовить такую учебную литературу, которая смогла бы не только удовлетворить потребности американских студентов по объёму и уровню сложности заданий, но и по качеству текстового материала обогащала бы их страноведческими знаниями за счёт сведений о ценностях и культурной жизни той части страны, в которой изучается язык, а также подготовила бы к эффективному межкультурному диалогу с носителями родного русского языка, способствовала гармонизации межнациональных отношений. Учебный процесс осуществлялся в режиме диалога различных культур. Результатом проделанной преподавателями работы стали издания, прошедшие успешную апробацию и в ходе работы летней школы, и в других международных проектах при работе со студентами из Ирана, Китая, Японии, Турции, Франции.

Понять разницу между тем, что составляет «РУССКОЕ» и что составляет «РОССИЙСКОЕ» – первая учебная задача, которую приходится решать в ходе каждой программы. Учебный процесс осуществлялся в режиме диалога различных культур:

- русской и казахской: студенты имели возможность выехать в село Алтынжар, в Центр казахской культуры, и познакомиться с казахскими традициями, которые в нашем регионе соблюдаются и развиваются;
- русской и татарской: студенты посетили татарскую мечеть, встретились с муфтием и многое узнали о быте, религии, традициях и национальных праздниках татар, познакомились с татарской кухней;
- русской и калмыцкой: экскурсия в Элисту, столицу Калмыкии, посещение центра буддизма в России стала одним из ярких впечатлений, которое увезли с собой студенты в США.

Одним из самых значительных событий в программе летней школы была встреча американских и иранских студентов, которые ежегодно приезжают в АГУ в рамках договора о сотрудничестве для реализации программы включённого обучения. Импровизированные американско-иранские переговоры длились на русском языке более двух часов. С обеих сторон была проявлена активность и искренняя заинтересованность. Студенты самостоятельно определили круг вопросов для разговора: культура народов, взаимоотношения трёх стран – России, Америки и ИР Иран, политические проблемы мирового масштаба и, конечно, просто рассказывали о себе, обменивались электронными адресами. Позже американские студенты сами оценили эту встречу на русском языке как уникальную, которая может стать началом новых будущих отношений США и Ирана.

Другой проект репрезентации элитности русского языка в международном образовательном пространстве, реализующий когнитивно-культурологическую модель включённого обучения и разработанный в 2009 г. для студентов Гилянского университета Исламской республики Иран, успешно используется и в китайской аудитории для студентов, приезжающих по программе включённого обучения в течение нескольких лет из Чэндуского института Сычунского университета иностранных языков и Хайнаньского университета на факультет филологии и журналистики. Элементы когнитивно-культурологической модели успешно апробируются уже в течение трёх лет (2014–2017 учебные года) русистами АГУ в процессе работы со студентами I и II курсов на факультете русского языка в Чэндуском институте Сычунского университета иностранных языков.

Когнитивно-адаптивная модель интенсивного обучения русскому языку несколько лет используется при обучении студентов из Университета Канагава (Япония). В 2015 г. для студентов российско-японским авторским коллективом были подготовлены оригинальные учебные пособия с лингвокультурологическими комментариями на японском языке. Надо отметить, что преподаватели кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета издали несколько учебных комплексов по русскому языку как иностранному, получивших признание и высокую оценку как российских коллег-русистов, так и зарубежных.

Созданная в АГУ площадка для реализации Всемирной инициативы CDIO стала основой для разработки и реализации одного из последних проектов – «Система русскоязычного образования студентов-инофонов в условиях диалога культур», что продиктовано необходимостью совершенствования образовательного процесса в обучении русского языка как иностранного, интенсификации решения профессиональных задач с учётом реальных потребностей студентов-инофонов. В АГУ имеется контингент около 1000 иностранных студентов, языковая и коммуникативная компетенция большинства которых требует корректировки и систематизации.

Проблема заключается в отсутствии единой парадигмы в обучении русскому языку студентов-инофонов. Современные методики русского языка как иностранного ориентированы в своём большинстве на знаниецентрическую парадигму, что в реальной действительности не способствует вхождению студентов-инофонов в коммуникативный процесс на русском языке и их быстрой культурно-языковой адаптации в русскоязычной среде. Студенты-инофоны, общаясь, в основном, друг с другом на родном языке, снижают динамику овладения русским языком. Для культурно-языковой адаптации необходимо взаимодействие со студентами – носителями русского языка по принципу «Равный обучает равного».

Проект внедряется на всех факультетах АГУ в целях повышения качества обучения иностранных студентов, а результаты, несомненно, будут использованы в магистерских программах «Русский как иностранный» и «Международная коммуникация». Кроме того, разработанные в рамках данного проекта программы, лингводидактический материал, методические рекомендации могут быть предложены для преподавания подобных курсов в других регионах, что будет способствовать развитию новых образовательных технологий лингвокультурного освоения особенностей России.

Таким образом, одним из основных направлений развития системы образования в Российской Федерации является её интеграция в международное образовательное пространство. Миссия русского языка в обеспечении экспорта образовательных услуг с целью формирования будущего потенциала для укрепления благоприятного отношения к России за рубежом. Ознакомление с научными и культурными достижениями, развитие делового сотрудничества с российскими партнёрами, оказание содействия в поддержании знаний русского языка, взаимодействие с неправительственным сектором гражданского общества в целях насущных проблем международного образования и социального развития также является приоритетным направлением развития системы образования Российской Федерации.

Реализация образовательных программы по изучению русского языка и национальных культур этносов России, способствующих развенчанию ложных стереотипов и формированию истинного представления иностранцев о политической, экономической, культурной и социальной ситуации современной России; организация авторских коллективов по созданию учебно-методических комплексов с привлечением преподавателей региональных университетов, работающих над данной проблемой, и иностранных коллег – всё это позволило расширить границы международного образовательного пространства Астраханского государственного университета и утвердиться региональному вузу в преподавании русского языка иностранным гражданам как в России, так и за её пределами.

ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ: СВОЙ VERSUS ЧУЖОЙ¹

Хлыщева Елена Владиславовна,
*доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира, дифференцирующаяся и усложняющаяся в процессе общественного развития. Это тот фундамент мировосприятия, опираясь на который человек в этом мире действует, наделяя свои действия определенным значением. Общество в большей своей части стойко воспроизводит стереотипы, исходя из своих культурных паттернов в плоскости «Свой – Чужой», что является определяющим при всех культурных контактах. Стереотипы управляют процессом восприятия информации, подгоняемой под устойчивую общую формулу, что делает сам процесс восприятия относительно легким и лишенным критического анализа.

Современная социокультурная ситуация демонстрирует устойчивость структурных элементов мифа и их включенность во все сферы культурной деятельности человека. Удовлетворяя социокультурную потребность в целостном знании, миф организует и регламентирует жизнь человека, предписывая правила социального поведения, обу-

¹ Выполнено при поддержке РГНФ проект № 15-03-00402 Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации.

славливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума.

Трансформируясь в процессе цивилизационного развития общества, стереотипность по-прежнему остается одним из способов человеческого бытия в культуре. И, несмотря на то, что современные стереотипы по содержанию и по форме отличаются от древних, они все также влияют на умы и поступки массового человека, который даже не задумывается, что живет в мире мифа-симулякра. По сути, происходит конструирование массовых симулякров, соотносимых с традиционными паттернами, основанными на обязательном сохранении и воспроизведении традиций, а потому не допускающих творческого осмысления действительности. Поэтому такие симулякры массовой культуры искусственны и не могут решить реальных проблем социальной адаптации.

Постмодернистская ментальность привнесла новый способ видения пространства и времени, опираясь на такие признаки, как неопределенность, фрагментарность, деканонизация, что способствует формированию мифосознания, соответствующего массовой культуре. В таких условиях актуальной становится проблема «соотношения подлинника и копии» – массовой и элитарной культуры – в рамках «новой эстетической парадигмы как эстетики вторичного» [4, с. 156].

Постмодернистская ризома представляет культуру как своеобразное виртуальное пространство, «вполне реальное и в то же время иллюзорное, имеющее смысл исключительно в качестве дубликата, знака иной действительности – существующей, но недостижимой» [3, с. 69]. Может ли в таких условиях существовать элитарная культура, которая по определению выступает как нечто «чужое» культуре массовой.

Изначально элитарная культура понималась как культура привилегированных групп общества, с присущим духовным аристократизмом и ценностно-смысловой самодостаточностью. Это культура привилегированной, высокообразованной части общества. Она противостоит как народной, так и массовой культуре, так как требует хорошей подготовки для правильного восприятия. Поэтому сегодня элитарная культура часто воспринимается «башня из слоновой кости», отгородившаяся своим мировоззрением от реальной повседневной жизни. Тем более, что современная массовая культура проникает во все области «высокой культуры», делая их «доступными» для восприятия массовым человеком, естественно, снижая при этом общекультурный уровень ее потребителей.

Философы конца XIX – начала XX вв. (Ф. Ницше, Н.А. Бердяев, Й. Хейзинга и др.) крайне негативно воспринимали все проявления массовой культуры по причине отсутствия в ней креативного начала. В рамках постклассической концепции массовой культуры принимается идея конвергенции элитарной и массовой культуры (Э. Фромм, Г. Маркузе, Д. Белл, А. Тоффлер и др.). «Омассовление» стало пониматься как процесс усреднения культуры, при котором ценности, «бывшие лишь достоянием элиты, стали доступны массам» [2, с. 84]. Иной вопрос – в каком виде? Ведь массовая культура «работает» исключительно со стандартизированным мышлением.

Сегодня субъектом массовой культуры является массовый человек со стертым индивидуальным началом, не способный к самостоятельному творчеству, в то время как элитарная культура формирует креативное сознание, способное к преобразующей деятельности и творчеству. Элитарная культура противостоит массовой не по специфике отображения действительности, а по способу воздействия на воспринимающее сознание, сохраняя смыслообразующую функцию.

Элитарная культура современного общества потребления – единственная, кто способен к сохранению и воспроизводству основных смыслов культуры. Субъект элитарной культуры – свободная, креативная личность, способная к преобразовательной деятельности в соответствии с объективными законами действительности. Поэтому творения элитарной культуры нацелены на тех, кто способен воспринимать глубокий смысл происходящего. Это высокообразованные люди с особым, более тонким восприятием мира, элита – «не родовая аристократия и не привилегированные слои общества, а та часть общества, которая обладает особым «органом восприятия» [5, с. 241].

Постмодернистская картина мира стерла непреходимую границу между элитарной и массовой культурой. Современность характеризуется «открытостью художественного произведения, вызвано новым пониманием картины мира, кардинально отличным от всех предыдущих» [8, с. 204]. Такая открытость представляет незавершенное поле «сотворчества», возможное даже в темпоральном пространстве и позволяет толковать содержание «на тысячи ладов, не утрачивая при этом неповторимого своеобразия» [8, с. 49], ведь «любое заблуждение может быть признанным носителем истины» [7, с. 101].

Элитарному сознанию присущи природная эластичность, гибкость, позволяющие «играть» различные роли в социуме: ученого, философа, писателя, художника и т.д. Однако если поле массового сознания постоянно нуждается во внешней подпитке и без нее разрушается, то поле элитарного сознания самодостаточно и способно существовать автономно. Как результат, существует «порог вхождения» [1, с. 518] как защита от профанной культуры. Элитарное и массовое сознания в единой культурной среде разделены культурным порогом, акцентирующим несхожесть и принадлежность к разным сферам. Это и есть граница элитарности.

В самой культуре как целостности всегда присутствуют лакуны и пустоты, которые необходимо заполнять по мере развития общества. Именно здесь зарождаются структуры, находящиеся на стыке многообразных явлений культуры (пограничное искусство, междисциплинарные исследования и т.д.). Такие лакуны быстрее всего заполняет массовая культура, разрушая саму структуру как стабильно определенную, предлагая радикальную альтернативу закрытому, аристократическому миру элитарной культуры. Преодоление «порога культуры» возможно именно в ризомном мышлении: медленный переход от одного уровня к другому заменяется «перепрыгиванием» через культурные ступени.

Элитарную культуру уже не рассматривают как культуру господствующих общественных групп, не воспринимают как авангардное искусство, которое способны ценить только подготовленные к этому личности, не противопоставляют массовой и традиционной по содержанию. В XXI в. элитарная культура определяется как «высокая», чутко реагирующая на моду и вкусы, доминирующие в массовой культуре. При этом ценности массового сознания интерпретируются элитой и зачастую принимают карикатурные формы. Попытки преодоления культурного порога массовым сознанием с целью освоения элитарных ценностей обычно сводятся к выявлению статусов престижности и материальной состоятельности, в результате чего происходит упрощенная интерпретация, искажающая до примитива культурные тексты.

Элитарная и массовая культура в пространстве постиндустриального общества соотносятся друг с другом «как два поля, неравнозначные по объему и структуре и пересеченные складками, многие из которых преломляются из одного поля в другое» [1, с. 521], что порождает многообразие форм, когда, например, элитарное сознание выступает как носитель элитарной интеллектуальности, то как массовый потребитель.

Пересечения полей наблюдаются в журналистике, искусстве, литературе, науке, политике. Несмотря на постоянное увеличение и усложнение «порога вхождения», способ ризомного видения позволяет массовому сознанию найти понятное и знакомое везде, в чем угодно. Главное – это желание найти. Здесь стираются границы между серьезным и развлечением, что так ярко отражено в постмодернистских произведениях, пытающихся выработать стратегию, разрушающую противоречия элитарной и массовой культуры. Однако только элитарному сознанию присуща креативная трактовка реальности, в то время как массовое сознание является «продуктом усвоения норм понимания и суждения, которые отождествляются с «хорошей формой» [6, с. 170.]

Х. Ортега-и-Гассет считал, что «самые укоренившиеся, самые бесспорные наши убеждения – всегда самые сомнительные. Они ограничивают нас, втискивают в узкие рамки. Упрямое стремление сохранить самих себя в границах привычного, каждодневного – это упадок жизненных сил. До тех пор пока мы способны наслаждаться цельностью и полнотой бытия горизонт расширяется. Напротив, когда горизонт застывает – это значит, что наша жизнь окостенела и мы начали стареть» [5, с. 243]. Именно такому угасанию противодействует элитарная культура.

Список литературы

1. Иконникова С. Н. Теория культуры. СПб : Питер, 2008. 592 с.
2. Костина А. В., Кожаринова А. Р. Конструктивный потенциал массовой культуры. М.: ЛЕНАНД, 2015. 256 с.
3. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: ЛКИ, 2011. 352 с.
4. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб : Алетейя, 2000. 352 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991. 366 с.
6. Эко У. Маятник Фуко. СПб : Symposium, 2005. 768 с.
7. Эко У. Остров накануне. М.: Астрель, 2012. 576 с.
8. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб : Академический проект, 2004. 384 с.
9. Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. 420 с.

ПАРАДОКСЫ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Щеглова Людмила Владимировна

доктор философских наук, профессор,

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград

Образ желаемой личности, транслируемый в процессе общественного образования, прежде задавался либо религией, либо искусством, либо, и чаще всего, государственной идеологией. Когда государство перестало давать внятный социальный заказ на эталон образованного человека, предполагалось, что таковую модель сможет предложить бизнес-сообщество и будущий работодатель. Кризис в образовании усилился, когда стало ясно, что эти ожидания не оправдываются в условиях невиданного ранее темпа изменения социокультурной среды, плюрализма ценностей и целей и электронной революции, изменившей не только процесс трансляции, но в значительной мере и саму форму знания.

Может ли в таких условиях образовательное сообщество само сформулировать новый образовательный идеал с тем, чтобы определить совокупность целей собственной деятельности? Болонская программа, во многом порожденная идеей наднационального единства, гражданства мира, предложила идеал «человека компетентного», который не был обоснован серьезными научными исследованиями, а его бюрократизация, вызвав сопротивление университетских корпораций, и вовсе дискредитировала первоначальную идею. Результатом стало углубление всемирного кризиса гуманитарного образования, в русле которого собственно и формируются ценности и идеалы, а главное, что именно в нем воспитывается человек, способный находить новые способы решения задач, ломать стереотипы, порождать новые идеи и создавать доселе неведомые образцы. Люди, способные к этому, и должны получать систематическое элитное образование, начиная с элитной школы, через колледж и университет.

Здесь возникают три важных вопроса: кто будет заказчиком такого образования; где воспитаются требующиеся для этого педагоги; что мешает проектам выращивания элит полноценно реализовываться в России? «Структура

бизнеса уже устроена так, что ему не нужно высшее образование, ему нужно среднее специальное образование, или так называемое массовое образование, которое может быть повышено в корпоративных учебных центрах *ad hoc*. И ему вообще не нужно гуманитарное образование» [3, с. 153]. Со своей стороны наше государство по-прежнему заинтересовано в трансляции культуры в неразрывной связи с национальной идентичностью. Оно хотело бы получить на выходе из университета высококлассного профессионала и при этом патриота, который, получив качественное образование, не уедет в другую страну.

В известных работах социологов З. Баумана [1], Б. Ридингса [6] и др. убедительно обосновывается тот факт, что именно упадок национального государства под воздействием процесса глобализации неотвратимо ведет к упразднению миссии Университета и её социальной значимости. Эта миссия заключалась в «производстве национальных субъектов», сочетающих целостностную профессиональную подготовку с высоким уровнем индивидуальной культуры. В нашем российском случае хоронить эту модель несколько преждевременно, хотя и понятно, что она утрачивает свою устойчивость в связи со стремительным размыванием в современной социокультурной глобальной ситуации не только национальной, профессиональной, но и всяких иных идентичностей. Системное образование в ответ на этот запрос уже не может быть предложено. Статус гуманитарного образования в этой модели также под вопросом, поскольку государству требуется не свободный, творческий человек (что бы оно не провозглашало официально), а «благонадежный, заслуживающий доверия правящей власти и соответствующий её представлениям о нормах поведения и образе жизни» [5, с. 115].

Справедливости ради следует отметить, что это характерно не только для России. Так выдающийся американский философ М. Нуссбаум в своей книге «Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки» обосновывает важность гуманитарных наук для всех уровней образования и развенчивает представление о том, что образование прежде всего являет собой инструмент экономического роста. Она пишет: «...образование, нацеленное исключительно на достижение экономической эффективности в рамках мирового рынка <...> воспитывает алчность и тупость, технический профессионализм и покорность, то есть качества, угрожающие самому существованию демократии и безусловно препятствующие созданию достойной мировой культуры» [4, с. 182]. Трудно не согласиться с ее предупреждением: «Если мы не выступим в защиту гуманитарных наук и искусства, они будут забыты, ведь они не приносят денег. Однако они делают нечто куда более ценное: они создают мир, в котором хочется жить; людей, полноценных членов общества, обладающих собственными мыслями и чувствами и заслуживающих уважения и сострадания, и государства, которые способны преодолеть страх и подозрительность и предпочесть им дискуссию, основанную на взаимном уважении и оперирующую обоснованными доводами» [Там же].

Распространенный сегодня тип человека, которого стихийно формирует современная массовая культура – хаотический гедонист. Только элитное гуманитарное образование может противопоставить ему тип ответственной творческой личности, способной к адекватной самореализации на всех ступенях социальной лестницы, т.е. человека – мастера своего дела. Падение уровня гуманитарного образования ухудшает перспективу поддержания элитных учебных учреждений, поскольку ставит старый вопрос о том, «кто воспитает воспитателя?». Как в обществе, так и у властей отсутствует понимание того, что наставнику, ведущему талантливых людей к вершинам человеческого духа, необходимо основательное образование в области философских наук, вскрывающих смыслы и ценности, а не прагматическую полезность. Однако во всем мире сегодня наблюдается кризис генерализующего знания и соответственно упадок философского и культурологического образования. О его причинах и последствиях мы подробно писали в своей статье [7]. В определенном отношении именно элитное образование могло бы стать «временным убежищем» для сохранения некоторых его наработок.

Современное образование ориентируется на развитие способностей человека. Компетентность включает в себя умение применять знания, но не только. Компетенция – это ключ к различению. Создание человека компетентного – это в сущности создание человека культурного, способного к субъектному квалифицированному выбору на основе тонкого, а не грубого различения вещей. Но при этом сама система современной культуры стремится сделать его безразличным, как раз неспособным к различению, незаинтересованным в нем. Избыток информации ведет к стремительной утрате аналитических способностей и возрастанию объема ориентационных и операционных знаний в ущерб фундаментальным. Меняется экзистенциальное состояние обучающегося. Современный человек должен быть готов к восприятию мира в его изменчивости и подвижности, к действию в неожиданных ситуациях, к принятию решений в условиях неопределенности. От образования требуется учет уникальных жизненных траекторий его участников, рефлексивное отношение к существующим способам жизни и деятельности.

Таким образом, всем университетам в новых условиях предстоит ответить на вызов истории: найти способы обучения и развития современного человека, а это значит перейти от моделирования по идеальному образцу к организации и согласованию саморазвития индивидов. Не случайно учебные заведения сегодня стремятся создать воспитывающую среду, развивающую не только интеллектуальные, но и другие способности человека. Старая философия мало, чем может помочь современному человеку в его опыте освоения мира. Её облик должен измениться. «Грядущая философия есть философия обоснования индивидуального начала в мире. Бытие как утверждение себя – это бытие индивидуальное. Это бытие образует не мир существования, а мир доступа, мир достигаемого и достижения, мир свершений и событий» [2, с. 262]. Отвечая на вопрос о том, что делает индивидуальность индивидуальностью, философия в таком её виде сможет помочь каждому стать «специалистом по самому себе». Парадоксально, но два разнонаправленных процесса не сменяют друг друга, а нарастают одновременно. Спрос на самопознание,

саморазвитие, самореализацию, саморганизацию и самообразование сосуществует с подвижной, «плавающей» самоидентичностью, когда «истина самотождественности Я уступает место «ликвидной индивидуальности» [1].

С нашей точки зрения сегодня в поддержке и развитии нуждается именно элитное образование с возвращением к идее меритократии с тем, чтобы уравновесить распространившуюся «примитивократию». Доминирование в течение долгого времени эгалитаристских тенденций привело во всем мире к проникновению культурно отсталых людей в руководящие социальные группы, следствием чего стало преобладание в эшелонах власти иррациональных сил. Федеральное правительство тем не менее может поддерживать элитные формы образования, понимая его контингент в качестве стратегического ресурса общества, способного осуществлять сознательный социальный контроль и управлять изменениями и нововведениями на основе транслируемых в них теоретического знания и высокой культуры. Вполне возможно, что именно в них и будут выдвинуты новые образовательные цели. Для этого элитный университет может стать в условиях демократии своего рода «государством в государстве», воспитывающим меритократическую социальную страту.

Преобладающее количество университетов должны оставаться на срединном (медиативном) уровне культуры, на котором антиномия элитарного и массового носит условный характер. Они, представляя собой срез современного общества, объединяют в себе многообразный ряд сообществ в духе предложенной К.Керром концепции мультиверситета. Коммунитарная природа такой формы университета более соответствует коммуникативному и декларативному характеру современного знания. Она может обеспечить большее влияние университета на формирование общественного мнения, в сфере которого он постоянно и пока проигрышно конкурирует с масс-медиа. Последние в свою очередь служат развитию «демократии настроений», а не «демократии знаний» и слишком напрямую зависят от власти денег.

Поэтому для укрепления авторитета науки, для защиты от «легкомыслия и бессовестной глупости» инфантилизированного субъекта современной культуры следует отвернуться от идеи предоставления образовательных услуг даже в области массового образования, а вернуться к освоению и развитию новых функций университета в будущем «обществе знаний», провозглашенном в прогностических концепциях социологии XX в.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 302 с.
2. Конев В. А. Смыслы культуры. Самара : Самарский университет, 2016. 276 с.
3. Макаров А. И. Современный образовательный идеал: философские основания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия, социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 151–156.
4. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Высшая школа экономики, 2014. 192 с.
5. Полищук В. И. Традиция воспитания «нового человека» в истории российского образования // Образование и наука. 2013. № 6 (105). С. 106–118.
6. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Высшая школа экономики, 2010. 304 с.
7. Щеглова Л. В. Культурные причины кризиса интегративного знания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 8 (93). С. 4–9.

НАУЧНЫЕ ЭЛИТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИЙ П.И. НОВГОРОДЦЕВА И И.А. ИЛЬИНА

Ильин Алексей Александрович,

*аспирант кафедры философии политики и права,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Павла Новгородцева и Ивана Ильина сегодня можно отнести к научной элите. Два профессора Московского университета попадают под оценочную критерию элиты сразу по нескольким пунктам: они имели возможность, как при жизни, так и по её завершению оказывать серьезное влияние на умы современников и последователей, всячески старались доказать верховенство закона и личности, как могли, спасали Россию от «красного» гнета. Ссылаясь, на определение «элиты» проф. П.Л. Карабущенко, который отчасти ссылается на Платона: «элита – это группа лучших личностей, которая должна самым наилучшим образом улучшить мир, исправив его недостатки за счет усиления его достоинств» [6, с. 49]. Что пытались исправить П.И. Новгородцев и И.А. Ильин и когда над ними «зажегся» огонек научной элиты вместо большевистских врагов?

Дихотомия хорошего и плохого встречается во все времена и во всех направлениях и отраслях. Политики, философы, правоведы практически всегда находятся в вечном поиске идеального: спорят, ругаются, ненавидят друг друга, а иногда используют и радикальные меры воздействия друг на друга. Чем не показателен пример начала XX в., когда за свои старания пострадали великие ученые, поэты, деятели культуры. Период конца XIX – начала XX в. подарил России немало громких имен, которые сегодня ставятся в пример современному академическому поколению, даже не смотря на то, что при жизни тех, или иных людей угнетали подобные же им, но с противоположными взглядами. Ярким примером изгоев в прошлом выступают две довольно известные на сегодняшний день фамилии – П.И. Новгородцев и И.А. Ильин. Свою известность они приобрели за неподкупность, верность глубинным традициям и патриотизму.

В основе их трудов, как одного, так и другого наивысшей ценностью является – принцип личности и верховенство закона. Все бы хорошо, но если при жизни эти люди были изгоями – врагами большевистского государства, почему сегодня они в «списке» научной элиты. Что стало основополагающим фактором?

Прежде чем, перейти к доказательствам, автор считает нужным напомнить основные моменты жизни двух ученых. Павел Иванович Новгородцев и Иван Александрович Ильин выпускники, а в последствии профессора Московского университета. П. И. Новгородцев увлекался философией права, впрочем это передалось и его ученику И.А. Ильину. Идейными вдохновителями и того и другого являлись учения Канта и Гегеля, впрочем, это они и противопоставили большевистскому Марксизму. За что и поплатились в рассвете своих сил: Павел Новгородцев был вынужден бежать из России, а Ивана Ильина в принудительном порядке отправили в Европу: ««Постановлением» коллегии ОГПУ его приговаривают к смертной казни, потом заменяют её высылкой; постановлением Президиума ВЦИК лишают гражданства, конфискуют все имущество и вместе с другими русскими мыслителями 26 сентября 1922 г. депортируют на пароходе, «Обер-бургомистр Хакен» из России в Германию» [9, с. 8].

Казалось бы, умные люди, образованные, зрелые и не смогли проявить «лисий» характер и остаться жить в России, почему, что за причины повлияли на выдворение ученых?! Как уже отмечалось, П.И. Новгородцев и И.А. Ильин шли против течения, которое задавали большевики и всячески высказывали критику в адрес их идеологии. Успеха не находили, но продолжали настаивать на своем. Как подтверждение – цитата из некролога написанная учениками об П.И. Новгородцеве: «С удивительным спокойствием и достоинством жертвовал он здесь многим и не приобретал ничего: с тем же достоинством он принимал последствия своего акта. Таков он был всегда: следуя долгу, он шел на утрату многого, всего; и глубоко хоронил в себе огорчение и боль. Я никогда не видел его в состоянии малодушия или уныния....» [3, с. 253].

Может ли самопожертвование отнести человека к элите? «Анализ политической истории показывает, что элита появляется на свет в результате двойного действия: 1) совершения «кем-то» выбора (отбора), в результате которого появляется избранное, и 2) согласия «других» с тем, что этот выбор был правильным. Разногласия между участниками выбора и последующего диалога могут возникнуть как еще на подготовительном («нулевом») этапе элитообразования, так и на этапе, когда элита утвердилась в своем статусе и в своей власти» [6, с. 51].

Но все же, как полагает автор, к научной элите Павла Ивановича Новгородцева и Ивана Александровича Ильина отнесли за научно пророческий взгляд, в котором П. И. Новгородцев и И.А. Ильин предсказали неизбежный крах социалистической демократии большевиков. В частности, вот как критикует Иван Ильин народный натиск большевиков: «Что же делать там, где... у человека нет ни имущественной, ни волевой самостоятельности? Где все подготовлено для своекорыстия и публичной продажности? Где дисциплина не сдерживает личного и совместного произвола? Где нет ни характера, ни лояльности, ни правосознания? – Все-таки вводить демократический строй? Для чего же? Чтобы погубить государство и надругаться над всеми принципами демократии? Чтобы все закончилось коррупцией, безобразной смутой и разложением государства? – И все во имя доктрины?» [2, с. 357]

Сначала – это не воспринималось всерьез, но спустя годы – правота ученых стала видна невооруженным взглядом. Научные высказывания обрели смысл и спустя время подтвердили правоту авторов. Вот как, с легкой критикой, отреагировал на большевистские идеи Павел Новгородцев: «Для избежания в конкретной социально-правовой жизни субъективизма и произвола нужна не только традиция. Необходимо установить высшую, безусловную в праве норму, которая могла бы служить нравственным основанием в обществе и абсолютной санкцией в законодательстве. Такой нормой, по Новгородцеву, может служить только «принцип личности» [10, с. 196].

Ни того, ни другого, ни третьего – у большевиков – не было. Публичная критика Марксизма Новгородцевым и Ильиным проявила интерес к их трудам во всем мире. И умозаключения предложенные учеными нашли подтверждение в мировом научном сообществе. Исходя из этого, следует: что элита может быть по форме, как большевики и содержанию – Новгородцев и Ильин. Только вот, признание ученых наступило после смерти. Как бы награда за их мучения, а отнести к элите П.И. Новгородцева и И.А. Ильина при жизни мешала безграмотность населения, что заставило народ быть ведомыми большевиками. Впрочем, как выскажется сам Павел Иванович Новгородцев: «Народная жизнь... т.е. масса, толпа — всегда течет по инерции. Нужны двигатели, встряхивающие по временам толпу, мешающие ей застыть и направляющие ее в иную, лучшую сторону» [7, с. 575–579].

Трудность в том, что и сейчас и на момент создания государства общество стремилось, чтобы им управляли самые лучшие. Только как определить, кто лучше, кто мудрее, кто действительно есть элита, а не лгуны прикрывающиеся под маской. Как выясняется: «У общества нет единого рецепта того, как найти это самое лучшее и каким образом его избрать. Когда в элиту начинают проникать элементы массовой культуры и массовой психологии (то есть идет процесс омассовления элиты), снижается не только качество ее элитности, но и возникает совершенно иная цена ее стоимости. Предельная полезность элиты убывает, возрастают невозвратные затраты (коррупция, низкая эффективность управления, демагогия и прочие издержки), свидетельствующие о ее деградации. Качество элиты измеряется не ее «индексом цитирования» в СМИ, а уровнем ее профессионализма (где главным должны быть качество образования и КПД)» [6, с. 51].

Уровень профессионализма Павла Новгородцева и Ивана Ильина можно позавидовать. Мало того, Павел Иванович не только был выдающимся ученым, который с точки зрения науки описывал идеальное государство в своем представлении, он и пытался притворить свои мысли в жизнь: «Он входил в Конституционно-демократическую фракцию. Член комиссий: о неприкосновенности личности.... » [1, с. 432].

Работал П.И. Новгородцев не покладая рук, являлся он и одним из основателей партии «кадеты». На всех фронтах либерал – Новгородцев боролся за закон и справедливость. Выступал он и своего рода «магнитом» для общества, о его умении говорить и выступать перед публикой ученики напишут следующее: «Мы, начинающие студенты, слушали его по-особенному, многого не понимая, напряженно ловя каждое слово, напряженно вникая: он говорил о главном; не о фактах и не о средствах; отвлеченно, но о живом: он говорил о целях жизни, и прежде всего о праве ученого исследовать и обосновать эти цели» [3, с. 249]. И.А. Ильин же в политику не лез и был беспартийным: «Но там, где он мог помочь своим знанием, своим умением, своей силой суждения, своим опытом, он никогда не отказывал в содействии» [5, с. 429].

Своими работами выдающиеся профессора П.И. Новгородцев и И.А. Ильин оказывали существенное влияние на большевистскую идеологию. Что последним, безусловно, не нравилось. Но «красные» неоднократно совершали несколько попыток «подружиться» с учеными и в последствии переманить их на свою сторону. Особенно интересовал большевистских лидеров Павел Иванович Новгородцев. «Он неоднократно получал приглашения войти в состав Временного правительства, но всякий раз от них решительно отказывался» [8, с. 255].

Известны случаи, когда большевики подсылали своих людей и к Ивану Ильину. Это было как раз накануне высылки его из России. Ему в очередной раз дали возможность одумать и примкнуть к большевикам, неизвестный мужчина, вот что говорил Ильину: «Вы, – говорил он, – конченый человек; вы неизбежно оторветесь от России и погибнете... Что вы без родины? Что можете без нее сказать? Уж через несколько месяцев вы не будете понимать того, что здесь совершается, а через год вы будете совсем чужды России и не нужны ей... Иссякнут ваши духовные родники... И вы станете несчастным, беспомощным, изверженным эмигрантом» [4, с. 26].

Как не угрожали и не пугали П.И. Новгородцева и И.А. Ильина – они остались верны своим взглядам, убеждениям и научным изысканиям. Возможно, кто-то скажет, что для этих людей мало такого определения как научная элита, куда свойственен описывающий термин – научный героизм. Пусть будет и так. Но все же в академическом мире научная элита звучит куда понятнее. «В целом, мы вправе сказать, что элита представляет собой некое гипербщество, наделенное сверхспособностями и сверхвозможностями, позволяющими ей быть всегда активной, актуальной и абсолютной (то есть центром притяжения всеобщего интереса). Именно эта гиперактивность и выводит ее на первый план и дает ей все первые роли. Элита – это первенство во всем, где есть конкуренция и производство качества» [6, с. 51].

Как мы видим, конкуренция и производство качества было. То, что случилось в начале XX в., было скорее необходимостью и нужным моментом в истории России. Мы считаем так, опираясь на высказывание П. И. Новгородцева: «Мир уснул бы блаженным сном покоя, если бы в нем не было зла. И нет выше воодушевления, как то, которое возбуждается страстным стремлением к борьбе со злом и несовершенством» [11, л. 250б]. Собственно, события тех дней и породили ту элиту, о которой шла речь в данной статье. Следовательно, элиту рождает событие, а время приписывает личности статус – элиты. И как показывает практика, элитой на века можно стать преимущественно после смерти. Так как внешние факторы в лице врагов создадут множество препятствий, преодолевая которые человек открывает в себе элитарную способность на века.

Paul Novgorodtseva and Ivan Ilyin today can be attributed to the scientific elite. Two professors of the Moscow University are subject to the evaluation criteria of the elite on several points: they had the opportunity, both in life and on its completion have a serious impact on the minds of his contemporaries and followers, tried in every way to prove the rule of law and the individual, as they could have saved Russia from “red” oppression. Referring to the definition of “elite” prof. P.L. Karabushchenko which partly refers to Plato: “Elite – a group of the best individuals to be the best way to improve the world, correcting its deficiencies by strengthening its merits”. What we were trying to fix PI Novgorodtsev and IA Ilyin, and when over them “lit up” light of the scientific elite, instead of the Bolshevik enemies.

Список литературы

1. Государственная Дума России: Энциклопедия : в 2 т. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). 768 с.
2. Ильин И. А. Долой политическое доктринерство! // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 2.
3. Ильин И. А. Памяти П.И. Новгородцева // Собр. соч. : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. 512 с.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. 400 с.
5. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 24. 80 с.
6. Карабущенко П. Л. Элита как ценность: смысл избранности // Ценности и смысл. 2016. № 1 (41). С. 48–62.
7. Новгородцев П. И. Б.Н. Чичерин // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000.
8. Протоколы заграничной группы Конституционно-демократической партии. 1923–1933. Т. 6, кн. 2.
9. Филиппова Т. А. Иван Александрович Ильин // Ильин И.А. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 8.
10. Шамшурин В. И. Философия права П.И. Новгородцева и его критика социальных утопий // Философия политики и права: / под общ. ред. Е. Н. Мощелкова и О.Ю. Бойцовой. М.: Воробьев А.В., 2016. 380 с.
11. ОР РГБ. Ф. 376. К. 6. Д. Л. 250б.
12. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь / под ред. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделкова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
13. Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.

АКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Белолипская Галина Сергеевна,

кандидат филологических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Максимова Наталья Викторовна,

кандидат филологических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Задачей журналистского образования, в решении которой ключевую роль играют университеты, является формирование информационной элиты общества. В современных реалиях стремительной трансформации медиаиндустрии требования к журналисту в профессиональных навыках и технических знаниях существенно возрастают, что диктует необходимость применения новых подходов к журналистскому образованию. В результате, традиционный академический подход к процессу обучения дополняется новыми методиками и технологиями. Одним из ведущих инструментов профессионального образования журналиста сегодня являются проектные технологии, относящиеся к группе активных методов обучения. Преподаватели кафедры теории и истории журналистики Астраханского государственного университета осваивают проектные технологии, внедряя их в преподавание курсов «Основы журналистской деятельности», «Копирайтинг», «Организация работы редакции СМИ», «Психология журналистики», «История отечественной журналистики» с целью повышения эффективности процесса получения обучающимися профессионального образования [5]. Рассмотрим разработанные и внедренные инновационные формы обучения журналиста.

Проект «Школа научной журналистики» был направлен на изучение такого направления деятельности СМИ, как научная журналистика, со студентами 4 курса. Актуальность проекта связана с насущной для российской журналистики проблемой создания системы производства профессиональной новостной информации о достижениях науки, повышения прозрачности науки для общества и потребностями регионального медиарынка. В ходе разработки и реализации проекта решались просветительские и образовательные задачи. В рамках «школы» предполагалось познакомить студентов с «азами» научной журналистики на региональном материале. Занятия «школы» были перенесены на основные научные площадки города и области. Студенты побывали в Институте Лепры, в Кардиологическом центре, КаспНИРХ и НИИ орошаемого овощеводства и бахчеводства, на кафедре отделения ЮНЕСКО по охране архитектурных памятников и градостроительства, технопарке Астраханского государственного университета [6]. Учебные занятия, проходившие в формате встреч, позволили студентам познакомиться с различными отраслями научного знания и представителями научной элиты Астрахани, о которых до участия в проекте они имели самое поверхностное представление. Аудиторные занятия были посвящены выполнению и разбору практических заданий в форме рассказа о научном открытии, интервью с ученым, анализа какой-либо научной проблемы, репортажа с конференции. Подготовка материалов подобного рода помогла студентам почувствовать специфику работы научного журналиста и понять, что освещение науки требует от него определенных компетенций, глубоких знаний предмета, владения терминологией. Таким образом, студентами осваивалась новая для них предметно-тематическая область, а вместе с тем, отрабатывались навыки создания текстов о науке в базовых журналистских жанрах (новость, интервью, статья, репортаж), умения использовать основные принципы научно-популярного стиля в своей профессиональной деятельности, навыки популяризации науки. Итогом обучения стали публикации студентов, размещенные в региональных СМИ. Анализ разработанного проекта как смысловой и организационной единицы процесса обучения позволил увидеть преимущества проектной формы в ходе формирования профессиональных и личностных качеств журналиста. Кроме того, проект предоставляет большие, чем другие формы обучения, возможности для междисциплинарной интеграции. В контексте знакомства студентов с научной журналистикой актуализировались связи этой дисциплины с историей отечественной журналистики. Современным журналистам, пишущим о событиях и фактах в области науки, имеет смысл руководствоваться «Рассуждениями об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии», написанными М.В. Ломоносовым. В этой статье впервые подвергается осмыслению практика освещения журналистами научных открытий и закладываются требования к этике работы научного журналиста. Правила деятельности научного журналиста, сформулированные М.Ю. Ломоносовым два с лишним века назад, сохраняют актуальность для современного журналиста, связанного с этой областью медиа.

В течение ряда лет кафедра теории и истории журналистики совместно с Думой Астраханской области реализует проект «Школа парламентской журналистики» [7]. Участие в этом проекте дает студентам возможность познакомиться с политической элитой региона, спецификой законодательской деятельности, особенностями освещения деятельности регионального парламента в средствах массовой информации. Образовательной задачей проекта стало выявление содержания и специфики парламентской журналистики как деятельности, призванной стать фактором открытости представительной власти, обеспечить двухстороннюю связь между парламентом и обществом, удовлетворяя их потребность в достоверной информации друг о друге. Общеизвестно, что парламентская журналистика призвана выполнять двойную роль: с одной стороны, информировать общественность о законодательной деятельности депутатов, а с другой – доносить до них точку зрения общества о принятых ими законах и качестве зако-

творческой работы. Характер диалога между ними во многом зависит от журналистов. С этих позиций студенты анализировали особенности освещения работы Думы в региональных СМИ, в том числе материалы победителей конкурса «Парламентский журналист» в качестве примера профессионального освещения работы парламента [2]. Помимо профессиональных навыков, приобретаемый в ходе реализации этого проекта опыт помогает студентам лучше ориентироваться в общественно-политической жизни региона и в социальных реалиях

Характеризуя «новую философию журналистского образования», Я.Н. Засурский отмечает важность развития образованности журналистов, в котором, по его мнению, особое место занимает история русской и зарубежной литературы. Ученый считает, что в России «долговечность журналистского университетского образования базируется во многом на глубоком изучении литературы», знакомство с которой «воспитывало не только художественный вкус, но и гуманистическое мироощущение, уважение к человеческой личности, которое особенно важно в свободном демократическом обществе» [3]. Таким образом, подчеркивается значимость и необходимость сохранения традиционно высокого уровня общегуманитарной подготовки журналистов. Изучение литературы, воспитание культуры чтения, поддержание интереса к литературе и чтению, необходимые и обязательные в процессе журналистского образования, происходит сегодня не только в академических формах, но и инновационных, в том числе, проектных.

Проект «Влюбиться в русскую литературу», осуществленный в рамках учебного предмета «Основы журналистской деятельности», был основан на использовании новых технологий и современных форм презентации литературы [1, 4]. Участвующие в проекте студенты получили задание создать буктрейлеры – короткие ролики, визуализирующие содержание книги. Они могли представлять видеоролики, посвященные любой книге, фрагменту художественного произведения или книжной серии, снятые в любой технике (кино, анимация, слайд-шоу, мультимедиа и т.д.). Студенческие работы оценивались по критериям: информативность, оригинальность содержания и исполнения, сила промовоздействия. Студенты должны были не только рассказать свою историю про книгу, но и рассказать аудитории о новом виде медиаискусства, совмещающем в себе черты новейшего времени и традиционные ценности: гаджеты, кино, рекламу, интернет и литературу.

Такое творческое задание требовало от студентов навыков интерпретации художественного текста, умения работать с новыми технологиями, режиссерских навыков, актерских способностей, которые они должны были продемонстрировать в процессе создания оригинального медиапродукта. В целях повышения уровня общегуманитарной подготовки журналистов в преподавании журналистских дисциплин практикуется обращение к произведениям современной русской литературы, которые могут выступать источником историко-журналистского знания. К тому же, отдельные тенденции в практике современных СМИ соотносимы с тенденциями развития новейшей литературы.

Обращение к текстам Л. Улицкой, Д. Быкова, В. Пелевина, Е. Водолазкина, в которых отражены отечественные медиареалии, позволяет решать многие образовательные задачи, в том числе, такой «рекомендательный список» способствует расширению читательского кругозора, развитию гуманитарной эрудиции, интеллекта, играющих важную роль в профессиональной деятельности журналиста. В свою очередь, вовлеченность современных писателей в медиaprостранство актуализирует проблему медийности как стратегии писательского успеха в качестве основы образовательного проекта. Используемые технологии вносят разнообразие в процесс обучения будущих журналистов и позволяют повысить качество обучения, активизируя познавательную и творческую деятельность студентов.

Список литературы

1. В Астрахани студенты освоили новый формат презентации любимых книг – буктрейлеры // Первый канал. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2016/08/09/307674-v_astrahani_studenty_osvoili_novyy_format_prezentatsii_lyubimyh_knig_buktreylery (дата обращения 9.03.2017).
2. В астраханской «Школе парламентской журналистики» – первый выпуск // Парламентская газета. 20–26 июня 2014. № 21. С. 21.
3. Засурский Я. Н. Медиасистемы XXI века и новая философия журналистского образования // Информационное общество. 2005. Вып. 1. С. 19–22.
4. Любовь к литературе в Астрахани прививают с помощью буктрейлеров // НТВ. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1618638/> (дата обращения 9.03.2017).
5. Максимова Н. В. Метод проектов в изучении дисциплины «История отечественной журналистики» // Изменения в образовании в 21 веке: лучшие международные практики и российский опыт. Как сформировать новаторское и предпринимательское мышление. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2014. С. 138–140.
6. Просто о сложном учат говорить в Школе научной // Вести Астраханского государственного университета. 2014. № 2 (78). С. 6.
7. Школа парламентской журналистики // Сайт Думы Астраханской области. Режим доступа: http://astroblдума.ru/vm/in_my_duma/ShkolaParlJurn (дата обращения 9.03.2017).

КОНЦЕПЦИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КАЧЕСТВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ БУДУЩЕЙ ЭЛИТЫ

Андросенко Наталья Витальевна,
кандидат экономических наук,

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
заместитель генерального директора Государственного регионального центра стандартизации,
метрологии и испытаний в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, г. Санкт-Петербург*

Янченко Арина Юрьевна,

кандидат экономических наук, доцент,
*Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
главный специалист Государственного регионального центра стандартизации,
метрологии и испытаний в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, г. Санкт-Петербург*

Проблема формирования элиты приобретает особое значение в текущем положении российской экономики, в условиях санкций и процессов импортозамещения. Чрезвычайную важность подготовки полноценной элиты для благополучия и процветания страны понимают не только представители органов власти, но и представители научного сообщества и вузов, бизнеса и общественных организаций. Этот социальный слой просто необходим для развития общества. Элита обладает таким положением в обществе и такими качествами, которые позволяют ей управлять обществом, либо оказывать существенное воздействие на процесс управления, влиять на ценностные ориентации и поведенческие стереотипы, участвовать в формировании тенденций развития общества, возникновении и разрешении социальных конфликтов [8].

В настоящее время наблюдается процесс тестирования новой кадровой политики государства. На ответственные посты губернаторов в различных субъектах Российской Федерации назначаются молодые управленцы. Происходит постепенное формирование и проверка новой управленческой элиты по всей России. При этом назначение исполняющих обязанности руководителей приходится на проблемные регионы, в том числе занимающие последние места в Рейтинге российских регионов по качеству жизни – 2016 (далее – Рейтинг) [6]. Совсем недавно сменилось руководство в Рязанской области (20 место Рейтинга), в Пермском крае (41 место Рейтинга), в Новгородской области (55 место Рейтинга), в Карелии (70 место Рейтинга), в Бурятии (76 место Рейтинга). На молодую управленческую элиту возлагаются большие надежды.

Создание и развитие управленческой элиты не возможно без качественного образования. Внимание к вопросам повышения качества образования значительно усиливается и во всем мире. Для выхода из кризисной ситуации человечеству необходим ориентир на устойчивое развитие. Международное сообщество признает, что ведущим фактором устойчивого развития является образование как основа для роста и процветания будущих поколений. Данная позиция отражена в стратегических документах Организации Объединенных Наций. Перспективы устойчивого развития для всех областей экономики, как и в целом для общества, непосредственно зависят от человеческого фактора, в том числе от управленческой элиты, которая участвует в процессе осуществления экономической деятельности для всеобщего блага.

Правительство РФ поддерживает развитие образования и процесс повышения конкурентоспособности российских вузов среди ведущих мировых научно-образовательных центров путем выделения субсидий. В 2017 г. 21 российский вуз получит финансирование на общую сумму 10,3 млрд руб. для этих целей [7]. Масштабная поддержка оказывается также молодым ученым. Благодаря грантам для научных лабораторий и финансированию научных фондов в науку пришли молодые исследователи, причем многие вернулись из-за рубежа [1]. Так закладывается основа формирования элиты.

Концепция эффективности образования в области качества. Российские высшие учебные заведения готовят специалистов для любой сферы деятельности. Получение образования в области управления дает преимущество быть широко востребованным на рынке труда. Для будущей управленческой элиты особое значение приобретают именно углубленные знания в сфере управления, в частности управления качеством. Более того, в условиях конкуренции владеть теорией и практическими приемами решения проблем качества в конкретных условиях производства необходимо любому специалисту, имеющему базовую инженерную подготовку.

Для развития образования в области качества, стандартизации и метрологии предлагается концепция обеспечения эффективности образовательного процесса (рис.). Целью данной концепции является формирование квалифицированного специалиста, востребованного на рынке труда и обладающего амбициями достижения высокого уровня в своей деятельности, т.е. формирование будущей элиты. Для выполнения поставленной цели необходима реализация следующих стратегических направлений деятельности:

- популяризация образования в области экономики качества;
- модернизация учебных программ по специализациям в области экономики и управления качеством;
- внедрение новых образовательных технологий, систем обучения, развитие научно-методической и материально-технической базы;
- продвижение научно-исследовательской деятельности в сфере экономики качества;

- повышение квалификации профессорско-преподавательского состава и мотивации студентов;
- применение инноваций в области стандартизации и метрологии;
- развитие взаимодействия учебных заведений и предприятий отрасли.

Рис. Основные элементы концепции обеспечения эффективности образовательного процесса¹

Популяризация образования в области экономики качества. Научная школа в области экономики и управления качеством в Санкт-Петербурге развивается уже более 45 лет. В середине 1990-х гг. стала формироваться научно обоснованная многоуровневая система непрерывного обучения кадров по экономике качества.

Решающий организационный вклад в создание многоуровневой системы внес выдающийся ученый-экономист, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук В.В. Окрепилов. Под его руководством не только проводятся фундаментальные научные исследования, но и открываются базовые кафедры, подготавливающие специалистов в области качества, стандартизации и метрологии. Такие кафедры созданы в нескольких вузах Санкт-Петербурга, в том числе реализован комплексный подход к подготовке кадров, а именно существует специализация по вопросам экономики качества, осуществляется уровневая подготовка кадров по системе «бакалавр-магистр», функционирует аспирантура и Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций.

Сегодня во многих странах мирового сообщества курсы стандартизации, обеспечения единства измерений, сертификации, качества преподаются как основные во всех ведущих университетах [3].

Под эгидой Европейской организации по качеству (ЕОК) действует Соглашение о регистрации (сертификации) персонала в области качества, в соответствии с которым более 15 стран Европы взаимно признают национальные дипломы специалиста (инженера) по управлению качеством, менеджера систем качества и аудитора качества [9].

Нельзя недооценивать значения профориентационной работы с учащимися старших классов общеобразовательных организаций для целей увеличения популярности специальности менеджера качества.

Среди мероприятий, которые проводятся для школьников, особенно интересны и полезны обзорные экскурсии для учеников по вузам и предприятиям города, открытые лекции по проблемам управления качеством, деловые игры, межшкольные конкурсы, методическое сопровождение участия учеников в олимпиадах и конкурсах по экономике и управлению качеством.

Получение специальности в области экономики и управления качеством открывает дорогу к применению знаний во многих организациях и учреждениях, а также к реализации научного потенциала. Экономисты соответствующего профиля участвуют не только в работах по управлению качеством, но и в других сферах управления производством при его подготовке и планировании, приобретая опыт, необходимый для управленческой элиты.

Модернизация учебных программ по специализациям в области экономики и управления качеством. Современная тенденция в образовании предполагает замену разрозненных учебно-методических объединений различных вузов федеральным учебно-методическим объединением (УМО). Данная государственно-общественная

¹ Источники: составлено авторами.

организация отвечает за разработку образовательных стандартов, примерных программ, за содержание образования и обеспечение его качества, и она же будет определять, какие вузы соответствуют стандартам в широком смысле этого слова.

В этой связи представляются необходимыми пересмотр и модернизация существующих учебных программ для приведения их в соответствие новым реалиям. Особого внимания требуют следующие вопросы по группе направлений и специальностей «Экономика и управление»: какими компетенциями должны обладать выпускники бакалавриата и магистратуры по профильным направлениям, что требует рынок труда от экономического и управленческого образования, как подготовка экономистов в бакалавриате соотносится с профессиональными стандартами. В последнее время большую актуальность приобретает прикладной бакалавриат, и в области экономики и управления качеством соответствующий специалист уже сможет сразу выходить на рынок труда. Перспектива быстрого трудоустройства будет привлекать потенциальных студентов на данную специальность.

Кроме того, по укрупненной группе направлений и специальностей (УГНС) «Экономика и управление» предполагается принять единый ФГОС. Это потребует значительных усилий, ведь в УГНС объединены разные направления подготовки, и выпускники соответствующих специальностей обладают разными компетенциями. Данное преобразование коснется и образовательных программ в области экономики и управления качеством, ориентациях которых должна быть на профессиональные стандарты.

Внедрение новых образовательных технологий, систем обучения, развитие научно-методической и материально технической базы. Возможность получить непосредственный отклик в процессе обучения у преподавателя существует в рамках интерактивного взаимодействия. Именно интерактивное обучение в значительной степени влияет на эффективность образовательного процесса, поскольку в такой форме все обучающиеся оказываются вовлеченными в процесс познания и имеют возможность выразить свое понимание изучаемого предмета. Студенты из пассивных превращаются в активных участников процесса, они вовлечены в диалог с преподавателем, готовят самостоятельные проекты. Это побуждает их к поиску необходимых знаний и материалов.

Кроме традиционного по формату семинара, можно проводить практические занятия в интерактивной форме модерации. Данный способ проведения обсуждения быстро приводит к конкретным результатам, даёт возможность всем присутствующим участвовать в процессе выработки решений, ощущая при этом свою полную ответственность за результат.

Разработка и внедрение в учебный процесс новых учебников, программ и учебных пособий по управлению качеством также является неотъемлемым элементом концепции обеспечения эффективности образовательного процесса.

Особое внимание необходимо уделять дистанционному и он-лайн обучению, которое приобретает все большую популярность во всем мире благодаря своей доступности и мобильности.

В России восемь ведущих вузов внедрили Национальную платформу открытого образования [5]. Уже запущено более 150 учебных курсов от НИТУ «МИСиС», МГУ, СПбГУ, СПбПУ, НИУ «ВШЭ», МФТИ, УрФУ и ИТМО. Сами курсы бесплатны. По окончании курса можно пройти экзамен платно и получить официальный сертификат. Курс может быть засчитан в дипломе любого вуза России при согласии администрации вуза. Как утверждают представители проекта, в общей сложности проект рассчитан более чем на 10 млн слушателей, он может стать конкурентом глобальным западным образовательным платформам.

Продвижение научно-исследовательской деятельности в сфере экономики качества. Остро стоящий вопрос о разделении исследовательских и практико-ориентированных программ на уровне магистратуры, требует своего решения в рамках предоставления выпускникам бакалавриата возможности развивать свой потенциал в научной области с перспективой продолжения научно-исследовательской деятельности в аспирантуре и докторантуре.

Нельзя забывать также о связи научных исследований с задачами и потребностями российской экономики. В настоящее время многие вузы, научные учреждения и специализированные организации занимаются научно-исследовательскими работами по федеральным, региональным и местным программам развития.

Развитие международного сотрудничества является ключевым моментом, необходимым для обмена опытом и апробации исследований. Люди не могут существовать в замкнутом пространстве, особенно в текущем процессе глобализации. Стандартизация экономических и технологических процессов, сближение и слияние культур разных стран происходит неизбежно. Международное сотрудничество в области управления качеством с ведущими зарубежными вузами позволяет российским и иностранным студентам адаптировать свои знания к использованию в любых условиях, в различных организациях, оценивать свои конкурентные преимущества.

Международные научно-практические конференции позволяют молодым ученым не только рассказать о своих исследованиях, но и приобрести бесценный опыт общения и изложения своих мыслей для широкой аудитории. Это уникальная возможность показать свои таланты, приобрести единомышленников, и получить всестороннюю поддержку.

Повышение квалификации профессорско-преподавательского состава и мотивации студентов в образовательном процессе. Система обеспечения эффективности образовательного процесса должна охватывать всех участников процесса – студентов, администрацию, преподавателей. Вопросы совершенствования методического обеспечения, изменения и дополнения программ дисциплин, руководства учебными практиками, введения новых тем курсовых проектов и выпускных квалификационных работ должны быть постоянно обсуждаемы в профессорско-преподавательской среде.

Рейтинги успеваемости студентов, и последующее материальное стимулирование или моральное поощрение должны быть постоянной практикой в вузах. Подобные мероприятия позволят не только в индивидуальном порядке

выделять талантливых молодых людей, будущую элиту, но и формировать конкурентную среду в студенческом коллективе, что также будет стимулировать общее стремление к получению знаний и в итоге повышать качество образования.

Инновации в области стандартизации и метрологии. Инновации, обеспечивающие социально-экономический прогресс и повышение качества жизни, являются целью и средством государственной политики. Высшие учебные заведения, готовящие высококвалифицированные кадры, являются непосредственными участниками инновационного процесса «наука – образование – инновации».

В свою очередь, стандартизация и метрология являются практическими инструментами развития инноваций. Метрология обеспечивает качество продукции и эффективность экономической деятельности. Стандартизация способствует внедрению новых идей, продукции и технологий [4]. Соответственно, и при разработке учебных программ, и в процессе обучения целесообразно руководствоваться положениями Федерального закон № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [2].

Развитие взаимодействия учебных заведений и предприятий отрасли. Регулярные встречи студентов младших курсов факультетов экономики и управления с представителями успешно развивающихся компаний – менеджерами в области качества, выпускниками соответствующих специальностей позволяют увидеть изнутри прикладной аспект будущей профессии. Большое значение имеет также учебная практика, проводимая для студентов на предприятиях города.

Выпускники факультетов экономики и управления являются высоко востребованными на рынке труда среди отечественных и зарубежных компаний и организаций, в том числе органов государственного контроля и надзора, международных сертификационных органов. Они работают директорами по качеству, руководителями управлений, ведущими специалистами на многих предприятиях города, т.е. по сути, являются управленческой элитой. Развитие образования в области качества позволит усилить и закрепить все полученные в вузе знания и станет надежной основой для дальнейшего роста высококвалифицированного специалиста.

Список литературы

1. Глава Минобрнауки доложила Путину об «омоложении» науки в России. 20.02.2017. Режим доступа: <http://ren.tv/novosti/2017-02-20/glava-minobrnauki-dolozhila-putinu-ob-omolozhenii-nauki-v-rossii>.
2. Окрепилов В. В. Многоуровневая система управления качеством как инструмент модернизации экономики России // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2014. № 1 (187). С. 9–19.
3. Окрепилов В. В. О подготовке современных экономистов и менеджеров по вопросам качества // Известия СПбГУЭФ. 1995. № 3–4. С. 175–176.
4. Окрепилов В. В. Экономика качества как методологическая основа управления регионами // Экономика и управление. 2013. № 1 (87). С. 8–14.
5. Открытое образование. Официальный сайт. Режим доступа: <https://openedu.ru>.
6. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2016. Режим доступа: <http://www.riarating.ru/infografika/20170220/630056099.html>.
7. Три петербургских вуза получают субсидии правительства на полтора миллиарда рублей. Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/28845205/?frommail=1>.
8. Элита. Режим доступа: <http://www.slovochel.ru/elita.htm>.
9. European organization for quality. Режим доступа: http://www.eoq.org/training_courses_for_eoq_certification/countriestraining_organizations.html.

ПОДГОТОВКА ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Небрятенко Сергей Владимирович,
старший преподаватель,

Астраханский государственный технический университет

Нагорная Мария Олеговна,

старший преподаватель,

Астраханский государственный технический университет

*«Создание элиты в России – дело
не столь безнадежное, как может
показаться с первого взгляда».
Г.П. Федотов (Париж, 1939).*

Современные научные системы существуют в условиях глобализации и информатизации, что требует от них повышенной академической мобильности и своевременного анализа новейших достижений науки и техники. Элитологическая наука давно обратила внимание на процесс селекции элит, видя в нем, прежде всего процесс образования новых поколений элит и их профессиональный рост. Роль науки в процессе формирования элит возрастает с

каждым столетием, становясь все более осознанным требованием культурной и политической действительности. Сказанное, во многом относится и военной науки, уделяющей особое внимание роли военной элиты в деле развития научного образования, знания и их практического применения.

Профессия военного всегда была в почете, судя по количеству войн, которое вело человечество (подсчитано, что за всю известную историю (5000 лет) произошло 14 500 войн, что составляет 3 войны в год) [18, с. 53]. При этом успех подготовки и руководства вооруженными силами во многом зависел и предопределялся качеством их командного состава, т.е. т.н. военной элиты. Именно из ее рядов чаще всего формировалась политическая элита. Условно можно сказать, что если политическая элита определяла стратегию геополитики, то военная элита разрабатывала и осуществляла на практике ее тактические композиции.

Специфика подготовка военной элиты всегда отражала особенности тех военно-политических вызовов и угроз, которые несло государству и обществу конкретное историческое время. Еще древние авторы – Суньцзы (VI–V вв. до н.э.), Фукидид (460–396 до н.э.), Ксенофонт (430–355 до н.э.), Полибий (205–125 до н.э.) и др. – обращали внимание на необходимость формирования как тактического, так и стратегического мышления у командного состава армии [см.: 8, 16]. Причем именно командный состав армии был призван оперативно реагировать на постоянно возникающие угрозы со стороны как реального, так и потенциального противника. Сегодня таковыми угрозами являются международный терроризм, незаконная миграция, наркотрафик, а особенностью – кризис либеральной парадигмы, крах концепции мультикультурализма, завершение эпохи монополярного мира.

В царской России термином «генеральный штаб» обозначалась некая привилегированная категория офицеров, которые имели на основе полученного высшего военного образования единые систематизированные взгляды на основные вопросы и проблемы строительства, функционирования Вооруженных Сил, и являющиеся проводниками этих взглядов в войсках, начиная с Главного штаба и заканчивая штабами бригад. Они были также специалистами в области документального оформления боя и ведения служебного делопроизводства. «Эти офицеры были распределены во все войсковые штабы, начиная со штабов бригад и заканчивая Главным штабом Русской армии на важные, хотя и не всегда на руководящие должности». Данное сообщество также именовалось «корпус офицеров генерального штаба» [1].

Николаевская Академия Генерального штаба была учреждена под названием Императорской военной академии в 1830 г. взамен упраздненного в 1826 г. училища колонновожатых (т.е. специалиста, умеющего ориентироваться на местности и рассчитать все данные для марша). Академия Генерального Штаба была любимым детищем императора Николая I, а сам он сделал немало для развития военного образования и военной науки в России. Работу по подготовке к созданию академии царь поручил знаменитому французскому теоретику военного искусства генерал-лейтенанту барону *Антуан-Генрих Жомини* (1779–1869), который сначала служил Наполеону, а с 1813 г. – русскому царю. Свое окончательное название академия получила в 1855 г. [1]. Отбор в Академию производился по весьма строгой шкале оценки знания и боевого опыта офицера. Судя по воспоминаниям выпускника Академии ГШ графа *А.А. Игнатьева* (1877–1954) (с 1937 г. служившего в рядах Красной Армии), в Академии была весьма жесткая система отбора [7]. Так, в 1901 г. на дополнительный курс было зачислено 60 человек из 100, закончивших общие два класса (30 были отчислены в эти два года по неуспеваемости). Успешно закончившие дополнительный курс, причислялись к корпусу офицеров генерального штаба, получали очередной чин (но не выше штабс-капитана) с приставкой «генерального штаба» [1].

Согласно правилам, окончание двух общих классов в Академии не давало права считаться офицером Генерального Штаба. Для этого нужно было закончить дополнительный курс, на который зачислялись слушатели, получившие наиболее высокий средний балл. Количество слушателей дополнительного курса каждый год устанавливалось Военным министерством [1].

В первые годы существования Академии жизнь в ней напоминала военный лагерь. Ее первый начальник (1832–1854) генерал от артиллерии *Иван Онуфриевич Сухозанет* (1788–1861) славился армейской муштрой и скрупулезной точностью. За малейшие провинности (в том числе за опоздания на занятия) курсанты подвергались жестоким карательным мерам. Имя начальника Академии даже в начале XX в. оставалось нарицательным для обозначения выражения и символа начала «не смей своё суждение иметь». Из-за этих тяжёлых условий жизни желающих поступить в академию офицеров находилось немного. Так, 1851 г. из неё было выпущено лишь 12 человек, а было набрано всего 10 человек. В конце концов *И.О. Сухозанет* был уволен с поста директора.

В XIX в. Академия заняла центральное место в системе военного образования России. Обучение в ее стенах офицера в русской армии приравнялось к особому отличию и считалось почётным. М.А. Булгаков в своем романе «Белая гвардия» (1924) замечает, что самое лучшее, что есть в русской кадровой армии, да и во всей России тоже – это офицер русской военной академии [20, с. 276]. Всего с 1832 по 1918 г. Академия подготовила 4 532 офицера русской армии, а также несколько десятков офицеров болгарской и сербской армий. В 1918 г. по предложению председателя Совета народных комиссаров РСФСР Академия переименована в Военную академию РККА.

В это время весьма конструктивно развивалась и отечественная военная наука, которая аккумулировала богатейший опыт русской армии и считалась одной из самых передовых на тот момент. Для эпитологической науки весьма интересным будет некоторые замечания, свидетельствующие о достижении отечественной военной мысли

Военная наука формировала в боевых офицерах чувство победителя. Такие научные работы были призваны сформировать в мировоззрении русского офицерства комплекс превосходства, уверенность в том, что русская ар-

мия является военной доминантой. Так, в труде начальника Николаевскую Академию Генерального штаба (1904–1907) генерала от инфантерии *Н.П. Михневича* (1849–1927) «Стратегия» (1910) его автор формулировал важнейшие принципы достижения победы в войне (законы победы), а именно: принцип превосходства сил; принцип «частной победы», состоящий в создании превосходства сил на решающем направлении в решительный момент; принцип экономии сил – искусная их группировка; принцип превосходства моральных данных над материальными; принцип случайности, их предупреждения и парирования; принцип внезапности [11, с. 37].

Российская военная наука весьма активно разрабатывала концепцию военного превосходства над противником. Так, в трудах генерала от инфантерии *В.А. Черемисова* (1871–1937) в своем труде «Основы современного военного искусства» (1910) глубоко и последовательно осмысливает влияние новых технических изобретений и усовершенствования оружия на формы и способы стратегических и тактических действий, возросшее значение огня в бою. Превосходство в огне – главное условие в современном бою. Борьба за перевес в огне – важнейший акт современного боя» [17, с. 12].

Самые продвинутые умы российской военной науки видели в ней не только искусство побеждать, но и усматривали глубочайшие философские основания. Так, генерал-майор *А.И. Астафьев* (1816–1863) указывал, что военное искусство превратилось в военную науку именно благодаря наличию в ней соответствующей философской мысли [1, с. 11]. Однако были и такие, кто считал личный боевой опыт ценнее всякой науки. Ярким противником военной науки был генерал-адъютант *М.И. Драгомиров* (1830–1905), который в 1878–1889 гг. возглавлял Николаевскую Академию Генерального штаба. Исходя из тезиса, что военное искусство «категория более волевая, нежели умовая», он утверждал: «В настоящее время никому в голову не придет утверждать, будто бы может быть военная наука; она немыслима точно также как немыслимы науки: поэзии, живописи, музыки...» [15, с. 444]. Законы (a priori) этой науки выводились на основе законов (a posteriori), непосредственно взятых из самой военной практики [9, с. 18].

Именно система подготовки военных кадров и развитие научной военной мысли и обеспечивали превосходство России в военных столкновениях XIX–XX столетий. Как известно, в XIX в. культурная и интеллектуальная жизнь России достигла своих наивысших классических высот. Именно в России было впервые осмыслено понятие интеллигенции [19, с. 400], и военное образование сыграло в этом деле не последнюю роль. Образ русского офицера всегда ассоциировался с высоким уровнем воспитанности и образованности. Можно сказать, что именно военная элита задавала общий высокий тон развития элитного сообщества России того времени.

Список литературы

1. Астафьев А. И. О современном военном искусстве. СПб, 1861. Ч. 2.
2. Веремеев Ю. Николаевская Академия генерального штаба 1894 г. Режим доступа: <http://army.amor.kiev.ua/hist/genakadem-1894.php>.
3. Воробьев И. Н., Киселев В. А. История и философия военной науки // Военная мысль. 2007. № 2.
4. Газенкампф М. Устройство и служба Русского Генерального штаба. СПб, 1888.
5. Глиноецкий Н. П. Исторический очерк николаевской академии генерального штаба. СПб, 1882.
6. Жomini Генрих. Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношениях оных с политикой государств. СПб, 1833.
7. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Военное издательство. М., 1986.
8. Клаузевиц К. О войне : в 2 т. М., 1941.
9. Леер Г. А. Положительная военная наука. СПб, 1870.
10. Макшеев Ф. Русский Генеральный штаб. Составъ и служба его. СПб, 1894.
11. Михневич Н. П. Стратегия. СПб, 1911. Кн. 1.
12. Небратенко С. В. Подготовка военной элиты: традиции и современность. // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. 2011. Т. 7–8. С. 145–151.
13. Небратенко С. В. Спецподготовка элитных подразделений вооруженных сил России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 250–256.
14. Небратенко С. В., Карюк В. В. Сравнительный анализ физической подготовки войск специального назначения армии НАТО и России // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. 2013. Т. 9–10. С. 159–166.
15. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, 1858–1880. СПб, 1881. Ч. 1.
16. Сунь-Цзы. Искусство войны. СПб, 2007.
17. Черемисов В. Основы современного военного искусства. Киев, 1910.
18. Философия и военное дело. М.: Военная академия им. М.В. Фрунзе, 1993.
19. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
20. Булгаков М. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Литература, Мир книги, 2002. Т. 1. 512 с.
21. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь / под ред. проф. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделькова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
22. Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вялкова Татьяна Сергеевна,

*магистр математики, преподаватель
средней общеобразовательной школы № 8, г. Астрахань*

На рубеже столетий элитология получила мощный импульс своего развития. В настоящее время в элитологии проводятся как прикладные, так и фундаментальные исследования, разрабатываются новые методологические аспекты, адаптируются методы исследования других (смежных) дисциплин (прежде всего, социологии и политологии). Элитологическое знание вышло на новые рубежи осмысления действительности и ее объективной оценки [см.: 1, 3]. Современная элитологическая мысль начинает все больше уделять внимание таким вопросам как философия, история, культура, образование [см.: 4, 9]. Причем современный этап развития элитологии образования напрямую увязывается с такими фундаментальными изменениями, как информационная революция и глобализация средств коммуникации.

Воспитание и образование правящего класса чаще всего определяется как элитарное образование и соответствующее корпоративное культурное пространство. Господствующим в мире олигархические элиты вкладывают серьезные средства в свое воспроизводство, сами контролируя и определяя селекцию элит, для ее последующей кадровой систематизации. Во внутривидовой борьбе элит уровень профессионализма играет решающую роль, спланивая и усиливая ее ряды [3].

В классическом образовании находят свое отражение и воплощение культурные коды той нации, к которой она принадлежит. Так, например, англосаксонская традиция элитарного (престижного) образования всегда была ориентирована на традиции английской родовой знати (аристократии), копируя не только этику, но и эстетику ее существования. Самые элитарные английские университеты (Оксфорд и Кембридж) представляют собой весьма обособленные клубы аристократического характера, хотя формально и придерживающиеся принципа либеральной открытости и даже активно провозглашающие идеи меритократии. Работа американских престижных университетов тоже построена на высокой стоимости обучения (имеющиеся гранты, дающие наиболее одаренным детям бесплатное образование, выполняют роль своего рода ширмы и громоотвода). Общим для всей англосаксонской системы элитарного образования является откровенно её олигархический характер и прагматизм в вопросе подготовки финансово-политических кадров [3].

Сами американские исследователи элитного образования отмечают, что такие университеты, как Гарвард, Принстон, Йель, Оксфорд, Кембридж и др. «очень сходны в своих функциях: они репродуцируют процесс селекции элит» [12, р. 26]. В свое время профессор Г.К. Ашин отмечал, что «ведущие университеты США являются элитными учебными заведениями; их выпускники имеют наибольшие шансы достичь элитных позиций. Еще в большей мере это относится к английским университетам Оксфорду и Кембриджу... почти все члены Верховного Суда Великобритании, епископы, консервативные члены парламента и многие лейбористские парламентарии — выходцы из элитных частных школ и элитных университетов. При этом шансы на получение элитного образования во многом зависят от статуса родителей. Причем селекция элит в странах Запада отнюдь не обязательно связана с частными элитными университетами. Во Франции, где государственная служба традиционно считается одной из наиболее престижных, элитные вузы, готовящие государственных чиновников, почти полностью интегрированы в систему *Grandes Ecoles*» [2, с. 23].

В отличие от массовой школы элитная всегда была нацелена на достижение высоких результатов. На Западе такие школы переманили к себе с помощью различных стипендий детей из низших социальных страт, активно используя спонсорскую помощь от крупных корпораций и банков. «Никто не возражает против того, чтобы сделать образовательные стандарты высокими. Но «элитные школы существуют не только для высоких достижений, но и из желания поставить себя выше других» [11, с. 4]. Тем самым усиливалось социальное расслоение и социально-экономическое напряжение в обществе. Такие школы помогают репродуцировать и легитимизировать систему стратификации, Публично идеологи такого образования объявляют о том, что их система обучения основывается на индивидуальных различиях и достижениях. В реальности же данная система отбирает на элитные позиции индивидов на основе предписанного статуса [2, с. 37].

Популярная в свое время в американской (С. Фэн, Дж. Оверленд, М. Спэгет) и западноевропейской (П. Бурдьё, Ж.-К. Пассерон) социологии образования концепция «человеческого капитала» объясняет образование как процесс накопления «человеческого капитала». Под этим термином они обозначают улучшение производительной способности человека благодаря произведенным им расходам на образование, что ведет к повышению его общественного положения (статуса, заработной платы, престижа). При этом расходы на образование рассматриваются как «жертва», принесенная индивидом (а равно и обществом в целом) во имя будущих выгод. Обучение, с этой точки зрения, становится процессом превращения экономического капитала в личностный, процесс реконверсии экономического капитала в культурный. Причем именно инвестиции в «человеческий капитал» являются наиболее перспективными [1, с. 228–237].

Правящие круги потому и контролируют систему высшего элитарного образования, что пытаются с его помощью обеспечить стабильное свое существование. Возникает своего рода синтез, который и создает «элитную элиту». Богатства и знатный титул еще не обеспечивают еще подлинную элитность и социокультурное превосходство. Принадлежность к истеблишменту — символический капитал, имеющий свои собственные законы накопления, отличные от экономического капитала. Специалисты признают, что «элита элиты» соединяет в себе целый комплекс черт, которые дополняют друг друга. Это такие черты, как аристократизм рождения, личное богатство, меритократизм академических успехов. Эти черты комбинируются, «воспитывая в новых лидерах абсолютную уверенность в своей легитимности» [10, р. 335].

В США существует деление школ на государственные и частными. Первые спонсируются государством, штатом, местными органами власти, вторые существуют за счет частного капитала. У частных школ масса преимуществ: они лучше оснащены в техническом плане, у них меньшие по численности классы и преподаватели могут индивидуально подходить к каждому учащемуся, они обладают более квалифицированным составом преподавателей, лучшими библиотеками, лучшие условия для занятия спортом, они расположены в наиболее престижных районах и т.д. [1, с. 44]. Процветание таких школ напрямую зависит от потока финансирования. Естественно, что чем богаче гражданское общество, тем больше оно может дать для детей своего круга и тем стабильнее финансирования системы образования, культуры, науки. В англосаксонских странах появился термин *parentocracy* (власть родителей), который означает зависимость от того, в какую школу поступит ребенок – в элитную или массовую – от социального положения родителей, от их финансовой состоятельности, а также влияния социальной позиции родителей на дальнейшую карьеру их отпрысков [1, с. 44].

В последнее время в научной литературе все чаще обращается внимание на противостояние двух тенденций современности – олигархического и меритократического принципа оценки действительности. Причем эти оценки чаще всего касаются именно сферы образования [см.: 3, 5, 6]. Внедрение новейших информационных технологий, кардинально меняет и саму систему образования. Она уже не может быть закрытой, она уже не может быть исключительно для представителей элиты. «Для того чтобы появилась элита в подлинном смысле слова, необходимы хотя бы ее эмбриональные здоровые элементы, высококачественное образование и явный социальный заказ на него со стороны общественности или государства» [8, с. 53]. При отсутствии хотя бы одной из этих составляющих, могут начаться серьезные необратимые процессы (наименьший негатив – продолжится воспроизводиться тот же дисфункциональный элитный суррогат, а в наибольшем негативе — правящие элиты будут замещены иной, более агрессивной контрэлитой).

Список литературы

1. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. М.: МОСУ и МГИМО (У) МИД РФ, 1998.
2. Ашин Г. К. Элитное образование в меняющемся мире // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО / под общ. ред.: Г.К. Ашина, С.А. Кравченко. М.: МГИМО, 2002. С. 12–51.
3. Ашин Г. К., Карабущенко П. Л. Олигархические и меритократические тенденции в оценке современного элитарного образования // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. 2011. Т. 7–8. С. 9–17.
4. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь / под ред. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделкова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
5. Карабущенко П. Л. Меритократия: постиндустриальные перспективы развития современной научной элиты // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. 2011. Т. 7–8. С. 64–72.
6. Карабущенко П. Л. Меритократия и актуальные проблемы развития элитного образования // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 3 (58). С. 14–21.
7. Карабущенко П. Л. Персоналистические критерии измерения современных элит: философские основы элитологической наукометрии // Современная наука и инновации. 2016. № 1 (13). С. 118–125.
8. Самарин А. Н. Становление элит и элитное образование в России // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО / под общ. ред.: Г.К. Ашина, С.А. Кравченко. М.: МГИМО, 2002. 223 с.
9. Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
10. Bourdieu P. The State Nobility. The Schools in the Field of Power. Oxford, 1996.
11. Mathews J. Class Struggle. What is Wrong (and Wright) with American Best Public High Schools. N.Y., 1988.
12. Revitalizing Higher Education, ed. By Salmi J. and Versphoor. Wash., 1994.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КОМАНДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Яковлева Татьяна Николаевна,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Проявление интереса к командному подходу обусловлено тенденциями в сфере развития организаций и высокоэффективного менеджмента. Так, современные организации имеют ярко выраженные тенденции к усложнению и увеличению собственного структурного и функционального состава, что требует введения более продуктивных организационных форм и способов коллективного управления, позволяющих минимизировать время принятия управленческого решения и одновременно повысить его качество, то есть результативность, целесообразность и своевременность. Ситуацию, возможно, разрешить посредством образования «плотно пригнанной» (хорошо сформированной) управленческой команды, которая улучшит процесс разрешения крупных и междисциплинарных проблем.

Использование эффективной управленческой команды приводит к значительному изменению качества рабочей силы, т.к. совместная работа требует самоуправления и более широкого информирования членов команды. Кроме того, развитие образования и современных технологий требуют использования в работе различных трудовых навыков, а не только выполнение одной – двух конкретных операций. В условиях же динамичного роста одним из ключевых факторов успеха любой организации является наличие эффективной управленческой команды, которая способна решать новые задачи в постоянно изменяющейся среде.

Каждый руководитель вправе и должен иметь свою команду. Это подчеркивает признание огромной важности психологического момента в процессе современного управления: чувства единения, чувства сплоченности, чувства личностной (человеческой) гармонии. В этом случае выигрывают, безусловно, интересы дела. Опытные инвесторы в экономике, аналитики в политике не случайно считают хорошую команду критическим фактором успеха нового начинания. На Руси в артельном мире даже бытует присказка: «Доброе братство – дорога к богатству».

Команда руководителя (управленческая команда) состоит из руководителя и его непосредственных подчиненных (заместителей, руководителей ведущих служб и производства). Плюс советники, знаковые специалисты, кадровые опытные работники, с которыми руководитель советуется по определенным вопросам (сетевой принцип). Управленческая команда, таким образом, – это группа ведущих руководителей организации, советников и аналитиков, сплоченных вокруг стратегического лидера – руководителя, ориентированная на решение организационных задач, замысла – проекта (миссии) и взявшая на себя ответственность за достижение общей цели, за эффективность работы организации [1, с. 238].

Командный подход к управлению в системе образования применяется нечасто. Сложившаяся практика администрирования постепенно заменяется менеджированием. Руководители учреждений образования, прошедшие переподготовку теперь называются «менеджеры образования». Однако чтобы добиться эффекта в совместной деятельности, следует убедиться, что работа в команде удовлетворяет всех ее членов, иначе в перспективе не стоит рассчитывать на длительную продуктивную работу команды и тем самым добиваться синергетического эффекта.

С целью изучения отношения педагогов дополнительного образования к командной работе нами было проведено социологическое исследование на базе одного из муниципальных учреждений дополнительного образования детей г. Астрахани. Социологический опрос при помощи анонимной анкеты проводился среди педагогов дополнительного образования. В опросе приняли участие 36 человек. Из них: 12 – мужчин; 24 – женщины.

Опрос коллектива педагогов позволил нам выявить отношение к командной работе и восприятие администрации учреждения как управленческой команды. Так, результаты опроса показали, что большинство педагогов (90 %) воспринимают команду как «группу людей, организованных для определенных целей», 5 % опрошенных считают, что командой можно назвать любую группу людей, работающих вместе; 3 % сравнивают команду только со спортом.

Понимание командной работы сформировано у всех опрошенных педагогов. Так, в качестве признаков команды, были названы следующие: каждый член команды вносит свой индивидуальный вклад в общую работу (72 %); все члены команды зависят друг от друга (56 %); в команде все делятся рабочей информацией друг с другом (68 %); члены команды – равноправные участники управленческого процесса (36 %); ответственность за командные цели понимается и разделяется всеми (58 %); в команде нет пассивных членов (76 %).

Желание работать в команде изъявили 76 % опрошенных (12 % – да; 64 % – скорее да, чем нет). Есть сомневающиеся (4 %) и те, кто категорически против командной работы (20 %). Это можно объяснить тем, что педагоги дополнительного образования, ведущие разные кружки и занятия, не представляют совместной деятельности музыкального работника с руководителем кружка по выпиливанию или макраме. Однако смысл вопроса был не о том, чтобы вести совместную деятельность, а работать как единое целое с общими задачами над одной целью.

Большинство педагогов правильно поняли смысл вопроса и подтвердили своё мнение тем, что считают свой коллектив командой (87–45 % – да, 42 % – скорее да, чем нет). 4 % опрошенных отмечают, что коллектив может работать как единая команда, но не всегда. Скорее всего, это происходит при организации и проведении совместных мероприятий. 9 % респондентов не видят признаков командной работы и не считают коллектив командой.

Действительно, командная работа требует подчинения общему делу или цели, приоритет общей цели над индивидуальной. Большинство респондентов (82 %) удовлетворены своей позицией в коллективе и готовы подчинять свои цели общему делу (91 %), несмотря на это они успешно реализуют свои умения и навыки в профессиональной деятельности (91 %).

Второй блок вопросов анкеты был направлен на выявление мнения коллектива о деятельности администрации как управленческой команды.

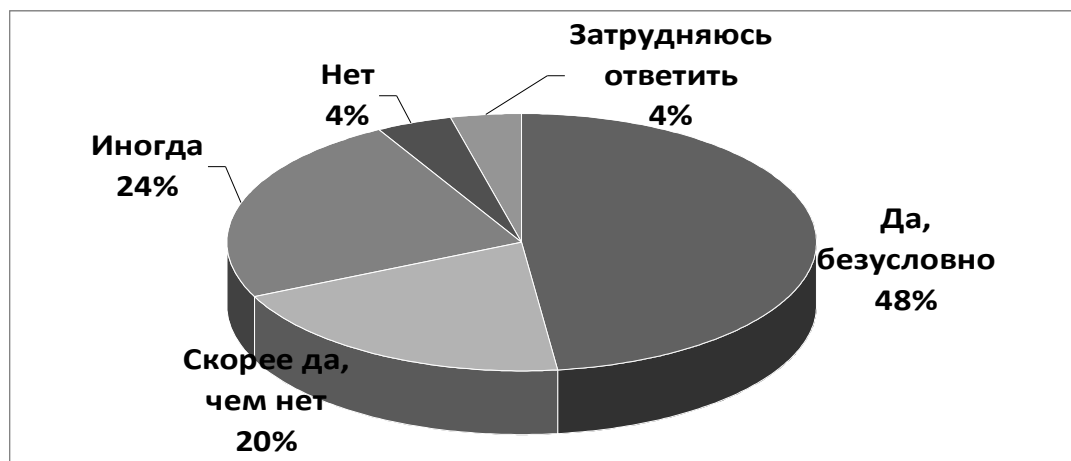

Рис. Ответы на вопрос: «Можно ли назвать администрацию вашего учреждения командой?»

Мнение педагогов относительно сравнения деятельности администрации с управленческой командой разделились (рис.). Несмотря на то, что между членами администрации присутствует дружеская (58 %), деловая атмосфера (65 %), для полноценной команды членам администрации не хватает, считают респонденты – согласованности (14%), профессионализма (8 %), компетентности (6 %), взаимопонимания (20 %), лидерских качеств (12 %), делового стиля в работе (16 %). 10 % опрошенных затруднились дать ответ на этот вопрос. Анализируя полученные данные, мы обратили внимание на то, что приоритет отдан таким качествам как взаимопонимание, согласованность и деловой стиль работы. Можно согласиться с респондентами, так как ситуация в образовании кардинально меняется и учреждения дополнительного образования вынуждены «зарабатывать» деньги, предоставляя платные дополнительные услуги, нужны знания менеджмента. А отмеченные респондентами качества, необходимы современному менеджеру образования.

Опрошенные педагоги дополнительного образования считают, что директор уже внедряет в управленческий процесс позитивные изменения (45 %); 15 % – считают, что их необходимо вносить. Однако 40 % опрошенных придерживаются консервативной позиции: 20 % – против всяких изменений, 10% – считают, что «проверенное старое лучше нового», 10 % – затруднились ответить. Несмотря на то, что часть коллектива (40 %) консервативна, остальная часть будет поддерживать администрацию, если она будет вносить позитивные изменения в управление (63 %) , и считает, что работа в команде позволит улучшить эффективность управления (30 % – да, 40 % – возможно).

Мнение коллектива педагогов дополнительного образования к командной работе позитивное. Несмотря на разные направления деятельности педагогов – руководителей кружков (танцы, рисование, музыка, техническое, художественное творчество и т.д.) они считают свой коллектив командой и отмечают, что это особенно проявляется при подготовке и в период проведения совместных мероприятий. Педагоги дали высокую оценку администрации своего учреждения и отмечают наличие многих позиций, которые позволяют большинству опрошенных считать работу администрации как работу управленческой команды.

Современные экономические условия детерминируют переход от собственно управленческой к менеджерской системе руководства образовательными учреждениями. Это, в свою очередь, требует смены философии и психологии «воздействия» в управлении на «взаимодействие», «сотрудничество», «рефлексивное управление». Осознание менеджерами образования преимуществ управленческих команд позволит быстрее и эффективнее решать проблемные ситуации, улучшить мотивацию сотрудников, избежать межличностных трений, создать условия для внесения личностного вклада в развитие учреждения.

Список литературы

1. Маркин В. Н. Управленческая команда как акмеологическая система // Мир психологии. 2012. № 3. С. 237–248.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА

Мацуй Елена Александровна,

кандидат экономических наук, доцент

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

В условиях современного мира для достижения высокого уровня развития, конкурентоспособности необходимо внедрение инноваций в производственную, научную и образовательную деятельность. Инновации в нынешних условиях становятся эффективным средством в конкурентной борьбе, способствуя созданию новых потребностей общества, снижению себестоимости продукции, увеличению количества и качества выпускаемой наукоемкой продукции за счет реализации научно-технического, научно-исследовательского, творческого и инновационного потенциала [1, с. 616].

Переход на инновационный путь развития во всех сферах общественной жизни не допустим без обращения особого внимания на систему высшего образования и переосмысления подходов к образовательной деятельности в целом. Так как именно вузы являются источником возникновения инноваций, которые обеспечивают будущих выпускников новыми знаниями в передовых областях науки и выступают кузницами современных профессиональных кадров для инновационной сферы.

Современные вузы ведут активные поиски новых форм инновационной деятельности для решения актуальной задачи обеспечения полноценной образовательной и научной деятельности вуза. Однако в настоящее время высшим учебным заведениям необходимо не только активно работать над развитием своего интеллектуального потенциала, но также решать проблемы его коммерческого использования в современной непростой экономической ситуации. В условиях существенного снижения объемов финансирования науки в целом и вузах в частности перед ними стоит задача наиболее активного поиска, привлечения и использования дополнительных финансовых ресурсов.

Решению данной задачи служит открытие на базе высшего учебного заведения так называемых малых инновационных предприятий, в основе которых лежит инновационная разработка, нередко уникальная, защищенная в режиме ноу-хау. Такая форма реализации инновационной идеи позволяет успешно синтезировать наукоемкие технологии и бизнес, дает возможность получать прибыль, параллельно развивая и совершенствуя научную сферу, привлекать аспирантов и молодых ученых, позволяя им реализовать практико-ориентированный подход в научных исследованиях [3].

Еще одним из путей решения проблемы привлечения дополнительных финансовых средств является разработка такой политики высшего учебного заведения, которая будет направлена на укрепление конкурентных позиций вуза на рынке образовательных услуг. Патентно-лицензионная политика современного российского вуза, являясь важнейшим элементом долгосрочной стратегии его развития, позволит обеспечить конкурентное положение вуза на рынке наукоемких товаров и услуг в определенных областях науки за счет приобретения патентных либо иных исключительных прав на результаты интеллектуальной собственности, а также за счет компетентного управления интеллектуальной собственностью в целях ее эффективного использования. Патентно-лицензионная политика высшего учебного заведения направлена не только на решение проблем коммерциализации ее научных и творческих результатов, но и на стимулирование научно-исследовательской деятельности путем наиболее оптимального формирования тематики данных исследований и их ориентации на коммерческий результат. Глубоко продуманное содержание и реализация данной политики позволят повысить уровень развития научно-изобретательской и патентно-лицензионной деятельности высшего учебного заведения.

Политика высшего учебного заведения в области интеллектуальной собственности определяет основные цели, принципы и правила патентно-лицензионной деятельности, которые должны быть доведены до сведения всех сотрудников учебного заведения, а также быть едины для всех структурных подразделений вуза (факультетов, управлений, отделов и служб). Результатом такой политики становятся объекты интеллектуальной собственности высшего учебного заведения, являющиеся его нематериальным имуществом, так как на основании действующего законодательства вузу принадлежат права собственности на продукты интеллектуального труда его сотрудников, выполненные в рамках служебных поручений [4, с. 76]. В связи с этим высшее учебное заведение выступает единственным обладателем прав на результаты интеллектуальной собственности, такие как ноу-хау, изобретение, полезная модель, промышленный образец, база данных, программа для ЭВМ, товарный знак, знак обслуживания и иные, созданные сотрудниками в связи с выполнением своих служебных обязанностей.

Таким образом, проблема управления интеллектуальной собственностью высшего учебного заведения в ситуации, когда наука стала одним из факторов воспроизводства, выступая в качестве объекта купли-продажи, является наиболее актуальной в настоящее время. Правильно сформированная и организованная патентно-лицензионная политика не только способствует развитию инновационной деятельности высшего учебного заведения, но также активизирует процесс коммерциализации результатов научных исследований. В связи с этим система управления интеллектуальной собственностью в вузе должна быть направлена на эффективное использование результатов интеллектуальной собственности в качестве товара и на их коммерческую реализацию.

Для эффективной реализации процесса управления знаниями в инновационной цепочке: создание знаний — преобразование знаний в продукт/услугу — продвижение его на рынок, АГУ активно развивает инновационную инфраструктуру [2, с. 67]. Создание новых элементов инновационной инфраструктуры, способных обеспечить эффективную коммерциализацию знаний, стало одной из приоритетных задач АГУ, начиная с 2005 г. За этот период Астраханским государственным университетом создан ряд основных элементов инновационной системы: технопарк; региональный центр нанотехнологий; бизнес-инкубатор «Биотехнологии и фармацевтика»; бизнес-инкубатор «Сварочное производство и новые материалы»; бизнес-инкубатор «Информационные технологии в медиа-индустрии»; центр коммерциализации НИОКР и трансфера технологий (ЦКНИОКРиТТ); центр экономического консалтинга (ЦЭК); отдел интеллектуальной собственности (ОИС); салон инноваций и инвестиций; открытые инновационные образовательные пространства (ОИОП) в сфере робототехники и медицинского приборостроения, биотехнологий и АПК. Начиная с 2005 г. университет активно сотрудничает с Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, создавая малые наукоемкие предприятия, финансируемые по различным программам.

Сейчас в сфере образования складываются устойчивые тенденции интеграции национальных систем, сближения образовательных программ и циклов обучения, формирования единых подходов в оценке и поддержании качества образования. Выявленный уровень соответствия (87 % совпадения формулировок российских и европейских общих компетенций), а также сравнение с формулировками компетенций Всемирной инициативы CDIO, позволяет сделать вывод о возможности формирования международного профиля российского выпускника, владеющего набором общих компетенций, который удовлетворяет стандартам качества и современным мировым направлениям развития высшего образования. Перестройка мышления будущего специалиста неизбежна, и практическую инициативу здесь должна проявить высшее учебное заведение, внедряя комплексный подход, при котором компетенции формируются на базе научной и инновационно-практической составляющей работы вуза, что позволяет наращивать потенциал и качество знаний, усваиваемых студентами.

Опыт реализации проектов по одновременной модернизации учебной деятельности и инновационной инфраструктуры университета наглядно доказал, что только комплексный подход может стать мощным интегратором и ускорителем развития университета, будет способствовать созданию «инновационной среды», направленной на генерацию и реализацию идей, коммерциализацию результатов; вовлечение и мотивацию персонала и студентов; подготовку и повышение квалификации инновационных менеджеров, руководителей малых предприятий.

Список литературы

1. Галимов А. М., Кашапов Н. Ф., Маханько А. В. Управление инновационной деятельностью в вузе: проблемы и перспективы // Образовательные технологии и общество. 2012. Т. 15, № 4. С. 615–624.

2. Лунев А. П., Зарипова В. М., Петрова И. Ю. Научить инновационному мышлению – задача университета // ИННОВАЦИИ 2012. № 11 (169). С. 62–69.
3. Рыбалкин Д. В. Организационно-экономические основы инновационной деятельности в сфере вузовской науки. М., 2007. 150 с.
4. Тюрина В. Ю. Управление инновационными процессами и интеллектуальной собственностью университетских комплексов. Саратов, 2005. 365 с.

КРЕАТИВНЫЕ ИГРЫ В ФОРМИРОВАНИИ КОМПЛАЕНСА ЛИДЕРОВ – ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЭЛИТЫ

Майсак Надежда Васильевна,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры
конфликтологии и организационной психологии,*

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Давыдова Людмила Николаевна,

доктор педагогических наук, профессор,

*директор Предпринимательского института педагогики и психологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Профессиональное развитие предполагает совершенствование деятельности, однако оно сопровождается периодами кризиса, стагнации, дезадаптации, регресса, что ведет к профессионально нежелательным новообразованиям, к девиантным проявлениям, личностно-профессиональной деструкции и деградации [8]. Эти отклонения от профессиональной нормы отрицательно сказывается на продуктивности профессиональной деятельности. Так, стагнация связана с «летаргией», регрессией, «вырождением» профессионализма, с отсутствием динамизма, застоем и консерватизмом, с противодействием организационным инновациям, с утратой способности к изменениям, что проявляется в снижении мотивации к самообразованию, переподготовке и повышению квалификации [6]. Для достижения высокого уровня профессионализма вузовские программы подготовки и переподготовки кадров должны быть направлены на формирование комплаенса специалистов на основе освоения профессиональной нормы и нивелирования девиаций в профессии [9].

Следует отметить, что **профессиональная норма** выступает системой типичных требований и предписаний, складывающихся в механизм регуляции поведения типичного представителя определенной профессии [7]. **Нормативное поведение специалиста** выступает как адаптивно-преобразовательная активность в пространстве профессиональных действий (функционал), в коммуникативной и личностной сфере, что позволяет человеку стать профессионалом, занимать значимое место в профессиональном сообществе, чувствовать себя представителем социально значимой профессии и созидателем нужного обществу продукта своего труда. В социомических профессиях (сферы «человек – человек»), связанных с интенсивным общением и взаимодействием с другими людьми в ходе преподавательской, научно-методической, социально-психологической, воспитательно-профилактической, культурно-просветительской профессиональной деятельности, к **отклонениям от профессиональной нормы** Н.В. Майсак относит [5]:

а) **личностные девиации** как затрудняющие деятельность акцентуации характера и профессионально-нежелательные качества (безынициативность, скука, лень, волокита и прокрастинация, догматизм, агрессия и др.); неразвитость профессионально важных качеств (компетентности, ответственности, моральности, субъектности как произвольной созидательной активности и вовлеченности в профессию); профессионально обусловленные деформации и деструкции (утрата мотивации деятельности, стагнация и регресс, нарушения профессионального здоровья, клинические проявления невротических, диссоциальных и прочих личностных расстройств);

б) **коммуникативные девиации**: нарушения эстетической нормы в манерах, смехе, улыбке, позе, походке, речи; vindиктивный (оскорбительный) и девиативный дискурс, включающий нарушения стиля мышления, речи и имиджа специалиста; проявления дезадаптации вследствие социально-стрессового расстройства (фобии, колебания активности, моторная неловкость, гипербобщительность, аутистическое и конформистское поведение, утрата пластичности общения, агрессивнo-обвинительные реакции в деловой коммуникации, проявления цинизма, нигилизм, склонность к антисоциальным действиям и пр.);

в) **функциональные девиации** как дисгармоничный стиль профессиональной деятельности: неспособность делать и поступать правильно (адекватно и точно), быстро (скоро и скоро), рационально (целесообразно), инициативно (находчиво), эстетично (красиво и гармонично).

Таким образом, девиации в профессии отражают ущербные диспозиции личности, а также масштабы деструктивных проявлений в деятельности и деловой коммуникации. Все перечисленные выше аспекты должны стать мишенями для специально организованной работы как с будущими специалистами, так и с уже работающими, особенно с представителями профессий с деонтологическим статусом – статусом должного поведения профессионала высокого уровня, от деятельности которого зависит здоровье нации, прогрессивное развитие общества и процветание страны в целом.

В финансовых организациях и в сфере бизнеса разработкой должной линии поведения специалиста занимаются **службы комплаенса** [11]. В узком смысле **комплаенс** (от англ. to comply – соответствовать) означает надлежащие действия в соответствии с указаниями руководителя или команды, повиновение правилам, а также должную старательность, усердие, обязательность. (Так, в медицине комплаенс означает добровольное следование пациента предписанному врачом режиму лечения.) В широком смысле комплаенс означает исполнение законов, правил и стандартов, минимизацию риска финансовых убытков, противодействие утрате организацией репутации вследствие несоблюдения законов, инструкций, корпоративных норм и профессиональных стандартов, а также в применении организационных или юридических санкций со стороны регулирующих органов. Комплаенс специалиста проявляется в соблюдении стандартов поведения, этического кодекса, в справедливом обращении с клиентами и конструктивном управлении конфликтами, в противодействии коррупции и легализации полученных преступным путем доходов [9]. Главным документом службы комплаенса является Кодекс корпоративного поведения, регламентирующий нормы поведения сотрудников организации при взаимодействии со всеми лицами, с которыми тот или иной сотрудник сталкивается в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей.

Комплаенс педагогического сообщества отражает нормативность поведения специалистов в рамках корпоративной культуры. Так, производственная культура Астраханского государственного университета является системой разделяемых членами коллектива ценностей, традиций, профессионально-этических норм и правил, объединяя в себе профессиональную, нравственную, организационную, правовую, экономическую, коммуникативную, эстетическую, экологическую, информационную культуру субъектов университета. Уровень комплаенса специалиста является показателем его лояльности и профессионализма, а реализация комплексной комплаенс-программы может стать целью совершенствования деятельности современной организации. По мнению Л.Н. Давыдовой, комплаенс преподавателя вуза повышает качество образования благодаря этичным субъект-субъектным отношениям [1].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время у делового сообщества еще не сложилось единого понимания функций комплаенса, и в российском законодательстве нет официального его определения. При этом для предотвращения среди специалистов отклонений от должностной модели поведения, нивелирования ранних признаков выгорания и прочих профессиональных деструкций, необходимо вести просветительно-профилактическую деятельность, начинать которую целесообразно уже в стенах вуза. Главными признаками в анализе поведения будущего специалиста могут стать девятивные тенденции и деструктивные установки студентов, стратегии поведения и общения с другими, уровень коммуникативной компетентности, конфликтности и устойчивости к стрессу, специфичность отношения к себе и к предметам окружающего мира, творческая направленность, а также развитость лидерских качеств, которые ведут человека к воплощению в жизнь задуманного.

В рамках практических занятий, а также в ходе психологических тренингов, совершенствующих профессиональную компетентность студентов и специалистов, можно использовать креативные игры и техники, позволяющие изменить привычный ход мышления и взглянуть на некие ситуации под другим углом зрения [3]. Ситуации игрового взаимодействия и мозгового штурма позволяют каждому участнику группы проявить уникальность и индивидуальный вклад в групповое решение для создания нового творческого продукта, включая преобразование современной окружающей действительности в целом [10].

Опыт работы с применением **креативной игры «Счастливый случай»** в малых социальных группах, к которым относятся профессиональный коллектив и студенческая группа, показал эффективность ее использования как на этапе сплочения группы в процессе разработки решения проблемы, так и на этапе подведения итогов изучения учебной дисциплины (табл.) [2, с. 30–31]. Цель креативной игры состоит в использовании мозгового штурма для решения любой актуальной для группы проблемы.

В начале креативной игры «Счастливый случай» озвучивается актуальная проблема, над решением которой будет работать группа. Так, на Международной конференции по внедрению стандартов CDIO, проходившей в 2012 г. Астраханском государственном университете, участники практико-ориентированной секции искали ответы на вопрос «Как формировать лидеров изменений в организации?» [6]. На занятиях по дисциплине «Психология лидерства» перед студентами АГУ ставились следующие вопросы: «Как лидеру преодолеть эмоциональное выгорание и сохранить работоспособность на долгие годы?», «Как мотивировать сотрудников на эффективную работу?», «Как обеспечить саморазвитие в течение всей жизни?» и др. [4].

На первом этапе игры участники делятся на подгруппы, каждая из которых «выбирает» для дальнейшего описания любое сложное техническое устройство, например, бытовой прибор – микроволновую печь, холодильник, утюг, электрочайник, компьютер, мобильный телефон, стиральную машину и др. (Ведущий может дать каждой группе картинку с изображением устройства, которая будет наклеена на белый лист бумаги. Вокруг данной картинки на заключительном этапе игры появятся ответы на поставленный вопрос.) Затем каждая подгруппа составляет список из не менее десяти деталей и аксессуаров выбранного ими технического устройства.

На втором этапе напротив списка деталей и аксессуаров надо записать функции, которые они обеспечивают для работы выбранного технического устройства (то есть, используя глаголы, надо написать, что именно делают эти детали прибора).

Третий этап игры самый сложный: с помощью ассоциативного мышления необходимо перенести толкование описанных функций в поле решения поставленной проблемы, тем самым перейдя в другую сферу знаний.

А теперь попробуем ответить на вопрос «Как сформировать лидерские качества?»

Этапы креативной игры «Счастливый случай»

1. Детали и аксессуары любого технического устройства (например, стиральной машины)	2. Функции этих деталей и аксессуаров (Что делает эта деталь и аксессуар?)	3. Ответы на актуальный вопрос: <i>Как сформировать лидерские качества?</i>
барабан	удерживает в себе белье, вращает его, чтобы лучше отстирать грязь	беречь энергию, сохранять интерес к профессии и профессиональную мотивацию
дверца	позволяет загрузить и вытащить белье и одежду, защищает от утечки воды	демонстрировать навыки самопрезентации и публичной речи, защищать от истощения внутренние ресурсы
электрошнур с вилкой	проводит к машине питание, обеспечивает работу прибора	постоянно обучаться, заботиться о профессиональном росте и развитии
кнопки управления	позволяют выбрать нужную программу, настроить режим стирки	знать трудовое законодательство, следовать этическому кодексу специалиста, нести ответственность за свою работу, вести людей за собой
лейбл марки «Сименс»	показывает надежность прибора, является гарантом его качества	развивать компетенции, заботиться о своей репутации, наращивать свою экспертность и профессионализм

Как видим, третий столбик содержит список ответов на поставленный перед группой вопрос. Далее идет анализ ответов всех других подгрупп, выделяются общие для всех темы и специфические ответы, показывающие креативный потенциал членов группы. Делаются выводы о тех участниках группы, которые в процессе игры проявили лидерские способности: они поддерживали интерес к игре, генерировали идеи и мотивировали других, записывали варианты ответов или делегировали эти полномочия, публично выступали, защищая групповой проект. Следовательно, общий список решений может быть дополнен пунктом о том, что лидер выступает эффективным организатором совместной деятельности окружающих его людей, он должен развивать в себе такие качества, как уверенность, гибкость, беглость, глубину, широту и критичность ума, компетентность и эрудицию, волю к достижениям, умения понимать психологические особенности членов его коллектива.

Смысл креативных игр и упражнений состоит в том, что, намеренно отдаляясь от проблемы, участники выходят из традиционного русла «реки Мышление» в «рукав творчества». Обогатившись там идеями, участники «возвращаются» в привычное русло, получая широкий веер ответов на поставленный вопрос. В конце игры все варианты ответов можно проранжировать по степени их важности для каждого участника и группы в целом, для менеджера или организации, а также по скорости внедрения, легкости реализации, по нестандартности или другим критериям.

Таким образом, участие в креативных играх позволяет специалистам проявлять лидерские способности, а поведение участников игры может выступать убедительным образцом для подражания. Ведя за собой, харизматичный лидер как представитель организационной элиты способен формировать у своих коллег и подчиненных комплаенс, выступающий внутренним инструментом коррекции стиля деятельности, поведения и общения специалиста в соответствии с профессиональной нормой и направленностью на достижение «акме».

Список литературы

1. Давыдова Л. Н. Критерии качества образования на локальном подуровне субъект-субъектных отношений // Интеграция образования. 2005. № 1/2. С. 17–20.
2. Компаньон М., Нуайе Д. Креативный подход в командной работе. М.: Претекст, 2007. 48 с.
3. Майсак Н. В. Возможности креативных техник в повышении психолого-педагогической компетентности преподавателей вуза // Инновационные технологии в профессиональном образовании : в 2 т. Грозный : ИННОЦ ГГТУ, 2012. Т. 2. С. 230–236.
4. Майсак Н. В. Креативная игра «Счастливый случай» как инструмент разрешения проблем малой группы. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.b17.ru/article/24441/> (дата обращения 14.03.2017).
5. Майсак Н. В. Норма и девиации в социомических профессиях: проблемы и пути решения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2 (3). С. 132–138. Режим доступа: <http://www.vggu.ru/content/vestnik-vyatggu> (дата обращения 10.03.2017).
6. Майсак Н. В. Повышение психолого-педагогической компетентности как профилактика стагнации преподавателей вуза // Инновационное образование: практико-ориентированный подход в обучении / отв. ред. Г.П. Стефанова. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2012. С. 342–347.
7. Майсак Н. В., Шнейдер Л.Б. Проблема нормы в профессиях с деонтологическим статусом. Мир психологии. 2016. № 4. С. 279–291.
8. Майсак Н. В. Рефлексивно-креативный практикум в профилактике девиативных тенденций специалистов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6
9. Майсак Н. В., Рябичкина Г. В. Формирование комплаенса специалистов в системе послевузовского образования // Гуманитарные исследования. 2013. № 1(45). С. 90–96.
10. Майсак О. С., Майсак Н. В. Принятие решения как креативный стресс // Профессиональный и организационный стресс: диагностика, профилактика и коррекция / под ред. Б. В. Кайгородова и Н. В. Майсак. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 28–31.
11. Тимошкин А. В. Корпоративный комплаенс-контроль как инструмент экономической безопасности. М., 2010. 26 с.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭЛИТЫ В УНИВЕРСИТЕТАХ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Захарова Елена Владимировна,

*аспирант, ассистент кафедры международных отношений и регионоведения,
Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск*

Рассматривая воспроизводство элиты в высших учебных заведениях Республики Корея, необходимо дать определение терминам «элита» и «элитное высшее образование». Воспользуемся определением термина «элита», которое ввел итальянский социолог Вильфредо Парето в своей работе «Трактат по общей социологии» (1916). Под элитой он понимал людей, достигших высшего уровня компетенции и значимых результатов в своей сфере деятельности [1]. Термин «элитное высшее образование» имеет несколько значений и может рассматриваться с разных сторон. С одной стороны, это образование, которое могут получить дети из влиятельных семей и с высоким доходом, но оно недоступно для тех людей, которые не имеют большого состояния и влияния в обществе. В данном случае мы можем говорить об элитарном образовании [2, с. 82]. С другой стороны, термин «элитное высшее образование» может подразумевать традиционное образование, направленное на изучение предметов, которые включают в себя перечень классических университетских дисциплин, в особенности философию, историю и математику [12, с. 355]. Классическое образование возвращало «человека культурного», т.е. носителя и создателя культурных ценностей.

Есть и другая точка зрения на понимание значения термина «элитное высшее образование». Оно не связано ни с социальным происхождением студента, ни с основой того, что преподается и изучается. Речь идет о способе обучения, уровне интенсивности и сложности, на котором изучается тот или иной предмет. В последнем случае термин «элитное высшее образование» противопоставляется «массовому высшему образованию», которое появилось в развитом индустриальном обществе за последние несколько десятилетий [12, с. 355].

Рассмотрим роль университетов Республики Корея в формировании корейской элиты и отдельное внимание уделим научной элите.

Реформирование системы высшего образования в Республике Корея началось в конце 1970-х гг. В 1995 г. был опубликован Проект реформы в области образования [6, с. 32]. Реформы были направлены на создание «новой демократической системы образования, нацеленной на органичное включение Кореи в открытую мировую информационную образовательную систему» [3, с. 31]. Главными задачами реформ в высшем образовании были обеспечение общедоступной открытой программы непрерывного образования, упрощение процедуры вступительных экзаменов, изменение недемократических законодательных норм в сфере высшего образования. Особенностью системы финансирования в университетах Южной Кореи стало то, что значительную долю расходов на себя взяло государство. Благодаря правительственным дотациям плата за обучение в высшем учебном заведении сравнительно низкая. Студенты вносят небольшой процент от полной стоимости обучения и вступительный взнос. Частные же университеты финансируются за счет различных фондов и взимаемой со студентов платы за обучение. Однако частные учреждения также имеют возможность получать субсидии для выполнения научно-исследовательской работы и программ по улучшению условий обучения в области науки и техники.

Прием студентов во все вузы страны осуществляется в соответствии со строгими правилами. Учитывается средний балл аттестата о среднем образовании абитуриента, а также результаты общенационального экзамена. Некоторые университеты вводят дополнительные вступительные экзамены в форме сочинения и учитывают его результат. Таким образом, успех сдачи экзамена в Южной Корее в большой мере зависит не от материального состояния семьи абитуриента, а от его знаний, способностей и трудолюбия. Важно, что корейские университеты, как и университеты других стран, отличаются друг от друга как по уровню подготовки, так и по статусу, на который выпускники рассчитывают после окончания высшего учебного заведения. Можно говорить о четкой иерархической системе вузов Республики Корея. Общая система высшего образования включает в себя четырехлетние колледжи и университеты, двухлетние младшие колледжи, колледжи учителей, а также различные другие типы колледжей, около 75% от общего числа учащихся в системе высшего образования сосредоточено в колледжах и университетах. В отличие от американской системы подачи документов в несколько вузов, студенты в Южной Корее могут подавать документы в определенный университет на определенную специальность, тем самым делая выбор в момент поступления. Для того чтобы получить диплом, студенты должны иметь определенное количество необходимых кредитов по основным курсам, а также по выборным курсам. Крайне редко можно изменить свою специальность.

Развивая национальную систему высшего образования, корейское государство опиралось, прежде всего, на американскую модель высшего образования. Однако стоит отметить, что университеты Южной Кореи имеют свою специфику, которая особенно заметна в иерархической структуре взаимоотношений между руководителями и их подчиненными. Опираясь на традиционные конфуцианские ценности, корейцы руководствуются авторитарной моделью взаимоотношений. Эти взаимоотношения основываются на статусе определенного человека, который зависит от социального положения, возраста и пола. А наличие в корейском языке почтенной формы обращения предусматривает официальные отношения младших преподавателей со старшими преподавателями. Такая система общения является обязательной в корейском обществе в целом. Четкие иерархические разграничения помогают достигнуть социальной стабильности, а также эффективности системы контроля. Отношения между преподавателями и студентами также стремятся соответствовать конфуцианским этическим принципам. Контроль над студентами осуществляется посредством законных полномочий и моральных норм, которые аналогичны отношениям между роди-

телями и детьми. Студенты осознают важность преподавателя в учебном процессе, и у них присутствует чувство обязанности перед своим наставником за преподавание, советы, поощрение, моральное руководство – все те преимущества, которые они получают за период обучения. Это сравнимо с тем долгом, который чувствуют дети перед своими родителями. Таким образом, организационная система в корейском высшем образовании несет в себе культурные особенности, которые характеризуются формальным авторитаризмом и традиционным коллективизмом, основанным на конфуцианских ценностях [10, с. 17].

В результате возрастающей конкуренции среди университетов, возникли рейтинги престижности университетов. Престижность каждого высшего учебного заведения находит свое отражение в среднем минимальном количестве вступительных баллов. Поэтому сам факт окончания престижного университета является хорошим показателем способностей выпускника или качества человеческого капитала для работодателя.

Многие исследования утверждают, что неофициальное сообщество выпускников конкретного университета стало основным типом социальной стратификации в южнокорейском обществе. Другими словами, помимо экономических преимуществ, связанных с высшим образованием, университет дает основу для формирования неофициальных социальных групп, которые служат важным источником социального капитала. Наряду с престижностью университета источником социального капитала являются семейные связи. Так, корейским исследователем Ким Соном, была выявлена зависимость между университетскими и семейными связями и будущей карьерой. При рассмотрении административных должностей чеболей, он подчеркнул важность как университета, который оканчивал человек, так и регионального происхождения при продвижении определенных лиц на руководящие должности. Было отмечено, что семейные связи, место рождения и учебное заведение играют роль не только в формировании определенных групп в обществе, но и в формировании отношений и групп во всех корейских организациях. Связь с университетом является наиболее сильным фактором неофициальных отношений, т.к. дает человеку чувство принадлежности к определенной социальной группе [13, с. 182].

Преимущества, которые дает обучение в престижном университете могут быть кумулятивными: выпускники получают дополнительные преимущества в виде конкретного социального капитала – доступа к трудоустройству в офисы, а также социальные связи с преподавателями, выпускниками и одноклассниками. Стратифицированный характер системы высшего образования предполагает, что полезность или эффективность этого социального капитала может варьироваться в зависимости от конкретного учреждения. У выпускников различных по престижности университетов отличаются не только варианты возможных будущих работодателей, но и статусность определенного окружения, влияющего на принятие решений.

Идея, что отношения между людьми могут представлять собой полезные ресурсы, широко используется исследователями, которые изучали роль неофициальных личных связей в процессе поиска работы или достижения профессионального статуса в США других западных промышленно развитых стран. Культурная специфика корейского общества делает исследования в этой области особенно актуальными для анализа формирования и воспроизводства элит.

В связи с ростом конкуренции между вузами, и существующим в обществе пониманием того, что степень престижности вуза напрямую связана с возрастом вертикальной социальной мобильности, выбор университета становится важным этапом в жизни, а подготовка и поступление в один из элитных вузов приобретает все большее значение для карьерного роста.

В Южной Корее быстрые темпы экономического роста в последние несколько десятилетий сопровождалось увеличением поступления в учреждения высшего образования. Уровень поступающих стремительно вырос за несколько десятилетий и значительно превысил уровень многих других азиатских стран. Сейчас в Республике Корея существует несколько элитных и самых престижных университетов, имеющих высокий рейтинг в стране и в мире [15]. Среди них можно выделить Сеульский национальный университет, Университет Корё, Университет Ёнсе, которые получили название SKY (Seoul National University, Korea University, Yonsei University). Эти университеты окончили многие известные личности Южной Кореи: писатели, художники, актеры, политические деятели. Каждый из университетов SKY имеет свои особенности и приоритетные области. Сеульский национальный университет на сегодняшний день является классическим университетом, в котором изучаются гуманитарные, математические предметы и естественные науки [5].

Университет Корё также проводит обучение основным предметам. Приоритетной областью университета является юриспруденция. Университет Корё считается высшим учебным заведением, где знания по этой специальности даются в полном объеме. Выпускниками данного университета являются политические деятели, которые занимаются своей деятельностью в настоящее время [8].

Университет Ёнсе является одним из старых университетов в этом списке. В 1899 г. он был основан как медицинский университет. В настоящее время медицинский факультет – один из сильных среди других вузов Южной Кореи. Университет гордится своими богатыми христианскими традициями. После объединения двух колледжей в 1957 г., область преподавания была расширена. Открылись новые направления, и университет стал первым учебным заведением, где люди со всего мира могли обучиться корейскому языку на специальных курсах, а также познакомиться с историей и культурой страны [7].

Изучая воспроизводство элиты через университетское образование, следует особое внимание уделить формированию научной элиты. По мнению А.Д. Савельева, научная элита отличается от других типов элиты. Имея общие с ними черты, например, избранность представителей, научная элита имеет свою специфику и механизмы со-

циальных гарантий [4, с. 121]. Приоритет научной элиты в обществе определяется тем, что, открывая новые пути в науке, она является катализатором развития социальной системы и ее основных составляющих. В целом, научная элита определяет уровень инновационного развития. В Республике Корея есть несколько исследовательских университетов, которые являются частью мировой университетской сети. Среди таких университетов можно выделить Корейский исследовательский институт передовых технологий (KAIST), созданный с целью создать новое поколение элиты в науке. Этот университет был открыт в 1971 г. и на данный момент является ведущим образовательным и исследовательским университетом в Южной Корее. Создание этого университета имело решающее значение для экономического развития Южной Кореи. На протяжении нескольких десятилетий KAIST способствует развитию инновационных технологий и появлению исследователей в области науки. Изначально акцент был сделан на теоретических и прикладных исследованиях и в настоящее время университет является основным центром стратегических исследовательских проектов. Финансирование здесь осуществляется за счет средств государства. Данный университет отличается от других исследовательских институтов Республики Корея и имеет некоторые особенности. Во-первых, университет был основан при финансовой поддержке США и значительное количество ученых и инженеров получали образование в Штатах. В настоящее время такая тенденция сохраняется. Также в университет регулярно приглашаются иностранные профессора для обучения студентов и обмена опытом. Во-вторых, при основании университета за основу были взяты модели исследовательских институтов США и их структуры.

Еще один исследовательский университет Южной Кореи занимает высокие позиции в мировых рейтингах. Пхоханский университет науки и технологии был основан в 1986 г. южнокорейской компанией POSCO. Университет создавался с целью обучения молодежи в области науки и техники для обеспечения высоких позиций Кореи на мировой арене в сфере технологий. Современный научно-исследовательский университет имеет некоторые особенности, отличающие его от других университетов Южной Кореи: низкое соотношение студентов и преподавателей, высокая доля докторов, проживание студентов в кампусе и высокое качество условий проживания в кампусе. Образцом для создания высшего учебного заведения послужил Калифорнийский технологический институт. После открытия на базе университета были созданы научно-исследовательский институт науки и техники, биотехнический центр, научный институт технологии наноматериалов, ускорительная лаборатория и др. В настоящее время университет является одним из лучших технических университетов в Азии.

Исследовательские университеты Южной Кореи развиваются очень быстро и в настоящее время основную долю в образовательных программах составляют естественные науки и математика. Это способствует высоким темпам технологического прогресса.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что элитность высшего образования поддерживается иерархией престижности высших учебных заведений одновременно с приверженностью университетов Республики Корея открытому для всех образованию. При этом формирование научной элиты становится одной из приоритетных сфер политики государства в области высшего образования. В университетах сохраняется меритократическая система, способствующая увеличению числа поступающих вне зависимости от принадлежности к определенной социальной группе. Следует отметить, что высокая компетентность научной элиты обусловлена в значительной мере господствующим в обществе отношением к образованию как ценности. В Южной Корее присутствует явно выраженный культ образования. С начальной школы родители прилагают много усилий для того, чтобы ребенок получил знания не только на основных уроках в школе, но и на различных факультативных занятиях. Безусловно, это требует дополнительных финансовых расходов, которые не может позволить себе каждая семья. Однако каждый человек уверен в том, что хорошее образование приводит к хорошему доходу, а высокий доход является показателем особого социального статуса. Укорененное в культуре отношение к образованию, несомненно, поддерживает высокое качество образования, в особенности в престижных вузах, и способствует формированию высокоинтеллектуальной элиты.

Список литературы

1. Ашин Г. К. Как формируются элиты: теории элит Моска, Парето и Михельса // Элитариум. Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/teorija-jelity-vlast-obshhestvo-upravlenie-moska-pareto-mihels-partija-demokratija-bjurokratija/>.
2. Ашин Г. К. Элитное образование // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 82–99.
3. Ким Санг Хо. Современное состояние и перспективы развития образования в корейских институтах // Университетское управление: практика и анализ. 1997. № 3. С. 30–33.
4. Савельев А. Д. Идентификация и формирование научной элиты (обзор) // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 118–124.
5. Сеульский национальный университет // Официальный сайт Сеульского национального университета. Режим доступа: <https://www.useoul.edu/> (дата обращения 10.03.2017).
6. Толстокулаков Л. А. Роль высшего образования в демократизации южно-корейского общества // Сборник научных статей Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 1999. С. 31–33.
7. Университет Ёнсе // Официальный сайт университета Ёнсе. Режим доступа: https://www.yonsei.ac.kr/en_sc/ (дата обращения 10.03.2017).
8. Университет Корё // Официальный сайт университета Корё. Режим доступа: <https://www.korea.edu/> (дата обращения 10.03.2017).
9. Christopher Green. Internationalization, Deregulation and the Expansion of Higher Education in Korea: An Historical Overview // International Journal of Higher Education. 2015. Vol. 4 (3). P. 1–13.
10. Jeong-Kyu Lee. Organizational Structure and Culture in Korean Higher Education // International Higher Education. 1999. № 16. P. 17.

11. Mirae Baik. How is the Mobility of Korean Students to the U.S. Shifting? // World Education News & Reviews. Режим доступа: <http://wenr.wes.org/2013/06/how-is-the-mobility-of-korean-students-to-the-u-s-shifting> (дата обращения 5.03.2017).
12. Martin Trow. «Elite higher education»: an endangered species? // Minerva. 1976. Vol. 14 (3). P. 355–376.
13. Sunhwa Lee and Mary C. Brinton. Elite education and social capital: the case of South Korea // Sociology of Education. 1996. Vol. 69 (3). P. 177–192.
14. Terry Kim. Higher Education Reforms in South Korea: Public – Private Problems in Internationalizing and Incorporating Universities // Policy Futures in Education. 2008. Vol. 6 (5). P. 558–568.
15. QS World University Rankings // QS Top Universities. Режим доступа: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings> (дата обращения 5.03.2017).

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ В УСЛОВИЯХ ШКОЛЫ ПРИ ВУЗЕ

Хангельдиева Ирина Георгиевна,

*доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории образования,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва*

Золина Мария Алексеевна,

*аспирантка факультета педагогического образования,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва*

*«При Университете необходимо должна быть Гимназия,
без которой Университет, как пашня без семян»
М.В. Ломоносов*

В настоящее время актуальной является проблема принятия стратегических решений в области подготовки и формирования национальной элиты. На основе сознательного целеполагания национальная элита создается в результате выявления наиболее одаренных, талантливых и подготовленных молодых представителей общества. Существует необходимость подготовки резерва высококвалифицированных кадров в различных сферах деятельности: политической, экономической, научно-технической, культурной. В условиях современной традиционной школы формирование таких элит затруднено, так как в основном ориентация осуществляется не на самых одаренных, а на среднестатистических учащихся. В связи с этим появляются школы, которые отбирают наиболее одаренных и талантливых учащихся и специализируются на их обучении на более высоком уровне относительно традиционной школы.

Идея приблизить школьное образование к проблемам реальной жизни, заложить основы формирования национальной элиты посредством выявления одаренных детей в различных областях жизнедеятельности нашего общества и создания для них особых условий реализации их способностей содержится в образовательном стандарте для среднего общего образования, утвержденном в нашей стране в 2012 г. Полный переход к данному стандарту в нашей стране планируется к 2020 г. Для достижения этой цели необходимы соответствующие условия и механизмы, которые будут способствовать выполнению поставленной задачи в рамках существующей системы образования. В настоящий момент имеется реальный опыт работы ряда школ по этому образовательному стандарту. Одна из таких школ открылась 1 сентября 2016 г. на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, именуемая Университетской гимназией МГУ имени М.В. Ломоносова.

В Концепции гимназии записано, что она является структурным подразделением Московского университета и «представляет собой инновационный научно-образовательный комплекс, реализующий лучшие отечественные традиции и современные подходы в образовании и воспитании национально-ориентированной технологической и гуманитарной элиты. Высокая миссия Университетской гимназии предполагает реализацию принципиально новой методологической стратегии на базе уникальной инфраструктуры Московского университета и огромного опыта работы Московского университета со школьниками и учителями на всем пространстве Российской Федерации и за ее пределами» [1, с. 1]. Идея создания гимназии при Московском университете принадлежит ректору университета. Она была высказана еще в 2010 г. Однако ее открытие состоялось через шесть лет. Университетская гимназия призвана наследовать лучшие традиции Московского университета и гимназического образования в нем. Университетской гимназии уделяется особое внимание, не случайно ее Попечительский совет возглавил И.И. Шувалов, Первый заместитель председателя Правительства РФ, выпускник юридического факультета Московского университета.

Формирование национальной элиты – процесс трудоемкий и многоступенчатый. Школьное образование – одна из первых его ступеней. Для полноценной реализации данного этапа необходимы конкретные механизмы поиска и отбора претендентов, соответствующих предложенным критериям, а также и особая методология их последующей подготовки. В 2016 г. в результате двухуровневого конкурсного отбора в 10-е классы Университетской гимназии было принято 100 учащихся, проявивших себя особым образом в олимпиадах, конкурсах и учебе в целом. Процесс отбора претендентов для обучения в Университетской гимназии 2016/2017 учебного года проводился в 2 этапа. На первом этапе школьники сдавали 3 экзамена: математику, русский язык и предмет по выбору, соответствующий профилю. Первый этап проводился в 14 городах России, что обусловило широкий географический охват регионов. На этом этапе было отобрано 250 учащихся. Второй этап проходил на базе ОЦ «Сириус» (г. Сочи) в течение трех

недель, где учащиеся снова сдавали три экзамена и занимались проектной деятельностью в рамках лабораторий по профилю, таких как «Геоинформатика», «Международные отношения», «Искусство», «Химия запахов», «Робототехника» и другие. В начале проектной смены конкурсанты писали эссе по темам своих проектов, где освещали актуальность проблем и возможные пути их развития. В рамках этой деятельности учащиеся ежедневно составляли краткие отчеты. По итогам проектной смены формировался полный отчет о проделанной работе. В конце смены была организована специальная конференция, где были публично представлены проекты. Участники второго отборочного тура получили хороший опыт, попробовав себя в различных профессиональных областях и наметив возможные пути своего дальнейшего развития. Из 250 претендентов, которые были допущены ко второму туру, проходившему в Сочи, по результатам экзаменов и работы над проектами только 100 учащихся были приглашены продолжить учебу в Москве в Университетской гимназии МГУ.

Университетская гимназия как структурное подразделение МГУ имени М.В. Ломоносова имеет широкий круг уникальных возможностей для реализации своей миссии. Большую часть педагогического состава гимназии составляют сотрудники МГУ: профессора, доценты, преподаватели и аспиранты университета. Это не может не отразиться на качественном содержании преподаваемого материала, особенностях взаимодействия преподавателей и гимназистов, на форме проведения учебных занятий.

Одной из особенностей Университетской гимназии является ее местоположение: она находится рядом с Фундаментальной библиотекой МГУ, в непосредственной доступности от факультетов, расположенных на Ленинских горах. Последнее позволяет гимназистам органически интегрироваться в образовательный процесс университета, посещать интересные научно-популярные лекции, участвовать в занятиях известной программы «МГУ – школе», других мероприятиях различного рода от форумов до концертов.

Для полноценного развития способностей у учащихся возникает необходимость персонального выбора, которая может реализоваться в условиях индивидуализации образования. В этой связи создание индивидуальной образовательной траектории для каждого гимназиста является одним из ключевых условий для удовлетворения образовательных потребностей одаренных учащихся, развития и реализации их творческого потенциала и, в конечном счете, достижения цели подготовки национальной элиты.

Одним из важных механизмов подготовки национальной элиты в Университетской гимназии в настоящее время является институт тьюторства. Институт тьюторства позволяет актуализировать в реальности непосредственно задачу индивидуализации образовательного процесса. Ключевым инструментом построения индивидуальной траектории является индивидуальный учебный план гимназиста. Формирование индивидуального учебного плана – важный и одновременно сложный процесс взаимодействия учащегося и тьютора: необходимо выявить образовательные потребности учащегося, сформулировать цели и задачи, а затем составить оптимальный вариант набора предметов, удовлетворяющего образовательные потребности гимназиста.

При поступлении в Университетскую гимназию в 2016/2017 учебном году учащиеся имели возможность выбора между пятью профилями: математическим, инженерным, естественно-научным, гуманитарным и социально-экономическим. Каждый профиль делится на несколько подпрофилей, различающихся набором предметов, изучаемых на профильном уровне, в количестве трех. Все гимназисты в обязательном порядке изучают два иностранных языка: первый – английский, второй – на выбор (по запросам учащихся были сформированы начинающие и продвинутые группы изучения немецкого, французского, итальянского и китайского языков). Помимо основного учебного плана для удовлетворения образовательных потребностей гимназистов в рамках дополнительного образования функционируют модули самого разнообразного содержания, которые организуются после выявления персональных образовательных запросов учащихся. Так, например, в этом году учащимся предоставлена возможность в рамках модульных занятий изучать предметы от специальной математики до истории государства и права зарубежных стран, от алгоритмов и программирования до иммунологии, введения в источниковедение отечественной истории, the history of Britain и так далее. Также в рамках модулей гимназисты имеют возможность обучаться на дистанционных курсах по различным направлениям на портале дистанционного образования МГУ имени М.В. Ломоносова.

Другим механизмом формирования национальной элиты в Университетской гимназии, акцентирующим активную позицию учащихся является проектная деятельность, включенная в основную часть индивидуального учебного плана. В начале учебного года гимназистам были предложены различные варианты проектов от факультетов Московского университета, затем учащиеся распределились по проектам по своему желанию без привязки к своему профилю. В рамках проектной деятельности учащиеся могут попробовать себя в различных профессиональных областях, поработать под руководством высококвалифицированных специалистов, прикоснуться к реальным проблемам науки и общественной жизни и предложить свои варианты их решения.

Для стимулирования развития творческих способностей учащихся в рамках дополнительного образования в гимназии организована работа различных художественных студий: театральной и развития речи, изобразительного искусства и зенарта, балльных танцев и пилатеса, вокальной и других. Особое внимание к художественной составляющей в программе обучения гимназистов детерминировано стремлением создать условия для развития их эмоционального интеллекта, ассоциативно-образного и дивергентного мышления, которые составляют важную основу креативности.

Внеучебная деятельность гимназистов достаточно обширна: от участия в международной конференции «Земля из космоса», посещения молодежного форума «БРИКС МГУ», встречи с известными представителями факультетов для расширения знаний гимназистов о существующих профессиональных областях до различных концертов, творческих конкурсов, балов и спектаклей.

Проблема формирования талантливой, энциклопедически образованной, интеллектуальной элиты в нашей стране весьма актуальна. Такая элита должна быть воспитана на лучших традициях, но с учетом самых современных подходов к образованию. Создание индивидуальных образовательных траекторий для учащихся столь инновационного учебного заведения, как Университетская гимназия МГУ, становится сегодня одной из первоочередных национальных задач не только духовной пашне Университета, но российского Отечества.

Список литературы

1. Концепция Университетской гимназии (школы-интерната) МГУ имени М.В. Ломоносова. Режим доступа: <https://school.msu.ru/> (дата обращения 20.02.2017).
2. Педагогические работники Университетской гимназии. Режим доступа: <https://school.msu.ru/> (дата обращения 20.02.2017).
3. Список модулей, предлагаемых для изучения в Университетской гимназии, осень 2016. Режим доступа: <https://school.msu.ru/> (дата обращения 20.02.2017).
4. Учебный план Университетской гимназии МГУ – 2016. Режим доступа: <https://school.msu.ru/> (дата обращения 20.02.2017).

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР СЕЛЕКЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Невмержицкая Юлия Петровна,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков, Сочинский институт (филиал)
Российского Университета Дружбы Народов, г. Сочи*

Образовательное пространство является той средой, которая должна способствовать духовному и интеллектуальному росту участников образовательного процесса и выполнять особую культурную миссию по селекции интеллектуальной элиты и созданию благоприятных условий для ценностно-смыслового развития личности [1]. Важная роль образовательной среды в формировании интеллектуальной элиты подробно рассмотрена в работах Л.В. Баявой, Л.П. Воронковой, В.И. Добрынина, И.В. Захарова, И.Д. Лельчицкого, П.Л. Карабущенко, С.А. Кугель, Т.Н. Кухтевич, В.М. Ломовицкой, Е.С. Ляхович, Т.А. Петровой, А.А. Поляковой, Р.Г. Резакова, Л.В. Тиньковой, А.С. Фомина и др. Между тем, не каждое учебное заведение на практике отвечает этой модели, делая основной упор лишь на обеспечение подготовки специалиста того или иного направления, не ставя перед собой определенных задач по воспитанию интеллектуальной элиты.

Существуют разнообразные подходы, понятия и трактовки, связанные с соотношением ценностей и смыслов. Б.С. Братусь, анализируя взаимосвязь понятий «личностные ценности» и «личностные смыслы», характеризует *личностные ценности как «осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни»*. Ученый разделяет осознанные смыслы жизни и декларируемые, «назывные» ценности, «не обеспеченные «золотым запасом» соответствующего смыслового, эмоционально-переживаемого, задевающего личность отношения к жизни, поскольку такого рода ценности не имеют по сути дела прямого касательства к смысловой сфере» [7, с. 89–90].

А.В. Серый и М.С. Яницкий указывают на то, что данная точка зрения Б.С. Братуся восходит к пониманию природы ценностно-смысловых отношений Г. Олппорта, который подразумевает психологический смысл ценности, а не ее объективное философское значение, и определяет ценность как некий личностный смысл. Таким образом, резюмируют ученые, ценность осознается человеком всякий раз, когда смысл имеет для него принципиальную важность [13]. В. Франкл в своей фундаментальной работе «Человек в поисках смысла» так же характеризует смысл как один из критериев ценностей [15]. В свою очередь, указанную позицию не разделяет Л.Б. Эрштейн, полагая, что «многие ценности не имеют ни малейшего отношения к смыслам жизни и не осознаются человеком» [16]. Вместе с тем еще одна точка зрения на природу смысла и ценностей и их взаимосвязь приведена Г.И. Богиним, который пишет: «смыслы существуют не «в голове» человека, а в культуре общества. В силу этого они выступают как *ценности*, ценности общественного бытия и общественного сознания» [6].

В данном исследовании мы, вслед за рядом авторов, полагаем верным рассматривать ценность и смысл как две самостоятельные величины, которые, в тоже время, взаимодополняют друг друга и апеллировать к ценностно-смысловому развитию личности в экзистенциальных, духовных категориях. Экстраполируя мнение профессора И.А. Соловцовой о духовном воспитании, мы предлагаем рассматривать ценностно-смысловое развитие как «процесс бесконечного совершенствования человека, а не как движение к определенному, заранее запланированному и смоделированному результату» [14].

Великий русский философ Н.А. Бердяев писал, что «завоевание духовности есть главная задача человеческой жизни» [4, с. 320]. Духовность – понятие многомерное, многоплановое, включающее в себя не только сферу ценностно-смысловых ориентаций личности.

Профессор Л.В. Баява пишет о духовном росте развитии личности в процессе общения с духовно развитыми людьми: «Чем более сильная в духовном отношении личность воздействует на наше восприятие и переживание, тем глубже и значительней ее влияние на наш внутренний мир. Учителя, писатели, художники, артисты, журналисты призваны иметь повышенную духовную силу воздействия на других и способны оказывать влияние не только через непосредственное общение, но через книги, средства информации. Что касается восприятия духовной энергии дру-

того, то оно возможно через практическое общение, чтение произведения, созерцание предметов творчества, сопереживания поступку того, кто выступает духовным источником» [3].

Ценностно-смысловое развитие интеллектуальной элиты тесно связано с духовным ростом личности. Представляется, что именно духовность является той частью традиционной культуры, которая обеспечивает обращенность к сфере духа, в противовес традиционной фольклорной прагматике; духовность коррелирует с непознанным, сокровенным, сакральным, находящимся вне сознания, что позволяет говорить об *этнопедагогическом потенциале ценностно-смыслового развития личности, заключенном в «духовной традиции» фольклора*, которая несет в себе развитую систему ценностей и смыслов и иллюстрирует потребность в обращении к *духовным традициям фольклора* как к квинтэссенции народной мудрости.

Впервые в научный тезаурус термин «духовная традиция фольклора» применительно к русскому фольклору был введен профессором А.А. Поляковой. Она установила педагогический статус обращения к духовным традициям фольклора, обосновав систему целей привлечения данного материала [11]. Проведенное ученым фундаментальное теоретическое исследование по духовной традиции русского фольклора позволило выявить сущностные особенности и характеристики, обозначить педагогические функции и концептуальные подходы, которые могут быть экстраполированы применительно к духовной традиции народов мира. Содержание авторского курса профессора А.А. Поляковой по духовной традиции русского фольклора не только имеет теоретическую ценность, но и успешно применяется на практике в ряде школ и ВУЗов страны. Ученый обосновывает необходимость обращения школы к традиционным ценностям национальной культуры, связывая поликультурные приоритеты школы с задачей преодоления кризисных явлений в духовном развитии нашего народа и общества в целом.

Постулат том, что сущность ценностно-смыслового развития личности заключается в совершенствовании системы ценностей и смыслов, способствующих духовному росту личности через восхождение от прагматических ценностей и смыслов к экзистенциальным, определяющим смысл бытия, позволил сделать вывод о необходимости включения в содержание образования аксиологически значимого материала. В качестве данного материала выступает духовная традиция фольклора, традиции и обычаи, передачей которых от поколения к поколению традиционно занимается этнопедагогика.

Важным фактором воспитания интеллектуальной элиты посредством актуализации ценностно-смыслового развития является включение аксиологически значимого материала в содержание, т.к. может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на образовательный процесс. Качественное содержание образования позволяет приобщить к истинным ценностям, научить отличать произведения высокохудожественные от низкопробных, обогатить информационно-культурное поле личности, актуализировать процесс аксиологической рефлексии.

Подлинные ценности, отраженные в культуре общества, силой своего эмоционального воздействия способны стимулировать аксиологическую рефлексию, процесс аксиогенеза, взросления и духовного становления личности. Это закономерно влечет за собой трансформацию уже имеющихся ценностно-смысловых установок, уточняя, обогащая и дополняя их в результате накопления личностью определенного культурного потенциала, своеобразному эмоциональному «пропуская» полученной информации через себя, и присваиванию общепринятым ценностям и смыслам личностной принадлежности. Однако не само по себе механическое включение ценностного материала значимо для ценностно-смыслового развития, тем более, развития интеллектуальной элиты, а лишь восприятие его через эмоциональную сферу. Д.А. Леонтьев называет процесс рождения качественно нового смысла инсайтом, «...внезапным усмотрением смысла там, где только что еще ничего не было» [9].

Мощной предпосылкой для подобной трансформации в условиях стремительно меняющихся ценностных ориентаций общества, когда особо необходимы становятся постоянство, стабильность, преемственность, является обращение к такому культурному материалу, который воспринимается как своего рода толчок для дальнейших размышлений и основан на аксиоматических постулатах. Таким материалом, безусловно, является *традиционная народная культура*, которая выступает как особый феномен и благоприятная этнопедагогическая среда для ценностно-смыслового развития личности, является фундаментом культуры и играет важнейшую роль катализатора рефлексивных процессов ценностно-смыслового развития личности. Это обусловлено ее высоким аксиологическим потенциалом, выражающимся в развитой системе ценностей и смыслов, которые переданы в образной и доступной форме.

Важными составляющими селекции интеллектуальной элиты в образовательном пространстве могут стать верифицированные временем *средства этнопедагогики и заключенные в них ценности и смыслы*. Аксиологическая значимость различных этнопедагогических средств в образовательном и воспитательном процессе научно обоснована рядом фундаментальных исследований (Е.В. Бондаревская, Ю.В. Бромлей, Г.Н. Волков, Н.Д. Никандров, В.А. Николаев, А.А. Полякова, В.Д. Шадриков и др.). Вместе с тем появление новых этнопедагогических средств и исследования, посвященные данным феноменам (интернет-фольклор, «фольклорные маргиналии» (К.А. Богданов), фольклор и постфольклор в культурных практиках современности (Л.Г. Ядрышникова), инновационные аспекты современного фольклорного дискурса (И.Э. Ратникова), «народно-литературные афоризмы» (Е.И. Янович) и т.д.), обуславливают необходимость дополнения и изменения существующих методик их презентации и требуют принципиально иного подхода при экспликации этнопедагогических средств в дидактическую форму, в связи с чем исследователи говорят о необходимости модернизации привычных подходов, акцентируя внимание на новых, актуальных тенденциях, при сохранении богатейшего духовного наследия традиционного фольклора (К.А. Богданов; А.А. Панченко; С.Ю. Неклюдов).

Современное общество зачастую отвергает авторитет традиции, нивелируя ценность отдельных фольклорных материалов. Однако, как замечает К.А. Богданов, «фольклорный дискурс наделяется ценностным смыслом даже в том случае, если его конкретные тексты не оцениваются высоко. Это напоминание о реальном или воображаемом

положительном социокультурном опыте. Сам процесс оформления фольклора осуществляет основную культурную миссию – придание смысла самой повседневности, и здесь ценность фольклорной традиции несомненна» [5]. В свою очередь, А.А. Панченко полагает, что «тот или иной прозаический или поэтический текст приобретает популярность и передается от поколения к поколению потому, что он служит маркером социальной стабильности, явно или скрыто апеллирует к коллективизирующим ценностям, обеспечивает сохранение индивидуальной либо групповой идентичности» [10, с. 72–95].

По мнению Н.И. Копыловой, «в фольклоре находит воплощение традиционная культурная информация – представления народа о мире, человеке, ценностные установки, верования. В процессе исполнения фольклорного текста происходит трансляция ... традиционных культурных смыслов. Сама традиция как способ и форма бытия фольклора – с установкой на повторяемость, устойчивость, стереотипность – и есть тот механизм, который, во-первых, обеспечивает сохранность информации, а во-вторых, является маркером ценности передаваемого содержания» [8]. Ю.В. Рождественский считает, что «в фольклоре отражена культура как свод правил поведения человека» [12]. Фольклорное наследие в силу своей образной структуры и насыщенного содержания способно заинтересовать учащегося, помочь ему не только узнать историю и культуру народа на уровне фактов, но и получить эмоциональные впечатления и личные переживания, способствующие ценностно-смысловому развитию и духовному росту.

Таким образом, роль традиционной культуры в процессе ценностно-смыслового развития интеллектуальной элиты не ограничена лишь передачей различного рода знаний, но предполагает духовный рост личности, обращение к ее культурным ценностям и смыслам, которые в образовательном процессе обеспечиваются этнопедагогическими средствами.

Список литературы

1. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. М.: МОСУ и МГИМО (У) МИД РФ, 1998. 432 с.
2. Ашин Г. К., Карабущенко П. Л. Олигархические и меритократические тенденции в оценке современного элитарного образования // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. 2011. Т. 7–8. С. 9–17.
3. Баяева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии. М.: Прометей. МПГУ, 2003. 240 с.
4. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
5. Богданов К. А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 438 с.
6. Богин Г. И. Обретение способности понимать. Введение в герменевтику. М., 2001.
7. Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988. 301 с.
8. Копылова Н. И. Народная культура и проблемы ее изучения. Вып. 7. Режим доступа: <http://www.vantit.ru/narodnaja-kultura-7/619-o-printsipah-sistemnogo-issledovaniya.htm>.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., Смысл, 2003. 426 с.
10. Панченко А. А. Фольклористика как наука // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. М., 2005. Т. 1.
11. Полякова А. А. Духовная традиция русского фольклора: вопросы педагогической теории и практики. Оренбург: ОГПУ, 1998. 164 с.
12. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 597 с.
13. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово, 1999.
14. Соловцова И. А. Духовное воспитание: стереотипы, проблемы, парадоксы. Режим доступа: www.лабораториядуховновоспитания.рф.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
16. Эрштейн Л. Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб, 2008. 122 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СТУДЕНТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА «ОТКРОЙ РОСТОВ» КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Братолюбова Мария Викторовна,

*кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений, г. Ростов-на-Дону*

Брызгалова Ирина Генриховна,

*кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений, г. Ростов-на-Дону*

Ведущей функцией поликультурного образования выступает формирование поликультурной личности, ориентированной на диалог и сотрудничество, что предполагает устранение в сознании личности противоречий между системой ценностей и нормативных установок, принятых в том или ином обществе, признание многообразия культур и их взаимосвязи, позитивное отношение к культурному плюрализму [2, с. 230].

В рамках поликультурного образовательного пространства вуза целесообразно использование не только традиционной системы методов и форм, но и проектной деятельности, интеграции учебной и внеучебной деятельности. Проектные технологии позволяют включать разнообразные формы и методы работы, объединяя различные направления для достижения поставленных целей. Метод проектов всегда предполагает четкую структуру с обозначенной целью и ожидаемыми результатами, что позволяет оценить его эффективность и целесообразность дальнейшей реализации [1, с. 87].

В качестве программы, направленной на развитие толерантных установок молодежи в Институте истории и международных отношений Южного федерального университета реализуется проект «Открой Ростов: школа экскурсоводов ЮФУ». Ростов-на-Дону постоянно развивается, в нем появляются новые масштабные проекты. Успешные примеры развития городов и изменений городского пространства всегда начинались с истории о городе. В какой-то момент люди начинают говорить о месте, в котором они живут, и транслировать старые и новые легенды, ценить прошлое и на его основе строить будущее. Поэтому студенты и преподаватели ИИМО ЮФУ предприняли удачную попытку реализации образовательно-просветительского проекта в сфере популяризации историко-культурного наследия города Ростова-на-Дону. Данный проект был поддержан Фондом Целевого капитала ЮФУ в 2015 г.

Важность и необходимость экскурсионного проектирования определяется следующими факторами: 1) экскурсии создают благоприятные условия для воспроизводства исторического наследия (оживление и сохранение наследия в актуальной культуре, воспроизводство городского сообщества); 2) экскурсии представляют собой и универсальный образовательный ресурс (приобретение знаний и разнообразных навыков: городского ориентирования, работы с группой, сценарных, артистических и др.); 3) экскурсии влияют на технологии развития городского пространства (привлечение внимания к городским проблемам, предложения пешеходных зон); 4) экскурсионные программы работают на развитие имиджа города и Южного федерального университета (туризм, бренд, привлечение разных инвестиций).

Целью проекта является создание благоприятных условий для развития познавательного туризма на территории Ростова, а также формирования условий для развития экскурсионного молодежного отдыха. Проект преследует следующие задачи: 1) «открытие» города для молодежи, создание нового культурного пространства для взаимодействия и общения; 2) пробуждение у молодежи стремления обладать активными знаниями по истории и культуре Ростова-на-Дону; 3) подготовка компетентных экскурсоводов из числа студентов ЮФУ; 4) организация и проведение бесплатных интерактивных тематических экскурсий группами студентов по Ростову-на-Дону; 4) содействие раскрытию творческой самореализации студентов, формирование у студентов навыков культурной адаптации в городском пространстве.

Проектная группа исходит из того, что важно создать площадку, на которой молодежь города могла бы поговорить о городе как о пространстве, которое формирует их настроение и мировосприятие, на которое она влияет и которое влияет на нее. Самое главное – это вывести молодежь из онлайн пространства в оффлайн, остановить ее торопливый ход жизни и обратить внимание на красоты старых и новых зданий, новых объектов и пространств. Другая, не менее важная задача, которую ставит перед собой проектная группа – это создание особого пространства для диалога, для разговора о городе между молодежью.

Проект направлен на подготовку экскурсоводов из числа студентов историков ЮФУ. Среди студентов ИИМО ЮФУ немало желающих (65 %, респондентов социологического опроса), которые, получая новые знания об истории Ростова, хотят и могут передавать их другим людям. Для участия в школе по подготовке экскурсоводов ЮФУ: «Город без границ» на конкурсной основе были отобраны 50 студентов-гуманитариев. Данное количество участников является оптимальным, так как позволяет сочетать групповые занятия с проектной работой. Школа экскурсоводов была построена на модульной системе. Образовательные модули школы: основы экскурсионной деятельности; историко-культурный контекст Ростова и основы ораторского искусства. Каждый модуль школы – это не только ступень освоения участниками теоретических и практических основ экскурсионной деятельности, но и ступень развития его творческих способностей через активное освоение историко-культурного наследия города. Занятия в «Школе экскурсоводов: Город без границ» были проведены на базе НОЦ «Музей истории ЮФУ».

По итогам работы в проектных группах Школы студентами были разработаны экскурсионные маршруты и созданы промо – видеоролики для информирования о проводимых студентами экскурсионных мероприятий по Ростову-на-Дону. Результатом участия в этой школе стало создание экскурсионного продукта реализации собственной компетенции, а именно: составление и проведение авторских программ экскурсий.

Участники Школы закрепляют на практике полученные в ходе обучения знания, умения и навыки проведения экскурсий. Гиды регулярно проводят бесплатные интерактивные экскурсии для учащихся образовательных учреждений Ростова. Проектной группой сформулирована новая стратегия разработки туристических программ, включающих инновации в экскурсии. Студенты проводят нестандартные, оригинальные интерактивные пешеходные прогулки по городу для учащихся старших классов образовательных учреждений города, для студентов вузов.

Ключевая идея проекта заключается в том, что соединение в экскурсиях старших школьников и студентов взаимно мотивирует обе группы к предельно эффективной и успешной образовательной деятельности, а студенты, выступая в роли экскурсоводов, получают ценный педагогический и организаторский опыт. В результате реализации проекта и экскурсоводы, и экскурсанты получают новые знания об истории Ростова. Именно акцент на знание истории народа, его культуры поможет молодежи Ростова в дальнейшем с уважением и интересом относиться к культурным традициям других народов.

Новизна проекта в том, что он реализует экскурсионный метод освоения городской среды и направлен на подготовку студентов, способных проектировать свою деятельность и нести за нее ответственность. Экскурсии студентов – это познавательный и профессиональный рассказ о городской среде Ростова, знакомство молодежи с неактуализированной ранее информацией об истории и культуре города. Это культурно-образовательный проект с широким разнообразием коммуникативных образовательных форматов. Обычно экскурсия предполагает достаточно пассивное участие посетителей в процессе экскурсии: они слушают, смотрят, но при этом могут весьма поверхностно воспринимать материал. Формат интерактивных экскурсий позволит вовлечь участников в активное взаимодействие с экскурсоводами и подтолкнуть их к самостоятельному исследованию объектов. Новый формат экскурсий (квесты, викторины, игры) усиливает остроту восприятия материала и делает экскурсию более интересной и запоминающейся.

Экскурсии дополняют и расширяют знания по истории нашего города, его материальной и духовной культуре. Знакомство жителей города с историей, культурными традициями города Ростова способствуют привитию бережного отношения к городским ценностям. Поддержание и стимулирование интереса у молодежи города к экскурсионному интеллектуальному продукту в настоящем – это серьезный вклад в будущее. Именно из числа этих молодых людей со временем вырастут граждане страны с чувством причастности к истории своей Родины и ответственности за ее судьбу. Проектная деятельность студентов способствует формированию толерантного отношения к окружающему миру и чувства социальной ответственности.

Список литературы

1. Корневская М. Е., Левшина А. А. Применение проектного метода в развитии толерантности подростков. // Российский психологический журнал. 2010. Т. 7, № 5–6.
2. Сираева М. Н. Методы и формы организации поликультурного образования студенческой молодежи в современном вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 88.

СОВРЕМЕННЫЕ СТУДЕНТЫ – БУДУЩАЯ ЭЛИТА СТРАНЫ? (по итогам социологического исследования)

Дулина Надежда Васильевна,

*доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология»,
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград*

Ануфриева Евгения Владимировна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры «История, культура и социология»
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград*

Довольно часто о постсоветской молодежи, включая студенчество, говорят как о «потерянном», «пожертвованном» поколении, некоторой печальной ошибке суровой русской истории. Характеристика этого поколения, как правило, сводится к следующему: они другие, чем предшествующие поколения. С одной стороны, они говорят: «не грузите» нас, мы свободные творцы. Но с другой, – сами «грузят», требуя немедленных восторгов и признания. Агрессивны, хотят успеха и денег. Причем восторгов, признания, денег хотят немедленно и одновременно. Никакой дистанции не признают. Им не зритель нужен, а обожатель, не рассуждающий и принимающий их безоговорочно... Это взгляд со стороны. Со стороны старшего поколения. А что думают сами студенты, каково их мнение?

Исходя из того, что доверительный и откровенный диалог с постсоветским студенчеством поможет лучше понять менталитет наследника и будущего хозяина национальной русской культуры, обратимся к результатам социологического исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», выполненного в преддверии V Всероссийского социологического Конгресса (Екатеринбург, 2016 г.) под эгидой Российского общества социологов (РОС). В качестве инструментария (и его теоретико-методологического обоснования) были использованы материалы Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН. Это позволило поставить и реализовать важную исследовательскую задачу: сравнить полученные в рамках опроса студентов данные с результатами выполненного ранее по той же анкете исследования, объектом которого являлось население России. Такое сравнение отразило и динамику представлений о социальном неравенстве и социальной справедливости в российском социуме, и особенности таких представлений у российского студенчества. Организаторы и руководители исходного исследования населения РФ – М. Ф. Черныш (доктор социологических наук, заместитель директора Института социологии РАН по науке) и В. А. Мансуров (доктор философских наук, профессор, Президент российского общества социологов). Руководители полевого этапа «студенческой» части проекта – Ю.Р. Вишневский, доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург), Н.В. Дулина, доктор социологических наук, профессор (г. Волгоград), Е.Н. Икингрин, кандидат социологических наук, доцент (г. Уфа). Для реализации целей и задач опроса студенческой молодежи инструментарий был адаптирован кандидатом социологических наук, доцентом Е.Н. Икингрин и кандидатом социологических наук, доцентом Д.В. Шкуриным (г. Екатеринбург).

Исследование носило инициативный характер, иначе говоря, у него нет заказчика, в состав творческого коллектива вошли те исследователи, кому предложенная тема показалась интересной и требующей научной проработки. Обработка полученных результатов проводилась с помощью программного комплекса Vortex (разработчик –

Д.В. Шкурин, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина), организация процесса сводки общего массива и первичная обработка собранной в ходе исследования информации выполнена Д. В. Шкуриным.

Объект исследования – студенты высших учебных заведений России. Предмет исследования – отношение студентов к социальному неравенству и социальной справедливости. Метод сбора информации – анкетирование, выполненное с помощью двух техник: а) традиционный сбор данных методом раздаточного анкетирования по месту учебы и б) on-line опрос, проводимый с помощью данного CAWI-сервера (сервер был разработан и запущен Д.В. Шкуриным и коллективом web-программистов и исследовательской организацией Фонд «Социум» г. Екатеринбург).

Всего в ходе исследования опрошено в 26 городах России 3964 респондента. Респонденты данного исследования – это представители 71 вуза страны. Объект исследования – студенты высших учебных заведений России. Предмет исследования – отношение студентов к социальному неравенству и социальной справедливости. Метод сбора информации – анкетирование. Дизайн выборки представлен в таблице 1. Полностью технические параметры исследования представлены на официальном сайте РОС.

Таблица 1

**Дизайн выборки всероссийского исследования
«Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», %**

Пол респондентов		Возраст респондентов	
Мужской	31,7	До 18 лет	3,8
Женский	68,3	18 лет	19,7
Курс, на котором обучаются респонденты		19 лет	30,1
1–2 курс	63,8	20 лет	21,4
3 курс	18,1	21 год	15,4
4–5–6 курс	14,6	22 года	5,1
Магистратура (аспирантура, интернатура)	2,7	23–29 лет	3,6
Не являюсь студентом	0,7	30 лет и старше	0,8
Специальность, на которой обучаются респонденты			
Техническая		28,7	
Естественнонаучная (биология, география...)		5,5	
Гуманитарная (психология, социология, литературоведение...)		39,3	
Экономическая (менеджер, экономист, финансист...)		20,5	
Медицинская		1,7	
Военная		0,4	
Другая специальность		3,8	

В рамках представленного выше исследования общие представления студентов о неравенстве и справедливости конкретизировались применительно к отдельным сферам жизнедеятельности. Самая близкая студентам сфера деятельности, в которую они ежедневно погружены, – это сфера образования, к результатам именно этой части исследования мы и обратимся в рамках данной статьи.

Предваряя изложение полученных материалов, заметим, что если обратиться к научным источникам, то, на наш взгляд, наиболее полно проблема образовательного неравенства исследована профессором Д.Л. Константиновским, который, изучая жизненные планы российской молодежи и их реализацию в сфере образования, выделил три базовых блока, позволяющих анализировать стратификацию в образовательных общностях [2, с. 25–29]:

- привлекательность профессии, базирующаяся на ценностных ориентациях и объясняющая профессиональный выбор молодого человека, его место в образовательной системе и далее – в реальном секторе экономики;
- личные планы, выстраивающиеся на основе учета объективных и субъективных факторов, конкретизирующие профессиональные предпочтения;
- наконец, шансы «на реализацию возможностей, предоставляемых обществом».

Можно заключить, освоение профессиональных знаний и ценностей – это объединяющий признак для студенчества, а вот результат этой деятельности выступает уже как основной дифференцирующий фактор.

Еще один важный, на наш взгляд, момент. Существует еще, как минимум, один аспект дифференциации студенчества, непосредственно вытекающий из ценностных ориентаций и влияющий на формы, характер и уровень освоения профессиональных компетенций.

На данный аспект обратил внимание А.В. Соколов, изучая интеллектуально-нравственную дифференциацию студентов, основывающуюся на соотношении положительных и отрицательных черт характера [3]. Опираясь на результаты исследования, проведенного в различных вузах Петербурга, А.В. Соколов выделил среди студенчества три основные группы. Он пишет: «молодое поколение делится не на две, а на три части, не считая маргинального слоя. Во-первых, будущую интеллектуальную элиту следует отделить от прочей молодежной массы. Основным критерием отграничения здесь может служить целеустремленность/бесцельное существование, а вспомогательным – познавательная деятельность. Целеустремленность и заинтересованность в приобретении полезных знаний – отличительное качество молодого человека, планирующего сделать успешную карьеру, добиться признания и самореа-

лизации. Это качество, как показали наши опросы, присуще *большинству студенчества*. Оно подтверждается самим фактом поступления в вуз, которое часто требовало упорства, решительности, самостоятельности». И далее: «Во-вторых, студенчество, представляющее будущую интеллектуальную элиту, распадается на *интеллектуалов* и *интеллигентов*. И те, и другие обладают образованностью и креативностью (творческими способностями, что и объединяет их в интеллектуальном слое). Различаются же они *этическим самоопределением*. Этическое самоопределение *интеллигента* характеризуют: а) альтруистическая направленность личности; б) отказ от насилия, как говорят студенты, «хождения по головам»; в) благоговение перед культурой... *Интеллектуал*, как можно сделать вывод из нашего исследования, руководствуется иными нормами: а) эгоистическая направленность; б) допустимость насильственных действий по принципу «цель оправдывает средства»; в) утилитарное потребление культуры» [3]. Очевидно, что у этих типов студентов по-разному будет проходить как выбор профессии, так и способ (а, следовательно, и качество) ее освоения – кто-то будет «вымаливать пятерку», а кто-то «до последнего грызть гранит науки».

Вряд ли стоит особо доказывать, что, интеллектуальная элитарность студенчества – свойство, детерминированное самой образовательной системой, – в вуз попадают лишь те, кто осилил достаточно серьезный отбор. Почти две трети респондентов (63,5 %), по результатам нашего исследования, в школьном аттестате имели в основном высокие (четверки или пятерки) оценки, а каждый пятый (19,4 %) – только пятерки. Вполне ожидаемым оказался и такой результат: только высокие оценки (пятерки) в аттестатах девушек встречаются значительно чаще (22,7 %), чем в аттестатах юношей (12,3 %). Полагаем, что заметная разница в оценках в школьном аттестате вряд ли является следствием предвзятости (несправедливости) в отношении педагогов к юношам. Скорее речь идет о большей ориентации девушек на продолжение образования в вузе (одно из проявлений феминизации высшего образования), их большем прилежании в учебе и большем стремлении к получению высоких результатов ЕГЭ. Сказываются, видимо, не только социальные, но психофизиологические свойства девушек. Сами студенты, как свидетельствуют результаты опроса, признают относительно высокую степень объективности таких оценок.

При ответе на вопрос: «В школах бывают разные ситуации, на мнение учителя часто влияют не только успехи ученика, но и личные симпатии или антипатии. По Вашему мнению, как часто школьные учителя были к вам справедливы или несправедливы, выставляя Вам отметки?», три четверти опрошенных (74,5 %) протеста не высказали, из которых 14 % респондентов сказали, что их учеба всегда оценивалась справедливо, 60,5 % – в большинстве случаев учеба оценивалась справедливо. ($14,0 + 60,5 = 74,5$). В опросе студентов, на результаты которого мы ссылаемся, не было задачи выявления уровня успеваемости студентов в вузе. Обращение к результатам исследований, выполненных другими авторами [1, с. 496], дает возможность понять, что общая тенденция отношения к учебе сохраняется. Группы «троечников», «хорошистов» и «отличников» плавно «перетекали» из общеобразовательной школы в вуз.

С субъективным отношением к себе в вузе, выразившимся в несправедливых оценках, столкнулись не более четверти респондентов (25,5 %), из них 1,5 % указали, что их учеба всегда оценивалась несправедливо, еще 4,6 %, что несправедливо их учеба оценивалась в большинстве случаев. Остальные уверены в том, что половина оценок была справедливой, а половина – нет. Характерно, что в вузе, как и в школе, сохранилась вполне объективная (фактически копия школьной), по мнению респондентов, система оценок их знаний. Более трех четвертей опрошенных студентов (78,1 %) к системе оценки их знаний в вузе претензий не имеют, каждый пятый (21,9 %) с какими-то проявлениями несправедливости все-таки сталкивался.

Обобщение данных подводит нас к неутешительному выводу: на сегодня «отлично обученным» окажется менее чем каждый пятый студент, «хорошо» – каждые трое из пяти, а около четверти будут мало для кого из работодателей привлекательные «троечники». Но после получения аттестата и «отличники» и «троечники» окажутся на рынке труда. Знают ли студенты, с чем придется столкнуться? Для оценки справедливости оплаты труда представителей разных профессий и пенсионеров использовалась следующая шкала:

+2 – значительно меньше, чем заслуживает (N_1);	–1 – больше, чем заслуживает (N_4);
+1 – меньше, чем заслуживает (N_2);	–2 – значительно больше, чем заслуживает (N_5);
0 – столько, сколько заслуживает (N_3);	

Индекс рассчитан по формуле (1):

$$И = (+2 \cdot N_1 + 1 \cdot N_2 - 1 \cdot N_4 - 2 \cdot N_5) / 100. \quad (1)$$

Понятно, что оценки, выставленные студентами (даже работающими студентами), во многом субъективны, но их обобщение – ценная «информация к размышлению», позволяющая судить о распространенных в студенческой среде представлениях и стереотипах. Полученные данные позволили выделить две группы: а) чей труд оплачивается незаслуженно низко или крайне низко (см. табл. 2) и б) чьи доходы завышены (см. табл. 3). Рамками в таблицах выделены самые большие значения по строке.

Наибольший протест у студентов вызвала «недоплата» пенсионерам. Полагаем, что данный факт можно объяснить не только тем, что пенсия отражает существующий в России низкий коэффициент замещения (та часть утраченного работником заработка, которую компенсирует пенсия): у большинства пенсионеров он равен около 36 %, в развитых странах нормальный коэффициент замещения – 46 % (разрыв абсолютных значений на практике оказывается еще больше), – но сказывается и личный опыт многих студентов, которым трудно понять, почему их дедушки и бабушки, которые для них были чаще всего примером трудового энтузиазма и профессионализма, подняли страну из руин после страшных событий середины прошлого века, получают такие маленькие пенсии, которые ставят их на грань униженного выживания.

Таблица 2

Мнение студентов о справедливости оплаты труда представителей разных профессий, доходы которых занижены, в % от числа ответивших и индексы

Значительно меньше, чем заслуживает (+2)	Меньше, чем заслуживает (+1)	Столько, сколько заслуживает (0)	Больше, чем заслуживает (-1)	Индекс
Насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров? Пенсионер, имеющий сорокалетний трудовой стаж...				
57,8	32,8	7,8	0,9	0,6
Врач в поликлинике				
39,1	43,0	13,6	3,1	1,3
Рабочий на заводе				
30,2	51,4	16,5	1,3	0,7
Дворник, убирающий улицы города				
31,1	39,5	27,7	1,0	0,7
Хирург высокой квалификации в городской больнице				
23,6	38,5	33,2	3,3	1,4
Рядовой инженер на большом заводе				
12,0	52,1	33,4	2,0	0,6
Профессор университета				
16,3	42,5	34,6	5,6	2,0

Обращает на себя внимание тот факт, что профессии массовые (врач в поликлинике, рабочий на заводе и т.д.) студенты оценили, как более «недооплачиваемые», чем профессии, практически уникальные, требующие более высокой квалификации и индивидуальной подготовки (хирург высокой квалификации в городской больнице и пр.). В этой же группе, как можно заметить, и оценка труда профессоров университета. Учитывая тот факт, что только треть опрошенных студентов (33,8 %) из семей, которые могут быть отнесены к средне и хорошо материально обеспеченным, можно предположить, что родители большинства студентов занимаются именно массовыми профессиями, а не уникальными.

Таблица 3

Мнение студентов о справедливости оплаты труда представителей разных профессий, доходы которых завышены, в % от числа ответивших и индексы

Значительно меньше, чем заслуживает (+2)	Меньше, чем заслуживает (+1)	Столько, сколько заслуживает (0)	Больше, чем заслуживает (-1)	Значительно больше, чем заслуживает (-2)	Индекс
Насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров? Руководитель большого завода					
1,5	7,3	49,1	32,4	9,9	-0,42
Рядовой чиновник в местной администрации					
2,0	7,6	21,8	39,5	29,1	-0,88
Министр федерального правительства					
1,8	1,9	14,5	33,2	48,7	-1,24

Полученные оценки справедливости оплаты труда представителей разных профессий вселяют некоторую надежду: современное российское студенчество, вовсе не потерянное, и пожертвованное поколение, такая печальная ошибка суровой русской истории. А если так, то интеллигенция среди будущей элиты сохранится, выступая противомощью интеллектуалам.

Список литературы

1. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014. 548 с.
2. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 552 с.
3. Соколов А. В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 91–97.

ОТКРЫТОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИННОВАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ «ДУМАТЬ» В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Зубова Оксана Геннадьевна,

кандидат политических наук, доцент,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Оськина Ольга Ивановна,

кандидат политических наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Современное образование представляет собой многогранную динамичную систему, которая включает многочисленных участников, сложный управленческий процесс, а в российской практике и централизованную государственную образовательную политику. Однако в последнее время наметилась устойчивая тенденция изменений в контексте концепции «открытого образования». Данная концепция является отражением таких объективных процессов в сфере высшего образования как глобализация и возрастающая интернационализация, модификация социально-демографического портрета обучающихся, широкий доступ к технологиям и средствам коммуникации, повышающийся спрос, необходимость в изменении финансовой доступности и экономических моделей. Поиски эффективных стратегий преодоления возникающих угроз и проблем современного периода развития института высшего образования формируют потребность в новых действенных инновациях.

Само появление термина «открытое образование», по мнению проф. А.Г. Оганесяна [8, с. 167], отражает настоятельную необходимость сделать систему образования более гибкой и доступной, успевающей удовлетворять быстро меняющиеся потребности общества, проявляющей системное свойство адаптивности. Открытость рассматривается как «прозрачность» образовательной системы, что подразумевает, во-первых, понимание всеми субъектами образовательного процесса целей, задач, смыслов, ценностей, технологий, педагогических воздействий, во-вторых, участие всех субъектов в проектировании и регулировке образовательной системы, а также определенную подотчетность образовательного учреждения внутренним и внешним субъектам.

Существенным шагом в реализации концепции «открытого образования» выступило размещение текущей информации о ходе учебного процесса на интернет-сайтах образовательных учреждений в открытом или авторизованном доступе. Но открытость образования рассматривается и как отражение толерантности общественных ценностей, что предполагает серьезное и целенаправленное обучение основам национальных, религиозных и социальных культур, поликультурализма, выработке осознанных взглядов на процессы глобализации/герметизации общества, поэтому широкое распространение получает компетентностный подход [12].

В настоящее время в дискурсивном образовательном пространстве не существует общепризнанного определения терминов «компетенция» и «компетентность», но сложилось понимание, что компетентность соотносится с личностью студента и не сводится к знаниям, умениям и навыкам, хотя и не исключает их. От знаний компетенция отличается проявлением в виде не только информации, но и деятельности, от умений – способностью применения к решению всевозможных задач и в разных ситуациях, от навыков – их более глубокой осознанностью и способностью действия в нетиповых ситуациях [1].

В основе компетентностного подхода лежит идея всесторонней подготовки и воспитания человека не только как узкого специалиста, но и как личности, что позволяет более эффективно выполнять профессиональные и основные социальные роли, стремиться к самоконтролю и самореализации [7].

Это соотносится с задачами социально-гуманитарного образования, нацеленного не только на передачу совокупности знаний, умений и навыков в определенных сферах, но и на мировоззренческое, гражданское и социальное развитие, воспитание способности студента к самообучению и формированию критичности мышления.

Последняя функция, на наш взгляд, является самой важной в задачах современного гуманитарного образования, помогающего в сложном дискурсивном информационном пространстве сохранить человеку логичность мышления и навыки личностной коммуникации.

Однако в современном мире общество и система образования, сталкивается с проблемой так называемого «клипового мышления», решение которой, как нам видится, лежит в области применения компетентностного подхода.

Понятие «клиповое мышление», в более широком контексте – «клиповая культура», рассматривается в работах американского футуролога Э. Тоффлера в качестве составляющей общей информационной культуры будущего, основанной на бесконечном мелькании информационных отрезков и комфортной для людей соответствующего склада мышления. Возникновение этого нового социокультурного явления обусловлено процессами ускорения темпа жизни, возрастающего объема и вариативности информационного потока, отбора и хранения информации, выделения главного и фильтрации лишнего, возрастающей актуальности информации и скорости ее поступления, надежности и верификации поступающей информации через разные каналы [14].

Компетентностный подход способен учитывать особенности получения и обработки информации молодыми людьми, преодолению прерывистого восприятия действительности, выработки «продолжительного» мышления. Он

предполагает усвоение обучающимися умений, позволяющих действовать в новых, неопределённых, проблемных ситуациях, для которых заранее нельзя наработать соответствующих средств. Поэтому рост компетенции студента в профессиональном смысле подразумевает под собой не только выполнение указаний преподавателя, но и поиск эффективных, инновационных способов обучения.

Главной задачей педагога становится мотивировать студентов на проявление инициативы и самостоятельности. Он должен организовать самостоятельную деятельность обучающихся, в которой каждый мог бы реализовать свои способности и интересы.

Данные положения можно проиллюстрировать примерами. Все большую популярность в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин приобретает метод, опирающийся на принцип «равный обучает равного». Обучение по этому принципу среди молодежи предполагает, что сами молодые люди в среде себе подобных по возрасту, социальному статусу, опыту, интересу, передают знания, формируют установки и способствуют выработке необходимых навыков.

Реализация метода «равный – равному» предполагает влияние членов определенной группы на других членов той же группы с целью изменения поведения и ценностно-ориентированных установок сознания. На индивидуальном уровне использование этого метода рассчитано на то, чтобы попытаться изменить знания, установки, убеждения или поведение отдельной личности. Однако реализация метода способствует групповой трансформации, повышению социально одобряемых форм реализации, что вносит вклад в формирование «здорового общества» [2].

Преподавание целого ряда общественных дисциплин может содержать работу с анализом фильмов в форме коллективного обсуждения, возможно и фокус-группового исследования. При этом решаются не только учебные задачи, но и формируются важные компетенции, связанные с умением работы в команде и развитием креативности [5, с. 165].

Для лучшего понимания изучаемых тем, можно не только запланировать и посетить соответствующие музеи, выставки, образовательные центры, но и организовать свои выставки, перформансы, что помогает студенту раскрыть свой творческий потенциал, приобрести навыки административной работы.

Для формирования навыков саморепрезентации можно использовать фотографическую технику автопортрета, предложив студентам выполнить свой снимок в такой позе и в такой одежде, в таком окружении с такими реквизитами, которые отражают доминирующие их увлечения, черты характера. Вопросы для обсуждения касаются диссонансов восприятия и приемов трансляции [5, с. 164].

В современном мире именно образовательные технологии позволяют формировать у молодежи культуру диалога, толерантное отношение к этническим, национальным, расовым, конфессиональным различиям, к адекватному восприятию культуры и обычаев стран и народов. В процессе интерактивных занятий, на рациональном и бессознательном уровне можно диагностировать и изучать экстремистские настроения, искать оптимальные варианты выхода из конфликтных ситуаций, формировать социальный оптимизм, основы критического мышления и саморефлексии, вырабатывать активную гражданскую позицию.

Это дает богатый прикладной материал для дальнейшего изучения, усиливает активность в поиске, а возможно и устранении в информационных сетях вредоносного контента, формирует новую линию в осмыслении и практической реализации компетентностного подхода [6, с. 42].

Интерес вызывают и такие формы организации интерактивных занятий как фокус-групповые исследования с использованием проективных методов, круглые столы, тренинги, социальные проекты с применением количественных и качественных методов, например, социологических опросных технологий в форме анкетирования и экспертных интервью [4].

Как пример, можно привести интерактивное занятие в рамках курса «Политология» по теме «Экстремизм и радикализм в современном российском обществе в общественном мнении молодежи» в форме фокус-группы [13].

Формирование методологии научного исследования, культуры диалога и саморефлексии позволяют закладывать основы толерантного сознания и культурного релятивизма. Во многом этому способствует проектно-ориентированный подход. В качестве примера, можно привести проект, разработанный студентами в форме инсталляции на тему: «Толерантность в современном обществе: реальность или иллюзия» [10], в котором они попытались символически показать свое понимание сущности толерантности и определить ее границы и возможность существования в современном российском обществе. Данный проект может стать примером, который можно использовать в процессе изучения установок общественного сознания как на рациональном, так и бессознательном уровне.

Также в качестве примера интересной и эффективной инновационной технологии, можно выделить CDIO. CDIO подразумевает наличие и активное применение проектно-ориентированного обучения, построенного на определенных стандартах. Проект направлен на устранение противоречия между теорией и практикой. При применении CDIO в любом учебном заведении решается двойная задача: с одной стороны, разрабатываются курсы, которые основаны на проектном подходе к обучению и стандартах CDIO, с другой стороны – создается культура обучения. Обе задачи чрезвычайно важны. Первоначально стандарты CDIO – представляли собой комплексный подход к собственно инженерному образованию: набор общих принципов создания учебных программ, их материально-технического обеспечения, подбора и обучения преподавателей. На современном этапе данный подход находит все более широкое применение, далеко выходящее за рамки инженерно-технического образования, когда идеология и стандарты начинают применяться к подготовке специалистов любого профиля. Эта универсальная проектно-

ориентированная технология обучения ориентирована на студента и интегрирована с проблемами и опытом реальной практики. Студенты развивают умение проектировать и создавать новые продукты и системы, а также способность применять теоретические знания в реальной практике, решая учебно-практические задания по проектированию и созданию продуктов и систем. Астраханский государственный университет активно внедряет и распространяет подходы CDIO на естественнонаучные, а в последние годы и на социально-гуманитарные проекты [3].

Опыт преподавания политических дисциплин по ряду направлений с использованием подходов и технологий CDIO, позволяет констатировать их высокую результативность. Для всех участников образовательного процесса создается максимум возможностей для реализации выбранных методов обучения с целью достижения заданных результатов обучения. Важным элементом высокой результативности обучения и интереса студентов в процессе обучения является наличие комбинация составляющих образовательной среды, которая достигается применением различных методов преподавания: проектная деятельность (индивидуальная, групповая), кейс-стадии, деловые и ситуационные игры, дискуссии, презентации, исследования, игротехнические тренинги, эссе.

Результаты обучения и сформированность компетенций проверяется и демонстрируется во время презентаций, защиты проектов, прохождения тестов, в эссе и отчетах по различным видам практик [9].

Итак, определяющая задача гуманитарного образования в современном мире, не дать человеку в информационном обществе потерять себя и свою способность к саморефлексии. Поэтому необходим поиск методологических разработок, позволяющих учить студентов думать, а не механически передавать информацию, раскрывать свой потенциал, в том числе и через творчество в разных его проявлениях, включая возможности проектного подхода. В этой связи компетентностный подход в полной мере соответствует целям и принципам открытого образования, ориентированного на подготовку обучающихся к полноценному и эффективному участию в общественной и профессиональной областях в условиях рыночных отношений.

Современная образовательная система, все больше приобретает качества открытой системы, что меняет ее свойства в направлении большей вариативности при планировании обучения, выборе места, времени и темпа, что приводит к значительной трансформации принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование через всю жизнь» [11].

Список литературы

1. Бобиенко О. М. Ключевые компетенции специалиста в условиях глобализации экономики // Вестник ТИСБИ. 2006. № 4.
2. Будовская О. В. Принцип «равный обучает равного» как эффективный метод внедрения инновационных технологий в обучение коммуникативно-ориентированным дисциплинам // Вопросы методического обеспечения профессиональной подготовки кадров по коммуникативно-ориентированным специальностям. Казань : Казанский университет, 2015. 180 с.
3. Зарилова В. М., Лунев А. П., Петрова И. Ю. Научить инновационному мышлению – задача университета // Инновационная Россия. Проблемы и опыт. 2012. № 11.
4. Зубова О. Г. Образовательные технологии в профилактике экстремизма и формировании толерантного сознания молодежи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 334–337.
5. Зубова О. Г. Практика преподавания социологии с использованием методов отображения визуальных аспектов общественной жизни // Фундаментальные проблемы науки : в 2 ч. Уфа: АЭТЕРНА, 2015. Ч. 2. С. 163–167.
6. Зубова О. Г. Профилактика молодежного экстремизма и формирование толерантного сознания на занятиях по общегуманитарным дисциплинам // Актуальные проблемы в сфере профилактики религиозного экстремизма, вопросов сохранения межэтнического и межконфессионального согласия. Астрахань, 2013. С. 40–45.
7. Мединцева И. П. Компетентностный подход в образовании // Педагогическое мастерство. М.: Буки-Веди, 2012.
8. Оганесян А. Г. Пути и проблемы открытого образования // Educational Technology & Society. 2001. № 4 (3). С. 166–177.
9. Оськина О. И., Кудряшова Е. В. Технологии CDIO в процессе преподавания политологии в вузе // Изменение образования в XXI веке: лучшие международные практики и российский опыт. Как сформировать новаторское и предпринимательское мышление / отв. ред. Г. П. Стефанова. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2014. С. 161–163.
10. Проект «Толерантность в современном обществе: реальность или иллюзия». Режим доступа: http://www.dashkova.ru/news?items_per_page=20&page=2 (дата обращения 10.08.2015)
11. Рапацевич Е. В. Инновации в образовании: роль информационно-технологической среды // Успехи современного естествознания. 2013. № 10. С. 86–88.
12. Соколов В. И. Что мы называем открытым образованием? // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 1. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/63> (дата обращения 19.11.2016).
13. Фокус-групповое исследование молодежного экстремизма Режим доступа: <http://moskva.bezformata.ru/listnews/fokus-grupovoe-issledovanie/8441811/> (дата обращения 10.08.2015.)
14. Фрумкин К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста. 22.09.2010 // Топос: литературно-философский журнал. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения 10.01.2016).

СООТНОШЕНИЕ СТИЛЕЙ ЛИДЕРСТВА И ТОЛЕРАНТНОСТИ К ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ ЧЕЛЯБИНСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА УЧАЩИХСЯ

Маркина Нина Витальевна,

*кандидат психологических наук, доцент,
Челябинский институт переподготовки
и повышения квалификации работников образования, г. Челябинск*

Анохина Анастасия Петровна,

*магистр психологии, младший научный сотрудник,
Челябинский институт переподготовки
и повышения квалификации работников образования, г. Челябинск*

Проблемы обучения и развития научной элиты в условиях университетского образования определяют целый ряд принципиально новых вопросов, возникающих в педагогике и психологии высшего профессионального образования, требуют разработки образовательных технологий, учитывающих специфику развития академически успешных и высоко мотивированных студентов. Одним из важных факторов подготовки будущей научной и инженерной элиты является научно-исследовательская работа студентов в период их университетского образования. При этом следует обратить внимание, что мотивация к научному творчеству, высокая познавательная и исследовательская активность у представителей студенческой научной элиты формируются и развиваются еще до студенческого возраста. Основы этого закладываются еще в школьный период.

В качестве одной из эффективных моделей социокультурного сообщества, аккумулирующего и транслирующего ценности и стратегии индивидуального и группового научного творчества и изобретательской деятельности школьников можно обозначить челябинское научное общество учащихся. Возникшее в начале шестидесятых годов по инициативе Челябинского государственного педагогического университета и Дворца пионеров и школьников челябинское НОУ вместе с «Малой академией наук» Крыма и Иркутским обществом школьников «Знание» является одним из первых в стране наиболее крупным объединением учащихся, увлеченным исследовательской деятельностью.

Установочная сессия НОУ, зимняя и летняя выездные исследовательские школы для старшеклассников: ноушат, школьные, районные, региональные научно-практические конференции и итоговая сессия НОУ – это лишь организационная циклограмма, обеспечивающая возможность развертывания образовательного процесса в секциях НОУ [6]. В секциях научного общества учащихся занимаются ребята разного возраста под руководством ведущих ученых челябинских вузов, опытных учителей – предметников, продолжающих научную работу во внеурочной деятельности с учениками. Разработка и реализация социально-педагогической инициативы города Челябинска по созданию научного общества учащихся представляет собой пример эффективного способа реализации социального заказа общества и государства на подготовку будущей научной элиты, воспроизводство ценностей научно-исследовательской деятельности [2]. На сегодняшний день НОУ – это реальное детско-взрослое научное сообщество, призванное формировать у учащихся ценностно-значимые ориентиры, воспитывать активную жизненную позицию, развивать интеллектуальную инициативу одаренных и высоко мотивированных учащихся.

В настоящей статье представлены результаты некоторых эмпирических исследований личностно-значимых эффектов образовательного пространства челябинского НОУ как системы организации учебно-исследовательской деятельности учащихся.

Прежде всего, отметим доказанный нами ранее вывод о том, что для учащиеся с различными видами одаренности (в том числе с исследовательской одаренностью) в условиях ценностно-нормативного выбора характерны суждения, побуждающие к преодолению барьеров на пути движения активности (риск, неизвестность, прагматическая неопределенность последствий), к выбору ими действий с непредрешенным, неизвестным исходом. В условиях же пространственного ограничения их возможного действия одаренные учащиеся характеризуются ситуативно избыточной активностью в виде приближения к границе или ее пересечения («устремленностью к границе» [7]).

Акселогические аспекты образования в настоящее время все чаще обсуждаются при анализе эффектов образовательных технологий поддержки и развития одаренных и высоко мотивированных учащихся. В результате эмпирического исследования межличностного взаимодействия старшеклассников – участников летней исследовательской школы «Курчатовец» на основе ценностно-событийного теста персонализации [1] обнаружена групповая психосемантика значимых жизненных событий научного общества учащихся. Среди наиболее популярных в группе испытуемых фразеологизмов можно назвать такие, как: «Что посеешь, то и пожнешь» (52 %), «Кто не рискует, тот не выигрывает» (52 % учащихся), «От судьбы не уйдешь» (41,3 %). При этом, рефлексия эмоционально значимых жизненных событий, актуализирует достаточно широкий спектр ценностно-смысловых установок (53 % из числа возможных для выбора). Наиболее популярным среди них соответствуют следующие фразеологизмы: «Уметь жить», «Пир во время чумы», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Рефлексия ситуаций социально-коммуникативного характера («успех», «неудача», «командный успех» и т.п.) определяет попадание в групповое семантическое пространство учащихся – ноушат таких фразеологизмов, как: «Кто не рискует, тот не выигрывает», «Праздник души», «Единение душ», «Кончил дело – гуляй смело», «От судьбы не уйдешь», «Чувствовать вкус жизни» и так далее. И, наконец, рефлексия ситуаций, трансформирующих субъективную картину жизненного пути, чаще всего актуализирует в груп-

повом семантическом пространстве ценностно-смысловые установки, соответствующие фразеологизмам: «Ни в сказке сказать, ни пером описать», «Век живи – век учись», «Весь мир театр, и люди в нем – актеры», «От судьбы не уйдешь» и «Эх, была – ни была».

В рамках гранта, посвященного изучению толерантности социальных субъектов к творческой личности как ресурсу развития инновационной региональной экономики и выполненного при финансовой поддержки РГНФ (грант № 08-06-0033а) осуществлено исследование особенностей лидерского потенциала и толерантности к творческой личности у учащихся НОУ, принимавших участие в работе летней исследовательской школы «Курчатовец» (2009). Результаты исследовательской деятельности этих ребят отмечены высокими экспертными заключениями и получили признание на различных секциях конференции. Такие ребята традиционно становятся участниками летней учебно-исследовательской школы «Курчатовец». Диагностика выполнена на основе методики «Ролевое отношение социальных субъектов к творческой личности» (В.Г. Грязева-Добшинская, Н.Ю. Бакунчик, А.С. Мальцева, В.А. Глухова), позволяющей выявить соотношение двух модальностей «толерантность – конфликтность» и «идентификация – позиционирование» испытуемых [4].

Отметим, прежде всего, что характер распределения участников по группам в зависимости от сочетания ролевых позиций «Я» и «Креативщик» определен на основе значения $\chi^2 = 19,34$, при $p \leq 0,05$. Это говорит о том, что распределение носит закономерный характер. Результаты исследования ролевого отношения курчатовцев – учащихся НОУ позволили выявить следующее.

Большее количество испытуемых демонстрируют проявление ролевых позиций «Я» и «Креативщик» в разных факторах (56 % – 32 человека из 57). При этом для 16 человек (28 % от выборки) принятие ролей «Я» и «Креативщик», обнаруживаемое в разных факторах, что может быть интерпретировано как включенность в идентификацию собственного креативного ресурса. В то же время для других 16 учащихся принятие роли «Я» происходит на фоне неприятия роли «Креативщик», сопряженной с другими ролевыми позициями в других факторах. Другими словами, «судьба» идентификации креативного ресурса складывается сложно, неопределенно, вариативно с разной долей вероятности интегрирования в социокультурное пространство.

Для десяти учащихся принятие ролевой позиции «Я» и ролевой позиции «Креативщик» сочетаются в одном факторе. И, напротив, необходимо подчеркнуть, что ни один из испытуемых не продемонстрировал сочетание принятие собственной ролевой позиции «Я» с отрицанием ролевой позиции «Креативщика» в одном факторе. На наш взгляд, это свидетельствует о ролевой идентификации испытуемого с собственным креативным ресурсом, видением перспективы интеграции своей креативности в научное и профессиональное сообщество. Данный факт может быть проинтерпретирован как хороший ресурс интеграции креативного потенциала будущей научной элиты [8].

Рассмотрим далее результаты исследования особенностей лидерского потенциала будущей креативной научной элиты и выявления взаимосвязи лидерского потенциала с ролевым отношением учащихся НОУ к творческим проявлениям своих сверстников. Это позволит осуществить вероятностный прогноз конструктивности – конфликтности будущей научной элиты.

Исследование лидерского потенциала учащихся – курчатовцев осуществлено на основе многофакторного опросника лидерства Б. Басса (МОЛ) [5, 9]. Теоретическим основанием для нас является выделение Б. Басом двух типов лидерства: транзакционного лидерства и лидерства, трансформирующего действительность. Особенности «трансформационного лидерства» описываются шкалами: «влияние, порождающее переживание сопричастности к делу» (IIA), «влияние, побуждающее согласование целей и ценностей поведения» (IIB), «вдохновляющая мотивация» (IM), «интеллектуально-творческая стимуляция» (IS), «индивидуальный подход» (IC). Лидерство, основанное на взаимодействии Б. Басс определяет как «транзакционное лидерство» и характеризует его такими шкалами, как: «пропорциональное поощрение за условленную работу» (CR), «активное управление методом исключения отклонения от стандартов» (MBEA), «пассивное управление методом исключения отклонения от стандартов» (MBEP), «лидерство-невмешательство» (LF). Б. Басс и его сотрудниками предложены также параметры для измерения «результатов лидерства». В многофакторном опроснике лидерства это представлено следующими шкалами: «мобилизация коллектива на сверхусилие» (EE), «коллективная эффективность» (EFF) и «самоуважение и чувство собственной ценности» (SAT).

Сравнительный анализ распределения данных по основным показателям одаренных старшеклассников (2009) с показателями профессионалов-руководителей [3] позволяет выявить некоторые тенденции, указывающие на лидерский потенциал одаренных учащихся (табл.).

При анализе данных, представленных в таблице исследований особенностей лидерства, обращает на себя внимание то, что диапазоны средних значений по суммарным показателям трансформационного лидерства у старшеклассников ниже, чем у опытных профессионалов – руководителей. На наш взгляд, это можно объяснить, с одной стороны, возрастом испытуемых, а с другой стороны, адекватностью самооценки учащимися своего пока еще небольшого лидерского опыта, опыта работы в научных и проектных командах.

Таблица

**Сравнительный анализ данных учащихся НОУ и профессионалов-руководителей (менеджеров)
по суммарным показателям многофакторного опросника лидерства**

Наименование суммарных показателей многофакторного опросника лидерства	Уровни по суммарным показателям МОЛ	Распределение учащихся НОУ по уровням значения суммарных показателей МОЛ (на основе эмпирически найденные диапазоны значений (в сырых баллах))		Диапазоны значений суммарных показателей МОЛ у профессионалов-менеджеров (по данным исследований В.Г. Грязевой-Добшинской и П.С. Глухова), (в сырых баллах)	Количество учащихся НОУ по уровням значений суммарных показателей МОЛ у менеджеров
		Эмпирически найденные диапазоны значений (в сырых баллах)	Количество учащихся в каждой зоне		
Суммарный показатель трансформационного лидерства	Высокие значения	64 балла и более	9	69 баллов и выше	4
	Средние значения	46–63 баллов	36	53–68 баллов	27
	Низкие значения	от 0 до 45 баллов	7	от 0 до 52 баллов	21
Суммарный показатель транзакционного лидерства	Высокие значения	40 баллов и более	10	49 баллов и выше	0
	Средние значения	20–39 баллов	35	29–48	32
	Низкие значения	от 0 до 19 баллов	7	от 0 до 28 баллов	20
Результаты лидерства	Высокие значения	30 баллов и более	6	30 баллов и выше	8
	Средние значения	18–29 баллов	37	18–29 баллов	38
	Низкие значения	от 0 до 17 баллов	9	от 0 до 17 баллов	6

Сравнивая результаты школьников с результатами менеджеров, представленных в таблице, можно выявить еще два факта. Во-вторых, по суммарному показателю «трансформационное лидерство» школьники распределились по нормативным группам, заданным результатами исследования стилей лидерства среди профессионалов – менеджеров следующим образом. У 41 % учащихся результаты принадлежат к зоне низких значений, у 51 % учащихся – к зоне средних значений и у 8 % учащихся – к зоне высоких значений. Распределение по показателю «Транзакционного лидерства» выявило следующее: 38 % результатов принадлежит к зоне низких значений, 62 % – к зоне средних значений, а зона высоких значений в выборке одаренных учащихся не представлена. Эти факты могут указывать на тенденцию к большему распространению среди одаренных школьников идей лидерства, трансформирующего действительность, заключающегося в создании нового видения за счет личного примера лидера для своих последователей, вдохновения и ощущения сопричастности общему делу.

Если говорить о показателе «Результаты лидерства», то распределение испытуемых на группы в зависимости от суммарного показателя по этому показателю (относительно профессионалов – менеджеров) оказалось следующим: данные 73 % испытуемых попадают в зону низких значений, зона низких значений включает результаты 12 % испытуемых, зона высоких – 15 % соответственно. Такое распределение индивидуальных значений старшеклассников с высокими показателями исследовательской одаренности позволяет говорить, что представления о результатах применения того или иного типа лидерского влияния у одаренных школьников сформирована на достаточно зрелом уровне, то есть они адекватно оценивают социально-психологические эффекты своего лидерства.

При изучении взаимосвязи толерантности/интолерантности учащихся НОУ с показателями их лидерского потенциала заслуживают внимания три факта. Во-первых, испытуемые демонстрируют стратегию принятия возможностей креативных сотрудников в момент консолидации усилий команды на результат работы. Во-вторых, чем чаще испытуемый использует стратегию невмешательства, дабы проблема исчезла и разрешилась сама по себе, тем более нетерпим он к использованию дополнительных, в том числе и творческих ресурсов. И, в третьих, по мнению учащихся НОУ индивидуальный подход руководителя к каждому сотруднику обеспечивает принятие и поддержку тех сотрудников, которые обладают необходимым профессиональным и личностным ресурсом для организации. Другими словами, стиль будущих руководителей, основанный на разрешении выхода за рамки задачи, поиска оригинальных решений обычно, соответствует высокому уровню толерантности к креативному сотруднику. И в то же время, поощрение руководителем поведения, направленного на превышение необходимых и достаточных ресурсов для достижения цели, по мнению учащихся НОУ показывает низкий уровень интолерантности к креативному сотруднику. А способность увидеть в каждом сотруднике яркую индивидуальность способствует максимальному раскрытию всех потенциалов творческих и эффективных сотрудников.

Таким образом, научное общество учащихся является социокультурным сообществом, аккумулирующим и транслирующим такие ценности и стратегии индивидуального и группового научного творчества и изобретательской деятельности учащихся, которые в дальнейшем будут способствовать развитию у них установки на получение принципиально иного университетского образования. Образование, основанное на внедрении инновационных образовательных технологий, направленных на развитие критического мышления, креативности и лидерского потенциала будущей инженерной элиты.

Список литературы

1. Абатуров Е. И., Шибкова Д. З., Качуро И. Л., Маркина Н. В., Лисун Н. М., А. А. Сутягин, Т. В. Царицина, Л. Л. Семенова, О. Н. Клишина, А. Г. Ильина, М. В. Комышев Комплексная программа социально-экологической деятельности «Моя планета». Челябинск : Челябинский государственный педагогический университет, 2012. 170 с.
2. Вихорева О. А., Кузнецова Т. Н., Маркина Н. В., Солодкова М. И. Комплексная программа развития научного общества г. Челябинска на 2000–2010 гг. «Интеллектуалы XXI века». Челябинск : Челябинский рабочий, 2000. 52 с.
3. Глухов П. С. Стили лидерства в инновационной деятельности: феноменология и эмпирические исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2013. № 4. С. 53–60.
4. Грязева-Дошинская В. Г., Бакунчик Н. Ю., Глухова В. А., Мальцева А. С. Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности / В. Г. Грязева-Дошинская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2008. № 3 (133). С. 33–45.
5. Дэйл Д., Канджеми Дж., Ковальски К. Трансформирующее действительность лидерство. Психология. 2004. № 1. С. 96–109.
6. Качуро И. Л., Маркина Н. В. Циклограмма как инструмент управления образовательными событиями в условиях развития научного общества учащихся // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 52–62.
7. Маркина Н. В. Соотношение ситуативных и надситуативных проявлений активности у одаренных учащихся. М.: Институт дошкольного образования и семейного воспитания Российской академии образования, 2008. 24 с.
8. Маркина Н. В., Витенберг А. П. Социокультурное сообщество, аккумулирующее и транслирующее ценности и стратегии индивидуального и группового научного творчества и изобретательской деятельности // Социальная психология творчества и психология инновационного менеджмента – 2009 / отв. В. Г. Грязева-Дошинская, В. А. Глухова. – Челябинск, 2009. – С. 145–166.
9. Avolio B. J., Bass M., Jung D. I. Re-examining the components of transformational and transactional leadership using the Multifactor Leadership // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 1999. Vol. 72. P. 441–462.

PDCA КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ ПО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМ И ИНЖЕНЕРНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ АГРАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

Лазько Марина Владимировна,

*доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой зооинженерии и морфологии животных,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Арыкбаев Равиль Каримович,

*доктор экономических наук, профессор, декан аграрного факультета,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

PDCA нами рассматривается как инновационная методология образовательного процесса, в которой преподаются, эффективно усваиваются и применяются на практике теоретические знания и практические навыки. Такой подход к образовательной программе применяется к учебным планам, адаптированным как для проектного (командного), так и индивидуального обучения студентов аграрного факультета [1–4]. Цель – создание образовательного пространства с применением методологии PDCA как одного из инструментов стратегии хосин канри для различных направлений подготовки аграрного факультета, повышающего мотивацию студентов на получение знаний и профессиональных навыков для эффективного ведения бизнеса и управления инновационными процессами в отрасли. Новизна проекта заключается в систематическом применении методологии PDCA, позволяющей моделировать хосин-процесс в образовательном пространстве и возможностью интегрировать учебный процесс на всех уровнях его организации.

Мы хотим добиться этого, внедрив сложный процесс, который называется «поймай мяч». Благодаря процессу «поймай мяч» циклы CDIO и PDCA оказываются логично связаны один с другим, а интегрированный учебный план последовательно раскрывает новые возможности студентов на различных этапах освоения общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Решение стратегической задачи совершенствования содержания и технологий непрерывного образования за счет реализации программных мероприятий практико-ориентированного обучения, в результате которого формируются необходимые профессиональные компетенции и высокая мотивация обучаемого контингента.

В управлении знаниями ключевую роль играют компетенции профессорско-преподавательского состава, позволяющие давать наиболее полные знания, навыки, формировать лидерство, аналитические способности и ориентацию на безусловное достижение поставленных целей. Инновационные процессы – это неременное условие развития всех сфер деятельности в эпоху технологической и информационной революций, поэтому, на наш взгляд, такая дисциплина как «Инновационные проекты в различных сферах АПК» может хорошо интегрировать профессиональные интересы студентов.

Приобретенный опыт внедрения в учебный процесс методологии PDCA на примере образовательных программ аграрного факультета может быть экстраполирован на другие направления подготовки как естественно-научные, так и гуманитарные. Дорожная карта выполнения данного проекта состоит из трех этапов.

Первый этап включает в себя такие мероприятия, как: 1) создание хосин команды; 2) исследование хосин командой бизнес-среды проекта; 3) разработка стратегии и создание X-матрицы (1, 2, 3 эксперименты); 4) ежегодный хосин канри (6–18 месяцев).

На втором этапе планируются следующие мероприятия: 1) создание тактических команд для решения 4 эксперимента; 2) внесение конкретных инициатив тактических команд в соответствии со стратегическим хосин-планом; 3) формирование оперативной команды.

Третий этап заключается в разработке тактической командой пятого эксперимента в рамках ежегодного «Хосин канри»; формировании команды исполнителей для разработки 6 и 7 экспериментов; знакомстве команды исполнителей с предстоящими кайкаку и кандзен.

Исследование хосин командой бизнес-среды проекта заключалось в решении 5 почему. Это исследование выявило следующие предпосылки для успешной реализации проекта: 1) в Технопарке АГУ создана площадка для реализации Всемирной инициативы CDIO; 2) в учебном корпусе № 4 пос. Начало имеются две большие лекционные аудитории, оснащенные мультимедийной аппаратурой для проведения интерактивных форм занятий (вместимость – 105 посадочных мест); 3) наличие дисциплины «Инновационные проекты в различных отраслях сельского хозяйства», читаемой на всех направлениях подготовки аграрного факультета; 4) наличие контингента студентов для создания группы-потока по ведению этой дисциплины; 5) преподаватели факультета знакомы с предлагаемыми методологиями ведения учебного процесса.

Нами предлагаются следующие разработанные стратегии реализации проекта: 1) создание образовательного пространства с применением методологии PDCA и хосин канри для интегрированного проектного обучения; 2) внедрение ресурсо-ориентированного подхода к реализации выбранной образовательной стратегии PDCA и хосин канри; 3) интеграция образовательных программ для создания потока ценности в экспериментальном образовательном пространстве.

Тактически для выполнения предлагаемого проекта необходимо, как говорилось нами и раньше, создание единого потока ценности в образовательном пространстве проектного обучения по методологии PDCA, запуск (освоение) и тиражирование методологии PDCA как неотъемлемой части хосин канри в экспериментальном образовательном пространстве. И главное – создание портфолио брендовых проектов, создаваемых в едином потоке ценности и интегрирование методологий бережливого производства, шести сигм и хосин канри в экспериментальном образовательном пространстве [5].

В процессе выполнения проекта возможно решение таких задач как повышение мотивации студентов на получение знаний и навыков с помощью интегрированных образовательных программ, оптимизация показателей посещаемости и успеваемости, повышение активности студентов на занятии, повышение мотивации студентов к занятию НИД.

Результатами реализации этого проекта являются такие мероприятия как: 1) управление программами стратегических изменений в потоке ценности; 2) создание интегрированных учебных планов для реализации проектной деятельности в рамках образовательных программ аграрного факультета; 3) внедрение в производство брендовых проектов из портфолио факультета; 4) подготовка востребованных на рынке труда высококвалифицированных кадров; 5) подготовка кадров, мотивированных на научную и инновационную деятельность; 6) повышение заинтересованности и правильный выбор работодателя при взаимодействии со студентами на протяжении всего проектного обучения; 7) повышение престижности направлений подготовки аграрного факультета.

Оптимальная визуализация проекта представлена в разработанной АЗ-Х: X-матрице [6, с. 33]. Реальными ближайшими перспективами данного проекта являются: 1) открытие новых направлений подготовки и профилей – привлечение средств по коммерческому набору студентов; 2) подготовка собственных кадров высшей квалификации; 3) привлечение к образовательному процессу зарубежных партнеров и преуспевающих работодателей; 4) обеспечение непрерывного потока профессионального и личностного совершенствования ППС; 4) обратная тесная связь с выпускниками.

Список литературы

1. Лазыко М. В., Семчук Н. М. Инновационные технологии обучения студентов сельскохозяйственных специальностей // Второй российско-французский форум о развитии сотрудничества в области высшего образования по сельскохозяйственным направлениям. – Бордо (Франция) : ENITA, 2011.
2. Лазыко М. В., Семчук Н. М. Формирование интеллектуальных ресурсов: от идеи до продукта через малое инновационное предприятие // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. М.: ИНФРА-М, 2014. Вып. 3. I. 4. С. 30–33.
3. Лазыко М. В., Арыкбаев Р. К. Интеграция Всемирной инициативы CDIO и цикла Деминга для образовательных программ неинженерных направлений аграрного факультета Астраханского государственного университета // Вестник КЭУ: экономика, философия, педагогика, юриспруденция. 2016. № 3. С. 30–33.
4. Международный семинар по вопросам инноваций и реформированию инженерного образования «Всемирная инициатива CDIO» // Материалы для участников семинара. М.: МИСиС, 2011. 60 с.
5. Михай Чиксентмихайи. Поток: Психология оптимального переживания. М.: ООО «Альпина нон-фикшн», 2017. 464 с.
6. Томас Джексон. Хосин канри: как заставить стратегию работать. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2008. 248 с.

МЕТОДИКИ АКТИВИЗАЦИИ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ СОВРЕМЕННУЮ СОЦИОЛОГИЮ

Леонова Ольга Викторовна,

*доцент, кандидат социологических наук,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Тырнова Наталья Александровна,

*кандидат социологических наук,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В новом тысячелетии формирование будущих лидеров становится важнейшей государственной задачей. Современное общество нуждается не столько в квалифицированных работниках, сколько в специалистах, способных самостоятельно определять цели деятельности, прогнозировать варианты их достижения, умеющих объединять других людей для достижения поставленных целей, готовых брать на себя ответственность, то есть проявлять качества лидера.

В настоящее время внимание исследователей в сфере лидерства сосредоточено в основном в сфере управления, а объектами изучения лидерства выступают руководители предприятий, лидеры политических партий, массовых и общественных движений. Однако основы лидерского потенциала закладываются в молодом возрасте. Особую роль в формировании лидерских качеств молодежи должны выполнять высшие учебные заведения профессионального образования.

С одной стороны, социальная среда вуза (межстуденческое общение и отношения студентов с преподавателями) активно формирует систему ценностей студента, его ориентации и ожидания, осознание им своего социального статуса. Другими словами, в период обучения проходит процесс социализации студента через сравнение и социальную идентификацию (установление близости с определенной категорией людей).

В вузе студент вступает в отношения сотрудничества, конкуренции, конфликтности и т.д. В подобных ситуациях происходит дифференциация социальных ролей, каждую из которых выполняет тот студент, чьи личностные качества ей соответствуют. В большинстве ситуаций выявляется личность, играющая главную или центральную роль. Таких людей принято называть лидерами.

С другой стороны, с внедрением новых технологий обучения и воспитания появилась возможность формировать и развивать некоторые качества личности, в том числе и лидерские непосредственно на учебных занятиях со студентами. Следует отметить, что лидерский потенциал будет задействован у студентов быстрее, если педагогическое воздействие основано на групповых формах организации учебного процесса, интерактивных и проблемных методах обучения.

Многие исследователи понятие «лидерский потенциал» рассматривают как особое интегральное качество, которое обеспечивает и определяет эффективность осуществления какой-либо деятельности в целях достижения авторитета через личный и деловой ресурсы. Лидерский потенциал предполагает наличие соответствующих потребностей и мотивов, а также определенный уровень принятия ответственности за свои действия и поступки. Настоящим лидером становится тот, кто мужественно, не следуя общепринятым канонам, создает себя и достигает успеха [2, с. 56].

Рассмотрим некоторые методики развития лидерских качеств, которые мы используем в процессе преподавания различных социологических дисциплин.

I. Практическое занятие «Моделирование современного руководителя» (дисциплина «Социология труда») [6]. Основной целью занятия является формирование у студентов более точных представлений о качествах современного руководителя, необходимых для успешной практической деятельности в коллективе. Предлагаемое практическое занятие позволит студентам определить качества, необходимые современному руководителю с точки зрения эффективности трудовых отношений.

Участникам практического занятия предлагается бланк оценки, в котором указан перечень качеств, необходимых преуспевающему руководителю предприятия. Выбор качеств определяет преподаватель. Задача студентов состоит в том, чтобы определить приоритетность этих качеств.

Каждая играющая группа (по 5–7 человек) путем взаимных консультаций обозначает очередность только пяти из всех предложенных качеств, необходимых руководителю предприятия.

Затем участники занятия в ходе коллективного обсуждения вырабатывают коллективное мнение относительно качеств современного руководителя, т.е. формируют модель преуспевающего руководителя. При этом заполняется графа 4 «Результат коллективного обсуждения».

В конце занятия преподаватель подводит итоги обсуждения в группах, оценивает правильность выбора качеств, формулирует модель современного руководителя. При оценивании участников занятия обращает внимание не только на коллективные выступления, но и оценивает выступления отдельных участников.

II. Имитационная ролевая игра (дисциплины «Социология международных отношений», «Политическая социология») [3, с. 47]. Цель игры – моделирование работы сессии ассамблеи ООН для развития компетенций, направленных на достижение компромисса и поддержание своего авторитета, развитие лидерских качеств.

Участники игры обязаны выступать с сообщениями, защищающими национальные интересы страны, которую они представляют. Путем ведения переговоров участники ассамблеи на основе принципов дипломатии стараются решить глобальные вопросы мирового сообщества.

В ходе игры необходимы следующие умения: слушать, убеждать, чувствовать, когда надо уступить оппоненту, а когда необходимо отстаивать свое мнение.

В рамках учебных занятий по дисциплине «Социология международных отношений» для проведения такого вида игры студентами были самостоятельно разработаны регламент, программа сессии, расписание пленарных заседаний, а также были распределены страны-участницы. Примечательно, что студенты выбирали страну согласно собственным предпочтениям и интересам. В ходе предварительной работы были определены дискуссионные вопросы, например, политика США в отношении международного терроризма, экологическая политика Китая.

Участники игры выбираются заранее: Генеральный секретарь и участники ассамблеи. При этом каждый студент представляет одну из стран-участниц ассамблеи. На роль Генерального секретаря ООН назначается студент с ярко выраженными лидерскими качествами.

Особая форма проведения занятий в форме имитационной ролевой игры представляет собой особую образовательную систему, основными элементами которой являются законы дипломатии, цивилизованная дискуссия, мирное сосуществование различных мнений, формирование консенсуса.

Имитационная игра позволит лучше понять важность разрешения споров через диалог и компромисс, осознать важность принятия решений на личном опыте через ассоциацию себя со страной-участницей ООН.

Моделирование ассамблеи ООН позволяет на практике развивать критическое мышление, умения вести переговоры, находить компромисс, активизировать лидерский потенциал.

III. Деловая игра «Пресс-конференция министра образования» (дисциплина «Социология коммуникации») [1]. Цель – активизировать навыки ведения дискуссии, тренировать стрессоустойчивость как лидерское качество. Организация игры моделирует встречу министра образования РФ с журналистами по проблемам развития системы высшего образования. Предварительно избирается министр образования, остальные студенты играют роли журналистов. Перед журналистами ставится задача предварительно подготовить наиболее острые и актуальные вопросы по теме. Задача министра образования – сориентироваться в ответах, уметь парировать на острые и неуместные вопросы, демонстрировать эмоциональную сдержанность, проявлять тактичность. В конце игры преподаватель оценивает навыки и умения общения «министра» с «журналистами», а сам «министр» отмечает наиболее интересные вопросы.

IV. Дискуссия по проблеме «Кризис системы наказания в современных обществах» (дисциплина «Социология девиантного поведения») [4, 5]. Данный метод предполагает работу в группах и дает возможность выявить у студентов умения аргументировать, доказывать и обосновывать свою точку зрения, защищать свою позицию, считаться с мнениями других. Участникам дискуссии предлагается заранее подготовить иллюстративный и статистический материал по следующим проблемным вопросам: 1. Смертная казнь: за и против. 2. Лишение свободы: неэффективность и альтернативы. 3. «Минимизация»/«максимизация» сроков лишения свободы.

Преподаватель формулирует цели дискуссии, исходные установки и задачи участников. Участники разбиваются на две группы и распределяют между собой роли защитников и противников ужесточения наказаний за совершение преступлений в современных обществах. Отдельно выбирается ведущий, в функции которого входит контроль над ходом дискуссии и регламентом. В ходе дискуссии определяются лидеры, которые способны взять на себя моральные обязательства по представляемой позиции спора, а также владеют коммуникативными навыками и организаторскими способностями.

В заключение необходимо отметить, что при активизации лидерского потенциала молодежи необходимо постоянно искать новые методы обучения лидерским качествам, необходимым при формировании лидеров новой формации.

Список литературы

1. Исаков В. Б. Игропрактикум: Опыт преподавания Основ права в школе и университете. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 132 с.
2. Котрухова Р. И. Эффективное лидерство и развитие лидерского потенциала современной молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 14 (152). С. 54–58.
3. Леви Д. А., Головатая Д. И. Организация и проведение образовательных ролевых игр «Модель ООН и модель ЕС»: опыт Санкт-Петербургского университета // Интерактивные образовательные технологии. М.: МГУ, 2011. С. 46–49.
4. Ступина С. Б. Технологии интерактивного обучения в высшей школе. Саратов: Наука, 2009. 52 с.
5. Титова Н. Б. Инновационные технологии в обучении социологии. Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2008. 87 с.
6. Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Социология труда. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 464 с.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭЛИТА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА (уроки истории)

Диденко Ольга Николаевна,

*кандидат философских наук, доцент, кафедры философии,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Образование всегда пользовалось особым вниманием общества, государства, представителей различных отраслей науки и участников образовательного процесса. По сложившейся традиции (не только отечественной, но и западной), особенно пристальным это внимание становилось в периоды реформ. В этой ситуации, как нам представляется, особой популярностью пользуется «университетский вопрос». Миссия классического университета, которая в свое время широко обсуждалась философами, социологами, историками и педагогами, предполагала, что

сама наука содействует духовному, нравственному воспитанию человека. Как пишет В.И. Вернадский, перед высшей школой стоят следующие задачи: учить подрастающее молодое поколение, сообщая ему все, что достигнуто человеческой мыслью, учить его научно мыслить и работать с усвоенными научными знаниями; она должна быть центром самостоятельной научной деятельности; она должна быть «носителем просвещения в обществе и народе, оживлять в зрелом возрасте узнанное и пережитое в молодости, распространять новые знания, новые приемы работы и мышления» [1, с. 233]. Поэтому главные общественные функции высшей школы – обучение, научное исследование, просвещение. Конечно, обозначенные В.И. Вернадским перед сферой высшего образования цели в 1905–1917 гг. не явились тогда для нее совершенной новостью. Это традиционные направления деятельности европейского университета с момента его возникновения в средневековье и в подобном духе во все времена понимали общественный смысл своей профессии все поколения профессоров, докторов и ректоров. Здесь В.И. Вернадский не оригинален. Он предполагает, что вечные цели должны существовать у высшей школы, поскольку научная мысль есть порождение не истории общества, а истории планеты (живого вещества Земли). Это феномен, по его словам, не только общественно-исторический, но и космический. На определенном этапе своего развития теоретический разум, порождающий в качестве своего «органа» формы высшего образования, есть «история проявления нового геологического фактора, нового выражения организованности биосферы, сложившегося стихийно, как природное явление, в последние несколько десятков тысяч лет. Она не случайна, как всякое природное явление, она закономерна, как закономерен в ходе времени палеонтологический процесс, создавший мозг *Homo sapiens* и ту социальную среду, в которой как ее следствие, как связанный с ней природный процесс создается научная мысль, новая геологическая сознательно направляемая сила» [2, с. 318]. Закономерный характер развития научной мысли предопределяет и существование нормы в отношении науки к делам и проблемам общества. Наука не изолирована от общества, ее «планетное» происхождение не означает полного удаления от забот общественной практики. Участие институтов науки в процессах общественной жизни находит разные выражения, в том числе оно в виде отмеченных В.И. Вернадским «вечных» целей высшей школы. Обучение молодежи, производство научного знания и просвещение народа есть триединое дело университета в любые времена, при любом экономическом строе и политическом режиме. В противном случае мы имеем перед собой не университет, а учебное заведение, представляющее собой некое явление самозванства. Но подобные явления в практике высшего образования на самом деле встречаются редко. Исследования В.И. Вернадского по истории науки и образования убеждают в этом. Примеры отступления и отречения высшей школы от своей априорной триединой сущности не характерны для европейской культуры. Европейский университет всегда делал то главное, что должен был делать для общества, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах (вызываемых, например, действиями деспотических властей или анархической толпы). Университет легче закрыть, чем заставить «потерять лицо» в данном принципиальном отношении. И в этом плане высшая школа, можно сказать, уже давно живет по законам «ноосферы». Из статей В.И. Вернадского, посвященных анализу состояния отечественной школы в кризисное для России время, видно, что и российский университет сохранял должную стойкость и верность принципам. «Можно сказать без преувеличения, – писал Вернадский, – что главная научная работа России сделана без серьезной сознательной помощи русского правительства. Это – дело общества, дело профессуры и руководимых ими институтов и семинарий, помимо и вопреки желаниям министерства народного просвещения» [1, с. 244].

Вместе с тем, система высшего образования претерпевает во времени количественные и качественные изменения. Свое «наукоучение» В.И. Вернадский понимал как опыт самосознания науки и высшей школы на этапе грандиозного для них и для всего общества «великого» перелома, который и называл эпохой перехода биосферы в ноосферу. В начале прошлого столетия он писал: «Современная форма высшего образования, уходящая своими корнями вглубь средневековья, по существу, однако, является орудием нового времени. Старые основы ее совершенно скрыты новым содержанием» [1, с. 270]. Это было время энергичного переустройства, расширения сферы деятельности высшей школы, создания ее новых форм, углубления и коренной переработки традиционных ее проявлений. Особую роль в этих изменениях, по мнению В.И. Вернадского, сыграли, во-первых, колоссальный рост научного знания и его приложения в технике, бытовой сфере и общественно-политической практике. И, во-вторых, демократизация жизни, ее большая гуманность, упрочение в общественной и государственной жизни демократических норм и принципов. Усиление темпов научного развития потребовало создания новых способов передачи молодежи достигнутых наукой результатов, включения достижений науки и техники в учебные предметы высшего образования. Ученый твердо убежден в том, что процесс распространения знаний не должен отставать от научных исследований. Демократизация высшей школы, с одной стороны, перестраивает всю ее сущность, позволяя одаренным личностям свободно проявляться в усвоении и преумножении знаний, а с другой стороны, повышает уровень организации коллективной научной работы преподавателей и студентов вуза. Естественными для В.И. Вернадского являются процессы «глобализации» и «интернационализации» теоретического разума, научной рациональности. «Ибо научное знание есть единственная форма духовной культуры, общая для всего человечества, не зависящая в своей основе от исторического или географического места и времени. Только наука и тесно связанная с нею техника вызывает единство культуры для всего человечества, достигают того, к чему напрасно стремились различные формы религий и школы философии. Это является неизбежным следствием самой сущности науки – единой, в основе своих выводов для всех обязательной и непререкаемой» [1, с. 273]. Высшая школа – главный путь проникновения научной работы в общечеловеческую культуру. И для В.И. Вернадского очевидно, что и формы высшей школы каждой исторической эпохи должны быть одни и те же для всего человечества, в разных государствах и у разных народов отличаться только оттенками, не затрагивая основных условий ее существования.

И русский университет справился с поставленными задачами. Не получая от государственной власти должной материальной и административно-политической поддержки, университетская общественность успешно начала переустройство. На первом этапе она сделала все, что было в ее силах, чтобы не отстать от планетарных тенденций. Но дальнейшие успехи могли быть достигнуты лишь при изменении государственной политики в сфере образования. Изменениям препятствовала сама природа политического режима. Конфликт власти с академическим активом был лишь одним из многих возникших у нее антагонистических противоречий с живыми силами нации во всех отраслях материального и духовного производства. Подобная ситуация обозначила тупик для развития страны, однако с другой стороны, создала условия для образования единого демократического фронта борьбы против реакционной политической системы. Это вселяло надежду, и несомненно, что перспектива демократического сплочения нации на почве интересов развития послужила для В.И. Вернадского одним из мотивов его вступления в ряды партии Народной свободы.

Однако в «Письмах о высшем образовании в России» у их автора звучит скорее тревога за ближайшее будущее страны, чем оптимистическая уверенность в том, что правое дело конституционной демократии непременно победит. Что порождало опасения? У выдающегося ученого вызывает беспокойство ситуация, когда за решение задач, стоящих перед инстанцией научно образованного разума берется разум массы (В.И. Вернадский прямо пишет: «толпы»), с точки зрения приобщения к науке находящейся пока еще на предшествующей переходу к «ноосфере» ступени. Чем чревато такое положение вещей? Нельзя сказать, что только отрицательными последствиями. В.И. Вернадский признавал (и в дооктябрьский период, а еще определеннее в период академической деятельности в СССР), что стихийный, отчасти и слепой, «темный» прорыв народных масс к высоким целям и ценностям ноосферы способен продвинуть общество вперед даже дальше, чем научно управляемое движение – в том случае, когда сил науки или мало, или они недостаточно организованы. За счет спонтанного массового волевого акта можно многое совершить и в деле создания разумно устроенного общества. Однако «темная» сторона революционной стихии всегда создает и какие-то заторы на пути к ноосфере.

Из «Писем» видно, что В.И. Вернадский не находил, что Россия бедна научно подготовленными силами, способными помочь обществу пройти путь реформирования более рациональным и менее мучительным и расточительным способом. Дело вставало лишь за тем, чтобы должным образом организовать эти силы. Российская высшая школа, по оценке В.И. Вернадского, в этом отношении делала многое. Но не все от нее зависело. В этом деле необходима была поддержка со стороны других демократических институтов и прочно укорененных в быт народа демократических традиций, а также и со стороны правительства (что показывал пример Запада). Нужных либерально-демократических институтов и традиций российской земле действительно не доставало, а об обращении за помощью к правительству, казалось, и думать было бы странно. Тем не менее, по существу дела, в подобной ситуации требование поддержки от чиновной бюрократии вовсе не противоестественно, ибо ей-то и выпадает стать первой жертвой бунтарской стихии. Так что некоторые попытки убедить власти предержащие внять голосу разума все же предпринимались, в том числе и В.И. Вернадским. Но бюрократический режим оказался неспособным прислушаться даже к инстинкту самосохранения. Трудно даже найти определение подобному неадекватному поведению «государственных мужей». Тут мало сказать, что безответственное чиновничье царство представляло собой какой-то средневековый пережиток в сравнении с западной «идеальной бюрократией» (М. Вебер), своевременно адаптировавшейся к либеральным веяниям новейшей истории. Указание на отсталость, по сути, ничего не объясняет в физиономии поздней царской бюрократии. Она не соответствовала не только прогрессивным западным образцам, но прежде всего истинному историческому масштабу своей страны, великой державы, какой та оставалась в течение многих веков, даже при всех своих отставаниях. Может быть, лучшей характеристикой этого бюрократического режима будут слова Чаадаева: «пробел в порядке разумения». Подобный иррациональный характер российской власти никак не мог явиться противовесом «темным» разрушительным проявлениям массовой революционной активности. В.И. Вернадский прямо проводил параллель между тем и другим явлением. В одной из статей он констатировал: «Высшая школа в России долгие годы не знает спокойной, нормальной жизни. Она болезненно отражала на себе государственное неустройство России, она являлась орудием борьбы в руках революционных организаций, над ней проделывали дикие эксперименты деятели русской реакции, эти типичные правые революционеры. Удары на нее сыпались справа и слева» [1, с. 231]. Высшая школа в защите своей автономии и в служении своим имманентным общественным целям вынуждена была вести борьбу на два фронта, против одного и другого зла. И уже то, что она не бросила свой щит в этой борьбе можно считать ее исторической заслугой. В обществе, по мнению ученого, должна быть национальная, «творящая творческую созидательную работу» элита. Эта элита – люди науки!

Согласно «наукоучению» В.И. Вернадского, история мировой науки есть история научно мыслящих личностей. «В ней выступают вперед отдельные личности, резко выделяющиеся среди толпы или силой своего ума, или его ясностью, или широтой мысли, или энергией воли, интуицией, творчеством, пониманием окружающего... И эти выдающиеся люди не могут быть заменены в большинстве научных открытий коллективной работой многих». [1, с. 42] Между личностями, эффективно работающими в науке, возникает новое, по мнению ученого, более высокое качество общественной жизни, не доступное широкому кругу людей, основной массе общества. Такие великие ценности, как истина и справедливость, пользуются большим, чем где бы то ни было еще, авторитетом именно в «республике ученых» (И. Кант), друг друга оценивают, прежде всего, по степени духовной приверженности этим ценностям, поэтому здесь выше уровень взаимопонимания, духовной солидарности, чем среди обычных граждан обычного государства. Более влиятельны и действенны императивы этики науки, чем правила наличной общественной морали; личные интересы не расходятся с общими, деловой порядок в основном обеспечивается товарищеской дисциплиной и т.д. Это касается отношений не

только между современниками, но и между целыми поколениями ученых и жившими в разные эпохи личностями, которые оставили свой след в науке. В.И. Вернадский действительно полагал, что в мире науки между людьми возникает более тесное, непосредственное, живое, гуманное отношение, органическая общественная целостность на основе освоения и творчества ценностей науки. В его статьях о высшей школе универсальное научное сообщество, чем-то похожит на образ и понятие «симфонической личности», разработанные позже евразийцами.

Проделанный В.И. Вернадским анализ задач высшей школы, приобретает актуальное звучание в наши дни. И отчасти это приходится констатировать с сожалением. Ибо, похоже, вернулась давняя фабула отношений высшей школы с господствующими верхами.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 744 с.
2. Вернадский В.И. О науке. Дубна : Феникс, 1997. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. 576 с.

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ И КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Халифаева Ольга Алексеевна,

*кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей и когнитивной психологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Актуальность рассмотрения феномена творческой элиты связана с тем, что в советской и российской науке данная тема практически не рассматривалась. Отчасти это обусловлено тем, что статус элитологии как науки об элите не был определен. Важными факторами, усиливающими интерес к феномену творческой элиты, представляются процессы глобализации человеческих коммуникаций, внедрение новых технологий в сфере массовой информации, приводящие к возрастанию роли личного примера представителей творческой элиты в современной практике. Анализ феномена творческой элиты может помочь в стимулировании поиска творческих ресурсов современной личности. Без творческой элиты невозможен ни расцвет культуры, ни образование, с позицией и качественным потенциалом творческой элиты связаны и вопросы самосознания нации, качество общения.

Под элитой нами понимается, – вслед за Ю.А. Левадой, такая социальная группа, которая обладает некоторым уникальным социально-значимым ресурсом, способна реализовать этот потенциал для поддержания нормативных образцов и символических структур данной общественной системы, и может обеспечивать хранение, воспроизводство и умножение своего ресурса из поколения в поколение. Тогда творческая элита – это, во-первых, составная часть элиты; во-вторых, – это слой людей, внесших признанный (общественно-значимый) вклад в создание ценностей культуры, воспринимающих свою творческую самореализацию как нравственное должностное [1].

Психологический подход к проблеме творческой элиты включает научные идеи, разработанные собственно психологией, психиатрией, психоанализом, и представлен, во-первых, работами по изучению креативности в области искусства и литературы. Здесь необходимо отметить исследования в рамках культурно-исторической традиции – В. Вунд, развитые в рамках «искусствоведческой» психологии искусства и эмпирической эстетики – Л.С. Выготский, В.М. Петров и др., рассматривающие продукты творчества безотносительно к анализу черт личности автора. Во-вторых, другое традиционное направление исследует креативные личности – Ф. Бэррон, Р. Кеттелл, А. Адлер, К. Роджерс, А. Маслоу, К. Мартиндейл, Дж. Гилфорд, Р. Ассаджоли, отечественные ученые А.В.Петровский, С.М. Эйзенштейн, С.Л. Рубинштейн, В.С. Мухина, Т.А. Флоренская. Еще одна группа работ посвящена связи креативности и психопатологии – Ф. Пост, А. Людвиг, Г. Айзенк, А.К. Осницкий, А.Б. Смулевич. Другая группа работ, затрагивающая проблематику творческой элиты, связана с противопоставлением «массового» и «элитарного» искусства – Ф. Шлегель, Новалис, Л.Н. Толстой, С.Н. Булгаков, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер...

На наш взгляд, проблема формирования творческой элиты зависит от индивидуально-личностных функций субъектов элиты и тесно связана с анализом понятий креативности и когнитивного стиля.

По мнению Н.Б. Карабущенко, важными индивидуально-личностными функциями элиты является когнитивная и креативная [4]. Когнитивная функция – активное целенаправленное приобретение знаний. Знания выступают в данном случае как идеальные результаты отражения, которые создаются в процессе общественной деятельности, в ходе научных исследований, технических открытий, связываются с появлением новых идей, норм и принципов. Знания в своей совокупности составляют знания, которые передаются из поколения в поколение. Знаковость в данной функции сознания является основной его особенностью. Индивидуальное сознание, таким образом, приобретает «условную» картину мира. Язык остается лишь материальным носителем существующего знания. В процессе познавательной деятельности индивид получает возможность не только осваивать имеющиеся знания и опыт, накопленный поколениями, но и создавать новые знания [2].

Для элитизирующейся личности характерна еще одна функция – функция креативности. Выбранная сознанием стратегия способна упорядочить хаотично возникающие мысли и идеи, позволяет найти пути и средства организации информации и приведение ее к определенной знаковой системе. Благодаря систематизации знаний и опыта

появляются новые способы решения проблемы, приводя творческий процесс к равновесию и гармонизации. Стратегия, по мнению В. А. Моляко, является личностным образованием, т. к. конденсирует в себе структуры, ответственные за анализ ситуации, оценку новой ситуации и информации, наполняет содержанием сознание, использует творческие технологии, которые могут быть реализованы в решении новых задач [3].

Несмотря на многочисленные теоретические и экспериментальные исследования проблематики психологических феноменов – креативности и когнитивных стилей мышления, требуется дальнейшее изучение, так как нет однозначной трактовки понятий когнитивный стиль и креативность, возникает вопрос о соотношении данных понятий и их зависимости друг от друга.

Под креативностью мы понимаем интегральную особенность личности, допускающую варьирование путей решения жизненных проблем, проявляющаяся в индивидуально-типологических особенностях, определяющих активность в обществе [5].

Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего [6].

В нашем быстроменяющемся мире, когда все большее количество информации должно быть переработано в кратчайшие сроки, становится очевидной необходимостью быстро учиться. Главной целью образовательных систем должно быть обучение студентов тому, как изучить новую информацию и овладеть мастерством, необходимым для эффективного функционирования в их повседневной жизни и рабочей обстановке. В этом новом свете обучающиеся рассматриваются как активные участники обработки информации, интерпретаторы, участники синтеза, которые используют стратегии для хранения и поиска информации. В связи с этим особое внимание привлекает проблематика когнитивных стилей обучающихся. Как отмечают многие авторы, на сегодняшний день проблема изучения когнитивных стилей находится на стадии становления. Когнитивный стиль в условиях современного образовательного процесса это способ интеллектуального и креативного развития личности студента.

Именно, поэтому мы решили, организовать исследование взаимосвязи когнитивных стилей мышления и креативности у студентов, чтобы определить степень их влияния друг на друга в процессе формирования будущей творческой элиты.

Исследование проводилось на базе Астраханского Государственного Университета. В исследовании приняло участие 64 респондентов, из которых 35 человек – студенты 1 курса и 29 – студенты 4 курса. Возрастной диапазон от 17 до 22 лет. В качестве диагностического инструментария были использованы методики: «Включенные фигуры» К. Готтшальда и «Диагностика личностной креативности» (Е.Е. Туник).

С целью изучения когнитивного стиля у студентов 1 и 4 курса было выявлено, что по методике «Включенные фигуры» К. Готтшальда число полнезависимых составило 64 % испытуемых, а число полнезависимых – 34 % (рис. 1).

Рис. 1. Результаты диагностики по методике «Включенные фигуры» К. Готтшальда

Результаты исследования по методике диагностики личностной креативности Е.Е. Туник. На рисунке 2 видно, что все показатели, а именно такие, как склонность к риску, любознательность, сложность и воображение у студентов первых курсов не значительно, но выше, чем у студентов четвертых курсов. Мы предполагаем, что студенты первого курса до конца не осознают направление профессиональной деятельности, возможно, это связано с преподаваемыми дисциплинами общего цикла, такие как история, математика, иностранный язык. А студенты четвертого курса изучают только профессиональные дисциплины, связанные непосредственно с их родом деятельности, поэтому напротив не стремятся рисковать, особенно не допускают для себя ошибок и провалов, так как стоят на пороге выпуска и для них важно получить диплом о высшем образовании.

Для оценки достоверности различий в показателях когнитивного стиля мышления и креативности между студентами 1 и 4 курсов мы использовали критерий Стьюдента для независимых выборок (t) и критерий Манна-Уитни (U). В результате были выявлены различия у студентов первого курса воображение выражено выше, чем у студентов четвертого курса. Мы предполагаем, что данное различие заключается в том, что первокурсники в своём сознании часто прокручивают свое будущее, связанное со своим жизненным путем, со своей будущей профессией, со своей будущей семьей и т.д. При этом данные иллюстрации в сознании сопровождаются яркими и безграничными красками. Студенты четвертого курса уже определились со своей профессиональной деятельностью и со своим жизненным путем.

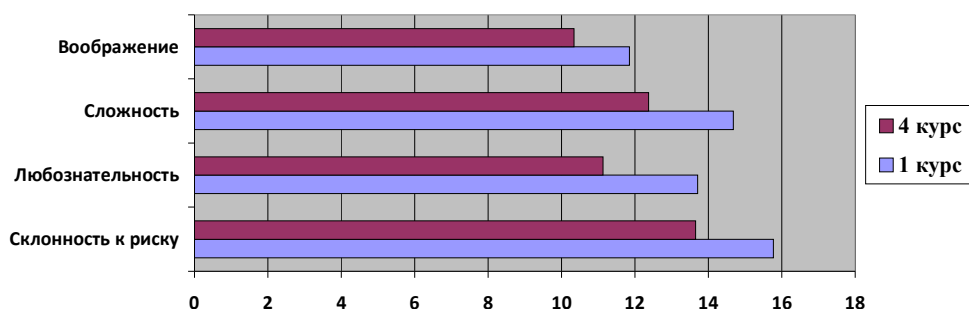

Рис. 2. Методика «Диагностика личностной креативности» Е.Е. Туник

У студентов первого курса любознательность и склонность к риску выражена больше, чем у студентов четвертого курса. Это объясняется тем, что первокурсники являются «новичками» в университете, они находят привлекательным сам процесс, чем конечный итог. Студенты четвертого курса наоборот стремятся к завершению учебной деятельности, приобретению новых и полезных знаний в образовании.

Далее была выявлена взаимосвязь между полнезависимостью и такой творческой особенностью, как склонность к риску. Мы предполагаем, что данная взаимосвязь обуславливается тем, что полнезависимые испытуемые склонны к активному обучению, они любят структурировать материал и используют мнемические стратегии для эффективного запоминания и воспроизведения информации, предпочитают изучать общие принципы, довольно легко усваивая их в деятельности, сопровождается такими характерными особенностями, как независимость и стремление доминировать, стремятся к нестандартным поступкам. Полнезависимые респонденты склонны к пассивному научению, используя предложенную им организацию материала, боятся применять полученные знания на практике. Поэтому мы предполагаем, что взаимосвязь полнезависимости мышления и склонности к риску вполне оправдывается, так как одно другому содействует на жизненном пути студентов.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что когнитивный стиль мышления (полнезависимость/полнезависимость) и показатели креативности – склонность к риску и любознательность взаимосвязаны, что свидетельствует о том, что для формирования творческой элиты среди молодежи необходимо уделить внимание развитию данных качеств личности в образовательном процессе через введение новых технологий обучения.

Список литературы

1. Левада Ю. А. Элита и «Масса» в общественном сознании: проблемы социальной элиты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 6.
2. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. 1984. 444 с.
3. Моляко В. А. Проблемы психологии творчества и разработка подхода к изучению одаренности // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 79–87.
4. Карабущенко Н. Б. Индивидуально-личностные и социальные функции элиты // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 5. С. 80–85.
5. Халифаева О. А. Психологические условия развития креативности подростков в учебно-воспитательном процессе. Астрахань, 2007.
6. Холодная М. А. Когнитивный стиль как квадриполярное измерение. Психологический журнал. 2007. № 4. С. 46–56.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ЛИДЕРОВ СРЕДИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Бичарова Мария Михайловна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка,
Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань*

Пепелин Максим Анатольевич,

курсант, Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Кушнир Никита Андреевич,

курсант, Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Необходимость развития и совершенствования системы подготовки кадров для транспортной системы, в частности, специалистов морского и речного транспорта, не вызывает сомнений. Повышение уровня безопасности транспорта – это одно из приоритетных направлений развития транспортной системы Российской Федерации, и, вполне очевидно, что успешная его реализация зависит от качества подготовки персонала, работающего в этой сфере. Морская доктрина России на период до 2020 г. также отводит важное место подготовке кадров, поскольку реализация интересов нашей страны в мировом океане возможна только при наличии специалистов высокой квалификации, истинных лидеров в своей профессиональной сфере [3].

Не случайно одним из принципов национальной морской политики определено «сохранение и совершенствование системы подготовки кадров, обучение и воспитание молодежи». Перспективы развития отечественного флота, портов, а также всей инфраструктуры водного транспорта нашей страны напрямую зависят от успешного решения кадрового вопроса, и в этом ключевую роль играют шесть единых образовательных комплексов, созданных на базе вузов, подведомственных Росморречфлоту. Частью одного из таких комплексов является Каспийский институт морского и речного транспорта в г. Астрахань, являющийся одним из четырех филиалов Волжского государственного университета водного транспорта.

Учебные заведения, занимающиеся подготовкой специалистов для речного и морского транспорта, существуют в нашей стране с 1944 г., когда в целях улучшения подготовки командных кадров для морского и речного флота после опыта Великой Отечественной войны стали создаваться морские и речные училища и академии. За более чем 70 лет система подготовки командных кадров вполне себя оправдала, а Росморречфлот направляет усилия на то, чтобы сохранить сложившуюся систему обучения и воспитания специалистов морского и речного транспорта.

В то же время, нельзя не отметить стремительное развитие таких учебных заведений, нацеленных на более полное и тесное взаимодействие с передовыми транспортными компаниями и наукоемкими производствами, расширение международного сотрудничества, совершенствования и внедрения новых механизмов внутренней и внешней оценки качества образования с привлечением профессионального сообщества на российском и международном уровнях [1, с. 86].

В этой связи в последнее время об учреждениях высшего образования, готовящих специалистов морского и речного транспорта, говорят как об организациях дающих элитное образование. И, конечно, речь идет не об учреждениях закрытого типа, доступного только так называемым «избранным» или «наиболее достойным», а вузах, осуществляющих подготовку кадров на высоком уровне, ставящее перед обучающимися задачи повышенной сложности и направленные на воспитание в подопечных дисциплинированности, ответственности и лидерских качеств [2, с. 413]. Такое образование требует высокой отдачи как в интеллектуальном, так и духовно-нравственном смысле.

Как реализуется элитное образование в высших учебных заведениях? Высокое качество образования и воспитания достигается следующими средствами:

- направленность на высокоинтеллектуальную активность,
- расширенный академическим приоритетом гуманитарных дисциплин,
- сильное всестороннее воспитание на нравственной основе,
- продвинутая индивидуализация обучения,
- высокие требования к обучению и саморазвитию.

Элитное образование служит плацдармом высокоинтеллектуальной основы для совершенствования науки и искусства, а также для подготовки лучшей кадровой базы для элитных профессий [5, с. 12].

Основная роль образовательных учреждений, занимающих серьезные позиции в системе элитного образования, заключается в реализации целого ряда задач, в частности в привитии обучающимся следующих навыков и умений:

- мыслить и рассуждать самостоятельно,
- принимать правильные решения,
- уметь прогнозировать будущее,
- мгновенно концентрироваться,
- перерабатывать большое количество информации
- быть лучшим в сфере, которую он выбирает для будущей профессии.

Целью элитного образования является: воспитание высокообразованных, системно мыслящих, активных и целеустремленных членов общества, способным к саморазвитию и самостоятельным действиям [6, с. 120].

Каспийский институт морского и речного транспорта филиал Волжского государственного университета водного транспорта вполне обоснованно позиционирует себя как высшее учебное заведение, дающее элитное образование. Его история объединяет многолетний опыт профессиональной подготовки специалистов для морского и речного флота России. За всю свою историю наше учебное заведение подготовило около 40 тысяч специалистов для морского и речного флота. Сегодня это единственный полнопрофильный вуз Астраханской области, готовящим кадры для водной транспортной отрасли региона и Российской Федерации.

Каспийский институт – единое образовательное учреждение на Нижней Волге, которое выпускает специалистов со средним и высшим профессиональным образованием для водного транспорта. На сегодняшний день филиал объединяет традиции трех старейших учебных заведений: Астраханского речного училища и Каспийского филиала ФГБОУ ВПО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова», филиала ФБОУ ВПО «Волжская государственная академия водного транспорта в г. Астрахани.

Цели института полностью коррелируют с приоритетными направлениями развития водного транспорта нашей страны. Это, в первую очередь, возрождение Российского флота, в частности, развитие и кадровое обеспечение Краснознаменной Каспийской флотилии ВМФ России, которая дислоцируется в Астраханском регионе. Кроме того, институт ориентирован на социально-экономическое развитие как транспортной отрасли, так и всего региона в целом. Организация научной и инновационной деятельности в узде строится на основе менеджмента качества всех процессов и ориентации на потребителя. На основе новейших образовательных технологий и при помощи высокого профессионального уровня преподавательского состава осуществляется формирование гражданско-патриотических

и нравственных качеств выпускников. Главной стратегической целью образовательного учреждения является создание регионального академического комплекса инновационного типа, лидера в отраслевом образовании на Каспии. Насколько успешно институт реализует задачи, в рамках поставленных целей, можно судить на основании того факта, что Каспийский институт морского и речного транспорта дважды (в 2014 и 2016 гг.) является лауреатом конкурса «Лидер отрасли», учрежденного приказом Росморречфлота от 20.01. 2014 № 2 в целях эффективного выполнения социально-экономических задач, направленных на популяризацию достижений и повышение престижа морского и речного транспорта, в номинации «Лучшее образовательное учреждение отрасли» [3].

Каспийский институт реализует подготовку дипломированных специалистов по разным формам обучения: очной и заочной. Обучение осуществляется по следующим специальностям и направлениям высшего образования: «Судовождение», «Менеджмент», «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики», «Эксплуатация судовых энергетических установок» и «Технология транспортных процессов».

В настоящее время общее количество обучающихся в филиале приближается к 4000 человек.

Особое внимание уделяется таким специальностям, которые имеют большую перспективу развития именно в Астраханской области, к ним относится «Судостроение».

Филиал предлагает различные образовательные услуги по 80 программам дополнительного профессионального образования и конвенционной подготовки экипажа. База центра переподготовки и повышения квалификации плавсостава имеет в своем составе большое количество современных учебно-тренажерных комплексов.

Руководство определяет следующие основные направления деятельности:

- становление курсов направленных на повышение квалификаций и дополнительного профессионального образования для различных специалистов речного и морского транспорта;

- сопровождение, организация и поддержка перспективных направлений научно-исследовательской работы;
- становление систем информационного обеспечения и научного сопровождения;
- развитие и формирование общественных организаций, органов курсантского самоуправления;
- проведение физкультурно-оздоровительных и культурно-массовых мероприятий;
- расширение международных отношений;
- акцентировано внимание на внедрение современного, презентационного, демонстрационного оборудования

в учебный процесс;

- становление учебно-лабораторной базы;
- расширение аудитории потребителей услуг за счет развития новых направлений деятельности;
- развитие системы менеджмента качества;
- рост социальной инфраструктуры и материально-технической базы;
- создание инновационных бизнес-инкубаторов на базе филиала;
- создание профильных классов и формирования взаимодействия со школами;
- продвижение кадрового резерва за счет расширения программы поощрения молодых специалистов.

Институт является членом Международной ассоциации университетов Прикаспийских государств и Международной ассоциации иностранных студентов.

Итак, элитному образованию, как фактору, обеспечивающему органичное сочетание прошлого, настоящего и будущего, традиционности и инновационности, всегда был свойственен «благородный консерватизм», выражавшийся в стремлении избегать отражения в содержании образования всего того, что не прошло строгой проверки временем [4, с. 143]. Именно эта особенность присуща таким учреждениям, как Каспийский институт морского и речного транспорта, сохраняющий не только академические традиции, но и традиции уставных отношений, требования к ношению форменной одежды и соблюдению определенных режимных моментов. Несмотря на доступность образования, которое дает институт, в число обучающихся этого учебного заведения не попадают случайные люди. Это будущие молодые специалисты, стремящиеся получить необходимые знания для того, чтобы применить их в суровых условиях длительных морских рейсов, юноши и девушки, готовые демонстрировать высочайший уровень дисциплины и ответственности, поскольку настоящим лидером в своей сфере может стать только человек, умеющий подчиняться, четко выполнять поставленные задачи и концентрироваться на достижении цели. Этой целью для большинства курсантов является получение уникальной возможности занимать престижные должности на различных предприятиях морского и речного транспорта, транспортно-экспедиционных и судоходных компаниях, пароходствах, терминалах не только нашего региона, а также по всей России и в странах Ближнего Зарубежья.

Список литературы

1. Демиденко Э. С. Перспективы образования в меняющемся мире // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 80–87.
2. Ильинский И. М. Образовательная революция. М., 2002. 592 с.
3. Интернет-портал Федерального агентства морского и речного транспорта. Режим доступа: <http://www.morflot.ru/106.html>.
4. Козлова Н. Н. Безвкусица масс и вкус интеллектуалов // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 142–150.
5. Попова Г. С. Образование как процесс накопления человеческого и культурного капитала // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 2. С. 12–19.
6. Сохраняева Т. В. Гуманистические ориентиры развития системы образования // Философские науки. 2005. № 9. С. 115–131.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ В АСТРАХАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ)

Зиналиева Нурия Койшваевна,
кандидат психологических наук, доцент,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань

В настоящее время одной из важных задач в жизни нашего общества является совершенствование всей системы образования в соответствии с потребностями компетентности студентов как одного из условий формирования элитарности современной личности. Одним из основных задач современного образования является внедрение новых инструментов в учебный процесс, которые необходимы для повышения качества образовательного процесса, мотивации студентов в изучении дисциплин, овладении когнитивными инструментами интеллектуальной деятельности, развитию критического мышления, коммуникативной компетентности, способствующие формированию элитарности в современной студенческой среде.

С этой же целью с 2016 г. в Астраханском государственном университете (АГУ) был реализован внутривузовский проект – «Поточное изучение психологии для студентов педагогических специальностей». Современный научно-дисциплинарный проект позволяет ввести студентов в мир человеческой психики и приобщить их к научному его пониманию, реализовать свои научные познания в практической деятельности, развить коммуникативные навыки в процессе взаимодействия в студенческой среде и, наконец, сформировать элитарные профессиональные качества у будущего специалиста.

Формирование элитарности личности, означает формирование у каждого человека, прежде всего, конвенционального уровня общения (что и составляет коммуникативную компетентность личности) для его эффективности [1, с. 92].

А. Добрович, выделяет «конвенциональный уровень» как отдельный, описывающий стремление людей к достижению определенной цели за счет всевозможных контактов (как позитивных, так и негативных). Главным для этого уровня становится желание каждого из партнеров уловить актуальную роль другого и увидеть собственную роль глазами собеседника. Это своего рода способность понимания другого человека, с которым контакты установились значительно недавно. Конвенциональный уровень можно определить как направленность индивидов друг другу для достижения их общей цели за короткий промежуток знакомства. Данный уровень предполагает частичное включение в себя всех уровней коммуникации (уровень духовного общения, деловой, стандартизированный, манипулятивный, примитивный), но только лишь в той степени, в которой возможно достижение быстрого результата во взаимодействии. В данном случае речь идет о коммуникативной компетентности [1, с. 92].

Интересным на наш, взгляд, является исследование Н.Б. Карабущенко «Психологическая дистанция (в дихотомии элита – масса)», где отмечается: «Компетентность в общении предполагает готовность и умение строить контакт на разной психологической дистанции – и отстраненной, и близкой. Общение – это процесс формирования, развития и проявления системы взаимоотношений, которые складываются между группами людей и отдельными индивидами. Процесс коммуникации позволяет реализовать разного рода отношения, которые порождают определенные связи» [2, с. 230]. Отсюда, мы можем сделать вывод, что на формирование элитарности личности большое оказывает влияние формирование конвенционального уровня общения, которые и будут отражать элиту личности. Поэтому, в процессе обучения необходимо большое значение уделять формированию коммуникативной компетентности будущего специалиста.

Новизной Современного научно-дисциплинарного проекта «Поточное изучение психологии для студентов педагогических специальностей» является то, что впервые в образовательном процессе АГУ используются: теория объектных отношений, когнитивные инструменты, методы PCDA, приемы активизации мыслительной деятельности по формированию профессиональных компетенций у конкурентноспособных кадров в области педагогического образования.

Программа проекта способствует формированию у студентов практической направленности при решении профессиональных задач, овладению когнитивными инструментами интеллектуальной деятельности (мышления, памяти, восприятия, представления, внимания), умению работать в диверсифицированных командах, проявлять активность, инициативность, самостоятельность, взаимодействовать в командных группах в процессе обучения, развивать творческие способности, проектировать индивидуальные образовательные маршруты.

Структура учебного занятия представляет интеграцию различных видов деятельности: теоретической, практической и проектной работы, визуализация результатов образовательного процесса, ротация лидерства в командах, эффективное использование учебного пространства (аудиторная мобильность). В процессе обучения студентов вуза используются следующие уникальные, инновационные технологии как синквейн; рефлексивная технология; интеллект-карты; свободного письма; проблемный диалог; мозговой штурм, кейс – метод, психологический тезаурус, интеллектуальные игры и др.

В процессе изучения дисциплины студенты решают различные ситуативные психологические задачи, совместно, работая в командах, находят конструктивные выходы из проблемных ситуаций, выбирают лидеров, изучают основные психологические понятия, правила делового общения, различные способы убеждения, механизмы, которые мешают правильно воспринимать и оценивать других людей, конфликты, познают кодекс делового общения и многое другое, таким образом, познают других людей, и находят способы взаимопонимания друг с другом.

Применение инновационных технологий в современной студенческой среде позволяет им научиться публично, выступать перед большой аудиторией, правильно готовить презентацию, формулировать свои мысли и рассуждения через письмо. А созданная социальная страничка явилась формой «обратной связи», позволяющая студентам быть постоянно включенными в процесс совместной деятельности. Для личностного самосовершенствования на странице предложены литература и фильмы, позволяющие провести психологический анализ изучаемых явлений, а также представлена критериальная база достижений, что дает возможность каждому студенту оценить себя и предпринять стратегические шаги по изменению ситуации в успешном освоении дисциплины.

Применение инновационных технологий в образовательном процессе позволили повысить интерес у студентов к процессу обучения, активному восприятию учебного материала, формировать информационную грамотность, развитию способности к самостоятельной аналитической и оценочной работе с информацией любой сложности, формированию коммуникативных навыков и ответственности за знание.

При обучении студентов данная программа проекта показала, что инновационные технологии усваиваются значительно лучше, так как направлены не на запоминание, а на вдумчивый творческий процесс познания мира, на постановку проблемы (критическое мышление), развитие коммуникативной компетентности, что способствуют формированию в целом элитарности в современной студенческой среде!

Список литературы

1. Зиналиева Н. К. Современная Российская элита (проблемы и решения) // Деловое общение как одно из условий формирования элитарности личности. Москва – Астрахань, 2009. С. 92–94.
2. Карабущенко Н. Б. Психологическая дистанция (в дихотомии «элита – масса»). М.: Прометей, 2002. С. 230.

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ И ПРОБЛЕМЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Амирханян Анаит Михайловна,

кандидат филологических наук, доцент,

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, г. Ереван (Армения)

Лебедева Ирэна Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент,

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Слюсарев Владимир Николаевич,

студент, Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

В современном, быстро меняющемся мире каждому приходится оперативно реагировать на новые требования, предъявляемые социумом к каждому. Это происходит во всех сферах жизнедеятельности человека и касается как отдельных личностей, социальных групп и организаций. Университеты также не являются исключением. Современные университеты должны сегодня соответствовать ряду особенных требований для того чтобы получать возможность на дополнительное финансирование от государства для развития и роста, такое обычно бывает возможно, когда вуз приобретает статус инновационного [1]. Те вузы, которые не получают дополнительного финансирования от государства в надлежащем объеме, вынуждены искать источники финансирования в различных фондах и организациях. Одним из самых распространенных видов способов финансирования научной деятельности на сегодняшний день стала поддержка исследований через систему грантов, иначе говоря, целевых финансовых дотаций, предоставляемых коллективам ученых для проведения научных исследований [2]. Отбор финансируемых проектов осуществляется на основе конкурса. Такая деятельность, связанная с привлечением дополнительных источников финансирования вузовской науки, в частности, за счет грантов, называется сегодня фандрайзинг [3].

В странах Европы и в Америке такой способ поиска дополнительного финансирования уже давно стал привычным. Фандрайзинг позволяет также контролировать качество и эффективность работы коллектива ученых, получивших финансирование от фонда.

Система финансирования научной деятельности при помощи грантов является, возможно, одним из немногих возможных и эффективных способов поддержания и развития науки в российских вузах. Гранты финансируют не только научную деятельность отдельных ученых или коллективов ученых, но также поддерживают академическую мобильность молодых специалистов: студентов, аспирантов или молодых ученых. Именно благодаря грантам российские студенты и выпускники вузов сегодня проходят стажировки в лучших вузах мира и на ведущих промышленных предприятиях, что повышает престиж научной деятельности в кругах молодежи и дает возможность повысить свой статус на рынке труда.

Исследование Л.И. Леденевой, специалиста по миграции, показывает, что «в качестве источника финансирования обучения российских студентов за рубежом наиболее часто выступает полная университетская стипендия – 31 % (то есть грант). Распространены также частичная университетская стипендия, дополняемая ставкой ассистента на кафедре (20 %) и грант на обучение от какого-либо фонда или спонсорской организации (18 %). Оплата учебы своими собственными средствами в целом наблюдалась лишь в каждом шестом случае (15 %). Что касается доли учебных поездок в рамках обмена между российскими и зарубежными университетами, то, к сожалению, она мини-

маленькая (менее 5 %) [9]. Вышесказанное позволяет предположить, что гранты и стипендии, предназначенные для академической мобильности молодежи играют значительную роль в принятии решения об обучении или стажировке за рубежом для российской молодежи, а следовательно являются существенными факторами, повышающими академическую мобильность среди российских студентов и молодых ученых [10].

Мысль о том, что получение гранты – есть процесс конкурсного отбора, делает этот результат работы при поддержке гранта максимально эффективным. Поскольку грантополучатель отчитывается перед грантодателем за проделанный объем работ, мы можем утверждать, что работа по гранту всегда выполняется на высоком уровне, иначе грантодатель может прекратить финансирование проекта.

Сегодня в нашей стране разрабатываются различные аналитические ведомственные и федеральные целевые программы, которые направлены на стимулирование активности ученых в сфере научной деятельности, государством поддерживаются частные и государственные фонды и благотворительные организации, поддерживает развитие грантовых программ и принимает участие в проведении разного рода конкурсов научных исследований и разработок. Довольно длительное время существует система поддержки молодых ученых, докторов и кандидатов наук и ведущих научных школ (гранты Президента РФ), работают Российский гуманитарный научный фонд и Российский фонд фундаментальных исследований, которые оказывают финансовую поддержку отдельным ученым и научно-исследовательским коллективам в реализации научных проектов, организации научных мероприятий, стажировок, полевых исследований на конкурсной основе. Сегодня в нашей стране есть много организаций, выдающих гранты, основная задача которых – повышение эффективности научных исследований, повышение конкурентоспособности отечественных исследований на мировом уровне.

Однако контент-анализ переписки потенциальных грантоискателей на форумах, а также включенное наблюдение показали, что сегодня многие ученые и молодые специалисты ставят под сомнение возможность получения грантов. Есть мнение, что большинство отечественных фондов, как правило, финансируются зарубежными фондами и соответственно, поддерживают их интересы, или они предназначены для узкого круга людей, либо, эти фонды выделяют незначительные средства и требуют серьезной отчетности, что по мнению респондентов является крайне неэффективным и многие ученые просто не видят смысла участвовать в конкурсах на соискание грантов именно по этой причине.

Наряду с сомнениями относительно объективности грантодающих организаций при конкурсном отборе, студенты и молодые ученые также высказывают свои страхи по поводу своих слабых знаний английского или другого иностранного языка (если речь идет о зарубежных фондах), отсутствие поддержки со стороны научного сообщества (в случае, когда нужны рекомендательные письма от старших коллег или от ведущих организаций), контактов и партнерских соглашений (в случае, когда необходимо приглашительное или рекомендательное письмо от зарубежного вуза или организации-партнера). Большинство из опрошенных авторами студентов вузов (опрос проводился среди студентов и аспирантов старших курсов на протяжении трех лет в вузах г. Астрахани) среди трудностей, препятствующих получению грантов, называют также отсутствие полной, исчерпывающей информации о возможностях получения грантов (87 % опрошенных), страх перед началом нового дела, поездкой в другую страну (76 %), отсутствие навыков по составлению отчетной документации и страх предстоящего отчета по завершении проекта (63 %) [9].

Привлечение дополнительных источников финансирования вузовской наукой уже давно типично для многих стран. И.В. Ишина в работе «Управление внебюджетными ресурсами высших учебных заведений» приводит данные о доле внебюджетных источников образовательных организаций некоторых стран: в США объем внебюджетных средств составляет 52 %; в Великобритании – 38 %; в Канаде – 39 %; в Японии – 57 %. По словам автора, одним из факторов, способствующих быстрому росту объемов внебюджетной деятельности, является развитие вузовской научной, опытно-конструкторской и проектной деятельности, способствующей превращению вузов в составную, нередко центральную часть технопарков и технополисов, в которых осуществляется эффективная взаимосвязь процесса обучения, науки, экспериментального производства и коммерческого освоения результатов научной деятельности [7].

Фандрайзинг, о котором уже упоминалось выше, – достаточно новое понятие для российской науки, однако оно хорошо известно европейским и американским ученым, а также специалистам по проектному менеджменту. Данный термин, образованный от английских fund (денежные средства, активы, финансирование) и raise (приумножение, сбор), можно перевести как «привлечение средств», «поиск активов». В широком смысле под фандрайзингом можно понимать процесс поиска и привлечения ресурсов под различные цели.

Распространение технологий фандрайзинга, прежде всего в западных странах, имело свои причины. Так, например, в Америке бюджетным организациям уже давно не приходится рассчитывать преимущественно на государственные источники финансирования, так как с начала 80-х годов наблюдалось резкое сокращение материальной помощи федерального центра некоммерческому сектору [4].

Говоря о стратегии фандрайзинга в данной статье работе, мы имеем в виду работу по привлечению финансов с целью осуществления научных исследований и разработок.

Эффективнее всего для российского молодого специалиста (здесь мы имеем в виду студентов старших курсов и выпускников вузов) начать деятельность по фандрайзингу с работы в рамках отечественных фондов, однако нельзя рассчитывать на быструю материальную отдачу. Здесь необходимо иметь опыт и определенные навыки, владеть информацией о фонде, его принципах работы и миссии, обладать навыками подготовки проектной заявки, что является обязательными условиями успешного фандрайзинга.

В существующей системе фандрайзинга имеются свои технологии, принципы и методики. Изучив пособия по фандрайзингу, переняв опыт коллег из других организаций, адаптировав полученную информацию к условиям и принципам работы конкретной организации, возможно выработать такую технологию фандрайзинга, которая наиболее подходила бы к научной деятельности данной организации.

Говоря обычно о фандрайзинговой деятельности, мы чаще всего имеем в виду работу над коллективными проектами. Однако следует учитывать разнообразие разного рода грантов и образовательных программ. Среди них особо стоит отметить индивидуальные гранты, которые отличаются от тех, которые выдаются организациям и коллективам ученых. Остановимся более подробно на индивидуальных грантах и программах, предназначенных для финансирования небольших проектов, реализуемых в ведущих российских или зарубежных организациях, т.е. грантах, поддерживающих академическую мобильность молодых ученых [9].

Академические программы предполагают обучение в каком-либо учебном заведении в течение определенного срока. Они могут быть долгосрочными: от 1 до 3 лет – и краткосрочными: от нескольких недель до нескольких месяцев. Академические программы могут проводиться на территории России или за рубежом. Финансирование может покрывать расходы на проживание, питание, дорогу, или, возможно, соискателю придется оплачивать часть этих расходов самостоятельно. К таким программам относятся стипендиальные программы на стажировки во Франции, Великобритании, Германии, Японии, Болгарии и многих других странах, специальные программы командирования в зарубежные страны Министерства образования и науки РФ, а также магистерские и постдокторские программы.

Гранты на участие в конференциях, летних школах и студенческих конгрессах можно считать одним из подвигов академических программ. Такие краткосрочные программы достаточно популярны среди студентов. Гранты или финансовая помощь могут выдаваться либо всем участникам, либо только участникам из развивающихся стран. Как правило, такие источники финансирования покрывают участие в конференции, питание и проживание.

Гранты на проведение исследований обычно предоставляются на небольшой срок (несколько месяцев). Предполагают общение с коллегами из других регионов, работу в библиотеках, доступ к ресурсам университетов. Обычно выдаются аспирантам и докторантам, уже работающим над каким-либо исследованием и способным доказать необходимость научной работы за границей или в других регионах своей страны. Предоставляются частными и государственными фондами, такими, как, например, Германской службой академических обменов, Фондом Герды Хенкель, программами Фулбрайта, Посольства Франции, стипендиальной программой Чивнинг, программой международного студенческого обмена (Global UGRAD) и т.д.

В случае получения гранта на поездку соискатель, как правило, уже при подаче заявки имеет на руках приглашение на конференцию, семинар, или стажировку в зарубежном вузе, и ему остается только покрыть транспортные расходы (некоторые грантодатели берут транспортные расходы на себя).

Гранты на индивидуальную мобильность часто имеют возрастные ограничения до 30–35 лет и призваны поддерживать именно молодых ученых, которые ведут поиск не только в сфере своих научных исследований, но также ищут возможные варианты развития своего карьерного пути. Академическая мобильность позволяет студентам и молодым ученым пройти стажировку или практику не только в научных центрах, но и в других организациях. Это позволяет молодым людям из разных стран познакомиться друг с другом, приобрести опыт работы в международной команде, освоить новые методы работы, обменяться опытом с коллегами из других стран. Все это несомненно поможет реализации намеченных планов, будет способствовать карьерному росту и получению высокооплачиваемой работы.

Российские ученые обладают большим научным потенциалом, который часто не всегда находит свое воплощение в денежном эквиваленте. Ученые, привыкшие заниматься научной деятельностью, не всегда знают о возможностях выхода разработанной научно-технической продукции на рынок, финансирования научных исследований, что часто снижает уровень исследований и стимул к их проведению. Впрочем, даже если ученый владеет информацией о подобных возможностях, он просто не в состоянии качественно составить заявку на получение финансирования. Причиной тому служат существенные различия между научной деятельностью и процессом подготовки проектного предложения, и, если методы научного исследования доступны любому ученому, то азы проектного менеджмента и фандрайзинга известны не всем.

Построение системы фандрайзинга в вузе способно послужить импульсом для успешного инновационного развития, однако это ставит новые масштабные задачи перед образовательным учреждением [5].

Как показывает опыт, проблема недостаточной информированности о фандрайзинге и возможностях академической мобильности в отечественных вузах решается не на совсем должном уровне, чаще всего это выражается в форме издания методических рекомендаций, учебников, буклетов. Многие зарубежные книги по данной проблематике переводятся на русский язык, на многочисленных сайтах собрана информация о фандрайзинге, активно работают форумы и чаты. Кроме того, отдельные организации, имеющие опыт в данном виде деятельности, проводят обучающие семинары и тренинги, на которых даются основы проектного менеджмента и фандрайзинга.

Повышение уровня знаний о технологиях фандрайзинга и процессах проектного менеджмента позволит молодым специалистам повысить эффективность научных исследований и разработок (и свою конкурентоспособность), а также находить финансирование для реализации проектов. Это в итоге станет движущим фактором инновационного развития высшей школы, повышения качества научных исследований и разработок, а также увеличения интереса ученых и молодых специалистов к научно-исследовательской деятельности.

Список литературы

1. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. М.: МОСУ и МГИМО (У) МИД РФ, 1998.
2. Ашин Г. К., Карабущенко П. Л. Олигархические и меритократические тенденции в оценке современного элитарного образования // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. 2011. Т. 7–8. С. 9–16.
3. Бичарова М. М. Грантовая система в России: болевые точки и пути развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 264–271.
4. Бичарова М. М., Брумштейн Ю. М. Анализ роли грантов в инновационном развитии вузов // ИННОВАТИКА – 2008. Ульяновск: УлГУ, 2008. С. 17–18.
5. Дегтерев Д. А., Стельмах А. В. Эндаумент-фонды в образовательном фандрайзинге: мировой опыт и Россия // Стенограмма круглого стола ИМЭМО РАН и Института развития гражданского общества и местного самоуправления. Режим доступа: <http://www.c-society.ru/main.php?ID=351491&ar2=300&ar3=300>.
6. Здравомыслов А. Г. Потребность. Интересы. Ценности. М.: Мысль, 1986.
7. Ишина И. В. Управление внебюджетными ресурсами высших учебных заведений // Университетское управление. 2000. № 4 (15). С. 10–18.
8. Костюкова О. А., Бичарова М. М. Основы управления проектами в исследовательской и образовательной деятельности школы // Организация исследовательской деятельности в образовательных учреждениях / под ред. Н. В. Амосовой, Б. Б. Коваленко. Астрахань, 2008. С. 192–197.
9. Лебедева И. В. Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. Москва, 2017.
10. Леденева Л. Не потеряет ли Россия своих Платонов и Невтонов? Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2002/055/tema03.php>.
11. Сергеев В. Система финансирования науки и проблема креативности // Компьютерра. 2002. № 16.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ

Акимова Ольга Владимировна,

*инженер центра китайского языка и культуры,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В последнее время укрепляются отношения России с Китайской народной республикой, что не может вызвать большой интерес с нашей стороны к китайскому языку. По мере интеграции глобальной экономики и связей в разных сферах общественной жизни, безусловно, возникает и потребность в общении между нашими странами. Сложившаяся ситуация требует подготовки высококвалифицированных специалистов, как в области педагогики, так и в области лингвистики. Раньше, конечной целью всего обучения иностранным языкам являлось умение коммуницировать на изучаемом языке. Однако из-за того, что существуют разнообразные различия в политике, экономике, страноведении, культуре и др. между Россией и Китаем, может возникнуть недоразумение, а то и непонимание некоторых культурных особенностей или феноменов. Высшее образование берет на себя выпуск студентов, которые, несомненно, являются надеждой нашей страны. Поэтому крайне важно сформировать у студентов не только способность вести общение на китайском языке, но и способность вести межкультурную коммуникацию.

Под межкультурной компетенцией понимается способность человека существовать в поликультурном обществе, достигать успешного понимания представителей других культур и представителей своей культуры. Межкультурная компетенция предполагает умения адекватно понимать и интерпретировать лингвокультурные факты, основываясь на сформированных ценностных ориентирах и оценках своей и чужой культуры [1].

Основной идеей межкультурного подхода в образовании является «подготовка обучаемых к эффективному осуществлению межкультурной коммуникации в процессе изучения языка» [3, с. 12]. Этот подход «определяет изучение иностранного языка как столкновение с «чужим», связанное с изменением когнитивных схем, актуализацией этнических стереотипов и эмоциональным напряжением» [3, с. 32].

При обучении китайскому языку мы, прежде всего, начинаем обучение студентов языковым навыкам и умениям. Умение говорить и понимать на изучаемом языке – это первый шаг к успешной межкультурной коммуникации. На первом этапе обучения китайскому языку большое внимание уделяют фонетике, в том числе правильному произношению звуков, тоновому, смысловому и интонационному ударению, чтобы правильно и точно произносить каждое слово и предложение.

Овладение китайской фонетикой представляет наибольшие трудности. Первое, с чем сталкиваются студенты это различие и отсутствие некоторых звуков китайского языка в русском. Некоторые согласные китайского языка придыхательные (р, т, к), которые на первых порах обучающие произносят со спецификой русского произношения. Так же нет в русском языке звуков, обозначающихся как j, q и г. По месту образования эти звуки очень похожи, что вызывает у студентов трудности не только в произнесении, но и в различии этих звуков в составе слов. Среди гласных особую трудность представляет собой с открытой финалью ü. Однако у студентов, у которых родной язык является ближневосточный, или у студентов, ранее изучавших немецкий или французский язык, таких проблем, как пра-

вило, не бывает. У некоторых учащихся возникают трудности с различением переднеязычных и заднеязычных сонантов (п и пг соответственно) [4, с. 27]. Кроме того, сочетание звуков пг часто произносится студентами неправильно, вместо положенного звука п.

Другой, основной проблемой являются четыре тона. Каждое слово в китайском языке произносится определенным тоном. Если говорящий произнесет слово не соответствующим тоном, то изменится весь смысл высказывания, и оно может быть непонятно слушателю. На начальном этапе сложным для овладения являются тона как таковые, а на дальнейших ступенях – их четкое соблюдение.

Как показывает практика, самыми сложными для студентов являются различие 2 и 3 тона. На первой стадии студенты часто путают между собой эти 2 тона, произнося 2 тон как 3, а в дальнейшем, при овладении остальными тонами, часто допускают ошибки во 2, не доводя его до должной высоты. В качестве примера можно привести омонимы 问(wen4) спрашивать, 闻(wen2) слушать и 吻(wen3) целовать. Если мы произнесем фразу «请问» неверным тоном, третьим вместо второго, собеседник может нас неправильно понять и услышать «позвольте поцеловать», а не «позвольте спросить».

Восприятие текста на слух и его понимание является одним из наиболее трудных навыков при изучении иностранного языка. Данный вид работы требует большой осознанной самостоятельной работы и постоянной тренировки. Созданию нормативного произношения и пониманию высказываний на слух, способствуют постоянные упражнения в аудировании, и скороговорки, направленные на преодоление разных фонетических трудностей.

Что касается изучения лексики и грамматики, здесь студентам стоит пополнять словарный запас как можно большим количеством слов и выражений. Немаловажным считается знание специфических поговорок и пословиц – ченьюй, содержащих в себе особенности менталитета и культуры китайского народа, владение которыми, дает больше шансов на успешную коммуникацию с носителями языка и культуры.

Поскольку китайский язык принадлежит к группе изолирующих языков, его грамматика представляется и легкой и сложной одновременно. Китайский язык – язык с неразвитой морфологией, поэтому мы не увидим здесь привычных русскому склонений, спряжений и т.д. По этой причине первостепенное, важное, значение имеет четкий, последовательный, порядок слов в предложении. Иногда, при изучении иностранного языка характерно явление языковой интерференции, и зачастую, студенты переводят предложения так, как бы они построили фразу с точки зрения синтаксического строя русского языка. Поэтому очень важно сразу обратить на это внимание студентов, чтобы в дальнейшем пресечь ошибки неправильной расстановки членов предложения. Необходимо как можно больше упражняться в построении различных моделей предложения, обращая внимания на те, или иные особенности, например, как постановка предлогов в предложении, употребление служебных частиц.

Четкого объяснения требует и лексика китайского языка, имеющая свой набор особенностей, как безэквивалентность некоторых слов, дефиниции семейного родства (четкое деление родственников по линии отца и матери), употребление определенной лексики в зависимости от контекста: 胖人 – толстый человек, 厚纸 – толстая бумага, 粗脖子 – толстая шея, 大型杂志 – толстый журнал.

Закреплению грамматических, лексических и фонематических навыков хорошо помогают диктанты на уровне целых текстов. Подобные диктанты, во-первых, рассчитаны на закрепление пройденного материала, а во-вторых, понимаю и различению текста на слух, так как тоновый язык затрудняет понимание целостной фразы, так как совершенно разные слова могут иметь сходное произношение и тон.

При формировании межкультурной компетенции одним из важных является принцип сочетания преподавания языка и культуры. В отличие от западных, фонографических языков, китайский является идеографическим, он делает акцент на понимании и использовании [5, с. 9]. Иероглиф одновременно заключает в себя форму, значение и чтение. Объясняя структуру одного иероглифа, важно выделять в нем минимальные семантические единицы – графемы, указывая его происхождение, значение, напрямую связанные с духом китайской многотысячелетней культуры. Приведем иероглиф «人» в качестве примера: откидные черты влево и вправо поддерживают друг друга и стоят – «человек». Эти две черты символизируют две ноги человека, и без хотя бы одной ноги мы не сможем твердо стоять. Можно сказать, что человек отличается от других животных стоящей позой, поэтому будучи человеком, надо вести себя как Человек с большой буквы.

Китайский язык имеет способность – отражать в себе различную культурную информацию. Некоторые УМК по китайскому языку содержат в себе лингвострановедческий комментарий. При этом многие тексты уже написаны с учетом китайских реалий, которые обязательно нужно пояснить обучающимся. К культурным феноменам относятся термины «пекинская опера», «европейское и китайское лекарства», «прижигание» и т.д. Необходимо органично соединять знания по языку и культуре для того, чтобы студенты могли понять менталитет китайского народа и безошибочно строить коммуникативные высказывания лингвокультурного содержания. Например, слово «粽子» (своеобразные пирожки из клейкого риса с начинкой в бамбуковых листьях) без понятия о празднике Дуанью, о патриот-поэте Чуюань, невозможно полностью студентам объяснить это слово.

Таким образом, изучая иностранный язык, студент должен не только усвоить его лексические, грамматические и синтаксические особенности, но и научиться адекватно ситуации реагировать на реплики носителей языка, ис-

пользовать формулы речевого этикета и знать культурно-исторические особенности страны изучаемого языка, поскольку целью формирования межкультурной компетенции является достижение такого качества языковой личности, которое позволит ей выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности» [2, с. 236].

Важно знать национально-культурные особенности поведения китайцев, этикетно-речевые нормы и правила общения, чтобы избежать возможных конфликтов при межнациональном общении.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
2. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб : КАРО, 2005.
3. Филиппова Н. Ф. Методика обучения национально-маркированной лексики на основе межкультурного подхода в языковом вузе (на материале художественной литературы Германии). Улан-Удэ, 2002.
4. 罗薇. 针对俄罗斯人的汉语语音训练技巧//中俄对照版2015年第4期.
5. 徐滢. 对外汉语教学模式探析//中俄对照版 2015年第3期.

ИНВЕСТИЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС МИГРАНТОВ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ¹

Лебедева Ирэна Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент,

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Амирханян Михаил Давидович,

доктор филологических наук, профессор,

Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна, г. Ереван (Армения)

Слюсарев Андрей Николаевич,

студент, Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Сегодня мы уже не можем представить себе европейское пространство без беженцев, они стали неотъемлемой частью общества и государство тратит большие деньги на их интеграцию в надежде на получение дивидендов в будущем. Так, например, Германия испытывает острую нехватку квалифицированных специалистов и надеется, что мигранты и их дети в последствии смогут восполнить этот дефицит человеческих ресурсов. Инвестируя большие суммы денег в мигрантов сегодня, немецкое правительство считает, что инвестирует в будущее страны.

Инвестиции в образовательный процесс мигрантов понадобятся значительные, учитывая, что новая волна мигрантов обладает крайне низким уровнем образования даже у себя на родине. Согласно результатам статистических данных, 22 % беженцев не закончили школу, а среди сирийских беженцев 14,5 % безграмотных, а то время как среди беженцев из Афганистана безграмотных 68 % [5, с. 29].

Инвестиции начинаются с самого раннего этапа развития личности – с детского сада. Так, например, во многих детских садах Германии сегодня принято отдавать предпочтение детям из семей мигрантов, поскольку детские учреждения получают дополнительное финансирование от государства, в случае если они принимают более 22 % иностранных детей. «Все это звучит враждебно по отношению к немцам и культура гостеприимства действует только по отношению к иностранцам» [6, с. 31].

Культура гостеприимства – это еще один, совершенно новый для европейского общества термин, который пришел в жизнь европейцев вместе с появлением мигрантов. Согласно идее культурного гостеприимства, принимающее сообщество должно организовать жизнь мигрантов таким образом, чтобы они ощущали себя максимально комфортно и могли как можно быстрее адаптироваться в новом обществе. В рамках культуры гостеприимства государство тратит большие средства, как на образовательный процесс мигрантов, так и на культурные мероприятия. Под образовательным процессом подразумеваются не только курсы немецкого языка, которые должны посещать все беженцы, поскольку без знания немецкого языка они не смогут найти работу, жить полноценной жизнью в немецком обществе и получать образование по профессии в дальнейшем.

Сегодня культура гостеприимства стала своеобразной идеологией, профессией и даже учебным предметом в школе. Коренные жители Германии считают, что культура гостеприимства обладает некой степенью враждебности по отношению к местному населению, поскольку сегодня на беженцев государство тратит больше средств, чем на слабо защищенные слои населения Германии. Таким образом, сами граждане оказываются обделенными, а для приезжих выделяется все самое лучшее. Так, например немецкий журналист Удо Ульфкотте говорит о том, что «для малоимущих немецких граждан есть ограничения на получение социальной помощи, в то время как на мигрантов тратится гораздо больше средств: их размещают в дорогих квартирах, в отелях, государство закрывает детские сады и дома престарелых, для того чтобы в этих зданиях открыть общежития для беженцев» [5, с. 95].

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ 15-33-11172 «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

Многие граждане Германии сегодня обеспокоены ситуацией, сложившейся вокруг мигрантов в стране, а также спецификой их взаимодействия с местным населением. Среди них стоит упомянуть Сейран Атеш, широко известного в Германии адвоката, правозащитника турецких женщин, критика ислама и параллельных обществ в Германии, борца за права женщин. О значимости ее деятельности можно судить по бесчисленному количеству премий и наград, лауреатом которых она ежегодно становится на протяжении последних десятилетий. В 2005 г. «Союз немецких граждан» признал ее женщиной года. Сейран Атеш турецкого происхождения, родилась в Стамбуле в 1969 г., приехала в Германию будучи ребенком вместе со своими родителями-гастарбайтерами. В своей книге «Заблуждения мультикультурализма» автор обращается к проблемам турецких мигрантов в современной Германии и анализирует их истоки. Одной из причин слабой интеграции турецкого населения в Германии автор видит в низком уровне образования и слабом знании немецкого языка. Проблемы политики мультикультурализма Сейран Атеш рассматривает на примере турецкого населения Германии, поскольку в силу своего происхождения и профессиональной деятельности может многое рассказать о том, что не понятно и не заметно коренным немцам.

Идея мультикультурализма призывает к восприятию сограждан иностранного происхождения собственно как немцев, в связи с чем в Германии принято называть их «немцы турецкого происхождения». При получении немецкого гражданства и паспорта они автоматически становятся немцами. Именно этот факт является причиной множества разногласий между мигрантами и коренным населением. Согласно данным Германского Федерального статистического ведомства, в 2010 г. более 15 млн человек, проживающих в сегодняшней Германии, имели «миграционное прошлое», это составляло 18,4 % от общего населения [2].

Очевидно, что немецкие граждане с «миграционным прошлым» и коренные немцы имеют заметные отличия и в случае корректного и уважительного поведения со стороны носителей иной культуры, мы могли бы утверждать, что именно в этом различии и заключается прелесть культурного многообразия современной Европы. Однако, у каждой стороны есть свой взгляд на сложившуюся ситуацию. Немцы ожидали от мигрантов, в том числе и от турецких, готовности к интеграции и уважительного отношения к своим жизненным устоям и культуре. Турки, в свою очередь, упрекают сегодня немцев в том, что они изначально дистанцировались от гастарбайтеров, приехавших в Германию в середине двадцатого столетия, считая их «чужими», тем самым препятствовали познанию немецкой культуры и языка. Эту ситуацию подробно описывает Сейран Атеш в главе под названием «Поколение без интеграции». Она утверждает, что сегодняшние упреки в адрес гастарбайтеров по поводу не состоявшейся интеграции и неспособности выучить язык принимающего сообщества абсолютно несправедливы, поскольку «немецкая сторона также не приложила никаких усилий для интеграции гастарбайтеров... их ориентировали только на работу» [3, с. 28]. Всем известно, что первоначально жители Турции приглашались в Германию в 1964 г. в качестве гастарбайтеров и их рабочий контракт длился всего лишь 2 года, в дальнейшем турецкие рабочие должны были заменяться другими людьми давая возможность прежним работникам вернуться домой, поскольку длительное проживание в чужом обществе могло привести к утрате культурной идентичности.

Сейран Атеш утверждает, что с ее родителями немцы говорили исключительно на так называемом «Тарзандойч» (Tarzandeutsch), предельно упрощенном и безграмотном языке в инфинитивных формах. Самой распространенной фразой, которую слышали турецкие гастарбайтеры от немцев, звучала следующим образом: « Ты делать твоя работа, затем ты получать твои деньги» (по-немецки "Du machen deine Arbeit, dann du bekommen dein Geld") [3, с. 28].

Неудачи в интеграции турецких гастарбайтеров обусловлены тем, что первому поколению мигрантов никто не разъяснил, что их мечта вернуться домой после напряженной работы в Германии с мешком денег нереальна. Никто не подготовил их к тому, что им надо будет работать в Германии многие годы, а может быть и всю жизнь. В этом заключается главное отличие турок, приехавших в Германию временно на заработки и мигрантов, уехавших в Канаду и США. Мигранты, выбравшие свой путь осознанно, настроены на длительное пребывание в новой стране и получив гражданство, гордятся им [2]. Как утверждает Сейран Атеш, второе поколение турецких мигрантов более гетерогенно, а степень интеграции детей мигрантов первого поколения во многом зависела от того, когда они прибыли в Германию. Более старшие дети интегрировались хуже и это зависело не от их нежелания интегрироваться, а в большей мере от того, что школьная система того времени не была подготовлена к таким процессам в обществе и не предусматривала никаких мер по интеграции детей мигрантов и оказанию им какой-либо поддержки. Сегодня, для третьего поколения мигрантов уже многое изменилось и у них намного больше шансов на успешное окончание школы и достойную самореализацию в жизни и на рынке труда. Система школьного образования Германии в семидесятые годы двадцатого века не предполагала обучение немецких детей и детей мигрантов совместно. Для турецких детей были сформированы специальные классы, что и явилось причиной низкого уровня интеграции впоследствии. Обучаться в классе с немецкими детьми было делом случая, именно так повезло Сейран Атеш и именно в этом она видит причину успешности своей карьеры в Германии.

Помня о проблемах интеграции турецких мигрантов первого поколения, Германия прикладывает усилия по устранению ошибок прошлого. Политика мультикультурализма с ее многочисленными мерами по интеграции, языковыми курсами для мигрантов и беженцев и культурой гостеприимства призвана сегодня решить проблемы, связанные с притоком мигрантов в немецкое сообщество.

Обсуждение такого рода проблем достигло своего апогея в 2010 г. после выхода в свет книги Тило Саррацина «Германия самоуничтожается», в которой автор описывает проблемы немецкого социума, связанные с чрезмерным

количеством немецких граждан с миграционным прошлым. Он также предсказывал исламизацию Европы и те процессы, которые мы сегодня наблюдаем в немецком обществе [4].

Зная о социальных последствиях, которые ожидают страну из-за бесконечного потока мигрантов, федеральное агентство по миграции и беженцам в Германии, сняло фильм, представляющий собой официальное руководство по правильному оформлению заявки на статус беженца. «Фильм на немецком языке с субтитрами на арабском, албанском, дари, пушту, русском, сербском, английском, французском мотивирует людей и более бедных регионов ехать в Германию и просить убежище и дает подробные рекомендации. Согласно той информации, которая представлена в фильме, беженцам даже не нужно знать немецкий язык. Ведь им везде предоставляются бесплатные переводчики». В случае если заявление на предоставление убежища будет отклонено, беженцам рекомендуется подавать в суд и добиваться получения своего статуса.

Значительное количество мигрантов в странах Европы и расходы на их содержание ведут к обострению социальной ситуации в принимающих обществах. Слишком массированный и почти неконтролируемый приток самых мигрантов становится проблемой, которая из экономической превращается в социальную и начинает приобретать угрожающий облик. Несмотря на экономические выгоды в дальней перспективе, потери для стран Европы неизбежны. Очевидно, что Европа не готова к такому наплыву людей, даже если она в них нуждается и имеет разработанные программы интеграции. Чрезмерно высокая массовость и мобильность миграционных потоков воспринимается как угроза безопасности, отчасти таковой и являясь. Европейская идентичность, традиции, ценности находятся сегодня под угрозой [1].

Список литературы

1. Григорьев А. В., Фролова Ю. С., Лебедева И. В. Новые человеческие ресурсы старого света: путь к процветанию или конец Европы? // Социокультурные проблемы современного российского общества. Астрахань, 2016. С. 5–9.
2. Лебедева И. В., Лебедева Л. К. Между двух культур культур (рецензия на книгу Неклы Келек «Хаос культур. Дебаты вокруг ислама и интеграции») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2.
3. Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können. Ullstein, 2010.
4. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Verlag:DVA, 2010.
5. Udo Ulfkotte Die Asylindustrie... Wie Politiker, Journalisten und Sozialverbände von der Flüchtlingswelle profitieren. Kopp Verlag. 272 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПОРТФОЛИО ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛИТ И ЛИДЕРОВ УНИВЕРСИТЕТА¹

Шиняева Таисия Сергеевна,

аспирант, Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Одна из миссий современного университета направлена на развитие выпускников, которые хорошо подготовлены к ответственному лидерству в избранных областях, сообществах, профессиональной сфере. Университеты поощряют развитие разнообразных общественных объединений, главными задачами которых являются выявление и поддержка активных студентов, повышение престижа научной, общественной, творческой, спортивной деятельности обучающихся, освещение деятельности объединений на уровне вуза, города, области. При этом важнейшей задачей руководства является сближение формальных лидеров и структур, имеющих влияние в силу своего статуса или должности, и неформальных объединений студентов и лидеров, обладающих более высоким авторитетом, интеллектом, талантом, способностями. Препятствием для этого является отсутствие правильной, полной, достоверной информации в нужное время в нужном формате.

Идея создания единого информационного пространства, отражающего деятельность студентов, их достижения и уровень квалификации, не нова. К основным преимуществам, которые могут быть получены при использовании электронных портфолио, можно отнести следующие [3]:

- поддержка согласованного управления данными о прогрессе и достижениях учащихся, возможность их реструктуризации и использования для разных целей, например, для конкурентного отбора представителей студенческих сообществ, построения сводных отчетов организации, мотивированного поощрения за достижения в той или иной области, определения активных в той или иной области студентов для привлечения к реальной работе по проектам ведущих научных сотрудников университета;
- электронное портфолио может быть использовано для поддержки планирования личного и непрерывного профессионального развития студента. Комплексная информация, содержащаяся в портфолио учащегося, дает материал для размышлений и самооценки, планирования действий, постановки целей и выявления личных сильных и слабых сторон;

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, проект «Разработка информационно-аналитической системы Студенческое портфолио», договор №7118ГУ/2015 от 03.08.2015 г.

- достижения учащихся могут быть представлены различными способами в зависимости от заинтересованного лица: студенты, преподаватели, родители, потенциальные работодатели, образовательные учреждения. Например, образовательной организации будут интересны сводные данные (количество или список научных публикаций студентов за определённый период), а для работодателя гораздо более богатую картину сильных сторон учащихся могут дать широкий диапазон достижений, конкретный опыт полученный студентом в результате проектной деятельности, чем, например, список оценок.

Инициативы создания электронного портфолио в университетах в России связаны преимущественно с попыткой автоматизировать процесс определения кандидатов на повышенные стипендии [5, 6], а также в связи с требованием ФГОС ВО (ФГОС 3+) о формировании электронного портфолио обучающегося [9]. Каждая организация использует собственный формат хранимых данных, что препятствует повторному использованию информации. Например, при переводе в другое учебное заведение студенту придется заново добавлять сведения о достижениях. Зачастую корпоративные системы являются закрытыми и, как правило, после окончания университета портфолио студента деактивируется, что негативно отражается на стремлении учащихся к ведению электронного портфолио. Однако, получение образования в университете – это только один из этапов обучения, которое продолжается в течение всей профессиональной жизни. Возможность включения информации об опыте, полученном вне университета или после его окончания, является важной мотивацией для поддержания электронного портфолио в актуальном состоянии. В первую очередь, портфолио – это личное пространство студента, и только он сам должен контролировать тот набор сведений, который хочет представить миру.

Стоит отметить, что финансовая поддержка является неплохим стимулом для заполнения студентом собственного портфолио. Например, студенты факультета математики и информационных технологий Астраханского государственного университета с 2016 г. активно заносят сведения о достижениях в информационную систему «Результаты научной деятельности» [8] в связи с тем, что определения претендентов на получение повышенной стипендии за научно-исследовательскую деятельность происходит в соответствии с рейтингом, рассчитываемым системой. Однако получение финансового вознаграждения не должно становиться самоцелью для студентов, стоит с осторожностью использовать формальные критерии при отборе стипендиатов. Важно ориентировать студентов не на производство показателей, а на получение результатов, опыта, развития навыков, необходимых для профессионального роста. Сегодня в вузах используются проектные формы обучения, стандарты CDIO [2] применяют не только для подготовки студентов инженерных, но и, например, социогуманитарных направлений. Учебные планы ориентированы на непрерывное развитие лидерских навыков: умение выдвигать собственные проекты и идеи, реализовывать их, а впоследствии и руководить ими [4]. Электронное портфолио может стать информационной площадкой для продвижения проектов.

Учитывая национальные особенности и зарубежный опыт предоставления сервиса электронного портфолио как услуги для университетов [7], была поставлена задача создания информационной системы (ИС), обладающая следующими возможностями: 1) создание электронного портфолио студента и организационной единицы (студенческое сообщество, кафедра, факультет и университет в целом); 2) управление информацией своего профиля для студентов; 3) интеграция с внешними ресурсами и электронными ресурсами образовательных организаций; 4) поиск, анализ и верификация информации; 5) проведение онлайн конкурсов на назначение стипендий с сохранением архивных данных по уже проведённым конкурсам.

Разработан прототип ИС с использованием фреймворка ASP.NET MVC5 и системы управления базами данных MS SQL (адрес <http://studoteka.com>). При создании веб-приложения был использован опыт, полученный при разработке и эксплуатации ИС «Результаты научной деятельности» в АГУ [8].

Для описания предметной области были проанализированы словари и онтологии, описанные в настоящее время на <http://semanticweb.org.edu>; онтологии BBC (BBC Спорт, BBC Образование, BBC Музыка и другие); открытые стандарты для средств массовой информации (IPTC Standards); формат CERIF и онтология VIVO для представления информации о научной деятельности. Основными сущностями концептуальной модели являются субъекты (персона: студент, эксперт, сотрудник университета; организационная единица: объединение студентов, организация, подразделение), мероприятие (фестиваль, конкурс, научная конференция и т.д.), достижение в культурно-творческой деятельности (музыкальное, хореографическое произведение, графика и т.д.), проект, грант, публикация, объект интеллектуальной собственности. Между любыми двумя сущностями могут быть установлены отношения, например «каждый студент может являться победителем одной или более Олимпиад», «каждое Музыкальное произведение может иметь одного или более Авторы», возможны и рекурсивные отношения, например «каждая Персона может являться научным руководителем одной или более Персон». На основе данной модели была создана реляционная структура базы данных. Для описания классификаций объектов и связей между ними использован семантический слой формата CERIF 1.3 [1].

ИС включает несколько областей (модулей), позволяющих разделить приложение на более мелкие функциональные группы. Так, веб-приложение включает область, представляющую собой подсистему для управления данными о достижениях, подсистему для генерации отчетов, веб-службу для взаимодействия с различными приложениями, подсистему поиска и визуализации информации, подсистему администрирования.

Реализована возможность пошагового ввода данных с проверкой существования дубликатов, созданием связей с пользователями и другими объектами системы, загрузкой файлов. Доступен импорт данных из списка, а также

импорт метаданных публикаций по DOI. Веб-служба на платформе Web API 2 позволяет осуществлять импорт и экспорт данных с использованием распространённых форматов. В настоящее время сайт доступен на русском и английском языках. Доступна возможность добавления информации о достижениях на разных языках, встраивания медиа-контента из различных платформ, в том числе YouTube, Vimeo, SoundCloud, Prezi.

Список литературы

1. CERIF 1.3 Full Data Model (FDM). Introduction and Specification. 2012. Режим доступа: http://www.eurocris.org/Uploads/Web%20pages/CERIF-1.3/Specifications/CERIF1.3_FDM.pdf.
2. Crawley E. F., Malmqvist J., Östlund S., Brodeur D. R. Rethinking Engineering Education. The CDIO Approach. Springer US, 2007. 286 p.
3. Reimann P., Bull S., Kickmeier-Rust M., Vatrappu R., Wasson B. Measuring and visualizing learning in the information-rich classroom. New York, NY : Routledge, 2016.
4. Баяева Л. В. Проектное обучение в современном вузе: опыт применения стандартов CDIO для подготовки студентов социогуманитарных направлений // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 82–89.
5. Лазарев А. В. Использование электронных ресурсов для оптимизации системы профессионального воспитания в университете (на примере системы электронного портфолио студента) // Акмеология профессионального образования. РГППУ, 2016, С. 275–282.
6. Раецкий А. Д., Шлянин С. А., Ермакова Л. А. Разработка плагина «Портфолио СибГИУ» для системы управления обучением «Moodle» // Кибернетика и программирование. 2016. № 2. С. 52–61. Режим доступа: http://e-notabene.ru/kp/article_18016.html.
7. Страница зарубежного ресурса «Portfolium». Режим доступа: <https://portfolium.com>.
8. Страница информационно-аналитической системы «Результаты научной деятельности» Астраханского государственного университета. Режим доступа: <http://science.asu.edu.ru>.
9. ФГОС ВО по направлению подготовки 01.03.01 Математика (уровень бакалавриата), пункт 7.1.2. Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/010301_Matematika.pdf.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭЛИТА ВУЗА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТВОРЧЕСКОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Немчинова Анна Леонидовна,

доцент, кандидат философских наук,

Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань

Щербакowa Лилия Валерьевна,

кандидат культурологии,

Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань

Социально-экономические, политические, культурные трансформации современной российской действительности, неравномерность развития общества свидетельствуют о необходимости формирования в России элиты нового типа: такой элиты, которая способна создавать новые, передовые технологии, образцы культуры, содействующие поступательному движению страны. Необратимый процесс перехода от индустриального общества к обществу постиндустриальному, пусть и находящемуся ещё на стадии становления, требует смены приоритетов в развитии образования и подготовки элиты. На первый план выходит «производство элиты знаний» (меритократии), а не «элиты богатства» [1, с. 10]. Воспитывать новую элиту необходимо с вузовской скамьи, поэтому ключевая роль в данном процессе должна принадлежать преподавателям вузов.

По меткому выражению исследователей Б.В. Кайгородова и В.Д. Николаенко, образование представляет собой «не столько создание, сколько целенаправленный процесс подготовки элиты» [2, с. 17]. Образование выступает таким социокультурным явлением, в результате которого граждане должны стать не только основной производительной силой общества, но и носителями достижений культуры и гуманистических идей [2, с. 17].

В данном случае мы приходим к проблеме не только создания, но и воспитания научной элиты с вузовской скамьи. Россия на современном этапе развития остро нуждается в молодых научных кадрах, способных оперативно решать стоящие перед обществом проблемы. Простое «научение» пусть даже талантливой молодёжи определённым навыкам, передача ей знаний и умений не будет способствовать решению тех задач, о которых мы говорим.

Таким образом, новая ситуация в обществе и системе образования требует подготовки преподавателя нового типа, способного эффективно и продуктивно работать в постоянно изменяющихся условиях. Педагогу сегодня необходимо не только обладать высоким уровнем общей культуры, психолого-педагогической компетентностью, но и нетрадиционно подходить к решению различных психолого-педагогических ситуаций, организовывать свою деятельность на творческой основе.

Преподаватель выступает важнейшей фигурой образовательного процесса. Интеллектуальный уровень, профессиональные и личностные качества преподавательского состава вуза задают темпы и характер модернизации процесса. Последний подразумевает смену статуса преподавателя, изменения требований к его педагогическим навыкам. Поэтому, как верно отмечает Н.Б. Николюкина, «всё большее значение приобретают личностные качества

педагога, его ценностные ориентации, социальные установки, социально-психологические и нравственные аспекты деятельности, образ жизни [4, с. 9].

Личностные характеристики и профессиональные качества преподавателя обусловлены культурной средой, в которой он функционирует. На него оказывают самое непосредственное влияние ценности, преобладающие в обществе, его формируют знания и научные открытия эпохи. В то же время, его деятельность предопределяет появление и новых знаний и новых достижений в области науки и техники, продуцирует новые культурные ценности. Исследователи указывают на то, что в процессе преподавания качество получаемых студентом профессиональных знаний находится не только в прямой зависимости от степени владения самим преподавателем знаниями в области преподаваемой дисциплины и способности донести их до студента. Особое место в данном случае занимают мировоззренческие, ценностные установки и общекультурные компетенции преподавателя вуза, обуславливающие мотивационную сферу, отношение к собственной работе, студентам, коллегам, вузу и системе образования, общественно значимым проблемам [3, с. 170].

Согласно исследованию О.Н. Черноморовой, педагог в вузе оказывает сильное влияние на выбор студентами дальнейшего пути своей деятельности. «По мнению многих аспирантов, преподаватель вуза – это умный, эрудированный, знающий, увлеченный, творческий человек, в то же время доброжелательный, внимательный с развитым чувством юмора» [5, с. 175]. Указывая на традиции классического университетского преподавания, о наиболее приемлемых качествах педагога в вузе, можно говорить о свободном владении им профессиональной информацией, научной глубине и оригинальности его мышления, живости изложения, импровизации, прекрасной памяти. Доброжелательно настроенный, имеющий широкий кругозор преподаватель может одновременно способствовать получению студентами как профессиональных знаний, так и формированию общекультурных компетенций будущего специалиста, которые окажут влияние на дальнейшую профессиональную деятельность выпускника. [3, с. 170].

Так, согласно проведенному О.Н. Черноморовой исследованию, на положительный отзыв о преподавательской деятельности оказывает, в первую очередь, личность авторитетного преподавателя, который произвел на студентов сильное эмоциональное впечатление. Так, выбор аспирантами для себя в будущем преподавательской стези чаще всего был обусловлен именно влиянием подобных педагогов в вузе [5, с. 175].

Деятельность педагога нацелена на решение неординарных задач, и поэтому она требует от него творческого подхода, а результативность педагогического процесса зачастую зависит от способности преподавателя не только ставить перед студентами теоретические задачи, но и от умения находить совместные возможности воплощать эти решения на практике.

Таким образом, мы можем констатировать, что новая ситуация в обществе и системе образования требует подготовки преподавателя нового типа, способного эффективно и продуктивно работать в постоянно изменяющихся условиях. Педагогу сегодня необходимо не только обладать высоким уровнем общей культуры, психолого-педагогической компетентностью, но и нетрадиционно подходить к решению различных психолого-педагогических ситуаций, организовывать свою деятельность на творческой основе. Овладение творчеством как видом и компонентом современной педагогической деятельности позволяет педагогу моделировать возможные изменения в организации, структуре и содержании образовательного процесса; целенаправленно вносить своевременные коррективы при использовании педагогических технологий и инноваций; формировать цели обучения и воспитания студентов (слушателей) с учетом образовательных, воспитательных и развивающих возможностей учебного материала, затруднений обучаемых в изучении отдельных вопросов и дисциплин, а также в других видах деятельности, результатов применения различных методов, приемов, средств учебно-воспитательного процесса; реализовывать личностно-ориентированный подход к обучаемому на основе оценки его потенциальных возможностей: личностно-деловых качеств, умственных способностей, поведения; планировать дальнейшую профессионально-педагогическую деятельность.

Становление творческой индивидуальности зависит не только от внутренних, но и от внешних (объективных) условий. Современные исследователи к ним относят социальную ситуацию и ее перспективы; уровень развития современной науки; состояние массовой образовательной практики; методологические установки, отраженные в программах, учебниках, рекомендациях; позиция и творческий потенциал конкретного педагога и педагогического коллектива и т.п.

Творческая личность преподавателя высшей школы не может быть представлена иначе как во взаимодействии субъекта со специфическими творческими формами человеческой деятельности:

- учебно-исследовательской,
- научно-исследовательской и
- профессиональной.

В качестве структурных компонентов творческой личности педагога высшей школы представлены (рис.):

- направленность,
- компетентность,
- индивидуально-психологические свойства и способности.

Рис. 1. Структурные компоненты модели

Проведенный анализ социологических и психолого-педагогических исследований позволил сформировать следующие компоненты, в свою очередь в рамках каждого компонента выявлялись дифференцирующие качества и свойства творческой личности преподавателя высшей школы, которые оказалось возможным объединить в сходные смысловые группы:

1. Морально-этический компонент (честность, обязательность, добросовестность, готовность отстаивать свои убеждения, бескорыстность, порядочность, сознательность, интеллигентность, человечность, принципиальность, надёжность, умение держать слово, доброта, опрятность, скромность).
2. Коммуникативный компонент (личное обаяние, вежливость, уважение к окружающим, готовность помочь, авторитет, тактичность, внимание к окружающим, умение быть хорошим собеседником, общительность, доступность для контактов, доверие к окружающим, отзывчивость);
3. Волевой компонент (уверенность в себе, предприимчивость, упорство, инициативность, независимость, самообладание, выдержка, настойчивость, склонность к риску, целенаправленность, умение ставить выполнимые цели, сдержанность, уравновешенность, решительность, смелость, самостоятельность);
4. Организационно-административный компонент (требовательность к себе и другим, умение правильно оценить себя и обучаемых, умение положительно мотивировать обучаемых, индивидуальный подход к каждому, склонность брать на себя ответственность, оперативность передачи информации, умение планировать, поощрение инициативы обучаемых, умение принимать решения, умение координировать работу аудитории, умение контролировать, склонность к организаторской деятельности);
5. Компонент профессиональной подготовки (практический опыт, стремление к самосовершенствованию, склонность к нововведениям, знание специфики данной деятельности, способности к данной деятельности, знание перспектив развития отрасли);
6. Индивидуально-психологический компонент (мужчина, женщина, темперамент, интроверт, экстраверт, эмоциональная устойчивость, интеллект, телосложение, характер, память).

На основе выделенных компонентов в 2015 г. доцентом Астраханского технического университета А.Л. Немчиновой было проведено исследование «Творческая личность преподавателя высшей школы глазами студентов и преподавателей», с использованием метода анкетного опроса.

По результатам полученных данных было выявлено то, что в представлениях студентов очень важные качества и свойства творческой личности преподавателя высшей школы:

- человечность (9,1) – (морально-этический компонент);
- уважение к окружающим (9,1) – (коммуникативный компонент);
- уравновешенность и выдержка (8,7) – (волевой компонент);
- умение положительно мотивировать обучаемых (9,1) – (организационно-административный компонент)
- знание специфики данной деятельности (9,0) – (профессиональный компонент).
- интеллект (9,1) – (индивидуально-психологический компонент).

Наименее важные качества для творческой личности преподавателя высшей школы студенты считают следующие:

- личное обаяние (7,0) – (морально-этическим компонент);
- склонность к риску (6,3) – (коммуникативный компонент);
- требовательность к себе и другим (7,5) – (волевой компонент);
- склонность к нововведениям (8,0) – (организационно-административным компонент).

По результатам полученных данных было выявлено то, что в представлениях студентов очень важные качества и свойства творческой личности преподавателя высшей школы:

Преподаватели АГТУ отвечали, что самым важным индивидуально-психологическим свойством является интеллект (9,6), а самым менее важным – телосложение (3,6).

- добросовестность (9,5) – (морально-этическим компонент);
- уважение к окружающим и тактичность (9,0) – (коммуникативный компонент);
- самостоятельность (8,7) – (волевой компонент);
- умение контролировать (8,9) – (организационно-административным компонент)
- способность к данной деятельности (9,3) – (профессиональный компонент).
- интеллект (9,6), – (индивидуально-психологическим компонент).

Наименее важные качества для творческой личности преподавателя высшей школы преподаватели считают следующие:

- скромность (7,1) – (морально-этическим компонент);
- доверие к окружающим (7,0) – (коммуникативный компонент);
- склонность к риску (5,9) – (волевой компонент);
- склонность к нововведениям (8,6) – (профессиональный компонент).
- оперативность передачи информации (7,6) – (организационно-административным компонент)
- телосложение (3,6) (индивидуально-психологическим компонент).

Таким образом, социологическое исследование показало, что наблюдаются значительные расхождения в представлении о том, что такое творческая личность преподавателя между социальными группами студентов и преподавателей. Следует отметить, что проведенное исследование не выявило специфических черт в особенностях процесса формирования креативности преподавателя высшей школы в АГТУ и других вузах и вполне коррелирует с представлениями студентов различных вузов России, согласно данным изученных статей.

Список литературы

1. Ашин Г. К., Карабущенко П. Л. Олигархические и меритократические тенденции в оценке современного элитарного образования // Вопросы элитологии: философия, культура и политика. 2011. Т. 7–8. С. 9–17.
2. Кайгородов Б. В., Николаенко В. Д. Основные направления изучения элиты // Современная российская элита / сост. Б. В. Кайгородов, Е. В. Борисова, С. С. Куличёва. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. С. 11–17.
3. Нархов Д. Ю., Нархова Е. Н. Социокультурный портрет современного преподавателя вуза: проблемы социологического исследования // Учёные записки. 2010. № 10. С. 168–173.
4. Николюкина Н. Б. Социальный портрет преподавателя провинциального вуза. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 1999.
5. Черноморова О. Н. Основания профессионального менталитета преподавателя высшей школы // Известия Южного федерального университета. 2013. № 10. С. 169–176.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ МОРСКОГО И РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА: ОТ МАССОВОГО К ЭЛИТНОМУ ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Бичарова Мария Михайловна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка,
Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань*

Краснощеков Владимир Владиславович,

курсант, Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Проблема непрерывного образования сегодня связана с высокой динамикой социально-экономического развития современного общества, подкрепляемого успехами научно-технического и инновационного развития. Существенные технологические и технические изменения в производственной и профессиональной сфере требуют кардинальных изменений, серьезного совершенствования профессиональных навыков современных специалистов. В то же время постоянно растущий информационный поток провоцирует социальную и профессиональную дифференциацию общества, делает его многообразным и противоречивым в отношении воспитания и образования детей и молодежи [4, с. 499].

С одной стороны расширяются возможности самообразования, с другой возникает необходимость создания комплексной системы целенаправленного образования, способствующего не только развитию профессионально-технических навыков, но и серьезному осмыслению гуманистических и нравственно-духовных перемен, происходя-

щих в обществе. Таким образом, непрерывное образование – это не просто результат модных веяний современного общества, а естественное следствие существующих реалий. В этом контексте актуальной становится не только проблема изменения содержания, форм и методов в системе среднего и высшего образования, но и вопрос инновационных перемен во всех звеньях образовательной системы. Очевидно, что успешное реформирование образовательного процесса в любом типе учебного заведения возможен при условии возможности видеть и контролировать всю систему образования по всем уровням и каждый ее компонент в отдельности.

Высшее образование: элитное и массовое. За последние двадцать лет можно наблюдать значительное увеличение численности поступающих в вузы. Спрос на высшее образование растет не только среди выпускников 11 классов общеобразовательных школ, но также среди работающего населения, опытных специалистов, имеющих внушительный стаж профессиональной деятельности, поэтому прием в вузы сегодня значительно превышает численность выпускников школ. Возможность получить высшее образование появилось практически у всех желающих, как у вчерашних школьников, так и старшего поколения. Таким образом говорить о высшем образовании в целом как образовании элитном, как это было несколько десятилетий назад, сегодня не приходится. Высшее образование сегодня является массовым и доступным каждому.

Рост спроса на высшее образование связан также и с требованиями работодателей к принимаемым на работу молодым специалистам. Это связано не только с необходимостью привлечения к решению профессиональных задач высококвалифицированных специалистов, но также и с высокой ценностью уровня культуры, духовно-нравственных характеристик и ценностных ориентаций, которые имеют молодые специалисты, имеющие высшее образование [3, с. 82]. В то же время, некоторые вузы, либо конкретные факультеты и отделения воспринимаются населением и самими работниками системы высшего образования как элитные.

Элитное высшее образование. Систему высшего профессионального образования сегодня все чаще подразделяют на элитное и массовое [1].

Границы массового и элитного высшего образования достаточно размыты как с точки зрения оценки качественных и количественных показателей, так и с позиции институциональной принадлежности. Вообще в системе высшего образования исследователи по-разному выделяют факторы, позволяющие разграничить элитное и массовое образование [2, с. 122].

В категорию элитных вузов отнесены вузы, имеющие наивысший рейтинг по данным Министерства образования и науки России. А именно, к таковым были отнесены вузы, вошедшие в первые 15–20 % по данным рейтинга. Элитные учебные заведения были выделены в следующих группах: государственные педагогические, сельскохозяйственные, технические, медицинские, физкультурные. С другой стороны среди классических университетов, экономических, архитектурных и юридических выделялись первые 25–30 % вузов. Это произошло по причине того, что в последние годы конкурс в данные учебные заведения был заметно выше.

Также 30 % вузов из числа негосударственных получили условное звание элитных. Не рассматривались как подходящие для выделения их в число так называемых элитных вузов Институты сервиса и негосударственные университеты, численность обучающихся на дневной форме в которых не превышает семисот человек [7, с. 44]. Но представляется очевидным то, что элитное образование – это не только престижность.

В данной работе мы считаем элитным то образование, которое обеспечивает высокое качество овладения профессиональными навыками и знаниями. Как реализуется элитное образование в высших учебных заведениях? Высокое качество образования и воспитания достигается следующими средствами: 1) направленность на высокоинтеллектуальную активность, 2) расширенный академическим приоритетом гуманитарных дисциплин, 3) сильное всестороннее воспитание на нравственной основе, 4) продвинутая индивидуализация обучения, 5) высокие требования к обучению и саморазвитию.

Элитное образование служит плацдармом высокоинтеллектуальной основы для совершенствования науки и искусства, а также для подготовки лучшей кадровой базы для элитных профессий [6, с. 12].

Основная роль образовательных учреждений, занимающих серьезные позиции в системе элитного образования, заключается в реализации целого ряда задач, в частности в привитии обучающимся следующих навыков и умений: 1) мыслить и рассуждать самостоятельно, 2) принимать правильные решения, 3) уметь прогнозировать будущее, 4) мгновенно концентрироваться, 5) перерабатывать большое количество информации. 6) быть лучшим в сфере, которую он выбирает для будущей профессии.

Целью элитного образования является: воспитание высокообразованных, системно мыслящих, активных и целеустремленных членов общества, способным к саморазвитию и самостоятельным действиям [8, с. 120].

Морское образование в Астраханском регионе. История становления и развития морского образования в Астраханском регионе уходит в эпоху Петра I. Профильное образование, связанное с подготовкой специалистов морского и речного транспорта в Астрахани насчитывает уже 138 лет, с 1876 года, когда открылся первый мореходный класс.

Астраханский край называют южными морскими воротами России, а Астрахань по праву называют Каспийской столицей. Освоение россиянами Каспийского моря требовало не только больших материальных ресурсов, но и грамотных специалистов в этой области.

Необходимостью подготовки кадров с высшим образованием для Астраханского водного узла, тесно связанная с реализацией Указа Президента РФ № 1314 от 31.10.1992 «О развитии Российского флота на Каспии» и развитием транспортного коридора «Север – Юг», определяет основные направления развития Астраханского филиала ФГБОУ ВО «ВГУВТ».

История возникновения Каспийского института восходит к концу 1950-х гг., когда в Астрахани был открыт Астраханский вечерне-заочный факультет Одесского института инженеров морского флота (ОИИМФ), а затем в 1961 г. учебно-консультативный пункт Горьковского института инженеров водного транспорта (ГИИВТа).

Сегодня история Астраханского мореходного училища своими традициями и славой вливается в историю Каспийского института морского и речного транспорта филиала ФГБОУ ВО «ВГУВТ», дополняя и преумножая славу образовательного академического комплекса.

Уже в составе Каспийского института морского и речного транспорта Астраханское мореходное училище в 2014 году отметило своё 70-летие. На протяжении этого времени образовательная среда сформировала эффективную организационную культуру, в которой нашли место традиции, ценности, нормы поведения, отношение к действительности, будущему.

История филиала объединяет многолетний опыт профессиональной подготовки специалистов для морского и речного флота России. За всю свою историю наше учебное заведение подготовило около 40 тыс. специалистов для морского и речного флота [5].

В общественном сознании элитное высшее образование и факторы его доступности существенно мифологизированы [9, с. 149]. Люди склонны считать, что шансы на поступление в элитные вузы имеют только дети из богатых и имеющих нужные связи семей. Значимость меритократических достижений – успеваемости в школе, усилий, затраченных на подготовку к поступлению – расценивается гораздо ниже. Между тем результаты объективного анализа сравнительной значимости факторов доступности элитного образования свидетельствуют об обратном. Непроходимых барьеров на пути к элитному образованию для отдельных социальных групп пока нет.

Сегодня Каспийский институт морского и речного транспорта – единственный в Прикаспийском макрорегионе отраслевой образовательный комплекс, который готовит специалистов со средним и высшим профессиональным образованием для водного транспорта, имеющих право работать на судах всех типов как морского, так и речного и смешанного «река-море» плавания. Студенты имеют высокий профессиональный опыт работы на судах речного и морского флота.

На данный момент каждый желающий имеет возможность получить практические навыки на крупных отраслевых предприятиях, а также в Каспийском институте морского и речного транспорта по программам высшего и среднего профессионального образования. Из года в год отмечается устойчивая тенденция на увеличение контингента, что связано с постоянно возрастающим интересом абитуриентов к освоению флотских специальностей. И все же в институте обучаются не случайные люди. Как правило, это выходцы из семей, где традиции освоения морских специальностей уходит корнями в историю каждой семьи. Это дети работников сферы морского и речного транспорта, либо те, кто действительно готов упорно работать и преодолевать трудности, чтобы освоить непростую профессию моряка.

Список литературы

1. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. М.: МОСУ и МГИМО (У) МИД РФ, 1998. 432 с.
2. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Ценность и доступность высшего образования в представлениях молодежи / Социальная дифференциация высшего образования / под ред. С. В. Шишкина. М.: Поматур, 2005. С. 121–153.
3. Демиденко Э. С. Перспективы образования в меняющемся мире // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 80–87.
4. Ильинский И. М. Образовательная революция. – М., 2002. – 592 с.
5. История Каспийского института морского и речного транспорта. Режим доступа: <http://afvgavt.ru> (дата обращения 29.03.2017).
6. Попова Г. С. Образование как процесс накопления человеческого и культурного капитала // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 2. С. 12–19.
7. Сапранков Д. А. Некоторые подходы к разграничению высшего профессионального образования и повышению его доступности и качества // СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ – 2013. С. 41–74.
8. Сохраняева Т. В. Гуманистические ориентиры развития системы образования // Философские науки. 2005. № 9. С. 115–131.
9. Шишкин С. В. Элитное и массовое высшее образование: социально-экономические различия // Вопросы образования. 2006. № 2. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/elitnoe-i-massovoe-vysshee-obrazovanie-sotsialno-ekonomicheskie-razlichiya> (дата обращения 29.03.2017).

СОВРЕМЕННОЕ ЭЛИТАРНОЕ И МАССОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Подвойский Леонид Яковлевич,

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Вне всякого сомнения, образование представляет собой одну из важнейших отраслей человеческой деятельности, оно охватывает все общество и не случайно, что в развитых странах в эту сферу вкладывается 5-8% валового национального продукта [10, с. 711–712]. Так и хочется воскликнуть, когда же в России наступят такие времена?! А

пока показатели следующие. Согласно данным по состоянию на 2010–2012 гг. (опубликовано в 2014 г.), Россия занимает 98 место из 153 (4,1 %), США – 52 место (5,4 %). Россия находится между Словакией – 97 место (4,1 %) и Парагваем – 99 место (4,0 %) [15]. Цифры не радуют. Хотя прогресс, конечно, есть, если сравнивать с 1990-ми гг. Так, в 1994 г. Россия тратила номинально 1,2 % госбюджета, реально – 0,8 %, а США – 4,8 % [14, с. 32].

Традиционно образование понимается как овладение прежде всего интеллектуальными аналитическими знаниями в совокупности с рецептурной информацией, определенными практическими умениями и навыками [12, с. 227].

Можно согласиться и с таким подходом, согласно которому, в эпоху постмодерна понятие «образование» приобретает следующие основные значения: 1) оно – составная часть социализации личности, в процессе которой человек приобретает знания, навыки, ценности, нормы; 2) оно – система информации, которая содержится в образовательных программах школ и различных других учебных заведений; эта информация преподносится обучаемым и усваивается ими в процессе обучения; 3) оно – институционально организованная деятельность, которая обеспечивается всей системой просвещения; 4) оно – характеристика (или качество) населения, поскольку уровень образования различных социальных групп определяет экономический и культурный потенциал общества. Обращают также внимание и на то, что в условиях глобализации образованию становятся присущи некоторые новые функции. Например: а) образование становится экономическим фактором в условиях глобального рынка; б) оно может стать фактором социальной сплоченности в условиях процессов миграции, разрушения культурных образцов, утраты традиционных ценностей, возрастания напряженности между этническими группами [13, с. 712].

Помимо этого в настоящее время выделяют четыре основных параметра образования, образующие так называемую параметрическую модель образования:

I. Образование есть вхождение человека в мир, т.е. процесс «погружения» формирующегося человека в социокультурное пространство, в мир культуры, произведенной до него человечеством. *Задачи этого параметра:* а) создать оптимальные условия для вхождения человека в этот мир; б) найти оптимальное соотношение между государственными и негосударственными образовательными учреждениями.

II. Образование есть постижение человеком смысла бытия. Без нацеленности на решение этой проблемы образование вряд ли может быть названо образованием по своей идее. *Задачи этого параметра:* а) чему и как учить формирующегося человека (имеется в виду соотношение предметов естественнонаучного и гуманитарного цикла, а также внедрение новейших технологий обучения); б) побуждение человека к поиску смысла собственного бытия и сопоставления его с высшим смыслом.

III. Образование есть обретение человеком собственного образа. Особую значимость приобретает формирование человека в его уникальности и индивидуальности. *Задачи этого параметра:* а) в противовес идеалу человека одномерно (Г. Маркузе) или множественного (Г. Гурджиев) предложить идеал человека цельного, восходящего к раннему христианству; б) попытаться найти ответ на вопросы: каким должно быть образование, чтобы помочь человеку достичь состояния цельности и следует ли стремиться к обретению цельности в условиях техногенной цивилизации?

IV. Образование есть пробуждение и становление духовности, которая понимается в данном контексте как процесс и результат восхождения человека к осуществлению своей всеобщей природы. *Задачи этого параметра:* а) образование должно осуществить переход от частичного (партикулярного) знания к знанию всеобщему, с выходом человека за пределы своей непосредственности и преодолением субъективного видения предметов; б) реализовать высшее назначение образования – делать человека духовным [18, с. 1101–1102].

Но, как отмечалось на заседании одного круглого стола, на котором рассматривались и вопросы образования наряду с культурой и культурологией, современное образование – чаще всего сугубо теоретическое, научно-техническое. И как раз поэтому, при оценке его нынешнего характера все чаще подчеркивается, то, что оно предельно рационализировано и вербализировано, из него выхолощен аффективно-эмоциональный запас детства, что приводит к распространению в обществе профессионально компетентных, но бездуховных индивидов [9, с. 6].

Возможно, что акцентирование внимания на бездуховности индивидов связано с тем, что это было сказано в 1997 году, скажем прямо, не самым удачным как для образования, так и для проявления духовности (хотя, конечно же, это оценка не одного только 1997 года).

Имеет смысл обратиться к понятию «образы образования», которым оперируют А.П. Огурцов и В.В. Платонов, понимая под ними первичные образы-интуиции, задающие специфическое видение образовательной действительности и являющиеся точкой отсчета в анализе процессов и актов образования. С точки зрения этих ученых, образы образования, развитые внутри философии образования в XX в., предстают как:

- формирование *самосознающей личности* в различных способах объективации духа;
- выработка свободного от ценностей *нейтрального языка наблюдения*;
- достижение языковой компетенции и научение многообразию «*языковых игр*» внутри прагматики родного языка;
- *диалогическая Встреча «Я» и «Ты»* по принципу симметричного отношения «учитель-ученик»;
- последовательность проб и ошибок, *постановки и решения проблем*;
- *становление личности*, включающей необходимость образования или вследствие биологической недостаточности человека, или его социализации и аккультурации [14, с. 6–7].

Известно, что проблемы образования, как правило, актуализируются в кризисные периоды существования и развития. При этом, речь может идти как о массовом образовании, так и об элитарном/элитном образовании. Мы сознательно написали «элитарном/элитном», потому что знакомство с научными работами ученых, занимающихся

проблемами образования в контексте элитологических подходов, не дают строгого разграничения этих понятий [см. 1, с. 558–559; 2, с. 559–561; 3; 4, с. 551–552; 5, с. 553–554; 11, с. 536–537; 16, с. 553].

Об уровне знаний о мире, полученных в массовом образовании, заставляют задуматься результаты опроса, проведенного ВЦИОМ. Так, треть опрошенных ВЦИОМ всерьез полагают, что Солнце вращается вокруг Земли (32 %), причем за последние четыре года таких респондентов стало даже больше (28 % в 2007 г.). Чуть меньшая доля утверждает, что первые люди жили в ту же эпоху, что и динозавры (29 %). Пятая часть опрошенных россиян уверены, что полный оборот Земля совершает вокруг Солнца за один месяц (таких тоже стало больше: с 14% в 2007 г. до 20 % в 2011 г.). Примерно такая же доля граждан России отрицает, что электроны меньше атомов (18%) и не верит, что нынешние люди развились из ранних видов человека (17 %) [17].

Это исследование, выявившее такие не просто невеселые, но удручающие результаты проводилось в начале 2011 г. Хотелось бы надеяться и верить, что за прошедшие после этого опроса годы, ситуация изменилась в лучшую сторону (к сожалению, мы не располагаем новыми данными на этот счет).

На исходе сложного, противоречивого XX в., который принес человечеству и великие достижения в науке, технике, технологии, прорыв в космос, достижения в литературе и искусстве, с одной стороны, а с другой, он принес войны и революции, тоталитаризм и фашизм, международный терроризм, реальную опасность ядерного взаиморазрушения и экологического коллапса Б.С. Гершунский издал книгу «Философия образования». В ней он рассмотрел системные основания философии образования, которые определяют стратегические приоритеты многоплановой образовательной деятельности в XXI в. и обозначил некоторые глобальные проблемы XXI в., которые представляют собой вызов сфере образования в целом. На страницах этой книги он неоднократно утверждает простую мысль о том, что образование и общество представляют собой одну систему, вследствие чего любые проблемы, принимающие сколько-нибудь глобальный характер, с которыми сталкивается общество, социум, цивилизация в целом неизбежно сказываются на состоянии сферы образования. В то же время, именно сфера образования является самым непосредственным и работоспособным агентом будущего, который всегда как раз и работает на будущее, поскольку определяет личностные качества каждого человека, его знания, умения, навыки, мировоззренческие и поведенческие приоритеты, а значит, экономический, интеллектуальный, нравственный потенциал общества и цивилизации в целом [6, с. 12–13].

По мнению Б.С. Гершунского, глобальные тенденции бросают вызов человеческой цивилизации, вызов ее способности противостоять разрушительным тенденциям и поддержать тенденции созидательные, прогрессивные. Этот вызов имеет непосредственное отношение и к сфере образования, на которое и возлагаются надежды переломить негативные тенденции в духовной сфере. **Первой и, пожалуй, главной составляющей глобального вызова XXI века является проблема гармоничного единения Знания и Веры, их мировоззренческого синтеза**, возвращения Человеку понимания смысла его жизни, Веры в свое предназначение, а также Знания путей наиболее полной жизненной самореализации (так написано у автора, Б.С. Гершунского – Л.П.) [6, с. 15]. **Второй составляющей является объективная необходимость единения, конвергенции, духовной интеграции человеческих сообществ**, преодоления их разобщенности, ментальной, мировоззренческой несовместимости, постоянной угрозы конфронтации. Б.С. Гершунский полагает, что сфера образования не только может, но и должна способствовать осознанию этого вызова [6, с. 16–17].

К факторам, которые можно считать и вызовами социально-политической и культурной детерминации системы образования в XXI в., следовало бы отнести: 1) фактор национальной безопасности современных государств, требующий для своего разрешения высокообразованной политической элиты; 2) фактор цивилизационных различий современных народов, который может стать реальной угрозой устойчивому развитию общества; 3) фактор глобальной информатизации общественного развития, без которого любая система образования лишается новейшей технологической оснащенности; 4) фактор переходности как комплексной характеристики общественно-политического развития ряда стран и народов и источника своеобразной образовательной политики; 5) фактор национального своеобразия, культурной самобытности народов, требующий сохранения и обогащения в новых условиях и гарантирующий своеобразие национальных систем образования; 6) фактор взаимообогащения национальных систем образования посредством творческого использования совместного и национального опыта [19, с. 16–17].

В последние десятилетия XX в. явно обнаружились довольно острые противоречия внутри самой системы образования. Как показывает практика, эти противоречия унаследовал и век XXI-й. Можно также предположить, что, скорее всего, эти противоречия будут сопровождать нас и в обозримом будущем. Очевидно, что острота каких-то из этих противоречий будет спадать, зато другие, вполне возможно, будут обостряться. При этом не исключено появление новых проблем и противоречий, через разрешение которых и происходит развитие, как известно. Очевидно, что образование практически напрямую зависит от состояния общества, поэтому образование можно смело назвать зеркалом экономического, морального, культурного, политического здоровья общества, как в локальном, так и в глобальном масштабе.

Нельзя не констатировать той ситуации, что сегодняшний глобальный мир не стабилен ни в каком отношении: ни в экономическом, ни в культурном, ни в моральном, ни в политическом, ни, что тревожнее всего, в военном. К тому же, со все большей очевидностью налицо резкая, порой примитивно грубая политизация всех сфер жизни общества, включая, например, и спорт, и искусство.

Представляется, что речь может идти о таких противоречиях:

- 1) противоречие между глобальными и локальными системами образования;
- 2) противоречие между универсальным и индивидуальным характером современного образования;
- 3) противоречие между сложившимися традициями образования и его современными тенденциями;
- 4) противоречие между долгосрочными и краткосрочными задачами образовательной подготовки;
- 5) противоречие между необходимостью соревнования и стремлением к равенству возможностей личности в процессе овладения знаниями, навыками и умениями;
- 6) противоречие между невиданным развитием знаний и возможностями их усвоения человеком;
- 7) противоречие между духовной природой и сущностью образования и материальной стороной как средством его обеспечения [19, с. 17–23].

В известной мере, это тоже вызовы и достаточно серьезные, причем как для элитарного, так и для массового образования. Если быть предельно кратким, то следует отметить, что *элитарное образование* – это образование особое, предназначенное для узкого круга лиц.

Элитарные учебные заведения отличаются от обычных (массовых) следующими параметрами: системой отбора; особым (жестким и напряженным) режимом учебы; преподаванием всех предметов на достаточно высоком уровне трудности; высоким уровнем самостоятельности в учебе; четкой профессиональной ориентацией; методологической подготовкой; разносторонним развитием; развитием лидерских качеств; соблюдением традиций.

Массовое образование – это такое, которое могут получать люди любого достатка, разного социального происхождения. Начало массовому образованию положили промышленные революции, а также демократические в конце XVII начале XIX в. В нашей стране многие десятилетия проводилась политика массового образования. Для цивилизационного рывка, для модернизации страны нужны были грамотные люди в массе своей и особенно специалисты [20, с. 150].

Разумеется, что равные социальные возможности стали символом равных возможностей и в получении образования. К тому же, получил развитие сам институт образования – социальную группу учителей объединил интерес получить материальную поддержку от государства, поднять престиж своей профессии. Массовое образование делает доступным знания, которые ранее были достоянием избранных.

В данной статье мы попытались в комплексе показать те вызовы, которые встают перед сферой образования как определенной системой в XXI в. в эпоху глобализации. Разумеется, что есть некоторые нюансы в том, как и какие именно вызовы скажутся сильнее/больше на каждом из этих видов образования: элитарном и массовом, но мы не акцентировали на них внимания.

Список литературы

1. Адров В. М. Элитное и элитарное образование // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
2. Ашин Г. К. Элитное образование // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
3. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. М. : МО-СУ, 1998. 432 с.
4. Ашин Г. К., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Элитарное образование // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. – М.: Экон-информ, 2013. – 618 с.
5. Гайнутдинова Е. В. «Элитарность» и «элитность» // Элитология: Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
6. Гершунский Б. С. Философия образования. М.: Московский психолого-социальный институт. Флинта, 1988. 432 с.
7. Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования. М.: Логос, 2001. 224 с.
8. Карабущенко П. Л., Рекешева Ф. М. Элитарное сознание // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
9. Культура, культурология и образование // Вопросы философии. 1997. № 2.
10. Купцов В. И. Образование // Глобалистика. Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.: Радуга, 2003. 1328 с.
11. Лунев А. П. Экономика элитного образования // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. – М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
12. Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
13. Неквапилова И. Образование в эпоху постмодерна / Глобалистика. Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.: Радуга, 2003. 1328 с.
14. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб : РХГИ, 2004. 520 с.
15. Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>.
16. Резаков Р. Г. Элитарность // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
17. Россияне знают, что они ничего не знают (парламентарии о ситуации с образованием). Режим доступа: www.regions.ru (дата обращения 25.02.2011).
18. Рыбаков Н. С. Философия образования // Глобалистика. Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.: Радуга, 2003. 1328 с.
19. Солдаткин В. И. Современная государственная образовательная политика: социальные императивы и приоритеты. М.: МЭСИ, 1999. 366 с.
20. Спирова Э. М. Философия элитарного образования // Философия элитологии / под ред. А. М. Старостина. Ростов н/Д: Донское книжное издательство, 2013. Т. 3. 420 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, истории и культурологии,
Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань

Формирование элиты в обществе напрямую связано с развитием образования. Важной составляющей образовательного процесса должны оставаться дисциплины именно гуманитарной направленности, поскольку только они способны формировать ценностный аспект личности. Вместе с тем для формирования элиты нужны и ресурсы в самом образовании. В этой связи образование должно продолжать формировать преподавательскую элиту, обладающую абсолютным авторитетом как в научной, так и образовательной среде. Одним из важнейших условий для этого выступает система ценностных предпочтений, которой должна обладать образовательная элита, чтобы данный авторитет имел место быть. Авторитет образовательной элиты возможен только при наличии тех предпочтений, которые выступают как системообразующие элементы уважения и почитания их заслуг в обществе. Однако условия современной действительности, при которых происходит личностное становление каждого человека, противоречивы по своей сути, что определяет и личностную противоречивость. Стереотипы поведения человека изменились под воздействием массового сознания, поскольку средства массовой коммуникации являются мощными проводниками информации. Противоречие обнаруживает себя в том, что развитие информационных технологий позволяет быть человеку в курсе последних новостей, событий во всех сферах жизни. Однако эффект получается обратный – по мере развития прикладных знаний интерес к духовной составляющей личности слабеет. Как следствие, информационный и технический прогресс развивают информационную грамотность, но также упрощает процесс понимания и оценки происходящего, поэтому любая информация воспринимается как фактическая данность с готовыми образцами поведения, о смысле и сути которой приходится все меньше и меньше задумываться. Причины такого сильного воздействия внешних факторов на существование человека кроются в процессе формирования мотивационных предпочтений, а именно на уровне актуализации когнитивно-идеальных импульсов, отражающих сигналы среды (отражающие импульсы дают представления о среде существования организма и т.д.). Другими словами, знаковая система дает возможность определить именно отношение субъекта к окружающей действительности, а не только предметное его восприятие посредством вещевой вариативности.

Преувеличивая значимость человека таким образом, мы искусственно надстраиваем социальную среду его существования («социальное тело»). Здесь уместно употребление концепта «габитус», которое ввел П. Бурдьё, для обозначения «системы устойчивых и переносимых *диспозиций*, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления» [1, с. 70]. Данное понятие снимает противоречие относительно определения характера детерминации деятельности субъектов и одновременно позволяет структурировать систему детерминации, рассматривая ее как состоящую из прочных приобретенных предрасположенностей габитусом, как систему когнитивных и мотивирующих структур. Одной из таких предрасположенностей, которая используется как исходная установка, является феномен «элитизм», как линия развития, производная от потребности в самоактуализации, квазиформа реализации данной потребности. Феномен элитизма обнаруживается в возвышении себя не за счет незаурядных способностей и таланта, а за счет причисления себя к особым по положению и статусу людям, кого можно охарактеризовать как псевдоэлиту. С точки зрения развития человека как личности в культурологическом и философском планах такое недопустимо, но использование данного заблуждения как мотива в развитии карьеры вероятно. Иначе говоря, социальные нормы становятся мотивационной силой, которая способна управлять формами и средствами существующих потребностей. Подобная метаморфоза происходит на уровне актуализации когнитивно-идеальных импульсов в мотивации поведения субъекта, отражающих сигналы среды (отражающие импульсы дают представления о среде существования организма и т.д.). Когнитивные представления – это информационные импульсы среды, которые представлены стимулами – это ближайшее отображение потребности в сознании субъекта как влечение, желание (чувство голода, холода, страха). В психологии стимулы изучаются на уровне знаковой системы.

Как отмечал К.Х. Момджян, возможность человека замещать реальные объекты символами связано с наличием второй сигнальной системы, благодаря которой мы обозначаем предметы словами, представляем образы объекта, изображенного на чертеже и т.д., что дает значительное преимущество человека перед животными [7, с. 327]. Иначе говоря, с позиции социально-философского анализа знаковая система связана с субъектно-объектными отношениями, где знак приобретает смысл в непосредственном отношении субъекта к объекту под воздействием определенной потребности, то есть знак самодетерминирован не сам по себе, а как средство для удовлетворения той или иной потребности. Однако многие ученые не различают понятия «символ» и «знак», что в результате влияет на определение их смысла.

Проблема «элитизма» заключается в том, насколько человек ощущает себя активным деятелем и сохраняет свою самостоятельность в условиях манипуляции общественным сознанием посредством средств массовой коммуникации. В связи с этим каждый субъект может быть подвергнут внешнему воздействию со стороны коллективного сознания в силу неверного выбора линий удовлетворения потребности на уровне ее осознания. Например, это связано с развитием рекламы, которая навязывает определенные стереотипы массового сознания, утверждая, что тот или иной продукт является наиболее необходимым благом для человека. Иначе говоря, отношение к понятию «эли-

та» в современном обществе является лишь вершиной айсберга тех проблем, которые связаны с качественной определенностью нашей жизни, которая ориентирована, в первую очередь, на материальные блага, позволяющие быть, как кажется, «успешными». Так, Т. Парсонс указывает на данное условие, при котором поддержать стабильность в сфере потребления возможно: «Ни одно общество не может поддерживать стабильность перед лицом различных потребностей и напряжений до тех пор, пока интересы его граждан не связаны солидарностью, а также внутренней лояльностью и обязательствами». Г. Моргентау, классик американской политологии, отмечает, что хорошие мотивы предохраняют от намеренно «плохой» политики, но они не гарантируют моральности и успешности политики, которую инициируют [8, с. 72–88].

Фактически, феномен элитности строится на неверной интерпретации его знаковой сущности, что, по сути, отображает искаженное восприятие духовных основ развития общества. В связи с этим и отношение к понятию «элиты» определяется возможностью или невозможностью потреблять то, что недоступно другим: элитное жилье, элитный отдых, элитные бренды, элитные автомобили, – все это рекламные слоганы, посредством которых производители услуг манипулируют сознанием потребителя, стремящегося быть успешным, но, чтобы этот успех был материально-знаковым для видимого отличия от остальных.

Проблема заключается в том, что обладание определенным статусом не является гарантом духовного развития личности. Отличительные особенности категорий «элитарность» и «элитность» состоит, в первую очередь, в том, что «элитность» – это качественная определяющая личности, отражающая ее духовный и интеллектуальный уровень, за счет чего и формируется общественная значимость, т.е. власть достигается посредством личного авторитета в социуме, а не материальными или статусными возможностями [5, с. 385–401]. Традиция такого различия связана с такими именами, как Т. Парсонсу и М. Веберу. В дальнейшем и Н. Луман в отношении к элитам ссылался на их понимание элит. В частности, Т. Парсонс говорил о возникновении культурных «элит», которые стремились не опираться на их приписывание к существующим подразделениям в господствующей структуре общества, и потому они были способны заострить дифференциацию внутримировое/трансцендентное. М. Вебер, как считал Н. Луман, эту проблему отдифференцирования подвел под (теоретически небезупречное) понятие «харизма», указывающее на спонтанное, не обусловленное происхождением, принадлежностью к страте или социальным статусам, возникновение авторитета [6, с. 73]. М. Вебер указывал на то, что только тот, кто обладает харизмой озарения, способен на «глубокое постижение мира с помощью непосредственного постижения его «смысла»» [2, с. 337]. Поскольку проблема заключается в том, что функция власти состоит в поддержании целостности, сохранении согласованности ценностей и норм, постольку она должна иметь мощный духовный резерв для реализации указанных целей. Например, Р. Дарендорф придает наибольшее значение неинтегративному аспекту власти, порождающему конфликтные интересы и соответствующие ролевые ожидания [3, с. 189]. В этой связи элита должна быть тем механизмом, посредством которого объединение интересов граждан осуществится на основе взаимных обязательств, поскольку способна представлять образец миропонимания.

П. Рикер обращал внимание на условие жизни, согласно которым политика и этика – это трудно совместимые понятия. Поскольку «связь политики и этики подтвердилась бы, если бы удалось доказать, что человек определяется главным образом своими способностями, которые достигаются полной реализации только в условиях политического существования, иначе говоря в условиях общественного развития». Фактически философ обнаруживает противоречие с законами общества и теми, кто эти законы создает, либо реализует, что обнаруживает себя в современных условиях жизни, когда человек не может достигнуть полной реализации благодаря только своим способностям, поэтому это еще раз подтверждает, что есть разночтения в том, что из себя представляет политическая элита и тем, кого под элитой в культурологическом и философском плане понимают. В этой связи становится актуальным выявление мотивационных критериев элит, чтобы дифференцировать данное понятие от понятия «элитизм» как иного и искаженного понимания сути элиты.

Ориентируясь на представления психологии о побудительно-идеальных факторах и обращаясь к субстанционально-деятельностной теории в социальной философии можно предположить, что «образовательная элита» должна обладать следующими предпочтениями:

Одним из побудительно-регулятивных факторов являются *когнитивные факторы*, что соответственно ориентирует на первый критерий элиты – это познавательный компонент, т.е. представители элиты должны обладать интеллектуальным потенциалом и кругозором. Однако здесь следует учитывать не потребительскую сущность человека, направленную на познание к материальному обогащению, а к формированию личностного «Я», определяющего личную ответственность субъекта за результаты своего труда, а, значит, и качество предоставляемого материала.

Ценностное предпочтение связано с формированием мотива в человеческой деятельности. Мотив – это предпочтение чего-то чему-то (ценностное предпочтение). Именно здесь находятся истоки свободы воли. Роль мотива в деятельности определяется варьированием выбранных средств с учетом целепостановки. В этой связи воля и соответственно умение управлять своим поведением является важнейшим критерием элиты, когда общественные интересы становятся гораздо важнее личных. Кроме того, воля как проявление сознания субъекта в процессе реализации деятельности необходима еще и тогда, когда элита стремится не руководствоваться в своих действиях биологическими заданными потребностями и идти на поводу своих бесконечных желаний, а пытается нести ответственность за свои поступки и направлять других, что напрямую согласуется с миссией элиты, о которой говорит П.Л. Карабущенко, полагая ее смысл в том, чтобы заниматься наиболее благородными формами человеческой деятельности, служить охраняющим фактором культуры и цивилизации; нести ответственность за все общество в целом [4, с. 188]. В этой

связи «образовательная элита» должна направлять свои усилия на то, чтобы формировать преемственность духовных ценностей не только в научных кругах, но и в работе с молодежью.

Ценностные компоненты ориентируют на следование объективным этическим нормам. На ценностном уровне получает качественную наполненность актуализированные потребности, что становится определяющим для вектора того или иного действия и влияет на характер постановки целей и способов их достижения. В этой связи речь заходит о соответствии потребностей и условий для их реализации.

Следующим побудительно-идеальным фактором человеческой деятельности являются *проектные формы сознания*, что связано с целеполаганием и разработкой плана действий. На данном уровне развития деятельности целеполагание рассматривается как основополагающий принцип построения действия, когда которое является отражением желаний и стремлений субъекта. Цели придают направленный характер человеческому поведению и ориентируют мысли и действия человека на достижение определенного результата. Целеполагание дает возможность субъекту спрогнозировать заранее желаемый результат согласно специфике реальных взаимосвязей человека с окружающей действительностью. Для прогнозирования и последовательности действий элитам также необходимо целеполагание, поскольку целеустремленность является важнейшим условием формирования лидерских качеств, а элита в этом плане должна быть примером сильной личности, которая знает, что хочет добиться от жизни. Главное, чтобы данная сила определялась гуманистическими идеалами, а не строилась на основе корыстных мотивов.

Реактивные формы сознания – это те импульсы, которые неотделимы от факта деятельности. Эмоции являются формой обнаружения потребности: момент осознания потребности проходит под воздействием эмоционального состояния субъекта. Другими словами, посредством различных эмоций мы выражаем свое удовлетворенное, либо неудовлетворенное состояние. Формирование силы воли, а также позитивные эмоции способствуют не только позитивному восприятию действительности, но и должны ориентировать элиты или тех, кто стремится таковыми стать, к осознанию необходимости позитивного вектора актуализации мотивов и целей субъекта. Кроме того, здесь следует уточнить, что основой данных мотивационных компонентов составляет позитивное мышление, направленное на совершенствование личностных положительных качеств личности во благо себя и общества. Конечно, обычной констатации позитива в действии оказывается недостаточно для того, чтобы субъект осознал необходимость в этом. В этой связи актуализируется не сама установка на позитив как таковая, а основа позитивной мотивации

Важной функцией тех людей, кто представляет собой управление и те, кто стоит у истоков образовательного процесса, должны стремиться к соответствию с теми ожиданиями, которые на них возлагаются. В этой связи Дж. Ролз отмечает, что «существенные репрезентативные люди являются репрезентативными гражданами, а также представителями тех, кто имеет различные ожидания в отношении индивидуально распределенных первичных благ».

Таким образом, в ходе анализа феномена «образовательная элита» были определены те ценностные предпочтения, на основе которых должна развиваться ее деятельность. Это особенно актуально в условиях развития идей патриотизма в России. Важным моментом также следует отметить и то, что образовательную элиту должны представлять именно те специалисты, кто готов представлять свой образ мыслей и действий как образец для подражания последующим поколениям.

Список литературы

1. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 60–70.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: Наука, 2002. 288 с.
4. Карабущенко П. Л. Политическая герменевтика. Астрахань, 2012. 258 с.
5. Карабущенко П. Л. Феномен «элиты» в онтологическом и гносеологическом аспектах // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Ростов н/Д, Т.1. 2013. С. 385–401.
6. Луман Н., Глухов А., Никифоров О. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
7. Момджян К. Х. Введение в социальную философию. М.: Университет, 1997. 232 с.
8. Карабущенко П. Л. Элитология – наука о творчестве, культуре и философии элит // Современная российская элита. М., 2008. С. 35–40.

СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ЭЛИТАРНОМ И МАССОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

Рекешева Фарида Марсильевна,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и когнитивной психологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Значение, в котором понятие «образование» употребляется в настоящее время, оно приобрело в конце XVIII–начале XIX в., чему в немалой степени способствовали И. Гёте, И. Песталоцци и др. Оно означало тогда общий духовный процесс формирования человека. Как педагогический термин слово «образование» ввел в 1780 г. основоположник теории обучения И.Г. Песталоцци. В таком же значении применил категорию «образование» в русском языке Н.И. Новиков. Понятие «образование» рассматривалось в довольно широком значении как результат всех педагогических воздействий на человека. Очевидно, что с того времени это понятие приобрело более широкое значение, тем более что оно подвергается исследованию со стороны различных дисциплин: философии, психологии, социологии, педагогики.

В «Краткой философской энциклопедии» дается такое определение образования, согласно которому, оно представляет собой духовный облик человека, складывающийся под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга, а также процесс воспитания, самовоспитания, влияния, шлифовки, т.е. процесс формирования облика человека [11, с. 311].

Образование в *психологии* понимается как процесс и результат усвоения определенной суммы знаний, навыков, умений. Существенным условием успеха образования является самообразование.

С точки зрения *социологии*, образование есть социальный институт, выполняющий экономическую, социальную и культурную функции в обществе [10, с. 195]; это также социальная подсистема, имеющая свою структуру, в качестве основных элементов которой можно выделить учебно-воспитательные учреждения как социальные организации, социальные общности (педагоги и учащиеся), учебный процесс как вид социокультурной деятельности.

В *современной педагогической науке* категория образования рассматривается как система ценностей, система, процесс и результат, а вследствие этого, имеет четыре аспекта: образование как *ценность*, как *система*, как *процесс* и как *результат*.

Следует заметить, что с точки зрения более широкого подхода образование можно рассматривать и в других аспектах, таки, например, как: капитал, фактор производства, сигнал и самооценность. Коротко это можно выразить следующим образом:

- **образование как капитал** – образование дает возможность стать достаточно обеспеченным; образованные люди способствуют ускорению НТП; образование помогает проявиться гениальным способностям, и доход общества в тысячи раз больше дохода гения (если это, конечно, не злой гений);

- **образование как фактор производства** – благодаря образованию увеличивается совокупное богатство общества в материальном и интеллектуальном плане; увеличивается доля квалифицированного труда; образование увеличивает доходы, и поэтому инвестиции, вложенные в образование, окупаются;

- **образование как сигнал** – диплом об образовании – это визитная карточка человека, по которой можно судить о круге профессиональных интересов, специфике мировоззрения и т.д.: многие знания не имеют прикладного значения и поэтому скорее имеют субъективный характер;

- **образование как самооценность** – образование есть само по себе ценность, субъективная и самодостаточная; оно помогает осознанию своего места в мире; играет важную роль в формировании и изменении системы внутренних ценностей; помогает в обретении смысла жизни и его осознания; делает человека способным адекватно оценивать себя; благодаря образованию, человек становится более культурным, нравственно воспитанным, способствует достижению психологического внешнего эффекта, ибо с образованным человеком приятнее общаться и легче достичь компромисса; образование направлено на приобретение разумности, что важно в межличностном общении. В связи с этим, уместно напомнить слова немецкого философа А. Шопенгауэра, отмечавшего, что у неразумных встречается в 100 раз более антипатии к разумным, чем у разумных к неразумным [13, с. 271–272].

В Законе Российской Федерации «Об образовании» в редакции Федерального закона от 13.01.96 № 12-ФЗ образование определяется, как «целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения обучающимся определенного государством уровня (образовательного ценза).

Как видим, разные подходы, разные акценты относительно понимания сущности образования предполагают и разные определения, которые, к счастью, можно сказать, не столько противоречат друг другу, сколько взаимно дополняют, поскольку образование является таким феноменом, который в принципе не поддается однозначному определению, пониманию и истолкованию. Не лучше обстоит дело и в случае с понятиями элитарное и элитное образование, которые часто употребляются в связке, то разделяются/противопоставляются, то объединяются/отождествляются, то взаимно пересекаются.

Это связано с тем, что до сих пор в научных работах ученых, работающих в сфере проблематики образовательного пространства, в том числе и в сфере элитологических подходов к этой проблематике, нет четкого разграничения и понятий «элитное»/ «элитарное». Такая ситуация на данный момент пока не получила однозначного решения, что можно видеть, читая статьи, в которых авторы, говоря об одном, вскоре, как бы не замечая этого, начинают говорить о другом [см. 1, с. 558–559; 2, с. 559–561; 3; 4, с. 551–552; 5, с. 553–554; 12, с. 536–537; 14, с. 553].

Известно, что идея элитарности образования родилась в западной психологии в результате освоения идейного наследия эпохи Просвещения. Ф. Ницше провел четкое различие между аристократической и демократической культурами, отдав предпочтение первой, выразив явную ненависть ко второй [16, с. 151]. В советские времена проблема элитарности образования по существу не анализировалась. Всеобщее равенство как политический принцип исключало всякого рода элитарность. Между тем, именно элитарное образование включает в себя наиболее значимую часть культурного наследия, именно оно способно транслировать наиболее ценные элементы культуры [16, с. 150].

Очевидно, что при подготовке, улучшении элиты общество осуществляет поиск, отбор, воспитание и обучение способных детей средствами национального бюджета. Основным социальным институтом, при помощи которого оно решает эту задачу, является система образования [12, с. 536]. Именно она во многом формирует личность во всех ее проявлениях – в культурном, этическом, эстетическом, интеллектуальном аспектах.

По сути дела зрелость личности устанавливается по оценке ее действий в системе отношений, существующих в данном обществе; в них человек включается, как бы вырастает в них и оценивается согласно показателям того, на-

сколько успешно он овладевает предназначенной ему деятельностью [6, с. 201]. Говоря психологическим языком, психолога интересует, *на что ориентируется* обучаемый/обучающийся человек в интеллектуальных задачах. Обращение к терминологии П.Я. Гальперина не случайно, так как, на наш взгляд, его учение об ориентировке и формировании действия может стать теоретическим фундаментом практической психологии образования, причем, как в случае массового образования, так и элитарного.

Образование, в любой его форме, всегда в первую очередь апеллирует к сознанию как высшей, свойственной только человеку и связанной с речью функции мозга, заключающейся в обобщенном, оценочном и целенаправленном отражении и конструктивно-творческом преобразовании действительности, предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека [15, с. 83].

Очевидно, что наряду с сознанием, сознательными формами отражения и действия для человека характерны и бессознательные действия, находящиеся как бы за «порогом» сознания и ускользающее от внимания человека. А.Г. Спиркин, отмечал, что бессознательное как психическое явление нельзя характеризовать только негативно, в смысле чего-то неосознанного, скрытого или обреченного навсегда оставаться не выявленным. Наоборот, оно имеет и позитивную характеристику, являясь специфическим отражением действительности, выражением потребностей организма и переживанием определенной модальности. Более того, оно способно к различению, выбору, угадыванию и творчеству [5, с. 185].

Говоря о сознании как таковом, есть смысл говорить и о сознании массовом и элитарном. Не вдаваясь в подробности, подчеркнем, что существенным моментом различия массового и элитарного видов сознания является разность глубины познавательных способностей индивида и личности [9, с. 552].

Совершенно очевидно, что сознание и бессознательное по-разному действуют, обладают различными свойствами. Скорее всего, с сознанием в психике связано все то, что более или менее упорядочено внутри себя и стремится к упорядочению всего вокруг себя – логика, разум. Если сознание обрабатывает информацию последовательно, линейно, избегая противоречий и стремясь к однозначности своих утверждений и общезначимости их толкования, то бессознательное способно одновременно обрабатывать различные потоки информации, допуская при этом возможность их противоречивости, выдвигая в итоге своей работы какую-то, в разной степени вероятности, идею в образной форме [8, с. 41].

Конечно, в образовательном процессе, как и в жизни в целом, сознание всегда тесно взаимодействует с бессознательным, которое, кстати, исторически и эволюционно предшествует сознанию. Разумеется, что появление рядом с бессознательным сознания, как новой, рассудочной системы представления о мире, понимания и освоения его, очень важно. Ведь с одной стороны, это создает новые возможности для более быстрой и эффективной адаптации к среде, с другой – создает и новые трудности. Именно от того, какие отношения установятся между сознанием и бессознательным, зависит очень многое. Не случайно, К. Юнг, один из корифеев психоанализа, подчеркивал: «Ваша судьба – результат сотрудничества между сознанием и бессознательным» [8, с. 45].

Мы полагаем, что вот это обстоятельство важно учитывать и в воспитательном процессе, и в процессе образования и обучения, будь-то массовое или элитарное/элитное образование. Дело в том, что довольно часто неосознаваемое играет важную роль во всей нашей жизнедеятельности, однако и родители, и педагоги самого высокого элитарного/элитного уровня по отношению к воспитуемому/образовываемому ведут себя так, что будто бы всю нашу психическую жизнь определяет исключительно сознание. Как будто, вполне достаточно своевременно и толково, как говорится, с чувством, с толком, с расстановкой объяснить, что, как и почему делать для того, чтобы поведение человека сразу, раз и навсегда изменилось, притом, обязательно к лучшему. Если бы все это было так просто, то не было таких проблем ни в воспитании, ни в образовании.

Интересной представляется точка зрения, предлагающая учитывать категорию «менталитет» в системе ценностей и целей образования. Так, по мнению Б.С. Гершунского, именно эта категория имеет самое непосредственное отношение к возвышению роли образования в решении мировоззренческих, социальных и собственно педагогических проблем поистине планетарного масштаба, в числе которых: 1) преодоление многоаспектной мировоззренческой и поведенческой несовместимости людей; 2) сближение, постепенная духовная конвергенция и интеграция человеческих сообществ; 3) реализация спасительной для будущей цивилизации идеи синтеза веры и знания; 4) отражение высшего смысла жизнедеятельности человека и общества; 5) наполнение конкретным содержанием мировоззренческой, интеллектуальной и эмоционально-волевой сфер личности в ее стремлении к наиболее полной жизненной а самореализации; 6) определение собственно педагогических технологий, ориентированных на достижение иерархически структурированных, соподчиненных и преемственно связанных между собой целей образования и самообразования на разных этапах жизненного пути человека; 7) исследование долгосрочных перспектив развития сферы образования с учетом принципиально новых задач мировоззренческого характера, стоящих перед человеческой цивилизацией в XXI в. [7, с. 109].

Важно заметить, что в процессе получения образования и в результате этого процесса главным является не объем знаний, а соединение их с личными качествами, умением самостоятельно грамотно и эффективно распоряжаться своими знаниями.

Представляется, что молодой человек, получивший так называемое массовое образование, в итоге будет обладать такими качествами, как: 1) знанием значительного/большого количества определенного материала; 2) умением воспроизводить его по мере необходимости; 3) умением точно, практически без изменений выполнять то или

иное задание, опираясь на имеющиеся знания. Очевидно, что для жизни в современном постоянно и динамично меняющемся мире таких знаний будет явно недостаточно.

В то же время, молодой человек, получивший элитарное образование, приобретает такие качества, как: 1) высокий уровень общеобразовательной подготовки; 2) способность принимать самостоятельные и ответственные решения; 3) готовность к переучиванию, приобретению новых, в том числе и смежных знаний; 4) умение работать в большой или малой группе (коллективе), коммуникабельность.

Исходя из того, что образование – это не то или не только то, что человек знает и помнит, а также и то, что реально влияет на его поведение и проявляется в нем, можно предположить/констатировать следующее. При массовом образовании, полученном в традиционной системе образования, чаще всего наблюдаются образцы поведения авторитарного типа, т.е. роли учителей и учеников раз и навсегда определены и строго закреплены, а формы взаимодействия ритуализированы, причем все это постоянно поддерживается и постоянно воспроизводится в том же самом виде.

Иной тип образовательного взаимодействия можно наблюдать в процессе получения элитарного образования. Так, в этом случае отсутствует жесткое закрепление ролей, активно внедряется совместная деятельность учения, чему способствует живой диалог, понимаемый как «разговор», в который вовлечен весь круг собеседников, на равных включающий и учеников/студентов, и учителей/преподавателей.

В заключении еще раз подчеркнем, что независимо от вида образования, на всех его уровнях необходимо иметь в виду сложную психику человека, включающую и сознание, и бессознательное, с тем, чтобы избежать возможных ошибок и перекосов, которые могут снизить уровень эффективности образовательных усилий по достижению желаемого результата.

Список литературы

1. Адров В. М. Элитное и элитарное образование // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
2. Ашин Г. К. Элитное образование // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. – 618 с.
3. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоритические основы элитологии образования / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: МОСУ, 1998. 432 с.
4. Ашин Г. К., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Элитарное образование // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
5. Гайнутдинова Е. В. «Элитарность» и «элитность» // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
6. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М.: Университет, 1999. 332 с.
7. Гершунский Б. С. Философия образования. М.: Московский психолого-социальный институт. Флинта, 1988. 432 с.
8. Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования. М.: Логос, 2001. 224 с.
9. Карабущенко П. Л., Рекешева Ф. М. Элитарное сознание // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
10. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. Политиздат, 1988. 479 с.
11. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс – Энциклопедия, 1994. 576 с.
12. Лунев А. П. Экономика элитного образования // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
13. Подвойский Л. Я. Философия науки и философия образования (от Платона до наших дней) // Общие проблемы философии науки / под общ. ред. Ю. А. Ющенко и П. Л. Карабущенко. Астрахань: АГТУ, 2009. 343 с.
14. Резаков Р. Г. Элитарность // Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
15. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
16. Спирова Э. М. Философия элитарного образования // Философия элитологии / под ред. А. М. Старостина. Ростов н/Д: Донское книжное издательство, 2013. Т. 3. 420 с.

WESTERN ELITES AND THE MULTICULTURAL SOCIETY

Dr. Bruce Leimsidor,

Professor of European Union Asylum Law, Ca' Foscari University, Venice, Italy

There seems to be no sustainable correlation between restrictive xenophobic attitudes in Western Europe and the position of their adherents in the political spectrum. Although it can be maintained that resistance to immigration seems to be ideologically more at home on the political right because of its relationship to nationalism and economic protectionism, xenophobia, even in its more extreme forms, can be found across the political landscape.

This lack of simple, neat divisions between the political left and right has, of course, not been limited to the issue of immigration, and in this age of rapid political change and re-posturing, many commentators have seen fit rather to divide the political landscape into “elites” and “populists”. In this context, the term “elites” is understood to mean a small, restricted group that control the reigning political and economic system, while “populists” – and they can be nominally on the left or the right – represent what is thought to be the will of the people, with the assumption that the political system, governed by the elites, fails to reflect that will.

The general perception has been, at least in reference to Europe, that liberal immigration policies have been associated with the “elites,” while xenophobia and cultural exclusion has been a mainstay of the “populist” position. Moreover, the elites’ pro immigration position has generally been empirically justified. Elites have shown that immigration is, once it is factored through the economy, either economically neutral, or even positive. Moreover, there is no indication that immigrants in any substantial way increase unemployment or suppress wages. Although these arguments have been generally aimed at immigrants in the US, they are less frequently heard in Europe. In Europe anti immigrant, populist forces have centered around less tangible, cultural issues and issues of national identity.

In Germany, the country that seems to be the epicenter of Europe’s current problems with migration, the tense social situation can, in fact, be traced back to a socially irresponsible and ill- advised position taken by the country’s corporate elites. In the 1960s and 1970s large numbers of unskilled and semi skilled workers were recruited, mainly from rural Turkey, supposedly on a temporary basis, to fill labor needs in German factories. Even when it became clear that these supposedly temporary workers were finding legal ways of remaining in Germany, and were bringing relatives and friends to Germany from their villages in Turkey, little if any attempt was made to integrate them into German society. They were allowed, essentially, to ghettoize into communities separate, culturally and even linguistically, from mainstream Germany. They became examples of the multicultural model.

The elites controlling German immigration policy looked upon migration as a narrowly defined economic enterprise, in the case of the “Guest workers,” or as a legal obligation, in the case of the massive influx of Bosnian war refugees in the 1990s. In the case of the Bosnians, the lack of an integration program was not simply negligence; it was a matter of policy. The refugees were regarded officially as temporary; they were repatriated as soon as the conflict in Bosnia was officially over. The overtly temporary nature of their stay in Germany avoided any substantial popular push back.

Despite concerted and otherwise effective denazification programs established post WWII by the allies and then carried through vigorously by subsequent German governments, German ethnocentricity has been a chronic problem in the German population. It was long held that Germany is not a country of immigration, and at least officially, labor migration programs, and even refugee programs, tended to offer temporary residence, almost always with the assumption that the migrant would eventually go home. The overtly temporary nature of migration in Germany obviated a conflict between the elites, who needed migration to fill labor market needs, or to comply with international standards on asylum, and the largely ethnocentric populace.

By the mid 2000s it became evident to the elites that this solution, that of the temporary nature of migration, could not hold. The greying population of Germany, with a constantly declining birth rate, forced the elites to postulate that a permanent immigration would be necessary to pay for German pensions and other social programs associated with an increasing number of aging retirees. Moreover, a rising unemployment rate made it clear that a large population of unskilled, unintegrated migrants, who, at this point, because of both family contacts and long term residency, could not be easily sent home, increased the likelihood of social conflict. The solution was, by 2005, to make permanent residency more possible, but at the same time favoring more educated and commercially useful migrants and insisting upon the cultural integration of the migrants, including those who had been living in Germany for some time.

Therefore, in 2005 Germany developed its first state sponsored and monitored program for migrant integration, tacitly abandoning the multicultural model. Quite clearly, although it is generally agreed that these programs were undertaken seriously, their effect was limited, both on the immigrants and the negative perceptions of the native German population. By 2010, judging from the extreme popularity of Thilo Sarrazin’s xenophobic tract, *Deutschland schafft sich ab*, the problem had reached serious proportions, and even in 2015, after Ms. Merkel had opened the doors of Germany, and thereby to Europe, to over a million migrants, Ms. Merkel still saw fit to repeat her rebuke of the so called multicultural society, insisting upon integration of the migrants.

Quite clearly, by 2015, and most likely considerably before, migration in Germany had slipped from the control of the elites. The corporate and intellectual elite in Germany, as in other, even more overtly xenophobic societies, such as Italy, continued to support immigration, on economic, demographic, and legal grounds, but their support was increasingly countered by a populist backlash.

This loss of control by German elites in 2015 was precipitated by swelling asylum rolls caused by developments in the countries surrounding the EU, primarily Turkey and Libya. State tolerated human smuggler organizations had developed that brought increasing numbers of economic migrants and legitimate asylum seekers into the EU; these migrants refused to remain in their country of arrival (Italy or Greece) and traveled across the then open Schengen borders into Germany. Moreover, even if these migrants did not qualify for asylum, they could not be easily repatriated, either because they came from war zones, or, more frequently, their home governments refused to readmit them. By the late summer of 2015, Germany found itself with over 300,000 asylum seekers who could not be easily returned home regardless of their qualifications, or lack of such, under international and German asylum law.

Germany was faced with the problem of closing its borders, which would have been both illegal --- the right cross a border to claim asylum is guaranteed under international law--- and diplomatically disastrous--- Germany’s EU partners had already branded Germany as self interested and unfeeling because of her insistence upon austerity in discussions concerning the Greek bail out situation.

Simultaneously, popular resistance to the growing immigration began to express itself, at first in the less prosperous east, but later throughout Germany, through demonstrations by overtly islamophobic organizations such as Pegida, founded in October 2014. By 2015, Pegida’s weekly demonstrations were commanding 20- 25,000 participants, containing some hooligans, but composed largely of otherwise respectable middle class Germans. Pegida also linked with the overtly xenophobic political party, the Alliance für Deutschland (AfD).

Ironically, while in any other country such vehement populist anti immigrant demonstrations might have caused a retreat on the part of the elite pro immigrant circles and a concomitant government crack down on irregular immigration, in Germany, because of the specter of its Nazi past, and the racist direction of Pegida's demonstrations, the elites could not be seen as acquiescing. As we have mentioned, in other countries, populist anti immigration positions of extreme xenophobic parties have been absorbed into the political mainstream and modified elite positions, in Germany, these populist demonstrations actually made restricting migration even less likely.

In short, Ms. Merkel had very little choice but to throw open the doors to what turned out to be about a million migrants in Sept 2015. Moreover, she had to do it practically without consultation with other members of the German political elite, who quite likely would have hesitated, if not directly opposed such a move. Even more significant, she had to do it without consultation with her EU partners, whose countries would be affected in some cases even more seriously than Germany.

Perhaps equally significant for our discussion here on the question of elites and populism is that Ms. Merkel had no choice but to couch the whole enterprise as a populist cause, making it part of German "*Willkommenskultur*." The xenophobic populism of Pegida and the AfD had to be countered not through a quiet, legalistic, and diplomatic move, but rather through a campaign to make the admission of a million non European, largely non Christian immigrants not something that would damage German culture, but rather something that is integral to German culture itself. It was not only a great humanitarian enterprise; it was a great German enterprise.

For a few months, it worked. Germans flocked to train stations to welcome the immigrants. The German and international media cooperated fully. The photo of the drowned corpse of Alan Kurdi, the Syrian boy whose body washed up on the Turkish shore, became an iconic image. Ms. Merkel became the new face on the Statue of Liberty.

But then the situation turned sour. It turned sour primarily because what Ms. Merkel undertook was essentially a political move, which had little relationship to humanitarianism or the nature of the immigration itself. What compelled thousands of Germans to rush to train stations with clothes and baskets of food was essentially a move of political desperation supported essentially by the German political elites and the media.

The German and international media cooperated fully with the German government in putting a humanitarian face on the action. The migration was represented as essentially one of Syrians fleeing almost certain death in the Syrian civil war. Careful reading of reports indicated, however, that Syrians composed much less than half of the migrants, but such details were underplayed. Moreover, although some Syrians were, if fact, fleeing religious or political persecution, and a larger percentage were fleeing the deadly effects of the conflict, at least as many was fleeing primarily its economic effects, or even using the conflict as an excuse to leave in order to better their chronically weak economic situation. Tellingly, the family of the Kurdi boy, whose photo became the iconic image of the crisis, were economic migrants whose departure was almost unrelated to the war, their ethnicity, religion, or politics.

The German media, most likely in cooperation with the government, also deemphasized the difficulties this migration would have in integrating into German society. The sexual assaults that shocked Europe during the New Years 2015 celebration could easily have been anticipated. There had been constant and ongoing reports of sexual assaults in the refugee reception centers in Germany previous to that fateful New Years Eve.

Undoubtedly the most important issue that has undermined attempts to put a positive face on the migration has been security: the massacres in Paris of Nov. 2015, and subsequent incidents in France, Belgium, and Germany have all been tied to assailants who were immigrants themselves or re entered Europe along with the migratory flow. These incidents have occasioned security arrangements involving suspension of civil liberties and security checks that the average European citizen encounters almost on a daily basis. Given these almost daily encounters, it is difficult to maintain the humanitarian face that Ms. Merkel and the media tried to put on her opening the doors to Europe in Sept. 2015.

Perhaps the most serious problem caused by the immigration situation has, however, been the violation of international agreements and the rule of law itself. Populist pressure has caused normal, mutually agreed upon diplomatic practice to be abandoned, and in some important cases, national and international law has been violated with impunity.

Ms. Merkel's opening the doors to migration in early Sept. 2015, without consultation either with other members of the German political spectrum or with her EU partners, although certainly not illegal, was just as certainly contrary to well established political and diplomatic procedure. However, her decision, a few weeks later, in response to pressure by German administrative elites to close the Schengen borders and institute routine border crossing procedures was clearly in violation of the EU's Schengen agreements and, thereby, illegal. According to the Schengen agreements, routine border crossing procedures within the EU's Schengen zone, can be instituted only with European Council permission and then only for short periods corresponding to security concerns. Germany's reason for instituting these procedures was to be able to distribute the entering asylum seekers to designated processing points instead of allowing them to proceed to the city of their choice. It was certainly an understandable administrative necessity, but not within the scope of EU law.

A much more serious violation involves the EU's arrangement, conducted under German leadership, concluded in February 2016, with Turkey, to block trans Aegean migration from Turkey into the EU through Greece. This arrangement with Turkey was, for as long as it stands, the solution to the mass migration into Europe, and primarily into Germany. It, for the most part, resolved the issue of the mass migration Ms. Merkel had elicited by opening up the doors the previous Sept, which and resulted in many more migrants than had been expected. International law demands that a person be able to cross an international border for the purpose of requesting asylum. The deal with Turkey is, therefore, in fact, illegal. Germany and the EU claim that there is no illegality since the migrants already had asylum in Turkey. Turkey, however, has stipulated in its ratification of the 1951 Geneva Convention on Refugees that it would give asylum only to refugees of Euro-

pean origin. Hence, the protection given in Turkey cannot be considered asylum, and the migrants have a right to travel to the EU to lodge a claim. Blocking them, clearly, is illegal.

An even more serious legal problem is involved in the current negotiations undertaken by the EU to establish a program with Libya and other North African countries similar to that which has been set up with Turkey. The negotiations with Libya and North African governments to halt the trans Mediterranean migration into Italy, which now has become the main entry point of asylum seekers into Europe, presents an even clearer case of impeding potential refugee's access to an asylum procedure, not only because of the dangerous chaos in Libya and the well documented mistreatment of sub Saharan and other migrants in that country, but even more significantly, because Libya has consistently refused to sign the 1951 Geneva Convention. There is not even a semblance of refugee protection available in Libya.

Such negotiations and arrangements are undertaken by elites governing the EU, and by individual European governments, urged on by populist opposition to migration, but without any open and democratic discussion of migration policy in general. Populist forces have made their xenophobic voices heard, and elites have responded, scurrying to acquiesce to their demands, but there has been little, if any open discussion of the effects of such responses on the rule of law.

In 2005 the German legislature passed an immigration law that brought German asylum structures and procedures into concordance with EU directives adopted the previous year. As immigration figures increased in the subsequent years, there developed intense public discussion over the integration of both asylum seekers and labor migrants into German culture, but the application of the asylum law remained basically unchanged.

However, the substantial influx of asylum seekers during the course of 2014, even long before Ms. Merkel officially threw open the doors to asylum seekers in Sept. 2015, created extreme pressures on the asylum adjudication system. Only a tiny fraction of the asylum seekers were actually fleeing persecution; those in the ever-increasing influx who did, in fact, qualify for some sort of protection, were fleeing from generalized violence, and under the law, qualified only for the one year subsidiary protection. According them only subsidiary protected meant, however, that their cases would have to be reviewed on a yearly basis, which, given the ever increasing backlog of cases, was impossible. The solution was simply to forget the law and grant them all full asylum regardless of their reasons for flight.

After Ms. Merkel opened the doors in Sept. 2015, and the numbers of migrants increased exponentially, for all intents and purposes, almost all Syrians and most Iraqis Afghans got some form of asylum, and generally the full degree of protection offered by the law only to those fleeing persecution. This was the case even when it was clear that many, even many Syrians, were economic migrants. Such expediency was also quite clearly political. Denying asylum to substantial numbers of migrants that the government had specifically let in, thereby officially admitting that Ms. Merkel had made a serious mistake, was politically impossible.

That granting asylum to such a substantial percentage of the migration was a distortion of the law was practically admitted by Ms. Merkel. After the influx was diminished by the deal with Turkey, she openly admitted that adjudications should be more demanding and a larger percentage of the asylum seekers should be refused and, if possible, deported. It was now politically safe for her to do so.

In summary, returning to the context of migration policy and practice within the paradigm of populists/ elites, we can see how the original political, economic, and intellectual elite support of immigration and asylum has practically given way to populist pressure. Increasing migration figures, lack of migrants' willingness to assimilate and integrate, and real security concerns have forced the elites to give way to populist concerns. Attempts on the part of the elite to change popular resistance to immigration succeeded only fleetingly, and European policy toward migration is driven, at this point, largely by populist forces.

OPEN EDUCATION: INNOVATION IN LEADERSHIP AND STUDENT SUPPORT

Geesje van den Berg,

*DEd, Associate Professor, Department of Curriculum and Instructional Studies
College of Education University of South Africa, Pretoria, South Africa*

Open higher education can be seen as a collective term to describe institutional practices that broaden access. It further refers to the elimination of barriers that previously prevented students from accessing education. The initial thought behind open universities was to make higher education accessible to all people. An open university can be described as a university with an open-door academic policy, with minimal or no entry requirements. Openness in higher education means different things in different contexts and has been associated with phrases such as "sharing thinking and learning in open spaces", "curating resources with others" "engaging in open conversations", "participating across educational boundaries in wider conversations" "open education resources", "massive open online courses (MOOCs)" (Simpson' 2013; Tait 2015; Fry, 2016). Examples of universities with no admission requirements include the Open University in the UK and Athabasca University and Thompson Rivers University, both situated in Canada. Programs offered by universities such as those mentioned above are usually (but not restricted to) distance learning programs.

The University of South Africa (Unisa), where I am currently teaching, is an open distance learning (ODL) institution and defines open education as an approach to learning that gives students flexibility and choice over what, when, where, at what pace and how they learn. It currently follows a blended approach to learning, which means that different teaching and

learning strategies are used with series of physical and virtual resources to support learning (Unisa ODL policy, 2008). The University has a policy of responsible, open admission, which means identifying potential and appropriate support for students. It promotes equity of access and the provision of adequate student support interventions aimed at bridging the gaps in students' academic and social readiness for higher education. This process provides for the assessment of students' levels of academic preparedness and aims to design appropriate support systems for students who need help in addressing academic skills gaps. These will be provided through actions such as foundation courses, extended programs, academic literacy skills facilitation, as well as orientation to studying at a distance.

With an estimated enrollment of 300 000 students from South Africa, Africa and beyond, open universities such as Unisa have a unique contribution to make, and particular leadership is needed to be successful. It is agreed with Tony Bates (2013) that possible areas in which leaders can make specific contributions, includes

- Leadership in pedagogies built around 21st century digital technologies
- Admission policies
- Reduced costs per student through economies of scale
- Quality online student support.

All these aspects are of particular importance and, in my opinion, deserve a paper on their own. Because of my personal interest in how we in open distance learning can support our students to be successful, quality student support (including online support) will be the topic of discussion for the remainder of this paper.

Student support. Student support can be described as a range of services to assist students to meet their educational objectives and to obtain the necessary knowledge and skills to be successful in their studies. Simpson (2012) states that student support can be categorized as to whether it is helping students to develop into more efficient learners or how it is helping them to overcome a problem which was inhibiting their progress. Simpson (2013) argues that Student support consists of academic as well as non-academic support. Academic support refers to teaching, the development of students' learning skills as well as assessment and feedback, while non-academic support refers to institutional support, support related to students' management of their studies as well as emotional support. Although the support can be put in these categories, they should be seen as integrated and occur in different combinations.

Different media are available and can be used to support students, such as face-to-face meetings, telephone calls, emails, text messages, social media and via the institution's learning management system (LMS).

Background. When referring to worldwide issues in ODL, Tait (2015) notes that certain traits are specific to students in ODL institutions. Student studying at ODL institutions in most cases are

- Adults – most are not directly from school
- First ones in the family to enter post-secondary education
- Part-time students with family and work responsibilities
- Those who gained access because of openness and inclusivity
- From lower income groups than those from residential institutions

Student success rates and undergraduate qualification completion rates are lower for part-time than full-time students and lower for ODL than part-time campus-based students as a whole. Exceptions exist, though.

From the above, it is apparent that despite all the benefits that go with openness, it also holds a potential risk for both the institution and the student. In order therefore to mitigate the risk, leadership in supporting these students is needed. The question is then where to start, and based on the work of Simpson (2013) and Tait (2015) a framework is suggested for student support in an open distance environment, consisting of the following three key elements:

- **Orientation and preparation**
- **Interventions at key points**
- **Personalised support**

The first key element deals with support during orientation and preparation, and will be discussed next.

Orientation and preparation. Students should be supported right from the start when they contact the university. During the application and registration processes, webinars, screencasts, videos and podcasts could be used to convey important information. Furthermore, mentoring video clips from experienced students can assist new ones to determine if they are indeed ready for their study as well as reflect on their study choices. Video clips or screencasts can be used to demonstrate the use of the LMS and the necessary protocols. During this first phase academics should explain the courses they offer, including the levels, the time needed to master the content and the duration of the course. On their turn, students should be given the opportunity for individual questions and need to receive timely feedback.

During this first phase, both Gibs et al. (2006) and Simpson (2013) agree that support during this stage should be rather proactive than reactive as far as possible.

The second key element deals with interventions at key points in the student's academic journey, and will be discussed next.

Interventions at key points. In the course of the study certain key points exist and when necessary, academics should intervene to support students. The first key point is before students start their courses. This phase can be called the pre-study phase and determines the student's readiness to start the course. The second phase is the in-course phase. During early contact, when students start and submit their first assignments, they probably need the most support. Research (Simpson, 2013) has shown that dropout occurs very heavily at the beginning of a course, therefore support also needs to be heavily focussed at the start of the course. During the mid-course phase, when students submit their second set of

assignments and during preparation for summative assessment, academics should further intervene when students are in need of support. Supportive documents such as additional study materials, references to relevant sources or sometimes only a message of support and motivation will assist students to persevere and stay on the course. The third phase during which students might need support is the after assessment phase, when they need guidance on their next courses.

The field of learning analytics now enables institutions to get statistics they need about students and can be used during all stages to identify students who are in need of specific kinds of support (Tait, 2015). However, ethical and legal issues need to be considered at all times.

The third key element deals with personalised support and will be discussed next.

Personalised support. Once students start with their courses, lecturers or tutors get to know them personally as well as their capabilities. More support and opportunities should be given to students with difficulties, particularly remote students, students who have careers, and so on. On the other hand, more thought-provoking tasks could challenge bright students or those who have more time to study. Furthermore, students must be able to choose tools they feel comfortable with. With a variety of available tools, students have many to choose from and should use those that support their learning styles and preferences. While choosing different tools, students choose different routes to reach the same destination. Social media such as Whatsapp and WeChat can be used for students to support each other (peer support). Lecturers should furthermore respond to students individually, using ways such as emails, Skype, video conferencing and the learning management system. Relevant and prompt feedback should be provided on assignments. Lecturers need to interpret data from learning analytics. Data can be descriptive, diagnostic, or predictive. Depending on the category, it can be used for advice, support and intervention.

The three elements as discussed above are moving towards student autonomy, which refers to the capacity to take responsibility for, and control of, their own learning, and eventually student success. It can be presented in a framework as follows (fig.).

Student support in open education, specifically in ODL, is a multifaceted concept. Because of their contexts, students in open education are in general more in need of quality and appropriate academic and non-academic support. If such support can be provided as discussed above, student autonomy can be developed, which ultimately leads them to be successful and able to manage their own studies.

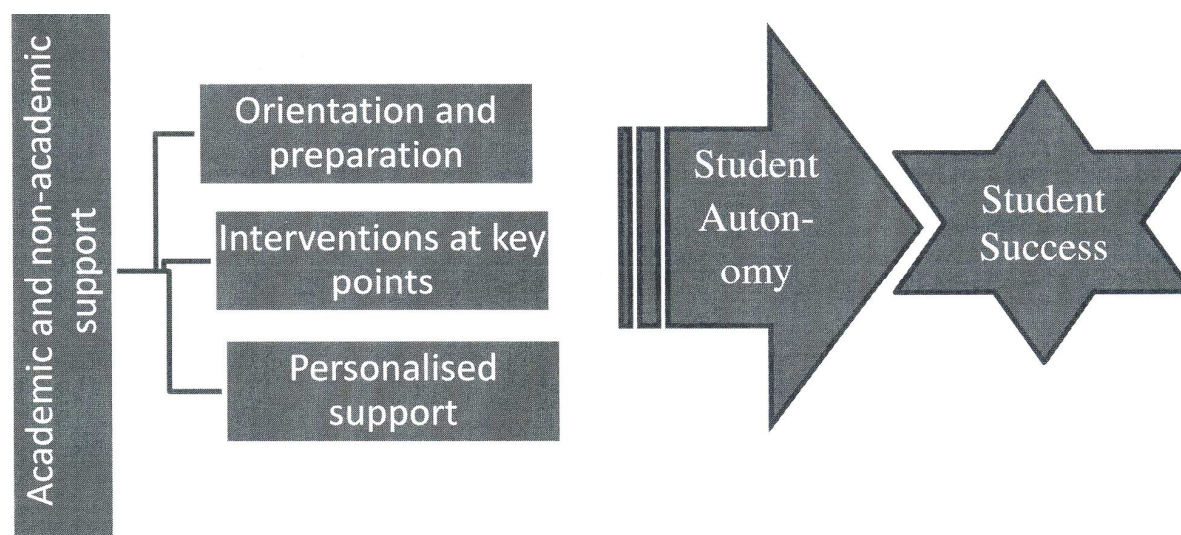

Fig. 1. A framework for student support in open distance learning

However, it is also clear that, because of its complexity, much more research is needed to determine the best ways to lead student support in open education.

Список литературы

1. Bates T. Leadership in open and distance education universities. 2013. Режим доступа: www.tonybates.ca/2013/12/05/leadership-in-open-and-distance-education-universities (дата обращения 12.03.2017).
2. Fry D. M. Open Education Leadership. 2016.
3. Gibbs G., Regan P. & Simpson O. Improving student retention through evidence based proactive systems at the Open University (UK). *Journal of Student Retention*, 2007, № 8 (3).
4. Henny C. Welcome to the future: 9 predictions on what learning will look like in 20 years. 2016. Режим доступа: <https://www.linkedin.com/pulse/welcome-future-9-predictions-what-learning-look-like-20-henny> (дата обращения 14.10.2016).
5. Simpson O. Supporting students for success in online and distance education. 2013. Режим доступа: <https://www.routledge.com/Supporting-Students-for-Success-in-Online-and-Distance-Education-Third/Simpson/p/book/9780415509107> (дата обращения 17.02.2017).
6. Tait A. Student success in open, distance and e-learning. The ICDE report series. Norway: ICDE, 2015.

ELITE (THE OUTLINE TO THE PORTRAIT)

Tashlinskaya Elena Shamilevna,

Ph.D., Associate Professor of Philosophy, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk

Speaking of elites and accessories thereto, recounts the top intellectuals, descendants of (ironically) from different social classes. Hence the idea of elitism as election, possess the best qualities. Saying, for example, of scientific and technical intelligentsia and brightest people with outstanding abilities and no less impressive results of their activities. Without exaggeration they can be referred to as the color of the nation, as proudly (and, fortunately, is still quite sincerely) persuade us media, representatives of power structures, remembering the truth, only for the day of science, or combining with all kinds of commemorative dates (personal or public nature of the plan).

Before turning to the experience (of spiritually-practical, above all) life really extraordinary personalities and realistic sketches, trying to build a model of behavior, a line of life, perhaps even a strategy that defines the term, I would like to push off hardly from opposite examples, which is replete with modern reality. Such extra-elite (pseudo-, anti-, quasi-, non-, counter) examples of falsely understood "elitism", unfortunately abound. By defiantly calling behavior of the so-called "Golden" youth to the opposition movements of subculture, media-profane translation.

Heritage (and the presence of elite it is best proof) is a State. Heritage linked to the dignity of the individual-with its honor, conscience, justice, but also to the situation (status) of science and science-fullness of his life a sense of the importance of the need, participation in State scale tasks (not just the satisfaction of immediate expectations, performance of someone else's whims, crazy desires, selfish interests). The status of an individual is directly related to the understanding of the goals and objectives of the society as a strategic key necessity and needs to meet not only physical, vital, but also moral, aesthetic, cognitive, religious needs, etc. State not least depends on worries about logistics: hardware upgrades, initiating laboratory research work, getting rid of paperwork, in General, from the creation of working conditions-including the moral and psychological climate in the team. Conditions of continued pressure, pressure, exhausting every possible reporting procedures, the threat of unemployment, endless consultative events, the man once engaged in a truly science, his life increasingly resembles the very "long meeting". In science enough its routine work and major efforts should be on maximum human emancipation is capable and willing to create (in science, technology, production, business administration, education, etc.), able and likely brings maximum benefits, has its development potential (and collective) of creative initiatives from unnecessary idleness. Only the occupied people, carrying out socially useful activities, able to show grant (yourself and the world), to fulfill the dream of a decent existence and create something truly meaningful. Purely pragmatic, utilitarian, commercial approaches to all and detrimental to the whole person-the creator. Certainly, it can (and maybe even should) carry out social order, it additionally stimulates, motivates him to further action. But the main thing is not to interfere with and to contribute to the development of its domestic sense, insight, knowledge-based analysis of the experience of previous generations, with realization of occupational skills, skills.

Resistance, ability to overcome difficult situations, to resist the negative effects of "Wednesday" is a very important qualities of a mature person.

In our view, change, or rather, the substitution of values, erosion, leveling of the norms and principles of moral-aesthetic nature, relativistic, agnostic, false witnesses, pluralistic attitudes meant that instead of genuine, true ideologems come pseudo-values, masquerade, distorting the Supreme meaning of the spiritual content of human activity. Occurred a monstrous skewed towards chasing fashion trends, brands, new products, savoring the negative phenomena of public and private life, with the desire to plunge into these ugly details, and details of these imprinting (the death of animals and people, collapsing buildings, man-made and natural disasters, etc.). Hence the fascination with nekrofilic images, the zombification of persons with immature brains and weak souls, not conscious of the abyss into which they roll with sincere bewilderment what horror and disgust being that turns into nothingness. The man gets to tie-up artfully woven intrigues, the meaninglessness of existence, with the full confidence and absolute contentment that he himself directed and capable, if necessary, change the trajectory of the life flight. Entrenched in the public mind, the thought, the belief that career, prestige, comfort (like the flip side of laziness), success, power, popularity (even illusory, imaginary), fame-these are the values that can become not just a goal, but also the meaning of the whole of human life. As it becomes an end in itself, then go to it fanatically, believing that all means are suitable and don't have those barriers that cannot be overcome (albeit at the cost of someone else's or his life). Life itself is depreciated, rather, it has evolved into a price value, and measuring human so how many he owns (property-salary and other incomes, movable and immovable property, i.e. all the benefits that we traditionally refer to as material wealth). It is overlooked or consciously (euphemistically) to remain silent about how and why people came to these things. How justified he spends the lion's share of its vital activity on the aspiration to receive these benefits, whether he is happy, but what is equally important is moral subject.

Perhaps the statement of such matters will seem some old favorite way to wail and resentment about that world and people are so bad that it is no longer possible. Perhaps someone will appear this position not only retrograde, anachronistic, but also ridiculous, out-of-date and even absurd, ridiculous. The author is far from excessive idealisation of the past (because it happens at all times everything) and averse to believe that the crisis inevitably altered human, but still believes that many of the phenomena of social life, their frequency and repetition become systemic in nature, and therefore cannot make think about changes.

Unfortunately, similar processes occur and involutional science adroit, skitter youths turned science into a hobby, something fun, business enterprise, some training of its "skillful" abilities of reading (optional) and provide free interpretation, to bring its authors honored conceptual "fix, all it serves is not without a businesslike self-confidence and derive maximum benefit from the current situation. Writing articles is, on their own, "getting your hands when from the INDEX (RINC), you can move to the HAC and then publications and academic journals, the benefit of the inhabitants of the capital it already pays so you can" break". Foreign grants is not yet available, but all is not lost. They are willing to hold meetings and round tables, sharing a "rich" experience successful cases. The hypocrisy and the Sanctimony, cold calculation with a mask "chivalry" and "Ministry" or waiting comfortable position, "conciliation" and ability to enter into the credibility of senior colleagues, coexist with the age-old Russian servility, combined with the desire to be identified as the "saints", enter the "history", having received the support of the powerful, while ranking in advance offerings his superiors and earning the praise of being. These and other vulgar coming out of base motives desire, dressed up in clothes belonging to "the elite" bar, elitist Sciences (as, for example, philosophy), in fact to the nullity of the self-evident and verified only one-the desire to acquire fame, success, regalia, rank and position. Neither science, nor even more so to the elitist it is not exactly nothing. Sadly noted, everything from century to century, repeats, and always the same-the struggle of ideas and interests, fighting currents, classes, the struggle for existence, conflicts between Nations and States. Striving for leadership, Championship, power-but what and thanks (or even at the expense of what/who) what/whom?

Pseudo-elitism is also reflected in the simulation activities and creativity, servility, taking care to retain profitable places in readiness for the well-being of all. Ambition and careerism, the thirst for fame and success is the faithful companions of such behaviour.

A truly elitist personality differs primarily by high professionalism, coupled with the moral qualities, it has special qualities and psychotype suitable for the best implementation of specific activities (in unity of intellectual, communicative, esthetic, moral properties). Elite in addition to intellectually developed properties are also self-critical approach, modesty, decency, and in socio-professional context-solidarity, commitment to professional development, teamwork, initiate new ideas, creativity, originality, sense of style, artistically developed taste. Exactly understood and implemented this key personality and can be called elite.

THE SYSTEM OF ELITE EDUCATION IN MODERN GERMANY

Macho Thomas,

Prof. Dr. phil., The Humboldt University of Berlin, Berlin

Lebedeva Irena,

Ph.D. (Sociology), Associate Professor,

Caspian Institute of Sea & River Transport, Astrakhan

Karabushenko Pavel,

D.Sc. (Philosophy), Professor,

Astrakhan State University, Astrakhan

The topic of the exclusive education has become a widely discussed issue in the EU countries, in particular Germany, whose government has adopted a whole program of financial support for its most advanced universities. It is connected with the recent development of high technologies [1]. The system of higher education in Germany unites over 320 educational institutions, the overwhelming majority of which are state (private universities must necessarily have a state license for professional activity) [2–3].

The basis of higher education make 78 universities (Universität) and equated to them institutions. Currently, there are three types of universities in Germany: 1) classical "old" universities with a rich medieval history and traditions: Heidelberg University, universities in Freiburg, Tübingen and in several other cities; 2) universities that received their status in the process of transforming technical and other industry-based higher education institutions (for example, the higher technical school in Hanover in 1968 received the status of a technical university in 1968, (Technische Universitäten) and the equivalent higher technical schools (Technische Hochschulen) in Aachen and Darmstadt; 3) universities that emerged in the last 30–40 years at the peak of the rapid higher education development in Germany: the Ruhr University in Bochum, the universities in Constance, Regensburg, Bielefeld, other new universities and private universities. Most of them can not compete with the classical in terms of variety of training directions, but they actively conduct experiments to introduce modern teaching methods and have campuses, which is not generally typical to German universities [4].

It is known that every 5 years there is a competition among German universities for the title of the "Exclusive University". This federal project "Exzellenzinitiative" (in German) was launched in 2005. The idea of holding such a special competition for the title of elite university was put forward in 2004 by Edelgard Bullmann, who headed the Federal Ministry of Science and Education at that time. In general, Germany planned to spend 1.9 billion euros for this purpose for five years (75 % of the funds were expected to come from the federal budget, and a quarter from federal lands) [5].

The first three universities, which received the right to be called "exclusive" once appeared in Germany in 2006. Each of them received about 120 million euros a year for scientific projects from the state within 5 years. The political elite of Germany showed its interest in creating and institutionalizing the institution of elite educational institutions, realizing that the 21st

century is the era of high technologies which requires the training of specialists not only of high, but of the highest level [5]. Based on the Commission's decision the German scientific landscape looked in 2006 as follows: a prosperous south, several scientific oases in the west and the north, and a complete decline in the east of the country. Of all the East German universities, only a couple of universities in Saxony managed to get state support for their scientific projects and postgraduate courses [5]. In the first round of the contest the commission selected apart from elite universities 20 best postgraduate courses and 15 scientific projects, which also received multi-million support from the German state [5].

The competition has revealed the best scientific and future oriented universities in Germany, among which was one in Berlin – Germany's Free University (Freie Universität Berlin). These exclusive universities were able to build modern laboratories, equip them with modern technology and keep the library fund at the current level, and also invite eminent scientists to work together [11].

The German edition of «Wirtschafts Woche» made the rating list of the best-universities in Germany. Among the 15 best universities of Germany there are those that received recognition and appreciation of this magazine.

1. RWTH Aachen (Rheinisch-Westfälische Technische Hochschule Aachen) / Rhine-Westphalian Technical University of Aachen.

2. Uni Mannheim / Mannheim University.

3. Karlsruher Institut für Technologie (KIT) / Karlsruhe Institute of Technology.

4. Technische Universität München (TUM) / Technical University of Munich.

5. Ludwig-Maximilians-Universität München (LMU) / Ludwig Maximilian University of Munich.

6. Uni Köln / University of Cologne.

7. Technische Universität Darmstadt / Technical University of Darmstadt.

8. Westfälische Wilhelms-Universität in Münster / Westphalia University of Kaiser Wilhelm II in Münster.

9. Technische Universität Dresden / Dresden Technical University.

10. Technische Universität Ilmenau / Technische Universität Ilmenau.

11. Goethe-Universität Frankfurt am Main / Goethe University Frankfurt.

12. Technische Universität Berlin / Technical University of Berlin.

13. Universität Stuttgart / Stuttgart University.

14. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn / Rhine Friedrich Wilhelm University of Bonn.

15. Humboldt-Universität zu Berlin / Berlin University of Humboldt. [8]

In 2012, 11 German universities were selected for the “elite universities” list: both universities in Munich, the Free University of Berlin, universities in Konstanz and Heidelberg, and the Higher Technical School in Aachen. For the first time, the Berlin Humboldt University, the Universities of Cologne, Bremen and Tübingen, as well as the Technical University of Dresden, were among the “elite universities”. They were given the right to have the title of “elite universities” within five years (2012–2017) and receive additional funding for 2.7 billion euros. Minister of Education of Germany Annette Schavan called the selection of the best universities “a step forward” for the German scientific community. In her opinion, the German academic landscape has become better seen from abroad, it is appreciated all over the world and it attracts the best specialists [6].

The list of “favorites” is not constant and varies depending on the current rating. In 2012, the universities in Freiburg, Göttingen and Karlsruhe lost the prestigious title of the “exclusive universities”. About one hundred German universities fought for the right to be an “exclusive university”. The competition was divided into three categories: 1) the concept of supporting young scientists; 2) special research centers; 3) “the concept of the future” – the presentation of specific plans with the help of which the university wants to pave its way to leadership at the international level. Only the winner in this category gets the right to be called an elite university. However, leadership in other categories also gives advantages – above all, additional prospects for financing [7]. The diploma of such “elite” universities is valued above the rest. The status of an elite university adds prestige, although it is impossible to detect fundamental differences.

In 2012, the amount of “elite universities” funding was 2.7 billion euros [10]. The authorities of Germany noted the competitive (democratic) spirit in German universities throughout the selection process. But at the same time, the purely financial (oligarchic) reason of this competition was not forgotten – the participants of the competition supported the idea of a jackpot in the amount of more than 100 million € (such total amount of grants, which was to enter the development of scientific research in the universities which won the competition, from the budgets of the lands in which they are located and from the state treasury) [9].

“The new elite in the competition assessment of the results made it clear that a high title, and additional funding will enable the chosen educational establishments to rise to a qualitatively new level. But exactly what makes winners euphoric causes the makes those who failed pessimistic about the future. For universities, which now, as ironically remarked the Rector of the University of Freiburg, will play in the “major league”, a victory in the prestigious competition, certainly opens up new horizons. However, it is unclear how the uneven financing of German higher education institutions will impact the “balance of power” in the German education system” [9].

The critics of the project said that it creates unequal conditions for open competition in the market of educational services. Thus, the rector of the University of Leipzig, Franz Heuser is sure that the decisive role in the fact that out of all the universities located in the new lands. The only one university from the old lands who managed to reach this status was the Berlin University of Humboldt. The time factor was also very significant in this competition because the western universities had a head start in the development of at least 40 years. According to him, in the near future will be felt first negative effects of the unequal distribution of funds. The professor believes that a significant proportion of subsidies will allocate elite universities to attract the best staff, which invariably affects the quality of education in other universities [9].

His concerns about such differentiation expressed German labor unions in the education system (GEW). Their representatives are worried that elite universities financing program could exacerbate the structural problems in the education system. All universities, which currently are among the elite, are located in the old federal states. This situation could further exacerbate the differences in the development of education and standard of living in particular regions [9].

Despite these objections, the media pointed out that the leadership of the country is full of optimism and puts high hopes on a new elite. "The financial support of selected universities should not only promote the development of science in the country, but also improve the image of Germany abroad, to make German universities more attractive to international students" [9]. Russia learnt from German experience in support of the leading universities and followed its example, taking up the process of differentiation and elitisation of its university system in 2015–2017.

Список литературы

1. Top Universities in Germany 2016/17. Режим доступа: <https://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/world-university-rankings/top-universities-germany-201617>.
2. Best Global Universities in Germany. Режим доступа: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/germany>.
3. These are Germany's top ten universities. Режим доступа: <https://www.thelocal.de/20161027/these-are-germanys-top-ten-best-rated-universities>.
4. Frank van Bebber Mini-Harvard am Bodensee. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/uni/elite-uni-konstanz-mini-harvard-am-bodensee-a-512438.html>.
5. В Германии появились элитные университеты. Режим доступа: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,2203567,00.html?maca=rus-yandex_new_comments-325-xml (дата обращения 15.10.2006).
6. В Германии выбраны «элитные университеты». Режим доступа: <http://www.dw.com/ruD1%8B/a-16030821> (дата обращения 16.06.2012).
7. В Германии определили элитные университеты. Режим доступа: http://ru.osvita.ua/abroad/higher_school/germany/29916/ (дата обращения 18.06.2012).
8. Лучшие университеты Германии (по мнению журнала «WirtschaftsWoche»). Режим доступа: <http://euni.ru/ucbeba/vysshee-obrazovanie/v-germanii/universitety/rejting> (дата обращения 14.03.2017).
9. Шестерка элитных университетов Германии. Режим доступа: http://www.luxplanet.ua/semya_deti/publication/shesterka_elitnye_universitetov_germanii (дата обращения 14.03.2017).
10. Элитные университеты Германии. Режим доступа: <http://www.parta.com.ua/news/1293> (дата обращения 15.06.2012).
11. Элитные университеты Германии. Режим доступа: <http://www.edystudy.com/2012/07/elitnye-universitety-germanii/> (дата обращения 14.03.2017).
12. Deutschland kürt elf Elite-Unis – Karlsruhe steigt ab. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/uni/exzellenzinitiative-sieger-und-verlierer-des-uni-elite-wettbewerbs-a-839103.html> (дата обращения 15.03.2017).
13. Patrik Schellenbauer Mehr Exzellenz und Effizienz an den Hochschulen. Режим доступа: <http://blog.tagesanzeiger.ch/politblog/index.php/66405/mehr-exzellenz-und-effizienz-an-den-hochschulen/> (дата обращения 15.03.2017).
14. Spitzenförderung für Spitzenforschung. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/berlin-exzellenzstrategie-101.html>.
15. Die elf Exzellenten. Режим доступа: <http://www.rp-online.de/panorama/wissen/bildung/die-elf-elite-unis-in-deutschland-aid-1.6141203> (дата обращения 29.03.2017).
16. Welche Elite-Unis trifft es als nächste? Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article143808098/Welche-Elite-Unis-trifft-es-als-naechste.html> (дата обращения 29.03.2017).

ЭФФЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНЧЕСКОГО УЧЕБНОГО ИНТЕРАКТИВНОГО ДИСКУРСА

Голованева Марина Анатольевна,

доктор филологических наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Образовательный дискурс в современных условиях приобретает новые черты, обусловленные социальным заказом. Ценностно-смысловое наполнение образовательной коммуникации, соответствующее требованиям современного общества, диктует ориентацию на специфические формы организации учебной деятельности студентов высшей школы, их максимальную активность в процессе овладения знанием.

Институциональный образовательный дискурс [3, с. 341] современности, организованный совокупностью стандартов, программ, методик, традиционных подходов к содержанию и структурированию учебной деятельности, предполагает существование такого персонального [там же], т.е. лично ориентированного дискурса. Он формирует профессиональную личность с заданными эпохой чертами коммуникативной состоятельности, способностью к гибкому и эффективному реагированию на неизбежно меняющиеся реалии социальной и педагогической действительности.

Бесспорно приоритетное положение в современном образовании коммуникативного подхода и в его рамках – интерактивного принципа. Заданные ориентиры требуют реализации таких форм работы, которые позволят функционировать всему спектру интерактивных возможностей, раскроют на почве практико-ориентированных действий весь потенциал идеи интерактивного обучения.

Освоение студентами-филологами методических аспектов получаемой педагогической профессии наиболее эффективно в процессе живого общения со школьной действительностью. Однако возможности педпрактики ограничены, следовательно, необходим перенос соответствующих сценариев в область университетской лекционно-прак-

тической системы. Ирреальность тренировочного урока, представляющегося «неживым», «тепличным», далёким от спонтанно возникающих педагогических, методико-предметных, языковых конфликтов реального школьного занятия, тем не менее, предоставляет студентам определённые возможности обучающей деятельности.

Реализация ролевой деловой игры в студенческом коллективе, имеющем опыт прохождения педпрактики и не имеющем такового, отличается. Однако данная интерактивная форма работы обязательна как в первом случае, так и во втором. Отсутствие профессионального опыта у студентов требует акцентирования внимания на самых разных аспектах урока в опережающем режиме с целью предупредить возможные ошибки в процессе проведения настоящего урока в школе. Наличие опыта у студентов, прошедших педпрактику, делает ролевую игру ещё более эффективной ввиду возможности критически анализировать отдельные вопросы, опираясь на имеющееся у обучающегося представление о специфике «живого» урока. Кроме того, обстановка имитационной деятельности раскрепощает учебную инициативу студентов, позволяя реализовывать смелые методические идеи.

Деловая ролевая игра проводится с опорой исключительно на конспект урока, тогда как технологическая карта, используемая в настоящее время в школьной практике, изучается в курсе методики русского языка, но не принимается за основу при проведении тренировочных уроков. Структура урока, наличие и реализация его этапов наилучшим образом отражаются именно в конспекте, позволяющем студенту уяснить природу урока, освоить азы обучающей деятельности.

Возникающий в процессе деловой ролевой игры учебный интерактивный дискурс – это ценное коммуникативно-когнитивное пространство, в котором происходит формирование нового знания (а также умений и навыков) студентов посредством реализации коммуникативных стратегий и тактик. «Дискурс, будучи своеобразной формой существования знания, задаёт определённые параметры в этом существовании, формирует определённые требования и может служить критерием в оценке и исчислении понятийного и содержательного аппарата образовательного знания» [1, с. 201]. Коммуникативная интерактивная природа представляемой деятельности ценна своей способностью продуцировать истинное знание: «Истина не передаётся, а возникает внутри коммуникации. Коммуникация – это место, где есть потенциал истины» [4, с. 93].

Аксиологический вес нового знания, полученного отмеченным путём, значителен. Ценностно-смысловое пространство учебной интерактивной коммуникации вмещает в себя все возможные ценностные форматы всех участников коммуникации. Их сложение, преобразование в общем котле учебной когниции порождает конечный для одного учебного занятия продукт, способный совершенствоваться и после окончания дебатов и занятия, в каждом отдельном сознании.

Ценность опыта проводимых тренировочных уроков состоит в интерактивной природе данной деловой игры. Так, самостоятельная деятельность студентов охватывает все этапы подготовки, реализации и анализа урока: учебный коллектив без вмешательства преподавателя распределяет между своими членами темы будущих уроков, ориентируясь на степень сложности темы и посильность её презентации для конкретных студентов; группы студентов в составе 2–3 человек занимаются составлением конспекта урока, его проверкой, обсуждением. Урок проводится одним студентом, принимающим на себя роль учителя, поддерживается и сопровождается в процессе реализации той командой, которая участвовала в составлении конспекта. В анализе проведённого урока проявляет активность весь учебный коллектив под руководством модератора, регулирующего процедуру устного анализа. Устное обсуждение завершается написанием методических рецензий на урок, написанием методических рекомендаций. Логически следующим является этап трансформации конспекта с учётом отмеченных недостатков; завершающим – этап оценивания, начисления количества баллов за проделанную работу всем членам команды.

Таким образом, интерактивная деятельность студентов касается всех этапов работы над моделью урока. Учебный дискурс при этом базируется на студенческом полилоге (в отличие от анализируемого диалога в рамках привычных рассуждений о дискурсе). Полифонизм учебной речевой ситуации подчинён единой цели выявления оптимальных вариантов решения методических задач, максимального приближения к наиболее эффективному результату. Множество речевых поступков участников полилога образует коммуникативное событие, имеющее траекторию движения к заданным показателям: достижение учебных результатов, объективно соответствующих требованиям ФГОС.

Стратегии и тактики дискурса ролевой деловой игры включают в себя, с одной стороны, известные стратегии и тактики речи, с другой, – специфические единицы, функционирующие только в учебном дискурсе.

Так, опираясь на классификацию стратегий и тактик речи О.С. Иссерс [2, с. 108], а также анализируя данную учебную коммуникативную ситуацию и номинируя специфическое, можно констатировать, что в деловой ролевой игре реализуются следующие речевые стратегии и тактики. Всеми участниками игры – *основная семантическая выявления ошибок и выявления успехов*. Так, на всех этапах работы, а в особенности на этапе анализа урока, когда каждый член коллектива отмечает один плюс и один минус в увиденном, данная стратегия реализуется посредством *тактики анализа. Тактика аргументации и ссылки на методический авторитет* (на позицию известного методиста-учёного, учителя-куратора в школе, где проходила педпрактика, авторов методических пособий и учебников и др.) используются не только на данном, но и на всех этапах работы. При этом ссылкой на авторитет может воспользоваться любой участник полилога. Непременным остаётся правило точного указания источника.

Студент-«учитель», проводивший урок-модель, реализует в рамках *вспомогательной прагматической стратегии построения собственного имиджа тактику самопрезентации*, позиционируя себя как педагог-приверженец определённой методической системы, проводник избранной методической технологии, реализатор наиболее близкого ему педагогического принципа, например, сотрудничества, или сотворчества и т.д. На этапе анализа проведённо-

го урока студент-«учитель» проводит *тактику отвода критики и согласия с критикой*, ориентируясь на принцип объективности.

Модератором, организующим процесс обсуждения урока и следящим за вовлечённостью в него всех членов учебного коллектива, *реализуются вспомогательная диалоговая стратегия контроля над темой и контроля над инициативой*. При этом проводится *тактика побуждения*, призванная активизировать дебаты, аргументацию, порождение выводов.

Актуальный вопрос лидерства в интерактивной модели обучения разрешается естественно: формально определённым лидером является модератор, принявший на себя большую часть функций преподавателя, однако фактическими лидерами на разных этапах занятия может стать каждый студент в зависимости от того, насколько весомым оказывается его коммуникативно-когнитивный вклад. При этом имеется в виду не гиперактивность ради самой активности, а деятельность, генерирующая форматы методического знания большего или меньшего объёма. Все участники учебного дискурса вербально или невербально реализуют *тактику присоединения* к определённой точке зрения. Оречевление позиции в этой ситуации имеет особое значение ввиду первостепенной роли слова в формировании когнитивных структур в сознании обучающихся.

Роль преподавателя в занятии описанного типа формально минимальна, однако им производится мониторинг эффективности всех учебных процедур. Выявление фактических ошибок методического и лингвистического характера, коррективы дискуссионных сбоев осуществляются незамедлительно, авторитетно разрешаются столкновения противоположных студенческих мнений. Коммуникативная активность преподавателя в данной модели невысока, но её качество во много раз возрастает. Деперсонализации фигуры преподавателя не происходит. Его коммуникативный вклад теперь востребован не формально, его редкие включения в общий учебно-методический текст коммуникации осмысливаются обучающимися глубже и многосторонне. «Фигура наставника если и не исчезает окончательно, то ... составляет ей конкуренцию самореализация субъекта, которая является вместе с тем социальной практикой» [5, с. 296].

«Территория» дискурса, образно говоря, полностью подконтрольна инициативе преподавателя, остаётся таковой и в современных условиях, однако дискурсивные события инициируются студентами как активными участниками студенческого полилога. Главная задача преподавателя – научить студента реализовывать функцию организации учебного дискурса, его мониторинга и квалифицированного анализа, то есть сформировать у студента способность занять функциональное место преподавателя. При этом различия контингента школьного и студенческого сказываются только на содержании образования и в малой степени на интенсивности дискурсивных связей в коммуникативно-когнитивном пространстве учебного дискурса.

Таким образом, все отмеченные эффективные стратегии обучения можно считать метакогнитивными стратегиями [6, с. 202], реализующимися с ориентацией на наиболее высокие результаты учебной деятельности.

Список литературы

1. Гусаковский М. А., Яценко Л. А., Костюкевич С. В. и др. Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе. Мн. : БГУ, 2004. 279 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 341.
4. Пятигорский А. Индивид и культура. Интервью // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 93–104.
5. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки. М.: СОЦИО-ЛОГОС, 1991. С. 284–311.
6. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб : Питер, 2002. 272 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ЭЛИТЫ И ЛИДЕРСТВА

ГЕТЕРОТОПИЯ ЭЛИТНОГО КОНДОМИНИУМА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА¹

Романова Анна Петровна,

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии,

директор гуманитарного института,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Термин «гетеротопия», предложенный М. Фуко, начинает все более активно входить в научное пространство и применяется к различным видам социально-культурных объектов. Термин этот связан, прежде всего, с пространственными феноменами, как традиционными, исторически существующими, так и возникающими в постоянно изменяющемся городском ландшафте. Сам М. Фуко ни в работе «Слова и вещи» (1966), ни в небольшой статье «Другое пространство» (1984) не дает гетеротопии четкой дефиниции. Он скорее описывает ее как реально существующие пространства, эффективно действующие утопии, которые формируются в самом основании общества. Фуко считал, что они представляют собой контр-пространства, в рамках которых другие реальные места, существующие в культуре, одновременно представлены, противостоят друг другу и перевернуты. Эти места находятся за пределами всех мест, хотя в реальности они фактически локализуемы [9, р. 24]. М. Фуко в этой же работе достаточно подробно расписывает шесть основных принципов гетеротопии: универсальность, т.е. наличие гетеротопных пространств практически в любой культуре; гибкая функциональность, поскольку функционал меняется в зависимости от потребностей социума; наличие множественных пространств в одном пространстве гетеротопии; сохранение времени; наличие входа и выхода в гетеротопию; способность контактировать со всеми другими пространствами несмотря на свою обособленность.

В статье «Другое пространство» М. Фуко выделяет и кратко описывает два типа гетеротопии: гетеротопию кризиса и гетеротопию девиации. Третий тип гетеротопий М. Фуко четко не артикулирует, называя его «гетеротопией иллюзии» или «гетеротопией компенсации» [9, р. 25]. Гетеротопии этого типа являются характерными для конца индустриальной эпохи и неперенным атрибутом постиндустриального общества. Это театры, музеи, кинотеатры, развлекательные центры и другие центры проведения досуга [2]. Этот тип гетеротопии достаточно подробно анализируется в работах последователей М. Фуко [1]. Типология Фуко дополняется современными вариантами, такими как «гетеротопия убежища» [8]

В пространстве современного города достаточно гетеротопий. Это и традиционные открытые пространства, такие как рынки, кладбища, которые во многих Европейских городах локализовались в городском пространстве как некрополи (например, некрополь в Буэнос-Айресе), форумы. Это и закрытые отдельные комплексы – молы, тюрьмы, дома престарелых, больницы, санатории и т.д. «С точки зрения Фуко, жизнь человека во многом определяется рядом оппозиций, например, противопоставлением частного и публичного пространств, пространства семьи и социального пространства, пространство культуры и полезного пространства, пространства досуга и пространства труда» [1, с. 28]. С нашей точки зрения, еще одной оппозицией, определяющей социальное пространство и во многом характеризующей его гетеротопность, является элитарность и массовость.

Элитарность городского пространства может быть разномасштабной: элитные города, например для России (Москва, Петербург), элитные районы внутри города, элитные жилые дома и комплексы. Рядом с элитным жильем находятся как дома массовой типовой застройки с экономичными вариантами квартир и совсем ветхое жилье и даже целые районы – гетто, как в латиноамериканских странах. Грани соприкосновения элитарных и массовых районов превращаются в новый городской фронт [3]. Настоящей гетеротопией являются весьма популярные нынче кондоминиумы. Экономически и юридически кондоминиум – это совместное владение, обладание недвижимым имуществом. В последнее время это весьма распространенная форма собственности во многих государствах. Термином кондоминиум стали называть элитные жилые комплексы, которые вполне можно рассматривать как гетеротопию, т.е. «другое пространство».

Типичный современный элитный кондоминиум, особенно в теплых странах представляет собой жилой комплекс повышенной комфортности с современными квартирами и целым рядом мест общего пользования. Туда входит тренажерный зал, серия спортивных комплексов, такие как например площадка для игры в сквош, бассейн, джакузи, сауна, часто небольшой сад внутри, вокруг кондоминиума или на крыше, бар, ресторан, фитнес, косметологический салон, гаражи, магазины и т.д. Комплексы закрыты для посторонних, снабжены охраной [5]. Если рассмотреть приведенные нами выше характеристики гетеротопии применительно к исследуемому нами объекту, то практически большинство из них описывает кондоминиум. Во-первых, пространство кондоминиума закрыто для посторонних, тех,

¹Работа выполнена при поддержке РФФИ проект 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

кто не вошел в элитный список его жильцов, оно имеет секьюритизированный вход и выход. В пространстве кондоминиума, как мы видим, находится не только множество жилых пространств, но и мест, где оказываются всевозможные дополнительные услуги, создающие закрытую зону повышенного комфорта. Причем набор этого функционала может меняться в зависимости как от цены квартиры, так и территориального расположения комплекса. Например, один из кондоминиумов в г.Хайко (КНР), в котором в гостях побывала автор статьи, есть даже бассейны с термальной водой в цокольном этаже, в который жильцы в купальных принадлежностях спускаются прямо на лифте, а затем плавают в открытом минеральном бассейне в садовой зоне. Техническое оснащение кондоминиума обновляется по мере устаревания технологий. За стенами кондоминиума протекает другая жизнь, не обеспеченная таким комфортом и возможностью получить массу необходимого и желаемого не просто в шаговой доступности, а не входя из дома. Причем большинство этих возможностей связано как с поддержанием здорового образа жизни, так и с экономией времени. Кондоминиумы особенно в тропических странах представляют собой эстетически продуманные островки жизни, нацеливающие на гедонистический отдых от работы, требующей постоянной концентрации внимания. И в то же время во многих из них есть круглосуточные бизнес-центры, оборудованные всем необходимым для быстрого реагирования на рабочие ситуации, что позволяет вывести бизнес пространство за пределы зоны домашнего бытия. Проживание в таких кондоминиумах придает владельцу особый социальный статус в глазах окружающих.

Наличие кондоминиума расширяет круг элиты, поскольку создать комплексный комфорт такого уровня на индивидуальной вилле могут себе позволить только супербогатые люди, а небольшое жилье в кондоминиуме покупают в кредит даже представители среднего класса. Несмотря на свою замкнутость, самодостаточность и элитарность кондоминиумы не отрезаны от окружающей действительности, они обслуживаются городской инфраструктурой, местными фирмами, а его жители работают в городской системе. Таким образом, практически все основные черты гетеротопии в кондоминиуме проявляются.

Если попытаться определить элитные кондоминиумы как тип гетеротопии, то скорее всего к нему применимо понятие гетеротопии убежища. Они действительно таковы, поскольку контрастируя с окружающей средой, они дают обитателям ощущения защищенности, избранности, бытовой независимости, комфорта и максимально предназначены для отдыха, отделяя зону работы от зоны домашнего проживания.

В последнее время появились тип кондоминиумов, которые представляют собой убежища уже не в переносном, а в прямом смысле [6]. Это подземные жилые комплексы построенные в США, Новой Зеландии, Германии, в России на Алтае. Они представляют собой подземные жилые комплексы, совмещающие характеристики элитного жилья со всеми перечисленными преимуществами надземного кондоминиума, с защитной функцией бункера от ядерной войны. Такие бункеры-кондоминиумы оснащены всем необходимым оборудованием для автономного, но весьма комфортного существования. В них есть даже, как в фантастических романах прошлого века, гидропонные сады для выращивания фруктов и овощей и рыбоводческое хозяйство для разведения тилапии, сады и бизнес зоны, ресепшены [4].

Они могут обеспечить автономию такого подземного улья на срок до полугода без выхода во внешний мир. Такой кондоминиум еще более гетеротопен, во-первых, поскольку он совмещает в себе еще и гетерохронию. В настоящее время этот жилой комплекс, который построен для сценария мировой катастрофы, предназначается для возможного будущего, но одновременно его используют и поддерживают в настоящем. Например, его используют как экзотическую дачу, поскольку детям там нравится больше чем в Диснейленде [6]. Некоторые комплексы, такие как «Eigora one» (Германия) трансформированы из исторических бункеров партийной элиты советских времен.

Во-вторых, такие комплексы противопоставлены уже не просто массовому жилью, они находятся в оппозиции ко всему миру, поскольку предполагают, что в скором времени он исчезнет в пламени ядерной войны. Если обычный кондоминиум находится в пространстве города, он виден, замечен и социально обозначен, то ядерное убежище скрыто, засекречено и уходит глубоко в недра земли. Даная форма гетеротопии представляет собой футурологическую фантазмагорию, основанную на страхе и ненависти, а если ядерный сценарий реализуется, у нее есть большой шанс превратиться в дистопию.

Список литературы

1. Беззубова О. В. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта // Эстетика архитектуры и дизайна. М.: Архитектура-С, 2010. С. 27–31.
2. Газнюк Л. М. Экзистенциально-антропологический статус человека в мегаполисе. 2015. Вып. 3.
3. Романова А. П. Современный мегаполис как фронтальная гетеротопия // Ученые записки Крымского федерального университета. 2016. Т. 2 (68), № 3. С. 51–60.
4. США зарываются: частный бункер – кондоминиум, способный выдержать ядерный удар. Режим доступа: <http://zagopod.com/blog/43706350714/SSHA-zaryivayetsya:-chastnyiy-bunker-kondominium,-sposobnyiy-vy>.
5. Ультрасовременный высотный кондоминиум в Бангкоке. Режим доступа: <http://www.superbank.ru/forum/thailand/showthread.php?t=74>.
6. Элитный кондоминиум готов к ядерной войне. Режим доступа: http://ufospace.net/news/ehlitnyj_kondominium_gotov_k_jadernoj_vojne/2014-11-12-4080.
7. Allweil Yael and Kallus Rachel. Public-space heterotopias: heterotopias of masculinity along the Tel Aviv shoreline // Dhaene Michiel, De Cauter, Lieven. Heterotopia and the city. Routledge. 2008. P. 191–202.
8. Lieven De Cauter, Michiel Dhaene. A space of play. Berlage Institute Reader. Rotterdam, 2009.
9. Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16, № 1. P. 22–27.

КУЛЬТУРНЫЕ ЭЛИТЫ В ПРОЦЕССАХ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Кузина Светлана Ивановна,

*доктор политических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Ростовский институт Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону*

Хагуш Саида Львовна,

*аспирантка кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону*

Исследования, посвященные роли интеллектуальных и культурных элит в процессах урегулирования всевозможных конфликтов в обществах, не лежат в распространенной и глубоко изученной области политического пространства. Прежде всего, по причине разных подходов к изучению страты «элиты». Политологи и социологи, традиционно занимающиеся элитологической тематикой, предпочитают так называемый альтиметрический подход, название которого имеет техническое происхождение (измерение высот, в том числе с помощью прибора альтиметра). Те ученые, которые применяют этот метод, изучают представителей элит, занимающих высокие посты в управлении государством, обладающих реальной политической властью и влиянием. Подход еще имеет альтернативные названия как позиционный или функциональный. Индивидуальные, моральные качества, интеллектуальный уровень индивидов, входящих в правящую элиту, сторонников альтиметрического подхода не интересуют. Но этимология слова «элиты», произошедшего от латинского слова *eligo*, означающего *избранный, лучший*, рождает неутраченные споры в российском научном сообществе по поводу правомерности применения термина относительно современных правящих слоев. Перевод термина с латинского содержит ценностную характеристику, к которой обращаются сторонники аксиологического (меритократического) подхода. Они настаивают на том, что элитой общества являются интеллигенция, представители высокой культуры, специалисты высокой квалификации, интеллектуалы, другими словами, – те, кто формирует вкусы, нормы морали в обществе, влияет на его духовную жизнь. В сравнении со средними показателями общества такие люди обладают более высокими способностями, умом, талантом, достоинством, честью, интеллектом, нравственностью. А политико-административная элита, стоящая у власти, не что иное, как управляющий класс.

Тем не менее, альтиметрический подход широко использовался классиками политологии и социологии Р. Далем, Р. Миллсом, С. Элдерсфельдом [6, 8, 9] и другими, проводившими эмпирические исследования правящих кругов США и ряда европейских стран. Этим подходом пользовались и современные российские исследователи – О. Крыштановская, О. Гаман-Голутвина [4, 5] и другие.

Альтиметрический (или позиционный) подход показал свою эффективность при исследованиях политических элит, занимающих официальные высшие позиции в структуре власти и принимающих стратегические решения. Но за рамками исследования остаются силы, которые представляют лица, не занимающие официальных постов, но влияющие на принятие решений или на процессы формирования общественного мнения иногда не меньше, чем те, кто это делает по должности. К этим силам можно отнести и представителей крупного бизнеса, и ученых, обладающих высоким авторитетом и научными заслугами, и политологов, являющихся экспертами в тех или иных областях, и культурную элиту общества. Для их идентификации также применяется ряд методологий (репутационный метод, метод участия в принятии важнейших стратегических решений и др.). Последний метод изучения политической элиты О. Гаман-Голутвина считает одним из важнейших, позволяющим определять ее «внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом» [3, с. 99].

Задачей нашего исследования является выявление роли культурных и интеллектуальных элит в процессах принятия политических решений при нестабильном, кризисном состоянии общества, в процессах урегулирования проблем, возникающих в межнациональных, межгосударственных отношениях на основе аксиологического подхода. В последнее время все чаще стало использоваться в общественном и официальном дискурсе понятие «народной дипломатии» как механизма предотвращения, разрешения и урегулирования международных и межнациональных противоречий.

О необходимости народной (или общественной) дипломатии говорил глава Федерального агентства Россотрудничество (организация, занимающаяся налаживанием культурных связей России за рубежом) в 2008–2012 гг. Ф. Мухаметшин: «Понятие народной дипломатии вмещает в себя международные связи и контакты посредством реализации культурных, научных, образовательных программ (обмены делегациями, художественные выставки, музыкальные фестивали, праздники искусств и т.п.) – всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран» [7, с. 1]. В 2010 г. в Москве был проведен Международный общественный форум «Роль народной дипломатии в развитии международного гуманитарного сотрудничества», целью которого было объединение заинтересованных государственных и неправительственных организаций, зарубежных партнеров, направленных на развитие народной дипломатии, межнационального и межрелигиозного согласия, дружбы и взаимопонимания между народами, укрепления благоприятного образа России за рубежом. Последняя цель особенно стала актуальна в настоящее время в связи с ростом информационных войн между государствами, усилением кибератак на информационное пространство России, продолжающимися попытками манипуляцион-

ного воздействия на общественное сознание народов. Парирование угроз гибридных войн может осуществляться через каналы народной дипломатии, способствующие пониманию народами друг друга, донесению культурных ценностей одних наций до сознания других, осуществлению форм общения, с помощью которых народы искренне, шире и глубже проявляют свои чувства.

Мудрость культурной, интеллектуальной элиты народов проявила себя во время кризисных событий развала Советского Союза и в последующих кровопролитных межнациональных конфликтах на постсоветском пространстве. Существуют свидетельства попыток предотвратить грузино-абхазскую войну 1992–1993 гг. со стороны как грузинской, так и абхазской интеллигенции путем переговоров, разъяснений, встреч с общественностью, стремлением к грузино-абхазскому сближению. Вот что пишет Г. Ачвабадзе, ученый-историк Института истории и этнографии Академии наук Грузии о своих миротворческих усилиях в 1988 г.: «Бывая в Сухуми и встречаясь с представителями абхазской интеллигенции и молодежи, я рассказывал о целях и задачах грузинского движения, которое поначалу действительно не имело антиабхазской направленности. В Тбилиси же я выступал на собраниях участников национального движения и рассказывал, кто такие абхазы, на каком языке они говорят, какую роль они сыграли в истории Грузии...» [2, с. 22]. К сожалению, приход к власти диссидента и националиста З. Гамсахурдия прервал этот позитивный для отношений между соседними народами процесс. Дальнейшее развитие событий в 1992–1993 гг. привело к войне с многочисленными человеческими жертвами с обеих сторон. История грузино-абхазских отношений на протяжении последующих лет характеризовалась сменяющимися друг друга периодами мира и вооруженных столкновений. В миротворческом процессе участвовали и международные организации – ООН, ОБСЕ, Исполком СНГ, и государства – Россия, Франция и др.

Переговоры о мирном разрешении конфликта велись на официальном, дипломатическом уровне, на уровне участия глав государств и правительств. Отношение же к народной дипломатии у профессиональных дипломатов в настоящее время сложилось как к дипломатии второго сорта, как вспомогательному механизму, который может быть включен после того, как на официальном уровне будут достигнуты принципиальные соглашения. Появился даже термин «Second-Track Diplomacy», что можно перевести как «дипломатия второго плана». Как пишет исследовательница Н. Акаба, «На наш взгляд, недооценка возможностей народной, или неофициальной, дипломатии является одной из причин отсутствия прогресса на переговорах, поскольку именно те, кого принято называть простыми людьми, обладают на самом деле ключом к миру» [1, с. 8].

Целью мирных переговоров на официальном уровне являются конкретные цели – прекращение насилия, после достижения этого этапа – распределение власти и ресурсов между противостоящими сторонами. Очевидно, что участники переговоров – высшие должностные лица и представители международных организаций, обладают большими возможностями для реализации договоренностей, переговоры освещают крупные средства массовой информации, что делает такие переговоры весомыми в политическом плане. Но минусом таких переговоров является то, что официальные лица не вполне представляют обстановку «на местах», настроения, желания и надежды простых людей. И до сих пор не предпринимается попыток организовать встречи официальных политиков и лидеров среднего и местного уровня – авторитетных старейшин, активистов общественных организаций, ученых, религиозных деятелей, представителей молодежных организаций. Это бы помогло создать более целостную структуру видения мира с точек зрения людей разных социальных, политических и религиозных групп и убеждений, но объединенных желанием установления мира.

Основная цель, которой можно добиться с помощью народной дипломатии, – изменение общественного мнения конфликтующих участников переговорного процесса в сторону его дерадикализации. Что создаст условия для заключения мира в политически приемлемой для всех форме. Успех народной дипломатии будет зависеть от вовлечения в мирный процесс как можно большего числа людей, широкой информационной поддержки, от позиции государственных и посреднических международных структур.

Как свидетельствуют участники конференции по неофициальной дипломатии в Сочи (1999), в грузино-абхазском конфликте достичь успеха представителям культурной элиты двух народов на основе их морально-нравственных качеств и авторитета не удалось: слишком могущественные силы были заинтересованы прямо или косвенно в разжигании конфликта. Элите не хватило организованности и действенных механизмов формирования широкого общественного мнения. А государственная политика того времени всех участвующих сторон лишь способствовала разрастанию конфликта. Официальные каналы оказались недостаточно эффективны в деле налаживания мира в регионе, поэтому представляется, что ресурсы народной дипломатии далеко еще не исчерпаны. Подтверждением данного тезиса является развитие конфликта на востоке Украины, где военные действия продолжаются, несмотря на все усилия официальной дипломатии по заключению Минских договоренностей.

Народная дипломатия или диалог между народами с активным участием культурных, интеллектуальных элит – важный инструмент деятельности гражданского общества в сфере сотрудничества во имя мира на планете.

Список литературы

1. Акаба Н. Конфликты нового времени // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Сочи : University of California, Irvine, 1999. 264 с.
2. Ачвабадзе Г. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии (на основании личного опыта) // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Сочи : University of California, Irvine, 1999. 264 с.
3. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97–103.

4. Гаман-Голутвина О. Российские политические элиты: факторы эволюции // Элитизм в России: за и против. Пермь, 2002. С. 114–133.
5. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
6. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959. Режим доступа: http://philofiot.narod.ru/Mills_Elite.pdf.
7. Мухаметшин Ф. Народная дипломатия: взаимопонимание во имя развития // Литературные известия. 2010. № 3. С. 1–2.
8. Элдерсфельд С. Д. Политические элиты в современных обществах: Эмпирические исследования и демократическая теория // Политическая наука. М., 1997–1998. Вып. 4: Элиты в сравнительно-исторической перспективе. С. 12–26.
9. Dahl R. A. Who Governs? Democracy and Power in an American City. Yale University Press. 355 pp.

РОССИЙСКАЯ «ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТЫ

Петров Вадим Евгеньевич,

*кандидат философских наук, независимый исследователь,
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород*

Со времен романа «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда писателей, журналистов и ученых не перестает волновать влияние праздности на человеческие души, и в особенности, на души представителей двух важнейших социальных групп – элит и молодежи. Элиты определяют тенденции развития и общего состояния общества, так же как и молодежь, являющаяся своеобразной «лакмусовой бумажкой» общественных благодетелей и пороков. Обе эти социальные группы своеобразно сочетаются в притягательной для общественного внимания прослойке «золотой молодежи», что находит свое продолжение в литературных, журналистских, художественных и околонаучных образах-клише. Эти стереотипные клише и формируют уже избитый в СМИ поверхностный медийный портрет «золотой молодежи», не менее (а, скорее, даже более) искаженный, чем подобные социальные портреты иных социальных групп (например, предпринимателей, чиновников, студентов, гастарбайтеров и т.д.).

Научному анализу, как автор уже не раз отмечал, феномен «золотой молодежи» подвергается пока очень редко. В российской социологии и других социальных науках налицо даже не дефицит, а почти полное отсутствие таких исследований, при массе однотипных «разоблачительных» публицистических текстов, посвященных современной российской либеральной элите и ее младшему поколению в лице «золотой молодежи». Автор видит свою задачу в акцентировании необходимости решения данной научной проблемы, и в развитии такого направления элитологических исследований, как ювенальная элитология. И одним из первых камней в ее фундаменте должна стать попытка целостного научного анализа российской «золотой молодежи» и конструирования ее возможного социологического, или более конкретно, элитологического, портрета. Такую задачу мы и постараемся решить в данной статье.

Эмпирическую базу исследования составили сведения из российских и зарубежных СМИ (аналитические, публицистические, новостные, светские и прочие медиа) и интернет-контента (интернет-журналы, тематические форумы и паблики в социальных сетях, видео-ролики и т.д.). В частности, наиболее верифицированные и верифицируемые данные брались нами из экономосоциологических научных исследований [3], светской хроники (например, [4]) и тематических страниц самой «золотой молодежи» из социальной сети [instagram.com](https://www.instagram.com) [10–11]. Таким образом, методологический инструментарий составляют совокупность различных методов преимущественно из числа визуальной социологии и антропологии, элементы биографических методов на основе вторичного мета-анализа данных, опубликованных в других источниках (научных и ненаучных), а также общенаучные и философские методы (типологический, сравнительный, герменевтический и др.).

Категория «золотой молодежи», ее границы и научное содержание. Необходимо в начале нашего исследования четко определить значение и границы категории «золотой молодежи». Мы уже предлагали и вводили свое определение данного понятия, согласно которому золотая молодежь дефинируется на основе наличия элитарного опыта и отсутствия (минимизации) негативного травмирующего опыта, а также праздности как главного маркера элитарного социального статуса, возможности доступа к стратегическим социальным ресурсам и осуществлению элитарных культурных практик [8–9].

При этом при дефинизации также необходимо отсеять от категории «золотой молодежи» все те или иные близкие в общественном восприятии сообщества и субэлитные слои, чтобы говорить о возможности описания социологического и элитологического портретов более точно и достоверно. Прежде всего, с нашей точки зрения, в сообщество «золотой молодежи» в элитологическом смысле нельзя включать «мажоров», т.е. представителей молодежных субэлит (или даже псевдо-элит). Они не обладают перечисленными личностными качествами, а напротив, демонстрируют качества нуворишей или вырождающихся последующих поколений элитарных семей. Чаще всего именно они попадают в поле зрения общественного внимания благодаря СМИ (например, по агрессивному вождению дорогих спортивных автомобилей на дорогах, демонстративному употреблению алкоголя и наркотиков, нарушению норм морали и закона и т.д.) [см.: 2, 5], и по ним ошибочно сложился неверный социальный образ этого сообщества. Не могут быть частью «золотой молодежи» также и субэлитные слои – случайные и временные друзья и подруги представителей «золотой молодежи» (их одноклассники и другие учащиеся и студенты из учебных заведений, пусть даже очень престижных, если те сами по себе не обладают идентичностью «золотой молодежи», партнеры по про-

ведению досуга, девушки-содержанки, «затесавшиеся» в компании общие знакомые и т.д.), молодежь из числа не близких родственников элитарных семей, элитная обслуга (личные тренеры, водители и т.д.).

Аналогично не следует включать в категорию «золотой молодежи» иные молодежные элиты – молодых политических лидеров, удачных молодых предпринимателей и топ-менеджеров, детей-индиго и талантливых выпускников лучших школ, молодежь из числа высшей спортивной и творческой элиты (т.н. «self-made молодежь» – то есть тех, кто заработал свои деньги и высокий социальный статус сам), хотя в некотором смысле с сообществом «золотой молодежи» они могут часто пересекаться, иметь там широкий круг знакомств и иногда вести аналогичный образ жизни, как и «мажоры». С нашей точки зрения, эти вполне успешные люди, являясь частью социальных элит, не могут быть причислены к «золотой молодежи» в связи с отсутствием семейной, передаваемой с раннего детства элитарности, а их личный социальный опыт связан с профессиональной деятельностью. В то время как «золотая молодежь» в чистом виде не связана напрямую с бизнесом, политикой или исключительными личными достижениями как условиями успеха. Этой же точки зрения придерживаются некоторые включенные в российскую бизнес-элику источники [6].

Однако сказанное не означает, что сами выходцы из среды «золотой молодежи» не могут быть при этом впоследствии или уже в молодости политиками, предпринимателями, спортсменами, художниками, в том числе – очень успешными; такие примеры есть и не являются редкостью для современного общества и среды «золотой молодежи», в том числе – российской, поскольку ее представители имеют больше ресурсов и шансов для самореализации в выбранном по интересам направлении жизнедеятельности, нежели обычные люди и молодежь из массовых слоев. Но, повторимся, для последних их элитарность оказывается приобретенной и «специализированной», сформированной в ходе неординарных личных усилий, а «золотая молодежь» уже как бы обладает врожденной и целостной унаследованной элитарностью на разных уровнях личностного бытия (социальном, психологическом, в том числе – на бессознательном уровне, экономическо-бытовом, культурном, телесном и т.д.), что и выступает условием ее идентичности.

Исходя из данной концептуальной схемы, мы и будем пытаться показать социальные портреты «золотой молодежи» в их подобной смысловой конкретности.

Социологический портрет российской «золотой молодежи». Приступая к описанию социологического портрета отечественной золотой молодежи, требуется также ввести еще ряд теоретических схем и классификаций, позволяющих конкретизировать подобный портрет и избежать неточностей и противоречий. Прежде всего, как и любая социальная группа, и как иные виды элит, «золотая молодежь» неоднородна по своему элитарному статусу, происхождению и социальным возможностям. Можно воспользоваться своеобразной типологической иерархией «золотой молодежи», предложенной уже приводившимся источником из блогосферы, которая представляется нам наиболее структурированной и обоснованной [там же]. Именно эту иерархическую модель российской «золотой молодежи» мы видим возможность применить для научного анализа данного сообщества.

Указанный автор видит пять основных уровней сообщества «золотой молодежи». Первый, нижний уровень – это дети состоятельных или статусных родителей, но не от действующего брака, либо другие молодые родственники, и в связи с этим не имеющих существенной материальной и иной ресурсной поддержки, однако пользующихся репутацией семьи и не теряющих потенциальную возможность на получение наследства или иной помощи от семьи. До этого момента существенным образом от обычной, массовой молодежи они принципиально не отличаются. Данную разнородность «золотой молодежи» мы условно включим в ее состав, но эмпирически рассматривать и анализировать в данном случае не будем.

На втором снизу уровне автор выделяет «фамильную золотую молодежь», также не обладающей существенными материальными ресурсами для безудержной праздности или же ограниченной в доступе к ним по воле семьи, однако обладающей и использующей символический капитал семьи («фамилию», семейный «бренд»), т.е. социальные связи и репутацию семьи, для последующего быстрого и беспрепятственного пути наверх. Однако таким детям семья передает не только «фамилию» и общую репутацию, но и право пользоваться семейной инфраструктурой (элитное жилье, семейные связи и др.) и обеспечивает высокий уровень личной безопасности (что совпадает с нашей «рискологической» теорией определения «золотой молодежи»), а также высокую социальную значимость для удачного брачного союза с менее статусными, но более амбициозными и социально активными представителями среднего класса. Такие брачные социальные стратегии позволяют обеим сторонам укрепить элитарные позиции и преумножить совместные капиталы. Данный уровень семейной элитарности уже можно в полной мере причислять к «золотой молодежи», и к ним можно отнести семьи потомственных дипломатов, академических ученых, творческой элиты, «коренных жителей» тех или иных территорий и т.д.

Далее автор выделяет три уровня «непосредственно» «золотой молодежи». Третий и нижний из них – «тунеядцы и эксплуататоры семей». Их основное отличие от обычной молодежи – деньги и статус. Семья обеспечивает их ежемесячным стабильным доходом «на уровне высокооплачиваемого менеджера крупной компании» [там же], собственной приличной квартирой и социальными связями для решения большинства серьезных проблем. Автор отмечает, что представители данной группы (уровня) «золотой молодежи» зачастую «очень хотят войти в следуюшую, основную группу, и по этой причине нередко слишком сильно понтуются» [там же]. Четвертый уровень – «средний пласт золотой молодежи». В этой группе «многого ребяты, которые и родились, и выросли в окружении денег и роскоши». От предыдущей группы они отличаются «ежемесячными тратами на уровне дохода московского топ-менеджера, и более дорогим набором статусных элементов». При этом автор подмечает, что большинство медийных персонажей «золотой молодежи», наиболее известных широкой общественности, происходят именно из этой когорты ее представителей. По нашим наблюдениям, именно эта часть отечественной золотой молодежи

заполняет своими визуальными фотопубликациями известный паблик «Rich Russian Kids» [11] и соответствующий международный паблик [10] в социальной сети [instagram.com](https://www.instagram.com), выкладывает о себе ролики на [youtube.com](https://www.youtube.com) и в популярные социальные сети, в том числе – скандального содержания (см, например [1]).

Подобный нарциссизм и психологический эксгибиционизм мы не беремся глубоко анализировать и объяснять, это уже задача соответствующих специалистов. Важно лишь, что данная типологическая разновидность «золотой молодежи» – это еще не вся «золотая молодежь» и, вероятно, не лучшая (в элитологическом смысле) ее часть, даже несмотря на определенный эстетический вкус, присущий ее представителям, что может подтвердить даже поверхностное изучение указанных выше источников. Но она составляет основную массу «золотой молодежи», и численно растворяет в себе менее элитарные и более статусные ее прослойки и уровни, поэтому с ее существованием необходимо считаться и объективно изучать.

И, наконец, вершиной пирамиды, суперэлитой «золотой молодежи» и ее пятым уровнем является «золотая молодежь» международного класса. Автор не уточняет, кого именно и по каким основаниям имеет в виду, но они «крайне различаются по образу жизни и “роду деятельности”» [6]. «Кто-то из этой группы на виду, многие вообще не светятся, а кто-то искренне счастлив, что о нем не знают вообще. Большинство представителей этой группы плотно отсечены от остального общества, и общаются в крайне узком и замкнутом кругу» [там же]. По нашему мнению, это дети глав государств и высшей транснациональной политической и бизнес-элиты, члены монархических семей. В российских условиях к этому уровню можно отнести детей президентов страны, высшего менеджмента крупных сырьевых и промышленных компаний, крупных банков, высшей политической и медийной элиты.

Сюда же стоит отнести ту часть отечественной «золотой молодежи», которая уехала получать образование за границу, в лучшие университеты или бизнес-школы мира, или даже там осела ради международной карьеры или по велению души. Как правило, они блестяще владеют одним или несколькими иностранными языками, имеют массу интересов и проектов в разных областях деятельности, много общаются и путешествуют по всему миру. В остальном их идентичность сильно различается – и по степени любви к России и чувств причастности к ней (от перманентной тоски по Родине и жгучего желания вернуться до откровенного презрения и антипатриотизма), и по профессиональным стратегиям (от стремления к политической и бизнес-карьере до откровенного инфантилизма, праздности или заикленности на личных проектах), и по иным личным и социальным качествам (политическим предпочтениям, культурным интересам, сексуальной ориентации, образу жизни и т.д.). В качестве примера можно привести уже анализировавшиеся нами портреты «детей русского Лондона», описанные Ф. Павловым-Андреевичем [7; 9].

Данная структурная классификация, на наш взгляд, исчерпывающе описала коллективный социологический портрет современной российской «золотой молодежи». Этот портрет можно и нужно уточнять более мелкими штрихами – социальным и национальным происхождением ее представителей, гендерным составом, возрастными рамками (которые не ясны), объемом экономических и символических капиталов, образовательным цензом, вовлеченностью в политику и бизнес, а главное – предпочтениями, целями, ценностями и стратегическими интересами в жизни.

«Дневная» и «ночная» «золотая молодежь». Очень часто различные источники, упоминающие «золотую молодежь» в том или ином аспекте, имеют в виду именно развлекательную, досуговую и потребительскую сторону жизни обеспеченной молодежи. В этом есть веские основания и по отношению к классификации и описанию портрета непосредственно «золотой молодежи», поскольку в числе основных маркеров ее идентичности выступает праздность и вовлеченность в элитарные культурные практики. Однако и здесь существуют определенные научные лакуны и ярко выраженная социальная мифология, проявляющаяся в стереотипе, что «золотую молодежь» интересуют только ночные клубы, вечеринки, катание на дорогих автомобилях и яхтах. Это верно лишь отчасти, поскольку образ жизни «золотой молодежи» и ее саму уместно поделить на две разновидности – «дневную» и «ночную».

Эта модель классификации предполагает культурологический и аксиологический критериальный характер. В зависимости от жизненных ценностей, уровня личностного развития, социальных целей и иных факторов «золотая молодежь» практически всегда выбирает один из двух вариантов организации повседневности и досуга, или элитарных культурных сцен. Один из них широко известен и уже нами не раз упоминался: модные ночные клубы, тусовки и вечеринки, либо стрит-рейсинг. Такая часть «золотой молодежи» часто ведет демонстративно антисоциальный и нездоровый образ жизни, тратя все силы и ресурсы на ночные развлечения (вследствие чего не остается времени и желания на «дневные» заботы – учебу, карьеру, иные интересы и т.д.), утратив рискуемые и социально опасные формы поведения, зачастую злоупотребляя алкоголем и наркотиками.

Подобный портрет «ночной» «золотой молодежи» также весьма условен и схематичен, поскольку в лице любого конкретного представителя данной культурной сцены не всегда и не обязательно будет присутствовать весь вышеописанный «джентельменский набор». Но, в любом случае, именно эта часть «золотой молодежи» сама стремится к общественному вниманию и зависти с его стороны, демонстрируя «показное потребление» предметов роскоши, расходуя капитал семьи на баснословно дорогой гламурный шик. По нашим наблюдениям, подобный стиль жизни все же характерен далеко не всей «золотой молодежи», а лишь ее средней части и в ее нижней возрастной когорте 17–23 лет, еще не в полной мере элитарно социализированной и переживающей последние этапы подросткового созревания. Более социализированная и «элитарная» часть «золотой молодежи» все же ведет более пристойный и менее заметный, «дневной» образ жизни.

К «дневной» «золотой молодежи» относится та ее половина, которая в предыдущей классификации относилась преимущественно к пятой высшей категории, а также частично – из «золотой молодежи» второго – четвертого

уровней, хотя и «международный класс» «золотой молодежи» также иногда засвечивается на скандальных вечеринках с лошадиными дозами психоактивных веществ и агрессивной ночной ездой на спортивных автомобилях [5]. Однако для наиболее социализированной части «золотой молодежи» все же характерен «дневной» стиль деятельности, связанный с активным и здоровым образом жизни, индивидуальными путешествиями, профессиональной и творческой активностью, личностной и духовной самореализацией. Это может быть увлеченная учеба в выбранном учебном заведении по выбранному направлению (в тренде – мода, искусство, экономика и бизнес, философия, филология и иностранные языки), собственные бизнес-проекты (рестораны, клубы, художественные или модные галереи и др.), реализация творческих идей и способностей, участие в благотворительности и волонтерстве, путешествия по индивидуальным маршрутам и программам в узком составе [7]. Эту часть национальной «золотой молодежи» вообще трудно застать на Родине, так как они постоянно находятся (учатся, работают или путешествуют) в других странах, в связи с чем их изучение представляет еще большую трудность, чем изучение ее «ночной», гламурной части. Также среди «дневной» части «золотой молодежи» пользуются большой популярностью некоторые виды активного отдыха и экстремального спорта: серфинг (например, на Бали), сноуборд или горные лыжи, а также гольф, яхтинг, конная езда. С «ночными» товарищами эту категорию «золотой молодежи» объединяет плохо скрытый гедонизм, но при этом отличается от них и характеризует более цельная, осознаваемая и гармонизированная сумма жизненных целей и ценностей, и более высокий уровень личностного бытия, предполагающий возможность подлинной и независимой от семьи социальной и духовной элитизации.

Скорее всего, в каждой из обеих разновидностей «золотой молодежи» есть общие черты и стили жизни, поскольку и «ночная» «золотая молодежь» все же где-то учится или формально работает, и «дневная» может бывать на ночных вечеринках. Но все же представленная модель классификации по культурным практикам и образу жизни представляется нам также работоспособной для эскизов социологического и элитологического портретов российской «золотой молодежи».

Итак, мы видим возможность внедрения в научный оборот двух описательных моделей социологическо-элитологических портретов российской «золотой молодежи» – структурно-типологической, и досугово-культурологической. В дальнейшем необходима генерация более конкретных и точных научных штрихов к данным эскизным моделям на основе новых достоверных эмпирических данных и качественных методологий.

Список литературы

1. Внук олигарха предлагал прохожим выпить его мочу за деньги. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ZDuXH2VTE4I>.
2. Гомзикова С. Кому на Руси жить хорошо. Золотая молодежь. Почему современные «мажоры» не знают ни горя, ни законов? Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/156553/>.
3. Дети магнатов не планируют долгую карьеру в бизнесе. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177664428.html>.
4. Звездные дети проводили внуку Лебедева в последний путь. Режим доступа: <https://www.dni.ru/showbiz/2016/11/30/354886.html>.
5. Наследники наследили в Швейцарии. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1279950>.
6. Немного о золотой молодежи. Режим доступа: <http://travel1980.livejournal.com/38847.html>.
7. Павлов-Андреевич Ф. Дети русского Лондона // Роман с опозданиями. М.: Астрель, CORPUS, 2010. С. 275–297.
8. Петров В. Е. Золотая молодежь и метафизические основания ее элитарности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 83–93.
9. Петров В. Е. «Золотая молодежь» как социальный феномен: между праздностью и нормативной социализацией // Обращение и общество. 2015. № 1 (90). С. 110–114.
10. Rich Kids. Режим доступа: <https://www.instagram.com/richkidsofinstagram/>.
11. Rich Russian Kids. Режим доступа: <https://www.instagram.com/richrussiankids/>.

РАЗВИТИЕ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Лодкина Тамара Владимировна,

*доктор педагогических наук, профессор,
заместитель директора по научно-методической работе,
«Дом детского творчества», г. Вологда*

Горбачева Вера Михайловна,

директор, «Дом детского творчества», г. Вологда

Климова Татьяна Юрьевна,

*заместитель директора по учебно-воспитательной работе,
«Дом детского творчества», г. Вологда*

Для современного российского общества актуальной задачей является развитие лидерского потенциала подрастающего поколения, основу которого составляет формирование активной позиции. Как отмечает И.И. Фришман, это связано с наличием у личности позитивного отношения к жизни, готовностью взять на себя ответственность, развитием способностей к рефлексии, организаторских навыков, умением объединять людей для решения социаль-

но-значимых проблем [3, с. 30]. Стабильное развитие российского государства будет успешнее в условиях реализации лидерского, творческого потенциала.

Развитие лидерского потенциала подрастающего поколения можно представить через деятельность детских общественных объединений. Включение детей в социально значимую деятельность через проекты, акции – это создание воспитательно-образовательного пространства, где формируется активный, ответственный, успешный член общества, способный к самореализации, умеющий решать проблемы средствами проектирования для улучшения окружающей действительности.

Считаем целесообразным рассмотреть ряд детских общественных объединений, в деятельности которых наиболее ярко проявляются лидерские качества обучающихся. Дом детского творчества, районное учреждение дополнительного образования, выступает в роли организатора деятельности детских общественных объединений в условиях сетевого взаимодействия. Детские общественные объединения выступают как социальный институт общества, где имеются реальные возможности для проявления гражданской позиции, формирования лидерского потенциала. Приведем некоторые примеры.

Так, **детская общественная организация «Пионеры Вологодского района»** была создана в 1990-е гг. Она руководствуется Уставом, как основным, центральным документом, принятым на Слете школьников 19 мая 2009 г. по их инициативе и при поддержке главы Вологодского муниципального района А.В. Гордеева. Государственная поддержка общественной детской инициативы на уровне района выразилась в организации программ, проектов, конкурсов детских инициатив, частичном финансировании. Сегодня детская общественная организация «Пионеры Вологодского района» действует в 23 образовательных организациях и насчитывает более 1600 школьников в возрасте от 10 до 14 лет. Это составляет 37 % от общего количества обучающихся [2, с.111]. Название детской районной организации выбрано не случайно, так как время доказало, что успешность совместной деятельности взрослых и детей связана напрямую с преемственностью поколений, являющихся социальным носителем ценностей.

В основу деятельности организации положены принципы: преемственности (реализуется через сотрудничество поколений); возможности выбора (согласно этому принципу ребенку предоставляется право самому выбирать интересующую его деятельность и нести ответственность за результаты перед обществом); создания воспитывающей среды (организация таких отношений, которые бы формировали социальность ребенка); свободы и демократии (воспитывает у ребенка умение выражать свое мнение и отстаивать свою точку зрения) [2, с.112].

Хочется отметить, что в детской организации «Пионеры Вологодского района» идет не только обновление процесса воспитания, но и происходит актуализация общечеловеческих нравственных ценностей: совести, добра, справедливости, милосердия, духовности, патриотизма. Именно здесь ребенок получает свои первые социально значимые роли, берёт ответственность не только за самого себя, но и за успех всего дела, которое зачастую важно не только группе детей, но и для целого района, области, страны.

Гармонизация взаимодействия детей и взрослых на основе совместной общественной деятельности – путь конструктивного диалога разных поколений, имеющих свой опыт индивидуальных и коллективных отношений. В организации учитываются специфические особенности национальной, культурно-этнографической, социальной среды, массового охвата школьников, их интересы и потребности. Создание такой организации рассматривается нами как стратегическая цель современного образования [2, с.113].

Несмотря на юный возраст организации, здесь есть уже свои традиции – правила, нормы, сложившиеся в детском объединении, передающиеся и бережно сохраняющиеся. В своей жизнедеятельности ребята используют ритуал приема, караул у памятников, знамени, отдавание почестей государственным символам. У детской организации имеется своя разработанная символика (флаг, галстук, значки). Для детей младшего школьного возраста создано **детское общественное объединение «Орлята»** при детской общественной организации «Пионеры Вологодского муниципального района», что позволяет им совместно участвовать в общественно-полезной деятельности.

Анализ суждений членов общественных объединений показал, что вновь востребованы у детей ключевые ценности, свойственные российскому менталитету, – патриотизм, достоинство. Кроме того, значимыми для них являются такие ценности, как семья, друзья, здоровье, родители, доброта, честь, любовь, труд, справедливость. Смысл жизни юные пионеры видят в том, чтобы жить по совести; помогать людям; быть полезными обществу; создавать семью и воспитывать детей; добиваться карьерного роста; достигать всех поставленных целей в жизни; продолжать род; развивать себя; постоянно искать новое; добиваться новых побед; жить достойно; строить уютные дома; создавать свой бизнес и жить в достатке; много заниматься спортом. Материальные ценности не заняли доминирующего места. Доля тех, кто так считает, не превышает 10 %. В ответах опрошенных просматривается лидерский ресурс: стремление созидать, быть самостоятельным, пробовать себя в творчестве, управлении, бизнесе. Результаты получены следующие: увеличилось количество участников социально значимых акций, мероприятий; усилилась роль школьного ученического самоуправления в организации жизнедеятельности школ района; снизилось количество правонарушений среди несовершеннолетних [2, с. 113]. Из обобщения опыта работы по развитию лидерского потенциала явствует, что у обучающихся проявились лидерские качества: умения увлечь других, общаться с разными людьми, глубоко и всесторонне анализировать ситуацию. Имеют место отзывчивость, доброта, готовность принимать на себя ответственность в большей степени, основательность, стремление к порядку, систематичность в работе, принципиальность в вопросах своей чести и личного, собственного достоинства.

Отряды юных инспекторов движения (ЮИД) действуют в 19 образовательных организациях муниципального района. Это творческие объединения детей, которые помогают школе в организации работы по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма, пропагандируют правила дорожного движения. Вся методическая работа Дома детского творчества представлена планом занятий по дополнительной образовательной программе обучения профильных отрядов ЮИД «Дорога без опасности». Отряды ЮИД привлекают юное население к изучению правил дорожного движения и основ безопасного поведения на улицах и дорогах. В районе проходят ежегодно слёты по безопасности дорожного движения, конкурс на звание «Лучший отряд юных инспекторов движения». Девятый районный слёт проходил в тёплой дружеской атмосфере под девизом: «Цени каждый миг своей жизни!». В программе слёта – конкурсы: «Визитная карточка отряда ЮИД», «Знатоки ПДД», игра по станциям «Правила эти пусть знают все дети», «Слоганы по пропаганде свето-возвращающих приспособлений», «Яркий пешеход», «Безопасный путь в школу» (защита макета). Целями слёта являются совершенствование работы по предотвращению дорожно-транспортных происшествий с участием детей и подростков, воспитание законопослушных участников дорожного движения, а также закрепление школьниками полученных знаний, привлечение их к пропаганде среди сверстников правил безопасного поведения на дорогах. На базе Дома детского творчества создан Центр безопасности дорожного движения и профилактики [1, с. 107].

Работа **отряда юных пожарных** включает следующие позиции: обучение правилам пожарной безопасности и действиям в случае возникновения пожара; изучение первичных средств пожаротушения и ознакомление с пожарной техникой, пожарно-техническим вооружением, средствами связи, системами автоматического пожаротушения, пожарной и охранно-пожарной сигнализации; привлечение к массово-разъяснительной работе по предупреждению пожаров от шалости детей с огнем и пожарно-профилактической работе в школе; проведение занятий и участие в соревнованиях по пожарному спорту, противопожарных конкурсах, олимпиадах, викторинах, слетах; организация экскурсий, походов, спортивных игр, посещение пожарно-технических выставок; сбор материалов об истории пожарной службы; встречи с инспекторами пожарной службы. Около 4 000 детей и подростков Вологодского района ежегодно становятся участниками различных конкурсов фестивалей, олимпиад и соревнований по безопасности дорожного движения и пожарной безопасности [1, с. 107].

Домом детского творчества разработаны методические рекомендации в помощь классным руководителям, педагогам дополнительного образования для проведения акции «20 добрых дел», целью которой является преобразование окружающей среды и условий в поселениях по месту проживания детей доступными средствами. На территории района создано и действует экологическое движение: **«Зеленая планета»**. Участники движения выступают организаторами экологических инициатив, реализуют проекты природоохранной деятельности в школах, на пришкольном участке и по месту жительства, реализуют программу «100 добрых дел».

Развитию лидерской позиции способствует **школа «Лидер»**, функционирующая на базе Дома детского творчества. Стратегическая цель программы – вовлечение школьников в процессы становления гражданского общества, его социальных институтов, формирование активной гражданской позиции и ее проявление через проектно-организованные практики в общественно-полезной деятельности.

Программа состоит из трех модулей, теоретических и практических занятий, календаря творческих дел и карты заботы. Они направлены на получение реальных управленческих навыков и компетенций, создание и проектирование собственных проектов, приобретение навыков публичных выступлений и знакомств, умений вести себя в сети, быть интересным собеседником, формирование личного имиджа и объединения. В модулях представлены сведения о том, какие существуют современные средства для взаимодействия с властью, как построен процесс коммуникации, знакомят с психологией межличностного взаимодействия, устройством конфликта и способами бесконфликтного общения, а также позволяют обучающимся прикоснуться к сфере права.

Программа выстроена с учетом муниципальной специфики и способствует вовлечению потенциала детей Вологодского района в развитие своей образовательной организации, поселения и района, т.е. решение конкретных социальных задач, значимых для данной территории в данный момент. В целом, программа ориентирована на формирование человека и гражданина, интегрированного в современное общество, нацеленного на совершенствование этого общества, поэтому она имеет социально – педагогическую направленность.

Профильный лагерь «Лидер» и школа социального проектирования организуются в каникулярный период, позволяющих смоделировать уклад жизни и погрузить в него участников программы для его проживания и освоения на личном опыте. В практике этих детских объединений богатый арсенал методов и форм работы, в основе которых проектирование, игра, диалоговое взаимодействие. Основным образовательным результатом реализации лидерских программ рассматривается становление организационно-управленческой и гражданской компетентностей членов детского объединения, развитие организаторских качеств, актуализация их лидерского потенциала.

По нашему мнению, овладение организационно-управленческой компетентностью предполагает комплекс результатов, включающий в себя: умение анализировать ситуацию, выделять проблемы, ставить цели, задачи для других людей и принимать решения, искать необходимые ресурсы, работать с человеческим потенциалом, организовывать работу команды, владеть технологиями эффективной коммуникации (доклады, переговоры, поиск партнеров и пр.). Гражданская компетентность понимается как способность решать проблемные ситуации, связанные с жизнью в условиях демократии, гражданского общества и правового государства, в рамках имеющихся свобод.

Оценивая свое участие в различных мероприятиях, обучающиеся пришли к выводам, свидетельствующим о позитивных изменениях: «интересно работать вместе», «я становлюсь самостоятельным», «узнаю много интересно и полезного» и др. В целом, организация деятельности обучающихся позволила выявить формирование у них лидерских качеств: уверенность в себе, способность оказывать влияние на других, сопричастность к делу коллектива. Как показывает многолетняя практика, процесс социализации становится эффективным при общности интересов, взаимодействии детей и взрослых по улучшению окружающего мира. Здесь предоставляется возможность для самовыражения и самоутверждения, имеют место разнообразные варианты реализации своей творческой активности, приобретается социально-значимый опыт в общении, ориентированного на достижение собственного успеха в различных сферах деятельности.

Таким образом, создаются условия для сотворчества и общения детей между собой. Только в условиях сотрудничества человек проявляет активность, устойчивость собственных суждений, учится жить в коллективе, получает опыт новых социальных отношений, развивает свой лидерский и творческий потенциал. В совместных коллективных делах можно увидеть признаки лидерства: поведение соответствует социально значимым ценностям и нормам, принятым в данной среде; при решении основных задач дети инициативны, самостоятельны, целеустремленны, трудолюбивы, ответственны. Технологии деятельности детских общественных объединений, в основе которых совместное выдвижение целей и задач предстоящего дела, его совместное планирование и анализ, дают дополнительный ресурс развития лидерского потенциала школьников.

Список литературы

1. Горбачева В. М., Лодкина Т. В. Вологодский муниципальный район – территория здорового детства // Профилактика неинфекционных заболеваний и формирование здорового образа жизни в субъектах СЗФО. г. Вологда, 2017 г. С. 103–109.
2. Лодкина Т. В., Попова Т. А., Климова Т. Ю. Создание детской общественной организации как стратегическая цель современного образования // Педагогическое образование: история традиции, опыт и современность. Череповец : ЧГУ, 2016. С. 110–114.
3. Фришман И. И. Педагогу дополнительного образования об организации общественной активности детей и молодежи. М.: УЦ Перспектива, 2009. 196 с.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ

Истомина Ольга Борисовна,

*доктор философских наук, профессор,
Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

Основы современной российской национальной политики базируются на идее укрепления тенденций равноправного функционирования и развития всех этнокультур многонациональной социально-территориальной общности. Однако реальное состояние межэтнических контактов характеризуется полярными процессами, в том числе проявлениями интолерантного поведения. Формы его выражения могут быть различны, что обусловлено историческими, ареально-хронологическими, социо- и этнокультурными факторами. Формы межкультурных контактов могут варьироваться от ксенофобии, этнофанатизма до этнической индифферентности. Характер межкультурных контактов в полиэтническом регионе является маркером всех социальных отношений. Формы взаимодействия этногрупп зависят от состояния общества и вместе с тем обуславливают его свойства.

Позитивный характер этновзаимодействий складывается исторически, требует значительных временных и коммуникационных затрат. Деструктивные формы, напротив, могут быть вызваны краткосрочными событиями, разрушающими положительный опыт межкультурных коммуникаций. А в государстве с исторически сложившейся многонациональностью подобные явления представляют угрозу государственности. Деструктивностью несут такие процессы, как усиление социально-экономической напряженности, политические конфликты, националистические настроения, преступления, совершенные на почве национальной неприязни, трансляция интересов моноэтнической группы, религиозная нетерпимость и иные действия, свидетельствующие о разрушении принципа «единства в многообразии».

Для обеспечения позитивного типа категоризации необходимы социально-экономическая и политическая стабилизация общества, «утверждение и распространение принципов толерантности, создание условий для равноправного социального и национально-культурного развития всех народов России» [3, с. 194]. Очевидно, что данные задачи возложены на национальную интеллигенцию и связаны, прежде всего, с ревитализацией и развитием этнокультур, а также с деятельностью национально-культурных организаций. Национальная интеллигенция играет в данных процессах ведущие роли, т.к. представляет этнократические ресурсы, либо имеет возможность влияния на них, что объясняет социальные функции интеллигенции в системе политического регулирования межэтнических отношений.

Обычно эффективность достигается через реализацию задач национально-культурных центров (далее НКЦ). Их деятельность ориентирована на реализацию положений концепции государственной национальной политики,

защиту интересов этногрупп, которые укрепляют единое культурное пространство социальной общности. Главное предназначение НКЦ видится в сохранении этнокультурного портрета региона. Этот портрет является исторически сложившейся формой, обусловленной спецификой истории, экономических, политических, хозяйственно-бытовых, социокультурных отношений, географическим положением и даже климатом.

Этническая мозаичность региона всегда отражается в многообразии диаспор и НКЦ. Так, к примеру, в Иркутской области проживают представители более 180 этногрупп, которые реализуют свои интересы в 89 национальных объединениях (по данным Главного управления Министерства юстиции по Иркутской области и Усть-Ордынскому округу), из них 24 функционируют в областном центре. Численно доминирующие этнические группы стремятся к множественности и разнообразию форм национальных объединений. Число НКЦ этногруппы и ее численный состав в регионе прямо пропорциональны (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение численной представленности национальностей и количества НКЦ в Иркутской области [3, с. 197]

Название национальности, создавшей НКЦ	Численность в области, чел.	Число НКЦ в области	% от общего числа НКЦ региона
Буряты	80565	25	28,1
Белорусы	14185	11	12,4
Малочисленные народы Севера (марийцы, тофалары, эвены, коми)	2995	11	12,4
Татары	31068	7	7,9
Эвенки	1431	4	4,5
Поляки	2298	3	3,4
Украинцы	53631	2	2,5
Народы Кавказа (армяне, азербайджанцы, таджики, узбеки)	17454	11	12,4
Литовцы	1669	2	2,5
Чеченцы, ингуши	1044	1	1,1
Чуваши	7295	1	1,1

В современных условиях НКЦ выполняют социально значимые задачи, среди которых оказание информационной, образовательно-просветительской, организационно-методической, финансовой помощи для поддержки этнокультурных традиций, для сохранения традиций и развития этнического самосознания. Деятельность национально-культурных автономий ориентирована, в первую очередь, на привлечение молодежи и, конечно, удовлетворяет потребности взрослого населения в общении с этногруппой. НКЦ решают целый ряд важных задач, к примеру, буряты как наиболее доминирующий этнос в регионе ведет активную деятельность. В уставе «Бурятского культурного центра» прописаны следующие задачи: 1) организация и проведение мероприятий (фестивали, конкурсы, традиционные праздники), подготовка представителей бурятского этноса для участия в творческих и общественных мероприятиях на территории Иркутской области и за ее пределами; 2) полное информационное сопровождение деятельности Центра, продвижение положительного имиджа культуры бурятского этноса в СМИ; 3) издательская деятельность, сопровождение информационного ресурса Центра; 4) укрепление межрегиональных и международных связей и создание условий для их осуществления; 5) формирование базы данных, перечня координат общественных организаций, мониторинг деятельности региональных национально-культурных автономий [5].

Потребность к общению внутри этнической группы объясняется потребностью этнической идентичности, которая, как и потребность в благополучии, безопасности, относится к базовым. Потребность в идентичности стоит за стремлением индивида к самоопределению, самокатегоризации, к обретению социального статуса, определению собственного «его». «Формирование этнокультурной идентичности основано на способности ориентироваться в достаточно широком культурном контексте, на понимании и принятии фундаментальных признаков конкретного этнического типа культуры, оно связано с созданием стереотипов, концептов, моделей вербального и невербального общения, принятых в социальной общности в определенных ареально-хронологических условиях. Этнический характер – это интроецированные в личность черты, морально-нравственные категории и ценности, которые являются результатом длительного процесса взаимодействия и адаптации особенностей генотипа с культурой» [2, с. 55]. Все этнические группы выстраивают собственную структуру отношений. Эта структура основана на метастереотипах, на исторически сложившихся в данной этнической среде нормах. Сохранение данных моделей есть условие сохранения самобытности этнокультур, поэтому общение внутри диаспоры, внутри этногруппы даже в условиях инокультурного окружения имеет для каждого индивида большое значение. Обеспечение данной коммуникативной потребности также входит в круг интересов и функций НКЦ. Однако следует помнить, что в условиях распространения деструктивных форм межэтнического взаимодействия необходимо расширять сферу социокультурного воздействия. Сегодня малоэффективно знакомить с особенностями культуры, с программами культурных мероприятий, с традициями представителей только одного этноса. При таком варианте эффективность НКЦ зачастую снижается. Расширение сферы социокультурного воздействия за счет привлечения представителей иных этногрупп способствует формированию позитивного типа взаимодействий, утверждает принципы толерантности в полиэтнической среде. Более того, познавая культуру этнического окружения, население начинает проявлять интерес и к собственной культуре, ее традициям.

Для определения наиболее социально значимых задач, которые ставятся перед НКЦ, автором проведено социологическое исследование. Опрос осуществлен в форме анкетирования, объем выборки – 630 человек. Респонденты выделили наиболее значимые, по их мнению, направления работы, среди которых: культурно-просветительская, образовательная, научно-исследовательская, издательская, социально-ориентированная, правозащитная деятельность. К наиболее значимым функциям НКЦ респонденты отнесли сохранение традиций и обычаев народов региона, а также ретрансляцию их новому поколению. Результаты опроса представлены в табл. 2.

Таблица 2

Представления населения области о задачах НКЦ, % [1, с. 36]

Что, на Ваш взгляд, является основной задачей национально-культурных центров	Город, %	Село, %
Знакомство жителей с национальными культурами региона	44,4	44,9
Обучение детей традициям своего народа	33,3	78,2
Сохранение национальной культуры	42,2	83,1
Сохранение традиций и обычаев народов региона	48,9	94,2
Сохранение родного языка как основы национальной культуры	20	52
Сохранение народа	4,4	66,2
Популяризация национальных культур и их обычаев	15,6	22,7
Другое	2,2	3,1

Национальная интеллигенция в поликультурном регионе является основным субъектом в процессе сохранения и развития этнокультур, ориентируясь на принцип сохранения многообразия ради целостности государства. Социокультурное назначение национально-культурных центров полностью согласуются с положениями концепции государственной национальной политики и призваны «отражать все многообразие интересов народов РФ» [4, с. 647]. Современная роль российских НКЦ есть сохранение и развитие этнокультурных портретов многонациональных регионов, сохранение их исторической, экономической, политической, хозяйственно-бытовой, социокультурной специфики, а также накопление позитивного опыта взаимодействия.

Список литературы

1. Истомина О. Б. Национальная культура: пути сохранения в условиях глобализации // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С.35–37.
2. Истомина О. Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы, тенденции (региональный аспект). Улан-Удэ, 2013. 335 с.
3. Истомина О. Б. Язык и этнос: тенденции развития в современном российском обществе (региональный аспект). Саратов: Вузовское образование, 2016. 290 с.
4. Национальная политика России, история и современность. М., 1997. С. 647–663.
5. <http://www.bur-culture.ru> (дата обращения 27.12.2012).

КУЛЬТУРНАЯ ЭЛИТА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кочеткова Наталья Николаевна,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Культурная элита – это профессиональное сообщество, в которое входят деятели литературы и искусства, журналистики, науки и образования, она отвечает за то, каким будет человечество через десятки лет. Из устоявшейся дифференциации «культурная элита» мы выделим ее важный сегмент – работников образования.

Отношение правительства к интеллектуальному труду и образованию в целом в разные периоды истории нашей страны было весьма неоднозначным. На фоне этого преподаватели вузов то получали достойное вознаграждение за свой нелёгкий труд, то получали мизер и вели нищенское существование, переживая репрессии и гонения. Одним из атрибутивных признаков культурной элиты считается относительно высокий экономический статус (доходы как минимум на уровне среднего класса)

Проблемы развития системы высшего образования в различные исторические периоды России приведены в работах Е.Н.Ж. Андреева [1], И.А. Анопова [2], Н.Ф. Бунакова [3], Ю.С. Васильев [4], В.П. Вахтерова [5], Н.К. Вентцеля [6], Н.Х. Веселя [7], С.А. Владимирского [8], И.А. Вышнеградского [9], Г.Ю. Гессе [10], В.И. Гриневского [11], П.Ф. Каптерева, С.Б. Коробко [12], Н.А. Корфа [13], П.А. Кропоткина [14], М.Л. Песковского [15], М.П. Федоров [4] и других ученых. В таблице 1 приведены результаты анализа сведений об оплате труда преподавателей, выведена зависимость между уровнем материального обеспечения высококвалифицированного труда в России в разные исторические периоды и его натуральным содержанием, а так же представлено сравнение с заработной платой промышленных работников и изменение нагрузки педагогических работников.

Таблица 1

Оценка высококвалифицированного труда преподавателя в различные исторические периоды развития России

Период истории	Система оплаты труда/ источники финансирования	Нагрузка преподавателя (количество лекций за неделю)	Размер заработной платы преподавателя в месяц	Обязанности педагогического работника	Разница заработной платы преподавателя и заработной платы рабочего	Натуральное содержание заработной платы педагогического работника в расчёте на ржаную муку, сливочное масло
1725–1812	повременная система/государственное финансирование; средства выделяемые меценатами	4 часа	55 руб.	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа	заработная плата преподавателя в 22 раза больше заработной платы рабочего	3337 кг 693 кг
1812–1830	повременная система/государственное финансирование; средства выделяемые меценатами	4 часа	208 руб.	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа	заработная плата преподавателя в 31 раз больше заработной платы рабочего	3477 кг 262 кг
1831–1846	повременная система/ государственное финансирование	8 часов	458 руб.	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа; участие в заседаниях Совета, факультетского собрания и Правления	заработная плата преподавателя в 70 раз больше заработной платы рабочего	10003 кг 579 кг
1847–1863	повременная/ государственное финансирование	8 часов	250 руб.	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа; участие в заседаниях Совета, факультетского собрания и Правления	заработная плата преподавателя в 150 раз больше заработной платы рабочего	5319 кг. 308 кг.
1884–1900	повременная/государственное финансирование; гонорары студентов	8 часов	275 руб. с учётом гонорарной выплаты	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа; участие в заседаниях Совета, факультетского собрания и Правления	заработная плата преподавателя была в 20 раз больше заработной платы рабочего	5005 кг 347 кг
1902–1916	повременная/государственное финансирование; гонорары студентов	8 часов	375 руб. с учётом гонорарной выплаты	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа; участие в заседаниях Совета, факультетского собрания и Правления	заработная плата преподавателя была в 17 раз больше заработной платы рабочего	5207 кг 361 кг.
1917–1936	повременная/ государственное финансирование	25 часов	150 руб.	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа; участие в заседаниях Учёного Совета, Совета факультета и т.д.	заработная плата преподавателя в 1,2 раза больше заработной платы рабочего (нагрузка преподавателя увеличилась в 1,5 раза, нагрузка Рабочего сократилась в 1,5 раза)	600 кг 90 кг
Период истории	Система оплаты труда/ источники финансирования	Нагрузка преподавателя (количество лекций за неделю)	Размер заработной платы преподавателя в месяц	Обязанности педагогического работника	Разница заработной платы преподавателя и заработной платы рабочего	Натуральное содержание заработной платы педагогического работника в расчёте на ржаную муку, сливочное масло
1961–1991	штатно-окладная система (введена в 1937 г.)/государственное финансирование	21 час	435 руб.	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа; участие в заседаниях Учёного Совета, Совета факультета и т.д.	заработная плата преподавателя в 2,5 раза больше заработной платы рабочего (нагрузка преподавателя увеличилась в 1,5 раза, нагрузка рабочего сократилась в 1,5 раза)	1130 кг 124 кг

Продолжение таблицы 1

1992	штатно-окладная система на основе единой тарифной сетки (введена в 1992 г.) / государственное финансирование	21 час	7472 руб.	Преподавание предметов; научно-исследовательская работа; участие в заседаниях Учёного Совета, Совета факультета и т.д.	заработная плата преподавателя в 2,5 раза меньше заработной платы рабочего	530 кг 57 кг
1998			3421100 руб.		заработная плата преподавателя в 2,2 раза меньше заработной платы рабочего	380 кг 46 кг
2000–2008	штатно-окладная система на основе единой тарифной сетки /государственное, доходы от предпринимательской деятельности вуза	21 час	8788 руб.	Академ. нагрузка; научно-исследоват. работа; разработка педагогической технологии изучения дисциплины; участие в заседаниях Учёного Совета, Совета факультета и т.д.	заработная плата преподавателя в 1,7 раза меньше заработной платы рабочего	627 кг 92 кг
2016	новая система оплаты труда на основе профессионально-квалификационных групп/государственное, доходы от предпринимательской деятельности вуза	36 часов	12550 руб.	Преподавание предметов; научно-исследоват. работа; разработка педагогической технологии изучения дисциплины; управление самостоятельной работой студентов; обеспечение студентов необходимой информационными и справочными материалами, учебными пособиями, раздаточными материалами; создание и постоянная актуализация содержан. методических, дидактических и рефлексивных материалов; совершенствование методики обучения, используя современные технологии (интернет, электронная почта); участие в заседаниях Учёного Совета, Совета факультета и т.д.	заработная плата преподавателя в 1,2 раза меньше заработной платы рабочего	896 кг 125 кг

Таким образом, сравнение заработной платы преподавателей с заработной платой рабочего, определение покупательной способности заработной платы, через выражение её в натуральном содержании, сравнение нагрузки преподавателей в разные исторические периоды нашей страны, позволяет сделать вывод, что становление и последующее реформирование высшего образования в России, начиная с XVIII в., проходит в сложных и нестабильных условиях. В современной России, преподаватели вузов работать стали в несколько раз интенсивней, чем в советские времена, не говоря уже о дореволюционных, а заработная плата эволюционировала практически обратно пропорционально возрастающей нагрузке.

Экономическая модель в нашей стране создаётся, в условиях напряженной борьбы за разделение сфер влияний. На фоне этих ошибок формируются направления оплаты интеллектуального труда, которые постоянно требуют совершенствования и реформирования. На сегодняшний день средняя заработная плата преподавателей вузов меньше средней заработной платы в промышленности на 37 %, средней заработной платы по РФ на 54 % [16]. Кроме этого, за прошедший год ещё и покупательная способность зарплаты упала в эквиваленте евро и доллара практически в два раза. Такое положение в современных условиях, при вступлении России в Единое Европейское образовательное пространство недопустимо, поскольку именно от преподавателя высшего учебного заведения зависит успешность перехода к качественно – результативной модели обучения будущих специалистов. Именно отношение правительства к интеллектуальному труду формирует статус работников образования, как важного сегмента культурной элиты страны.

Список литературы

1. Кинелев В. Г. Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г. М.: НИИВО, 1995. 163 с.
2. Анопов И. А. Опыт систематического обзора материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. СПб, 1889. 184 с.

3. Бунаков Н.Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 5–43.
4. Васильев Ю. С., Глухов В. В., Федоров М. П. Экономика и управление вузом / под ред. В. В. Глухова. 2-е изд., испр. и доп. СПб : Лань, 2001. 390 с.
5. История профессионального образования в России / под науч. ред. С. Я. Батышева и др. М.: Профессиональное образование, 2003. 136 с.
6. Оценка качества образования в российских вузах: Опыт и проблемы / под ред. И. А. Дементьева, В. Н. Мининой. СПб, 2004. 186 с.
7. Новиков А. М. Профессиональное образование России // Перспективы развития. М.: ИЦПНПО РАО, 1997. 281 с.
8. Пошконяк Н. М. Образование: традиция и нововведения в условиях социальных изменений // Инновации и традиции в образовании. 1995. 96 с.
9. Российская наука: тенденции и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 21. 126 с.
10. Очерки по истории научных учреждений в СССР / под ред. В. М. Курицына, А. Ф. Шебанова. М.: Наука, 1976. 86 с.
11. История педагогики / под ред. А. И. Пискунова. М.: ТЦ СФЕРА, 1998. Ч. 2. 168 с.
12. Глухов В. В., Коробко С. Б., Маринина Т. В. Экономика знаний. СПб. : Питер, 2003. 287 с.
13. Границкая А. С. Научить думать и действовать. М.: Просвещение, 1991. 215 с.
14. Золин С. М. Истоки высшей школы России. М., 2002. 218 с.
15. Иллих И. Н. Общество, отказавшееся от образования. 1971. 190 с.
16. Официальный сайт Госкомстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/lssWWW.exe/Stg/d1/07-07.htm.

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ МОТИВАЦИЕЙ ПЕРСОНАЛА СО СТОРОНЫ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ КОМПАНИИ (ПЯТЬ СТАДИЙ УПАДКА)

Минева Оксана Карловна,

*доктор экономических наук, профессор, декан факультета бизнеса и экономики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Одной из наиболее интересных разработок, посвященных непрерывному самосовершенствованию компаний, являющимся базисом достижения и, главное, удержания успеха, на наш взгляд, являются труды Дж. Коллинз [см.: 1–3]. Опираясь на эти бестселлеры, можно заключить, что даже применяя в качестве идеологии транспарентность, передовой управленческий инструментарий, вводя KPI, компании могут не достичь желаемого результата. Причиной этого может стать отсутствие знаний у CEO¹ об идентификации стадии развития компании.

Наиболее известной классификацией жизненного цикла организации выступает классификация И. Адзиеса, который выделял девять этапов: выживание, младенчество, детство, юность, рассвет, стабилизация, аристократизм, ранняя бюрократизация, бюрократизация и смерть. Адзиес считает, что «...Мы не можем позволить себе роскошь сидеть и ждать наступления будущего до того, как решим, что следует делать сейчас...Преданность – или ее отсутствие – это то, что поддерживает или, напротив, разрушает создаваемую организацию... То, что нормально на одном этапе жизненного цикла, может оказаться аномальным на другом этапе... Чем значительнее успехи организации, тем самонадеяннее ее основатели... Если дух предпринимательства дремлет, то в результате страдает способность компании удовлетворять изменяющиеся потребности потребителей... В растущих компаниях работают верующие. В стареющих компаниях работают скептики... Когда вы начинаете существовать исключительно для себя, вы становитесь подобны раковой опухоли. Раковые клетки используют энергию не для достижения функциональных целей. Они не обслуживают никого, кроме самих себя. Некоторые люди подобны раковым клеткам в теле организации, а некоторые организации подобны раковым клеткам в теле общества... Если у вас есть мотивация достижения, но вы не знаете, чего или каким образом нужно добиваться, то вы опасны для окружающих. Вы подобны неуправляемой ракете. Такое сочетание качеств часто наблюдается у амбициозных молодых руководителей...» [4, с. 156]. Адзиес и его последователи проводили свои исследования с точки зрения общности прохождения всеми компаниями этапов их развития.

Дж. Коллинз, на основе изучения историй «падения», воскрешения или гибели величайших компаний мира, предлагает собственный авторский взгляд, коренным образом отличающийся от традиционных взглядов на менеджмент. В рамках данной статьи мы адаптируем эти стадии на процесс мотивации и стимулирования персонала в рамках составляющих стратегической карты компании.

Стадия 1. Высокомерие, порожденное успехом. По наблюдениям Дж. Коллинз, компании, достигнув успеха, впадают в некую эйфорию, начинают воспринимать успех как нечто само собой разумеющееся. И именно в этот момент, когда, казалось бы, стратегические карты компании менее востребованы, CEO следует задаться вопросом – что лежит в основе успеха компании.

Как правило, обобщив ответы ведущих CEO, можно выявить два подхода. Подход 1 – «Везение», подход 2 – «Мы лучшие». Подход 2 опасен тем, что компании, как правило, приуменьшают роль везения.

¹ Chief Executive Officer – CEO – высшая административная должность существующая в странах с англосаксонской экономической моделью (США, Великобритании и пр.), признанная бизнес-элитой. Основные обязанности CEO включают в себя развитие и осуществление высокоуровневых стратегий, принятие стратегических корпоративных решений, управление всей операционной деятельностью и ресурсами компании.

CEO выступает как связующее звено между советом директоров и корпоративным менеджментом.

На гребне успеха, руководство компаний перестает проявлять любопытство и откладывает «на потом» ориентацию на обучение. Это напрямую связано с тем, что отвлекаемые внешними угрозами, борьбой за удержание имеющегося сегмента рынка, компании слишком мало внимания уделяют инновациям, которые, в свою очередь, требуют постоянного совершенствования персонала.

Мотивацией персонала на этой стадии должно стать не только привлечение лучших представителей отрасли (а, соответственно, и высокий уровень заработной платы), но и постоянные обучающие ринги как внутриорганизационные, так и внеорганизационные.

Рис. 1. Пять стадий упадка по Дж. Коллинз [1, с. 28]

В стратегической карте должна быть четко прописана составляющая «Обучение и развитие», имеющая внутри себя две направляющие: поддержание высокого общего образовательного и компетенционного уровня сотрудников и обучение перспективным новинкам талантливых сотрудников, которые должны «креативить» с будущим продуктом.

Стадия 2. Неконтролируемое стремление к большему. На данной стадии компании нарушают «Закон Паккарда», заключающийся в том, что ни одна компания не может наращивать выручку быстрее, чем способна привлечь необходимое количество специалистов для обеспечения этого роста, оставаясь при этом великой компанией. И вывод из данного закона: если наращивание выручки не сопровождается привлечением достаточного количества компетентных людей для обеспечения его роста, она обречена на стагнацию. В погоне за все большим приращением выручки на ключевые позиции начинают ставить некомпетентных людей, затмевая их некомпетентность бюрократическими процедурами, что формирует следующий порочный круг – для соблюдения этих процедур, следует увеличить штат еще большим количеством некомпетентных сотрудников, т.к. компетентные сотрудники, работая под их руководством, либо покидают компанию, либо становятся посредственностью. Как справедливо заметил Дж. Коллинз: «Бюрократические правила вымывают этику свободы и ответственности из каркаса ключевых ценностей и высочайших стандартов, компания оказывается зараженным вирусом посредственности» [1, с. 59].

Кроме того, легкие деньги на этой стадии подрывают контроль издержек: компания реагирует на рост финансовых проблем повышением цен, а не анализом проблем. Личные интересы CEO и их окружения (материальные запросы, слава, заслуги) оказываются выше интересов компании. Ближний круг формирует у CEO убежденность в его исключительности, в связи с чем «выпадает» процедура преемственности власти. На этой стадии при разработке стратегических карт компании для мотивации и стимулирования персонала следует в составляющей «Обучение и развитие» выделить финансирование под «покупку» лидеров отрасли и «выращивание» преемников на ключевые топ позиции.

Стадия 3. Отрицание риска и опасности. На данной стадии наблюдается тенденция усиления позитивных и недооценка негативных данных. Руководство компании провозглашает амбициозные цели, которые не подкреплены ресурсами – и это прямое следствие воздействия на CEO их ближнего, «прикормленного» окружения. Инакомыслие в компании пресекается, уменьшается количество конструктивных обсуждений. Как следствие, увеличивается количество провалов и осуществляется поиск виновных, вместо того, чтобы принимать на себя ответственность за неудачи.

На данной стадии для повышения мотивации персонала в составляющей «Обучение и развитие» следует организовывать ринги, команды качества, выделять финансирование на стимулирование инновационной активности сотрудников.

Стадия 4. Попытки спастись. На данной стадии, как правило, компании сопровождают радикальные изменения, сопровождающиеся рекламой будущих достижений, целью которой выступает попытка повышения мотивации сотрудников и внешнего окружения к эффективному труду. Вместе с тем, радикальные изменения буквально энергетически и финансово обескровливают компанию и ее персонал. Ключевые ценности компании обесцениваются, персонал начинает подыскивать новое место работы.

На данной стадии в составляющей «Обучение и развитие» следует большое внимание уделять программам внутреннего переобучения персонала, повышения их психологического статуса и адаптации ключевых ценностей компании под существующие реалии, но при активном обсуждении их в коллективе. Кроме того, на наш взгляд, для недопущения снижения качества работы сотрудников, следует внедрять внутрикорпоративную транспарентность.

Стадия 5. Капитализация перед кризисом или гибелью. Профессор высшей школы бизнеса Стэнфордского университета Б. Лейзер, описывая данную стадию финального упадка компаний, сформулировал главный признак начала стадии 5: отсутствие денег. Он говорил: «Помните, можно быть прибыльным – и при этом быть банкротом».

Яркий пример, обращение в 2012 г. к правительству компании General Motors за финансовой помощью. При вхождении в 5 стадию все составляющие стратегической карты компании должны быть переосмыслены и заново сформулированы: от выбора в качестве возможного продолжения жизни компании слияния или поглощения другой компанией, до поиска нового лидера и команды «агентов перемен». При формулировке составляющей «Обучение и развитие» руководству следует, прежде всего, расставить приоритеты на социальную защиту персонала, чтобы у сотрудников был сформирован положительный психологический настрой. Если компания нацелена на борьбу, то стадия 5 может быть трансформирована в стадию «Восстановление и обновление». Здесь уместным будет привести слова У. Черчиля: «Никогда не сдавайтесь, никогда, никогда, никогда – ни в чем, ни в большом, ни в мелком, если только это не противоречит чести и здравому смыслу. Никогда не поддавайтесь силе, никогда не поддавайтесь очевидно превосходящей мощи вашего соперника» [2, с. 118].

Список литературы

1. Коллинз Дж. Как гибнут великие: И почему некоторые компании никогда не сдаются. М.: Манн, Иванов и Фабер, 2012. 212 с.
2. Коллинз Дж. От хорошего к великому. Почему одни компании совершают прорыв, а другие нет. М.: Манн, Иванов и Фабер, 2012. 320 с.
3. Коллинз Дж., Поррас Дж. Построенные навечно. Успех компаний, обладающих видением. СПб.: Стокгольмская школа экономистов в Санкт-Петербурге, 2005. 310 с.
4. Адзис И. Управление жизненным циклом корпорации. М.: Манн, Иванов и Фабер, 2015. 512 с.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ГРУППЫ В ИЕРАРХИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЛАГЕРЯ № 204 ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРИ УМВД ПО АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Тюрин Алексей Олегович,

кандидат исторических наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Вторая мировая война явилась самым масштабным военным конфликтом в истории человечества. Как большинство военных конфликтов, эта война сопровождалась массовым пленением военнослужащих противоборствующих армий. Советским Союзом в годы Второй мировой войны было пленено и интернировано свыше 5,5 млн иностранных граждан, из них примерно 4,5 млн человек были помещены в места постоянного или временного размещения [1, с. 4].

С начала Второй мировой войны в СССР стала складываться система лагерей для военнопленных и интернированных, основное количество которых пришлось на послевоенные годы. Военнопленные распределялись в разные лагеря в зависимости от своего статуса. Первоначально лагеря военнопленных подразделялись на офицерские, производственные, оздоровительные и режимные. В соответствии с «Инструкцией о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» военнопленные офицеры содержались отдельно от рядового состава, в связи с этим и были организованы офицерские лагеря. В производственных лагерях в основном размещался солдатский и младший (унтер-офицерский) начсостав. В оздоровительных лагерях были военнопленные, которым требовались условия, способствующие их физическому восстановлению. В режимных лагерях помещали военнопленных, которые совершали различные правонарушения, и условия содержания в них были гораздо строже, чем в трех предыдущих. В лагерях для офицерского состава в распорядке дня указывались правила поведения в зоне лагеря, так как эта категория военнопленных в основном к трудовому использованию не привлекалась, а в производственных лагерях распорядок строился с учетом трудового использования военнопленных.

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00416 «Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах Астраханского края).

В лагерях среди военнопленных также существовала своя иерархия. На первые места выдвигались военнопленные, имевшие отношения к исполнению административных функций или получившие доступ к работам по обслуживанию контингента и персонала лагеря (склад, гараж, кухня и т.п.). Такие военнопленные должны были пройти процесс расконвоирования.

Приказом НКВД СССР № 001263-1944 г. был объявлен перечень должностей в лагерях НКВД, которые могли замещать военнопленные. В этот перечень входили следующие должности: сапожники, портные, повозочные, конюхи, грузчики, хлебопеки, повара, кладовщики, электромонтеры, машинисты, автослесари, прачки, уборщицы. Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР № 28/6 от 16 января 1945 г. дало указание о порядке расконвоирования военнопленных для использования их на различных хозяйственных должностях, а именно: расконвоирование военнопленных производить из контингента, зарекомендовавшего себя в течении продолжительного времени с положительной стороны, преимущественно из антифашистского актива. Кандидаты на расконвоирование должны были быть обязательно проверены и согласованы с оперативным отделом лагеря. Расконвоированные военнопленные снабжались специальными временными пропусками с фотокарточкой на право бесконвойного хождения по определенному маршруту и в определенное время. За работой расконвоированных и их поведением вне зоны устанавливался строгий контроль со стороны руководства лагеря (лаготделения), а также по линии оперативного отдела [3, с. 267].

Как было сказано выше, расконвоированных нужно было стараться набирать из антифашистского актива. Антифашистская работа с военнопленными стала проводиться с первых дней их пребывания в лагерях. Главной задачей этой работы было перевоспитание, в том числе и идеологическое, военнопленных. Руководить антифашистской работой было поручено оперативным отделам лагерей. Среди военнопленных периодически проводились лекции, беседы, митинги, показывались тематические кинофильмы на антифашистскую тематику, анализировалось международное положение в соответствующем идеологическом ключе. В каждом лагере из военнопленных был сформирован антифашистский актив или комитет. Его члены выбирались на общих собраниях военнопленных, в основном членами комитета становились действующие или бывшие члены коммунистических и рабочих партий. Так, антифашистский комитет по лагерю МВД СССР № 204 (Астраханская область) в июле 1947 г. насчитывал 19 человек [12, с. 126]. Иногда на отдельных военнопленных-антифашистов приходили персональные наряды для репатриации их на родину [12, с. 124].

А.Л. Кузьминых в своем исследовании отмечает, что «в послевоенные годы главенствующую роль в лагерном самоуправлении заняли представители антифашистского актива, которые на лагерном жаргоне именовались “длинноволосыми” за то, что им было разрешено носить волосы, так же они нередко назывались “кашистами”, вследствие того, что получали повышенную норму питания» [11, с. 347]. В общем, военнопленные-антифашисты составляли определенную привилегированную группу в иерархии военнопленных (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности расконвоированных военнопленных по лагерю МВД СССР № 204
[подсчитано по 6, л. 86; 7, л. 60; 8, л. 25; 10, л. 11]

Период	Количество расконвоированных (чел.)	Общее количество военнопленных (чел.)
2-й квартал 1946 г.	144	3660
3-й квартал 1946 г.	130	3454
4-й квартал 1947 г.	267	3090
2-й квартал 1948 г.	108	2158
1-й квартал 1949 г.	54	1184

Нередко расконвоированные военнопленные подвергались наказаниям за различные проступки и правонарушения. В докладе «О состоянии режима охраны в лагерном отделении № 6 лагеря № 204 за четвертый квартал 1946 г.» приводились следующие примеры подобного поведения: «На военнопленного Ш. было наложено 5 суток ареста и отобран пропуск, так как он, будучи работником склада, постоянно занимался хищением продуктов. На заведующего складом военнопленного Ш. было наложено взыскание за то, что он заморозил картофель» [6, л. 134]. В лагерном отделении № 2 23 августа 1946 г. заведующий столовой военнопленный Б. был арестован на 5 суток с содержанием в карцере за систематические хищения продуктов в корыстных целях [6, л. 100].

Иногда расконвоированные военнопленные использовали свое привилегированное положение в личных целях. Например, 12 января 1945 г. начальник лагерного отделения №7 разрешил выход без конвоя старшему по зоне военнопленному К., который ходил по зоне, в баню, на склад и т.д. При этом, пользуясь свободным входом и выходом из зоны, он зашел к гражданке Н., с которой имел интимную связь [4, л. 8]. В 1947 г. в лагерном отделении №2 была уволена медицинская сестра лазарета Зоя Ф., так как «она вошла в интимную связь с хлеборезом столовой военнопленным Г., который так же был наказан» [1, л. 58]. При совершении проступков и правонарушений расконвоированные подвергались наказаниям, как все остальные военнопленные.

Еще одной привилегированной группой военнопленных были солдаты вспомогательных команд («ВК»). Эти команды были сформированы для конвоирования военнопленных к месту работы и их охраны там, а также из-за недостатка боевого состава конвойных войск. С членами «ВК» проводились соответствующие занятия. Первоначально, февраль-март 1945 г., вспомогательные команды были созданы в десяти лагерях военнопленных, например, в лагерях № 26, 29, 53, 58. Вскоре, получив положительные отзывы с мест о службе солдат «ВК», был принят приказ НКВД СССР №0172 от 27 июня 1945 г. и в соответствии с ним распоряжение ГУПВИ МВД СССР № 28/1 /1710-

1945 г. Согласно этим документам еще в 126 лагерях военнопленных и интернированных были организованы «ВК». Всего по стране в 136 лагерях было организовано 970 вспомогательных команд с общей численностью в них солдат (по состоянию на 1 января 1946 г.) 36 680 человек [3, с. 267].

Согласно «Положению о вспомогательных командах, организуемых из числа военнопленных» они комплектовались из числа проверенных военнопленных офицерского, унтер-офицерского и рядового состава, по возможности владеющих русским языком и физически здоровых, изъявивших желание нести службу в этих командах. Отбор военнопленных, предназначенных для укомплектования вспомогательных команд, производится специальными комиссиями в составе начальника лагеря, заместителя начальника лагеря по оперативно-чекистской части и начальника гарнизона конвойных войск [2, с. 232].

Вспомогательные команды формировались по групповому принципу. Общая численность команды определялась количеством содержащихся в лагере (лаготделении) военнопленных. При соотношении 1 конвоир «ВК» на 10-15 военнопленных, подлежащих выводу на работы, и плюс 10% резервных (на случай подмены заболевших, внутренний наряд и т.п.). «ВК» делились на группы численностью по 10 человек. Главным в команде был офицер или сержант из гарнизона конвойных войск, который подчинялся в административном, хозяйственном отношении и внутреннем порядке начальнику лагеря (лаготделения) [2, с. 232]. Впоследствии количественное соотношение членов «ВК» и военнопленных менялось в сторону увеличения. По директиве МВД СССР № 128 от 28 июня 1947 г. 1 конвоир «ВК» мог приходиться на 35–40 военнопленных [3, с. 267].

Выделенные во вспомогательные команды офицеры, унтер-офицеры и рядовые оставались на положении военнопленных, но содержались в лучших условиях. Личный состав вспомогательных команд носил форму и знаки различия соответственно персональному военному званию своей армии, но лучшего качества в сравнении с другими военнопленными. В отличие от обычных военнопленных личный состав вспомогательных команд должен был носить отличительный знак – белый прямоугольник шириной 10 см и длиной 15 см с черными на нем буквами «ВК» (высота букв 6 см), изготовленный из хлопчатобумажной ткани и вшитый на левый рукав шинели (мундира) выше локтя [2, с. 233].

Личный состав «ВК» размещался казарменно, отдельно от остальных военнопленных и обеспечивался постельными принадлежностями по нормам, установленным для вахтерского состава лагеря. Выдача обмундирования личному составу вспомогательных команд и довольствие их производились по нормам, установленным для военнопленных, занятых на работах. Солдатам «ВК» оружие не выдавалось. В целях своевременного предупреждения нарушений правил работающими военнопленными и подачи сигналов конвоирам от солдат вспомогательных команд, им выдавались свистки и флажки [2, с. 232].

За свою работу солдаты «ВК» получали денежное вознаграждение в размере: солдаты – 50 руб., командиры отделения – 75 руб., начальники команд – 100 руб. в месяц. Создание «ВК» запрещалось в офицерских и режимных лагерях, а также подразделениях, расположенных в приграничной полосе. Численность солдат «ВК» в 1947 г. составило 37 460 человек (2,1 %), а в 1948 г. – 11 489 человек (2,0 %) [11, с. 249].

В лагере для военнопленных № 204 в Астраханской области, как и по всей стране, началось формирование вспомогательных команд. В справке по Управлению лагеря МВД СССР № 204 за первое полугодие 1946 г. говорилось следующее: «В помощь гарнизонным конвойным войскам в каждом лагерном отделении сформированы вспомогательные команды из числа изученных и проверенных военнопленных. Для вспомогательных команд в каждом лагерном отделении отведены отдельные жилые помещения и созданы улучшенные бытовые условия – обеспечены постельными принадлежностями полностью, отдельным питанием, улучшенным обмундированием из числа трофейного и др. Работа с «ВК» проводится специально назначенными от гарнизонов конвойными войсками начальниками «ВК» в соответствии с приказом НКВД СССР № 0172. Отношение к работе «ВК» хорошее, отрицательных фактов в несении службы не наблюдалось» (табл. 2) [5, л. 43].

Таблица 2

Динамика численности вспомогательных команд военнопленных по лагерю МВД СССР №204			
[подсчитано по 6, л. 86; 7, л. 60; 8, л. 25; 10, л. 11]:			
Период	Количество солдат «ВК» (чел.)	Общее количество военнопленных (чел.)	
2-й квартал 1946 г.	84	3660	
3-й квартал 1946 г.	116	3454	
4-й квартал 1947 г.	82	3090	
2-й квартал 1948 г.	58	2158	
1-й квартал 1949 г.	52	1184	

Большинство квартальных отчетов, касающихся режима охраны лагеря № 204 МВД СССР констатировала удовлетворительную работу вспомогательных команд. Были случаи, когда солдаты «ВК», в связи с недостатком вахтерского состава, выполняли их функции по охране [6, л. 134]. Однако были зафиксированы и отрицательные моменты в их работе, чаще всего это было связано со сном или необоснованным оставлением места работы. Чаще всего за такие правонарушения члены «ВК» переводились вновь в статус обычных военнопленных. В четвертом квартале 1946 г. в лагерном отделении № 6 был солдат «ВК» оставил свой пост в момент несения службы. Он был наказан в дисциплинарном порядке и выведен из состава «ВК», как не оправдывающий доверия по службе [6, л. 119]. В четвертом квартале 1947 г. по лагерю № 204 из списков «ВК» были исключены 10 человек, как не внушавшие доверия [7, л. 60 об.].

В то же время отмечались и положительные моменты в работе солдат «ВК». Например, в четвертом квартале 1948 г. за хорошую работу двум солдатам «ВК» была объявлена благодарность с выдачей премии от хозорганов [9, л. 24]. Аналогично в первом квартале 1949 г. шести солдатам «ВК» была объявлена благодарность начальником лагерного отделения с выдачей денежной премии [10, л. 11].

В общем, солдаты «ВК» несли службу удовлетворительно. Из общего числа бежавших военнопленных в 1947 г. (2 123 человек) по вине контингента «ВК» бежало всего 14 человек, а в 1948 г. из 172 бежавших военнопленных на счет вспомогательных команд был зачислен всего 1 беглец, при этом побегии самих солдат «ВК» составляли единичные случаи [3, с. 267]. Почему так происходило? Как отмечается в исследовании А.Л. Кузьминых: «лагерные узники, наделенные властью, отождествляли себя с лагерной администрацией и ревностно выполняли ее функции» [11, с. 348].

Можно констатировать, что в условиях плена среди военнопленных существовала своя иерархия, созданная администрацией лагеря, во многом подчиняющаяся производственным и идеологическим задачам. Большинство военнопленных приняли предложенную иерархическую модель в надежде несколько улучшить свое положение в лагере или же рассчитывали на возможность возвращения к себе на родину, ведь на тот момент эта была главная цель в их жизни.

Список литературы

1. Архив Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО). Ф. 58. Оп. 1. Д. 14.
2. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидорова, Т. В. Царевская. М., 2000. 1120 с.
3. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2004. Т. 4. 1111 с.
4. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф.Р. 2609. Оп. 2. Д. 3.
5. ГАО. Ф.Р. 2609. Оп. 2. Д. 5.
6. ГАО. Ф.Р. 2609. Оп. 2. Д. 7.
7. ГАО. Ф.Р. 2609. Оп. 2. Д. 9.
8. ГАО. Ф.Р. 2609. Оп. 2. Д. 10.
9. ГАО. Ф.Р. 2610. Оп. 2. Д. 1.
10. ГАО. Ф.Р. 2610. Оп. 2. Д. 2.
11. Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.). Архангельск, 2014. 579 с.
12. Яковенко Д. Д. Забытые солдаты / под ред. Д. Д. Яковенко. Астрахань: ЗАО Концерн МИГ, 2001. 151 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЭЛИТЫ В СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Усачева Любовь Вениаминовна,

кандидат экономических наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Самарец Татьяна Викторовна,

кандидат экономических наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Термин «элита» используется в литературе для характеристики групп «избранных людей». Причем «избранными» они могут считаться по разным критериям. Так в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и в толково-словообразовательном словаре русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой дается двоякое толкование этого термина. Во-первых, элитой могут называть лучших представителей какой-либо части общества, а, во-вторых, представители привилегированных социальных групп [2, 3]. Поэтому первоначально термин «элита» использовался в основном во втором значении. Элитой считались представители высшей знати и военной верхушки. И только с XX в. оба толкования получили широкое распространение.

Сегодня практически в каждой сфере есть своя элита: научная элита, политическая элита, спортивная элита и т.д. И по-прежнему, мы вкладываем в это понятие двойной смысл. Важнейшим элементом современного общества является интеллектуальная (культурная) элита. Возможно, политологи не всегда отождествляют эти два понятия. Но, на наш взгляд, в рамках данной статьи их можно рассматривать как идентичные. Несомненным является тот факт, что интеллектуальная элита, это, прежде всего, интеллигенция, у которой на первый план выходит не уровень образования, а нравственные, духовные качества и мировоззренческая позиция. Понятно, что в данном случае речь идет об элите, именно как о лучшей части общества.

В дореволюционной России это в основном представители высших сословий. Лозунг «За веру, царя и Отечество!», с которым шли в бой и солдаты, и генералы как нельзя лучше характеризует духовный настрой россиян в те годы. С малых лет в детях воспитывали патриотизм и христианские ценности. Многие члены дворянских семей (в основном женщины) во время Первой Мировой войны работали в госпиталях, детских приютах, поскольку считали своим долгом помочь в критической ситуации своему народу, своей стране. Они не считали себя культурной элитой, но являлись таковой по сути.

После октября 1917 г. началось последовательное и целенаправленное уничтожение наиболее образованных и культурных сословий Российской империи. Значительная часть российской интеллигенции была уничтожена, либо эмигрировала. Большевики строили новую советскую культуру и создавали новую советскую интеллигенцию.

В послевоенные годы советская «культурная элита» являлась частью партийной номенклатуры и была представлена в основном научной элитой. Верхушка её (ректора вузов, директора НИИ, академики РАН и др.) пользовалась теми же привилегиями, которыми пользовалась и политическая элита страны. Но при этом советская интеллигенция должна была непременно претворять в жизнь планы партии и правительства и не могла иметь свою точку зрения ни по одному вопросу, касающегося развития страны.

Представители искусства объединялись в творческие союзы (союзы художников, архитекторов, композиторов, театральных деятелей и др.). Принадлежность к такому союзу давала возможность печататься в популярных журналах, организовывать выставки, ставить спектакли. Напротив, исключение из данных организаций, закрывало перед человеком все двери, обрекало на забвение.

Вызовом сложившемуся укладу стало движение «шестидесятников». Выступления Р. Рождественского, Б. Окуджавы, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др. собирали многотысячные залы. Их творчество вырывалось за пределы тоталитарного искусства. Именно с именами этих поэтов отождествляется представление о советской культурной элите середины XX в.

После «пражской весны» культурная элита СССР разделилась на два лагеря: поддерживающих действия руководства страны и выступавших с осуждением ввода войск в Чехословакию. В ответ на такие выступления со стороны властей началось строгое регламентирование духовной жизни. Прошли показательные судебные процессы над наиболее непокорными представителями интеллигенции (А. Синявским, И. Бродским и др.). Эти действия со стороны правительства стали одной из причин появления нового движения в культурной жизни советского государства – диссидентства. Диссидентство явилось вызовом всему советскому строю, всей советской тоталитарной культуре. Яркими представителями движения явились такие видные деятели науки и литературы, как Д.А. Сахаров, А.И. Солженицын и др. Они выступали за утверждение гуманизма, либерально-демократических свобод, социальной справедливости. Руководство КПСС яростно боролось с распространением подобных идей, несмотря на то, что изначально именно эти идеи были присущи социализму. Наиболее активные представители движения высылались из страны. Тех, кто оставался, увольняли с работы, травили в прессе, помещали в психиатрические лечебницы.

В дальнейшем до конца 1980-х гг. все произведения культуры, создававшиеся в СССР (будь то литературное произведение, художественный фильм, программа на телевидении и т.д.) проходили строгую цензуру. Все фрагменты, которые вызывали у властей подозрение, убирались. Многие произведения просто запрещали публиковать, снимать, ставить на сцене. Несмотря на жесткие рамки, культурная элита 1970-х – 1980-х гг. представлена такими выдающимися личностями как: Э.А. Рязанов, М.А. Захаров, Г.А. Товстоногов и др. Глотком свежего воздуха для молодежи стал журнал «Юность». В нем публиковалось большое количество произведений, отличающихся стилем и содержанием от сложившихся литературных стереотипов «социалистического реализма». По выражению В.Аксенова (также публиковавшегося в нем), журнал представлял собой некоторое «приоткрывание форточек» на мир за рубежом [1]. Главными редакторами журнала были известные советские писатели, представители культурной элиты того времени В. Катаев, Б. Полевой, А. Дементьев.

После распада СССР и череды политических и экономических потрясений произошла значительная переоценка ценностей. На определенный период «культурная элита» России (в качестве лучших представителей общества) перестала существовать. Часть её эмигрировала, а часть ушла в бизнес и политику, т.к. в условиях экономической нестабильности на первый план встали проблемы выживания.

Последствием этого процесса стали снижение спроса на услуги культуры и искусства (в традиционном их понимании), резкое ухудшение материального положения работников бюджетной сферы и кардинальное изменение структуры «культурной элиты» страны. Если в советское время к этой категории кроме представителей кино, театра, литературы, безусловно, относились и работники сферы образования, то в 1990-е и начале 2000-х гг. «культурную элиту» страны стали представлять совсем другие люди.

В 2005 г. Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр) был проведен репрезентативный опрос в 128 населенных пунктах 46 регионов России. Россиян попросили назвать 5-6 человек, которых они могут отнести к культурной элите страны. Как следовало из данных опроса, культурная элита России, по мнению населения, представлена в основном деятелями эстрады (30 % от опрошенных назвали имя А.Б. Пугачевой, 14 % – И.Д. Кобзона, 11 % – Е. Петросяна, 8 % – Н. Баскова, 7 % – Ф. Киркорова). Единственный представитель другого направления – это режиссер Н.С. Михалков (25 %). 36 % респондентов просто затруднились ответить на этот вопрос [5]. Ни одного представителя науки, литературы, живописи, театрального искусства среди названных фамилий нет. О чем свидетельствует данный результат? О деградации понятия «культура»? Или о её качественном изменении на современном этапе?

Ведь ежегодно выпускается большое количество литературных произведений (романы, политические хроники, детективы), которые приносят их авторам высокие гонорары. Почему же они не названы среди представителей культурной элиты? Имена Д. Донцовой, Б. Акунина, А. Марининой и др. писателей у всех на слуху. Почему не названо имя ни одного театрального режиссера? На мой взгляд, ответ достаточно прост и неутешителен. Современная культура – это культура телевидения, а в большей степени, интернета. Молодежь перестала читать книги, перестала ходить в театры, и даже, в кинотеатры. Вся информация поступает к ним через социальные сети. Духовность (в ши-

роком понимании этого слова) исчезает, а вместе с ней и понятие «культурная элита» деградирует, утрачивая постепенно своё первоначальное толкование, как лучших представителей общества.

Многие политологи считают, что сегодня российская культурная элита находится в стадии становления и перед ней стоят грандиозные задачи, основными из которых являются: организация структур образования, системы финансирования исследований, продуманная система научных стажировок за рубежом и др. [4, с. 127].

На этом фоне вузы должны стать базой для возрождения российской интеллигенции. Ведь именно в вузах воспитываются педагоги, которые, придя в школы, будут стремиться передать детям те нравственные и духовные ценности, на которых воспитывалось не одно поколение россиян.

В царской России Университет всегда считался центром сосредоточения культуры. К сожалению, современные российские университеты утратили этот статус. Поэтому основная задача руководства страны в сфере культуры и образования вернуть духовность в вузы. Воспитание новой российской интеллигенции будет способствовать появлению людей, способных сформулировать общенациональную идею, способствовать повышению интеллектуального потенциала страны и возрождению культурной элиты (в лучшем понимании этого термина).

Список литературы

1. Аксенов В. «Юность» балзаковского возраста. Воспоминания под гитару // Октябрь. 2013. № 8.
2. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2000 г. Режим доступа: <http://efremova-online.ru/slovar-efremovoy/elita/122542/> (дата обращения 05.03.2017).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://ozhegov-online.ru/about/> (дата обращения 05.03.2017).
4. Петрова М. Г. Культурная элита современной России: проблемы и перспективы // Современные политические процессы. 2008. № 1 (8). С. 116–127.
5. <http://levada-center.livejournal.com/3879.html> (дата обращения 04.03.2017).
6. Курс: Отечественная элита: история и современность. Режим доступа: <http://www.madrace.ru/elitologiya/kurs-otechestvennaya-elita-istoriya-i-sovremennost/vse-stranitsi> (дата обращения 04.03.2017).

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ТОП-МЕНЕДЖЕРОВ

Акмаева Раиса Исаевна,

*доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В XXI в. управленческие методы и навыки, необходимые для эффективного управления бизнесом, будут сильно отличаться от традиционных методов управления, применявшихся в XX в. Все понятия и инструменты управленческой деятельности, преобладавшие в нашем представлении о менеджменте: власть, иерархия, структура, контроль, координация, побудительный мотив и пр. – должны подвергнуться пересмотру. Развивающаяся природа менеджерской работы также требует соответствующих изменений в связи с коренным образом изменившимися условиями деятельности бизнеса в инновационной экономике, т.е. изменения управленческой деятельности налицо.

В условиях глобализации для мировой конкуренции национальные границы значения уже не имеют и победителем станет только та компания, которая сможет управлять производством в самом творческом режиме и непосредственно контактировать со своими клиентами, быстро реагируя на изменение их потребностей. Между тем основные проблемы, с которыми придется столкнуться современным руководителям российских компаний в условиях нарастания неопределенности и рисков, весьма сложны, а изменения очень масштабны, которые происходят все быстрее и их необходимо учитывать.

По мнению известного американского ученого И. Адизеса, «российские менеджеры не успевают адаптироваться к современным реалиям, не говоря уже о том, чтобы активно меняться. Им мешает культура, в которой существует уравниловка, кумовство и коррупция... Посткоммунистическая Россия унаследовала не только авторитарный стиль управления, но и страх перед властью, начальством» [1, с. 10]. Он выделил несколько важных процессов, которые уже сейчас возникают в ответ на перемены в мировой экономике: 1 – закат авторитарного стиля управления, поскольку один начальник не способен оценить все риски в хаосе непрерывных перемен, а необходимы согласованные действия целой команды; 2 – конец иерархии, когда наблюдается становление систем, полностью ее отрицающих, — это и холакратия, и сетевые организации, и плоские структуры, и методология agile; 3 – сила командного духа, помогающая решать сложные комплексные задачи на основе развития взаимодействия в командах и сотрудничества структурных подразделений, не взирая на внутриорганизационные границы; 4 – необходимость учета особенностей представителей нового поколения «игреки», не воспринимающих авторитарный стиль руководства, но которые скоро станут основной рабочей силой современных предприятий и организаций и им нужны самореализация, свобода выбора, гибкий график, новый подход к рабочим процессам, а дисциплину, самопожертвование, лояльность, верность одной компании — ничего из этого «игреки» не ценят [1, с. 8-9]. По оценкам, средний «игрек» к 38 годам поменяет до 15 мест работы, задерживаясь на каждом 1-1.5 года. Для них смена работы не проблема, а стиль жизни. Им важно, чтобы работа постоянно приносила удовольствие и ценно то, чем они занимаются, а не в какой компании работают [3, с. 99].

В то же время И. Адизес подчеркивает, что, несмотря на приверженность авторитарному руководству, Россия обладает мощнейшими интеллектуальными ресурсами — ее кадры хорошо образованны, начитанны, креативны, предприимчивы, но под гнетом авторитаризма использовать все эти сильные стороны весьма затруднительно, это мешает перенимать инновации в менеджменте и внедрять новейшие управленческие методики.

Между тем основные масштабные задачи, стоящие перед менеджментом XXI в. согласно новой версии «Менеджмент 2.0», заключаются не только в постановке высоких целей, нацеленных на социально значимые и благородные задачи, не только в необходимости учитывать интересы акционеров и высшего менеджмента, а и своих сотрудников и местных сообществ, но и в замене традиционной иерархии «естественной» иерархией, при которой статус и степень влияния зависят не от должности, а от вклада в работу, надо делать ставку на самоконтроль каждого, на построение системы контроля по горизонтальному принципу, когда важнее всего оценка коллег [6].

Изменившаяся роль менеджмента предполагает усиление роли, прежде всего менеджеров высшего звена в обеспечении такой адекватности. Успех реформирования любого предприятия, а российского особенно, зависит от того, насколько первое лицо сможет правильно оценить стратегическую позицию организации в реальной конкурентной среде и, соответственно, перестроиться, т.е. иметь готовность действовать по-новому, адаптировать свой стиль и используемые инструменты управления к задачам инновационной экономики, взять на вооружение инструменты эффективного управления, адекватные новым условиям деятельности.

Для России первое лицо в организации — фигура ключевая, поскольку именно от топ-менеджера зависит позиционирование компании на рынке, а также от того, как члены «управляющей конфигурации» понимают миссию и, соответственно, куда хотят привести организацию. Различные методы и подходы к повышению эффективности работы предприятия — это лишь орудия организации, а главный вдохновитель, идеолог и реализатор стратегии — высший руководитель, он — стимул к переменам и человек, осуществляющий их. Руководитель ответственен за принимаемые решения, формулирование стратегий и достижение намеченных целей, в конечном счете, успех будет зависеть от того, как руководитель воспользуется своими навыками, знаниями, умениями и качествами.

Российская модель менеджмента — это динамично развивающаяся система. Понять её сущность можно только исходя из анализа эволюционного развития национального менталитета и базовых ценностей россиян, учитывать которые необходимо при проектировании эффективной модели отечественного менеджмента. Самое известное зарубежное исследование особенностей российского менеджмента, осуществленное в середине 1990-х гг. Уортонской школой бизнеса (США), это проект GLOBE (Global Leadership and Organization Behavior Effectiveness). Исследование основано на эмпирических данных теории, объясняющей влияние национальной культуры на эффективность поведения людей в организации, где в качестве основных характеристик менеджмента и делового лидерства использовали практически те же параметры сопоставлений, что и в известной модели Г. Хофстеде. Участники проекта опросили более 17000 руководителей в 825 организациях в 61 стране, в том числе в России. Уже первые результаты показали, что в мире происходит сближение взглядов в оценке эффективных стилей управления. Эффективный «мировой» лидер — это менеджер, который заслуживает доверия, энергичный, решительный, умный, надежный, умеющий планировать заранее и создавать мотивацию.

В России эффективный лидер иной. Авторы проекта нарисовали для себя такой психологический портрет эффективного лидера в национальном российском представлении: «Это весьма противоречивая личность с явно выраженным жестким авторитарным стилем поведения. Его основными чертами являются: способность принимать индивидуальные решения и отвечать за эти решения; он или она не пытаются сохранить лицо, действуют открыто, быстро и достаточно компетентно в нестабильной внешней среде. Лидер слабо нацелен на конечный результат деятельности, он более ориентирован на сам процесс, будучи в то же время очень внимателен к статусу. Тем не менее, агрессивный стиль поведения и отсутствие видения будущего не позволяют ему стать сильным харизматическим лидером» [4].

Происходящие в последние годы в успешных российских компаниях важные изменения опровергают сложившиеся в первые десятилетия реформ в современной России представления о «застылости» российского менеджмента. Угроза увольнения неэффективных руководителей становится одним из механизмов корпоративного управления, способствуя его улучшению и, соответственно, содействуя привлечению внешнего финансирования, прежде всего иностранных инвесторов. Исследования на базе панельных данных Российского экономического барометра (РЭБ) подтверждают, что, несмотря на многочисленные встроенные дефекты, российская система управления работает в «правильном направлении», способствуя отбору более компетентных менеджеров и повышению эффективности их труда [5].

Тем не менее, как показали результаты сравнения, за 10-летний период показатели исследуемых измерений национальной культуры изменились незначительно. Это может свидетельствовать о том, что, хотя культура претерпела определенные трансформации в начале 1990-х гг., основные ценности и убеждения, лежащие в основе культуры, остаются неизменными. Наиболее значительное изменение наблюдается в дистанции власти (снижается) и мужественности (снижается), что может быть в первую очередь связано с продолжающимся изменением поведения (но не ценностей) сотрудников российских компаний, а также происходящими социально-экономическими процессами. В связи с этим можно утверждать, что изменения «верхних» уровней национальной культуры продолжаются, но, как показывает анализ ответов на отдельные вопросы, не затрагивает «глубинные» слои. Деловое поведение россиян изменяется быстрее, чем изменение черт их национальной культуры. Можно предположить, что при условии сохранения существующих тенденций на микро- и макро-уровнях, российская культура, которая ещё ко всему исторически носит «евразийский» характер, не будет претерпевать значительных изменений, что также соответствует теоретиче-

ским положениям об относительной стабильности культуры во времени [7].

Проектом GLOBE были выделены также определенные преимущества и недостатки российского менеджмента. Среди преимуществ выделили такие характеристики: склонность к инновациям, вкус к риску, игре, амбициозность, самокритичность, склонность к бескорыстной помощи, любовь к обучению. А среди недостатков отмечают политизированность российского менеджмента, уничижительное отношение к себе и своей стране, транжирство и расточительность (в отношении ресурса времени), эгоцентризм и алчность; широкомасштабность [4].

Проектом GLOBE, в частности, были выделены основные черты российского менеджмента: 1) участие администраций регионов в формировании управленческих команд предприятий; 2) полуправовое регулирование деятельности; использование силовых методов; сила неформальных отношений; 3) излишняя диверсификация деятельности и повышенная склонность к риску; 4) отсутствие склонности к регулярной и кропотливой работе; склонность к масштабным и уникальным проектам с привлечением огромного числа материальных и человеческих ресурсов; 5) стремление избежать практики делегирования полномочий с высшего уровня на низший; 6) безразличие к ценностям индивидуальной карьеры; 7) централизация управленческих функций – клановый подход к ведению бизнеса и т.д.

Хотя от данного исследования прошло уже почти 20 лет, российская модель менеджмента мало изменилась, считает признанный гуру в области менеджмента доктор Ицхак Адизес, который делится своими взглядами на то, как на сегодняшний день выглядит российский менеджмент. «Самый большой актив, которым обладает Россия – не нефть и не газ – это российские люди. Они умные, способные и талантливые. Так что же мешает им развиваться на территории своей страны? – страх, иерархия, элитаризм, коррупция...» [2].

По мнению И. Адизеса, российские компании чрезвычайно централизованы. При возникновении проблемы подчиненные рапортуют о положении дел руководящему составу. Никто не готов взять на себя ответственность, никто даже не пытается. Поэтому в таких компаниях нет прогресса, движения вперед. «Некоторые руководители любят такую ситуацию. Им нравится имперское чувство, что все зависит только от них. Это формирует элитаризм. Однако они становятся пленниками ожиданий, которые возлагают на них другие люди. Они не могут себе признать, что не в состоянии реализовать того, что от них ждут». Ситуация также осложняется тем, что руководители не слушают своих подчиненных и коллег, они живут в вакууме и там же принимают решения. А люди внизу ждут от них указаний и ничего не делают сами. Получается хождение по замкнутому кругу.

И. Адизес отмечает, что в России слаба административная роль, нет системы и нет стремления придерживаться закона и порядка. Такая среда оказалась идеальной для зарождения коррупции. Одной из основных проблем современных руководителей Адизес считает алчность. При коммунизме значение материальных стимуляторов принижали, а сейчас деньги превратились в бога, в основную жизненную ценность. Но возможности зарабатывать как можно больше нет, так как сама система не работает, и это, опять же, ведет к коррупции. «Власть подчиняется иерархии. Страх, элитаризм, коррупция, - все эти факторы не поощряют развитие предпринимательства. В такой системе очень сложно вести честную предпринимательскую деятельность, намного легче делать бизнес нелегальным путем» [2].

Тем не менее, по мнению исследователей, последние кризисы сыграли положительную роль в развитии класса менеджеров в России. Важным конкурентным преимуществом стал уровень профессиональной подготовки управленческой команды компании. Соответственно и представление о российском менеджменте меняется, но до сих пор можно согласиться с учеными, утверждающими, что существующая система управления, впитавшая в себя все черты национального менталитета, пока неадекватна тем историческим вызовам, с которыми на рубеже тысячелетий столкнулась Россия. Для построения эффективной модели менеджмента, адекватной условиям инновационной экономики, целесообразно не только идентифицировать существующие веками характерные черты и особенности национального менталитета и системы управления. Необходимо определять по «слабым сигналам» основные направления развития российской модели менеджмента, которые обеспечат достижение значимых результатов – приближение отечественных предприятий к «совершенному» управлению. Уверенность в том, что в будущем такая особенность национального менталитета, как дуализм российской души, ее противоречивость, так и останется главной чертой, позволит правильно спрогнозировать развитие отдельных характеристик национального менеджмента в направлении повышения его эффективности. Но чтобы стать успешной организацией в условиях инновационной экономики, нужны более эффективные системы управления, а, соответственно, и высококвалифицированный топ-менеджмент и качественный персонал, владеющие необходимыми современными управленческими инструментами, которые позволяют грамотно ставить и достигать опережающих целей развития. Развитие систем управления в российских организациях является не только главным инструментом достижения целей для менеджеров и специалистов, но и единственным на сегодня неисчерпаемым ресурсом развития любой компании.

Список литературы

1. Адизес И. Теория и практика менеджмента трансформируются перед лицом новых вызовов – и России нужно подтягиваться // Harvard Business Review. 2017. С. 6–10.
2. Адизес И. Российские менеджеры боятся своего начальства. Режим доступа: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1451458/>.
3. Акмаева Р. И., Жуков В. М., Лунев Д. А. Новые образовательные технологии для представителей поколения «игрек» // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 99–104.
4. Горбанев С. В. Основные особенности современного российского менеджмента // Новые технологии. 2010. Вып. 2.
5. Капелюшников Р. И. Обновление высшего менеджмента российских промышленных предприятий: свидетельства Российского экономического барометра / Р. И. Капелюшников, Н. Демина // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3, №3. С. 110–122.

6. Менеджмент 2.0: новая версия для нового века // Harvard Business Review. 2009. С. 91–100.
7. Наумов А. И., Петровская И. А. Тенденции в изменении национальной культуры России с позиций ее влияния на управление бизнесом в период 1996–2006 гг. // История управленческой мысли и бизнеса. Российская модель управления: вчера–сегодня–завтра / под ред. В. И. Маршева. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 114.

О НАЦИОНАЛЬНОМ СВОЕОБРАЗИИ МЫШЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЭЛИТ РОССИИ

Плахова Наталья Геннадиевна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Элита той или иной страны не может ни быть выразительницей (носителем) национального своеобразия культуры своего народа, осмысленной и выраженной наиболее выдающимися своими мыслителями. Проблема национального своеобразия мышления русского народа волновала таких философов как Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, А.Ф. Лосева, В.В. Зеньковского и других. Не вдаваясь в различие их аналитических выводов, выделим три, с нашей точки зрения, существенных особенностей национального мировоззрения и проследим пример отношения к ним представителя современной педагогической элиты, влияющего на педагогическое современное мышление и организуемую на его основе педагогическую практику, чтобы обратить внимание на необходимость уточнения и более глубокого изучения культурного национального наследия в современных условиях для решения проблем образования.

Во-первых, отметим как особенность национального мышления его целостность, опираясь на исследование Н.О. Лосского: «Киреевский и Хомяков говорили, что цельная истина раскрывается только цельному человеку. Только собрав в единое целое все свои духовные силы – чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию, нравственный опыт и религиозное созерцание, – человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о боге. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей – В. Соловьёва, кн. С. Трубецкого, кн. Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова, Н.А. Бердяева, Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, А. Лосева, И. Ильина и др.» [5, с. 470–471]. С первой особенностью национального мышления тесно связана вторая, которую Н.О. Лосский называет характерной чертой русской философии: «То, что всё развитие русской философии нацелено на истолкование мира в духе христианства, говорит о многом: русская философия, несомненно, окажет большое влияние на судьбы всей цивилизации» [5, с. 472–473]. Но, с точки зрения В. Зеньковского, наиболее характерной чертой русской философии является «этический персонализм» [5, с. 471], которую мы выделим как третью черту национального самосознания. Все три черты тесным образом связаны друг с другом и существуют внутри единой органической системы представлений о мире в отечественном мировоззрении как оно осознано и описано философами. Понимание этих особенностей национального мировоззрения необходимо, с нашей точки зрения, и педагогической современной элите.

Основная проблема современной педагогической элиты связана, на наш взгляд, с наследием советской педагогики, существовавшей на основе материалистического мировоззрения, продолжающего служить, часто, неосознаваемой предпосылкой в новых положениях педагогической современной теории. Материалистическое мировоззрение духовные философы относили к неорганическому мировоззрению. Вот как Н.О. Лосский описывает преимущества органического мировоззрения над неорганическим: «Сторонник неорганического мировоззрения полагает в основу мирового целого, а также всякого частного целого, находимого им в мире, – элементы и рассматривает целое, как производный из элементов агрегат их. Сторонник органического мировоззрения, наоборот, считает всякое целое основным и элементы целого, поскольку они суть части его, считает производными из целого. Таким образом, согласно органическому мировоззрению элементы всякого целого не исчерпываются своим особым индивидуальным содержанием, но укоренены в объемлющем их сверхиндивидуальном начале. Следовательно, целое есть не агрегат, спаянный воедино лишь внешними отношениями: элементы его внутренне объединены входящим в состав каждого из них сверхиндивидуальным содержанием; поэтому, переходя из одного элемента в другой, мы не попадаем в совершенно новую, начисто обособленную сферу, здесь есть всегда нечто вроде сплошности...

Органическое и неорганическое мировоззрение резко противоположны друг другу. Однако эта противоположность не есть простое взаимоисключение, не есть обоюдная односторонность: органическое учение выдвигает сверхиндивидуальную целостную сторону мира, но оно не отвергает аспекта индивидуальных, исключительных содержаний...

Таким образом, органическая теория включает в себя все содержания бытия, допускаемые неорганической теорией, и отвергает только её отрицания. Органические теории видят больше в мире, чем неорганические» [6, с. 187–188]. Они видят наличие в мире духовной его составляющей как основного онтологического элемента, обеспечивающего единство противоречивой природы мира.

Нужно ли называть сторонника традиционной культуры идеалистом, утверждающим, что всё, существующее в мире, идеальной природы? Не обязательно. Нам, благодаря философам Серебряного века (Н.О. Лосскому, П.А. Флоренскому, С.Л. Франку и др.), можно выбрать идеал-реалистическую мировоззренческую систему, которая, не являясь ни идеализмом (идеальное бытие – это бытие сверхвременное и сверхпространственное), ни материализмом, признающим в составе мира лишь бытие пространственно-временное, являет пример возможности их синтеза, от-

вечая при этом и положениям традиционной культуры, и не вступая в противоборство с основными современными научными представлениями.

Но в современной педагогике понимание природы духовного отличается от его понимания в традиционной культуре и несёт на себе черты неорганического материалистического мировоззрения, по-материалистически полагая, что духовное – есть продукт высокоорганизованной материи – человека. Человек традиционной культуры, наоборот, считает материю продуктом духовного мирового начала, зависимой от него.

Чтобы убедиться в этом, обратимся к пособию профессора Н.Е. Щурковой «Прикладная педагогика воспитания», признанному одним из лучших учебников для высшей школы. В нём автор раскрывает своё понимание культуросообразной педагогической практики, правильными словами призывая учителей опираться на достижения культуры: «В работе с детьми педагог-практик, чтобы реализовать культурологический подход к воспитанию детей, ориентируется, как правило, на содержательные элементы культуры, направляя своё пристальное внимание на то, что создано культурой, каковы её достижения» [8, с. 21]. При этом она замечает, что: «Чем шире спектр достижений культуры, которыми владеет педагог, тем выше возможности педагога в использовании широкой палитры воспитательных средств» [8, с. 260]. Н.Е. Щуркова, не раскрывая своих философских убеждений, предъявляет к профессионалам-мастерам требование, чтобы они (учителя) были «философами и выстраивали своё творчество на здании философски осмысленной стратегии» [8, с. 12]. При этом она рекомендует отдать в своём творчестве предпочтение философским идеям, проверенным веками: «До величия поднимался лишь тот, кто нёс в своём творчестве философскую идею, проходящую через века и живущую вечно» [8, с. 12]. Мы, восприняв все эти призывы, обнаружили в пособии принципиальные неточности в интерпретации положений традиционной культуры, которые попытались проанализировать, движимые убеждением, что в основе эффективной деятельности педагога должны лежать глубокие культуросообразные представления, отвечающие природе мира и человека. По сути, все выявленные выше особенности элитного национального мышления в пособии не востребованы.

Утверждение Н.Е. Щурковой о возможности вечной жизни философской идеи отвечает положениям духовной философии, ценностям традиционной религиозной культуры, принять которые как целевой ориентир для профессиональной деятельности педагога в пособии не предлагается, думается, потому, что современное школьное образование, являясь образованием светским, испытывает трудности при одновременном стремлении соблюдать научный и культурологический подходы. При этом отношение к культуре оказывается двойственно-противоречивым. С одной стороны, педагоги жаждут духовности, задыхаются в мире прагматичных механизмов, ждут помощи от культуры, чувствуя, что только оттуда она может к ним прийти. Но при этом как бы не вполне ей доверяют, поскольку она не научна. Традиционная культура связана с культом Духа, то есть того, что нельзя измерить, запросто воспринять чувствами, описать языком научных понятий.

Особая природа культуры, не берущаяся теорией диалектического материализма, была замечена одним из создателей этой философской системы Ф. Энгельсом, который писал: «Мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития...» [9, с. 25]. «Нет развития» – это означает в марксизме, что некое «А» остаётся неизменным (вечным?).

Таким образом, чтобы ценности культуры могли бы стать основанием осознанной практической педагогической деятельности, надо понять, что нам мешает признать существование в мире неизменных сущностей, представить себе природу неменяющихся сущностей и углубить теоретические представления о развитии. Нам надо уточнить, какими именно положениями своей теории диалектический материализм, продолжающий сохраняться в предпосылочных установках педагогического мышления, лишил себя способности быть инструментом распознавания ценностей, хранимых культурой. Для того, чтобы постичь эти положения, необходимо установить соответствия между ними и достижениями научной и философской мысли человечества. Существенная часть этой работы была проделана русскими духовными философами, высланными после революции в Западную Европу и организовавшими там Русский университет в Праге.

В процессе погружения в труды В. Соловьёва, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского и др., признанные высокими достижениями не только отечественной но и мировой культуры, можно убедиться, что основным таким положением является отрицание марксизмом любых форм бытия вне категорий времени и пространства. Так у Ф.Энгельса читаем: «...основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства» [9, с. 49].

У Н.О. Лосского мы нашли подробное разъяснение влияния категорий времени и пространства на характер представлений человека о мире: «Наиболее очевидная внешняя форма, в которой выражается раздробление мира есть пространственный порядок вещей, внеположность вещей в отношении друг к другу: дерево и парящий над ним ястреб занимают два разных места в пространстве и, по-видимому, всё содержание бытия одного из этих существ обособлено от содержания бытия другого...

Другая ещё более глубокая пропасть между разными содержаниями бытия открывается во временном порядке мировых процессов. Два события, совершающиеся в разное время, например, вчерашняя радость свидания с давно невиданным другом и сегодняшнее эстетическое наслаждение музыкою наполняют два разных отрезка времени ... всё содержание одного процесса находится вне содержания другого ... и эта внеположность гораздо более глубока, чем пространственные внеположности: в самом деле, в пространстве вещи могут быть всё же внешним образом приближаемы друг к другу, а во времени ...они как бы проваливаются в бездну, из которой нет возврата. Понятно поэтому, что философы, не допускающие никакого другого бытия, кроме пространственного и временного, строят

метафизические системы, утверждающие глубокую раздробленность мира, разобщённость разных частей его непреодолимо внешнеположностью их в пространстве и времени.

Существуют, однако, другие типы философских систем, утверждающие, что в основе мира есть бытие сверхпространственное и сверхвременное, преодолевающее раздробленность пространства и времени и устанавливающее тесную, интимную связь между элементами мира, внешнеположными друг другу. Всякое сверхвременное и сверхпространственное бытие будем называть идеальным, имея в виду учение Платона, впервые открывшего царство идей. Бытие пространственно-временное будем называть реальным» [2, с. 10]. Реальное бытие, пространственно-временное – это материальное бытие и психическое бытие, независимое от категории пространства, но подчиняющееся категории времени. Бытие идеальное или духовное не зависит ни от категории времени, ни от категории пространства. В священных текстах традиционной культуры предел жизненных стремлений, жизненная ценность предстаёт как идеал, имеющий духовную природу, в котором преодолевается разобщённость и обретается единение.

В статье «Техническая культура и христианский идеал» Н.О. Лосский задаётся вопросом, что составляет предел упований подлинного Христианина и отвечает: «...Конечно, единство с Богом и всеми тварями Его на основе любви, созидание Царства Божия, где Бог есть «всяческая во всех». В этом царстве множество живых существ образуют «Едино Тело и Един Дух». В этом Царстве не утрачивается индивидуальность человеческой души, в нём не угашается личность, христианин ожидает воскресения во плоти, следовательно, надеется на сохранение индивидуального духовно-телесного бытия и тем не менее признаёт, что множество духовно-телесных индивидуальностей образует в Царстве Божиим «Едино Тело и Един Дух». Как возможно такое единство? – Оно осуществимо лишь в том случае, если множество личностей проникнуты друг к другу и к Богу такой совершенной любовью, что живут вполне, как Един Дух: 1) мысль каждого непосредственно есть достояние всех; 2) хотение каждого непосредственно подхватывается и соборно осуществляется всеми. Такое целостное единство многих лиц есть конкретное единство: во всех существах этого царства осуществляется Един Дух Христов в тысячах индивидуальных обнаружений, каждое индивидуальное тело есть орган Единого Тела Христова, духоносного, преображённого, в котором нет разделения, нет непроницаемости, осуществлена совершенная взаимопроникнутость тел. Такое бесконечно сложное и тем не менее целостное царство бытия обеспечивает каждому своему члену-индивидууму бесконечную полноту бытия и бесконечную силу творчества, так как здесь нет взаимостеснений и есть, наоборот, совершенное взаимодействие сил» [3, с. 3–4].

Идея подлинного органического единства представляется Н.О. Лосскому столь значительной, что основной порок нашей технической цивилизации Нового времени он видит в том, что она не ведёт в направлении к достижению христианского идеала единства. Н.О. Лосский приходит к выводу, что все технические средства, обеспечивающие объединение современного мира, могут привести лишь к объединению внешнему к пространственно-временной смежности, при которой может остаться или даже возрасти внутренняя чуждость, отсутствие взаимопонимания между тем, что внешне стало близким или даже смежным. Объединение мира, осуществляемое нами, и наше единение с миром оказывается не подлинным: ...это грандиозная фальсификация, подделка единства.

Мы видим, что, не отказавшись от христианского идеала единства, техническая цивилизация пренебрегла главной чертой этого единства – его внутренним характером. Н.О. Лосский отмечает, что именно это пренебрежение разрушающе сказалось на человеке: «...расширение нашего сознания, получающееся вследствие усовершенствования средств внешнего сношения с миром, оказывается неорганическим: множество впечатлений... нагромождаются в виде хаотического скопления, в котором многие элементы противоборствуют друг другу, ослабляют друг друга и ведут к ослаблению всего строя души.» [3, с. 6].

Профессор Н.Е. Щуркова без учёта этих представлений традиционной культуры, вопреки формулируемым ею установкам культуросообразной педагогики, настаивает на том, что «... человек выступает как наивысшая ценность» [8, с. 20] в образовательном процессе. Тот самый человек технической цивилизации с ослабленным строем души? Несколько иначе можно представить себе ценностные ориентиры педагогической деятельности, если обратиться к Российской педагогической энциклопедии, в которой гуманистический идеал воспитания предстаёт как всестороннее развитие **личности** в результате саморазвития индивида через приобщение его к общечеловеческой культуре [7, с. 239–240].

В свете идеал-реалистической философии, вбирающей в себя обе стороны мира (идеальную и реальную), христианский идеал оказывается совместимым с гуманистическим идеалом воспитания, поскольку и человек, и Бог мыслятся личностями, но личностями разного уровня развития.

В отечественной педагогической науке, как отмечала ещё Л.И. Божович, «понятие личности хотя и постоянно употребляется, но недостаточно раскрывается психологически и часто оказывается синонимом то сознания, то самосознания, то установки, то психики вообще» [1, с. 131]. Но понятие это прочно связано с социальным уровнем бытия как человеческим сообществом. В идеал-реализме личность – любой активный элемент мира, действующий целесообразно (осознанно, или неосознанно) и обладающий способностью к самосохранению. Это – и атом, и молекула, и человек, и планета, и ..., и Бог. Здесь личность обладает универсальной природой, что даёт возможность человеку понимать мир по аналогии так, как он понимает самого себя: изнутри в переживании, целостно, а не рационально отчуждённо.

Как нам видится с позиций идеал-реализма, в значительной степени именно по причинам мировоззренческого порядка советская педагогика практически потеряла личностный взгляд на самого человека, обездушив мир человека и предложив его детям в качестве содержания школьного образования.

Христианское миропонимание Н.О. Лосский относит к органическому и разрабатывает отвечающую ему картину мира – иерархический персонализм: «...можно понять мир как систему деятелей с одной стороны субстанциально самостоятельных, а с другой стороны сливающихся в одно существо, вследствие чего между ними возможно такое тесное общение, как например интуиция, т.е. непосредственное созерцание одними бытия и действий других... В этой системе всякий субстанциальный деятель есть индивидуум, т.е. единственный, своеобразный, незаменимый элемент мира, имеющий своё особое место и значение для всего мира... Всякий субстанциальный деятель есть ...действительная или потенциальная личность... Сравнительно более высоко развитые деятели стоят во главе более или менее многочисленной группы менее развитых деятелей, органически объединяя их и создавая из них единое целое для совместной деятельности. Так, примерно, человеческое я есть организующий центр для клеток тела; в свою очередь, в каждой клетке есть деятель, объединяющий молекулы её, и т. д. вплоть до последнего элемента, положим, до электрона. Как вниз от человеческого я, так и вверх мы найдём ряд ступеней организованности: человеческие я образуют органическое единство народа (нации, государства), народы суть элементы человечества и т. д. вплоть до единства вселенной» [4, с. 346].

Личности в духовной философии мыслятся реальными или потенциальными: «Реальна личность тогда, когда она достаточно развита, чтобы понимать абсолютные ценности, и видит свой долг в достижении их в своём поведении» [5, с. 294].

Понимая абсолютные ценности в согласии с христианским идеалом как абсолютную полноту жизни, Н.О. Лосский указывает путь к её достижению: «Она может быть достигнута деятелями посредством взаимного дополнения друг друга, их участия в жизни друг друга посредством любви, интуиции, воздержания от взаимной враждебности, ограничивающей и обедняющей жизнь» [5, с. 295].

Если учитель вспомнит собственный опыт погружения в священные тексты традиционной культуры, к примеру, Библию, то, несомненно, согласится с тем, что самостоятельное, без освоения достижений духовной философии, опознание хранимых в ней смыслов в той форме, которая пригодна для выстраивания образа мира, весьма проблематично, поскольку многозначные смыслы трудно соединять с конкретными современными обстоятельствами жизни и научными представлениями. Поэтому педагогам, особенно теоретикам, необходимо предельное напряжение сил и способностей при изучении текстов философов-мудрецов. Но сегодня чаще говорится о создании современной культуры, чем о глубоком освоении традиционной, без чего проблематично, с нашей точки зрения, качественное элитарное воспитание.

Раскрытые в статье мировоззренческие представления являются результатом национального по духу элитарного мышления, отличающегося от мышления профессора Н.Е. Щурковой особой целостностью, обосновывающей тот нюанс, что высшей ценностью в них предстаёт не человек, а личность (персона), природа которой понимается универсально, а не социально. И понимание этого есть в современной педагогике. В.П. Зинченко подчёркивает, опираясь на П.А. Флоренского: «По мысли П.А. Флоренского, «культура есть среда, растящая и питающая личность». Именно культура, а не общество и коллектив, определяет формирование личности» [7, с. 240]. Это меняет представления о целях, ценностях и методах воспитания. Полагаем, что разбираться в подобных тонкостях национального мышления необходимо педагогической элите.

Список литературы

1. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. М., 1968. 464 с.
2. Лосский Н. О Типы мировоззрений: Введение в метафизику. Париж, 1931. 184 с.
3. Лосский Н. О. Техническая культура и христианский идеал // Путь. Париж 1928. № 9. С. 3–13.
4. Лосский Н. О. Органическое строение общества и демократия // Современные записки. Париж, 1925. № 25. С. 343–355.
5. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
6. Лосский Н. О. Принцип наибольшей полноты бытия // Научные труды. Прага, 1928. Т. 1. Русский народный университет в Праге. С. 183–194.
7. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 1. 608 с.
8. Щуркова Н. Е. Прикладная педагогика воспитания. СПб : Питер, 2005.
9. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1969. 358 с.

ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО – ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО РАССЛОЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Колоскова Наталья Ивановна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и мировые религии»,
Донской государственной технической университет, г. Ростов-на Дону*

Одной из характерных черт современности является возрастающее влияние информационных технологий на различные сферы жизнедеятельности людей. Не удивительно, что этим вопросам уделяется все большее внимание в отечественной и зарубежной литературе.

«Внедрение» современной информационной культуры в общество не проходит без преодоления определенных трудностей и противоречий. Одной из таких трудностей является появление информационного неравенства.

Изучающие общество специалисты привыкли воспринимать человека как нечто целостное и неизменное. Между тем, человек продолжает претерпевать эволюционные изменения. Он также неосознанно и незаметно для себя подстегивает свою эволюцию самыми разнообразными технологиями. Изменения же его биологического типа весьма существенно влияют на глобальную конкуренцию, отношения в рамках общества и на самооценку.

Уже сейчас в развитых обществах наблюдается возникновение качественного нового неравенства – между способными и не способными к творческому труду людьми.

В силу качественного роста значения творческого труда это постепенно начинает создавать биологический барьер, преодолеть который, в отличие от социального, почти невозможно. М. Вебер, который наряду с К. Марксом изучал классовое строение общества, отмечает, что главным критерием класса следует считать оформившийся хозяйственный интерес его представителей. Интерес этот по необходимости формируется вокруг обладания неким ресурсом или некой привилегией, которое объединяло представителей формирующегося класса и противопоставляло их остальным членам общества. Характер данного ресурса мог сильно различаться. Главное – это наличие данного ресурса и контроля над ним. В античных обществах основой господства свободного класса над зависимыми являлась воинская сила. В феодальном обществе источником доминантного статуса аристократии была собственность на землю, как основной хозяйственный ресурс. В буржуазном обществе основным фактором, обеспечивающим принадлежность к верхушке общества, стали финансовые ресурсы. Хотя капитал сегодня, несомненно, остается одним из важнейших производственных ресурсов, он уже не столь редок, как в начале XX в., и не сможет так же, как прежде, диктовать обществу свою волю.

Сегодня формируется новая элита, которая соответствует новому постиндустриальному обществу. В. Иноземцев изучающий новое расслоение общества, утверждает, что «Главным объектом собственности, дающим представителям этого нового класса основания занимать доминирующие позиции в обществе являются уже не «видимые вещи» (такие как земля и капитал), а информация и знания, которыми обладают конкретные люди – и поэтому господствующий класс не так замкнут и однороден, как высшие силы аграрного и индустриального общества. Эта страта не «наследственная», она по своей природе не есть аристократия, хотя представители этого нового класса в большинстве случаев оказываются выходцами из состоятельных слоев общества и имеют целый ряд серьезно сближающих их черт» [1, с. 27].

Основной водораздел проходит по границе между теми, кто может работать с информацией и теми, кто не располагает этой возможностью. Влияние «нового класса» определяется, прежде всего, его доминирующим положением в соответствующих социальных иерархиях – бизнесе, армии, научных учреждениях. Их статус определяется не столько их иерархическими полномочиями, сколько их научной компетентностью.

В развитых странах общество начинает расслаиваться по новым основаниям. Слой населения, занимающий господствующее положение в обществе создает информационную среду. Наряду с этим, существуют слои населения, которые отчуждены от новой информационной среды, и, наконец, часть населения, активно противостоящая нововведениям. Все эти слои формируют совершенно разные стили жизни. Как пишет Э. Тоффлер: «Даже в одной стране, скажем в Индии, жизнь крестьянина в Бихаре, фабричного рабочего в Бомбее и программиста в Бангалоре очень отличаются. Они работают в пределах различных систем богатства и фактически живут в разных мирах» [3, с. 41].

Принадлежность к новому высшему классу определяется способностями. «Человек относится к управленческой или научной элите, прежде всего, вследствие наличия у него таланта к усвоению информации и превращению ее в новое знание. Однако очевидно, что способность продуцировать новые знания отличает людей друг от друга в гораздо большей степени, чем размеры материального богатства; более того, эта способность не может быть приобретена ни мгновенно, ни в ограниченные сроки, а в определенной мере заложена на генетическом уровне, который определяется межгенерационными отношениями» [1, с. 30].

В новых условиях постиндустриального общества квалифицированный специалист становится собственником «интеллектуального капитала» [2, с. 9-10] и поэтому получает новую степень свободы. Однако вхождение в этот класс требует уже не просто диплома о высшем образовании, а высочайшей квалификации и большого опыта. Именно представители той новой социальной группы, которая стала формироваться в своем нынешнем виде с середины 80-х гг., и стали носителями идей, «революции интеллектуалов».

«Революция интеллектуалов» основана на новом качестве современного образования и нового отношения к нему. В конце XX в. инвестиции в подготовку квалификационных кадров хотя и резко возросли, но стали приносить намного больше доходов, чем прежде. На значении данного фактора следует остановиться подробнее. Образование всегда считалось залогом успеха. Но сейчас цениться уже не формальное образование, т.е. информированность, а именно знание, способность к созданию нового – к самостоятельной творческой созидательной деятельности.

При этом буквально на наших глазах меняется система ценностей «высшего класса». Формируется новый тип мотивации, сегодня известный как «постматериалистический». Ими движет не получения дохода любой ценой, а желание самореализоваться, выступить в роли носителей уникальных знаний и умений и за это получить общественное признание. Этот новый класс ощущает себя вполне самодостаточным. Богатство «класса интеллектуалов» оказывается не следствием эксплуатации трудящихся, а во все большей мере выступает результатом его собственных усилий. Таким образом, в период становления постиндустриального общества формируются социальные противоречия, которые по своей комплексности могут превзойти все прежние типы социального противостояния.

Основные противоречия прошлых эпох обуславливались позициями двух основных классов, располагавших с одной стороны ресурсами (земля, капитал), а с другой стороны – трудом. Противостоящие стороны имели больше

сходств, чем различий. Прежде всего, это определялось сходной системой мотивов: как представители господствующих классов, так и трудящиеся стремились к максимально большому присвоению материальных благ. Кроме того, оба класса были взаимозависимы: ни представители низших слоев общества не смогли бы обеспечить своего существования без выполнения соответствующей социальной функции, ни высший класс не мог извлечь своей части богатства, не применяя для этого их труда.

Переход к постиндустриальному обществу происходит в качественно иной ситуации. Композиция двух основных классов с формальной точки зрения остается прежней; с одной стороны, мы видим новую доминирующую социальную группу, обладающую контролем за информацией и знаниями, которые превращаются в основной ресурс производства, с другой – сохраняется большинство, претендующее на часть общественного достояния только в виде вознаграждения за свою трудовую деятельность. Представители господствующего класса во все большей степени руководствуются мотивами нематериалистического характера. Они стремятся не столько достичь материального благосостояния, сколько самоутвердиться в качестве уникальных личностей. Напротив, представители угнетенного класса в той же мере, что и ранее, стремятся удовлетворить свои материальные потребности и продают свой труд в первую очередь ради получения материального вознаграждения, т.е. руководствуются экономическими стимулами. Более того, в новых условиях господствующий класс не только, как прежде, владеет средствами производства, но сам создает эти средства производства, т.к. он увеличивает информационные ценности.

Таким образом, низший класс оказывается более изолированным, чем ранее, и фактически, не является для высшего класса необходимым, без которого в прежние эпохи тот не мог существовать. Это социальное противостояние отличается от прежних и институционально.

Во-первых, ранее угнетенные классы обладали собственностью на рабочую силу, но были лишены собственности, на средства производства. Социалисты, заявляющие о необходимости отмены буржуазного строя, считали, что единственной возможностью разрешения этого противоречия является обобществление средств производства и превращения их в общественную собственность. Развитие пошло по иному пути. Сегодня многие представители трудящихся классов в состоянии приобрести в личную собственность все средства производства, необходимые для создания информационных продуктов.

С другой стороны, представители господствующих классов также имеют в собственности акции и другие ценные бумаги, приносящие их держателям одинаковый доход вне зависимости от их социального статуса.

Но тенденция такова: все больше случаев перехода человека из среднего класса в интеллектуальную и имущественную верхушку общества в той или иной мере связан не столько с удачной реализацией его прав собственности на капитальные активы, сколько с эффективным использованием интеллектуальных возможностей для создания новых технологий. Таким образом, современный классовый конфликт разворачивается не вокруг собственности на средства производства, а формируется в результате неравного распределения самих человеческих возможностей. Сами эти возможности лишь от части predetermined принадлежностью человека к определенной части общества. Но не детерминированы этим полностью.

Во-вторых, на протяжении прежних эпох представители высших классов извлекали свои основные доходы через отчуждение прибавочного продукта у его производителей, вынужденных уступать часть созданных ими благ под воздействием принуждения.

Но эксплуатация становится достоянием истории по мере того, как меняется система ценностей человека и удовлетворение материальных потребностей перестает быть его основной целью. Если люди ориентированы на духовный рост и саморазвивающуюся в творческой деятельности, то изъятие части производимой ими продукции не воспринимается ими как фактор эксплуатации. Эта трансформация освобождает от эксплуатации тех, кто осознал реализацию именно нематериальных интересов в качестве наиболее значимой для себя потребности. Таким образом, люди обретают внутреннюю свободу. Так или иначе, классовый конфликт уже не связан неразрывно с проблемой эксплуатации и распределения собственности.

Итак: классовое противоречие нового типа отличается его обусловленностью социопсихологическими параметрами. Оно также характеризуется небывалой оторванностью высшего класса от низших социальных групп и автономностью интеллектуального творчества от труда. Несомненно, это обесценивает единственный актив, остающийся в распоряжении низших классов общества. В результате этого достоящаяся им часть общественного богатства снижается. Поэтому мы считаем, что конфликт, основанный на различии систем мировоззрений и ценностей, может породить больше проблем, чем экономическое противостояние прежних эпох.

Список литературы

1. Постчеловечество / под ред. М. Б. Ходорковского // «On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века» / В. Иноземцев. М.: Алгоритм, 2007.
2. Иноземцев В. Личное против частного? Размышления о путях трансформации отношений собственности // Общество и экономика. 1997. № 9–10.
2. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: Рофиздат, 2007.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЛИДЕРЫ СЕКТАНТОВ И СТАРООБРЯДЦЕВ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.

Канатьева Наталья Сергеевна,

кандидат биологических наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Астраханская губерния во второй половине XIX в. в конфессиональном отношении представляла собой чрезвычайно пёструю картину. Наряду с традиционными религиями, господствующим православием и присущим региону мусульманством, наличествовали также старообрядчество и разнообразное сектантство: представители экзотикомистических сект, таких, как хлысты, еноховцы-пещерокопатели и даже немногочисленные скопцы, и рационалистических, такие, как молокане, евангельские христиане, баптисты и штундисты. В миссионерской практике всё это носило название «раскол», как «собирательное обозначение всей совокупности конфессиональных групп русского народа, отколовшихся от ...церкви и не связанных с нею церковным общением» [14, с. 34].

К этому времени в Астраханской епархии, как и во всей Российской империи, сформировался особый тип православного миссионера – специалиста по «внутренней миссии». В отличие от миссии «внешней», то есть направленной на присоединение к православию «иноподданных и инославных», внутренняя миссия подразумевала активную проповедь среди сторонников дореформенного православия (старообрядчества), официально именуемых раскольниками, и сектантов. Как пишет протоиерей Сергей (Стаценко), проректор Ташкентской духовной семинарии, «официальным учреждением государства, деятельность которого была направлена на возвращение отпавших в лоно господствующей Церкви, был институт епархиальных миссионеров, в задачи которого главным образом входила нейтрализация влияния сектантов и обращение из раскольничьих движений. Но и здесь это формальное учреждение, за редкими исключениями, связанными с отдельными именами, не показало большой эффективности своей работы. «Внутримиссионерская» деятельность возникала локально, в основном по инициативе «низового» духовенства» [9]. Очевидно, что Астраханская епархия являла собой бесконечное поле деятельности для внутренней миссии.

По «исповедным ведомостям» благочинных первой четверти XIX в., старообрядцы проживали в тринадцати крупных селах Астраханской губернии и практически во всех казачьих станицах Астраханского казачьего войска, а также в городах Царев и Красный Яр, Царевского и Красноярского уездов соответственно. Общее количество старообрядцев во второй половине XIX в., по официальным данным, составляло «до 5300 душ... в городах Астрахани и Красном Яру, а также в их уездах (до 3800 душ), ... в Черноморском и Енотаевском уездах раскольников проживает до 1000 душ», то есть в общей сложности более 10 тысяч человек [5, с. 80].

По характеру толков астраханские староверы разделялись на поповцев австрийского священства, так называемых «австрийцев», «окружников» и «неокружников» (т.е. принимавших и не принимавших «Окружное послание» Ксеноса – НК), беглопоповцев, беспоповцев, принимающих браки и молящихся за царя – так называемых «поморцев», а также беспоповцев, не принимающих браки и не молящихся за царя. В состав последней категории входят федосеевцы, филипповцы и странники, или «бегуны». По количеству федосеевцев было больше, чем всех остальных беспоповцев. О странниках в официальных сообщениях, как правило, не упоминалось, но, по миссионерским наблюдениям, они также существовали, хотя и в меньшем, чем федосеевцы и филипповцы, количестве [5, с. 80].

Астраханские старообрядцы создали к тому времени вполне организованные религиозные общины: например, в Астрахани у старообрядцев-часовенных австрийского согласия имелась своя часовня, которая по внешнему и внутреннему благоустройству представляла собой «вполне благоустроенный и богатый храм, восьмиконечный крест которого высоко поднимается над другими зданиями; при храме живут свои лжеиереи, лжедиаконы и много певчих; они носят длинные волосы, наподобие священников, разъезжают по домам прихожан для совершения треб» [6, с. 3]. Кроме того, в нескольких селах Астраханской губернии также существовали моленные – у федосеевцев и поморов – в деревнях Комаровке, Хмелевке, селах Икряном и Житном, причем при одной такой молельной даже была устроена богадельня [6, с. 4]. В своих ежегодных отчетах астраханские миссионеры отмечали, что, «сравнительно с прежним временем, у раскольников стало появляться стремление к грамотности и увеличилось количество их детей, обучающихся в школах» [6, с. 5].

Астраханское сектантство было не менее организованным. Например, первые общины хлыстов появились, по данным миссионеров Астраханского Кирилло-Мефодиевского братства, в середине XIX в. [10, с. 247]. Хлыстовские общины-«корабли» в губернии были в сёлах: Быково, Оленичево, Дубовый Овраг, Николаевское, Цаца, Тундутово, в «каком-то селе ниже Астрахани» [2 с. 248], а также в уездном городе Царёве и сёлах Пришиб, Заплавное, Солодовки и Колобовки [2, с. 248], т.е. хлыстовская «зараза ...привилась и распространилась в астраханском крае широко» [3, с. 372]. Наиболее многочисленными¹ были общины г. Царёва (40 человек, но есть данные, что доходило и до 100 человек), с. Оленичево (45 человек), с. Дубовый Овраг (численность не приводится, но указывается, что в этом «корабле» было три пророчицы-«богородицы»), а это означает количество членов секты не менее 30 человек). Но самыми многочисленными сектантами Астраханской губернии были молокане. Они же были и первыми сектантами в губернии, по мнению о. И. Саввинского, летописца Астраханско-Енотаевской епархии. Основатель молоканства, уроженец Тамбовской губернии Семён Матвеевич Уклеин, побывавший в Астраханской губернии в рамках своего путешествия по

¹ *Примечание.* Численность сектантов приводится по миссионерским данным; как признавали сами миссионеры, эти данные занижены.

Югу России в 70-х гг. XVIII в., «самыми привлекательными красками описывал молоканам астраханский край, особенно местности, орошаемые р. Ахтубой, и советовал переселяться сюда для безмятежного жительства. Молокане последовали его совету, и с этого времени молоканские поселения по Ахтубе стали считаться для них обетованной землей, куда стремились они усиленно и впоследствии» [8, с. 253].

Саввинский считал центром молоканства село Пришиб Царёвского уезда, где Уклеин лично побывал и «насаждал первые семена молоканства». Село Пришиб находилось на севере Астраханской губернии (ныне это Волгоградская область), население его в XVIII в. составляли «казаки и беглые люди разных губерний» [8, с. 253], среди которых проповедь Уклеина была более чем успешна. К концу XVIII в. молоканство было распространено, помимо Царёвского, в Черноярском уезде губернии и в самой Астрахани.

Касательно общего количества сектантов в Астраханской губернии можно утверждать, что оно превышало численность старообрядцев, которая, в свою очередь, даже по заниженным миссионерским данным, доходила до 20 % русского населения губернии (см. указанные выше ссылки). Разумеется, организованные общины сектантов и старообрядцев имели своих лидеров. Одно из значений термина «секта» восходит к латинскому *seca* – «следовать» (за лидером, задающим самопроизвольное направление) [4, с. 43]. Эта этимология по-своему раскрывает смысл самого понятия сектантства – безусловное, нерассуждающее следование за лидером, являющимся либо воплощением божества, либо проводником Божественной воли. Нерассуждающее следование за лидером тем более свойственно гетеротопным, фронтирным территориям, к которым безусловно относилась (и относится) Астраханская губерния.

При изучении истории астраханского старообрядчества и сектантства знакомимся с чередой истинных фронтирмэнов – как православных миссионеров, так и противостоящих им лидеров сектантства, старообрядческих начётчиков и начётчиц, кормщиков хлыстовских «кораблей», «христовов» и «богородиц», руководителей молоканских и штундобатистских общин. По меткому и справедливому замечанию С.Н. Якушенкова, «поистине, фронтир – это территория пророков и проходимцев. Здесь рождаются новые религии, претерпевают изменения старые, находят убежище изгои» [15, с. 295]. Именно на фронтире мы можем наблюдать «сокрушительное влияние некоторых персоналий харизматических религиозных лидеров на формирование религиозных традиций» [7, с. 37].

О некоторых «пророках и проходимцах» мы и поговорим.

Одной из наиболее интересных и оригинальных астраханских сект являлась апокалиптическая секта пещерокопателей, или еноховцев. Про неё достаточно много написано (см. нашу статью «Сектантство на Нижневолжском фронтире» в Журнале фронтирных исследований за 2016 г.), но до настоящего времени наиболее подробным документом, описывающим секту пещерокопателей, её внутренний регламент и обрядность, остаётся «Повесть о безродненских пещерокопателях в Астраханской губернии», написанная бывшим сектантом, а впоследствии послушником Астраханского Покрово-Болдинского монастыря, Иваном Черкасовым. «Повесть...» публиковалась в «Астраханских епархиальных ведомостях», в восьми номерах, 6–12 и 14, за 1889 г. [12]. Начало деятельности секты Черкасов относит к поселению примерно в 1860 г. крестьянина села Верхне-Ахтубинского (Астраханской губернии) Андрея Лукьянова на горе рядом с селом «в убогой лачуге-землянке», который «...вырыл в подполе яму, приделал потайную дверку входить в неё, стал удаляться в яму на целые дни, трудился сам и приглашал трудиться испытанных в скрытности людей, расширял яму, устраивал пещеру. Пещера расширялась, умножалось и братство...» [12, с. 263]. Через десять лет Безродненские пещеры представляли собой «громадные помещения..., которая своим планом подобились святым Киевским пещерам» [12, с. 266]. Остаётся только догадываться, сколько человек потрудились, чтобы выкопать в твёрдой астраханской глине настолько обширные помещения, с длинными коридорами, идущими вверх и под уклон, с обрывистыми входами, тайниками и кельями – «коморками».

Личные качества первого пещерокопателя, Андрея Лукьянова, имели большое значение для роста количества сектантов. По мнению Торчинова, «значительная роль лидера, высокая степень харизматичности» [11, с. 498] – один из специфических признаков секты. Все последующие лидеры секты (сами себя они скромно называли «светилы посреди земли») – Логин Майков, Трофим, Паисий, Иоанникий и Никодим – также были людьми незаурядными, каждый в своём роде – то, что Торчиновым обозначалось как «рутинизация харизмы» [11, с. 498], в секте так и не проявилось.

Лукьянов выделялся среди них как «старец-подвижник», «прорекатель-вещун» [12, с. 268]. Логин Майков отличался особым влиянием на женщин, во времена его руководства сектой большинство её членов составляли именно они. Кроме того, под началом Майкова были укреплены своды пещеры, выложены кирпичами, а по стенам сооружены подобия стасидиев – продолговатых лавок, предназначавшихся для захоронения членов секты – «тружеников-затворников». На стасидии было принято класть пожертвования и деньги, предназначенные на погребение сектантов.

Андрей Лукьянов и Логин Майков считались обладающими даром изгонять бесов из бесноватых – даром экзорцизма. Был разработан и часто применялся целый ритуал, подробно описанный Черкасовым, и состоявший в особом прохождении по коридорам Безродненских пещер с начертанием крестов на каждом повороте. Считалось, что с начертанием каждого креста (иногда кресты не изображались, а лишь накладывались, причём старообрядческим двуперстием) «отпустится страдальцу грехов, ...откачнётся от него бесов» [12, с. 270]. Прохождение сопровождалось особой, как писал Черкасов, «какой-то изжняющей бесов молитвой» [12, с. 271]. Пройдя все пещеры, страждущий исцелялся, оставляя, по словам Лукьянова, свои грехи (и вселившихся бесов) на заклятых крестами местах.

Помимо экзорцизма, Лукьянов занимался также целительством детей, также сопровождаемым особой «таинственной молитвой» [12, с. 272]. Эту молитву он начитывал на воду и отдавал матери больного ребёнка с тем, чтобы она поила его этой водой. Существовало важное условие исцеления – женщина должна была «сохранять женскую чистоту» [12, с. 272], иначе ничего не исполнится. Со временем уровень целительского мастерства Лукьянова возрос

настолько, что стали появляться исцелённые заочно – Лукьянов писал кресты на листах бумаги и отсылал их верующим, которые опускали листок с крестом в стакан воды и поили этой водой больного.

Как и полагалось лидеру сектантов, Лукьянов обладал большим личным обаянием и даром проповедника. Черкасов писал, что «люди ... повинуются пещерокопателю,веряют его водительству, исполняют всё по его наставлению и благословению ... верят ему, а не слову Божию и учению святой православной Церкви» [12, с. 308]. Последующие лидеры были не столь ярки, но и задача у них была несколько иная – им не пришлось создавать секту, они были призваны сохранить и приумножить «истинную» веру. И с этим они справились – секта пещерокопателей окончательно была разгромлена лишь в первые годы Советской власти, которая применяла другие методы воздействия на сектантов, нежели чем православные миссионеры.

Религиозными лидерами становились не только харизматичные мужчины. История астраханского старообрядчества знает несколько женских фигур, которые, конечно, до боярыни Морозовой не дотягивают, но с матерью Манефой вполне сравнимы. Вообще, женщина в старообрядчестве играла выдающуюся роль. С.С. Шашков, автор «Истории русской женщины», вышедшей в 1898 г., обращал внимание на то, что в именно расколе старообрядчества русская женщина поднялась на определенную высоту, по сравнению с её положением в христианстве: «Женщина завоевала себе право стоять наравне с мужчиной и в другой сфере, в которой она была наиболее унижена (в религиозных отправлениях – НК). В расколе женщина является наставницею, пророчицею, священником, основывает новые секты, проповедует, распространяет свои доктрины, становится во главе религиозной жизни общины. В истории раскола мы видим множество женщин, замечательных своею деятельностью и своею силой характера, с какой они действовали в пользу старой веры» [13, с. 805].

Примером незаурядности женщин, становившихся главами старообрядческих общин, может служить история начётчицы Евгении (по местному выговору её называли Явлением) беспоповской безбрачной общины села Раздор. По описанию миссионера, это была «дева лет 30-ти, высокая ростом, брюнетка, крепкая здоровьем, обладающая хорошим голосом и могущая хорошо читать» [1, с. 75]. Вначале она была помощницей наставника общины, Максима Григорьева, но постепенно «на неё возложили обязанность читать, петь и порядок службы вести; одним словом, она должна была быть такой помощницей Максима, чтобы руководить им во всех его обязанностях» [1, с. 77].

Нельзя сказать, что её деятельность фактической главы безбрачников всеми приветствовалась – Григорьев и его родственники были недовольны, в частности, тем, что «Явлении», как более грамотной и начитанной начётчице, платили больше, в том числе белужьей икрой, это, видимо, особо раздражало. Инициировала скандал и местная купчиха, муж которой выстроил для уставщицы отдельную горницу у себя во дворе. Кончилось это всё открытым конфликтом уставщицы со своей паствой прямо перед Пасхой, в результате чего «Явления» уехала в Астрахань, а старообрядцы остались без торжественной службы, т.к. Григорьев её вести не смог. К сожалению, дальнейшей судьбы девы Явлении миссионеры не описывают.

Наконец, немного о лидерах хлыстов. Как мы уже писали выше, хлыстовщина была распространена во многих астраханских сёлах, но, как считали миссионеры Кирилло-Мефодиевского Братства, распространяться хлыстовщина стала из самого южного села Астраханской губернии (на XIX в. – НК) – Оленичева (Оленя, Оленьевка), Яндыковского уезда. В то время Оленичево было совершенной глушью, удалённой от Астрахани на 150 вёрст, где не было своей церкви, а была только часовня, и жители занимались ловлей рыбы и земледелием. Но Оленичево располагалось рядом с Астраханско-Кизлярским, или, по-местному, Линейным, трактом (благодаря которому, собственно, село и было заселено), и, по мнению миссионеров, именно «с линии» и была занесена сюда хлыстовщина [10]. Примерно в 1888 г. в селе появился выходец из Ставропольской губернии крестьянин Иван Акимович Савин. Он был членом «корабля» известного хлыстовского «пророка» Петра Катасонова, влияние которого распространялось на Кавказ и Терскую и Кубанскую волости Ставропольской губернии. По определению миссионеров, Савин был «честолюбцем», поэтому он предпринял путешествие в Астраханскую губернию с целью основать новый «корабль», в котором «пророком» станет он сам. Это ему удалось, и всего за 4 года оленичевский «корабль» насчитывал 45 членов (причём всего в селе было лишь 90 домохозяев с семьями). Разумеется, «пророком»-«христом» секты являлся именно он, а «богородицей» – его сожительница, уроженка с. Оленичево Прасковья Степановна Коротких [10].

Но самый многочисленный хлыстовский «корабль» губернии был в уездном городе Царёве, Царёвского уезда. Интересной особенностью этой общины были приглашённые, не местные, «пророки» – своих в секте не явилось, поэтому небольшая делегация в составе отставного матроса и активного члена секты Дмитрия Кузина и «богородицы» Акулины Бородкиной отправилась в путешествие к Чёрному морю – в Севастополь, Николаев и Херсон, где ранее служил Кузин и где он, собственно, и стал хлыстом. По словам о. Михаила Тифлова, «...в Николаеве нашли, что искали. Там оказались пророк и пророчица, муж и жена Рожковы, которых черноморские корабли могли удалить в г. Царёв без ущерба для себя» [2, с. 248].

Обретя сразу двух «пророков», царёвский «корабль» смог значительно увеличить количество сектантов – о. М. Тифлов пишет, что «число хлыстов ... дошло до сотни» [10, с. 249]. Община укрепились до такой степени, что даже был приобретен «собор-церковь» для проведения радений. «Собор-церковь» представлял собой третью часть старого кирпичного острога, которая была куплена хлыстом Андреем Колобихиным и отремонтирована всей общиной. Была даже нанята специальная «смотрительница» этого «собора-церкви», местная мещанка Ирина Козлова [10 с. 249].

О царёвской общине известно множество подробностей благодаря внедрённому в неё миссионерами (в частности, о. Стефаном Парадизовым, священником Троицкой церкви с. Пришиб) провокатору, крестьянину села Колобовки Михаилу Даниловичу Чурзину [2, с. 370]. Он был принят в секту «пророком» Савелием Рожковым, несмотря на преду-

прежде царёвского мещанина Савельева о том, что Чурзин близок к заплавинским и пришибинским священникам. Чурзин прошёл назначенное ему «пророком» испытание в виде сначала трёхдневного, а потом семидневного постов и тем самым приобрёл полное доверие Рожкова. Чурзин «так ловко повёл дело, что хлысты прочили его в преемники их пророку Савелию Рожкову» [2, с. 370]. Он настоял на своём «приведении», и на радении, посвящённом его чиноприёму, секта была разгромлена (подробнее об этом см. в нашей статье «Астраханская хлыстовщина»).

Итак, в Астраханской губернии XIX в. существовало множество различных сектантских и старообрядческих общин, причём как старообрядцы, так и сектанты чувствовали себя достаточно свободно, несмотря на умелое и изобретательное противодействие епархиальных миссионеров и местных священников. Руководили общинами яркие, незаурядные лидеры, истинные фронтирмэны (и фронтирвумэн тоже). Астраханское сектантство было неординарным явлением, отличаясь особенностями, присущими населению края в целом – свободомыслием и некоторым радикализмом.

Список литературы

1. Астраханские Епархиальные ведомости за 1892 г. Астрахань: Типография В.И. Егорова, 1893. 605 с.
2. Астраханские епархиальные ведомости. 1890. № 8.
3. Астраханские епархиальные ведомости. 1890. № 11.
4. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород : Братство во имя св. князя Александра Невского, 2005. 816 с.
5. Канатьева Н. С. К истории Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства. Вестник АГТУ. 2006. № 5 (34).
6. Отчет Астраханского Епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1901 г. Астрахань: Типография В.И. Егорова, 1902.
7. Романова А. П., Толчиев М. С. Кавказ как вечный фронт // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. С. 284–291.
8. Саввинский И. Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 г. Ростов н/Д: Фолиант, 2002. 632 с.
9. Стаценко С., протоиерей. Исторические прообразы и примеры проведения внутренней миссии // Научный богословский портал «Богослов.Ru», 2013. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3211893.html>.
10. Тифлов М., свящ. Царёвские хлысты // Астраханские епархиальные ведомости. 1890. № 8.
11. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. Азбука-классика, Петербургское востоковедение. 2005. 544 с.
12. Черкасов И. Повесть о безродненских пещерокопателях в Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1889. № 6–12, С. 14.
13. Шашков С. С. Собрание сочинений : в 2-х т. СПб, 1898. Т. 1. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. История русской женщины.
14. Эткинд А. М. Хлыст: Секты, литература и революция. 2-е изд., сокр. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
15. Якушенков С. Н. Фронт как культурная парадигма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 288–298.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭЛИТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ (5 ТЕЗИСОВ ПО ПОЛИТИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭЛИТЫ)¹

Дринова Елена Михайловна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений,
политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

В зависимости от научного подхода существуют различные трактовки религиозной элиты. Так, например, в рамках социологического подхода религиозная элита рассматривается как одна из социальных страт общества, в то время как структурно-функциональный подход акцентирует внимание на ее характерологических чертах, выполнении определенных ролей, функциональном потенциале. В рамках политологического подхода религиозная элита понимается как привилегированная группа, занимающая руководящую позицию во властных церковных структурах, принимающая участие в духовной жизни общества. Вместе с тем, доминантной чертой религиозной элиты выступает вера в наличие трансцендентной силы.

Участие религиозной элиты в политическом процессе приводит к ее политизации. В результате неополитический ранее субъект приобретает политические черты. В таком аспекте религиозная элита, представляет собой, прежде всего социально-политическую группу, участвующую в политической жизни государства/общества, принимающую властные решения, результатом которых становится разрушение существующего политического строя/создание нового; формирование религиозного государства, либо государства с доминирующей государственной религией.

Религиозная элита как социально-политическая группа легитимизирует государственную власть в традиционных обществах; выступает на стороне оппозиции в индустриальных. В секулярных обществах она отстаивает ценности демократии. В постиндустриальных, постсекулярных обществах религиозная элита возвращается в публичную политику, закладывает новые реалии государственных и международных отношений.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Стратегии, инновационные технологии институционализации и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе» № 17-13-34039.

Тезис первый. Политическое сознание и формирование политического поведения религиозной элиты. Результатом политической социализации религиозной элиты становится формирование политического сознания. Исследователи феномена политического сознания определяли его не только как некую совокупность ментальных явлений посредством которых происходит восприятие и отражение субъектом политических явлений, формирование политического поведения [4]. Политическое сознание базируется на представлениях, суждениях и умозаключениях, объясняющих политическую реальность на основе определенной идеологической концепции. Ядро политического сознания составляют проблемы власти, политических отношений, в то время как бессознательное представлено архетипами, политическими мифами. Особенность политического сознания религиозной элиты проявляется в том, что оно «вбирает» в себя систему духовных и моральных ценностей, которые будучи аксиологическими константами определяют векторы поведения этой социально-политической группы.

Тезис второй. Политические религиозные партии, борьба за власть религиозной элиты. Институциональными акторами современного политического процесса все чаще выступают политические религиозные партии. К числу основополагающих факторов, обусловивших формирование партий, представляется возможным отнести такие как, провозглашение демократизации государственности как приоритетной цели политической модернизации; участие религиозной элиты в борьбе за представительство интересов в законодательных и исполнительных органах власти. Принципиально новой тенденцией становится участие в публичном политическом пространстве религиозной элиты, священнослужителей, которые с разрешения главы церкви принимают на себя функционально-ролевые практики политических лидеров; отстаивание религиозной элитой религиозных ценностей, доминирование их в структуре политической системы и принципах функционирования государства. При этом независимо от религиозной доминанты (христианство, ислам, индуизм, и т.д.), в зарубежных странах сложились партийные системы, где религиозные политические партии функционируют легально (108 государств), образованы нелегально и борются за свою легализацию (около 10 государств); законодательно запрещено формирование партий на религиозной основе (14 государств); отсутствуют практики формирования религиозных политических партий (61 государство).

Тезис третий. Участие религиозной элиты в политической модернизации. Религиозная элита как актор политический модернизации способствует демократизации политической жизни. XX в. – феномен «Теологии освобождения», синтез идеологии марксизма и системы христианских ценностей. Участие религиозной элиты в процессе «освобождения» (освобождение – синоним модернизации в «Теологии освобождения») проявилось в трех взаимосвязанных аспектах: политическое и социальное освобождение угнетенных народов; освобождение бедных и униженных от тех явлений, которые не дают им возможности развиваться свободно; освобождение человека от греха, восстановление его отношений с Богом. По мнению идеологов «Теологии освобождения», только Христос делает человечество действительно свободным [2, 4]. Религиозная элита интегрировала латиноамериканскую церковь в политический революционный процесс. XXI в. – участие религиозной элиты в реализации национальных моделей модернизации. Реализация этатистской модели модернизации в РФ. Обоснованность религиозной элитой ее участия в модернизационных преобразованиях в России. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл обосновал место и роль религиозной православной элиты в реализации этатистской модели модернизации, которая выступала залогом существования светских законов и Божьих заповедей [3].

Тезис четвертый. Участие института церкви в модернизации сопровождается его политизацией, и, соответственно, приводит к его трансформации. В результате социальный, изначально духовный институт приобретает политические черты. Включенность института церкви в модернизацию потенциально снижает его роль и значение в политических преобразованиях страны. Результатом христианизации социальной и политической сфер становится десакрализация религиозных ценностей, которые со временем воспринимаются скорее как традиционные, культурные, а отнюдь не сакральные. В результате религиозные ценности наполняются светским содержанием. Употребление религиозной элитой политических категорий, «секуляризация языка ее высказываний» может со временем уже не восприниматься как предложение религиозное [2]. Трендом политизации института церкви становится угроза ее целостности, возможность раскола на политикоориентированную, целью которой является модернизационное преобразование общества, борьба за властные полномочия и традиционную церковь, которая продолжает выполнять «истинную» миссию, цель которой духовное просвещение, спасение души человека.

Тезис пятый. Религиозная элита и легитимация государственной власти в РФ. Можно ли сказать, что взаимодействие, взаимообусловленность политической и религиозной элит приводят к их дальнейшему взаимопроникновению и сращиванию? Принимая во внимание сложность и не всегда предсказуемость данного процесса, предвидеть основополагающий вектор в точке бифуркации не представляется возможным. Поливариантность векторов политизации религиозной элиты – построение теократий, становление государственной религии, формирование и функционирование политической, выступление на стороне оппозиции, либо легитимация государственной власти – это далеко не полный перечень ее функционального потенциала. В современной России религиозная элита способствует легитимации государственной власти, формирует духовные скрепы этатистской модели модернизации. Вместе с тем возникает вопрос насколько велика вероятность того, что государственная власть со временем перестанет нуждаться в легитимации посредством религиозной элиты? С определенной долей уверенности можно предположить, что в светском демократическом государстве политическая элита нуждается в рациональной легитимации, которая основывается на праве, правовом государстве.

Список литературы

1. Баранов Н. А. Трансформация политического сознания современного российского общества // Политэкс. 2007. № 1.

- 2.Рогинская М. А. Православная модернизация как предельный интерес: о некоторых аспектах диалога церкви и общества // Культура и цивилизация. 2012. № 5. С. 91.
- 3.Слово митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на IX ВПНС. Режим доступа: <http://www.sootetsestvenniki.ru/tribuna/11sobor.html>.
- 4.Шестопал Е. Б. Политическая психология. М., 2007.
5. Gutierrez G. A theology of liberation: history, politics and salvation. N.Y., 1973.

МНОГОФАКТОРНАЯ СИСТЕМА ЛИДЕРСТВА

Милаева Татьяна Васильевна,

*кандидат психологических наук, доцент,
Сыктывкарский государственный университет, г. Сыктывкар*

Лидерство – один из механизмов интеграции деятельности, привлекает внимание широкого круга исследователей – историков, политологов, психологов, социологов и экономистов. Один человек объединяет и направляет действия группы, которая ожидает, принимает и поддерживает его идеи. Феномен лидерства включает в себя огромное количество различных, иногда противоположных понятий, охватывает обширную область человеческих взаимоотношений. В широком, социальном смысле лидерство – это способность влиять на отдельные личности и группы людей, направляя их усилия на достижение значимых целей. Лидер (англ. leader – ведущий) – это авторитетная личность в социально-политических процессах, регулирующая взаимоотношения и деятельность [5].

Концепция личностно-психологических качеств трактует лидерство как индивидуально-психологическое явление, которое можно объяснить, исходя только из него самого. Распространена точка зрения, что ориентация на лидерство и власть является одной из форм самоутверждения. Оно компенсирует возникший в детстве или юности комплекс неполноценности. Психологическое обоснование лидерству пытался дать Ф. Ницше, который представлял процессы общественной жизни в виде модификаций воли. Он полагал, что роли лидера в наибольшей степени соответствует волевая сильная личность, сверхчеловек, который возвышается над обычными другими людьми нередко пренебрегая духовными и моральными ценностями. «Цель человечества, – утверждал Ницше, – лежит в его высших представителях... Человечество должно неустанно работать, чтобы рождать великих людей – в этом, и ни в чем ином состоит его задача» [3].

Сложная социальная и психологическая природа лидерства обуславливает возможность классификации этого феномена по различным основаниям. Сохраняет актуальность типология, предложенная М. Вебером [2], в основе которой лежит классификация авторитета лиц, осуществляющих власть. Под лидерством понимается способность отдавать приказы и вызывать повиновение. Дифференцированы типы:

Традиционное лидерство. Основано на вере и следованию обычаям и традициям.

Харизматическое лидерство. Базируется на убеждении в выдающихся, сверхъестественных способностях вождя, руководителя, пророка.

Бюрократическое лидерство. Вера в законность, легитимность существующей системы, устройства общества. Лидер представляется как чиновник, бюрократ, функционер, проводник идей существующего правопорядка.

Неформальное лидерство. Рассматривается как авторитетность и влияние лиц, которые не занимают высоких постов, однако оказывают значительное влияние на окружающих. Это широко известные и популярные в тех или иных социальных группах люди. Лидер проявляется в конкретной ситуации, принимая на себя определенные функции. Он всегда элемент системы отношений. С определенным статусом, который предполагает оптимистичность, инициативность, контактность, самоуверенность, ответственность, стремление к достижению высоких результатов, самостоятельность и т. п. [1].

Потребность быть лидером требует ответа на вопросы: Куда вы хотите вести за собой людей? Почему каждый человек должен захотеть следовать за вами? Лидер заставляет людей следовать за собой к какой-либо цели. Если никто не следует за вами, то вы не лидер. Если люди способны найти добровольных последователей, они – лидеры.

Вэнс Паккард объясняет сущность лидерства. Наиболее важное слово в его определении – хотеть. Лидер заставляет других сделать то, что он хочет. Человек может принудить других что-либо сделать, и люди с оружием поступают именно таким образом. Но такое поведение – не лидерство. Иногда предлагают большую награду, стимулируют людей делать то, что они не хотят. Это ведёт к послушанию, но есть существенное различие между согласием, послушанием и преданностью. Лидеры способны добиться от людей преданности.

Лидер – это не должность. Множество людей официально считаются лидерами благодаря своей должности, но в действительности таковыми не являются. У них есть должностная власть или законная власть, но она сильно отличается от лидерства. Другими словами, люди исполняют приказы, не желая их исполнять.

Лидерство – это искусство заставить других захотеть сделать что-то, что, как вы уже убеждены, должно быть сделано.

Проблема состоит в том, что во многих организациях человека назначают на должность лидера из-за его технического превосходства (которое часто означает слабые социальные навыки). При этом исполнители не достигают ожидаемого результата. Вместе с тем команды во главе с техническими экспертами могут работать, словно хорошо смазанная машина. Обычно это происходит потому, что члены команды уважают технические способности руково-

дителя и хорошо работают вместе. Но даже в этом случае часто обнаруживается, что реальным лидером может быть не официальный человек, а какой-либо другой член команды, выражающий желания технического эксперта в терминах, которые команда понимает. Тех людей, которым не нравится иметь дело с проблемами людей, нецелесообразно назначать руководителями проектов.

Лидерство определяется наличием последователей. Это двусторонние отношения, в которых последователи дают лидеру право идти вперёд, в то время как они следуют за ним. Эти двусторонние отношения будут расторгнуты, если лидер не сможет выполнить своё предназначение. Одностороннее изучение лидерства бесполезно. Чтобы понять лидерство, необходимо понять природу «следования за лидером». Но в этой области было проведено гораздо меньше исследований, чем непосредственно в области лидерства. Чтобы понять лидерство и быть лидером, необходимо серьёзно подойти к вопросу «следования за лидером». Необходимо понять характер людей, которых мы хотим сделать своими последователями. В противном случае нельзя надеяться на успех.

Как убедить людей делать то, что необходимо, с наибольшей мотивацией, энтузиазмом и преданностью? Когда лидерство является необходимым? Есть некоторые должности, которые являются обычными, ориентируемыми на действия, не требующие лидерства.

Лидерство является искусством убедить людей захотеть что-либо. Это по существу взаимодействие с людьми.

Практика межличностного взаимодействия способствует или тормозит становление лидера. Чтобы человек принял вашу позицию, необходимо показать ему, что действия, которые от него ожидаются, не только не будут противоречить его принципиальным взглядам, но и будут способствовать удовлетворению каких-то его потребностей. Тем самым увеличивается шанс, вероятность достижения успеха.

Один из законов эффективного общения гласит: люди легче принимают позицию того человека, к которому испытывают эмоционально положительное отношение, и наоборот, труднее принимают (а нередко отвергают) позицию того человека, к которому испытывают эмоционально отрицательное отношение.

Лидерство предполагает достижения расположенности множества людей. Этому помогает знание определённых приёмов, среди них «имя собственное» (обращение по имени вызывает у человека чувство приятного, располагая человека к сотрудничеству); «зеркало отношений» (люди с добрым лицом, как правило, притягивают, располагают к себе участников межличностного взаимодействия; «золотые слова» (содержат преувеличение положительных качеств собеседника); «терпеливый слушатель» (предполагает затрату времени); «личная жизнь» (при общении интересуются личными интересами человека, одобряют их. Полезно устанавливать общие точки зрения на проблемные ситуации).

Успешности роли лидера способствуют такие качества, как вера в значимость и важность своего дела, понимание своей миссии, высокая работоспособность, энтузиазм, вера в себя, постоянное стремление к развитию и самосовершенствованию, внутренняя свобода. Высокая мотивация достижения, стремление к успеху определяют реальные результаты деятельности лидера. Именно в деятельности происходит утверждение своей личности – что выражается в стремлении не подлаживаться под окружающих, а идти к собственной цели, не пасуя перед преградами. Лидеру требуется физическая выносливость. Психическая устойчивость обеспечивает равновесие, которое тоже относится к важному элементу успеха. Пластичность и гибкость позволяет понимать, когда надо признать поражение или пойти на разумный компромисс. Лидеру необходимо упорство, незаурядная способность убеждать других.

Лидеру требуется творческая активность: стремление к новому, критичность мышления, способность к преобразованиям.

Стремление к новому характеризуется способностью к фантазии, творческим воображением; умением создавать новые образы (в том числе неправдоподобные, фантастические, нестандартные); обнаруживать новые связи между элементами проекта по сходству, смежности и контрасту.

Критичность мышления проявляется в независимости суждений, способности пользоваться объективными критериями, умении находить причины ошибок и неудач, самооценке творческой деятельности, способности формулировать оценочные суждения.

Способность к преобразованиям характеризуется умением анализировать, сравнивать, выделять главное и второстепенное; описывать и давать определения, объяснять, доказывать, обосновывать, систематизировать, классифицировать, способностью генерировать идеи, выдвигать гипотезы, видеть противоречия, осуществлять перенос знаний и умений.

Лидер – человек, достигающий поставленных целей. Необходимые для этого задатки имеются у многих. Им можно научиться, для чего предметом внимания выступают: стремление находить применение своим знаниям, постоянно учиться, быть оптимистом, осознать свою уникальность, все действия и стремления следует подчинять достижению результата [4].

Для лидера актуальны умения наладить гармонию отношений между партнёрами, любознательность и способность быстро обучаться, личная инициатива, энергичность, энтузиазм и амбициозность, объективность мышления, универсализм.

Всё это обусловлено высокой самостоятельностью и ответственностью, что требует наличия самоконтроля. Инициативная самостоятельность предполагает возникновение побуждения к деятельности и доведение её до значимого результата [5].

Ответственность – это комплекс моральных, юридических, этических, технических и организационных подтекстов. Лидер несёт ответственность за свои действия, предусматривает их последствия.

На становление лидера влияют специфические явления, определяемые как барьер (от франц. *barrière* – преграда, препятствие). Они весьма многочисленны, но наиболее существенными для становления лидера являются психологические и смысловые барьеры.

В роли барьеров могут выступать самые различные факторы: нехватка нужной информации, недостаток самообладания или сообразительности, усталость, пространство и время, отдаляющие наступление желанного события, и т.д. Барьер – это феномен (представленный в форме ощущений, переживаний, образов, понятий, эмоций и т.п.), затрудняющий или ограничивающий продуктивную деятельность.

Барьеры психологические – специфические состояния личности, которые не позволяют ей занять активную позицию и реализовать тот или иной вид деятельности и общения. Эти психические состояния, как правило, связаны с неадекватно острыми отрицательными переживаниями по поводу конкретных проблем и актуальных ситуаций. Психологические барьеры субъективно переживаются личностью как серьёзные трудности в организации коммуникативных связей и взаимоотношений и сопровождаются чувством самонедовольствия, самонеприятием, неоправданно заниженными самооценкой и уровнем притязаний, что нередко приводит к внутриличностным конфликтам, патологическим страху, стыду, тревоге и чувству необоснованной вины.

Барьер смысловой – взаимонепонимание между людьми, являющееся следствием того, что одно и то же явление имеет для них разный смысл. Несовпадение смыслов высказывания, просьб, приказов и т.д., создаёт у партнёров препятствие для развития их взаимодействия. Внешне смысловой барьер характеризуется тем, что человек как бы не слышит, что говорит ему собеседник. На самом деле он всё прекрасно слышит и даже может повторить, но не воспринимает смысла адресованных ему слов. Смысловой барьер может возникнуть и по отношению к конкретному человеку, независимо от того, какие требования он предъявляет, и по отношению к конкретному требованию, независимо от того, кто предъявляет это требование [3].

Смысловой барьер по отношению к конкретному человеку, возникнув, проявляется уже независимо от того, какие требования предъявляет данный человек. Наиболее распространённой причиной возникновения смыслового барьера рода является неучёт мотивов деятельности.

Барьерами лидерства могут также быть легкомысленность, одиночество, склонность к пессимизму, замкнутый образ жизни, обостренное чувство справедливости, неуверенность, импульсивность, вспыльчивость и т. п.

Таким образом, лидерство представляет сложную многофакторную систему, элементы которой находятся в тесном взаимодействии.

Список литературы

1. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Юрист, 1990.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 286.
4. Огава М. Практический менеджмент. Токио, 1990. С. 152.
5. <http://ru.wikipedia.org>.

АНАЛИЗ ХАРАКТЕРИСТИК И ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА СОЗДАНИЕ ИМИДЖА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Каширская Людмила Васильевна,

*доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Национальная безопасность»,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Имидж женщины — успешного руководителя отражает профессионально значимые с позиции общественного сознания особенности ее личности, деятельности, общения, поведения и внешнего облика и является позитивным при соблюдении ряда основных условий. Во-первых, восприятие женщины-руководителя максимально приближено к господствующему в массовом сознании стереотипу «идеального руководителя» вне зависимости от половой принадлежности его носителя. Во-вторых, женщина-руководитель обладает высоким уровнем успешности деятельности, социальной зрелости и развития ряда профессионально важных социально-психологических качеств.

Методом экспертной оценки установлены характеристики тех факторов, которые оказывают воздействие на создаваемый образ руководителя образовательного учреждения. Группы характеристик, влияющие на создание имиджа руководителей образовательного учреждения представлены в таблице.

Таблица

Характеристики, влияющие на создание имиджа руководителей образовательного учреждения

Желаемые (положительные) характеристики	Нежелательные (отрицательные) характеристики
Персональные характеристики	
Высокий рост	Низкий рост
Поставленная речь	Слова-паразиты
Умение одеваться	Плохой вкус в выборе одежды
Социальные характеристики	
Женат/замужем	Холост/не замужем
Занятие благотворительностью	Национализм

Продолжение таблицы	
Личная миссия руководителя	
Наличие миссии	Отсутствие миссии
Ориентация на будущее	Сиюминутная выгода
Ценностные ориентации руководителя	
Честность	Алчность
Доверие к людям	Подозрительность

Некоторые характеристики поддаются изменению: женат/замужем, ориентация на будущее, наличие миссии, слова-паразиты, плохой вкус, национализм.

Характеристики, которые не поддаются изменению: рост, честность, национальность, подозрительность.

Мы провели анкетирование, целью которого было выявление гендерных стереотипов относительно женщин/мужчин-руководителей среди работников Астраханского государственного университета (рис. 1).

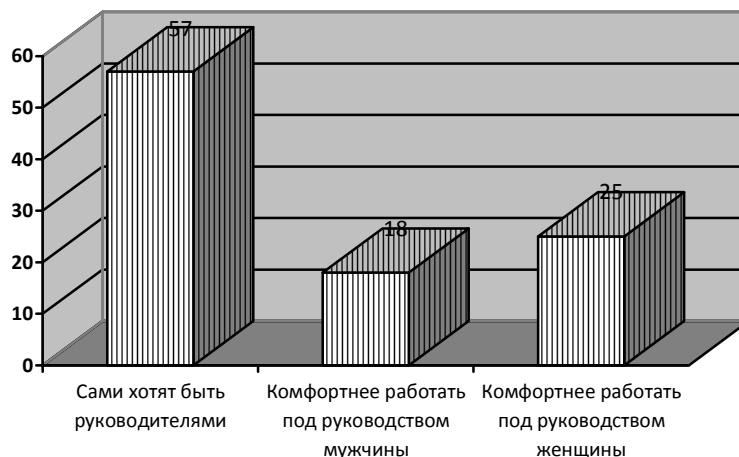

Рис. 1

В анкетировании приняли участие 30 сотрудников университета (15 мужчин и 15 женщин, возраста от 19 до 60 лет). 63 % респондентов имели высшее образование. У 29 % опрошенных было техническое образование, а у остальных 34 % – гуманитарное. Почти у всех респондентов (87%) начальник мужчина, всего у 13 % начальником является женщина.

Итак, вопрос: Я всегда хотел, чтобы моим начальником был (а) ... (мужчина/женщина?)

Многие мужчины и женщины (57 % от общего числа опрошенных) не хотят работать под чьим-то руководством, а хотят быть сами себе руководителями. Но некоторым респондентам мужчинам (их доля составляет 18 %) комфортнее работать под руководством мужчины, а женщинам (25 %) под руководством женщины. Для диагностики гендерных стереотипов в руководстве организации использовались методика «Незаконченные предложения» (Сакс и Леви). Она включает в себя 12 незаконченных предложений, эти предложения нужно закончить одним или несколькими словами.

Результаты показали, что опрашиваемые по данному методу в большинстве случаев давали расплывчатые, неконкретные ответы: «не знаю», «мне без разницы», и т.д. Но нам удалось ответы респондентов распределить по нескольким группам.

Вопрос: Когда ко мне приближается мой начальник мужчина, я ... (рис. 2).

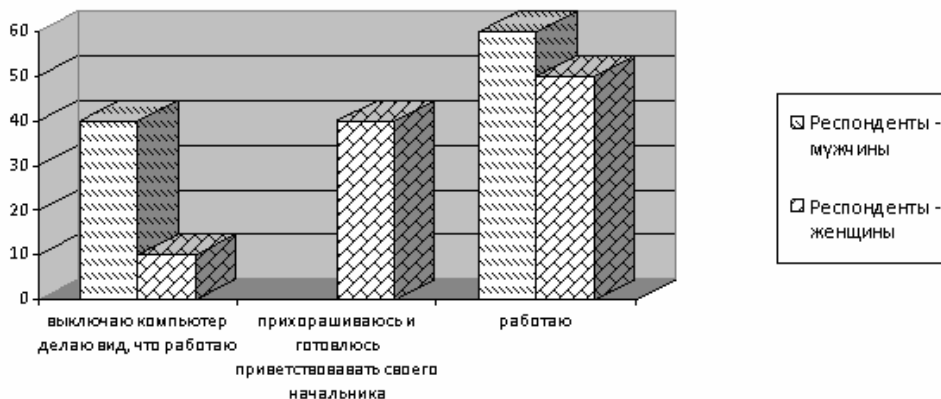

Рис. 2

Вопрос: Когда ко мне приближается мой начальник женщина, я ... (рис. 3).

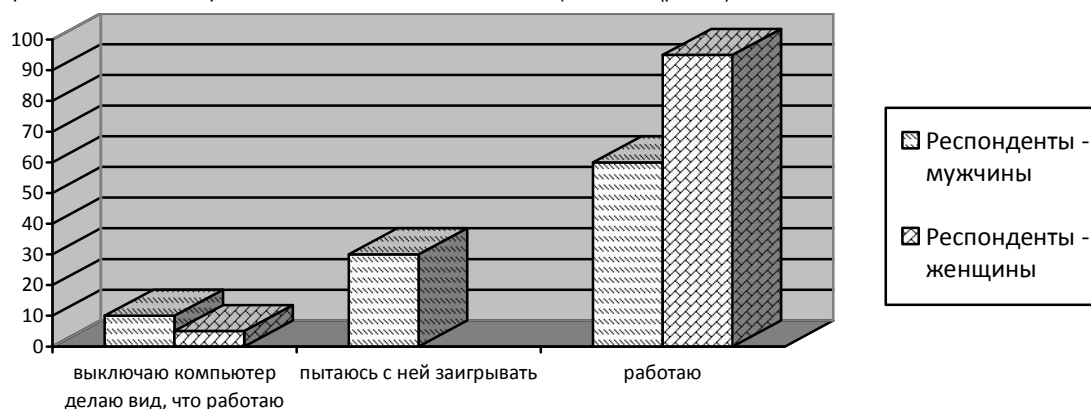

Рис. 3

Большее половины мужчин (63 %), хотят, чтобы их начальником был мужчина, т.к. они оценивают его, как отличного и ответственного руководителя. 53 % женщин в виде руководителя тоже хотят видеть мужчину, т.к. считают, что мужчины оценивают способности своих подчиненных по способностям, а не по личным симпатиям. И мужчины, и женщины, считают, что комфортнее работать под руководством мужчины. Для мужчин начальник мужчина может быть не приятен из-за того, что он приходит на работу с похмелья (так считают 39 % опрошенных), 58 % мужчин не нравится, что начальник мужчина не отпускает их раньше с работы. Женщины считают начальника мужчину не приятным, если он одет не красиво или грубит сотрудникам. Когда к сотрудниками приближается руководитель мужчина, мужчины выключают компьютеры и делают вид, что они работают, а женщины начинают прихорашиваться и готовятся приветствовать своего начальника.

Вопрос: Начальник мужчина может быть не приятен, потому что... (рис. 4).

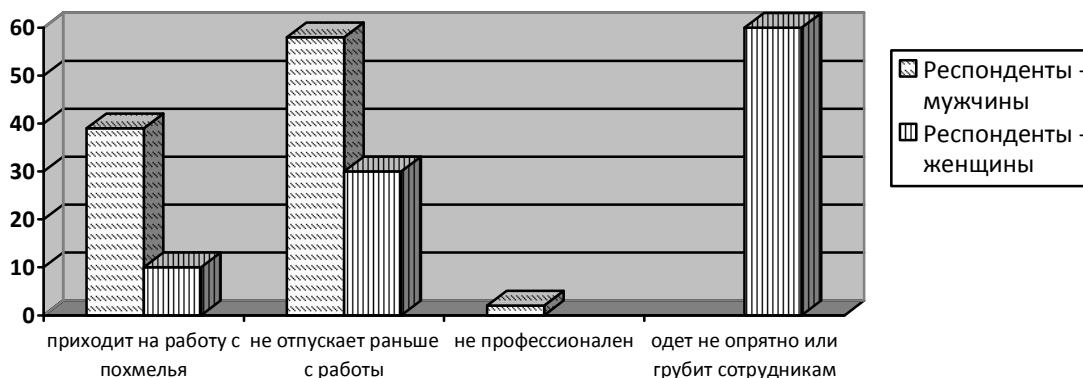

Рис. 4

Следующий вопрос: Начальник женщина может быть не приятна, потому что... (рис. 5).

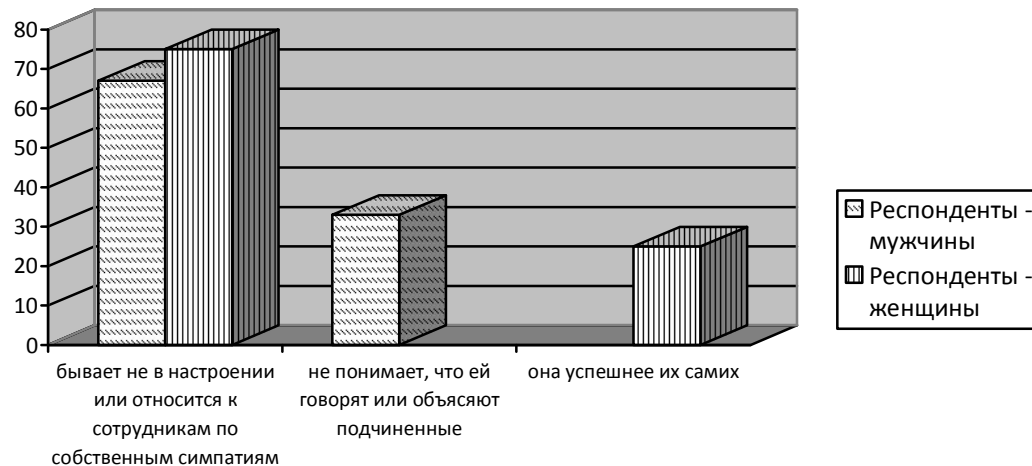

Рис. 5

Меньшее количество людей ходят видеть своим начальником женщину, считают они именно так, потому что она часто бывает не в настроении или просто относится к сотрудникам по собственным симпатиям, так считают 71 % женщин. 67 % мужчин считают, что женщина руководитель не красивая или она просто не понимает, что ей говорят или объясняют подчиненные (так считает 33 % опрошенных мужчин). Некоторые мужчины (21 %) при виде женщины руководителя пытаются с ней заигрывать, чаще с ней пересекаются на работе, но большинство мужчин (79 %) смущает ее присутствие. Мужчинам в отличие от женщин нравится женщина руководитель, но работать с женщиной руководителями они считают не комфортно. Женщины спокойно относятся к женщинам руководителям, но 47 % опрошенных женщин считают, что женщины руководители не умеют хорошо руководить и чаще всего оценка работы подчиненных у женщин руководителей основывается на взаимных симпатиях. Начальник женщина может быть не приятна сотрудникам женщинам из-за того, что она успешнее их самих.

Результаты проведенного исследования показали следующее:

Стереотипы относительно женщин-управленцев – один из факторов, значительно замедляющих их карьерное продвижение. Миф о том, что удел женщины – кухня, ее единственная униформа – фартук, а орудие труда – скалка, широко распространен в деловой среде. Хотя женщины-руководители давно не редкость, к ним как к лидерам относятся с недоверием. В то же время от мужчин общество непременно ожидает социального успеха, высокой должности и большого дохода.

Стереотипы, связанные с гендерной ролью и социальными ожиданиями в отношении мужчин и женщин, играют огромную роль в мотивации построения карьеры. Мужчина обязательно должен быть руководителем, добытчиком, лидером. Именно это позволяет ему почувствовать себя «полноценным мужчиной». Если мужчина к определенному возрасту не стал руководителем, то он может восприниматься как неудачник, и его успешность в семье не компенсирует отсутствие достижений в карьере:

Социальные ожидания от женщины не настолько высоки: она может и работать, и не работать, но единственный «пункт», который она должна выполнить – это стать успешной женой и матерью. В том случае, если эта «высота» взята, то вопрос карьеры остается на усмотрение женщины. И то, что женщина воспринимает как «запасной вариант» и «вполне достойный выбор», мужчины считают возможным «путем к отступлению» и своеобразным «бегством».

Представления о роли женщины и мужчины в бизнесе и распределении ролей в обществе влияют на принятие решений о назначениях не в меньшей степени, чем внутренняя неуверенность женщин в собственном лидерском потенциале. Давление стереотипов женщины-лидеры ощущают каждый день, взаимодействуя с коллегами, подчиненными и партнерами. Участники анкетирования в полной мере продемонстрировали наличие этих стереотипов. Женщины вспоминали о том, как их воспринимали руководители-мужчины, а мужчины-респонденты смело озвучивали самые распространенные из гендерных стереотипов.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ЛИДЕРА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Бочарникова Ирина Станиславовна,

кандидат социологических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

В современной социологии термин «социокультурный портрет», основанный на веберовской концепции идеальных типов, используется достаточно широко, но поскольку ещё не выработано общего теоретико-методологического обоснования данной дефиниции, понимается не однозначно. Интерес социологов к исследованию социального портрета «старой» и «новой» элиты возрастает к концу XX в. В работах Б.В. Головачева, Л.Б. Косовой, С.В. Гришаева, Ж.М. Грищенко рассмотрен социальный портрет высокостатусных групп [2, 3], глубокий анализ российской элиты дан О.В. Крыштановской [5], с использованием различных методик.

В исследовании, результаты которого рассматриваются в данной статье, за основу взята методика социокультурного портрета, разработанная Н.И. Лапиным [6, с. 11] для характеристики местного сообщества [1, с. 390] и адаптированная Н.В. Дергуновой [8, с. 183] для исследования малых социальных групп. Объектом выступают представители региональной элиты (N = 32 чел.): члены правительства (15 чел.), руководители агентств и служб Астраханской области (17 чел.).

Источником эмпирической информации является контент официального портала Правительства Астраханской области [7], министерств, агентств, служб и личные страницы в социальных сетях респондентов.

Основные анализируемые показатели социокультурного портрета включают в себя три основные группы социальных характеристик: социальное происхождение и положение, уровни образования и благосостояния, наличие опыта работы, карьерный рост; социокультурные характеристики: этнокультурная идентичность, знание иностранных языков, опыт межкультурной коммуникации; гражданско-политические характеристики: гражданская активность, членство в политических партиях и общественных организациях.

Основные социально-демографические характеристики: представители региональной элиты в основном мужчины (71,87 %), женщины составляют 28,13 %, это достаточно весомый показатель, для начала двухтысячных годов и первого десятилетия XXI в. гендерная асимметрия была значительно выше, этот показатель не превышал и 5–7 %.

Астраханское Правительство представляют сравнительно молодые люди, средний возраст – 47 лет (1970 г.р), можно сказать, что это специалисты, уже имеющие и жизненный и профессиональный опыт, способные принимать взвешенные решения, брать ответственность на себя, возглавить командную работу (табл. 1).

Таблица 1

Возрастной состав Правительства Астраханской области		
Год рождения	Абсолютное число (чел.)	%
1955–1959	3	9,68
1960–1969	13	41,94
1970–1979	14	45,16
1980–1989	1	3,23

Рассматривая показатели первой группы можно отметить, что размер семьи невелик: 87,1 % имеют семью не более 4 человек, в основном – это двухпоколенная семья с одним (32,26 %) или двумя (45,16 %) детьми, но при этом есть семьи как бездетные (3,68 %) так и имеющие трёх и более детей (12,9 %). Состоят в браке 80,65 %. Высший эшелон региональной элиты в большей мере состоит из горожан по рождению (61,29 %), родившихся на территории Астраханской области (70,97 %). Народная мудрость «Где родился, там и пригодился» характерна для астраханской элиты. Для 29,03 % респондентов, родившихся в других регионах страны, астраханская земля стала привлекательной, для многих направление мобильности – более крупный город.

Образование. Уровень образования очень высок, структура разнообразна: 100 % имеют высшее образование, учёную степень имеют 25,8 %, из них доктора наук – 6,25 %. Направление образования разнообразно: финансово-экономическое образование получили 22,58 %, юридическое и инженерно-строительное по 19,35 %, историческое – 12,9 %, физико-математическое и филологическое по 6,45 %. Обучались будущие члены Правительства по большей части (67,74 %) в астраханских вузах: Астраханском государственном университете (АГПИ, АГУ) – 32,26 %, Астраханском техническом институте рыбной промышленности – 29,03 %, Астраханской государственной медицинской академии и Астраханском инженерно-строительном институте – 6,25 %. Это говорит о востребованности и достаточно высоком уровне профессиональной подготовки кадров региональными вузами.

Поскольку утверждение в высокостатусной позиции требует продолжения образования, то второе высшее имеют – 54,84 %. Получали второе высшее образование в основном в Российской академии госслужбы при Президенте РФ (19,35 %), в Волгоградской академии государственной службы (9,38 %) и Саратовской государственной академии права (12,9 %) по программам «Государственное и муниципальное управление» «Юриспруденция». Учёные степени присуждались в следующих отраслях науки: экономики (четыре кандидатских степени) – 12,5 %, по одной в педагогике и юриспруденции, докторские степени присуждены в области медицины и биологии. Для региональной элиты характерно постоянное профессиональное совершенствование посредством стажировок, программ, курсов, проходящих не только в астраханском и близлежащих регионах, но и в Москве и за рубежом (Испания, Япония, Италия).

Немаловажный аспект образования и межкультурной коммуникации – знание иностранных языков, к сожалению, только два члена правительства указали в биографиях опубликованных на официальном сайте знание языков. Уточнение и выявление этих данных задача следующего этапа исследования (нарративное интервью с некоторыми членами Правительства Астраханской области).

Профессиональный карьера. До получения назначения на должность руководителя министерства, агентства или службы все претенденты (100 %) имели определённый опыт работы на государственной службе, прошли путь от мелкого чиновника до начальника отдела, инспекции, управления, дирекции, два руководителя бывшие сотрудники МВД в отставку (выход на пенсию за выслугу лет).

Успешность и результативность задуманных преобразований зависит от множества факторов, центральным звеном данных реформ – сплоченность команды единомышленников, наделённых различными способностями и возможностями. Для этого рассмотрим такой показатель как стаж работы в должности, картина выглядит таким образом: 10 и более лет в команде работают 15,63 % респондентов, 5 и более лет – 31,25 %, не менее 5-ти лет – 43,75 % и от 2-х лет – 9,38 %. Наибольшая сменяемость произошла в 2014 г. – 25 % (табл. 2).

Таблица 2

Должность	Год назначения на занимаемую должность				Всего (чел.)
	2004–2008	2009–2012	2013–2015	2016–2017	
Министр	4	3	7	1	15
Руководитель агентства, службы	1	7	7	2	17
Всего (чел.)	5	10	14	3	32

В среднем путь вверх – до первой руководящей или эквивалентной ей должности – потребовал около 7–8 лет, но для более старшего поколения данный срок увеличился 10–13 лет, так как в различные исторические периоды темпы вертикальной мобильности различались достаточно сильно, так советский период (70–80-е гг.) эта процедура обрела характер медленного продвижения по строго выверенным ступенькам карьерной лестницы и каждое передвижение ограничивалось определёнными правилами.

Сегодняшнюю должность представители высокостатусной элиты получили в среднем через 17–18 лет, самую быструю карьеру сделали представители возрастной группы 30–35 лет, достичь пика своей карьеры они смогли в течение 7–12 лет.

Доходы. Декларация доходов региональной элитой, неотъемлемая часть профессиональной этики. Доходы членов Правительства и их семьями задекларированы и опубликованы за 2015 г. Максимальный доход членов правительства – 9451926,11 руб., минимальный – 711333,33 руб., средний – 3383834,90 руб.; максимальный доход задекларированных членов семьи – 5 300 000,00 руб., минимальный – 3 319,35 руб., средний – 1 007 460,28 руб., средний душевой доход на одного члена семьи – 37214,4руб. Для сравнения можно привести следующие цифры за 2015 г. средний доход на душу населения по России – 30224 руб., по Юному федеральному округу – 2108,89 руб., по Астраханской области – 24014,2 руб. Также членами Правительства задекларировано недвижимое (квартиры, земельные участки, дома, дачи, самое экзотическое – подъездные железнодорожные пути) и движимое имущество (автомобили, лодки, теплоходы, прицепы).

Но поскольку наличие или отсутствие в собственности квартиры не показатель, то интерес вызывает вопрос о наличии второго дома или квартиры (исключая дачу или домик на садовом участке), так вот второе жильё имеют 50 % респондентов. Большинство (62,5 %) имеют в собственности земельные участки размером от 22 м² до 2600 м².

Автомобиль, для современного человека из предмета роскоши перешёл в разряд товаров практически первой необходимости, как предмет престижа рассматривается марка и комплектация автомобиля. Уровень «автомобилизации» в элитной группе высок – 87,5 % (возможно, что те кто не декларировал автомобиль, имеет служебный автотранспорт), практически все автомобили импортного производства. Зачастую (26,67 %) в семье два и более автомобиля.

Гражданско-политические характеристики. Гражданская активность, членство в политических партиях и общественных организациях достаточно высокая, более 75 % указали в своих биографиях членство в различных общественных организациях, таких как: Астраханская региональная общественная организация «Совет главных врачей АО», общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России», Межрегиональная Ассоциация реставраторов Российской Федерации, Союз реставраторов Российской Федерации, Попечительские советы, Международная академия информатизации, Совет по возрождению астраханских храмов и др.

Неоднократно избирались депутатами различных уровней (от муниципальных до региональных), являлись членами разноразрядных избирательных комиссиях (от территориальных до областной), проекта «Профессиональная команда страны», международного молодежного образовательного форума «СелиАс» и т.п.

Высокий уровень гражданской позиции косвенно подтверждают и награды, полученные депутатами: золотой орден «Меценат»; медаль и орден «За заслуги перед Астраханской областью»; Почётной грамотой Губернатора АО, Почётной грамотой Государственной Думы АО, Благодарственным письмом Губернатора АО награждены более 90 % членов Правительства. Партийную принадлежность (партия «Единая Россия») указали не многие (15,7 %), но априори их партийный приоритет очевиден и только один руководитель указал на то, что он беспартийный. Поскольку членство в правящей партии является одним из верных и достаточно быстрых способов вертикальной мобильности, то партийный выбор заранее предопределён для молодых людей желающих сделать успешную карьеру.

Социокультурные характеристики: этнокультурная идентичность, знание иностранных языков, опыт межкультурной коммуникации, станут предметом второго этапа исследования, так как уже говорилось выше, контент официальных порталов не даёт достаточного материала анализ данного показателя, так как социокультурная идентичность индивида – одна из его основных комплексных характеристик – является весьма многогранным явлением. Идентичность отражает процесс сохранения качеств сходства и различия индивида неизменными на протяжении определенного времени. Структура социокультурной идентичности включает в себя государственную, гражданскую (государственно-гражданскую), культурную, религиозную, этническую составляющие [4, с. 76].

Таким образом, социокультурный портрет астраханской высокостатусной элиты выглядит следующим образом: молодой мужчина 45–47 лет, родившийся в Астраханской области, с двумя высшими образованиями, скорее всего полученным в одном из астраханских вузов, постоянно повышающий свой профессиональный уровень, с активной гражданской позицией. Женат, имеющий одного-двух детей, не испытывающий финансовых затруднений, обеспеченный качественным жильём, предпочитающий импортный автомобиль, и активный отдых, увлекающийся спортом, охотой, рыбалкой, любит путешествовать.

Список литературы

1. Бочарникова И. С., Касавина Н. А. Регионы Центрального федерального округа в свете показателей модернизации // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. Уфа : АН РБ, Гилем, 2012. С. 390–400.
2. Головачев Б. В., Косова Л. Б. Высокостатусные группы: штрихи к социальному портрету // Социс. 1996. № 1. С. 45–51.
3. Грищенко Ж. М., Новикова Л. Г., Лапша И. Н. Социальный портрет предпринимателя // Социс. 1992. № 7. С. 53–61.
4. Дробизева Л. М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 74–84.
5. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
6. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовый инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010. 111 с.
7. Правительство Астраханской области. Режим доступа: <https://www.astrobl.ru/government> (дата обращения 12.03.2017).
8. Социокультурный портрет молодых мигрантов – выпускников российских вузов // Власть. 2016. № 12. С. 183–188.

СОЧЕТАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА И САМОВОСПРОИЗВОДСТВА ЭЛИТЫ

Некрасов Сергей Федорович,

*кандидат политических наук, доцент, Сибирский институт управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Новосибирск*

В любой системе политических отношений существуют социальные механизмы, с помощью которых происходит упорядочивающее воздействие на компоненты системы, на выбор форм ее функционирования, регулирование взаимодействия данной системы с внешней средой. Действуют такие механизмы и в процессе формирования элиты. Представители политических элитарных групп, как отмечает А.В. Асташкин, «в состоянии использовать необходимые им для поддержания собственного статуса социально-активные механизмы. Данный процесс позволяет им не только добиваться признания, но и удерживать рычаги политической власти с помощью соответствующих стимулов. Именно функциональность политической элиты показывает ее значимость, так как любой социальный феномен наиболее ярко проявляется именно в действии» [1, с. 102]. По этому поводу Д.В. Попонов заметил: «Действие социальных механизмов настолько сильно, что они практически в полном объеме контролируют успехи индивидов, независимо от их желаний и устремлений. В этом случае именно освоение «статусной культуры» выступает не только главным фактором воспроизводства статусных групп, но и гарантом высоких темпов социальной мобильности» [7, с. 91].

На необходимость применения дифференцированного подхода при рекрутировании политической элиты указывает А.И. Соловьев. Он, в частности, подчеркивает, что «для воспроизводства и функционирования правящих кругов (непосредственно влияющих на государственные решения) должны использоваться (для совершенствования, изменения) одни технологии, в то время как по отношению к тем внутриэлитарным структурам, которые лишь косвенно воздействуют на разработку стратегий, должны применяться другие механизмы их воспроизводства и развития» [10, с. 108].

С известной долей условности можно вычленировать два возможных механизма рекрутирования элиты – воспроизводство и самовоспроизводство. В первом случае формирование происходит в результате целенаправленного, сознательного воздействия на данный процесс со стороны политических структур. Во втором случае элита формируется произвольно, стихийно, спонтанно, без видимых внешних воздействий. Эти два механизма, как правило, пересекаются: целенаправленное рекрутирование элиты не исключает момента стихийности, а стихийное формирование элиты несет на себе отпечаток сознательных действий.

В реальной действительности очень часто можно наблюдать взаимодействие механизмов сознательного и стихийного формирования элиты. Это данность, которую нельзя ни запретить, ни изменить. Данное обстоятельство особенно важно иметь в виду потому, что порой абсолютизируется сознательный момент и недооценивается момент стихийности в зарождении новых поколений элиты. Политтехнологам при создании элиты важно учитывать, что процесс ее становления представляет собой не только результат целенаправленной деятельности политических институтов, но это еще и результат стихийного «творчества» социума.

Как известно, всякий политический процесс (и, в частности, процесс рекрутирования элит), рассматриваемый в динамике его развития, является в то же время процессом воспроизводства. Сущность политического процесса «заключаются в производстве и воспроизводстве, с одной стороны, различных компонентов политической системы, человека политического; структур, институтов и средств политического властвования и политического участия, политической культуры и норм, а с другой стороны, производство посредством политической системы определенного социального порядка и социальных изменений» [5, с.340-341]. На воспроизводственный характер деятельности властных структур по сути дела указывает А.А. Вилков: «Основная функция власти во многом сводится к собственному воспроизводству и насаждению особого рода веры (только теперь демократической) и идеологических мифов, значимость которых обосновывается как самодостаточная, не нуждающаяся в особых доказательствах» [2, с. 13].

Что касается социального воспроизводства, включая воспроизводство политических элит, отмечает А.В. Асташкин, то оно «выступает следствием естественных процессов, рожденных потребностями людей в постоянном изменении социальной среды и самосовершенствовании окружающего мира» [1, с. 102]. По утверждению В.П. Мохова, деградация элит – это «процесс утраты элитными группами своего статуса, связанный с глобальной социальной дисфункцией: элитная группа не может более господствовать прежними методами, а новых методов, устраивающих массы, предложить не способна. Скорость деградации элит может быть различной, а деградация может протекать как в эволюционной, так и революционной форме. Однако общим остается одно: новая элитная группа до тех пор не придет к власти, пока старая не исчерпает себя функционально...» [4, с. 12]. Случаи внешнего воздействия на элиту автор не рассматривает.

Существование социально-политической системы общества невозможно без систематического возобновления процесса воссоздания ее элиты. Вместе с тем И.Н. Олейникова подчеркивает, что «воспроизводство есть не только процесс повторения, возобновления на сложившемся уровне, но и качественное развитие, непрерывное накопление количественных и качественных изменений, создание импульсов и условий для непрерывного развития. Качественная поступательная динамика – это сущностная характеристика воспроизводства» [6, с. 55]. Г.П. Щедровицкий отме-

чает: «Исходная и простейшая форма среди многих разнообразных механизмов воспроизводства – это простое «перетекание» или простая передача элементов от одного, разрушающегося состояния социальной структуры в другое, складывающееся. Так могут переходить из одного состояния в другое орудия, предметы и продукты труда, так могут переходить отдельные люди и некоторые организации людей» [12, с. 199].

Но по своей природе, как замечает В. С. Сизов, «общественное воспроизводство не может остановиться, оно не способно стать статичной величиной, хотя в ряде случаев способно обретать не только простой или расширенный, но и суживающийся характер» [9, с. 14–15]. Для описания типов воспроизводства Н.Ц. Шойдокова использовала существующий в науке «критерий полноты воспроизведенного наследия». На основе его она выделила следующие типы «социокультурного воспроизводства: простое воспроизводство (повторение), суженное или деструктивное воспроизводство (отставание развития) и расширенное воспроизводство (возобновление во все увеличивающихся масштабах)» [11, с. 13]. В современных условиях в России социальное воспроизводство элиты предполагает постоянное расширенное возобновление и развитие, как в количественном, так и в качественном и структурном отношениях всей системы государственного управления на самых разных уровнях.

В свою очередь социальный механизм самовоспроизводства есть процесс, самостановления и самовозобновления социальных систем и ее структурных элементов без внешнего воздействия. На значимость данного механизма обращает внимание А.И. Соловьев, который утверждает, что «сегодня рекрутирование и функционирование элитарного корпуса в целом заточено под его самовоспроизводство и осуществление автономных и даже автаркических управленческих стратегий. Жесткость политических конструкций российского социума, неподконтрольность исполнительных и судебных (а во многом и законодательных) органов власти в значительной степени купируют воздействие многих современных тенденций общественной эволюции (глобализации, становления информационного общества, активизации межкультурных коммуникаций) на механизмы формирования элит. И только отчасти эти факторы проявляются в деятельности высших эшелонов правящей элиты» [10, с. 107].

Все это придает определенную специфику к изучению рекрутируемых групп элиты, различных по своим свойствам и характеру социального обновления. В частности, А.Р. Салгириев отмечает: «Важной составляющей в исследовании элиты, занимают вопросы ее формирования, принципов организации элиты (рекрутирования), механизм формирования и воспроизводства элиты, включающий в себя критерии, порядок и круг лиц, осуществляющих отбор. От того, как этот процесс осуществляется, зависит качество элит» [8, с. 118]. Учитывая реально протекающие процессы развития в элитарных кругах, отмечают З.В. Курасбедиани и О.А. Исайчева, «можно осуществить плавную и относительно безболезненную смену элит или их лидеров в соответствии как с требованиями момента, так и с глобальной установкой на возможно более полное совпадение властной и меритократической элиты, которая и должна обеспечивать успешный выход из кризиса и дальнейший непрерывный и плавный ход поступательного развития всего общества» [3, с. 86].

Таким образом, в рекрутировании политической элиты в период трансформации российского общества в направлении движения от полной неопределенности к устойчивому развитию используется сочетание между механизмами целеориентированного воспроизводства и стихийного самовоспроизводства. Рациональному взаимодействию данных механизмов может способствовать дифференцированный подход к формированию различных групп политической элиты нового поколения.

Список литературы

1. Асташкин А. В. Выборы как инструмент воспроизводства современных российских политических элит // Социология власти. 2010. № 3.
2. Вилков А. А. Мифологический фактор в современной российской политике // Мифология политической власти / отв. ред. Н. И. Шестов и др. Саратов, 2003.
3. Курасбедиани З. В., Исайчева О. А. Социальный механизм воспроизводства элиты // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2015. № 1 (4).
4. Мохов В. П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. СПб., 2014. Т. 1.
5. Общая и прикладная политология / под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. М., 1997.
6. Олейникова И. Н. Воспроизводственные процессы: вопросы теории и методологии. Таганрог, 2003.
7. Попонов Д. В. Проблемы воспроизводства человеческого капитала политической элиты // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология, вып. 2.
8. Салгириев А. Р. Особенности рекрутирования политической элиты в современной России // Альманах современной науки и образования. 2012. № 5 (60).
9. Сизов В. С. Стратегическое управление производственным процессом. М., 2004.
10. Соловьев А. И. Российский элитогенез: универсальное и специфическое // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. Т. 3, № 3.
11. Шойдокова Н. Ц. Роль современной молодежи в социокультурном воспроизводстве. Чита, 2007.
12. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.

ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Топчиев Михаил Сергеевич,

кандидат политических наук, Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Природа и характер элитарной культуры до сих пор вызывают в отечественной науке достаточно живые дискуссии. Нет даже признанной большинством исследователей единой типологии культур, включающей в себя в том числе и элитарную культуру. Дефиниции элитарной культуры в научных публикациях тоже даны по разным основаниям. Одним из оснований критериев выделения элитарной культуры у большинства исследователей является ее социальная стратификация и принадлежность. Элитарная культура, вслед за И.В. Кондаковым [3] многими исследователями определяется как «субкультура привилегированных групп общества, характеризующаяся принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом и ценностно – смысловой самодостаточностью» [см.: 8; 10]. Таким образом, элитарная культура противопоставляется массовой и рассматривается как продукт высших социальных слоев, произведенный прежде всего для самих себя в русле тезиса – «искусство для искусства». Отсюда и этимология термина «элитарный» – (франц. elite – отборное, выбранное, лучшее). Социально-дифференцированный подход выражается и в дифференциации социальных страт, которые являются производителями и потребителями этой культуры: политическая, интеллектуальная, художественная, инженерная и т.д.

Еще одной важной чертой элитарной культуры, на основании которой ее отделяют от массовой, является ее творческий характер. По мнению Э.В. Быковой, «на первый план в элитарной культуре выходит культуротворческая функция, функция самореализации, самоактуализации личности, эстетико-демонстрационная» [2]. Предлагая авторскую типологию культуры, А.В. Костина и А.Я. Флиер дефинируют элитарную культуру как креативную, тем самым беря за основания деления культуры на типы дихотомию традиций и инноваций. Они определяют ее как «основанную преимущественно на творчестве, принципиально инновативную, предельно динамичную (в соответствии с основными параметрами ее конкретной исторической формы), что предполагает наличие ярко выраженной индивидуальности в виде субъекта творчества» [4, с. 25]. Этот субъект творчества в элитарной культуре представляется личностью с «высоко индивидуализированным лицом» [5]. Таким образом, если подходить к элитарной культуре не статично, а динамично, через анализ и стратификацию не социальных слоев, ее производящих, а уровня, характера и инициатора трансформаций, тогда мы возвращаемся к пониманию элитарной культуры, как креативной, предложенной Костиной и Флиером, продолжая именовать ее элитарной.

Итак, элитарная культура как креативная представляет собой творческую культуру, которая постоянно «разрабатывает» новые способы адаптации к различным обстоятельствам бытия в виде новых технологий, инструментария, форм социальной организации и коммуникации, приемов познания мира, фиксации и трансляции этого знания, символов, отражающих все это, и т. п.» [4, с. 30]. Поэтому основой движущей силой такой культуры является инновационная составляющая. Основными акторами такой культуры являются лидеры, способные отринуть традиции ради инноваций, дабы проявить свою незаурядную способность к продуцированию нового. В данном случае лидер скорее выступает не как представитель определенного типа культуры, а как креативная личность, самоопределяющаяся и самоидентифицирующаяся подчас не благодаря, а вопреки общим культурным тенденциям. Именно они определяют культурный мейнстрим, хотя иногда достаточно ретроспективно.

Какую роль играет элитарная культура в системе культурной безопасности и что понимается под таким типом безопасности? С точки зрения А.П. Романовой, которой придерживаемся и мы, концепция культурной безопасности рассматривает культуру не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере, как – то предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом способствует ее стабилизации [7]. Важным фактором в тематике культурной безопасности как раз и является проблема сохранения традиций и возможность инноваций, эта тематика до сих пор весьма дискуссионная [6].

Мы рассматриваем культурную безопасность как систему внутренней само регуляции и стабилизации общества, направленную на ее развитие и сохранение одновременно. В связи с этим в системе культурной безопасности вырисовывается особая роль элитарной культуры, которая в культуре в целом «отвечает» за инновационные тенденции. Культурная безопасность обладает комплексным функционалом: с одной стороны она направлена на сохранение культурного кода любой локальной культуры, которая хочет сохраниться в условиях всеобщей глобализации, если не в законсервированном традиционном виде, то по крайней мере с учетом своей культурной специфики, мировоззренческих основ и перспектив развития, с другой стороны, чтобы обеспечить дальнейшее развитие культуры, культурная безопасность реализуется через сохранение определенного баланса традиций и инноваций и развитие инновационных тенденции в культуре. Отсутствие инновационных тенденций или их минимизация приводят к застою в культуре, в социальной сфере, а в современную эпоху к безнадежному отставанию от более инновационно ориентированных культур. Культурная безопасность представляет собой систему, которая позволяет культуре учить и тенденцию инноваций и традиционные элементы культуры.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ проект 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

В отечественной культурологии как базовая типология современной культуры представляется триада: традиционная/народная – элитарная/креативная – массовая культура. Эту типологию можно применить как к культуре в целом, так и выявить в рамках отдельной культуры все три линии ее развития.

Сохранение культурного кода и базовых культурных традиций это прерогатива в основном традиционной/народной культуры. В рамках любой современной культуры всегда есть та часть культуры, которая регулируется традициями: сохранение культурного наследия, фиксация культурной памяти в фольклоре, искусстве, литературе, архитектуре и т.д. [9]. Разрушение старых отживших форм, создание нового, авангардного, забегание вперед, эксперимент, подчас в неприемлемых для традиционной культуры формах – это процессы, связанные прежде всего с элитарной культурой.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004. – 678 с.
2. Быкова Э. В. Культура народная, массовая и элитарная. Режим доступа: <http://moy-bereg.ru/narodnaya-kultura/narodnaya-kultura-massovaya-elitarnaya-5.html> (дата обращения 30.10.2014).
3. Кондаков И. В. Элитарная культура // Культурология. XX век: в 2 т. СПб.: Питер, 1998. Т. 2. С. 387.
4. Костина А. В., Флиер А. Я. Три типа культуры – три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 2 (18). С. 23–36.
5. Костина А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2009.
6. Романова А. П. Традиции и инновации с позиции культурной безопасности // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2015. № 2. С. 3–12.
7. Романова А. П., Бичарова М. М. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2015. № 2 (16). С. 36–55.
8. Сошников А. Е. К вопросу дефиниций «элита» и «элитарная культура» // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 11.
9. Филиппова В. А. Народная, элитарная и массовая культуры: сущность, характер, соотношения и влияние на развитие театра танца // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2010. Вып. 1, т. 2.
10. Хижняченко Н. О. Элитарная и массовая культура: проблема соотношения и взаимодействия // Збірник наукових праць «Гілея: науковий вісник». Вып. 15 Философские науки.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИДЕРСТВА В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дулина Надежда Васильевна,

*доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология»,
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград*

Ануфриева Евгения Владимировна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры «История, культура и социология»,
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград*

Современный мир, несомненно, стал гораздо более мобильным, любые структурные изменения, происходящие в нем, настолько молниеносны, что не позволяют большинству не только осознать и принять эти изменения, но и просто заметить их. Развитие гендерного дискурса и стремление к выравниванию гендерной асимметрии на сегодняшний день оказывают огромное влияние на все без исключения сферы жизнедеятельности человека. Поэтому в сложившейся ситуации представляется не допустимым развитие менеджмента, как науки управления, в отрыве от гендерных знаний. Современный менеджмент не абстрагируется от информационного потока, связанного с «гендером», тем не менее, данные знания не ставятся «во главу угла», а имеют лишь косвенное значение. Развитие теории и практики управления – это в первую очередь эволюционный процесс. Он постоянен и выступает как «равнодействующая», своеобразный вектор всех социально-политических, производственных, экономических и иных изменений социума. Затрагивая проблематику взаимосвязи менеджмента и «гендера», необходимо определить ее сегодняшний status quo¹, прежде чем переходить к разрешению более сложного вопроса Quo vadis²?

Главным залогом успешного функционирования предприятия и его дальнейшего развития является стратегически верное направление управленческой деятельности. «Искусство управления»/менеджмент как наука зародился в конце XIX в., в это время выявлялись и формировались начальные знания в сфере менеджмента, или более точно, в сфере управления предприятием. Необходимо акцентировать внимание на том, что в период формирования сферы научных изысканий менеджмента «у руля» и почти монопольной рабочей силой на предприятиях были мужчины и, следовательно, управление человеческими ресурсами на том этапе можно трактовать как управление мужчиной и использование мужского трудового ресурса. При этом, современная женщина во многих сферах трудовой деятельности работает наравне с мужчиной, заменяя последнего без каких-либо значительных потерь для орга-

¹ Status quo – существующее положение (лат.).

² Quo vadis – куда идти (лат.).

низации/предприятия. Важно осознавать, что на современном этапе развития рынка, условием успешного управления является не только эффективность управленческих функций самих по себе, но и правильная их организация в рамках единого процесса.

Женщина сегодня являет собой трудовую единицу, обладающую определенным потенциалом, необходимыми знаниями, навыками и умениями, составляя определенную конкуренцию мужчине.

В «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» говорится о том, что «женщины активно участвуют в управлении государством. Доля женщин среди лиц, замещающих должности государственной гражданской службы и муниципальной службы, составляет 72,1 процента, 59 процентов из них замещают такие должности в центральных аппаратах федеральных органов государственной власти, в том числе 25,3 процента – должности руководителей. Доля женщин среди лиц, замещающих должности государственной гражданской службы в органах государственной власти субъектов Российской Федерации, составляет 42,3 процента, доля женщин среди лиц, замещающих должности муниципальной службы, – 78,8 процента» [6].

В книге практикующего менеджера К. Кобьелла «Без риска нет кайфа» женщине-бизнесмену посвящена отдельная глава [5, с. 157–160], в которой подтверждается конкурентоспособность современной женщины, и пренебрежение подобным знанием может привести к плачевным результатам.

Менеджмент XXI в. и в дальнейшей перспективе имеет направленность на акцентирование и использование в полном объеме человеческих ресурсов, при этом для реализации успешной бизнес-стратегии организации абсолютно не важно мужчина или женщина будет осуществлять трудовую деятельность и приближать компанию к намеченной цели. Основное внимание уделяется работоспособности, заложенному в человеке потенциалу, амбициям и стремлению к профессиональной и личностной реализации и гендерная принадлежность человека в подобной ситуации для организации теряет свою актуальность. Главный капитал предприятия – человек с его способностями и возможностями. «В XXI в. успешные компании будут считать человеческий капитал своим самым ценным имуществом» [1, с. 3]. Тем не менее, необходимо заметить, гендерная принадлежность сотрудников не важна самой организации, но менеджеру, притворяющему в жизнь основные знания и функции менеджмента, и стремящемуся к достижению своих и организационных целей стоит задаться вопросом, как верно осуществляется реализация этих управленческих функций для всех гендерных групп работающих под его началом?

Мировая система менеджмента признана универсальной для человека, но стоит повторно обратить внимание на тот факт, что в конце XIX в. – начале XX в. базовой, и почти единственной рабочей силой были мужчины. В результате актуальность гендерной специфики не имела места быть в сложной системе управления. Начало было положено мужчинами и проецировалось на мужчин, развиваясь, управление ресурсами, в том числе и человеческими, принимало в расчет только мужчин. Вторая волна феминизма, обусловленная признанием женщины трудовой единицей наравне с мужчиной, «нахлынула» лишь в 1960-е гг., когда уже сформировались и обозначились базовые школы менеджмента, были определены приоритеты развития системы управления и основные направления для ее изучения. Гендерной специфики для исследователей того периода фактически просто не существовало, а результатом стало развитие их идей и предложение новых абстрагированных от «гендера» и сведение его возможного влияния к минимуму. Безусловно, в защиту современной системы управления можно привести тот факт, что большинство управленцев и топ-менеджеров являются мужчинами и гендерная специфика здесь теряется, но ситуация изменяется, гендерные группы «проникают» во все структурные подразделения организаций, они управляют и ими управляют, и для достижения максимального положительного эффекта просто необходимо обратить внимание на гендерную принадлежность индивида.

Принимая во внимание процесс социализации человека, позволительно говорить о том, что представленный процесс явно различен в зависимости от того, какого пола человек, понимаемая индивидуумом его собственная гендерная принадлежность, формирует у него различные ценности, происходит своеобразное становление системы мотивации, проявляются индивидуальные подходы к трактованию различных управленческих функций и их воздействию на другого человека. С момента появления человека на свет, в зависимости от половой принадлежности, общество, культура, обычаи, традиции и т.п. определяют для него систему ценностей. Данная система представляет собой совокупность целевых ориентиров, которые человек «обязан» достичь в процессе своей жизнедеятельности. При этом ориентиры формируются для каждой гендерной группы различные и зачастую не сопоставимые по значимости для общества в целом, т.е. для мужчины одни, для женщины иные. Делая акцент на сказанном, можно предположить, что основные функции менеджмента, их соматическое понимание и их применение в отношении использования человеческих ресурсов различно в зависимости от гендерного самосознания индивидуума. В отношении общества к женщине и использованию ее трудового потенциала, особенно в российской действительности, прослеживается явный скептицизм и действие бытующих стереотипов, но в силу развития общественных взаимоотношений и, анализируя реалии сегодняшнего дня можно говорить о том, что женщина, как бы этому не сопротивлялись, представляет собой полноценный трудовой ресурс. Именно поэтому необходимо более углубленное изучение проблематики взаимосвязи «гендера» и управленческих функций.

Реальность сегодняшнего дня такова, что большинство исследователей в сфере менеджмента, если и не пренебрегают гендерными знаниями, то относятся к ним отстраненно, стараясь не принимать их во внимание. Тем не менее, проблематика взаимосвязи менеджмента и «гендера» все-таки заставляет обратить на себя внимание, хотя и не так откровенно. В российской действительности, одним из обративших внимание на подобную взаимосвязь является И.В. Грошев. Его исследования посвящены в своей основе рассмотрению гендерных отношений к власти и то-

му, как власть используется в зависимости от принадлежности к той или иной гендерной группе. В своих исследованиях он соприкасается со сферой управления и тем как оно осуществляется. Полученные им результаты, косвенно демонстрируют актуальность проблемы взаимосвязи «гендера» и менеджмента, в частности опубликованная им статья «Гендерные представления о власти» [3, с. 33–41], продемонстрировали различия в отношении к власти среди мужчин и женщин управленцев (более поздние работы представленного автора так же подтверждают первично полученные результаты). Опубликованные результаты исследований И.В. Грошева позволяют предположить, что если подходы к власти и ее использованию различаются в соответствии с половой принадлежностью индивида, то понимание функций менеджмента и их применение по отношению к человеку, возможно, так же понимаются с некоторыми различиями.

Функция мотивации понимается и реализуется в прямой зависимости от гендерной принадлежности человека, на данный аспект обратила внимание в своей статье В.М. Целуйко: «Мужчина и женщина в деловом мире: гендерные различия в менеджменте» [7, с. 764–771], где говорится о различиях предпосылок побуждающих человека к действию через рассмотрение мотивационной иерархии и делается акцент на различиях доминирующих мотивов у мужчин и женщин. Несколько похожие результаты обозначила в своей книге Бендас Т. В., опираясь на исследования мотивации достижения Мак-Клелланда, она говорит о том, что «женщины показывали более высокую мотивацию достижений в нейтральных условиях, а мужчинам для повышения мотивации нужна была специальная достиженческая интеллектуально-лидерская стимуляция. Для повышения мотивации женщины необходимы социальные стимулы (например, принятие группой)» [2, с. 216]. Авторы также указывают на различия в применении лидерами/руководителями различных стилей управления в зависимости от половой принадлежности. В частности, на данный факт указывает Т.В. Бендас: «в ходе экспериментальных исследований было установлено, что мужчинам действительно свойственен инструментальный стиль управления (направленный на решение трудовых задач), а для женщин – либо экспрессивный (направленный на командное взаимодействие), либо сочетание обоих стилей (в зависимости от пола партнера)» [2, с. 273].

На коммуникативные различия бизнесменов, в зависимости от их принадлежности той или иной гендерной группе, обращает внимание А.А. Чекалина. Она указывает на различия понимания вербальной и невербальной коммуникаций, что впоследствии может оказать негативное влияние на переговорный процесс бизнесменов различных полов и как следствие на сам бизнес переговоров сторон. В качестве подтверждения данного может выступать следующее: «Для мужчины прямой взгляд, точнее, частота его использования, определяется тем местом, которое бизнесмен занимает в иерархии отношений, и зависит от его статуса. Для дамы соответствующий невербальный знак коммуникации служит проявлением внимания к собеседнику, не более. Мужчины же склонны рассматривать его как демонстрацию сексуального интереса женщины по отношению к ним» [8, с. 74–75]. Исследования представленного характера пока не получили должного статуса, серьезной поддержки в научных кругах (хотя, работы затрагивающие проблематику взаимосвязи «гендера» и менеджмента становятся все более и более актуальными), как результат, менеджеры, работающие сегодня и их ближайшая смена, пренебрегают информацией, полученной в ходе анализа представленной проблематики. А это является непростительной ошибкой в современных условиях глобальной конкуренции.

Наука управления должна формироваться с учетом гендерной специфики человека. Мотивы, побуждающие к действиям мужчину, могут не только не сподвигнуть женщину к деятельности, но и способствовать развитию фрустрированного восприятия всей организации и организационной культуры. Методы властного воздействия, взаимодействие на «иерархической лестнице» мужчина и женщина также осуществляют в различных направлениях, мужчина направлен на индивидуализацию, женщине важна работа в команде (целевые ориентиры, продиктованные общественным устройством). А.А. Чекалина так же указывает на подобные различия: «В мужской организационной культуре доминирует стремление быть первым, а в женской – стремление быть обычным» [8, с. 80].

Затрагивая, важные для менеджмента, процессы планирования и контроля также допустимы предположения о различиях в понимании их функциональности. В качестве косвенного подтверждения подобных предположений можно вновь обратиться к А.А. Чекалиной: «Женщины, по сравнению с мужчинами-предпринимателями, ориентированы на устойчивые деловые стратегии и ведут свой бизнес более ответственно и осторожно; женщины, в отличие от мужчин, чаще рассматривают бизнес как возможность самореализации» [8, с. 79]. Для совершенствования науки управления необходимо осветить представленные аспекты в более широком формате и, базируясь на анализе определить степень расхождения восприятия данных функций менеджмента.

Подвергая сомнению универсальность осознания функциональной составляющей менеджмента по отношению к человеку и акцентируясь на прямой взаимосвязи управления и «гендера», можно говорить о необходимости проведения исследований, связанных с восприятием этих функций в зависимости от социо-половой принадлежности. Главное внимание исследователи должны уделять пониманию, применению и воздействию функций менеджмента относительно того, к какой гендерной группе принадлежит человек.

Список литературы

1. Адамс Б. Эффективное управление персоналом. М.: АСТ: Астрель, 2006.
2. Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб : Питер, 2006.
3. Грошев И. В. Гендерные представления о власти // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 33–41.
4. Кобьелл К. Виртуозный маркетинг. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

5. Кобьелл К., Хайнке Д. Без риска нет кайфа: путь к собственному бизнесу. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
6. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р. Режим доступа: <http://government.ru/docs/26698/>.
7. Целуйко В. М. Мужчина и женщина в деловом мире: гендерные различия в менеджменте // Молодежь и формирование гражданского общества в России. Волгоград: ПринТерра, 2006.
8. Чекалина А. А. Гендерная психология. М.: Ось-89, 2006.

ИММОРТАЛИСТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ИНДИВИДА КАК ФЕНОМЕН ЭЛИТАРНОСТИ

Федюлина Елена Владимировна,

аспирант, Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Рождение и смерть устанавливают границы физического существования всего живого. В этом отношении людям повезло меньше других, так как они – единственные из существ на Земле, которые заранее знают о своем жизненном лимите. И для каждого отдельного индивида всё то, что происходило «до» его жизненного цикла и то, что будет происходить «после» – является формальностью. Появление на свет рассматривается человеком как данность, а кончина воспринимается им как неизбежность. Но, далеко не все, «воспринимая», готовы «принять» мысль о собственном исходе и продолжают искать практические способы достижения бесконечности жизни. Тогда как в древнегреческой мифологии самым суровым наказанием для человека, к которому могли прибегнуть боги, являлась вечная жизнь. А персонаж китайской мифологии Чанъэ, которая почитаема в даосизме как Лунная богиня, выпила снадобье бессмертия, полагавшееся её мужу, и отправилась на Луну, где с тех пор жила в печальном одиночестве, не считая зайца, толкущего в ступке эликсир бессмертия. Здесь же вспомним и историю русского «несчастливого» Кощея Бессмертного. Мысль об индивидуальной бесконечности личности как чего-то предопределённого по сравнению с насыщенностью быстротечной жизни носит в преданиях отрицательное значение, так как оно выводит человека за пределы людского мира и становится его бременем.

Вместе с тем, если даже до конца придерживаться атеистической позиции, следует признать, что бессмертие – мечта человека, которая им движет с древнемифологических времен до наших дней, а значит, его эволюционная мечта. То есть даже если оно недостижимо сегодня, человечество к этому стремится. И поскольку человек является не только природным созданием, но и творцом своей реальности, то человечество всё более полно реализует это стремление: сперва в мысли, но и мысль – это уже шаг к практике [5, с.12]. И, действительно, постепенно вместо определения «ущербности» бессмертие человека приобретает определение «избранности», и в каком-то смысле даже «элитарности». Наиболее обосновано и структурировано в этом направлении стали размышлять отечественные философы-космисты (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, А.П. Сухово-Кобылин, В.Ф. Купревич и др.).

Николай Федорович Федоров (1829–1903 гг.) – создатель уникального учения и родоначальник русского космизма, в своём труде «Общее дело» философствовал о возможности достижения человечеством вечной жизни, используя передовые научные достижения и практический опыт.

В его проекте – и овладение природой, и переустройство человеческого организма, и управление космическими процессами, и, наконец, «воскрешение отцов», возвращение людям жизни, отнятой у них людьми или природой в процессе войн, голода, природных стихий и т.д. В деле «воскрешения» Н.Ф. Федоров отводит большую роль науке [1].

Последователь основных идей Н. Федорова – видный ученый, основоположник современной космонавтики Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935), в своих философских рассуждениях о бессмертии был более радикален:

«Все одолеет понемногу человек, но для этого необходимо его размножение, развитие техники и улучшение рода» [3, с. 28]. И в тот момент, когда наступает предел увеличения населения, мыслитель указывает на следующий этап: «Теперь размножение продолжается так же интенсивно, но многие остаются без потомства: именно, люди с разными недостатками. Все же прирост более вымирания, и потому избыток более совершенного населения отправляется за атмосферу и заполняет Солнечную систему» [3, с. 32]. В результате цель практически достигнута. «Искусственным подбором были образованы удивительно разнообразные типы существ. Конечно, был тип преобладающий, приспособленный к жизни в эфире, почти бессмертный, бесстрастный, весь проникнутый истиной и знанием космоса, всегда бодрый и работоспособный» [4, с. 115].

Вслед за космистами собственные размышления о вероятности продления человеческой жизни и обретения бессмертия с помощью научных открытий и изобретений строили и продолжают строить многие философы, как в России, так и за рубежом. И в первую очередь к ним следует отнести теоретиков трансгуманизма – поддерживающих философскую концепцию, согласно которой, используя достижения науки и технологий, возможно ликвидировать нежелательные факторы человеческого существования – болезни, старение и даже смерть. В своем современном значении понятие «трансгуманизм» впервые прозвучало в 1927 г. в труде биолога-эволюциониста Дж. Хаксли «Религия без откровений». В середине XX в. интерес к трансгуманистическим идеям на Западе заметно усиливается: в 1957 г. к ним вновь возвращается Хаксли и способствует введению термина «трансгуманизм» в обиход, выходят работы Р. Эттингера и Э. Купера о крионике как практическом направлении деятельности, собственную концепцию трансгуманизма разрабатывает и продвигает ирано-американский футуролог Ферейдун М. Эсфендиари (ФМ-2030).

В России наиболее авторитетным мыслителем в области трансгуманизма и иммортализма (от лат. immortalitas – «бессмертие», представляет систему взглядов, которая базируется на желании избежать физической смерти или предельно отдалить её, используя открытия точных наук) является доктор философских наук, профессор Игорь Владимирович Вишев. Он разработал авторскую концепцию практического бессмертия и внедрил в активный научный оборот понятия: «иммортология» – наука о бессмертии, «гомо имморталис» – человек бессмертный и «иммортотуанизм» – бессмертнический гуманизм.

В современном процессе дифференциации и интеграции наук особое место заняла иммортология (лат. im – без; mors, mortis – смерть) – наука о бессмертии. Определение ее предмета исследования и введение обозначающего его понятия было осуществлено еще более трети века тому назад. Новая наука, с одной стороны, подытожила и обобщила первые успехи в истории развития философии, прежде всего русской философской мысли, естественных, технических и социально-гуманитарных наук в преодолении фатальности смерти с конечной целью достижения реального личного бессмертия, а с другой стороны и вместе с тем, заложила действенные основания и предпосылки для дальнейшего приумножения этих успехов [2, с. 113].

Также И. Вишев определил в контексте иммортологии два фундаментальных раздела – исторический и теоретический. Последний – носит выраженный характер перехода от теории к практике.

В историческом разделе прослеживается смена представлений о бессмертии, которая трансформируется от мифологических и религиозно-пессимистических к религиозно-оптимистическим и от научно-пессимистических к научно-оптимистическим.

В теоретическом разделе рассматриваются: 1) философские основания нетрадиционной постановки и решения проблемы практического бессмертия человека и его реального воскрешения; 2) объективные, прежде всего социальные, факторы; 3) естественнонаучные и технико-технологические достижения; 4) нравственно-гуманистические, правовые и ценностные аспекты проблемы реального личного бессмертия и воскрешения человека, победы над его старением и смертью [2, с. 115].

И, как следствие, ученый приводит три главных этапа в борьбе со старением и смертью: 1) геронтологический – преодоление старости; 2) ювенологический – сохранение функций жизнедеятельности организма человека; 3) иммортологический – реализация индивидуального бессмертия и воскрешения человека.

Анализируя все вышесказанное, мы приходим к определенным выводам относительно имморталистических устремлений как феномена элитарности.

Во-первых, это личности самих теоретиков практического бессмертия. Все они являются высокообразованными, эрудированными и широко мыслящими людьми, во многом опережающими своё время. Н. Ф. Федоров был преподавателем, педагогом-новатором, деятелем библиотековедения. К.Э. Циолковский – учителем, изобретателем и основоположником теоретической космонавтики. Дж. Хаксли – биологом, политиком, создателем Синтетической теории, первым генеральным директором ЮНЕСКО. Р. Эттингер – физиком, естествоиспытателем, профессором университета, основателем крионики. Э. Купер – ученым, философом, основателем первой в мире крионической организации «Общество продления жизни». Ферейдун М. Эсфендиари – писателем, философом. И.В. Вишев является доктором философских наук, профессором, членом Академии гуманитарных наук. Обширные знания, изучение наследия предшественников, богатый личный опыт, свободомыслие и незыблемая вера в научный прогресс способствовали созданию этими людьми уникальных трудов, подчас понятых и принятых далеко не всеми, и не сразу.

Во-вторых, речь о продлении физического существования и достижения практического бессмертия в своих трудах философы ведут преимущественно в отношении именно человека, не акцентируя внимания на таких возможностях для других живых существ на планете. Такая постановка, возможно, указывает на «избранность» рода людского и его исключительное право на это, в виду его высокоорганизованности.

В-третьих, несмотря на то, что имморталистические теории адресованы человечеству в целом, внутри каждой, так или иначе, оговариваются нюансы, согласно которым, по тем или иным причинам (территориальным, демографическим, социальным и т.д.) не все индивиды способны достигнуть желаемой цели – бессмертия.

Таким образом, получается, что те, кто занимается разработкой проблем, связанных с практическим бессмертием, составляют определенный элитарный класс ученых, в связи с тем, что их идеи доступны не каждому. Во то время, как и имеющиеся достижения научно-технического прогресса в области продления жизни также малодоступны основной массе населения.

Здесь уместно привести наглядный пример. На сегодняшний день на сайте российского стратегического общественного движения «Россия 2045» (<http://www.2045.ru/>), нацеленного на эволюцию человечества и достижение вечного существования, на данный момент зарегистрировано всего около сорока четырех тысяч пользователей, тогда как население РФ составляет примерно сто сорок семь миллионов постоянных жителей. Выходит, что большая часть населения страны абсолютно не заинтересована вопросами достижения практического бессмертия.

Список литературы

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2003. 608 с.
2. Вишев И. В. Имортология – современный вызов смерти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 9. С. 112–118.
3. Циолковский К. Э. Будущее Земли и человечества. Режим доступа: <http://www.tsolkovsky.org/ru/kosmicheskayafilosofiya/budushhee-zemli-i-chelovechestva/> (дата обращения 21.11.2016).

4. Циолковский К. Э. Щит научной веры. М.: Самообразование, 2007. 450 с.
5. Щепановская Е. М. Проблема бессмертия в мифологии и философии // Холизм и здоровье. Жизнь, исцеление, воскресение. 2014. № 2. С. 10–17.

СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ АСТРАХАНИ

Бигалиева Амина Галимжановна,

*главный библиотекарь отдела редких книг и книжных памятников
Астраханской областной научной библиотеки имени Н.К. Крупской,
магистрант первого года обучения,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Киселева Юлия Александровна,

*главный библиотекарь отдела редких книг и книжных памятников
Астраханской областной научной библиотеки имени Н.К. Крупской,
магистрант первого года обучения,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

*...Города на земле создаются веками,
Города на земле создаются навек.
Их трудом и талантом, своими руками
Создает и растит для людей человек.
Э. В. Сарнацкий*

История региона – это не только наше прошлое. Это основа того, как наше общество будет выглядеть в будущем. Фундаментом общества выступают отдельные люди. Их жизнь, вклад в науку, культуру, образование, экономику определяют картину развития региона. Неизбежно интересна и притягательна судьба города, в котором каждая улица, здание, дом связаны с биографией удивительных людей, которые энергией всей жизни вписали свои имена в его историю. В преддверии празднования 300-летия Астраханской губернии уместно вспомнить об этих личностях.

300-летие Астраханской губернии – знаковое событие как для нашего региона, так и для всей страны. Эта знаменательная дата в истории нашего края, атрибут культурной памяти региона, момент из прошлого, которое помогает нам лучше разобраться в том, кем мы являемся сейчас, эффективнее структурировать прихотливый исторический процесс.

В рамках празднования реализуется множество проектов образовательного, культурного, исторического характера. Их объединяет общее название – «Астраханская губерния. 300 лет на службе России». Самыми значимыми из них являются: «Аллея славы земли Астраханской» (организатор – правительство Астраханской области), «Астрахань в прошлом и настоящем» (авторский проект Вадима Манькова), «Твоя родословная» (Агентство по делам архивов Астраханской области), «Авторы трудов об Астраханском крае» (Астраханская библиотека им. Н.К. Крупской) [9]. Основная цель всех культурных событий этого года заключается в возрождении, укреплении и умножении исторической памяти посредством увековечивания информации о знаменитых астраханцах, внёсших значительный вклад в развитие Астраханской области и России.

Астраханская библиотека им. Н.К. Крупской – хранилище культурной памяти региона, зеркало, отражающее в себе ход исторических событий прошлого и настоящего – не могла остаться в стороне от столь важного, значимого события. Целью создания нового интернет-проекта – краеведческого электронного ресурса «Авторы трудов об Астраханском крае» – является аккумуляция в одном месте сведений о печатных источниках, содержащих информацию об Астраханском крае и их авторах. Его герои – люди, которых объединяет интерес к нашей малой родине, чьи книги, исследования, дневники, письма посвящены разным периодам истории и сферам жизни Астраханского края [1].

Отдел редких книг и книжных памятников принимает активное участие в пополнении данного библиографического справочника. Работа с фондами предполагает изучение их происхождения, состава, выделяются отдельные личные собрания. Большим подспорьем в изучении происхождения фондов библиотек служат книжные знаки, владельческие и дарственные надписи, являющиеся связующим звеном между книгой и её владельцем. В большинстве случаев владельцами книг выступают представители культурной элиты страны и непосредственно региона.

В последние десятилетия в России, на фоне возрождения интереса широких слоёв населения к краеведению, происходит становление научного краеведения, так, в Астраханском государственном университете уже в течение ряда лет действует кафедра регионоведения, проходят разномасштабные краеведческие конференции, чтения, круглые столы, значительно увеличивается количество местных изданий краеведческой направленности, переиздаются книги прежних лет.

В рамках данной статьи остановимся на нескольких представителях подлинной культурной элиты астраханского региона, людях, полностью отдававших себя изучению Астраханского края. Это Михаил Самсонович Рыбушкин (1792–1849), Адольф Николаевич Штылько (1867–1922), Александр Исаевич Юхт (1917–1995). Для всех этих людей

2017 г. является юбилейным. Их имена отражены в календаре «Астраханский край: события и даты» на 2017 г., издаваемым ежегодно Астраханской областной научной библиотекой им. Н.К. Крупской [2, с. 13, 19, 31, 84, 97, 103, 41].

Михаил Самсонович Рыбушкин – педагог, журналист, историк, литератор, которого знал А.С. Пушкин, адъюнкт Казанского университета, директор народных училищ в Астраханской и Пензенской губернии [3, с. 4]. Он был неоднократно отмечен различными правительственными наградами и поощрениями как министерскими, так и губернско-го начальства. Михаила Самсоновича Рыбушкина исследователи называют «первым казанским журналистом». В 1832–1834 гг. он издавал в Казани журнал «Заволжский Муравей» – первое частное периодическое издание в регионе, ставшее крупным общественно-литературным явлением. В 1834 г. он опубликовал свою первую «настоящую» книгу: «Краткая история города Казани», активно сотрудничал в периодических изданиях «Казанский Вестник» и «Казанские Губернские Ведомости» [5, с. 433]. Для астраханцев имя Михаила Самсоновича известно благодаря его монументальному труду «Записки об Астрахани». В нем он постарался представить с наибольшей полнотой историю города, познакомить читателей с некоторыми малоизвестными фактами, тем более что, работая над «Записками», М.С. Рыбушкин использовал архив Губернского правления, в котором хранились многочисленные свитки, грамоты и другие бумаги начиная с XVI века. Подлинный экземпляр 1841 г. выпуска находится на хранении в фондах Астраханской областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской. Полная версия этого издания отсканирована и выставлена на сайте библиотеки в разделе «Астраханская краеведческая коллекция» [6]. К празднованию 450-летнего юбилея города был запущен проект «Астраханская губернская библиотека». Для его воплощения была проведена тщательная кропотливая работа по сбору материала и цифровизации объектов культурного наследия – известных произведений культуры и искусства, хранящихся в фондах астраханских музеев и библиотек. В рамках этого проекта в 2008 г. вышло 3-е дополненное издание, для которого был использован экземпляр 1841 г., хранящийся в фондах областной библиотеки. А 28 сентября 2016 г. библиотека провела Краеведческие чтения из цикла «Живая память», приуроченные к 175-летию выхода в свет книги Михаила Самсоновича Рыбушкина «Записки об Астрахани». Этот труд М.С. Рыбушкина является уникальным источником сведений об Астрахани, в котором описаны основные этапы и страницы истории Астраханской губернии.

Еще одним фундаментальным трудом по истории Астрахани является работа Адольфа Николаевича Штылько «Иллюстрированная Астрахань», изданная в Саратове в 1896 г., с рисунками художника и архитектора Адама Малаховского. Данный труд, как и труд М. Рыбушкина, является библиографической редкостью. И отрадно, что знаковые даты в истории нашего города отражаются в таких благих делах как переиздания краеведческой литературы, дают Книге второе рождение, перекидывая мостик из прошлого в будущее. В 2008 г. была переиздана и книга А.Н. Штылько.

Адольф Николаевич прожил удивительную жизнь, был разносторонне развитым человеком: рисовал, писал картины, увлекался фотографией, играл на скрипке, интересовался историей. Он мог часами засиживаться в Общественной библиотеке, изучая книги по истории нашего края. Штылько был членом Петровского общества исследователей Астраханского края, заведовал его библиотекой. Это членство дало ему возможность сблизиться с культурной элитой города своего времени, такими известными краеведами как Н.Ф. Леонтьев, С.Л. Никольский, К.Н. Малиновский. Будучи редактором «Астраханского вестника», Штылько выдерживал острую конкуренцию с «Астраханским листком», редактором которого был В.И. Склабинский, газета которого наряду с газетой А.Н. Штылько, является ценнейшим источником по региональной истории [4, с. 89–111]. Труды и воспоминания А.Н. Штылько отчётливо показывают, как стремительно менялся облик города на рубеже XIX – начала XX в. И сейчас его труды актуальны и востребованы современным читателем.

Александр Исаевич Юхт являлся подлинным представителем советской интеллигенции, выходцем из рабочей семьи. Он получил историческое образование в Ленинградском государственном университете, участвовал в Великой Отечественной войне. После демобилизации из армии в 1945 году Александр Исаевич жил и работал в Астрахани. Здесь он преподавал в педагогическом институте, занимался изучением истории нашего города, трудился над материалами местного архива. Российский историк Александр Александрович Преображенский, написавший об А.И. Юхте обширную статью, подмечает такой поразительный факт, что он «как бы родился исследователем и всего достиг сам, без руководящего участия наставников, старших товарищей». [8, с. 274–291]. Эта особенность и отличала Александра Исаевича от большинства его коллег. Юхту была присуща необыкновенная работоспособность и всеохватывающая любовь к истории. Сфера его научных интересов достаточно широкая: русская социально-экономическая и политическая история XVII–XVIII вв., история торговых связей России со странами Востока, источниковедение. Александр Исаевич ввёл в научный оборот много новых источников, в том числе комплекс астраханских таможенных книг XVIII в.

В отделе редких книг и книжных памятников Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской хранится немалое количество научных трудов Александра Исаевича Юхта. На таких книгах как «Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века)», «Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в.» присутствуют дружеские дарственные надписи, адресованные профессору Ушакову Николаю Михайловичу (впоследствии Н.М. Ушаков передал эти книги в фонды Отдела редких книг). Исследуя проблемы этносов Астраханского края, А.И. Юхт особенно пристально изучал формирование армянской колонии в Астрахани: на отсылке одной из его статей – «Восточная торговля России в 30–40-х годах XVIII в. и роль в ней армянских купцов» – имеется следующая дарственная надпись: «Уважаемому Тиграну Николаевичу Портнову на память о совместной работе в сельхозтехникуме. 4/03/1957 г. А. Юхт». Тигран Николаевич, также будучи одним из ярких представителей культурной элиты нашего края, консультировал своего коллегу по различным вопросам жизни и

быта армянского населения. Вклад А.И. Юхта в изучение Астраханского края: многочисленные статьи и монографии, представленные в краеведческом электронном ресурсе «Авторы трудов об Астраханском крае», разнообразен, обширен и затребован всё новыми и новыми исследователями региональной истории.

Мы попытались отразить историю города сквозь призму судеб отдельных представителей астраханской культурной элиты, которые видели неразрывную связь идеи, сформулированной М.С. Рыбушкиным в его «Записках» и отражающих взаимосвязь прошлого и настоящего, центра и периферии: «... История всякого края, города и местечка составляет уже звено, принадлежащее Истории Государства» [7, с. 6].

Список литературы

1. Авторы трудов об Астраханском крае. Режим доступа: (дата обращения 10.03.2017).
2. Астраханский край: события и даты на 2017 год // Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской. Астрахань, 2016. 156 с.
3. Марков А. С. Неизвестный Штылько // Записки астраханского краеведа. Астрахань, 2011.
4. Проекты в рамках празднования 300-летия Астраханской губернии. Режим доступа: <https://300.astrobibl.ru/projects> (дата обращения 14.03.2017).
5. Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. 3-е изд., доп. Астрахань: Волга, 2008. – 278 с.
6. Рыбушкин Михаил Самсонович // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и Эфрон. СПб., 1899. Т. XXVII.
7. Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. М.: тип. С. Селивановского, 1841. 221 с.
8. Творческий путь Александра Исаевича Юхта (1917–1995). К 80-летию со дня рождения // Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. М.: Русское слово, 2000.
9. Электронная библиотека «Астраханская краеведческая коллекция». Режим доступа: <http://aonb.astranet.ru/kk/col33.html> (дата обращения 01.03.2017).

IN VINO VERITAS: К ВОПРОСУ ОБ ЭЛИТНЫХ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКАХ

Демина Анастасия Владимировна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Черничкин Дмитрий Алексеевич,

*студент 4 курса «Мировая художественная культура»,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

С самых давних времен алкоголь всегда был неотъемлемой частью человеческой истории. Неизвестно когда появился первый алкогольный напиток, также как и неизвестно, кто его первооткрыватель. Скорее всего, появление спиртного – это случайность, а дальнейшее развитие алкогольного промысла, появление новых видов и элитных сортов продукции – результат постоянных совершенствований навыков и умений человека, которые передавались из рук в руки на протяжении всей истории человечества.

Первые напитки на основе брожения появились естественным путем еще во времена древних цивилизаций (Др. Египет, Др. Месопотамия, Др. Индия и т.д.), когда люди заметили, что потребление испорченных, чуть сгнивших фруктов и ягод может вызывать приятное воздействие на организм [4, с. 13]. Далее, с развитием виноградно-делового дела, приблизительно в III тыс. до н. э., в ряде регионов стремительно распространяется напиток, по виду чем-то напоминающий современное пиво [4, с. 17]. Со временем люди постоянно совершенствовали процессы брожения и дистилляции спирта, чтобы улучшить характеристики получаемого в итоге алкогольного напитка. Эти методы применяются и в наши дни, но уже с использованием современных технологий. Изобретательность всегда была присуща человеческой деятельности. С помощью различных естественных и искусственных добавок, а также методик изготовления сула сегодня существует не менее 100 видов¹ алкогольной продукции [5, с. 24]. Как известно, спрос рождает предложение, который, в свою очередь, обуславливает современное разнообразие алкогольной продукции на рынке, призванное угодить вкусам потребителя. Однако на вопрос, какой именно алкоголь отнести к элитному, не могут ответить даже современные сомелье, владельцы алкогольных бутиков и производители брендовых алкогольных марок. Причина такого затруднения, прежде всего, заключается в том, что каждая страна – экспортёр полагает, что алкоголь, который производится ею и считается национальным, априори является элитным. Такой продукт обязательно имеет интересную вековую историю, многолетние традиции производства и эксклюзивную дорогую упаковку (например, бельгийский эль «Leffe» или вино «Romance Conti DRC» урожая 1934 г.) [2, с. 47].

Кроме культурно – географической принадлежности того или иного алкогольного напитка, претендующего на звание элитного, немаловажную роль в определении его степени элитности играет ценовая политика. Здесь, на первый взгляд, проявляется простая логическая закономерность: чем алкогольный напиток дороже, тем он элитнее. Однако, принимать во внимание стоимость алкогольного продукта в качестве одного из основных критериев, вряд ли, представляется целесообразным, так как цена, в принципе, не может быть сколько-нибудь главным показателем элитности, потому что она, по своей природе, имеет значительную маркетинговую составляющую. Так, теоретиче-

¹ Помимо общеизвестных, существуют такие алкогольные напитки как: тонгба, чича, голденрот, цсонгсул, мольорт и т.д.

ски, с помощью грамотной рекламы, практически любой продукт (необязательно алкогольный и необязательно качественный) возможно продать за высокую стоимость. Тем не менее, в условиях российских реалий ценовая политика нередко напрямую влияет на статус конкретного алкогольного напитка, особенно, если стоимость касается импортируемой продукции. К примеру, средняя цена таких брендовых напитков как «Gold Label», «Valdo№10», «Captain Rum», «Hennessy Richard» и др. варьируется от 7 тыс. до почти 130 тыс. рублей. Для сравнения проиллюстрируем ценовую категорию российских элитных алкогольных напитков: водка «Русский стандарт», вино «Массандра», коньяк «Багратион ОС 20 л.». Их цена начинается от 2 тыс. рублей и достигает 5,5 тыс. рублей.

Одну из интересных характеристик элитного алкогольного напитка дал Билл Маттео, экс-директор крупной компании «Maxxium Russia», российского подразделения международного альянса компаний-производителей крепкого алкоголя Beam Suntory Inc. и The Edrington Group [9]. Б. Маттео полагает, что любой элитный, «люксовый» продукт в России, – это «продукт, доступный лишь избранным, и цена, зачастую, – основная причина его недоступности» [3, с. 1]. В свою очередь, Б. Маттео подчеркивает, что уровень российских цен иногда возносит продукт в ранг элитных. Таким образом, элитные продукты – это «те товары (в том числе и алкоголь), которые на Западе, несомненно, воспринимаются как престижные и почитаемые, благодаря своему высокому качеству, но, при этом, могут быть доступны и простому заводскому рабочему, и представителю среднего класса, если они пожелают на них потратиться» [3, с. 1]. Относительно показателя элитности алкогольной продукции, как в России, так и за рубежом, Б. Маттео считает, что «в определении словосочетания «элитный алкоголь» должны быть в наличии: история напитка, вековые традиции, благодаря которым он был создан, качество, исключительно малый тираж при выпуске, ну, и цена, соответственно» [3, с. 2]. Согласно тезису Б. Маттео, таким образом, к элитным алкогольным напиткам можно отнести: крымское вино «Массандра Кокур» и итальянское вино «Lambrusco». Еще одним показателем элитности алкогольного напитка, тесно связанным с ценовой политикой, можно считать брендовость такого продукта. Американская маркетинговая ассоциация (AMA) дает следующее определение: «Бренд — это имя, термин, дизайн, символ или любая другая характеристика, которая идентифицирует товар или сервис продавца как отличающийся от товаров или сервисов других продавцов» [8, с. 2].

Таким образом, становится очевидным тот факт, что, определяя алкогольный напиток как элитный, мы невольно соотносим его не только с высоким качеством, но и с ценой, являющейся, как минимум, выше среднего. Показательной, в данном случае, является ситуация с известным ликером «D'Amalfi Limoncello Supreme». Данный ликер считается самым дорогим алкогольным напитком в мире, поскольку его стоимость составляет более 43,6 млн. долларов [1, с. 84]. Причина такой высокой цены объясняется, по большей части, дизайном бутылки ликера: «D'Amalfi Limoncello Supreme» украшают 4 алмазами, 3 из которых определяются как драгоценные камни в 12 карат, а четвертый алмаз – в 18,5 карат [1, с. 84]. Кроме того, тираж D'Amalfi Limoncello Supreme составляет всего 2 экземпляра, один из которых был приобретен неизвестным коллекционером, в то время как вторая бутылка самого дорогого в мире ликера еще не нашла своего покупателя [1, с. 84].

Еще одним элитным алкогольным напитком, однако, более скромным в отношении своей цены, можно считать виски «Isabella's Islay». Это старый солодовый виски, являющийся одним из лучших односолодовых скотчей, производимых компанией «Luxury Beverage» на острове Айла (Остров Виски), который располагается на западном побережье Шотландии [1, с. 85].

Розничный покупатель, желающий приобрести виски «Isabella's Islay» должен будет потратить около 740 тыс. долларов за одну бутылку [1, с. 85]. Однако истинному коллекционеру, желающему приобрести экземпляр «Isabella's Islay» в качестве своеобразного произведения ювелирного искусства, придется потратить примерно 6,2 млн долларов за экземпляр в силу того, что бутылка «Isabella's Islay» в данном случае будет изготовлена из хрусталя высочайшего качества и инкрустирована драгоценными камнями (бриллиантами и рубинами), а также белым золотом [1, с. 86].

Осветив в рамках данной статьи проблему элитной алкогольной продукции, мы можем сделать следующие выводы. Важным критерием для определения степени элитности того или иного алкогольного напитка можно считать, во-первых, качество данного продукта. Немаловажными показателями также являются история и традиции изготовления элитного напитка, а также дизайн упаковки, который зачастую определяется брендовой торговой маркой и соответствующей ценой. Однако, как показывает ситуация на современном рынке алкогольной продукции, основополагающими показателями элитности алкоголя, в первую очередь, выступает цена и марка алкогольного продукта, так как они априори подразумевают наличие интересной истории и, зачастую, многовековую традицию изготовления, так называемую «легенду бренда».

Список литературы

1. Гусев И. Коньяк, виски, текила, абсент... М.: АСТ, 2008. С. 58–61.
2. Дубровин И. Все о спиртных напитках. СПб : Терра – Книжный клуб, 2002. С. 47–54.
3. Тузмухамедов Э. Пить по понятиям, или Что такое «элитный алкоголь». 2009. 3 с. Режим доступа: <http://drinktime.ru/library/24928.shtml>.
4. Курукин И., Никулина Е. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. 133 с.
5. Кародигин Г. Книга о водке и виноделии. Урал : ЛТД, 2000. С. 13–17.
6. Пакетт М., Хэмек Д. Вино. Практический путеводитель. М.: КоЛибри, 2016.
7. Похлебкин В. В. История водки. М.: Центрполиграф, 2005. 160 с.
8. American Marketing Association, Marketing Definitions: A Glossary of Marketing. AMA, Chicago, IL, 1960. Режим доступа: <http://www.ama.org>.
9. Maxxium Russia. Официальный сайт компании. Режим доступа: <http://www.maxxium.ru>.

ЛИТЕРАТУРА ФЭНТЕЗИ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭЛИТАРНОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУР

Демина Анастасия Владимировна,
кандидат философских наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Проблема соотношения элитарной и массовой культур, а также анализ их социально-функциональных признаков является одним из животрепещущих вопросов в культурологии. Интерес к данному вопросу, в немалой степени, обусловлен тем фактом, что многие феномены и явления в современной культуре обладают «пограничным» характером в силу того, что их достаточно проблематично отнести строго к массовой или элитарной культурам. Одним из таких интересных социокультурных феноменов сегодня является фэнтези. Представляя собой многогранное культурное явление, некий мысленный конструкт, основанный на фантастическом (магическом) допущении, фэнтези в настоящее время, перешагнув рамки беллетристики, успешно абсорбировалось в смежные с литературой отрасли современной культуры (кинематограф, изобразительное искусство, музыка, индустрия досуга, компьютерные игры и пр.) [3]. В силу массового характера производства и широкой популярности в фэнтези, на первый взгляд, сложно обнаружить черты элитарности. Так ли это?

Для того чтобы попытаться ответить на данный вопрос, следует вначале обозначить функциональные особенности массового и элитарного как социокультурных характеристик современной эпохи. В культурологии принято поляризовать элитарную и массовую культуры, анализируя их в контексте функциональных различий. Одной из классических точек зрения в этом плане является позиция испанского мыслителя Х. Ортега-и-Гассета, который на страницах своих работ «Дегуманизация искусства» и «Восстание масс» разработал одну из самых критичных теорий массового общества как объединения элитарного меньшинства творческих индивидуумов и усредненных, неспособных на индивидуальное созидание масс (толпы) [7, 8].

Сегодня, несмотря на относительную популярность теории испанского мыслителя, в гуманитарном знании заметными становятся альтернативные, менее радикальные концепции массовой и элитарных культур. К примеру, один из ведущих отечественных культурологов А.Я. Флиер полагает, что массовая культура является необходимым этапом социокультурного развития человечества, заключая в себе функцию своеобразного ретранслятора, «переводчика» с языка узкоспециализированных элит на язык широких масс [10]. Элитарную культуру А.Я. Флиер рекомендует называть креативной, так как она «по своей социальной функции ориентирована преимущественно на специализированное производство» [11, с. 502]. Производителями продуктов элитарной культуры выступают специально обученные люди, профессионалы, мастера своего дела, поэтому главной отличительной особенностью данной культуры является высокое качество и платформа для создания новых смыслов [11, с. 502]. В соответствии с этой позицией высококачественные образцы фэнтези-культуры можно отнести к продуктам элитарного творчества. В частности, речь идет о трилогии английского профессора-лингвиста Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец», ставшей эталонным клише для развития фэнтезийной литературы.

В свою очередь, массовая культура, с точки зрения А.Я. Флиера, «ориентирована преимущественно на потребление – материальное, информационное, художественное и пр. Это культура толпы..., людей, объединенных случайно, обстоятельствами ситуативно возникшего краткого общего интереса [11, с. 503]. Такая культура не производит собственные уникальные продукты, прибегая обычно к услугам специализированных производителей или действуя на основе элитарного артефакта. В русле данного тезиса мы можем говорить о культуре фэнтезийного фанфикшена – самодельного литературного творчества представителей сообщества поклонников (фанатов) творчества какого-либо писателя, режиссера и т.п. или конкретного произведения конкретного создателя. Продукция фанфикшен (фанфики), как правило, размещается в свободном доступе в сети Интернет. По мнению ряда исследователей, субкультура фанфикшен стимулировала в своем развитии появление так называемого «инфантильного фэнтези», ведущего, в частности, к дегероизации фэнтезийного героя, потере индивидуального, элитарного начала. Таким образом, мы видим, что фэнтези одновременно транслирует как функцию элитарной культуры – «создание информации в целях развития общества» [4, с. 41], так и функцию массовой культуры – «обмен тавтологичной информацией в целях поддержания социальной солидарности» [Там же].

Рассматривая фэнтези в качестве своеобразного «межевого столба» на перекрестке массовой и элитарной культур, обратимся к наиболее типичным характеристикам данных типов культуры. Безусловно, к наиболее знаковым особенностям элитарной культуры следует отнести качество, уникальность продукции, а также сложность, многогранность исполнения и создание новых смысловых и культурных пластов. Такого рода черты мы обнаруживаем в высококачественных образцах фэнтези-индустрии. К примеру, изданный впервые в 1954 году, роман Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» за шестьдесят лет стал эталоном, классикой и отправной точкой для развития литературного жанра фэнтези. Уникальность произведения английского профессора заключается, по выражению отечественного исследователя М.И. Мещеряковой в том, что Дж.Р.Р. Толкину «удалось сконструировать и сделать эстетически полноценным целостный условный мир, объединенный центральной этико-географической мыслью (точнее – типом миропонимания и мироощущения)» [6, с. 295]. Мастерски переплавленные в единое художественное пространство мифологические системы (кельтско-британская, скандинавская и пр.) и евангельские сюжеты сформировали многоуровневую и многоликую структуру «Властелина колец». Сенсационная популярность романа Дж. Р.Р. Толкина отра-

зилась не только на векторе развития фэнтезийной литературы, но и повлияла, в частности, на формирование качественного фэнтезийного кинематографа. Выпущенная в мировой кинопрокат в начале 2000-х одноименная трилогия новозеландского режиссера П. Джексона, во многом задавала планку в мировом фантастическом кино, о чем свидетельствует внушительная череда наград для киноленты (17 премий «Оскар» из 30 номинаций) [1].

При анализе массовой культуры в качестве ее смыслообразующих особенностей целесообразно выделить следующие характеристики: массовое, коммерческое производство, простота в понимании, тенденция к мифотворчеству, ориентация на широкий охват целевой аудитории, развлекательный характер. Данные черты в полной мере присущи продуктам фэнтезийной культуры. В русле философско-культурологического анализа тенденций современной постмодернистской культуры отечественный исследователь Т.А. Савицкая трактует фэнтези как «тренд глобальной культуры» [9], а любой современный культурный тренд непременно коммерчески выдержан и ориентирован на массовое производство. В рамках фэнтезийной индустрии в этом плане показателен следующий пример: по утверждению зарубежного культуролога Л. Гарднера, за последние полвека более 50 000 000 людей приобрели трилогию «Властелин колец» [2, с. 274]. Данная цифра может также иллюстрировать ситуацию широчайшего охвата любителей и ценителей фэнтези, то есть целевой аудитории. Простота понимания и занимательность фэнтезийных сюжетов, образов и героев объясняется, во многом, смысловым синтезом литературно-сказочного и мифологического наследия разных народов. Это, в свою очередь, указывает на мифотворческий характер фэнтези, ориентацию на иррациональное и коллективное бессознательное, что также, во многом, является показателем массовой культуры, так как способствует сравнительно легкому и быстрому пониманию предметов массовой культуры. Фэнтези, по своей природе, не просто мифологично, но и архетипично, поскольку создатели фэнтези-продуктов широко эксплуатируют и трансформируют в своих произведениях коллективные ментальные образы-матрицы (архетипы). Здесь уместно вспомнить К.Г. Юнга, который, обосновывая свою теорию коллективного бессознательного в культуре, подчеркивал, что архетипы – это «коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок» [12, с. 79]. Развлекательный характер подавляющего большинства фэнтезийных продуктов замечен невооруженным глазом, о чем свидетельствует широкое и довольно успешное проникновение фэнтезийных идей в индустрию досуга и развлечений. К примеру, в сфере кинематографа данный тезис подтверждается тем фактом, что ни один премьерный сезон в мировом кинопрокате не обходится без ярких, зрелищных и увлекательных кинокартин фэнтезийного содержания. За последние двадцать лет режиссеры представили зрителям на большом экране такие известные фэнтези-киноленты, как «Властелин колец» (3 фильма), «Хоббит» (3 фильма), «Звездные войны» (8 фильмов), «Хроники Нарнии» (3 фильма), «Гарри Поттер» (8 фильмов), «Сумерки» (5 фильмов), «Люди Икс» (9 фильмов) и т.д.

Рассуждать о характере и функциональной природе фэнтези в русле массовой и элитарной культур можно долго и плодотворно. Как мы видим, фэнтези, являясь интересным и динамично развивающимся процессом в современном социокультурном пространстве, занимает своеобразное «перекрестное», межевое положение, органично сочетая в себе черты элитарности и массовости. При подведении итога размышлению над данной проблемой в рамках статьи следует отметить, что жесткая поляризация массового и элитарного начал в современной культуре является, во многом, условной. По словам А.Я. Флиера, массовая культура «поставляет элитарной наиболее успешные формы» [11, с. 511], позволяющие элитарной культуре существовать в современных условиях тотального производства и потребления. В свою очередь, «элитарная культура поставляет массовой культурные смыслы и содержательные паттерны, которые сама массовая культура не в состоянии породить» [11, с. 512]. Таким образом, диалог между элитарной и массовой культурами не только возможен, он уже идет полным ходом, воплощаясь в динамичных и неоднозначных культурных процессах и явлениях, таких, как, например, фэнтези.

Список литературы

1. The Lord of the Rings: The motion picture trilogy. Режим доступа: <http://www.lordoftherings.net/home.htm>.
2. Гарднер Л. Царства властителей колец. По ту сторону сумеречного мира. М., 2003. 352 с.
3. Демина А. В. Феномен фэнтези в современной культуре: философский анализ. Астрахань, 2015. 156 с.
4. Костина А. В. Традиционная, элитарная и массовая культура: условия возникновения и особенности функционирования в условиях современности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2013. № 2 (26). С. 39–45.
5. Лосева М. А., Козлова О. Д. Миры фэнтези: игровые сообщества в современном культурном пространстве // Новые традиции: монография / под ред. Е. Э. Суровой и С. А. Рассединой. СПб.: Петрополис, 2009. 372 с.
6. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века: проблемы поэтики. М., 1997. 381 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: АСТ, 2008. 192 с.
8. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. М.: АСТ, 20016. 256 с.
9. Савицкая Т. А. Фэнтези: становление глобального жанра // Культура в современном мире. 2012. № 2. Режим доступа: <http://infoculture.rsl.ru>.
10. Флиер А. Я. Социальные основания массовой культуры // Культурология для культурологов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 492 с.
11. Флиер А. Я. Элитарная, народная и массовая культуры: диалог на эшафоте // Культурология 20–11 / под ред. А. Я. Флиера. М.: Согласие, 2011. 560 с.
12. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.

АВТОРСКОЕ КИНО КАК ЭЛЕМЕНТ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Кусмидинова Мария Харисовна,

кандидат философских наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Анализ кинопроцесса XX в. показывает, что среди разных направлений и течений особый интерес вызывает феномен «авторское кино». Именно авторское кино нашло свой собственный путь постижения и показа действительности, переживания настоящего и перехода из прошлого в будущее в поисках ответов на существенные философские вопросы

«Авторское кино» стимулировало развитие мирового кинематографа, став мощным критерием познания. Именно оно создало интеллект кинематографа, сделав инструментом исследования действительности достижения гуманитарных наук наряду с киноязыком. Исследование феномена «авторского кино» помогает увидеть и понять его образ, его поэтику в таком ракурсе, чтобы его идеи всегда были для зрителя актуальными и доступными. Мастера авторского кино для показа реального мира и исследования человека помимо своего жизненного опыта применяли и применяют научную мысль. Исходя из этого анализ авторского фильма надо вести не только с позиции киноведения, но и с позиции эстетики, философии, психоанализа и постструктурализма. Авторское кино, являясь интеллектуальным, представляет собой некий особый способ мышления.

В настоящее время среди зрителей популярно разграничение кинематографа на мейнстримовое кино и авторское. Мейнстрим (англ. *mainstream*) – как правило, основной поток, главное направление. Применительно к кинематографу – это наиболее популярная его форма, соответственно имеющая большую часть зрителей. Авторское – это понятие, под которым кинозритель подразумевает преобладание в картинах художественного начала, от зрителей авторского фильма требуется большая концентрация внимания на эстетическом и интеллектуальном компонентах фильма.

Авторское российское кино на данный момент сталкивается с некоторыми проблемами как теоретическими (такими как схожесть понятий «авторское кино», «арт-хаус» и большое количество критических статей эпистолярного жанра от непрофессиональных кинокритиков), так и практическими (такие как продвижения авторского отечественного фильма в России и за рубежом до подготовки профессиональных кадров в киноиндустрии). Так как объем данной статьи не позволяет осветить весь спектр проблем авторского кино, автором статьи было принято решение сосредоточиться только на практических проблемах отечественного авторского кинопроизводства.

Безусловно, для повышения авторитета и интереса к российскому кинематографу, как за рубежом, так и в собственной стране, необходимы меры его популяризации. В последнее время правительство активно занимается этим вопросом и 2016 г., официально объявленный годом Российского кино, в рамках которого было проведено много массовых мероприятий, направленных на продвижение продукции отечественной киноиндустрии, является ярким примером. В процессе разработки стратегии и концепции года Российского кино, чиновники из Министерства культуры вернулись к проблеме отсутствия российских художественных фильмов в списках программы «Память мира». Память мира (Memory of the World) – один из старейших международных проектов по созданию электронной коллекции памятников культуры. Он был инициирован ЮНЕСКО в рамках программы по защите и сохранению всемирного документального наследия, учрежденной в 1992 г. [2]. На данный момент в программе представлено около 800 кинематографических картин из 49 стран. Попадание кинолент в реестр не только предлагает уникальные условия хранения и распространения копий фильмов, но и повышает престиж национального кинематографа. К сожалению, киноленты отечественных режиссеров в вышеупомянутой программе ЮНЕСКО отсутствуют, в то время, как Франция в ней представлена фильмами братьев Л.Ж. и О.Л.М.Н. Люмьер, США – фильмом «Волшебник страны Оз» (реж. В. Флеминг, 1939 г.), Германия – фильмом «Метрополис» (реж. Ф. Ланг, 1927 г.), Великобритания – фильмом «Битва на Сомме» (1939 г.) и т.д. В начале 1990-х гг., когда формировался фонд «Памяти», от российской стороны не подали списки национального кинематографического наследия. Сложно судить о причинах такой общественной апатии и неадекватности, но на сегодня попасть в список данной программы гораздо сложнее. В декабре 2015 г. редакцией журнала «Сеанс» и Госфильмофондом России был подготовлен список отечественных кинолент для проекта «Память мира», который включает 15 картин:

- «Броненосец «Потемкин»» и «Иван Грозный», реж. Сергей Эйзенштейн, 1925 и 1944–1946 гг.
- «Андрей Рублев» и «Зеркало», реж. Андрей Тарковский, 1966 и 1974 гг.;
- «Мой друг Иван Лапшин» и «20 дней без войны», реж. Алексей Герман, 1976 и 1984 гг.;
- «Застава Ильича», реж. Марлен Хуциев, 1963 г.;
- «Начало», реж. Глеб Памфилов, 1970 г.;
- «Летят журавли», реж. Михаил Калатозов, 1957 г.;
- «Неоконченная пьеса для механического пианино», реж. Никита Михалков, 1977 г.;
- «Баллада о солдате», реж. Григорий Чухрай, 1959 г.;
- «Окраина», реж. Борис Барнет, 1933 г.;
- «Судьба человека», реж. Сергей Бондарчук, 1959 г.;
- «Жил певчий дрозд», реж. Отар Иоселиани, 1970 г.;
- «Астенический синдром», реж. Кира Муратова, 1989 г. [3].

На данный момент решение по поводу вышеперечисленных кинокартин не принято.

Одной из самых интересных и эффективных мер популяризации кино являются Фестивали и Недели российского кино. Так, в 2016 г. было проведено более 10 таких мероприятий, что идентично показателям 2013 – 2014 гг. Неделя Российского кино в Лондоне, Фестиваль «Русское возрождение» (Австралия), Фестиваль Российского документального кино в Нью-Йорке, Фестиваль Российского кино в Китае, Неделя Русского кино в Берлине, Российский кинофестиваль в Стокгольме и Упсале «Кино Рюрик», Княжество Монако – вот название далеко не всех этих проектов. Для получения более полной картины о повышении интереса к российскому авторскому кино необходимо рассмотреть отечественные кинофестивали, но в данной статье не будут рассмотрены фестивали категории А [4], так как доступ для большинства зрителей в таких мероприятиях по разным причинам бывает ограничен. Целесообразней будет рассмотреть кинофестивали более «скромной» категории, такие как Международный фестиваль документального кино «Артдокфест», Всероссийский кинофестиваль авторского короткометражного кино «Артикино» и Фестиваль авторского кино «Полный архаус», так как оказаться зрителем таких мероприятий гораздо проще. Миссия данных мероприятий (фестивалей и недель российского кино) одинакова – вновь сделать востребованным авторское отечественное кино. Но в реализации этой миссии есть маленькие нюансы, которые необходимо учитывать. Во-первых, программа данных кинофестивалей интересна как с точки зрения кинолента, так и с точки зрения новых имен, но вот ее исполнение не всегда на высоком уровне. В рамках таких мероприятий предусматривается кроме традиционного показа кинокартин и непосредственного общения с автором/актером фильма, обсуждение данной картины с кинокритиками/жюри фестиваля, проведение мастер-классов и т.д., но это не всегда оправдывает ожидания зрителей, возможно, из-за финансовых, организационных или других проблем. В результате такого непрофессионального маркетинга нарушается и делается неинтересным процесс коммуникации с кинозрителем, а иногда и вовсе прекращается. Во-вторых, в настоящее время молодой зритель, а, как правило, эта категория в зрительном зале представлена более многочисленно, к сожалению, в большинстве своем не владеет умениями и навыками интеграции, оценки и анализа медиатекста. В средних образовательных учреждениях не выделяют часы для отработки таких навыков, а ведь знание киноязыка, жестов, киноистории напрямую влияют на понимания авторской кинокартины. Профессор Б.М. Неменский пишет: «Вне языка, вне художественного образа, вообще не существует содержания, оно не может быть выражено. Человек, не знающий языка данного искусства, не может адекватно воспринимать его содержание» [1, с. 9]. Российский кинорежиссер и сценарист Александр Митта в своей статье «Кинообразование в России» обращает внимание на тот факт, что в нашей стране нет полноценной системы курсов и факультативов по современному кино, в результате чего, киномолодежь отличается эстетическим провинциализмом, старомодностью и неумением решать современные проблемы [5]. Если кинозритель будет владеть такими навыками, то и интерес к авторскому кино возрастет, так как уже гораздо реже будут давать такие шаблонные оценки этому явлению как – «не понятное кино», «скучное кино», «странное кино» и т.д. Таким образом, содержание образования в области экранных искусств определяется необходимостью формирования экранной грамотности, а затем и экранной культуры, как неотъемлемого качества художественно образованной личности.

Кадровая проблема – одна из самых серьезных проблем отечественной киноиндустрии, которая во многом обуславливает ее развитие: по всему спектру профессий, необходимых для производства кино- и телеконтента, существует определенный дефицит. Причина заключается в том, что запрос зрителя соответствует развитию современных информационных технологий, а подготовка кадров, сама система кинообразования не успевает отвечать на вызовы индустрии. Наряду с этой проблемой прослеживается и отсутствие жесткой профессиональной конкуренции в отечественном кинобизнесе.

Сегодня молодой российский режиссер просто не готов к созданию полнометражного фильма. Весь его предыдущий опыт связан с небольшим количеством короткометражек, удаленных от кинопроизводства. Для подготовки большого грамотного фильма этого недостаточно. Люди не представляют, в какой мир они попадают, не знакомы с тенденциями и течениями современного мирового кино. В одном только арт-хаусе сегодня масса течений, которые между собой перекликаются и взаимодействуют. Студенты европейских вузов варятся в этом соку, посещают множество курсов, мастер-классов и летних семинаров. На любом европейском фестивале всегда полным-полно студентов со всего мира, только не из России [6].

По своему художественному потенциалу и общественному значению, авторское кино играет одну из значимых ролей в современной культуре. Интерпретация философско-эстетического своеобразия авторских фильмов дело не простое, но именно умение интерпретации позволяет понять и оценить авторскую идею. Молодое поколение наших соотечественников являются довольно активными зрителями, они с регулярностью посещают кинопремьеры в кинотеатрах или ждут их появления в глобальной сети **Internet**, но зачастую выбирают иностранные кинопроекты. Данный факт говорит о своеобразном кризисе отечественного кинематографа, в том числе и авторского кино. Для решения этого кризиса стоит разработать поэтапную программу на государственном уровне, в которой предлагались варианты решения таких проблем как: ответственность государства за сохранение и развитие отечественного кинематографа; обеспечение условий для создания качественных фильмов, соответствующих критериям авторского кино; широкий ликбез в области авторского и интеллектуального кино среди широких масс; популяризация авторских фильмов в России и за рубежом организованная на высоком уровне.

Список литературы

1. Баженова Л. М. Содержание и структура вариативных моделей изучения экранных искусств в школе // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций / отв. ред. К. Э. Разлогов и А. В. Федоров. М.: Российский институт культурологии, 2012. С. 9
2. Память мира. Общие руководящие принципы сохранения документального наследия. Режим доступа: <http://ru.unesco.org>.
3. 15 советских картин попали в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Режим доступа: <http://gosfilmfond.ru>.
4. Кинофестиваль Категории «А» – это фестиваль, принадлежащий к группе наиболее престижных в мире. В конкурсе данных кинофестивалей могут участвовать фильмы, не участвовавшие прежде в других кинофестивалях. Кинофестивали Категории «А» по "общемировому признанию": Берлин (Berlin), Венеция (Venice), Канн (Cannes), Карловы Вары (Karlovvy Vary), Локарно (Locarno), Роттердам (Rotterdam), Сан-Себастьян (St. Sebastian), Сандэнс (Sundance), Торонто (Toronto).
5. Митта А. «Кинообразование в России» Киношкола Александры Митты. Режим доступа: <http://mitta.ru>.
6. Митта А. Культурный обмен на ОТР. Режим доступа: <http://mitta.ru>.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В ПРОСТРАНСТВЕ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ (по материалам практики учебных полевых исследований)

Марисова Наталия Дмитриевна,

кандидат педагогических наук, доцент,

*председатель регионального отделения Всероссийской ассоциации искусствоведов
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В ходе вузовской подготовки студентов-культурологов (специальность «Учитель Мировой художественной культуры») изучаются спецкурсы, направленные на знакомство обучающихся с проблемами краеведческого характера. Один из них – спецкурс «Художественная культура Астрахани». Он предлагается для изучения студентам третьего курса, которые к этому времени знакомы с общей теорией и историей искусства, особенностями изучения проблем сохранения культурного наследия, методикой преподавания школьной учебной дисциплины «Мировая художественная культура», основанной на методе художественно-педагогической драматургии Л.М. Предтеченской [9, с. 124–226]. Сформированные к этому времени компетенции выстраивания и обоснования целеполагания педагогической коммуникации, самостоятельной работы с разного вида источниками позволяют преподавателю в рамках методики учебного взаимодействия активизировать формирование умений и навыков студентов по сбору, обработке и систематизации нарративного материала, особенно когда дело касается проблем, недостаточно освещенных в публикациях научно-исследовательского характера. В нашем случае эти компетенции были особо востребованы при изучении раздела «Хореографическое искусство региона»: мозговой штурм, направленный на поиск источников информации (публикаций и нарратива), позволил составить карту маршрутов для поисков нарративного исследовательского материала. Встреча с Заслуженным работником культуры РФ, балетмейстером-постановщиком Н.В. Киндяковой, которая в ходе беседы обозначила основные вехи развития хореографического искусства в регионе, помогла погрузиться в мир профессионального анализа ценностно-творческой составляющей исполнительского мастерства, расширить зону исследовательских поисков. По итогам проделанной работы в ходе учебного занятия-конференции были сформированы выводы, позволившие составить онтологию развития хореографического искусства в регионе, очерк которого нам представляется уместным к рассмотрению в рамках конгресса, в центре обсуждаемых вопросов которого стоит задача привлечения внимания к формированию элитарного содержания в проявлении гуманитарно-художественной деятельности и исследовательской мысли.

Как и в культуре любого народа, страны, на Нижней Волге танец сопровождал жителей края во все времена. Родившись в недрах магических действ, он формируется как художественно-пластический жанр этносов, жителей географического анклава с определенным ландшафтом. Нижняя Волга с ее многонациональным составом сформировала широкую палитру местных художественных движений хореографических образов, подготовив таким образом почву для формирования стремления освоить навыки элитарного искусства на профессиональном уровне. Великий астраханец, ставший выдающимся адептом хореодрамы в классическом танцевальном исполнительстве, народный артист СССР, лауреат Госпремии СССР, доктор искусствоведения Р. Захаров [5, с. 3] сформировал интерес к народным, уличным танцам под шарманку [3, с. 5]. На основе наблюдений за тем, как в ритмике местного танца отражается ритм, заданный центром его промышленной жизни – портом [3, с. 7], повторяются профессиональные движения речников и моряков, будущий выдающийся балетмейстер проходил те же ступени восхождения к классическому балету, что проходило в своем становлении и само балетное искусство, корни которого – в народном национальном танце, а этапы приближения к элитной балетной хореографии – в особенностях природно-культурного ландшафта, темпераменте и этноконфессиональном составе жителей, промышленно-хозяйственном компоненте, формирующем особенности и культурно-художественной жизни города, региона (страны). Достаточно вспомнить, с чего начинался профессиональный балетный театр в России – с участия в балетных спектаклях кадетов Сухопутного кадетского корпуса [7, с. 15], в силу особенностей будущей профессиональной деятельности, связанной в том числе и с дипломатическими приемами, получавшие в образовательном учреждении серьезную хореографическую подготовку.

Как известно, балет как «вид театрального искусства, сочетающий хореографию, музыкальный и драматический замысел, музыкально-драматическое произведение, исполняемое средствами танца и пантомимы» [12, с.47], в сценографии и драматургии отражает образ с помощью пластики движений, рисунка танца, образного перевоплощения исполнителя. Один и тот же спектакль, поставленный в разных странах, имеет национальное прочтение, поскольку балетная хореография основана на национальной школе, отражающей особенности народа. Подобный процесс происходит и в формировании региональных школ. Всем известно, что по манере исполнения балетной партии отечественные специалисты узнают Московскую, Петербургскую, Пермскую школы танцевального искусства.

Есть своя биография, школа, особенности, перспективы развития и в танцевальном искусстве Астрахани. Ступени становления хореографии прикаспийского города содержат компоненты, которые включают и элементы общенационального искусства танца, и индивидуальное исполнительство. От танцевальной пластики народов, населявших край с древних времен до современности, через насыщение танцевального рисунка красками и линиями природного ландшафта, региональный танец пришел к диалогу с элементами танцевальной культуры посещавших край дипломатов, купцов, военных, деятелей культуры, гостей из других регионов, краев, стран. И, как апофеоз, происходит формирование региональной танцевальной школы, возрождение музыкального театра и рождение профессионального коллектива театра оперы и балета, развитие системы самостоятельных коллективов народных, классических, бальных, эстрадных, спортивных танцев. В названном танцевальном пространстве отражено то, что поражало и восхищало многих гостей Астрахани: ширь пространства и широта души жителей, летний зной и горячий темперамент жителей, суровая ветреная зима и сопровождаемый Моряной труд рыбаков, – то, что сохранили строки впечатлений от края французского писателя А. Дюма: «Астрахань с тремя ее базарами, предназначенными для русских, индусов, азиатов; Астрахань, которая касается правой рукой донских казаков, а левой — казаков уральских, которая, повернув голову, теряется взором в необъятных степях татар-киргизов, где волны зелени так же подвижны и равноммерны, как валы Каспийского моря» [2, с. 4]

Итак, возвращаясь к элементам национальных танцев русских, татар, казахов, персов, армян и прочих народов, испокон веков стекавшихся и оседавших в низовьях великой реки, региональная хореография получила светское воплощение в проводимых дворянских собраниях балах, купеческих домашних вечерах. Память об этом увековечена в документах семейных архивов астраханских купеческих семей Шелеховых, Тетюшиновых, Агамовых и др.; воспоминания Р.Захарова [3, с.23]), наших современников – Е.С.Франгуловой [11, с. 29], К.В. Гузенко [1, фото].

Двадцатый век, кроме эпохальных трагических событий в истории страны, принес региону славу танцующего края: эвакуированная во время Великой Отечественной войны труппа Сталинградской оперетты притянула к себе взгляды и вкусы астраханского зрителя, сформировала интерес астраханцев как к вокальным партиям, так и к танцу, сопровождавшему постановки. После войны в Астрахани рождаются самостоятельные танцевальные коллективы. Одним из факторов развития хореографической культуры был связанный с, казалось бы, отдаленным от танцевального искусства событием – строительством городского моста через Волгу. Женами офицеров, направленных в Астрахань для руководства строительством, отчасти были выпускники Вагановского Ленинградского хореографического училища, которые давали горожанам уроки классического танца.

Отражением активного внедрения профессионалов в культурную жизнь города стало открытие хореографического отделения в культурно-просветительском училище города, основание балетмейстером-постановщиком Генриэттой Анатольевной Сластиной первого в истории города ансамбля классического танца «Ручеек».

Танцевально-культурные традиции Ленинградской школы продолжила приехавшая в Астрахань Клавдия Петровна Иванченкова, возглавившая сначала отдел игровой массовой работы Областного дворца пионеров, а затем ставшая руководителем Астраханского Дома просвещения учителей. Именно там был создан Клавдией Петровной первый в городе ансамбль бального танца «Радуга» (с середины 70-х гг. коллективом руководили ее ученики Сергей и Наталья Приказчиковы, а затем их дети – Антон и Мария, не раз представлявшие Астраханскую школу бальников на Всероссийских и международных конкурсах).

Особой значимостью в развитии танцевальной культуры региона наделена деятельность Натальи Васильевны Киндяковой, выпускницы Астраханского культпросветучилища, ГИТИСа, заслуженного работника культуры России, обладателя серебряного ордена «Служение искусству» и специального приза «Сердце отдаю детям» редакции журнала «Балет», а также множества других наград. Неутомимый энтузиаст, влюбленный в свое дело, Наталья Васильевна создала ансамбль бального танца «Лотос», который долгие годы служил визитной карточкой танцующего региона: здесь получали по-настоящему серьезную школу танца молодые люди разных национальностей, социальных слоев – студенты, рабочие, инженеры, врачи, учителя... Самым маленьким участникам коллектива было 3-4 года, группа «Сеньоры» включала тех, кто первые уроки танцев брал у Натальи Васильевны 20–30 лет назад!). Репертуар и рисунок танцев, исполняемых «Лотосом», отличался от других коллективов бального танца – Наталья Васильевна ввела в хореографию бального танца элементы других танцевальных жанров, уделила внимание особой сценографии, наделила некоторые номера сюжетикой и драматургией. Совмещая профессиональную деятельность в отрасли культуры (методист городского отдела культуры, преподаватель культпросветучилища, руководитель ансамбля) с продолжением профессионального образования, Н.В. Киндякова, окончив ГИТИС, стала режиссером-постановщиком многих театральных хореографических сцен, связанных с танцевальной пластикой. Драматические спектакли в этом случае приобрели утонченную возвышенность сцен, требующих не контекстуального понимания, а образного оживления чувств, мыслей героев, откровенных до интимности сцен, поданных хореографическими средствами как сокровенное, целомудренное.

Победный 1945 г. дал старт формированию такого культурного коллектива и явления в мире искусства края, как первый профессиональный ансамбль песни и пляски рыбаков «Моряна». В его концертной деятельности отражалось своеобразие рыбацкого по доминирующей деятельности региона, за которым также были закреплены метафоры «Всесоюзная солонка», «Всероссийский огород», что отражалось в концертной деятельности профессионального вокально-хореографического коллектива. В июле по приглашению треста «Каспрыба» в Астрахань прибыл состав, состоящий из исполнителей-певцов, оркестрантов и дирижера. Столь значительный арт-десант объяснялся развивающимся в стране движением, предполагавшим создание профессиональных творческих коллективов в ведущих отраслях промышленности и производства (в эти годы были организованы и активно гастролировали по стране рыбацкие творческие коллективы Дальрыбы, Архангельска). С 1958 по 1964 г. художественным руководителем ансамбля являлся Заслуженный деятель УССР Зиновий Осипович Дунаевский, автор знаменитого в советское время «Шахтерского вальса», родной брат прославленного композитора И.О. Дунаевского. Были приглашены балетмейстер Михайлов, музыкальный руководитель – пианист Клейман. Важной вехой в становлении и истории ансамбля стала деятельность художественного руководителя Виктора Исааковича Калининна.

Под руководством и при участии этих блестящих специалистов «Моряна» готовила яркие, запоминающиеся концертные программы. Многие номера отражали жизнь и быт жителей Волжского Понизовья средствами элитарного искусства, наполненного иносказаниями, философией восприятия жизненных изменений, образного прочтения идеи слияния природных сил – земли и воды – как источников созидания человека. В сопровождении с великолепным мужским вокалом – чистыми и сильными тенорами – хореографический рассказ о деяниях тружеников Нижнего Поволжья через проникновение духовно-образной атмосферы, заключенной в хореографической форме, приводил зрителя к постижению величия свершаемых трудовых побед. Постановку танцев ансамбля «Моряна», философски-эпически решенную В.И. Калининным, высоко оценил величайший хореограф XX в. И.А.Моисеев [6, с. 2].

В распоряжении ансамбля был большой пароход-клуб, оборудованный сценой и зрительным залом. Творческий коллектив активно передвигался по точкам морлова рыбаков, по рыболовецким совхозам и тоням. Элитарность подачи концертной программы (на палубе-сцене, оборудованной подсветкой, сценической техникой, удобными зрительскими местами) давало возможность труженикам реки и моря ощутить не только заботу об их многотрудном деле со стороны правительства, руководства отрасли, но и элитарность положения добытчиков рыбы, овощеводов в обществе. Выступали артисты в Прибалтике, Баку, Махачкале, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в Сибири, Москве, что обозначало признание зрителями всей большой страны уровня творческих сил хореографического коллектива, глубину художественного замысла художественного руководителя, предлагавшего зрителю сложную семантику танца. Вторая половина XX в. в региональной танцевальной культуре была ознaменована появлением танцклубов, специализирующихся на спортивных, эстрадных танцах, к началу XXI в. в области стали популярными коллективы по реконструкции национальных танцев (народов Кавказа, армянского, казахского, а также индийского, пуэрториканского латино-американского танца). Процесс, отразивший «опрошение» досуговых притязаний, связанных с политико-экономическими изменениями времени перестройки.

Особым событием в жизни региона, вновь обратившим зрителя к содержательным формам элитарного искусства, стало строительство и открытие в Астрахани театра оперы и балета, труппа которого в короткий срок заявила о высоком потенциале своего творчества как разнообразием репертуарного выбора, так и такими культурными явлениями, как постановки креативно решенных сценических действий, каким стал, например, балет «Андрей Рублев» (композитор – профессор Московской консерватории Валерий Кикта; автор идеи, либретто и хореографии, хореограф-постановщик – Лауреат премии Российской Федерации, лауреат приза «Душа танца» журнала «Балет» Константин Уральский). Премьера балета, прошедшая с большим успехом, заинтересовала редакцию телеканала «Культура», который посвятил постановке как уникальному явлению российского балета отдельную передачу. Высокую степень духовного содержания воспитательной роли спектакля оценил митрополит Астраханский Иона: «Большие надежды вселяют усилия коллектива Астраханского государственного театра Оперы и Балета, направленные на приобщение астраханцев к великим достижениям русской музыкальной культуры» [10, с. 3]. Еще одним приближением к воспитанию зрителя с элитарными притязаниями к форме, содержанию, хореографии, сценографии и режиссуре оперных спектаклей является инициатива театра в осуществлении постановок опер оупен-эйр. Постановки такого формата были осуществлены с включением сценического действия в пространство астраханского кремля, соборная архитектура которого составляла значимую часть постановочной площадки. Опыт использования архитектурных памятников античности и средневековья уже известен в Европе (Италия, Швейцария, Австрия) как образ уникального по силе восприятия зрелища. Оперные постановки в пространстве античного амфитеатра Вероны, руин средневековых феодальных замков с гrotтами и готическими сводами в Германии направлены на удовлетворение духовных запросов высших слоев общества, характеризующихся «принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом, и ценностно-смысловой самодостаточностью, что совпадает с характеристиками термина «элитарная культура» [8, с. 385]. Оупен-эйр под небом южного российского города, в историко-культурном пространстве, сопряженном со значимыми событиями XVI–XX вв, наполнило подобное действо патриотическим содержанием.

Подтверждением признания астраханского оперного театра как одного из ведущих творческих коллективов страны стала и состоявшаяся в рамках событий театрального фестиваля «Золотая маска» на сцене Большого театра в Москве в 2017 г. опера «Осуждение Фауста». Сам выбор поставленного произведения отсылает к области элитарного искусства, направленного на удовлетворение спроса притязательного зрителя. В 2008 г. по инициативе губернатора Астраханской области А.А. Жилкина был организован профессиональный коллектив ансамбля песни и

танца Астраханской области, «задача которого возрождать песенно-танцевальные и музыкальные традиции народов, проживающих на территории Астраханской области, сохранять накопленный культурный потенциал, а главное – стать визитной карточкой региона и формировать культурный облик области за ее пределами» [4]. В репертуар ансамбля вошли русские народные и казачьи песни; песни, бытующие в Астраханском регионе, хореографические национальные композиции народов, проживающих на территории Астраханской области, авторские произведения. На сегодняшний день исполнительское мастерство как ансамбля в целом, так и его хореографической группы признаны как в стране, так и за рубежом.

Современное танцевальное искусство Астрахани характеризуется следующими чертами: с каждой театральной постановкой растет уровень исполнительского мастерства профессионалов театра оперы и балета, регионального Ансамбля песни и танца; молодое поколение танцоров получает профессиональную подготовку на отделении хореографии в региональном колледже культуры. Функционируют любительские танцевальные коллективы и клубы народного, эстрадного, классического направления, активно развивается уличное танцевальное движение. Танец, как элитарное искусство, хранит традиции и порождает инновационные образные пластические решения, обращаясь к культуре многонационального населения Астраханской области, дружеских республик и краев, соседствующих с регионом, зарубежных стран, инкорпорируя в современный мировой хореографический культурный процесс.

Опубликованный выше очерк, сложившийся в ходе учебно-исследовательской деятельности, может быть полезен как самим начинающим исследователям, так и следующим поколениям студентов, обращающихся к хореографическому искусству как одному из элитарных направлений культуры края. Надеемся, что он будет небезынтесен историкам, краеведам, а также всем интересующимся проблемами художественной культуры Астрахани, историей культурного развития региона.

Список литературы

1. Гузенко К. В. Семейные воспоминания Режим доступа: <https://ok.ru/profile/163887204786>.
2. Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию. М., 2009. Режим доступа: <https://www.litmir.co/br/?b=262110>
3. Захаров Р. Слово о танце. М.: Молодая гвардия, 1979. 160 с.
4. Официальный сайт Ансамбля песни и танца Астраханской области. Режим доступа: <http://astragubans.ru>.
5. Советский балетный театр. 1917–1967. М.: Искусство, 1976. 376 с.
6. Киндякова Н. В. Беседа-интервью с автором статьи в рамках подготовки материала к преподаванию университетского образовательного курса «Художественная культура Астрахани» – нарративный материал, архив Марисовой Н.Д. 5 с.
7. Куликова К. Ф. Российского театра первые актеры. Л.: Лениздат, 1991. 334 с.
8. Культурология. XX в. Энциклопедия. СПб.: Университетская книга; 1998. Т. 2. 447 с.
9. Предтеченская Л. М. Мировая художественная культура. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 124–226.
10. Туриева Н. Мировая премьера «Андрей Рублев». Астрахань, 2016, 51 с.
11. Франгулов С. С., Франгулова Е. С. Лики ушедшего времени. Астрахань, 2008. 144 с.
12. Хоруженко К. М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 640 с.

СУБЪЕКТНЫЙ СТАТУС ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭЛИТ И МАСС

Смолиговец Олег Сергеевич,

аспирант кафедры философии,

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Современная трактовка и использование понятия «элита» (от французского elite – лучший, избранный) отличается многообразием словоупотреблений, которые значительно выходят за рамки научного дискурса. Наряду с социологическим, политологическим, философским, культурологическим и иными контекстами, активно осуществляется обращение к элитам, элитности, элитарности в различных СМИ. Например, элитная продукция, элитарные услуги, мировые элиты – все эти понятия, без погружения в их содержания, служат своеобразными ярлыками, дающими разметку пространства власти, задающего нужный контекст излагаемой информации. Кроме того, в исследованиях элит и их классической антинормы – масс, зачастую можно наблюдать серьезные упрощения. Так С.А. Зелинский подменяет эту пару категориями «манипулятора» (понимаемого как индивида) и «толпы» (под эту категорию попадают все формы коллективных, в том числе и субъектных образований). Подобные упрощения можно объяснить недооценкой необходимости передачи точного содержания понятий, которое сегодня, в условиях изменений самих социальных феноменов, должно стать предметом самого пристального внимания. От этого зависит уровень понимания соответствующих феноменов. Именно по пути анализа соотношений массы и элиты пойдём мы в своём изложении темы.

Обратимся к истории вопроса. Необходимо заметить, что уже на заре осмысления элит за ними закреплялась исключительность их способностей и результатов их деятельности. Так, одним из первых на европейском континенте феномен элиты выявил Платон, отдавший наивысшее место в строгой социальной иерархии правителям-философам, на основе того, что у них преобладающей является разумная сторона души. Альтернативу морально-

чистой, идеальной элите предложил Никколо Макиавелли. Обратившись к реальности, он воссоздал облик фактически действующей элиты, главной чертой которой выступает стремление к достижению и удержанию власти. Обще-признанные классики элитологии: Гюстав Лебон, Хосе Ортега-и-Гассет – интересны как мыслители, отражающие переходной характер эпохи своей эпохи. С одной стороны, они раскрывают представления о роли и месте элит и масс в обществе модерна. С другой стороны, они описывают ситуацию выхода масс за рамки своих традиционных позиций. Исследуя функции элит, они впервые поставили проблему технологий управления массами: ситуация восстания масс – это выход последних из-под традиционного контроля со стороны элит. Так Гюстав Лебон вывел формулы влияния на толпу, среди которых он выделил убеждение, повторение и заразу. Важно отметить три особенности подхода к управлению в концепции масс Лебона:

Во-первых, Лебон не подчёркивает резкого дуализма элит и массы (он её практически отождествляет с толпой как реальным объектом управляющего воздействия). В его концепции, с одной стороны, вожжи подразделяются на последователей идеи и на творцов идеи. То есть, процесс убеждения и управления опосредуется влиянием элит на посредников, представляющих толпы. С другой стороны, сами массы способны оказывать влияние на элиты. В качестве канала такого влияния Лебон описывает характер современной ему прессы: она, констатируя факты, прислушивается к мнению толпы. Не имея через печатные издания возможности влиять на верования, власть фактически становится бессильной.

Во-вторых, Лебон раскрывает особенности воздействия элиты на толпу: от конкретных действий через образы, до влияния на верования и бессознательное. Открываются перспективы создания манипулятивных технологий, которые развернутся после развития идеи бессознательного в психоанализе и структурализме, а также качественного изменения коммуникаций во второй половине XX в.

В-третьих, интересен параллелизм в делении на элиты и массы и других вариантах социальной стратификации. Выделяя формы однородной толпы, он включает в их число секты, страты и классы, то есть виды коллективных образований. Говоря же об элитах, он всегда имеет в виду исключительных индивидов, элиты всегда связаны с индивидуализацией.

Таким образом, Г. Лебон не отказывает массам в их собственной активности и самовыражении (т.е. субъектном потенциале), однако это в обществе играет второстепенную роль.

Хосе Ортега-и-Гассет смягчил постановку проблемы: оставаясь на позиции сохранения элит (ренессанса аристократизма), он видит путь преодоления кризиса связанного с появлением феномена массы в обществе в построенном единого европейского субъекта. Но, оставляя невыделенными основания для такой интеграции, он остаётся на этапе, выдвигая такой фактор как сплоченность подданных (угнетаемых, но согласных с этим). Однако, это условие не раскрывает всей сложности данного процесса. С другой стороны, возможность самих масс перейти на позицию социального субъекта этим философом вообще не рассматривается.

Своеобразным антиподом такой трактовки субъектности элит и бессубъектных масс выступил марксизм. В марксизме масса уже носит статус субъекта, она есть носитель исторического развития. Вопрос о роли народных масс тесно связан с проблемой личности в истории. Осмысляя феномен подъема масс, марксизм выдвинул два принципиальных тезиса: 1) массы стали превращаться из толпы в сознательную и организованную силу, в совокупность личностей, а фактором такого становления признаётся социалистическая идеология; 2) именно из масс «выходят» великие личности, т.е. элита возникает не вне масс, а именно проблемно-конструктивным «поле» деятельности.

Анализ рассмотренных подходов ведёт к следующим предварительным выводам: Нельзя подменять категории «элиты» и «массы» категориями «субъекта» и «объекта». Массы несут в себе субъектное начало. Абсолютное равенство людей – утопия, однако и представление об элитах как замкнутых каст ошибочно. Массы – это источник пополнения элит, их обновления. Достижения в раскрытии функций элит и их статусных оснований не позволяют заключить о том, что выявлен субъектный статус элит. Элита, представляющая собой концентрацию субъектности (относительно масс), сама выступает в качестве объективации власти. Последняя детерминирует и ограничивает субъектность элит. Следовательно, элита сама по себе – не субъект, но представитель субъектных функций (государства, знаний и т.д.).

Современные исследования масс открывают принципиально новые измерения проблемы соотношения элит и масс, не известные авторам уже рассмотренных направлений. Так, В.Н. Вахменин в своей диссертации постулирует полную потерю элитами в современном обществе тех оснований, на которых базируется их идентичность. Справедливо говорить лишь о симуляции элитарности, например, в виде поддержания определённого уровня потребления. Деление на массу и не массу есть смена модусов, раскрываемых в противопоставлении массы таким категориям как индивид, субъект, коммуникация, креативность и т.д. Такая трактовка предлагает понимать массу как квазисубъектное образование: проявляя активность, преследуя определённые цели, самовоспроизводясь, масса становится формой неустойчивой интеграции индивидов.

Рост социальных и психологических технологий на рубеже XX–XXI вв. в полной мере поддержал тенденцию массовизации, зафиксированную уже в XIX в. Человек, как заметил В.Н. Вахменин, всегда включён в два одновременных процесса: социализацию и симуляцию. Сходна позиция Г.Ю. Чернова: «...мы наблюдаем встречное движение двух потоков нисходящего (элиты) и восходящего (масса). В итоге, если социальная стратификация в определённой мере сохраняется, то культурная все более стирается»[7, с. 60]. Однако разделение, различия, несмотря на

тенденции слияния, сохраняются. В чём же смысл современного разделения на элиты и массы? Каковы реальные (противоположные симуляции) каналы обновления элит?

Именно в ответе на этот вопрос актуализируется роль интеллигенции. С одной стороны, она является тем посредником, который делает возможным диалог элит и масс. С другой стороны, особые качества интеллигенции позволяют сдерживать процессы симуляции социальности (массовизации).

Обратимся к специфике понятия интеллигенции. Существует два подхода, связь между которыми не очевидна. Согласно первому, интеллигенция – это феномен русской культуры, связанный с нравственной позицией человека. Широко разнообразие концепций интеллигенции, которые были оформлены в XIX в. в России: от представления о ней как о лучшей стороне народа (П.Н. Милюков), до раскрытия её революционной роли (П.Л. Лавров). Просветительская деятельность, оппозиционность, идеалистичность – всё это предикаты русской интеллигенции. Другое понимание интеллигенции (=интеллектуалы) появилось на Западе для обозначения работников, занятых высоко профессиональным умственным трудом. Как заметила Е.А. Горчицкая, этот слой является носителем «модерности». Понятие интеллигенции, на наш взгляд, позволяет описать тенденцию, обратную массовизации: массы начинают качественно изменяться, именно из неё появляется такой слой как интеллигенция. Можно выделить какие структурные компоненты интеллигенции, как воспитание, самообразование, высокая гражданская мораль и творческий характер деятельности.

Однако, что же её отличает от элиты, которая, согласно этимологии самого слова, включает людей, добившихся высших результатов в своей деятельности? Ответ оказывается прост: доступ к власти. Реализм позиции Макиавелли как раз и выражает фактическое обладание элитами этим наивысшим ресурсом. Платонический же проект – это лишь попытка дать власть интеллигенции. Образование, получавшее с XIX в. всё большую доступность, стало универсальным источником становления интеллигенции. Последняя больше не имеет своей целью только поддержание элит, пополнение последних, реализует рост самоуправления, самоорганизации, гражданского общества. Кроме того, интеллигенция осуществляет выход культуры на всеобщий уровень. Именно так русская интеллигенция без доступа к элитарным ресурсам смогла превратить русскую классическую литературу в общечеловеческую ценность.

Важно также обратиться к двум моделям интеллигенции, различным по их стратегическим целям: 1) Даосская модель. Она предполагает уже описанную автономию, самоорганизацию вне влияния элит (специфика последних связана с достижением и реальным использованием властными ресурсами); 2) Конфуцианская модель. Здесь предполагается, что интеллигенция находится на службе у власти. Профессионализм интеллигенции используется властью.

Раскроем ещё один аспект, который был зафиксирован в названии данного текста. Каков же субъектный статус интеллигенции во взаимодействии элит и масс?

Под субъектностью мы понимаем особый характер бытия общества, предполагающий невозможность смысловой и структурно-системной организации социального без субъекта как его субстанции. Вся объективная сторона общественной жизни представляет собой своеобразную «объективацию» субъектов, которые существуют на различных качественных уровнях: личности, коллектива, института. Обратимся к коллективной субъектности, различные формы которых мы и рассматривали в анализе масс, элит и интеллигенции. Картина, представленная классиками элитологии, предлагает нам довольно строгую вертикальную иерархию, которую мыслители всеми силами желают сохранить. Восстание масс, потеря элитами реальной идентичности и выход на арену истории интеллигенции говорит о тенденции к сближению этих некогда разделённых слоёв. Расширение статуса интеллигенции как синтеза субъектного потенциала элит и энергии масс позволяет ей действовать в рамках горизонтальных, неформальных взаимодействий, раскрывает потенциал свободы.

Субъектная роль интеллигенции раскрывается в диалектике общего, особенного и единичного. Как общее, интеллигенция берёт в свои руки реализацию тенденций массовизации и субъективизации. Такая специфика интеллигенции, как умственный труд, позволяет ей качественно перерабатывать общество, создавая как условия для роста субъектных качеств, так и их деградации. Особенное раскрывается в постоянной рефлексии интеллигенции относительно своего положения в мире, а также положения в нём других индивидов, групп, обществ и т.д. Такое качество и позволяет проявиться способности к самоорганизации, самостоятельности от элит, чьи властные ресурсы не являются незаменимыми. Именно в этом качестве в наибольшей форме проявляется реакция на тотальность массового общества. Единичное представлено личностным характером творчества интеллигенции: любое решение является решением реального человека, оно включено в его биографию, жизнь, несёт на себе печать авторства, а также налагает личную ответственность. Таким образом, интеллигенция является носителем подлинной свободы и проявлением наиболее ярких субъектных качеств.

Интеллигенция и её развитие требует поддержки единственного способа её воспроизводства – образования. Однако нельзя отождествлять образование как уровень развития личности с фактом «получения образования», закреплённым в обладании юридическим документом. Сомнительно также и отождествление любого образования с интеллигентностью. Нас интересует то образование, которое создаёт, если выражаться в терминах М. Фуко, универсального человека: универсализм человека не ограничивает его компетентность какой-либо узкой, специальной сферой. Ценность знания открывает для него безграничный мир, который не имеет областей «ненужного», «бесплезного» или же «неинтересного». Очевидно, что так называемое «массовое образование» не всегда способно справиться даже с ликвидацией безграмотности. Поскольку разграничение образования на элитное (открытые учеб-

ные заведения, дающие образование высокого качества) и элитарное (закрытые учебные заведения, дающие образование высокого качества) не так актуально для России, можно говорить, о качественном высшем образовании интеллигенции как о первом фильтре для пополнения элит.

Кроме того, рост роли современных горизонтальных коммуникаций создаёт новую цель для интеллигенции, не сводимую к достижению статуса элит. Симуляционный характер идентичности последних полностью дискредитирует эту цель, в то время как культура предлагает новый вариант организации, не предполагающей гонку за место на вершине иерархии.

Таким образом, субъектный статус интеллигенции выражен следующих тезисах: 1) Интеллигенция есть форма субъектности, которая синтезирует в себе тенденции массовизации элит и подъёма масс; 2) Вбирая в себя эти тенденции, интеллигенция способна встать на позицию самоуправления как форму организации; 3) Универсальное образование (университетское) является институтом, осуществляющем воспроизводство интеллигенции; 4) Интеллигенция противостоит симуляции субъектности, которая сегодня захватила все уровни общественной жизни.

Посредническая роль интеллигенции сегодня связана с сглаживанием огромного различия между элитами и массами. Диалог между ними заменён односторонним монологом (вертикальный характер коммуникации). Интеллигенция способна как осознать потребности масс и перевести их на язык элит, так и поддержать обратную связь. Интеллигенция берёт в этом контексте задаёт условия понимания в обществе.

Список литературы

1. Буренко ВИ. Инструментальное измерение политической элиты // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 6. Режим доступа: zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/Burenko/ (дата обращения 26.03.2017).
2. Вахменин В. Н. Роль массы в социокультурной динамике. Волгоград, 2016. 191 с.
3. Горчицкая Е. А. Интеллигенция, интеллектуалы и элита в социальном пространстве: соотношение и сравнительный анализ понятий // Омский научный вестник. 2009. № 3 (78). С. 66–70.
4. Зелинский С. А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. СПб : Скифия, 2008. 248 с.
5. Крапивенский С. Э. Социальная философия. Волгоград : Комитет по печати, 1995. 352 с.
6. Лебон Г. Психология масс. Самара : Бахрах-М, 2010. 592 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
8. Чернов Г. Ю. О массовизации элит // Социум и власть. 2009. № 2 (22). С. 55–61.

СВЯТОЙ КАК ДУХОВНЫЙ ЛИДЕР: РЕЦЕПЦИЯ ФЕНОМЕНА СВЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Бычков Дмитрий Михайлович,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В истории русской культуры ментальная разница в рецепции феномена святости между средневековыми авторами и представителями Нового времени определила особенно заметные изменения в восприятии и репрезентации образа святого. Эволюция интенциональности, нашедшей отражение в древнерусской агиографии, привела в секулярной культуре к распространению инструменталисткой интенциональной позиции, предполагающей так сконструированные интенциональные выражения, которые не описывают реальных феноменов (Д. Деннет), но оказываются полезными для понимания особого отношения между сознанием, языком и миром при отсутствии точного знания законов, управляющих корреляцией.

В новом социокультурном и политическом контексте имя Радонежского приобретало особые интенции (первичные и вторичные), особенно заметные, например, в дискурсе публичных выступлений на церемонии инаугурации президента Б.Н. Ельцина. В подготовленном О.В. Басилашвили спиче за именем Сергея Радонежского закрепились политические интенции. О.В. Басилашвили, подчеркнув государственную важность торжественного мероприятия, связывает в своей речи факт вступления в должность Б.Н. Ельцина с рубежными моментами русской истории: «Через несколько минут первый Президент РФ даст присягу на верность народу, свободно избравшему его, и официально вступит в должность. Зарождение отечественной государственности восходит еще ко временам Киевской Руси, ставшей колыбелью трех братских славянских народов: русского, украинского и белорусского, ко временам князя Владимира Святого, когда Русь приняла христианство. Прошли столетия. Это было непростое время: невзгоды, иноземные захватчики, войны, усобицы, братоубийственные распри. Однако существовала и осознанная потребность к единству, выраженная в деятельности Сергея Радонежского и Дмитрия Донского. Идея государственности, сплочения нашла свое выражение уже в другом центре, в Москве» [6, с. 554]. Заметим, что факт даже единичного употребления агионима характеризует когнитивно-дискурсивное пространство коммуникации, поскольку имя святого в контексте (в данном случае в контексте речевого события инаугурации) выражает, согласно У. Оккаму, интенцию второго порядка, другими словами, номинирует вторичный смысл, вытекающий не из самой вещи, но из акта мышления. У. Оккам определял вторичные интенции как имена, выражающие простой контекстуальный объем, предметом которого являются общие понятия [16, с. 254].

В этом контексте интенционально противоположное значение приобрело имя Сергия Радонежского в выступлении Патриарха Алексия II, присутствующего также на инаугурации, который назвал преподобного Сергия «великим подвижником и патриотом Земли Русской». В данной парафрастической номинации Сергия Радонежского словесно объективирована «первая интенция», представляющая первичный смысл понимания. Святой как объект рассматривается в настоящем дискурсе в соответствии с первичным смыслом, то есть в соответствии с тем, что свойственно только ему. «Первая интенция» происходит путем сложного мыслительного акта, посредством которого может быть познана некоторая истина. По Д. Скоту, первичная интенция направляет внимание на определенные объекты конкретной человеческой деятельности. У. Оккам определил первую интенции как имена, выполняющие роль суппозиций, замещающих имена сущих вещей, которые могут быть субъектами или предикатами суждений [16, с. 254].

Данный пример, как видим, особенно показателен тем, что продемонстрировал разницу интенций, закрепленных за одним и тем же агнионимом, что характеризует когнитивно-дискурсивное пространство коммуникации конца XX века. Подобная демаркация интенциональности в восприятии образа Сергия Радонежского характерна и для «неоагиографии» этого времени, при этом изменению подверглось не только интенции образа святого, трансформировалась семантика житийного текста в процессе авторской герменевтики агиографического предтекста.

Одним из первых в ряду авторов, решивших в изменяющемся культурном контексте конца XX века обратиться к задаче реинтерпретации жития святого Сергия Радонежского, был Ю.М. Лошиц, автор очерка «На полях жития». В главе с принципиально важным для авторской концепции названием «Сергий-державник» писатель-«неоагиограф» спорит с устоявшимся мнением о Сергии Радонежском, передаёт мысли большинства читателей, не способных к пониманию многогранности образа святого и различных аспектов его деятельности: «Многих смущает, даже корбит, когда Троицкого игумена называют в иных современных текстах «политиком», «идеологом», а то и «дипломатом» [10, с. 112]. Автор очерка постулирует собственное соображение, основываясь в своей контраргументации на принципе историзма, свойственного мышлению профессионального историка: «Ясно, что не устраивает нас в этих определениях применительно к преподобному Сергию. Воля монаха, благословившего русское воинство на противостояние орде Мамай, есть всё же нечто иное, чем поступок политика, идеолога или дипломата. Как бы не впечатлял современников и потомков сам факт церковного благословения на жестокую кровавую брань, в нём нет по сути ничего чрезвычайного. Русская церковь неоднократно, и до, и после Сергия, укрепляла своим словом воинское стояние за Отечество и не покушалась при этом на политику» [10, с. 112–113]. Ю.М. Лошиц в очерке «На полях жития» пытается выйти за герменевтические пределы инструменталистской интенциональности. В историософских размышлениях писателя проявляется знаковая особенность стиля данного произведения – насыщенность текста вводными словами (метатекстовыми операторами) типа «думаю», «помню» и т.п., что создаёт иллюзию сиюминутного размышления, выходящего за рамки осмысления предтекста. Таким образом в дискурсе «неоагиографии» выражается лингвистический вариант интенциональности (Р. Чизольм): критерием интенциональности в языке является свойство выражений, следующих за фразами типа «он убежден, что».

Индивидуально-авторская интенциональность образа Сергия Радонежского в контексте эпохи конца XX века связана с рефлексией на историософскую тему взаимоотношения святости и власти, как отражающую проблему церкви и государства. Ссылаясь на В.О. Ключевского, религиозный философ С.Л. Франк заметил, что «наши политики любят из всего дела св. Сергия Радонежского с одобрением отмечать, что он благословил рать Дмитрия Донского и дал ей двух монахов из своей обители, они забывают, что этому предшествовали десятилетия упорного молитвенного и аскетического труда, что этим трудом были добыты духовные богатства, которыми в течение веков и доселе питаются русские люди, и что без него, как указывает пронизательный русский историк Ключевский, русские люди никогда не имели бы сил подняться на борьбу с татарами. Мы рвемся воевать со злом, организовать нашу жизнь, делать настоящее, «практическое дело»; и мы забываем, что для этого нужны прежде всего силы добра, которые нужно уметь взрастить в себе» [15, с. 111]. Звучащие с публицистической злободневностью эти мысли С.Л. Франка, думается, в полной мере соответствуют концепции Ю. Лошица.

Оригинально интенциональность образа Сергия Радонежского нашла отражение в исторических романах Д.М. Балашова [3]. Эволюция агиографической традиции в творчестве писателя обусловлена становлением его историософии, восходящей во многом не только к теории этногенеза Л.Н. Гумилева, но и к размышлениям В.О. Ключевского, который считал, что «в половине XVI в. подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро забрезжит свет» [8, с. 114]. В образе Радонежского Д.М. Балашов как историк выделяет функции пассионарной личности, ориентируясь во многом на теорию своего учителя Л.Н. Гумилева.

Исторические романы Д.М. Балашова организовывали ансамблевое единство художественных текстов, создававшихся писателем в соответствии с хронологией российской истории, и последним романом в творческой биографии автора становится произведение, посвященное святому, осенившему XVI век, по образному выражению В.О. Ключевского, «зарей политического и нравственного возрождения Русской земли» [8, с. 115]. Писатель-историк показывает, как в своем становлении Сергей вбирает в себя всю жизнь народа и в жизненном пути поднимается на высоту духовного подъема ради русского народа. Временной отрезок русской истории, изображаемый в произведении Д.М. Балашова – конец XIII – начало XV вв. – важнейший период в создании и укреплении Московского государства, период национального подъема. Последний роман цикла показывает, какое значение для процесса становления государственности имеет деятельность святого подвижника.

Интенциональность в романе Д.М. Балашова представляет сложное единство референтной компетенции дискурса (направленности взаимодействующих сознаний на некоторый объект), креативной интенциональности (направленности на используемый язык и рецептивной (или собственно коммуникативной) интенциональности. Так, кроме функции катализатора исторической и социально-культурной информации в концепции агиографического жанра Д.М. Балашова житийный текст становится объектом историософских размышлений, что также связано со спецификой авторской рецепции. Агиографический памятник включается в контекст истории (отсюда – бытовые детали, диалектизмы) и нашей современности (публицистические высказывания в тексте), что позволяет автору-историку выявить константы русской культуры, исторические принципы национального бытия. При этом специфика рецепции агиографии Д.М. Балашовым представлена не в отдельных фрагментах текста, а во всем концептуальном объеме исторического романа, прямых авторских высказываниях, рецепции житийной дискурсии, во внутренней организации агиографического дискурса, а также во всем сюжетно-композиционном строе произведения.

Обратимся к выражению креативной интенциональности в «Похвале Сергию». Вся система стилизованных особенностей агиографической традиции, потенциал которой использует писатель в романе в соответствии с риторичностью житийного жанра, при этом не заслоняет от современного читателя информативности авторского повествования. Информативность образцового для произведений жанра агиографии сочинения Епифания, по В.О. Ключевскому, обусловлена позицией рассказчика: «Житие Сергия не чуждо литературных особенностей <...>: то же неумение рассказывать кратко и ясно, та же склонность вставлять в рассказ длинный ряд текстов и вдаваться в историческое или символическое толкование событий. Но это житие, говоря вообще, богаче фактическим содержанием Епифания и сообщает гораздо больше живых черт, возможных со стороны современника. Это объясняется многолетней жизнью автора на глазах Сергия, близким знакомством его с местом описываемых событий <...>, обилием живых свидетельств жизни святого. Не лишены интереса рассеянные в предисловии к житию заметки Епифания о том, как писалась эта биография. Многие он сам видел и слышал от Сергия...» [7, с. 87]. «Точка зрения» Епифания (в плане психологии, фразеологии и др.) задает в житии стилизованный способ повествования. Этот принцип необходимо соблюсти и «неоагиографу». Таким образом, интенциональность образа Радонежского в «Похвале Сергию» вбирает в один фокус интенции автора оригинального романа и древнерусского агиографа.

Психология творчества «неоагиографа» базируется на установке на интерпретацию действий «Другого», интенциональную позицию которого присваивает или не принимает субъект в процессе творчества. Как таковая, проблема «Другого» перед «неоагиографом» возникает в каждом контексте производного дискурса, то есть конструируемого как «пересказ» агиографического предтекста. Современный писатель, ориентирующийся на традиции агиографии, отталкивается от интуитивно-субъективного понимания или, как в творчестве Д.М. Балашова, исторического исследования жизни конкретного сознания, независимо от того, имеет ли это постижение феноменологический характер. В каждом конкретном случае создания художественного варианта жития у читателя, исследователя, думается, и самого писателя возникает закономерный вопрос о том, имеет ли полученный результат какое-либо объективное значение, в том смысле, что оно составляет содержание универсального опыта, оказывается ли преодолена инструменталистская интенциональность.

Существенное значение для художественного воплощения объекта интенций (в нашем случае – святого персонажа) в художественном мышлении творческого субъекта (писателя) должна быть реализована интенциональная установка, у которой могут быть альтернативы (Д. Денет). Интенциональная установка Д.М. Балашова ориентирована на частичное сохранение агиографического стиля. В нарратологической системе романа обозначается сопresутствие двух «точек зрения» – вымышленного лица (его прототипом можно считать Епифания Премудрого), рассказчика – современника святого, и собственно повествователя (историка, человека XX века), речь которого осложнена цитацией.

Интенциональная установка современного писателя не может быть реализована без решения ряда вопросов эстетического характера, связанных с креативной интенциональностью. В.О. Ключевский отмечал такие свойства агиографической литературы, которые снижали ее информативность, видя в ораторской по характеру агиографической стилистике, прежде всего, недостаток древнерусской письменности такого рода: «В Епифании, как писателе, встречаем два условия, которые редко соединялись в наших позднейших агиобиографах: он обладал литературным талантом, вооруженным общей начитанностью, и был близким свидетелем событий, которые описывал, или знал их из верных источников. Притом в его литературном положении была особенность, не существовавшая позднее: он писал в то время, когда стиль житий у нас только еще устанавливался, не затвердев в неподвижных, холодных формах. Поэтому его витийство не знает границ и часто подавляет фактическое содержание <...> Сущность фактов у Епифания пострадала от ораторской окраски очень мало, меньше, чем в большинстве позднейших житий, но сильно потеряли их связь и ясность» [7, с. 95].

Анализ авторских интенций в структуре художественного образа Сергия Радонежского позволяет по-новому решать проблему различия между предметом изображения и его индивидуальным интенциональным содержанием. При этом стоит подчеркнуть, что проблема автора в литературоведении может коррелировать с гуссерлевской концепцией сознания, согласно которой интенциональность не зависит от объекта, на который направлен этот акт, но обусловлена целым рядом факультативных данных широкого ментального содержания, то есть разные версии «экстернализма», согласно которым внешние факторы или социальные факторы сущностным образом участвуют в конституировании интенций [2, с. 53]. Из версии экстернализма вытекает ряд следствий, важных для анализа метатекстуальности «неоагиографии». Когнитивное содержание нерелевантно, при анализе художественного произведения отсутствует возможность непосредственного доступа к художественному несубстанциональному сознанию автора.

Вместе с тем можно сделать и более конкретные выводы. На метатекстуальном уровне «неоагиографически» произведений проявляются первичные и вторичные интенции в отношении к святому. Индивидуально-авторская интенциональность образа святого связана с актуальными историософскими размышлениями писателей с учетом опыта В.О. Ключевского. «Неоагиография» в контексте социокультурных и политических изменений конца XX столетия репрезентировала оригинальные авторские интенции образа святого Сергия Радонежского, что связано с преодолением инструменталистской интенциональности, модификацией когнитивно-дискурсивной модели житийного предтекста [4], отличающейся в современной русской прозе субъективностью интенций, синтезом интуитивно-образных и чувственно-образных интенций (в терминологии П.А. Сорокина – идеационального и чувственного типов мышления), креативной компетенцией. Эти качества агиографического дискурса, на наш взгляд, обусловлены обретением «нового религиозного сознания» эпохи «Нового Средневековья» (Н.А. Бердяев), что нуждается, на наш взгляд, в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Антонов М. Всему миру свет: (обзор литературы, вышедшей к 600-летию со дня преставления Преподобного Сергия Радонежского) // Журнал Московской патриархии. 1993. № 5. С. 10–111.
2. Бабушкин В. У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. М.: Наука, 1985, С. 13–100, 174–188.
3. Балашов Д. М. Похвала Сергию: исторический роман. М.: Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 842 с.
4. Бычков Д. М. Современная житийная проза о Сергии Радонежском в аспекте агиографической элитологии // Вопросы элитологии : философия, культура, политика. 2006. Т. 5. С. 35–41.
5. Жизнь и житие Сергия Радонежского. М.: Сов. Россия, 1991. 366 с.
6. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О. Г. Румянцев. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 2 : 1991 г. 1120 с.
7. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Астрель АСТ, 2003. 395 с.
8. Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
9. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. Л. : Наука, 1979. 352 с.
10. Лошниц Ю. На полях жития // Русский рубеж: По страницам «Литературной России»: Рассказы, стихотворения, статьи / сост. Г. Иванова. М.: Худож. лит., 1991. С. 102–115.
11. Рогачевский Е. Сергий Радонежский: взгляд из 1991 года // Литературное обозрение. 1992. № 5/6. С. 77–79.
12. Сергий Радонежский / сост. В.А. Десятников. М.: Патриот, 1991. 541 с.
13. Словарь средневековой культуры. М.: Российская политическая энциклопедия / под ред. А. Я. Гуревича. 2003. 631 с.
14. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2013. 731 с.
15. Франк С. Л. С нами Бог. М.: АСТ, 2003. 750 с.
16. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. 1248 с.

ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Д.С. ЛИХАЧЕВА

Подвойская Наталия Леонидовна,

*кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий,
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва*

Имя академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (28.11.1906 – 30.09.1999), вне всякого сомнения, стоит в первом ряду крупнейших представителей культурной элиты России XX в. Как замечает известный отечественный ученый, один из самых цитируемых в России культурологов А.С. Запесоцкий, Д.С. Лихачев являл собой фактически забытый к XX в. тип ученого-энциклопедиста, продуктивно работавшего практически во всех областях гуманитарного знания: литературоведение и искусствоведение, этика и эстетика, краеведение и педагогика. Труды ученого сегодня представляют широкий фронт исследований для философов и специалистов по методологии науки. Однако наибольшее значение привлекают его достижения в теории и истории культуры [1, с. 64].

Д.С. Лихачев является автором ряда фундаментальных трудов по истории русской культуры в целом и русской литературы, в частности. За годы своей продолжительной активной научной деятельности он создал огромное количество трудов, в том числе около 500 научных и около 600 публицистических. У него так же немало работ, которые можно назвать просветительскими и педагогическими. Библиографический список его трудов к началу 1990-х годов превысил 1500 [3, с. 513]. Он выступал как бы от имени Культуры и Знания, воплощая собой европейскую линию национального просветительства, органично вбирающую в себя антропоцентричность, энциклопедичность, интеллектуальную независимость [2, с. 501].

Известно, что академик Д. С. Лихачев был увенчан самыми высокими учеными степенями и званиями, поставлен во главе многих крупных научных проектов и различных научных сообществ. Но при этом важно подчеркнуть, что помимо своей научной деятельности, он был страстным защитником культуры, активным пропагандистом нравственности и духовности, благодаря чему по праву обладал негласным титулом «совесть нации». В статье «Тревоги совести» Дмитрий Сергеевич с большой тревогой, болью и опасением обращал внимание на то, что «стала исчезать у нас совесть». И подчеркивал, что обязан об этом говорить, поскольку ему самому в жизни множество раз не по личным делам, а по таким, которые имеют огромное значение для сохранения нашей культуры, приходилось сталкиваться с людьми, у которых чувство совестливости отсутствовало [7, с. 39].

Без сомнения, Лихачев Д.С. обладал таким качеством как харизма. Слово «харизма» в последние годы получило очень широкое хождение, в том числе и в работах по элитологии. Харизма (от греч. *charisma* – оказанная милость, благодать, дар божий) – исключительная одаренность, обладание некоторым лицом особыми исключительными качествами, воспринимаемыми другими людьми как сверхъестественные, доступные только избранным личностям. Понятие харизмы впервые появилось в социологических теориях Э. Трельча и М. Вебера в качестве одной из форм политического господства, которая характеризуется отношением к политическому лидеру как высшему, сверхъестественному существу [10, с. 499]. Конечно, харизма наиболее заметной бывает у политических деятелей и руководителей разного ранга, особенно высшего, благодаря чему, собственно говоря, они и достигли своего положения в обществе. Но харизма, несомненно, присуща также творческим людям – артистам, поэтам, музыкантам и людям, занимающимся исключительно интеллектуальной деятельностью, в ходе которой они способны захватывать внимание и волю больших масс людей, например, учителей, преподавателям, ученым и другим категориям людей. Харизма чаще всего тесно ассоциируется с креативностью. Обиходное выражение «у него есть харизма» означает, что человек производит на окружающих сильное впечатление, они готовы к нему прислушиваться, поддаются его влиянию и готовы следовать за ним.

Ярким примером ученого-гуманитария как демиурга в персональном воплощении может выступать Дмитрий Сергеевич Лихачев. Ему были присущи такие качества, как: большая широта кругозора, чем у других специалистов его профиля; упорство в достижении цели; концептуальность; одухотворенность высокой научной идеей; создание научной школы [8, с. 14].

На примере Д.С. Лихачева можно увидеть, что для ученого-гуманитария харизма выступает, прежде всего, как фактор концептуализации гуманитарного знания. Ведь, если ученые в естественнонаучных областях знания при создании научной концепции могут опереться на материал наблюдения и эксперимента, то в гуманитарной области очень многое определяется авторитетом той или иной научной школы или крупного отдельного ученого, каковым и был Д.С. Лихачев [8, с. 15].

Академик Д.С. Лихачев, в принципе, никогда не стремился к политической деятельности. Однако, будучи избран депутатом Верховного Совета СССР в годы перестройки, он вынужден был погрузиться в эту деятельность и добросовестно исполнял свои депутатские обязанности. Интересен такой факт: именно он, будучи депутатом Верховного Совета СССР, внес предложение избирать первого президента СССР не путем всенародного референдума, а голосованием депутатов Верховного Совета, чтобы избежать назревающей конфронтации в стране [8, с. 9].

На тот момент, в силу указанного обстоятельства, это предложение, возможно, и было социально и политически обоснованным и вполне разумным, но впоследствии оно оказалось неэффективным, поскольку в 1991 г. определенные преимущества перед Президентом СССР М.С. Горбачевым получил Президент России Б.Н. Ельцин, который был избран в результате всенародного голосования.

Следует заметить, что в итоге самого Д.С. Лихачева ожидало разочарование в политической деятельности, но он до конца жизни сохранил уважение всего народа, благодаря стойкой позиции мудрого ученого-гуманитария, сторонника социальной справедливости и духовности культуры [8, с. 9].

Кстати, именно Д.С. Лихачеву принадлежит заслуга в разработке Декларации прав культуры, которая была принята на Учредительном съезде Конгресса интеллигенции Российской Федерации (г. Москва, 10–11 декабря 1997 г.). В Резолюции по этой Декларации отмечается, что съезд признает ее важным документом конца XX века, призванным стать основой для сохранения и развития культуры в Российской Федерации и в мире в начале нового тысячелетия [9, с. 151].

Будучи сам яркой элитной личностью, и практически всю свою сознательную жизнь посвятив сфере научного и социокультурного знания, академик Д.С. Лихачев, уже, как говорится, по определению, не мог в той или иной мере не касаться вопросов и проблем, входящих в широкий круг элитологических исследований. Вполне возможно, что сам Дмитрий Сергеевич был бы несколько удивлен, если бы узнал, что его можно «заподозрить» в том, что, помимо всего прочего, в его работах обнаруживается и элитологический аспект, тем не менее, это так. Правда, в его богатейшем научном наследии нет специальных работ, которые были бы всецело посвящены исследованию теорий элит, элитности, элитизации, элитогенеза и т.п. Но, представляется, что элитологические воззрения Д.С. Лихачева имплицитно присутствуют во многих его работах, посвященных истории русской культуры и литературы. В них он рассматривает проблемы взаимоотношения власти и народа, проблемы призвания и ответственности исторической личности политического или духовного руководителя (лидера, говоря современным языком), проблемы взаимодействия личности и власти. Последние, кстати, всегда были и есть и, скорее всего, будут одними из самых трудных и болезненных для научной и творческой интеллигенции.

В исследованиях Д.С. Лихачева, в том или ином аспекте, рассматриваются такие элитологические категории, как «идеал», «совершенство» и другие. Например, на наш взгляд, достаточно явный элитологический аспект в его воззрениях можно усмотреть и в небольшой статье «Нравственный идеал и национальная действительность». Здесь он призывает различать национальный идеал и национальный характер, подчеркивая следующее: а) идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает. Но национальный идеал тем не менее очень важен; б) народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу; в) мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры [6, с. 36].

Согласно Д.С. Лихачеву, признание идеала мощным регулятором жизни не исключает и признания того, что он, при всей мощности далеко не всемогущий, а иногда и направляющий культуры в сторону, отличную от той, в кото-

рую движет его исторический процесс со всеми экономическими основами. При этом силы идеала, пробиваясь к своему осуществлению, встречаются с сопротивлением «культурной материи», которая может заставить большой парусный корабль культуры лечь в байдевинд (бейдевинд (нидерл. *bij de wind*) – курс, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна составляет менее 90°). Именно такой случай, считает академик, мы имеем в культуре Древней Руси. Между идеалом культуры и действительностью оказался огромный разрыв. Причина этого видится ему не только в высоте идеала, не будучи крепко привязанного к действительности, но и в том, что в древнерусском идеале была какая-то удивительная свобода от всякого рода претворений в жизнь. Но это вовсе не значит, что этих претворений не было. Воплощались и высокие идеалы святости и нравственная чистота. Трудно не согласиться с Д.С. Лихачевым в том, что судить о народе мы должны по преимуществу, по тому, лучшему, что он воплощал или даже только стремился воплотить в жизнь [6, с. 38].

Совершенно очевидно, что в великих памятниках древнерусской литературы отражена вся сложная, трудная, противоречивая, а порой трагическая история нашего Отечества. В работах Д.С. Лихачева глубоко раскрываются портреты крупных государственных личностей, деятельность которых в значительной мере определяла векторы развития различных территорий Руси-России в тот или иной исторический период. Таким образом, произведения древнерусской и русской литературы это, с одной стороны, зеркало русской истории и культуры, с другой, увеличительное стекло, с помощью которого можно увидеть то, что не столь отчетливо видно невооруженным взглядом. При этом, весьма важно, на что исследователь его направляет, как он смотрит через это увеличительное стекло, и каким взором – чистым и непредвзятым или же замутненным разными идеологемами и предвзятостями.

Вот пример такого непредвзятого взгляда. Д.С. Лихачев пишет, что в прошлом мы привыкли думать о культуре Древней Руси как об отсталой и «китайски замкнутой» в себе. В самом деле: приходилось «прорубать окно в Европу» для придания русской культуре мало-мальски «приличного» вида, избавить русский народ от его «отсталости», «серости» и «невежества». Конечно, если исходить из современных представлений о высоте культуры, то признаки отсталости Древней Руси действительно были, но в XX в. неожиданно обнаружилось следующее. Эти признаки отсталости сочетались в Древней Руси с ценностями самого высокого порядка – в зодчестве, иконописи и стенописи, в декоративном искусстве, в шитье, а теперь стало еще яснее: в древнерусской хоровой музыке и в древнерусской литературе. После такой констатации вполне логичным представляется вопрос, поставленный Д.С. Лихачевым: «Не вернее ли думать, что те области, где эта отсталость замечается, просто менее характерны для культуры Древней Руси и не по ним следует о ней судить?» [6, с. 36–37]. Как видим, вопрос сформулирован так, что содержит в себе и ответ.

Без сомнения, Д.С. Лихачев представляет собой исключительно честного, пытливого, справедливого, но в то же время не беспристрастного исследователя, а исследователя-патриота, стремящегося при этом к максимальной объективности в работе с текстами и формулированию выводов. Так, он решительно выступал против скептиков, предлагавших пересмотреть вопрос об обширном литературном наследии Курбского и Ивана Грозного, а также против скептиков и мистификаторов относительно времени создания «Слова о полку Игореве».

В первом случае речь идет о книге американского историка, слависта, исследователя средневековой Руси Э.Л. Кинана «Апокриф Курбского-Грозного: происхождение «переписки», приписываемой князю А.М. Курбскому и царю Ивану IV». В этой книге автор поставил под сомнение подлинность самой знаменитой переписки XVI в., отнеся её возникновение к следующему столетию. В статье «Существовали ли произведения Курбского и Грозного» Д.С. Лихачев подвергает убедительной критике «фантастическую концепцию» Э. Кинана [5, с. 378–394]. Во втором случае речь идет о разнообразных точках зрения по поводу времени создания «Слова о полку Игореве». Разбирая эти точки зрения в работе «Слово о полку Игореве и скептики», Д.С. Лихачев делает вывод о крайней неполноте и явной несостоятельности гипотезы скептиков о позднем происхождении этого произведения [5, с. 394–405].

В большой работе «Повесть временных лет» Д.С. Лихачев достаточно убедительно доказывает, что исполнителем исторического труда ««Повесть временных лет», составленном в Печерском монастыре около 1113 г., является по всей вероятности, монах Киево-Печерского монастыря – Нестор [5, с. 117–118]. Следует заметить, что академику Д.С. Лихачеву принадлежит авторство перевода с древнерусского языка на современный русский язык таких важнейших произведений, как: «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Наставление тверского епископа Семеана», «Повесть о Горе-Злосчасти» [4].

Характеризуя древнерусскую литературу в целом, Д.С. Лихачев подчеркивает, что, несмотря на отсутствие в ней эффектов гениальности и писателей уровня Шекспира или Данте, она поражает своей монументальностью и величием целого. Поэтому она имеет право на заметное место в истории человеческой культуры и на высокую оценку своих эстетических достоинств. В Древней Руси было также немало крупных писателей, среди которых Иларион, Нестор, Симон и Поликарп, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Серапион Владимирский, Епифаний Премудрый, Ермолай Еразм, Иван Грозный, Аввакум и многие другие. Тем не менее, литература Древней Руси не была литературой отдельных писателей: она была искусством надындивидуальным [5, с. 8–9].

Обратим внимание на умение Д.С. Лихачева подчеркнуть главное, существенное в том или ином историческом персонаже, в его характере, поступках и поведении в целом, что дает нам возможность увидеть в нем цельную личность со всеми ее противоречиями, достоинствами и недостатками. В качестве примера возьмем личности Владимира Мономаха Ивана Грозного и Аввакума.

Так, оценивая письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу, убийце своего сына Изяслава, Д.С. Лихачев отмечает, что оно написано с удивительной искренностью, задушевностью и с большим достоинством. Это достоинство человека, сознающего свою огромную моральную силу. Мономах, заботясь о правде и о своей стране, чувству-

ет себя стоящим над мелочностью и суетой политики. Это письмо, подчеркивает Д.С. Лихачев, не было вызвано случайным настроением или случайными политическими обстоятельствами. У Мономаха были отчетливые этические представления, целая этическая система в области политики [5, с. 144–145].

Хорошо известно, что оценки личности Ивана Грозного порой значительно разнятся. В небольшой статье «Еще раз о доброте» находим следующую характеристику: «Кажется, сам «батьюшка» Иван Грозный завидовал славе Иванушки-дурачка и юродствовал вовсю. И женился без конца, и царство надвое делил, чтобы с полцарством остаться... Но все ж Иванушкой Иван не становился. Шуточки у него были самые людоедские... Любви народной не заслужил, хотя и пытались его когда-то изображать почти что народным царем» [6, с. 14].

А вот краткая, но содержательная характеристика Аввакума: «В Аввакуме и его писаниях поражает не только его нравственная стойкость, но способность подняться над самим собой, взглянуть с доброй и всепрощающей усмешкой на своих мучителей, которых он, отвлекаясь от ненавистных ему взглядов и действий, готов даже пожалеть, зовет их «горюнами», «беденькими», «дурачками». Аввакума иногда изображают мрачным фанатиком. Это глубоко неверно, он умел смеяться, с улыбкой смотреть на тщетные усилия своих мучителей. Он мягок и одновременно поразительно силен духовно» [6, с. 37].

Значительный интерес представляет краткая оценка этических систем этих трех личностей, данная Д.С. Лихачевым. Их волновала этическая сторона государственной деятельности. Перед нами три разные этические системы.

Система Владимира Мономаха опиралась на лирику царя Давида, на его самоотречение государственного человека. В известной мере она опиралась и на народную лирику. Лирическое начало было свойственно Мономаху – и в воспоминаниях о своем возрасте, и в воспоминаниях о своем жизненном пути, и когда он молил своего врага о примирении и когда просил вернуть жену покойного сына.

Система Ивана Грозного, которую Д.С. Лихачев называет страшной, которая поставила государство и государственные интересы над личностью, опиралась на риторику. Она глушила совесть пышностью слов или силой бранных выражений. Он был многоречив, так как боялся, что в нем заговорит совесть, если он остановится. Его пышные обличения были продолжением и одной из форм его пышных казней.

Система Аввакума, выросшая на идеях эмансипации личности, характерных для XVII в., и противостоявшая этической системе Грозного, сбрасывала покровы пышности со всего. Это была система почти натуралистического обнажения действительности. В этой системе ценность человеческой личности была восстановлена независимо от занимаемого ею положения в государстве и церкви [5, с. 159–161].

Представляется, что заявленная и пунктирно рассмотренная нами тема относительно элитологических взглядов Д.С. Лихачева вполне заслуживает того, чтобы иметь продолжение в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев – великий русский культуролог // Культура: взгляд из России. 2-е изд., доп. СПб : СПбГУП ; М.: Наука, 2015. 848 с
2. Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев – великий русский просветитель // Культура: взгляд из России. 2-е изд., доп. СПб : СПбГУП ; М.: Наука, 2015. 848 с.
3. Запесоцкий А. С. Педагогическое наследие академика Д.С. Лихачева // Культура: взгляд из России. 2-е изд., доп. СПб : СПбГУП ; М.: Наука, 2015. 848 с.
4. Изборник: Повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко. М.: Худож. лит., 1986. 447 с.
5. Лихачев Д. С. Великое наследие. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1980. 412 с.
6. Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд. доп. М.: Сов. Россия. 1984. 64 с.
7. Лихачев Д. С. Тревоги совести // Личное мнение: Сборник писательской публицистики. М.: Советский писатель, 1987. 496 с.
8. Луков Вл. А. Академик Д.С. Лихачев и его концепция теоретической истории литературы. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина (ГИТР), 2011. 116 с.
9. Рубежи. 1997. № 12 (2).
10. Элитология. Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
11. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь / под ред. А. Ю. ШUTOва, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделькова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
12. Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / под ред. П.Л. Карабущенко. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. 420 с.

СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ АСТРАХАНИ

Бигалиева Амина Галимжановна,

*главный библиотекарь отдела редких книг и книжных памятников,
Астраханская областная научная библиотека имени Н.К. Крупской, г. Астрахань*

Киселева Юлия Александровна,

*главный библиотекарь отдела редких книг и книжных памятников,
Астраханская областная научная библиотека имени Н.К. Крупской, г. Астрахань*

История региона – это не только наше прошлое. Это основа того, как наше общество будет выглядеть в будущем. Фундаментом общества выступают отдельные люди. Их жизнь, вклад в науку, культуру, образование, экономику определяют картину развития региона. Неизбежно интересна и притягательна судьба города, в котором каждая

улица, здание, дом связаны с биографией удивительных людей, которые энергией всей жизни вписали свои имена в его историю. В преддверии празднования 300-летия Астраханской губернии уместно вспомнить об этих личностях.

300-летие Астраханской губернии – знаковое событие как для нашего региона, так и для всей страны. Эта знаменательная дата в истории нашего края, атрибут культурной памяти региона, момент из прошлого, которое помогает нам лучше разобраться в том, кем мы являемся сейчас, эффективнее структурировать прихотливый исторический процесс.

В рамках празднования реализуется множество проектов образовательного, культурного, исторического характера. Их объединяет общее название – «Астраханская губерния. 300 лет на службе России». Самыми значимыми из них являются: «Аллея славы земли Астраханской» (организатор – правительство Астраханской области), «Астрахань в прошлом и настоящем» (авторский проект Вадима Манькова), «Твоя родословная» (Агентство по делам архивов Астраханской области), «Авторы трудов об Астраханском крае» (Астраханская библиотека им. Н.К. Крупской) [9]. Основная цель всех культурных событий этого года заключается в возрождении, укреплении и умножении исторической памяти посредством увековечивания информации о знаменитых астраханцах, внёсших значительный вклад в развитие Астраханской области и России.

Астраханская библиотека им. Н.К. Крупской – хранилище культурной памяти региона, зеркало, отражающее в себе ход исторических событий прошлого и настоящего – не могла остаться в стороне от столь важного, значимого события. Целью создания нового интернет-проекта – краеведческого электронного ресурса «Авторы трудов об Астраханском крае» – является аккумуляция в одном месте сведений о печатных источниках, содержащих информацию об Астраханском крае и их авторах. Его герои – люди, которых объединяет интерес к нашей малой родине, чьи книги, исследования, дневники, письма посвящены разным периодам истории и сферам жизни Астраханского края [1].

Отдел редких книг и книжных памятников принимает активное участие в пополнении данного библиографического справочника. Работа с фондами предполагает: изучение их происхождения, состава, выделяются отдельные личные собрания. Большим подспорьем в изучении происхождения фондов библиотек служат книжные знаки, владельческие и дарственные надписи, являющиеся связующим звеном между книгой и её владельцем. В большинстве случаев владельцами книг выступают представители культурной элиты страны и непосредственно региона.

В последние десятилетия в России, на фоне возрождения интереса широких слоёв населения к краеведению, происходит становление научного краеведения, так, в Астраханском государственном университете уже в течение ряда лет действует кафедра регионоведения, проходят разномасштабные краеведческие конференции, чтения, круглые столы, значительно увеличивается количество местных изданий краеведческой направленности, переиздаются книги прежних лет.

В рамках данной статьи остановимся на нескольких представителях подлинной культурной элиты астраханского региона, людях, полностью отдававших себя изучению Астраханского края. Это Михаил Самсонович Рыбушкин (1792–1849), Адольф Николаевич Штылько (1867–1922), Александр Исаевич Юхт (1917–1995). Для всех этих людей 2017 г. является юбилейным. Их имена отражены в календаре «Астраханский край: события и даты» на 2017 г., издаваемым ежегодно Астраханской областной научной библиотекой им. Н.К. Крупской [2, с. 13, 19, 31, 84, 97, 103, 41].

Михаил Самсонович Рыбушкин – педагог, журналист, историк, литератор, которого знал А.С. Пушкин, адъюнкт Казанского университета, директор народных училищ в Астраханской и Пензенской губернии [3, с. 4]. Он был неоднократно отмечен различными правительственными наградами и поощрениями как министерскими, так и губернско-начальства. Михаила Самсоновича Рыбушкина исследователи называют «первым казанским журналистом». В 1832–1834 гг. он издавал в Казани журнал «Заволжский Муравей» – первое частное периодическое издание в регионе, ставшее крупным общественно-литературным явлением. В 1834 году он опубликовал свою первую «настоящую» книгу: «Краткая история города Казани», активно сотрудничал в периодических изданиях «Казанский Вестник» и «Казанские Губернские Ведомости» [5, с. 433]. Для астраханцев имя Михаила Самсоновича известно благодаря его монументальному труду «Записки об Астрахани». В нем он постарался представить с наибольшей полнотой историю города, познакомить читателей с некоторыми малоизвестными фактами, тем более что, работая над «Записками», М.С. Рыбушкин использовал архив Губернского правления, в котором хранились многочисленные свитки, грамоты и другие бумаги начиная с XVI в. Подлинный экземпляр 1841 г. выпуска находится на хранении в фондах Астраханской областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской. Полная версия этого издания отсканирована и выставлена на сайте библиотеки в разделе «Астраханская краеведческая коллекция» [6]. К празднованию 450-летнего юбилея города был запущен проект «Астраханская губернская библиотека». Для его воплощения была проведена тщательная кропотливая работа по сбору материала и цифровизации объектов культурного наследия – известных произведений культуры и искусства, хранящихся в фондах астраханских музеев и библиотек. В рамках этого проекта в 2008 г. вышло 3-е дополненное издание, для которого был использован экземпляр 1841 г., хранящийся в фондах областной библиотеки. А 28 сентября 2016 г. библиотека провела Краеведческие чтения из цикла «Живая память», приуроченные к 175-летию выхода в свет книги Михаила Самсоновича Рыбушкина «Записки об Астрахани». Этот труд М.С. Рыбушкина является уникальным источником сведений об Астрахани, в котором описаны основные этапы и страницы истории Астраханской губернии.

Еще одним фундаментальным трудом по истории Астрахани является работа Адольфа Николаевича Штылько «Иллюстрированная Астрахань», изданная в Саратове в 1896 г., с рисунками художника и архитектора Адама Малаховского. Данный труд, как и труд М. Рыбушкина, является библиографической редкостью. И отраднo, что знаковые даты в истории нашего города отражаются в таких благих делах как переиздания краеведческой литературы, дают Книге второе рождение, перекидывая мостик из прошлого в будущее. В 2008 г. была переиздана и книга А.Н. Штылько.

Адольф Николаевич прожил удивительную жизнь, был разносторонне развитым человеком: рисовал, писал картины, увлекался фотографией, играл на скрипке, интересовался историей. Он мог часами засиживаться в Общественной библиотеке, изучая книги по истории нашего края. Штылько был членом Петровского общества исследователей Астраханского края, заведовал его библиотекой. Это членство дало ему возможность сблизиться с культурной элитой города своего времени, такими известными краеведами как Н.Ф. Леонтьев, С.Л. Никольский, К.Н. Малиновский. Будучи редактором «Астраханского вестника», Штылько выдерживал острую конкуренцию с «Астраханским листком», редактором которого был В.И. Склабинский, газета которого наряду с газетой А.Н. Штылько, является ценнейшим источником по региональной истории [4, с. 89–111]. Труды и воспоминания А.Н. Штылько отчётливо показывают, как стремительно менялся облик города на рубеже XIX – начала XX в. И сейчас его труды актуальны и востребованы современным читателем.

Александр Исаевич Юхт являлся подлинным представителем советской интеллигенции, выходцем из рабочей семьи. Он получил историческое образование в Ленинградском государственном университете, участвовал в Великой Отечественной войне. После демобилизации из армии в 1945 г. Александр Исаевич жил и работал в Астрахани. Здесь он преподавал в педагогическом институте, занимался изучением истории нашего города, трудился над материалами местного архива. Российский историк Александр Александрович Преображенский, написавший об А.И. Юхте обширную статью, подмечает такой поразительный факт, что он «как бы родился исследователем и всего достиг сам, без руководящего участия наставников, старших товарищей» [8, с. 274–291]. Эта особенность и отличала Александра Исаевича от большинства его коллег. Юхту была присуща необыкновенная работоспособность и всеохватывающая любовь к истории. Сфера его научных интересов достаточно широкая: русская социально-экономическая и политическая история XVII–XVIII вв., история торговых связей России со странами Востока, источниковедение. Александр Исаевич ввёл в научный оборот много новых источников, в том числе комплекс астраханских таможенных книг XVIII в.

В отделе редких книг и книжных памятников Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской хранится немалое количество научных трудов Александра Исаевича Юхта. На таких книгах как «Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века)», «Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х–начале 30-х годов XVIII в.» присутствуют дружеские дарственные надписи, адресованные профессору Ушакову Николаю Михайловичу (впоследствии Н.М. Ушаков передал эти книги в фонды Отдела редких книг). Исследуя проблемы этносов Астраханского края, А.И. Юхт особенно пристально изучал формирование армянской колонии в Астрахани: на оттиске одной из его статей – «Восточная торговля России в 30–40-х годах XVIII в. и роль в ней армянских купцов» – имеется следующая дарственная надпись: «Уважаемому Тиграну Николаевичу Портнову на память о совместной работе в сельхозтехникуме. 4/03/1957 г. А. Юхт». Тигран Николаевич, также будучи одним из ярких представителей культурной элиты нашего края, консультировал своего коллегу по различным вопросам жизни и быта армянского населения. Вклад А.И. Юхта в изучение Астраханского края: многочисленные статьи и монографии, представленные в краеведческом электронном ресурсе «Авторы трудов об Астраханском крае», разнообразен, обширен и затребован всё новыми и новыми исследователями региональной истории.

Мы попытались отразить историю города сквозь призму судеб отдельных представителей астраханской культурной элиты, которые видели неразрывную связь идеи, сформулированной М.С. Рыбушкиным в его «Записках» и отражающих взаимосвязь прошлого и настоящего, центра и периферии: «...История всякого края, города и местечка составляет уже звено, принадлежащее Истории Государства» [7, с. 6].

Список литературы:

1. Авторы трудов об Астраханском крае. Режим доступа: (дата обращения 10.03.2017).
2. Астраханский край: события и даты на 2017 год // Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской. Астрахань, 2016. 156 с.
3. Марков А. С. Неизвестный Штылько // Марков А. С. Записки астраханского краеведа. Астрахань, 2011.
4. Проекты в рамках празднования 300-летия Астраханской губернии. Режим доступа: <https://300.astrobl.ru/projects> (дата обращения 14.03.2017).
5. Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. 3-е изд., доп. Астрахань: Волга, 2008. – 278 с.
6. Рыбушкин Михаил Самсонович // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и Эфрон. СПб, 1899. Т. XXVII.
7. Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. Москва : тип. С. Селивановского, 1841. 221 с.
8. Творческий путь Александра Исаевича Юхта (1917–1995). К 80-летию со дня рождения // Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. М.: Русское слово, 2000.
9. Электронная библиотека «Астраханская краеведческая коллекция». Режим доступа: <http://aonb.astranet.ru/kk/col33.html> (дата обращения 01.03.2017).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ЛИДЕРА В ЭКСПЕРТНОМ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Понеделков Александр Васильевич,

доктор политических наук, профессор,

*лаборатория проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону*

Воронцов Сергей Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор,

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону

Нувахов Тенгиз Асадович,

кандидат политических наук, депутат,

Батайская городская Дума, г. Батайск

В условиях происходящих в мире кардинальных геополитических изменений важное значение для каждого индивида представляет вопрос о том, кто принимает важнейшие решения в политической, экономической, идеологической и иных жизненно важных областях социальной жизни, определяющих настоящее и будущее личности, государства, общества. Иными словами – кто входит в элитный слой России.

При этом важно не наличие элиты само по себе, но и ее профессионализм, порядочность, умение слышать людей, воспринимать и решать проблемы, поднимаемые ими. Не менее важно знать то, как население оценивает деятельность политико-административных элит. Новейшая история свидетельствует: там, где власть отрывается от населения, уровень внутренних угроз возрастает, что, в конечном счете, приводит к падению власти. Поэтому, оценка населением деятельности федеральных и региональных элит представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Представители ростовской научной элитологической школы, сложившейся в течение последних 20 лет, уделяют постоянное внимание социологическим замерам региональных элит. Такие замеры проводились в субъектах Российской Федерации начиная с 2005 г. (в 2005, 2007, 2009, 2013–2016 гг.). География выбранных субъектов охватывала основные регионы России, ситуация в которых отражает основные тенденции состояния и развития региональных элит в стране. В каждом субъекте проводился опрос респондентов, представляющих экспертные группы, включающие административно-политических служащих, бизнесменов, экономистов, работников промышленности, транспорта, сельского хозяйства, представителей культуры, науки и образования. Опрос проводится методом анонимного анкетирования. Анкета включает до 30 таблиц, содержащих 25–30 позиций, по которым надо было дать от 1 до 3 ответов, либо ранжировать варианты ответов. При наличии в таблицах положительных и отрицательных вопросов их количество выдерживается приблизительно одинаково. Обработка материалов проведена профессиональными социологами.

Результаты проведенных социологических исследований доведены до участников Первого (2013 г.) и Второго (2016 г.) Всероссийских элитологических конгрессов с международным участием. По материалам этих научных форумов изданы труды: «Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии» (2012), «Взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества» (2012), «Взаимоотношения политических и религиозных систем: философско-правовой анализ» (2013), «Современные региональные элиты (социологический анализ): информационно-аналитические материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием» Элитология России: современное состояние и перспективы развития» (2013), «Местное самоуправление в России: итоги реформы и перспективы развития» (2013), «Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы Первого всероссийского элитологического конгресса с международным участием» (2013), «Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России» (2014), «Современные демографические процессы в общественном мнении: информационно-аналитические материалы» (2014), «Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России: итоги исследований последнего 20-летия» (2014), «Лидер, элита, регион: материалы научно-практической конференции с международным участием» (2014), «Проблемы повышения эффективности местного самоуправления в условиях современных реформ и политических процессов в России: материалы научно-практической конференции с международным участием» (2015), «Элитология и стратегии развития современной России: материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21–22 октября 2016 г.» (2016), «История отечественной элитологической мысли» (2016).

Проведенные социологические замеры показывают, что и в политико-управленческой практике, и в восприятии наиболее политически влиятельных, хотя и весьма различных по идеологическим позициям отечественных элитных и субэлитных групп, прослеживается нарастающий интерес к сильному лидерскому представительству Российского государства.

Как представляется, причины разнонаправленных оценок связаны как с некоторой стабилизацией внутрисистемной политической ситуации на фоне политики санкций, инициируемых США, так и с изменениями политического

влияния России на внешнеполитической арене, произошедшими в связи с событиями в Украине, а также с ростом конкуренции между Западом и другими регионами мира в борьбе за «перетягивание» России как государства, обладающего значительными сырьевыми и энергетическими ресурсами в рамки того или иного политического лагеря.

Россия, в настоящее время, пока не в полной мере может рассматриваться как крупный геополитический игрок, претендующий на роль самостоятельного центра силы. Но ее потенциальные возможности достаточны, чтобы серьезно влиять на уже сложившиеся центры глобальных сил. Ведущую роль в этих глобальных процессах играет Президент России В. Путин, набравший за последние годы весомый авторитет, как в международных отношениях, так и во внутренней политике. Это основная причина его поддержки внутри страны и попыток дискредитации на международной арене. Учитывая то обстоятельство, что авторитетный лидер должен являться центром консолидированной и сконцентрированной политической воли, В. Путин существенно повысил требования и запросы к лидерской составляющей политического управления в современной России. Поэтому важно оценить, как эти требования воспринимаются в массовом сознании.

Принципиальная позиция Президента России по событиям в Украине, присоединению к России Крыма, его взвешенная реакция на санкции Запада способствовала росту консолидированной поддержки подавляющей части населения страны. Об этом свидетельствуют как результаты опубликованных социологических опросов населения, так и результаты голосований по коллективно принимаемым политическим решениям. Это подтверждают и результаты социологического исследования, проведенного нами в 2014 г. (см. табл. 1). В качестве лидерско-элитной конфигурации, которая ответственна за стабильность ситуации в стране, регионе, на местах, респонденты достаточно уверенно выделили триаду: «Президент РФ – руководители субъектов РФ – органы местного самоуправления». На два порядка в оценках респондентов от указанной триады отстали Совет Федерации и полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе.

Таблица 1

Какие из нижеперечисленных государственных органов, организаций и должностных лиц наиболее эффективно могут влиять на стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в Вашем регионе?

Предлагаемые варианты ответов (можно указать 3–4 варианта)	Мнение респондентов, %
1. Президент РФ	79,6
2. Совет Федерации	4,98
3. Государственная Дума	12,94
4. Совет безопасности	3,48
5. Прокуратура	17,91
6. Суд	5,47
7. ФСБ	16,42
8. МВД	8,46
9. Армия	3,98
10. Полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе	4,48
11. Минрегионразвития РФ	6,47
12. Институт уполномоченных по правам человека	1,49
13. Миграционная служба	1,49
14. Руководители субъектов РФ	61,19
15. Законодательные органы субъектов РФ	15,92
16. Органы местного самоуправления	29,35
17. Общественные организации	6,47
18. Политические партии	11,44
19. Профсоюзы	0,5
20. Религиозные организации	2,49
21. СМИ	14,93
22. Другие	1,99

В целях изучения запросов населения к лидерам регионального уровня нами проведено социологическое исследование, результаты стали предметом научной дискуссии в рамках научно-практической конференции с международным участием «Лидер, элита, регион». По нашему мнению, заслуживают внимания следующие позиции.

В оценках респондентов не наблюдается обычно встречающаяся в подобных исследованиях коллизия между «сущим» и «должным», что применительно к нашему предмету исследования касается оценок реального стиля взаимоотношений региональных лидеров с бизнес-группами и другими значимыми элитными группами и желаемого образа этих отношений. В реальных условиях по мнению почти половины респондентов преобладает партнерский стиль, что создает обстановку взаимодействия, позволяющую избегать конфликтных ситуаций.

Вторую ранговую позицию, по мнению 25 % респондентов, занимает патронажный стиль. Это позволяет утверждать, что с лидерами административно-политической элиты представителям различных групп, входящих в элитный альянс почти всегда возможно договориться, прийти к компромиссу. Таким образом, существенно снижена вероятность возникновения публичных конфликтов между представителями элит.

Что касается «должного», то большая часть респондентов желала бы видеть развитие демократических начал во взаимоотношениях административных лидеров с другими элитными группами (53–54 % опрошенных). К авторитарным началам как к приоритету апеллирует около 30 % опрошенных. При этом следует учитывать, что желаемым в действиях политического лидера они видят опору на закон, правопорядок, справедливость, а также приверженность патриотическим ценностям (свыше 45 %). Необходимость повышения авторитарных начал в действиях политического лидера отмечают не более 28 % респондентов.

Что касается повышения внимания к проблемам малоимущих, то здесь респонденты не видят значительной проблемы (13,4 %). Еще менее поддерживается ориентация на религиозные (6,5 %) или светские ценности (12 %), как значимые факторы в формировании авторитета политического лидера. Наиболее весомую поддержку получила у респондентов ориентация лидера на прогресс, инновации, позволяющие продвигать Россию и ее регионы на новые высоты, заставляющие считаться и уважать Россию в мировом сообществе (около 37 %).

Заставляют задуматься суждения респондентов о качественных характеристиках современных региональных лидеров. Только 30 % опрошенных полагают, что они достаточно образованы, 16,4 % считают, что уровень образования недостаточен, 49,2 % полагают, что необходимо вести постоянную работу по повышению компетентности региональных лидеров.

Анализ мнений респондентов позволяет сформулировать следующие рекомендации по критериям селекции политических лидеров. Ведущая роль отводится комплексу мер по отбору наиболее способных, а не устремленных в эту сферу индивидов, а также реализации мер по переподготовке, повышению квалификации и управленческой социализации лидеров.

Сопоставительный анализ оценок и мнений об административно-политических элитах, полученных в ходе рассматриваемого опроса с характеристиками, отраженными в материалах I Всероссийского элитологического конгресса, позволяет сделать вывод, что значимых сдвигов в этих оценках на уровне 2014 г. не произошло. Тем не менее, можно сформулировать обновленную гипотезу этих оценок в расширенном панельном ряду социологических замеров 2007–2016 гг.

Прежде всего, следует отметить явное противоречие: при всем том, что оценки лидерского стиля и должные требования к нему, как подчеркивают респонденты в исследовании 2014 г., имеют партнерско-демократический характер, но реальная конфигурация власти, замкнутая на лидера, по своей сути авторитарна. Об этом наглядно свидетельствуют ответы на вопрос: «Кому, на наш взгляд, сегодня реально принадлежит власть в регионе?»

В отношении демократического компонента властных структур, которые избираются населением (региональные законодательные собрания, региональные отделения партий), респонденты отводят им достаточно скромные позиции. Если рассматривать оценки ближайшей перспективы совершенствования взаимодействия элит между собой и с населением, у последнего сохраняется надежда на то, что к его запросам и пожеланиям правящие элиты будут внимательно прислушиваться (на это надеется около 42 % опрошенных – это первая ранговая позиция). Это подтверждается и в ответах на вопрос: «Каким основным требованиям должна удовлетворять элита?». Здесь проранжированные населением оценки первого ряда выражаются тетрадой: «профессионализм – образованность – высокая нравственность – патриотизм». Обращает на себя внимание, что профессионализму отдали предпочтение около двух третей опрошенных.

Респонденты желали бы видеть ориентированность региональной элиты на социальную справедливость и учет интересов разных социальных групп (третья по ранговой значимости позиция). Такие качества, как «прагматизм» и «справедливость» получили невысокий уровень предпочтений – 9 и 4 % соответственно. 23 % опрошенных выразили сомнение в том, что региональной элите присуща политическая ответственность.

Оценки респондентов свидетельствуют, что в общественном мнении адекватно отражаются и реальные властные позиции в элитном сообществе, и первоочередной запрос на качественный состав и эффективную деятельность элит. Этому выводу имеются подтверждения. В частности, около половины опрошенных граждан разделяют позицию, согласно которой федеральная и региональные элиты не вполне соответствуют качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою.

Что касается стабильности положения современной российской элиты предпочтение отдано оценкам, фиксирующим неустойчивость элит. Так думает свыше 38 % граждан. Что касается более определенных оценок (либо «стабильно», либо «нестабильно»), то они сопоставимы – так полагает около пятой части опрошенных.

В оценках позитивных характеристик элит, которые выставляет население, представляет интерес, что население значительно выше ценит «разруливание» элитой возникшей ситуации, нежели недопущение ее возникновения. Так, более 44 % опрошенных выделило «умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку». «Чуткости к проблемам населения» (13,7 %), умению «патронировать развитию местного бизнеса» (12,2 %) отведены низшие места в рейтинге. По-видимому, такая градация приоритетов определяется все еще незавершенным переходным периодом с его конфронтационно-конкурентным фоном, большей востребованностью «пожарных мер», а не повседневной конструктивной деятельности элит. Ранжирование ответов на зеркальный вопрос о недостатках элит, подтверждает изложенное. Причем, в этих ответах гораздо меньше парадоксов, чем можно было бы ожидать.

Ведущая тройка недостатков, отмечаемых респондентами в деятельности региональных элит, остается неизменной в течение ряда последних лет: «коррупционность – недостаточный профессионализм – подбор руководства по родственным и приятельским признакам». На первое же место вышел ответ: «игнорирование запросов и интересов населения» (свыше 58 %). Устойчивое ранжирование одних и тех же недостатков отражает основную проблему постсоветских

элит, сформировавшихся не на принципах меритократии, а в жесткой борьбе за передел государственной собственности и власти. При этом, постсоветские элиты сделали все, чтобы максимально изолировать общество от участия в «большом переделе». В близкой перспективе могут возникнуть условия для востребованности совсем других качеств элит, на что указывают респонденты в ответах следующего проблемно-тематического блока.

Респонденты, при оценке процесса формирования высшего слоя административного руководства своего региона, указали в качестве первой ранговой позиции ответ: «В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность» (37 %), – иными словами, «идеологические оборотни». На втором месте – «К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы» (29,5 %). На третьем – «У власти находятся сейчас люди, у которых много замыслов, желание изменить ход событий, но их усилия блокируются высшей государственной властью и коррумпированными структурами» (24,7 %). Правда, предложенный для выбора вариант ответа не фиксирует, в чем отличительные черты такого рода руководителей, что дает респонденту возможность скрыть свою позицию за этой «неопределенностью».

Что касается оценки влияния механизмов, которые традиционно относятся к меритократическим и демократическим, действие которых ведет к отбору более профессиональных и некоррумпированных политиков и чиновников, то лишь чуть более 15 % респондентов указывают на их влияние на формирование современной российской политико-административной элиты.

Анализ ответов респондентов дает основание полагать, что они понимают, что желаемые изменения произойдут не сразу. Так, отвечая на вопрос: «Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в региональных структурах власти?», респонденты демонстрируют вполне реалистический прагматичный подход: а) умение выражать и защищать интересы населения – 42,2 %; б) лояльность политическому режиму – 35,5 %; в) профессионализм – 34 %; г) умение поддерживать неформальные отношения с влиятельными людьми из Центра (27,5 %).

Таблица 2

Какие из указанных факторов Вы считаете наиболее важными для повышения эффективности регионального уровня власти?

Предлагаемые варианты ответов (не более 3-х вариантов ответа)	Мнение респондентов, %
1. Наличие сильного лидера	65,67
2. Высокопрофессиональная команда	63,68
3. Хорошо организованная система кадровой политики	29,85
4. Обеспечение финансовыми и материальными ресурсами	44,28
5. Выстроенность нормативно-правовой базы	18,91
6. Хорошо отлаженная система контроля за исполнением принятых решений	31,84
7. Система мотивирования исполнителей решений	10,95
8. Высокоинтеллектуальный штаб экспертов и консультантов, помогающих готовить решения	8,96
9. Наличие авторитетных лоббистов и связей в Центре	10,95
10. Эффективная оценка информационного воздействия на избирателей, население	1,49
11. Поддержка власти со стороны крупного бизнеса	6,97
12. Наличие конструктивной оппозиции	10,95
13. Хорошее взаимопонимание и взаимоподдержка властей	17,91
14. Что еще (напишите)	1

Подводя итог вышеизложенному и принимая во внимание оценки, изложенные в таблице 2, следует подчеркнуть, что в числе факторов, наиболее значимых для повышения эффективности регионального уровня власти, эксперты выделили наличие сильного лидера, располагающего высокопрофессиональной командой, при обеспеченности финансовыми и материальными ресурсами. Одновременно респонденты отмечают необходимость отлаженной системы контроля за исполнением принятых решений и системы подбора, подготовки и расстановки кадров.

В целом, оценки респондентов совпадают с позицией Президента России В. Путина в отношении лидерства. Президент России считает, что лидеры должны стремиться улучшить жизнь людей, а не удовлетворить свои амбиции, отметил президент. «Самое главное – у этого человека и у этих людей, которые хотят заниматься организацией жизни каких-то коллективов – больших или маленьких, неважно, на уровне школы, института, университета, района, города, края, страны – самое главное, он должен в душе быть настроен на то, чтобы приносить пользу тем, ради кого он собирается это делать. Не удовлетворять свое эго, не удовлетворять свои амбиции, а должно быть стремление к улучшению жизни» [14].

Список литературы

1. Взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества. Информационно-аналитические материалы к проведению круглого стола. Ростов н/Д: СКАГС, 2012. 184 с.
2. Воронцов С.А. Взаимоотношения политических и религиозных систем: философско-правовой анализ. Ростов н/Д: Ростовское книж. изд-во, 2013. 192 с.
3. Рудой В.В., Понеделков А.В., Шутов А.Ю., Буров А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Горбунов А.А., Яланский А.П. Проблемы повышения эффективности местного самоуправления в условиях современных реформ и политических процессов в России. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 832 с.

4. Рудой В.В., Луганцев Е.П., Шутов А.Ю., Понеделков А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Филоненко В.И., Кузина С.И., Горбунов А.А., Черкасова Т.П., Змияк С.С., Ляхов В.П., Магранов А.С., Карпова А.В. Современные демографические процессы в общественном мнении: информационно-аналитические материалы. Ростов н/Д: Донское книж. изд-во, 2014. 144 с.
5. Рудой В.В., Луганцев Е.П., Шутов А.Ю., Понеделков А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Кузина С.И., Черкасова Т.П., Ляхов В.П., Горбунов А.А. Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России. Ростов н/Д: Донское книж. изд-во, 2014. 800 с.
6. Лидер, элита, регион / рук. А.В. Понеделков; А.Ю. Шутов, А.М. Старостин, С.А. Воронцов, А.А. Горбунов, С.И. Кузина. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2014. 928 с.
7. Местное самоуправление в России: итоги реформы и перспективы развития. Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 334 с.
8. Понеделков А.В., Старостин А.М., Змияк С.С. Лидерско-элитная составляющая региональных политических процессов в экспертном и массовом сознании // Лидер, элита, регион. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2014. 2014 с.
9. Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии. Ростов н/Д: СКАГС, 2012. 704 с.
10. Рудой В.В., Шутов А.Ю., Понеделков А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Черкасова Т.П., Змияк С.С., Кузина С.И., Ляхов В.П. Современные региональные элиты (социологический анализ) // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 184 с.
11. Элитология России: современное состояние и перспективы развития: в 2 т. Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2013.
12. Элитология и стратегии развития современной России / ред.-изд. гр.: А.Ю. Шутов (руков.), О.В. Локота, С.Г. Еремеев, А.В. Понеделков, О.Ф. Шабров, А.В. Буров и др. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС. 2016. Т. 1. 928 с.
13. История отечественной элитологической мысли. / под ред. проф. А.Ю. Шутова, П.Л. Карабущенко, А.В. Понеделкова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
14. Владимир Путин рассказал школьникам о лидерстве. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/09/01/reg-dfo/vladimir-putin-rasskazal-shkolnikam-o-liderstve.html>

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: ПРОЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛИСТСКИХ И СЕПАРАТИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛИТИКЕ ЭЛИТ

Вартумян Арушан Арушанович,

*доктор политических наук, профессор,
заместитель директора по научной работе и инновационной деятельности,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске*

В современной политической практике, основанной на теневом взаимопонимании элит, проявления регионалистских и сепаратистских тенденций в политике элит во многом обусловлены закрытым характером рекрутирования элит. По мнению Семенова В.С., существующий порядок рекрутации предполагает «закрытость» процессов элитообразования [1]. К сожалению, кадровая политика современной России (от Президента до органов муниципальной власти) отмечена на предсказуемость, отсутствием ротационных практик, «теневым» способом принятия решений. Отсутствуют рациональные подходы, основанные на теории элитного взаимодействия, усложняются возможности их качественного обновления и способствует формированию «правлящих элит» олигархическими и этнократическими интересами.

Складываются парадоксальная ситуация, имеющая отношение к процессу рекрутации элит. Выдвигаются определенные требования к уровню образования, карьерным достижениям, определенной «чиновничьей» статусности, а при назначении на должность «всплывает» креатура «серой лошади» за которой кто-то стоит. Самый последний пример – назначение И.О. ректора Темиряшевской академии, бывшего пресс-секретаря А. Ткачева, кандидат филологических (!) наук Галины Золиной. Следует исходить из следующих посылов: качественный состав современных российских элит и эффективности их функционирования напрямую зависят от типа рекрутирования и ротации. В самой элитологической науке качественная оценка состояния элит весьма неоднозначна: от отрицания существования в современной России элит или признания в качестве таковых локальных (региональных) кланов полукриминальной направленности. Мы вынуждены констатировать, что основным угрожающим фактором в отечественной политической практике последних лет является движение от открытой и полуоткрытой системы рекрутирования элит к закрытой или номенклатурной практике.

Проявление регионалистских тенденций в политике элит наиболее заметно на региональном и муниципальных уровнях, где наблюдается «уход» из системы публичных отношений легальных и открытых дискуссионных площадках. На первый план выходит корпоративное происхождение кандидатов, т.е. их предшествующая связь с номенклатурной элитой и приверженность «боссу». В национальных республиках (особенно Поволжье, Северный Кавказ) отмечают случаи классического трайбализма, который долго служил примером для государств Африки и стран «третьего мира» [2]. Политические элиты «набранные» и рекрутированные представляют собой трудноуправляемый, конгломерат, созданный из «антиэлит»: силовики, спортсмены, партийные карьеристы, бизнес-представители, полукриминальные активисты и т.д.

Тезисно можно представить два типа элитных образований: «команды» в области власти и управления, характерные для большинства регионов РФ, и этнические кланы в национальных республиках. Ранее доминировавший тезис о неблагоприятном процентном отношении представителей титульных этносов и русскоязычным населением нами берется под сомнение. Например, в Республике Адыгея 23 % населения региона являются титульной нацией (адыгейцы), а анализ властно-элитного представительства в органах власти явно не в пользу русскоязычных (76 %) [3].

Борьба с коррупцией предполагает борьбу с различными схемами, нацеленными на конвертацию властных полномочий в материальные блага, преференции и ресурсы.

Можно выделить критерии принадлежности к подобной команде:

- личная преданность;
- высокая степень лояльности «патрону»;
- участие в схемах конвертации властных полномочий;
- адекватное восприятие волеизъявлений лидера;
- построение своих действий соответственно ролевой установке и положению в команде.

Для национальных республик, особенно Северного Кавказа, характерен иной тип элитных образований. В основе их формирования лежат специфические социокультурные черты локальной горской цивилизации:

- своеобразная нормативная культура северокавказских народов;
- устойчивые формы общественного регулирования (тейпы, тухумы);
- повышенная этнизация общественных процессов;
- усиление этнократических факторов;
- трансформация кланов в культурно-политические объединения;
- существующие традиции групповой солидарности, способствующие воспроизводства этнических кланов во властных структурах.

Элиты, допущенные к власти, с большим трудом подвержены процессам модернизации, к открытой конкурентной системе рекрутирования элит. В современном политическом процессе начинают проявляться элементы застоя, связанные с правилом сменяемости элит. Нахождение у власти двух и более сроков правления приводит к апатии элит, либо складываются предпосылки для формирования сепаратистских тенденций в политике элит.

А. Лейпхард называет сотрудничество – соперничество элит [4]. Таким образом, мы считаем, что на современном уровне развития политической системы в России, при рекрутировании элит и в самом процессе элитообразования наблюдается отход от классических форм ротации элит, отказ от прозрачности самого процесса, «надломление» общедемократических норм конкуренции и состязательности, наличие «теневой» коррупционной составляющей. Нарушается главный принцип поведения элит – системность и предсказуемость. Профессиональные элиты перестают выполнять конструктивные и позитивные функции, очень часто становятся субъектами регионалистских и сепаратистских тенденций [5].

Список литературы

1. Семенов В.С. Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности // Мат-лы Всер.науч-практ.конф. (9–10 июля, 2009г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2009. С. 276.
2. Панов П.В. Этничность и распределение властных позиций в полиэтническом обществе: проблемы и решения // Российский Кавказ: проблемы, поиск решения. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 149.
3. Ремизов М.В. Северный Кавказ в современной этнополитической картине России // Неудачная Россия. Доклады по этнополитике. М.: Ин-т нац. стратегии, Книжный мир, 2015. С. 404.
4. Лейпхард А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 43.
5. Вартумян А.А., Корниенко Т.А. Модернизационные политические процессы: цивилизационная и национальная специфика. М.: ЦИУМ и НЛ, 2016. С. 134.

ЭЛИТЫ В РОССИИ: ОБНОВЛЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ КОНКУРЕНЦИИ

Никовская Лариса Игоревна,

профессор, доктор социологических наук, главный научный сотрудник,

Институт социологии РАН, г. Москва

Молокова Маргарита Александровна,

профессор, доктор политических наук,

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Выход из кризиса и переход к инновационному типу развития во многом предопределяется, при отсутствии сложившихся массовых социальных слоев со своими осознанными социальными интересами, готовностью самих элит двигаться в этом направлении, формировать стратегию и мотивационную матрицу. Состояние элит представляет собой один из важнейших показателей состояния общества и перспектив его развития. В этом проявляется сложившаяся в течение столетий российская специфика, заключающаяся в том, что в нашей стране состояние, интересы и действия, прежде всего, элитных слоев, правящих групп и их оппонентов были осознаны гораздо лучше, нежели массовых слоев, а их активность во многом определяла драматические моменты российской истории, расколы и социальные катастрофы.

Исследование элит в западной общественной мысли развивалось в ином цивилизационном русле, имея в качестве «несущей конструкции» – взаимосвязь структур гражданского общества и государства, богатый опыт и традиции демократических институтов, наличие различных центров политической активности и власти. Российский политический опыт не включает развитые традиции гражданского общества. В отечественной истории цементирующую роль в обществе всегда играло государство, а политическое управление доминировало над экономическим. Традиционно довлею-

щими были позиции неразделяемой политико-административной элиты. Цивилизационная и геополитическая специфика России в наше время разрушает все попытки механического перенесения на ее почву западно-ориентированных схем и механизмов социального развития и управления. В тоже время, современная политическая российская действительность требует все большего участия в социальных процессах структур гражданского общества как полноправного участника диалога «власть – общество», и это тоже находит свое отражение в исследованиях элит.

В целом, суммируя накопившийся опыт исследовательской мысли в отношении концепта «элит», можно отметить несколько моментов:

- одной из существенных проблем элитологии выступает *проблема «элитной инженерии»*: практика целенаправленного воздействия на процесс воспроизводства элит и их улучшения. Практика изучения элит разных цивилизаций, моделирования процессов элитообразования показывает, что элитообразующие и элитовоспроизводящие механизмы могут работать на улучшение состава и способствовать повышению эффективности деятельности элит. Однако нередки случаи самовыврождения элит. Чрезвычайно актуальна эта проблема для России, ибо на протяжении XX-го в. мы неоднократно сталкивались со случаями самовыврождения элит и потери прямой социальной преемственности;

- в последние годы в российских философско-социологических и политологических исследованиях все заметнее ощущается воздействие *философии и социологии повседневности*. Методология этих направлений гуманитарного знания способствовала включению в арсенал исследователей новых источников и фрагментов эмпирической реальности. Они переориентируют исследователей с факторов доктринального и идеологического уровня на обыденные и психологические, на изучение архетипов и семантики политического управления;

- важнейшим методологическим условием исследования современных российских элит следует назвать *методологическую референтность*. Наиболее референтными для элитологов источниками выступают: информированные и давно работающие с политиками журналисты, эксперты – представители элиты, склонные к рефлексии и аналитической деятельности, сами элитологи, последовательно (а не эпизодически) отслеживающие поведение политико-административной элиты. Методологически референтным должен быть и исследователь, занявшийся элитологией. Иначе трудно будет остаться вне идеологической и социальной ангажированности, избежать поверхностной односторонности.

Учитывая многообразие моделей и традиций трактовки феномена элиты, будем считать под данным понятием следующее определение: элита представляет такую *социальную группу, которая не просто обладает некоторым уникальным социально значимым ресурсом – властью и профессиональным опытом властвования и управления, но и способна реализовывать этот потенциал для поддержания нормативных образцов, символических структур и опорных социальных «узлов» данной общественной системы, а также может обеспечивать хранение, «воспроизводство» и приумножение своего ресурса* [3, с. 12]. Исходя из данного определения, элиту можно рассматривать как носительницу органической совокупности определенных политических, экономических, этических, психологических, нравственных связей и отношений, причем как горизонтальной и вертикальной, так и временной направленности. Элита, таким образом, представляется не как плоское двумерное, а как сложное многомерное социальное формирование. Горизонтальная интеграция обеспечивает единство действий и сплочение политиков и управленцев одного уровня (скажем, федерального); вертикальная обеспечивает связь нижестоящих базисных групп с вышестоящими элитными группами и наоборот; время придает высшим слоям устойчивость и возможную преемственность.

В то же время, говоря о российской элите как о специфическом многомерном социальном агрегате, нельзя не отметить, что в отношении ее сплоченности (внутренней интеграции), органичности и социальной результативности убедительные аргументы отсутствуют. Необходимость более подробного всестороннего исследования современной российской элиты, ее структуры, каналов и систем рекрутирования, установок, моделей поведения и социального взаимодействия, поиск и формирование механизмов ее оптимального диалога с обществом определена не только проблемами трансформационных процессов, происходящих в российском обществе, но и всем ходом становления новой российской государственности, вопросами ее эффективности.

Проведенные к настоящему моменту эмпирические исследования элиты в России, в принципе, можно разбить на три группы. Первая – работы, ориентированные на поиск места элиты в социальной структуре и на анализ состава элиты (классификация основных групп элиты, выявление их социальных корней, и способов рекрутирования – Д.В. Бадковский, О.В. Крыштановская и др.). Исследования второй группы ориентированы на изучение и монографическое описание кокой-то определенной, конкретной группы элиты (Ю. Коргунков и др.). Третья группа представлена работами, ориентированными на выявление воздействия российской элиты на трансформацию современного российского общества (В.Н. Титов, Е.В. Охотский, А.В. Понедельков и др.). Немало сложностей вызывает и анализ элит как субъектов трансформационного процесса, так как среди исследователей данной проблематики до сих пор не сложилось единого представления ни о самой структуре элит, ни о мерах и формах и механизмах ее влияния на общественные изменения.

Достаточно проблемным остается вопрос о заинтересованности современных российских элит в модернизационном рывке, в переходе страны к инновационному типу развития. Большинство исследователей (Ю.А. Мельвиль, М. Урнов, Е.Г. Ясин и пр.) связывают появление данного запроса с новым поколением в элитной среде. Обновление политической элиты уже началось. Нас ожидает интенсивная смена во власти, потому что в активный возраст входит наиболее многочисленное из живущих в России поколений. Люди, которым сейчас от 20 до 30 лет, самая массо-

вая возрастная группа, их четверть населения, и к концу десятилетия они неизбежно начнут входить в элиту. Кстати, в ближайшие 40 лет ни одна из других возрастных групп не будет столь многочисленна, как они. Добавим, что к концу текущего десятилетия, скорее всего, очень сильно изменится социальная структура российского общества. Большинство из поколения современных «беби-бумеров» будет принадлежать к тому, что мы сейчас называем средним классом. Они станут активными людьми, достигшими профессиональной зрелости. Они предъявляют совершенно новые требования и к власти, и к политической системе, и к тому, как устроена наша экономика. И нынешние лидеры страны для них уже вряд ли будут приемлемы. Их не будет устраивать сама система, когда власть контролирует узкий круг получателей природной ренты, фактически не имеющий над собой демократического контроля. Главная проблема растущего среднего класса в том, что его потребление отличается высокой степенью сложности и многообразия. Это уже не только супермаркет, но и серьезные вложения в недвижимость и предметы длительного пользования типа автомобиля. Это и потребление большого количества услуг: спорт, образование, здравоохранение, международный туризм. Новое поколение предъявляет высокие требования к этим услугам, оно готово платить, но – за качество. Эти люди предъявляют высокие требования к мобильности: легкости переезда по стране и за границу. И эти сложные виды потребления трудно осуществлять в нынешней системе, которая базируется на личных связях людей и не обеспечивает эффективной правовой защитой потребителя, владельца имущества. Исследования Центра стратегических разработок [1] показывают, что недовольство этими проблемами нарастает, и оно порождает спрос на более современные принципы общественно-политического устройства. Иными словами, появление в составе среднего класса новых поколений, которые не ведают страха, более образованны и открыты современному миру, включены в сетевые коммуникации, создает мощный запрос на новые стандарты политической свободы, которые ни один политический режим не может игнорировать. Однако средний класс в России лишен политической базы, которая бы позволяла активно проявлять его представителям гражданскую и политическую позицию. Как показали исследования В. Якимца, Л. Никовской [4, с. 77–87], он за прошедшие годы накопил значительный критический потенциал по отношению институтам публичной политики как социально-экономической активности, так и социально-политической. Самой чувствительной точкой идейной и социально-политической мобилизации представителей этого класса выступают, прежде всего, проблемы коррупции, фальсификации обратных связей, неработоспособность судебной системы, отсутствие надежной защиты института частной собственности и разрушение каналов системного представительства своих интересов. Это подтверждают также исследования Е.Б. Шестопаля [6, с. 61–72]: образованный средний класс не удовлетворен возможностями получения большего политического представительства. Недовольство властью этой части общества диктуется скорее рациональными интересами, чем эмоциями. В этом сегменте общества впервые за многие годы стал настойчиво звучать тезис о неэффективности власти и неэффективности правящей элиты. Растущая модальность этого недовольства связана с узостью социальной базы современной политической власти, с тем, что она не носит широкого представительного характера. Непропорциональное влияние сосредоточено в руках узких группировок: либо занимающих какие-то позиции во власти, либо приближенных к ним в силу доверительных отношений. Они используют эту близость как преимущество для ведения бизнеса. Все остальное в политическом смысле элитой назвать очень сложно. Даже Госдума – это скорее не часть элит, а только их кадровый резерв. Таким образом, рост запросов на новые стандарты политической свободы и новое качество «политического класса» связано с приходом в жизнь, так называемого, поколения «нулевых» – людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е гг. и чья «картина мира» сформировалась в период демократической трансформации. С одной стороны, у этого поколения представления о политике сложились под влиянием официальной демократической риторики, которую они усвоили изначально, с другой – эта официальная картинка не очень стыковалась с реальными политическими практиками. Такой когнитивный диссонанс подталкивает это поколение к активным действиям и более требовательным отношением к качеству управления.

В этой связи очень важен вопрос, как воспроизводится качество управленческого класса, как и посредством чего туда попадают новые кадры. «Кадровый резерв всех уровней власти низко востребован, несмотря на свою разветвленность, представительность и разнообразие», – заявил, выступая на Гайдаровском форуме – 2017, начальник Управления президента по вопросам госслужбы и кадров Антон Федоров. По его оценке, наиболее востребован президентский резерв, хотя и он в 2016 г. был использован лишь на 18,6 %. Сейчас, проинформировал Федоров, идет работа над новой концепцией формирования и использования кадрового резерва. «Формировать резерв, – сказал начальник Управления, – необходимо так, чтоб он представлял интерес для работодателей и был востребован. Критерии отбора должны приводить к нам лучших представителей не только государственного, но и негосударственного сектора. В работе с резервом должна учитываться возможность многоступенчатого и разнонаправленного карьерного роста тех, кто входит в резерв. А оценка кандидатов, прежде всего, должна производиться по результатам текущей деятельности по основному месту работы, не исключая при этом всех прочих систем, которые применяются сегодня, в частности, личностно-профессиональной диагностики того, каких успехов достиг кандидат за последний год» [2]. Во время острых дискуссий, посвященных качеству государственного управления в современной России на последнем Гайдаровском Форуме, было отмечено, что требования к чиновникам и уровень их ответственности в ближайшие годы возрастут, время на принятие решения будет сокращаться – им придется мыслить горизонтами не в годы, а в месяцы, а то и дни. Поэтому на госслужбу должны приходиться новые люди, люди из практики, и 80 % из них не должны себя видеть госслужащими всю жизнь. Они должны прийти на решение конкретной цели, добиться ее и уйти дальше реализовывать эти задачи в жизни. А сама деятельность должна стать лишь одной из нескольких профессий, которые человек должен освоить в течение жизни, но, безусловно, престижных профессий. Моделируя об-

раз будущего госслужащего, которому предстоит реализовывать стратегию страны в 2018–2024 гг. и далее до 2035 г., было единодушно признана необходимость улучшения кадрового состава, введения системы постоянного повышения квалификации (по принципу – «образование через всю жизнь»), повышение престижа этой деятельности и внедрения системы мотивации.

Структуры госвласти на всех ее уровнях испытывают острый кадровый голод. Это факт общепризнанный. Долгие годы управленческий корпус, по сути, пополнялся из двух источников – Санкт-Петербурга и силового сообщества. Но эти кадровые резервуары оказались недостаточными для замещения не только министерских должностей, но даже и на посты глав муниципальных образований. А нынешняя система назначения на руководящие посты во многом напоминает «подбор и расстановку кадров», то есть те приснопамятные правила, по которым формировалась советская номенклатура. Одна из причин кадрового застоя в органах власти – отсутствие конкуренции. Она, по существу, так и не сложилась. Понятие «рынок труда» на сферу государственного управления так и не распространился. На смену иерархическому отбору с присущим ему тасованием одной и той же кадровой колоды не пришел открытый рыночный отбор, основанный на меритократических принципах. Даже административная реформа пошла по пути своеобразного копирования принципов советской практики. Суть ее известна: реорганизация управления происходит только тогда, когда требуется переместить большого «начальника». С тех пор мало что изменилось. Система органов власти в России по-прежнему зависит от персоналий. От борьбы группировок. От «персонального» стремления выстроить собственную аппаратную оборону и обеспечить себе максимальный служебный комфорт. Дефицит управленческих кадров особенно ошутим в регионах. Кадровая стратегия губернаторов долгие годы была направлена исключительно на удержание собственной власти и сохранения «статус-кво». О намерении обновить государственный управленческий корпус верховная власть заявляла не раз. И даже кое-что делала для этого. Например, был момент, когда начали создавать базу данных потенциальных кандидатов на государственные должности. Их количество сразу же было названо – тысяча человек, а в окончательном списке оказалось около 1800 фамилий. Кто именно попал в президентскую «тысячу», до сих пор остается тайной. Известно лишь, что в списке резервистов – некоторые руководители крупных корпораций, а также молодые, еще не очень именитые, но перспективные менеджеры. Но база данных такого рода принципиально должна быть открытой. Ее открытость – одно из важных условий, позволяющих исключить практику, когда решения о замещении государственной должности принимаются по личному знакомству, по принципу личной преданности или за деньги. Но, с другой стороны, представленный на широкое обозрение поименный список резервистов открывает простор для лоббистских атак, аппаратных интриг, информационных «вбросов».

В начале марта Президент подписал Указ [5], утвердив «Положение о кадровом резерве федерального государственного органа». В 2012 г. В.В. Путин уже подписывал указ о кадровых резервах органов, подведомственных главе государства. При их формировании конкурс не предполагался. Необходимость формирования резерва изначально была заложена в Закон «О государственной гражданской службе» (ст. 64). С 2013 г. Закон стал требовать, чтобы зачисление в резерв проводилось на конкурсной основе, а президент должен был определить его порядок. Теперь президент выполнил требование Закона, прописав порядок работы с резервом всех ведомств. Сейчас именно конкурс, как записано в Положении, может обеспечить госслужбе «высокопрофессиональный состав» кадров. Конкурс должен обеспечить равенство тем, кто только рассчитывает прийти на госслужбу, и тем, кто нацелен на карьерный рост. До конкурса не допускаются госслужащие, уже имеющие выговор или предупреждение о неполном должностном соответствии, которые они получили за должностной проступок или за нарушение антикоррупционных ограничений (например, неисполнение требования об обязательном урегулировании конфликта интересов). Персональную ответственность за отбор резервистов, согласно указу, несет руководитель федерального госоргана, но о какой ответственности идет речь, не сказано. Объявляется конкурс руководством госоргана через объявление на интернет-сайте. Отбор кадров в резерв проводит специальная конкурсная комиссия. Победитель зачисляется в резерв. Копия справки, которую выдаст госорган после зачисления в резерв, хранится в личном деле будущего чиновника. Те, кого конкурсная комиссия откажется включать в кадровый резерв, вправе обжаловать ее решение. Никто не может быть вечным резервистом. После «непрерывного пребывания в кадровом резерве более трех лет» гражданин или госслужащий должен быть исключен из «запаса», следует из Указа. Им придется повторно проходить процедуру. Исключат из резерва также тех, кто, к примеру, был осужден или получил административное наказание в виде дисквалификации. «Очень важно, что полностью закрепляется отбор на конкурсной основе», – заявил директор Центра технологий государственного управления РАНХиГС В. Южиков. Речь, по его словам, «идет о продолжении карьеры, поэтому у конкурсной системы было немало противников, желавших "проталкивать" своих людей». Не менее важно, по мнению эксперта, что все, кто по итогам конкурса окажется на «скамейке запасных», будут проходить «обучение с ориентацией на компетенции и полномочия» будущего места работы. Возможность создания единой системы кадровых резервов федерального и регионального уровня, их объединение на базе единой автоматизированной системы обсуждались в конце декабря 2016 г. на заседании Комиссии по вопросам госслужбы и резерва управленческих кадров под руководством главы АП А. Вайно. Таким образом, видно, что экспертно-стратегические и административные усилия начинают постепенно обеспечивать поворот в повышении качества кадров государственной гражданской службы и управленческой политико-административной элиты (которые, как известно, в России трудно разделить). Рост компетенции, освоение новых знаний, выработка современных подходов к управлению – все это входит в насущную «повестку дня» и пролонгирует усилия государства с сегодняшнего на завтрашний день. Протекционизм, незначительный удельный вес отбора по квалификационным данным (экзаменам), лояльность и личная преданность, которые были определяющими механизмами отбора и продвижения кадров и в худшую сто-

рону влияли на качество государственного управления, должны быть преодолены. Государству и, в не меньшей степени, гражданскому обществу в настоящее время придется солидарно задействовать механизмы эффективного и ответственного привлечения человеческих резервов, способных компенсировать институциональные изъяны системы государственного управления и заложить основы инновационной модернизации.

Список литературы

1. Аналитический доклад Центра стратегических разработок «Средний класс в рентоориентированной экономике: почему Москва перестала быть Россией?» 2010 // Официальный сайт Центра стратегических разработок. Режим доступа: http://www.csr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=280%3A2010-11-16-10-47-45&catid=36%3A2009-03-18-14-32-42&Itemid=71&lang=ru.
2. Гайдаровский Форум. В центре внимания: подготовка кадров для госслужбы. Режим доступа: <http://csr.ru/news/gajdarovskij-forum-v-tsentre-vnimaniya-podgotovka-kadrov-dlya-gossuzhby/>.
3. Левада Ю. Возвращаясь к проблеме социальной элиты // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 1. С. 12.
4. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Оценка действенности институтов публичной политики в России // ПОЛИС. 2013. № 5. С. 77–87.
5. Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа: Указ Президента РФ от 1.03.2017 № 96. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/03/06/gosslujba-dok.html>.
6. Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегии развития страны // ПОЛИС. 2014. № 2. С. 61–72.

М.Я. Острогорский о роли элит и политического образования при формировании партийной системы демократического общества

Усманов Рафик Хамматович,

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и международных отношений,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Затрагивая вопрос о партийной системе, прежде всего мы имеем ввиду деятельность ее политических партий. Устойчивость системы или ее стабильность зависит от уровня институционализации политического общества, отношений, культуры участия и влияния ее элит на данный процесс. Партия, как известно, по определению Джовани Сартори, говоря о теории элитной демократии, это «команды людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащем образом организованных выборах» [15, с. 63]. Деятельность по сути таких элитных групп на политической сцене (если это конкурирующие организации) предполагает высокий уровень зрелости общественных отношений и, прежде всего, зрелость и активность самого общественного политического сознания и политической культуры. Все эти компоненты, разумеется достигаются в результате активного процесса политического образования. Именно «гражданская культура», как отмечал Г. Алмонд наиболее ярко характеризует политическую систему общества и политический режим этого государства [14, с. 27]. Все эти факторы в результате способствуют становлению и развитию гражданского общества. Чаще всего партия понимается как форма организации политически активного меньшинства, имеющая тесную взаимосвязь с политическими элитами власти и оппозиции.

Сегодня одна из задач, как политологов, обществоведов, так и политиков заключается в том, чтобы определить роль и влияние партийных элит в политическом процессе современной России при формировании основ гражданского общества в непростых условиях кризисных явлений социально-экономической системы. Очень важным и актуальным является выдвижение и образование партийных элит и взаимоотношения их с властью, как в центре, так и на местах [6, с. 170–183, 7, с. 66–69].

Известно, что политические партии прошли длительный путь от массовых организаций до универсальных современных партий. Было время эффективной деятельности многопартийной системы. Последующие этапы развития общества показывают, что в зависимости от социально-экономического уровня развития государства, ее режима и эффективности гражданского общества выстраивается соответствующая партийная система. Надо признать, что сегодня, по сути, мы пришли к первоначальному ее виду основной деятельности – когда-то на заре их появления партийные организации активно действовали только в период избирательных кампаний. Они не имели постоянно действующих местных организаций [5, с. 40–41]. Классики партологии А. де Токвиль, М.Я. Острогорский, М. Вебер, Р. Михельс, М. Дюверже [4, 9, 11, 13] и др. достаточно подробно изложили об этом в своих трудах на опыте деятельности передовых государств (США, Франции, Великобритании, России). Кроме этого они указывали на то, как партии влияют на политические процессы, и в то же время предостерегали от тех перекосов в партийном строительстве, которые имели место.

Сегодня многое в отечественной политической элитологии открывается заново. Многие забытые под спудом времени имена вновь обретают свою былую значимость и возвращаются в строй классиков элитологической мысли. В данном случае можно вспомнить М.Я. Острогорского, который упоминал еще раньше Р. Михельса о появлении новых «элит» – партийной олигархии. Следует отметить, что одним из первых, кто обратил внимание на одного из

таких «забытых» мыслителей прошлого был Г.К. Ашин, который отметил схожесть теоретической композиции двух известных социологов и политологов начала XX в. Р. Михельса и М.Я. Острогорского по вопросам партийной теории [2]. Отечественная социология конца XX в. отмечает, что М.Я. Острогорский «наряду с Вебером и Михельсоном признан ныне одним из основателей современной политической социологии, прежде всего такой ее специфической области, как учение о политических партиях» [8, с. 228].

В своей программной книге «Демократия и организация политических партий» (1902) снискавшей ему мировую известность, М.Я. Острогорский писал, что «Первым признаком демократического управления является участие в нем большой массы граждан. Однако большая масса, естественно, пассивна... политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже обложить их всех правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как при самодержавии... Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей» [11, с. 530]. И этот тезис, несмотря на ее недемократичность кажется Острогорскому вне всякого сомнения.

М.Я. Острогорский считал, что «равенство прав не может компенсировать естественного неравенства умов и характеров. С другой стороны, авторитет руководителей не может воздействовать явно и непосредственно на людей, призванных к политическому равенству. Чтобы не сбиться с пути, демократия, следовательно, нуждается в вождях, но они могут явиться и выполнять свои функции лишь при условии, если в этом уравненном обществе существует естественный отбор руководителей группы» [10, с. 532]. Как создать более благоприятные условия для развития этого отбора элемента в общественной жизни? В этом и заключается одна из основных проблем демократии, которую ставил в свих размышлениях Острогорский.

В своей книге «Демократия и партийная система в США» (1910) М.Я. Острогорский считал, что основным недостатком демократического строя США и Англии является партийная организация, «партийный формализм», уничтожающий в человеке всякую волю и самостоятельность. Он полагал, что только партии, организованные на принципах свободы и независимости их членов, могут образовывать начала демократии, и только тогда, когда демократия наполняется моральной ответственностью свободных и автономных личностей, может возникнуть жизнеспособное демократическое государство. По мнению Г.К. Ашина, в вопросе партийной иерархии «нам ближе позиция М.Я. Острогорского, российского политолога, одного из основателей социологии политических партий», чем т.н. «железный закон олигархии» Р. Михельса [2, с. 98]. Сноски на М.Я. Острогорского нечасто встречаются в западной элитологической литературе (зато в ней в изобилии встречаются ссылки на Р. Михельса). А между тем М.Я. Острогорский не только раньше Р. Михельса, но и более глубоко и точно проанализировал указанную тенденцию, причем поставил вопрос о возможности противодействия ей - с демократических позиций.

Книга М.Я. Острогорского «Демократия и политические партии» впервые была издана во Франции в 1898 г. (и лишь через три десятилетия была опубликована уже в СССР) [11, 14]. Интересующую нас проблему Острогорский проанализировал на примере политических партий Англии, Франции, США. Он описал процесс бюрократизации руководящего аппарата этих партий (как и других политических, экономических и вообще управленческих институтов). Об этой тенденции он писал как об опасном для демократии явлении, несущем угрозу «достоинству человеческой личности» [12, с. 201].

М.Я. Острогорский показывал, как и каким образом, контроль над партийной организацией переходит в руки партийных функционеров, партийной бюрократии, давая ей возможность мобилизовать электорат на поддержку их партии. Руководство партией монополизирует средства коммуникации, прессу, в случае победы на выборах ее ставленники занимают элитные должности в стране. Причем у М.Я. Острогорского этот процесс отнюдь не является «железной необходимостью», он действует, если не встречает противодействия со стороны демократических сил. Отметим также, что концепция М.Я. Острогорского родилась не на пустом месте, она опиралась на традиции российской либеральной мысли второй половины XIX – начала XX в. (ее представляли такие видные теоретики, как Б.Н. Чичерин, Л.И. Петражицкий, П.М. Новгородцев, С.А. Муромцев, П.Н. Милюков) [2, с. 98].

Одной из наиболее актуальных в творчестве М.Я. Острогорского являлась проблема демократии. Он полагал, что современные демократии в состоянии представить индивиду лишь материальную свободу. Однако духовная свобода, свобода выбора, возможность поступать в соответствии со своими убеждениями неосуществима даже в развитых государствах. Препятствием на пути моральной свободы является «партийный формализм, подавляющий волю и автономию личности. Существующая система представительства интересов слишком олигархична, она не в состоянии выразить интересы различных групп общества. В связи с этим наиболее представительной, по мнению М.Я. Острогорского, является система, построенная по функциональному признаку, в соответствии с которым возможно продление противостояния законодательной и исполнительной властей.

Из приведенного материала видно, что М.Я. Острогорский выступает не просто как исследователь-аналитик, но и как реформатор, т.е. имеет весьма конкретную программу по переустройству современного ему типа демократического режима. Сочетание научной аналитики и политической практики всегда является особенно ценным. Сам он признавал, что эти изменения могут произойти лишь после довольно долгой эволюции, так как они обязательно предполагают демократию, в которой политическое образование будет стоять выше, чем в его время.

Расскрывая сущность демократии и функции «элит» и «масс», М.Я. Острогорский настойчиво подчеркивает тот факт, что демократия есть особое, специфическое отношение элиты и массы. В этой части его теории партии явно проступает скрытая в самом смысле текста его собственная концепция «теории элит». Так, например, «если говорят, –

пишет М.Я. Острогорский, – что народ не способен к самоуправлению и что, следовательно, поэтому всеобщее избирательное право и парламентаризм являются абсурдом, то я готов согласиться с первым пунктом, но нахожу, что вывод, который из него делается, совершенно ошибочен: политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии. Естественным свойством всякой власти является концентрация, это как бы закон тяготения социального порядка. Но нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под контролем. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы заставлять отчитываться управителей. Действительным вопросом в данном случае является вопрос о том, способны ли они запугивать и в какой мере они на это способны. Что массы в большинстве современных демократий способны серьезно запугивать управителей, это, вне всякого сомнения. И именно благодаря этому мог быть осуществлен серьезный прогресс в обществе; плохо ли, хорошо ли, но управители вынуждены считаться с народными нуждами и стремлениями. Большим затруднением теперешнего политического положения является то, что еще малообразованные и недостаточно сознательные массы недостаточно запугивают политиков. Таким образом, широко распространенное массовое образование и способность масс к высказыванию своего мнения имеют в политической жизни в меньшей степени непосредственное значение, – исключая, разумеется, их значение для более сознательного выбора своих уполномоченных, – и в большей степени необходимы для лучшего запугивания тех, кто управляет от имени народа и спекулирует на недостатке его проницательности. Эти управители будут вести себя иначе, если им придется иметь дело с более образованными избирателями; они их будут больше запугивать. Вот почему вдвойне важно в демократии поднимать интеллектуальный и моральный уровень масс: вместе с ним автоматически поднимается моральный уровень тех, которые призваны стоять выше масс» [10, с. 312–313].

Последний тезис особенно важен для нашей собственной политической действительности, которая находится на этапе трансформации политической системы общества глобализационной эпохи. Необходимо отметить, что в современных условиях элита просто не сможет осуществлять свои управленческие функции, не будучи сама высокообразованной. Для «теории модернизации современного общества» данное элитологическое пророчество М.Я. Острогорского будет особенно ценным методологическим приобретением.

Расцвет партийной системы М.Я. Острогорский относит к эпохе упрочения политических основ западной демократии. По его мнению, первым признаком демократического управления является участие в нем большой массы граждан. Однако вся проблема демократии заключается в том, что большая масса, естественно, пассивна и не способна отвечать за свои действия. Демократия требует активности гражданских масс. Причем желательно, чтобы эта активность была осознанной. «Общественное сознание должно быть деятельным, то есть воинствующим: гражданин должен быть всегда на страже, со взглядом, устремленным на общественное дело и готовым отдать ему без всякой заинтересованности свое время и свои усилия» [10, с. 311]. Он убежден, что из всех недеспотичных режимов демократический режим менее всего способен к пробуждению народного сознания в условиях современной цивилизации.

Согласно М.Я. Острогорскому, связанная с партией, постоянная организация из средства превращается в цель, которой, в конечном счете, подчиняется все: принципы, личные убеждения, общественная и даже частная мораль. Чем более совершенна организация, тем более она деморализует партию и принижает общественную жизнь. Но с другой стороны, чтобы поддерживать себя, партии все более и более нуждаются в сильной организации, которая одна может замаскировать пустоту той условности, на которую они опираются. Таким образом, создается порочный круг. Как из него выйти? Не следует ли отказаться от организации партий?» – спрашивает сам себя М.Я. Острогорский. И отвечает: «Ни в коем случае» [10, с. 315].

Острогорский предчувствует конец истории партий старых либеральных демократий Западной Европы. В его творчестве мы встречаем предчувствие надвигающегося тоталитаризма. И в этом своем предчувствии Моисей Яковлевич был не одинок. По его мнению, демократизированная лишь с виду, партийная система свела политические отношения к чисто внешнему единообразию. Этот формализм дал возможность усилиться слабостям, присущим демократическому управлению, и уменьшил его силу [10, с. 310–311]. М.Я. Острогорский не может пройти стороной и не отметить роль партийного лидерства. Его взгляд на эту проблему несколько отличается от того, что напишут потом его многочисленные последователи, анализируя проблему лидерства в условиях стремительно развивающегося тоталитаризма. Острогорский анализирует эту проблему еще в условиях т.н. «старой европейской демократии» и приходит к выводу о том, что здесь сами массы запугивают (шантажируют) своих вождей, а не вожди манипулируют массами, как при тоталитаризме и авторитаризме.

У М.Я. Острогорского в данном вопросе вновь теория партии переплетается с теорией элит. Эти две концепции представляют на страницах его книги единое целое. Вот что он пишет в этой связи: «Из всех граждан демократии наиболее боязливymi являются те, которые обладают политической властью». Проследивая за тем, как развивается сама мысль М.Я. Острогорского, можно прийти к выводу о том, что его теория партии действительно в конечном счете перерастает в теорию элит. Для обоснования такого тезиса характерна в этой связи его мысль: «Равенство прав не может компенсировать естественного неравенства умов и характеров. С другой стороны, авторитет руководителей не может воздействовать явно и непосредственно на людей, признанных к политическому равенству. Чтобы не сбиться с пути, демократия, следовательно, нуждается в вождях, но они могут явиться и выполнять свои функции лишь при условии, если в этом уравновешенном обществе существует естественный отбор руководящей группы. Как

создать более благоприятные условия для развития этого отборного элемента в общественной жизни? В этом заключается одна из основных проблем демократии» [10, с. 314].

Данные «реформы» повлияли бы на общее положение самой демократии, которая, по его мнению, уже в его время испытывала явные затруднения с системой голосования и публичного рекрутирования политической элиты. Таким образом, М.Я. Острогорский выступает против укоренившегося в его время формализма партийной парламентской жизни, грозящей перерасти в полное вырождение «старой европейской демократии». То, о чем предупреждал тогда своих современников Моисей Яковлевич и что они, увы, не услышали, был грядущий на Европу тоталитаризм. Хотя диагноз и прогноз, данные Острогорским своему политическому времени и пространству, не совсем совпали с политической реальностью XX столетия, но поднятые им в его работе вопросы остаются актуальными и по сей день. Он подчеркивал, что эти изменения могут произойти лишь после довольно долгой эволюции, так как они обязательно предполагают демократию, в которой политическое образование будет стоять выше, чем в его время. В противовес таким тоталитарным тенденциям Острогорский предлагал активизацию развития того, что в современной политической науке именуется «гражданским обществом».

Основная причина современных российских проблем, которые негативно влияют на дальнейшее развитие демократии состоит в том, что развитие многопартийности в России еще в 1990 – начала 2000-х гг., к сожалению, не пошло параллельно развитию основ российского гражданского общества. Изначально в период первых попыток демократических преобразований, государственной власти удалось «развести» эти два процесса, в результате чего произошел дисбаланс и усиление российской бюрократии. Этот факт во многом стал ключевым в деле оторванности большой массы россиян от политических партий и самих партийных элит от масс своих избирателей. Он уже стал основным препятствием для формирования многопартийности и идеологических основ демократии в России начала XXI в. В итоге данный процесс на протяжении всего этого периода отвечал интересам и был выгоден, прежде всего, олигархической верхушке для усиления своих авторитарных тенденций.

Разумеется, дальнейшая либерализация и демократизация партийного строительства в России напрямую будет зависеть от зрелости гражданского общества. Пока в России не будут развиты институты гражданского общества, попытки исполнительной власти создавать «партии власти» и вспомогательные общественные организации будут повторяться регулярно по мере становления и укрепления кадрового состава (акторов) самой элиты власти. Но пока мы можем констатировать в настоящее время ограниченность и несостоятельность как самого «сообщества элит», так и элиты политических партий в деле формирования основ российского гражданского общества. Пока, что по меткому выражению И.И. Глебовой, системообразующим элементом феномена власти, его природы является – не партийная, а властная сущность [3, с. 214]. Партийные элиты (за исключением «партии власти») испытывали и продолжают испытывать свою не востребованность во властных структурах государства, что делают их идеологически и административно уязвимыми в противостоянии с элитой исполнительной власти. Данную тенденцию может изменить лишь интенсивное развитие институтов гражданского общества, в т.ч. идеологически ориентированные политические партии с прозрачной деятельностью самих партийных элит. Трансформация данных критических предположений наглядно и показательно будет видно на предстоящих выборах 2018 г.

Список литературы

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
2. Ашин Г.К. Острогорский и Михельс: элита и демократия // Элитологические исследования. Октябрь 2000. № 3–4 (10–11).
3. Глебова И.И. Беспартийная власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М., 2004.
4. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
5. История государства и права зарубежных стран. М., 1998. Ч. 2.
6. Карабущенко П.Л. Проблема эффективности власти современной российской политико-административной элиты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 1 (35).
7. Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х. Влияние этнополитических процессов на современные реформы местного самоуправления (элитологический анализ) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 4 (59).
8. Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
9. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 9, 11, 13, 15, 17; 1991. № 3.
10. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии // Политология / сост. проф. М.А. Василик. М., 1999.
11. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии: в 2 т. М., 1927. Т. 1.
12. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии: в 2 т. М., 1930. Т. 2.
13. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
14. Ostrogorski M. La democratie et les parties politiques. Paris, 1896.
15. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, 1976. P. 63.
16. История отечественной элитологической мысли / под ред. проф. А.Ю. Шутова, П.Л. Карабущенко, А.В. Понеделькова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
17. Элитология / под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
18. Элитология культуры: российская культурная элита XX века / под редакцией проф. П.Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский ун-т, 2017. 420 с.

ИДУЩИЕ ВО ВЛАСТЬ: МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Панкратов Сергей Анатольевич,

*профессор, доктор политических наук, заведующий кафедрой
международных отношений, политологии и регионоведения,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Современное публичное пространство Волгоградской области характеризуется институционализацией целого ряда политических акторов, оказывающих различное влияние как на сам региональный политический процесс, так и формирование элитных групп. С точки зрения целого ряда исследователей, «Волгоградская область по-своему своеобразна, но не уникальна и вполне вписывается в модель “демократуры” или “делегативной демократии”. Режим здесь вполне демократический, с точки зрения формальных процедур, однако в нем не наблюдается эволюции в направлении представительной демократии. Демократические процедуры и нормы служат главным образом интересам лидера, который изобавлен от горизонтальной подотчетности иным государственным и общественным институтам, хотя в этих политических системах все же поддерживается уровень гражданских свобод, достаточный, чтобы не считать их авторитарными» [6, с. 68]. При этом результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что, население региона при ответе на вопрос о факторах, способствующих «попаданию» в состав элитных групп, отмечают, в первую очередь, связи – 71,1 %; деньги – 62,4; членство в партии – 26,4; личные заслуги – 12,0 %; высокий интеллектуальный уровень – 11,8 % (можно было отмечать несколько вариантов ответа) [6, с. 73].

Известный в регионе социолог Н.В. Дулина, в свою очередь подчеркивает, что «доминирующим механизмом выдвижения в состав волгоградской региональной элиты является избрание на высшие должности в структурах исполнительной и законодательной ветвей власти регионального и муниципального уровней. Указанные уровни власти также выступают основными каналами продвижения в состав региональной элиты Волгоградской области. Необходимо отметить тот факт, что институты гражданского общества фактически не являются каналами продвижения представителей элиты. Слабое значение в политической жизни Волгоградской области имеют представители СМИ, сферы науки и искусства» [9, с. 94]. Важно, что в регионе на протяжении уже достаточно длительного времени воспроизводится механизм рекрутирования элиты по принципу гильдий, то есть отбора претендентов на выдвижение из состава самой элиты, предполагающий постепенное продвижение по ступеням элитной иерархии. Несмотря на формально-демократический стиль политического руководства антрепренерская система рекрутирования элиты в Волгоградской области, предполагающая отбор представителей элиты из всех социальных групп, практически отсутствует [9, с. 95].

Однако было бы неверным не отметить тенденцию «опубликования» регионального социально – политического пространства региона, что подразумевает усиление деятельности, «характеризующуюся системным взаимодействием государства, бизнеса, некоммерческого сообщества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа и населения определенных территорий» [4, с. 45]. Наиболее заметным и динамично развивающимся институтом в этой связи выступает молодежный парламент Волгоградской области, основной целью которого выступает «создание действенных механизмов включения молодежи в процессы принятия законов Волгоградской области и иных нормативных правовых актов, принимаемых Думой, направленных на реализацию государственной политики в Волгоградской области, повышение правовой и политической культуры молодых граждан, поддержка созидательной гражданской активности молодежи» [2]. Фактически можно говорить о институционализации механизма рекрутирования властной (политической) элиты через привлечение представителей молодежи к управлению и влиянию на принятие значимых для региона решений.

Следует согласиться с А.В. Кочетковым, который отмечает, что «молодежный парламентаризм может рассматриваться как один из основных инструментов формирования и развития кадрового потенциала страны, важный элемент системы управления ее человеческими ресурсами. Ведь участие в работе молодежных парламентов и подобных им структур представляет собой особый вид общественно значимой деятельности, которую осуществляет особый социальный слой, состоящий из наиболее перспективных молодых граждан и представителей их законных интересов, избранных, как правило, на демократической основе непосредственно молодежью» [3, с. 53]. В статье 9 Закона Волгоградской области «О государственной молодежной политике в Волгоградской области» прямо указывается, что Молодежный парламент Волгоградской области и Молодежная администрация Волгоградской области создаются «в целях стимулирования участия молодых граждан, молодежных и детских общественных объединений в реализации молодежной политики» [1].

Молодежный парламент Волгоградской области формируется на демократической основе на срок полномочий Волгоградской областной Думы и его членами могут быть граждане Российской Федерации, проживающие на тер-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект № 17-13-34039 «Стратегии, инновационные технологии институционализации и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе».

ритории региона, в возрасте от 18 до 30 лет. Общее количество членов Молодежного парламента 40 человек: 20 человек, делегированных Волгоградскими региональными отделениями политических партий, имеющих фракции в областной Думе на момент формирования Молодежного парламента; 20 человек, избранных на конкурсной основе [2]. При этом разработано и действует «Положение о Резерве Молодежного парламента Волгоградской области», что позволяет расширять условия «для самоорганизации молодежи Волгоградской области при определении и разрешении насущных вопросов данной категории населения» [7]. Принципиально важно, что «в Резерв могут входить на добровольной основе граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Волгоградской области, в возрасте от 18 до 30 лет, занимающие активную гражданскую позицию и участвующие (или желающие принимать активное участие) в деятельности Молодежного парламента» [7].

Формирующееся молодежное поколение новой политической элиты вправе: участвовать через своих представителей в работе комитетов Волгоградской областной Думы, вносить предложения по проектам нормативных правовых актов Волгоградской области; вносить законодательные инициативы на рассмотрение Волгоградской областной Думы; делегировать члена Молодежного парламента в Общественную молодежную палату (Молодежный парламента) при Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации; предлагать три кандидатуры из числа избранных депутатов законодательных (представительных) органов власти Волгоградской области в возрасте до 35 лет председателю Волгоградской областной Думы в качестве представителя Волгоградской области от законодательной власти в составе Палаты молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания РФ; разрабатывать и принимать решения, носящие рекомендательный характер, в сфере молодежной политики; разрабатывать методические, информационные и иные материалы, содействующие активизации деятельности молодежи в соответствии с приоритетами государственной молодежной политики и т.д. [8].

В российском обществе демонстрируется неоднозначное отношение к членам молодежных парламента, которые функционируют в более половины субъектов РФ: от позитивного приветствия и поддержки данного вида активности до негативно – пренебрежительного как карьеристского типа политического поведения. С нашей точки зрения, институт молодежного парламентаризма позволяет развить и закрепить инновационные качества присущие молодежной когорте в целом, в том числе: «открытость к экспериментам, инновациям и изменениям, определение точек развития и адекватных им социальных механизмов; признание плюрализма мнений, существования разных точек зрения, уважение достоинства других людей вне зависимости от статусной позиции; ориентация на настоящее и будущее (потребность в переменах, умение уйти от власти традиций); уверенность и способность преодолевать жизненные препятствия, планирование будущих действий для достижения поставленных целей; вера в возможность регулирования социальной жизни, системный и прогностический подход к отбору и организации нововведений; чувство справедливости в отношении вознаграждения за затраченный труд, способность определять допустимую степень риска; наличие творческого мышления, способность находить идеи и возможности их оптимальной реализации; высокая ценность образования, развитая способность к рефлексии и само-анализу» [5, с. 48]. Таким образом, участники движения молодежного парламентаризма выступают в качестве представителей формирующейся инновационной политической элиты, подходы и технологии, направленные на решение не только молодежных проблем, но и собственных общества в целом.

Конечно, необходимо создать условия, которые бы препятствовали воспроизводству негативных черт современной политической элиты. Речь идет, в первую очередь, о роли институтов образования и просвещения, СМИ, партийных структурах, деятельность которых связана с социализирующим воздействием на представителей различных групп отечественной молодежи. Вместе с тем следует признать, что именно сочетание глубоких теоретических знаний, высоких морально – нравственных качеств и профессиональных навыков позволит сформировать инновационный тип отечественной политической элиты.

Список литературы

1. О государственной молодежной политике в Волгоградской области: Закон Волгоградской области (в ред. Законов Волгоградской области от 07.06.2012 N 56-ОД, от 11.10.2013 N 125-ОД, от 11.04.2014 N 56-ОД, от 15.12.2014 N 172-ОД, от 08.05.2015 N 61-ОД). Режим доступа: <http://volgoduma.ru/molodezhnyy-parlament/dokumenty.html> (дата обращения 6.03.2017).
2. О Молодежном парламенте Волгоградской области: Закон Волгоградской области от 07 августа 2014 г. N 125-ОД (в редакции Закона Волгоградской области от 16.06.2016 N 59-ОД). Режим доступа: <http://volgoduma.ru/molodezhnyy-parlament/dokumenty.html> (дата обращения 6.03.2017).
3. Кочетков А.В. Молодежный парламентаризм в России: понятие и правовой статус // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 1. С. 51–57.
4. Михеев В.А. Публичная политика в современной России // Власть. 2005. № 4. С. 45.
5. Морозов С.И., Черных Н.С. Студенческая молодежь как инновационный потенциал политической модернизации в России // Власть. 2013. № 9. С. 47–49.
6. Петров В.И., Ламзин Р.М., Арефьев Е.С. Политическая элита Волгоградской области и население: особенности современной интеракции (по данным социологического исследования // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 67–75.
7. Положение «О резерве Молодежного парламента Волгоградской области». Режим доступа: <http://volgoduma.ru/molodezhnyy-parlament/dokumenty.html> (дата обращения 9.03.2017).
8. Регламент Молодежного парламента Волгоградской области. Режим доступа: <http://volgoduma.ru/molodezhnyy-parlament/dokumenty.html> (дата обращения 9.03.2017).
9. Фролова М.В., Дулина Н.В. Социальные характеристики элиты Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. 2008. № 1. С. 94–96.

«ПОЛИТИКА ВРАЩАЮЩИХСЯ ДВЕРЕЙ» КАК МЕХАНИЗМ РОТАЦИИ ЭЛИТ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Морозова Елена Васильевна,

*доктор философских наук, профессор,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар*

«Эффект вращающихся дверей», как термин, характеризующий процессы ротации элит, был введен Т.Р. Даем и Л.Х. Зиглером [4]. Он является замечательным примером объясняющей метафоры в науке. С точки зрения социологии этот эффект создаёт циркулирующая мобильность элит, обусловленная уровнями доступа к социально важным ресурсам. Как показали исследования Р. Патнема, Т. Дая и Дж. Пикеринга, высший эшелон управленческого аппарата заполняется лицами из различных сфер бизнеса и образования, которые покидают официальный Вашингтон после очередных выборов и возвращаются в администрацию, когда главным руководителем страны вновь становится выдвиженец от их партии. Едва ли не половина представителей высшего американского бизнеса в то или иное время работали на важных правительственных должностях, а карьерные успехи пяти из каждых шести правительственных чиновников были достигнуты в частном секторе [1]. В связи с ростом интеграционных процессов между государством, армией и корпорациями констатируется снижение роли регионального и парламентского факторов, которые раньше были обязательными элементами политической карьеры в США. Масштабы этого процесса таковы, что исследователи пишут не об эффекте, а о «политике вращающихся дверей».

Часто термин употребляется в связи концепцией «элитных сетей», логика которой заключается в конструкции горизонтальной ротации кадров разных сегментов элитного слоя, что ведёт к замкнутому самовоспроизводству. Ротация элит также является классическим методом лоббирования, когда обмен услугами рассматривается как вид инвестиций в будущее чиновника и политика, разновидность «спасательного круга», который обеспечивает их непотопляемость [3].

В отличие от США, во Франции почти отсутствуют «вращающиеся двери» между государственным аппаратом и крупным бизнесом – путь открыт преимущественно в одном направлении: правительственные чиновники после завершения государственной карьеры могут занимать ведущие посты в частном бизнесе, однако движение в обратную сторону затруднено.

Изменения в характере проницаемости каналов рекрутирования происходят и в современном российском обществе: можно привести немало примеров вхождения представителей большого бизнеса в структуры государственной власти. И наоборот, ушедшие в отставку высшие чиновники нередко продолжают карьеру в системе большого бизнеса.

Термин достаточно часто применяется в расширительном толковании, обозначая любые способы ротации элит. Эффекты вращающихся дверей приписываются раннему советскому периоду, которому была свойственна интенсивная ротация элиты из внеэлитных слоев. Процедуры современных внутрипартийных праймериз в российской политической публицистике также приводят как пример политики вращающихся дверей.

Интересными для исследования представляются и относительно новые процессы, представляющие кейсы «политики вращающихся дверей» в её расширительном толковании. Прежде всего речь идёт о лидерах партий, получивших название антиистеблишментских. Л.В. Сморгун [8] выделяет следующие основные черты антиистеблишментских партий: противопоставление себя политическим партиям, представляющим основной политический класс, представление себя в качестве единственной силы, способной защитить интересы всего угнетенного народа; критика истеблишмента за рационализированную и онаученную риторику, выступления за «понятность» политики и простоту решений; антиавторитарная риторика, определение существующей демократии как фальшивой и авторитарной; подчеркивание своей маргинальности, периферийности, несистемности, акцент на их «невинности» относительно «грязной» большой политики. В последние годы мы наблюдаем, как представители данных партий успешно выступают на электоральном поле и занимают «призовые» места на парламентских выборах. Речь идёт прежде всего о британской «Партии независимости Соединённого Королевства», итальянском движении «Пять звёзд», «Альтернатива для Германии», испанской «Подemos» и др. Их лидеры, пройдя через «вращающиеся двери», вошли в мир большой политики, шокируя пресловутый истеблишмент своими неконформистскими жестами. Партия «Подemos» («Мы можем!») в Испании организована на принципах сетевой координации, чтобы соответствовать своим требованиям партисипативной демократии. Формально партия не имеет ни центрального офиса, ни руководства, действуя через своеобразных политических клубов – представительства сторонников движения, объединённых в «круги». Внутренняя жизнь объединения подчиняется законам «электронной демократии» – голосование через интернет за кандидатов на те или иные административные должности, за утверждение предвыборных программ т.д. [6]. Тем не менее, вхождение в элитные группы, прежде всего парламентские, заставляет лидеров антиистеблишментских партий соблюдать «правила игры».

Заслуживающие внимания элитологов процессы происходят в корпусе политических профессий. Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, политика предполагает внутреннюю функциональную специализацию и определенную иерархию. Как считает автор, структура политического класса представляет собой концентрические круги, окружающие ядро, в качестве которого выступает политическая элита. В качестве «спутников», располагающихся на окружающих ядро орбитах, выступают различные категории политического класса: политико-управленческая бюрократия среднего уровня – центральная, региональная и местная; политические аналитики-эксперты; политические консультанты и

политические технологи; профессиональные лоббисты (высший эшелон групп давления); партийные функционеры; политические журналисты; исследователи политики и преподаватели политологии в высшей школе [2]. «Политика вращающихся дверей» весьма эффективно действует внутри политического класса. Достаточно привести многочисленные примеры получения депутатских мандатов разных уровней (Государственной Думы, региональных парламентов) политическими консультантами, которые вели предвыборные кампании политических партий. Один из примеров последнего времени: главой реформированного экспертно-аналитического управления Госдумы РФ стал член правления Российской ассоциации политической науки, доцент МГИМО, директор международного аналитического центра «Rethinking Russia» Я.И. Ваславский.

Перспективным направлением исследования процессов, характерных для «политики вращающихся дверей», может стать изучение механизмов вхождения сетевых элит в сферу политики [7]. Под влиянием реалий сетевого общества формируются новые контуры политической элиты современных государств, обусловленные усилением роли индивидов и сетевых сообществ, эрозией традиционных структур власти, диффузией властных центров, формированием обширных внутри- и внегосударственных сетевых структур, участвующих в политическом управлении как на национальном, так и глобальном уровне.

Список литературы

1. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97–103.
2. Гаман-Голутвина О.В. Политический класс: сущностные и структурные характеристики // Политический класс в современном обществе / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Росспэн, 2012. С. 54–84.
3. Герменчук В.В. Протекционизм, как он есть // Белорусская думка. 2010. № 10. Режим доступа: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_295237.pdf.
4. Дай Т.Р., Зиглер Л. Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику: пер. с англ. М.: Юридическая литература, 1984.
5. Джанда К., Берри Д.М., Голдман Д., Хула К. Трудным путём демократии: Процесс государственного управления в США. М.: РОССПЭН, 2006.
6. Костюк Р. Испания уходит влево. Страна устала от старых политических партий. Lenta.ru. (2015, 1 июня). Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2015/05/29/spainlefties/>.
7. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевые ресурсы формирования политических элит в условиях новой политической реальности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 116–121.
8. Сморгун Л. В. Сравнительная политология. СПб.: Питер, 2012.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.¹

Ярмак Юрий Васильевич,

профессор, доктор политических наук,

Московский городской педагогический университет, г. Москва

Взгляд на историю Российской революции 1917 г., как текст интеллектуального теоретического и практического характера. Такая постановка вопроса связана с тем, что общество является постоянно развивающимся субъектом в историческом процессе, где, как и в обычном тексте, условно, можно различать динамику повествования, особенности выражения идеи, составные части, акценты, главную мысль, характер возникновения событий, поведение героев, их триумфы и ниспровержение, и т.д. Все это складывается из отдельно существующих, косвенно связанных или жестко сцепленных между собой событий, представляющих собой материал-контекст исследования. Контекст революционных событий в России 1917 г. запечатлен в огромном количестве документов официального и неофициального характера, отчего они не перестают оставаться историческим текстом для исследований и философско-политологического осмысления. Среди них указы, манифесты, правительственные постановления, хроника, письма (переписка), фотоматериалы, авторские биографии, мемуарные исследования, воспоминания очевидцев и многое другое, что является отражением качества социальных событий и носителем информации в исследовании исторического контекста, представляющего интерес для пополнения наших знаний.

Одним из звеньев системы формирования исторических знаний в контекстном плане является изучение такого российского общественно-политического института как элитные кластеры, их формальные и неформальные группировки, поведение отдельных лиц и лидеров, подпадающих под понятие представителей элиты. Обладание этими историческими акторами определенным интеллектуальным потенциалом априори замыкает на них значительную часть происходящих социально-политических событий в истории. Исследования же социально-психологических качеств людей, обладающих высоким политическим интеллектом, их опыта в выработке и принятии политических решений, реагировании на знаковые события, систематизация факторов и механизмов формирования в обществе некоего уровня политического интеллектуализма и т.п., за последнее время все более актуализируется. Изучение практической стороны функционирования политической элиты в свою очередь вызывает потребность более глубоко-

¹ Исследование ведется при поддержке РГНФ в рамках проекта «Неформальная аналитика текста: философско-методологический подход».

го и комплексного подхода к теме интеллектуального контекста при зарождении и развитии исторических событий, связанных с феноменом влияния на них известных личностей.

Для успешной работы в исследовании заявленного вопроса, автор использует научно-методологический инструментарий, сложившийся в его практике при рассмотрении проблем, связанных в целом с политическим интеллектом и политической элитой. В этом направлении берется как теоретическая, так и практическая сторона интеллектуальной «вооруженности» субъектов, участвующих в политической деятельности и предпринимающих различные политические действия в сложившихся условиях. Анализ историко-архивных материалов и сведений, содержащихся в других информационных источниках, представляет богатые возможности для оценки интеллектуальных ресурсов, которыми были насыщены пройденные и от которых зависят предстоящие события исторического развития. Диапазон взаимосвязей между политическим интеллектом лидеров-участников революционных событий и характером развития последних весьма широк: от частных, местных и региональных до определяющей способности к научному анализу мирополитической реальности. В свою очередь, данный контекст делает более понятной предрасположенность субъектов к открытым или закрытым формам взаимоотношений. В таком методологическом ключе события 1917 г. еще более повышают наши возможности в ответах на вопросы, связанные с Великой Российской революцией.

Философско-исторический и политологический подход к исследованиям политического интеллекта элитных группировок и кластеров, в его теоретическом и практическом контексте, прочно связан с актуальностью исследований современных событий как у нас в стране, так и за рубежом. При этом продуктивными часто становятся аналогии, допустимые для компаративных оценок тех трендов, которые определяют общий ход развития современных событий. На разных этапах развития событий Великой Российской революции (от зарождения в начале XX в. до кульминации и разрешения в виде смены политических институтов) политический интеллект, как политических лидеров и их сподвижников по партиям, так и, менее политически грамотных, представителей народных масс, во многом определяли общий контекст развития событий. Недоверие к монарху и выражение надежды на республиканский формат политического устройства страны, критика тогдашних институтов политической власти и восторженность по поводу Временного правительства, уровень терпения в обстоятельствах системного развала хозяйственно-экономического механизма и нетерпимость в форме анархии, восприятие одних партийных лозунгов и отрицание других – все это, и многое другое, является чертами проявления интеллектуального контекста революции в целом через его носителей.

Столкновение разных сил революции было столкновением интеллектуального таланта и уровня практического интеллекта отдельных лиц, теоретической глубины осмысления событий лицами, представляющими политические партии, противостоянием организационного сплочения социально-политических групп и политической культуры масс, идущих за вождями и партиями. Многоцветная палитра идеологического и организационно-пропагандистского мастерства, работы в среде пролетариата, солдат и крестьян разных партий и движений создавали масштабные «полотна» исторического текста событий, поднимая к триумфу одних и одновременно бросая других в обстоятельства краха их надежд. Благодаря воле, политическому интеллекту и авторитету вождей, сплоченности и организованности их «команд» на весах истории появлялись и исчезали политические партии, которых в стране с февраля по октябрь насчитывалось до полусотни. Фигуры представителей политических элит, ключевых партийных лиц рельефнее проявляются в контексте рассмотрения их живого человеческого поведения и опыта, публичных выступлений и при создании различных документов. В этом видны не только качества и коммуникативный облик лидеров, но и внутренняя их мировоззренческая многогранность, цельность, как стратегов, глубина политического мышления, направленного на главную цель и способность распоряжаться имеющимися ресурсами. Такие источники для «создания текста революции» во многом точно объясняют возможность относить лидеров и элитные группировки к «типичным представителям», «защитникам интересов» значительной части масс, способных к рефлексивному позиционированию в системе «свой-чужой» или самоустранения из событий, отстранения из зоны доверия к ним масс. В противостоянии по жестким и, вместе с тем, не предсказуемым правилам революции, политический интеллект революционных лидеров и элитных группировок проявляет себя в виде «многоходовок» и упреждающих ударов, ясно изложенных и актуальных для народа политических программ и умения привлечь на свою сторону дополнительные социальные ресурсы, многого другого.

Для убедительности изложения своей концепции в сформулированной теме, автор предложит к рассмотрению примеры из политической жизни известных и выдающихся личностей эпохи революционных событий 1917 г., некоторые политические документы, созданные в условиях тогдашнего противостояния, попытается объяснить их зависимость от концентрации интеллектуальных ресурсов в организационных границах разных партий. Будут рассмотрены некоторые примеры существования у ряда политических лидеров революции политической миопии (близорукости), связанной с невысокой степенью обладания ими политическим интеллектом. И, наоборот, доказательства существования у других лидеров качеств дальновидности, позволяющих успешно использовать в политическом контексте тех факторов, которые усиливают эффективность революционной деятельности, привлекают интересы широких социальных масс, общественных движений на свою сторону в борьбе за политическую власть.

Автор коснулся вопроса о степени влияния интеллектуального потенциала и его проявления со стороны российской политической элиты, на контекст и характер политического противостояния главных субъектов революции, вектор развития событий в стране на основных этапах революционного процесса. Были предложены некоторые формы оценки сопряженности политических процессов в революционной России начала XX в. с уровнем политического интеллекта представителей элиты различных социально-политических течений, в конечном счете, определивших успехи и поражения борьбы за власть.

В дальнейшем автором планируется рассмотреть вопрос доступного изложения проблем интеллектуального контекста лидерства и элит в условиях революционного противостояния 1917 года для студенческих аудиторий, магистерских программ и соискателей-аспирантов.

Список литературы

1. Аренд Ханна. О революции / пер. с англ. И. Косича; под ред. А. Павлова. М.: Европа, 2011.
2. Бадью А. Мета / Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратов, К. Голубович. М.: Логос, 2005.
3. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / пер. с франц. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009.
4. Волкогонов Д.А. Ленин. М.: Яуза: Эксмо, 2011.
5. Гандапас Р. Лидеры, которые изменили Россию. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2015.
6. Исторические силуэты / отв. ред. С.В.Тютюкин. М.: Наука, 1991.
7. Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты: очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006.
8. Конфисохор А.Г. Психология политической власти. СПб: СПб ун-т, 2009.
9. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М.: Азбука-Аттикус, 2011. (Серия "Academia").
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. Т.П. Емельяновой. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
11. Столыпин П.А. Грани таланта политика. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2006.
12. Политические деятели России 1917 года / ил. ред. П.В. Волобуев. М.: Большая российская энциклопедия, 1993.
13. Политическая мысль в России: словарь персоналий (XI в. – 1917г.) / рук. авт. кол. Е.Н. Мощелков. М.: Университет, 2001.
14. Практический интеллект / Р.Дж. Стернберг, Дж.Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. СПб: Питер, 2002. (Серия «Мастера психологии»).
15. Ракитянский Н.М. Портретология власти: Теория и методология психологического портретирования личности политика. М.: Наука, 2004.
16. Ростовцев М.И. Политические статьи. СПб: Наука, 2002.

МОБИЛИЗАЦИЯ МОБИЛИЗАТОРОВ: ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ АКТИВИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Степанов Вячеслав Петрович,

*доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
социальной антропологии и этнологии философского факультета,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел*

Общественные этнокультурные организации часто называют школами демократии и гражданского воспитания, одновременно их можно охарактеризовать как барометр внутреннего настроения групповых отношений этносов и этнических групп с государством, в котором они проживают. Речь идет не только о России, но и о ряде стран постсоветского пространства. Естественно, огромные размеры постсоветского пространства накладывают на него свою специфику, на которой сказываются этнокультурная составляющая, религиозный фактор, влияние соседних этнополитических и геополитических сторон. В ограниченном объеме выступления сложно представить многогранную палитру этого процесса. Да, собственно, автор и не задавался подобной целью. Для демонстрации примеров мобилизации мобилизаторов приводятся примеры деятельности отдельных этнокультурных организаций Украины и Республики Молдова (по сути это юго-западный российский фронт), усилия которых направлены на активизацию этнических ценностей, прежде всего, в среде этнических элит.

В данной публикации автор обращается к проблеме влияния этнокультурной организации закрытой или с ограниченным доступом, способной оказывать влияние на мобилизацию этнической элиты, останавливается и на механизмах воздействия на ценности интеллигенции. Вероятно, в силу особого восприятия социумом людей в форме и особого влияния армии и «человека с ружьем» особым мобилизационным «шармом» пользуются военизированные или использующие военную атрибутику организации.

Рыцарские ордена Украины. «Рыцарский Орден Архистратига Михаила». В марте 1997 г. в Черновцах состоялась первая установочная конференция Черновицкого филиала Рыцарского Ордена Архистратига Михаила. Годом позже организация была зарегистрирована в Черновицком областном управлении юстиции, в том же году Святейший Патриарх Киевский Филарет благословил Ивана Микулинского на должность Главного Магистра рыцарского ордена.

18 сентября 1999 г. состоялся первый установочный съезд, утвердивший Устав рыцарского ордена и Кодекс чести рыцаря. Там же была утверждена символика рыцарского ордена, а Иван Михайлович Микулинский (бывший офицер Советских вооруженных сил) был назначен Главным Магистром ордена. Важным событием в жизни ордена стала регистрация в июне 2004 г. его периодического печатного органа – газеты «Лицарство», на страницах которой вплоть до настоящего времени отражаются будни этой организации. В период с 2000 по 2007 г. происходит процесс активного налаживания контактов с аналогичными структурами в Европе (Тевтонский орден, орден «Гриф»).

О масштабах вовлечения ордена в международную жизнь свидетельствуют данные об участии в работе VIII съезда Рыцарского Ордена Архистратига Михаила 9–10 сентября 2006 г. 50 делегатов из Великих приорств: Ки-

евского, Буковинского, Галицкого, Волынского, Причерноморского, Закарпатского, Слобожанского, Испанского, Молдавского, Армянского, а также из Подольского приорства и Немецкого командорства [2, с. 1]. На данном форуме присутствовало 30 представителей из семи европейских рыцарских сообществ. Обращают на себя внимание вопросы, обговариваемые на съезде «Рыцарский Орден Архистратига Михаила и проблемы европейской интеграции»; подписание договора о сотрудничестве между Великим Магистром Ордена Святого Духа Вильгельмом Яловицким и Великим Магистром Рыцарского Ордена Архистратига Михаила Иваном Микулинским, где подчеркивается намерение «Совместными усилиями способствовать развитию западной культуры, сбережению истории и традиций...» [2, с. 4].

Рассмотрим Устав данной организации, принятый с изменениями VII съездом ордена 16 июля 2005 г. [9, с. 313–317]. Согласно п. 1.2, Рыцарский Орден осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией Украины, действующим законодательством Украины, законов тех государств, на территорию которых распространяется его деятельность. Далее в п. 1.4 подчеркивается, что «деятельность рыцарского ордена распространяется на территорию Украины, Молдовы и др. государств в случае организации гражданами (физическими лицами) отделений Рыцарского ордена». Таким образом, деятельность ордена распространяется, согласно его Уставу, на несколько стран. Главной целью деятельности общества согласно п. 2 являются: «возрождение украинского национального достоинства, чести, благородства на основе отечественных и мировых исторических традиций». Исходя из продекларированной цели, вытекают и соответствующие задачи, среди которых необходимо выделить участие в научно-исследовательской деятельности (п. 2.3), благотворительность, способствование духовному единению сообщества и т.п.

Согласно п. 3, членом Ордена может стать «гражданин Украины или др. страны, признающий Устав, программные цели и принимающий участие в его деятельности, придерживающийся принципов христианской морали». И далее, обратим внимание: «имеет значительные заслуги и достиг возраста не меньше 21 г.». Итак, получается, что для поступления в организацию необходимо иметь определенные заслуги и быть замеченным братством. Вызывает интерес п. 6 Устава, касающийся вступительных и ежемесячных взносов членов Рыцарского ордена, где в п. 6.1 подчеркивается, что средства и иное имущество Рыцарского ордена создается за счет тех самых вступительных и ежемесячных вкладов членов Рыцарского ордена. А вступительная сумма достаточно высока для среднестатистического обывателя Черновицкой и Одесской областей Украины и Молдовы. Причем за смену каждого ранга рыцаря по восходящей, начиная с оруженосца, для получения соответствующего титула член организации оплачивает соответствующие ордена, которые ему выдают при торжественной процедуре присвоения этого самого титула на каждом этапе.

Значит, на такие расходы может пойти или обеспеченный человек, но с определенным ценностным багажом, либо высокоорганизованный человек с определенными амбициями и ощущением собственной значимости. Это, прежде всего, представители этнокультурного украинского движения, представители творческих профессий, бизнеса. Ведь это дело чести, отражение жизненной позиции. Кроме того, это возможность оставить определенное наследие потомкам. Согласно п. 3.1, рыцари ордена передают свой титул в наследство по мужской линии по праву крови. П. 3.3 продолжает мысль: «дочери рыцарей Рыцарского Ордена получают титулы соответственно титулов родителей»; кроме того, рыцари, согласно п. 3.4 Устава, могут передавать свой титул в наследство по праву крови внуку.

Республика Молдова. Главный Магистр рыцарского ордена подчеркнул, что первым зарубежным подразделением организации стало Великое Молдавское приорство [10, с. 407], т.е. Орден стал распространять свои ценности, в том числе, в диаспоре. Первыми его активистами в Молдове стали: академик Константин Попович и журналист Валерий Драган. Так вышло, что при знакомстве с Магистром присутствовал и автор данной работы (автор тогда работал в Департаменте межэтнических отношений Республики Молдова и был в составе делегации, прибывшей в Черновцы, на Родину академика К.Ф. Поповича в связи с чествованием его 75-летия).

Завязавшиеся контакты представителей украинской элиты способствовали налаживанию дальнейших связей. В результате в работе установочного съезда ордена приняли участие Валерий Драган, Петр Грабчук и Федор Андрейчук. Съезд принял решение о придании организации международного статуса. В дальнейшем, уже Кишиневе, 11 декабря 1999 г. организаторы филиала Ордена в Молдове провели организационную конференцию, на которой присутствовал, в том числе, Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Республике Молдова Иван Гнатишин [10, с. 408]. Организация серьезно разрослась, ее члены в 2007 г. уже насчитывали 400 человек. Среди них немало бывших военных. Как рассказывал автору магистр ордена, после распада Союза нужно было как-то удерживать бывших военных, вот и родилась идея подобной организации. Вероятно, позже она обросла большими претензиями. В нее стали вливаться представители интеллигенции, бизнеса и политической элиты. В их числе на Украине родной брат экс-президента Украины Виктора Ющенко, ряд первых руководителей этой страны [5].

В настоящее время, еще вчера открывающее дорогу к власти, пролетарское происхождение стало не модным, в отличие от титулов и званий, которые, даже те, кто их тогда имел, предпочитали скрывать. В открытой эпохе потребления любой спрос стал порождать соответствующие предложения. Теперь титулы барона, графа и даже князя оказалось возможным купить, не говоря о плаще рыцаря. Данная организация тому пример. Существует преискуррант, по которому можно приобрести желаемый титул с правом передачи его по наследству. В организации принято рекомендовать новичков, которые, пройдя определенные ритуальные процедурные моменты и заплатив за свой выбор, вливаются в члены организации.

С 2003 по 2005 г. орден пережил период междоусобиц и многочисленных изменений и дополнений к Уставу. В данной статье не ставится задача описать историю ордена. Летописцев у него и так достаточно: это и сам Великий Магистр И. Микулинский (автор научно-популярного очерка истории ордена в трех томах), и Великий молдавский приор Е. Осередчук (много пишущий о деятельности ордена на страницах его периодического издания). Нашей це-

лю является демонстрация читателю мобилизационных возможностей корпоративного сообщества на примере рассматриваемой организации. Мы живем во время формирования новых духовных ценностей, которые оказывают влияние, кроме всего, и на элитарные взгляды на жизнь. Общее советское прошлое выработало у масс мировоззренческие представления о равенстве, которые за последние двадцать пять лет в немалой степени пошатнулись. Потому элитарные организации представляют в постсоветском пространстве мощное оружие мобилизации элиты.

Было бы странным, что на Украину – государство, по размерам превосходящее Францию, приходится только одна подобного рода организация. В Киеве действует ей подобная – Орден Св. Станислава, в который входят не менее известные политики и бизнесмены, среди которых экс-президент Украины Л. Кравчук, «супруга сменившего его на этом посту Кучмы – Людмила, экс-министр обороны Александр Кузьмук, экс-председатели Службы безопасности Леонид Деркач и Игорь Дрижчаний (во время посвящения в орден у всех их приставки «экс» не было)» [1] и мн. другие представители современной элиты украинского государства.

Говоря о подобных организациях, нельзя не упомянуть еще одну, официально зарегистрированную в 1999 году на Украине, – это Международная общественная организация Суверенный Воинский Орден Тамплиеров «Приорат Украины» во главе с Великим Приором Александром Яблонским. Данная организация или в силу пиара собственной популярности, либо в связи со своей деятельностью вызвала пристальное внимание СМИ и многочисленные комментарии по этому поводу [14, 12].

Можно сделать предположение, что распространение подобной идеи о рыцарских орденах в Украине, в переходный период, произошло не без влияния внешнего фактора. Исторически сама Украина тесно контактировала с элитой Речи Посполитой, позже Польши, в которую, в свою очередь, пришла тема рыцарства из Чехии. В 1990-е гг. украинская интеллигенция демонстрировала повышенный интерес к польской культуре и культуре ФРГ. Считалось признаком хорошего тона выучить польский или немецкий языки, побывать в названных странах. Демонстративный отказ от всего советского, наряду с проистекавшим жестоким разделом советской государственной собственности, требовал новой социальной иерархизации общества.

Историческая справка. В период крестовых походов в Западной и Центральной Европе формируются рыцарские ордена. Причем, национальность могла быть преградой для вступления в орден. В соответствии с неписаной традицией ордена носили национальный характер. В Орден Крестоносцев главным образом входили немцы, в тамплиеры – французы, а в Орден Иоаннитов – французы и итальянцы. Категорически запрещалось принимать в орден евреев [15].

Рыцарство в странах Западной и Центральной Европы в средние века представляло привилегированный социальный слой, объединявший в широком смысле всех светских феодалов-воинов, в узком – только мелких феодалов, которые находились в вассальной зависимости от своих сеньоров. За несение в войске конной военной службы эти мелкие феодалы получали земельные наделы – феодалы. Рыцарь должен был пройти специальную систему воспитания. До 7 лет его воспитывали в семье, затем, до 14 лет, он находился при дворе сеньора в качестве пажа. До 21 года он выполнял функции оруженосца. Рыцарское воспитание включало обучение религии, придворному этикету, «семи рыцарским добродетелям» – верховой езде, фехтованию, владению копьем, плаванию, охоте, игре в шашки, сочинению и пению стихов в честь дамы сердца. Рыцарь должен был сам приобрести боевого коня и дорогое тяжелое вооружение.

Говоря о рыцарских традициях средневековья, необходимо констатировать, что практически всем культурам, как европейским, так и восточным, было присуще наличие привилегированного служилого сословия, наделенного особыми полномочиями. Их объединяли средневековые ценности, проявлявшиеся в служении (зависимость от господина, служение государству), социальные привилегии (особый статус в обществе), культ силы и мастерства (система поэтапного включения в состав боевой элиты, ступени роста). Подобного рода социальные прослойки в обществе присутствовали, в том числе, в культурах валахов средневековья [27, с. 94–112], украинских казаков, служилого боярства на Руси. Причем назывались они по-разному, и их институциональное проявление также имело свои традиции, например: казаки никогда не создавали рыцарских орденов по аналогии с европейскими рыцарскими традициями (Орден Тамплиеров, Мальтийский орден и т.п.). Одновременно украинская старшина, которая в процессе формирования сложилась в систему привилегированной знати, выработала в себе черты элитарного поведения. Можно предположить, что определенную трансляцию рыцарских европейских ценностей привнесли шляхетская Польша и Австрия, длительное время распространявшие свое влияние, в особенности, на украинские западные этнические земли. Например, Сергей Лепявко в книге «Козацкие войны конца XVI ст. в Украине», говоря об одном из магнатских родов Речи Посполитой, который придерживался четкой проавстрийской ориентации, указывает, что Януш Островский вербовал для Австрии шляхту «и всегда добровольцев – “людей рыцарских”... Так, 19 сентября 1593 года Януш Островский писал канцлеру» о своем благоприствании тому, чтобы «почет людей рыцарских с Польши на собственный свой счет против ноганина» [7, с. 98]. Другой современный автор – Виталий Щербак приводит дополнительные сведения, касающиеся нашей проблемы. Так, отмечая факт участия казаков в очередном народном восстании 1637 г., автор ссылается на мнение Станислава Конецпольского, подавшего прошение в вольный Сейм о ежегодном назначении вместо старшего реестра королевского комиссара – человека «шляхетного сословия, сводимого в делах рыцарских, который бы сдерживал казацкое войско от бунтов, всегда по потребности Речи Посполитой прибывал в указанное место и время. Полковники и есаулы также должны были быть из шляхты, посвященные в рыцарское ремесло. На должность сотников и атаманов следует выбирать заслуженных **людей рыцарских** (выделено мной – В.С.)» [24, с. 38].

Определенные черты европейской элитарности в процессе исторического развития сформировали в себе восточные романсы [26, с. 221–235], привнеся элементы элитарности в этнокультурные традиции служилого боярства, в немалой степени заимствовав их от венгерских феодалов, в частности, в период формирования молдавской государственности. При приеме в орден моральное состояние кандидата в расчет не принималось. Например, по праву, дарованному Папой Гонорием II, крестоносцы могли принимать в свои ряды даже явных преступников. Таким образом, тот, кто хотел избежать наказания за свои преступления, находил защиту в рядах ордена [15].

С другой стороны, демократические ценности, распространяемые на страны новых демократий, уже не могли удовлетворять новую элиту Украины. Если раньше слово «пан / пані» (господин / госпожа), распространялось на социально привилегированное сословие, то в новых условиях этот термин нес в себе только элемент вежливого обращения, заменив советское, вышедшее из обращения слово «товарищ». Новая элита нуждалась в чем-то большем, ведь в повседневности «пані» постепенно стали говорить и уборщицам. Что же касается военных закрытых и полужакрытых организаций, то они стали все чаще использовать выражение «шляхетні» (благородные), т.е. избранные. Именно этим термином характеризовали рыцарские сообщества в средневековье, что перешло и на сегодняшнюю практику.

Казачество. Еще одним ярким примером подчеркивания особого статуса возрождающейся культуры стало казачество. Судьба казачества в советский период была сложной и противоречивой. Советская власть хорошо помнила выступления казачьих соединений на стороне белогвардейских сил, казачьи бунты в годы военного коммунизма. Позже не менее противоречиво сложилась история казачьих формирований в годы второй мировой войны, когда часть казачьих соединений вместе с командирами перешла на сторону немецко-фашистских оккупантов, а часть воевала на стороне Советов. Но это не спасло казачество от репрессий и преследований. Затем следует долгое время забвения.

В немалой степени зажатые советской властью, представители этой субкультуры в России и на Украине стали возрождаться после распада советской власти. Казачество Украины стало одним из символов независимого украинского государства. Всплеск самосознания казачества получил распространение и в России, что тоже привело к проявлениям крайностей в среде не реестрового казачества, объединенного в различные общественные объединения (построение монумента сотрудничавшему с фашистами Краснову, введение фашистских норм приветствия и т.п.) [13].

Казачьи фронтирные территории России и Украины оказались актуальной темой для спекуляций на фоне всплеска патриотического самосознания. Дошло до идеи создания отдельного казачьего народа на Украине [3] и в России [8].

Модная тема объединила вокруг казачества такое число случайных людей, что это стало выноситься на серьезное обсуждение. В ряде общественных казачьих организаций практически не осталось рядовых казаков, все стали генералами. Именно с этим феноменом связано выражение с негативным окрасом – «ряженые», т.е. незаслуженно облачившиеся в форму, тем более не по чину. Верховный Атаман КССУИЗ генерал-полковник Казачества Н. Перебийнос-Устименко так констатировал ситуацию в ряде общественных казачьих организаций: «Уставы многих общественных казачьих организаций предусматривают присвоение высших чинов своим атаманам, вплоть до генеральских, а вот ограничений в этом деле, как правило, не предусматривается, что повлекло за собой необузданное чиновничество. В некоторых казачьих организациях на сегодняшний день не осталось рядовых казаков – одни генералы. Дело дошло и до продажи казачьих званий и наград» [16, 11]. Подобная ситуация особенно в среде не реестрового казачества получила распространение и в России [8, 6]. В других, более объемных работах [17, 18], автор неоднократно подчеркивал определенную схожесть исторической судьбы Украины и современной Молдовы, в частности, их длительную зависимость от непосредственных соседей: Молдовы от Румынии, а Украины от Польши. При этом наибольшую эту самую зависимость ощущала и демонстрировала, как правило, элита.

Масонство. Еще одной показательной, элитарной, закрытой организацией, распространенной в Республике Молдова и Украине, как и по всему миру, являются масонские ложи. Важно подчеркнуть, что лояльность к властям тех стран и территорий, где они существуют, является одним из масонских принципов. Более того, зачастую отдельные представители власти сами являются членами масонских лож.

Запрещенные в годы Советской власти масонские организации после распада СССР получили как бы новый импульс для развития. Специальная атрибутика, знаки и таинственные ритуалы стали внешним раздражителем новых национальных элит, желающих подчеркнуть свое отличие от основной массы сограждан [23, 4]. Вот, например, как характеризуется в одной из публикаций современная киевская масонская ложа «Три колонны», учрежденная в 1999 г.: «Масонство приживалось на украинском грунте достаточно медленно. Лишь в 1998 г. ложа «Три колонны» окончательно получила киевскую прописку, что было связано с тем, что на тот момент практически все братья ложи, в том числе и ее Мастер, были украинцами» [19]. А «5 февраля 2003 на пресс-конференции в Киеве лидер Соцпартии Украины Александр Мороз заявил, что 300 высших должностных лиц страны являются членами масонской ложи» [20].

Дворянские собрания. Наряду с доступными и покупаемыми титулами, способными своей, пусть и социально ограниченной статусностью влиять на этномобилизационные мотивы носителя, нельзя не упомянуть так называемые закрытые элитарные общественные движения. В качестве примера можно назвать те же дворянские собрания, которые способствуют русским мобилизационным ресурсам и достаточно сложно находят внешнюю поддержку в странах новых демократий, в связи с переживаемыми там этнонациональными вызовами, в контексте которых деятельность данных общественных объединений порой рассматривается в качестве имперской пятой колонны. Сами же члены этих сообществ в немалой степени способствуют сохранению и преумножению исторической памяти. Важ-

но при этом подчеркнуть, что длительное проживание представителей дворянских родов вне России в немалой степени способствовало их аккультурации в иноэтнических условиях, что сказывается и на их идентификационных характеристиках. Это особое сообщество русских вне России вообще требует отдельного освещения.

Говоря о дворянском собрании Молдовы, еще одном элитарном клубе, Е. Юнг справедливо отметила, что даже у его председателя Леонарда Леонидовича Акулова «нет ни поместий, ни замков и крепостных. Зато есть небольшое Дворянское собрание и необходимость соблюдать этикет: приемы, ритуалы, награждения» [25]. То есть то, чего нет у других, и то, что подчеркивается в кругу присутствующих: «ты – избранный». Конечно, такие личности, тем более имеющие заслуги и достижения, наряду с ощущением определенного игрового момента (всякого рода облачения, ритуалы, о которых уже говорилось) формируют определенные ценностные черты, осознавая себя избранными, элитарными и уважаемыми теми, кто равен им, такими же заслуженными и элитарными.

Соседняя Украина также обладает подобным дворянским собранием, которое принципиально не принимает в свои ряды лиц без дворянской родословной, подчеркивая их статусность [21].

Подводя итоги, необходимо обратить внимание на ряд признаков, характеризующих элитарные общественные движения:

1. Обращает на себя еще один момент: все современные элитарные сообщества, сформированные под влиянием этнического фактора, активно используют и религиозный фактор. Возьмем те же дворянские собрания, современные казачьи формирования, рассматриваемую нами организацию. У всех присутствует активная опора на веру. Достаточно привести слова, прописанные на гербе рыцарского ордена – «Рыцарство. Бог. Украина». Таким образом, становится видно, что эти слова исторически объединяют профессиональную сторону (избранная часть населения – рыцарство – находится под покровительством Бога и Церкви и служит этнической Родине).

В этом смысле Иван Микулинский высказал мысль: «Для того, чтобы национальная интеллигенция стала действительно элитарной, она должна сбросить с себя путы бездуховности, страха перед гнобителями прошлого и стать носителем патриотизма, служения державе, ощутить в себе рыцарский дух наших славных предков...» [9, с. 50].

2. Еще одна сторона, которая характерна практически для всех данных организаций, это внешняя атрибутика, обязательно присутствующая у рыцарей (плащи, мечи, семейные гербы); у казаков, соответственно: форма, шашка, черкеска и пр.; у масонов: перстни, специальные знаки приветствия, тайные места собраний и т.п.

3. Наконец, необходимо обратить внимание на ограниченность возможностей вхождения в названные выше организации, прежде всего, финансовые и династические.

В заключение необходимо обратить внимание на особую мобилизационную роль закрытых и полужакрытых общественных организаций, политика которых способна формировать определенные ценностные ориентиры, мобилизовать этническую элиту и ее сознание в условиях развития культур государств современных новых демократий. Эта малоисследованная тема, безусловно, обратит внимание специалистов смежных с этнологией научных областей – психологов, политологов, которые, наверняка, найдут свой интерес к данной проблеме.

Список литературы

1. Бобровников Алексей. Экономические известия» (Украина): Орденская планка. Масонство. Режим доступа: <http://arhiv.orthodoxy.org.ua/uk/node/6275> (дата обращения 28.01.2017).
2. Бути лицарем заради майбутнього! // Лицарство. Серпень – Вересень 2006. № 13 (18). С. 1.
3. Гальченко Я. Започаткували відтворення...козацького народу. Режим доступа: http://www.kozak.ua/?page_id=2202 (дата обращения 29.01.2017).
4. Дашевский О. Масонство Тайное и явное. Режим доступа: http://www.vedomosti.md/news/Masonstvo_Tainoe_I_Yavnoe (дата обращения 29.01.2017).
5. Жижара Р. Рыцари ордена Архистратига Михаила собирались в Луцком замке. Режим доступа: <http://gazeta.ua/ru/articles/lviv-newspaper/rusari-ordena-arhistratiga-mihaila-sobiralis-v-luckom-zamke/183925> (дата обращения 23.01.2017).
6. Кучеров Н. Встречают по одежке. Режим доступа: <http://terskiykazak.livejournal.com/328017.html> (дата обращения 29.01.2017).
7. Леп'яко С. Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернівці, 1996. С. 98.
8. Любо – не любо. Россию заполонили «ряженые» казачьи дружины. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2012/11/07/cossacks/> (дата обращения 29.01.2017).
9. Микулинський І. Літопис Лицарського Ордену Архистратига Михаїла. Чернівці, 2005. Т. 1.
10. Микулинський І. Літопис Лицарського Ордену Архистратига Михаїла. Чернівці, 2006. Т. 2.
11. Молотов И. Запретить карнавал: ряженых казаков могут объявить вне закона. Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/335504-ryazheniye-kazaki-vne-zakona> (дата обращения 29.01.2017).
12. Панкратов М. По благословению папы римского // Православный крест. Режим доступа: <http://www.pkrest.ru/n-5/05-2.html> (дата обращения 31.01.2017).
13. Прошкин И. «Казачьему карнавалу» в России приходит конец. Режим доступа: <http://kolokolrussia.ru/ideologiya/kazachemu-karnavalu-v-rossii-prihodit-konec> (дата обращения 29.01.2017).
14. Романенко О., Спивак А. Орден украинских тамплиеров вляпался в очередной скандал. Режим доступа: https://frazza.ua/analytics/15.08.06/27433/orden_ukrainskih_tamplierov_vlyapalsya_v_ocherednoy_skandal_foto.html (дата обращения 31.01.2017).
15. Савицкий Д. Рыцарские ордена времен крестовых походов: история возникновения и устройство. Режим доступа: <http://palomnic.org/history/politika/krestonos/3/> (дата обращения 25.01.2017).

16. Современное казачество Украины. Режим доступа: <http://obshina.net.ua/%B5%D1%81%/> (дата обращения 30.01.2017).
17. Степанов В. П. Грани идентичностей. Кишинев, 2010.
18. Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра 1989–2014. М. – Тирасполь, 2015.
19. Тайные и закрытые общества в Украине: вчера и сегодня. Ч. 1. Режим доступа: <http://imperialcommiss.livejournal.com/606228.html> (дата обращения 29.01.2017).
20. Тайные и закрытые общества в Украине: вчера и сегодня. Ч. 2. Режим доступа: <http://imperialcommiss.livejournal.com/608197.html> (дата обращения 29.01.2017).
21. Узун Т. Дворянские корни киевлян Режим доступа: <http://h.ua/story/20706> (дата обращения 30.01.2017).
22. Украинские Тамплиеры. Режим доступа: <http://antimason.ru/vse-stati/altar/omasonstve/3907-ukrainskie-tampliery.html#sel=2:1,2:2> (дата обращения 31.01.2017).
23. Шевченко Р. Масонство в Молдове Режим доступа: <http://mlm.md/ru/istoricul.htm> (дата обращения 29.01.2017).
24. Щербак В. Козацтво XVI – першої половини XVII ст.. як потенційний чинник українського державотворення // Terra cossacorum: студії з давньої і нової історії України / на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова. Київ, 2007.
25. Юнг Е. Леонард Леонидович Акулов – предводитель дворянства Молдовы. Режим доступа : <http://press.try.md/view.php?id=16448&idb=Inter>
26. Alexianu Al. Acest ev mediu romanesc. Însemnări de iconografie și artă veche pămînteană. București, 1973.
27. Chihaia P. Perechile galante și Paftaua de la Argeș// Sfirșit și început de ev. Reprezentări de cavaleri la începuturile renașterii. București, 1977.

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И РЕСУРС ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭЛИТ

Поляков Александр Валериевич,

кандидат политических наук, доцент,

доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных дисциплин,

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

Социальная сплоченность, по нашему мнению, является основой политической системы любого государства. При чем, вне зависимости от политического режима, именно социальная сплоченность или отсутствие таковой является одним из основных условий поддержания политической и социальной стабильности и порядка, а, следовательно, можно утверждать, что социальная сплоченность является и политическим капиталом, и ресурсом основных политических акторов, и прежде всего элит. Отметим, что низкая социальная сплоченность предопределяет процессы политической дестабилизации современного государства. Подчеркнем, что мы полностью согласны с М. МакКракеном [6], что социальный капитал является фундаментом сплоченности современного общества, а, следовательно, можно говорить о том, что *социальный капитал напрямую связан и с функционированием политического режима, с рекрутацией элит*, всей политической системы, формированием нового политического порядка.

Выясним, что представляет из себя такой феномен как социальная сплоченность. Толковый социологический словарь трактует социальную сплоченность как степень интеграции социума или отдельных его элементов, базирующееся на единстве ценностных ориентаций, прочности межгрупповых и межличностных отношений, согласованности их поведения в основных сферах деятельности [1].

В свою очередь Р. Дарендорф, анализируя социальную сплоченность общества, делал акцент на его стремлении недопущению развития феномена социального отвержения. Он отмечал, что социальная сплоченность возможна только в ситуации наличия одинаковых возможностей для всех без исключения [4]. Он считал, что если люди ощущают свою включенность в социум, то они лишены чувства быть отверженными [4], а, следовательно, можно говорить о том, что в обществе проявляется как социальный, так и политический порядок. Авторы коллективной монографии «Вопросы социальной сплоченности общества на Кавказе» сформулировали следующие индикаторы уровня социальной сплоченности: «степень единства мнений, установок, мотивов, ценностей членов группы по различным аспектам деятельности группы, важных для ее эффективного функционирования и развития» [2]. В свою очередь Д. Дженсон [5] говорит о следующих квалификационных характеристиках социальной сплоченности: ощущение принадлежности-маргинальности, включенности-изолированности, признания-отверженности, законности/беззакония.

А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева, анализируя западные концепции социальной сплоченности, выделили следующие детерминанты: 1) «связи, обеспечиваемые ценностями, идентичностью, культурой; 2) различия и социальные барьеры (неравенство и несправедливость, культурные различия, географическая изолированность); 3) «социальный клей», способствующий созданию ассоциаций и сетей, инфраструктуры, ценностей и идентичности» [3]. При их наличии можно говорить о наличии социальной сплоченности в обществе, о социальном и политическом порядке.

Итоги проведенного автором социологического исследования, позволяют говорить о достаточно высоком уровне социальной сплоченности, но при этом наблюдается вектор девальвации социальной сплоченности в плоскости «традиционное северокавказское общество» и ориентации жителей СКФО на общероссийский тренд. Что предполагает определенную *интеграцию северокавказских элит (при всей их неоднородности) в единый процесс элитообразования и взаимодействия элит федеральных, региональных и муниципальных*. На вопрос «Кто (какие структуры) должны заниматься сплочением общества были получены следующие ответы» (табл. 1).

Таблица 1

Вопрос	Ответы	
	N	%
Должны ли заниматься сплочением общества органы государственного управления?	718	21,2
Должны ли заниматься сплочением общества политические партии?	372	11,0
Должны ли заниматься сплочением общества общественные организации?	690	20,4
Должны ли заниматься сплочением общества церковь?	259	7,7
Должны ли заниматься сплочением общества казачество?	132	3,9
Должны ли заниматься сплочением общества СМИ?	381	11,3
Должны ли заниматься сплочением общества научные деятели?	149	4,4
Должны ли заниматься сплочением общества деятели культуры?	376	11,1
Должны ли заниматься сплочением общества деятели спорта?	307	9,1

Причем интересным представляется то, что традиционные для Северного Кавказа институты трансляции и ценностных начал, и информации о социально-политических аспектах жизни постепенно вытесняются СМИ и интернет-контентом.

Таблица 2

	Ответы	
	N	%
Информацию о событиях в населенном пункте получаю из телевизионных сообщений	719	25,8
Информацию о событиях в населенном пункте получаю из рассказов родственников	312	11,2
Информацию о событиях в населенном пункте получаю из разговоров в транспорте	86	3,1
Информацию о событиях в населенном пункте получаю от сослуживцев на работе	261	9,3
Информацию о событиях в населенном пункте получаю друзей и знакомых	466	16,7
Информацию о событиях в населенном пункте получаю из Интернета	517	18,5
Информацию о событиях в населенном пункте получаю из собственных наблюдений	322	11,5
Другие источники информации	109	3,9

Представляется возможным говорить о трансформации фундаментальных оснований сплоченности северокавказского социума, о потере им своей индивидуальности. Более того, исходя из того, что по многим позициям основным источником информации являются СМИ и интернет, то можно предположить, что именно через средства массовой информации и коммуникации можно формировать новые политические установки и использовать ценностно-переформатированные социальные группы в достижении политических целей тех или иных акторов, как традиционных для Северного Кавказа, так и новых. Не без интересными являются ответы респондентов на вопрос, связанный с тем, кто мешает / препятствует формированию сплоченного социума на Северном Кавказе.

Таблица 3

	Ответы	
	N	%
Влияют негативно на сплоченность националисты	906	27,3
Влияют негативно на сплоченность чиновники	406	12,2
Влияют негативно на сплоченность предприниматели и бизнесмены	73	2,2
Влияют негативно на сплоченность молодежь	120	3,6
Влияют негативно на сплоченность иностранные агенты	202	6,1
Влияют негативно на сплоченность общественные организации	54	1,6
Влияют негативно на сплоченность СМИ	308	9,3
Влияют негативно на сплоченность религиозные деятели	190	5,7
Влияют негативно на сплоченность политики	256	7,7
Влияют негативно на сплоченность интеллигенция	26	0,8
Влияют негативно на сплоченность мигранты (иностранцы рабочие)	312	9,4
Влияют негативно на сплоченность спортсмены	18	0,5
Влияют негативно на сплоченность оппозиционеры	197	5,9
Влияют негативно на сплоченность артисты	25	0,8
Влияют негативно на сплоченность ученые	12	0,4
Влияют негативно на сплоченность олигархи	210	6,3

Больше всего на процессы сплоченности влияют националисты, это признают 27,3 % респондентов. Понимание этой данности приводит нас к следующей гипотезе: данное признание является основанием того, что в республиках Северного Кавказа наблюдается снижение межэтнической напряженности. А то, что вторым по значению препятствием для формирования и поддержания социальной сплоченности являются чиновники, *приводит к делегитимации региональной и местной элиты*. Именно в связи с этим можно слышать призывы к прямому президентскому правлению в той или иной области Северного Кавказа.

На вопрос респондентам «Принимали ли Вы участие в общественных акциях?» мы получили следующие ответы (табл. 4).

Таблица 4

Ответ	%
Да	34,3
Нет	55,6
Не помню	9,1

Представляется возможным говорить о том, что ответ «не помню» в данном случае выступал «защитным барьером», и данные в 9,1 % возможно приплюсовать к ответу «да». Тогда мы получим, что в общественных акциях принимали участие около половины опрошенных. Это достаточно большой процент, что позволяет предположить высокий уровень социальной активности граждан, проживающих на территории СКФО.

Каковы же были причины того, что представители северокавказского сообщества принимали участие в тех или иных общественных акциях? Ответы респондентов распределились следующим образом: 1. Причиной участия было желание перемен в обществе – 20,2 %. 2. Причиной участия было требования справедливости – 19,6 %. 3. Причиной участия было защита своих конкретных интересов (прав) – 14,5 %. 4. Причиной участия было защита стабильности общественных отношений – 10,3 %. 5. Причиной участия было защита интересов и прав других граждан – 9,2 %. 6. Причиной участия было желание поддержать существующую власть – 9,2 %. 7. Причиной участия было желание избавиться от безделья – 6,0 %. 8. Причиной участия было желание предотвратить конфликт – 5,9 %. 9. Причиной участия было желание стать известным (лидером) – 3,0 %. 10. Причиной участия было поступать так же, как другие – 2,2 %.

Интересным представляются данные, связанные с тем, что представители «традиционного» северокавказского сообщества принимали участие в общественных акциях, требуя перемен. О кризисе традиционных устоев и переформатировании причин социальной сплоченности говорит и то, что население не находит в существующих традициях, обычаях, условиях жизни оснований для справедливости. Более того, на третьем месте стоит идея *защиты «своих конкретных интересов, а не традиционных этноконфессиональных, что свидетельствует о изменении политической культуры, сознания и как следствие электорального поведения и взаимодействия всех элитных*.

Список литературы

1. Большой толковый социологический словарь. Режим доступа: <http://voluntary.ru/slovari/bolshoj-tolkovyi-sociologicheskij-slovar.html>
2. Вопросы социальной сплоченности общества на Кавказе / под ред. В.С. Ткаченко. Ставрополь: Альфа Принт, 2012. С. 9.
3. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН, 2009. С.45.
4. Dahrendorf R. et al. Report on Wealth Creation and Social Cohesion in a Free Society. London, 1995. P. 126.
5. Jenson J. Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Reserch // Canadian Policy Research Networks, CPRN Study № F 103, Ottawa. 1998. P. 220.
6. McCracken M. Social Cohesion and Macroeconomic Performance. Centre for the Study of Living Standards (CSLS). Conference: The State of Living Standards and the Quality of Life. Ottawa, 1998.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Галкина Е.П.,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

Кадничанская М.И.,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

Буровцева Е.С.,

магистрант, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

Стратегия – общий, недетализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели, являющейся неопределённой и главной для управленца на данный момент, в дальнейшем корректируемой под изменившиеся условия существования управленца-стратега. В теории выделяют три основных типа коммуникационных стратегий – презентация, манипуляция, конвенция.

1. Презентация является пассивной коммуникацией, послание.

2. Манипуляция является активной коммуникацией, сообщение. Манипуляционные технологии не создают устойчивую на уровне гражданского общества структуру коммуникационной среды. Чтобы удерживать структуру манипуляционной коммуникационной среды, всегда нужна власть (политическая, финансовая, идеологическая). Иначе говоря, манипуляционная коммуникационная среда не способна к самовоспроизводству. Она поддерживается специальными усилиями власти, иногда при помощи тех же гуманитарных технологов, и разрушается при первом же ослаблении этой власти, в моменты любого ее кризиса, что прекрасно демонстрируют любые кризисы последнего времени в постсоветских странах.

3. Конвенция является интерактивной коммуникацией, диалог. Задача конвенциональной коммуникационной стратегии некоторого текста или речи – обеспечить коммуникацию между различными сегментами коммуникацион-

ной среды – аудитории этого текста или речи и через целую цепь консенсусов получить как результат – конвенцию, то есть такой содержательный договор внутри определенного сегмента или даже целого общества, который будет позволять, с одной стороны, воплощать в жизнь совершенно практические задачи (реализовывать какой-либо проект), с другой стороны, произвести некоторую структуру коммуникационной среды, которая будет позволять воспроизводить конвенциональный коммуникационный процесс в дальнейшем и противостоять манипуляционным коммуникационным стратегиям.

В современном информационном обществе происходит адаптация практик реализации коммуникативных стратегий политических лидеров к принципам функционирования современного Интернета. Проанализируем роль социальных сетей в коммуникационных стратегиях членов президиума регионального политического совета партии «Единая Россия» (В.В. Корнев) и обкома КПРФ Ульяновской области (А.В. Куринный).

Если рассматривать биографии членов регионального политического совета партии «Единая Россия» и обкома КПРФ по Ульяновской области – В.В. Корнева и А.В. Куринного, то можно увидеть следующие важные моменты в анализе коммуникационных стратегий. В основном здесь используется стратегия презентации. Так, в биографии В.В. Корнева центр построения социальных сетей строится, главным образом, вокруг его образования.

1. В.В. Корнев закончил обучение на военно-медицинском факультете при Томском медицинском институте. Проходил службу в Вооруженных силах СССР и РФ в качестве военного врача-хирурга.

2. Затем стал депутатом Законодательного Собрания Ульяновской области, был начальником учебно-тренировочного отдела «Школа медицинских катастроф», заместителем директора Ульяновского территориального центра медицины катастроф, помощником губернатора Ульяновской области, министром региональной политики Ульяновской области. Занимал должность первого заместителя руководителя аппарата правительства Ульяновской области. Впоследствии был назначен на должность статс-секретаря - заместителя министра здравоохранения Ульяновской области, а также возглавлял Ульяновский областной хоспис и, в конечном счете, получил должность главного врача Ульяновского областного клинического центра специализированных видов медицинской помощи. По совместительству он также на данный момент является секретарем УРО ВПП «Единая Россия» [1].

3. Женат, имеет двух детей (сына и дочь).

4. Награжден орденом «За военные заслуги!»

Анализ персональных страниц В.В. Корнева в различных Интернет-сетях («Вконтакте», «Твиттер», «Фейсбук», «Одноклассники» и др.) позволил получить следующие данные.

Профиль «Одноклассники» содержит в себе сведения о проблемах социальной сферы (все темы в большинстве своем касаются проблем медицины). В «Одноклассники» у В. Корнева 549 человек «в друзьях», количество подписчиков не указано.

«Фейсбук» содержит в себе информацию политизированного характера. Поднимается тема заседаний и обсуждений вопросов по различным проблемам в регионе, обсуждение решений и мер, принятых правительством РФ. Количество подписчиков В. Корнева на «Фейсбук» равно 41177 человек. В категорию «друзья» входят 1129 человек [3].

«Твиттер» включает в себя данные о проблемах в регионе, обсуждение решений и мер, принятых правительством РФ, а также о реализации партийных и правительственных проектов и программ. В «Твиттер» В.В. Корнев имеет 679 человек и в подписчиках – 1187 человек.

Иными словами у В. Корнева как говорилось выше, в социальных сетях преобладает стратегия презентации, но встречается и конвенция, и реже манипуляция [2].

Анализ биографии и Интернет-профилей А.В. Куринного в различных Интернет-сетях («Вконтакте», «Твиттер», «Фейсбук», «Одноклассники» и др.) показал, что:

1. А.В. Куринный имеет два высших образования. Первое по специальности «Лечебное дело», второе – «Юриспруденция», а также кандидатскую степень в области медицинских наук.

2. Работал врачом-хирургом поликлинического отделения Ульяновской городской больницы № 2, больницы скорой медицинской помощи г. Ульяновска, был избран депутатом Законодательного собрания третьего, четвертого и пятого созыва, входил в состав комитета по государственному и муниципальному строительству и делам молодежи, вошел в состав комитета по социальной политике. На данный момент ведет преподавательскую деятельность на кафедре госпитальной хирургии медицинского факультета Ульяновского государственного университета, главный врач Ульяновского областного клинического центра специализированных видов медицинской помощи, а также врач-хирург данного центра, секретарь Ульяновского обкома КПРФ.

3. Женат, воспитывает четверых детей

4. Законодательная ветвь власти

В профиле персональной страницы в «Вконтакте» у А.В. Куринного опубликована информация на широкую тематику. Поднимаются проблемы региона, как политические, так и социальные: стипендии, решения ЗСО, дороги, зарплаты. Количество подписчиков на данном профиле равно 58 людям, в «друзьях» – 30 человек.

В «Одноклассники» преобладает следящая новостная тематика: проблемы региона (услуги ЖКХ, проблемы дорог, оползни). В профиле насчитывается 354 человека, входящих в категорию «друзья». Количество подписчиков не указано [4].

На «Фейсбук» представлены посты новостей региона, относящиеся к проблемам социальной политики или заседаний ЗСО. Количество подписчиков не указано. В категорию «друзья» входят 909 человек.

«Твиттер» содержит новости, относящиеся к критике действий правящей политической силы.

На профиле присутствует 947 читателей, 101 читаемый твит. Всего на профиле находится 953 твита.

В профиле «ВКонтакте» присутствует ссылка на «livejournal». «Одноклассники содержит ссылку на сайт Ульяновского отделения КПРФ, «Фейсбук» и «Твиттер» содержат ссылку на сайт «ulnovosti.ru» [4–6].

Начало социальных сетей А.В. Куринного формируется на основе его основного образования. Именно его профессиональная деятельность, фундаментом, которой послужила первая «специальность» открыла ему путь в политику и расширила его возможности. А.В. Куринный использует главным образом в социальных сетях стратегию конвенции, но иногда и презентацию. Его профили в социальных Интернет-сообществах имеют политизированную тематику. Данное обстоятельство говорит о том, что центр социальных сетей А. Куринного смещен в сторону членства в партии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что значение социальных сетей, в формировании коммуникационных стратегий политических институтов (на примере политических партий КПРФ и «Единая Россия») весьма велико. Данный ресурс определяет тип преобладающей стратегии. Так, у В.В. Корнева социальные сети изначально используют тип презентацию, и только иногда конвенцию и манипуляцию. Тогда как А. Куринный использует конвенцию, и только потом презентацию [5].

На основе анализа основных тенденции в процессах реализации коммуникативных проектов в интернет-пространстве, российская политическая власть предпринимает попытку использовать наиболее актуальные и современные интернет-технологии, соответствующие современному этапу развития Интернета [7].

Выявляются особенности политического потенциала Интернета, применительно к задачам коммуникативных стратегий российской политической власти, заключающиеся в существенном расширении таких возможностей как: 1) формирования и влияния на политическую повестку дня; 2) проведения «публичной экспертизы» политических решений, которые обеспечивают их легитимность; 3) выявления актуальных общественных проблем с помощью использования эффективных инструментов обратной связи; 4) осуществления корректировки политического курса путем установления диалога между обществом и властью; 5) презентации собственного политического имиджа.

Определяются возможности повышения эффективности использования современных интернет-инструментов, включенных в процессы непосредственного обмена политической информацией (блогов, блог-сервисов, микроблогов, социальных сетей, рейтинговых и поисковых систем, а также других сетевых проектов), благодаря таким коммуникативным свойствам, как: 1) доступность технологических возможностей размещения «пользовательского контента», обуславливающих изменение характера взаимодействий участников коммуникации от объектно-субъектных отношений к субъектно-субъектным; 2) особой ссыльно-сетевой структурой распространения информации в Интернете, строящейся на слабых персональных связях, позволяющей субъектам коммуникации формировать и наращивать социальный капитал, превращаясь в лидеров общественного мнения в пространстве Интернета; 3) коммуникативные стратегии российской политической власти в Интернете по своему содержанию и механизмам реализации основываются на традиционных подходах к каналам коммуникации (вещательной модели коммуникации), и как следствие не позволяют полностью и эффективно реализовать коммуникативный потенциал Интернета в решении стратегических задач. В качестве первоочередных задач коммуникативных стратегий акторами политической власти выдвигаются имиджевые характеристики, подчеркивающие характер российской политической власти, как отвечающей основным требованиям и качествам современного информационного общества.

Список литературы

1. Корнев В.В. // Одноклассники. Режим доступа: <https://ok.ru/viktor.kornev> (дата обращения 12.02.2016).
2. Корнев В.В. // Твиттер. Режим доступа: <https://twitter.com/viktorkornev> (дата обращения 12.02.2016).
3. Корнев В.В. // Фейсбук. Режим доступа: <https://www.facebook.com/people/виктор-корнев/100001930308605> (дата обращения 12.02.2016).
4. Куринный А.В. // ВКонтакте. Режим доступа: <http://vk.com/id216163505> (дата обращения 08.04.2016).
5. Куринный А.В. // Одноклассники. Режим доступа: <https://ok.ru/profile/117939856844> (дата обращения 08.04.2016).
6. Куринный А.В. // Твиттер. Режим доступа: <https://twitter.com/kurennny> (дата обращения 09.04.2016).
7. Шатин И.М. Коммуникативные стратегии российской политической власти в интернет-пространстве (2008–2011 годы). М., 2012. 207 с.

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИЯН: ПАРАДОКСЫ И СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ

Иванова Лилия Александровна,

аспирант, кафедра социологии,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Взаимоотношение власти и общественного мнения являются важнейшим фактором показывающий уровень развития демократии и качества профессионализма политической элиты и гражданского общества. В условиях современного общества власть уже не может обойтись без поддержки мнения общественного большинства. Общественное мнение дает оценку политике, поэтому естественно, что власть стремиться в этой оценке выглядеть, гораздо лучше, чем она есть на самом деле. Однако, общественное мнение политикой не занимается. Поэтому политика

занимается сама общественным мнением, целенаправленно формируя ее базовые ценности. Для этого политические элиты активно используют существующие в общественном сознании стереотипы восприятия государства и власти, с определенным успехом управляя процессом формирования общественного мнения по ключевым для них проблемам [5, с. 111].

В регулировании политических процессов, в определении стратегии, целей и приоритетов политики важная роль принадлежит специфическому субъекту политики – политической элите. Она концентрирует в своих руках власть путём монополизации права на принятие политических решений. «Элита политическая (лат. *eligere* и фр. *élite* – лучшее, отборное, избранное) – особая группа людей, занимающая привилегированное положение в структурах политико-государственной и политико-негосударственной власти и непосредственно осуществляющая функцию руководства властными отношениями» [8].

Если обратиться к данным опросов относительно уровня доверия к политическим институтам и элитам, которые регулярно проводятся ВЦИОМ и публикуются в журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», то можно отметить значительные отличия в отношении общественности к политической элите на федеральном уровне и к политической элите на региональном уровне. В данном случае противопоставление идет не по оси «меньше подчиненных – больше подчиненных», а в связи с психологическим понятием близости. В первом случае это политическая элита региона или города и воспринимается среднестатистическим человеком с индексом «свой», соответственно и с большим одобрением. Власть отождествляется с конкретными лицами и конкретными проблемами, которые близки каждому человеку (дороги, жилье, рабочие места). Политическая элита федерального уровня предстает в массовом сознании как абстрактные структуры или лица, знакомые лишь через средства массовой информации, и воспринимается с индексом «чужой». Т.к. понятие «чужой» отождествляется с «плохим», «враждебным», то и отношение населения окрашено большим негативом. Отношение среднестатистического человека к политической элите строится на потребности большей опеки с одновременным требованием больших прав. Такое положение вещей сохраняется благодаря слабому развитию горизонтальных общественных связей и зависимости общества и экономики от государственной монополии.

Все, что имеет для людей определенную ценность, непременно получает свою оценку, т.е. люди выражают свое отношение в оценочном суждении (мнение). В высказанном мнении выражается как объективное, так и субъективное отношение людей к тому или иному феномену, объекту, явлению или личности. В прошлом считалось, что субъективное отношение нередко резко противопоставлялось знанию, поскольку знание выше мнения, ибо оно позволяет раскрыть объективную истину, в то время как мнение не позволяет раскрывать истину в силу субъективного отношения к объекту. Верить власти и доверять власти – вещи разного порядка. Если первое основывается на иррациональном отношении к власти (сакральном отрицании негатива у власти), то второе на уже сугубо рациональном понимании ее позитива.

Одной из существенных проблем общественного мнения является постоянно существующее на него давление со стороны власти, направленного на изменение в лучшую для себя сторону оценку политической деятельности правящих элит. В этом некоторые усматривают фундаментальное противостояние власти и зарождающегося гражданского общества. Причем данная проблема имеет мировой характер и присуща даже «самым развитым демократиям Запада» [6, с. 46].

Известный российский политолог А.С. Панарин называл сегодняшнюю политическую элиту России нелегитимными «подпольщиками», интересы которых диаметрально расходятся с интересами всего остального общества. Этот его тезис подтверждают данные ВЦИОМ восприятие общественно-политической реальности элитой и массами имели существенные отличия в 1990-е гг. Опросы тогда выяснили, что социальную элиту меньше всего беспокоили «практические» проблемы (цены, дефицит, безработица) и больше – политические и идеологические (слабость власти, межнациональные отношения). Самые крупные расхождения между оценками элит и населения в два раза были по поводу значения кризиса морали и культуры. Но зато по таким позициям как коррупция, слабость власти, конфликты в руководстве, различий во мнениях элиты и остальной массы практически не было зафиксировано [7, с. 145].

В «продвинутой» группе населения (элите) суждения были заметно смещены в сторону более оптимистических (в целом, «запас прочности» этой элитарной группы на несколько пунктов больше, чем у остальной массы). Элитные группы более позитивно оценивали либеральные реформы Ельцина. Они (субъекты элиты) более внимательно следят за информацией о политических событиях (40 и 27 % остальные), более активно обсуждают политические события с друзьями (соответственно 38 и 33 %), чаще других участвовали в политических демонстрациях или митингах (соответственно 2 и 1 %) и в предвыборных кампаниях (соответственно – 4 и 2 %). «Элитарная» группа в меньшей мере, чем остальные, была подвержена политической ностальгии: здесь только 34 % против 45 согласны с тем, что было бы лучше, если бы «все в стране оставалось так, как было до 1985 года» (среди остальных это соотношение противоположное – 50 % против 29). И, наконец, в этой группе лишь 19 % (против 50) полагают, что единственным выходом является «установление диктатуры» (при соотношении 27 : 39 среди других). Эти данные позволяли тогда рассматривать нынешнюю социальную элиту в России как важную опору демократических и рыночных перемен [7, с. 161].

Российскими исследователями признается, что современная российская власть (и ее понимание, и ее реальное воплощение) основана на целой серии стереотипов, иллюзорных убеждений и ложных суждений. Эти мифы имеют как у самих руководителей, так и у народа. Большинство существующих стереотипов носят откровенно выраженный архаичский характер, что в свою очередь делает и всю власть в глазах мыслящей общественности весьма архаичной. Базовый стереотип заключается в персонифицированности власти, мифе о «мудром начальни-

ке». Данный стереотип укоренился исторически, поэтому народу трудно представить себе власть иначе как именно в этом мифологизированном образе. При этом начальник непременно должен быть один, потому что существует опасение того, что множество начальников породит управленческий хаос и коррупцию. В новейшей российской истории ново созданные «ветви власти» тут же начинали выяснять между собой отношение на предмет своего главенства над другими. Кончалось все это «малой гражданской войной» октября 1993 г. Именно опасения повторения событий подобного рода и приводят к тому, что существующее начальство может быть лучше, того, что возможно придет ей на смену.

На общественное мнение определенное воздействие оказывает и доктрина разделение властей. Провозглашенная российской Конституцией 1993 г. как незыблемая демократическая ценность, этот принцип на практике имеет ряд сугубо российских специфик, связанных с гипертрофической ролью исполнительной власти и фактическим подчинением ей власти судебной и законодательной. В общественном сознании россиян эти власти, по-прежнему, остаются единой политической силой. И именно из-за того, что инстанции власти не разделены, всякая смена властителя (выборы президента или парламента) превращается в экстрим, игру на выживание. Вследствие этого постоянно обостряется проблема преемственности власти – здесь каждые выборы чреваты возникновением патовой ситуации (причем во всех сферах жизни одновременно). Неразделенность инстанций власти приводит к их параличу и к возникновению (хотя бы даже и на словах) угрозы «революции». В зависимости от ситуации российские власти пугают электорат угрозой хаоса в случае смены их политических на выборах предпочтений [4, с. 15].

Эксперты признают, что если бы в России существовала реальная (настоящая) политика и велись полноценные открытые дискуссии по общественно значимым темам, то в изощренных политехнологах не было бы нужды. Их роль перешла бы на технических исполнителей. Указанные недостатки свидетельства незрелой демократии – до самостоятельных инстанций власти должны ещё «дорости» все существующие органы управления и центры влияния.

Реальная демократия возникает в условиях многопартийности, парламентаризма и разделения властей. Демократия – итог здоровой конкуренции. В современной же России политическая конкуренция сведена к нескольким условностям, именуемым выборами, в качестве формальной поддержки населения действий властей. Подобная практика ставит на первое место избирательные технологии и делает общественность объектом политических манипуляций [1, с. 94].

В Новейшей России господствует сложившееся здесь в последние двадцатилетие понимание власти как некоторой особой привилегированной группы, захватившей власть в стране на основе некой закулисной договоренности. Подобные отношения являлись характерными еще для дофеодального устройства власти, когда подобное понимание власти приводит к тому, что любое стремление моноцентра власти к усилению порождает ответную реакцию – сепаратизм, стремление к отделению. В общественном сознании очень трудно себе представить, как в России на одной территории могут сосуществовать две или более инстанций власти, обладающих каждая своим эксклюзивным ресурсом. Специалисты считают, что именно это порождает сепаратистские тенденции в регионах, особенно в тех, где существуют развитые этнократии [2, с. 9].

Другим системным стереотипом общественного сознания является тот, что власть отождествляется с государством. Данный тезис активно используется российскими интеллектуалами, когда утверждается, что есть российское государство, а у него есть своя особая власть, и наоборот. Когда был взят курс на усиление российской бюрократии (укрепление вертикали власти), многие посчитали это как усиление власти в стране. Но усиление государства вовсе не означает приобретения власти, поскольку при этом могут резко ослабляться иные, негосударственные инстанции власти (в частности гражданское общество), а значит, слабеет и вся конструкция в целом. Более того, из этого процесса полностью исключается самый главный «начальник» государство – общество, и бразды правления полностью сосредотачиваются в руках даже не политической элиты, а бюрократии. В результате господства этого стереотипа, взятые напрямую из западной демократической риторики тезисы, «проскакивают» и не понимаются обществом.

Общественное внимание просто не успевает за ростом властных полномочий, поэтому часто воспринимает ее действия как ненужную суету. Основной принцип современных властных технологий заключается в том, чтобы не уменьшать количество инстанций власти, а, наоборот, увеличивать их со скоростью, большей, чем скорость общественного развития. Тем самым властью создается полностью контролируемое пространство, имитирующее механизм отлаженной системы управления, в котором простой гражданин не может свободно ориентироваться в силу своей слабой правовой подготовки. Если в развитых странах демократии этот механизм эффективно работает, то в развивающихся демократиях он часто имитируется в спекулятивных целях.

Следующий стереотип тоже может быть отнесен к числу стереотипов незрелой демократии. Отсутствие диалога между институтами гражданского общества и государства приводит к тому, активные граждане отказываются участвовать в избирательных процессах, полагая, что существующая власть не пропустит их через «фильтры» селекции. В поддержке существования этого стереотипа немаловажную роль играет пресловутый административный ресурс, весьма часто проявляющийся в электоральных циклах. И хотя власти категорически отрицают сам факт его существования, однако, неизменно положительные для них результаты голосований указывают на обратное.

Другим уже давно укоренившимся стереотипом является страх перед бунтующим народом. Данный стереотип усиленно поддерживает и успешно спекулирует сама власть. Ею усиленно подпитывается убеждение, что бунт народа означает разрушение всего порядка целиком. Страх перед возможным хаосом усиливает позицию тех, кто осуществляет руководство, ибо массы инстинктивно устремляются к спасительной властной вертикали. Тем самым правящая элита закрепляет на практике ту ситуацию, когда власть принадлежит исключительно государству, не оставляя ничего гражданскому обществу [1, с. 96].

Еще один активно существующий стереотип общественного мнения заключается в том, что власть должна быть основана на праве и процедуре. Суть этого стереотипа заключается в том, что формализация процедур и исполнения закона, приводит к усилению внутренней неготовности строго им следовать. Это делает Россию и российскую власть крайне неэффективными с точки зрения осуществления преобразований и неконкурентоспособности. Такой формализм может существенно ослаблять суверенитет страны и усиливать коррупционные схемы.

Политические элиты научились управлять постоянным стремлением общественного сознания уходить из общественной сферы в частную. На это в свое время уже указывал Ж. Бодрийяр, который отмечал, что массы превратились в публику, которую интересуют только зрелища, а именно так воспринимается важные политические события в стране. Они полностью уходят в мир частной жизни. Родственный феномен, близкий по цели с массами, – это терроризм, который, как и массы уничтожает социальное. Так, по его мнению, умирает социальное, а вместе с этим и сами социальные науки. Массы не являются субъектом истории, потому что не способны представлять себя в политическом. Любая репрезентация масс есть копия (*simulo*, «делать вид, притворяться»). Вместе с тем массы не являются объектом истории, потому как поглощают социальное и политическое процессами гиперконформизма, молчания и равнодушия к ним. Из этого возникает догадка, что и все проводимые опросы общественного мнения есть не что иное, как симулякр, некий политикосемиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности [3, с. 70].

Рассмотренные в этой работе стереотипы российского общественного мнения проявляются как на федеральном, так отчасти и на региональном уровне. Их влияние на формирование общественного мнения зависит от ситуации конкретного политического момента. В странах незрелой демократии и при существенном влиянии авторитарных тенденций власти больше склонны к манипулятивному воздействию и управляемому общественному мнению. В 2000-е гг. подобные тенденции проявились и в странах западных демократий, что свидетельствует о кризисе демократических ценностей. Политические элиты являются подлинными творцами своих рейтингов и также хотят быть соавторами и общественного мнения. Поэтому важной проблемой настоящего является не столько свободный доступ к информации, сколько возможность верифицировать получаемые данные.

Подводя итоги выше сказанного, еще раз перечислим ведущие факторы, которые влияют на восприятие политической элиты массовым познанием: слабое разграничение политической элиты и конкретных лиц, разделение власти по оси «свой – чужой», подмена понятия «целесообразность» политической элиты на понятие «устойчивость», потребность в патерналистской системе.

Список литературы

1. Афанасова Е.В. Противоречия в формировании федеративных отношений в Российской Федерации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 4. С. 92–98.
2. Баранов А.В. Политические взаимодействия групп интересов в регионах России // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Сер. Политология и социология. 2009. № 1. С. 8–18.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2000. С. 69–72.
4. Вартумян А.А. Этнизация политики: методологические подходы и региональные отличия // Региональные политические исследования 2008. № 1 (2). С. 12–25
5. Иванова Л.А. Феномен политических элит в общественном мнении россиян: парадоксы и стереотипы восприятия // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. 2011. Т. 7–8. С. 110–118.
6. Карабущенко П.Л. Негражданское общество и его путь к осуществлению идеи гражданского общества // Каспийский регион. 2009. № 4 (21). С. 45–51.
7. Панарин А. Народ без элиты. М., 2006. С. 258.
8. Политология. Словарь. М.: РГУ. В.Н. Коновалов, 2010. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/> (дата обращения 21.02.2017).

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ ФАЗ МОБИЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Китаев Сергей Викторович,

*кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политологии,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград*

Анализ основных предпосылок к возникновению номенклатуры позволяют предположить, что данная система формирования политической власти в СССР является исторически обусловленной, а сам феномен имеет многоаспектный характер. При характеристике основных фаз мобильности номенклатуры данный тезис позволяет использовать исследовательский потенциал всех имеющихся подходов, в том числе, теории элит, а также, теории бюрократии. Мобильность будем рассматривать в качестве процесса «движения» кадров, включающего три основные фазы: инкорпорацию, ротацию и эскалацию [2, с. 99].

Совокупность указанных фаз представляет собой трафик, интенсивность которого, в зависимости от особенностей конкретного периода, различна (от более интенсивных, в периоды сталинских «чисток», до менее интенсивных, практически, инертных, во времена брежневского застоя). Область вхождения в номенклатуру образует «предно-

менклатурную зону»; область выхода – «эксноменклатурную зону». Данные области обеспечивали устойчивость системы в целом, позволяя свести до минимума возможные негативные последствия при попадании и при выходе из номенклатуры.

Исследование по такой схеме позволит охарактеризовать основные черты номенклатурной системы, даст возможность подтвердить тезис о преемственности номенклатурной системы в постсоветский период [подробнее см.: 1]. Основным фильтром, очерчивающим предноменклатурную зону, из которой осуществлялись номенклатурные назначения, являлись первичные партийные организации, объединяющие по месту работы всех коммунистов и обеспечивающие их активное участие в партийной жизни. Именно через них коммунистическая партия Советского Союза проводила работу по включению в свои ряды наиболее сознательных представителей. Приоритетным в деятельности первичных партийных организаций являлась работа по формированию действующего на общественных началах резерва кадров.

Процесс инкорпорации власти в СССР осуществлялся как в форме выборов, так и назначений, то есть сочетал в себе принципы выборности и номенклатурности. Эти две формы дополняли друг друга, обеспечивали безличность системы, ее статистическую социальную справедливость и полную отчужденность от обыденных и понятных социальных отношений. Реализация указанного механизма осуществлялась посредством трех основных принципов: подборе и расстановке кадров; выдвижении кадров; переброске кадров. Подбор и расстановка кадров осуществлялись на основе закрепленных в Уставе КПСС ленинских принципов подбора и расстановки кадров по политическим и деловым качествам. Вместе с тем, зачастую, оценка политических и деловых качеств строилась на готовности неукоснительно и бездумно следовать решениям партийного руководства, личной преданности, что, безусловно, наносило колоссальный вред системе в целом.

Выдвижение, как один из важных принципов реализации механизмов инкорпорации номенклатуры, заключалось в предоставлении возможности работникам, еще не имевшим достаточного опыта управления, выдвинуться на ответственные посты. Отбор выдвигаемых производился по рекомендациям партийных комитетов, исполкомов советов, профсоюзов, по личным поручительствам ответственных работников. Причем выдвинутые, сейчас же должны были назначены на ответственную работу.

При невозможности использования выдвигаемых на низовом уровне, сведения о них направлялись в вышестоящие партийные комитеты (номенклатура уездного уровня выдвигалась в губком; губком выдвигал кандидатов областного уровня, при невозможности использования выдвигаемых на местах, сведения о них пересылались в ЦК партии). С момента внедрения, идея выдвижения рядовых рабочих и крестьян в номенклатуру стала реализовываться с неумолимой последовательностью. Причем подавляющее большинство народных комиссариатов было неудовлетворено практикой выдвижения, требуя большей грамотности, а также подготовленности выдвиженцев, которые, из-за несоответствия этим элементарным критериям, также нередко испытывали дискомфорт.

Несмотря на полную неподготовленность выдвигаемых к назначению, партийным комитетам предписывалось не придавать этому решающего значения; чтобы неопытность и неподготовленность не служили препятствием для выдвижения наиболее способных и активных. В номенклатурной системе повсеместно практиковались методы переброски (мобилизации), которые также предавались резкой критике. Чуждые местному населению, не знакомые с условиями и со спецификой деятельности, мобилизованные кадры были ориентированы только на полное исполнение указаний утвердивших их парткомов. Кадровые перемещения, поддерживая номенклатуру в состоянии постоянной неуверенности, выполняли роль своеобразного стимула: только беспрекословная исполнительность могла обеспечить работнику успешный карьерный рост.

Описывая процессы осуществления внутренней ротации номенклатуры, отметим, что одним из принципов номенклатурной карьеры было изменение сферы деятельности. К концу советского периода сложилось несколько разновидностей номенклатурной карьеры: партийно-хозяйственная, комсомольско-партийная, советско-партийная, партийно-дипломатическая. Ротация могла осуществляться как «вертикально», так и по горизонтали – из одной сферы, в другую. Распространен был переход с комсомольской работы на партийную, с партийной на советскую, с советской на партийную, с хозяйственной на партийную и обратно.

Выдвинутое на ответственный пост должностное лицо уже не покидало систему, а перемещалось на ее различных уровнях, что особенно заметно при изучении номенклатурных списков: зачастую, на протяжении длительных периодов, можно встретить одних и тех же работников, замещающих различные посты, входящие в номенклатуру должностей. Пристального внимания со стороны политического руководства требовали механизмы принудительной ротации. Чем была вызвана необходимость применения принудительной (а, порой и насильственной) ротации номенклатурных кадров?

Среди основных причин принудительной ротации номенклатуры в различные периоды можно выделить: неэффективность работы; отсутствие внешних условий ротации кадров; возникновение и рост прочных «неформальных» связей и практик; складывание «критической массы» выдвиженцев, наученных опытом и стремящимся к дальнейшим властным высотам; рост молодых специалистов, получивших высшее образование, решительных, бескомпромиссных, энергичных и безвластных; невысокий образовательный уровень выдвигаемых номенклатурных работников.

Основными методами принудительной ротации были: «чистки» – силовой способ ротации, а также реорганизации партийного и государственного аппарата – «мирный» способ принудительной ротации. «Чистки» представляли собой масштабное перераспределение позиций в социальной структуре общества и власти. Такое перераспределение обуславливалось, прежде всего, тем, что арест любого функционера своим следствием имел продвижение по вертикали не одного, а целой группы должностных лиц. Их стремительное повышение было несложным, так как

занятие аппаратных постов в те годы не требовало особых заслуг, знаний и навыков в работе. Реорганизации партийного и государственного аппарата, как «безболезненный» способ ротации номенклатурных кадров, особенной активно практиковались в период преобразований Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева.

В хрущевский период необходимость ротаций отражалась в основополагающих уставных документах КПСС октября 1961 г., которыми прямо предписывалось периодическое обновление работников и руководящих органов: до половины – районного уровня, до трети – областного и республиканского уровней, до четверти – в ЦК КПСС и его Президиума.

С реформами М.С. Горбачева обновление достигало до 85 % (в ЦК партии); в союзных республиках – от половины и выше, нередко до 70 %, что отразилось и на руководящем звене областного уровня. При этом оба генеральных секретаря ЦК партии обосновывали необходимость реорганизаций партийного аппарата в связи с неэффективностью его структуры. Для номенклатурных работников, не желавших добровольно покидать занимаемую должность, практиковалось использование компрометирующего материала, исключение из партии, что, соответственно, означало завершение карьеры.

Процедуры экскорпорации номенклатуры работали также слаженно, как и инкорпорации, что способствовало уверенности в завтрашнем дне, защищенности представителей номенклатуры, имеющих полное представление как о механизмах построения карьеры, так и ее безболезненного завершения. К началу семидесятых годов для членов и кандидатов в члены центрального комитета партии практиковалось два основных типа отставок: с сохранением элитного статуса, а также без его сохранения, но с переводом в экс-элитную зону, что хоть и являлось движением вниз, но не выбрасывало функционера из системы.

Простота процедур экскорпорации в советский период была вызвана, преимущественно, пожилым возрастом, в котором работник покидал ответственный пост. Это же было и причиной невозвратности отставок. Высшая номенклатура никогда не возвращала на высокие позиции тех, кто был подвергнут экскорпорации. Вопрос о создании «кадровых запасников» в то время не стоял вообще. Все кадровые потребности удовлетворялись благодаря системе резерва, из которого планомерно черпались необходимые человеческие ресурсы. Процесс нормативной регламентации мобильности полностью контролировался политическим руководством страны, которое, при необходимости, изменяло его как на формальном, так и на неформальном уровне.

Список литературы

1. Китаев С.В. Номенклатура как субъект социально-политической трансформации современной России. Волгоград, 2007.
2. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ АГУ)

Миронова Юлия Германовна,

*кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В настоящее время в российском обществе, активно проходят процессы демократизации социально – политической системы. Повышается значимость коммуникативного воздействия информации на общество и общественное мнение, образ политического лидера представляет для исследователей особый интерес. Образ политического лидера это сложный феномен массового сознания, который включает в себя устойчивые впечатления и мнения, сложившиеся по поводу политика в определенной социальной группе, под влиянием его деятельности и средств массовой коммуникации [4, с. 83].

Единой концепции к рассмотрению политического лидерства в социологии в настоящее время не выработано, необходимо отметить, что последователи различных социологических направлений и школ выделяют такие наиболее общие категории лидерства как власть, легитимность, иерархия, формальность. В данный ряд входит и веберовское понятие харизмы, которое встречается во всех классических теориях лидерства. Лидерство – это ведущее положение, приоритетное влияние отдельной личности, социальной группы, партии, обусловленное более эффективными результатами деятельности, сущность лидерства составляют отношения доминирования, подчинения и влияния [2, с. 151].

Наибольший интерес в изучении представления образа политического лидера является студенческая молодежь как социально-демографическая группа, которая выступает источником пополнения квалифицированных кадров, интеллигенции и электората. Наиболее характерной специфической чертой студенческой молодежи является переходность социального статуса от временного к основному посредством процесса вторичной социализации. При этом основными каналами политической социализации молодежи в современном российском обществе выступают средства массовой информации и коммуникации, а так же политическая реклама, что способствует развитию виртуализации процесса гражданского выбора и активному потреблению студенческой молодежью образов субъектов политического процесса. Роль молодежи в политическом процессе двойственна, с одной стороны студенческая молодежь является потенциалом развития демократизации политической системы в России и наиболее часто студен-

чество выступает в качестве протестующей силы на мировой политической арене, объединяясь в различные молодежные организации, а с другой для неё характерен наименьший уровень политической активности [3, с. 5246].

Весной 2016 г. Центром социологических исследований АГУ было проведено исследование на тему «Образ политического лидера в оценках студенческой молодежи» в качестве основного метода исследования выступило простое раздаточное анкетирование. В качестве объекта исследования выступили студенты очной формы обучения Астраханского Государственного Университета, выборочная совокупность составила 530 человек.

Образ политического лидера включает в себя объективные и субъективные характеристики, такие как морально-этические, психологические, профессионально-деловые качества, также социально-демографические характеристики, стиль управления и вид политической деятельности [6, с. 82]. Данные структурные компоненты образа политического лидера были учтены нами при составлении инструментария и в ходе проведения анкетирования. В качестве основных операциональных понятий (переменных) исследования выбраны субъективные и объективные характеристики образа политического лидера. В качестве эмпирических индикаторов исследования выбраны: информированность студентов о современных политических лидерах России, перечень объективных качеств политических лидеров, перечень субъективных качеств политических лидеров, перечень негативных качеств политических лидеров и оценка степени популярности российских политиков. Результаты опроса показали, «политический лидер» для большинства опрошенных это прежде всего лицо, способное влиять на ход политических событий в стране (52 % респондентов выбрали данную позицию), или руководитель политической партии, общественного движения (так считают 34 % опрошенных).

Особую категорию оценок политического лидера занимают внешние и телесные характеристики образа. Внешность и телесные характеристики – наиболее доступные для восприятия компоненты личности. К ним относятся телесная конституция, физическая привлекательность, здоровье и т.д. Безусловно, внешние и телесные характеристики – лишь малая часть из множества других параметров, и они не оказывают решающего влияния на выбор того или иного политика в период предвыборной компании. Тем не менее, данные характеристики являются маркером для электората при выборе кандидата.

Существуют социальные стереотипы о том, что политик должен быть мужественным, сильным, здоровым, высоким и стройным. Эти качества свидетельствуют о способности политика к выполнению своих обязанностей, об образе жизни, который он ведет, о том, можно ли ему доверять. Значимость данных параметров была оценена студентами при ранжировании групп качеств и характеристик от 1 до 10 где 1 получал самый значимый по мнению респондентов параметр, относящихся к визуальному облику политика. Полученные данные были статистически обработаны и результаты представлены в форме рейтингового списка со средневзвешенными показателями. Так, телесные характеристики: телесная конституция (10 ранг) и физическая привлекательность (9 ранг) политического лидера студентами были оценены как менее значимые, а физическое здоровье (4 ранг) политика было оценено студентами как более значимый параметр. Как уже говорилось выше оценки телесных особенностей того или иного политика неразрывно связаны с оценками его политических и психологических качеств. Так, физическое здоровье политического лидера воспринимается как «возможность», как косвенный признак того, что у него, а значит и у его подопечных есть будущее. Наиболее важными характеристиками лидера, по представлению студенческой молодежи, является его манера поведения (1 ранг) и манера говорить (2 ранг). Данные параметры приобрели свою особую актуальность в российской политической среде с развитием института средств массовой информации и коммуникации. Стиль общения, лексика и риторика, манера поведения, мимика и жестикуляция политического лидера современности практически всегда находятся в объективе камер, а значит под прицелом всего общества. Современная российская молодежь воспитана на ценностях информационного общества. Не удивительно, что именно данные характеристики являются наиболее значимыми для астраханской студенческой молодежи.

Статусный портрет современного политического лидера глазами студентов помог нам создать следующий блок вопросов. Респондентам было предложено выразить мнение относительно основных социально – демографических характеристик политика, таких как пол, возраст, семейное положение. При анализе гендерных предпочтений студентов, было выявлено, что абсолютное большинство респондентов (93 %) видят в качестве политического лидера только мужчину, лишь для (7 %) опрошенных пол политического лидера не имеет никакого значения. Нижняя возрастная граница возраста политического лидера, обозначенная респондентами 25-ю годам, верхняя – 65-ю годам. Однако, большинство опрошенных, а именно (63 %), остановились на возрастном интервале от 40 до 55 лет. Данный возрастной период является наиболее оптимальным для политического лидера по представлениям большинства опрошенных так, как лидер в этом возрасте уже имеет политический опыт, при этом обладает здоровьем и энергичностью для эффективной работы. Вопрос о семейном положении политического лидера вызвали у студентов абсолютное единодушие. Так, 100 % опрошенных считают, что политический лидер должен иметь семью. Наличие семьи и репутация хорошего семьянина свидетельствует электорату о том, что политическому лидеру можно доверять. Вероисповедание и национальность политического лидера для большинства опрошенных значения не имеют, так ответило (85 %) и (74 %) респондентов соответственно, что предсказуемо для многонационального и многоконфессионального региона. Данный факт свидетельствует о высокой степени межэтнической толерантности респондентов.

Статусный портрет политического лидера в представлении астраханской студенческой молодежи выглядит следующим образом это мужчина в возрасте от 40 до 55 лет, женат, имеет детей, рожден в простой семье рабочих либо интеллигентов, имеет высшее образование. При этом национальность и вероисповедание политического лидера для респондентов особого значения не имеют. Рассмотренные выше внешние, телесные характеристики и

социально демографические характеристики, как правило, отражают общие тенденции в восприятии: интерес к политике, внимание, его привлекательность или, наоборот непривлекательность, близость, понятность и т.д. Однако большую часть в оценках респондентов занимали оценки, отражающие психологические и профессионально – деловые качества политика, т.е. его характеристики как человека и как профессионала [5, с. 79].

Профессионально-деловые качества в образе политика являются главными критериями для тех, кто осуществляет наиболее рациональный выбор и занимают особую позицию. В среднем около половины респондентов упоминают эти качества, говоря о том или ином политике, астраханские студенты не стали исключением. Так, согласно полученным данным наиболее значимым профессионально-деловым качеством, предписываемое респондентами образу политического лидера – является дипломатичность (21,5 % от числа ответов) и ораторское мастерство (19 %). В современном политическом мире tandem данных профессионально-деловых качеств – умение убеждать противоположную сторону и решать конфликтные ситуации словом, не используя силу оружия, является самым востребованным. Другие профессиональные качества политического деятеля, а именно организаторские способности и результативность деятельности также были отмечены респондентами как значимые, но набрали меньший процент. Полученные данные свидетельствуют о том, что для современной студенческой молодежи в образе политического лидера наиболее значимы вербальные составляющие образа политического лидера, а не конкретные реформы и изменения инициированные им.

Среди психологических характеристик выбранных респондентами ведущую роль играют такие качества как харизматичность (23 %) и толерантность (19,5 %). Согласно результатам исследования В.А. Касамары, А.А. Сорокиной «Персонифицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов», харизматичность воспринимается студентами как важнейшая национальная особенность российского политического лидера [1, с. 82]. Как отмечалось выше, астраханские студенты отличаются высокой степенью терпимости к политикам различных национальностей и конфессий. Проявление такой же толерантности политическим лидером в отношении электората является одним из наиболее востребованных психологических качеств, в представлении молодежи многонационального региона. Оценки группы морально-этических характеристик носят нормативный характер, они опираются на существующие в обществе общепринятые нормы и ценности. Оценка политиков происходит в иной системе координат и отличается от восприятия других людей. Именно поэтому морально-этические характеристики являются самой противоречивой группой качеств [2, с. 153].

Отдельную группу морально-этических характеристик занимают высказывания, характеризующие отношение политика к другим людям. Эта категория качеств позволяет судить о степени близости политика к народу. Здесь для студентов являются важными «справедливость» (22 % от всех ответов) и «честность» (17 %), немаловажным качеством стала «ответственность» (19 %). Такие качества как патриотизм и законопослушность реже выбирались респондентами, что подтверждает склонность респондентов к одобрению негласного правила «цель оправдывает средства» в случае достижения высоких результатов в деятельности политика. Самым правильным типом руководства для политического лидера, по мнению (78 %) респондентов, является демократический стиль, который допускает большую свободу деятельности подчиненных под контролем руководителя, а главное, предполагает участие населения (а значит и молодежи) в принятии решений.

Уточняющим моментом в выявлении основных характеристик портрета политического лидера глазами студентов стал вопрос о том, какие качества не приемлемы для современного политического лидера. Согласно ответам студентов были составлен рейтинг отрицательных лидерских черт. Самыми негативными качествами политического лидера, по мнению респондентов, являются некомпетентность (59 % от числа ответивших) и коррумпированность (44 %).

Респондентам было предложено составить список наиболее известных им отечественных политических лидеров, согласно личным предпочтениям. Так, наиболее популярными политическими лидерами стали В.В. Путин, В.В. Жириновский, Д.А. Медведев.

Проведенный анализ результатов исследования позволяет выделить основные характеристики образа политического лидера, которые представляют собой структуру идеализированных представлений. Привлекательность политика в большей степени зависит от того, какие психологические и профессионально-деловые качества граждане ему приписывают, при этом их оценка производится сквозь призму морально-этических принципов. Восприятие визуального образа политика (его внешних и телесных характеристик) так же зависит от отношения к психологическим и профессионально-деловым качествам политика. Определенные черты его внешности позволяют гражданам понять его личностные качества. Важным аспектом образа является его манера речи и поведения. Политический лидер должен быть здоровым. При этом не играет особой роли возраст политика, он просто должен быть не слишком молодым (чтобы иметь опыт) и не старым (чтобы быть в состоянии руководить страной или регионом).

В представлениях молодежи образ политика обладает набором вполне конкретных характеристик. Он должен быть дипломатичным, ответственным, честным, справедливым, законопослушным, так как эти качества исторически связываются с лидерскими характеристиками и дают основания предполагать, что такой политик сможет справиться с тяжелой экономической и политической ситуацией, позаботиться о гражданах своей страны.

Так, образ политического лидера в представлении студенческой молодежи обладает следующими основными характеристиками: 1) морально-психологические качества: корректность, уравновешенность, честность, решительность, самостоятельность, твердость, открытость; 2) политические качества: социальная ориентированность политики, укрепление внешней политики, ориентация на экономический подъем страны (региона); 3) профессионально-деловые качества: компетентность, работоспособность, ответственность, коммуникабельность, результативность

деятельности, инициативность, исполнительность; 4) лидерские качества: ораторское мастерство, оперативность принятия решений.

Так, по мнению молодежи г. Астрахани, данным качествам в большей степени обладают В.В. Путин – 48 % и В.В. Жириновский – 37 %. При этом образ В.В. Путина был описан респондентами как гарант мира, стабильности и единства: «...он защищает интересы наших граждан, интересы государства. Это человек, который наряду с профессиональными качествами, обладает высокими человеческими качествами». Образ Д.А. Медведева был оценен большинством респондентов (40 %) как «абсолютно зависимый и безынициативный политик». Такие черты, как твердость и смелость, отсутствовали в его личных качествах при оценке его респондентами. Таким образом, прослеживается высокая степень лояльности опрошенных к образу В.В. Путина и низкая степень лояльности к образу Д.А. Медведева как политических лидеров общегосударственного и мирового уровней.

Образ политического лидера, отражаемый в СМИ, по мнению студентов, представлен следующими характеристиками: 1) морально-психологические качества – серьезность, твердость и чувство юмора; 2) политические качества – ориентация на экономический подъем страны (региона), социальная ориентированность политики, укрепление внешней политики; 3) профессионально-деловые качества – образованность, коммуникабельность, энергичность, результативность деятельности, стремление работать в команде; 4) лидерские качества – умение вести диалог, ораторское мастерство, способность к назначению эффективных советников.

Исследование выявило, что образ политического лидера, формируемый СМИ, не совпадает с желаемым образом политического лидера, существующими в массовом сознании молодежи. Автор полагает, что выявленное противоречие отражает желание субъекта информационно-психологического воздействия (проправительственные СМИ) представить политиков в основном в выгодном для них образе.

На основе всего вышеизложенного следует вывод, студенческая молодежь делает свой выбор в пользу сильного и харизматичного политика. Эти две характеристики имеют ключевое значение. Помимо обозначенных черт, молодежь выделяет такие характеристики образа политического лидера как: дипломатичность, инициативность, компетентность, решительность и результативность.

Список литературы

1. Касамара В.А. Сорокина А.А. Персонифицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 81–94.
2. Кулеш Е. А. Образ регионального лидера современной России: специфика конструирования // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2011. № 3 (15). С. 150–158.
3. Куракина Л. М., Мирончева Е. А. Российские политические лидеры в восприятии современного студенчества (по материалам региональных исследований) // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2 (23). С. 5245–5252.
4. Летягина С.К. Психологические особенности формирования образов политических лидеров у студентов // *Сборники конференций НИЦ «Социосфера»*. 2014. № 30. С. 78–85.
5. Русанова А.А. Образ современного политического лидера глазами студенческой молодежи (на примере конкретного социологического исследования) // *Власть и управление на Востоке России*. 2011. № 4 (57). С. 144–148.
6. Шестопал Е. Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // *Мониторинг*. 2013. № 3 (115). С. 82–90.

СИЛОВЫЕ ЭЛИТЫ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹

Морозов Сергей Иванович,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Савченко Ирина Александровна,

ассистент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Изменения, произошедшие в мировом геополитическом пространстве в последние десятилетия, кардинальным образом изменили систему международных отношений и оказали существенное влияние на характер угроз национальной безопасности Российской Федерации. Тенденция смещения основных современных внешнеполитических опасностей и угроз в информационное пространство и сферу обороноспособности актуализирует вопросы сдерживания и предотвращения военных конфликтов, использования военных мер только после исчерпания возможностей применения мер ненасильственного характера. В силу этого, обеспечение политической безопасности современной России детерминировано межгосударственными разногласиями по поводу ситуации в Сирии и Украине; по вопросам контроля стратегических наступательных вооружений, развертывания системы ПРО, расширения блока НАТО). В современных международных отношениях и внешнеполитических связях государств конкурентным преимущест-

¹ Материалы выполнены при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект № 17-13-34039 «Стратегии, инновационные технологии институционализации и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе».

вом становится не только качество вооруженных сил и достижения дипломатии, но также и способность общества и государства обеспечить собственную безопасность и целостность, минимизировать политические внутренние и внешние риски и угрозы, связанные с неравновесностью мировой политической системы.

Современная политическая ситуация характеризуется необходимостью разрешения политической элитой ряда экономических, внешнеполитических и других проблем, выработки эффективных способов решения поставленных перед государством и обществом задач. Поэтому важной задачей является определение тенденций развития российского государства и общества, что невозможно без осознания того, каковы структурно-функциональные характеристики российской политической элиты на современном этапе в каких условиях и в соответствии с какими принципами она функционирует. В дальнейшем, как совершенно справедливо отмечает А.В. Понедельков, это способствует определению роли политической элиты в организации общества и его адаптации к быстро меняющимся условиям, а также определению тенденций и перспектив развития элиты современной России [4, с. 156]. Следует также обратить внимание и на такой основополагающий фактор, определяющий эффективность реализации национальных интересов современной России как геополитическое положение страны, наличие пространственно протяженных сухопутных и водных границ как с государствами Евросоюза и США, так и с большинством бывших советских социалистических республик. Это в значительной мере определяет специфику культурных, экономических и политических связей РФ со странами зарубежья, приоритеты системы российской внешней и внутренней политики в современном глобальном поликонфликтном мире, в ситуации экономических (политических) санкций.

Ключевым элементом системы безопасности является «силовая элита», руководители федеральных правоохранительных структур их региональных подразделений, которые представляют собой ограниченный круг людей, обладающих значимым общественным положением, обусловленным особыми профессиональными качествами, личностными способностями и достижениями, или получившими свою должностную позицию в силу карьерного продвижения в рамках закрытой элитной группы. При этом важно не наличие элиты само по себе, а ее профессионализм, порядочность, умение слышать людей, воспринимать и решать проблемы, поднимаемые ими. История свидетельствует: если власть отрывается от населения, уровень внутренних угроз возрастает и может привести к падению власти. Многочисленные формальные и неформальные контакты между представителями силовых элит, должностные статусы формируются под воздействием общей организационно-правовой формы государства, в соответствии с которой функционирует общероссийская элита. Персональный состав силовых элит может меняться, однако должностная структура российских правоохранительных органов уже длительное время остается достаточно во многом остаётся неизменной.

Многие исследователи и специалисты, в частности Д.Ю. Грищенко отмечают, что механизм обеспечения безопасности включает в себя различного рода структурные элементы, такие как: систему правовых и законодательных норм, на основе которых и формируется такая категория, как безопасность; совокупность различных органов и институтов, основная работа которых и состоит в решении задач, необходимых для полноценной безопасности личности, общества и государства; также, определенный характер взаимосвязи и сбалансированности деятельности субъектов обеспечения безопасности по целому ряду направлений [1, с. 28]. Другая группа исследователей, преимущественно зарубежных, придерживается мнения о том, что механизмом обеспечения политической безопасности страны выступает не административно-политические или силовые элиты (структуры), а преимущественно лишь экономическая основа государства и благосостояния граждан, определяемая хозяйственно-экономическим потенциалом страны, или иногда – система морально-нравственных ценностей населения и элит, профессиональная этика и компетенция законодателей.

Основу структуры силового механизма российского государства образуют, во-первых, система органов государства, осуществляющих контрольно-надзорные и правоохранительные функции, во-вторых, органы опосредованного принуждения и экспертно-аналитические советы, которые обеспечивают решение вопросов основных силовых структур (выявляют военные опасности, прогнозируют и выявляют действия, направленные на насильственное свержение строя и призывы к таким действиям и т.п.). Однако ключевое значение в системе обеспечения политической безопасности РФ принадлежит Совету безопасности РФ, ФСБ, Министерству обороны, Службе внешней разведки, и Росгвардии.

Как отмечает ряд авторитетных отечественных исследователей, не только политические элиты, но и их «силовой» сегмент неоднородны, они включают в себя так называемые субэлиты, то есть элитные группировки, каждая из которых осуществляет свою специфическую деятельность в одной из социальных сфер. Такие группы имеют возможность оказывать влияние на процесс принятия значимых государственно-политических решений на уровне Российской Федерации в целом. Силовые структуры современной России обладают достаточно значительным, постоянно пополняемыми финансовыми и материальными ресурсами, которые не только подтверждают их политико-инструментальное значение для Президента РФ и Правительства, но и создают фундамент рекрутивности отечественных политических элит для высшего руководства субъектами РФ, федеральных округов и ведомств. Так, например, Д. Е. Петров прямо указывает на значительное повышение социальной обеспеченности сотрудников силовых структур, произошедшее в последние годы, что является предпосылкой для формирования новой элиты из представителей аппарата принуждения [3].

Политика обеспечения РФ определяется характером национальных и политических интересов страны, а также совокупностью приоритетов развития отечественного социума. Анализ полномочий, а также определенных целей и задач правоохранительных органов РФ демонстрирует, что объекты, в отношении которых реализуются меры по

обеспечению политической безопасности ограничены и, как правило, не выходят за рамки борьбы с экстремизмом и терроризмом, нарушением общественного порядка. В соответствии с этим, одними из главных направлений деятельности отечественных силовых элит в области обеспечения политической безопасности РФ представляются: 1) всесторонний и объективный анализ и прогнозирование угроз политической безопасности; 2) выработка комплекса мер и механизмов обеспечения политической безопасности во внешней и внутренней сферах государственной политики. 3) содействие деятельности органов законодательной и исполнительной власти РФ по реализации мер, направленных на предотвращение или ослабление угроз политическим интересам РФ и ее субъектов; 4) развитие и поддержание на необходимом уровне стратегических и мобилизационных ресурсов страны, способных обеспечить адекватный ответ на современные экстремистские, террористические, информационные, военно-политические вызовы и угрозы.

Механизм обеспечения политической безопасности должен пониматься в первую очередь, как такую институционально оформленную деятельность силовых государственных структур, негосударственных политических акторов, которая позволяет при любых условиях сформировать и сохранить безопасность политической системы, обеспечить одновременное существование и мирное развитие страны [1, с. 29]. При этом значение негосударственных политических акторов (партийной элиты, руководства общероссийских политических движений и организаций, лидеров профсоюзов, религиозных иерархов) представляется не менее важной для поддержания и развития политической системы и ее безопасности, чем эффективное функционирование непосредственно государственных силовых структур. Только консенсус, достигаемый различными сегментами политических элит по базовым политическим ценностям и национальным интересам гарантирует нормативное состояние обеспеченности политической безопасности РФ. Так, например, в утвержденной в 2015 г. «Стратегии национальной безопасности РФ» выделены следующие требования к обеспечению безопасности нашей страны: соблюдение прав личности, общества и государства, их основные интересы, как во внутренней так и во внешней политике, взаимная ответственность всех акторов политического процесса по вопросам обеспечения безопасности [2, с. 76].

Однако нельзя не обратить внимание на тот факт, что некоторые элементы механизма обеспечения политической безопасности РФ нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Требуется своей дальнейшей разработки система законодательных, административных и социально-политических норм, на основе которых не только формируются основополагающие требования к обеспечению безопасности, но и утверждаются формальные правила (процедуры) взаимодействия силовых элит с представителями иных органов государственной и муниципальной власти, с лидерами общественного мнения при решении актуальных задач обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Следует обратить внимание также и на то, что приоритетом политики обеспечения стабильности выступает прежде всего безопасность государства и структуры органов власти, нежели личная неприкосновенность индивидов. В силу этого, роль силовых элит видится также и в необходимости вынесения ими на общероссийскую «повестку дня» с последующим законодательным закреплением необходимости института федерального вмешательства в административно-политические и управленческо-организационные компетенции регионов, при возникновении в них угроз злоупотреблений властью, провоцирующих подрыв целостности РФ и основ ее конституционного строя.

Тем не менее вопросы обеспечения прозрачности и контроля за работой российских спецслужб не могут оставаться исключительно лишь в полномочиях их руководящего звена и рядовых сотрудников. В качестве одного из компромиссных вариантов в данной связи возможно усиление контрольно-надзорных полномочий депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации как представителей федеральных (региональных) политических элит, инкорпорированных в федеральные органы представительной власти. Кроме того, в условиях современной эскалации политических конфликтов, в ситуации трансформации однополярной системы мира и нарастающей угрозы локальных войн, для поддержания и сохранения мира, обеспечения международной безопасности требуется объективный и всесторонний анализ политических угроз и рисков, мониторинг состояния национально-государственной безопасности России, ее конкурентоспособных преимуществ на мировой арене. Основополагающая роль в данном процессе отводится представителям российских силовых элит, способных к результативной скоординированной работе с иностранными и межгосударственными правоохранительными структурами и спецслужбами, к открытому взаимодействию с гражданами РФ в соответствии с принципами и нормами правовой государственности.

Список литературы

1. Грищенко Д.Ю. Политическая безопасность как ментальное явление и процесс // Авраамические чтения. Смоленск: Универсум, 2007. Вып. 6. С. 28–32.
2. Дерюгин Ю.И. Концептуальные основы политической безопасности России // Политическая безопасность России. Информационно-аналитический бюллетень. М.: Наука, 1997. № 29.
3. Петров Д.Е. Политическая ресурсность силовых структур современной России. Режим доступа: http://www.docme.ru/doc/240756/politicheskaya-resursnost._silovyh-struktur-sovremennoj-rossii
4. Понеделков А.В., Щербакова Л.И. Роль и место региональных элит в обеспечении внутренней безопасности региона Вестник Южно-Российского государственного технического университета. 2014. № 1. С. 156–161.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В АСТРАХАНСКОМ ПЛЕНУ¹

Тимофеева Елена Георгиевна,

*доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Лебедев Сергей Владиславович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Исследование проблематики военного плена в контексте выявления ключевых аспектов в истории мировых конфликтов XX в. представляет большой интерес как для современной науки, так и для общества в силу неутраченных конфликтов в различных регионах, в том числе на постсоветском пространстве. Пока существуют войны, будет существовать и такая категория людей, как военнопленные, будет актуальной для историков и тема военного плена.

Пребывание в российском плену в годы Первой мировой войны военнослужащих воевавших с Россией государств, не смогло разрушить существовавшую в военной среде иерархическую структуру, но необходимость приспособления к условиям военного плена привела к изменению поведенческих норм представителей военной элиты – офицеров.

В годы Первой мировой войны Астраханская губерния входила наряду с Вятской, Казанской, Пензенской, Пермской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Оренбургской, Уфимской, а также Уральской и Тургайской областями в состав Казанского военного округа.

На территории округа в тот период находилось 285376 военнопленных [11, с. 91–92], составивших новую социальную группу. Ее состав включал несколько категорий: захваченных в плен в ходе боевых операций военнослужащих армий противостоящий России в войне государств; германских и австро-венгерских подданных, состоящих на действительной военной службе или в запасе; германских и австрийских подданных мужского пола в возрасте 18–45 лет.

В начале войны российским правительством были разработаны постановления, касающиеся пребывания военнопленных на территории страны. Попадающие под категорию военнопленных лица подлежали высылке из западных прифронтовых районов страны, размещению на отведенных для их проживания территориях [12, с. 571–572].

Астраханская губерния находилась на значительном расстоянии от театра военных действий, в ее пределах власти размещали беженцев, военнообязанных вражеских государств, военнопленных. Первые пленные (611 человек) прибыли в Астрахань спустя месяц после начала войны [1], а уже зимой 1915 г. число пленных перевалило за 2000 человек, большинство из них составляли пленные австро-венгерской армии [14, с. 187].

Помимо губернского центра пленных размещали в уездных городах Енотаевске, Черном Яру, Царева. Так, например, на 1 января 1916 г. в Енотаевске находилось 20 офицеров и 643 нижних чинов, в Черном Яру соответственно 44 и 1165 человека, в Царева – 25 и 212, абсолютное большинство составляли военнослужащие австро-венгерской армии – 69 офицеров и 1640 рядовых [12, с. 841].

На 6 апреля 1917 г. в Астрахани находились 10 офицеров и 299 солдат германской армии, 7 штаб-офицеров, 478 офицеров, 2927 солдат австрийской армии, 21 офицер и 120 солдат турецкой армии [13, с. 205]; в октябре 1917 г. нижних чинов насчитывалось 4315 человек, офицеров – 375 человек, в конце ноября 1917 г. соответственно 2200 и 282 человека [14, с. 187]. Величина контингента военнопленных менялась в основном в зависимости от потребности региона в рабочей силе. Основываясь на архивных документах, можно утверждать, что максимальное количество пленных, размещенных в Астраханской губернии приходится на май 1918 г. (319 офицеров и 10584 рядовых), что составило 3,8 % общего количества военнопленных, находившихся в Казанском военном округе. Уже после окончания войны в январе 1920 г. было зафиксировано в губернии 2337 пленных [7, л. 88]. Количественные характеристики плена отражает диаграмма № 1.

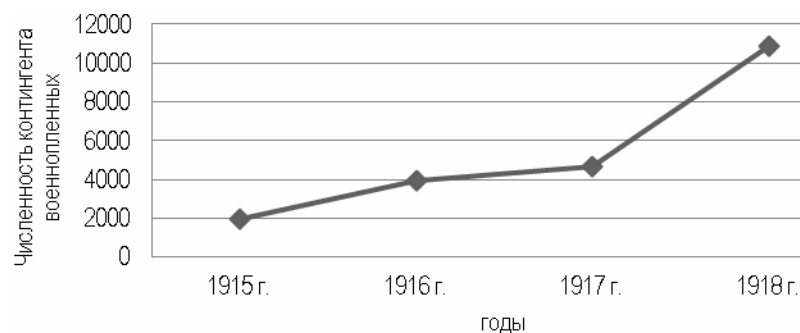

Диаграмма 1. Динамика численности военнопленных в годы Первой мировой войны [12, с. 841; 13, с. 205; 14, с. 187; 7, л. 88]

¹ Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00416 «Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах Астраханского края)».

Военнопленных солдат разместили в казармах, частных домах, а также специально построенных лагерях. В отличие от нижних чинов офицеры жили в гостиницах и частных домах в разных районах города: на Эллинге – в домах Буракова, Широкова, здании начального женского училища; на набережной р. Кутум – в доме Алексева; на набережной р. Волги – в доме Михайлова. Например, в январе 1916 г. в доме Буракова разместили 59 офицеров, в основном чехов, в женском училище – 156 пленных разных национальностей из австрийской армии, в доме Широкова – 46 офицеров-немцев [2, л. 6]. Позже офицеров размещали в номерах гостиниц «Волга», «Киев», «Кишинев», зданиях учебных заведений [14, с. 187].

Пленные постоянно искали контактов с местным населением, которое в целом относилось к ним с сочувствием. Во многом на этом сказывалась православная традиция сострадания к обездоленным, – считает Б.И. Ниманов [10, с. 15–16].

Власти стремились полностью изолировать военнопленных и не допустить их контактов с местными жителями, общение между офицерами и нижними чинами, с военнообязанными. Однако на практике данную проблему решить не удалось. История лейтенанта первого лейб-гусарского гвардейского полка Гильденбрандта, за которым летом 1916 г. велось наблюдение полиции, зримо отражает степень свободы передвижения, «сношений» пленного немецкого офицера в Астрахани. Он посещал общественный госпиталь Красного Креста «для лечения ноги», покупал лекарства в аптеках Оссе, Мейстрика, располагавшихся на Полицейской улице. Здесь же находилась парикмахерская Ладаева, услугами которой он пользовался. В зубоучастном кабинете Ципиной на Набережной Варвациевского канала лечил зубы, обедал в столовой «Эрмитаж» на Знаменской улице, ужинал в ресторане «Салхино», посещал баню «Гигиена», магазин «Граммфон» на Московской улице, вместе с другими пленными офицерами совершал прогулки в Порту, на Стрелке, пользовался услугами фотографа в «Фотографии Халадина». Фотографировать самим пленным категорически запрещалось, как, впрочем, и общаться с интернированными в Астрахань иностранцами, находившимися под надзором полиции. Однако такие встречи были зафиксированы у знаменитой кондитерской Шарлау, куда лейтенант заходил не раз. Это заведение и в то время пользовалось популярностью. Владелец кондитерской Карл Карлович Шарлау был выслан из Астраханской в Вятскую губернию как военнообязанный германско-подданный по распоряжению астраханского губернатора Соколовского [2, л. 235, 247–287, 322, 343, 346].

В дом Бруно Стелберга на Эллинге, где располагался «чугунно-литейный завод», приходили «без конвоя» военнопленные австрийские офицеры. Днем 1–2 человека, вечером – 5–6 человек, засиживались до 24:00 и позже [13, с. 190].

В городе и уездах было много беженцев, интернированных. В рапорте командира 4-й роты 692-й пешей Саратовской дружины, охранявшей в Астрахани военнопленных, (в апреле 1916 г.) отмечено, что пленные офицеры, размещенные в здании женского училища, и женщины из примыкавшего к училищу дома, весело общались между собой. Дневальный рядовой Петриченко доложил, что неизвестная женщина говорила по-немецки с пленным капитаном Борнемиско, гулявшим во дворе. Другие женщины и ранее замечались в «пересмеивании» с пленными, «делали им какие-то знаки» с балкона соседнего дома. В доме Буракова также заметили, что неизвестная женщина-беженка смеялась, пыталась говорить с пленными офицерами [5, л. 9].

Следует признать, что надзор за военнопленными на городских работах был не особенно строгий. На этот факт неоднократно указывал губернатор Соколовский. Военнопленные нижние чины «...ходили по городу и в костел – без всякой охраны», что не отвечало правилам. Весной 1917 г. они свободно гуляли, посещали общественные и увеселительные места, что также было запрещено. Например, неоднократно в октябре 1917 г. задерживали военнопленного австрийской армии А. Венгера за то, что в одной из городских квартир он переодевался и без формы, в «вольной» (гражданской) одежде, гулял ночами по Астрахани.

Пленные офицеры получали жалование от 50 до 100 руб. в зависимости от чина. С резким ухудшением продовольственной ситуации в 1917 г. офицеры вынуждены были питаться вместе с нижними чинами. Еще в августе астраханский городской продовольственный комитет лишил военнопленных офицеров права покупать мясо на рынках города, разрешив взамен приобретать мясные кости («голье»), хотя карточная система на мясо тогда еще не была введена, что вызвало протест военного начальства. Заведующий военнопленными офицерами докладывал Астраханскому воинскому начальнику 29 сентября 1917 г. о трудностях, испытываемых пленными при покупке продуктов на рынках города, о просьбе офицеров зачислить их на довольствие из «солдатского котла».

Согласно нормам международного права военнопленные офицеры не должны были привлекаться к работам, только на добровольной основе «под расписку», при соответствующих благоприятных о них отзывах. Поначалу, в надежде на скорое окончание войны, так и было. Однако по мере углубления экономического кризиса и обострения ситуации с продовольствием изменилось отношение пленных офицеров к работе. Многие офицеры австрийской армии (10 человек, жившие в доме Буракова) подали прошение о предоставлении им возможности «получить работу». Среди них были учителя, инженеры, аптекари, бухгалтеры, банковские служащие, юристы и др.

В «лагере Михайлова» насчитывалось пять офицеров австрийской армии, «пожелавших принять занятие» (два чеха, два поляка, один украинец). Проживавшие в доме Широкова 10 человек поляков также хотели работать, в здании 5-го городского училища 24 офицера австрийской армии изъявили желание работать.

Работодатели предлагали различные виды деятельности. Например, для архитектора Станислава Хмелика поступило предложение от акционерного общества екатерининских каменноугольных копий, для «архитектора» Карла Штепанника – от русского общества машиностроительных заводов «Гартман», для «бухгалтера» Брюница – от кирпично-черепичного завода Б. Гах в Луганске и др. [13, с. 194, 195, 197].

Для привлечения к труду военнопленных офицеров следовало предоставлять сведения об их благонадежности и брать с них подписки о добровольном характере работ. На работодателей возлагалась ответственность за предотвращение побегов и соблюдение той меры свободы, которая бы не вызывала нареканий со стороны местного населения [9, с. 89–90].

На 1 марта 1918 г. находились на работах в Астрахани 282 офицеров и 2075 солдат [8, л. 9–9об.].

Затяжной характер войны, тяготы плена для офицеров проявлялись все отчетливее в психологическом плане. В августе 1917 г. в психиатрическом отделении Астраханской губернской земской больницы находились 13 «душевнобольных» военнопленных австрийской армии. Известны и случаи самоубийств. Так, в феврале 1917 г. в доме Буракова на Эллинге обнаружили труп повесившегося 26-летнего австрийского офицера Т. Меаниковича. Причины его поступка не выяснены [13, с. 195].

Долгое пребывание в плену не могло не сказаться на здоровье узников войны. В конце 1916 г. был составлен список болезней, дававших пленному право быть интернированным в нейтральные страны. Офицеры писали заявления на медицинское освидетельствование, чтобы их признали инвалидами или полуинвалидами для отправки в эти страны. Такие комиссии создавали и в Астрахани, по их заключению многих пленных по состоянию здоровья отправляли на общий сборный пункт в Москву для последующего интернирования [6, л. 126].

Офицеры австрийской армии, размещенные в здании 5-го городского училища, осенью 1917 г. в своих прошеннях указывали на разные заболевания. Иван Подарну, находившийся в плену два с половиной года, «страдал сильной сердечной болезнью». Ян Фридрих, пребывавший в плену с 15 января 1915 г., жаловался на «острое малокровие и порок сердца». И. Шаравец страдал от «глухоты на оба уха». И. Пако, признанный инвалидом по причине «тяжелой глазной болезни» еще в Перми и назначенный для отправки в Австрию, был почему-то перемещен в Астрахань («по неизвестным причинам»). Здесь ему назначили вторичное медицинское освидетельствование для причисления к категории полуинвалидов и интернирования в нейтральные страны. В конце августа 1917 г. начальнику Московского окружного эвакуационного пункта сообщили об отправке из Астрахани одного военнопленного врача-инвалида (австрийца А. Фишера), 7 офицеров, подлежащих интернированию. Трех военнопленных офицеров австрийской армии отправили 27 сентября 1917 г. в Симбирский Завольский лагерь согласно достигнутому соглашению об интернировании в Швецию 500 военнопленных офицеров австрийской армии из России. Этот же процесс продолжался и в последующее время [5, л. 304, 373–374, 378, 380, 401–402, 564, 583, 591, 607, 788].

Ухудшающаяся социально-экономическая и политическая ситуация в стране способствовала увеличению количества побегов среди офицеров. Только в первом полугодии 1916 г. 11 офицеров попытались бежать из астраханского плена [3, л. 112]. Так, например, в феврале 1916 г. из Астрахани поездом выехали два военнопленных офицера с подложными паспортами на имя И.И. Зейдлера и Г.А. Шпица в сопровождении «еврея из Астрахани» Ш.М. Флямгольца, занимавшегося торговыми делами. Доехала компания почти до границы. В Бессарабии были арестованы. Выяснилось, что пленные прибыли в Астрахань в январе 1916 г. из Саратова к доктору права, военнообязанному германскому подданному Ф.И. Баху. Один из них отличался «слабостью здоровья» из-за недавно перенесенного тифа. В пособничестве к побегу обвинили военнообязанных В.Г. Зинглера, Б.Ф. Паромко и В.И. Лебсак, оказавших услуги в поисках жилья, нужных связей. У пленных офицеров была денежная сумма в 900 руб. Жили в Астрахани на квартире Зинглера 6–7 дней, заказали поддельные паспорта. В этом им помог грузин Косрадзе, получивший задаток в 100 руб. Через своего знакомого «Коржика» грузин достал просимые документы. Чистые бланки паспортов заполнили Косрадзе и Лебсак. Уверенность в успехе повлияла на планы беглецов, не исключавших провести ночь перед отъездом «у девиц». После ареста выяснили личности бежавших, ими оказались австрийский офицер Януш Горк и германский офицер Вальтер Клингмюллер. Через Румынию они хотели добраться до Австрии. Однако планам не суждено было сбыться, задержанных пленных отправили в распоряжение штаба Одесского военного округа.

Зимой 1916 г. из Баку в Астрахань доставили бежавшего военнопленного офицера австрийской армии Эрнеста Мюллера. Попав в русский плен 2 июня 1916 г. около г. Дубна, он намеревался пробраться в Австрию через Персию и Турцию. Имея при себе 53 руб. денег, компас, карту «Армения, Закавказье, Азербайджан», купленную в Астрахани, он добрался на пароходе до г. Баку, где был задержан и этапирован в Астрахань. При нем оказалась «записка на турецком языке», призывавшая мусульман оказывать предъявителю записки помощь. Имя пленного солдата австрийской армии, давшего эту записку, Мюллер не назвал. Бежавший с ним военнопленный солдат Нидриц «потерялся» где-то в Азербайджане. В общем, можно констатировать, что первоначально в 1915–1916 гг. побегі военнопленных с одной стороны не носили массового характера, с другой, они тщательно готовились и периодически совершались [13, 195, 197].

Характеризуя основные черты астраханского плена, можно говорить о гуманном отношении к противнику, уважительном обращении с пленными офицерами со стороны властей и населения, предоставление им пространства относительной свободы. В свою очередь, иностранные военнопленные офицеры вырабатывали приемлемые поведенческие модели в пространстве плена.

Список литературы

1. Астраханский листок. 1914. 15 октября. № 224.
2. ГАО. Ф. 286. Оп. 4. Д. 944.
3. ГАО. Ф. 289. Оп. 1. Д. 998.
4. ГАО. Ф. 290. Оп. 3. Д. 844.

5. ГАО. Ф. 700. Оп. 2. Д. 157.
6. ГАО. Ф. 94. Оп. 1. Т. 8. Д. 35454.
7. ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 4. Д. 107.
8. ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 9. Д. 1.
9. Кузьминых А.Л. Военный плен Первой мировой войны в России: теория и практика // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Вологда: Вологодский филиал РАНХиГС, 2014.
10. Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственная деятельность военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье. М., 2009.
11. Семенов В.Г., Ягудин И.Р. Военнопленные на территории Казанского военного округа и Оренбургской губернии на начальном этапе Первой мировой войны (по приказам по Казанскому военному округу за 1914–1915 гг.) // Евразийское Ожерелье. 2005. Вып. 6.
12. Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический и политический аспекты. Самара, 2012.
13. Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В., Байгушин А.И., Олейников А.В., Федина К.С. Астрахань в событиях Великой войны 1914–1918 годы. Астрахань, 2014.
14. Федин С.А., Тимофеева Е.Г. Содержание и охрана военнопленных: опыт мировых войн (на материалах Астраханского региона) // Известия ВГПУ. Волгоград, 2015. № 6 (101).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНАЛИСТИКА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Бобылев Владимир Владимирович,

*кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории,
Сочинский институт (филиал) Российского университета Дружбы народов, г. Сочи*

Современной политической науке традиционно присуще повышенное внимание к извечной философской дихотомии «элита-массы», связанное с особой функцией и высокой значимостью элит и лидера не только в политическом процессе, но и в политической культуре и идеологии. Вместе с тем дрейф отдельных представителей «массы» в направлении «элиты» обозначился достаточно отчетливо. Политические фигуры второго плана, политические аутсайдеры, политические индивидуалисты и общественные деятели оказывают заметное влияние на политический процесс, но изучаются в гораздо меньших масштабах, хотя элиминация последних представляется необоснованной. Как совершенно справедливо замечает по этому поводу А.И. Волошин, «компьютерная и информационная революции конца XX в. (включая развитие Интернета), приведшие к вовлечению прежде безмолвных масс людей в политический процесс на правах субъектов формирования общественных позиций, изменили не только социально-политический баланс во многих странах, но также открыли новые горизонты...» [2].

Категорическим императивом современной реальности становится научное исследование как явных, так и имплицитных общественно-политических деятелей в совокупности, рассматривая синергетический эффект их деятельности и сопутствующих ей знаний, объединённых в некую гипотетическую политическую персоносферу. Однако, фундаментальные исследования подобного рода в академической политологии в настоящий момент отсутствуют. В этой связи представляется необходимым ввести в научный тезаурус термин «политическую персоналистику». Под политической персоналистикой понимается совокупность исследований политической персоносферы во всем ее многообразии. Политическая персоналистика – новое научное направление, специфическая научная дисциплина, находящаяся в стадии своего методологического оформления, формулировки основных целей и задач, постулирования пролегоменов. Вместе с тем, прошедшие в Российском университете дружбы народов (Сочинский филиал) международные конференции по проблемам политической персоналистики, круглые столы и научные семинары по данной проблематике, наряду с рядом публикаций в научных изданиях [1–3], позволили не только выявить значительный интерес научного сообщества к проблематике целостности политической персоносферы, методологии персоналистических исследований и перспективам политической персоналистики как научной дисциплины, но и синтезировать персоналистические концепты различных научных направлений – политологии (элиты и лидерство – А.А. Вартумян, П.Л. Карабущенко, Р.Х. Усманов и др.; политическая персоносфера, политическая персоналистика – В.В. Бобылев [1–5]), истории (человек второго плана, персональная история – Н.А. Мининков [8]), социологии – (персонализация и деперсонализация власти – А.В. Богучарский [6]).

Отталкиваясь от постулата о таком реально существующем феномене, как политическая персоносфера, необходимо описать архитектуру политической персоналистики как науки и учебной дисциплины во всем ее многообразии. Персоналогические исследования призваны заполнить теоретические лакуны и обогатить политологию постулатами политической персоналистики, как особой научной дисциплины, направленной на изучение политической персоносферы. Рассматривая специфику политической персоналистики в образовательном контексте, необходимо заметить острую необходимость в идеологическом и методологическом обеспечении образовательного процесса, в особенности, в высших учебных заведениях. В частности, при проведенном многолетнем анализе многочисленных научных работ студентов были выявлены ошибки и неточности, касающиеся как общенаучных аспектов исследования, так и частного персоналогического исследования, отличающиеся устойчивой итерационностью, что позволило их систематизировать.

- Аконтекстуальность исследования – изучение персоналии вне контекста историко-культурной эпохи и политической реальности, вследствие чего происходит ограничение актуальности исследования перечислением личностных достижений объекта исследования без рассмотрения его деятельности на фоне эпохи, либо общественно-значимых деяний, им совершенных.
- Излишняя антропологичность исследования. Построение исследования как сугубо биографического и акцентирование на малозначительных, но «ярких» фактах биографии, зачастую основанных на апокрифических данных, либо наоборот, игнорирование общественно-политических фактов биографии.
- Квазинаучная формулировка предмета и объекта персонологического исследования (например, слияние объекта и предмета исследования, вместо разделения их).
- Слабая источниковая база, включающая недостаточное количество объективных источников (например, научное исследование, построенное исключительно на автобиографических источниках, либо наоборот, игнорирование персональных источников, таких, как фотоархивы, воспоминания, другие эгодокументы (подробнее об этом [5]).
- Построение исследования в ненаучном, беллетристическом, описательном жанре, рассуждения о мыслях, чувствах и намерениях объекта изучения, некий боваризм в исследовании (например, использование пейоративной лексики по отношению к объекту исследования).
- Дискретность исследования, выражающееся в отсутствии целостного понимания природы вещей (например, игнорирование причинно-следственных связей), что приводит к детерминированию и излишней акцентуации значимости личностных действий либо, наоборот, игнорирование роли личности в историко-политическом процессе. Сюда же можно отнести и игнорирование различных ипостасей одно и того же лица (например, в описании многогранной одаренной личности – дипломат и поэт Тютчев, дипломат, поэт и композитор Грибоедов и др.)
- Предвзятость и ангажированность исследования, выражающаяся в обращении к источникам одной направленности (например, исследование, инспирированное исключительно либеральными либо коммунистическими доктринами), конвенционализм как «соглашательство» в науке, условное принятие недоказанных фактов и игнорирование «неудобных».
- Некая казуистичность, ложная генерализация исследования, когда частному случаю пытаются придать характер закономерности (например, когда в исследовании встречается фраза – никто в его ситуации не мог бы поступить по-другому).

Вышеперечисленные проблемы являются неким синопсисом явлений, наиболее часто встречающихся в персоналистических исследованиях. Представляется, что перманентность данных явлений обусловлена отсутствием критериев валидности и верификационности применительно к исследованиям личностного характера. В этой связи необходимым становится выявление неких инвариантных реперных точек, конгруэнтных интеграционному характеру подобного персоналистического исследования. Приведем лишь некий компендиум постулатов персоналистических исследований:

1. Баланс между контекстуальностью и антропологичностью. Конгруэнтность эпохе, что подразумевает интерпретацию биографических данных в историко-политическом контексте. Контекстуальность, вовлеченность в определенную историческую эпоху или современность, детерминирует научное поле исследовательской деятельности. Вместе с тем, антропологичность исследования, обращение к личностным персонализированным аспектам, представляется не менее важным, в особенно когда речь идет о персоналистических исследованиях. Как замечает Л.П. Репина, «современная историческая биография не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое исследование: это история, показанная через личность» [9], что в полной мере может быть экстраполировано на исследование политической персониферы.
2. Научная формулировка предмета и объекта персонологического исследования. В данном вопросе целесообразным представляется точка зрения Э.Ю. Соловьева, который объектом персоналистического исследования считал человеческую жизнь, а предметом – социокультурную ситуацию [10].
3. Разнообразная источниковая база, включающая достаточное количество типологически разнообразных источников и эгодокументов.
4. Построение работы в стиле научного исследования, факты и варианты их интерпретации по отношению к объекту исследования.
5. Конгломеративность исследования, целостный подход к историко-политическому процессу.
6. Компаративность и неангажированность исследования, исследование различных точек зрения об объекте и предмете исследования
7. Объективный конвергентный анализ и систематизация. Конгломерация и генерализация частных (например, теория пассионарности Гумилева, типологизации лидерства, механизмы эвгемеризации лидера).

Таким образом, обозначена некая парадигма персоналистического исследования – базовая концептуальная схема политической персоналистики как науки и учебной дисциплины. С другой стороны, априорная сингулярность объекта исследования, и в то же время, попытки ее генерализации приводят к сложной философской дихотомии, которую зачастую, трудно разрешить начинающему исследователю. Именно поэтому таким важным становится синкретизм политической персоналистики как науки, холистический подход к политической персонифере и дальнейшие научно-методологические исследования данной тематики.

Список литературы

1. Бобылев В.В. Политическая персоналистика: общецивилизационные и национальные аспекты и безопасность // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации / под ред. В.В. Бобылева. М.: Перо, 2016. С. 138–145.
2. Бобылев В.В. Политическая персоналистика: определение, сущность и структура // Молодая наука – 2016: сб. науч. трудов IV-й ежегодной науч.-практич. конф. «Университетская наука – региону» / под ред. Т.А. Шебзуховой, А.А. Вартумяна, И.М. Першина. Пятигорск: ПФ СКФУ, 2016. Т. 2. С. 157, 160.
3. Бобылев В.В. Поведенческие стратегии лимитрофных государств в контексте политической персоналистики // Кавказ в начале XXI века: народы, общество и государство / под ред. Т.А. Шебзуховой, А.А. Вартумяна, Н.Ю. Рудь. Пятигорск: ПФ СКФУ, 2015. Т. 1. С. 61–69.
4. Бобылев В.В. Политическая персонификация в контексте антропологической элитологии и персональной истории // Современная наука и инновации. 2015. № 4. С. 168–172. Бобылев В.В. Политическая персонификация в историко-культурном хронотопе: эгодокумент как свидетель эпохи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 131–138.
5. Богучарский А.В. Публичная политика как форма репрезентации власти в культурно-историческом процессе. Ростов н/Д, 2005. С. 44. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15892923>.
6. Волошин А.И. Политическая текстосфера как предмет политической текстологии. М., 2015. С. 3.
7. Мининков Н.А. Человек «второго плана» в историографии // В тени великих: образы и судьбы. СПб: Алетейя, 2010. С. 19–28.
8. Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы. СПб: Алетейя, 2010. С. 6.
9. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования (статья вторая) // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 138.

ЭЛИТА И САМООРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОСПРОИЗВОДСТВО И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Мордасов Алексей Олегович,

аспирант кафедры социологии,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Интерес к рассмотрению воспроизводства и трансформации российского политического порядка в ракурсе проблематики элиты и самоорганизации гражданского общества определяется, прежде всего, тем, что в условиях новой публичной реальности необходимо достижение устойчивого баланса в системе отношений «власть – общество» и, как следствие, использование политических технологий, ограничивающих возможные угрозы и дестабилизирующие факторы. Исходя из достигнутого качества самой публичной политики, уровня развития ее современных институтов и противоположности механизмов общественной консолидации, используемых властью и гражданскими формированиями, вариативность управления взаимодействием между государством и гражданским обществом может осуществляться в таких параметрах, как «зависимость – автономность»; «патернализм – партнерство»; «контроль – самоконтроль». Ключевой проблемой выбора системы координат для взаимоотношений становится не только заинтересованность обеих сторон в постоянном диалоге для корректировки проводимого политического курса, или оценка ресурсного потенциала и влияния институтов гражданского общества на эффективность политического управления. Принципиальное значение имеет также предсказуемость действий элиты властных и гражданских структур в кризисных ситуациях, их умение адаптироваться к новым требованиям и запросам общественного развития.

Согласование интересов власти и гражданского общества при сохранении политической конкуренции возможно, если соблюдаются, по меньшей мере, два условия: 1) стратегия государственного управления данным процессом будет обеспечивать самоорганизацию в гражданском обществе, развитие гражданского участия и поддержку принятия решений по результатам мониторинга или общественного контроля за деятельностью властных структур; 2) стратегия развития институтов гражданского общества будет направлена на объединение граждан, готовых к социальному партнерству, обладающих опытом реализации гражданских инициатив, способных к конструктивному диалогу с властными структурами.

Фактически речь идет о достижении развитого состояния гражданского общества не как самоцели, а как среды для позитивных социальных трансформаций и рекрутирования политической элиты. В данном контексте важно понимание доминантных типов гражданской активности, направленных на формирование политического порядка, а также социальных и политических форм общественной самоорганизации, с помощью которых обеспечивается расширение пространства гражданского общества. Необходима оценка процедур вовлечения или исключения гражданских формирований из процессов институциональных изменений российской политики, а также способов профессионализации элиты и политического лидерства в современном российском обществе. Снижение уровня политической элитарности и лидерства – одна из серьезных проблем не только регионального общественного развития, но и страны в целом.

Обращаясь к практике социально-политических отношений, можно констатировать, что утвердившийся в России политический режим, способен довольно успешно заданным «выстраиванием» отношений сохранять равновесие интересов государства и гражданского общества. Спектр используемых механизмов достаточно широк и относится к инструментальному потенциалу власти, а прагматическая направленность управления проявляется в прямых

и косвенных технологиях, применяемых правящей элитой при возникновении любых нарушений политической стабильности, включая запаздывающее влияние на политические институты или институты гражданского общества [2]. Гарантированная стабильность функционирования власти и общества действительно становится важным условием продвижения демократических ценностей при обсуждении общественных и политических проблем, но не позволяет избежать двух крайностей в их взаимоотношениях: «избыточного» или «ограниченного» взаимодействия. Многократное перераспределение одних и тех же ресурсов, создание дублирующих структур, директивная мобилизация акторов характеризуют первый вариант. Схемой реализации второго становится жесткое регулирование системы репрезентации интересов различных социальных групп и гражданских институтов, активное использование технологий политического давления, ограничение состава гражданских формирований, участвующих в разработке, принятии и реализации политических решений. Минимизация издержек, как стратегия политического порядка, может привести к новой конфигурации норм, форм и технологий взаимодействий в публичной политике и дефициту общественного участия в управлении, а в конечном итоге к ограничению политической конкуренции и изменению направленности гражданских инициатив от «политики невмешательства» и «политики бездействия» до «политики протестов». Закономерным становится поиск новой стратегической модели политического порядка, позволяющей институтам гражданского общества постоянно выступать в качестве акторов демократического участия, а политической элите при отсутствии прямой зависимости между уровнем общественной самоорганизации и стабильностью демократии формировать необходимую институциональную среду для общественной консолидации и сбалансированного представительства интересов различных социальных групп. Толерантность, доверие и склонность к компромиссу превращаются в доминирующие факторы публичной политики, поскольку гражданское общество может демонстрировать предупредительный и прецедентный характер общественного участия в качестве своих конкурентных преимуществ, а власть – соответствие реальной политики декларируемым нормам и принципам деятельности.

С точки зрения общеметодологических аспектов анализа влияния элиты и самоорганизации гражданского общества на политический порядок интерес представляют, прежде всего, исследования, в которых рассматриваются существующие подходы к пониманию содержания трансформации политического пространства; соотношения политического управления и общественной самоорганизации; формирования политической и гражданской идентификации; оценки качества политического управления [3, 5]. Одновременно при неоднозначности трактовок таких ключевых понятий, как публичная сфера, гражданское общество, политический порядок, внимание должно акцентироваться на рассмотрении институциональной или процедурной сторонах изучаемых процессов, их политической эффективности, а также результативности практик, используемых властью и гражданским обществом для обеспечения динамики политического процесса [4]. Так в рамках институционального подхода определяется взаимовлияние структурных факторов, оказывающих воздействие на характер и последствия преобразований политических и гражданских институтов и соответствующих им управленческих отношений; выявляется потенциал институциональных изменений, связанных с гражданской вовлеченностью; рассматривается новая конфигурация институционального равновесия и легитимных процедур коммуникаций в публичной сфере. Концепт «порядок» при таком подходе фиксирует наличие рационального выбора правящей элиты в пользу системности и предсказуемости, её готовность к демонстрации норм и образцов ожидаемого поведения, поскольку институционализация объективно обеспечивает системно-структурную целостность, а используемые в политической деятельности процедуры и технологии приобретают ценность и устойчивость. Закономерно возникает вопрос: сохранится ли политический порядок, если изменятся соотношения сил между акторами, или они поменяют свои предпочтения? Как будет выглядеть не в статике, а в динамике взаимосвязь между институциональными характеристиками и возможной вариативностью действий элиты властных и гражданских структур? Следует подчеркнуть, что без характеристики направленности и качества институциональных изменений практически невозможно определить различия между системной и социальной интеграцией в современном российском обществе. Для раскрытия содержания названных процессов в описии Российского оборота вводятся такие категории, как «институциональная неопределенность», «институциональная рутинность», «институциональное соглашение», «институциональная практика», «институциональная ловушка» и т.д. [1].

Тематическое поле исследования должно дополниться также анализом внутриэлитных конфликтов, связанных с определением приоритетности решения задач, напрямую связанных с дальнейшей самоорганизацией российского гражданского общества и закреплении социально значимых тенденций в развитии политического порядка. В условиях плюрализма и конкуренции многовариантность проявления низовой активности граждан, как и переход от гражданского участия к гражданскому действию, возможны через неинституциональные каналы. Соответственно именно от правящей элиты зависит под влиянием каких внутренних источников и ресурсов будут сформированы условия для согласования интересов различных социальных групп и обеспечена мобилизация гражданских начал общественного развития современной России. Генерация политической элиты, адекватной потребностям самоорганизации гражданского общества, недостаточно изучена и на уровне методологии и на уровне технологий. Зависимость данного процесса прежде всего от механизмов политического лидерства, потенциала многопартийной системы, социально-экономической и политической неравномерности развития российских регионов обуславливает необходимость укрепления внутриэлитной консолидации; поддержки гибкости и адаптивности управленческих структур, реализующих государственные меры по преодолению институциональных барьеров, ограничивающих общественную активность и самоуправление; совершенствование практики коммуникативного взаимодействия в системе «власть-общество». Результативность процесса во многом зависит и от изменений в политической культуре правящей элиты и

населения. Существующий уровень его недоверия к государству и институтам гражданского общества проявляется в игнорировании реальных механизмов выражения общественного мнения и использования практик открытого обсуждения общественно значимых проблем. Базовой основой самодеятельности участников, как для гражданских, так и для властных структур, становятся неформальные связи, и, как следствие, лояльность к «своим» и недоверие к «чужим». Общественные дискуссии уступают место «частной» обратной связи, закулисным договоренностям, «личным обязательствам», поэтому в современных условиях актуально эффективное функционирование не только институтов власти, но и гражданского общества. Позитивным примером их коммуникативного взаимодействия, итогом которого явилось превращение заявленных требований гражданских структур в реальные действия властей является реализация проектов «Общероссийского народного фронта». Это и активизация инициативной части населения, и привлечение некоммерческих общественных организаций, трудовых коллективов на основе коллективного членства к участию в его деятельности, и возможность для выдвижения кандидатов на депутатские мандаты в предварительных выборах (праймериз), и разработка «Народной программы», и т.д. Подобное «подключение» финансовых и административных ресурсов для развития гражданских инициатив влияет на социально-политические качества различных слоев элиты, и конвертируется в доверие к волонтерам и гражданским активистам со стороны общества и власти.

В заключение отметим, что воспроизводство и трансформация политического порядка в современной России происходит под влиянием противоречивых направлений самоорганизации гражданского общества, важнейшим из которых является формирование элиты. Это означает, что гражданское общество функционально реализует субъективную природу политического процесса.

Список литературы

1. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 311.
2. Никовская Л.И., Якимец В.Н., Молокова М.А. Гражданские инициативы и модернизация России. Москва: Ключ-С, 2011. 336 с.
3. Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лице власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 70–98.
4. Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики / отв. ред. Л.В. Сморгун, Е.В. Морозова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. 370 с.
5. Управление публичной политикой / под ред. Сморгунова Л.В. М.: Аспект-Пресс, 2015. 320 с.

РОЛЬ ЛИДЕРОВ МНЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУССИЙ

Лазуткина Екатерина Валерьевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Социальные медиа предоставили российским пользователям широкую возможность для самовыражения, площадку для организации публичных дискуссий и обмена опытом на равных условиях. При этом степень распространения новостной информации в данных ресурсах, привлечение аудитории к ее обсуждению в немалой степени зависят от статуса пользователя и качества предоставляемого им контента. Становление достигаемого статуса осуществляется через собственный талант, выбор и активность каждого пользователя. Исходя из этого, особое место в информационном пространстве социальных медиа занимают лидеры мнений – авторитетные члены интернет-сообществ, выполняющие роль организаторов, инициаторов взаимодействия пользователей, и принимаемые ими благодаря их способности предоставлять информацию, востребованную массовой аудиторией. Следует признать, что некоторая централизация может присутствовать в ситуации распространения информации пользователем, занимающим лидирующее положение, однако у аудитории существует свобода выбирать или не выбирать ту или иную новостную информацию, распространять или не распространять ее дальше.

Первые ресурсы, появившиеся в интернет-среде, объединялись и выстраивались по принципу социальных связей. В 1994 г. стали появляться списки ссылок, группы “Usenet”, e-mail-рассылки, бюллетени и интернет-форумы. В 1995 г. популярностью пользовался ресурс “Classmates.com”. Именно данный проект дал толчок к появлению новых проектов социальных сетей. В 2003–2004 гг. были запущены “LinkedIn”, “MySpace” и “Facebook”. В Рунете популярность социальных сетей началась позже: в ноябре 2005 г. был запущен ресурс «Мой круг» (русскоязычная версия), в марте 2006 г. «Одноклассники», в октябре 2006 г. «ВКонтакте», в июне 2008 г. русскоязычная версия “Facebook”. В настоящее время существуют как общетематические (универсальные) социальные медиа: «ВКонтакте», “Facebook”, «Одноклассники», “Ruspace.ru”, “YouTube”, «Твиттер», «Живой Журнал», «Инстаграм», «Russian-podcasts.ru» и др., так и узкотематические (специализированные): “Dogster.ru”, “Gallery.ru”, «Дневники Эмо», “Bikepost.ru”, “Liberatum.ru”, “LinkedIn” и др. При этом разработаны социальные медиа и для разных возрастных групп: «Дневник для молодой мамы», “Classnet.ru” – школьники, “BeOn.ru” – подростки, «Твиди», «Вебики», «Бибигоша» – дети, «Страна Пенсионеры» и др.

Социальные медиа, обладая рядом коммуникативных особенностей, способствуют активному проявлению неформальных коммуникаций. Следует признать, что нередко социально значимая информация, представленная онлайн-медиаресурсами, имеет низкое качество, содержит дезинформацию и т.п. Несмотря на повышенный интерес общества к социальным медиа, большое количество личных страниц пользователей не содержит уникальных, общественно значимых сведений и способствует накоплению информационного шума в онлайн-медиасреде. В данном случае в соответствии с известной метафорой Маршалла Маклюэна, «средство коммуникации и есть само сообщение» (the medium is the message), социальные медиа для определенной части аудитории становятся популярными не потому, что людям есть что сказать, а потому, что очаровывает сама возможность что-то писать и мгновенно делать это достоянием всего мира. При этом нередко пользователи пренебрегают правилами собственной безопасности и нормами ответственного поведения. Но, несмотря на явные недостатки, массовая аудитория активно участвует в информационных обменах социальных медиа. Большая связанность участников, стремительное распространение информации на неограниченную массовую аудиторию, склонность пользователей высказывать собственные комментарии к общественно значимым событиям, высокая степень доверия делают социальные медиа важным информационным источником [3, с. 106–107].

Сотрудники редакций активно и разнообразно используют социальные медиа как для личных контактов, так и в своей профессиональной деятельности. Журналисту, работающему с данными ресурсами, необходимо, в первую очередь, иметь представление и уметь выявлять лидеров мнения. Данные пользователи имеют высокий авторитет среди своих посетителей и нередко именно ими отбираются для освещения те или иные события, т.е. формируется своеобразная повестка дня. При этом следует различать пользователей, получивших большую популярность не за счет предоставления качественной информации, а по ряду других причин (известность в офлайн-среде, длительность ведения журнала, применение специальных технологий по продвижению своего контента, эпатажность и др.) от лидеров мнений, имеющих авторитет среди пользователей и способность воздействовать на мнение конкретных целевых групп.

Значительный вклад в исследование феномена лидеров мнений внесли исследования К. Лазарсфельда, Р. Мертон, Э. Нозль-Нойман, У. Липпмана, К. Левина, Д. Уайта, А. Сиви, а также И.К. Михайловского, Б.А. Грушина, В.С. Коробейникова, Г.Г. Почепцова, Д.В. Ольшанского и др. Исследователи считают лидером мнения социально активного актора, выступающего в качестве посредника между средствами коммуникации и собственной группой, осуществляющего выбор и интерпретацию передаваемой информации и способного своим авторитетом воздействовать на мнение окружающих. Еще раз подчеркнем, что в рамках данной работы под понятием «лидер мнения» понимается авторитетный (вызывающий доверие, способный влиять на мнение сообщества, компетентный) член интернет-сообщества, выполняющий роль организатора, инициатора взаимодействия пользователей, и принимаемый ими благодаря его способности предоставлять информацию, востребованную аудиторией.

В социальных медиа сформировался особый определенный круг лидеров мнений, чья информация становится определяющей для большого числа пользователей и в целом может повлиять на их отношение к определенным вещам и событиям. На основе анализа контента социальных медиа Рунета, можно выделить три основных типа лидеров мнений:

1. Пользователь, получивший популярность в офлайн-среде. Высокий авторитет имеют страницы известных писателей, журналистов, представителей шоу-бизнеса, политики, т.е. людей, чья деятельность известна за пределами Интернета. Большую востребованность в социальных медиа имеют, например, страницы Т. Канделаки, О. Бузовой, Р. Кадырова, В. Жириновского, Е. Касперского, М. Прохорова, Е. Ройзмана и др.

2. Пользователь, являющийся специалистом определенной области и предоставляющий новостную информацию узкой тематики. Материалы данного типа авторов-экспертов востребованы не только среди обычных пользователей, но могут быть интересны и специализированным СМИ. Особенно ярко данный тип представлен в социальных медиа Рунета. Например, блоги специалиста по ручному ткачеству И. Дворкиной, специалиста по славянской культуре Д. Панкратова, художницы А. Краевской «Кукольник», океанолога Н. Колдунова, гастроэнтеролога «Исповедь врача» и др.

3. Пользователь, получивший популярность в онлайн-среде. Например, И. Бигдан (ibigdan), Л. Кузнецова (katoga), И. Рудской (ЕеOneGuy), Д. Чернышев (M13CH) и др. Представители данного типа, как правило, не проявляют особых лидерских качеств в офлайн-среде, но благодаря своей активности в социальных медиа, в том числе трате значительного количества времени на публикацию постов, на многочисленные дискуссии и комментарии, на расширение числа виртуальных знакомств, взаимодействие с участниками социальных медиа и т.п., занимают лидирующее положение.

Пользователи социальных медиа стремятся сравнить различные точки зрения на интерпретацию событий, обсудить сообщение с авторитетными для них участниками. Таким образом, лидеры мнений высказывают личные комментарии, предлагают собственную оценку происходящего, возможные варианты решения проблем, личный опыт и т.п., но при этом они выражают мнение определенных групп людей [7, с. 92]. Каждую целевую группу представляет конкретный лидер мнения, авторитет, обобщающий образ, персонаж. А. Сиви указывает, что «иногда узкие группы или даже заурядные личности располагают рупорами более или менее мощными: газетами, радио, передатчиками и т.д. Ансамбль этих голосов, когда он относительно строен, составляет общественное мнение». В противоположность высказанному предположению, Б.А. Грушин считает, что в данном случае «высказываемые лидерами

мнения должны – по крайней мере в идеале – совпадать по своему содержанию с мнением общественным» [1, с. 167]. На наш взгляд, одной из главных особенностей лидеров мнений социальных медиа является именно их способность обращать внимание аудитории к тем или иным проблемам путем выбора определенных событий и тем самым влиять на общественное мнение.

На основании вышеизложенного, обобщим черты онлайн-лидеров мнений: 1) имеют активную жизненную позицию; 2) предоставляют интересные для широкого круга читателей информационные новостные продукты; 3) за их творчеством пристально следит читательская аудитория, так как их страницы всегда публичны, а сами авторы достаточно известны, и не только в узкоспециализированных кругах; 4) постоянно стремятся к поиску актуальной новостной информации, к расширению своего круга общения и объема знаний; 5) строго придерживаются выбранного изначально виртуального образа и тщательно контролируют информацию, причем как свою собственную, так и в комментариях к постам; 6) их страницы (блоги, каналы и др.) являются средством распространения информации для массовой аудитории; 7) часто оперируют теми же инструментами, что журналисты и редакторы традиционных СМИ, играя роль аккумуляторов и поставщиков информации для массовой аудитории; 8) могут быть организаторами мероприятий, акций, конкурсов, встреч и т.д. [4, с. 51–52].

Таким образом, лидер мнений в онлайн-медиа сфере – это тот, кто демонстрирует свою личностную и информационную актуальность и уникальность. Это пользователь, который создает новаторский информационный продукт, некий образец, к которому стремятся многие. Лидеры мнений заставляют социальные медиа двигаться вперед, предоставляя информацию, неизвестную большинству пользователей, а также комментируют происходящие события с учетом своего высокого интеллектуального и/или профессионального уровня. Можно сделать предположение, что данные пользователи являются лидерами мнений не только в интернет-среде, но и, учитывая общий интерес со стороны обычных пользователей, их влияние выходит за границы онлайн-медиа сферы.

Перечислим основные эффекты от взаимодействия лидеров мнений, журналистов и пользователей социальных медиа Рунета: 1) акции, организуемые ими, в том числе и в офлайн-среде, направленные на помощь как отдельным людям, попавшим в беду, так и организациям, осуществляющим социально значимые проекты и программы; 2) осуществление сбора подписей в чью-либо пользу, либо против какого-нибудь события, решения; 3) благотворительность; 4) публикация в официальных СМИ материалов, посвященных затронутой в социальных медиа проблеме; 5) действия властей под влиянием общественного мнения, сформированного в данных ресурсах; 6) организация и подготовка культурных мероприятий (фестивали, экскурсии, выставки, встречи и т.п.) и мн.др. Как показывает практика, благодаря онлайн-лидерам мнений социальные медиа Рунета стали стартовой площадкой реализации множества совместных проектов. В качестве примеров перечислим несколько событий, вызвавших активные дискуссии в блогосфере: сбор российскими блогерами средства на лечение писателя-фантаста Робета Шекли в 2007 г., реакция на вымогательства и избиение водителей на Урале в 2010 г. (блогеры создали отдельную тему и провели собственное расследование, в результате которого установили личности нападавших, государственные номера машин и даже место жительства водителей), реакция на закрытие дома престарелых в городе Куровское в 2010 г. (активное обсуждение блогеров и дальнейшее привлечение журналистов способствовало сбору средств на нужды дома); сбор российскими блогерами гуманитарной помощи беженцам Украины в 2014 г. и др. Данные примеры доказывают, что размещение новостной информации может не только привлечь внимание журналистов, но и сформировать определенное общественное мнение и способствовать активному обсуждению, вызвав эффективные ответные действия аудитории.

Г.Г. Почепцов отмечает, что одной из главных особенностей лидеров мнений является их повышенный интерес к СМИ, чем у обычных людей. При этом они используют разнообразные информационные источники, особенно специализированные [6, с. 442–452]. На наш взгляд, данные выводы полностью соответствуют представлению об лидерах мнений социальных медиа. Также высказанное предположение необходимо, по нашему мнению, связать с теорией постановки повестки дня, согласно которой в основе любого воздействия на аудиторию лежит селективный подход медиа к окружающей реальности, то есть выбор из множества тем лишь определенного числа для освещения и обсуждения. Эта идея была сформулирована еще в 1922 г. У. Липпманом в книге *“Public Opinion”* («Общественное мнение»): из всего разнообразия событий, происходящих в мире ежедневно, медиа могут выбрать только ограниченное количество, из которых впоследствии и строится представление аудитории о реальности, «медиа-реальность». По мнению автора, СМИ конструируют ее для общественности с помощью селекции (выбора) тем, их тематизации и выделения. Данные выводы можно отнести и к онлайн-лидерам мнения, активно пользующимся информацией, собранной из разных источников, умеющим анализировать полученную информацию и обладающим необходимым авторитетом в сообществе, чтобы к ним прислушивались другие.

Пользователи социальных медиа стремятся сравнить различные точки зрения на интерпретацию событий, обсудить сообщение с авторитетными для них лидерами мнений. Лидеры мнения, как правило, дорожат своим авторитетом и стараются проверять полученную из разных источников новостную информацию. Предоставляемая интернет-лидерами информация внимательно рассматривается пользователями и принимается с большим доверием. Однако журналистам следует помнить и о потенциальных возможностях лидеров мнения в распространении недостоверных сообщений, медиавирусных и проявлениях манипулятивных действий. Также необходимо учитывать, что новостная информация в социальных медиа часто начинает распространяться раньше и быстрее, чем в СМИ. Отсутствие или неполнота новостной информации при повышенном внимании аудитории способствует как сбору ин-

формации из сомнительных источников, так и откровенному «домысливанию» подробностей события. Также следует принимать и недоверие аудитории к официальным, правительственным источникам информации [5, с. 68].

Лидеры мнений могут размещать недостоверную информацию или медиавирус непреднамеренно, исходя из собственных интересов, из-за невнимательности к первоисточнику сообщения либо в связи с собственной коммерческой заинтересованностью. Так, например, публикация манипулятивного характера адвоката А. Паршина по делу А. Ивановой (убившей при попытке изнасилования подвозившего ее таксиста, 2003 г.), вызвавшая в «Живом Журнале» волну протеста, привлекла особое внимание журналистов, что в итоге отразилось на судебном решении и освобождении подсудимой. Несмотря на сомнительную этичность подобной акции, она, безусловно, была эффективна.

При незнании истинных причин публикации понять, что в данном случае перед нами недостоверная или искаженная информация бывает достаточно трудно. К основным признакам можно отнести расхождение привычной позиции лидера с представленной информацией, чрезмерное упоминание и акцентирование на отдельных деталях, непривычная тема поста и мн.др. Однако следует заметить, что, вопреки мнению большинства специалистов по вирусному маркетингу, использование лидеров мнения в распространении дезинформации в Рунете очень сложный процесс. В целом в российском интернет-сообществе негативно относятся к подобного рода действиям, и пользователь, уличенный в распространении дезинформации и манипуляциях, может навсегда потерять доверие со стороны пользователей. При этом большинство авторов журналов без каких-либо корыстных целей рассказывают новости, делятся информацией об использовании того или иного товара, услуги, бренда, контактах с определенными лицами, посещениях мероприятий и т.п. Данная информация и обсуждения посетителей имеют большую ценность для пользователей.

Таким образом, умение эффективно работать с информационными потоками в социальных медиа, выявлять лидеров мнений, выбирать и проводить анализ их публикаций, определять степень достоверности и механизмы манипуляций, развивать разнообразные формы сотрудничества с пользователями – все это входит в компетенцию современного журналиста и создает условия для успешного решения поставленных перед ним задач. Размещая новостную информацию и приглашая массовую аудиторию к ее обсуждению, лидер мнения способствует привлечению внимания пользователей к социально-культурным проблемам, демонстрирует примеры использования социальных медиа в значимых общественных целях.

Список литературы

1. Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. Проблемы методологии общественного мнения. М.: Политиздат, 1967.
2. Давыдов А.А. Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 92–101.
3. Кадырова Г.Х. Персонализация информации в социальных сетях // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 5–2. С. 105–110.
4. Лазуткина Е.В. Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы Рунета // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 6. С. 51–59.
5. Лукина М.М. Старые заповеди и новые мантры: российский взгляд на эволюцию журналистики // Журналистика на перепутье: опыт России и США / под ред. Е. Л. Вартановой. М., 2006.
6. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002.
7. Соловьев Г.М. Соловьев Г.М. Феномен социальной коннотации факта в медиатексте // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 1. С. 91–94.

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Григорьев Александр Владимирович,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Современная непростая для России внешнеполитическая ситуация оказывает влияние на многие сферы общественной жизни. Форсированное обсуждение мировых проблем в СМИ и отсутствие событий во внутривнутриполитической жизни страны, которые были бы значимы для большинства россиян, приводят к тому, что внимание российского общественного мнения практически полностью сосредоточено на происходящем за рубежом [3]. При этом четко прослеживается негативный вектор актуализированных событий: антироссийские санкции стран Запада, нападки со стороны западных политиков в контексте участия России в военной операции в Сирии, террористическая угроза со стороны ИГИЛ, перманентно возобновляющийся конфликт на Востоке Украины – вот основные вызовы, с которыми, по мнению россиян, столкнулась РФ. Какие внешнеполитические ориентиры выбирает российское государство и соответствуют ли они интересам российского общества? По данным социологических исследований, в последние 10 лет неизменно уменьшалось число сторонников прозападного курса внешней политики и росло число их оппонентов [1, с. 144]. Вышеобозначенные события еще больше обострили это противостояние. И это противостояние не единственное - необходимо подчеркнуть тот факт, что социологи в последнее время фиксируют значительное социальное отчуждение между сторонниками и противниками действующей власти в России [5, с. 72]. В отсутствии гражданской консолидации и в условиях высокой неопределенности сложившейся внешне- и внутривнутриполитической ситуации

общество, даже несмотря на противоречия в оценке деятельности власти, сплачивается вокруг политического лидера, каковым на данный момент является президент В.В. Путин. Традиционно высокая значимость фигуры политического лидера в России обуславливает постоянную актуальность мониторинга тех черт имиджа политического лидера, которыми должны обладать российские политики. Такие исследования проводятся достаточно часто в нашей стране, однако мы своей работе попытаемся проследить насколько современные внешнеполитические вызовы отразились на имидже идеального политического лидера в российском общественном мнении.

Прежде чем перейти к освещению результатов нашего исследования, необходимо определиться с основной исследовательской категорией – имидж политического лидера. Российские специалисты в области массовых коммуникаций определяют понятие имидж как образ, специально формируемый в различных общественных объединениях. Имидж делится на несколько составляющих: внешнюю и внутреннюю [4, с. 11]. Первая включает в себя внешний вид человека, мимику, манеры, тембр голоса, походку и другие составляющие непосредственно наблюдаемые окружающими. Внутренняя часть имиджа состоит из тех характеристик, которые становятся доступными для осознания лишь после более продолжительного наблюдения за человеком – это его ценности, моральные и профессиональные качества.

Перейдем к анализу представлений студентов Астраханского государственного университета об идеальном политическом лидере. Данные представления были изучены на основе данных социологического исследования «Политическое лидерство в общественном мнении студентов АГУ», проведенного в феврале 2017 г на кафедре социологии Астраханского государственного университета.

Выборочная совокупность исследования составила 150 студентов Астраханского государственного университета различных специальностей и курсов обучения. Все респонденты относились к возрастной группе от 18 до 23 лет. Ошибка выборки указана в таблице.

Таблица 1

Погрешность измерения	
Процент ответивших	Доверительный интервал, %
5	3,46
10	4,76
20	6,34
30	7,27
40	7,77
50	7,93

Респондентам предлагалось назвать те ценности, которыми по их мнению должен обладать идеальный политический лидер. Полученные ответы были разделены на несколько групп: профессиональные качества (компетентность, образованность, креативность, развитый ум), коммуникативные качества (харизматичность, умение общаться, вести переговоры, умение стильно одеваться), волевые качества (сила, настойчивость, уверенность в себе), социальные качества (справедливость, честность), в отдельные категории были выделены такие качества как ответственность, патриотизм и толерантность. Наиболее востребованными среди данных групп оказались социальные, профессиональные качества и такая характеристика как ответственность (см. рис. 1).

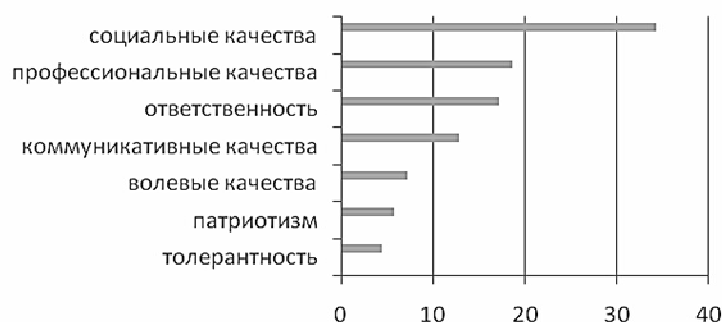

Рис. 1. Качества идеального политического лидера

В дальнейшем респондентам предлагалось назвать те качества, которых не хватает современным российским политическим лидерам (рис. 2). Сравнивая полученные данные с представлениями об идеальном политическом лидере, стоит с сожалением отметить, что современные российские политические лидеры не соответствуют этому образу. Качества, которые респонденты ценят больше всего (честность, ответственность, профессионализм) по мнению опрошенных развиты у современных российских политических лидеров в недостаточной степени.

Одной из задач нашего исследования было проследить влияние современных внешнеполитических вызовов на образ идеального политического лидера. Для этого нами были заданы вопросы о предпочитаемых направлениях деятельности российских политических лидеров в современной ситуации, разделив их по двум векторам: концентрация на улучшении ситуации внутри страны и второе – сохранения авторитета на международной арене и сплочение нации перед лицом внешней угрозы. В итоге мы получили достаточно неожиданные выводы – несмотря на то, что в целом

население поддерживает внешнеполитический курс власти, большинство респондентов считает, что наиболее важным направлением деятельности российских политических лидеров должно стать решение внутриполитических проблем. Об этом говорят результаты полученные в ходе ответа респондентов на следующие вопросы:

- В нескольких вопросах участникам исследования предлагалось выбрать из двух предложенных ту характеристику идеального политического лидера, которая является более важной. В паре «Умение сплотить население страны, создать единую крепкую нацию» и «Умение создать условия для наилучшего развития каждого человека в отдельности, невмешательства в его личную жизнь» первую опцию предпочли 36,8 % ответивших; вторую – 63,2 %. В паре «Умение сделать страну сильной, независимой и уважаемой в мире» и «Умение добиться высокого уровня жизни населения, пусть даже если страна не будет иметь большого авторитета за рубежом» первый выбор поддержали 29,4 % опрошенных; второй – 71,6 %;

- Следующий вопрос звучал таким образом: «Считаете ли Вы, что идеальный лидер в российских реалиях должен а) Уделять больше внимания сохранению обороноспособности страны, ее силы и авторитета на международной арене; б) Уделять больше внимания решению внутриполитических проблем». В ситуации выбора между сохранением обороноспособности страны, ее международного авторитета и решением внутриполитических проблем большинство опрошенных (66,2 %) считает, что российским политическим лидерам следует сосредоточиться на внутренней политике, иного мнения придерживаются лишь 10,3 % опрошенных, при этом почти четверть респондентов затруднились с ответом.

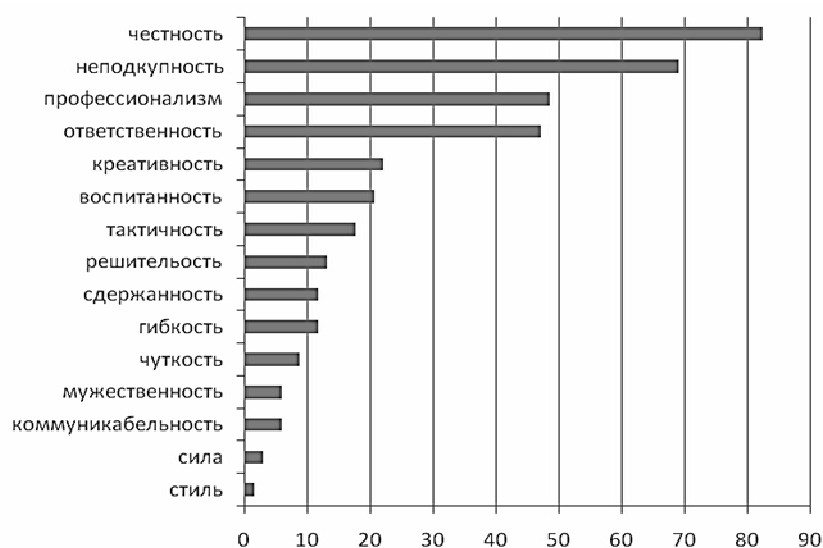

Рис. 2. Лидерские качества, которых не хватает российским политикам

Таким образом, подводя итоги нашему исследованию, следует сказать, что идеальный политический лидер предстает перед студентами Астраханского государственного университета политиком прежде всего честным, ответственным и профессиональным. К сожалению, по мнению опрошенных, именно этих черт в первую очередь не хватает российским политическим лидерам. Если обратиться к иной стороне предметной области нашей статьи – контексту современных внешнеполитических вызовов, то необходимо отметить, что в настоящий момент, несмотря на высокую актуализированность внешнеполитических проблем в общественном мнении россиян, участникам исследования более важным представляется концентрация усилий политических лидеров на решении внутренних проблем страны. Вполне обоснованным объяснением этому явлению могут послужить выводы исследователей о том, что мобилизационный ресурс внешней опасности начинает себя истощать на фоне продолжающегося кризиса и нестабильной экономической ситуации. Все большую актуальность начинает приобретать непонимание необходимости высоких трат на поддержку регионов Восточной Украины и расходы на военную операцию в Сирии [2]. Данная ситуация может стать очередным «тлеющим очагом» для роста социальной напряженности, что необходимо принимать во внимание при разработке стратегий деятельности российских политических лидеров.

Список литературы

1. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров: Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2011.
2. Россия и ситуация в Донбассе: мониторинг. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115834> (дата обращения 7.03.2017).
3. События недели. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d02sn17.pdf> (дата обращения 8.03.2017).
4. Титова Е.В. Имидж политического лидера. Ростов н/Д, 2006. 327 с.
5. Трофимова И.Н. Консолидация власти и общества в России: специфика текущего внешне- и внутриполитического контекста // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 72–80.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭЛИТЫ ЕВРОПЫ И ИХ АНАЛИЗ «КУЛЬТУРНОГО ШОКА» ПОСЛЕДНЕЙ ВОЛНЫ МИГРАНТОВ¹

Лебедева Ирэна Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент,

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Анджело Музайо,

профессор, Генуэзский университет, Италия

Сайдаев Владислав Валерьевич,

студент,

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Миграционные процессы стали неизбежным явлением современного общества. Во второй половине прошлого столетия Европа стала местом притяжения мигрантов из разных стран. В 2010 г. европейские политики, вслед за канцлером ФРГ А. Меркель стали говорить о кризисе идей мультикультурализма. Большое количество мигрантов и их нежелание интегрироваться, формирование ими так называемых «параллельных сообществ» позволяет нам говорить о таком явлении как культурный шок. Следует также подчеркнуть, что культурный шок испытывают как сами мигранты, так и принимающий их социум.

Самый активный поток мигрантов в страны Европы наблюдался в 2015 г. Власти европейских государств оказались совершенно беспомощны по причине того, что не были готовы принять столь большое количество беженцев и обеспечить им достойный прием. Эта проблема условно разделила европейское общество на два лагеря: одни сочувствовали беженцам и пытались оказать им всяческую поддержку и помощь, другие были против незваных гостей в своем доме и даже участвовали в акциях протеста, организованных движением «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (ПЕГИДА).

Позиция каждой из этих групп ясна и во многом зависит от конкретной жизненной ситуации определенного индивида и сложившихся вокруг него обстоятельств. Одни люди видят бедные семьи мигрантов с маленькими детьми, проживающие по соседству, и проявляет к ним сочувствие, другие стали жертвами беспорядков, организованных мигрантами, и у них сложился совершенно другой образ мигранта.

Несомненно, правящая элита видит свои выгоды в потоке мигрантов, поскольку денежные средства, потраченные из государственной казны на нужды мигрантов, превращаются в доход для крупного бизнеса: продажа дорогостоящих лекарств, аренда жилья для беженцев, расходы на мероприятия по интеграции, создание новых рабочих мест и учебных программ в контексте «культуры гостеприимства». Все эти механизмы обогащения правящей элиты Германии подробно описываются в книге скандально известного немецкого журналиста Удо Ульфкотте. Книга вышла в октябре 2015 г. под названием «Индустрия беженцев. Как политики, журналисты и социальные объединения получают выгоду от потока беженцев».

По утверждению У. Ульфкотте, индустрия беженцев – это самый доходный сегодня бизнес. Прибыль от этой индустрии беженцев сегодня превышает ту прибыль, которую имени немецкие концерны во время второй мировой войны от продажи оружия [5, с. 10].

Актуальность темы, связанной с потоком беженцев спровоцировала бурные дискуссии и вызвала неоднозначную реакцию общества. В то время как действующие сегодня политики постоянно говорят об идеях мультикультурализма и необходимости оказывать помощь тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации, тем самым прикрывая свои махинации с недвижимостью и дорогостоящими лекарствами для мигрантов, молодое поколение и оппозиционеры устраивают митинги против присутствия мигрантов в таком большом количестве и неоправданных расходов на их содержание [5, с. 22].

Многим политикам негативно высказываться в адрес мигрантов не позволяет политкорректность, однако некоторые из них, такие как, например, Тило Саррацин, выпустивший свой бестселлер «Германия самоуничтожается» в 2010 г., предвещали проблемы с мигрантами еще за долго до того, как они стали заметны и ощутимы повсюду. Последствия потока беженцев в Европе предвещал также профессор Айбефельдт, говоривший в 1996 г.: «Если мы будем ежегодно принимать полтора миллиона человек из стран третьего мира, то там ничего не изменится, количество населения через неделю там станет точно таким же. Против перенаселения ничего невозможно сделать, только импортировать проблему. Те, кто сегодня выступают за мультикультурализм, не думают о будущем. Они совершенно не осознают, что они причиняют своим внукам и какие последствия может иметь их легкомысленность. Проводить такие масштабные опыты как миграционный эксперимент - это бессовестно. Так не экспериментируют над людьми» [5, с. 26].

Примечательно в контексте массовой миграции в Европу также мнение бывшего президента Франции Жака Ширака, который в 1991 г. говорил: «Не иностранцы являются для нас проблемой, а их чрезмерное количество... Меньше всего проблем доставляют рабочие из Испании, Польши и Португалии по сравнению с мусульманами и чернокожими... Бюджет семьи французского рабочего и его работающей жены составляет в среднем 15000 франков... они встречаются на лестничной площадке с семьей, состоящей из отца, 3 или 4 жен и 20 отпрысками. Которые все вместе получают социальную помощь 50000 франков. Если добавить ко всему этому еще и шум и запахи, то фран-

¹ Данная статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-33-11172 «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

цузский рабочий должен просто сойти с ума... Это вовсе не расизм говорить об этом. У нас просто больше нет средств оплачивать растущие семьи [5, с. 100].

В своей книге об индустрии беженцев Ульфкотте приводит цитату из высказывания министра иностранных дел Британии Филиппа Хаммонда в 2015 г.: «Поток беженцев из Африки угрожает уровню жизни и социальному строю Евросоюза... Мы должны найти возможность решать наши проблему тем, что будем отправлять обратно на родину тех, кто не имеет права на предоставление убежища» [5, с. 101].

Мнение обывателей часто формируется под воздействием примеров для подражания, которые правящая элита ищет повсюду и старается обнародовать как можно больше подобного рода случаев. Так, например, последнее время в немецкоязычной прессе довольно частыми стали публикации, повествующие о том, как звезды эстрады и кино принимают в своем доме беженцев. Сара Коннор, Петер Фокс, Вероника Феррес и Карстен Машмайер живут теперь с семьями беженцев из Сирии под одной крышей. Столь похвальный поступок со стороны звезд должен был бы вызвать массовые случаи подражания кумирам, однако не каждый стремится разместить в своем собственном доме незнакомых людей. В результате Тиль Швайгер, знаменитый немецкий актер и режиссер, который также проявляет сочувствие к беженцам, строит на свои средства приют для них в городе Оснабрюк, открыл для них спортзал, а также создал фонд поддержки беженцев, который уже собрал 2 млн евро, вынужден оправдываться сегодня перед всеми за то, что он не последовал примеру других звезд и не может принимать у себя дома беженцев [4]. По его словам, он не может пригласить кого либо из беженцев к себе домой для длительного проживания по причине того, что сам он все время проводит в командировках и дома почти не бывает [3].

Часто кумиры своим поведением, мнением или примером воздействуют на общественное мнение. Обыватели охотно копируют их стандарты поведения и поэтому в мы сегодня часто видим в прессе сообщения или передачи на немецком телевидении о том, как граждане Германии, следуя примерам своих кумиров, готовы разделить свое жилье вместе с мигрантами. Такие действия, вызванные состраданием к ближнему очень похвальны, однако когда такой тип поведения навязывается свыше, то здесь мы можем говорить о манипулировании общественным сознанием при непосредственном участии элиты.

Список литературы

1. Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können. Ullstein, 2010.
2. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Verlag: DVA, 2010.
3. Til Schweiger erklärt, warum er selbst keine Flüchtlinge aufnehmen kann. Режим доступа: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/ich-wuerde-ja-aber-til-schweiger-erklaert-warum-er-keine-fluechtlinge-aufnehmen-kann_id_5017912.html.
4. Til Schweiger eröffnet Kita für Flüchtlingskinder. Режим доступа: http://www.ndr.de/nachrichten/niedersachsen/osnabrueck_emsland/Til-Schweiger-eroeffnet-Kita-fuer-Fluechtlingskinder,schweiger314.html
5. UdoUlfkotte Die Asylindustrie... WiePolitiker, Journalisten und Sozialverbände von der Flüchtlingswelle profitieren. Kopp Verlag, 272 p.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

Чистякова Ирина Юрьевна,

*доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общего языкознания и речеведения,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Публичная речь представляет собой одну из самых сильных форм идеологического воздействия. При этом воздействие на разум и чувство осуществляется и с помощью диалектической аргументации, и посредством различного рода манипулятивных приёмов – эристических уловок и софизмов. А вот воздействие на веру возможно лишь благодаря диалектической аргументации, обращений к постулатам, аксиомам, образцам, очевидным истинам и авторитетным источникам.

Рассмотрим некоторые тактики речевого воздействия на реципиента, опираясь на актуальный новейший политический материал.

Тактика обесценивания используется республиканцем Джоном Маккейном в обращении к гражданам России как отклик на знаменитую статью В.В. Путина «Сирийская альтернатива», опубликованную в «Нью-Йорк Таймс» и ряде других западно-европейских изданий. Маккейн употребляет известный софизм, пытаясь опровергнуть оппонента: *«Я – не антророссийский. Я пророссийский, более пророссийский, чем тот режим, который плохо управляет вами сегодня; он не поднимает репутацию России в мире. Он разрушает её»*. Примеры можно продолжить. Российская власть называется режимом. При этом ничего не доказывается. Известно, что Маккейн пытался опубликовать свою статью в российской газете такого же уровня, как «Нью-Йорк Таймс». Но приняла статью лишь Интернет-газета (pravda.ru). Солидных откликов на статью Маккейна не было. А вот статью Путина обсуждали долго и с уважением. Рейтинг нашего президента заметно вырос.

Тактика интерпретации применяется софистом при необходимости выбора выгодной ему позиции, удобного отношения к предмету речи. Классическим примером этого софизма стало известное высказывание А. Шопенгауэра

о бутылке, которую можно назвать наполовину полной, а в другом удобном случае – наполовину пустой. Да, это лишь интерпретация, но можно ли при этом утверждать, что здесь нет никакого искажения картины мира.

При употреблении этой тактики, а точнее – софизма, искажение действительности всё же происходит. Так совпало, что на следующий день после глумления над православными ценностями девиц-тату в Храме Христа Спасителя в Москву прилетела на гастроли М. Матье. Либеральная журналистка А. Глотова уже в аэропорту задаёт вопрос французской певице о её отношении к этому событию. Приведём выдержку из интервью с М. Матье и интерпретацию этого высказывания А. Готовой, после чего она была оштрафована и отстранена от эфира. Вот чем оборачивается слишком вольная и кому-то выгодная интерпретация.

М. Матье

«Мне кажется, они неменяемые, я осуждаю их действия, церковь не место для подобных акций, церковь всегда была и будет местом, куда люди приходят за светом, за очищением души, это святое место, которое надо уважать, тем более русские церкви, в них чувствуются такие горячность и усердие».

А. Глотова

ТВ Центр (сайт канала)

«Я думаю, что эти девушки не совсем отдают себе отчёт в своих действиях. Храм – это не то место, где можно устраивать демонстрации. Выступать с требованиями можно по-другому. Храм – это место благоговейного уединения, уважения. У вас это подобно святотатству, потому что у вас в храмах ощущаешь такую горячую веру. Но, будучи женщиной, артисткой и христианкой, я желаю милосердия».

Тактика «диверсия против личности». Чтобы подорвать доверие к человеку, софист высмеивает, опорочивает оппонента, использует лживые доводы, мнимые доказательства, навешивает ярлыки, порождает разного рода инсинуации. Примеры легко найти, заглянув в последние интервью Порошенко, Яценюка, где Россия, как оказывается, предстаёт источником всех зол и проблем современного мира. Рассуждая о сегодняшней идеологии украинских СМИ, О. Пухнавцев пишет: «Накопленная критическая масса вранья, подтасовок, умолчаний и передёргиваний обернётся для тех, кто так вдохновенно работал на информационном фронте, оглушительным фиаско... Для нас в данном случае важно не столько отметить манипуляции со смыслами, терминологически е игры, а обратить внимание на моральную сторону вопроса – впечатляющее падение нравов» (Олег Пухнавцев «Коллекция мерзостей» // Литературная газета. 25 июня – 1 июля 2014. № 25).

Тенденция эта, как известно, идёт с Запада, с американского континента. Одним из доказательств этого стала недавно вышедшая книга (уже на русском языке) знаменитого американского лингвиста и политолога Ноама Хомского «Будет так, как скажем мы!». Авторитетный западный интеллектуал не согласен с тем, что США руководствуются двойными стандартами. Слова, вынесенные в заглавие книги, – это ничто иное, как горделивая фраза, произнесённая Джорджем Бушем старшим во время войны в Персидском заливе. Автор разоблачает действия американских лидеров, нарушивших своё обещание не расширять систему ПРО на восток, к российским границам.

Тактика «навязанное следствие» – известный софизм и излюбленный приём Б. Обамы. Так, после возвращения из Санкт-Петербурга, после Саммита Большой двадцатки, где В. Путин убедил видных политиков и общественность в невозможности военных действий против Сирии, Б. Обама 10 сентября 2013 г. в интервью в Нью-Йорке заявил: *«Многие американцы боятся Сирии. Моя супруга Мишель боится. Мы должны защитить свою страну от Сирии»*. Стоит задуматься, насколько созвучна подобная ситуация с навязанным следствием историческому факту, когда Гитлер в сентябре 1938 г. вошёл в Прагу и произнёс с трибуны: *«Мы пришли сюда, чтобы защитить Германию от Чехии»*. Но Чехия на Германию не нападала, подобно тому, Сирия не собиралась нападать на Америку.

Тактика «лживые, произвольные доводы, мнимые доказательства». В разъяснении этой тактики сошлёмся на рассуждение современного публициста А. Макарова, который был удивлён заявлению одного из экономистов о том, что русские якобы не умеют дружить. Как можно опровергнуть этот софизм? *«Знаменитая фраза того же Голя мгновенно пришла на ум, что нигде “товарищей”, как в Русской земле, не было...»*

Менее пафосный современный автор, Сергей Довлатов, меланхолично заметил, что американское понятие *friend* соответствует, скорее всего, русскому «добрый знакомый», а о дружбе в русском понимании за океаном вообще не имеют представления... И вообще кто-то из английских лордов, чей авторитет у нашего историка, не сомневаюсь, велик, выразился в том смысле, что в Британии нет друзей, а есть лишь интересы... Дело истории не пугать и не разоблачать, а изучать и понимать» (Макаров А. История жизни // Литературная газета. 14–20 ноября 2012. № 45). Подобный пример является диалектическим опровержением тактики «лживые доводы».

Произвольные доводы использует и Д. Кэрри, обвинявший 5 сентября 2013 г. Россию в поставке химического оружия Асаду, в Сирию, и Б. Обама в это же время в ответ на обвинения в сторону Америки в использовании беспилотников «Дронов», управляемых из Пентагона, и других военных преступлений заявлял: *«Сейчас принимаются решения, которые предопределяют будущее Америки надолго вперёд»*.

Тактика непоследовательности. Этот софизм Б. Обама использует в ответной речи при получении Нобелевской премии мира в 2009 г.: *«Должен заметить, что мир несовершенен. Бывают такие ситуации, когда агрессия, принятие решений о нападении на какую-то страну просто необходимы»*.

Апопланезис часто использует в своих публичных высказываниях А. Меркель. Это известный софизм, описанный ещё в античных риториках (в переводе с греческого значит «отступление») и трактуемый как обещание слу-

шателям перейти к определённой теме или ответить на поставленный вопрос позже, а вместо этого фактический уход, уклонение от ответа.

Апория как термин античной философии в переводе с греческого означает безвыходное положение, неразрешимая трудность. Как приём философского рассуждения апория использовалась в высказываниях Сократа, Зенона Элейского, в его знаменитом повествовании об Ахиллесе, который пытался догнать черепаху.

По нашему убеждению, такой апорией, непреодолимой преградой является для американцев проблема завоевания России; с одной стороны, её богатейших недр и пространств, выхода ко всем морям, а с другой, – навязывание своих ценностей, борьба с православием и «русской душой».

В далёкие средние века это были западные рыцари, готовые пойти на Русь, уничтожить её духовно, обезличить. Ответ на вопрос, почему у них это не вышло, можно найти в Евразийском учении Н.С. Трубецкого. Этот замысел продолжает реализовывать себя во все времена. Пока безуспешно.

Подобно мудрой черепахе, которая успевает проползти (учёными доказано, что это великое заблуждение, что черепаха передвигается, якобы, медленно) и попасть на следующий отрезок пути в отличие от Ахиллеса, президент Путин всегда опережает действия американцев и оказывается на шаг, а то и на три шага впереди. Это признают все западные партнёры России: России не страшна никакая изоляция; Россия резко смесала карты в игре с Западом, поступив не так, как от неё ожидали. Наши западные партнёры основываются в своих высказываниях на заведомо ложных тезисах, логических ухищрениях, искажающих действительность. Манипулятивное воздействие заметно в публичных речах американского президента. Напротив, Путин на пресс-конференциях преследует цели, обеспечивающие выгодное положение России в современном мире, но с ориентацией на дипломатические нормы и законы международного права. Он информирует, убеждает, воодушевляет и побуждает к действию. Его публичные высказывания – это единое пространство с эмоциональным переживанием прошлого, настоящего и будущего, с соучастием и сотворчеством риторика и его аудитории. В. В. Путин – риторический идеал XXI в. Он зачаровывает, околдовывает и держит большую аудиторию в своей власти по несколько часов. При этом надо признать, что аудитория эта неоднородна: в ней есть и единомышленники президента, и оппозиционеры, большую часть которых представляют современные неолiberaлы – интеллигенция радикально-прозападной ориентации, которую А. Зиньков предлагал называть не интеллигенцией, а «идеологенцией», так называемой «пятой колонной». Сегодня это «Эхо Москвы», TV канал «Дождь», «Гоголь-центр» и прочие либеральные ведомства, которые открыто занимаются разного рода интерпретациями и фальсификациями.

Позицию Путина принимают не под давлением, а добровольно. Он выходит к аудитории открытый для общения, с мягкой приветливой улыбкой. В его высказываниях всегда присутствует новизна. Как в информации, так и в её оценке, комментарии. Он порождает удачные высказывания, доставляющие удовольствие слушателям. Он выстраивает перспективу решения сложных проблем.

Именно Путина уверенно можно назвать самым фасцинальным ритором нашей эпохи. К примеру, в XIX в. самым фасцинальным ритором считали Артура Шопенгауэра, а самым нефасцинальным – Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. По разным свидетельствам, он читал лекции очень скучно. К концу лекции в аудитории оставался один студент, да и то это был Кант. В каждую историческую эпоху формируется свой идеал говорящей личности. В риторике он назван риторическим идеалом. Во времена античности им был судебный и политический ритор, в средние века – проповедник и воин, в эпоху Возрождения – писатель, учёный, художник Просвещения – мастер слова. XX век представлен риториками поэтами, политиками, учёными, далеко не всегда порождающими своими выступлениями новизну мысли и стиля. Чтобы понять ту или иную эпоху, необходимо исследовать риторика этого времени, его стиль. Политический лидер выступает дольше и чаще других по времени и предлагает обществу обсуждение новых проблем, заявляя о своём видении их и порождая новизну мысли и стиля (сравни: учение А.К. Михальской о лидере «харизматического» типа). На наш взгляд, В.В. Путин соответствует этому образцу.

Одной из самых трудных тактик, которой часто пользуется Путин, является **антистрекфон** – умелое истолкование аргументов противника в свою пользу. Так, на пресс-конференции в Германии Россию стали упрекать в развитии атомной энергетики. Путин ответил: *«Я не понимаю, чем вы будете топить... Атомная энергетика вам не нравится, газ не хотите. Дровами будете топить? (Хохот в зале). Но за дровами тоже в Сибирь надо ехать»* 2013. Журналисты обыгрывают антистрекфон в следующем примере: *«Баскетболист Обама слишком замешкался с мячом. И дзюдоист Путин применил против него так любимый в этой борьбе приём: обернул силу броска противника против него самого»* (Новостной портал «Свобода», 13 сентября 2013 г.). Когда в ноябре 2013 г. на одной из пресс-конференций Путину задают вопрос, согласен ли он с тем, что Кремль оказывает на Киев давление и даже шантажирует в вопросе выбора между таможенным Союзом и Евросоюзом, наш президент отвечает: *«Я понимаю разочарование европейских партнёров в вопросе отказа Украины от Евросоюза. Кто на кого оказывает давление, об этом надо спросить американцев. Вот это и есть давление и шантаж»* (23 сентября 2013 г.).

Тактика стимулирования игры воображения позволяет обращаться к вполне убедительным аналогиям. Так, на Форуме в Санкт-Петербурге, на вопрос о позиции Киева к Газпрому Путин отвечает: *«Киев не хочет платить за газ. А зачем платить? Солнце же встаёт каждое утро на Востоке. И за это не надо платить»* (Санкт-Петербург, 23 мая 2014 г.).

Как риторический факт необходимо отметить виртуозное владение Путиным антитезой, без которой не состоится ни одно из его выступлений. Иногда антитеза как показатель стиля политика очень умело вводится с помощью каскада риторических вопросов: *«Но что же происходит в это же самое время? Думаю, очевидно, – процесс на-*

товского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот – это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить – против кого это расширение? И что стало с теми заявлениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит. Но я позволю себе напомнить в этой аудитории, что было сказано. Хотел бы привести цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: «Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности». Где эти гарантии?» (Мюнхен, 2007 г.).

Наряду с общеизвестными метафорами («политические рычаги», «красный свет», «пучина конфликтов», «международный ландшафт», «европейская семья») в Мюнхенской речи звучат метафоры индивидуально-авторские («неразорвавшиеся снаряды», «генератор человеческих трагедий», «архитектура глобальной безопасности»). Метафора обладает силой риторического воздействия и используется как аргумент. По справедливому замечанию А. К. Михальской, «именно метафора определяет эстетику и поэтику политики. А политика без поэтики не состоятельна. Пропаганда должна в точности соответствовать внутренней жизни людей, которые ей занимаются; в противном случае она не достигнет цели» (Михальская, 2005, с. 126).

Все публичные выступления президента заканчиваются призывом к сотрудничеству и партнёрству. Мюнхенская речь (2006 г.) и речь, произнесённая в Бундестаге (2001 г.) представляют собой стилистический образец президентской риторики, где новизна мысли передается оригинальным стилем. И та, и другая речь оказались историческими, эпохальными: все предсказания ратора сбылись.

Умение объединить аудиторию и увлечь слушателей своими идеями порождается системой тактик выступлений Путина (тактика привлечения внимания; тактика приглашения к совместной деятельности; тактика уточнения; тактика формирования общего познавательного пространства; тактика осуждения; тактика упрека; тактика возражения; тактика убеждения). Одни и те же тактики и стратегии политические риторы применяют по-разному, ибо речь каждого из них имеет свой замысел и свое стилистическое воплощение.

Путин пришел к власти и утверждался как политический оратор в напряженный исторический момент эпохи. Предшествующему ратору это не удалось в силу многих объективных и субъективных причин. Безусловно, Путин имеет хорошо подготовленных спичрайтеров и произносит профессионально написанные ими речи. Однако, во-первых, его исполнение этих речей состоится на должном риторическом уровне, во-вторых, он часто и умело импровизирует, и заученной неискренностью это никак не назовешь. Следует признать. Что его предшественник не сумел бы даже прочитать эти тексты. Для убедительности легко сравнить новогоднее поздравление Ельцина 1999 года с новогодним поздравлением Путина 2000 г. Примитивный, стандартный синтаксис первого текста строится на коротких, простых, нераспространенных предложениях: «Я принял решение. Я хочу попросить у вас прощение. Я ухожу. Я сделал все, что мог».

Новогоднее телеобращение президента Путина в 2000 г. было другим по лексическому богатству, по художественной стилистике с представлением метафоры, синонимов и других средств образности. Оно предлагало новизну мысли и стиля. Это был другой стиль жизни в целом. Известно, что впервые свой народ с новым 1971 годом поздравил Брежнев, но этот факт не перешел в традицию в связи с нездоровьем и плохой дикцией генсека. Эксперименты Горбачева тоже не привели к успеху. Как справедливо пишет А.К. Михальская, «начиная с периода властвования Н.С. Хрущева, а затем и на протяжении правления Л.И. Брежнева речь власти приобретает в нашей стране явные диалектные южнорусские черты. Южнорусский диалект (носителями которого были и ключевые фигуры, и их окружение, пришедшее с ними в Москву, – многочисленные выходцы из южных областей России) продержался «у власти» вплоть до исчезновения с политической арены М.Горбачева» (Михальская, 1996, с. 91). После этого Россия услышала примитивный ораторский стиль Ельцина, произносившего речи с «бумажной» подсказки или с бегущей строки, забавный стиль Черномырдина, веселившего много лет своими публичными высказываниями Россию и Украину. Необходим был образец хорошей речи.

Что же отличает публичные выступления Путина от выступлений других известных политиков? Тактика единения, подчеркивание общности интересов и ценностных ориентаций оратора и слушателей порождает обилие риторических и адресных вопросов; частые лексические повторы, фигуры, построенные на повторах (анафора, геминия и др.) свидетельствующие о смысловой важности рассуждения и интонационно-логических акцентах речи; параллелизм, позволяющий выйти на динамичное сопоставление явлений современной действительности; асиндетон, с характерной для него быстрой сменой событий и стремительным движением вперед с учетом исторической перспективы; антитеза в сочетании с метафорой, передающей идеологию текста и обладающей «силой риторического воздействия». Политический дискурс Путина порождает образный и риторически совершенный стиль, с органично и уместно включенными в него тропами и фигурами.

Состязательность как отстаивание первенства, приоритета становится доминирующей риторической стратегией в политической риторике наших дней. Стоит согласиться, что и в древней Греции царил принцип агонистики, состязательности во всем: в бою, в спортивной борьбе, в Олимпийских играх, в судебном процессе, в быту, «все, что только можно было, пронизывает дух агонистики: все полно состязания, от самого низменного и шутиwego состязания в скорости выпивания кружки до самого серьезного и возвышенного состязания в красоте созданных поэм и рожденных детей» Ф.Ф. Зелинский (цит. по: Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи, 2002, с. 4).

Учение А.К. Михальской о русском риторическом идеале утверждает иные принципы политического дискурса: диалогичность по содержанию, гармонизирующий характер речи с отличительными чертами русского философствования, положительная антологичность с поиском истины ради общественного блага (Михальская, 1996, с. 176–185). Хотелось бы особо указать на то, что русский риторический идеал как концепция основывается на философской теории «русской идеи». Русский риторический идеал рожден благоустраивающей силой природы и призван найти истину и изменить мир к лучшему. Русский ритор должен говорить о том, что его волнует, ради того, что любит и во что верит.

Каким же целям служат публичные высказывания американских и иных европейских раторов? Завоеванию власти, исключению «слабого» из «диалога сильных», обладанию истины путем манипулирования аудиторией (Михальская, 1996, с. 77). Русский и американский риторические идеалы разнятся. Это обусловливается тем, что англоязычная речевая культура сложилась под воздействием латинского языка – языка права и прагматических установок и ценностей. Все проблемы, в том числе бытовые, решались и решаются только в суде. Русская речевая культура по сути и происхождению иная: в ней все решается поиском истины, правды, справедливого решения. Наша языковая основа – старославянский язык, язык православной церкви, где самым важным оказывается слово, диалог, беседа. Однако и в российском политическом пространстве много раторов софистического толка. Тактика обесценивания, относящаяся к софизмам. Станкевич: «Путин отработал свое. Дайте нам власть. И мы покажем, как надо жить» («Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», 1 марта 2015 г.).

Тактика сравнения. Жириновский: «Кому власть? Не у вас ли она была в начале девяностых, когда вы были в команде Ельцина? А что вы сделали со страной? Вы, Станкевич, вместе с Чубайсом, Гайдаром и Немцовым все распродали, разграбили, разворовали... А Путин пытается разрушенное вами восстановить» («Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», 1 марта 2015 г.).

Тактика уточнения как эристический аргумент. С. Железняк: «Дело не в том, что одни демократы, а другие либералы. Дело не в неумении договариваться, а в том, что одни патриоты, защищающие интересы страны, а другие настроены на разрушение страны» («Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», 1 марта 2015 г.).

Тактика выведения. В. Соловьев: «Прошло 20 лет со дня смерти В. Листьева. Убийцы не найдены до сих пор, потому что они стояли у гроба» («Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», 1 марта 2015 г.). И могут ли убедить нас слова Чубайса о погибшем накануне Немцове: «Это абсолютно честный и неподкупный человек».

Тактика сравнения. В. Путин (о чемпионате по футболу в Париже): «Я не понимаю, как 200 российских болельщиков смогли отметить 2000 англичан» (С.-Петербург, 17 июня 2016 г.).

Стоит задуматься, всегда ли тактика снятия напряженности, завоевывания расположения слушателей является намеренной, заранее продуманной с целью воздействия на аудиторию? Один ритор, употребляя частые обращения, лексику, содержащую положительную оценочность (патриотизм, прогресс, свобода, отечество, подлинно народный и др.), шутку, комплименты, создает видимость соучастия и сотворчества, а другой делает это искренне, неподдельно. Утвердить правоту собственной позиции можно по-разному. И здесь принципиально важным оказывается подход: верит ли сам ритор в то, что говорит слушателям или своему оппоненту. Сошлемся на одно из высказываний Демосфена. «Да и может ли тот, кто обращается к народу, совершать преступление гнуснее этого – говорить одно, а думать другое» (Демосфен. Речи: в 3 т.).

Политический дискурс должен быть высоконравственным, иначе риторика превращается в софистику. Во все времена риторам диалектикам приходилось вступать в политическое единоборство с оппонентами софистического толка. Такой была борьба Сократа с Исократом и его сторонниками, Демосфена с царем Филиппом и промакедонской партией в Афинах, М.Т. Цицерона с Марком Антонием, и так из эпохи в эпоху. Полагаем, оппонентов Путина не счесть. Все они русофобски настроенные софисты. В основании его политической позиции лежит известный этический кодекс человека-гражданина, человека-патриота. Критерий оценки людей и оценки событий в выступлениях В. Путина соотносится с интересами России. «Для нас ШОС – это не шахматная доска для геополитических игр. Это наш родной дом» (Путин, 10 июля 2015 г.).

«Никому и никогда не удастся перекодировать Россию, оторвать нас от наших истоков» (Кремль. Вручение наград, 12 июня 2015 г.). «Здесь, в Севастополе, вся жизнь российской истории» (Фильм А. Кондрашова «Крым. Путь на родину»). Сравните с высказыванием Войслава Шешеля, бывшего премьер-министра Сербии: «Наше спасение в вере в Россию и Бога» (16 ноября 2014 г.). Политический дискурс Путина отражает мировоззрение патриотически настроенных слоев общества, приверженцев Русского Мира. Тактика «приглашение к совместному действию» наиболее частотна в выступлениях Путина (взаимное доверие, наш совместный успех, мы открыты для сотрудничества). Путин: «НАТО с удовольствием бы воевало с Россией до последнего финского солдата. Вам это надо? Мы доброе финской независимостью» (Финляндия, 1 июля 2016 г.). Позицию Путина принимают не под давлением, а добровольно. Он выходит к аудитории открытый для общения, с мягкой приветливой улыбкой. В его высказываниях всегда присутствует новизна. Как в информации, так и в её оценке, комментарии. Он порождает удачные высказывания, доставляющие удовольствие слушателям. Он выстраивает перспективу решения сложных проблем. Высказывания Путина отличает новизна мысли и фактов, обилие неожиданных поворотов мысли. Стратегии состязательности, так свойственной заказной политической риторике, Путин противопоставляет стратегию сотрудничества. Его высказывания это не только диалог с видимой аудиторией, но и диалог с Европой: Путина смотрит и слушает весь современный мир.

Список литературы

1. Демосфен. Речи: в 3 т. / под ред. Е.С. Голубцовой, М.П. Маринович, Э.Л. Фролова. М., 1994.
2. Кирпичев В. Путин против либерального болота. Как сохранить Россию. М.: Книжный мир, 2014. 320 с.
3. Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла. М.: Алгоритм, 2014. 208 с.
4. Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. М.: МГУ, 2002. 208 с.
5. Макаров А. История жизни // Литературная газета. 14–20 ноября 2012. № 45.
6. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Academia, 1996. 192 с.
7. Михальская А.К. Метафора в современной политической речи // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2005. № 4. С. 113–127.
8. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Academia, 1996. 192 с.
9. Пухнавцев О. Коллекция мерзостей // Литературная газета. 25 июня – 1 июля 2014. № 25.
10. Хомский Ноам. Будет так, как скажем мы! М.: Азбука – Аттикус, 2013. 256 с.
11. Чистякова И.Ю. Русская политическая ораторика. Этос ратора. Germany: Lap Lambert, 2012.
12. Чистякова И.Ю. Фасцинация как стратегия публичного политического выступления // Речевая структура русского общества: проблемы риторики, поэтики и стилистики / под ред. И.Ю. Чистяковой; сост.: И.Ю. Чистякова, Е.Н. Бадалова. Астрахань: Астраханский ун-т, 2015. С. 7–17.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В СМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Мироненко Наталия Анатольевна,

*магистрант кафедры политологии и международных отношений,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Имидж политического лидера понятие достаточно новое и актуальное, имеющие междисциплинарное значение для политической науки. Однозначного понимания феномена политического имиджа на сегодняшний момент достаточно сложно определить. Однако самым мощным и эффективным каналом распространения политического контента являются средства массовой коммуникации. Во многом именно для СМИ создается имидж политического лидера, который имеет либо положительное, либо отрицательное воздействие на избирателей. В современном мире понятие имиджа политического лидера играет ключевую роль в формировании образа политика перед общественной ареной. Само же понятие «имидж» находится на стыке исследований в области психологии, социологии и политологии, в рамках которых изучаются специфические особенности и аспекты имиджа.

Если рассматривать дефиницию имиджа (образа) в рамках психологического подхода, то он определяется как «сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо... Это совокупность личностных характеристик индивида, нашедших своё отражение в восприятии окружающих...» [6, с. 324]. Однако данное определение образа с точки зрения прикладной политологии не являются исчерпывающими. Это во многом обусловлено разницей понятий «образ» и «имидж» политического лидера. Несмотря на то, что именно «образ» как понятие был предпосылкой для трансформации его в понятие «имидж», последнее имеет несколько иное значение и большее по объему. Основное различие заключается в том, что «образ» представляется как уже полученный, отрефлексируемый стереотип через призму эмоционального и чувственного, тем самым указывается односторонняя направленность психологического воздействия «образа», или так называемая односторонняя коммуникация [2, с. 228]. На наш взгляд, заслуживает внимания следующее определение: «политический имидж – свойства и качества субъекта общественно-политического пространства, привлекательные для общественности, которые позволяют ему решить конкретную политическую задачу (победить на выборах, повысить легитимность власти и т.п.)» [1, с. 371].

Значимую роль в формировании имиджа политического лидера играют средства массовой информации. Стоит отметить, что на сегодня СМИ являются одним из самых активных и мощных каналов осуществления политической коммуникации между властью и обществом. Средства массовой коммуникации в политической сфере служат для сбора, распространения контента, формирования общественного мнения и легитимности политических структур, а также являются источником стабильности и нестабильности общества. Совершенствование средств массовой информации и методов изучения общественного мнения, целенаправленного воздействия на него, позволили сознательно формировать и корректировать имидж политического лидера в соответствии со стоящими перед ним задачами, целями и мнением аудитории.

Проблема формирования личности лидера всегда занимала центральное место в анализе политики любого государства. Среди политиков, которые самостоятельно работали над своим имиджем можно назвать Наполеона. Историк Е.В. Тарле отмечает, что из всех записей разговоров Наполеона, можно извлечь очень много для истории так называемой «наполеоновской легенды», но очень мало ценных и убедительных материалов для характеристики самого Наполеона [7]. Таким образом, французский император латентно создавал свой благоприятный модус, признавая отдельные очевидные ошибки и преподнося свои военные заслуги на всеобщее обозрение. Отечественные исследователи утверждают, что любой политический процесс во многом определяется личностными его состав-

ляющими. Поэтому, особенно интересно и актуально рассмотреть и проанализировать формирование имиджа политического лидера в условиях политической культуры современной России.

Технический прогресс средств массовой информации позволил создавать информационный контент на новых мультимедийных платформах. С развитием радио, телевидения, компьютерной техники и Интернета работа по созданию имиджа политика стала важной составляющей, которой занимается профессиональная пиар-группа. Если Наполеон создавал свой образ для потомков, то сегодня имидж политика создается в считанные дни для решения конкретных задач: победа в округе, в регионе, в масштабах страны. Политическая жизнь сегодня очень быстротечна, политические лидеры национального масштаба практически ежедневно становятся главными героями новостных материалов.

Создание положительного имиджа политического лидера зависит от требований и установок настоящих и будущих последователей, а также в умении показать, что данный политический деятель сможет в полной мере отвечать потребностям потенциальных избирателей. Самым популярным и действенным способом для приобретения доверия публики является стратегия «я свой», где позиционируются «народные корни» кандидата. Помимо этого, политический деятель публично заявляет о том, что его волнуют те же проблемы, что и всех граждан страны и особенно проблемы его непосредственных потенциальных избирателей, проживающих в том округе, в котором он баллотируется.

Разработка образа политического лидера должна учитываться в соответствии с некоторыми особенностями «местности». Во-первых, нужно учитывать экономическую ситуацию региона, уровень образования населения и особенности политической культуры субъекта. Во-вторых, необходимо учитывать временные особенности. Каждая историческая эпоха диктует свои ценности и критерии в построении и использовании успешного имиджа политика. Также для продуктивной работы с избирателями лидер должен быть постоянно в центре внимания СМИ. Анализируя работу отечественных политиков можно наглядно убедиться в соблюдении данных критериев. Например, во время избирательной «гонки» кандидатов в любой орган политической структуры, где требуются голоса избирателей, можно отметить следующие действия: в СМИ публикуется или транслируется биография кандидата, где обязательно должно будет упомянуто его «народное» происхождение. В реалиях современной политической борьбы успешный кандидат должен иметь как минимум два высших образования, спортивные достижения, быть порядочным семьянином, активным общественным деятелем, а также добрым и честным человеком и законопослушным гражданином. Такого, уже наполовину успешного кандидата, «помещают» в массмедийную культурную среду, где у избирателей целенаправленно формируется позитивное и доверительное отношение к политике.

Важно учитывать еще и тот факт, что любой избиратель отождествляет себя с лидером и предпочитает отдать свой голос за того, кто соответствует его представлениям о «своем» кандидате. Однако стоит помнить, что необходимо «угодить» если уж не всем гражданам (это практически невозможно), то хотя бы их подавляющему большинству. Именно поэтому, для победы на выборах лидер должен быть уверен в поддержке самых различных групп населения. Исследователь А.М. Цуладзе в своей научной работе «Формирование имиджа политического лидера в условиях становления новой политической системы в России» приводит пример положительной и продуктивной работы штаба первого президента России Б.Н. Ельцина во время второй избирательной кампании: «Противостояние Б. Ельцина и Г. Зюганова на выборах в 1996 г. показало, что тактика штаба Президента, сформулировавшего лозунг «Ельцин – Президент всех россиян», оказалась продуктивнее тактики штаба Г. Зюганова, опиравшегося лишь на свой традиционный электорат» [8].

Имидж лидера создается и формируется как под влиянием СМИ и различных агитационных программ, так и под воздействием социально-экономических факторов жизни общества. В переломные моменты государства, во времена экономических и политических кризисов на политической арене появляется огромное количество новых лидеров, которые выражают стремление и желание общества. В такие моменты стать «героем» политической трибуны возможно достаточно быстро. Необходимо: либо придерживаться идей действующего правительства и предлагать новые действенные предложения, либо создать радикальное направление, идеи которого поддержит большая часть общества. В период «спокойствия и процветания» сложнее позиционировать новым кандидатом свои идеи и возможности на политической арене.

В условиях демократического строя общества политическая борьба лидеров вынесена на публичное обозрение, поэтому политическая культура России основывается на открытости и доступности информации и деятельности политиков, партий, общественных движений и т.п. Такой «открытый» подход заставляет политических деятелей бороться за голоса избирателей и как можно активнее и эффективнее отстаивать их требования. Стоит отметить, что одним из действенных способов средств массовой коммуникации по формированию и стабилизации в сознании избирателей положительного образа политического лидера является телевидение. С помощью правильно подобранной «картинки» на экране, возможно, завоевать доверие аудитории к кандидату. Например, одним из первых «телевизионных» политиков является В.В. Жириновский. Трудно не согласиться, что практически каждый гражданин РФ знает Владимира Вольфовича. Его яркие выступления, и не только на политической трибуне, неоднозначные действия, стиль во внешнем имидже – все это достаточно эффективно работает на имидж политика в целом. Можно сделать вывод, что контроль над СМИ и, в особенности, над телевидением дает кандидату бесспорные преимущества в борьбе за голоса избирателей. Имидж лидера может быть создан за достаточно короткое время при условии массовой обработки общественного мнения и присутствия яркой фигуры, личности [8].

Средства массовой информации пользуются огромным преимуществом в воздействии на сознание населения и играют очень большую роль в создании или разрушении имиджа политика. Деятельность политиков становится известной в общероссийском или региональном масштабе, когда ее освещают средства массовой коммуникации. Эта особен-

ность радикально изменила способ ведения избирательных кампаний, позволила значительно повысить в них роль манипулятивных методов. Именно поэтому обострились проблемы, связанные с контролем, качеством и распространением контента, поступающего в СМИ. К сожалению, в условиях современной России, СМИ по-прежнему рассматриваются как средство манипуляций общественным мнением и мощным инструментом в борьбе за власть.

Создание имиджа политического лидера определено не только личностными качествами, особенностями национальной психологии и социально-экономическим положением избирателей, политической культурой страны, о чем было упомянуто выше. Важную роль в выдвижении или падении лидеров играет цикличность политического процесса. Если рассматривать имидж как набор конкретных свойств, которыми обладает или должен обладать его носитель, то на исторических примерах можно без труда проследить как в социуме, на разных стадиях своего развития, представлялся оптимальный лидер.

Современная демократическая Россия является наследницей двух политических традиций: царской и коммунистической. В 90-х гг. XX в. существовали прогнозы об отмене выборов путем народного голосования, т.к. не приспособится данная система, где раньше у социума либо не было права голоса, либо не было возможности выбора. Однако на данный момент с полной уверенностью можно заявить, что система народного голосования не просто «прижилась» в России, но активно внедрилась в сознание граждан.

Одна из особенностей русского народа – коммуникабельность и восприимчивость к другим культурам и условиям жизни. Именно эта черта позволила объединить в границах России достаточно большое количество различных этнических групп. В условиях многонациональности и слияния различных культур, очень важно учитывать эти факторы при создании имиджа политического лидера. Решение насущных проблем граждане совершенно разных национальных групп, прежде всего, связывают с государством, а задача политиков решать эти проблемы и задачи в верном направлении и в кратчайшие сроки.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: работа над имиджем политического лидера должна проводиться целенаправленно и постоянно, иначе модус политика перестанет существовать; социально-экономические условия и политическая культура государства являются теми сферами социума, в которых формируется желаемый имидж конкретного политика; именно поэтому при создании образа лидера очень важно учитывать эти факторы для создания благоприятной и доверительной обстановки во время общения с избирателями.

С помощью СМИ можно возвысить рейтинг политика, демонстрируя его активную работу, «народные корни» и т.п., но если эти факты не будут соответствовать действительности, то манипулирование информацией спровоцирует и вызовет стремительное недоверие общества (электората), что приведет к сильному повреждению модуса политика. Не стоит забывать, что психологическое воздействие на общество имеет мощное, но кратковременное действие, а средства массовой информации не всегда поддерживают позитивный имидж лидера, если его действия не несут «добра» и «позитива», если его обещания не выполняются, если в его деятельности налицо явное расхождение между словом и делом.

Список литературы

1. Бондарева Л.В. Политический имидж // Элитология / под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
2. Загайнов А.В. Понятие имиджа политического лидера: сущность и подходы к определению // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149, кн. 3. С. 227–240.
3. Кузнецова Н.А. Эффективность использования современных коммуникативных технологий в политической жизни общества // Власть. 2011. № 5. С. 39.
4. Кузьмина С.В. Роль СМИ в формировании имиджа политического деятеля. 2012. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-formirovanii-imidzha-politicheskogo-deyatelya>
5. Отц Е.В. Имидж политического лидера и социально-психологические особенности его влияния на отношения электората. М.: ПроСофт-М, 2005. 163 с.
6. Психология / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
7. Тарле Е.В. Наполеон. Режим доступа: <http://www.razlib.ru/istorija/napoleon/p17.php>
8. Цуладзе А.М. Формирование имиджа политического лидера в условиях становления новой политической системы в России. 1997. Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/formirovanie-imidzha-politicheskogo-lidera-v-usloviyakh-stanovleniya-novoi-politicheskoi-sis>

ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД В ВОПРОСАХ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ ЛИДЕРОВ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Пастухова Лариса Сергеевна,

*кандидат политических наук, доцент,
заведующая кафедрой социального проектирования,
Московский политехнический университет, г. Москва*

Следует отметить, что содержательное вовлечение молодого человека через проектную деятельность в развитие территории, решение конкретных задач отдельной компании или НКО – зачастую могут создать для него как первое рабочее место, так и сформировать необходимые компетенции в области коммуникации и лидерства, навы-

ки работы в команде – которые помогают и влияют на дальнейшее развитие. Четырнадцатилетний опыт проведения Всероссийского конкурса молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия» (далее – Конкурс) фактически предлагает апробированные практики организации социального проектирования детей и молодежи в средней школе, системе СПО и в образовательных организациях высшего образования, ее методические основы [1].

Идея Конкурса – в привлечении потенциала молодежи к решению острых вопросов социально-экономического развития российских регионов, городов и сел. В проекте есть три ключевые составляющие: гражданско-патриотическая, кадровая и образовательная:

Гражданско-патриотическая – в самом названии – «Моя страна – моя Россия», которое призывает молодого человека быть ответственным, участвовать в развитии своего города, села, региона, своей страны – России; подчеркивает сопричастность каждого к формированию образа будущего родной страны.

Кадровая: для многих участников проект стал стартовой ступенью в построении профессиональной карьеры и личностном развитии.

Образовательная составляющая содержится в подходах, в методологии конкурсных и образовательных мероприятий проекта. Их особенность – в ориентировании молодого человека на возможность практической реализации его проектных задумок в конкретном населенном пункте.

Одним из ключевых аспектов успешности Конкурса является его практикоориентированность (что проявляется в системе критериев оценки конкурсных работ, методологии образовательных мероприятий). В регионах, в образовательных организациях разного уровня сформировались своего рода «точки роста», которые применяют инструмент Конкурса для организации содержательной проектной работы в части междисциплинарной работы со школьниками, дипломного студенческого проектирования, ориентированного на конкретные производственные задачи и задачи территориального развития.

Экспертами Конкурса было проведено исследование, в рамках которого проанализированы практические результаты реализации проектов детей и молодежи, профессиональные и карьерные траектории участников и победителей Конкурса. В исследовании приняли участие более пятисот участников очных этапов конкурса (2005–2015 гг.), из которых более трети являются победителями.

В рамках результатов проведенного исследования, можно отметить, что ключевыми факторами реализации проектов детей и молодежи являются сфера, к которой относится проект, и тип населенного пункта, в котором проживает конкурсант. Больше всего шансов на воплощение и устойчивый интерес самого участника имеют проекты, относящиеся к сфере образования и молодежной политики, которые предполагается реализовывать в селах и малых городах. Кроме того, большая роль и значение в практической реализации проектных задумок могут быть отданы личной харизме / инициативе автора.

Исследование показало, что чем взрослее участник финального этапа Конкурса, тем выше вероятность того, что его проект будет реализован. Но принципиальная граница пролегает не между школьниками и студентами, а между обучающимися и теми, кто уже приобрел профессиональный, самостоятельный статус к моменту участия в Конкурсе.

Тематическая группировка проектов показала, что степень их реализации зависит от аудитории, на которую эти проекты направлены. Высокий процент реализации у проектов, нацеленных на подростковую (или младше) аудиторию. С наибольшими трудностями сталкиваются проекты, содержащие комплексные предложения по социально-экономическому развитию российских территорий, ориентированные на участие органов власти.

Анализ работы региональных организационных комитетов Конкурса, а также экспертный опрос наставников конкурсантов показывает, что практическая реализация конкурсных задумок авторов также зависит от эффективности подходов образовательных организаций к вопросам организации проектной деятельности с обучающимися; к работе с непосредственными заказчиками (муниципалитет, предприятия).

Список литературы

1. Всероссийский конкурс молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия». М., 2015. 196 с.
2. Информационно-аналитические материалы по итогам мониторинга базы данных авторов Всероссийского конкурса молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия» за 2005–2014 гг. М., 2015. 46 с.

КОГНИТИВНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА» В ФОРМИРОВАНИИ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ

Кайгородов Борис Владиславович,

*доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Большое внимание в процессе подготовки студентов в вузе уделяется формированию лидерских качеств личности будущего специалиста. К таким качествам можно отнести системное и критическое мышление, видение «завтрашнего дня» и перспектив развития проекта. Формирование критического и системного мышления у студентов осуществляется в рамках написания бакалаврской работы и/или магистерской диссертации. Выполняя исследовательскую работу молодой человек учится анализировать, обобщать, выдвигать гипотезы, определять методы их подтверждения, формулировать выводы, делать прогноз о перспективах развития исследования. Это стимулирует системное мышление. Видеть все в целостности и иерархичности, т.е. системно, определять значимость и существенность каждого элемента в системе, как носителя характеристик этой системы. Такая способность является основной компетентностью современного лидера.

Успех студента при выполнении выпускной квалификационной работы во многом будет определяться уровнем понимания им научного текста. Понимание научного текста связано с постижением смысла содержания текста. Смысл текста формируется в соответствии с объемом лингвистических, научных знаний студента, его опыта [1]. Следовательно, чем больше знаний и опыта работы с научными источниками, тем легче и глубже он понимает научные тексты. Один специалист в области когнитивных наук отметила, «чтобы человеку понять когнитивную психологию ему надо прочитать более 100 книг из области когнитивных наук. Только тогда с этим человеком можно разговаривать».

Широкие знания, эрудиция и критичность позволяют студенту, во-первых, эффективно осуществлять поиск научной литературы, ее анализировать в контексте темы исследования, во-вторых, выделять понятия, заложенные в теме, системно и критически относиться к интерпретации всевозможных связей, которые прослеживаются между понятиями, отраженными в теме исследования. Множество связей между понятиями и сами понятия образуют ключевые слова, которые и будут определять категориальный строй этой выпускной квалификационной работы. Ключевые слова (КС) - это слова и словосочетания, кратко и обобщенно представляющих суть текста и отражающих отрасль научного знания, к которой относится работа [4]. Интерес вызывает определение КС Москвитиной Т.Н. Ключевое слово - это логические единицы, сигнализирующие о предметной области знания, пространстве и времени, позволяющие проникнуть в то, что находится за текстом [5].

В общенаучном плане КС рассматривается как наиболее важный, существенный для понимания смысловой элемент. Несмотря на разнообразие многочисленных подходов к толкованию КС, объективным представляется то, что ключевое слово определяет содержательный элемент текста и является носителем его основного смысла. Каждое ключевое слово имеет ранг, которое влияет на осмысление научной идеи и определение дизайна будущего исследования. Ранг это энергетическая сила, вес каждого слова и словосочетания, которое определяет смысловую содержательную структуру будущего исследования. Смысловая содержательная структура это система основных логических «точек» в дизайне или проспекте выпускной квалификационной работы (актуальность, проблема, цель, гипотеза, задачи и т.д.).

Учитывая сказанное можно дать следующее толкование понятия "ключевое слово". Ключевое слово (КС) – это слово, наиболее весомое и существенное для понимания содержания и логики текста, это своего рода логическая единица текста. Логика текста раскрывают не сами ключевые слова, а их порядок и их иерархия. В дальнейшем ключевые слова могут выступить в качестве единицы анализа научного текста.

Исследования [2, 4, 5] позволяют выделить следующие функции ключевых слов в научном тексте.

1) КС формируют смысл текста и обеспечивают хранение его в памяти. Текст при понимании сворачивается в концепт и хранится в долговременной памяти реципиента в виде набора КС. Набор КС состоит из 5–9 слов, что соответствует объему оперативной памяти человека.

2) КС служат созданию структурно-содержательного единства текста, его целостности. Опора на КС позволяет целостно и иерархично представлять текст;

3) КС задают функциональный стиль развертываемого текста (при развертывании сжатого текста с опорой на КС сохраняется стиль исходного текста);

4) КС отражают предметную (тематическую) область развертываемого текста, снимают многозначность слов;

5) КС маркируют тему текста – больше половины слов ядра тематического компонента состоит из ключевых слов;

6) набор КС при развертывании позволяет определить позиции (контексты) слов или словосочетаний, обладающих максимальной предсказуемостью, что позволяет восстановить смысл текста;

7) анализ КС текста позволяет извлечь целостное содержание, которое является относительно неизменным и независимым от интерпретатора. Именно благодаря КС, при всех модификациях содержания, семантическое ядро текста остается неизменным, а процесс интерпретации становится менее субъективным;

8) логически упорядоченные КС передают обобщенное содержание текста, указывают и ограничивают направление ассоциаций читателя. КС позволяют читателю быстро сориентироваться в текстовом пространстве, выбрать именно те тексты, которые ему нужны для более тщательного изучения, не тратя время на чтение всего текста;

9) КС способствуют развертыванию критического и системного мышления;

10) КС научного текста выполняют коммуникативную функцию, являются средством научной коммуникации.

Определение ключевых слов, отраженных в теме научного исследования, позволяет студенту целостно представлять будущее исследование, выделять содержание и опорные логические единицы, которые задают основное направление содержания и логику построения научного исследования и будущего научного текста. Ошибки на этом этапе могут задать заведомо ложное направление исследования, затруднять формулировку актуальности, цели, объекта и предмета исследования.

Практика показывает, что студенты испытывают сложности в адекватном прочтении темы исследования. Это, во-первых, затрудняет поиск информации по сформулированной теме, так как студент неправильно определяет ключевые слова, во-вторых, не может отличить главное от второстепенного.

Для формирования способности адекватно определять ключевые слова в теме будущего исследования можно воспользоваться следующей технологией.

В процессе обучения студент выполняет ряд видов деятельности: написание курсовых работ, проектов, бакалаврской работы и магистерской диссертации. Каждый вид деятельности начинается со знакомства или с формулирования темы исследования. После того как студенты выбрали тему исследования им предлагается их обсудить в студенческой группе.

Работа происходит у доски. Каждый студент по очереди выходит к доске и записывает тему исследования. Затем он выделяет ключевые слова, которые он фиксирует в теме. Определяет их иерархию и связи, которые в дальнейшем будут помогать в написании актуальности исследования, его объекта, предмета и т.д. Для этого выделив ключевые слова, студенту задаются следующие вопросы. Какая значимость каждого ключевого слова в контексте темы исследования? Как данное ключевое слово связано с другими? Можно ли опровергнуть (на уровне «здорового смысла», реальных фактов) данную связь? Например, студент выделил в теме исследования ключевые слова «развитие творчества», «творчество врача», «профессиональное становление», «врач». Установил следующую связь «развитие творчества в профессиональном становлении врача». Возникает логически вопрос. Надо ли врачу творчество в выполнении ежедневных своих обязанностей, когда они жестко регламентированы?

Определение ключевых слов, установление связей позволяет студенту увидеть роль каждого слова и словосочетания представленных в теме исследования в порождении его замысла. Студент начинает понимать, что каждое слово и словосочетание из темы имеет свой особенный вес в логико-содержательной части исследования, которая традиционно представлена во введении научно-исследовательской работы. И как следствие у студента начинает актуализироваться и формироваться системное и критическое мышление, так необходимое лидеру.

Таким образом, практика взаимодействия со студентами показывает, что в процессе исследовательской деятельности студенты испытывают сложность в определении ключевых слов, в установлении между ними связей, что приводит к неоднозначному пониманию логики и содержания исследования, субъективности. И как следствие это мешает коммуникации, возникает непонимание друг друга в общении при обсуждении темы исследования.

Умение выделять ключевые слова способствуют:

- целостному представлению проспекта и дизайна будущего исследования изучаемого явления;
- определению актуальности;
- формулировке объекта, предмета, цели и задач исследования;
- целостному «видению» логики научного исследования;
- развитию критического и системного мышления;
- видению перспектив исследования.

Технология «Ключевые слова» способствует формированию у студентов целостного представления научного исследования, выстраивать связи между ключевыми словами научного высказывания, критически мыслить категориями шкалы «истинность - ложность».

Список литературы

1. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Караулов Ю.Н. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. 560 с.
3. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979. 319 с.
4. Шехтман Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст. Оренбург: ОГПУ, 2005. 168 с.
5. Москвитина Т.Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-slova-i-ih-funktsii-v-nauchnom-tekste> (дата обращения 25.02.2017).

КОГНИТИВНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Бадалова Елена Назимовна,

*руководитель Центра молодежных интернет-проектов,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В современном мире необходима интеграция различных областей знаний для решения возникающих вопросов, порой требующих нестандартного ответа. В том числе наиболее удачным становится применение достижений одной науки в другой. Когнитивный подход из психологии распространился в другие дисциплины.

Литература рассматривается нами как искусство познания. Именно поэтому справедливо применить когнитивный подход к художественным произведениям, в которых отражены универсальные представления о мире и индивидуальные эмоционально-чувственные проявления автора. На формирование художественного сознания влияет множество факторов: внешние, внутренние, биологические и социальные. В связи с чем необходимо учитывать это в процессе когнитивного исследования литературного текста. Когнитивное литературоведение трактует литературу как особый род ментальной деятельности, и основной задачей считает изучение транслируемого знания и восприятия информации в литературе и литературном чтении.

Принципы когнитивистики позволяют изучить парадигму концептов и описать концептосферу художественного произведения, обнаружить специфику структуры литературного концепта и совокупность его характерных признаков.

В мировом литературоведении окончательно не сформирована теоретическая база когнитивного подхода к изучению художественных произведений. Мы опираемся на три важные исследовательские теории взаимодействия когнитивной науки и литературоведения, которые обозначены в работе М. Бруна: 1) когнитивная наука как поэтика (доминирование когнитивистики); 2) поэтика как когнитивная наука (междисциплинарность); 3). поэтика и / или когнитивная наука (независимость двух направлений исследования). Исследователь утверждает, что междисциплинарность открывает возможность совместных исследований, которые потенциально обогащают обе области [9, с. 230]. Анализ текста не представляется возможным проводить с помощью простого заимствования разработанных в когнитивной науке методов и приемов. Необходимо создание специальных концепций, моделей и методик анализа, актуальных именно для литературоведения. Поэтому одна из основных задач, стоящих перед когнитивной поэтикой, в том, чтобы на основе синтеза методологий смежных дисциплин создать качественно новые методологические средства для изучения литературного текста, перейти, таким образом, от междискурсивности к междисциплинарности. В известной степени когнитивное литературоведение представляет собой очередной проект, цель которого – привнести в науку о литературе критерии, принципы, методы и понятия из естественных наук.

Междисциплинарность в данном случае опциональна, поскольку в своей работе мы опираемся на концепции когнитивного отечественного и зарубежного литературоведения. На данном этапе развития литературоведения дано базовое определение концепта для когнитивного литературоведения: «Концепт – это смысловая структура, воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [5; с. 19].

Литературный концепт рассматривается нами как художественное явление и научная категория. Данная смысловая структура всегда реализуется в образах и выражает, кроме основного значения, инвариантное содержание, которое обретает в конкретном литературном произведении. Его признаками являются: ментальность, общекультурная семантика, диалогичность, частотность в литературном ряду, повторяемость в творчестве автора.

Исследователи применяют понятие концептосферы для определения и систематизирования комплекса концептов в отдельном произведении или творчестве того или иного автора в целом. Как справедливо отмечает В.З. Демьянков: «Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и на основе сложившихся представлений, старых концептов, не разрушая их, попытаться сконструировать новые понятия» [6]. В одном случае, необходимо конструировать, в другом – реконструировать. В настоящее время существуют исследовательские работы, реконструирующие (воссоздание системы концептов) концептосферы (Е.Ю. Котукова «Концептосфера творчества в ранней прозе Б. Пастернака: аксиология художественного пространства») и конструирующие (создание концептуальной модели) ее (В.Б. Волкова «Концептосфера военной прозы»). Различными становятся методологические подходы к моделированию концептосферы, основным из которых является концептуальный анализ, то есть «анализ концептов как философско-эстетических феноменов в художественной системе писателя, заключающих в себе универсальные представления о мире и индивидуальные эмоционально-чувственные проявления автора, определение их содержания и выявление динамики смыслового поля с целью более глубокого раскрытия художественного мира автора» [7, с. 7].

Моделирование концептосферы художественного произведения может быть нескольких типов. В литературоведении один из них применяется при исследовании концептосферы прозы как совокупности индивидуально-авторских концептов, смысловая насыщенность которых выявляется в интертекстуальном художественном дискурсе. В нем сочетаются когнитивная, дискурсивная и интертекстуальная методики анализа литературного текста. Художественная смысловая структура моделируется в несколько этапов: поиск репрезентантов литературного концепта в тексте произведений, выявление приемов его структурирования в художественном дискурсе, интерпретация

концептуального содержания с учетом философского, культурного и исторического контекста, моделирование концепта с учетом значимости для авторской концептосферы [4].

Согласно лингвокультурологической теории в структуре концептосферы выделяют ядро (когнитивно-пропозициональная структура доминирующего концепта), приядерная зона (иные лексические репрезентации доминирующего концепта, его синонимы и т.д.), и периферия (ассоциативно-образные репрезентации). Стоит отметить, что в данном случае индивидуальные концепты составляют только периферию, а ядро и приядерную зону концептосферы языка составляют универсальные и общенациональные знания. Исследователи называют концептосферу человека информационной базой когнитивной картины мира. Что же касается концептосферы художественного произведения, то это явление, формирующееся на многослойной почве [3, с. 198].

Если принимать во внимание, что индивидуальная концептосфера является отражением языкового сознания, то система концептов художественного произведения как модель сознания автора «наполняется» архетипическими, национально-культурными и экзистенциально-значимыми составляющими, обусловленными личным опытом писателя и современной ему действительностью. Textoобразующим в этой модели выступает этноспецифический концепт-регулятив, который образует ядро концептосферы романа, ближе всего к нему располагаются национально-культурные концепты, часть из которых совпадает с универсальными культурными концептами (например, ДОМ), и, наконец, периферию концептосферы образуют архетипические и экзистенциально-значимые концепты [2, с. 34].

Для классификации индивидуально-авторских концептов целесообразен принцип межтекстового взаимодействия, позволяющий найденные концепты разделить на макротекстуальные (мета-, архи- и интертекстуальные концепты), формирующиеся в условиях диалога авторских дискурсов, и микротекстуальные (гипер- и паратекстуальные концепты), раскрывающие глубину своего содержания в корпусе произведений (либо одном произведении) конкретного автора.

В когнитивном литературоведении существует понятие индивидуально-авторской концептосферы. Данное явление впервые стали изучать зарубежные исследователи когнитивистики Р. Цур, М. Тернер, П. Хернади, Э. Спольски и другие англоязычные авторы журнала *"Poetics Today"*, с 1980-х гг. Основополагающим для них становятся психические эффекты, технология создания автором текста, разработка понятия художественного концепта, когнитивной и концептуальной структур, типологизация ментальных комплексов авторского сознания, вопросы соотношения ментальных и вербальных единиц.

Основатель литературно-когнитивного направления П. Стоквелл в учебнике *"Cognitive Poetics: An Introduction"* утверждает, что когнитивная поэтика – это отнюдь не единственный вариант названия для «комплектующегося набора подходов». Вполне допустимы такие варианты, как «когнитивная стилистика» и «когнитивная риторика» [10].

За десятилетие, прошедшее со времени публикации его книги, в специальной литературе появились разные вариации этого термина: когнитивная семантика, когнитивная нарратология, когнитивная лингвистика, когнитивное литературоведение.

Дэвид Херман предлагает заложить в основу когнитивной нарратологии достижения различных дисциплин: философии, социологии, психологии, прагматики, антропологии, риторики, теории литературы и др.

Р. Цур отрицает любое механическое применение идей когнитивистики к изучению художественного текста и предлагает использовать данный подход только в тех случаях, когда традиционных литературоведческих средств становится недостаточно.

Для обозначения области функционирования концептов, возникающих в художественном произведении, в литературоведческих исследованиях нет однозначного термина, поэтому данную область называют либо концептосферой текста, либо индивидуально-авторской (авторской, художественной) концептосферой. Н.В. Александрович в работе «Концептосфера художественного произведения» пишет о том, что концептосферу текста можно только моделировать. «В результате концептуального анализа художественного произведения можно получить данные, позволяющие смоделировать структуру языкового сознания автора в виде концептосферы исходного текста» [2, с. 38]. Стоит отметить, что данное утверждение подчеркивает связь концепта и сознания. Языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Языковое сознание автора (концептосфера текста) моделируется, согласно Н.В. Александрович, посредством методики моделирования концептосферы художественного текста и языковых средств ее объективации в виде когнитивно-пропозициональных структур, связи и отношения внутри которых выражают авторское отношение к соответствующим предметам или явлениям.

По мнению О.С. Акетиной, изложенному в статье «Концептуальный анализ художественного текста и художественный концепт», в тексте, являющемся результатом речемыслительной деятельности, автор вербализирует свою концептуальную картину мира. Исходя из этого, на основе когнитивного анализа художественного текста возможна реконструкция модели концептуальной картины мира автора или выявление фрагментов ее содержания – концептов [1, с. 13–18].

Каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, то есть частный вариант концептуализации мира, который, в свою очередь, складывается под значительным влиянием универсальных законов мироустройства. Степень соответствия первого и второго может варьироваться от полного совпадения до полного расхождения, что осложняет четкое и безоговорочное определение и описание концептосферы.

Список литературы

1. Акетина О.С. Концептуальный анализ художественного текста и художественный концепт // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2013. № 2 (121). С. 13–18.
2. Александрович Н.В. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе (на материале романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и его переводов на русский язык). М.: Флинта, 2009. 92 с.
3. Андреева С.Л. «Жанровые» концепты в концептосфере антиутопии Е.И. Замятина «Мы» // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей. Магнитогорск, 2010. Вып. 2.
4. Волкова В.Б. Концептосфера военной прозы. Екатеринбург, 2014. 43 с.
5. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта : Наука, 2010. 256 с.
6. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке: авторская модификация статьи, опубликованной в журнале «Вопросы филологии», в номере, посвященном академику РАН Ю.С. Степанову. (М., 2001. № 1. С. 35–47). Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Concept.html>.
7. Котукова Е.Ю. Концептосфера творчества в ранней прозе Б. Пастернака: аксиология художественного пространства. Магнитогорск, 2009. 22 с.
8. Broone G., Vandaele J. Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. Vol. 8. 560 p. (Applications of Cognitive Linguistics, Vol. 10).
9. Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. London: Routledge, 2002. 193 p.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЛИДЕРСТВО

Глазков Александр Петрович,

*доцент, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Лидерство играет огромную роль в общественной жизни. Именно лидеры формируют элиту общества, которая управляет различными общественными процессами. Тема лидерства в настоящее время приобретает особую актуальность. В условиях возрастания у человечества технических и организационных возможностей управлять реализацией этих возможностей, принимать управленческие решения должны лидеры, обладающие необходимыми для этого уровня ответственности личностными качествами и профессиональными компетенциями. Лидеров надо готовить, и эта сложная задача, от успешности решения которой зависит благополучие нашей страны, в значительной степени ложится на высшую школу. Речь идет не только об обучении знаниям, технологиям и методикам лидерства, но и о лидерской социализации студентов. Немаловажное значение здесь имеет практика использования критического мышления. Мы попытаемся рассмотреть некоторые теоретические и практические моменты критического мышления как лидерского качества в рамках образовательного процесса.

Понятие «критическое мышление», которое в настоящее время приобретает все большую популярность, имеет целый ряд смыслов, которые интересуют нас в контексте выбранной нами проблематики. В широком своем значении критическое мышление – это способность человеческого разума судить о тех или иных событиях или явлениях на основе определенных критериев. Как пишет известный специалист в этой области Г.В. Сорина: «Первичная характеристика критического мышления (Critical Thinking) может быть следующей: критическое мышление – это способ мышления, направленный на выявление структурных особенностей рассуждения, проверку соответствия между обоснованно выдвинутыми тезисами и соответствующими им аргументами, оценку выдвинутых тезисов, характеристику контекстов рассуждений с учетом особенностей рассуждающего субъекта» [6, с. 19–20]. Опираясь на такое понимание критического мышления, мы можем рассматривать его как руководящий принцип мыслительной деятельности, который предполагает систему правил работы с текстом, с информацией. В этом смысле критическое мышление может быть противопоставлено некритическому мышлению, которое принимает сообщения на веру, без их критической оценки. Некритическое мышление – это легковесное мышление, которое судит об информации субъективно, исходя из стереотипов, ассоциаций, штампов, предрассудков, предубеждений и мечтаний. Отличие критического мышления от некритического, заключается, прежде всего, в дисциплине мысли, в строгости мыслительной деятельности, в следовании четким правилам и нормам. Использование критического мышления, таким образом, может рассматриваться как характерный признак научного подхода в любой практической деятельности. Оно позволяет преодолевать в какой-то мере субъективизм в восприятии получаемой информации и выходить на объективные ее оценки. Данное качество приобретает решающее значение в управлении или экспертной, аналитической работе.

Термином «критическое мышление» обозначается также комплекс методик и технологий, направленных на формирование и развитие у обучающихся навыка критического мышления, как качества мыслительной деятельности. Как считают те, кто непосредственно работает с учащимися средних школ, применение этих методик в настоящее время является актуальным, так как «у школьников отмечается низкий уровень развития мышления, и прежде всего критического» [4, с. 232]. Установлено, что через письмо эффективнее всего достигается развитие этого навыка, поэтому педагогические технологии и методики, обозначаемые понятием «критическое мышление» включают в себя разнообразные приемы письменной работы. Особое внимание, которое уделяется письму, имеет свои причины. Как замечает Пег Пиплс «побуждая студентов активно писать, активно использовать язык, мы запускаем целый ряд сложных когнитивных функций – реагирование на непосредственное окружение, извлечение и синтез прошлой информации и многообразные процессы обработки речи» [5, с. 127]. Кроме того, у студентов в результате приобре-

тается навык к самостоятельному письменному творчеству. Поэтому написание эссе, которое завершает процесс обучения критическому мышлению, является обязательным элементом данной технологии.

На наш взгляд критическое мышление как качество мыслительной деятельности имеет особое значение при формировании ответственного лидерства у студентов в процессе учебы и социализации.

Во-первых, критическое мышление необходимо отнести к одному из важнейших качеств лидера, относящегося к разряду *soft skills* (коммуникативные навыки). Согласно К.С. Арсеньеву критическое отношение к информации можно понимать как *«исследование любых поступающих извне сведений для определения их авторитетности, логичности и этической корректности»* [1, с. 73]. Критическое мышление поднимает на высокий уровень экспертную аналитику и, что самое важное, позволяет преодолевать ассоциативность, субъективизм в мышлении и выходить на объективный уровень оценки фактов и мнений. Это в свою очередь влияет на качество принимаемых лидером решений.

Лидеры, если они хотят достигать стратегических успехов своим руководством, должны овладевать критическим мышлением. Мы можем установить связь критического мышления со стратегическим мышлением. В рамках логики критического мышления может быть поставлен вопрос «зачем?», который предполагает осознание идеалов, предназначения и миссии организации. В свою очередь сами идеалы, как представления о должном совершенстве, имеют еще более глубокие онтологические основания, которые соотносятся с объективной реальностью. Таким образом, критическое мышление ориентирует на объективную разработку собственных идеалов, которые выступают как критерии оценки перспектив и последствий принятия стратегических решений. Для управления это имеет принципиальное значение. Зачастую оперативные цели могут «закрывать» стратегические цели организации, уводить на достижение временных успехов с проигрышем в долгосрочной перспективе. Опираясь на свои идеалы, лидер может выступать против сиюминутных выгод, и всегда будет критически оценивать любое отклонение от установленной миссии, и вытекающей из него стратегии.

Во-вторых, критическое мышление усиливает возможности студентов при социализации, осуществлении научной и общественной деятельности, и может рассматриваться как необходимый инструмент достижения успеха. При этом процесс социализации будет сопровождаться и внутренним развитием личности. Навык к критическому мышлению может выступать в качестве инструмента духовной безопасности. Как замечает К.С. Арсеньев: «В мире масс-медиа-манипуляции критическое восприятие сведений, поступающих из СМИ, рекламы, неформальной среды, сможет оградить молодого человека от их негативного влияния» [1, с. 79].

В-третьих, критическое мышление как образовательная технология может использоваться при подготовке лидеров. Как система специальных методических приемов она позволяет сформировать и развить критический подход к информации, научить обращать внимание на качество аргументации и тщательную разработку собственных критериев.

В-четвертых, развитие критического мышления может способствовать формированию у лидеров устойчивого мировоззрения. В этом смысле особое значение получает преподавание философии, которая во многом сама опирается на критическое мышление. Собственно философия – это и есть критическое мышление. Преподавание философии открывает возможность, с одной стороны, получить знание сущности тех процессов, которые лежат в основе практики критического мышления, с другой стороны, овладеть навыками критического мышления. Для этого существует целый ряд командных эвристических методик, опирающихся на вопросно-ответные процедуры, которые можно с успехом использовать на занятиях. Именно в рамках философской проблематики можно с наибольшей продуктивностью использовать принципиальное положение технологии критического мышления об отсутствии «единоправной точки зрения», которую доносит для студентов преподаватель. Студент имеет право на свою точку зрения, пусть даже она кажется преподавателю ошибочной. В этом случае достигается другая цель – студент научается свободно и самостоятельно мыслить, овладевая навыками осмысления проблемы. Как пишет Е.Ю. Грудзинская: «Важно предоставить ему достаточно информации, чтобы он либо самостоятельно, либо в процессе обсуждения вопроса в аудитории, пришел к осмысленному выводу» [2, с. 184]. Кроме того, участвуя в выполнении командных заданий, студент сам может обнаружить в себе и проявить задатки лидера.

При обучении философии студент определяется с собственными идеалами, а это способствует росту самосознания, а значит и осознанию ответственности за свои решения. Критика – это способность разума выносить суждение по поводу предмета суждения с позиции своих идеалов-критериев. По мысли И. Канта, которую он высказывал в отношении теоретических спекуляций, польза от критики может быть только негативной: «она может служить не для расширения, а только для очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений, что уже представляет собой значительную выгоду» [3, с. 121]. Особенно очень важно здесь иметь в виду то, что И. Кант называл идеалами разума. Именно на основе этих идеалов и ведется критика принципиальных положений, которые лежат в основе высказываний и рассуждений. В определенном смысле они настраивают весь лад критического мышления. Очень важно в таком случае располагать истинными, а не ложными идеалами. Сами идеалы могут быть подвергнуты критике в процессе рефлексии, цель которой будет в таком случае в осознании и формулировке совершенного идеала. Если мы рассматриваем идеал как совершенство, то мы можем рассматривать его как абсолютный показатель. Критически рассматривать можно все что угодно, но качество такого рассмотрения будет зависеть от критериев, а это, пожалуй, и есть самый трудный вопрос. Решение этой проблемы позволит определиться и с оценкой овладения лидером личностным качеством критического мышления.

Список литературы

1. Арсеньев К.С. К проблеме формирования критического мышления у студентов вуза // Образование и наука. 2011. № 10 (89). С. 68–82.

2. Грудзинская Е.Ю. Педагогическая технология «развитие критического мышления через чтение и письмо» в подготовке специалистов // Вестник ННГУ. Сер. Инновации в образовании. 2005. Вып. 1 (6). С. 181–188.
3. Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
4. Кулюпина Г.А., Курганская Л.М. Технологии развития критического мышления подростков – пользователей библиотеки. // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 2 (6). С. 232–236.
5. Пиплс Пег Развитие речи и критического мышления у студентов в программах Бард-колледжа // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 116–131.
6. Сорокина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. 272 с.

БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-х ГОДОВ

Исаев Геннадий Григорьевич,

*профессор, доктор филологических наук,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Проблема, обозначенная в названии доклада, имеет несколько аспектов. Мы остановимся лишь на двух: «внешнем», проявившемся как борьба различных литературных группировок, и на «внутреннем» как творческое соревнование в поисках художественных принципов адекватного изображения и осмысления потрясений, которые имели место в России во время и после революции 1917 г.

1917 г. потряс основы политической, идеологической и культурной жизни, поставил перед обществом новые задачи, главная из которых – призыв разрушить «до основания» старый мир и на пустыре строить новый. Произошло размежевание писателей на преданных социалистическим идеалам и их противников. Борьба за лидерство в литературе и общественной жизни развернулась сразу же после революции 1917 г. Можно выделить ряд этапов этой борьбы.

Первый период (1917 – начало 1920-х гг.). Он характеризуется относительной свободой и существованием независимой прессы, возможностью для писателей откровенно высказывать свой мнение и вместе с тем острейшей борьбой за лидерство. С одной стороны, это В.И. Ленин и большевики, с другой – вожди символизма: Д. Мережковский, З. Гиппиус, К. Бальмонт и др. Весьма показателен для этой борьбы спор о свободе печати, развернувшийся после публикации 9 ноября 1917 г. декрета новой власти «О печати».

Согласно декрету, «закрытию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству, 2) сеющие смуту путем явно-клеветнического извращения фактов, 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно – наказуемого характера»(1, с. 173). Были закрыты контрреволюционные кадетские газеты «Биржевые ведомости», «Речь». «День», «Новое время», меньшевистская «Рабочая газета» и некоторые другие. Но не тронуты многочисленные либеральные журналы «Русская мысль», «Вестник Европы», «Нива» и др., левозсеровская газета «Знамя труда», променьшевистская «Новая жизнь» и многие другие.

В ответ на этот акт молодого советского государства в Петроградском Пассаже, в помещении кинотеатра «Солейль» был организован митинг-протест. Среди участников – Базаров, Дан, Ортодокс, Мережковский, Сологуб и др. литераторы. К митингу приурочили выход специального номера однодневной газеты, которая является показательным документом эпохи. Газета броско называлась: «Газета-протест Союза русских писателей» и подписана: «Редактор-издатель – Союз русских писателей». В статьях З. Гиппиус, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, Е. Замятина П. Сорокина, А. Редько и других выражался протест русских писателей против нового типа жизни и новой эстетики, звучало явная претензия на лидерство в литературе и искусстве.

Перед нами два документа первых дней революции: декрет «О печати» - первый документ Советской власти о литературе, печати, культуре и «Газета-протест», где отрицалось новое государство. Столкнулись две диаметрально противоположные точки зрения на государство, революцию, на роль прессы и литературы. Это столкновение закончилось победой нового, коммунистического, поскольку за Лениным стояла партия и революционные массы. Но многие литераторы пошли за символистами. Они избирают такие формы негативной оценки революции, как изображение революционной современности как «обезьяньего царства», изображение не людей, а животных (Б. Пильняк, А. Ремизов, В. Шершеневич и др.). Очень откровенно, обнажено писал о возврате человека к «обезьяньему» состоянию В. Шершеневич:

О, простите, рабочие, крестьяне, буржуа, милорды и леди,
Простите, охотники истин и рыболовы сомнительных дум,
Из обезьян мы медленно вылезли, люди,
В обезьяну мы медленно снова войдем.

Другая литературная форма оценки революции – изображение юродивых, сумасшедших (с оттенком мистики): М. Росляков, Е. Замятин, Н. Кузьмин, Б. Зайцев и др.

После 1923 г., когда начинают создаваться первые литературные группировки, борьба за лидерство в русской литературе вступила в новую фазу. Следует отметить, что каждая литературная группа (в одной Москве их было более 30) претендовала на лидерство и на выражение истины в последней инстанции. В середине 1920-х гг. завершается размежевание писателей, начавших свою деятельность до 1919 г. Одни принимают новую власть и идут на сотрудничество с ней (Серафимович, Маяковский, Брюсов). Другие занимают непримиримую враждебную позицию и

покидают Россию (Мережковский, Гиппиус, Ходасевич). Е.Замятин пытался работать в новых условиях, но в 1931 г. ему пришлось эмигрировать. А.Толстой уехал в 1919 г., но вернулся он уже через несколько лет. С середины 1920-х гг. снижается видимая творческая активность Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Хлебникова, Пастернака, Клюева, Орешина. В 1925 г. Было принято постановление «О политике партии и области художественной литературы», в результате которого возникли жёсткие идеологические ограничения.

Одной из первых литературных групп была группа «Пролеткульт».

«Пролеткульт» (теоретик объединения – философ, политик, врач А. Богданов) был массовой литературной организацией, представлял сторонников социалистического по содержанию искусства, издавал журналы «Грядущее», «Пролетарская культура», «Горн» и др. Его представители – поэты «от станка» В. Александровский, М. Герасимов, В. Казин, Н. Полетаев и другие – создавали поэзию обезличенную, коллективистскую, машинно-индустриальную, представляли себя представителями пролетариата, трудящихся масс, победителями во вселенском масштабе, «несметными легионами труда», в груди которых горит «пожар восстаний» (В. Кириллов, «Мы»).

Идеология группы оказала весьма сильное воздействие на литературу 1920-гг. Под ее воздействием были «Кузница», РАПП и др.

Новокрестьянская поэзия не была объединена в отдельную организацию. С. Клычков, А. Ширяевец, Н. Клюев, С. Есенин считали основой искусства нового времени фольклор, традиционную крестьянскую культуру, ростки которой – в деревне, а не в индустриальном городе, уважительно относились к русской истории, были романтиками, как и пролеткультисты, но «с крестьянским уклоном».

Им явно импонировала концепция П. Струве, который писал: «...Положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и (...) разрыв этой коренной связи есть несчастье и преступление» [2, с. 3].

К середине 1920-х гг. определяются три основные противостоящие силы: РАПП, «Перевал» и попутчики. Каждая из них претендовала на лидирующую позицию в литературе.

Роль передового отряда партия отводила пролетарским писателям. Они поэтому и претендовали на руководство всей литературой.

«Неистовыми ревнителями» пролетарского искусства, по словам литературоведа, автора книги с одноименным названием, С. Шешукова, проявили себя члены литературной организации РАПП («Российская ассоциация пролетарских писателей»), созданной в январе 1925 г. Г. Лелевич, С. Родов, Б. Волин, Л. Авербах, А. Фадеев отстаивали идеологически чистое, пролетарское искусство, превратили литературную борьбу в политическую.

Группа «Перевал» сложилась в середине 1920-х гг. (теоретики Д. Горбов и А. Лежнев) вокруг журнала «Красная новь», возглавлявшегося большевиком А. Воронским, отстаивала принципы интуитивного искусства, его многообразие.

«Перевал» составляли сторонники классической эстетики, люди, убежденные в жизненности классических моделей художественного творчества, - и это в ситуации, когда самое употребление слова «русская литература» казалось криминальным. Все заявления перевальской критики, при их некоторой скороспелости и риторичности, как бы авансированы именно наиболее высокими образцами и наиболее убедительными достижениями русской реалистической традиции и ее современным преломлением. «Перевал» ориентирован на художественный образ человека, взятого во всей его целостности, всей психологической шкале. Эстетическая мысль «Перевала» работала над проблемой целостного портрета человека – современного человека, переживающего дотоле невиданное ускорение и усложнение исторического времени. Свою статью «Искусство как познание жизни и современность» А. Воронский заканчивает резким выпадам в адрес лефовцев и рапповцев: «...У них нет настоящей любви к художественному слову; ее нигде не сыщешь в журнале. «На посту» не чувствует, не понимает, что нам передано изумительное литературное наследство, что на нас, коммунистов, лежит тягчайшая ответственность за то, какую литературу дает Новая Россия после Пушкина, Гоголя, Толстого» [3, с. 298].

К «Перевалу» примыкали писатели других группировок. Их называли попутчиками (Л. Леонов, М. Горький, А. Толстой и др.).

Группа «Серапионовы братья» (В. Иванов, В. Каверин, К. Федин, Н. Тихонов, М. Слонимский и др.) возникла в 1921 г. в Ленинграде. Ее теоретиком и критиком был Л. Лунц, а учителем – Е. Замятин. Члены группы отстаивали независимость искусства от власти и политики.

Кратковременной была деятельность «Левого фронта». Главными фигурами ЛЕФа («Левого фронта», с 1923 г.) становятся бывшие футуристы, оставшиеся в России, и среди них – В. Маяковский.

В 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», положившее начало полного подчинения литературы государству и партии большевиков, ликвидировавшее все прежние организации и группы. Был создан единый Союз советских писателей (ССП), в 1934 г. собравший первый съезд. С идеологическим докладом на съезде выступил А. Жданов, а о деятельности литераторов – М. Горький. Позицию лидера в литературном движении заняло искусство социалистического реализма, проникнутое коммунистическими идеалами, ставящее превыше всего установки государства, партии, славящее героев труда и коммунистическо-руководителей. Социалистический реализм – единственный возможный метод изображения жизни. Соцреализм – это правдивое, исторически конкретное изображение действительности в ее революционном развитии. Сюда входили исторический оптимизм, народность, партийность – основы нового метода. Навязанный писателям методом «кну-та и пряника» этот метод на многие десятилетия станет господствующим.

В результате внутренней литературной борьбы, политики правящей партии русская литература на долгие годы разделилась на три потока: 1) литература советская, 2) литература русского зарубежья, 3) литература задержанная. Каждый из потоков имел свои закономерности развития и своих лидеров.

Список литературы

1. О партийной и советской печати. М., 1954. С. 173.
2. Струве П.Б. Предисловие издателя // Из глубины. М., 1918. С. 3.
3. Из истории советской эстетической мысли. 1917–1932 / сост. Г. Белая. М., 1980. С. 298.

ЭЛИТАРНОСТЬ, ЭЗОТЕРИЯ И ГЕНЕЗИС НАУЧНОГО ТЕКСТА¹

Рыскельдиева Лора Турарбековна,

доктор философских наук, профессор,

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Зарапин Олег Викторович,

кандидат философских наук, доцент,

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

1. Сегодня, в эпоху сетевой коммуникации, научный текст подвержен серьезным абберациям. В сетевом пространстве в виде блогов, форумов, электронных журналов, онлайн-библиотек и т.д. возникают новые форматы текстовой культуры, внутри которых смещается и трансформируется самый смысл научного текста и то, каким образом, для кого и с какой целью он создается. Не обходится и без курьезов. Уместно вспомнить когда-то нашумевший «эксперимент», в ходе которого газета «Троицкий вариант» от имени несуществующего аспиранта направила в научный журнал из списка ВАК статью «Корчеватель: Алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности». Она представляла собой бессмысленный и почти бессвязный текст, генерированный компьютерной программой [3]. Публикация такой статьи обернулась для научного журнала скандалом и выражение «корчеватель» превратилось в метафору лженаучного текста. Разумеется, дело и в недобросовестности рецензентов, и в выхолащивании сути и смысла научной деятельности, но наша задача здесь – не осуждение и сетование, а поиск ответа на вопрос, как это оказалось возможным.

2. Как сформировалась традиция или парадигма научного текста? Какой текст можно считать (пусть и условно) первым научным текстом и как в генезисе научного текста проявились его элитарность и эзотерия? На наш взгляд, генезис научного текста может быть предметом исследования в двух разных аспектах: в диахроническом измерении, когда мы рассматриваем, как античность дала возможность размежевания философского и научного текстов, и в синхроническом измерении, когда мы рассматриваем фигуру автора текста и текстовое выражение его творческих поисков. Диахронически эксплицируемая ситуация рождения научного текста в историческом процессе обособления науки от философии сопоставима с синхронически эксплицируемой ситуацией интуитивно-дискурсивной полноты творческого процесса. Эти ситуации сопоставимы в контексте междисциплинарности и взаимодействия научной и философской мысли: с одной стороны, представленного как исторический процесс обособления науки от философии, с другой стороны – как творческий процесс единой интеллектуальной жизни, нерасчленимой на научную и философскую части. Репрезентативным примером использования возможностей подобного сопоставления мы считаем тексты дошедших до нас фрагментов трактата «О природе» Анаксагора [1] и совокупности фрагментов, собранных редакторами в единый текст «Научная мысль как планетное явление» В.И. Вернадского [2]. Смысл обоих, как известно, задается центральными понятиями: «нус» Анаксагора, и «ноосфера» В.И. Вернадского. Их этимология легко рождает ассоциативную связь: термин «ноосфера» имеет греческий корень «νοῦς».

3. Согласно утверждению Климента Александрийского, Анаксагор перенес ионийскую школу в Афины и «первым издал книгу о природе» [4, с. 120]. Анаксагор, таким образом, первым осуществил «экдосис», «выведение» философии «в свет» (греч. ἔκδοσις означает «выдачу чего-либо», «издать книгу» стоит в ряду таких значений, как «выдать замуж» или «выдать денежную ссуду»). Издать – значит вынести результаты рефлексии на суд публики (ἄκροατήριον имеет значение и как «зал судебного заседания», и как «аудитория слушателей»), иначе говоря, опубликовать свои размышления, предоставив их *чужим*. Предположив, что Анаксагор видел в своем тексте возможность быть понятым любым и каждым, мы подходим к вопросу генезиса научного текста с точки зрения исторической ситуации, в которой обособление науки от философии осуществляется в виде высвобождения знания из способов его трансляции как эзотерической традиции, основанной на представлении об особом слое избранных и посвященных в тайны природы.

Сопоставим в этом отношении тексты Анаксагора и Вернадского. Для какой аудитории предназначен текст «Научная мысль как планетное явление»? Как ни странно, но на этот вопрос ответить не просто. Если геолог пишет для геологов, философ – для философов, то Вернадский не укладывается в рамки дисциплинарных членений, как автор он представляет позицию «ученого вообще», интеллектуальная деятельность которого охватывает весь космос как единое «естественное тело». Такая позиция определяет содержание текста по принципу всеобщей взаимосвязи: строение Земли как геологический факт, появление жизни и разума на земле как биологический факт, наконец, превращение научного знания в новую «геологическую силу» как исторический факт. Все эти факты обретают смысл

¹ Исследование выполнено при поддержке РФГФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации».

лишь во взаимной соотнесенности в философской фокусировке и всякая попытка их дифференциации по проблемам или научным рубрикам деструктивна для текста. Это означает, что предполагаемый автором читатель также является «ученым вообще», способным выйти за пределы своей области исследования и тем самым преодолеть вызванную специализацией разобщенность наук.

В этом смысле текст Вернадского, как и текст Анаксагора, воспроизводят одну коммуникативную ситуацию, в которой не ставятся условия и не выдвигаются требования к тому, кто решит выступить в роли читателя. Однако в случае Анаксагора речь идет о разрыве с традицией изустной передачи знания от учителя к ученику и становлении новой традиции научного текста как всем доступной публикации. О конфликте этих традиций можно судить по замечанию Сократа о том, что он учит молодых людей в то время, когда они «могут узнать то же самое, заплативши в оркестре самое большее драхму....» [5, с. 94–95].

4. Анти-эзотеризм текста Анаксагора не подвергается простому воспроизведению в тексте «Научной мысли как планетного явления», в котором задействованы соображения иного рода и в ином социокультурном контексте. Выражение «в наше время» характерно для языка Вернадского и в самом тексте мы можем найти подробную картину реальности, в которой он создается. Во второй главе «Научной мысли...» автор пишет: «Мы живем на переломе, в исключительно важную, по существу новую эпоху жизни человечества, его истории на нашей планете» [2, с. 27]. Перелом знаменует собой результат «сотен тысяч лет неуклонных стихийных стремлений» и проявляется как «охват» человечеством всей поверхности Земли. «Телеграф, телефон, радио, аэропланы, аэростаты охватили весь земной шар» [2, с. 28]. Распространение человечества есть «новая стадия в истории планеты, которая не позволяет пользоваться для сравнения без поправок историческим ее прошлым» [2, с. 28]. Особенность «новой стадии» в том, что распространение человечества есть проявление силы его единства. Серьезным испытанием этой силы стала война. Вернадский пишет: «Моральные последствия войны 1914–1918 гг. были колоссальными ...» [2, с. 41]. Война, по сути, выявила противоборство двух интенций в истории жизни на Земле – с одной стороны, это олицетворяемые философией, религией и «государственными идеологиями» силы разделения человечества, с другой стороны, это наука как проводник силы, утверждающей «единство и равенство по существу, в принципе всех людей, всех рас» [2, с. 33]. Именно наука позволяет человечеству действовать как «единое целое по отношению к остальному живому» и делает человека «жителем планеты», превосходящим границы личности, рода или государства.

5. Итак, смысл коммуникативной ситуации автор-читатель в тексте Вернадского проявляется воспроизводимым автором социокультурным контекстом, смысл которого, в свою очередь, определяется ходом развития науки. Обратим внимание на существенную деталь: проникая в народные массы, наука, по Вернадскому, оказывается творческим процессом, который не обязательно инициируется изнутри самой науки, его питает и поддерживает внешний интерес, идущий из «гущи жизни». Ученый-исследователь, «живущий чисто научной работой», отнюдь не является привилегированным лицом в сфере научного познания. Элитарность специалиста сводится на нет тем, что «из гущи жизни выдвигаются отдельные люди, случайно, т.е. жизненно-бытовым образом, связывающиеся с научно важным и из соображений, часто науке чуждых, вскрывающие научные факты и научные обобщения ...» [2, с. 48]. Подобные события нельзя считать профанацией научной истины, поскольку интеллектуальные импульсы, исходящие из «вне-научной, сознательно организованной работы человечества, являются активно-научным проявлением жизни мыслящей человеческой среды данного времени» [2, с. 49]. Как отмечает Вернадский, по важности и новизне «научная среда» не уступает «научной организации», вместе они образуют смесь интеллектуальной жизни, где всякая попытка, нацеленная на расщепление и ограничения доступа, чревата утратой ценнейших научных достижений. Социологическая репрезентация имеет свой эпистемический эквивалент, проявляющийся в тезисе о том, что «познать научную истину нельзя логикой, можно лишь жизнью» [2, с. 48].

6. Что значит фиксируемая В.И. Вернадским демократичность научной мысли применительно к его научному тексту, и каким образом здесь уместно ставить проблему генезиса научного текста? Ответить нам поможет сопоставление позиций В.И. Вернадского и Анаксагора. Интеллектуальная революция свершилась в тот момент, когда Анаксагор опубликовал свой текст и тем самым, сделав свое знание всеобщим, противопоставил науку как способ трансляции знания эзотерии традиционных способов передачи философских истин, тесно связанных с изустным общением.

Феномен В.И. Вернадского можно оценить в нашем смысле как вторую «революцию»: после того, как научный текст стал общедоступным и утратил эзотеризм адресации, неизбежно изменилась позиция автора, так как оказалась под вопросом его элитарность как компетентного специалиста, имеющего особое право на истину. Генезис научного текста оказывается тесно связанным с проблемой определения того, кто может быть, кто должен быть или кто имеет право быть автором научного текста. Как выясняется, в наше время на право быть автором научного текста может претендовать выходец из той среды, где, по выражению В.И. Вернадского, представлены «люди научно малограмотные – из всех социальных классов и кругов» [2, с. 50].

Этот тезис, высказанный одним из величайших умов современности, личностью «возрожденческого типа», продиктован той «гущей жизни» и полнотой творчества, которая по своему определению не может быть дана всем. Но только исключительная одаренность, способность преодолевать границы наук и соединять рациональное с интуитивным, безграничная вера в науку и просвещение, преодолевающие сословные границы, позволила ему его высказать. Вернадский пишет: «Интуиция, вдохновение – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем – не вызываются ни научной, ни логической мыслью ...» [2, с. 146]. Очевидно поэтому автора текста «Научная мысль как планетное явление» сложно определить однозначно как уче-

ного, он одновременно и философ, что символически и симметрично воспроизводит ситуацию философа Анаксагора, выступающего как автор научного текста.

Таким образом, генезис научного текста, на наш взгляд, проявляется в процессе реконструкции коммуникативной ситуации автор-читатель, которая демонстрирует исторически необратимый процесс расширения его адресата и уход от элитарности.

Список литературы

1. Анаксагор // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / под ред. А.В. Лебедева. М.: Наука, 1989. С. 505–534.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
3. Ерунда // Троицкий вариант. 30.09.2008. Вып. № 13N (839). С. 1.
4. Климент Александрийский Строматы. СПб: Олег Абышко, 2003. Т. 1, кн. 1–3. 544 с.
5. Платон Апология Сократа // Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. А.Ф. Loseva и В.Ф. Asmusa. М.: Мысль, 1968. С. 81–112.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ФОРМА И ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ОБМАНУ

Востриков Игорь Владимирович,

*кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Время, в которое мы живем, отличается расширением количества вызовов, бросаемых человеку окружающей действительностью, и необходимостью противостоять одновременно нескольким из них. Одним из наиболее неприятных вызовов современности следует считать обман, ложь.

Определение лжи, данное Владимиром Соловьевым почти 120 лет назад, выглядит вполне актуальным и сегодня. «Ложь, – отмечает философ, – в отличие от заблуждения и ошибки, обозначает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине» [3, с. 911]. Практическим воплощением лжи выступает мошенничество, перспективы которого во второй половине XIX в. пророчески описал выдающийся юрист И.Я. Фойницкий: «как человек времен первоначальных прибегал для похищения имущества... к топору и кистеню, а человек нашего времени – к тайному взятию чужого, то вскоре... преобладающее место этих способов заменит орудие интеллектуальное, хитрость, обман; следовательно, социальная сторона мошенничества очень заманчива» [4, с. 9]. Ученый предупреждал о расширении масштабов мошенничества в будущем, и это предупреждение, как мы замечаем сегодня, сбывается.

Что же можно эффективно противопоставить обману и мошенничеству сегодня? В первую очередь, критическое мышление, которое, по справедливой мысли В.А. Кувакина, «обеспечивает максимально быстрое и адекватное понимание ситуации и наиболее эффективное решение возникающих в ней проблем» [2, с. 125–126]. При этом оно очень динамично, живо и направлено на получение практического результата. В рассматриваемом нами аспекте проблемы это и будет защита от обмана.

Сегодня выделяется несколько десятков видов лжи и мошенничества, но по своим глубинным основаниям хотелось бы остановиться на трех основных.

Первый – обман, основанный на агрессии и злости к окружающему миру в целом или каким-либо персонам в частности. Сегодня «авторитарно-агрессивные тенденции индивидуального сознания» [5, с. 115] способны привести человека к желанию подавить другого, показать свою значимость через обман, а нередко и сделав его жертвой мошенничества. По счастью, названные основания делают обман легко «раскусываемым», а значит, такая функция критического мышления, как «обнаружение ошибки» сможет реализовываться адекватно и успешно. Агрессия, как деструктивное, ярко выраженное психологическое состояние, может быть легко распознано в ходе научного исследования и подвергнуто рефлексии.

Второй – расчетливый и холодный обман – распознать сложнее, ибо он успешнее маскируется «под правду». И опровержимость (или фальсифицируемость, присущая, кстати, не только критическому, но и тому мышлению, которое некоторые политологи называют «элитарным»), как одно из логических оснований критического мышления, в данном случае оказывается не всегда действенным, потому что желающий обмануть в данном случае готов предоставить и внешне гладкие «доказательства», которые на деле оказываются, в лучшем случае, софистикой.

Однако критическое мышление тем и хорошо, что готово использовать сразу несколько оснований и не удовлетворяется действием одного. Такие его свойства, как достаточность и вопрошающий характер, причем сформулированные вопросы чаще всего риторические и задаются самому себе, позволяют адекватно противостоять даже довольно агрессивным попыткам представить ложь за истину.

Наконец, стоит упомянуть и так называемый «благородный обман» – идущий еще от философии Платона и призванный не причинить боль человеку, не разочаровать его или даже «спасти от гибели». Распознать такой обман нелегко, даже включая критическое мышление, поскольку в этом случае обманывающий убежден, что действует во благо, и эта уверенность помещает обманываемого на одну «волну» с жертвой обмана. В таком случае основная задача критического мышления – помочь сомневающемуся человеку мысленно соотнести подаваемую в качестве истины идею с оценками ее людьми серьезными, мыслящими глобально и позитивно, но в то же время, людьми

виртуальными, то ксть воображаемыми. Например, в случае с оценкой той или иной идеи, предложенной студентами, такими людьми могут выступать воображаемые родители, которые вполне естественно желают своим чадам всего самого лучшего. Такое применение критического мышления позволяет очистить разум от заблуждений, которые известный английский философ Френсис Бэкон назвал бы «идолами».

Мы далеки от того, чтобы считать критическое мышление сухим, оторванным от реальности теоретизированием, подвергающим сомнению «все и вся». Напротив, познание возможно только при непосредственном включении человека в процесс, в котором знание о чем-либо тесно переплетено с незнанием. Причем, по мысли профессора Д.И. Дубровского, человек, использующий в процессе познания критическое мышление, может находиться в четырех исходных ситуациях: 1. Знания о знании, когда субъект владеет определенным знанием, полагая его истинным или, напротив, оценивая его как неполное, неточное и т.п. 2. Незнания о знании – когда субъект не рефлексивирует по поводу имеющегося знания в течение какого-то времени. 3. Знания о незнании – когда субъект понимает, что он чего-то не знает или не способен дать исчерпывающую оценку проблеме. 4. Незнание о незнании – когда субъект не только не обладает знанием, к примеру, о торсионных полях, но и не предполагает, что он этого не знает [1, с. 85].

Задача критического мышления при таком «соседстве» знания и незнания – помочь человеку дифференцировать незнание, ошибку и заблуждение. В случае, когда имеет место ошибка, мы ее осознаем, конкретизируем и пытаемся найти иные пути обозначенной проблемы – неважно, на бытовом ли уровне это происходит, или речь идет о научной задаче. Сложность противостояния здравому смыслу обману тут заключается еще и в том, что человек имеет дело с неопределенностью. А неопределенность – частный случай неизвестности – заставляет познающего, по меткому выражению В.А. Кувакина, выхватывать то, «что было еще не познано, но уже было до познания в виде бытия (объектов) или его отсутствия (ничто)» [2, с. 35]. Провести такую мыслительную процедуру доступно уже не каждому познающему субъекту, что говорит в какой-то степени об элитности критического мышления.

Роль критического мышления заключается еще и в предотвращении потенциального обмана, исходящего от таких сфер социокультурного присутствия человека, как СМИ, Internet, реклама. В этом случае задача осложняется тем, что критическое мышление должно помочь посмотреть на ситуацию потенциальному потребителю информации глазами ее создателя, причем посмотреть как на явление массовое, распространенное. Хотим мы того или нет, но само наше участие в жизни социума делает нас зависимыми элементами в сферах обмана и мошенничества. Причем в качестве объектов покушения мошенники выбирают материальное благополучие граждан, их физическое и психическое здоровье, жизнь и даже столь интимная и неприкосновенная сфера, как внутренний мир человека, мировосприятие. Критическое мышление, понимаемое в данном случае как синоним правильного мышления, может восприниматься и как инструмент борьбы против таких покушений.

Какие же инструменты может использовать критически мыслящий человек? Здравый смысл подсказывает несколько общих аксиоматичных положений, которые должны действовать во всех случаях:

- Во-первых, необходимо признать, что истина скорее объективна, чем субъективна. Опираясь на это утверждение в поиске истине по любой научной и социальной проблеме (например, динамике уровня жизни населения в современной России), следует составить списки субъективных и объективных проявлений проблемы, сравнить их показатели и, в случае сильного различия цифр, усомниться в объективности преподносимой информации.
- Во-вторых, если имеются два суждения, проявившееся в одно время в одном месте применительно к одному процессу или явлению, то одно из них должно быть ошибочным. В этом смысле критическое мышление является довольно бескомпромиссным: инфляция, например, всегда будет оцениваться отрицательно, тогда как кто-то из современных экономистов пытается обнаружить в ней и плюсы.
- Следующее положение очень просто, но его принятие поможет избежать многих проблем. Человеческий разум может ошибаться – и опираться при его оценке на авторитеты, коллективное сознание или кажущуюся объективность нужно с большой осторожностью.
- Наконец, высказывание о том, что идеи имеют свои последствия. Казалось бы, ничего нового мы здесь не открываем, но критически заостренный ум без труда обнаружит здесь указание на то, что теоретические по своей сути идеи имеют реальную, подчас грозную силу, последствия которой могут быть столь же необратимыми, сколь и непреодолимыми. Появляется даже устойчивое выражение «власть идей» – этих, казалось бы, бестелесных, а потому и «бессильных» сущностей, которые без должного переосмысления превращают человека буквально в «рупор идей», которыми он одержим. Соответственно, критически «переваривая» информацию, прогнозируя возможные последствия воплощения идей, мы можем избавить себя от их чрезмерного восхваления и «обожествления», приводящего порой к тому, что идея ценится выше благополучия, здоровья и жизни человека, что в принципе недопустимо.

Человеческий разум, пребывая в вопрошающем состоянии, чаще всего не остается холодным и спокойным, он окрашивается такими эмоциями как недоумение, критичность, скепсис и недовольство. Эти эмоции, подогреваемые критическим мышлением, выступают своеобразными «фильтрами» против обмана, не дающими поддаться на убеждение или «силу авторитета». Критический разум, дополняя эмоции, позволяет человеку преодолеть заблуждения, чреватые теоретически неверными выводами или практическими поступками.

Разрешению сложных проблем установления истины способствует и продуктивный, креативный характер мышления. Сегодня немалую роль в процессе очищения истины от заблуждений играет, как считает В.А. Кувакин, и «... получение ответа на поставленный вопрос или... разрешение проблемы» [2, с. 143]. И вот тут-то очень важно бывает отказаться от традиционных, типовых способов решения задачи и придумать что-то нестандартное. Технологии обмана, как это ни странно звучит, очень банальны и примитивны, а потому противостоять креативности они не могут. Существенную помощь искателю истины здесь могут оказать такие приемы критического мышления, как,

во-первых, аналогия или сравнение и, во-вторых, воображение и фантазия, в данном случае позволяющие определить и «раскусить» нотку фальши, чтобы распутать в дальнейшем весь «клубок» лжи.

Очень важно уметь обсуждать спокойно и взвешенно, без давления на оппонента то, что мы считаем неправильным или ложным. Ведь задавая вопросы и пытаясь ответить на них, участники дискуссии не только информируют друг друга и узнают больше о предмете обсуждения, но и проясняют и оценивают свою собственную позицию. В этом деле, безусловно, важно обращение к методологии и приемам формальной логики, но не менее значимо и применение арсенала приемов, несколько более широких, чем логические – приемов критического свободного мышления.

Мошенничество и обман опасны тем, что их формы постоянно видоизменяются, модифицируются. Например, если говорить про интернет-мошенничество, то это изменение можно отследить по тому, насколько мало сейчас осталось во Всемирной Паутине финансовых пирамид, замаскированных под всевозможные «экономические игры». Связано это с тем, что критическое мышление «раскусило» обман подобного рода, и обманщики вынуждены, дабы не потерять своего дохода, видоизменять и свои приемы. Хочется верить, что критический разум не утратит способности задавать самому себе вопрос «Кому выгодно?» и стремительности в преследовании возникающих как грибы после дождя новых форм обмана.

В заключение отметим, что актуальность, современность и даже элитарность критического мышления заключается в том, что оно обладает достаточной гибкостью, систематичностью и логичностью, чтобы помогать человеку противостоять заблуждениям, весьма удачно названным Ричардом Докинсом «вирусами разума» [6, с.198]. Победа над этими незаметными, но коварными врагами и дает человеку насладиться всей полнотой жизни.

Список литературы

1. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Канон +, РООИ «Реабилитация», 2010. 336 с.
2. Кувакин В.А. Не дай себя обмануть: Введение в теорию практического мышления. М.: Академический проект, 2007. 312 с.
3. Соловьев В.С. Ложь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб, 1890–1907. С. 911.
4. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву: в 2 ч. М.: СГУ, 2006. Ч. 1. 656 с.
5. Храпов С.А. Кризисные тенденции общественного сознания современной России. Астрахань: Астраханский университет, 2009. 144 с.
6. Dawkins Richard. Viruses of the Mind//Humanist Anthology – Amherst. New York: Prometheus Books, 1995. P. 198–199.

СПЕЦИФИКА КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ФУНДАМЕНТА ЭЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ

Тихонова Валентина Львовна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Элитарное сознание индивида связано прежде всего со способностью критически осмысливать окружающую действительность и происходящие в ней события. Критическое мышление сопряжено с умениями и навыками, формирующимися в процессе поисковой исследовательской практики, направленной на разрешение противоречивой проблемной ситуации. Проблемная ситуация, как правило, вызвана новыми фактами, которые человек не может объяснить старыми знаниями или шаблонными методами, что стимулирует поиск новых знаний или способов действий с применением уже имеющегося опыта.

Следовательно, проблемная ситуация, противоречие является основополагающим фактором, «пусковым механизмом критического мышления» [8], без которого не может возникнуть необходимость делать выбор. По мнению отечественного исследователя Ф. Михайлова, «человек... только тогда и мыслит, когда и на деле и на словах оценивает объективную внутреннюю конфликтность обстоятельств жизни и намечает план своих действий, разрешающих осознанный конфликт» [5, с. 30–31].

По определению, данному в словаре И.С. Ожегова, термин «проблема» означает «сложный вопрос или задачу, требующую разрешения, исследования» [6, с. 604]. Сам процесс исследовательской деятельности способствует развитию аналитических способностей индивида, без которых невозможно обрести необходимую гибкость восприятия информации и развить творческий характер мышления.

Мышление человека активизируется в способности индивида четко увидеть и выявить проблему, понять суть затруднения в неопределенности и противоречивости ситуации, т.е. уметь «видеть неясное там, где другому человеку все кажется понятным» [9, с. 180]. Далее требуется разрешить увиденные противоречия посредством анализа ситуации и выдвижения гипотез как возможных путей выхода из затруднений. Как правило, на этом этапе многие непродуктивные для решения проблемы гипотезы отбрасываются, условие задачи и сама задача уточняется. Оставшиеся гипотезы оцениваются, и выбираются наилучшие пути разрешения проблемной ситуации [4]. Соответственно, возможность увидеть многовариантные пути разрешения проблемной ситуации является важным итогом работы критического мышления.

Критическое мышление – «не черта характера и не врожденная особенность; это определенная методология, которая помогает особым образом объяснить события» [3, с. 18]. Поэтому развитие основополагающих навыков критического мышления возлагается на высшие учебные заведения, где важным фактором его формирования является применение технологий, развивающих механизмы гибкого восприятия информации, отбора необходимого ее содержания для осуществления синтеза, являющегося принципиально новым фундаментом для решения постав-

ленной проблемной задачи. Формирование таких аспектов мышления, как гибкость и способность к синтезу, способствует проведению среди обучающихся в высших и средних учебных заведениях дискуссий, дебатов и ролевых игр.

При использовании методов дискуссии и дебатов важно научить каждого студента не отвергать мнение оппонента, а внимательно проанализировав его доводы, постараться выявить в них положительные и отрицательные стороны, постараться извлечь из них полезные факты для разрешения проблемной ситуации. Для этого не только необходимо, чтобы каждый студент озвучил ход анализа услышанного или увиденного, но предварительно изложил его в письменном виде. Такой подход позволяет приобрести способность умения слушать собеседника, вырабатывать четкую логику суждения, анализа и синтеза, способствующую отказу от личных предубеждений, навык сотрудничества и умения находить компромиссные решения.

Ролевые игры также являются необходимым элементом формирования гибкости восприятия разнородной информации: индивид, вживаясь в несвойственные ему социальные и культурные роли, обретает навык признания иной, отличающейся от его собственной точки зрения на окружающую действительность. При развитом аналитическом мышлении эти методы способствуют развитию умения произвести синтез разных жизненных и исследовательских позиций, найти несколько путей решения противоречивых вопросов.

Гибкость восприятия разного рода информации способствует владению «разноплановыми стратегиями интерпретации текста, принятием факта принципиальной уязвимости любой теории, факта многополярности мира» [1, с. 34]. Кроме того, в процессе анализа полученной информации студент обязан знать необходимый учебный материал по поставленной преподавателем проблеме. При этом поверхностное понимание темы, а также пренебрежение разными условиями и фактами не позволит осуществить полноценный анализ и синтез всех имеющихся по проблеме, возможно взаимоисключающих друг друга суждений.

Поэтому познавательная мотивация играет решающую роль в процессе развития навыков критического мышления, опирающихся на эрудированность, широту познавательных интересов, богатство словарного запаса. Это обуславливает необходимость ориентировать обучение студентов в высших учебных заведениях на «смыслопоиск», предусматривающий не простое воспроизведение полученных знаний и их воспроизведение в привычных условиях и ситуациях, а формирование собственной позиции, опирающейся на осознанные и проанализированные факты.

Сложность достижения способности критически мыслить связана с необходимостью самостоятельного нахождения нового способа разрешения определенной проблемной ситуации, возникающей в разных сферах общественной практики, от бытовой до научно-исследовательской. Стремление и развитое умение осуществлять активную мыслительную деятельность является главным критерием, отделяющим обычное сознание от элитарного мировосприятия, способного не только самостоятельно разрешить ситуативные противоречия, но и увидеть многовариантные пути их решения.

Критическое мышление «связано со способностью к рациональному мышлению. Слово «рациональный» означает «использующий причины» для объяснения проблемы» [3, с. 19]. Однако эти способности могут «перекрываться личностными качествами и эмоциональными барьерами» [3, с. 17]. Каждому человеку присущи определенные убеждения, склонности, пристрастия. Поэтому для осуществления критического мышления необходимо находить внутренние силы для отказа от привычных личностных предубеждений и установок на окружающую действительность, а также на самого себя, если мы получаем знания, противоречащие нашим устоявшимся и зачастую искаженным, неглубоко и некритически осмысленным убеждениям.

Такой аспект критического мышления обусловлен готовностью индивида не оправдывать свои ошибочные решения, а делать из них необходимые выводы. В случае, если человек, обладающий способностью к рациональным рассуждениям и анализу, не найдет в себе силы и мужество посмотреть на окружающее и на себя с новой, возможно нелестной позиции, эта способность останется в полной мере не раскрыта.

Определенные навыки критического мышления человек может приобрести в средних и высших учебных заведениях, но полнота применения критического мышления распространяется не только на оценивание происходящих вокруг нас событий, но и на осознание сильных и слабых сторон своего характера, правильной оценки собственных мотиваций, интересов, знаний, уровня компетентности и т.д.

Данный навык сопряжен с активным использованием такого аспекта критического мышления как «осознание», связанного с умением наблюдать за процессом своей мыслительной деятельности, оценивать его, а также размышлять о своих чувствах и мыслях. Важным фактором продуктивной мыслительной деятельности является навык упорядочивать хаотичность мыслей.

Другими словами, критическое мышление развивает и совершенствует такие навыки, которые способствуют обретению целеустремленного, точного, ясного мышления. При этом необходимо не только учиться мыслить о смысле, но и «мыслить о самом мышлении» [2, с. 21], а также сознательно оценивать совершенные действия.

Соответственно, посредством критического мышления как конструктивного типа мышления индивид способен сформировать адекватную самооценку, повысить «эмоциональный интеллект (в основе которой лежит понимание своих эмоций и эмоций окружающих, а также способность управлять ими» [7, с. 87]), предотвратить проявление когнитивных искажений и эгоцентризма. При этом повышается уровень эмпатии индивида, заключающийся в понимании Другого, Иного, в мысленном воссоздании переживаний и ощущений этого Иного. Такой подход обуславливает проявление чувства такта к окружающим и принятие решений без навязывания кому-либо своих интересов и мнений.

Таким образом, воспитание индивидом всех перечисленных черт критического мышления способствует обретению элитарного сознания, особенности которого заключаются в целостном мировосприятии, способности к решению проблемных, противоречивых ситуаций. Элитарность сознания индивида сопряжена с высокой степенью его

культурности, формирующейся посредством сознательного и целенаправленного воспитания и преобразования своих мыслительных, эмоциональных, психологических качеств. Безусловно, высшие учебные заведения способствуют развитию основополагающих навыков критического мышления, позволяющих конструктивно и продуктивно оценивать события и факты разных сфер общественной деятельности. Но полнота реализации индивидом критического мышления достигается только целенаправленным, настойчивым и планомерным развитием основных его характеристик. Именно этот факт является причиной сложности обретения критического типа мышления, который является инструментом формирования элитарного сознания.

Список литературы

1. Грудинская Е.Ю., Марики В.В., Сошинов А.Г. Некоторые аспекты педагогической технологии «развития критического мышления через чтение и письмо» // Известия ВолГТУ. 2009. Т. 10, № 6. С. 33–35.
2. Зинченко В.П. Аффект и интеллект в образовании. М.: Тривола, 1995. С. 21–23.
3. Коттрелл С. Искусство мыслить и успех в учебе, карьере, жизни. 500 упражнений для развития мозга: пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2016. 288 с.
4. Матюшкина А.А. Творческое мышление как предмет исследования в отечественной психологии: научные школы О.К. Тихомирова, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. Режим доступа: <http://www.psychodoc.ru/arc.php?page=826>
5. Михайлов Ф.Т. Эмпирическое и диалектическое понимание личности // Философско-психологические проблемы развития образования / под ред. В.В. Давыдова. М.: ИНТОР, 1994. С. 22–34.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: 1978. 944 с.
7. Рыжов Д.М. Эмоциональный интеллект в системе психологических знаний // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 87–89.
8. Терно С.А. Эволюция идеи: рефлексивное мышление- критическое мышление -метокогнитивное развитие. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/10/3900>
9. Урунова Х. Роль проблемного обучения в развитии критического мышления // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 174–183.

ЭТОСНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК ПЕРВООСНОВА ЭЛИТАРНОГО ТИПА РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Вострикова Татьяна Ивановна,

*доцент, доктор педагогических наук,
профессор кафедры общего языкознания и речеведения,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Молчанова Елена Евгеньевна,

*доцент, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общего языкознания и речеведения,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В последние десятилетия повышенный интерес исследователей вызывают процессы речевого общения, «человек говорящий». Связано это с усилением «человеческого фактора» в науках о языке и речи, с выдвижением антропоцентрической парадигмы в качестве базовой в лингвистических и речеведческих исследованиях (работы Г.И. Богина, Т.Г. Винокур, А.А. Ворожбитовой, В.В. Зеленской, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, К.Ф. Седова и мн. др.). Новая область филологического знания, исследующая феномен языковой личности, получила своё именование – лингвоперсонология.

В свете изложенного представляется актуальной проблема выделения и описания типов речевой культуры в современном социуме (О.Б. Сиротинина, В.Е. Гольдин, А.В. Курьянович, И.А. Стернин и др.). Общий вывод, к которому пришли на сегодняшний день исследователи, состоит в том, что «языковое сознание носителей разных культур отличается степенью своего развития, «набором» когнитивных структур и концептуальных схем, обуславливающих особенности картины мира и совокупность ценностных ориентиров» [7, с. 77].

Особое внимание в работах учёных уделяется типу речевой культуры, именуемому *элитарным* (в трудах самого последнего времени данный тип обозначается также термином «полнофункциональный») [14, с. 120–122].

Обратимся к словарю иностранных слов [12, с. 596]. Под «*элитой*» понимаются наиболее видные представители какой-л. части общества, группировки и т.п.; «*элитарный*» – свойственный элите; «*элитный*» – лучший, отборный. Если опираться на данные толкования, то *элитарный* тип речевой культуры есть лучшее, «отборное», что можно обнаружить сегодня в языке и речи.

Первым выделил элитарный тип речевой культуры (далее – ЭТРК) Н.И. Толстой [13]. Подробное описание экстра- и интралингвистических признаков данного типа находим у О.Б. Сиротининой, В.Е. Гольдина, Г.Г. Инфантовой, Т.В. Кочетковой и других исследователей. Так, к экстралингвистической составляющей учёные относят следующие факторы: воспитание в интеллигентной, как правило, семье; наличие высшего (качественного!) образования; стремление постоянно и много читать (причём речь идёт о высокохудожественной литературе). Одной из самых существенных черт представителя ЭТРК О.Б. Сиротинина считает также «стремление к самообразованию и самовоспитанию» [14, с. 122]. Интралингвистические признаки состоят в максимально полном знании носителем ЭТРК языковой системы, её функциональных возможностей; в уместно используемом, богатом лексиконе; ортологической

грамотности (нарушения норм литературного языка встречаются, но они единичны, случайны, а не системны); в свободном владении всеми функциональными стилями литературного языка в устной и письменной формах, в положительном опыте публичных выступлений. Высокая речевая культура личности предполагает следование «пушкинскому принципу «соразмерности и сообразности», «истинный вкус» как чувство меры, чутьё языка и прагматическую направленность речи» [3, с.10].

Названные выше экстра- и интралингвистические признаки объективируются в нескольких процессах, среди которых:

1. Максимально свободное – почти во всех случаях – *продуцирование* лингвистически корректных, коммуникативно безупречных, ситуативно адекватных устных и письменных монологических и диалогических *текстов*.

2. Умелая *репрезентация* текстов при задействовании ситуативно уместных невербальных средств, чему в немалой степени в устном общении способствуют обаяние, артистизм, дружелюбие, увлечённость автора. Это подтверждается *высокой оценкой* со стороны адресата (неподелённый интерес во время слушания, чтения; желание что-то уточнить, с чем-то согласиться; запомнить и взять на вооружение особенно понравившиеся слова и обороты; стремление подражать авторской манере построения высказываний и т.д.) и её – оценки – *распространением*. В подобных случаях говорят о том, что высказывания отмечены «печатью личности».

3. *Переработка* «всех услышанных и прочитанных текстов», которую отличает «высокая продуктивность» [5, с. 22]. Здесь мы также говорим о «печати личности», об индивидуально-авторском характере высказывания.

Итак, в лингвоперсонологии подробно и всесторонне описан типичный представитель ЭТРК. Вместе с тем целесообразно, по нашему мнению, большее внимание уделить собственно *риторическому* аспекту обозначенной проблемы, привлечь для её разрешения категориальный аппарат общей риторики, поскольку «сердцевинной риторики как фундаментальной речеведческой дисциплины являются идеи антропоцентризма, человекоориентированных ценностей, подлинного диалога» [2, с. 18–19].

Категориальный аппарат риторики, как известно, был разработан ещё в Античности. Ключевое место в этом аппарате занимали три важнейших основания риторики – этос, логос, пафос. Под *этосом* мыслилось нравственное начало речи, *логос* определял её мыслительное начало, *пафос* – эмоциональное. С позиций сегодняшнего дня, образ истинного ратора представляет собой координацию этоса, логоса и пафоса – «принципиальных категорий, влияющих как на характер создаваемого высказывания, так и на его восприятие» [9, с. 73].

Изложенное, как представляется, имеет самое непосредственное отношение к носителю ЭТРК. При этом первооснову любого создаваемого им текста должна составлять категория *этоса*, предполагающая ответственность автора за *морально-нравственную* сторону речевого поступка. Мысль о такого рода ответственности прослеживается в трудах учёных-риторов как далёкого прошлого, так и наших дней

Вспомним, к примеру, классика риторики и основателя европейской педагогики Марка Фабия Квинтилиана (I в. н.э.), утверждавшего, что «совершенным оратором никто... быть не может, не будучи добрым человеком». Именно поэтому Квинтилиан требует от оратора «не одной превосходной способности к красноречию, но всех душевных доблестей» [4, с. 147].

Назовём и одного из самых известных авторов отечественных трудов по риторике и риторической педагогике, профессора русской и латинской словесности Царскосельского лицея (с 1811 по 1828 г.) Н.Ф. Кошанского, чьи суждения о красноречии истинном и ложном также напрямую связаны с проблемой риторического этоса [6, с. 304–306]. Красноречие, утверждает Н.Ф. Кошанский, имеет три признака: силу чувств (красноречие сердца), убедительность (красноречие ума) и желание общего блага (красноречие добродетели). Красноречие сердца, по Н.Ф. Кошанскому, «есть такое живое ощущение истины, такое сильное участие оратора в предлагаемом деле, что он, сам увлекаемый, увлекает и слушателей за собою». Красноречие ума – это «такая неотразимая сила и приятность убеждений, что мы против чаяний, против воли, совсем неожиданно соглашаемся с мыслями автора». Красноречие же добродетели, полагает учёный, состоит в пламенном *желании добра и стремлении* ратора *к этой цели*.

Н.Ф. Кошанский категоричен: сила чувств и убедительность *без желания общего блага* есть красноречие *мнимое*! Такое красноречие может заблуждаться; оно «желает казаться истинным и, представляя вредное, хочет доказать, будто оно полезно. Так порок иногда принимает на себя вид добродетели». В книге Н.Ф. Кошанского «Частная реторика» (принятое в орфографии XIX в. написание термина сохранено) приводятся интереснейшие примеры, подтверждающие данное утверждение.

Итак, *истинно красноречивым*, по Н.Ф. Кошанскому, может именоваться только тот, кто «соединил красноречие ума и сердца с красноречием добродетели», кто «умножил хотя одною полезною истинною счастьем людей». Сказанное, безусловно, может и должно быть отнесено прежде всего к носителям элитарного типа речевой культуры.

Обратимся к событию совсем недавнего времени: XXI-й Международной научной конференции «Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике», которая состоялась 1–3 февраля 2017 г. в Москве, в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина. В эти дни речеведческая общественность отмечала двадцать лет со дня основания Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики. Показательно, что во многих докладах, представленных на конференции, авторы поднимали проблему этических добродетелей и нравственности оратора; подчёркивали, что действенность любого риторического средства предопределяется *этической* составляющей. Эта мысль прослеживается и в предисловии к сборнику научных трудов, которое было написано председателем ассоциации проф. В.И. Аннушкиным. Исследователь убеждён: главная идея риторики – это «представление о риторическом идеале как о высоконравственной и образованной личности, мудрой и совершенной речи» [1, с. 4]. Это, на наш взгляд, и есть лаконичная,

очень точная характеристика представителя элитарного типа речевой культуры.

Изложенное выше подводит нас к выводу о том, что именно этос – базовая составляющая классической риторической триады – определяет эффективность, результативность текстов, планируемых и продуцируемых носителями ЭТРК. Следование этической норме, без сомнения, даёт возможность риторике продемонстрировать свою высокую речевую культуру; «показать себя человеком, достойным доверия и способным вызывать уважение аудитории» [10, с. 18]; позволяет «избежать речевой агрессии, минимизировать... неприятные в нравственном плане моменты в ходе общения, избежать его отрицательных последствий в самых разных сферах жизни» [8, с. 51].

Список литературы

1. Аннушкин В.И. К двадцатилетию создания Российской ассоциации риторики // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике / отв. редактор В.И. Аннушкин. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 3–4.
2. Вострикова Т.И. Этическая норма как базовое понятие в системе риторико-педагогической подготовки начинающего учителя-словесника // Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (58). С. 18–24.
3. Иванчук И.А. Риторическая категория разговорность в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры: её специфика и функции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 1. С. 5–11.
4. Квинтилиан Марк Фабий // Эффективная коммуникация: история, теория, практика / отв. редактор М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: КРПА Олимп, 2005. С. 146–151.
5. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры. Саратов, 1999. 54 с.
6. Кошанский Н.Ф. Частная риторика // Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. М.: Академия, 1998. С. 302–307.
7. Курьянович А.В. Элитарная речевая культура в зеркале отечественной эпистолярной традиции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3 (105). С. 76–80.
8. Молчанова Е.Е. Культура речи: этический и коммуникативный аспекты. Астрахань: Астраханский ун-т, 2013. 114 с.
9. Мурашов А.А. Педагогическая риторика. М.: Педагогическое общество России, 2001. 480 с.
10. Рождественский Ю.В. Риторика публичной лекции. М.: Знание, 1989. 64 с.
11. Сиротинина О.Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов: Саратовский ун-т, 2001. С. 222–228.
12. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. С. 596.
13. Толстой Н.И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1. С. 5–22.
14. Чтобы Вас понимали: Культура русской речи и речевая культура человека / под ред. О.Б. Сиротининой. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 272 с.

ВАЛЮАТИВНАЯ АВТОНОМНОСТЬ ЭЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ

Коротченко Юлия Михайловна,

кандидат философских наук, доцент,

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

В настоящей статье выделяется такое качество элитарного сознания, как автономность в выработке социальных оценок. Такого рода автономность, в свою очередь, трактуется как личный свободный выбор стратегии интерпретации социальной реальности. Привилегированный статус «управленца» по отношению к некой «остальной» части общества отмечается как родовая характеристика элиты, о какой бы элите не говорилось. В частности, один из классических авторов теории элит Г. Моска в своей программной работе «Правящий класс» пишет: «Во всех обществах (начиная со слабо развитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть...» [3, с. 187]; в культурном капитале П. Бурдьё видел ресурс социальной власти [1, с. 70]. Имеют место лишь контекстуальные поправки: привилегии политической элиты состоят в управлении государством, культурной – культурным капиталом. Нам представляется, что в этом ряду недостает еще одного важного фактора, обеспечивающего, в конечном счете, то, что именуется элитарностью, – автономности осмысления социального мира. Эта характеристика позволит включить элитарность в объектную сферу социальной философии – социальный мир существует только как субъектно осмысленный. Обобщенная социально-философская рефлексия над проблематикой элитарности подчеркнет междисциплинарный статус данного феномена: управлять способен тот, кто разрабатывает, предлагает или даже навязывает смыслы, важные для принятия стратегически важных решений в любой сфере общественной жизни. В этом случае границы внутри социальной иерархии, неизбежной в случае признания какой-то части общества элитарной, прочерчиваются между зонами производства и трансляции смыслов с одной стороны, и принятия этих смыслов – с другой. Маргинальность же может быть понята как непринадлежность ни к первой, ни ко второй части иерархической структуры в силу невозможности осуществлять функцию «господства над смыслами» и одновременно с этим – отторжения предлагаемых готовых перспектив понимания социальной реальности. Элиту тогда – социальный субъект, производящий социально значимые смыслы, т.е. такие, которые, в случае их разделением социальным большинством, обеспечат социальное согласие, единство и устойчивость общности к внешним угрозам.

Какого рода смыслы вырабатываются социальной элитой для обеспечения общественного согласия, консолидации и устойчивости общности к угрозам извне? Мы полагаем, что это открыто оценочные смыслы, которые, будучи объединенными в один конструкт, центрируют общность на нужной его элите интерпретации социальной реальности. Данный конструкт получил название валюатива и определяется нами в [2, с. 154–155] как матрица, строчки которой маркированы языковыми эквивалентами социальных оценок: «герои», «мученики», «враги»; нормы; ценности; формы репрезентации: язык, художественное творчество, идеология. Валюатив представляет собой модель, объектом которой является коллективный субъект, осуществляющий интерпретацию, в результате которой людям, их взглядам, высказываниям, деяниям, социальным институтам и т.п. ставятся в соответствие строчки валюативной матрицы: например, люди оцениваются как герои, мученики или враги; поступки людей – как норма или преступления и т.д. При этом сам валюатив может быть центрирован на любой из своих строчек: известны прецеденты герооцентристской интерпретации (один из ярчайших – ницшеанский концепт сверхчеловека); центрация на фигуре врага, например, обнаруживает себя в господствующих валюативах сталинизма (выражение «враг народа» было частью практически обыденной риторики) и Украины сегодня (публичные высказывания украинской социальной элиты главной мыслью имеют наличие у Украины именно врага); панаксиологический валюатив с трансцендентально трактуемой ценностью также заявлял о себе в истории человечества (его обоснование дает классическая аксиология, в частности, в виде концепта, описанного М. Шелером в [6] как *“ordo amoris”*, а прецеденты можно обнаружить в религиозных сообществах). Выбор центра, как и валюатива в целом, осуществляется элитарным субъектом. В условиях жесткой социальной иерархии элита максимально произвольна в интерпретационном выборе, остальная часть общества – явно или подразумеваемо – лишается права открытого валюативного возражения; в таком обществе действует бинарная система оценки – выполняется в валюативе, следовательно, приемлемо, не выполняется – объявляется враждебным и преследуется в качестве такового. В демократических обществах допускается поливалюативность, если она не связана с совершением валюативно мотивированных и одновременно противозаконных действий – примером могут служить валюативы запрещенных в большинстве стран радикалистских националистических сообществ. Доминирующим, так или иначе оговоренным на законодательном уровне, в государственных документах, определяющих вектор развития общества, остается валюатив, выработанный самой элитой. Однако границы общественной иерархии в демократическом обществе подвижны, регулируются избирательным правом, другими институтами. Элитарный субъект, предлагая и утверждая перспективы понимания мира, вынужден обосновывать обсуждаемые обществом программы такого понимания, снижая таким образом риски разрастания сферы маргинальных трактовок общественной жизни вплоть до обретения ими господствующего статуса и, следовательно, возможности самому занять место маргинала. Вырабатывая интерпретационную стратегию, совокупный элитарный субъект предлагает или навязывает, в зависимости от степени демократичности, остальной части общества информацию валюативного содержания, властвуя при этом как над ресурсами распространения валюативной информации, так и над органами контроля «чистоты валюатива».

Речь идет, таким образом, об особом рода коммуникативной структуре, с адресантом-элитой и адресатом-«остальными»; сообщением-неким совокупным публичным текстом валюативного содержания; каналами передачи сообщения-СМИ, Интернет и т.п. В этой структуре основная роль отводится именно адресанту: он не просто транслирует, а с определенной целью создает сообщение. Каналы трансляции сообщения также находятся в управлении элитарного адресанта, в том числе и в виде непосредственной собственности (например, СМИ) отдельных представителей социальной элиты. Важное место в выделенной коммуникативной структуре занимает само сообщение: оно информативно относительно консолидирующего общность валюатива как это представляется нужным носителю элитарного сознания и, будучи адресованным «всем остальным», может быть репрезентировано, соответственно, в публичном тексте. Такого рода тексты образуют специфический текстовый формат, в общем виде определяемый как «совокупность условий, определяющих способ появления, форму и характер коммуникативной ситуации текста» [4, с. 136]. Коммуникативная ситуация в нашем случае отмечена доминированием адресанта, и именно она в нашем случае является определяющей в выделенной триаде образующих текстовый формат факторов. Однако особого внимания заслуживает внешняя форма текстов, адресованных общественности социальной элитой. Такие тексты создаются на особом языке, называемом валюативном, словарь которого, как отмечается нами в [5, с. 6], содержит имена строк валюативной матрицы. В свою очередь, высказывания на таком языке обладают двойственной структурой, отображающей интерпретационное соответствие между именем строчки валюативной матрицы и элементами социального мира. Такие высказывания могут непосредственно выглядеть как «X – герой», «Y – враг», «Z разрушает наши ценности» и т.п., а могут редуцироваться к такому виду. В целом, в такого рода текстах социальное воспроизводится в валюативно комфортном для элиты виде.

Метод валюативного моделирования интерпретационной активности общностей, применительно к элитологической проблематике, выявляет особенности коммуникации между элитой и остальной частью общества. Носитель элитарного сознания может быть определен как субъект господства в отношении социальных смыслов. Он обладает интерпретационной автономией на уровне, во-первых, самостоятельности разработки и выбора валюативов, во-вторых, – обладания ресурсами их трансляции остальной части общества; в-третьих – осуществления контроля в отношении рисков маргинального влияния на валюатив, формирующий социальную общность.

Список литературы

1. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / пер. с франц. Н. А. Шматко // Социология социального пространства М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. 288 с. (Серия “Gallicinium”).

2. Коротченко Ю.М. Валюативное моделирование коллективного сознания // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. № 1. С. 152–168.
3. Моска Г. Правящий класс // *Социс*. 1994. № 10. С. 187–198.
4. Рыскельдиева Л.Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований // *Философский журнал*. 2017. Т. 10, № 1. С. 136–153.
5. Рыскельдиева Л.Т., Коротченко Ю.М. Текстовая компонента в современных социально-философских исследованиях // *Философская мысль*. 2016. № 11. С. 1–10.
6. Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис. 1994. С. 340–376.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Слащева Марина Анатольевна,

магистрант,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Современная коммуникация претерпевает значительные изменения. Огромные массивы информации проникают во все сферы общества. Потребитель информации не успевает перерабатывать ежесекундно получаемую информацию. Поэтому важным становится умение отбирать и систематизировать информацию всегда и везде: по пути на работу, при выборе товара в магазине, при просмотре телепередачи или на сайте Интернета. Приоритетным способом передачи информации в различных средствах массовой коммуникации становится не вербальный, а визуальный. Добавление визуального компонента к вербальному тексту сегодня стало нормой для публикаций в газетах и журналах: «Сопровождая изображениями вербальные тексты, авторы, с одной стороны, преследуют цель «оживить» и украсить сообщение, а с другой, стремятся к улучшению восприятия информации путем двойного кодирования: вербального и визуального» [1, с. 328]. Это связано с тем, что у аудитории изменился подход к восприятию информации: современный читатель намного быстрее и легче воспринимает «картинку», чем текст. В результате появляются новые виды читателей – «сканеры». Они пробегают взглядом страницу, не вникая в суть материала [2, с. 5–10].

Под визуальным контентом мы понимаем всю визуальную информацию, которая сопровождает текст: фотографии, рисунки, схемы, коллажи и т.д. Конечно, будет уместным сказать, что вербальный текст тоже воспринимается визуально, но мы видим только буквы, а описанную картину мира должны реконструировать мысленно; изображение не требует этой работы по дешифровке и реконструкции смысла текста, это сущность противопоставления так называемой культуры книги и культуры экрана [4, с. 121]. В этом востребованность визуальной печатной журналистики – она подражает «телевизионному», «экранному» типу восприятия, и это отвечает современным запросам человека в информационном обществе [6, с. 56–60].

Все иллюстрации в печатных СМИ разделяют на две группы: фотоиллюстрации и нефотографические иллюстрации. К фотоиллюстрациям относятся репортажные снимки, фотопортреты, фотомонтажи и фотоплакаты, фотоочерки, фотообвинения, фотоэтюды, фотопейзажи, фотонатюрморты, фоторепродукции, кинокадры. К нефотографическим иллюстрациям относятся рисунки, чертежи, различные зарисовки, карикатуры, шаржи, диаграммы, карты, схемы [5, с. 217–239].

Фотография – важная составляющая периодического печатного издания. Считается, что ничто не сообщает журнальной полосе столько движения и эмоций, сколько несет фотография. Каждая фотография содержит в свернутом виде историю. И каждая история в свою очередь достойна иллюстраций. Сегодняшний читатель настолько избалован телевидением, что ожидает увидеть крупные цветные фотографии и в печатных изданиях, причем сопровождающие едва ли не каждую из публикаций.

Выделяют три основные формы фотографии в прессе: 1) горизонтальная; 2) вертикальная; 3) квадратная [3, с. 227].

Горизонтальная – наиболее распространенная. Человеку свойственно видеть мир в горизонтальной плоскости. Первое, что мы видим, взяв фотоаппарат, это горизонтальное изображение.

Вертикальная – самая динамичная форма. Создает иллюзию восприятия текста на полосе как расположенного вертикально, даже если это не так. Есть объекты, для которых вертикальная форма предпочтительна, например, космический корабль на взлете.

Квадратная форма считается самой скучной. Некоторые издания вообще избегают фотографий данного формата. Хотя в фотографии главное – ее содержание, а не форма.

Каждая из названных конфигураций имеет свои достоинства и недостатки. И каждая наилучшим образом подходит для определенных оформительских решений.

К фотоиллюстрациям следует отнести и коллаж, когда имеется в виду именно фотографическая техника его создания. Другие техники коллажа в материалах прессы мы не встретили. Фотоколлаж – это одно изображение, объединяющее в себе несколько снимков. Фотоколлажи бывают простыми, когда объединяются всего два изображения, и сложными, для создания которых используют возможности современных графических редакторов. Это может быть замена или добавление объекта на фотографию, замена фона, изменение количества людей на снимке, наложение рамки на фотографию и многое другое.

Инфографика (информационная графика) используется и как самостоятельный материал в журнале, и как наглядная иллюстрация к текстовой публикации. Она представляет собой смесь вербального текста и иллюстраций,

наглядно представляющих информацию. К инфографике относятся: карты, таблицы, списки, диаграммы. Она может быть маленькой вставкой, а может занимать и целую страницу. Важно, что инфографика, как иллюстративный элемент, визуально разбивает вербальный текст на фрагменты, и это альтернатива сплошному серому тексту. Она также позволяет автору выводить важную, но фоновую для основного содержания информацию за пределы основного текста и организовывать ее в хорошо заметные блоки. Они насыщены, выразительны, способны развлечь читателя. Наличие их на странице обеспечивает газете или журналу больше читательского интереса. Такие блоки читают чаще, чем основной материал, который они сопровождают. Эти визуальные формы подачи информации хорошо срабатывают в деловых отчетах, статистике, новостных публикациях и т.д.

Выделяют три основных типа графиков: 1) линейный график; 2) линейчатая диаграмма; 3) круговая диаграмма [3, с. 227].

Линейчатая диаграмма служит для сравнения двух или нескольких величин и состоит из вертикальной или горизонтальной шкалы данных и столбиков, наглядно изображающих измеряемые величины. Линейный график показывает изменение одной или нескольких величин с течением времени. Лучше всего подходит для обозначения динамики одного несложного показателя. Он состоит из вертикальной шкалы значений величины, горизонтальной шкалы времени (вдоль нижнего края), и кривой, отображающей изменение величины. Круговая диаграмма сравнивает долевое соотношение частей в составе целого. Она состоит из круга, который обозначает сто процентов чего-либо, и нескольких надрезов, делящих «пирог» на части.

Таблицы – это списки наглядно расположенных данных. Таблицы включают: заголовок, названия категорий (вертикально) и список данных. Списки хорошо организуют рейтинговую информацию, наглядно подают советы или предостережения. Список может быть беспорядочным (элементы расположены в свободном порядке), маркированным (с разделительными элементами), категориальным (шрифтовые выделения или пробелы дополнительно ранжируют информацию). Популярные разновидности списков: список-комментарий, глоссарий или словарь.

Карта в журнале отвечает на вопрос «где». Схема же призвана рассказать, «что» и «как». Иногда схема перестает быть вспомогательным элементом графического дизайна и становится ведущей иллюстрацией.

Также к информационной графике относятся рейтинги, наглядная хронология, пошаговые инструкции и некоторые другие элементы, по-разному оформленные визуально.

Шрифтовое оформление текста придает изданию индивидуальные черты. Информационная функция является главной для шрифта. Поэтому его оформление, визуальные характеристики направлены на удобочитаемость, которая определяется легкостью восприятия текста и зависит от графики шрифта и от оформления текста, длины строки и верстки издания. Изменение кегля шрифта в заголовках в сторону увеличения служит для выделения материалов на полосе, и это существенная тенденция развития дизайна современной прессы.

Таким образом, визуализация является средством коммуникации, значение и функции которой трансформируются. Постоянно увеличившийся поток информации приводит к тому, что респонденты чаще просматривают изображения без углубленного чтения текстов. Средствами интерпретации информации становятся визуальные элементы, которые явно или образно передают суть публикации: фотография, инфографика, рисунок, графика, шрифт. Весь комплекс визуальных форм составляет единое композиционное целое.

Список литературы

1. Вашунина И.В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Н. Новгород: НГПУ, 2007. 421 с.
2. Касьянова Л.Ю. Семантическая неологизация в русском языке конца XX – начала XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (Филология). 2006. Вып. 5 (56). – С. 5–10.
3. Корда О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики. Екатеринбург, 2013. 227 с.
4. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборея, 2007. 464 с.
5. Ревзина М.А. 13 шагов к успеху на малом медиарынке // Журналистика и медиарынок. Новосибирск: СибАГС, 2006. С. 217–239.
6. Фадеева И.В. Особенности функционирования регионального корпоративного телевидения // Новые тенденции развития гуманитарных наук. Ростов н/Д, 2016. № 3. С. 56–60.

ЭЛИТАРНЫЙ (АВТОРСКИЙ) КИНЕМАТОГРАФ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Сколота Зоя Николаевна,

кандидат философских наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

XX век окончательно трансформировал восприятие реальности, поставив на первое место визуальный образ, ставший фундаментом в формировании ценностей и знаний, мышления, представлений о Себе и Других. В современном урбанизированном мире свехплотность визуальных потоков нивелирует основанные на структуралистском инструментарии, способы описания и анализа различных визуально-коммуникационных ситуаций. Визуальный континуум затрудняет возможность выделения зрительных сообщений, поскольку, непластичные семиотические

матрицы, построенные на опыте исследования дискретных, высокоформализованных языков и текстов, перестают функционировать в новых условиях. Все формы современной коммуникации стали преимущественно носить визуальный характер. Поэтому человек требует от окружающей действительности ее максимальной визуальной читаемости, стремящейся к исключению из арсенала использование текста и слова. Свидетельством этого явления становится как элементарное предпочтение визуальным, графическим сообщениям в повседневной личной коммуникации, так и широкое использование зрительных образов в графическом дизайне, рекламе и других формах урбанизирующийся реальности.

Богатый технический арсенал, полученный человечеством на рубеже XX–XXI столетий, стал активным инструментом формирования как самой повседневности, так и представлений о ней. Повседневные способы фиксации, трансляции и контроля современной реальности, помещаются в кармане обывателя. Стремительно развивающаяся культура «селфи» формирует феномен «тотального запечатления», который не оставляет место невидимому и скрытому, десакрализируя все стороны жизни и мысли индивида.

По сути вся сфера медиaprостранства, куда можно включить аудио-, видео-, теле- и визуальные средства массовой коммуникации (кинематограф, музыка, анимация), отличающиеся общедоступностью и обращенностью к массовой аудитории, активно формирует сознание и мышление зрителя как субъекта массовой культуры, пассивно воспринимающий цифровой художественный образ. Как справедливо отмечает В.В. Савчук, мир «явлений» – знаков, образов, интерпретаций становится миром медиа, а реальность обретает черты медиареальности [4]. Визуально-цифровые технологии, ускорили процессы создания и ретрансляции арт-продуктов, но не затронули содержательную и эстетическую сторону. Медиaprостранство успешно заменяет массовому зрителю реальную действительность, которая блекнет на фоне идеально-прекрасного, идеально-телесного, идеально-безобразного, идеально-ужасного, на фоне смоделированных эффектных, глянцевых, сенсационных и эпатажных типажей и мемов. Устойчивые образы, созданные визуальными технологиями, оказывают тотальное воздействие на эстетические представления реципиента. Каноны идеально-эстетического доведенные до гротеска, становятся естественно и единственно возможными в реальном мире. Стремление человека, вышедшего из медийной виртуальной реальности, продолжить существовать в иллюзорном пространстве, заставляет его преобразовывать свою телесность и окружение в соответствии с заданными ей образцами, что нередко ведет к явным или скрытым психическим заболеваниям. Кроме того, подобная эстетизация сознания не является прямым воплощением идеи Ф.М. Достоевского о спасении мира красотой. Идеальные и порой противоречивые конструкты являются результатом случайных комбинаций массового производства, не имеющих конкретного автора. Главная цель подобного рода визуальных медиакон – удовлетворение гедонистических потребностей человека, сопряженное отсутствием ценностных и моральных ориентиров, соответственно, не ведет к духовному росту и преображению реципиента. «Воздействие технологии на визуальный опыт происходит не на уровне мнений или понятий; оно меняет чувственные пропорции или образцы восприятия, меняет человека последовательно, незаметно и без сопротивления с его стороны» [3, с. 22]. Визуальное искусство действующее в медиaprостранстве всецело подчинено законам массовой культуры, формирует у его потребителей аддиктивное поведение, реализуемое в стремлении уйти от сложностей реальной жизни посредством постоянного пребывания в медийной реальности.

В целом, как массовое искусство, так и повседневная реальность, развивающаяся под модусом видимости, привела к деградации визуального образа, который на протяжении предшествующих столетий, являлся доминантой рецептивного опыта обывателя, составляющей его художественную и эмоциональную ценность. Безусловно подобные процессы несут серьезную угрозу психическому здоровью человека, его социальной идентификации. Кроме того, все, что выпадает из «зоны тотального запечатления», все что недоступно визуализации автоматический удаляется из социально – активной картины мира обывателя, иными словами перестает существовать как для индивида, так и для социума. «В истории XX в. мы, видимо, впервые можем наблюдать гипертрофированное развитие массовых экранных форм и оттеснение ими на периферию многого из определяющих элитарных или индивидуализированных форм» отмечает Н.А. Хренов в книге «Зрелища в эпоху восстания масс» [7, с. 586]. Однако на сегодняшний день сохранились и продолжают развиваться такие сферы художественной реальности, как элитарный (авторский) кинематограф и видео-арт, для которых контекст «борьбы с невидимым» усиливает потребность поиска художественного образа не ограничивается внешними формами, ставшим традиционным императивом видимости.

Остановимся подробнее на одном из них.

Элитарный (авторский) кинематограф и как понятие и как форма искусства вошло в мировую культуру в эпоху XX в. Мы сознательно не будем углубляться в дефиниции этого понятия, лишь уточним, его некоторые ключевые характеристики. Авторский кинематограф является продуктом элитарной культуры. Под элитарной культурой понимать культуру привилегированных групп общества, характеризующаяся принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом и ценностно-смысловой самодостаточностью. Безусловно постмодернистская парадигма наложила вето на использование этого термина, аргументируя это тем, что данное понятие носит антагонистический и нетолерантный характер, кроме того, методы трансляции и формы распространения массовой и элитарной культур в XX в. стали одинаковыми.

Однако указанные далее черты, ярко свидетельствуют о ее элитарном характере: сложность содержания; инновационность форм; способность формировать сознание; готовность к креативному преломлению действительности в соответствии с ее объективными законами; способность формировать духовный, интеллектуальный и художественный опыт поколений; наличие аксиологических идеалов и ориентиров; конструирование усложненной культур-

ной семантики, требующей интеллектуальной подготовки и эстетического опыта; сакрализация культурного знания и опыта, отсюда «закрытость», «узость» и «сложность» восприятия художественного продукта.

Относительно понятия «авторского» кинематографа, следует отметить, что под ним понимается целая теория, сложившаяся в рамках французской «новой волны» на рубеже 1950-х – 1960-х гг., согласно которой главный автор фильма – режиссёр-постановщик. Обоснованием этой идеи послужило творчество мастеров мирового кино яркой индивидуальности (С.М. Эйзенштейна, В.И. Пудовкина, А.П. Довженко, Д. Вертова, а также М. Антониони, И. Бергмана, Ж.-Л. Годара, М. Карне, А. Рене, Ф. Феллини и др.). «Авторское кино, – указывает В. И. Фомин, – ... нацелено прежде всего на неповторимо-индивидуальное, исповедальное, личностное выражение. Отсюда подчеркнутое отторжение всего традиционного, яростное опрокидывание, отталкивание, изживание во всех элементах образной ткани всего стереотипного, привычного, общепотребимого» [6, с. 71].

Итак, доминантой установкой элитарной культуры формула: «искусство для искусства». Как «рассуждающее искусство», именно авторский кинематограф является одной из форм кинематографа, где эта линия анализа и философствования прослеживается ярче всего. Главная особенность авторского, элитарного кинематографа, на наш взгляд, состоит в его интеллектуальном потенциале, необходимости развития мышления, использование философской рефлексии для понимания замысла художника. Авторское кино поднимает онтологические вопросы, ставит острые моральные проблемы, исследует судьбы героев и передает их внутренний мир. Авторское кино ищет причины бытия, ищет причины бездоходности и атомарности социума, она сюрреалистично и абсурдно, однако, оно стремится осмыслить мир и время, в современных условиях бесструктурности и крайней визуальной «замусоренности» окружающей среды. Фильмы А. А. Тарковского, А.Н. Сокурова, Д. Кассаветиса, К. Таратино, М. Скорсезе, С. Кубрика и других, нельзя назвать массовым априори, так как его элитарность прослеживается уже на стадии производства, где режиссер, контролирующий продюсера (иногда одно лицо) определяет и ограничивает заранее аудиторию.

Иными словами авторское кино представляет само по себе некоторый особый способ мышления, это своего рода философия в визуальном формате. Поскольку, в этом кинематографе рождается критический диалог, в котором «его каждая часть оказывается способной ставить под вопрос другую и изменять ее, изменяясь сама» [1, с. 169], можно утверждать, что сам по себе он является примером критического мышления. В мышлении и сознании человека критические установки присутствовали на протяжении всей истории его развития всегда (начиная с идей Платона до критического рационализма Поппера)

Однако только в XX в. критическое мышление стало самостоятельной дисциплиной. Критическое мышление – «особый вид умственной деятельности, позволяющий человеку вынести здравое суждение о предложенной ему точке зрения или модели поведения» [8, с. 46]. Критическое мышление – есть аналитический процесс, который базируется на развитии «аудиовизуальном восприятии» и «аудиовизуальном мышлении». Этот процесс приводит реципиента к интерпретации и оценке «зашифрованного» в авторском кинематографе медиатекста. Как справедливо отмечает Г.В. Сорина: «Критическое мышление предполагает наличие навыков рефлексии относительно собственной мыслительной деятельности, умение работать с понятиями, суждениями, умозаключениями, вопросами, развитие способностей к аналитической деятельности, а также к оценке аналогичных возможностей других людей. Критическому мышлению в целом свойственна практическая ориентация. В силу этого оно может быть проинтерпретировано как форма практической логики, рассмотренной внутри и в зависимости от контекста рассуждения и индивидуальных особенностей рассуждающего субъекта» [5, с. 98].

Авторский кинематограф, с одной стороны, выступает сам результатом критического мышления автора-режиссера, с другой – может стать прекрасным инструментарием для развития этого важного навыка в условиях визуального поворота современной цивилизации. Однако может возникнуть логичное сомнение, что реципиентами элитарного кинематографа становятся особая группа людей, возможно уже обладающая навыками критического мышления. Дело в том, что количество поклонников данного жанра невелико и поэтому режиссеры и продюсеры ищут попытки синтеза массового и элитарного кинематографа, внося в содержание арт-продукта постмодернистский прием двойного кодирования, как популярных массовых фильмах «Криминального чтива», «Матрицы», «Космической одиссеи» и др. Поэтому подобное развитие экранной культуры требует развития его главного участника – зрителя. Иными словами в условиях переизбытка визуальной информации, реципиенту необходимо научиться адекватно воспринимать ее, анализировать и понимать, эти важные для «выживания» сознания индивида дает критическое мышление.

Список литературы

1. Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас. СПб: Наука, 2001. 264 с.
2. Кириллова Н.Б., Хилько Н.Ф. Аудиовизуальная культура. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2011. 232 с.
3. Маклюэн М. Понимание Media. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
4. Савчук В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб, 2013.
5. Сорина Г.В. Критическое мышление: история и современный статус // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2003. № 6. С. 97–110.
6. Фомин В.И. Правда сказки. М.: Материк, 2001. 168 с.
7. Хренов Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. М., 2006.
8. Johnson R.H. Some Observations about Teaching Critical Thinking. CT News // Critical Thinking Project. California State University, Sacramento. 1985. Vol. 4, № 1.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА И ШЕСТИ СИГМ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Скоблева Элла Ивановна,

доцент, доктор экономических наук,

декан факультета мировой экономики и управления,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Основные методы и идеи бережливого производства были предложены Г. Фордом и применялись на заводах компании «Форд» в 20-е годы прошлого столетия, но впервые в полном объеме были реализованы в Японии. Японский инженер Т. Оно пришел к выводу, что достичь успешного результата возможно только при обеспечении качества на всех этапах производственного процесса [5, p. 146]. Сегодня данная система известна как производственная система Toyota (Toyota Production System – TPS), принципы и инструменты которой нашли отражение в ее американском варианте – системе бережливого производства (Lean Production) [8, p. 352].

В последнее годы за рубежом большой популярностью пользуется синтез двух систем «Бережливое производство» и «Шесть сигм», получивший название «Бережливое производство + шесть сигм» (Lean Six Sigma, LSS). Вклад «Шести сигм» в этот синтез состоит в жесткой привязке к потребительским запросам, в универсальной, единой для всех процессов метрике, в создании устойчивой инфраструктуры совершенствования процессов, в модели DMAIC (от английских слов Define / Определяй – Measure / Измеряй – Analyze / Анализируй – Improve / Совершенствуй – Control / Контролируй).

Интеграция двух концепций объясняется их взаимодополняемостью. Так, метод «Шесть сигм» позволяет применять инструменты повышения качества процесса, но не обладает инструментами обеспечения его скорости, в то время как методологии бережливого производства не хватает инструментов статистического контроля процесса, она не позволяет создать стабильную инфраструктуру и акцентировать внимание на потребителе, как это делают шесть сигм. Таким образом, чтобы достичь целей, поставленных организацией, то есть добиться удовлетворенности потребителя и снижения потерь, требуется интеграция бережливого производства и шести сигм.

Использование LSS в системе высшего образования – сравнительно новая концепция. Однако спрос на нее со стороны университетов растет по причине усиления конкуренции в этой отрасли [7]. Несмотря на то, что университеты некоммерческие организации, они ежегодно должны получать достаточное финансирование для покрытия расходов и reinvestирования. Кроме того, имеет место давление со стороны студентов, которые требуют все более высокого качества образования, со стороны государства, которое формирует запрос на показатели эффективности и результативности университетов при сокращении финансирования вузов. В этой связи обращение университетов к идеям бережливого менеджмента становится все более востребованным.

Выгоды от использования LSS исследователи называют следующие: 1) повышение удовлетворенности изучения дисциплин, если они предполагают знакомство с передовым опытом [3, p. 175–187]; 2) оптимизацию административных процессов в образовательной организации, стандартизацию требований к заполнению форм [2, p. 248–262].

Вместе с тем некоторые авторы [1] отмечают проблемы разворачивания LSS в высшем образовании: 1) далеко не всегда возможно применение технологий, инструментов, терминологии LSS к системе высшего образования; 2) многие процессы в университете изолированы, не все из них можно проектировать; 3) обычно имеет место неполная информация о потребностях клиентов; 4) для университетов характерна консервативность, что ограничивает возможности применения LSS.

В настоящее время в одних только США существует целый ряд колледжей и университетов, работающих по системе LSS: 1) Cincinnati State Community College; 2) Clark State Community College; 3) Cleveland State University; 4) Cuyahoga Community College; 5) Edison State Community College; 6) Kent State University; 7) Miami University; 8) Northwest State Community College; 9) Ohio University; 10) Sinclair Community College; 11) University of Akron.

Максимальную выгоду от внедрения бережливого производства и шести сигм можно получить, если применять их принципы в комплексе, тем самым обеспечив единство направления не только в производственной деятельности, но и в сфере оказания услуг, к которым относится образование.

Использование инструментов LSS в проектировании образовательного процесса делает возможным проанализировать те потери, которые тормозят его оптимизацию. Система бережливого обучения как элемент любой бизнес-стратегии, реализующей принципы бережливого производства, направлена на выявление и устранение потерь для увеличения производительности труда, в конкретном случае – производительности обучения.

Возможно следующее использование инструментов LSS:

1. Предотвращение дефектов в образовательном процессе. Дефектами в обучении является недостаточный уровень овладения обучающимися теми компетенциями, которые должны быть сформированы в результате изучения определенных учебных курсов. Например, инструмент избегание ошибок позволяет добиваться необходимого уровня усвоения знаний. На практике реализация этого инструмента состоит в обязательном про-

межуточном и итоговом тестировании по дисциплинам образовательной программы. Важным является использование в образовательном процессе вуза методики организации практик непосредственно на производственных площадях.

2. Развитие критического мышления у студентов [6, р. 178].

3. «Вытягивающая» система подготовки кадров. Если в производстве «вытягивающая система» связана с карточками Канбан, то в процессе образования этот инструмент может означать подготовку необходимого количества востребованных работодателем специалистов. В связи с использованием этого инструмента существует целый ряд проблем, связанных с набором и подготовкой абитуриентов (студентов), определением в учебном заведении образовательных программ, по которым будет объявлен прием.

4. Система стандартизации учебного процесса. Основная цель стандартизации в обучении - создать условия для обеспечения эффективности и результативности обучения, контроля за сформированностью общих и профессиональных компетенций у обучающихся. Стандартизации в образовательном процессе предполагает унификацию документооборота вуза.

5. Организация рабочего места – система 5S для осуществления учебного процесса в аудитории. Использование инструмента правильной организации рабочего места устраняет множество потерь в обеспечении учебного процесса.

6. Визуализация образовательного процесса. Инструмент визуализации позволяет оптимально структурировать учебный процесс. Применительно к образовательному учреждению это может быть визуализация учебно-методических материалов на информационных досках и на сайтах учреждения.

7. Изменяемость и управляемость данными и показателями, характеризующими реализацию образовательного процесса. Ниже приведена причинно-следственная диаграмма для оценки влияния входных параметров при подготовке студентов [4].

8. Активное вовлечение сотрудников университета на всех уровнях для обеспечения непрерывного улучшения качества.

Таким образом, возможности использования инструментов LSS для образовательного процесса, несмотря на специфику их применения в системе высшего образования, призваны способствовать повышению качества и развитию университета.

Список литературы

1. Carsten Svensson, Jiju Antony, Mohamed Ba-Essa, Majed Bakhsh, Saja Albliw. A Lean Six Sigma program in higher education // International Journal of Quality & Reliability Management, 2015. Vol. 32, Iss. 9. Режим доступа: http://repository.kaust.edu.sa/kaust/bitstream/10754/576099/1/Establishing+a+Lean+Six+Sigma+Program+in+Higher+Education+-+Author_Manuscript.pdf
2. Doman M.S. A New Paradigm in Higher Education – A Case Study // Quality Assurance in Education. 2011. Vol. 19, № 3.
3. Emiliani M.L. Improving Business School Courses by Applying Lean Principles and Practices // Quality Assurance in Education. 2004. Vol. 12, № 4.
4. Mazumder Quamrul H. Applying Six Sigma in Higher Education Quality Improvement. 2014. Режим доступа: file:///C:/Users/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C/Desktop/Final_-_ASEE-8594_Six_Sigma_in_Higher_Education.pdf
5. Ohnos T. Workplace Management by Taiichi Ohno. Gemba Press, 2007.
6. Sunder M. Vijaya. Lean Six Sigma in higher education institutions // International Journal of Quality and Service Sciences. 2016. Vol. 8, Iss. 2. P. 159–178.
7. Waterbury T. Educational Lean For Higher Education: Theory and Practice – An Educator Provides Insights into Lean Implementation For Colleges and Universities. USA: s.n. 2011. Режим доступа: <http://www.principlesinpatterns.ac.uk/Portals/70/pip%20document%20library/Other/KrishanNetashaLiteratureReview.pdf>
8. Womack J.P., Jones D.T. The Machine That Changed the World. Free Press, 2005.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

Ахунжанова Инна Николаевна,

*кандидат экономических наук, доцент,
кафедра государственного и муниципального управления, учета и аудита,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Томашевская Юлия Николаевна,

*кандидат экономических наук, доцент,
кафедра государственного и муниципального управления, учета и аудита,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Модернизация образования в системе российской высшей школы определила поиск инновационных методов обучения. Кейс-метод (метод анализа реальных ситуаций), занимающий устойчивые позиции в зарубежной практике бизнес-образования и являющийся эффективной технологией обучения студентов вузов и слушателей бизнес-школ навыкам решения ситуационных проблем, начал активно использоваться в России. Вместе с тем, очевидно, что тех-

нологии обучения, получившие широкое распространение за рубежом должны пройти качественную апробацию и при необходимости быть адаптированы с позиции российской образовательной действительности.

В данном исследовании предпринята попытка выявления специфики преподавания образовательного курса, полностью основанного на кейс-методе (курс «Микроэкономика конкурентоспособности» Гарвардской школы бизнеса (Гарвардский университет, штат Массачусетс, США)) в образовательном процессе в России. Реализация курса в среде регионального бизнес-образования на протяжении восьми лет позволила разработать варианты интерактивных форм взаимодействия, способствующих эффективному овладению профессиональными компетенциями слушателями российских бизнес-программ.

Курс «Микроэкономика конкурентоспособности» направлен на предоставление слушателям базовых теоретических знаний по основам конкурентоспособности отдельных компаний и территорий, функционирующих в рамках определенных кластеров, а также формирование практических навыков в области повышения конкурентоспособности.

Отметим также, что преподавание курса на основе кейс-технологий позволяет развить у слушателей навыки критического мышления и лидерства. Использование кейс-технологий предполагает обязательный анализ слушателями реальной ситуации, разбор проблемного поля, формирование вариантов решений и выбор наиболее оптимального из них. При этом усвоение знаний и формирование умений есть результат активной самостоятельной деятельности слушателей по разрешению противоречий, в результате которой и происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками и умениями. Каждый кейс актуализирует соответствующий комплекс знаний, необходимых для усвоения в ходе разрешения конкретной проблемы. Постановка проблемы всегда вызывает у слушателей профессиональный интерес, заставляет использовать практический опыт, воображение, активизирует мысль, направляет деятельность на поиск [1, с. 9].

Методика Гарвардской школы бизнеса предполагает проведение аудиторных занятий в форме открытой групповой дискуссии, основанной на реальных ситуациях, изложенных в кейсовом материале. Образовательная стратегия обсуждения тщательно подготовлена, структурирована, регламентирована во времени и контролируется преподавателем курса. Слушателям предлагается ознакомиться с содержанием кейса предварительно и ответить на поставленные проблемные вопросы. Дискуссия в аудитории предполагает целенаправленный и организованный обмен мнениями, модулируемый преподавателем.

Деятельность преподавателя в рамках реализации курса включает две фазы:

первая фаза – внеаудиторная работа по подготовке к кейсовому занятию, выстраивание логической структуры анализа и обсуждения, введения в проблему и резюмирующей части;

вторая фаза – деятельность в аудитории при обсуждении кейса, сопровождающаяся вступительным и заключительным словом, организацией дискуссии, модерацией обсуждения вопросов и поддержкой делового настроения аудитории, оценкой вклада каждого слушателя в анализ ситуации. Во время дискуссии преподаватель может занимать активную или пассивную позицию, иногда ограничиваясь только подведением итогов дискуссии.

Вместе с тем, использование метода дискуссии имеет свои сложности в части организации и контроля ответов участников по сравнению с альтернативным подходом разбора кейсов, предполагающем формальную устную оценку ситуации слушателями и предложение рекомендаций. В ходе реализации курса «Микроэкономика конкурентоспособности» данное ограничение было решено посредством видеосъемки кейсового обсуждения, позволяющей впоследствии более точно оценить вклад каждого участника обсуждения. Завершается обсуждение кейса структурированным изложением теоретического материала.

Отличительной особенностью курса является использование такой технологии, как «встреча с видео-гостем». После обсуждения кейса слушатели имеют возможность просмотреть видео-интервью с реальным участником событий, описываемых в кейсе, что дает дополнительную практическую значимость обсуждаемой ситуации.

С целью диагностики восприятия данного курса российскими слушателями было организовано и проведено поисковое исследование в форме опроса разных категорий слушателей курса «Микроэкономика конкурентоспособности». Ниже представлены результаты, полученные в ходе опроса, а также общие рекомендации по внедрению курсов, основанных на кейс-технологиях, аналогичных рассмотренному, в России.

Опрос проводился в форме анонимного анкетирования на базе Интернет-ресурса iAnketa.ru с возможностью конвертации данных в программу SPSS. В качестве респондентов выступили выпускники и действующие слушатели различных образовательных программ, реализуемых в Астраханском государственном университете, в том числе, 74,2 % – слушатели Президентской программы подготовки управленческих кадров, 19,6 % – слушатели российских магистерских программ, 5,9 % – слушатели совместных магистерских программ АГУ и университета Кларк (США). Всего в опросе приняло участие 244 человека. Преобладающая часть среди опрошенных (89,6 %) – менеджеры высшего и среднего звена, то есть либо имеющее базовое образование, связанное с управлением, либо занимающие управленческую позицию на настоящем месте работы. 58 % респондентов отметили метод кейс-стади, как инструмент, позволяющий применить теоретические знания к решению практических задач. Вместе с тем, 87 % респондентов подчеркнули, что он способствует развитию самостоятельного мышления, 93 % посчитали, что кейс-метод способствует умению выслушивать и учитывать альтернативную точку зрения и 62 % – аргументированно высказать свою.

В целях выявления суждений слушателей относительно эффективности курса Гарвардской школы бизнеса и необходимости его использования в рамках образовательного процесса респондентам было предложено дать оцен-

ку эффективности по шкале от 1 (наименьший уровень эффективности) до 10 (наивысший уровень эффективности) кейс-технологий, используемых в рамках курса (рис.).

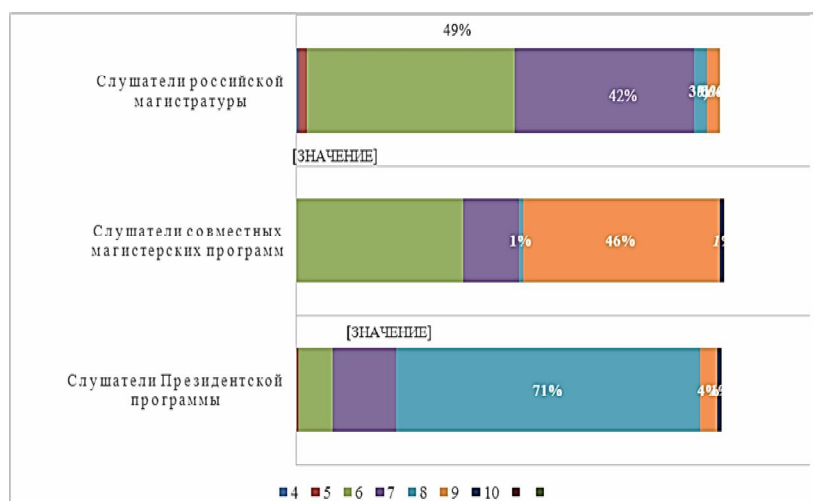

Рис. Оценка эффективности кейс-технологий слушателями

Преобладающими оценками эффективности стали баллы от 7 до 9 (по 10-балльной шкале эффективности).

В качестве комментария по полученным результатам следует пояснить, что контингент слушателей, являющихся респондентами, дифференцирован. Слушателями Президентской и совместных магистерских программ преимущественно являются специалисты, имеющие опыт участия в курсах повышения квалификации и узкоспециализированных тренингах, работающие в сфере бизнеса региона, в то время как слушателями российских магистратур АГУ – недавние выпускники вузов, имеющие дипломы бакалавров различных направлений.

К безусловным преимуществам курса в целом и кейсов в частности респондентами были отнесены следующие: 1) целостность и системность; 2) практико-ориентированность; 3) оригинальная последовательность преподнесения теоретического материала и изначальная неочевидность резюмируемых итогов обсуждения; 4) высокое качество кейсовых материалов, демонстрирующих всесторонний анализ текущего состояния предложенной к изучению ситуации и вызывающих интерес при прочтении.

Из предложенных респондентам недостатков курса наибольшее внимание получила позиция «Обширность информации» – 46 %, что, предположительно, обусловлено объективными причинами плотности учебного графика слушателей отдельных программ и, как следствие, высокой степенью их загруженности.

Наибольший вклад, по мнению опрошенных, прохождение курса внесло в формирование следующих ключевых компетенций: 1) возможность проявить и развить аналитические и оценочные навыки – 87 %; 2) умение аргументированно высказать свою позицию – 75 %; 3) развитие способности к смене парадигмы мышления – 98 %; 4) умение находить наиболее рациональное решение поставленной проблемы – 34 %; 5) навык критического, обобщающего и системного мышления – 52 %.

Руководствуясь выводами представленного исследования, а также опытом реализации описанного выше курса на базе Астраханского государственного университета обозначим ключевые особенности имплементации зарубежных курсов, основанных на кейс-методе, в российском бизнес-образовании.

Во-первых, в силу отсутствия широкой практики внедрения кейс-метода в образовательный процесс и, как следствие опыта подготовки и участия в кейсовом обсуждении у большинства слушателей (что особенно справедливо для категории взрослых слушателей, включенных в цикл непрерывного образования), внедрение данной технологии должно сопровождаться соответствующим ознакомительным учебно-методическим обеспечением. В частности, в рамках курса «Микроэкономика конкурентоспособности» сложности «входа» в курс были решены посредством специально разработанного видеоролика, демонстрирующего специфику подготовки, обсуждения и ожидаемых результатов.

Во-вторых, достижение более эффективной дискуссии во время кейсового обсуждения, предполагающего максимизацию аудиторной включенности и заинтересованности в происходящих в рамках занятия процессах, может быть обеспечено за счет следующих принципов: принцип сочетания индивидуальной и групповой деятельности; принцип театрализации; принцип обратной связи, принцип визуализации.

В-третьих, использование зарубежных оригинальных кейсов, содержащих хронологический ситуативный контекст, в ряде случаев может сопровождаться своеобразным «отпечатком» скептицизма у слушателей относительно применимости, актуальности и универсальности предложенных в ходе обсуждения экономических инструментов. В этой связи с целью приближения теоретических блоков к современным экономическим реалиям российских регионов в рамках курса была введена практика проведения открытых занятий с приглашением представителей регионального бизнес-сообщества, на отдельных занятиях – открытых встреч (дискуссий, круглых столов) с участием представителей отдельных кластеров региона.

Наконец, разная направленность базового высшего образования, часто не связанного со спецификой реализуемого курса, и, как результат, разная степень подготовленности к участию в организованной дискуссии экономического профиля диктует необходимость использования индивидуального подхода и выделения дополнительного времени для раскрытия основных теоретических терминов и явлений. Так, среди прочих мер, в отдельных случаях модераторами в рамках рассматриваемого курса была внедрен визуальный подход к демонстрации отдельных событий и ключевых объектов исследования кейсовых материалов.

Подводя итог, отметим, что использование зарубежных кейсов в образовательном процессе российского бизнес-образования способствует формированию у слушателей высокой степени развития когнитивных, информационных, социально-коммуникативных, управленческих и личностных профессиональных компетенций. Есть основание полагать, что опыт методических разработок, накопленный зарубежными коллегами, может найти эмпирическое применение и в российской образовательной системе. При этом, составление кейсов, аналогичных полноформатным кейсам Гарвардской школы бизнеса, учеными и бизнес-тренерами российской академической школы, на наш взгляд, должно сопровождаться предварительным приобретением базовых знаний и освоением соответствующих навыков по планированию и проведению кейсовых исследований на основе системного комбинирования, что позволит в дальнейшем составить серьезную основу для создания полноценной базы российских курсов, основанных на кейс-методе.

Список литературы

1. Ахунжанова И.Н. Томашевская Ю.Н., Дрозд О.В. Управление территориальным развитием: международная практика кластерного подхода. Астрахань: Новая линия, 2015. 80 с.

ТЕХНОЛОГИЯ DMAIC В РАЗВИТИИ БЕРЕЖЛИВОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Файзијева Галина Владимировна,

доктор филологических наук, доцент, MSPC,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

В сложившихся условиях жесткой внешней и внутренней конкуренции современного прогрессивного руководителя отличает важное личностное качество – бережливое мышление. Бережливое мышление – это, в первую очередь, постоянная вовлеченность и заинтересованность как в личном развитии, так и в развитии персонала и усовершенствовании производства. Это интеллектуально-мотивационная основа для формирования новой корпоративной культуры организации или предприятия. Это разумное и рациональное отношение ко всем ресурсам, в том числе к человеческим. Бережливое мышление позволяет минимизировать три основных источника потерь (помимо всем известных семи потерь согласно Lean) – нагрузка, превышающая возможности, неравномерность нагрузки и недозагрузка (неиспользование потенциала) – что в равной мере относится и к материальным активам, и к людям.

Бережливое мышление – это командное качество. Если оно присутствует у руководителя – им, рано или поздно, «заражается» и каждый член команды. В таком случае словосочетание «*мыслить бережливо*» становится синонимом «*работать эффективно*».

Возможно ли научиться мыслить бережливо и как это сделать? На помощь приходит непростая, но очень доступная технология, известная под аббревиатурой DMAIC, подразумевающая планомерное осуществление любой деятельности (организационной, управленческой, административной и т.д.) в соответствии с 5 последовательными этапами:

- 1) **определение (define)** проблемы, ситуации, вопроса в контексте данной деятельности;
- 2) **измерение (measure)** степени запущенности, проблемности и последствий для результатов процесса, количественное определение проблемы;
- 3) **анализ (analyze)** целостного процесса, его этапов и циклов и влияния существующей проблемы на его планомерную реализацию, исследование возможностей процесса, возможных рисков, обнаружение фундаментальных причин проблемы, осмысление собранной информации, выяснение причинно-следственных связей, вызывающих дефекты, консолидация знаний и способов, необходимых для решения проблемы;
- 4) **совершенствование (improve)** и модификация всех процессов и структурная декомпозиция работ в рамках определенной деятельности;
- 5) **контроль (control)** над всеми процессами и их участниками, поддержание изменений в процессах.

Фактически первые три этапа и являются ключевыми в данной технологии, направленной на формирование бережливого мышления, т.к. позволяют идентифицировать ключевую проблему процесса(ов), сформулировать фундаментальную гипотезу о ее причинах и убедиться, что предлагаемое решение нейтрализует выявленную проблему. Более того, аналитический цикл повторяется до тех пор, пока не будет подтверждена фактами фундаментальная гипотеза о причинах проблемы. Анализ также производится на каждом из других этапов, чтобы убедиться, что основная гипотеза не дает сбой, и решение нейтрализует проблему. Этап анализа служит как для обнаружения самой ключевой проблемы процесса, так и для постоянного подтверждения ее на каждом из событийных действий команды [1].

Что дает применение DMAIC для руководителя и членов его команды?

В первую очередь, системность и глобальность видения. Происходящие процессы видятся не только в масштабе, но и в их целостности. Они воспринимаются не как необъяснимое таинство, а как слаженный механизм результативности множества подпроцессов, объединенных в единое целое.

Во-вторых, возможность оценивать происходящие препятствия и проблемы, тормозящие процессы и противодействующие их эффективности. Благодаря DMAIC возможно не только констатировать наличие проблемы, но и диагностировать и описать ее измеримыми индикаторами, объяснив суть и первопричины.

В-третьих, в духе подходов шести сигма, становится возможным не только найти фундаментальную причину возникающих проблем процесса, но и основываясь на фактах, детально описать ее, предотвращая появление подобных препятствий в будущем.

Следующей точкой роста применения DMAIC в управленческой деятельности является управление рисками, так как проверка и совершенствование управленческих решений, ликвидация узких мест и так называемых ловушек является ключевым фактором в преодолении издержек в организационной и производственной деятельности и достижении максимального количества сигма при оценке эффективности процессов.

Большинство руководителей, научившихся мыслить бережливо отмечают, что технология DMAIC позволила им говорить о измеримости результатов процессов, даже если эти процессы не касаются реального производства определенных товаров. Главный результат процесса – новое решение, доведенное до конца, позволяющее на фактах убедиться в его результативности.

DMAIC – технология, ориентированная на потребителя. Даже при снижении издержек и затрат процесса внешний потребитель является ориентиром для принимаемых решений.

И, наконец, применение DMAIC позволяет сделать достигнутые результаты устойчивыми и повторяющимися, что является завершающим этапом процесса решения проблем.

Чтобы применение технологии DMAIC служило цели развития бережливого мышления необходимо следовать четкой технологической траектории, которую мы попытались представить системно. Приведем пример алгоритма DMAIC:

Этап 1 – определение: 1) постановка проблемы (четкая формулировка, с представлением негативного влияния на процессы); 2) целеполагание (четкая формулировка цели, прогнозирование позитивных последствий решения проблемы); 3) масштабирование (четко определенный масштаб «борьбы» с проблемой поможет специалистам эффективнее сфокусироваться на задаче).

Этап 2 – измерение: 1) подсчет затрат на неудовлетворительное качество при текущем состоянии процесса (каковы затраты на неэффективные процессы); 2) «генти генбуцу» - «иди и смотри» (решение проблемы возможно только на месте ее возникновения – бессмысленно продумывать план преодоления проблемы, сидя за столом); 3) сбор данных, напрямую относящихся к тем аспектам деятельности предприятия/организации, которые определяют качество выпускаемых товаров или услуг; 4) визуализация всей полученной на этапе информации (построение карт, диаграмм, графиков – всего того, что позволяет визуализировать процесс и отобразить данные статистики, которые указывают на проблемные элементы процесса).

Этап 3 – анализ: анализ причин возникновения проблем (инструменты: мозговой штурм, метод «Пять почему» и диаграмма Исикавы).

Этап 4 – совершенствование: 1) определение возможных путей решения проблемы; 2) определение наилучшего решения проблемы; 3) создание карты достижения поставленной цели.

Этап 5 – контроль: составление плана контроля процесса и определить критерии его эффективности.

Следуя представленному алгоритму, руководитель и его сотрудники приобретают способность рационально распределять свои усилия, время и средства для эффективной организации процессов, планировать будущие процессы во взаимосвязи с текущими, расставлять приоритеты при расходовании ресурсов – иными словами мыслить бережливо.

В целом, DMAIC – это способ борьбы с чрезмерно затратными и неэффективными процессами и метод формирования в ходе этой борьбы новых, эффективных процессов. DMAIC предлагает руководителю осмыслить, каковы ценности и цели предприятия/организации в долгосрочной перспективе. DMAIC не дает быстрых, незначительных изменений: технология предлагает найти действенное решение производственных задач, которое окажется самым простым и одновременно самым выгодным для компании.

Список литературы

1. <http://projectimo.ru/realizaciya-proekta/metod-dmaic.html>
2. <http://secret-seo.ru/seo/ispolzovanie-skhemy-dmaic-dlya-planirovaniya-seo-proektov>

ОБУЧЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАМ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОТРУДНИКОВ

Кондратьев Александр Геннадьевич,

*проректор по административной работе и капитальному строительству,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Практика внедрения бережливого производства в России и в развитых странах мира имеет одну важную особенность. На российских предприятиях первостепенное значение уделяется инструментам бережливого производства, а в зарубежных организациях – формированию идеологии бережливого производства, изменению корпоративной культуры управления. Доказано, что инструменты бережливого производства без лин-идеологии не работают, даже руководство компании “Toyota” главной своей целью считают формирование сознательных ответственных работников; они искренне уверены, что автомобили – лишь побочный продукт профессиональной самореализации правильно подготовленных и постоянно обучаемых людей.

Наша служба занимается обслуживанием основной научно-образовательной деятельности университета. Всю эту деятельность и их действия надо синхронизировать и обеспечивать такие принципы как точно вовремя, прогнозировать, просчитывать риски, если мы этого не делаем, то будем нести большие потери.

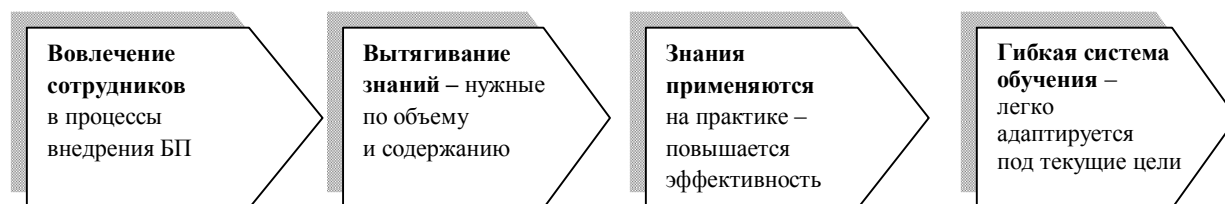
Поэтому мы вышли на известные технологии бережливого производства (6 сигм) и попытались их адаптировать в нашей деятельности, которые бы обеспечили как сокращение потерь, так и обеспечение качества.

Для внедрения элементов бережливого производства нами была создана специальная рабочая команда, которая состояла из основных лидеров нашего структурного подразделения. Командой были проанализированы все виды потерь, которые могут иметь место в нашей службе. Были обнаружены следующие явные потери, которые требовали первоочередного внимания специалистов: простои, неиспользованный человеческий потенциал.

Далее были выявлены пути сокращения потерь, оптимизации затрат и повышения производительности, в связи с чем на этапе внедрения бережливого производства командой было принято решение о применении трех инструментов этой концепции: систем 5S, Кайдзен, точно вовремя. Такая последовательность действий ведет к тому, что на предприятии начинает работать система тотального обеспечения качества и уменьшения издержек. Рабочие, инженеры и менеджеры, направляя свои усилия на устранение причин несоответствий, лишних процессов и вредных издержек, в рамках периодических мероприятий по прорывным улучшениям способны совместными усилиями создать бережливое производство, как высшую форму эффективного бизнеса. И если компания хочет изменить производственную культуру, ей придется воспитать собственных лидеров бережливого производства, которые смогут осуществить и возглавить такие культурные изменения.

Мы стараемся достигнуть цели за счет внедрения философии бережливого производства в сознание сотрудников, обучения руководителей и специалистов алгоритму пошаговых изменений по принципу PDCA. Самое важное – вовлечь работающих в процесс улучшения. Именно от них должны поступать идеи по ликвидации потерь.

Причем в качестве педагогов выступают менеджеры и руководители среднего звена. В каждый курс обучения планируется включать только то, что непосредственно нужно для совершения следующего шага в сторону бережливого производства. Люди должны получать новое знание «точно вовремя», то есть именно тогда, когда это им необходимо, и именно в таком виде, который способствует наиболее эффективному использованию полученного теоретического материала.

Однако чаще имеются подразделения, которые не приступали к внедрению бережливого производства или только начинают делать первые шаги на пути его использования. В этом случае, их основная потребность заключается в получении некоего базового знания «что делать?». Для них первоначально система обучения настраивается работать в режиме «выталкивания». Цель и одновременно результат – предоставление базовых знаний, разъяснение технологий на примерах, наставничество, проведение инструктажей, появление у сотрудников искреннего интереса к инструментам и принципам бережливого производства.

Ориентированность на заказчика или клиента – в нашем случае одна из самых приоритетных целей. Необходимо детально рассматривать каждую жалобу со стороны клиента, с организацией внутреннего расследования. Предпринятые меры должны быть ориентированы на устранение и главное, на профилактику подобных недочетов в дальнейшем благодаря совершенствованию того или иного процесса.

Таблица

Старый образ работника	Новый образ работника
Работа «от звонка до звонка» с тягостным ожиданием окончания рабочего дня	Качественное выполнение работы и рациональное использование своих навыков
Обсуждение с коллегами «тяжелой жизни», глупых начальников, завышенных требований, маленькой зарплаты	Наблюдение, анализ, обсуждение проблем с коллегами, постоянный поиск возможности улучшений
Приступает к работе только в случае явного указания руководителя. Отсутствие всякой инициативы	Стремление понять суть деятельности, ее цели. Творческое выполнение своих функций
Желание избежать всякой ответственности или перекаладывание ее на плечи коллег	Осознанная ответственность как залог высокой дисциплины труда и стабильных трудовых отношений
Отсутствие потребности в обучении. Обучение рассматривается лишь как средство для повышения зарплаты, а не увеличения возможностей	Обучение как путь развития способностей, получения новых возможностей, способ выйти на новый виток совершенствования – своей личности и производства

В процессе привлечения сотрудников к участию в улучшениях, нужно уважительно относиться к их инициативам по совершенствованию производственных процессов с обеспечением комфортных условий труда. Уже сейчас налажена обратная связь и совместно с кайдзен – движением регулярно проводится опрос с получением данных об условиях труда, доступности нужной документации, организации рабочих мест и пр. Затем предпринимаются необходимые меры для совершенствования всех процессов с обязательным привлечением сотрудников. Если какие-то инициативы работников нецелесообразны либо неосуществимы, то на собраниях кайдзен-комиссии обоснованно и корректно объясняются причины отказа.

В результате внедрения принципов и инструментов бережливого производства были получены следующие результаты: простои и затраты времени сократились, а производительность труда увеличилась.

Любое улучшение и управление предполагает изменение организационной структуры, без этого прогресс невозможен. Поэтому и необходимо эффективно соединить ресурсы и работу с людьми, широко использование системы внутреннего электронного документооборота – системы «Директум», для оперативного ознакомления с важными или срочными документами, электронного календаря для планирования ежедневной работы, мероприятий и совещаний, еженедельно проводятся расширенные совещания.

Изменение которые произошли в трудовой деятельности по системе «кайдзен» (табл.).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ЭФФЕКТИВНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИК БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Мамедова Хавер Кудрат-кызы,

*начальник отдела по модернизации материально-технической базы
и капитального строительства,*

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Муравьев Сергей Григорьевич,

главный инженер,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Целью настоящего проекта является разработка Программы оптимизации затрат инвестиционно-строительных проектов, сокращение сроков введения объектов в эксплуатацию на примере лучших зарубежных практик внедрения эффективных методов бережливого производства в строительстве. На примере строительства объекта «Пристрой к учебному корпусу № 1 по ул. Татищева, 20а в г. Астрахани», мы планируем выполнить анализ процесса строительства и сдачи объекта в эксплуатацию. Также нам необходимо будет выполнить: 1) анализ основных производственно-экономических показателей деятельности строительных предприятий России; 2) анализ зарубежного опыта строительной отрасли их успешные наработки

Потери, снижение создаваемой ценности, низкая степень удовлетворенности заказчиков – распространенные явления в строительной отрасли, наблюдаемые практически во всех странах мира. На практике наличие таких недостатков выражается в следующем: 1) низкое качество строительной продукции, т.е. большое количество несоответствий продукции требованиям проектной и нормативной документации; 2) низкая технологичность, т.е. неполный учет в проектной документации реальных условий, в которых будут производиться строительно-монтажные работы; 3) плохое управление материальными потоками; 4) порча, утрата материалов на строительных площадках; 5) непроизводительный труд, т.е. выполнение работниками ненужных операций и действий; 6) неоптимальное выполнение работ из-за различных ошибок в деятельности генподрядчика либо смежных подрядных и иных организаций; 7) нарушения требований промышленной безопасности, охраны труда и окружающей среды, которые во многих случаях могут иметь значительные финансовые последствия.

В итоге можно констатировать, что выполнение производственных задач в строительстве отличается существенно более высоким уровнем вариабельности в плане обеспечения основными ресурсами, чем в других отраслях.

Как следствие, данная сфера деятельности нуждается в специальном управленческом инструментарии, который позволил бы справляться с этими проблемами на систематической основе.

Практическое решение этих проблем должно охватывать все аспекты функционирования систем менеджмента качества: 1) планирование качества; 2) управление качеством; 3) обеспечение качества; 4) улучшение качества.

Вслед за основоположниками современного менеджмента качества (У. Шухартом, Э. Демингом и др.) сторонники бережливого строительства утверждают, что в рамках сложившихся традиционных подходов к управлению строительством дальнейший существенный рост качества и производительности невозможен. Требуются системные изменения самих принципов управления строительными организациями, и бережливого строительства представляет собой попытку предложить такие принципы.

Тема нашего исследования «Бережливое производство в строительстве: международный опыт и лучшие практики».

При моделировании проектного решения строительных объектов мы должны: 1) выявить причины издержек, увеличение, финансовых затрат и сроков строительства; 2) внести предложения по внедрению зарубежного опыта; 3) внести предложения по внедрению инструментов бережливого производства; 4) разработать программу оптимизации затрат и времени; 5) разработать дорожную карту и этапы внедрения программы. 6) выполнить расчет финансово-экономического эффекта от внедрения разработанной программы.

В чем же, собственно, состоит специфика бережливого строительства?

Во-первых, в строительстве от 40 до 60 % сметы составляет стоимость материалов. Таким образом, зависимость любой строительной организации от поставщиков весьма существенна. Это означает, что невозможно построение полностью бережливой организации, не задействуя в этом процессе поставщиков.

Второй момент. В отличие от автомобильного производства, где переход работы из одной стадии производства в другую происходит путем продвижения конвейера или простого перемещения продукции из одного цеха в другой, в строительстве переход от одного этапа работ к другому происходит через административный акт. Происходит сдача-приемка работ.

Этими и другими специфическими моментами определяется набор специфических инструментов для строительства. Это то, чего нет, например, в серийном промышленном производстве. И надо сказать, что никакой специфической литературы по бережливому строительству на русском языке нет. У нас пока проблема с отраслевой литературой, хотя в англоязычном пространстве ее достаточно по любой отрасли.

Нельзя сказать, что путь методологии бережливого строительства на Западе легок. Это не только история успеха, но и история борьбы. Однако сегодня это та практика, которая уже стала бенчмарком (лидирующей практикой), по которому остальные компании сверяют свои темпы развития.

Мы считаем, что разработанная и внедренная Программа оптимизации затрат и времени при строительстве объектов позволит в наглядной и подробной форме анализировать отклонение запланированных сроков выполнения работ, консолидировать в единой информационной базе бюджеты, календарно-сетевые графики, договора и отдельные акты сдачи-приёмки работ. Благодаря ежедневным отчётам и возможностям прогнозирования результативности такая система намного эффективнее, чем обычная практика расчёта премий по итогам квартала.

БЕРЕЖЛИВОЕ ПРОИЗВОДСТВО В БАНКОВСКОМ ДЕЛЕ: ТРЕБОВАНИЯ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лепёхин Олег Алексеевич,

кандидат экономических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Принятие управленческих решений в экономике во всех отраслях происходит в условиях постоянно меняющейся внешней и внутренней среды, что порождает неопределённость и риски в отношении конечных результатов деятельности. Категория риска является более узкой по сравнению с неопределённостью. Её отличает прежде всего то, что риск является измеримой величиной, в частности количественной оценкой риска является вероятность неблагоприятного события, дополнительных расходов, потерь.

Для математической статистики, риск – это случайная величина, к которой применим достаточно обширный инструментарий, законы распределения случайных величин. С точки зрения управления, риск – это фактор неопределённости, который нужно учесть при принятии решений с тем, чтобы минимизировать его влияние.

В XX в. возникают производственные системы, получившие название «бережливое производство», которые совмещают эти подходы и ориентированы на управление операционными рисками. Так, в основе управленческой концепции «6 сигм» лежит подход к риску как к случайной величине, что отражено в самом названии данной концепции, которое по сути предполагает, что поведение риска подчиняется нормальному закону распределения. При этом инструментарий, применяемый в «бережливом производстве» (5С, «Точно в срок», «Постоянное улучшение» и т.д.), указывает нам на то, что эти концепции ориентированы на устранение потерь, обусловленных, прежде всего, операционными рисками.

В банковском деле мы сталкиваемся с гораздо более широким пространством рисков, где основной источник проблем смещается от операционных рисков к кредитным и финансовым. Банк выступает в роли посредника, оказывающего финансовые услуги. Для него дефектом является не бракованная деталь, а просроченная ссуда или некупаемый инвестиционный проект. Кроме того, особенностью банка является фундаментальный разрыв срочности структуры активов и пассивов. Поэтому на наш взгляд «бережливое производство», в широком смысле этого выражения, в банковском деле должно ставить своей целью не управление только операционными рисками. Оно должно эффективно управлять всем комплексом рисков. Надо отметить, что в этой части наработана обширная международная практика, обобщённая Базельским комитетом по банковскому надзору.

Вполне закономерно, что сейчас в российской банковской среде проходят два одновременных процесса. С одной стороны, методы бережливого производства начинают применяться в отечественных коммерческих банках. С другой стороны, внедряются международные стандарты управления рисками. При этом трудно приуменьшить значимость того или иного процесса.

По своему определению «бережливое производство» представляет собой современный подход к управлению предприятием, позволяющий повысить его эффективность за счёт устранения семи видов потерь [1, с. 62]: перепроизводства, ожидания, ненужной транспортировки, лишней обработки, лишних запасов, ненужных перемещений, дефектной продукции. Эта управленческая технология разрабатывалась для производства и потому имеет достаточно ограниченные возможности применения в банковской сфере, так как банк работает в сфере услуг. Тем не менее отдельные его процессы можно рассматривать как производственные, например, выдачу кредитных карт или обработку очередей в пунктах обслуживания. Поэтому для банков методы бережливого производства необходимо отдельно адаптировать и вводить их в формате «бережливого обслуживания».

Бережливое обслуживание предполагает снижение потерь времени клиента с помощью таких инструментов как 5С, карта потока создания ценности (применительно к документообороту), расшивка узких мест и выравнивание загрузки работников. В основе бережливого обслуживания лежит клиент-ориентированность кредитной организации, изменение системы обеспечения заинтересованности сотрудников в результатах своего труда.

Для клиентов банка это даёт сразу видимый результат: меняется внешний вид сотрудников, манера общения с посетителями, обустройство рабочих мест и точек обслуживания, сокращаются затраты времени на проведение банковских операций, сокращается документооборот, упрощается процедура использования банковских услуг. Но есть очень важная часть деятельности банка, которую клиенты не видят, которую им достаточно трудно оценить, представленная качеством его управления рисками.

С конца 1980-х гг. проблемы достаточности банковского капитала и методологии оценки банковских рисков стали предметом оживлённого обсуждения в международном экспертном сообществе. Именно капитал выполняет функцию защиты вкладчиков от потерь, отражая способность банка компенсировать убытки, отсюда возникла идея минимального уровня достаточности капитала. В 1988 г. международным регулятором в сфере банковского надзора, Базельским комитетом по банковскому надзору, было разработано Базельское соглашение по капиталу, получившее название «Базель-I» [9]. В 2004 и 2010 гг. были опубликованы новые Базельские соглашения, регламентирующие оценку рисков и управление ими, более известные как «Базель-II» [7] и «Базель-III» [6].

Новацией «Базеля-II» стали методики оценки рисков по различным операциям банков: стандартизированный подход и подход на основе внутренних рейтингов. Например, в рамках стандартизированного подхода для оценки кредитных рисков активы взвешиваются по риску в зависимости от рейтинга, присвоенного специализированным рейтинговым агентством, либо с использованием фиксированных коэффициентов кредитного риска по различным группам активов, которые определяются регулирующим органом. В свою очередь, подход на основе внутренних моделей предполагает, что банк разрабатывает свою собственную рейтинговую модель, которую использует для оценки рисков и формирования резервов на возможные потери.

«Базель-III», принятый в декабре 2010 г., возник в форме попытки отреагировать на мировой финансовый кризис 2008г. Его основные положения связаны с пересмотром структуры капитала банков, включение в состав капитал дополнительных резервов (консервационный буфер и контрциклический буфер), повышением минимальных значений отдельных нормативов.

В целом реализация стандартов «Базеля-II» и «Базеля-III» является стратегической задачей Банка России, но объективные сложности затягивают этот процесс и вынуждают корректировать сроки. Фактически российская банковская система в настоящее время не закончила внедрение в повседневную практику стандартов «Базеля-II».

Одним из ключевых положений «Базеля-II» является система управления риском и капиталом банка, или, другими словами, внутренние процедуры оценки достаточности капитала. Первые методические рекомендации по построению такой системы в российских банках появились в письме Банка России № 96-Т в 2011 г. Поскольку данный документ носил рекомендательный характер, значительная часть банков не обратила на него существенного внимания. В последние несколько лет Банк России усилил свою работу по внедрению международных стандартов управления рисками. Так, в апреле 2015 г. появляется Указание 3624-У, обязывающее российские банки привести в соответствии с Базельскими стандартами их системы управления капиталом и рисками в течение 2016–2017 гг.

Параллельно Банк России активизировал свои действия по внедрению подхода на основе внутренних рейтингов. Данный подход, являясь альтернативой стандартизированному подходу, позволяет банкам самостоятельно оценивать принимаемый на себя кредитный риск. При использовании подхода на основе внутренних рейтингов банки могут более не опираться на фиксированные коэффициенты кредитного риска, установленным Банком России: у

них появляется право строить внутренние статистические модели, определяющие вероятность дефолта заёмщика, уровень потерь при дефолте, размер ссудного портфеля, подверженный риску дефолта. Потенциально этот подход позволяет более качественно оценить кредитные риски и может облегчить ограничения по формированию резервов и обеспечению достаточности капитала. В конце 2015 г. было опубликовано Положение № 483-П и Указание № 3752-У, которые описывают порядок реализации в российских коммерческих банках подхода на основе внутренних рейтингов, а также процесс подачи заявки в Банк России для получения разрешения на право его использования. Пока банки не стали массово переходить на новый стандарт оценки кредитного риска. По состоянию на март 2016 г., согласно отчёту Базельского комитета [8, р. 7], было подано лишь две заявки, а ряд банков находился на этапе их подготовки.

Можно сделать вывод, что с 2015 г. работа по внедрению Базельских положений в российском банковском секторе вышла на качественно новый уровень. Банки стали планировать работы по выстраиванию собственных внутренних процедур оценки достаточности капитала и управлению рисками и приступили к практической реализации международных практик.

Таким образом, в российской банковской системе обозначились две тенденции, указывающие на формирование системы бережливого производства в широком смысле: с одной стороны, внедряются элементы бережливого обслуживания, с другой стороны на системной основе выстраивается качественно новое управление банковскими рисками, отвечающее международным стандартам.

Это две тенденции задают новые требования к качеству подготовки выпускников высших учебных заведений. Для того, чтобы вписаться в современный рынок труда студенты должны будут знать принципы построения систем бережливого обслуживания и уметь на практике с ними работать. С другой стороны, они должны получить представление об основах управления рисками, быть способными обрабатывать наборы данных для построения моделей, оценивать качество моделей, готовить заключения об уровне принятых организацией рисков. Это влечёт необходимость формирования новых знаний, умений и навыков у выпускников. Несмотря на то, что компетентностный подход получил широкое развитие в российской системе образования, формулировки многих компетенций, зафиксированные в образовательных стандартах, часто носят достаточно общий характер. В этой связи на университеты ложится ответственность по отслеживанию ключевых тенденций развития банковской деятельности и наполнению компетенций, реализуемых в рамках образовательных программ таким содержанием, которое бы соответствовала современным требованиям рынка. В этом можно увидеть вызов для современного российского образования.

Список литературы

1. Лайкер Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 402 с.
2. Письмо Банка России от 29.06.2011 N 96-Т «О Методических рекомендациях по организации кредитными организациями внутренних процедур оценки достаточности капитала».
3. Положение Банка России от 06.08.2015 N 483-П «О порядке расчета величины кредитного риска на основе внутренних рейтингов».
4. Указание Банка России от 06.08.2015 N 3752-У «О порядке получения разрешений на применение банковских методик управления кредитными рисками и моделей количественной оценки кредитных рисков в целях расчета нормативов достаточности капитала банка, а также порядке оценки их качества».
5. Указание Банка России от 15.04.2015 N 3624-У «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы».
6. Basel Committee on Banking Supervision, December 2010. Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems. Режим доступа: http://www.bis.org/publ/bcbs189_dec2010.pdf
7. Basel Committee on Banking Supervision, June 2006. International Convergence on Capital Measurement and Capital Standards. Comprehensive Version. Режим доступа: <http://www.bis.org/publ/bcbs128.pdf>
8. Basel Committee on Banking Supervision, March 2016. Assessment of Basel III risk-based capital regulations – Russia. Режим доступа: <http://www.bis.org/bcbs/publ/d357.pdf>
9. Basle Committee on Banking Supervision, July 1988. International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards. Режим доступа: <http://www.bis.org/publ/bcbasc111.pdf>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЁЖНЫХ ЭЛИТ РОССИИ

Баранов Андрей Владимирович,

*профессор, доктор политических наук, доктор исторических наук,
профессор кафедры политологии и политического управления,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар*

Актуальность темы в том, что молодежь в возрасте от 18 до 30 лет в 2015 г. составляет весомую часть российского общества – 27264,1 чел. (24,4 % имеющих право голосовать граждан) [10, 8]. Молодежь – важная селекторатная группа рекрутации политических элит, поскольку смена поколений элит является одним из факторов прогрессивных политических изменений. Участие молодежи в политических элитах проявляется в приобретении опыта, усвоении общественно одобряемых норм, ценностей и установок руководящей деятельности. Происходит воспроизводство институтов политического управления.

Цель статьи – охарактеризовать политические технологии формирования молодёжных элит России на примере участия молодёжных объединений в федеральных выборах.

В условиях, когда государство уделяет недостаточное внимание в решении проблем молодежи, избирательные комиссии, партии и общественные движения способны взять на себя функцию рекрутации молодых людей в политическую элиту. Основными задачами молодёжных политических организаций являются подготовка кадров для политической деятельности, формирование общественного мнения.

Привлечение молодежи к работе в избирательных комиссиях означает повышение уровня профессиональной подготовки молодых политиков, а также контроль за реализацией прав участия молодых граждан в формировании избиркомов. Создаются клубы молодых избирателей, молодёжные советы, молодёжные избирательные комиссии.

Одним из источников кадрового резерва стали молодёжные избирательные комиссии, создаваемые при избирательных комиссиях с 2008 г. К концу 2013 г. молодёжные избирательные комиссии действовали в 53 субъектах Российской Федерации. Срок полномочий молодёжных избирательных комиссий – обычно 2 года. Они формируются из числа граждан от 14 до 35 лет. Право выдвижения кандидатов в состав молодёжных избирательных комиссий имеют региональные отделения партий, общественные объединения, учебные заведения, территориальные избирательные комиссии и избирательные комиссии субъектов РФ.

На общегосударственном уровне при палатах Федерального Собрания РФ действуют молодёжные совещательные структуры: Общественная молодёжная палата (молодёжный парламент) при Государственной Думе и Палата молодых законодателей при Совете Федерации.

С 2004 г. организуются всероссийские форумы молодых парламентариев, в центре внимания которых – повышение электорального участия молодых россиян и развитие их культуры. На форуме 2005 г. были подготовлены рекомендации по взаимодействию молодёжных парламентских структур с избирательными комиссиями, а на форуме 2010 г. взят курс создания молодёжных избирательных комиссий.

В 2008 г. молодёжные парламенты страны объединились в рамках Всероссийской общественной организации «Ассоциация молодёжных парламентов России», которая в 2012 г. преобразовалась во Всероссийскую общественную организацию «Единое молодёжное парламентское движение России». С 2009 г. действует интернет-портал Единого молодёжного парламентского движения России по адресу: www.newparlament.ru.

Вместе с тем, практика проведения избирательных кампаний свидетельствует о необходимости обучения и консультирования молодых кандидатов по вопросам их участия в избирательных кампаниях. На сайте РЦИОИТ при ЦИК России размещен обучающий интернет-комплекс «Школа молодого кандидата» для представителей партий, кандидатов на выборах в законодательные (представительные) органы власти субъектов РФ, в органы местного самоуправления.

Разработаны технологии обучения и информирования молодых граждан, представителей партий, общественных организаций, в соответствии с законодательством о выборах и референдумах принимающих участие в наблюдении за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью избирательных комиссий по подготовке и проведению выборов. ЦИК России проводит подготовку представителей СМИ, в том числе – молодых журналистов.

Для реализации Молодёжной электоральной концепции создана рабочая группа, в состав которой входят члены ЦИК России, работники аппарата ЦИК России, представители молодёжных организаций, председатели избирательных комиссий ряда субъектов РФ. Рабочая группа ежегодно разрабатывает и представляет на рассмотрение ЦИК России планы реализации Молодёжной электоральной концепции, включающие предложения, поступившие от избирательных комиссий субъектов РФ, территориальных избирательных комиссий, избирательных комиссий муниципальных образований, молодёжных организаций, иных соисполнителей концепции. Рабочая группа ежегодно готовит предложения по реализации Молодёжной электоральной концепции.

Сравним функции, которые выполняют политические партии, с функциями, которые выполняют «молодежные крылья» партий. «Молодежные крылья» выполняют функции партий, придерживаются их целей и задач. Активнее молодежные политические организации партий выполняют электоральную функцию и функцию социализации молодежи, а также функцию политического рекрутирования. Функции политических партий: инновационные, аккумулятивные, конституирующие и интегрирующие «молодежные крылья» тоже выполняют, но менее активно. Но молодежные организации выполняют и ряд специфических функций, которые не реализуют партии, например: функция мобилизации молодежи на выборы; функция перехвата политической инициативы у оппозиционных движений, функция кадрового лифта, функция «освежения» рейтинга партии путем акций уличной поддержки молодежных инициатив.

Российские партии и общественные организации видят серьезный резерв своей социальной базы в молодежи. Налицо несколько тенденций образования и функционирования «крыльев». Первая тенденция связана с возникшей после выборов 2003 г. «модой» на молодежные партийные крылья [7, с. 212–229]. Очевидно, эта тенденция отражает понимание участниками политического процесса в стране необходимости активной работы с большей частью электората, особенно учитывая то, что значительная часть молодежного электората представляет собой группу не определившихся. Политические партии, их «крылья» и молодежные организации имеют потенциальную возможность расширить свою базу. Ведь 31,72 % от числа опрошенных молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет не против того, чтобы участвовать в деятельности этих структур [4]. Политическая активность молодежи становится более системной. Молодые люди чаще демонстрируют готовность к участию в партийных структурах, рассматривая его как стратегию карьерного роста.

Феномен «молодежных крыльев» политических партий демонстрирует взаимное прагматичное взаимоотношение партийных структур и молодежи. Партии рассматривают эту социальную группу как «пехоту» в избирательных кампаниях, которая еще не стала самостоятельным актором в российской политике. Молодежь, в свою очередь, ориентирована на использование этих структур в качестве социальных лифтов. Таким образом, феномен «молодежных крыльев» политических партий демонстрирует взаимное прагматичное отношение партийных структур и молодежи [1, с. 52–55]. Основными задачами молодежных партийных организаций являются подготовка кадров для политической деятельности и доведение идей партии до будущих молодых избирателей, формирование общественного мнения. Фактически многие молодежные партийные союзы являются для партий инструментами проведения избирательных кампаний.

По мнению председателя Координационного совета организации «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР) М. Руднева, высказанному в онлайн-интервью сайту ER 16 августа 2012 г. [6], молодежь стала больше интересоваться политикой, люди хотят понимать, как можно воздействовать на политические процессы, знать, почему принимаются властные решения. Формы молодежного участия в выборах улучшаются. Так, летом 2012 г. работали более 26 лагерей по России. Активисты «Молодой Гвардии» могут в течение всего года повышать свой уровень. Это поможет им участвовать в предвыборных кампаниях. Созданы молодежные парламенты, палаты, советы. Но, по мнению лидера «Молодой гвардии Единой России», «дело не в самих органах, будь то парламент, совет или палата. Часто эти структуры носят номинальный характер и не дают тех лидеров, которые должны действительно менять нашу страну к лучшему... Хотелось бы, чтобы в этих органах рождались настоящие политики XXI в., а не люди, для которых предел мечтаний, – это корочка помощника депутата» [6].

Представители молодежи включаются в предвыборные партийные списки. Наиболее обширным по абсолютной численности молодежи, судя по региональным выборам 2009 г., являлся список партии «Единая Россия», а самое высокое представительство молодежи было отмечено в ЛДПР (10,8 %) [5, с. 87]. Более 250 молодежных парламентариев участвовали в региональных и местных выборах 2015 г. по спискам политических партий, прежде всего, от «Единой России», ЛДПР, КПРФ и «Справедливой России», а также на личной основе [3]. Накануне избирательной кампании в Государственную Думу РФ 2016 г. многие молодые кандидаты успешно участвовали во внутрипартийных выборах (праймериз). Председатель Координационного совета организации «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР) Д. Давыдов сообщил, что было зарегистрировано 613 молодых кандидатов до 30 лет, среди которых – 142 члена организации [2].

Новой эффективной формой молодежного участия в выборах стал созданный весной 2016 г. Федеральный молодежный избирательный штаб. Его учредили ВОО «Молодая Гвардия Единой России», «Российский Союз молодежи», «Российские студенческие отряды», «Российский союз сельской молодежи», Молодежный Парламент Российской Федерации, молодежное крыло Российского союза спасателей, а также межрегиональная общественная организация «Молодые депутаты» и Палата молодых законодателей [2]. Федеральный молодежный избирательный штаб позволил скоординировать работу общественных организаций для повышения интереса молодых граждан к выборам, контроля за прозрачностью голосования и участия молодых кандидатов. Данный штаб провел кампанию по сбору предложений молодежи в предвыборную Программу «Единой России» в интерактивном формате. В кампании участвовали региональные молодежные избирательные штабы. Мероприятие транслировалось в режиме онлайн на специальном канале «YouTube». Его участники презентовали сайт с контактной информацией и специальным счетчиком, на котором у каждого желающего будет возможность оставить свои предложения [9].

Систематизированы новые методы рекрутации российской молодёжи в политические элиты:

- применение органами власти, избирательными комиссиями и партиями интернет-технологий: создание на их сайтах разделов о нормативной базе, планах и опыте вовлечения молодёжи в профессиональную политическую деятельность, а также применение обучающих интерактивных технологий;
- создание интернет-сайтов молодежных организаций с такими интерактивными ресурсами, как форумы и чаты;
- активность региональных и муниципальных молодёжных парламентов, молодежных общественных палат и общественных советов, а также их всероссийских координационных объединений;
- проектный механизм взаимодействия органов власти и молодёжных организаций;
- деятельность молодежных отделений партий;
- дополнение функции политического информирования и образования молодёжи функцией её участия в выдвижении (праймериз) и конкуренции кандидатов на выборах, контроле законности проведения выборов.

Повышение уровня участия молодых людей в политических элитах также обеспечивается через вовлечение молодёжи в сетевые интернет-сообщества, образовательные и волонтерские проекты, активность общественных организаций. Приоритетом в условиях информационного общества становится обеспечение открытости и интерактивности данных проектов.

Список литературы

1. Богданова М.О. Феномен «молодежных крыльев» политических партий в Российской Федерации // Молодежь и ее участие в выборах: формы и методы повышения электоральной активности. Майкоп, 2009. С. 52–55.
2. В преддверии выборов 2016 года лидеры молодежных организаций объявили о создании Федерального Молодежного избирательного штаба. Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2016/04/19/87572> (дата обращения 21.04.2016).
3. Выездное заседание Молодежного парламента при Государственной Думе РФ в Самаре. Режим доступа: <http://moldeho.ru/2015/06/02/vyezdnoe-zasedanie-molodezhnogo-parlamenta-pri-gosudarstvennoy-dume-rf-v-samare/> (дата обращения 04.06.2015).
4. Как бы Вы отнеслись к предложению стать членом какой-либо молодежной политической организации? Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=146&p_id=12215&date= (дата обращения 21.03.2009).
5. Политическое образование и гражданская позиция молодого поколения России. Казань, 2010. С. 87.
6. Руднев М. Зачем молодёжь идёт в политику? Режим доступа: <http://er.ru/interview/2012/8/14/maksim-rudnev/> (дата обращения 07.06.2014).
7. Самаркина И.В. Феномен молодёжных «крыльев» политических партий // Политические партии в избирательном процессе: российские и зарубежные сравнения. Краснодар, 2007. С. 212–229.
8. Сведения об общей численности избирателей, участников референдума Российской Федерации по состоянию на 1 января 2016 года. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/20160101.html> (дата обращения 21.05.2016).
9. Федеральный молодежный избирательный штаб внесёт предложения в Программу «Единой России». Режим доступа: <http://er.ru/news/141791/> (дата обращения 07.05.2016).
10. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2015 г. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения 23.06.2016).

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-РАЗРАБОТЧИКОВ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Жолобов Денис Алексеевич,

кандидат технических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Жолобова Ольга Ильинична,

Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань

Широкое внедрение информационных технологий в настоящее время делает рынок IT-специалистов одним из наиболее востребованным. По оценкам экспертов, вакансии разработчиков программного обеспечения заполнены на уровне порядка 70 %, т.е. индустрия испытывает серьезную нехватку кадров. К подготовке современных разработчиков предъявляются серьезные профессиональные требования – сегодня необходимо, чтобы выпускники имели фундаментальную подготовку в области математики и информатики, владели современными инженерными практиками, обладали компетенциями и опытом в области программирования. Но, как показывает взаимодействие с работодателями, не менее важным для современных инженеров в области разработки ПО является наличие развитых т.н. soft skills – навыков лидерства, коммуникации, работе в команде. Выработка подобных навыков – важная и актуальная задача для вузов, ведущих подготовку будущих IT-специалистов.

Одним из возможных подходов при решении данной проблемы является подготовка IT-специалистов с использованием методологии CDIO (Conceive – Design – Implement – Operate (англ.): Задумай – Спроектируй – Реализуй – Управляй). Методология, изначально предложенная Массачусетским технологическим институтом для подготовки hard-инженеров, успешно применяется и в области специалистов по программному обеспечению.

В Астраханском государственном университете реализуется направление подготовки бакалавров и магистров «Информационные системы и технологии», которое ориентировано, в первую очередь, на растущие в регионе кадровые потребности в области информационных технологий. Образовательная программа, составленная с привлечением работодателей, подразумевает комплексный интегрированный учебный план с междисциплинарными связями и акцентом на практическую составляющую. Для выявления лидеров и закрепления soft skills в образовательной программе предусмотрена командная проектная работа. Для этого в каждом семестре выделена отдельная дисциплина «Инженерный практикум», в рамках которой студенты реализуют междисциплинарный проект по комплексу основных дисциплин, параллельно изучаемых в данном семестре.

Во втором семестре третьего курса дисциплина «Инженерный практикум» подразумевает проектную работу для закрепления знаний и навыков по дисциплинам «Программная инженерия», «Базы данных», «Web-технологии». В начале семестра студенты разбиваются на команды по 4–5 человек, каждая из которых представляет собой виртуальную команду по разработке программного обеспечения. Студенты должны найти реального заказчика – организацию либо частное лицо, которому требуется некоторое программное обеспечение. Таким образом, успешное выполнение проекта и аттестация по дисциплине подразумевает поиск клиента и удовлетворение его потребностей посредством профессиональных навыков.

В ходе выполнения проекта студенты должны использовать современные гибкие методологии разработки программного обеспечения. Гибкие методологии (от англ. Agile) – современный подход к разработке ПО, предусматривающий ориентацию в первую очередь на заказчика, коммуникации и изменения, а не классические проектные технологии, такие как план проекта, ресурсы и менеджера. Изначально появившись в области программной инженерии, Agile-манифест декларирует четыре основных принципа: 1. Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов. 2. Работающий продукт важнее исчерпывающей документации. 3. Сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта. 4. Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану [1].

В настоящее время гибкие методологии превалируют на рынке разработки ПО и успешно внедряются и в организациях, напрямую не связанных с информационными технологиями. Так, например, важность перехода к agile-методикам организации бизнес-процессов неоднократно озвучивал Г. Греф, президент и председатель правления Сбербанка России [2]. Использование гибких подходов позволяет организациям более оперативно реагировать на изменения условий и требований рынка и создавать продукты, более полно удовлетворяющие потребностям клиентов.

При реализации проекта по разработке ПО студенты используют agile-практики на всех стадиях жизненного цикла. Сперва студенты ищут заказчика, проводя значительное количество интервью с незнакомыми людьми, что повышает их стрессоустойчивость. Когда заказчик определен, команда приступает к формированию требований к ПО. особую сложность здесь представляет необходимость выработки таких формулировок требований, которые будут понятны и заказчику, и исполнителям, и при этом будут выполнимы, измеримы и проверяемы. В ходе разработки как правило происходит уточнение и изменение требований, что также подразумевает активное взаимодействие с заказчиком. В начале и в конце каждой итерации разработки (обычно две недели) происходят так называемые scrum-митинги: собрания команды и заказчика, сначала для планирования работы на итерацию, по окончании – для оценки сделанного.

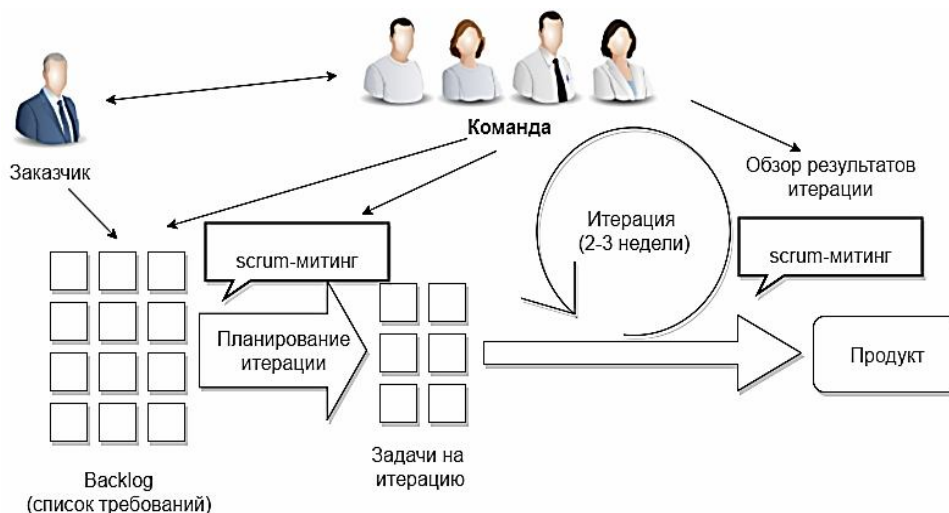

Рис. Общая схема разработки продукта на основе гибкой методологии Scrum

Поскольку гибкие методологии подразумевают большое количество коммуникаций, как внутри команды, так и внешних (т.е. с заказчиком), у студентов закрепляются устойчивые навыки межличностного взаимодействия. В каждой команде естественным образом выявляется лидер, причем опыт показывает, что не всегда им становится студент с наиболее развитыми профессиональными навыками. При этом agile способствует развитию лидерских ка-

честв у всех членов команды, поскольку гибкий подход не предусматривает наличие выделенного руководителя проекта или команды. Команда имеет плоскую структуру, более того, на каждой итерации на scrum-митингах выделяются отдельно роли scrum-мастера, ответственного за организацию собрания и процесса разработки, и «голоса заказчика», ответственного за коммуникации с клиентом. Роли ротируются каждую итерацию, так что все члены команды имеют возможность выступить во всех качествах.

Опыт реализации описанного подхода в течении нескольких лет показал, что, несмотря на некоторый шок, который испытывают студенты при знакомстве с требованиями к дисциплине (особо пугающим фактором является необходимость самостоятельного поиска проекта и заказчика), в дальнейшем все активно включаются в работу. Необходимость постоянного мониторинга проекта стимулирует процесс разработки и заставляет студентов работать ритмично, не откладывая реализацию на последние дни. По итогам реализации курса все проекты были успешно завершены с положительными отзывами от заказчиков. Обратная связь от студентов также является положительной, демонстрируя более 90 % положительных отзывов по дисциплине в целом, при этом большинство студентов отмечает высокую полезность курса для будущей профессиональной деятельности, важность командной работы и возможность попробовать себя в качестве лидера команды.

Список литературы

1. Agile-манифест разработки программного обеспечения. Режим доступа: <http://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html>.
2. Греф: России требуется новая система управления. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/business/2016/05/160522_gref_skolkovo_lecture.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ «ВКОНТАКТЕ» КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Воронцова Ольга Ивановна,

*кандидат политических наук, ЦКП по созданию мультимедиа контента,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Гаранов Юрий Сергеевич,

*кандидат философских наук, ЦКП по созданию мультимедиа контента,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В феврале 2016 г. по данным TNS TV index в Москве и Санкт-Петербурге месячный охват аудитории социальной сети впервые превысил аналогичный показатель для Первого канала – 4,9 млн человек против 4,8, при этом дневной охват на этот момент составлял 3,7 против 1,3. Уже на практике, а не только в теории, телесмотрение самого популярного телеканала в нашей стране отдало свои лидерские позиции социальной сети. Это говорит в том числе и о том, что социальные сети все прочнее занимают позицию основного электронного средства коммуникации с внешним миром. Это не может не отражаться и на профессиональном аспекте использования социальных сетей, в том числе и в журналистике.

За десять лет существования социальных сетей их удобство, функциональность и некая естественность для онлайн-культуры вывели их из разряда периферических способов интернет-коммуникаций в основной, так как они поддерживают не только социальные связи, но и служат средством распространения актуальной информации и новостей [5]. Для журналиста социальные сети стали еще и местом добычи информации.

Изначально социальная сеть не имела отношения к коммуникациям в Интернет. В научную терминологию это понятие ввел в 1954 г. социолог Манчестерской школы Дж. Барнс. Он дал ему следующую характеристику: «Каждый человек имеет определённый круг друзей, и эти друзья в свою очередь имеют собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие нет. Я счёл удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом» [1, с. 71]. Стоит отметить, что это определение остается актуальным и для социальных сетей в современном понимании этого явления. В профессиональном поле журналистики описанный Барнсом принцип построения сетей обеспечивает надежный способ верификации информации, а также упрощает поиск конкретного человека по заданным характеристикам, ведь точками контакта в современных социальных сетях являются не только личные или онлайн-знакомства, но и принадлежность к определенным целевым группам, которые объединяются в таком инструменте как сообщества. Тенденция к активному уходу в социальные сети для поиска фактов и событий, их подтверждения и получения комментариев от очевидцев и специалистов в журналистском сообществе наблюдается как серьезный феномен уже с 2012 г. Тогда, по данным исследований PR-сервиса Cision, только 38 % журналистов пользовались социальными сетями как инструментом, в 2015 г. этот показатель составил уже 67 % [3].

Для российского журналистского сообщества наиболее актуальной является социальная сеть «ВКонтакте», так как она является на сегодняшний день наиболее популярной в нашей стране и имеет ясные и интуитивные критерии поиска. По данным официальных представителей сайта, их месячная аудитория составляет 87700000 человек, в то время как у социальной сети «Одноклассники» почти в два раза меньше – 46900000, а «Facebook» в российском

сегменте используют 14400000 пользователей [6]. На январь 2017 г. в «ВКонтакте» зарегистрировано 410 млн человек, что автоматически делает этот сайт крупнейшей социальной сетью в Европе. По данным «SimilarWeb», «ВКонтакте» является 5 самым популярным сайтом в мире [7].

Анализируя опыт работы региональных журналистов на примере фокус-группы и исследуя поведение в соцсетях коллег с федеральных каналов, мы пришли к выводу, что в своей профессиональной деятельности социальную сеть «ВКонтакте» журналисты используют в нескольких направлениях профессионального коммуникативного взаимодействия. Основным полем применения является позиционирование своего СМИ и результатов своей журналистской деятельности. На площадке «ВКонтакте» каждое крупное средство массовой информации имеет сообщество, транслирующее создаваемый контент. Кроме того, сами журналисты часто размещают у себя на личных страницах сюжеты и статьи, чтобы донести их ключевые сообщения до дружественной ему аудитории.

Еще один популярный путь – использование «ВКонтакте» как инструмента для поиска героев. Помимо простых объявлений о поиске того или иного человека с заданными характеристиками, сайт позволяет создавать опросы, которые при правильном построении вопроса могут вывести редакцию на нужную целевую группу, побуждая ее лишь косвенно обозначить свое мнение. «ВКонтакте» помогает сократить отставание журналистов в оперативности по сравнению с очевидцами, так как обнаружив в ленте сообщения о происшествии, журналисты могут ретранслировать контент на свою аудиторию, а также при помощи экспертов из различных областей дать квалифицированную оценку происходящему или объяснить явление, чего не могут в должной мере сделать очевидцы на месте событий.

Все чаще площадку «ВКонтакте» используют как средство поиска экспертов и получения их комментариев в онлайн-режиме, либо с последующим приглашением в редакцию. Это связано с удобной системой поиска с одной стороны, и с тем, что социальная сеть делает доступными для рядового журналиста экспертов самого высокого уровня ввиду отсутствия жесткой регламентации общения, которую отмечают в педагогическом аспекте И.Л. Левин и Н.В. Клочкова в своей работе «Духовно-нравственный аспект использования образовательного потенциала компьютерных социальных сетей в высшем архитектурно-художественном образовании» [4]. Кроме того, при том, что социальные сети как канал интернет-коммуникации обладают одной из его типичных характеристик, а именно склонностью пользователей к «карнавализации», отмечается, что они стремятся все более ясно свести свой реальный образ и его онлайн-двойник, либо же создать желаемый образ, а также отражают важные для них социальные роли, укрепляют реальные социальные связи и стараются приобрести новые, что не может не использоваться журналистами в этом дискурсе» [2]. Стоит отметить, что несмотря на очевидные преимущества работы через социальные сети, 83 % журналистов по данным исследования Cision все еще в качестве приоритетного способа связи с источником выбирают e-mail [6].

Социальная сеть «ВКонтакте» также является инструментом для изучения мнения аудитории и ее основных информационных пристрастий. Также она помогает отслеживать информационные тренды. Отметим еще один важный вектор применения соцсетей для журналистов – самообразование. Сегодня достаточно стать подписчиком группы уважаемого или любимого журналистом СМИ, на стиль и приемы которого он ориентируется в своей деятельности, чтобы иметь под рукой образцы для подражания, поступающие к нему моментально. Кроме того, в социальной сети «ВКонтакте» имеется ряд крупных профессиональных сообществ и пабликов, основным контентом которых является образовательный.

Важно понимать, что сделавшие легкодоступной информацию, социальные сети не упраздняют традиционных методов ее получения, а лишь ускоряют этот процесс в соответствии с требованием информационной эпохи. Активная работа в соцсетях для журналиста не только повышает потенциал специалиста, но и ставит на повестку дня важные вопросы. К примеру, проблематика журналистской этики получает здесь новое преломление, а проблема верификации и проверки оперативной информации, защиты от так называемых «вбросов» – злободневная тема для профессиональных дискуссий.

Список литературы

1. Артимович Д.А., Пузиков В.Г. Социальная сеть как новая форма организации социального пространства // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2012. № 1 (1). С. 70–73.
2. Дедух А.А. Социальные сети как инструмент рекламной деятельности на примере социальной сети «ВКонтакте». Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24299784> (дата обращения 26.03.2017).
3. Лавникович Д. Социальные сети в жизни журналиста. Режим доступа: http://mediaprofi.org/mastership/journalism/item/3008-social_media_obzor, свободный (дата обращения 25.03.2017).
4. Левин И.Л. Клочкова Н.В. Духовно-нравственный аспект использования образовательного потенциала компьютерных социальных сетей в высшем архитектурно-художественном образовании // Науковедение. 2015. № 1, т. 7. С. 4–12.
5. Овчинникова И.Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети Твиттер) // Вестник пермского университета. Сер. Политология. 2013. № 2. С. 143–156.
6. Фролова Е. Самые популярные социальные сети в России-2016. Режим доступа: <http://www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2016> (дата обращения 26.03.2017).
7. Similarweb. Top Websites. Режим доступа: <https://www.similarweb.com/top-websites> (дата обращения 26.03.2017).

**КУРСЫ ПО ПРОГРАММИРОВАНИЮ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ
В АСТРАХАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛИТ**

Морозов Борис Борисович,

кандидат химических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Жарких Леся Ивановна,

кандидат технических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Евдошенко Олег Игоревич,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Окладникова Светлана Владимировна,

кандидат технических наук,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Брумштейн Юрий Моисеевич,

кандидат технических наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Формирование элит различных типов (для страны в целом, отдельных регионов, различных сфер профессиональной деятельности и пр.) является сложным процессом, который происходит постоянно и охватывает лиц различных возрастов, начиная с младшего возраста. В этом процессе принимают участие различные физические и юридические лица, включая родителей, детские сады, школы, вузы [1, с. 26] и пр. Развитие информационных технологий (ИТ) значительно влияет на процессы формирования элит. Это касается как обучения граждан всех возрастов, так и использования ими возможностей ИТ в условиях формирования единого информационного пространства страны, интегрированного в мировое информационное сообщество [3, с. 147].

Постоянное развитие аппаратных и программных средств в сфере ИТ требует с одной стороны совершенствования подготовки разработчиков таких средств, а с другой – обеспечения необходимой квалификации пользователей, не являющихся профессионалами в сфере ИТ. Поэтому можно считать, что обеспечение необходимого уровня ИТ-подготовки граждан (начиная с младшего возраста) является важной составной частью формирования региональных и общероссийских элит; обеспечения возможностей эффективного использования их интеллектуальных ресурсов (потенциалов). Шансы на попадание и сохранение в элитах выше у тех граждан, которые хорошо владеют ИТ, стремятся осваивать постоянно появляющиеся новинки. Однако это требует хороших базовых навыков в ИТ-сфере, которые должны закладываться при обучении в младших и средних классах школ.

Для совершенствования системы образования «Школа – вуз» в Астраханском государственном университете (АГУ) были открыты курсы по программированию для школьников. Это улучшает возможности привлечения абитуриентов на технические специальности АГУ, включая специальности кафедры «Информационных технологий».

Основные задачи, которые были поставлены, – дополнительное обучение учащихся школ на базе АГУ, разработка методик повышения качества изучения технических дисциплин, развития навыков составления алгоритмов и решения задач повышенной сложности, повышения уровня развития и кругозора школьников.

Основные цели курсов: 1. Научить ребят современным технологиям программированию; пробудить к ним интерес к профессии и познакомить с ИТ специальностями университета. 2. Информационное продвижение АГУ как бренда на рынке образовательных услуг. 3. Посещение таких курсов способствует участию школьников в олимпиадах и иных соревнованиях по программированию. Как следствие, они затем более охотно участвуют в олимпиадах по программированию во время обучения в вузах [2, с. 44].

На курсы по программированию приходят школьники, увлеченные компьютерами и информационными технологиями. На занятиях у них появляется возможность освоить базовые навыки программирования, разработать свои первые программы под руководством опытных преподавателей, познакомиться с такими же увлеченными ребятами как и они. Успешная командная работа над проектами способствует развитию лидерских качеств у детей, а участие в конкурсах и иных соревнованиях повышает их уверенность в себе.

Занятия рассчитаны на школьников с пятого по восьмые классы. Наиболее активными являются учащиеся 7-х классов, но у нас есть опыт работы и с первоклассниками. Возраст учащихся диктует как направление (программирование компьютерных игр на движке Unity), так и форму проведения занятий. Занятия проходят в форме кружковой работы, в их рамках дети могут создать собственные «истории» с участием различных персонажей, мультфильмы и игры.

Курсы рассчитаны на два года. В процессе обучения ученик проходит несколько модулей программы, двигаясь от простого к сложному. В группах занимается до 10 человек, что позволяет уделять достаточно внимания со стороны преподавателя каждому ученику. Даже один модуль базового курса будет полезен и интересен, а за два года обучения школьники получают объем знаний, потенциально достаточный для выполнения собственного проекта. На занятиях учащиеся получают представление об алгоритмах, языках программирования, развивают алгоритмическое мышление и учатся писать свои собственные программы и игры. К окончанию курсов многие школьники осваивают несколько языков программирования и изучают предметы ИТ-блока. Кроме того, в основной курс входят некоторые

разделы математики, выходящие за рамки школьной программы, но необходимые для успешного освоения программирования. Обязательной частью обучения является участие в конкурсе «Я в мире IT», разработка собственных проектов.

Занятия проходят один раз в неделю по выходным дням, чтобы не добавлять нагрузку на аудиторный фонд университета. Занятия ведутся преподавателями и студентами университета. По окончании курсов учащимся выдается сертификат о прохождении курсов.

Повторим, что важным моментом внедрения довузовского ИТ образования школьников, является то, что часть школьников, прошедших курсы программирования в будущем могут стать студентами Астраханского государственного университета.

Список литературы

1. Брумштейн Ю.М., Литвинова М.А., Урумбаева О.Б., Болтаева И.С. Анализ влияния региональных университетов на формирование местных элит // *Инноватика* – 2011. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2011. Т. 1. С. 25–26.
2. Жариков И.А., Брумштейн Ю.М., Горбачев И.Н., Ильин В.С. Соревнования по спортивному программированию: анализ целей, методик проведения и доступных ресурсов // *Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии*. 2008. № 3. С. 43–48.
3. Кучумов В.И. Особенности формирования региональных элит в современной России // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007. № 44, т. 18.

РАЗВИТИЕ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ НА УРОКАХ ИНФОРМАТИКИ В АСТРАХАНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Коломина Марина Владимировна,

кандидат физико-математических наук, доцент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Кирилина Юлия Павловна,

магистрант,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань,

преподаватель,

Астраханский колледж культуры и искусств, г. Астрахань

Лидер – это человек, который может повести за собой других людей, сплотить вокруг себя команду, быть ее вдохновителем. А для этого лидер должен уметь общаться, работать в команде, быть ответственным, уметь организоваться и довести дело до конца. Лидер должен совершенствоваться в своем личностном развитии. Одной из сторон такого развития являются творческие способности лидера, креативность, его гибкость, умение нестандартно мыслить. Развитие перечисленных способностей осуществляется на уроках информатики в Астраханском колледже культуры и искусств при выполнении проектной работы в 2016–2017 учебном году.

Студенты работали над двумя проектами: «Виртуальная экскурсия по Астраханской областной научной библиотеке им. Н.К. Крупской», «Жемчужины земли Астраханской». Прежде всего, данные проекты ориентированы на развитие творческих способностей, на работу в команде, формирование у студентов навыков и умений грамотного написания, оформления и представления результатов. Итогом работы стало создание информационного продукта (мультимедийной презентации), выполненного средствами информационных технологий.

В ходе работы над проектами рассматривались основные показатели творческих способностей студентов:

- **беглость** – способность высказывать максимальное количество идей (в данном случае важно не их качество, а их количество);
- **гибкость** – способность высказывать широкое многообразие идей;
- **оригинальность** – способность порождать новые нестандартные идеи (это может проявляться в ответах, решениях, не совпадающих с общепринятыми);
- **разработанность** – способность совершенствовать свой «продукт» или придавать ему законченный вид [1].

Этапы проекта и виды деятельности его участников. Подготовительный этап. Разбивка студенческой группы на проектные группы. Выбор руководителя проектной группы. Определение сферы интересов в информатике членами проектной группы. Формулировка темы проекта, ее обсуждение с преподавателем и конкретизация. Знакомство с процедурой разработки проекта и критериями его оценки. Распределение заданий и обязанностей между членами команды. Выработка плана действий. Формулировка цели и задач проекта. На данном этапе студенты высказывают максимальное количество идей, выраженных в словесных формулировках, соответствующих требованиям проекта. Обучающиеся выдвигают разнообразные идеи, что позволяет переходить от одного аспекта проблемы к другому, использовать разнообразные стратегии решения проблем.

Поисково-исследовательский этап. Проект «Виртуальная экскурсия по Астраханской областной научной библиотеке им. Н.К. Крупской». Поиск и сбор библиографической и научной информации об отделах Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской.

Проект «Жемчужины земли астраханской». Поиск и сбор библиографической и научной информации об известных астраханских оперных певицах: Барсовой Валерии Владимировны, Максаковой Марии Петровны, Милашкиной Тамары Андреевны.

На данном этапе студенты показывают способность к выдвижению идей, отличающихся от очевидных, банальных или твердо установленных. Обучающиеся показывают высокую интеллектуальную активность и неконформность; способность делать большие умственные «скачки» при поиске решения, оригинальность решений предполагает способность избегать очевидных и тривиальных ответов. Работают в команде, учатся общаться, говорить просто, лаконично, по сути, развивают умение слышать другого человека, умение убеждать, зажигать других своими идеями.

Заключительный этап. Техническое оформление материалов проекта. Реализация проекта с помощью информационных технологий в электронном виде в форме мультимедийной презентации. Студенты на этом этапе имеют возможность творчески реализоваться при оформлении презентации. Публичная защита проекта. Подведение итогов: оценка результатов и самого процесса проектной деятельности, коллективное обсуждение и самооценка. На данном этапе студенты показывают разработанность материала, который отражает детализацию вещей в виде готового проекта [2].

Отчетность в ходе проектной работы. На CD/DVD диске создается папка с названием темы проекта, содержащая:

- промежуточные отчеты проектной группы в текстовом редакторе с указанием работы, выполненной каждым ее участником;
- краткий отчет руководителя проектной группы о деятельности ее членов.

Публичный показ готового информационного продукта (мультимедийной презентации) в студенческом научном обществе «Синергия» Астраханского колледжа культуры и искусств.

Компьютерная презентация (с видеофрагментами), а также текстовый документ предоставляются на цифровых носителях информации – CD/DVD. Носители информации должны быть заранее проверены на наличие вирусов и не должны содержать иную вредоносную информацию. Каждый студент реализует свою часть обработанных материалов.

Требования к электронному варианту работы. Во всей работе должен быть использован единый дизайн: единое стилевое решение, композиция, учет психологических особенностей восприятия информации человеком. При работе над проектом в обязательном порядке должна быть использована программа “Microsoft Office PowerPoint”. В презентации (объем 15–25 слайдов) должна быть представлена тема проекта и отражена его основная суть. Формат компьютерной презентации – PPT или PPTX [3].

Требования к презентации. Оформление слайдов:

Стиль	<ul style="list-style-type: none"> • Единый стиль оформления. • Стили, не отвлекающие от самой презентации. • Преобладание основной информации над вспомогательной
Фон	<ul style="list-style-type: none"> • Использование холодных тонов для фона
Использование цвета	<ul style="list-style-type: none"> • Использование на одном слайде не более трех цветов. • Использование контрастных цветов для фона и текста
Анимационные эффекты	<ul style="list-style-type: none"> • Использование компьютерной анимации для представления информации на слайде, не отвлекающие внимание от содержания информации на слайде

Представление информации:

Содержание информации	<ul style="list-style-type: none"> • Использование коротких слов и предложений. • Заголовки должны привлекать внимание аудитории
Расположение информации на странице	<ul style="list-style-type: none"> • Предпочтительно горизонтальное расположение информации. • В центре экрана – наиболее важная информация. • Картинки на слайдах должны сопровождаться надписями
Шрифты	<ul style="list-style-type: none"> • Для заголовков – не менее 24. • Для информации – не менее 18. • Шрифты без засечек легче читать с большого расстояния. • Нельзя смешивать разные типы шрифтов в одной презентации. • Для выделения информации следует использовать жирный шрифт. • Курсив или подчеркивание использовать нежелательно. • Нельзя злоупотреблять прописными буквами, так как они читаются хуже строчных
Способы выделения информации	<p>Следует использовать:</p> <ul style="list-style-type: none"> • рамки, границы, заливку; • штриховку, стрелки; • рисунки, диаграммы, схемы для иллюстрации наиболее важных фактов
Объем информации	<ul style="list-style-type: none"> • Не стоит заполнять один слайд слишком большим объемом информации. • Для наибольшей эффективности ключевые пункты отображать по одному на каждом отдельном слайде
Виды слайдов	<p>Для обеспечения разнообразия следует использовать разные виды слайдов:</p> <ul style="list-style-type: none"> • с текстом; • с таблицами; • с диаграммами (если есть)

В работе над проектом в обязательном порядке должен быть использован видеоредактор «Киностудия “Windows Live”».

Требования к видеофильму:

- синхронные видеосъемки (фрагменты видеоматериала, где звук синхронен с изображением), иллюстрационного видеоматериала;
- графические фрагменты (заголовки, компьютерная анимация);
- в фильме возможен сквозной закадровый комментарий, который сопровождает весь фильм;
- формат видеофильма – AVI или MPEG-4.

Промежуточные отчеты создаются с использованием текстового редактора Microsoft Office Word.

Требования к текстовым документам: формат страницы – А4, шрифт Times New Roman, кегль – 14. Выравнивание по ширине, междустрочный интервал – 1,5. Абзацные отступы по всему тексту – 1,25. Текст следует размещать по ширине на одной стороне листа бумаги с соблюдением следующих размеров полей: левое – 3 см, правое – 1 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. При оформлении работы необходимо соблюдать равномерную плотность, контрастность и чёткость изображения по всей работе. Не должно быть сокращения слов, за исключением общепринятых.

Все основные структурные элементы работы должны начинаться с новой страницы, для этого в обязательном порядке используем возможности текстового редактора. Заголовки и подзаголовки отделяются от основного текста одним полуторным интервалом, располагаются по центру и выделяются полужирным шрифтом [4].

Критерии оценки работы участников проекта:

- четкость структуры, полнота раскрытия темы,
- креативность (оригинальность) проекта,
- качество выполнения,
- разнообразие применяемых информационных источников,
- соответствие предъявляемым требованиям.

Критерии выставления оценки участникам проекта:

Оценка	Профессиональные компетенции	Компетенции, связанные с созданием и обработкой проекта	Иные универсальные компетенции	Отчетность
«Отлично»	Работа выполнена на достаточно высоком профессиональном уровне. Студент свободно отвечает на вопросы, связанные с работой	Материал изложен грамотно, доступно, логично и интересно. Работа оформлена в соответствии со всеми предъявляемыми требованиями.	Студент проявил инициативу, творческий подход, способность к выполнению сложных заданий, навыки работы в коллективе, организационные способности	Проект представлен полностью и в срок
«Хорошо»	Работа выполнена на хорошем профессиональном уровне. Студент отвечает на вопросы, связанные с работой, но недостаточно полно	Допускаются отдельные ошибки, логические и стилистические погрешности. Работа недостаточно хорошо структурирована	Студент достаточно полно выполнил возложенные на него задачи.	Проект представлен достаточно полно и в срок, но с некоторыми недоработками
«Удовлетворительно»	Уровень работы недостаточно высок. Студент может ответить лишь на некоторые из заданных вопросов, связанных с работой	Недостаточно полно изложен материал. Допущены ошибки технического оформления проекта	Студент выполнил большую часть возложенной на него работы	Проект сдан со значительным опозданием (более недели). Отсутствуют отдельные документы
«Неудовлетворительно»	Работа выполнена на низком уровне. Ответы на связанные с работой вопросы обнаруживают непонимание предмета и отсутствие ориентации в материале работы	Допущены грубые ошибки. Неясность и примитивизм изложения делают работу трудной для восприятия. Оформление работы не соответствует предъявляемым требованиям	Студент практически не работал в группе, не выполнил свои задачи или выполнил лишь отдельные несущественные поручения	Проект не сдан

Обучающиеся до и после выполнения проектной работы тестировались по методике П. Торренса на выявление творческих способностей. Тест Торренса представляет собой изобразительную (фигурную, рисуночную) батарею, который отражает различные проявления креативности в показателях беглости (скорости), гибкости, оригинальности и разработанности идей. Показатели творческих способностей после проектной работы повысились.

Список литературы

1. Креативность. Режим доступа: <http://www.refsru.com/referat-19624-2.html> (дата обращения 30.03.2017).
2. Этапы проектной деятельности. Режим доступа: <http://infopedia.su/6x22d1.html> (дата обращения 30.03.2017).
3. Общие правила оформления презентаций. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5764770/page/3/> (дата обращения 30.03.2017).
4. Еремичкая И.А., Коломина М.В. Опыт реализации интегрированного образовательного проекта «Применение информационных технологий в работе с научной информацией» // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: в 12 ч. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2014. Ч. 11. С. 57–59.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭЛИТЫ

Аглеева Зухра Равильевна,

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры современного русского языка,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Российская Федерация на современном этапе является неотъемлемой частью мирового пространства как в экономическом, так и в политическом смысле. Трудно переоценить роль, которую Россия играет на международной площадке. Текущее положение, занятое нашей страной, было получено в ходе длительных реформ в постсоветской России. В ходе коренных изменений в экономике страны и модернизации в политической сфере в стране не могли не сформироваться новые элиты – совокупность людей занявших высшие должности в политической жизни страны и экономике.

Всякая элита, будь она политической или экономической, осуществляет ряд общественных функций. Помимо собственно управленческой функции, которую представители элиты несут на себе как лидеры общества, есть и другая, не менее важная функция. Это формирование стереотипов или моделей поведения в условиях изменения парадигм общественного сознания, позволяющее обществу адаптироваться к происходящим на глобальном и локальном уровнях изменениям. Будучи ответственными за развитие общества в целом, элита как особый социальный слой, в руках которого находится реальная власть, принимает важнейшие стратегические решения на своем уровне, используя различные коммуникационные стратегии и тактики. Рассмотрим применяемые элитами коммуникативные стратегии. Как известно, под коммуникативной стратегией понимается «пошаговое перспективное планирование действий с целью установления требуемого уровня коммуникации; перспективный план любого социального взаимодействия с целью получения тех или иных результатов в коммуникационной среде». Коммуникативная стратегия – это заранее выбранные, вербальные и невербальные ходы, используемые непосредственно в речевом акте, с целью воздействия на адресата, с помощью различных языковых тактик [6]. Для того, чтобы подкрепить теоретические выкладки практическим материалом, мы обратимся к личности одного из самых известных российских олигархов, неоспоримо входящего в круг экономической элиты современного российского общества, бизнесмена, банкира, владельца и Председателя совета директоров «Тинькофф банка» Олега Тинькова. В интервью газете «Ведомости» он пользуется целым рядом коммуникативных стратегий, и мы хотели бы показать их применение на практике.

1. Стратегия презентации. Хочется отметить, что Олег Тиньков прекрасно владеет тактиками самопрезентации и отождествления. Приведем примеры из его интервью. На вопрос о том, чувствует ли он себя банкиром, Тиньков намеренно дистанцируется от этого понятия, отказываясь вешать на себя коммуникативный ярлык, стереотипически отображающий социальную роль:

*– Я **основатель**, мне больше так нравится. Хотите – **визионер**, но менеджером меня точно не назовут, потому что я очень плохой управляющий, плохой менеджер, но у меня [для менеджмента] есть коллеги. <...> Выглядеть банкиром или не банкиром в чьих-то глазах – меня это мало интересует. Я говорю: уберите слово банк [с карточки], оно меня раздражает.*

Как можно увидеть из приведенного примера, респондент описывает себя наиболее общими словами, сознательно отказываясь от номинаций «банкир» или «менеджер». Учитывая давно устоявшуюся тенденцию демократизации общества, такой подход к самопрезентации можно считать оправданным: отказываясь от детерминирующего ярлыка, обладающего в сознании многих рядовых граждан, особенно из небогатых слоев общества, отрицательными коннотациями, и проводя между собой и обычными управляющими четкую грань, Тиньков умело отводит возможную критику в свой адрес и делает ставку на пробуждение эмоционального восприятия читателя. Подобный эффект в том числе достигается специально сниженным тоном речи: даже если опустить приведенное выше «менеджер», в рамках интервью мы можем найти достаточно большое количество форм «народной» речи (позволим себе использовать подобный термин на основе разделения общества на элиты и управляемый ими народ, поставляющий кадры для элит и играющий важную роль в ее ротации): выражения, присущие сугубо разговорной речи, а местами и обычные просторечия, порой стыдливо закрытые многоточиями выпускающим редактором.

2. Информационно-интерпретационная стратегия, применяемая Тиньковым, заключена в разнообразных тактиках. В начале статьи происходит диалог о будущем банковского дела. Тиньков пользуется несколькими тактиками:

Тактика признания существующей проблемы выражена, к примеру, в реплике:

Потому что банк – это всё, проехали, банков не будет через пять лет.

Прибегая к тактикам разъяснения и комментирования, интервьюируемый рассказывает о своем видении проблемы:

– Ну пусть через восемь, через 10 лет – точно. Но я имею в виду – не с точки зрения лицензии, а с точки зрения логики. Если Facebook или Google предложат потребителю открыть депозит, получить кредит или открыть счет и сделать это быстрее, качественнее и с лучшим customer experience, то зачем ему эта надпись «банк»?

Однако сразу же за столь пессимистичным для бизнеса прогнозом, опираясь на тактику акцентирования положительной информации, Тиньков начинает говорить о том, что:

– *Центральный банк правильно все делает, для этого, как всегда в России, почему-то пришлось женщину ждать (Эльвиру Набиуллину, председателя ЦБ с 2013 г. – «Ведомости»).* Сначала она разобралась с обналичкой, сейчас – с рисованными дутыми балансами банков. Нам это только помогает – ветер в спину, что называется.

Дальше следует указание путей решения проблемы. В данном пункте мы дадим лишь начало его выкладок и продолжим говорить о них в пункте 3:

Мы видим приток клиентов и депозитов. То есть для нас это хорошо, безусловно, но мне кажется, что прежде всего это хорошо для страны и для экономики. <...>

3. В тексте интервью встречаются и примеры стратегии удержания внимания. Как уже упоминалось выше, интервью дано в живом, разговорном стиле, далеко от публицистического официоза. Перед нами – пример удержания внимания, построенный на тактике обращения к эмоциям собеседника (в рамках этого интервью собеседником, в первую очередь, становится журналист, берущий интервью):

То есть эта парадигма, когда есть надежность, бренд, история, – она ушла, это все никого не интересует. Кого волнует, сколько этому Lloyds лет? Все понимают, что это г..., а не банк. Это моя дочка так говорит, которая в Англии живет, – они не выносят этот банк. И то же самое относится к российским банкам.

Играя на эмоциях, респондент прибегает к экспрессивно-окрашенным, несущим негативные коннотации лексемам, свойственным для разговорной речи:

*Сначала она разобралась с **обналичкой**, сейчас – с **рисованными дутыми** балансами банков. Нам это только помогает – **ветер в спину**, что называется. <...>*

*Потому что иметь такое количество не банков, а просто каких-то странных организаций... Максимум 50 банков имеют настоящий капитал, остальное – это все **нарисованное**.*

4. Стратегия убеждения, применяемая Тиньковым, уже была поднята нами выше: одной из тактик ее осуществления оказывается тактика иллюстрирования. Говоря о сложившейся в мировом банковском деле картине, Олег Тиньков не скупится на комментарии и иллюстрации (та же компания Lloyds, упомянутая выше). Текст статьи, посвященной будущему банковского дела в целом и группы компаний Тинькова в частности, пестрит такими тактиками, как указание на перспективу (*для клиента через пять лет это будет полный спектр финансовых услуг в одном месте, в облаке – такая идея*), прогнозирование (*Я думаю, что построение финансового супермаркета займет намного больше времени, чем мне казалось год назад, например. И это нельзя сделать быстро, рынок меняется медленно*), предупреждение, обещание.

5. Применяются Тиньковым и стратегии сотрудничества. Мы не можем говорить о том, что Тиньков использует их, обращаясь к адресату, поскольку в статье идет речь о кооперациях с банками, а не адресатом речи. Респондент комментирует то, чего уже удалось добиться.

Умело использованные Олегом Тиньковым стратегии и тактики направлены на то, чтобы наладить успешную коммуникацию с аудиторией, избежать конфронтации и показать положительную роль экономической элиты в развитии страны.

Список литературы

1. Калинин К. Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе. Н Новгород, 2009.
2. <http://www.vedomosti.ru/finance/characters/2016/11/07/663760-kompaniya-stoila-dorozhe>

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ЛИДЕРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Лодкин Александр Евгеньевич,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
Вологодский государственный университет, г. Вологда*

Четверикова Тамара Александровна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры социологии,
Вологодский государственный университет, г. Вологда*

Молодежь – важнейший социальный слой российского общества, воспитание и образование которого всегда было актуальной задачей государства и общества. Становится очевидным, что от качества молодежной политики, социально-правовой подготовки зависит будущее российского общества.

Формирование общества, основанного на знаниях, предполагает активное отношение к овладению и систематическому их пополнению. Поэтому большой интерес вызывает использование в этих целях дополнительных форм обучения и воспитания. Такими выступают многочисленные клубы по интересам, существующие в Вологодском государственном университете. В них создается благоприятный морально-психологический климат, атмосфера доверия и творчества, приобретаются новые знания. Следует констатировать, что многообразные формы работы со студентами помогают осознать им социально-значимые жизненные ценности, выработать правовые установки, сформировать гражданственность, правосознание, духовно-нравственные качества [2, с. 47]. Особое место среди них занимает клуб «Патриот», являющийся одним из ведущих студенческих объединений. Его деятельность направлена не только на

активизацию знаний обучающихся, полученных на занятиях по социальным, гуманитарным и правовым дисциплинам, но и расширению их кругозора, развития лидерских качеств, совершенствованию ораторских способностей.

Участие в клубе для студентов становится стимулом для самосовершенствования и саморазвития. Здесь создаются реальные условия межличностного общения. Различные формы работы клуба развивают у них субъектную личную позицию, уверенность в собственных силах, помогают им стремиться к высоким карьерным результатам.

Опыт работы клуба показывает, что активно участвующие в его работе студенты могут свободно излагать свои мысли, освобождаясь от стереотипов, аргументировано ведут полемику. Полученные на заседаниях клуба знания помогают им самостоятельно формировать представления об обществе, духовных ценностях, правах и обязанностях граждан в современном политическом и историческом процессе.

Растет понимание того, что у обучающихся пробуждается интерес к себе как к личности, происходит более глубокое познание своих способностей, накапливается, в конечном итоге, образовательный и правовой ресурс.

Знакомясь с известными политиками, представителями экономической, политической и правовой элиты как регионального, так и российского уровня, достигших значительных профессиональных успехов, общаясь с ними в неформальной обстановке студенты понимают, что их жизненный пример учит тому, что можно добиться многого, важно быть профессионалом своего дела, принимать участие в общественно-значимых событиях страны и региона, не останавливаться на достигнутом, не бояться трудностей. Нас интересовал вопрос, как представляют студенты современных лидеров, чья деятельность направлена на решение социально-значимых проблем в стране, регионе.

Для получения эмпирических данных использовался авторский опросник для оценки наиболее важных характеристик руководителей, служащих и управленцев по 5-балльной шкале (1 балл – крайне низкая степень выраженности качества, 5 – крайне высокая степень выраженности качества). Опросник разработан с использованием списка качеств, предложенным Г.И. Марасановым на основе анализа литературы по практике управления и делового взаимодействия. Он включал перечень из 20 качеств, которые, как правило, ассоциируются со способностью быть лидером в каком-либо деле, с умением организовать эффективное взаимодействие рабочей группы. Список содержит как полные, так и краткие обозначения качеств [3, с. 114].

По оценке студентов все эти качества ярко проявились у Юрия Леонидовича Воробьева, Героя России, члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ, заслуженного спасателя России, председателя Попечительского совета Вологодского государственного университета.

Наиболее выраженными характеристиками, по мнению большинства респондентов, являются «умение общаться с разными людьми», «способность сохранять присутствие духа и рассудительность в экстремальных ситуациях», «способность успешнее других осуществлять сильную власть, требовать исполнительности, когда это необходимо», «высокая работоспособность в течение длительных промежутков времени», «доброта, отзывчивость, великодушные», «умение глубоко и всесторонне анализировать ситуацию», «умение увлечь других».

Анализ регулярных встреч обучающихся с ним показывает, что это личность крупного масштаба, которую отличает широта знаний, высокий профессиональный уровень. Зная его биографию, студенты понимают, что он прошел испытания славой спасателя и властью, но, как показывает практика, и сейчас остается ответственным и в большом и малом, правдивым, чутким, доброжелательным человеком. Для Юрия Леонидовича характерна открытость новому опыту и постоянное стремление к достижению поставленной цели. Он делится своим жизненным опытом со студентами, стремится к тому, чтобы они стали мудрее, помогает советом, как стать достойными людьми и добиться профессионального успеха.

У студентов складывается образ харизматичной сильной личности, профессионала своего дела. В Ю.Л. Воробьеве обучающиеся увидели сильный сибирский характер, организованность и целеустремленность, смелость, уверенность в себе, умение быстро адаптироваться к изменчивым обстоятельствам и гибко варьировать свое поведение.

По мнению студентов, в ходе встреч проявлялись его интеллигентность, дружелюбие, уважение к окружающим, спокойствие, уравновешенность, человечность. Каждая встреча с таким человеком – новый жизненный урок для них. Анализ ответов студентов свидетельствует о проявлении у Ю.Л. Воробьева мощного личностного потенциала политической элиты, способного комплексно решать социальные, правовые, административные и другие задачи. Они отмечают многообразный опыт личного участия не только в деятельности страны, но и региона.

В представлении студентов – это яркая индивидуальность с лидерскими способностями.

Студентов поражает его энергетика, исходящая из него, как он глубоко осмысливает все происходящее вокруг и дает ему такие оценки, которым можно прийти, имея огромный жизненный опыт и особый склад ума. Как считает сам политик, обладающий стратегическим и рефлексивным мышлением, «очень важно для самореализации и успеха, чтобы рядом были порядочные и честные люди, настоящие друзья и соратники».

В восприятии обучающихся Юрий Леонидович – человек слова и дела, гостеприимный и приятный собеседник, серьезный, спокойный, рассудительный, волевой. Волевое действие несет свою особую неповторимость, так как является отражением относительно устойчивой структуры личности.

Эффект человеческой притягательности возникает не только благодаря интеллектуальной развитости. Он образуется как следствие таланта, особых способностей, позволяющих справляться с задачами высшего уровня сложности.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что общение со студентами Ю.Л. Воробьева происходило в диалоговой форме, где господствовали сила мысли, знания, аргументация, способность открыто обсуждать самые острые проблемы общественной жизни.

Общение с личностью такого крупного масштаба на основе диалогового взаимодействия, обладающей высоким профессиональным уровнем, широтой знаний, имеющей свою точку зрения на процессы, происходящие в мире и в стране, позволяет обучающимся глубже осмыслить геополитические проблемы современности.

Беседы с таким человеком открывают границы для духовного развития и самосовершенствования студентов. Своим примером он показывает, как относится к работе, друзьям и окружающим людям.

Нами был проведен простой эксперимент. Студенты оценивали по семибальной шкале от 1 (очень низкий показатель) до 7 (очень высокий показатель) свой потенциал лидерства. В основном они поставили себе средний балл или даже высокий. Это отражает тот факт, что лидерство рассматривается респондентами как положительная характеристика.

Для изучения ориентации студентов (опрошено 824 человека на ряде факультетов) на социально значимые ценности был применен комплекс методов исследования: наблюдение, беседа, опрос, анализ творческих работ, метод «недописанный тезис», который представляет собой ценный фактический материал. Различные методы чередовались с целью последовательного раскрытия проблемы исследования и конкретизации его результатов. Как явствует из нашего исследования, 98,8 % обучающихся самым главным в жизни считают семью, детей, здоровье близких. Именно в этих ценностях сконцентрировано то, что имеет положительное общественное значение. Анализ данных высказываний свидетельствует, что у абсолютного большинства студентов объективная реакция на изменение социума. Значимыми для них остаются общечеловеческие ценности, стремление к взаимодействию с другими людьми. Прослеживается тенденция отсутствия ярко выраженных потребительских интересов [1, с. 128–129].

Таким образом, можно сделать вывод о том, у студентов сложился в целом позитивный образ современного лидера как авторитетного руководителя. В основе их предпочтений лежат польза, которую лидер приносит людям, учет потребностей общества, забота о людях, социальная ответственность, способность творить благо. Для достижения лидерства необходим набор волевых качеств, занятия спортом, чуткость к окружающим, умение определять цели и задачи, вырабатывать оптимистические взгляды на жизнь, общение и инициативность. Основу на пути к лидерству составляют пронизательность и харизматичность.

Диалоговое взаимодействие в воспитательной работе вуза актуализирует социально значимые ценности обучающихся, их творческий потенциал, способствует приобретению ценностного опыта понимания и уважения окружающих людей, развитию навыка слышать и ценить чужое мнение, расширяет круг межличностного общения.

Список литературы

1. Лодкин А.Е., Четверикова Т.А. Ориентация студентов на социально значимые ценности как составляющая его психолого-педагогического портрета // Ценности и интересы современного общества: в 2 т. М.: Московский гуманитарный ун-т, 2016. Т. 1, раздел «Гуманитарные науки». С. 127–131.
2. Лодкин А.Е., Четверикова Т.А. Социально-правовой аспект в воспитательной работе вуза // Высшее образование для XXI века. Секция 1. Педагогика и образование / отв. ред. А.А. Фортунатов. М.: Московский гуманитарный ун-т, 2016. Ч. 1. С. 44–48.
3. Марасанов Г.И. Социально-психологический тренинг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Когито-Центр, 2001. 251 с.

ЭЛИТА, ЛИДЕРСТВО СТУДЕНТОВ ВУЗА В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Борытко Николай Михайлович,

доктор педагогических наук, профессор,

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград

Храпов Сергей Александрович,

доктор философских наук, профессор, научный руководитель Программы

«Социализация: технологии CDIO», научный руководитель Студенческого научного совета,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Зайченко Елена Александровна,

магистр психолого-педагогического образования, ассистент,

аспирант кафедры социальной педагогики и психологии,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Существует много определений понятию «элита». В частности, Б.В. Кайгородов считает, что элита (от французского *élite* – лучшее, отборное) – это (в социологии и политологии) высший слой (или слои) социальной структуры общества, осуществляющий важные и культурные функции [3, с. 12].

Высшее учебное заведение является социокультурной средой воспитания и развития личности студентов-лидеров, будущих членов элиты страны.

В.Ю. Салыхов рассматривая проблему лидерства молодежи, дал свое определение понятию лидер (от англ. *leader* – ведущий, первый, идущий впереди) – это член группы, обладающий наиболее ценным потенциалом, обеспечивающим ему ведущее влияние в группе [6, с. 126].

Формирование лидерства у студентов вуза – это педагогический, психологический, целенаправленный и управляемый процесс, который происходит при осуществлении социально-культурной деятельности.

С.А. Храпов полагает, что изменение социокультурной реальности под влиянием технологизации приводит к изменению социальных коммуникаций, идентификационных стилей, образов человека, культуры и общества [9]. Соответственно лидерство у студентов вуза формируется в пространстве социально-культурной деятельности.

Университет должен представлять собой образовательную среду, оказывающую влияние на развитие лидерства у студентов. Термин «образование как процесс» понимается, как специально организованное взаимодействие педагогов и воспитанников в ходе реализации содержания образования [4]. Так, Б.В. Кайгородов в своем исследовании рассматривая воспитание лидерства в современной высшей школе считает, что главными субъектами процесса воспитания лидерства в образовании являются студенты и преподаватели. Каждый преподаватель должен быть лидером. Взаимодействуя со студентами, преподаватель закрепляет у студентов отношение к будущим лидерам и формирует стремление их самим проявить себя как лидера [2, с. 124].

В свою очередь, Н.М. Борытко в своем исследовании гуманитарных принципов профессионального образования педагога-воспитателя в системе непрерывного образования отмечает, что педагогическая профессия относится к типу «человек-человек», и общение опосредует все основные виды деятельности педагога и воспитанника, в процессе овладения теорией и практикой педагогического общения имеются возможности для развития у студентов и педагогов самосознания, формирования позитивной «Я-концепции», других профессионально значимых качеств (эмпатии, толерантности, рефлексивных умений и т.д.) [1, с. 44]. Владея данными качествами педагог и соответственно, студент могут стать успешными в своей области деятельности и проявить свои лидерские качества.

Роль преподавателя в пространстве социально-культурной деятельности вуза очень велика. Процессы формирования педагогической элиты, как и в любом другом профессиональном сообществе, весьма сложны, но особую роль играет личностная позиция преподавателя вуза. Относя себя к элите, преподаватель должен быть духовно-нравственной личностью, уметь взаимодействовать со студентами, быть эмпатичным, толерантным и т.д. Именно преподаватель, во многом, способствует становлению личности студента как лидера.

Современная система высшего образования решает различные значимые проблемы. Помимо основной цели – подготовки высококвалифицированного выпускника, сегодня, особенно важным представляется формирование социокультурного пространства, педагогических условий вуза – продуцирующих развитие коммуникативных и лидерских качеств студентов. В свою очередь выпускники вуза должны быть компетентными, конкурентоспособными, коммуникативными и активными профессионалами, способными самостоятельно принимать решения, готовые брать на себя ответственность за их осуществление, работать в команде и добиваться успеха в своей профессиональной деятельности [5, с. 290].

Все это обуславливает высокие требования к качеству современного высшего образования. Для формирования и развития у студентов лидерских качеств и умения работать в команде в Астраханском государственном университете (АГУ) активно применяются методы инновационного менеджмента в сфере социализации. В течение двух лет активно внедряется инновационный подход в сфере социализации, институциональным механизмом реализации которого является новая форма организации и деятельности студенческого сообщества в соответствии с принципами *Conceive Design Implement Operate* (CDIO). Оценка эффективности инновационного подхода, основанная на таких критериях, как степень вовлеченности студентов вуза в программы социализации и социально-ролевая мобильность студентов в проектах, показала, что в проектах социализации АГУ участвовало около 30 % студентов очной формы обучения [7, с. 110].

Основные принципы организации деятельности студенческого сообщества АГУ: 1. *Соотнесенность с целями и стандартами CDIO.* 2. *Инициативность:* студенческое сообщество самостоятельно выступает с предложениями по организации и функционированию студенческих объединений и проектов. 3. *Добровольность:* студенты участвуют в мероприятиях по социализации на добровольных общественных началах. 4. *Доступность:* организация и посещение мероприятий по социализации доступны для всех студентов вне зависимости от направления обучения, посещение мероприятий бесплатно для всех категорий студентов. 5. *Системность:* студенческое сообщество функционирует системно, на постоянной основе, в соответствии со своими планами работы, а также расписанием и планом мероприятий университета. 6. *Партнерство:* между руководством АГУ, профессорско-преподавательским составом и студенческим сообществом.

В Астраханском государственном университете реализованы следующие студенческие проекты: спортивные (участие в соревнованиях, олимпиадах, организация деятельности студенческих спортивных клубов), творческие (проведение конкурса молодых исполнителей популярной музыки, танцевального фестиваля, фестиваля студенческих драматических театров факультетов, функционирование лиги КВН, интеллектуального клуба), социальные (адаптация иностранных студентов, социальное волонтерство), профессиональные (реализация деятельности студенческого совета по качеству образования, прохождение стажировок, практик, формирование портфолио карьерного роста), научные проекты (деятельность студенческого научного совета, участие в научных конференциях и их организация, круглые столы, публикации, работа в научных сообществах) [7, с. 112].

Несмотря на специфику данных проектов, все они, по сути, выступают различными инструментами для достижения общей цели: мобилизация и интенсификация студенческих инициатив в области формирования благоприятной образовательной среды для становления в процессе социализации личностных, межличностных, профессиональных навыков и компетенций, что является определяющим условием роста человеческого капитала студентов [8, с. 27].

Следовательно, почти каждый из людей может добиться успеха и для того чтобы стать лидером, нужно постоянно развивать в себе необходимые элитные качества, необходимые для его успешной коммуникативной, организа-

торской деятельности и создания положительной атмосферы в своей студенческой среде. Для решения этих задач особенно важным является постоянное расширение и обновление пространства социокультурной деятельности, включение студентов в качестве лидеров-организаторов этих процессов.

Список литературы

1. Борытко Н.М. Гуманитарные принципы профессионального образования педагога-воспитателя в системе непрерывного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 11 (75). С. 41–45.
2. Воспитание лидерства в современной высшей школе / Б.В. Кайгородов // Приоритеты и интересы современного общества. Астрахань, 2010. С. 124–127.
3. Кайгородов Б.В., Николаенко В.Д. Основные направления изучения элиты // Современная российская элита. Астрахань, 2009. С. 11–17.
4. Крившенко Л.П. Педагогика. М.: Проспект, 2010. 432 с.
5. Палаткина Г.В., Зайченко Е.А. Инновационные технологии формирования лидерства студентов вуза в пространстве социально-культурной деятельности // Психология и Психотехника. 2016. № 3. С. 290–297.
6. Салыхов В.Ю. Формирование лидерских качеств студентов (на опыте подготовки менеджеров) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 126–129.
7. Фёдорова Е.П., Храпов, С.А., Акмаева Р.И. Инновационный менеджмент в сфере социализации студентов: статистический анализ (на примере Астраханского государственного университета) // Экономика. 2015. № 3. С. 110–117.
8. Храпов С.А., Палаткина Г.В. Расширение методологического горизонта CДИО: рост человеческого капитала студентов в контексте проектов социализации // Изменения в образовании в XXI веке: лучшие международные практики и российский опыт. Как сформировать новаторское и предпринимательское мышление. Астрахань, 2014. С. 25–27.
9. Храпов С.А. Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 66–75.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЛИДЕРСТВА И КОМАНДНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Гаджиева Елена Анатольевна,

*кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Арутюнян Светлана Айковна,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Уже давно общепризнанным является тот факт, что основным механизмом обеспечения устойчивых конкурентных преимуществ современных организаций становятся способности их менеджеров и лидеров учиться быстрее своих конкурентов, их умение быстро распознать новые возможности для организационного обновления. А главной ценностью и конкурентным преимуществом современной организации являются знания, созданные и накопленные в коллективе, т.е. человеческий капитал, являющийся носителем ключевых компетенций организации.

Отсюда можно сделать вывод, что принципы менеджмента, зародившегося более ста лет назад, уже не соответствуют объективной реальности. Потому что нацелен он был на решение проблемы о том, как превратить людей в полуавтоматические механизмы, как заставить работников хорошо делать одну и ту же работу снова и снова. В связи с этим менеджмент был построен на принципах стандартизации, специализации, иерархии и контроля. И такое управление абсолютно не способствует тому, чтобы быть инновативными, адаптивными и вдохновляющими! Проблема, которую должен решать современный менеджмент, – как в полной мере использовать и ценить потенциал своих сотрудников, как создать увлеченность, открытость, гибкость сотрудников, ориентацию у них на сотрудничество. В соответствии с указанными целями процветать и добиваться высокой эффективности в своей деятельности будут только те организации, которые добьются прогресса именно в этой области, которые будут создавать и развивать свои управленческие модели. Управленческая наука постоянно развивается и модернизируется, возникают новые приоритеты, меняются подходы.

В этом смысле очень показателен опыт компании «Тойота», создавшей свою собственную уникальную систему производства и менеджмента TPS (“Toyota Production System”, производственная система “Toyota”, первоисточник возникшей позднее в США концепции “Lean Production”, бережливого производства), которая «ходит по миру» и получает все больше и больше сторонников и пользователей. Это не просто производственная и управленческая концепция, а целая философия ведения бизнеса – Дао Toyota, как назвал ее Дж.Лайкер [2]. Мировоззренческая парадигма Дао Toyota строится на основе двух главенствующих принципов – непрерывного совершенствования и уважения к людям.

Концепция непрерывного совершенствования, или «кайдзен», отражает современные представления об управлении изменениями в организации. «Кайдзен» буквально означает «перемена к лучшему», и в современной теории и практике управления используется для обозначения «процесса постепенных, но постоянных улучшений», представляющих собой перманентные плавные перемены в организации эволюционного характера, присущие именно японской модели менеджмента, в противовес резким кардинальным скачкообразным нововведениям [1, с. 259]. Изменения «в режиме кайдзен» сталкиваются с гораздо меньшим сопротивлением со стороны персонала и линейных руководителей организации, поскольку режим постоянного движения организации постепенно вызывает адаптацию сотрудников к переменам. Непрерывное совершенствование заставляет людей постоянно учиться и создает атмосферу, которая не только благоприятствует изменениям, но делает их естественными и необходимыми.

Однако для успешного применения концепции кайдзен необходимо выполнение второго базового принципа философии Дао Toyota. Кайдзен, как показывает опыт крупных японских компаний, возможен только там, где есть уважение к людям [2]. Уважение к людям, в частности, сотрудникам организации и ее партнерам, предполагает создание атмосферы доверия, взаимопонимания и взаимопомощи, благоприятного морально-психологического климата, проявлении заботы о сотрудниках компании, формировании команды и командного духа [1, с. 262]. Подобная обстановка способствует эффективному проведению организационных изменений, а следовательно, постоянному развитию организации, проявлению увлеченности, творческой активности, инициативы и целеустремленности сотрудников, и вызывает желание совместной работы над общей целью. И создание подобной атмосферы – главная задача менеджмента и лидера.

Лидер и менеджер нужны именно для того, чтобы определить и разъяснить, в чем состоит общая цель, и двигаться к ней вместе с остальными, увлекая людей за собой и помогая им преодолевать трудности. Менеджер должен побуждать людей думать, поддерживать и использовать их идеи в работе компании. Неизменный успех многих современных компаний, в том числе и Toyota, проистекает именно из их философии бизнеса, в основе которой лежит понимание людей и мотивации сотрудников. Разрабатывая стратегию, выстраивая отношения с партнерами и обеспечивая функционирование обучающейся организации, передовые компании неустанно совершенствуют лидерство, работу команд и культуру бизнеса.

Рис. 1

«Как же создаются эффективные команды?» – вопрос, который в настоящее время заботит огромное количество руководителей. Рецепт создания высокоэффективной команды, команды-победительницы, по мнению всемирно известного американского бизнес-гуру Брайана Трейси, заключается в умении лидера объединить мотивированных людей с помощью общих целей, ценностей, убеждений, планов и добиться от них согласованности действий и приверженности достижению максимальной эффективности, стандарты которой также разделяются всеми членами команды. В своем бестселлере «Как управляют лучшие» Б. Трейси определяет особенности и основные условия формирования эффективных команд [3, с. 156–160], которые, на наш взгляд, могут быть представлены в виде концепции командной работы (рис.). Как, согласно древнеиндийским ведическим представлениям, плоская земля покоилась на четырех слонах, стоящих, в свою очередь, на исполинской черепахе, так и высокоэффективная команда имеет в своем основании прочный фундамент. Основу фундамента, безусловно, составляет лидер, обладающий целым рядом характеристик, без которых создание и функционирование команды невозможно: 1) лидер является безусловным авторитетом и примером для подражания; 2) лидер задает стандарты для всех членов команды; 3) лидер принимает на себя полную ответственность за всю команду; 4) лидер является связующим звеном, способствует открытому общению и обсуждению; 5) лидер является координатором действий команды и помощником для остальных; 6) лидер заботится о своих подчиненных и последователях, раскрывает и развивает их таланты, улаживает конфликты, защищает своих людей [3, с. 158–166].

Именно лидер способствует формированию остальных фундаментальных основ командной деятельности, ее «четырех слонов», которые явно определяются на основе анализа многочисленных исследований деятельности успешных команд в различных сферах деятельности [3, с. 156–160]:

- 1) общие цели и высокие стандарты эффективности, которые обсуждаются, принимаются, разделяются, поддерживаются, а впоследствии и достигаются всеми членами команды в ходе слаженной работы;
- 2) общие ценности, принципы и убеждения, на основе которых формируются идеалы и мировоззрение сотрудников, что позволяет в итоге достичь внутренней гармонии каждого члена команды и команды как целого;
- 3) общие планы, определяющие основные методы достижения общих целей в ходе групповых обсуждений и нахождения консенсуса и формирующие чувство личной ответственности каждого за результаты общей деятельности и внутреннюю мотивацию членов команды;
- 4) постоянный анализ и оценка, являющиеся формой коммуникаций, обратной связи между членами команды, а также между командой и стейкхолдерами компании, что позволяет своевременно выявлять «узкие места» в деятельности, совершенствовать процессы и в итоге добиваться большей эффективности.

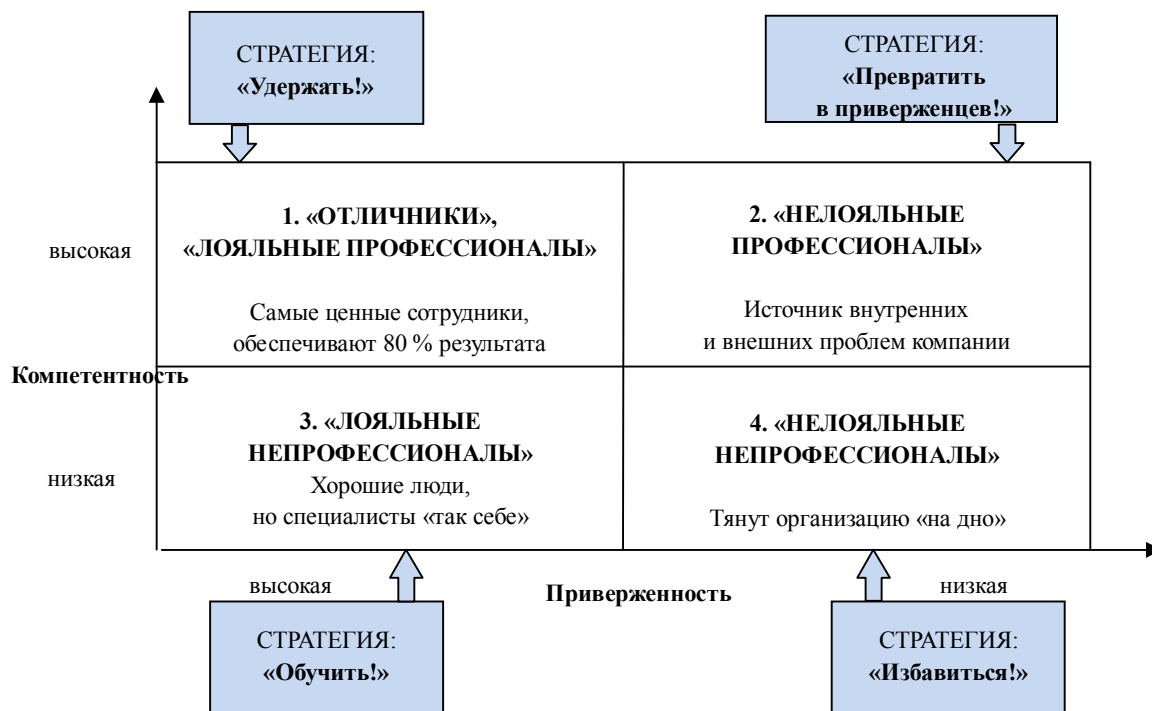

Рис. 2. Модель стратегий управления персоналом компании на основе компетентности-приверженности

Высокоэффективный лидер – это тот руководитель, который способен построить работу своих сотрудников на основе рассмотренных принципов для обеспечения слаженной командной работы и получения положительного системного эффекта от совместной деятельности. Кроме того, на плечи лидера ложится еще одна очень важная задача – правильно подобрать людей для формирования команды-победительницы и подобрать правильную стратегию управления персоналом по отношению к различным группам сотрудников.

Для понимания специфики отбора персонала для формирования команды обратимся к предлагаемой Б. Трейси характеристике отдельных групп сотрудников организации на основе оценки степени их приверженности (лояльности) команде и организации, а также их профессиональной компетенции [3, с. 153–154]. На основе изучения классификации Б. Трейси нами предлагается модель стратегий управления персоналом компании при ведении командной работы в зависимости от соотношения приверженности-компетентности (рис. 2).

Самыми главными членами команды, ее «остовом», должны стать представители первой группы сотрудников организации – «лояльные профессионалы». Этих людей Б. Трейси называет «отличниками», они полностью привержены целям и ценностям организации и команды, демонстрируют высокую эффективность. Согласно законам В. Парето, это, как правило, около 20 % работников организации, которые способны обеспечить 80 % результата ее деятельности. По отношению к данной группе лидер должен выработать и использовать стратегию удержания, поскольку именно на них ориентирован весь бизнес.

Вторая группа сотрудников-членов команды – это «нелояльные профессионалы», люди которые обладают высокой профессиональной компетентностью, но очень низкой степенью приверженности компании, ее целям, идеалам и ценностям. Данные сотрудники очень важны для организации в силу своего профессионализма и эффективной работы, но при этом являются главным источником различных проблем компании, таких как интриги, конфликты, борьба за власть, сопротивление изменениям и т.д. Стратегия лидера в отношении этой группы сотрудников должна заключаться в повышении их лояльности, превращении их в приверженцев и полезных членов команды.

Третью группу сотрудников, обозначенную нами как «лояльные профессионалы», отличает высокая степень приверженности своей организации, но невысокий уровень профессионализма, в силу чего они оказываются неспособны выполнять работу хорошо. В силу своей лояльности эти сотрудники также представляют ценность для команды, поскольку поддерживают и пропагандируют ее идеалы. Следовательно, необходимо работать над повышением степени их компетентности. Стратегия работы с такими членами команды – «обучить, дать набраться опыта», чтобы повысить их результативность.

Ну и наконец, в последнюю группу входят «нелояльные профессионалы», сотрудники, имеющие как низкую приверженность идеалам команды, так и низкий уровень профессиональной компетентности. Это своего рода «балласт» для организации, который тянет ее вниз, поэтому от них нужно своевременно избавляться.

Таким образом, работа лидера при формировании эффективной команды заключается в группировании своих подчиненных с точки зрения их приверженности-компетентности для выработки правильной стратегии и программы управления по отношению к каждой группе, чтобы как можно большее число членов команды превратить в «лояльных профессионалов».

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в современных условиях жесткой конкуренции залогом успеха ведения бизнеса становится командная работа и лидерство. Создание слаженной, эффективно работающей команды будет являться залогом успешности достижения поставленных компанией целей. Именно способность коллектива работать как одно целое позволит избежать многих из возможных проблем. Развитие командного духа усилит чувство сплоченности, доверительные отношения между сотрудниками и позволит создать опыт высокоэффективных совместных действий, нацеленных на результат.

Список литературы

1. Арутюнян С.А., Белик Е.А., Крюкова Е.В. Особенности эффективного управления организационными изменениями // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 256–263.
2. Лайкер Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира: пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 402 с.
3. Трейси Б. Как управляют лучшие: пер. с англ. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 256 с.

СТРАТЕГИЯ УСПЕХА В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

Крюкова Екатерина Викторовна,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Смирнова Диана Шамасовна,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Стратегия успеха в области высоких технологий гласит: «Научные исследования являются ключом к инновациям, а инновационная деятельность это двигатель роста и повышения благосостояния» [5, с. 25]. Модернизацию невозможно себе представить без успешного превращения научных идей в приносящие прибыль продукцию и услуги. Инновация это успешная конвертация знания в деньги.

Для решения этой задачи науке, образованию и экономике необходимы соответствующие рамки в виде благоприятных условий и государственной поддержки. С точки зрения традиционной оценки текущего состояния инновационного кластера выделяются такие структуры как: государство, компании, научное сообщество, финансовые институты, организации сотрудничества и гражданское общество [6, с. 38].

Проведенный анализ ставил основным объектом вопрос о том, использование каких инструментов позволит расширить сотрудничество и гарантировать инновационному кластеру возможности развития.

Для ответа на данный вопрос был проведен анализ российского опыта в сфере инновационных кластеров.

Сама по себе идея направить развитие экономики по инновационному пути, безусловно, своевременна и перспективна. И поддержка производителям инновационных продуктов, разработчикам новинок, которые в дальнейшем могут повлиять на позиции российских компаний как на внутренних, так и внешних рынках, необходима. Нам кажется, что процесс формирования инновационных кластеров должен рассматриваться как проект.

И в этом случае он требует более гибкой, специфической методики управления, что называется, проектного подхода к управлению [1, с. 15].

Главной характеристикой инновационных кластеров выступает то, что в экономическом смысле они являются экономическими процессами масштабов государственного вмешательства, в целях сокращения издержек. Иными словами, это территория, где соблюдается принцип «таможенной экстерриториальности».

Из этого определения видно, что свобода обособленной части государственного пространства является не абсолютной, а относительной. Инновационные кластеры эта территория является лишь в том смысле, что ввезенные на нее товары освобождаются от таможенных пошлин, налогов на импорт и других видов контроля за импортом, которые в соответствии с таможенным законодательством страны применяются в отношении импортируемых товаров на другие территории данной страны [2, с. 20].

Это означает, что товары, ввозимые в инновационные кластеры из-за границы, не декларируются как ввоз на территорию принимающей страны. Но в то же время законы не освобождают товаровладельцев и инвесторов от существующего экономического правового порядка, а лишь облегчают его.

Наряду с анализом развития подходов к пониманию сущности инновационных кластеров отслеживает функционирование их как социально-экономическое явление (экономическая система) в странах и регионах. Иными словами, инновационные кластеры представляют собой анклав, где товары ввозимые на территорию из-за границы, не декларируются как ввоз принимающей страны.

Таким образом, основная цель деятельности государственного агентства в сфере инновационных кластеров – это оказание государственных услуг, т.е. оказание помощи компаниям в решении локальных, хорошо описанных и формализованных задач [3, с. 45]. А эта деятельность ограничена утвержденными административными регламентами по оказанию государственных услуг.

Решение же большинства вопросов при реализации проекта требует инициативы, быстроты в принятии зачастую нестандартных решений. Результат применения бюрократической системы управления к решению творческой, не формализуемой задачи не всегда оправдывает ожидания.

Крупномасштабные зоны, охватывающие многие районы и города рассматриваются Э. Мальковым по территориально-отраслевому признаку.

В настоящее время насчитывается свыше 500 инновационных кластеров, включающих традиционно свободные гавани [4, с. 18].

Свободной эта территория является лишь в том смысле, что ввезенные на нее товары освобождаются от таможенных пошлин, налогов на импорт и других видов контроля за импортом, которые в соответствии с таможенным законодательством страны применяются в отношении импортируемых товаров на другие территории данной страны. Это означает, что товары, ввозимые в инновационные кластеры из-за границы, не декларируются как ввоз на территорию принимающей страны.

Инновационные кластеры – это ограниченные территории, морские и авиационные порты, в которых действуют особые льготные экономические условия для национальных и иностранных предпринимателей, способствующие решению внешнеэкономических, общеэкономических, социальных, научно-технических и научно-технологических задач.

Видно, что такое определение инновационных кластеров отражает территориальность, льготность, анклавность и ограниченность влияния органов государственной власти в хозяйственной деятельности этих экономических формирований. Последнее созвучно теории М. Фридмана и требованиям рынка [5, с. 67].

Дважды поясняя свое определение инновационных кластеров, профессор К.А. Семенов изложил его весьма лаконично, назвав «зоны обособленной частью национального экономического пространства, на которой применяется определенная система льгот, не используемая на других территориях данного государства».

В России в начале 1990-х гг. вновь обрела государственную независимость, экономические условия существования образовательных и научных учреждений в стране с переходом к рыночной экономике разительно изменились. 1990-е гг. стали тем временем, когда при вузах и НИИ их преподавателями и научными сотрудниками был и созданы первые малые и средние научно-технические предприятия правда, происходило это в сложной атмосфере по-прежнему недостаточно оформленных правовых отношений, под которые подпадают эти предприятия.

С одной стороны, возникшие предприятия юридически не имели никакого отношения к тому вузу или научно-исследовательскому учреждению, где были получены научные результаты.

С другой стороны, сами научные и образовательные организации не могли ни поддержать эти малые или средние предприятия, ни получить от них какую-нибудь выгоду [6, с. 56].

Перед инновационными научно-исследовательскими и технологическими предприятиями, создаваемыми при высших образовательных и научных учреждениях на правах, так называемых, хозяйственных обществ, стоит претенциозная задача воплотить инновационные решения в продукцию, пользующуюся спросом на рынке.

Реализация этой задачи требует предприимчивости, готовности к риску и мужества. Поэтому необходимо объединение имеющегося потенциала науки и экономики и привлечение к решению этой задачи коммерческих организаций, это возможно только в условиях эффективного инновационного кластера.

Стратегия правительства России в области создания инновационного кластера заключается в том, чтобы, используя целенаправленное стимулирование, как бы перекинуть мостик между наукой и экономикой и укрепить позиции инновационных предприятий мелкого и среднего бизнеса. При этом сводятся вместе и увязываются во единое полномочия и компетенции в области налаживания кооперации, в установлении партнерских отношений и создании инновационных объединений. В рамках указанной стратегии основное внимание отчетливо фокусируется на создании кластеров и сетей инновационных предприятий со значительным привлечением к этой деятельности предприятий малого и среднего бизнеса. В результате такой политики достигается более интенсивная передача в сферу экономики новых научных знаний и технологий, что в решающей степени способствует коммерческому успеху инноваций.

По этой причине в России уже несколько лет особо поощряется создание инновационных предприятий в сфере науки. Для решения поставленной задачи используется широкий спектр инструментов от оказания консультаций до кураторского сопровождения процесса создания таких предприятий и их финансирования.

Список литературы

1. Васильев Л. СЭЗ: мифы и действительность// Биржевые ведомости. 2003. № 1.

2. Корчагина Н. А. Кластерная политика – технология повышения эффективности управления компаниями. Астрахань: Астраханский ун-т, 2009. 117 с.
3. Мальков Э.Д. Зоны свободной торговли в практике международных экономических отношений // БИКИ. 1955. № 95. С. 205.
4. Семенов К.А. Игнатов В., Бутов В. Принцип таможенной экстерриториальности // Свободные экономические зоны. 1997. С. 192.
5. Содействие развитию зон / Центр ТНК при ООН, 2001. С. 107.
6. Porter M. Clusters and Competition: New Agendas for Companies, Government, and Institutions. In On Competition. Boston: Harvard Business School Press, 2008. 544 p.

ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЭЛИТАРНОЙ И УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФОРИЕНТАЦИИ

Фадеева Ирина Валерьевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Согласно культурно-исторической теории, информация о мире профессий передаётся человеку по разным каналам социальной коммуникации. В свою очередь, профессии, являясь частью классовой структуры общества, делятся на «умственные» и «физические». Информационные воздействия принимаются и воспринимаются человеком по-разному. Актуализация соответствующей потребности, своего рода «всплеск активности» является условием восприятия информационного воздействия [1, с. 42]. Важную роль в профессиональном самоопределении играют представления индивида об основных чертах общества и о различных социальных группах. Через свои требования и нормы общество оказывает сильное давление на выбор профессии молодым человеком.

Как отмечает А.К. Маркова: «Если мы будем считать воздействие общества конечной детерминантой выбора, то тем самым поддержим безынициативность тех, кто избегает ответственности за свои решения, хотя свободный выбор профессии по интересам и способностям, всё ещё только тот идеал, к которому следует стремиться» [6, с. 232].

На отношение людей к труду, к своей роли и положению в обществе оказывают влияния изменения в стране. Структура профессиональных склонностей и побуждений постоянно стягивается в сторону высокопрестижных специальностей и профессий рыночно-коммерческого характера и направления [4, с. 18].

Социальный престиж понимается как «значимость, привлекательность, приписываемая в общественном сознании различным сторонам деятельности людей: социальному положению, профессии, действиям людей, их психологическим качествам (инициативность, интеллектуализм), физическим достоинствам (красота), различным благам и услугам и, что особенно важно, социальным группам, институтам, организациям.» [7, с. 17].

Таким образом, понятие престижа профессии входит огромный комплекс и сложное взаимодействие личного опыта и информации. И чаще всего эта информация черпается подростком из СМИ.

Как складывается в сознании молодого человека образ успешной профессии? Можно предположить, что этот образ складывается из двух составляющих: удовольствие и высокая материальная заинтересованность. В СМИ он видит богатых и успешных людей, которые не укладывают шпалы, не занимаются высокоинтеллектуальным трудом, равно как и высококвалифицированным. Людей, зарабатывающих большие деньги и ведущих праздный, красивый образ жизни молодой человек видит на экране и в интернете каждый день. Этих людей называют элитой, звездами и т.п. Подростку тоже хочется быть звездой, кажется, что и он так сможет, поскольку ничего сложного нет. Таким образом вырастет в сознании школьника привлекательный образ профессии телеведущего, фотомодели, актера, спортсмена. Таким же образом трансформируются понятия «элита» и «престиж». Очевидно, что данная картина мира не соответствует действительности и поэтому требует коррекции. Именно поэтому необходимо констатировать необходимость на данном этапе уделять больше внимания профориентационной работе, правильно, с учетом всех особенностей развития общества ориентировать тех, кто стоит перед выбором будущей профессии и жизненного пути вообще.

В этой связи необходимо изучение новых подходов к организации работы с учащимися, в которых процесс самоопределения старшеклассников рассматривается как фактор включения старшеклассника в жизнь современного общества. И СМИ в этом вопросе играют важную роль.

Однако, из-за того что данное влияние на современном этапе развития профориентационной деятельности в нашей стране пока еще остается стихийным и не систематизированным, профессиональное самоопределение школьников не поддается какому либо контролю со стороны государства и его сложно назвать управляемым и легко прогнозируемым. В то время как экономическая ситуация в стране на данный момент планируется правительством на десятилетия вперед, а следовательно и потребность в специалистах тех или иных профессий в ближайшие годы является вполне прогнозируемой величиной. Канал связи экономической структуры государства с абитуриентами не налажен, таким образом теряется эффективность взаимодействия предприятий и учебных заведений, что в итоге приводит к дефициту специалистов в одних областях и избытку в других. Во многом решить этот вопрос можно с использованием средств массовой информации.

В настоящий момент можно констатировать неравномерное распределение специалистов на рынке труда. Стремление к неперенному получению высшего образования, сформировавшееся в последние годы и его относительная доступность (возможность учиться на коммерческой основе, а не по уровню знаний) сформировали переизбыток выпускников по некоторым профессиям. В то же время значительно упал престиж и востребованность рабо-

чих профессий, а рынок труда сегодня остро нуждается именно в таких специалистах. Как повысить востребованность рабочих специальностей, ввести «моду» на них? Представляется, что основную роль в популяризации профессий, в проведении профессиональной ориентации должны играть средства массовой информации, выполняя не только просветительскую функцию, но и в некотором роде агитационную или рекламную – пропагандируя идеалы честной и достойной работы, формируя образ престижной профессии.

Важная задача – представить ту или иную профессию, и, соответственно, выпускников с этой профессией, востребованной на рынке труда. Популяризация востребованности специалистов той или иной специальности – одна из важных функций создания положительного имиджа профессии.

В подавляющем большинстве случаев заказчиком рекламной кампании выступает непосредственно учебное заведение, которые заинтересованы не столько в дальнейшем трудоустройстве своих выпускников, сколько в привлечении большего числа абитуриентов на более высокооплачиваемые специальности. Именно это приводит к переизбытку специалистов в тех или иных областях и дефициту в других.

Представляется более правильным, если заказчиком профориентационной рекламы выступают государственные учреждения, информированные о прогнозах на состояние рынка труда к моменту выпуска абитуриентов из учебного заведения или частные предприятия, готовые трудоустроить выпускников.

Одной из особенностей профориентационной рекламы является то, что она может считаться как коммерческой, так и социальной. Помимо очевидной социальной пользы подобной профориентационной работы, такой как снижение уровня безработицы, увеличение эффективности обучения и улучшение качества труда, а также возможность регулирования потоков абитуриентов на необходимые и востребованные в государстве специальности, коммерческие предприятия также заинтересованы в профориентации проводящейся средствами массовой информации. Работа по привлечению абитуриентов и направлению их потока, а также по формированию образа престижных профессий косвенно является и рекламой учебных заведений при условии предоставления ими необходимых услуг и рекламой тех или иных предприятий, готовых предоставить выпускникам площадку для трудоустройства.

При всем богатстве выбора рекламных технологий, их использование в профориентационной тематике требует определенных условий. Во-первых – такая реклама должна быть планомерной и долговременной. Кроме того, она в первую очередь предполагает аналитический подход. Ситуация на рынке труда сейчас складывается таким образом, что переломить или изменить существующие стереотипы относительно образа престижных и не престижных профессий не представляется возможным в короткие сроки. Таким образом, на первом этапе формирования нового представления о профессии недостаточно разового размещения информации средствами наружной рекламы. Хотя их можно использовать при создании рекламной кампании как способ закрепить информацию, уже известную абитуриентам из других источников. Реклама в СМИ представляется в этом плане более эффективной и легкой в использовании, так как СМИ охватывают большую аудиторию, могут иметь аналитический формат и включать в себя объем информации, достаточный для формирования имиджа профессии. Таким образом, основной упор при проведении профориентации средствами рекламы уделяется средствам массовой информации. Это теле- и радиопередачи, статьи на Интернет-ресурсах и рекламные ролики. Представляется, что к задачам, преследуемым профориентационной тематикой, больше всего адаптированы такие виды рекламы, как имидж-реклама и стимулирующая реклама. Рассмотрим их подробнее:

«Имидж-реклама – в основном, это реклама по созданию благоприятного образа (имиджа) фирмы и товара. Ее основная роль – ознакомить потенциальных потребителей с продукцией, с ее назначением, характеристиками, а также с направлениями деятельности, с теми преимуществами, которые получает покупатель, обращаясь к данной фирме» [2, с. 342].

«Наиболее эффективны для имидж-рекламы: 1) рекламные ролики на телевидении; 2) наружная реклама; 3) реклама в популярных газетах и журналах; 4) участие в благотворительных акциях с освещением участия компании в средствах массовой информации» [3, с. 95–100].

Таким образом, использование приемов имидж-рекламы может являться одним из наиболее эффективных и действенных средств в создании образа той или иной профессии, а значит, ее применение должно являться важной частью профориентационной работы, проводимой с помощью средств массовой информации.

«Любая реклама направлена на стимулирование потребностей покупателей, на создание привлекательного образа. Ее направленность ограничена, она должна быть адресована пользователям или покупателям вашей продукции. При этом, однако, неизбежно обращение к несколько большей аудитории покупателей или пользователей. В большинстве случаев довольно трудно строго очертить круг ваших потенциальных покупателей или выявить читаемые только ими издания, но в данном случае такое расширение аудитории не намеренное, а довольно случайное» [3, с. 95–100].

В контексте профориентационной тематики в СМИ одна и та же информация о профессии может считаться и стимулирующей и имидж-рекламой в зависимости от аудитории. Так как на рынке образовательных услуг второе образование чаще всего получают специалисты с устроенной карьерой и приемы рекламы вряд ли помогут изменить их выбор, основной аудиторией имидж-рекламы будут являться выпускники школ. Однако тех, кто уже выбрал специальность, та же самая информация о профессии будет стимулировать и мотивировать их продолжать обучение и получить диплом по выбранной специальности.

Таким образом, сопоставив возможности некоторых рекламных технологий в медиа с целями и задачами профориентационной деятельности, мы можем сделать вывод о том, что основные законы действия рекламы вполне применимы к специфике профориентации.

Список литературы

1. Бородин В.И. Изменения в потребностно-мотивационной сфере личности при адаптации к учебно-воспитательному процессу. Минск, 1989. 174 с.
2. Джон Р. Росситер, Ларри Перси. Реклама и продвижение товаров = Advertising communications & promotion Джон Филип Джоунс. Рекламный бизнес: деятельность рекламных агентств, создание рекламы, медиа-планирование, интегрированные коммуникации = The Advertising Business: Operations, Creativity, Media Planning, Integrated Communications. М.: Вильямс, 2005.
3. Джим Эйтчисон. Разящая реклама. Как создать самую лучшую в мире печатную рекламу брендов в XXI веке = Cutting Edge Advertising: How to Create the World's Best Print for Brands in the 21-st Century. 2-е изд. М.: Вильямс, 2007.
4. Жданов Р.П. Профессиональное становление специалиста среднего звена в системе непрерывного образования. СПб, 1994. 29 с.
5. Ильясов Ф. Н. Рекламная цивилизация = Возможен ли переход от конкуренции рекламы к конкуренции качества // Социологические исследования. 2009. В. 7. 103 с.
6. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 308 с.
7. Снегирёва Т.В. Личностное самоопределение в старшем школьном возрасте. // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 27–35.

ЛОНГРИД КАК СОВРЕМЕННЫЙ ФОРМАТ ОТРАЖЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИДЕРСТВА

Джабраилова Заира Александровна,

*магистрант факультета филологии и журналистики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Проблемы лидерства активно изучаются в России и за рубежом в различном контексте и на различных теоретических основаниях. Иногда лидерство называют процессом, но в большинстве теорий и исследований оно рассматривается как фигура, завоевавшая внимание и уважение. Лидером можно назвать не только человека, но и организацию, заслужившую почёт на рынке. Борьба за лидерство во многих сферах ведётся сотнями, а иногда и тысячами конкурентов. И это только в пределах одного региона. Чтобы сузить круг конкурирующих организаций в Астраханской области рассмотрим сферу телевизионной журналистики, здесь она представлена всего 4-мя компаниями: ГТРК «Лотос» (телеканалы «Россия 1», «Россия 24», телевизионный интернет-канал «Лотос 24»), «Астрахань 24», «СТС Астрахань» и «7+». Бесспорным лидером из них является ГТРК «Лотос». Сегодня компания представляет единственный в регионе федеральный канал, филиал ВГТРК «Россия – 1», который ведет вещание на всю Астраханскую область. Ежегодно копилку ГТРК пополняют многочисленные награды регионального и федерального значения. В прошлом году фильм компании завоевал престижную телевизионную премию «ТЭФИ-Регион», став обладателем знаменитого бронзового Орфея. Среди других особо значимых наград победа на фестивалях «Спаси и сохрани», «Человек и море», «Каспийская мечта», «Человек и вера», «Мир права», «Щит и меч», а также на Всероссийском фестивале документальных фильмов – и это только за 1 год.

История Астраханского телерадиовещания началась в 1926 г. со слов «Говорит Астрахань». А в прошлом году компания, ныне ГТРК «Лотос», отметила двойной юбилей (90-летие радио, 60-летие телевидения). Менялись времена, технологии, способы подачи информации. Остался неизменным опыт и профессионализм работников, который требует тщательного изучения и передачи из поколения в поколение. В своем становлении ГТРК «Лотос» прошла пять этапов и вышла на новый уровень, определив специфику работы современной региональной телерадиокомпания: от радиовещания в 1930-е до цифрового телевидения в 2010-е.

За историей телевидения стоят удивительные и уникальные люди, передовики теле-производства, специалисты, которыми может гордиться современники. Каждому журналисту необходимо знание истории становления такого важного вида СМИ, как ТВ, умение правильно понимать его роль в современном обществе, чтобы своевременно и адекватно реагировать на явления действительности.

Как отметила один из практиков Н.В. Зверева, которая является автором книги «Школа регионального журналиста», «трудно студенты и слушатели воспринимают любые исторические экскурсы. Мысль о том, что кто-то что-то делал до нас, конечно, приходит в голову каждому. И, тем не менее, новое поколение предпочитает делать свои ошибки и заново открывать давно открытое. Это нормально» [3, с. 157].

Необходимость анализа сильных и слабых сторон телевизионной журналистики, осуществленных и неосуществленных возможностей, диктуется ее ролью в современном обществе. Всестороннее восприятие исторического опыта региональной тележурналистики может помочь журналисту точнее определить свое собственное место, свои профессиональные задачи, свою роль. Сегодня многие современники не задумываются, когда и как появилось телевидение в их регионе. Люди привыкли получать необходимую информацию с помощью телевидения, быть в курсе последних новостей и событий из жизни региона. Характер подачи телевизионной региональной информации, когда телевидение вплетено в ткань современного общества, в его экономику, политику и культуру, охватывает международные, межгрупповые и межличностные отношения, имеет большую проблематику как в философском, социальном, творческом и прочем значении, поскольку продолжающееся эволюционное преобразование телевидения оказывает возрастающее воздействие как на материально-производственную, так и на социально-политическую, культурно-идеологическую и другие области жизни всего общества и каждого отдельного человека. Оказывая большое воздействие, в силу присущих телевидению свойств, которые формируют характер развития общества, влияют на их

политические, моральные и эстетические критерии, телевизионная журналистика становится существенным фактором социального управления. Изучение прошлого, настоящего и перспектив тележурналистики позволяет лучше представить себе, что может телевидение, и какую роль играет журналист в реализации этих возможностей.

Изложить историю на нескольких страницах фактически невозможно. К тому же, поток новостных сообщений создаёт эффект «информационного шума» и не позволяет представить адекватную картину действительности. Кроме того, ранее считалось, что читать длинные тексты пользователю компьютера неудобно, однако современные устройства – планшеты, смартфоны – позволяют сделать чтение максимально комфортным. В связи с этим, всё более популярными становятся лонгриды, материалы длинной формы (как правило, мультимедийные), которые посвящены глубокому и разностороннему изучению проблем [2, с. 370].

Объем материала – хотя и наиболее заметная, но не ключевая характеристика лонгрида. Объемными могут быть и материалы других жанров, поэтому сам по себе большой объем текста вовсе не означает, что перед нами лонгрид. Отличает его также особый подход к выбору темы, требования к качеству собранной информации и способ подачи материала.

Описание истории регионального телевидения с помощью лонгрида позволит не только создать информационно насыщенный материал, но и сделать его ярким, дополнив деталями и подробностями, используя различные мультимедиа.

Мультимедийный лонгрид – это журналистское произведение, в основе которого заложен длинный текст и насыщенный аудиовизуальный ряд. Формат предполагает глубокое погружение читателя в тему, а также серьезную проработку журналистом большого количества источников по предмету исследования [1].

Сразу же следует оговориться, что объем материала – хотя и наиболее заметная, но не ключевая характеристика лонгрида. Объемными могут быть и материалы других жанров, поэтому сам по себе большой объем текста вовсе не означает, что перед нами лонгрид. Как будет показано в исследовании, лонгриды отличает также особый подход к выбору темы, требования к качеству собранной информации и способ подачи материала. [5].

И практикующие журналисты, и исследователи отмечают, что для привлечения внимания читателей в эпоху информационного изобилия и характерного для Интернета клипового восприятия лонгрид должен содержать уникальную и более яркую, более качественную информацию, чем обычно предлагается в СМИ [5].

Еще одним преимуществом лонгридов является более высокий рейтинг в поисковых запросах и большая, по сравнению с обычными материалами, популярность в социальных сетях [4].

В практике зарубежных СМИ лонгриды стали уже привычным явлением, самым известным является, пожалуй, мультимедийный материал The New York Times «Снегопад» («Snow Fall»). Подобные проекты успешно реализуют The Guardian, The Chicago Tribune, The Seattle Times и др. В России мультимедийные лонгриды встречаются пока редко, стоит отметить проекты РИА Новости, Lenta.ru, «Коммерсант», «Комсомольская правда». Таким образом, лонгрид является новым форматом мультимедийного повествования и недостаточно изучен как зарубежными, так и российскими исследователями [2, с. 371].

Лонгрид как конструктор, собирается из историй и фрагментов репортажей и дополняется поясняющей информацией. Все элементы объединяются таким образом, чтобы в итоге читатель смог «пройти» по лонгриду и получить полное представление по той или иной теме.

Композиция некоторых лонгридов позволяет читателю выбирать с какого элемента начать и куда двигаться дальше. Однако большинство проектов имеют хронологическую последовательную структуру [6].

В эпоху быстрого просмотра статей, большая часть из которых почти также быстро забывается и теряется среди миллионов подобных текстов в Интернете, хорошие лонгриды имеют больше шансов остаться надолго и стать материалами, к которым будут возвращаться и на которые будут ссылаться [4].

История регионального телевидения не просто журналистский материал. Это прошлое, настоящее и будущее. И чтобы сохранить ее на века нужно всерьез задуматься о формате актуального изложения.

Чтобы оставаться лидером на рынке СМИ компания должна быть первой во всём, доступной всем слоям общества. Идя в ногу со временем, можно не только сохранить накопленный опыт и поделиться им с окружающими, но и открыть новые возможности для дальнейшего развития.

Список литературы

1. Балмаева С., Лукина М. Как новые медиа изменили журналистику. Режим доступа: <http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/mul-timedijny-e-longridy-kak-novy-j-format-onlajn-zhurnalistiki>
2. Булаева М.Н. Мультимедийный лонгрид как новый журналистский формат. С. 370.
3. Зверева Н.В. Школа регионального тележурналиста. М., 2004.
4. Измествьева Е. Лонгриды: что это такое и зачем НКО их писать. Режим доступа: <https://te-st.ru/2015/07/03/longreads>
5. Колесниченко А.В. Лонгрид. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1691>
6. Лимонникова Н. Лонгрид: причины популярности длинных текстов. Режим доступа: <http://madcats.ru/content-marketing/longreads-how-to>

Российская действительность начала XXI в. характеризуется повышенным вниманием к инновационному развитию общества. Стратегически важным направлением развития государства является создание инновационной культуры. Успех преобразований, по нашему глубокому убеждению, зависит от того, насколько быстро и качественно будет выстроена система коммуникации между лидерами инновационных проектов, членами научного сообщества, бизнес-структурами и потенциальными потребителями.

Особым направлением в современном менеджменте становится инноватика, изучающая закономерности инновационных изменений в макро- и микроэкономических системах. Инновационное развитие экономики страны предполагает всестороннее совершенствование научных и практических отраслей, которое основывается на создании принципиально новых или усовершенствованных технологий. Комплекс инновационных инструментов, активно используемых инноваторами как лидерами перемен в построении системы продвижения результатов научных и технологических исследований на рынок конкурентоспособных технологий, создает особую коммуникационную среду.

В инновационной деятельности процесс коммуникации строится на двух уровнях:

1. Горизонтальный уровень – коммуникация между стейкхолдерами, т.е. непосредственными участниками инновационного процесса. Проблема коммуникации на этом уровне заключается в том, что стейкхолдеры могут представлять абсолютно разные отрасли (науку, политику, бизнес, образование) и оперировать различными понятиями.

2. Вертикальный уровень – от инноваторов в общество. Инновация считается незавершенной, пока не будет внедрена и использована на уровне потребителя. Чтобы продуктивно взаимодействовать, участникам инновационных производственных процессов необходимо профессиональное общение, характеризующееся специфическим набором номинаций инновационной сферы.

Обслуживая все сферы коммуникации внутри общества, язык постоянно претерпевает изменения, накапливая ресурсы для отражения происходящих в обществе перемен. Этот процесс естественен и закономерен, однако степень интенсивности изменений может быть различной. Этому есть объективное объяснение: общество по-разному реагирует на нововведения в те или иные периоды своего развития. Соответственно, наиболее интенсивное развитие ведет к активизации языковых преобразований. К основным тенденциям относятся демократизация, интеллектуализация языка, усиление личностного начала. Лавинообразное словопроизводство, интенсивный поток заимствований, появление новых лексических единиц, номинирующих современные реалии, – все эти процессы формируют языковую динамику в последние десятилетия.

Образование новых слов и значений, по мнению Л.Ю. Касьяновой, обусловлено работой человеческого сознания, бесконечным познавательным процессом, детерминированным предметно-практической и интеллектуальной деятельностью человека, и представляет собой важный этап постижения объективной реальности, дискурсивного освоения номинируемых предметов и явлений действительности, их признаков, важных для жизнедеятельности человека [2, с. 269].

В целом процесс появления новых единиц и обновления имеющихся лексико-семантических ресурсов в сфере инноваций сводится к двум задачам – созданию профессионального проектного обиходного языка и формированию терминологической базы. Решение первой задачи позволяет упростить общение, наладить эффективную коммуникацию. Это в основном внутренняя задача проекта, касающаяся его участников. В результате формирования терминологической базы результаты инновационного проекта фиксируются и обобщаются, закрепляются в обозначениях, понятных широкому кругу потребителей. Речь идет о формировании официального языка проекта, позволяющего осуществить его презентацию, публикацию.

Вышеперечисленные процессы определяют изменения, в первую очередь, в языке масс-медиа. Общероссийские и региональные масс-медиа вовлечены в процесс формирования инновационной культуры и создания инновационной экономики. Для решения этой задачи необходим коммуникационный инструментарий, сфокусированный на задачах поддержки производства знаний, трансфера их в экономику и продвижения инновационных высокотехнологичных товаров. Одним из таких инструментов является новое направление коммуникаций – журналистика инноваций. Концепция инновационной журналистики заключается в попытке стимулировать масс-медиа к исполнению активной роли в популяризации инноваций и венчурного инвестирования по всем возможным каналам и её интеграция в сознание широкой общественности. С быстрым развитием средств коммуникации в интернете влияние журналистики расширяется. Масс-медиа могут направлять внимание общества на инновационную деятельность и формировать определенное отношение к ней.

Современный этап развития средств массовой информации, связанный с внедрением интерактивных технологий, характеризуется изменением форм и видов коммуникации. В существующих условиях язык масс-медиа претерпевает постоянные изменения, к его основным характеристикам относятся количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации; разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, находящее отражение в языковой действительности; следование речевой моде; американизация языка СМИ. К вышеперечисленным характеристикам необходимо добавить закономерность, которая особенно актуальна в последнее десятилетие.

тие: становясь каналом популяризации инновационной культуры, масс-медиа активизируют большой пласт научно-терминологической лексики, которая стремительно входит в словарный запас носителей языка прямо пропорционально появлению новых реалий. Речь идет о лексике инновационной сферы, пополняющей язык масс-медиа.

В языке масс-медиа находят отражение все изменения, происходящие в языковой системе в целом. Эти преобразования происходят в результате действия следующих механизмов:

1. Словообразовательная деривация – образование новых слов из существующих в языке морфем по известным (обычно продуктивным) моделям.

Количество новых лексических единиц (особенно терминов) в последнее время интенсивно увеличивается, что позволяет исследователям говорить о терминологическом взрыве. Наиболее рельефно этот процесс обнаруживает себя в естественнонаучной и технологической сфере, что связано с возникновением множества научных направлений в естествознании, инженерии, робототехнических отраслях. Аспекты деривации и функционирования терминов рассматриваются как специфический языковой механизм, определяющий деривационное пространство на основе регулярных деривационных процессов [1, с. 3].

Лексические единицы, образованные в результате действия словообразовательного механизма, активно функционируют в средствах массовой информации, например: «Премьер-министр Дмитрий Медведев считает, что будущее **инновационного** сообщества принадлежит детям и следующее поколение **инновационных** предпринимателей нужно растить уже сегодня» (Российская газета, 2016, 20 сентября); «ТЕПР должен быть превращен в мировую **футурослону**, он должен быть основан на опережающих, а не догоняющих технологиях» (РИА Новости, 2014, 11 марта).

2. Семантическая деривация – развитие в уже существующем слове нового, вторичного значения на основе сходства вновь обозначаемого явления с уже известным явлением.

Основной причиной появления новых значений у лексических единиц Л.Ю. Касьянова называет когнитивную деятельность человека, когда в процессе концептуализации мира носителям языка открываются новые стороны, грани, аспекты уже известных предметов, признаков, фактов, явлений [3, с. 59]. Образованные в результате действия механизма семантической деривации лексические единицы также достаточно частотны в масс-медийном дискурсе: «До конца 2011 года при госкорпорации "Росатом" будет создан **инкубатор** научно-технических проектов» (Российская газета, 2011, 4 августа); «Вы попадаете на страницу, содержащую два или более **фреймов**. Один из фреймов, как правило, имеет длину и высоту, равные нулю (поэтому вы его не видите) и содержит в себе набор «ключевых» слов для поисковиков...» (Мир компьютеров, 2010, 19 января).

3. Заимствование слов из других языков или из некодифицированных подсистем данного языка.

В определенные периоды в национальном языке в результате действия комплекса интра- и экстралингвистических факторов появляется большое количество заимствованной лексики. На современном этапе развития российского общества это непосредственным образом связано с формированием коммуникационных процессов в условиях глобализации и ориентированием государственной финансовой политики на науку и конкурентоспособные технологии.

Заимствование представляет собой языковой процесс, в результате которого в лексике языка появляется и закрепляется иноязычный элемент или полнозначная морфема. Лексические единицы, образованные в результате транскрипции, транслитерации и калькирования, как основных способов заимствования, особенно активно употребляются в масс-медиа: «Там будут доступны и обычные книги, и электронные ресурсы, планируется обустроить площадки для **коворкинга**» (Комсомольская правда, 2017, 15 марта); «Альтернативный вариант носит название "локальный **инноватор**" и подразумевает рывок производства за счет инноваций, развитие на стыке мировых трендов» (Российская газета, 2017, 28 марта).

Современная действительность актуализировала многие процессы в языке, которые в других условиях могли быть менее заметными. В настоящее время именно язык масс-медиа как главный инструмент общения с аудиторией представляет интерес для научных изысканий, поскольку является важной составляющей современной коммуникации в условиях инновационного развития общества.

Список литературы

1. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2014. 251 с.
2. Касьянова Л.Ю. Новое слово как средство репрезентации обновляемой картины мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 267–273.
3. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивная метонимизация как механизм неологизации // Гуманитарные исследования. 2009. № 1. С. 57–63.
4. Крысин Л.П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. М., 2007. № 2 (14). С. 5–17.
5. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 87–94.

ЭЛИТАРНОСТЬ КАК ЦЕННОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОРСКОЙ КУКЛЫ В СОСТАВЕ КОЛЛЕКЦИОННОГО СОБРАНИЯ

Груздева Виктория Ивановна,

*студент факультета социальных коммуникаций,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Рассматривая куклу в контексте исторического развития, можно заметить сакральное содержание ее первоначального назначения. Но постепенно, с изменением истории человечества, назначение куклы трансформировалось. В каждом историческом периоде создавалась соответствующая тому времени кукла. Изменения связаны как с материалом изготовления, так и с веяниями моды в кукольной индустрии.

Периодически кукла исчезала из обихода человека, но, если возрождалась, то ей определялось значимое место в его жизни, отражая как его индивидуальный мир, так и коммуникационное пространство. Таким образом, можно сказать, что кукла отражает особенности той или иной культуры, носителем которой является ее мастер или владелец. К примеру, российская кукла особенна тем, что является собирательным образом, синтезируя в себе черты европейской и русской культур.

Согласно классификации, предложенной Ю.М. Лотманом, которая на сегодняшний день считается наиболее подробной, куклы разделяются на игрушки, театральные, обрядовые, коллекционные и сувенирные [6, с. 645–650]. У каждого типа существует определенная функция, например: сакральная, игровая, развлекательная, эстетическая.

В рамках названной градации выделяется так называемая элитная сфера кукольной индустрии. Как известно, термин «элита» произошел от французского "élite" – лучший, отборный, избранный [1]. Названная трактовка указывает на особенность, индивидуальность и уникальность того или иного предмета, феномена. В отношении к кукле, элитными являются те, которые обладают этими особенностями. Таковыми являются: музейные, коллекционные и авторские куклы.

Один из главных способов сохранения уникальности куклы является музеефикация, иначе говоря, создание специализированных монографических музеев в основе которых лежат коллекции кукол, принадлежащих как общественным организациям, так и частным собраниям. Изначально слово коллекция несет значение – общий сбор или собрать всех вместе. Впервые этот термин был упомянут Цицероном, коллекционирование накрепко вошло в обиход античной элиты. К примеру, Юлий Цезарь, собирал драгоценные камни и картины, Сократ – высказывание своих оппонентов, Аристотель – растения. С того времени значение слова обрело близкое к нашему пониманию термина: «систематизированное собрание однородных предметов» [7, с. 278].

Одно из первых упоминаний о кукле как коллекционном объекте связано с именем древнеегипетской царицы Клеопатры. Она обладала рядом кукол, служивших ей своеобразным журналом мод: по эскизам кукольных нарядов царица заказывала на пошив одежды для торжественных процессий.

Музеи кукол России и мира запечатлели историю стран и народов: это и Парижский музей кукол, музей кукол в Израиле, Санкт-Петербургский музей кукол, музей уникальных кукол в Москве, Кукольный дом Ольги Окуджава и многие другие, государственные и частные мастерские-музеи.

Во второй половине XX в. началось активное развитие кукольной индустрии, что привело к тиражированности штампованной продукции, которая заполнила прилавки во всем мире. В свою очередь это повлекло за собой резко возросший интерес к игрушке, выполненной малой партией или в единственном экземпляре. Таким образом, появились разнообразные коллекции кукол.

Коллекционная кукла, в первую очередь, представляет собой предмет тематического собирательства. Но помимо своей главной функции она служит роскошной деталью интерьера, приносящей с собой особый уют и атмосферу. Это и оригинальный, изысканный подарок, который останется в памяти на всю жизнь.

Куклы, о которых идет речь, не функционируют как игровая модель. Это совершенно уникальные художественные произведения, выполненные профессиональными художниками. Жизнь этих предметов находится под пристальным вниманием коллекционеров всего мира. Так, на сегодняшний день, коллекционирование авторских кукол – распространенное увлечение тысяч людей. Каждый предмет имеет свою историю, и зачастую среди коллекционеров встречаются профессиональные искусствоведы, историки и антиквары, которые рассматривают изучение провенанса коллекционных экземпляров как непреложную часть процесса собирательства. Коллекционера уважают не только за количество предметов, но и за знание темы. Необходимо быть компетентным в данной сфере и совершенствоваться, изучать специализированную литературу. Данная сфера общественной жизни не ограничивается лишь выставками, ежегодно издается множество специализированных журналов и книг, проводятся шоу, аукционы, в сети Интернет существует неисчислимое количество сайтов и форумов, посвященных мини-копиям человека – куклам.

Эксклюзивные куклы приносят доход своему обладателю. Например, фото, проданное любому изданию, которое заинтересуется куколкой, или экспонирование ее на тематической выставке в музее, что сопровождается опре-

деляемым договорным гонораром для обладателя, передавшего предмет музею на временное хранение. Но, как правило, коллекционеры не распро­страняют свои собрания на всеобщее обозрение и надежно хранят их, застрахо­вав на внушительную сумму.

Коллекционными считаются, например, венецианские тканевые куклы; пластиковые куклы немецкой худож­ницы Анны Хаймштадт (середина 1980-х гг.); деревянные и фарфоровые куклы Джанни Джерма (США, 2000–2001); куклы Патриции Ботано (Италия, середина 1990-х).

Говоря о коллекционировании, нельзя не упомянуть об авторских куклах. Конец XX в. в России ознаменован настоящим ажиотажем на авторскую игрушку. В современном художественном процессе возникло самостоятельное направление под названием «авторская художественная кукла». Художественная кукла – явление художественной культуры, особый жанр искусства, самоценный художественный объект, близкий станковой и малой скульптуре, с родовыми чертами куклы [2, с. 274]. «Авторская» же означает, что данная кукла выполнена автором вручную, она передает, прежде всего, творческий замысел художника, и затем уже выступает как предмет «интерьера» [8, с. 77]. Такая кукла отличается художественным (дизайнерским) подходом. Итак, художественная кукла – это уникальный, проработанный до мелочей образ, искусная работа, включающая исключительное разнообразие используемых ма­териалов и технических авторских средств.

Считается, что первая художественная кукла в единственном экземпляре была создана во Франции в 1881 г. известным художником Эдгаром Дега [5]. Это была восковая статуэтка «Маленькая танцовщица», одетая в тканевое платье и впервые выставленная на выставке импрессионистов в Париже. Несомненно, дизайнерская кукла прорабо­тана мастером до мельчайших подробностей, начиная с момента зарождения идеи, до исполнения последних дета­лей костюма.

В течение долгого времени авторская кукла для коллекционеров не представляла особой ценности. Но к концу XX в. авторская кукла возродилась и заняла не последнее место в индустрии искусства. На сегодняшний день не только старинные куку представляют коллекционную ценность, но и работы современны художников. С течением времени, происходит все большее совершенствование в производстве дизайнерской куклы. Кукла в России берет свое начало в среде профессиональных художников. «Живописцы, скульпторы, дизайнеры, художники театра и ки­но, ювелиры, мультипликаторы, декораторы нашли в искусстве куклы способы самовыражения и реализации» [4, с. 9]. В настоящее время пользуются популярностью максимально реалистичные куклы ручной работы: уникальные авторские куклы Александры Худяковой, шарнирные куклы Михаила Зайкова, куклы Реборн, Enchanted Doll Марины Бычковой [3].

Еще одной модной тенденцией в кукольной промышленности является портретные куклы, которые делают по фотографии или с натуры. Материалом для таких кукол может служить что угодно, от текстиля до самых современ­ных видов пластика.

Особый интерес составляют портретные куклы Барби: это и воплощение реальных людей, в основном голли­вудских актеров, певиц (среди которых: Мерлин Монро, Одри Хепберн, Элизабет Тайлор и др), и куклы, воссоздаю­щие литературных и кинематографических героев (Золушка, Спящая красавица).

Итак, выделим основные категории, позволяющие кукле иметь статус «элитная». Во-первых, кукла, как объект культурного наследия, возраст которого десятки, а то и тысячи лет, автоматически причисляется к кругу элит. Такая кукла – это своеобразная машина времени, позволяющая путешествовать сквозь прошлое и настоящее, по странам и континентам, по реальному и воображаемому.

Во-вторых, это уникальность, совершенно неповторимые и разработанные в единственном экземпляре пред­меты. Поистине, настоящие произведения искусства, выполненные на высоком уровне мастером. Создав уникаль­ную куклу, профессиональный художник может рассчитывать на элитное положение и успех в кругу коллекционеров.

В-третьих, исключительность материала, из которого сделана кукла. Сложность обработки, качество и само­бытность сырья. Высококлас­сный материал также позволяет художнику воплотить свои идеи в жизнь, что добавляет престижа его произведению.

Список литературы

1. Ашин Г.К. Элита: история термина и его применение. Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatie-termin-pareto-jelitamyj-vlast-obshhestvo/>
2. Голдовский Б.П. Большая иллюстрированная энциклопедия. Художественные куклы. М., 2009.
3. Клуб студия. Кукольная коллекция. Режим доступа: <http://www.dollcollection.ru/gallery.php>
4. Кравченко С.Н. Кукла как художественный феномен: от теории к практике // Мир куклы в истории культуры / под ред. С.Ф. Рашитова. Нижневартоск, 2011.
5. Кукольная галерея Вахтанговъ. История кукол. Режим доступа: <http://www.artdolls.ru/ad>
6. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб, 2000
7. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова М., 2004.
8. Соловьева Л.Н. Игрушка. М., 2002.

ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сиянова Татьяна Владимировна,

студент факультета мировой экономики и управления,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Современное американское высшее образование считается одним из самых лучших в мире. Американские университеты неизменно занимают самые высокие места в мировых рейтингах, привлекая колоссальные финансовые и людские ресурсы. Статистика США начала XXI столетия показывает, что структура высшего образования этой страны позволяет учиться одновременно 15 млн студентам в 3 тыс. 700 университетах страны. Из общего числа примерно 20 % университетов обеспечивают получение высшего образования элитного типа [3, с. 166]. В систему высшего образования входят колледжи, университеты и небольшое количество институтов. Большинство из них частные. Кроме них, существуют также высшие школы дизайна, живописи, актерского мастерства; консерватории, балетные академии. Частные университеты США считаются более престижными. Среди них на первом месте стоят такие гиганты как Гарвард, Принстон, Стенфорд.

Современная американская педагогика и психология исходит из культурно-религиозных традиций протестантизма и либеральной политической идеологии, привыкшей рассматривать США как мирового гегемона, лидера всех глобальных процессов и передовых технологий. Психология превосходства наглядно проявляется и в самой системе образования, особенно в ее элитарной части. Процесс селекции начинается еще на ранних стадиях обучения, когда дети подвергаются самому тщательному тестированию и отбору по их индивидуальным особенностям и способностям.

Индивидуалистские установки закрепляет тестирование детей еще при поступлении в школу. На результатах его основывается распределение детей по «трэкам» в общественных школах (*Public Schools*). «Трэки» стимулируют борьбу «за место под солнцем» среди детей, принятых в государственные школы продвинутого типа – для способных и одаренных. «Если ребенок систематически не подтверждает высоких надежд, первоначально возложенных на него по результатам тестов, – его путь в общественную или (при готовности и возможностях семьи платить за обучение) – в частную школу» [3, с. 170].

Традиционным для американской системы обучения является поощрение самостоятельности ученика, воспитание у него чувства личного достоинства, ответственности за учебный процесс. Это черта американской школы является одной из самых сильных и общеизвестных ее характеристик. Очень многое делается на доверии и честном слове. Ещё одной особенностью американской педагогики является интерес к алгоритмам оптимального обучения (разработка общедоступных приемов объяснения самых трудных вопросов не только школьных программ, но и разнообразных специализированных служебных инструкций, что приводит к установлению связи университет – будущее место работы).

Для поступления в американские вузы не требуется сдавать вступительных экзаменов – отбор студентов ведется по результатам тестирований, предыдущих оценок, мотивационного письма и других аппликационных документов. Американское образование – одно из самых дорогих в мире, в то же время, дипломы вузов США признаются во всех странах.

Американский журнал “Forbes” ежегодного составляет рейтинга лучших американских вузов. При этом редакция журнала подчеркивает, что их рейтинг составлялся на основе того, «что важно для большинства студентов – это качество образования, лучшие карьерные возможности, процент студентов, заканчивающих вуз, и низкий уровень долгов в связи с затратами на обучение». «В отличие от других рейтингов мы целенаправленно игнорируем такие эфемерные критерии, как репутация, и непродуманные метрики, которые вознаграждают неэффективные затраты, – говорит старший редактор “Forbes” Michael Noer. – Если говорить коротко, мы пытаемся оценить колледж с потребительской точки зрения, а именно: Имеет ли смысл тратить четверть миллиона долларов на этот диплом?»

10 ведущих американских вузов 2011 г. по версии “Forbes”:

Место	Название/Штат	Стоимость обучения, в год в \$	Число студентов
1	Williams College, MA	54 921	2 085
2	Princeton University, NJ	52 715	5 113
3	United States Military Academy, NY	0	4 621
4	Amherst College, MA	54 322	1 744
5	Stanford University, CA	55 918	6 602
6	Harvard University, MA	53 950	10 257
7	Haverford College, PA	55 632	1 190
8	University of Chicago, IL	57 590	5 114
9	Massachusetts Institute of Technology, MA	53 210	4 232
10	United States Air Force Academy, CO	0	4,620

Примечание: источник: “Forbes” (<http://www.forbes.com/top-colleges/>).

За многие десятилетия сложилась особая система взаимоотношения Университета с обществом. Все американские университеты самым тесным образом связаны с производством и управлением. При них постоянно работа-

ет масса научно-просветительных обществ, аккумулирующих ответственность, знания и энергию отставной профессуры и обеспечивающих психологическую атмосферу преемственности культурных традиций. Между университетами непрерывно осуществляется обмен преподавательскими кадрами, разнообразными выставками, студентами-стажерами и исследователями. Помимо этого поддерживаются устойчивые связи университетов с местными общинами («коммунити») [3, с. 171–172]. В воспитательных целях в университетах очень популярны различного рода празднества и церемонии, призванные популяризировать это учебное заведение и сплачивать его ряды. Среди таких мероприятий первое место занимает *graduation* – церемония вручения дипломов бакалавра, магистра, доктора на который съезжаются родственники и друзья выпускников.

Превосходство в финансах позволяет американским университетам ни в чем себе не отказывать и занимать первые строчки во всех мировых рейтингах [2]. Находясь практически на содержании крупных корпораций, университеты стали составной частью американских технологий передового промышленного производства. Американская система элитарного образования широко применяет практику «покупки мозгов». Если в 1990-е гг. Россия столкнулась с проблемой «утечки мозгов», то так раз именно США были в частности именно той самой страной, которая организовала эту «покупку мозгов». Российские специалисты стали работать во многих ведущих научных и университетских центрах США. «Среди преподавателей американских вузов популярна шутка: «Американский университет – это место, где русские профессора читают лекции по европейской истории китайским студентам». В университетах США действительно много иностранцев. Растет число студентов из Азии. Они отличаются высокой работоспособностью» [3, с. 171]. США гордятся тем, что около 350 американских ученых стали лауреатами Нобелевской премии: такого показателя нет ни в одной стране мира (!). Действительно 80 % всех нобелевских лауреатов – выпускники американских вузов.

Принцип олигархизации проявляется в том, что в США находятся самые дорогие вузы в мире с невероятными бюджетами. Например, эндаумент (целевой капитал вуза) знаменитого Гарвардского Университета в 2014 г. составил 37,6 млрд долл. (даже многие страны мира не обладают такими доходами). Именно благодаря эндаументу вузы США обладают прекрасной технической базой и имеют возможность привлекать талантливых преподавателей и ребят из разных стран мира [см.: 2]. При таком финансировании грех не быть первым...

Бурное развитие так называемой Кремниевой или Силиконовой долины (*Silicon Valley*) было связано с сосредоточением ведущих университетов, крупных городов на расстоянии менее часа езды, источников финансирования новых компаний, а также климатом средиземноморского типа [7]. Однако в начале 2010 г. намечился обратный процесс «утечки мозгов». Если с 1995 по 2005 г. доля компаний Силиконовой долины, имеющих как минимум одного учредителя или соучредителя-иммигранта, составляла 52 %, то в октябре 2012 г. она приближалась к 44 %, что даёт повод говорить об «утечке мозгов» теперь уже из самой Силиконовой долины [8].

В настоящее время перед Университетом ставится задача селекции новых профессиональных кадров в условиях глобализации и постиндустриализма [см.: 1]. Господство высоких технологий заставляет университеты быть особенно гибкими. Но не только вызовы стремительно развивающегося научного знания стоят перед выпускниками вузов. К ним добавляются еще целая группа специфических американских проблем.

Весьма сложная проблема, которую отмечают сами американские социологи, состоит в том, что американский идеал *Melting Pot* (переплавка различных культур в единую американскую культуру) не выдержал испытание временем. Реально Америка стала поликультурной страной [см.: 4–5]. Американские социологи отмечают, что «процесс многокультурности, мы полагаем, пошел по неудачному пути... Он больше разделяет, чем объединяет... Исторический идеал одной нации, включающий свободных индивидов, которые могут делать свои собственные выборы оказался опрокинутым» [6, р. 47, 49].

Американский социолог К. Хейс утверждает, что современная система элитарного образования в США окончательно подчинилась принципам олигархии, утратив даже формальные (внешние) черты демократичности. [9] Элиты воспроизводят себя самих из уже существующих элитных групп. Поэтому дети состоятельных родителей учатся в самых престижных университетах и затем получают работу в таких же самых престижных фирмах и государственных структурах. Меритократия оказывается фикцией, призванной замаскировать на самом деле олигархический характер выстроенной финансовыми кругами США образовательной системы [см.: 2].

Список литературы

1. Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования М.: МОСУ; МГИМО (У) МИД РФ, 1998.
2. Ашин Г.К., Карабущенко П.Л. Олигархические и меритократические тенденции в оценке современного элитарного образования // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. 2011. Т. 7–8. С. 9–17.
3. Глаголев В.С. США: современные проблемы развития интеллектуально-психологического потенциала // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО / общ. ред.: проф. Г.К. Ашин, проф. С.А. Кравченко. М.: МГИМО, 2002. 223 с.
4. Hall J.A., Lindholm C. Is America Breaking Apart? Princeton University Press, 1999.
5. Ford T. Becoming multicultural: personal and social construction through critical teaching. N.Y.: Falmer Press, 1999.
6. Newman O., Zoysa R. The American Dream in the Information Age. N.Y.: St. Martin's Press, 1999. P. 47, 49.
7. Шеруин Э.Б. Путь Кремниевой долины: свод основных правил достижения успеха в сфере высоких технологий / пер. с англ. М. Пановой. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 204 с.
8. Amar Toor. Can Obama's immigration reform stop Silicon Valley's brain drain? Режим доступа: <http://www.theverge.com/2013/1/30/3932056/obama-startup-visa-immigration-reform-congress>.
9. Hayes, Christopher. Twilight of the Elites: America After Meritocracy. N.Y.: Crown Publishing Group, 2012. 304 p.

К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Пономарёв Александр Дмитриевич,

*студент направления подготовки «Политология»,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Политические отношения в обществе априори порождают такой феномен как политическое лидерство, характер которого во многом обусловлен доминирующим типом политической культуры в обществе. Проблему политического лидерства затрагивал в своих трудах Н. Макиавелли. По мнению мыслителя, политический лидер – это государь, способный сплотить общество, представлять его интересы и использующий любые средства для поддержания порядка в обществе и сохранения своего господства. В своём главном труде «Государь» он также дал характеристику политического лидера и обозначил два типа политического лидера: «лев» и «лис» [8, с. 68]. Ф. Ницше считал «волю к власти» движущей силой истории, а в каждом человеке есть стремление к лидерству – проявление творческого инстинкта» [9, с. 302]. Любой человек обладает «волей к власти», а носителя наибольшего её числа Ф. Ницше назвал «Сверхчеловеком», который является идеальным политическим лидером и обладает несгибаемой волей в достижении поставленной цели. Ж. Блондель определял спецификой политической власти то, что она осуществляется сверху вниз, а её носителем является одно лицо или группа лиц: «Лидерство – это власть, потому что оно состоит в способности одного лица (или нескольких лиц), находящегося «на вершине», заставлять других делать то позитивное или негативное, что они не делали бы или, в конечном счете, могли бы не делать вообще. Но, разумеется, лидерством является не всякий род власти. Лидерством является власть, осуществляемая «сверху вниз»» [3, с. 32]. В современной политической науке существует множество определений и подходов к пониманию политического лидерства: 1) как влияние на других людей; 2) как управленческий статус (социальная позиция); 3) как символ общности (образец политического поведения группы); 4) как предпринимательство особого рода [7, с. 127]. В своей статье А.В. Смоляр приводит следующее определение политического лидерства: «Особый институт власти, позволяющий отдельному лицу (группе лиц) за счёт обладания решающими полномочиями в процессе принятия решений в масштабах государства (партии, движения, региона) и наличия авторитета проводить определённую политическую линию» [11, с. 171].

Политическим лидером способен стать лишь тот, кто, в первую очередь, сумеет легитимизироваться в глазах и сознании масс, возглавить их, направлять и повести за собой. Для этого политический лидер любой эпохи, помимо наличия определённых лидерских качеств, средств и методов, необходимых для реализации поставленных целей, должен быть носителем политической культуры своего общества. Без понимания основ политической культуры народа (традиций, истории, политических ценностей и т.д.), без учёта её специфик в конкретном обществе потенциальный политический лидер не сможет возглавить массы и удержать власть. В.В. Тихонова считает, что освоения норм политической культуры общества политическим лидером состоит в том, что политическая культура включает в себя те элементы общественного сознания, которые связаны с общественно-политическими институтами и процессами. Политическая культура оказывает влияние на формирование и функционирование государственных и политических институтов, придает значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению каждого отдельного лидера [13, с. 68].

Понятие «политическая культура» также многогранно, как и понятие политического лидерства. Политическая культура является частью любой политической системы и определяется Г. Алмондом и С. Вербой следующим образом: «Термин «политическая культура» отсылает конкретно к политическим ориентациям – установкам по отношению к политической системе и различным её частям, а также к установкам по отношению к роли собственного «я» в политической системе. Это совокупность ориентаций по отношению к особой совокупности социальных объектов и процессов» [2, с. 28]. То есть политическая культура – это совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников политической системы по отношению к совокупности политических и социальных объектов и процессов. Исследователи также выделяют три основных типа политической культуры: 1) «Парохиальный» тип политической культуры характерен для родоплеменных обществ, в которых отсутствуют специализированные политические роли, а вся полнота политической, экономической и религиозной власти принадлежит вождю. Парохиал не ожидает никаких перемен и ничего не ждёт от политической системы. Ключевым элементом жизни такого общества являются традиции и обычаи; 2) «Подданнический» тип политической культуры отличается высокой частотой ориентаций на саму политическую систему и на её «вход», но низкая частота ориентаций на «выход» политической системы и на своё «я» как на активного её участника. Иными словами, это пассивное отношение со слабым участием граждан в функционировании политической системы. 3) «Участнический» тип политической культуры. Ей характерна склонность членов общества к ориентациям на систему в целом, на политические («вход») и на административные структуры («выход»). Индивиды более склонны иметь «активистскую» роль в политике. Таким образом, участническая политическая культура предполагает активное участие граждан в политическом процессе и их желание повлиять на политическую систему [1, с. 36].

Каждый из трёх типов политической культуры обладает своей спецификой. Носители разных типов политической культуры по-разному ориентированы на традиции, религию, политическое участие, политическую систему в целом и т.д. Также в них заложено разное видение и понимание политического лидера, что говорит о том, что каж-

дому типу политической культуры свойственен свой тип политического лидерства, соответствуя которому, политический лидер сможет возглавить и повести за собой людей. Одна из классических типологий политического лидерства был предложена М. Вебером. Его классификация основана на авторитете традиций, харизмы или закона. Таким образом, он выделил три типа политического лидерства: традиционное; харизматическое; рационально-легальное [4, с. 107]. Традиционный тип политического лидерства опирается на существующие в обществе традиции, обычаи и ритуалы. Политический лидер представляет собой их носителя или знатока. Политический лидер принимается людьми безальтернативно, только потому, что так говорят традиции и обычаи [15, с. 5]. Харизматический тип политического лидерства основывается на личности лидера. На первый план выходят личностные качества лидера и его способность повести за собой людей. Возглавляемые им индивиды убеждены в исключительных качествах своего лидера, в его возможности достичь поставленной цели и преодолевать возникающие трудности [5, с. 139]. Рационально-легальный тип политического лидерства характеризуется авторитетом закона. Это лидерство по должности, по положению, но, не исходя из традиций или личностных качеств лидера. Опорой такого лидерства являются законы, правовые нормы и правила, установленные в обществе и являющие рамками для лидера. Таким образом, политическое властвование регламентируется правовыми нормами и связано с их знанием для решения поставленных целей. Данные три типа политического лидерства являются «чистыми», в действительности проявляются смешанные типы, с тем или иным соотношением разных типов лидерства.

Исходя из характеристики каждого типа политического лидерства, в них обнаруживаются черты, которые позволяют его отнести к одному из трёх основных типов политической культуры. Также в формировании модели политического лидерства участвуют те же факторы, что и составляют условия формирования того или иного типа политической культуры. Среди таких факторов следует выделить: религия, как концепция восприятия власти; традиции и их значение в жизни общества; особенности исторического развития и исторический опыт народа; структурное устройство общества и политической системы; основополагающие для общества и государства нормы и ценности [10, с. 304]. Исходя из данных признаков типов политической культуры и факторов их формирования, следует определить, какой тип политического лидерства соответствует и является «нормальным» для того или иного типа политической культуры.

Обществу с парохильным типом политической культуры (родоплеменные общества) присуща высокая ориентация населения на существующие веками традиции, обычаи и на опыт прошлого. Глава общества с парохильной политической культурой (вождь, шаман) представляет собой носителя традиций и особого знания (связи с богами, управление погодой и т.п.) [12, с. 61]. Ориентации на политическую систему, её части и себя как политического актора близки к нулю, что говорит о почти полном отсутствии у индивидов интереса к политической жизни и политической системе. Приверженность к религиозным устоям и традициям, как основа парохильного общества, говорит о традиционной основе лидерства. Таким образом, парохильному типу политической культуры в наибольшей степени присущ традиционный тип политического лидерства, основанный на авторитет традиций.

Подданническому типу политической культуры характерна высокая ориентация на властные институты и пассивное участие в политической жизни. Данный тип политической культуры характерен авторитарным режимам, демократиям, в которых ещё не сформировалась культура участия, и государствам, в которых население в политической жизни ориентируется на религиозные нормы. Одним из факторов в становлении подданнической политической культуры является религия. Например, в государствах арабо-исламского мира религия ислам представляет собой также и часть образа жизни. Происходит слияние светской и духовной власти, на религиозно-этические нормы общество имеет высокую частоту ориентаций, следствием чего является абсолютизация религиозного авторитета и снижение значения административно-бюрократического аппарата. По мнению Е.М. Рогожиной, такая модель политического лидерства характеризуется переплетением его с религиозным лидерством. Сам политический лидер должен быть правоверным представителем своей религии, т.е. носителем религиозного авторитета («харизмы»), обладать высокими нравственными качествами, соответствующими религиозным культурным традициям [10, с. 306]. Другим примером подданнического типа политической культуры являются государства с авторитарным режимом. Одной из основ авторитарного режима является монополизация политики одним лицом или группой лиц. Лидерство в авторитарных режимах зачастую основано на харизме диктатора, но кроме этого, по мнению исследователя авторитаризма как политического режима О.Д. Гроссмана, авторитарным режимам присуща такая черта как управление государством в военно-политическом ключе с установлением идеологической базы [6, с. 119]. Эта база состоит из милитаристских и этнонациональных идей, широко применяются политические мифы, которые формируют сакральное будущее на мистическо-иррациональном восприятии настоящего и прошлого [16, с. 146]. Таким образом, авторитарный режим формирует в обществе политические мифы, стереотипы, идеи и традиции, которые закрепляются в массовом сознании и определяют модели поведения. Лидер авторитарного режима представляет собой носителя этих идей, мифов и традиций. Также авторитарным режимам характерно формирование элиты сверху, а вся полнота власти передаётся преемнику, а «подданные» (носители соответствующего типа политической культуры) принимают преемника и его легитимность основывается только лишь на факте передачи власти предыдущим лидером. Таким образом, подданническому типу политической культуры наиболее соответствует смешение традиционного и харизматического типов политического лидерства. В виду широкого спектра возможных характеристик государств с подданническим типом политической культуры, смешение этих двух типов лидерства может иметь различный характер в плане того, что есть в том или ином случае «харизма», и какую форму приобретают традиции.

Главной характеристикой участнического типа политической культуры является высокая активность граждан в политическом процессе, отстаивание ими своих интересов и желание воздействовать на политическую систему через институты её «входа». Таким образом, в демократиях данный тип политической культуры наиболее распространен. Ярким примером участнической политической культуры являются современные государства Запада, в частности США. Формирование западной модели политического лидерства происходило под воздействием идей и ценностей протестантизма [14, с. 196]. Данную тематику в своих работах разрабатывал М. Вебер. Согласно его концепции, легитимный способ проявления харизмы – это «получение харизмы за выслугу», это возможно при условии добросовестного исполнения политическим деятелем своих обязанностей [4, с. 139]. Также стоит отметить такие принципы протестантизма как: культ предприимчивости, трудолюбия, честности, верность слову и соглашению. Таким образом, «харизма» в протестантской системе ценностей является обоснованием и основой легитимности политического лидера. Структурное устройство западного общества и черты политической системы западного региона участвовали в формировании политического лидерства, среди которых следует выделить: принцип разделения властей, выборность власти, конституционные и правовые нормы в качестве рамок для деятельности власти. Таким образом, в модели политического лидерства, которая соответствует участническому типу политической культуры, лидер должен не только обладать личными качествами, позволяющими ему консолидировать общество вокруг себя, но и быть законно избранным через институт выборов. Иными словами, участническому типу политической культуры характерен тип политического лидерства, который следует определить как смешение харизматического и рационально-легального типов политического лидерства, с преобладанием рационально-легального элемента.

Таким образом, каждому типу политической культуры характерен свой тип политического лидерства, который формируется параллельно с самой политической культурой и под воздействием тех же факторов и условий (религия, традиции, особенности исторического развития, исторический опыт народа, структурное устройство общества и политической системы, нормы и ценности). Исходя из характеристик типов политической культуры и типов политического лидерства, следует, что парохильному типу политической культуры соответствует традиционный тип политического лидерства; подданическому типу – смешение традиционного и харизматического типов политического лидерства; участническому типу – смешение харизматического и рационально-легального типов политического лидерства с преобладанием последнего.

Список литературы

1. Алмонд Г., Вебра С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) (I) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 2 (57). С. 122–144.
3. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу / Пер. с англ. Г.М. Квашнина. М.: [Б.и.], 1992. 135 с.
4. Вебер М. Политические работы, 1895–1919. М.: Праксис, 2003. 422 с.
5. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 139–147.
6. Гроссман О.Д. Сущность авторитаризма как политического режима: анализ историко-эмпирического исследования // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 3 (9). С. 116–129.
7. Ильин М.В., Коваль Б.И. Личность в политике: «Кто играет короля?» // Полис. 1991. № 6. С. 127.
8. Макиавелли Н. Государь: пер. с ит. М.; Харьков: Эксмо-Пресс: Фолио, 1998. 656 с.
9. Ницше Ф. Воля к власти : опыт переоценки всех ценностей / [пер. с нем. под ред.: Ф. Зелинского [и др.]]. СПб: Азбука-классика, 2008. 444 с.
10. Рогожина Е.М. Политическое лидерство в Западной, Исламской и Российской политико-культурных традициях: сравнительный анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3–1. С. 303–308.
11. Смоляр А.В. Политическое лидерство: определение, типология, функции и современные тенденции развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2007. № 3. С. 168–174.
12. Сулейманов Т.Ф. Функции политической культуры и её типология // Вестник БИСТ. 2014. № 2 (23). С. 56–66.
13. Тихонова В.В. Политическая культура как фундаментальная основа политического лидерства // Власть. 2010. № 11. С. 66–68.
14. Устинкин С.В., Рогожина Е.М. Западноевропейская модель политического лидерства // Власть. 2012. № 10. С. 195–197.
15. Фонарев А.В. Особенности и основные типы политического лидерства // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 1–7.
16. Хьюбнер К. Истина мифа: пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Адилова Валида Имамаликовна,

*магистрант кафедры политологии и международных отношений,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Великобритания – одна из наиболее богатых стран Европы, которая играет важную роль в международной политике, обладающая устойчивой партийно-политической системой и развитым гражданским обществом. Главой Великобритании является монарх. Теоретически британский монарх всемогущ и является источником правосудия и

чести: все государственные чиновники назначаются от его имени, все в Королевстве сосредоточено на фигуре монарха, ни один законопроект не станет законом без одобрения суверена, объявление мира или войны может быть совершено только от лица монарха.

В настоящее время в Британии монархом является «Королева Елизавета II», которая является скорее священным символом. Лицо королевы используется на банкнотах, монетах, почтовых штампах и марках. Елизавета сумела поднять престиж королевской семьи на небывалый уровень. Интерес к её персоне у простых граждан не угасает и по сей день. Суверен поддерживает власть в стране, ведь «министры уходят, а королева остается». Когда в стране случаются какие-то чрезвычайные события, люди инстинктивно идут к Букингемскому дворцу, а на Даунинг-стрит люди собираются исключительно ради протестов. С точки зрения политической власти наибольшее влияние монарх имеет на кабинет министров. Суверен имеет три права в рамках конституционной монархии: право на консультацию, право поощрять и предостерегать. Это объясняется тем, что монарх, как никто другой в стране, накапливает большое количество бесценного опыта и знаний, что позволяет ему объективно оценивать происходящее в стране.

Королева является значимой фигурой британской политической элиты. Не смотря на ограниченность монархии, все же Королева обладает некоторыми официальными обязанностями и правами: право вето на законы, принимаемые парламентом; монарх имеет право, созвать, распустить парламент, а также назначить внеочередные выборы; суверен имеет право назначить и уволить премьер-министра; читать секретные правительственные документы; присваивать титулы и лишать их и т.д.

Почтительное отношение к институту монархии, соблюдение традиций, является важной особенностью Соединенного Королевства. Однако, периодически некоторые представители политической элиты, например премьер-министр Маргарет Тэтчер позволяли себе сделать замечание. Тэтчер была убеждена, что любое учреждение не может защищать себя лишь тем, что оно существовало долго, политика должна быть более утилитарной, в противном случае, это учреждение следует ликвидировать. Однако, несмотря на эти высказывания, реверанс Тэтчер перед королевой был значительно глубже, чем у других. Что касается регулярных встреч с королевой, Маргарет Тэтчер приезжала к королеве за полчаса, в отличие от других премьер-министров, которые приезжали за пять минут. Несмотря на то, что Тэтчер приезжала заранее, королева всегда заставляла ее ждать. Таким образом, королева, уважающая пунктуальность, учила премьер-министра уважать и монархию [3, с. 152].

Принято считать, что Елизавета не имеет право голоса и может высказываться или действовать только по совету премьер-министра. Данное утверждение не совсем верно – если королева сочтет, какое-либо решение не верным, она имеет право довести свое мнение до сведения членов кабинета, но повлиять на его решение она не может.

Несмотря на то, что монарх должен оставаться политически нейтральным лицом, он еженедельно дает аудиенции премьер-министру на протяжении всего срока его пребывания у власти. Никаких записей не делается, и ни королева, ни премьер-министр не говорят, потом о чем шла речь. Как отмечает Маргарет Тэтчер в своих мемуарах, общение с монархом не является лишь формальной процедурой, а представляется довольно важным аспектом политики, так как у монарха есть одно высочайшее право – советовать.

Елизавета также играет важную роль в созыве всеобщих выборов. Премьер-министр в любое время может попросить королеву распустить парламент. Однако к этому обращаются не так часто, поскольку, как правило, в палате общин большинством мандатов обладает одна лидирующая партия, и если при таких условиях парламент будет распущен, королева может столкнуться с проблемой или кризисом, решать который придется именно ей. Во время правления Елизаветы такая ситуация складывалась в стране несколько раз: 1957, 1963, 1974 и 2010 гг. [3, с. 175].

Но в современной Великобритании, хотя конституционно она и является монархической, власть сосредоточена в руках политических партий.

Ведущую роль в политической жизни Великобритании всегда играли партии сначала тори и виги, позднее трансформировавшиеся в Либералов и Консерваторов. Либералов позднее заменили Лейбористы. Соперничество двух партий заложило основу двухпартийной системы Великобритании.

Лейбористская партия Британии изначально позиционировала себя как социалистическая, открыто заявляя в своих предвыборных программах о бесплатной медицине, образовании и вмешательстве государства в экономику. Позже признав рыночную экономику нормой, партия больше не называла себя социалистической, а стала «демократической социалистической». В отличие от элитистов консерваторов, лейбористы считали, что классы больше не составляют основу общества, и опору следует искать в широких социальных коалициях.

Консервативная партия на данный момент партия власти, отличается от лейбористов призывом сократить затраты на социальный сектор.

Обе главенствующие партии направлены на средний класс и поддерживают институт монархии. Для выявления типичного представителя элиты партии следует проанализировать одного из них.

Наиболее ярким лидером лейбористской партии является Тони Блэр. Он является рекордсменом лейбористской партии, именно под его руководством партия продержалась у власти три срока подряд. Блэр является выпускником Оксфордского университета, в дальнейшем преподавал в этом же университете.

Как типичному представителю лейбористской партии ему свойственно приверженность к социальной политике. Под его руководством была разработана программа «Третий путь», направленная на поиск компромисса между рыночной экономикой и всеобщей социальной справедливостью. Также стоит выделить гендерную политику, которая сосредоточила свое внимание на женской безработице и проблемах гендерного неравенства на рынках труда [5, с. 143].

Здесь же стоит выделить политику по урегулированию Ирландского конфликта. 10 апреля 1988 г. было подписано соглашение, предусматривающее связь между тремя странами управления между такими странами как: между Северной и Независимой Ирландией, а также между Северной Ирландией и Независимой Ирландией. После этого начались выборы в восстановленную Североирландскую национальную Ассамблею. Возобновление работы ассамблеи было маленькой победой Тони Блэра, после почти 20-летнего кризиса. Тони Блэр также обвиняют в кризисе 2008-2009 года, из-за повышения расходов на социальный сектор во время глобального кризиса, которые привели страну к тяжелым экономическим последствиям [5, с. 270].

Как и большинство политиков Британии, Тони Блэр во внешней политике придерживался проамериканского курса. Тони Блэр является одним из идейных вдохновителей ввода войск в Ирак. Сыгранная им роль в войне с терроризмом, можно назвать самой противоречивой, с одной стороны он обратил внимание большинство стран мира на борьбу с терроризмом, но военная кампания под название «несокрушимая свобода», которая пыталась освободить народ Афганистана от нищеты и власти талибов, ухудшило положение «спасенной» страны.

Дэвид Кэмерон 75-й премьер-министр Великобритании, бывший лидер Консервативной партии. Как и большинство представителей Консервативной партии, Кэмерон родился в семье аристократического происхождения. Также как и лейборист Тони Блэр, Кэмерон окончил Оксфордский университет. И сразу после окончания начал свою деятельность в Консервативной партии. Кэмерон, как и его предшественники от Консервативной партии, отстаивал политику по сокращению социальных расходов. Его премьерство, стоит отметить за проведение референдума в Британии по выходу из ЕС. После проведения, которого, премьер сообщил о своей отставке.

Таким образом, типичный политик Британии это человек, закончивший, в первую очередь, один из престижных университетов Великобритании. Как показывает статистика, около 80 %, окончивших данные университеты, занимают важные государственные посты. В.В. Овчинников в своей работе «Корни Дуба» выделил систему образования, которая является важным фактором формирования политической элиты Великобритании. Он также отметил наличие клубной карты у политических элит, которые служили для решения важных вопросов, а также помогали в карьерном росте.

Элита обеих партий также придерживается одинаковых отношений с США. Кэмерон во время одной из своих встреч с экс-президентом США, назвал отношения обеих стран схожими по многим вопросам. Тони Блэр показал своё отношение к США вводом войск в Ирак. Другие оставившие свой след в истории премьер-министры Великобритании, так же отличались дружелюбной политикой к США и открыто называли свою политику проамериканской. Например, Уинстон Черчилль, произнесённую свою знаменитую Фултонскую речь, положил начало, не только Холодной войне, но и гегемонии Соединённых Штатов. Маргарет Тэтчер открыто называла свою политику проамериканской.

Что касается различий, то они не слишком велики. После многочисленных модернизаций партий, они остаются различными лишь по некоторым вопросам экономики. Стоит отметить, что для Консервативной партии характерна аристократичность. Большинство членов партии являются аристократами по своему происхождению. Многие члены партий и не только Консервативной, заключают выгодные браки с выходцами «подходящих семей». Энтони Гидденс назвал «брак» первым и наиболее важным фактором консолидации элитарной группы в Англии. Так бывший премьер-министр Дэвид Кэмерон женат на представительнице аристократического рода Саманте Гвендолин Шеффилд [1, с. 235].

Подводя итоги, следует отметить характерные черты политической культуры правящей британской элиты. В первую очередь, для элиты важно образование, на взгляд автора, это наиболее важная составляющая, ни брак, ни аристократичность для британцев не имеет такой роли как образованием. Второй важной характерной чертой британской элиты это верность британской монархии, которая является важным символом власти в Британии. И последнее, приверженность традициям и аристократичность играет не менее важную роль. Даже будучи представителем среднего класса, выдающиеся политики получали титул от Монарха. Данная система раздачи титулов по существу является ритуалом признания «заслуги перед страной».

Список литературы

1. Гидденс Энтони. Социология элит. М., 2005.
2. Овчинников В.В. Корни дуба. М.: Высшая школа, 1980.
3. Полякова А.А. Британская Монархия в конце XX – начале XXI века.
4. British Conservative leaders / Ed. by Charles Clarke, Toby S. James, Tim Bale & Patrick Diamond. L.: Biteback Publishing, 2015.
5. Tony Blair. A Journey: My Political life. KNOPF Publ., 2010.
6. Tony Blair. I do not War but Saddam has to disam // Statement to the House of commons on Iraq. 25th February 2003.
7. Tyrie A. Axis of Anarchy: Britain, America and The New World Order after Iraq. Foreign Policy Center. Pamphlet, 2004.
8. Wade R. Conservative Party Economic Policy: From Heath opposition to Cameron in Coalition. L.: Palgrave Macmillan, 2013. 224 p.

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РЕКРУТИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Полякова Валерия Валерьевна,
магистрант кафедры политологии и международных отношений,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Рекрутирование элит как процесс отбора и продвижения людей к активной политической жизни – механизм динамичной политической системы. Классическая теория элит, предложенная В. Парето, Г. Моска утверждает, что характер и стабильность политической системы зависят от системы рекрутирования. Под последним понимается ме-

ханизм формирования и воспроизводства элиты, который включает в себя критерии, порядок и круг лиц, которые осуществляют отбор [4]. Предполагается, что правящая элита (политический класс) должна формироваться не на имущественной или какой-либо другой основах, а на основе ума, способностей, образования и заслуг своих представлений.

В. Парето впервые предложил систему отбора элиты на основе тестирования личных способностей. По его теории в обществе действует объективный закон циркуляции элит, так как без обновления элиты невозможна социальная стабильность.

В наиболее общем виде представления о системы рекрутирования в форме демократической и аристократической тенденций были сформулированы вышеупомянутым Г. Моска. Современная наука трактует их как антрепренерская (предпринимательская) и систему гильдий.

Система гильдий предусматривает закрытый и неконкурентный характер отбора, который осуществляется достаточно узким кругом лиц (селектором), медленное продвижение кандидатов вверх, к власти. Относительно кандидатов выдвигается много формальных требований, призванных подтвердить не столько их компетентность, сколько лояльность перед высшим начальством. Обновления элиты происходит проповедано и нерегулярно. Подобный тип формирования элиты характерен для традиционных обществ (элита-каста в Древней Индии, элита-аристократия в средневековой Европе). В XX в. наиболее четко система гильдий проявилась в тоталитарных (элита КПСС в СССР) и авторитарных (элита-корпорация в Чили, Иране) политических системах.

При антрепренерской системе отбор носит открытый, конкурентный характер, осуществляется большим кругом лиц (в идеале – всем населением через выборы) и с разных по своим положением групп. Присутствует тенденция регулярного обновления элиты. Критерии отбора ориентируются, в первую очередь, на личные качества кандидата, на его умение привлечь к себе внимание людей, на способность доказывать свою компетентность, в первую очередь, посредством навыков приобретенных в процессе образования личности [3, с. 54]. Образование является основным социальным институтом, так называемым «лифтом», вхождение в который дает людям возможность достичь власти.

Представители концепции плюралистической демократии утверждают, что современное западное общество – это открытое общество, т.е. общество высокой социальной мобильности. Сердцевина этой мобильности – открытый доступ в элиту. Так, Г. Лассуэл исходит из того, что в «открытом обществе» монополия на власть «не сосредоточена в руках господствующей касты» и все общество является той почвой, на которой возрастает элита, что элита открыта для всех талантливых людей [6, с. 264].

Синонимичны ли понятия «образование для элиты» и «элитное образование»? Термин «элитное образование» используется в литературе неоднозначно, порой в разных смыслах. Прежде всего, элитным называют образование высокого качества (в англоязычной литературе – high quality education, иногда – elite education). Однако это не единственное значение, которое вкладывается в это понятие. Этот термин используется и в ином смысле. Под ним понимают также образование, нацеленное на подготовку элиты – политической, экономической, культурной. Во втором случае главный вопрос: кого готовят к занятию элитных позиций? Первый подход – назовем его «элитарным образованием» – означает систему закрытого образования для узкого круга, выходцев из знатных («элиты крови») и наиболее состоятельных семей («элита богатства»). Однако рано или поздно подобный подход обрекает на деградацию элитное образование, да и саму подобную элиту по причине несменяемости ее ценностей. И только второй подход отвечает задаче создания элиты высокого качества, действительно лучших, отборных – в интеллектуальном и этическом плане. Это должна быть открытая система элитного образования, и уже поэтому она является более предпочтительной. Причем, только открытая система элитного образования отвечает принципам демократического общества, ведь цель системы элитного образования – подготовка высококлассного и конкурентоспособного специалиста, готового к инновационной деятельности и обладающего лидерскими качествами [1, с. 76].

Можно считать установленным, что институт образования исторически возник именно как элитарное образование, как образование для выходцев из элитных семей (подавляющее большинство населения на начальных ступенях развития общества обходилось без специальных образовательных институтов, вернее, образование было имманентной функцией рода, племени, семьи). Само получение образования означало выделение индивида, приобретшего определенные знания, из числа прочих членов племени, возвышение над ними. Получение образования было и ценностью в себе, выступало как элитизация личности и, вместе с тем, было средством для занятия высокого положения в общине. Сами образовательные институты носили практически полностью элитарный характер и лишь много позже расширили круг принимаемых учащихся (это относится изначально к Древней Греции: Академия Платона, Ликей Аристотеля). И лишь с конца XX и особенно с наступлением XXI в. можно зафиксировать общемировую тенденцию – стремление к демократизации образования, в ходе исторического развития институты образования становятся более широкими, более открытыми, включающими неэлитные слои общества и, наконец, институтами массовыми, но не исключающие конкуренцию [2].

Теоретики «открытого общества» пытаются доказать, что капиталистическая элита не является замкнутой, что она пополняется наиболее мобильными элементами из «низов». Но они умалчивают о том, что это дорогостоящее образование, сорентированное, как отмечал Миллс, на выходцев из «обеспеченных классов». Но и образование само по себе еще не вводит в элиту. Важно заручиться связями и поддержкой, иначе человек застрянет на уровне «среднего звена» («кадров», по терминологии французских социологов), а это – лишь исполнители приказов действительной элиты.

Вместе с тем, следует признать, что до сих пор открытость элитного образования никогда не была полной, это именно тенденция (причем во многих странах пока еще слабая). Это как бы один из векторов всемирного образова-

тельного процесса. Нельзя не отметить также то обстоятельство, что ряд социологов выражают свои опасения по поводу опасности опошления и деградации самой идеи элитного образования, порождающего порой псевдоэлиты или квазиэлиты. Здесь элиты не рассматриваются как субъекты именно социального развития, обладающие определённым сознанием и поведением [8, с. 79].

В функциональном плане политическая элита осуществляет стратегическое руководство страной, участвует в разработке и проведении в жизнь политических программ, экономических и правовых реформ. В этом и коренится роль знаний и навыков, полученных в процессе образования, в формировании здоровой политической элиты.

По отзывам британских политологов, Великобританией управляют исключительно люди, которые завершили обучение в Оксфорде или Кембридже и имеют одно или два высших образования, чаще юридическое и/или экономическое. В Англии существует негласное правило, что обучение в аристократических учебных заведениях – частных школах (Итон, Харроу, Винчестер), впоследствии в университетах (Оксфорд и Кембридж) открывает путь к высоким должностям в государственном аппарате.

Оксфорд окончили также 22 британских премьер-министра (девять из 16 премьеров, считая с 1914 г.). Среди них – Маргарет Тэтчер (1943) и Энтони Блэр (1972). Оксфордские дипломы были вручены и многим иностранным государственным деятелям. В их числе, в частности, Индира Ганди (1938), Билл Клинтон (1968), Беназир Бхутто (1969).

Американский истеблишмент (этим понятием в США называют правящую элиту), как правило, состоит из выпускников элитных университетов, принадлежащих к так называемой «Лиги плюща» – ассоциация восьми частных университетов, находящихся в семи штатах на северо-востоке США. В целом, за всю историю США 8 президентов заканчивали Гарвардский университет (Джордж Буш-младший, Дж. Кеннеди, Ф. Рузвельт и др.), 5 – Йельский (Джордж Буш-старший, Билл Клинтон), Барак Обама (Колумбийский и Гарвардский университеты) и 67-й государственный секретарь и экс-кандидат в президенты Хиллари Клинтон (Йельский университет).

Как пишет американский социолог Э. Бабие, сложилась специфическая «элитарная субкультура», формируемая фамильными связями, закрытыми школами, клубами, корпорациями [7, с. 36]. Особую роль для сплочения и обособления американской элиты играют закрытые клубы, заимствованные у английской аристократии и ставшие местом обмена информацией, формирования взглядов монополистической верхушки. Если в рамках корпораций решения принимаются советом директоров, то межкорпоративные контакты основываются обычно на принадлежности директоров, президентов к одним и тем же аристократическим клубам. Эти клубы обеспечивают контакты финансовой олигархии с ведущими политическими и военными деятелями, являясь местом, где подготавливаются и обсуждаются важнейшие политические решения.

Таким образом, по признанию самих западных социологов, элита современных буржуазных обществ больше все же похожа именно на замкнутую касту, в основном наследственную, причем приток к ней из других классов и слоев общества незначителен. Тем не менее в правящий класс попадают и наиболее способные представители других слоев населения. Это не только способствует созданию иллюзии «представительности», «бесклассовости» элиты, но и позволяет посредством интеграции их в правящую элиту укрепить последнюю и одновременно препятствовать формированию контрэлиты.

Список литературы

1. Ашин Г.К. Элитное образование // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 76–86.
2. Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М.: Наука, 2004. 467 с.
3. Семигин Г.Ю. Политическая энциклопедия: в 2 т. / рук. проекта Г.Ю. Семигин; науч. ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 340.
4. Гарина И.А. Элитное образование в современной обществе // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования. № 2 (5). Режим доступа: [https://sibac.info/archive/meghdis/2\(5\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/2(5).pdf) (дата обращения 19.03.2017).
5. Карабущенко П.Л. Политическое образование для становления элит // Полис. 2006. № 4. С. 45–49.
6. Лассуэлл Г. Д. Язык власти // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 2. С. 264–279.
7. Покатов Д.В. Отечественная социология политической элиты: этапы развития и эволюция // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2011. Т. 11. Серия Социология. Политология. Вып. 4. С. 36–40.
8. Самойлов Е.Ф. Элитное образование. Социальная справедливость // Общественные науки и современность. 2006. № 11. С. 79–85.

КРИЗИС ЛИДЕРСТВА И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Нечай Владислав Николаевич,

*магистрант кафедры политологии и международных отношений,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Опыт властвования постсоветских государств складывался под влиянием ряда факторов. Так, можно выделить тяжелые 1990-е гг., когда не только в России, формировалась система правления, которая ранее не применялась в постсоветских республиках непосредственно в советский период. Экономический упадок и стагнация усугубляли ситуацию, которой воспользовались криминальные формирования для извлечения собственной выгоды. Формирование гражданской позиции, а также политической культуры нового типа было медленным и связано с неопределен-

ностью «волны демократии», которая прошла по постсоветским государствам. Такой неопределенностью сумели воспользоваться политические лидеры 1990-х гг. в центральноазиатских республиках. Специфические методы перехода от «демократии» к авторитарной демократии позволили укрепить президентскую власть в странах Центральной Азии. Конституционные реформы и проведение референдумов по этому поводу позволили лидерам Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Киргизии закрепиться на президентских постах гораздо дольше, чем это было прописано в конституциях республик [7]. Получившие пост президента, лидеры центральноазиатских республик на долгие годы сумели закрепиться на своих позициях. Создалось особое представление, что данная ситуация обрела легальность за счет проведения выборов, которые, вероятнее всего, по ряду параметров имеют формальный характер.

Кроме этого политические режимы постсоветского региона, при всем разнообразии, объединяет один общий параметр – слабая устойчивость к внутренним и внешним раздражителям. Поиск новых стратегий после распада СССР привел также и к сходству типов режимов, которые сложились в центральноазиатских республиках. В этом ключе свою роль сыграл возврат к традиции авторитарного правления, а также опасение нового распада в условиях независимости под влиянием религиозных, этнических, клановых факторов. Своеобразная форма «транзита демократии» или «посткоммунистического транзита», которую можно применить к данному региону для описания политической ситуации, сложилась в условиях тяжелых экономических преобразований и социального напряжения [2, с. 1]. Опыт показал, что «транзит» не принес ожидаемых результатов, и вовсе, в ряде случаев, создал «откат» от демократических показателей. Предлагаемые внешним миром демократические ценности и инструменты привели к обратной реакции: страны изолировались (Туркменистан), построение конституционализма, гражданского общества и демократических институтов обернулось возвратом к авторитаризму, застою в экономике и росту коррупции. Все это способствовало складыванию особой политической системы, характерной для стран Центральной Азии – «имитационной демократии», где основные демократические процедуры проводятся для легитимации авторитаризма, где ротация элит практически статична. Наличие других маркеров демократии, которые могут подтвердить наличие демократического режима – парламент, партии, коалиции, оппозиция – не свидетельствуют о его функционировании, поскольку контролируются высшими эшелонами власти [4, с. 14].

Важной для наблюдения остается реакция политических режимов центральноазиатских стран на новые вызовы глобализации, и как политическая элита и общество справляются с данными вопросами. Каждая из стран Центральной Азии предложила свою уникальную схему, которая «ответила» на нововведения.

В научном и бытовом пространстве сложилась ситуация, когда центральноазиатские республики ассоциируют с авторитарными режимами, которые укрепились (во временном контексте) на долгое время. Тем не менее, уникальность форм власти позволяет рассмотреть нам их каждую в отдельности. Сценарий, развивавшийся в Киргизии, представляет особый интерес для изучения тонкостей передачи власти. В стране проводился ряд конституционных реформ на протяжении 90-х и начала 2000-х гг., которые, главным образом, касались установления форм правления. Основная полемика происходила между президентами РК и оппозицией, которая утверждала, что очередная реформа приведет лишь к усилению президентской власти, а, следовательно, к укреплению авторитарного режима в стране. «Революция тюльпанов», произошедшая в марте 2005 г., свергла действующего президента А. Акаева. Оппозиционные силы требовали установления парламентской республики. Принятая в 2003 г. редакция Конституции, которая была утверждена еще в 1993 г., стала одной из причин, которая послужила основанием «революционных действий». Приход к власти К. Бакиева и проведение процедур по принятию новых редакций Конституций затягивается на пару лет. Принятая Конституция в 2007 г. стала предметом нового спора между действующим президентом и либеральной оппозицией, которая была убеждена, что планируемые им новые поправки к Конституции к 2009 г. лишь усиливают властные полномочия президента и создают предпосылки для установления родственного наследования власти.

Следующий этап, который привел к внеочередной смене власти, стал период конституционной революции в 2010 г., который вынудил К. Бакиева покинуть свой пост. Революция 2010 г. создает предпосылки для следующего референдума, по результатам которого принимается новая редакция Конституции, которая укрепляет парламентскую форму власти. Переходный период вызывает большие опасения в экспертных сообществах, поскольку процедура прихода к власти нового президента имеет хрупкие основания. Ныне действующий президент Киргизии, А. Атамбаев, сумел занять пост президента после трехкратного выдвижения своей кандидатуры. Данная практика может свидетельствовать о политическом размежевании, которое подтверждало сложности в установлении нового вектора политики и принятия Конституции. Существующий клановый политический режим, отсутствие единства между севером и югом страны сохраняют опасения о нестабильности политического режима, а также выстраивание последовательной политики, особенности которой позволят легитимизировать избрание следующего президента [8].

Новая редакция Конституции сохранила противоречия между президентом и парламентом, а, следовательно, сохранила и предпосылки для новых столкновений. Как показала практика, в кризисные ситуации, действия бывших президентов Киргизии не отличались «политическим мужеством» принятия решений, которые бы могли вывести компромиссы и предотвратить антиправительственные действия оппозиции.

Другая ситуация, представляющая интерес, сложилась в Республике Казахстан, где конституционные преобразования и связанные с ними президентские действия имели куда меньшее деструктивное воздействие на государство и общество. Особые условия становления президентской республики связаны с упрочнением авторитарного режима за счет конституционных преобразований и парламентских роспусков. Первые конституционные изменения происходят в 1996 г., после которых происходит перераспределение властных полномочий. К середине 2000-х происходит ряд изменений, который расширяет полномочия парламента. Усиление роли политических партий, модер-

низация институтов гражданского общества, реформа органов судебной власти создали впечатление демократизации и рецессию авторитаризма. Более того, действующая оппозиция утверждала, что данные шаги были сделаны лишь для маскировки реальной авторитарной власти, приводя в доказательство принятие закона в 2000 г., который закреплял за президентом неприкосновенность и наделял его особым статусом и политическими привилегиями, а также более позднее закрепление статуса президента как «национального лидера» [3]. Таким образом, президентская власть и ее преемственность обеспечивалась конституционными преобразованиями, которые, в свою очередь, формировались под большим влиянием президента. В схематическом описании форма организации президентства представлена следующим образом: «Принятие конституционных изменений» – «ее президентская интерпретация» – «закрепление за президентом особого статуса».

Состоявшиеся внеочередные выборы в 2011 и 2015 гг. показали чрезвычайно большую явку избирателей и большой процент проголосовавших за действующего президента, что вызвало ряд вопросов у международных наблюдателей и вопрос о «истинной» легитимности президентской власти. Существующие социальные напряжения удавалось ликвидировать на протяжении всех лет нахождения у власти Н. Назарбаева, что отличает данный политический режим от того, который складывался в ранее упомянутой Киргизии. Тем не менее, укрепившийся авторитаризм в Казахстане создает большой разрыв между нынешней элитой и лидером и новым политическими игроками, которые потенциально претендуют на минимальные политические посты, тем более, находящиеся в оппозиции.

Схожая и одновременно отличающаяся ситуация сложилась в Узбекистане и Таджикистане, где президентская власть обрела ярчайшие черты авторитаризма с признаками культа личности. Конституционные преобразования проводились с особой спецификой, в Таджикистане и вовсе в пик гражданской войны. Установление светской власти было подвергнуто сомнению, следовательно, на период первых годов независимости вопрос легитимности избранного президента встречался неоднозначно. Проведение конституционного референдума было необходимостью для разрешения конфликта между оппозицией и военно-политической коалицией, которые сумели выработать компромисс для снижения напряженности. К 2000-м гг. был проведен еще один референдум, который расширял и структурировал полномочия парламента, а также увеличивал срок президентских полномочий с 5 до 7 лет без права переизбрания. Дальнейшие конституциональные изменения были направлены лишь на упрочнение президентского поста и личной власти Э. Рахмона. Возможность действительного избрания нового президента утратила свою актуальность и после проведения референдума по конституционным поправкам, которые не ограничивают возможность переизбрания Э. Рахмона на пост президента, а также снижение возрастного порога возможности баллотироваться в президенты республики с 35 до 30 лет [1]. Последняя поправка не имела бы такого значения, если бы старшему сыну Э. Рахмона в этом году не исполнялось 30 лет. Более того, анализируя биографии членов семьи действующего президента, можно наблюдать, что ключевые государственные должности занимают его родственники. Исходя из этого, складывается определенная закономерность формирования элит, которая имеет клановый характер.

Аналогично с Таджикистаном складывается ситуация в Узбекистане, где на начальном этапе независимости республики и формирования элит происходит столкновение с религиозной оппозицией, которая скептически относится к светским основам государства. Президент И. Каримов, избранный в 1991 г., пошел по пути своих коллег по региону, увеличив президентский срок с 5 до 7 лет по результатам конституционного референдума. В 2007 г. после ряда поправок и продления полномочий, И. Каримов был переизбран вновь. События в Андижане, революции в соседней Киргизии, приведшие к киргизско-узбекским этническим столкновениям, лишь ужесточили авторитарный режим, который продлевал президентский срок. На этом фоне все чаще возникал вопрос о сосредоточении власти в руках узбекских элит и затруднительности в ее преемственности. Из-за внезапной кончины И. Каримова на пост президента был назначен, как исполняющий обязанности, а затем и избран Ш. Мирзиёев, который ранее занимал пост-премьер министра более 10 лет. До назначения Мирзиёева в качестве и.о. президента, на данную должность, согласно Конституции Республики Узбекистан, был назначен спикер Сената Н. Юлдашев, однако последний отказался от полномочий, что вызвало определенную реакцию в экспертных кругах. Существуют предположения, что последующее назначение Ш. Мирзиёева связано с передачей власти приближенным лицам И. Каримова и дальнейшим упрочнением президентской власти. Тем не менее, рассуждая о преемственности и последовательности власти, есть ряд фактов, где Ш. Мирзиёев, как действующий президент выступает с резкой критикой в адрес действующих чиновников, которые находились под его подчинением последние годы до отстранения от должности премьер-министра [5]. Данная риторика показывает, что председательство в правительстве страны было формальным или же новая должность экс-премьер-министра требует более жестких методов контроля для сосредоточения власти.

Формирование лидерства в Туркменистане отличается своей жесткостью режима, который сочетал в себе черты авторитаризма и патернализма. Ряд конституционных поправок, которые проводились в республике, имели формальный характер, а к началу 2000-х гг. С. Ниязов получил статус пожизненного президента. Ситуация усугублялась и закрытостью страны, полученной в результате ранее объявленного нейтралитета. Конституционные преобразования и разделение властей существовало номинально. После кончины С. Ниязова руководство страны пошло на смягчение режима и устранение культа личности. Новая политика Г. Бердымухамедова была менее изолированной, ориентирована на сотрудничество с международными партнерами, а также рассредоточивала президентскую власть. Прежняя форма Народного совета была упразднена и заменена на законодательное собрание, учреждены органы исполнительной власти, деятельность которых была нацелена на предстоящие социально-экономические преобразования. Новые конституционные поправки, тем не менее, не лишали действующего президента львиной доли полномочий, но утверждали президентско-парламентскую систему. Право назначения ключевых высших долж-

ностных лиц осталось за президентом, таким образом, сохранив авторитарные черты режима для поддержания стабильности. Проведенный ряд реформ не способствовал демократизации общества, следовательно, ставил под вопрос многие признаки демократии, такие как выборы, существование общественных организаций и оппозиции, свобода СМИ и т.д. Действующий авторитарный режим лишь рационализировался, однако вопрос передачи власти легитимным путем представлялся маловероятным. Специфика президентской власти в Туркменистане содержит черты клановой наследственности. В феврале 2017 г. состоялись первые президентские выборы после конституционной поправки, предложенной Г. Бердымухамедовым, которая увеличила срок президентских полномочий с 5 до 7 лет. Действующий президент набрал свыше 97 % голосов избирателей [6]. Как итог, действующий режим самообеспечил свое существование до следующих выборов.

Анализируя специфику президентских режимов авторитарно-деспотического характера, складывается особая закономерность, свойственная для центральноазиатских республик. Особые социально-экономические и общественно-политические черты постсоветских государств в Центральной Азии привели к складыванию специфической политической культуры авторитарно-тоталитарного типа, где общество имеет предельно низкую возможность участия в политических преобразованиях страны. Особенности передачи власти и формирование лидерства имеют свою специфику в связи с устоявшимися общественно-политическими традициями. Авторитет руководителя, который глубоко почитается в восточных культурах, не может быть подвержен сомнению или же осужден. В этой связи, политическая активность общества, так и самого лидера падает, поскольку отсутствует реальная угроза или же сила, способная мирным путем пошатнуть лидерские позиции. Свойственная для центральноазиатских государств кланово-наследственная власть элит утвердила особый тип формы правления, который сводит всю суть политической борьбы к авторитарно-патерналистской номинации. Понятие лидерства, на примере государств Центральной Азии, утрачивает свой смысл, в связи с тем, что действующие «лидеры» перестают быть участниками политической гонки и борьбы. В какой-то мере, можно утверждать, хотя это наблюдение может быть оспорено, что эти лидеры перестают быть участниками политических отношений, как таковых, поскольку легитимность их правления вызывает много противоречий с экспертной точки зрения. Данный скепсис выводит вопрос о возможности участия лидеров в политической жизни, которые способны управлять государством и без фактической поддержки населения, сохраняя свои должностные посты. Сложившаяся традиция лишает лидеров действительно лидерских качеств, которые позволили бы в реальной политической борьбе отбросить соперников и подтвердить свои навыки на практике. Отсутствие «освежения» элит приводит к глубокому кризису государственной власти, которая на протяжении нескольких десятков лет с переменным успехом справляется со своими обязанностями.

Список литературы

1. The Central Asian Referendum. Режим доступа: <http://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-central-asian-referendum/27749109.html> (дата обращения 12.03.2017).
2. Бунстра Й. Демократия в Центральной Азии: вспышка бесплодных полей // EUCAM. 2012. № 23. С. 1–5.
3. Вступил в силу закон, наделяющий Назарбаева статусом «Лидер Нации». Режим доступа: <https://zonakz.net/articles/29829> (дата обращения 11.03.2017).
4. Медушевский А. Революция в Киргизии: итоги и перспективы конституционных преобразований // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 1 (80). С. 13–32.
5. Мирзияев сделал выговор заместителям премьер-министра. Режим доступа: <http://rus.ozodlik.org/a/28234663.html> (дата обращения 12.03.2017).
6. На заседании ЦИК подведены окончательные итоги выборов: Президентом Туркменистана избран Гурбангулы Бердымухамедов. Режим доступа: <http://saylav.gov.tm/ru/news/125> (дата обращения 12.03.2017).
7. Политическая культура и трансформация государственных институтов на постсоветском пространстве. Режим доступа: <http://niiss.ru/02.shtml> (дата обращения 11.03.2017).
8. Традиционное деление Кыргызстана на Север и Юг проходит экзамен на единство нации. Режим доступа: http://rus.azattyq.org/a/kyrgyzstan_north_south/2030369.html (дата обращения 11.03.2017).

ЭЛИТА И ЭРЗАЦ-ЭЛИТА: ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Холова Любовь Александровна,

*магистрант факультета социальных коммуникаций,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Современная картина мира множественна и многогранна. Различные субъекты политики оказывают неодинаковое воздействие на развитие общества. Отдельные граждане и социальные группы обычно не принимают непосредственного повседневного участия в политической жизни. Изучение политики и ее истории невозможно без рассмотрения такого понятия, как «элита».

В политологии и социологии существует множество теорий, разъясняющих элитарность общества. Юрием Александровичем Левадой, российским социологом и политологом, изучались проблемы взаимоотношения элиты и массы в российском обществе [5].

За основу статьи взяты исследования и теории элит Вильфреда Парето [9, с. 59–67] и доктрина «политического класса» Г. Мокса [7, с. 187–198], а также материалы статей энциклопедического словаря «Элитология» (под ред. П.Л. Карабущенко) [11] и энциклопедического словаря «История отечественной элитологической мысли» (под ред. проф. А.Ю. Шутова, П.Л. Карабущенко, А.В. Понеделкова) [4].

Феномен «свой – чужой» рассматривался в работах Георга Зиммеля [3], Э. Левинаса [6], Бернхарда Вальденфельса [2], в работе А.П. Романовой, Е.В. Хлыщевой, С.Н. Якушенкова, М.С. Топчиева «Чужой и культурная безопасность» [10].

С падением Советского Союза, произошедшими в России переменами в политической системе и социальной структуре общества, тема формирования и рекрутирования элиты вновь стала центром изучения политологов и социологов.

Синергетический подход в теории элит выделяет два главных субъекта социально-политического развития: элита и эрзац-элиты, представителями которых являются личности, иерархически находящиеся на всех уровнях социальной пирамиды.

Представители элиты обладают когнитивной сложностью мышления, высокой вариативностью поведения и характером установки, позволяющим приносить социуму, к которому они относятся, максимальную пользу. Характер ценностных ориентаций эрзац-элиты (от нем. *Ersatz* – неполноценный заменитель чего-либо, суррогат) направлен сугубо на удовлетворение личных интересов, «обладание», не считаясь с общественной пользой. Наличие этих качеств при повышенной способности к социальной адаптации делает эрзац-элиты неполноценным заменителем элиты, ее социальным антиподом [1].

Элита в отличие от эрзац-элиты вводит социальные механизмы, уравнивающие всех членов общества в возможностях реализации своих способностей, ресурсов. Индивиды, относящиеся к элите и эрзац-элите, обладают противоположными по характеру использования и наполнения культурными, личностными и символическими ресурсами, где представители эрзац-элиты строят свои отношения с «массой» на позиции упрощения культурно-культурологической дистанции.

Для стабильного политического процесса важно поддержание равновесия между двумя вышесказанными типами элит. Для современной политической действительности давно не характерны однородность и сплоченность элиты. Однако так как российские правящие круги заинтересованы в сохранении социальной стабильности, доминированию одной элиты следует предпочесть диалог элит, при котором учитываются интересы всех наиболее социально-значимых элит. Если проследить формирование российской политической элиты исторически можно прийти к выводу, что на данный момент в российском истеблишменте доминирует именно эрзац-элита, давно ставшая в политических кругах «своей». Отсюда и столь продолжительный кризис российских социально-политических режимов. Недостаточная определенность различных интересов и позиций, а именно требование массами «хлеба насущного», а элитой «зрелищ» в виде демократии с ее правами и свободами, привели не только к усилению обоюдного чувства «чужести», но и к продолжительному кризису в социально-политической системе. В будущем консолидация интересов элиты в пользу создания механизмов обеспечения достойного качества жизни масс маловероятен.

Российский император Петр Первый, начав модернизацию и развитие образования в России способствовал возникновению гигантской дистанции между очень узким слоем духовной и государственной элиты и патриархальным крестьянством. К началу XIX в. начинает складываться российская интеллигенция, который является не «чужим», а «другим» для простого народа. Главное направление деятельности интеллигента – помочь русскому крестьянину, приобщить его к культуре и поднять его уровень духовного состояния.

Позднее, большевистская революция и новый политический режим, утвержденный впоследствии, привели к уничтожению интеллигенции и элиты. Советская элита, созданная из людей с пролетарским происхождением, только в 1960 гг. начинает воспроизводить традиционные для русской интеллигенции ушедшего века принципы.

Период перестройки ознаменовался трансформацией политической элиты. Следует отметить, что трансформация не подразумевает смену элит. Смена – более глубокое, качественное изменение состава элиты, тогда как «в результате трансформаций тип элиты не меняется, базовыми остаются все параметры (или большинство), определяющие бытие элиты» [8, с. 120].

В советской и постсоветской России механизм формирования, выдвижения и поддержания существования элиты был разрушен произволом власти, что привело к укоренению в политических кругах эрзац-элиты, придерживающейся позиции сохранения и создания благ для собственных нужд. Подавление конкурентности в формировании элиты, а также ее закрытый, номенклатурный и тоталитарный характер привели к ее уничтожению. Близость по мнениям и ориентирам к массам подтверждает мысль о доминировании эрзац-элиты. Эрзац-элита всегда и в любых условиях поддерживает власть авторитета независимо от его качеств. Переходное время 1990-х гг. и так называемые «нулевые» не привели к созданию механизмов реформации элиты. Власть заблокировала возможность изменений и формировала положительные условия для своего укрепления.

Правление Бориса Николаевича Ельцина привело политическую систему России в состояние нестабильности, где связи между социально-политическими субъектами были нарушены, диалог между элитой и эрзац-элитой был невозможен в силу подавления первой. Произошел кризис элиты, как внутренний, так и внешний – кризис доверия и еще не сформированного гражданского общества.

В годы правления Бориса Ельцина эрзац-элита, сформированная в основном из представителей бывшей советской номенклатуры, достигла утверждения своего монопольного положения по отношению к процессам распре-

деления и перераспределения производимых товаров и услуг. Дисбаланс в экономической и культурной сферах жизни российского общества есть результат деятельности укоренившейся эрзац-элиты, которая при всей «чужести» добилась ключевого и устойчивого положения «свой» в российском политическом устройстве. Интеграция элиты с крупным бизнесом приводит к возникновению принципа реализации закулисных договоренностей между представителями политической элиты и руководителями ведущих экономических структур, что способствует формированию и укреплению эрзац-элиты.

Для стабильного политического процесса важно поддержание равновесия между различными типами элит. Так как российский истеблишмент заинтересован в сохранении социальной стабильности, доминированию одной элиты следует предпочесть диалог элит, при котором учитываются интересы всех наиболее социально-значимых элит, и главное отказ от монопольного управления эрзац-элитой позволит сформировать благоприятный климат для новых политических решений в слабой внутренней политике России. Сотрудничество и взаимодействие элит – залог продуктивного социального развития, в основе которого находится партнерство.

Список литературы

1. Васильева Л.Н. Элита и эрзац-элита: «Новый курс» российской политики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3.
2. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999. С. 176.
3. Зиммель Г. Эссе о чужаке / пер. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб: Владимир Даль, 2008.
4. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь / под ред. проф. А.Ю. Шутова, П.Л. Карабущенко, А.В. Понеделькова. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
5. Левада Ю.А. Элита и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию?.. Авторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001.
6. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб: Высшая религиозно-философ. шк., 1999. С. 530.
7. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
8. Мохов В.П. Циркуляция элит как социальный процесс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24). Ч. 2. С. 120.
9. Парето В. Комpendium по общей социологии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.
10. Романова А.П., Хлыщева Е.В., Якушников С.Н., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 215.
11. Элитология / под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
12. Элитология культуры: российская культурная элита XX века / под ред. проф. П.Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский ун-т, 2017. 420 с.

СЕКТАНТСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПСЕВДОЭЛИТАРНОСТИ

Блохин Дмитрий Германович,

аспирант кафедры истории философии,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Анализ понятия псевдоэлитарности на примере эсхатологии религиозных сект. Целью данной статьи является анализ понятия «Псевдоэлитарность» на примере сект и тоталитарных культов в современной России за период с 1991 г. по настоящее время. Мы проанализируем правомочность употребления термина «Псевдоэлитарность» по отношению к современным сектам, а также к малочисленным культовым организациям. Является ли исследуемое понятие инструментом деятельности сект и как сама категория ложной элитарности действует на осмысление окружающего мира самими адептами сект.

Для достижения поставленной цели нам необходимо выполнить несколько исследовательских задач, а именно – уточнить границы понятия «Псевдоэлитарность» в рамках данной статьи. Мы также уточним границы этого вида сообщества, в которых оказывается человек, личность, а также определим воздействие, которому подвергается человек. Мы рассмотрим ряд обстоятельств, вследствие которых человек начинает испытывать причастность к псевдоэлитарному сообществу. Проанализируем, вследствие чего человек оказывается причастным к такому виду сообщества, который мы исследуем. А также проведем два мысленных эксперимента в целях более полного раскрытия темы статьи.

Перед началом основных рассуждений для уточнения терминологии следует пояснить значение слова «секта» и цель его употребления в данном контексте. В.И. Даль определил слово «секта» как «братство, принявшее своё, отдельное учение о вере» [1]; А.Л. Дворкин, профессор ПСТГУ определяет это понятие так: «секта – это закрытая религиозная группа, противопоставляющая себя основной культуuroобразующей религиозной общине (или основным общинам) страны или региона» [2].

Продолжая определение терминов, коснёмся понятия элитарности и непосредственно самой «псевдоэлитарности». Исторический словарь галлицизмов русского языка определяет элитарность как избранность, принадлежность к элите [3], соответственно, как нечто исключительное и возвышенное, не такое, как всюду, не такое как у всех. Понимание того, что ты не такой, как все, исключительность и элитарность – это своеобразная гордость за себя са-

мого и свои идеи, свои убеждения. Соответственно, приставка «псевдо» определяет это понятие как противоположное ему, а, следовательно, каким-то кажущимся элементом, его подделкой, эрзацем. Обратим внимание и на ещё одну важную составляющую современного общества – это мода. Как бы это всё не казалось странным или чем-то лишним, но мода и потребность времени, мнение общества для человека значит гораздо больше, чем некоторые витальные ценности, традиции, личность. Сегодня человек выходит за рамки традиционного понимания многих вещей и многих общественных порядков, а значит ему нужно что-то, за что он мог бы себя уважать и то, за что его, человека, уважали бы окружающие его люди. Это так называемая оценка извне, положительная и позитивная оценка окружающего мира. И совершенно неважно, что это за мир и окружение, пусть это большой мир как страна, город, район, коллеги или маленький мир, в котором человек живёт, такой как семья, соседи, члены кружка по интересам, какая-то другая организация, приход церкви и т.д.

Окружающий мир человека часто ограничивается одним микросоциумом или несколькими микросоциумами, типа семьи, коллег, группы друзей, членов клуба по интересам и т.д. Современные люди часто объединяются в группы по принципу общих интересов или просто спонтанно по привычке посещают какую-то группу. Но как дань моде человек придаёт мистические значения почти всем своим интересам, действиям.

Сегодня становится модным быть приобщённым к какой-либо духовности. Модно посещать собрания и мероприятия, связанные с религиозными вопросами. И это не удивительно. Люди, объединённые в группу по интересам, сразу начинают себя считать какими-то особенными и исключительными в отличие от других окружающих. Они вступают в какой-то клуб для того, чтобы чувствовать себя психологически лучше, чтобы поднять свою самооценку. Но когда речь заходит о таких масштабных событиях, как конец света и гибель цивилизации или возможность открытия перехода в иное измерение или ещё что-то вроде знания о тоннеле между реальным миром и загробным, сразу начинается когнитивный диссонанс. Человек перестаёт адекватно оценивать окружающую действительность и сам того не осознавая, переходит в вымышленный мир, в мир грёз и фантазий. Это можно было бы объяснить платоновским миром идей, но идеи, действующие в кругу секты, а особенно в кругу религиозной апокалиптической секты могут привести к полной деградации личности как таковой. Человек перестаёт развиваться, перестаёт мыслить теми категориями, которые имеют место и ценность в рациональном мышлении, в разуме повседневной жизни. В секте человек повседневный «преображается» в избранника судьбы, священным избранным. А если эта секта имеет своей доктриной наличие портала и взаимодействие с порталом между мирами, между духовным и материальным миром, то сознание воспринимает только эту выдуманную им псевдореальность и выбирает только то, что доставляет человеку удовольствие в процессе самого этого осознания. Тогда в сознании этого человека мысль о превосходстве над другими, (о псевдоэлитарности) приобретает ужасающие масштабы, и он действительно начинает думать, что он ни кто иной, как только всемогущий бог. Пример – это бог Кузя [4], человек имеющий инвалидность по психиатрии, но поверивший в связь с духовным миром, а затем и вовсе в свою божественность. Но приверженцы его секты сами считали его богом и совершали различные ритуальные действия в соответствии с требованиями психически больного человека. Почему люди добровольно отдавали ему деньги и материальные средства? Возможно, что исключительно по причине причисления себя к элитарному сообществу. Это ярчайший современный пример псевдоэлитарности в секте.

В качестве примера можно привести ожидание события 21 декабря 2012 г., связанное с концом календаря Майя и, как предполагалось, с концом мировой цивилизации. Ажиотаж вокруг этой даты наглядно показал, как люди разделились на тех, кто мыслит трезво и сохранил спокойствие, даже с некоторой иронией, и тех, кто подвержен экзальтации, кто причислил себя к элитарному сообществу верящих этой дате.

Продолжим рассуждения мысленными экспериментами.

1. Представим апокалиптическую секту, которая ждёт не просто конца света, а ждёт ещё продолжения существования остатков человечества в постапокалиптическую эпоху, приверженцы антиутопической идеи. Что может быть после катастрофы планетарного масштаба или событий, приведших к таким ужасным происшествиям? Предположим, что это эпидемия. Значит люди, принадлежащие к этой секте, будут стремиться выжить в новом, другом мире. И выжить должны именно они, а не кто-либо другой, при этом они стремятся выжить любой ценой, не смотря ни на что (и это основная идея сообщества). Для обеспечения выживания и дальнейшего существования сообщества будут проводиться специальные мероприятия по сбору необходимых для выживания вещей и оборудования. На примере американских «выживальщиков» можно констатировать, что это не столько продукты, одежда и предметы для обустройства в экстренных условиях, а это в основном оружие, предметы для ведения боя и причинения тяжких увечий другим. Против кого эти люди столь яростно готовы обороняться? Это ни кто иной, как сам человек. Люди больше опасаются себе подобных, чем всемирной катастрофы. В США уже много лет стало модным движение «выживальщиков» в постапокалиптическую эпоху, когда людей останется очень мало, и в этих условиях придётся выживать. Обоснованно ли люди приготавливают оружие, так ли это на самом деле, что самым страшным врагом для человека может оказаться сам человек? Сценариев Армагеддона или Апокалипсиса оказалось много, заражение окружающей среды, зомби вирус, топливный или сырьевой кризис, глобальное потепление или похолодание. И члены секты готовятся к своему сценарию конца света. Каждый участник этой массовой истерии вложил и продолжает вкладывать в эти идеи значительное количество денежных средств, сил, личного времени, и считает, что он принадлежит к элите тех, кто спасётся и что именно он окажется прав в сценарии последних дней этого мира. Таким образом, мы можем характеризовать секты как псевдоэлитарные сообщества.

2. Секты, как правило, принимают эсхатологические доктрины. Начиная с личного конца света, который наступает после смерти, и заканчивая глобальными событиями Армагеддона. В каждой эсхатологической секте конец

света свой и сценарий его тоже «эксклюзивный». Духовные поиски, ведут к выбору того или иного сценария. Решающим психологическим фактором этого выбора для сектанта становится чувство превосходства над другими – он получит после смерти не то, что другие, а гораздо лучшее будущее. Член секты причисляет себя к избранной элите, которая, по его убеждению, даёт исключительные сверхъестественные возможности только для избранных людей. Да и сама секта всегда говорит о том, что признак их элитарности – это их малочисленность. Представим человека, адепта или рядового члена секты, это, как показывает личный опыт, не важно. Итак, человек, который подвержен страху перед гибелью, а также он боится быть мучимым при апокалиптических и постапокалиптических событиях. При этом, боязнь или страх не возникают ниоткуда, на пустом месте. Напротив, осознание и ожидание чего-то туманно представляемого, сама недосказанность пугает больше, чем что-то конкретное, к чему можно быть готовым. Что происходит в секте? Там осознанное эсхатологическое ожидание подменяется доктриной, которая позволяет не бояться воздаяния после смерти, а воспользоваться учением секты, которое обходит все богословские доктрины, философские системы и религиозные традиции, обвиняя их в искажении учения о жизни и смерти. А секта говорит о том, что может помочь исключительным людям исключительными методами и открыть так называемую «запасную дверь в рай», секта предлагает, чаще всего, получить спасение «через чёрный ход». Кто на такое готов, кто из людей может принять обман как истину? В большей мере тот, кто считает себя исключительным. И тот, кто допускает, что он исключительный, считает, что возможность обойти все правила предназначена именно для него. Здесь пример личной псевдоэлитарности, осознание которой приводит к групповому осознанию этой псевдоэлитарности в секте. Примечательно то, что это осознание имеет место как сама элитарность, но никак не ошибка, не заблуждение.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что псевдоэлитарность – это качество, которым обладает каждая секта, какого бы толка она ни была. Однако более всего подвержены этому свойству современные секты апокалиптического толка. Внутренняя убежденность в их избранности и элитарности даёт толчок к тому, чтобы группа людей отделилась от традиционного или уже долгое время существующего религиозного течения, и начала своё существование как элитное сообщество. Этот внутренний присущий им психологический настрой и позволяет нам отнести секту к понятию «псевдоэлитарности».

Список литературы

1. Даль В.И. Секта // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб: Тип. М.О. Вольфа, 1880–1882.
2. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. М.: Христианская библиотека, 2007. 816 с.
3. Элитарность // Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное изд-во ЭТС.
4. Вести недели // эфир от 13 сентября 2015 г. Время эфира: 22:15. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2663681>.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Таскалиева Алия Хайрллаевна,
магистрант,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Одной из актуальных тем отечественной общественной науки является проблема взаимоотношения политики и культуры. Российская политическая наука всегда отличалась внимательным отношением к культурной составляющей политики. Анализ современной научной литературы указывает на то, что даже в эпоху глобализации политическая культура не утрачивает своих национальных особенностей. У каждого государства есть своя политическая культура, которая оказывает воздействие на оценку и внедрение идеологий и институтов власти, предавая им свой неповторимый колорит и расставляя необходимые обществу и государству акценты. Н.А. Бердяев одним из первых затронул тему политической культуры. В своих трудах, Николай Александрович дал обоснование развитию политической культуры, также было проанализированы политические режимы и политическое лидерство.

В теории политической культуры внимание уделяется анализу культурных ценностей политической элиты и правящей группы. Немаловажную роль в развитии политической культуры играет политическая мода. Отечественная политическая мода полностью зависит от лидера. Копирование лидера у советской элиты было настолько развито, что многих можно было назвать «ксероксами хозяина Кремля». При Л.И. Брежневе модным было «сердечное лобзание» во время приветствия, при Ю.В. Андропове в моду вошла борьба с нарушителями трудовой дисциплины, при М.С. Горбачеве стало модным подражать ему в лексике (совершать те же самые языковые ошибки), при Б.Н. Ельцине в моду вошел большой теннис, при В.В. Путине многие чиновники увлеклись лыжами и борьбой, так как эти виды спорта являются у него любимыми. [1]

Политическая культура российской элиты – это бюрократическая культура, которая основана на произвольной трактовке закона или иных правил политической игры. Многие россияне негативно относятся к чиновничеству и бюрократии, по их мнению, именно правящая элита является источником политических провалов за последнее время. По мнению эксперта, «сегодня эгоизм правящей элиты дополнительно подпитывается образовавшейся в стране

духовной атмосферой, которая пронизана агрессивным стремлением экономически опаздывающих групп любыми способами добиться материального благосостояния» [2].

В 1990-е гг. в стране произошло разделение политической культуры на интересы верхов и интересы самого общества. Тем избытком, которым пользовалась элита в своих собственных интересах создавался за счет ограничений финансирования науки, образования и культуры. Р. Будон сказал: «если элита располагает излишком ресурсов, то она склонна растрачивать его на потребление, а не на инвестирование» разумеется в собственных интересах. Такая расстановка приоритетов, как преобладание частных интересов над общественными и породила коррупцию.

Структура и деятельность современных российских элит напрямую связана с их положением и влиянием, определяемым принадлежностью к тем или иным политическим, экономическим, культурным институтам. Элитная диспозиция в обществе, обусловленная приоритетным социально-политическим и финансово-экономическим статусом, также поддерживается системой влияния на общество. Это влияние, равно как и легитимация управленческих воздействий элиты базируется на идеологии и ценностных концептах, которые исключительно важны для формирования и сплочения самой элиты.

По мнению экспертов, российская политическая элита носит закрытый и непрозрачный характер, что свойственно для авторитарного политического режима. Такая закрытость отражается на многих видах ее профессиональной деятельности, к примеру: доходы и расходы. Аналитики считают, что «непрозрачность государственных расходов – серьезная проблема. Хотелось бы, чтобы многие секретные статьи российского бюджета стали открытыми для общества. Это позволило бы эффективней бороться с коррупцией. Наш государственный аппарат и в стране, и за рубежом имеет репутацию коррумпированного. Это не значит, что все чиновники воруют. Но репутация не возникает из ничего» [3].

Немаловажным элементом политической культуры правящей элиты является репутация. Нынешняя элита измеряет свою репутацию рейтингом, которые устраивают социологические службы и независимые СМИ. Рейтинги фиксируют уровень активности и популярности субъекта власти. Политическая элита представляет собой «треугольник власти», в который входят политики, высшая администрация, представители деловых кругов. Они абсолютно контролируют и формируют властные институты, управляют государством, осуществляют руководство крупными банками и корпорациями. Возможность решающим образом оказывать влияние на различные стороны общественной жизни обеспечивается как концентрацией стратегических ресурсов в руках политической элиты, так и поддержанием определенного уровня репутации членов элиты. Также внимание уделяется и моральному поведению должностных лиц. В отечественной политической культуре мораль всегда играла важную роль. Эта традиция пришла к нам еще из Византии, через философское наследие Платона [4]. Именно платонизм всегда настаивал на моральной оценке политики и политических лидеров.

В последние годы в современном российском политическом процессе наблюдается тенденция усиления роли конфессиональных (религиозных) институтов. Церковь, заполняя образовавшийся в постсоветский период идеологический и мировоззренческий вакуум, начинает претендовать на роль одного из акторов современного политического процесса и стремится оказывать существенное влияние на представителей политических элит. Многоконфессиональный, многонациональный состав России делает очень сложной задачу сохранения политического и мировоззренческого единства. В условиях слабости единого национального экономического пространства, неразвитости правовых институтов, множества этнокультурных и языковых различий в России сохраняется вполне реальная угроза дезинтеграции страны по конфессиональным и этническим признакам. Поэтому государство в своих отношениях с авторитетными конфессиональными институтами стремится любыми средствами достичь не просто нейтралитета, взаимного невмешательства в дела друг друга, а прямого взаимного согласия, сотрудничества по основным вопросам внутренней и внешней политики. В современных условиях Русская Православная Церковь рассматривается правящими элитами как исключительно важный ресурс в политической борьбе за власть, в частности, на различных выборах. В обмен на свой авторитет РПЦ может рассчитывать на политическую, правовую и экономическую поддержку государства во всех звеньях и на всех уровнях управления. Другие религии – ислам, иудаизм, буддизм, в силу укорененности в своих этнокультурах, по существу, признаются российским государством союзниками в этом непрерывном процессе обмена государственных ресурсов на моральный авторитет «традиционных религий» [5].

В политических процессах современной России элиты играют доминирующую роль, вырабатывают цели развития общества, руководят политическим процессом, обладают наивысшим статусом и авторитетом и вступают в определенные отношения с другими акторами политического процесса. В итоге происходит трансформация самих элит, характера политических отношений и институтов власти.

Изучение характера отношения элиты и контрэлиты к политической культуре, доминирующей в обществе, дает возможность оценить сущность политического режима. В случае, когда политическая культура представляется властным структурам системой, исключительно подчиненной обеспечению сохранности самого политического порядка, то следует вести речь о недемократичности режима. Если политическая культура понимается властвующей группой как один из факторов поэтапного обновления, модернизации и реформирования этого порядка, то можно полагать, что данная власть опирается на демократические принципы. Очевидно, что достижение гармонии уровней власти, согласия между политической элитой и электоратом, между формирующимся в России гражданским обществом и государством невозможно без создания действенного механизма как поддержки политической власти, так и учета изменений интересов населения, различных социальных групп.

Характеризуя политическую культуру элит через призму политической системы общества, ее влияние на политический процесс, следует подчеркнуть, что она представляет собой своеобразное воплощение единства политики и культуры. Именно политическое содержание отличает политическую культуру от иных форм культуры (духовной, материальной, правовой, бытовой и т. д.). Ее особенность состоит в том, что по сравнению с другими политическими явлениями – политическим сознанием, политическим опытом, политическими традициями, политическими представлениями, политическим менталитетом – она охватывает те элементы этих явлений, которые отвечают общему критерию культуры, т. е. призваны служить общественному прогрессу, развитию личности, а также способствовать поступательному развитию политической системы.

Список литературы

1. Ашин Г.К., Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. Образовательная и кадровая политика, как факторы формирования элиты. Отечественный и зарубежный опыт. Ростов н/Д: Северо-Кавказская акад. гос. службы, 2007.
2. Виноградов С.В. У России два союзника- нефть и газ. М.: Алгоритм, 2007. 272 с. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4 (29). С. 327–333.
3. Гаман-Голутвина О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2010. № 4.
4. Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией: заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 84–88.
5. Понеделков А.В. Политико-административные элиты России. Ростов н/Д, 2005.
6. Будовская О.В. Роль политических партий в системе становления и развития местного самоуправления в процессе реформирования российского общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3 (40). С. 83–90.
7. Гришин Н.В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2. С. 42–48.
8. Джанталеева М.Ш. Специфика функционирования региональных этнополитических элит (на примере Астраханской области) в Российской Федерации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1. С. 178–183.
9. Кудряшова Е.В. Роль властных структур и национальных общественных организаций в обеспечении этноконфессиональной стабильности поликультурного региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 118–125.
10. Карабущенко П.Л. «Идея элиты» и её «тень» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1 (26). С. 149–157.
11. Карабущенко П.Л. Элита власти в вертепе политической фальсификации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 264–274.
12. Новоселов С.В. Военно-политическая обстановка в мире и перспективы ее развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (34). С. 89–99.
13. Оськина О.И. Гражданское общество и традиции патернализма современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 4 (21). С. 36–40.
14. Усманов Р.Х. Этнополитические процессы в Каспийском регионе Юга России: Тенденции и проблемы взаимодействия с Федеральным центром // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3 (32). С. 447–452.
15. Понеделков А.В., Усманов Р.Х., Воронцов С.А. Роль и влияние административно-политических элит в процессе обеспечения национальной безопасности на Юге России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 234–244.
16. Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. Политическая элита Астрахани в системе городского управления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4 (29).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Бегалиева Малика Валитовна,

*магистрант кафедры политологии и международных отношений,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

На протяжении XX в. Германия неоднократно сталкивалась со значительными изменениями состава, статуса, роли, механизмов рекрутирования и систем ценностей правящих элит. Трансформация элит может выступать в двух формах. Первая – циркуляция индивидов – членов элиты на руководящих постах в тех политических институтах и частных организациях, которые сохранили свою силу и базисную организационную структуру в ходе изменения режима. Вторая форма элитной трансформации образована подвижками в балансе сил между институтами и организациями и (или) благодаря формированию новых организаций [4]. Изучать элиту в период трансформации – это значит пытаться понять центральный момент изменений, их план, идеологию, будущее. Процесс трансформации политических элит составляет необходимое звено единого процесса радикальных социально-политических преобразований. Будучи вписанным в общий контекст политической модернизации, этот процесс имеет безусловную направленность перехода от характеристик элит традиционного типа к качествам и характеристикам, востребованным временем, соответствующим параметрам и требованиям политического пространства современного типа [1].

Веймарская республика характеризуется высокой степенью элитарной преемственности. С введением парламентской системы центр политической власти переместился от исполнительной к законодательной структуре. В партийной сфере, благодаря политическому перевесу левоцентристских партий, консервативные партии утратили свое ведущее положение и привилегированный доступ к исполнительным структурам. Такого рода подвижки в балансе

политических сил не были приняты традиционными элитами в различных сферах общественной жизни, особенно предпринимателями, представителями органов правопорядка, армии. Веймарская Республика осуществила институциональную реорганизацию, не сопровождаемую существенной элитной трансформацией. Старые элиты остались в силе, ожидая удобного случая для институционального поворота назад. Отчасти в этом заключается одно из объяснений, почему не выжила Веймарская демократия [3].

Правящая политическая элита Веймарской Республики, придя к власти, ощущала себя не «отцами-основателями» демократии, а «обанкротившимися» правителями старого режима. После ухода Бисмарка в отставку никто, вплоть до Гитлера, не сумел стать интеграционной фигурой германской нации.

Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), возглавляемая харизматическим лидером Адольфом Гитлером, во время кризиса стала более популярной. Эта партия, имеющая строгую внутрипартийную дисциплину и построенная на принципе лидерства, имела сторонников во всех сферах жизни. Гитлер, обладавший ораторским и демагогическим талантом, умело использовал самые разнообразные идеи и сделал ставку, прежде всего, на эмоции масс. Идея «национал-социализма» привлекала рабочих и молодежных движений. Идея «народного сообщества» обещала решить социальные проблемы. Антисемитская расовая теория определила мировую миссию арийцев. Именно нация формирует мировое сообщество. Немцы, ценная арийская раса, должны были уничтожить «цепи» Версаля и начать расширять свое жизненное пространство, чтобы выполнить свою историческую миссию - создание «нового мирового порядка» [2]. В общем, это была довольно привлекательная политическая программа, которая нашла отклик у всех слоев населения. Гитлер, как лидер контрэлиты, активно дискредитировал образ правящей элиты Веймарской республики. В своих речах во время предвыборной кампании Гитлер резко критикует Веймарскую Республику, обещая распустить парламент после прихода к власти.

Национал-социализм получил широкую поддержку, как единственная сила, способная обеспечить возрождение великой Германии и предотвратить экономический крах. Веймарская республика все меньше нуждалась в стране. 30 января 1933 г. президент Германии П. Гинденбург назначил А. Гитлера рейхсканцлером. Органы НСДАП начали выполнять государственные функции, и все ненацистские партии и организации были распущены. Постепенно нацистская политическая элита вытеснила республиканскую. Через некоторое время после смерти Гинденбурга в 1934 г. Гитлер был провозглашен пожизненным рейхсканцлером и фюрером немецкого народа [5]. После прихода нацистов к власти, при поддержке определенных частей существующей элиты, они немедленно отменили все, что осталось от парламентской системы. В марте 1933 г. был принят Акт Компетенции, который передал почти весь политический контроль над исполнительной властью партии. Летом были запрещены независимые профсоюзы и создан так называемый Германский фронт труда. Под давлением нацистского правительства руководство протестантской церкви было перемещено. Несмотря на то, что первоначально в правительстве Гитлера были коалиции, в том числе и представители ультраконсервативной Немецкой национальной народной партии, консерваторы в исполнительных структурах были быстро заменены нацистскими функционерами [6].

Таким образом, изначально в элите произошли лишь незначительные изменения, даже в тех районах, которые находились под официальным контролем правительства. Вершина гражданской службы и армии, которая никогда серьезно не воспринимала участие социал-демократов в правительстве, проявляла лояльность к Гитлеру. Существенных изменений в правоохранительных органах также не произошло. Наблюдаемая преемственность в организационной структуре и руководстве была частью нацистской законодательной стратегии, призванной поддерживаться традиционными элитами и общественностью. С середины 1930-х гг., когда нацисты прочно утвердились, традиционные элиты постепенно замещались нацистскими лидерами.

В Федеративной Республике Германии после 1945 г. в некоторых сферах существовала значительная трансформация элит, а в других преобладала преемственность. В сфере политики и в средствах массовой информации трансформация была непосредственно связана с тем, что политические партии, газеты, радиостанции должны были быть пройдены аккредитацию, что подразумевало исключение бывших нацистских чиновников и сторонников из общественной жизни. Новое политическое руководство было сформировано из представителей различных групп. Среди них можно выделить группу активистов и лидеров демократических партий, известных со времен Веймарской республики, а также коммунистов. Вторая группа состояла из молодых людей, которые только что начали политическую карьеру.

В это время ГДР произошла более всеобъемлющая и быстрая трансформация элиты. Класс «буржуазии» был полностью заменен коммунистическими сторонниками, что предполагало ликвидацию независимого частного предпринимательства. Установление политического контроля над коммунистической партией во всей организованной общественной жизни следовало определенным приоритетам в сфере экономики и гражданской жизни.

Современная политическая элита ФРГ характеризуется в большей степени преемственностью в западных землях, и полной трансформацией в восточных. Восточная Германия, начиная с 1990 г., претерпела еще одну полную трансформацию элиты. Это касается не только политической элиты, но и других групп, в том числе представителей гражданской администрации и правоохранительных органов. Бывший блок партий, связанный в прошлом с СЕПГ, растворился в своих западногерманских коллегах, и появилось новое руководство. [7] Полное элитарное преобразование произошло почти целиком благодаря переходу элиты с Запада на Восток, что стало возможным благодаря параллельному существованию двух немецких государств.

Несмотря на то, что восточногерманская элита фактически «интегрировалась» в западную, современная политическая элита ФРГ не смогла полностью стать единой. Быстрая интеграция восточных земель была успешной в

политическом плане, однако экономический раскол преодолен не был. Поскольку два государства в течение 40 лет развивались отдельно друг от друга, слияние этих систем в социально-экономическом отношении оказалось тяжёлым, прежде всего для восточной части страны, которая значительно уступала ФРГ в уровне развития. Энтузиазм в обществе, предшествовавший объединению, довольно быстро сменился разочарованием и недовольством: жители восточных земель («осси») хотели быстрее достигнуть уровня развития ФРГ, а жители западных земель («весси») проявляли недовольство в связи с тем, что в восточную часть направлялось много дотаций.

Различие менталитетов элит наблюдается, как в вопросах внутренней политики, так и внешней. Главы восточных земель критикуют миграционную политику Меркель. Именно в восточных землях наблюдается ярая ксенофобия по отношению к беженцам. Немецкие эксперты говорят, что элите земель бывшей ГДР не хватает «демократической социализации».

Политическая элита разобщена и в вопросах антироссийских санкций. Главы федеральных земель востока ФРГ Мекленбург - Передней Померании, Саксонии и Саксонии-Анхальт полагают, что на смену бесполезным экономическим санкциям против России должен вернуться конструктивный диалог.

Примечателен тот факт, что большая часть немецкой политической элиты – представители западных земель, а канцлер ФРГ Ангела Меркель – родом из ГДР. Есть ситуации, когда восточногерманское происхождение «самой могущественной женщины мира» явно проглядывает. Выжидать, осторожничать, проявлять недоверие – это черты присущи скорее восточным немцам. По ее собственным словам, она «сердцем и разумом выросла в единую Германию». Но «на западе многие все еще воспринимают ее как немку с востока, а на востоке – как немку с запада» [8].

В настоящее время, политическая элита ФРГ столкнулась со сложной задачей – сохранить баланс между своей ведущей политической и экономической ролью в ЕС, внутренними противоречиями и внешнеполитическими вызовами. Решение этой задачи влияет на развитие самой элиты, судьбы германского государства и развитие мира в целом.

Список литературы

1. Ашин Г.Л., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999.
2. Гитлер А. Моя борьба. М.: Социальное движение, 2003.
3. Евдокимова Т.В. Теоретические аспекты анализа политической элиты Веймарской Германии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2.
4. Парето В. Социалистические системы. // Теоретическая социология. Антология: в 2 ч. М.: Университет, 2002.
5. Патрушев А.И. Германская история. М.: Весь Мир, 2003.
6. Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация. 1996.
7. Hoffman-Lange Ursula. Value Orientations and Support for Democracy Among Elites and Mass Publics in Old and New Democracies. In: Oxana Gaman-Golutvina, Andrey Klemeshev (eds.): Political Elites in Old and New Democracies. Kaliningrad: IKBPU Publishing House 2012. P. 318–332.
8. Президент и канцлер Германии – выходцы из бывшей ГДР // Deutsche Welle. Режим доступа: <http://dw.com/p/1GhmL> (дата обращения 20.03.2017)

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТА ПУТЕМ УЧАСТИЯ В СОРЕВНОВАНИЯХ ПО ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Меркулова Анастасия Игоревна,

студент-исследователь,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Шаров Дмитрий Александрович,

студент-исследователь,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Честнов Алексей Александрович,

студент-исследователь,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Формирование новой постоянно обновляющейся системы образования обусловлено быстрым и качественным развитием информационных технологий. Успешность функционирования системы непрерывного образования зависит от способности субъектов системы поддерживать конкурентоспособность, важнейшими условиями которой становятся такие качества личности, как творческое мышление, инициативность, способность находить неочевидные решения к поставленным задачам и выработка таких неотъемлемых аспектов профессионального развития студента, как лидерские качества и умение работать в команде. Такие аспекты являются базовыми в процессе формирования и выработки драгоценных знаний, играющих ключевую роль в современном информационном обществе - обществе знания. Поэтому одним из самых актуальных и перспективных направлений развития образования в России становится повышение профессионального мастерства, распространение и передача опыта, создание инновационной образовательной среды.

Специалисты по информационной безопасности принимают непосредственное участие в создании системы защиты информации, ее аудите и мониторинге, анализируют информационные риски, составляют актуальную мо-

дель угроз, разрабатывают и внедряют необходимые мероприятия. Их обязанностями также являются установка, настройка и сопровождение технических и организационно-правовых средств защиты информации. Специалисты по безопасности обучают и консультируют сотрудников по вопросам обеспечения информационной защиты, а грамотное распределение обязанностей между сотрудниками организации по обеспечению такой защиты является прерогативой умного и высококвалифицированного работника. Именно поэтому развитие профессиональных компетенций и выработка организаторских и управленческих качеств студента-лидера в области информационной безопасности актуально как никогда.

Существует несколько методов обучения, способствующих формированию и развитию профессиональной компетенции студента и выработке значимых лидерских качеств. Но наиболее действенными с точки зрения эффективности являются методы взаимодействия. Применение различных игровых методик – деловых, имитационных, ролевых – для решения поставленных перед студентом задач вносит разнообразие в течение предметного образовательного процесса, формирует положительную мотивацию для изучения предметных дисциплин.

Именно интерактивные методы, предусматривающие работу в команде, способствуют появлению непроизвольного интереса участника к изучению естественных наук и предметных дисциплин с серьезным и основательным восприятием изучаемого материала, что является необходимой частью создания успешного образовательного процесса [1]. Важно отметить, что большинство знаний и умений, приобретенных в процессе игры, участники получают непосредственно от своих партнеров по команде (принцип «равный обучает равного»), более опытных в тех или иных направлениях в области информационной безопасности. А те, в свою очередь заражают других собственным примером. Происходит своеобразный процесс обмена опытом, в ходе которого в приятельской атмосфере один участник не только направляет и поддерживает другого, но и сам заинтересован в результате их взаимодействия для достижения общей цели [2]. А что, если не это и есть лидерские качества?

В сентябре 2016 г. в Таганроге состоялся Всероссийский инженерный фестиваль, который неожиданно стал важной ступенью в профессиональной жизни студентов кафедры «Информационная безопасность» Астраханского государственного университета. В рамках фестиваля прошли невероятно интересные соревнования под названием CTF в определенном игровом формате «Захват флага» – командные соревнования по защите информации. В рамках конкурса перед командами стояла задача решить разнообразные задания по таким направлениям, как криптография, стеганография, системное администрирование, социальная инженерия и др. Правильное решение – балл в общекомандный рейтинг.

Конечно, досконально разбираться в каждом из предложенных направлений абсолютно невозможно, но узнать что-то совершенно новое, погрузиться в предметную область, научиться применять полученные знания на практике под силу каждому. Неудивительно, ведь работая в команде с людьми, чей багаж навыков и умений в некоторых сферах информационной безопасности значительно выше, ты можешь не только приобрести, но и поделиться знаниями из хорошо известных тебе областей [3]. Именно в результате такого взаимодействия формируются практически ценные лидерские качества, играющие значимую роль в профессиональном развитии студента. Поэтому CTF в большинстве случаев предусматривает собой командный зачет.

В продолжение темы лидерства, применительно к соревнованиям по информационной безопасности, возникает ряд логичных вопросов: «В чем разбирается один партнер по команде, а в чем слабости другого?», «Смогут ли участники справиться с предоставленными заданиями?», «Как распределить нагрузку и время, для достижения максимально возможного количества баллов?», «Как прислушаться к каждому и ничего не упустить?», «Как оказать своевременную помощь и направить мысли собеседника в нужное русло?», «Когда стоит переключиться на другое задание, если что-то не выходит?», «А когда просто взять ответственность на себя?» и многое другое. Таким образом проявляются лидерские качества в подобной командной игре. Также необходимо отметить, что такие навыки, как взаимопомощь, способность слушать и слышать, отказываться от собственного мнения в пользу командного, являются приоритетными целями формирования и развития профессиональной компетенции студента-лидера [2].

Всероссийский инженерный фестиваль вдохновил студентов 3 курса на организацию и проведение собственных соревнований по информационной безопасности ASU-CTF16, ведь пласт знаний и практических умений, который будет приобретен в ходе конкурса, несомненно поможет выработать важные лидерские качества у студентов, обучающихся по направлению «Информационная безопасность» Астраханского государственного университета.

Участвуя в соревнованиях, студенты проявили большой интерес к абсолютно всем направлениям, предоставляемым организаторами. Задания по направлению «социальная инженерия» оказались очень интересными и познавательными с точки зрения практического применения полученных навыков общения с абсолютно незнакомым физическим лицом, и, по мнению студентов, таких заданий должно быть предложено больше. Также несмотря на внимание, которое студенты уделили заданиям по направлению «развлечения», можно с уверенностью сказать, что подобные задачи должны быть более разнообразными.

По истечению основного времени, отведенного на решение заданий, студентам было предложено ответить на вопросы анонимной анкеты, определяющей наиболее ценные навыки, приобретенные студентами в ходе соревнований. Всего в анкетировании приняло участие 37 человек. Проведенное анкетирование показало, что около 54 % участников соревнований считает наиболее важным навыки работы в команде, 24 % участников полагает, что приобретение ценных лидерских качеств и их выработка является наиболее приоритетными, наконец, 21 % участников считает наиболее ценным навыком креативность и нестандартный подход к выполнению поставленной задачи. Та-

ким образом, были выявлены ключевые навыки и способности, выработанные у студентов в ходе проведения соревнований. Навыки командной работы и лидерские качества находят особенно ценными. Ведь быть лидером в современном обществе знания модно.

Список литературы

1. Дзуличанская Н.Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций.
2. Уоррен Г. Беннис, Роберт Дж. Томас. Как становятся лидерами. Менеджмент нового поколения. Вильямс, 2006. 208 с.
3. Щербаков А.Ю. Современная компьютерная безопасность. Теоретические основы. Практические аспекты. М.: Книжный мир, 2009. 352 с.

ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИДЕРСКИХ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОВ

Зорин Кирилл Андреевич,

магистрант,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Облова Елена Александровна,

магистрант,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Сидоренко Валерия Дмитриевна

магистрант,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

В настоящее время государство активно заинтересовано в развитии малого бизнеса. В связи с чем были разработаны различные программы по развитию предпринимательства в России. Это повлияло на изменения требований к качеству профессиональной подготовки молодых специалистов. Основной упор в обучении делается не только на усвоение студентом профессионально-ориентированных знаний, но и на воспитание саморазвивающейся, конкурентоспособной личности, обладающей лидерским потенциалом и предпринимательскими качествами.

В качестве предпринимательских качеств рассматривают умения: выполнять экономические расчеты, проводить маркетинговые исследования, организовывать работу в группе, разрабатывать бизнес-план, находить или генерировать предпринимательскую идею, а также принимать новаторские решения в стандартных и нестандартных ситуациях и уметь управлять риском [3]. Конечно же, предприниматель в первую очередь – это лидер.

Понятие лидерства имеет несколько определений. Во-первых, это процесс, посредством которого определенные члены групп мотивируют и ведут за собой группу. Во-вторых, это способность влиять на индивидуумов и группы людей, чтобы побудить их работать для достижения целей [1, с. 394]. Деятельность лидера определяется следующими задачами (см. рис.): 1) постановка задачи; 2) разработка плана выполнения; 3) грамотное распределение ресурсов; 4) контроль качества выполнения работ; 5) поддержание дисциплины внутри группы; 6) мотивирование группы.

Лидер должен превратить свою команду в единый механизм, где каждый будет выдавать наилучший результат для достижения общей цели [4].

Рис. Задачи лидерства

Совершенствование системы высшего образования в России связано с рядом новых технологий и приоритетов. Одной из важнейших проблем является развитие института студенческих инициатив, формирование условий для активной студенческой жизни. Современный успешный специалист должен обладать личностными, межличностными, профессиональными компетенциями и навыками, которые способны помочь ему включиться в профессию.

нальную среду, а также реализовывать коммуникативные и управленческие практики. Этим всем обуславливается необходимость работы в сфере социализации, в создании в вузе благоприятной образовательной среды для всех категорий студентов [2].

В вузах одним из способов научить студента не только самостоятельно принимать решения в спорных ситуациях, но и нести ответственность за них, тем самым формируя в нём лидера, является командная работа. Так как именно организация работы в коллективе, состоящем из студентов с различными личностными качествами, уровнем знаний и увлечениями, является сильным толчком для формирования и развития лидерских качеств каждого участника группы.

В Астраханском государственном университете регулярно проводятся различные мероприятия, которые направлены на становление различных личностных качеств студентов. Одно из них – это конкурс «Я в мире IT», в котором группам участников необходимо представить инновационный IT-проект и разработать для него бизнес-модель. Конкурс состоит из нескольких этапов, ограниченных по времени. После каждого этапа отводится время для «обратной связи», которая представляет собой сбор мнений, рекомендаций и советов участников других команд и приглашенных экспертов по разработке проекта на текущем этапе.

Первый этап заключается в генерации идеи для проекта, а также описания проблемы, которую способен решить их проект. На этом этапе участники проявляют свои творческие способности, а также, в связи с необходимостью выбора и последующего развития только одной бизнес-идеи, коллектив выбирает лидера, принимающего окончательное решение.

На втором этапе участники создают целевую WEB-страницу, где содержится основная информация для потенциального покупателя. Данный этап может потребовать мобильности участников группы, их способностей прислушаться к аудитории и быстрой работе в команде, так как после полученных во время «обратной связи» отзывов, возможно, придется кардинально изменить вид страницы.

Третий этап – построение бизнес-модели. Здесь команде необходимо провести полный анализ разрабатываемого программного продукта: составить портрет клиента, выполнить поиск конкурентов на рынке, подсчет стоимости продукта, а также разработать маркетинговый план по выводу продукта на рынок.

Заключительный этап – презентация своего программного продукта приглашенным экспертам и другим участникам. Команды оцениваются по следующим критериям: 1) актуальность решаемой проблемы; 2) возможность реализации проекта; 3) целевая страница; 4) бизнес-модель; 5) общий подход к презентации проекта; 6) работа команды на протяжении всего конкурса.

Таким образом, данное мероприятие помогает студентам развить лидерские и коммуникативные способности, умение работать в команде. Кроме того, моделирование вывода на рынок продукта формирует у участников предпринимательские качества.

Другие мероприятия, направленные на становление лидерских качеств и обучение работе в команде - проекты социализации. Каждый год в университет поступают новые обучающиеся, организуются группы, в которых собираются ранее не знакомые люди. Каждый студент группы имеет возможность показать себя с разных сторон. Для развития коммуникативных и личностных качеств в Астраханском государственном университете каждый год проводятся проекты социализации. Эти мероприятия дают возможность студентам продемонстрировать как свои творческие способности, так и успехи в научной деятельности. На данный момент проводились следующие проекты: Фестиваль «Большие танцы», «Битва хоров», «Танцевальный фестиваль», «Подийум», «Театральный фестиваль», «Фольклорные танцы», «Визуальный этикет», «Фестиваль проектов научной социализации» и др.

Для участия в любом проекте собираются обучающиеся разных групп, команды единомышленников для работы над инновационным или творческим проектом. Студенты могут сами определить лидера, который будет в течение подготовки к проекту организовывать репетиции, генерировать идеи, поддерживать участников и помогать каждому члену команды. Такой подход объединяет студентов, и способствует позитивному развитию взаимоотношений.

Реализация всех этих проектов помогает: 1) развить лидерские, коммуникативные и организаторские компетенции, навыки стратегического мышления и планирования; 2) развить креативные компетенции обучающихся в научной сфере, а также в сфере танцевального, театрального, музыкального искусства; 3) сформировать командный дух и опыт командной проектной деятельности.

Таким образом, существуют различные мероприятия, как инструменты, направленные на формирование лидерских, предпринимательских и личностных качеств у обучающихся. Благодаря им студент сможет использовать свои знания и навыки уже будучи специалистом в какой-либо профессиональной области, что поможет ему достичь больших успехов в его деятельности.

Список литературы

1. Майерс Д. Социальная психология (Social Psychology). СПб: Питер, 2007. 794 с.
2. Положение «О создании Студенческой дирекции по поддержке социализации в ФГБОУ ВПО Астраханский государственный университет». Режим доступа: <http://asu.edu.ru/images/File/iilil3/Studpolpjenie.pdf>
3. Серебrenникова Е.А. Проблема формирования понятия «Предпринимательская компетенция» // Вестник ЧГПУ. 2014. № 3. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-ponyatiya-predprinimatelskaya-kompetentsiya> (дата обращения: 01.03.2017).
4. Чиббер М. Духовное лидерство. Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1045139>

ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ИСПЫТАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИЕМНОЙ КАМПАНИИ

Рахманина Анастасия Александровна,

магистрант,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

На сегодняшний момент сложно найти сферу деятельности, в которой не применялись бы информационные технологии, но как показывает практика не везде они используются в полной мере. В связи с этим была разработана и утверждена Постановлением Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», в которой одной из задач является создание и развитие электронных сервисов в области здравоохранения, а также в областях жилищно-коммунального хозяйства, образования и науки, культуры и спорта [3]. Информационные технологии в образовательной деятельности применяются как на стадии поступления в высшие учебные заведения, так и в процессе обучения.

Применение информационных и коммуникационных технологий в образовании способствует обеспечению качества образования и качества знаний. Качество знаний влияет на формирование современной элиты, так как с точки зрения аксиологического подхода элитой является индивидуумы, обладающие высоким интеллектом, компетентностью в профессиональной деятельности.

В связи с реформированием российского образования остро стоит проблема качества знаний абитуриентов [1]. Для улучшения данного показателя в РФ работает Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 295). Один из методов оценки качества знаний абитуриентов является вступительное испытание.

Совершенствование процедуры проведения единого государственного экзамена (ЕГЭ) – экзамен стал более прозрачным и объективным, привело к тенденции увеличения числа абитуриентов, которые поступают по внутренним вступительным испытаниям, т.е. выпускников средних профессиональных образовательных учреждений, которые после прохождения в школах государственной итоговой аттестации в 9 классе, «боясь» сдачи ЕГЭ, поступают в образовательные организации на обучение по образовательным программам среднего профессионального образования. На диаграмме (рис.) приведена сравнительная информация численности абитуриентов ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (АГУ), поступивших по результатам ЕГЭ и внутренних вступительных испытаний (ВИ). Вступительные испытания в АГУ проводятся в форме тестирования, собеседования и творческих (профессиональных) экзаменов.

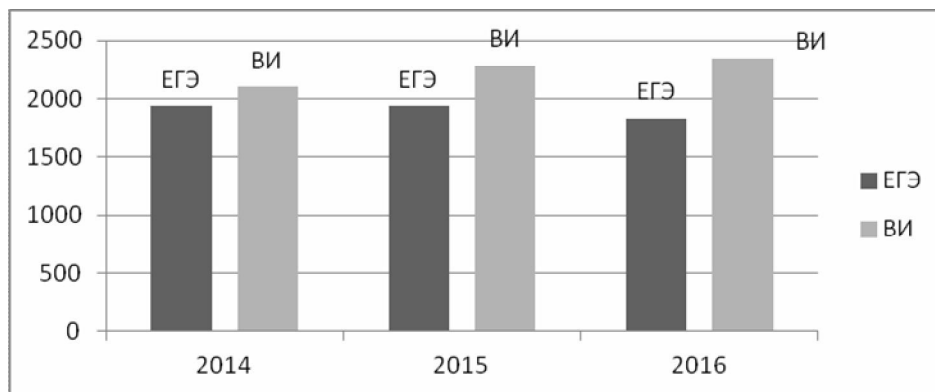

Рис. Диаграмма численности абитуриентов, поступивших в АГУ по разным видам вступительных испытаний за 3 года

Преимуществами тестирования являются объективность, массовость, оперативность и технологичность, сопоставимость результатов, управляемость. Именно поэтому тестирование становится в последние годы основным методом итоговой оценки при контроле качества образования и применяется в форме ЕГЭ в школе, или в форме федерального Интернет-экзамена и тестирования по другим технологиям (например, АСТ) в вузах.

Процесс подготовки и проведения вступительных испытаний состоит из следующих этапов:

- формирование контрольно-измерительных материалов (КИМ);
- подготовка опросных листов;
- сканирование опросных листов;
- верификация опросных листов;
- проверка опросных листов;
- печать ведомостей;
- выгрузка результатов вступительных испытаний в информационную систему «Абитуриент».

Организация и проведение вузом вступительных испытаний в рамках приемной кампании на всех ее этапах сопровождается необходимостью обработки больших объемов информации в условиях сроков, которые установлены нормативными актами Министерства образования и науки РФ и Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки. Для соблюдения данных требований необходимо внедрение автоматизированной информационной системы сопровождения вступительных испытаний.

Совершенствование процесса автоматизации приема в высшие учебные заведения началось еще в 60-е годы XX века в связи с появлением вычислительной техники. Разработкой программного обеспечения для сопровождения вступительных испытаний в разные годы занимались В.С. Выхованец, К.В. Афанасьев [2], Н.А. Стахин, А.Н. Стась, А.Н. Чуков, Л.В. Горчаков [7] и т.д.

Информационная система сопровождения вступительных испытаний позволит автоматизировать процессы формирования КИМов, обработку, верификацию и проверку результатов сканирования, печать экзаменационных ведомостей, а также обеспечит автоматическую выгрузку результатов вступительных испытаний в имеющуюся информационную систему «Абитуриент».

Преимуществами внедрения информационной системы сопровождения вступительных испытаний заключаются в ускорении обработки, уменьшение материальных затрат на приемную кампанию, устранение субъективного фактора при проверке и оценке результатов, а также это прекрасная возможность для вуза предложить свои образовательные услуги большему количеству абитуриентов, способствует повышению престижности вуза, позволяет выявить самый подготовленный контингент абитуриентов.

Список литературы

1. Анянова Т.В. Крайнова Т.С. АСОК как эффективная методика повышения качества знаний студентов // Аграрный вестник Урала. 2013. № 05 (111). С. 42–43.
2. Выхованец В.С., Афанасьев К.В. Автоматизированная система проверки результатов вступительных испытаний // Развитие системы тестирования в России. М., 2000. Ч. 4. С. 88–90.
3. Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)». Режим доступа: <http://elementy.ru/Library9/r1815.htm?context=28809> (дата обращения 20.01.2017)
4. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании. 6-е изд., стер. М.: Академия, 2010. 192 с.
5. Никулин Р.Н., Андреева И.В. Разработка автоматизированной системы контроля качества знаний для обучения студентов технических специальностей курсу общей физики // Известия Волгоградского государственного технического университета. В., 2010. № 6, т. 10. С. 116–118.
6. Погромская Т.А. Информационная система для управления приемной кампанией в вузе. Омск, 2006. 175 с.
7. Стахин Н.А., Стась А.Н., Чуков А.Н., Горчаков Л.В. Автоматизированная система приема вступительных экзаменов // Открытое и дистанционное образование. 2002. № 4. С. 132–133.

КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Живенкова Валерия Александровна,

*магистрант направления подготовки «Политология»,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Век высоких технологий в постинформационном обществе влечет за собой стремительные изменения и требует быстрой адаптации к современным реалиям. Данные вызовы в ежедневном порядке предъявляются, в том числе, и представителям политической элиты, что в частности проявляется в необходимости сохранения и поддержания высокого уровня политической культуры. Фундаментом политической культуры американской элиты выступают различные факторы, среди которых неперенным условием можно выделить благородное происхождение и образование, полученное в престижном учебном заведении. Если первое из упомянутых условий в качестве исключения может не соблюдаться, то наличие элитного образования является неизменным условием, значимым политэкономическим капиталом для продвижения наверх.

Иллюстративным подтверждением чему выступает личность 44-го президента США – Барака Обамы, по врожденному статусу не являющегося представителем аристократии. Однако обучение в частной школе закрытого характера, а затем и в Западном колледже в Лос-Анджелесе, Колумбийском университете, одном из наиболее известных университетов США, проложили путь к вершине. Вышеупомянутый университет входит в состав объединения ведущих высших учебных заведений Америки «Лига плюща».

Конкурентоспособность выпускников данных образовательных учреждений столь высока, что данную ассоциацию оправданно именуют «кузницей кадров правящей элиты». По подсчетам американских социологов, численность выпускников государственных школ среди чиновников высокого ранга колеблется около 10 % от общего числа. Несмотря на популярность такого явления, как “self-made man”, за последний двухсотлетний период верховными главнокомандующими становились шесть президентов-самоучек, из которых последний – более ста лет назад.

Обратившись к статистике, ассоциацию, состоящую из восьми старейших университетов США, окончили 15 президентов, 44 губернатора, более 250 членов Конгресса США, свыше 100 сенаторов и законодателей штатов. Тот факт, что дипломированными специалистами Гарвардского университета являются 26 глав иностранных государств, характеризует успешность реализуемой внешней политики на «подконтрольных» территориях партнеров за

пределами США [1]. Получение диплома одного из принадлежащих к объединению университетов означает принадлежность к избранному кругу наиболее одаренных людей и служит залогом успешной карьеры.

«Лига плюща» является одним из наиболее известных неформальных объединений. Широко распространены тайные сообщества и организации, интегрирующие студентов и выпускников различных университетов. Участие в тайных обществах играет важную роль в формировании корпоративной идентичности.

Критерием успеха, лидерского положения здесь является не столько успеваемость, сколько репутация и положение среди сверстников. Таким образом, приобретается не только социальный статус, но и осуществляется определенный обряд инициации, заключающийся в знакомстве в стенах университета с теми людьми, которым предстоит совместно формировать американскую политику, а, следовательно, оказывать влияние на современный ход истории.

Каждый из восьми университетов имеет собственную закрытую элитарную систему, синтезируемую исключительно из представителей высших слоев общества, имеющих прочную основу в виде благородного происхождения и принадлежности к влиятельной династии американцев [2]. Старейшим из тайных обществ по праву считается общество Йельского университета «Череп и кости». Прямо или косвенно тайные или секретные общества следуют масонским традициям, формируя тем самым единое корпоративное пространство в условиях страны в целом. В американской прессе нередко встречаются саркастичные замечания, отражающие суть американской внутренней системы политики. Так, журналист Джошуа Сан-Торе резюмировал в одной из своих статей: «Двухпартийная система в США – это давно не противостояние республиканцев и демократов, а спор между Гарвардом и Йелем». Действительно, Билл Клинтон, Джордж Буш-старший, Джеральд Форд окончили Йель, в то время как Барак Обама и Джон Кеннеди учились в Гарварде, а Буш-младший получил степени обоих.

Представители высшей элиты следуют негласному правилу поддержания контактов, в том числе и по окончании университета. Занимая ключевые посты, члены общества рассредоточиваются по правительственным, государственным, социальным учреждениям, формируя тем самым неразрывную сеть по поддержанию стабильного, устойчивого положения в Соединенных Штатах. Участниками могут стать исключительно выходцы из аристократических семей англо-саксонского происхождения и протестантского вероисповедания, т.е. васпы (от англ. wasp – оса).

В своей колонке для "New York Times" Томас Эдсэлл, известный журналист, приоткрыл завесу очевидной истины, сказав: «Если тайные организации, стоящие за кулисами американской политики, действительно существуют, то охотнее всего я поверю, что их вожди заседают в ученых советах наших ведущих университетов». Информация о порядке проведения заседаний, дискуссионных вопросах, выносимых на повестку, исповедальных ритуалах, манипуляциях, осуществляемых «во имя братства» носит закрытый, конфиденциальный характер, оказывающий влияние на все мировое сообщество. Однако претенденты на членство подвергаются серьезным испытаниям, что лежит в основе жесткого индивидуального отбора. Членами тайного общества в разное время выступали президенты Соединенных Штатов, военные министры, генералы армии, члены и председатели Верховного суда, министры финансов, профессора и наиболее успешные представители бизнес-элиты. Объединившись в тайное общество, приняв единый устав и правила взаимоподдержки, члены организации способствуют поддержанию сбалансированного, гармоничного положения элиты.

Титульная демократия, прозрачная выборная система Соединенных Штатов Америки носит формальный характер. Президента выбирает народ, однако круг тех, кто допускается к электоральной гонке, предопределен и ограничен. Члены общества «Череп и кости» экс-президент Джордж Буш-младший и до недавнего времени действующий Государственный секретарь США Джон Керри являлись по совместительству соперниками по предвыборной гонке за пост президента в 2004 г. Распределение ролей может варьироваться внутри группы в силу различных причин, при этом в широком смысле проигравших в данной борьбе нет – каждый из бывших кандидатов занимает свое место в системе. Видение данного вопроса совпадает с мнением ученого Е.Б. Зюзиной, подчеркивающей, что «компромиссный, гибкий стиль политического взаимодействия и практика внутриэлитного консенсуса в целом являются важнейшими системными характеристиками американской элиты, институционализированными в политическом торге... Между членами элиты могут существовать разногласия, но их объединяет консенсус относительно сохранения политической системы такой, какова она есть, и они действуют согласованно, особенно когда система оказывается под угрозой. Иначе говоря, элиты едины в подходе к основным ценностям социальной системы, расходясь лишь в частных вопросах» [3].

По мнению некоторых политологов, фактической формой правления в Соединенных Штатах можно назвать аристократию без монарха. Социологу Дэвиду Гилберту принадлежат следующие строки, точно характеризующие существующее положение вещей: «Экономическая и социальная власть крохотной группы членов высшего капиталистического класса, расположившихся на вершине общественной иерархии, распространилась далеко за пределы их собственного закрытого мирка. От их инвестиционных решений зависят судьбы миллионов рабочих мест, они же финансируют политические партии, наконец, им же, хозяевам большинства общедоступных медиа, принадлежит гигантская символическая власть над мышлением всех остальных классов. Элита всеми силами стремится к самовоспроизводству: активы, стиль жизни, ценности и социальные связи – все передается от одного поколения к другому».

Немаловажно отметить взаимосвязанность сферы бизнеса и политики. Различия ментального восприятия объясняют сложность проведения границ распространенным в Штатах лоббизмом и коррупцией в современном российском понимании. Влияние транснациональных корпораций, права на которые сконцентрированы все в тех же руках, трудно оспоримо и заключается в легальном функционировании института лоббизма в финансировании избирательной кампании с гарантией последующего проведения в жизнь решений, выгодных для спонсора [4]. При этом

вероятнее всего взаимодействующие представители были знакомы еще со студенческих времен, будучи учащимися одних и тех же учебных заведений.

Статус выпускника престижного вуза для члена политической элиты зачастую сопровождается врожденной принадлежностью к аристократической социальной страте Америки способна гарантировать половину успеха политической карьеры. Существует весомое отличие между американской и старорежимной элитой Европы: экономические факторы и благосостояние в США преобладают над традиционной древностью европейских корней [5]. Уместно привести популярный пример иерархического небоскреба, олицетворяющего политическую систему Америки, доступ на верхние этажи которого имеет узко ограниченный круг лиц. Семейные кланы, регулирующие жизнь в обществе, сформировали собой элитарный кадровый резерв. Восхождению на политический олимп представителей аристократии предшествует серьезная подготовка длиной в жизнь, где неотступное следование заведомо прочерченному маршруту гарантирует достижение финальной точки.

Американские политические династии имеют собственные устои, выражающиеся в осознании собственного превосходства, сочетающимся с прагматичным и рациональным отношением к деньгам. Именно вариативность элит даже внутри закрытой группы объясняет отсутствие претензий на единоличное узурпирование власти членами одной семьи. Существуют определенные механизмы урегулирования междинастических отношений, которые, сохраняя элемент конкуренции, осознают необходимость воспроизведения качественной политической элиты. Как и в любой социальной среде естественный отбор диктует правила, а профилактическое «кровопускание» позволяет вытеснять «отработанный материал» в виде более неудобных представителей.

Однако активное развитие новой технологической экономики стимулирует волну экспансии, которая по объективным причинам имеет шансы на опережение устоявшихся и укоренившихся традиций. Исключения и сбои случаются даже в продуманной до мелочей системе. «Self-made man» – дополнительный регулятор отношений между влиятельными семьями. «Одиночки» нередко закладывают основу для новых кланов – династия Бушей, появившаяся около 30–40 лет назад, династия Клинтон. Тем не менее, тот факт, что абсолютное большинство президентов – 42 из 44-х (Говард Кливленд, занимавший высший пост дважды, считается одновременно 22-м и 24-м президентом Америки) имеют внутренние родственные связи не только друг с другом, но и с английской правящей элитой, говорит о взаимопроникновении и во многом обуславливает единую стратегическую линию [6]. Отсюда можно сделать вывод, что основной целью образования является не столько научная функция, а возвращение новых выдающихся политических деятелей в традиционную, проверенную веками культуру.

Под американской элитой традиционно понимают те специфические группы, которые представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса. Образование, получаемое в большинстве случаев в престижных учебных заведениях, является базовым элементом для становления политического деятеля, начала карьеры. Взаимодействие руководителей внутри Соединенных Штатов упрощено и отлажено благодаря тому, что многие члены правящей элиты состояли в тайных обществах в рамках университетов, которые сформировали устоявшуюся ныне политическую культуру. Не обладающий демократическим потенциалом, но достаточно гибкий внутриэлитный консенсус является одним из основных гарантов стабильности политической системы США. Вследствие чего в обозримой перспективе трансформация существующей парадигмы представляется маловероятной.

Список литературы

1. Домрин А. США: бремя глобального лидерства. 27.02.2016. Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/8511>
2. Вахштайн В.С. Обзор систем высшего образования стран ОЭСР. Система высшего образования США // Центр ОЭСР–ВШЭ. Режим доступа: http://www.oecdcentre.hse.ru/material/OECD_USA_2005
3. Зюзина Е.Б. Историческая эволюция политической элиты США // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 3.
4. Самойлов Е.Ф. Элитное образование. Социальная справедливость // Общественные науки и современность. 2006. № 11.
5. Элитное образование: вчера и сегодня / Под ред. В.С. Горшкова. СПб, 2007.
6. Ашин Г. К. Дискуссии о структуре власти и структуре элит США // Общественные науки и современность. 2001. № 1.
7. Карабущенко П.Л. Политическое образование для становления элит // Полис. 2006. № 4.
8. Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт // Полис. 2008. № 6.
9. Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М.: МОРУ и МГИМО (У) МИД РФ, 1998.
10. Burch Jr., Philip H. Elites in American History. The Federalist years to the Civil War. N.Y.: Holmes & Meier Publishers, Inc., 1981.
11. Хигли Джон. Демократия и элиты. Лекция в МГИМО (У) МИД РФ. 20.10.2006.

ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В СИСТЕМЕ ФОРМ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ростецкая Анна Мария Сергеевна,

*магистрант факультета филологии и журналистики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В настоящее время все более возрастает интерес к музейной проблематике, что связано с увеличением числа музеев, развитием культурологического туризма.

Специалисты, исследующие феномен виртуальных музеев, отмечают широкие возможности виртуального пространства в вопросах сохранения историко-культурного наследия; образовательные возможности виртуального му-

зая, потенциал которого можно использовать и для формирования у учащихся чувства причастности к истории и культуре своего народа, для раскрытия творческих способностей, для духовного и нравственно-патриотического воспитания и т.д.

Кроме того, виртуальный музей выстраивается с учетом самых новых стандартов восприятия, что особенно важно, так как современный человек вырос в культуре видеоклипа, в связи с чем эксперт в области музеологии К. А. Наседкин высказывает мнение о том, что «одна из важных функций музея – просветительская деятельность, и здесь без использования мультимедиа технологий не обойтись» [3, с. 93].

Одним из наиболее важных элементов виртуального музея становится разговор на особом музейном языке, поскольку тексты внутри музея формируют у посетителя «чувство музея», «переживание» выставки. Эта тенденция развития современного музейного мира на первое место выдвигает роль коммуникации в музеях и культурных учреждениях и ведет к здоровой конкуренции между музеями и их борьбе за интересы и внимание посетителей [2, с. 27].

Путеводитель – жанр хорошо знакомый музейному работнику. Однако путеводитель пишется для посетителей, для людей, которые придут в музей. Его и покупают, обычно, на лотке у входа. Он является дополнением к экспозиции, а не ее аналогом. С музейным сайтом все обстоит ровно наоборот. Он делается для виртуальных посетителей. Многие из них потому и прибегают к услугам Интернет, что не имеют возможности посетить музей лично. Именно по этой причине важно учитывать особенности виртуальной коммуникации.

Насколько бы удачными ни были мультимедийные средства, музейный текст должен быть выстроен таким образом, чтобы привлечь посетителя. Нельзя рассматривать мультимедийные средства в отрыве от музейного текста виртуальной среды, которому присущи: единство музейного текста с мультимедийными средствами, поскольку текст является их частью; высокий процент представителей молодого поколения; полное отсутствие чувственного восприятия, из-за чего правильно подготовленный музейный текст становится необходимым условием удачного виртуального музея; упрощение контента и структурно-композиционная простота. В качестве примера рассмотрим Виртуальный музей современной истории России. Его основой и главным условием эффективности коммуникации служит единство музейных текстов и мультимедийных средств. Характерно использование различных мультимедийных средств: видео, аудио, изображения, инфографика. Рассмотрим «Спецпроект к 70-летию Победы. 10 раритетных предметов из коллекции музея, посвященных Великой Отечественной войне». Выбираем первую группу экспонатов «Реликвии Брестской крепости» [1].

Материалы представлены в формате лонгрида, в котором высококачественные изображения и аудиофайлы с дополнительной информацией (помимо основного текста) сочетаются с краткими, но емкими комментариями, вызывающими интерес читателя (пользователя), например: «Оборона Брестской крепости – это не только первое сражение Великой Отечественной войны, но и первый серьезный отпор, который советские солдаты оказали фашистским захватчикам»; «В тихую летнюю ночь 22 июня 1941 г., в четыре часа утра на Брестскую крепость внезапно обрушился шквал артиллерийского огня. В эту ночь Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Атаке подверглись все приграничные территории – в том числе и Брестская крепость, стоящая на границе с Польшей» и т.д.

Аудиофайлы обладают особенной ценностью, поскольку в них озвучены записи участников Великой Отечественной войны. К примеру, можно послушать воспоминания Л.А. Кочина, который рассказывает о подробностях штурма и обороны. Он сражался с момента нападения фашистов и до последних дней взятия Брестской крепости.

Во всех группах экспонатов даны краткие комментарии Генерального директора Музея, Ирины Великановой, что, на наш взгляд, устанавливает некую связь между прошлым и настоящим и помогает посетителю виртуального музея воспринимать материал с этих позиций, способствует укреплению чувства гордости за свой народ. Например, неизгладимое впечатление производят рисунки З.Ш. Толкачева из цикла «Освенцим» (1945), фотография «Лагерь смерти "Майданек", склады с обувью жертв лагеря, Польша, июль 1944», фото предметов, привезенных из Освенцима и Майданека, которые говорят сами за себя. Воздействовать на восприятие посетителя, передать ему весь ужас войны позволяет именно грамотное использование мультимедийных средств. Никого не могут оставить равнодушным вышеперечисленные изображения в сочетании с аудиофайлами и кратким комментарием И. Великановой: «В жесточайших условиях концлагеря, где никто не знал, доживёт ли он до завтрашнего дня, ждут ли его медицинские опыты, пытки или газовая камера-душегубка, люди до последнего верили в освобождение и пытались всеми способами запечатлеть преступления нацистов – вели дневниковые записи, делали зарисовки».

С целью структурно-композиционной простоты историческая значимость событий представлена в цифрах, а некоторые сведения структурированы в виде списков, например «10 раритетных предметов из коллекции музея, посвященных Великой Отечественной войне». Таким образом, виртуальные музеи представляют на современном этапе одну из форм массовой коммуникации. Для того чтобы она проходила эффективно, необходимо соблюдать ряд условий, среди которых обеспечить единство мультимедийных средств и грамотно выстроенного музейного текста. С учетом вышеперечисленных особенностей, в Астраханском государственном университете, на кафедре теории и истории журналистики разрабатывается проект «Виртуальный музей истории астраханской журналистики».

Нами была проведена поисковая научно-исследовательская работа, в результате которой собраны материалы, позволившие составить мемориальный список журналистов-фронтовиков, подготовить публикации для газет «Волга» и «Комсомолец Каспия», организовать театрализованный перформанс «С "Лейкой" и блокнотом», принять участие в акции «Бессмертный полк», совместно с Астраханским региональным каналом подготовить 10-минутный фильм об одном из фронтовых корреспондентов-астраханцев – Александре Кравце.

В основе виртуального музея истории астраханской журналистики эффективнее всего использовать форму лонгрида. Структура сайта возможна следующая: Пресса XIX в. («Первые астраханские газеты», «Под псевдонимом «Астраханка»: о деятельности Глафиры Тетюшиновой»), Период Первой мировой войны, Период Великой Отечественной войны («Астраханские газеты военного периода», «Майор-трубка. Александр Кравец», «Маневр перед штурмом. Виктор Лесников», «Поэт, прозаик, публицист Юрий Кочетков», «Фотокорреспондент Марк Редькин», «Газета «Волга» военного периода»), Становление астраханского телевидения, газета «Комсомолец Каспия» 70–90-х гг., Современный этап.

Помимо основных разделов, удобно структурировать другую часть материала по рубрикам «Персоналии», «Каталог экспонатов», «История астраханской журналистики в таблицах», «Виртуальные экскурсии», «Благодарности», «Литература». Виртуальный музей истории астраханской журналистики может стать главным инструментом для глубокого и всестороннего изучения всех этапов истории нашей региональной журналистики по всем уровням: от персоналий до изданий, поскольку на сайте будут собраны и структурированы в удобной форме биографические сведения, публицистика астраханских журналистов, фотографии и сохранившиеся вещи (блокноты, анкеты, автобиографии).

Список литературы

1. Виртуальный музей современной истории России. Режим доступа: <http://vm.sovrhistory.ru/sovremennoy-istorii-rossii/> (дата обращения 08.09.2016).
2. Коссова И.М. Выставочная работа музеев в современных условиях: конспект лекций. М.: Всесоюзный ИПК работников культуры Министерства культуры, 2013. 53 с.
3. Никишин Н.А. Музей и новые технологии // На пути к музею XXI века / А.В. Лебедев, К.А. Наседкин, Н.Л. Селиванов и др. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 216 с.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОЗДАНИИ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ

Потапова Евгения Александровна,

*магистр философии, кафедра философии,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Интерес к феномену фейка со стороны ученых социологов, психологов, философов обусловлен все более возрастающим влиянием новостей, которые частично или полностью построены на обмане. Ранее в истории мы наблюдали фальсификацию фактов, но именно в XXI в., с распространением технологий и интернета, фейковые новости начинают играть все более значимую роль в информационном пространстве, поэтому стали появляться работы, посвященные данному феномену.

Фейк (от англ. fake – подделка, фальшивка) – это информация, которая является искаженной или полностью ложной. Чаще всего речь идет о фейковых новостях – это информационные сообщения, в которых присутствует элемент обмана. Фейковые новости бывают двух видов: 1) есть реальное событие, но которое искажается, дополняется вымыслом по тем или иным причинам; 2) событие является полностью вымышленным, то есть это обман. Фейковые новости, как правило, эмоционально окрашены и иррациональны [12]. Синонимами фейка считают понятие фальсификации – целенаправленное изменение свойств предмета или подмену фактов, касающихся того или иного явления (не путать с методом фальсификации К.Поппера); и понятие информационного шума – «совокупность неструктурированных и необработанных фактов, сведений, суждений, мнений, статистических данных и цифр» [6, 13].

Выделяют 4 сферы «обитания» фейков:

1. *Политическая сфера.* Одним из ярких примеров фейков в политике является выборная кампания, где мы можем наблюдать самый разный формат фейковых новостей: начиная с «хитростей» предвыборной кампании кончая интерпретацией результатов выборов. Фейк выступает элементом политического мифа для создания имиджа политика. Зачастую созданный имидж лидера не имеет ничего общего с личностью политика, но представляет собой «целенаправленно сформированный образ кого-либо или чего-либо, содержащий некоторые ценностные характеристики и призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на целевую аудиторию в целях популяризации, рекламы и т.д.» [9, с. 8]. Получается, что имидж также является фейком.

На мировой политической арене элиты запускают фейковые новости для оправдания своих целей. Вспомним хотя бы информацию о химическом оружии, найденном в Ираке, и последующее за ним вторжение американских войск в страну, или неоднозначность интерпретаций событий грузино-осетинском конфликте 2008 г.

2. *Экономическая сфера.* В этой сфере фейки создаются для получения прибыли, с целью увеличить объем продаж и т.п. Фейком в экономической сфере можно считать рекламу, которая всегда гипертрофированно показывает лучшие стороны товара. Еще один пример фейка, набирающий все больше популярность, – создание сайтов, где «обычные пользователи» товара создают хвалебные отзывы нужному продукту. (Иногда на таких сайтах даже зарегистрированные пользователи не могут оставить свой отзыв о продукте или написать комментарий).

3. *Психологическая сфера.* Фейковые новости создаются для манипуляции. Под манипуляцией мы будем понимать форму скрытого воздействия субъекта на объект (личность, общество, общественное сознание) манипулирования для достижения своих целей [10]. Манипуляция может быть самого разного масштаба – от фотографии в

соцсетях, обработанной в фоторедакторе, до манипуляции большими группами (яркие, красочные заголовки новостных сайтов). Как правило, созданием фейков в рассматриваемой сфере занимаются по разным причинам. Например, фейк в соцсетях – это желаемый образ, идеал, создавая который человек может преследовать разные цели: желание побороть свои комплексы; завести новых друзей; избавиться от одиночества; увеличить доход; потешить свое самолюбие и тщеславие [10].

4. Сфера *массовой информации*, в которой создаются фейковые новости. Субъектами создания подобных новостей являются журналисты т.е. мы наблюдаем явление, когда создание эффективного фейка становится элементом профессионализма. Фейки в информационном пространстве используются для привлечения читателя или зрителя. К тому же они создаются очень легко и быстро, что выгодно для агентств: не нужно затрачивать усилия для сбора новостей, можно просто придумать фейковую новость не покидая рабочего места. Отметим, что фейковые новости стали появляться после того, как информационная система подверглась технологической деформации [6, 7].

Причинами появления фейков являются: 1) массовое распространение информационных технологий, появление интернет пространства, которое повлекло за собой увеличение количества информации в ущерб ее качеству. В погоне за сенсацией журналист «вынужден» продуцировать фейковые новости, постоянно обновляя информацию, чтобы не потерять аудиторию. Потребитель же новостей из-за огромного потока информации, который на него сваливается, не имеет достаточного количества времени и критичности мышления, чтобы проверить новость на достоверность. 2) изменение характера коммуникации, которая в современном мире становится все более «легкой», поверхностной, экстенсивной; 3) виртуальная реальность, которая позволяет создавать новый, виртуальный мир, отличный от реального, где человек может безнаказанно реализовывать свои желания [8].

Мы сделаем небольшой акцент на политической сфере функционирования фейковых новостей. Политическая сфера распространения фейков имеет одну очень важную особенность: фейк не меняет реальную политическую обстановку, а только *формирует представление* о политической ситуации в стране или в мире.

Производителями (или заказчиками) фейковых новостей являются политические элиты. Под понятием политической элиты (лат. *eliger* – отбирать, фр. *elite* – лучший, отборный, избранный) мы будем понимать самостоятельную, привилегированную группу лиц, обладающих властью, ресурсами, лидерскими качествами, активных в различных сферах общества. Политическая элита связана с управленческой деятельностью, участвует в принятии политических решений используя государственную власть. Цель использования фейков элитами: сформировать определенное общественное мнение. Таким образом, мы считаем, что сама фейковая новость не оказывает влияния на реальную расстановку политических сил в стране, или на мировой арене, а предназначена для манипуляции общественным сознанием [10].

Получается, что политическая элита запускает фейк, а далее он начинает функционировать самостоятельно в обществе. Поэтому возникает необходимость посмотреть, как фейковая новость функционирует в обществе. Для этой цели мы выбрали социокультурный подход, потому что именно он рассматривает общество в динамике. Представители социокультурного подхода (П.А. Сорокин, А.С. Ахиезер) не рассматривают социальность и культуру по отдельности, но считают, что социальность и культура должны изучаться как подчиняющиеся различным закономерностям. Суть данного подхода заключается в том, что любое проявление человеческой деятельности обязательно фиксируется в культуре. П.А. Сорокин говорит о «неразрывной триаде», которую представляет социальность, культура и субъект. Изменения, происходящие в культуре неразрывно связаны с изменениями социальных отношений и субъектов [11].

Под социальностью понимают совокупность устойчивых структур, которые выражаются через взаимодействие субъектов общества. Социальные отношения имеют свои границы, они воспроизводятся человеческой деятельностью и являются результатом актуализации культурных программ. Культура является всеобщей формой человеческой деятельности, которая отвечает за потребности, идеалы и ценности человека. П.А. Сорокин относит к культуре «совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [1]. Еще один теоретик социокультурного подхода – Т. Парсонс представляет культуру в трех аспектах:

Во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека, и, в-третьих, она является общепринятой. Таким образом, она, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны – детерминантой системы человеческого социального взаимодействия [2].

На данном этапе развития общества мы можем использовать социокультурный подход для объяснения механизма превращения политических фейков в массовый феномен. Фейковая новость, являясь произведением человеческой деятельности (политической элиты в нашем случае), закрепляется в культуре и начинает действовать как самостоятельный массовый феномен. В итоге мы видим, что фейк становится нормой, не встречает негативного противления со стороны социума. Получается, что фейк, то есть форма обмана, узаконивается. Уже никто не выражает ярко выраженного недовольства политическим обманом, он становится рядовым явлением.

Итак, получается, что, фейковая новость запускается политической элитой для манипулирования общественным сознанием. Фейк самым негативным образом влияет на жизнь общества: он «расшатывает» ценностную составляющую культуры, что напрямую сказывается на социальных отношениях, делает их менее прочными и более уязвимыми для манипулятора.

Список литературы

1. Аматова Н.Е. Социокультурный подход как методология исследования общественных процессов в контексте развития конвергентных технологий // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск: СибАК, 2014. № 9–10 (40). С. 29–35.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. 804 с.
3. Белякова Ю.Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы // Государственное управление. 2011. № 29. С. 2.
4. Бутырина М.В. Политология. Иваново: ИГЭУ, 2007. 252 с.
5. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социетальная трансформация в России // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
6. Ильченко С.Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 3 (153). С. 14–18.
7. Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде // Гуманитарный вектор. 2015. № 3. С. 98–101.
8. Лебедева И.В. Фейк как социокультурное явление современного общества // Гуманитарные исследования. 2013. № 2. С. 157–164.
9. Наумова С.А. Имеджелогия. Томск, 2004. 116 с.
10. Романова К.С. Манипуляция как форма мягкой власти // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 131–133.
11. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
12. Фейк что это такое. Режим доступа: <http://sdelacomp.ru/obzori/fake-cto-eto-takoe.html> (дата обращения 21. 03.2017).
13. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.
14. Философия / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

КОНЦЕПТ «ЛИДЕР» В МЕДИАДИСКУРСЕ ИЗДАНИЯ «ХОЛДИНГ ЛИДЕРСТВА»

Мусаева Диана Руслановна,

*магистрант факультета филологии и журналистики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

В период нестабильности социальных институтов, где особое место занимает система социального управления, требуются прогрессивные изменения российского общества, что в свою очередь актуализирует проблему движущих сил этих изменений. Иными словами, поднимается вопрос о субъектах, которые смогут управлять процессами в обществе, о лидерах.

В виду данной ситуации Астраханский государственный университет развивает образовательную программу таким образом, чтобы студенты смогли получить дополнительные компетенции, а также развить лидерские качества для повышения своей конкурентоспособности на рынке труда. Этим и обусловлена актуальность создания студенческого журнала «Холдинг Лидерства» как инструмента внедрения концепта «Лидер» среди студентов и работников университета.

Лидерство (от англ. leader – ведущий) – ведущее влияние члена группы – лидера – на группу в целом. В социальной психологии выделяются две основные лидерские роли. Роль делового лидера включает действия, направленные преимущественно на решение поставленной перед группой задачи (например, реализация трудовой, учебной деятельности). Роль эмоционального лидера содержит действия, относящиеся главным образом к сфере межличностного общения в группе [1, с. 133]. При этом здесь в концепт «Лидер» входит не только понятие «руководитель», но и понятие «негласного лидера», который не назначается официально, но при этом ответственен за состояние дел в группе и является движущей силой ее прогресса.

Лидер – человек, способный объединять людей и направлять их к достижению единой цели. При этом понятия «лидер» и «цель» здесь также неотделимы друг от друга. Однако человек, поставивший перед собой задачу и достигший ее в одиночку, не может считаться лидером, так как неотъемлемым качеством каждого лидера считается наличие последователей. Основная роль любого лидера заключается в умении заставить людей пойти вслед за собой, организовать необходимое взаимодействие подчиненных в единой системе, которая способствовала бы решению конкретных проблем в рамках установленной цели. Другими словами, лидер – элемент, упорядочивающий поведение других.

Феномен лидерства является объектом изучения многих научных дисциплин, в рамках которых интенсивно исследуются и анализируются самые разнообразные его аспекты. Концепции лидерства основаны на самых разных теориях. Концепции лидерства предполагают, что люди в сообществе объединяются по трем основным причинам: получение эмоциональной поддержки, получение необходимой информации или налаживания деловых взаимосвязей. Таким образом, лидерство в организации состоит из трех компонентов: эмоционального, информационного и делового. Помимо трех вышеперечисленных видов встречается еще и четвертый, наиболее предпочтительный вариант – универсальный лидер. Подобная личность объединяет в себе все три компонента, однако такой вид лидерства встречается крайне редко [3, с. 102].

В изучении концепта «Лидер» можно выделить три основных направления: традиционное, ситуационное и новое. Исторически самыми ранними являются традиционные концепции лидерства. Согласно им организовать толпу может только личность исключительная, наделенная уникальными качествами. Приверженцы этой теории: Эдвин

Гизелли, Уоррен Беннис и Вальф Стогдилл. Основные концепции лидерства в современном мире появились на базе традиционных. Одна из них – ситуационная теория. Ее предложил Френк Фидлер, который считал, что личность может обнаружить способность к руководству только при возникновении соответствующих обстоятельств. Общим для ситуационного и традиционного подхода в изучении проблемы является то, что результат управленческой деятельности в них напрямую зависит от личностных качеств лидера. Позднее были созданы новые концепции лидерства. К ним относятся теории атрибутивного (аналитик), харизматичного и преобразующего (реформатор) лидерства [2, с. 105].

Традиционные теории основывались на внешних признаках и личностных качествах руководителей, но со временем были опровергнуты. Концепция физических качеств была признана несостоятельной одной из первых, так как лидер не всегда отличается высоким ростом, большим весом и неумейной физической силой. Напротив, его внешние данные могут быть самыми заурядными. Концепция интеллигентности основана на вербальных и оценочных качествах личности. Предполагается, что наличие указанных качеств обеспечивает управленческий успех. Однако далеко не каждый образованный, воспитанный и обходительный человек может повести за собой людей.

Концепция черт лидера также относится к традиционным теориям. Она базируется на том, что каждый руководитель должен обладать определенным набором психологических качеств. Ему должны быть присущи уверенность в себе, гибкий и острый ум, сильная воля, компетентность, организаторские способности, знание человеческой натуры. Американским социологом Э. Богадусом были перечислены качества, которыми должен обладать лидер: энергия, ум, лидер, способность предвидеть, чувство юмора, такт, твердый характер. Изучение реальных групп показало, что ими может руководить человек, не имеющий вышеперечисленных качеств. А личность, теоретически способная на лидерство, иногда занимает весьма скромное место в организации. Концепции ситуационного лидерства предполагают, что возглавить группу может только тот человек, который в состоянии направить людей на разрешение конкретной ситуации. У него должны быть соответствующие способности, свойства, качества, знания, опыт. Для решения различных проблем могут понадобиться разные личности, поэтому главенство в сообществе может переходить от одного человека к другому. Деловой лидер может сменить информационного, а эмоциональный – делового и так далее.

Со временем возникают все новые теории возникновения лидерства. Одну из них выдвинули основоположники марксизма. Они предположили, что этот феномен можно объяснить с точки зрения классового противостояния. В их понимании политический лидер – это умелый, последовательный и сознательный выразитель интересов определенного класса, который играет по отношению к своей группе в известном смысле служебную, вспомогательную роль. Марксистские теоретики пытались доказать, что историю совершают люди, однако их побудительные мотивы основываются на экономической составляющей жизни общества. Таким образом, концепции политического лидерства предполагают главенствующую роль отдельной личности в тесной связи с деятельностью социальных групп. В разные исторические эпохи к лидеру могут предъявляться различные требования.

Современные концепции лидерства имеют под собой разную, порой весьма сложную психологическую основу. Например, Зигмунд Фрейд выдвинул свою уникальную теорию «личностно-психологических качеств». Психоаналитик утверждает, что некоторые люди стремятся к лидерству потому, что пытаются компенсировать возникший в юности или детстве комплекс неполноценности. При этом свою преваляющую позицию над другими такие личности могут демонстрировать неэтичными способами, которые являются следствием неврозов, маниакальной паранойи и других отклонений психики.

Одной из самых интересных теорий является концепция харизматического лидерства. Она основывается на том, что некоторые личности наделены свыше талантом управлять другими людьми. «Харизма» (в пер. с греч.) – милость, божественный дар. Итак, исключительные качества, прозрение свыше, умение подчинить себе людей автоматически возвышают такого выдающегося человека над остальными. Концепция харизматического лидерства предполагает, что вождь в группе является самым ярким воплощением ценностей сообщества, которые он ставит превыше личных интересов. Отношение с таким руководителем основывается на безграничном восхищении и доверии к нему. Деятельность группы, объединенной харизматичным лидером, напрямую зависит от личности вождя. Без него организация становится практически недееспособной.

Концепция атрибутивного лидерства исходит из того, что лидер должен уметь анализировать поведение подчиненных и предсказывать их реакцию на ту или иную ситуацию. В ходе своей деятельности руководитель постоянно ищет ответ на вопрос о причинах поведения сотрудников. В данной модели руководства происходит постоянное взаимодействие между начальником и простым работником. Эффективность мер, предпринимаемых лидером для улучшения работы, определяется реакцией на них подчиненного.

Издание «Холдинг Лидерства» использует преобразующий подход. Целью издания является воспитание лидера-реформатора, который будет в свою очередь стремиться мотивировать последователей путем повышения их сознательности. Лидер-реформатор улучшает образовательный уровень подчиненных, создает атмосферу доверительности в коллективе, помогает людям научиться совмещать личные интересы с общественными. Такая модель руководства предполагает участие подчиненных в управлении группой. Они не слепо подчиняются начальнику, а стремятся адекватно оценить его поведение. Концепция преобразующего лидерства основывается на творческом подходе: лидер последовательно завоевывает уважение и доверие последователей, оставаясь первым среди равных.

Придерживаясь концепции преобразующего лидерства, издание ставит перед собой задачу создания холдинга, где холдинг – особая поддерживающая среда, основанная на приминаемых всеми, единых, понятных, неизменяемых правилах, и вместе с тем, неформальном общении и минимальном обозначении различия в статусе, она дает ощущение психологической безопасности, внутреннего комфорта и непротиворечивости. Эта атмосфера способст-

вует большей отдаче участников, формированию у них позитивной командной идентичности и ощущения того, что здесь они могут полностью реализовать себя [5, с. 34]. Внутри холдинга создаются условия для формирования у студентов лидерских качеств, критического мышления, креативности, развитии индивидуального и коллективного IQ, через выстраивание эффективных коммуникаций и опыта работы в командах. Холдинг – это новаторская среда, которая в отличие от предпринимательской, механистической, бюрократической и иных организаций не имеет традиционной организационной структуры. Она включает в себя студенческие организации, выпускаемые ими проекты, информационные ресурсы, человеческий капитал. Координация деятельности студенческих организаций, образующих холдинг, достигается через механизм взаимного регулирования в процессе неформальных коммуникаций между их лидерами и участниками.

В журнале «Холдинг Лидерства» все материалы представлены в жанре эссе, в которых лидеры успешно реализуемых проектов делятся своим опытом, а также лучшие практики применения принципов CDIO («Задумай – Спроектируй – Реализуй – Управляй»), идей Деминга («Планируй – Делай – Проверь – Улучшай») и прочих передовых образовательных и управленческих инструментов [4, с. 2].

Для приобретения лидерских навыков в командной работе и знаний для успешной проектной деятельности издание «Холдинг Лидерства» освещает различные современные теории, публикует анонсы «полезных» книг. Например, второй выпуск журнала был посвящен бизнес-роману Элияху М. Голдратта «Цель: процесс непрерывного производства». В номере были представлены три эссе по данному роману, авторами которых являлись участники проекта «Летняя школа лидерства», а также важные выдержки из книги [4, с. 8]. Таким образом, в издании «Холдинг Лидерства» освещаются самые эффективные современные теории в различных областях производства: психология управления, логистика, принципы бережливого производства и т.д. Эти знания и умения повышают конкурентоспособность студентов АГУ на рынке труда, а также воспитывают лидеров, готовых взять на себя ответственность в любых производственных ситуациях.

Список литературы

1. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2008. С. 528.
2. Карнеги Д. Как стать эффективным лидером. М.: Попурри, 2014. С. 208.
3. Максвелл Д. 21 неопровержимый закон лидерства. М.: Попурри, 2005. С. 167.
4. Холдинг Лидерства. Астрахань, 2016. Вып. 2. С. 16.
5. Шарфф Д.С., Шарфф Д.Э. Основы теории объектных отношений. М., 2009. С. 292.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ЭЛИТАРНОМ ЖУРНАЛЕ

Михова Евгения Ивановна,

*магистрант факультета филологии и журналистики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Формирование лидерских качеств – одна из основных задач социальных институтов: только из лидеров формируется элита общества. Самые первые развернутые описания теории элит появились в конце XIX – начале XX в. Они связаны с именами Гаэтано Моски, Вильфредо Парето и Роберта Михельса. По мнению В. Парето, любой общественный процесс распадается на 3 цикла: политический, экономический, идеологический. Каждый цикл определяется двумя основными типами элит – в экономике это рантье и спекулянты, в идеологии – оптимисты и скептики, в политике – львы и лисы. В своих работах исследователи рассматривают в большей степени политическую и экономическую составляющие развития государства, опираясь при этом на интеллектуальную базу лидеров и членов элиты. Слово *элита* происходит от французского *élite* – избранный, лучший. В толковых словарях советских лингвистов Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой термин «элита» трактуется однозначно: «лучшие представители какой-либо части общества».

В постиндустриальном социуме особое внимание уделяется именно интеллектуальному развитию человека. Ведь как отмечает В. Парето, «зачастую дети элиты могут не обладать всеми выдающимися качествами родителей. Необходимость постоянной замены и циркуляции элит обуславливается тем, что прежние элиты теряют энергию, ту, которая помогла им когда-то завоевать место под солнцем...» [3, с. 169].

Элитарное общество XXI в. меняется намного быстрее, чем в минувшие столетия, и, чтобы по праву занимать свою нишу, элите нужны образование, воспитание, эрудиция, широкий кругозор, владение иностранными языками и многое другое. Одним из показателей высокой эрудиции является способность понимать прецедентные тексты в спектре международной коммуникации. По определению Е.А. Нахимовой, прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий [4, с. 3].

В элитарном журнале «Сноб» в колонке Николая Ускова была опубликована статья «Кому на Руси жить хорошо?» [7]. Название заголовка прецедентное, т.к. является точной копией заглавия поэмы Н.А. Некрасова. Отметим, что если у великого русского поэта и писателя рассказывается о путешествии семерых крестьян по России в поисках

счастливого человека после реформ Александра II и отмены крепостного права, то у журналиста речь идет о современности. В тексте использовано очень много прецедентных имен, таких как: Александр II, Достоевский, Толстой, Тургенев, Гончаров, Чайковский – это личности, которые, безусловно, составляли политическую и творческую элиту XIX в. Хорошее знание истории и литературы (как отечественной, так и мировой) является ярким показателем образованности. Элита общества – это двигатель прогресса, а движение вперед невозможно без знаний культуры и прецедентных имен.

Прецедентными высказываниями являются также и строчки из песен, в том числе советского периода. Очень быстро можно разгадать трансформированную прецедентную фразу «...мертвецам везде у нас дорога, мертвецам везде у нас почет...», которую автор заимствовал из песни русского поэта В. Лебедева-Кумача «Песня о Родине». В оригинале поется: «Молодым – везде у нас дорога, старикам – везде у нас почет». Журналист изменил эти строки в соответствии с тематикой материала, его замысла и идеи, сформулированной в афористичной форме: «...Смерть – это переход в бессмертие, победа над ненавистной жизнью...». В тексте встречаются также прецедентные имена Ленина, Сталина, Ельцина.

Активно используются прецедентные имена, например, в статье А. Байера «Укрощение Хилари» [1]. Заголовок трансформирован, интертекстуальной основой ему послужило название комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой». Как в комедии Катарину укротил муж, так, по сатирической аналогии журналиста, и на президентских выборах в США в 2016 г. избиратели «укротили» Хиллари Клинтон, ведь у многих американцев ее медийный образ вызывает злость и презрение. Журналист сравнивает Клинтон с Раисой Горбачевой, которая так же стала ненавистной персона для советских граждан, в отличие от Виктории Брежневой и Нины Хрущевой, которые практически не «появлялись на люди».

Еще одним прецедентным материалом с двойной трансформацией стал заголовок К. Соколовой «Железная Лиза» [6]. Наиболее ожидаемым вариантом прочтения прецедентной семантики данного заголовка, безусловно, является выражение «железная леди». В мировой истории такое определение закрепилось за Маргарет Тетчер, 71-м премьер-министром Великобритании. Для ее сторонников Тэтчер – политическая фигура, которая смогла восстановить британскую экономику, нанести существенный удар по профсоюзам и восстановить имидж Великобритании в качестве мировой державы. Такие ассоциации вызывает выражение «железная леди», которое в журнальной публикации трансформируется в определение «железная Лиза» и соотносится с личностью Елизаветы Глинки, общественным деятелем, правозащитником, специалистом в области паллиативной медицины, исполнительным директором фонда «Справедливая помощь», трагически погибшим в декабре 2016 г. Как стало ясно из материала К. Соколовой, данный фонд в свое время казался безынтересным для надлежащих государственных структур. Не раз Е. Глинка запрещали проводить благотворительные акции на Павелецком вокзале. В контексте материала становится очевидным другой источник заголовка – название повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Журналист сопоставляет образ героини Н.М. Карамзина и личность Е. Глинки: карамзинская крестьянка несчастна в любви, а Е. Глинка испытывает душевные переживания за судьбы несчастной, бездомной, бесприютной части населения страны, которая нуждается в еде, одежде и месте на кладбище. «Когда мы общаемся по 2–3 месяца, я их спрашиваю, что им вообще надо? На что они отвечают: – Лиза, закопай меня как человека».

Прецедентное имя – характеристика определенного периода жизни страны. С антропологической точки зрения история – это смена известных имен, реформаторов, публицистов, имена которых лидеры современного общества обязаны знать. В статье И. Мильштейна «До неба вознёсшись. Несколько лет из жизни Никиты Михалкова» [2] представлено много прецедентных материалов. Так, М.А. Шолохову дается такая характеристика: «...живой классик и злобный фигляр, который публично сожалел о том, что эпоха революционного правосознания кончилась и нельзя просто взять, и расстрелять Синявского и Даниэля...». В истории общественной мысли писатели-диссиденты Синявский и Даниэль известны тем, что их обвинили в «антисоветской агитации и пропаганде», так как их произведения были запрещены на территории СССР, они отправляли на публикацию свои тексты за границу и не использовали свои настоящие имена, а печатались под псевдонимом Абрам Терц (Синявский) и Николай Аржак (Даниэль).

Особое внимание И. Мильштейн уделяет Михаилу Шолохову, Александру Твардовскому, русским и советским писателям, чей вклад в литературную историю огромен. В один ряд с М. Шолоховым журналист ставит Н. Михалкова: «...в отличие от Михаила Шолохова, о Никите Михалкове ничего подобного не скажешь. Это он снял «Неоконченную пьесу», «Пять вечеров», «Обломова». Об актерских ролях даже не говорю, поскольку высочайшим уровнем ума, вкуса, таланта в особенности отмечены его лучшие режиссерские работы. Тем не менее недоуменный оскорбительный вопрос, поставленный Твардовским, можно адресовать и ему, Никите Сергеевичу. Или, помягче формулируя, осведомиться вслед за другим поэтом: мол, как вас могло занести под своды таких богаделен на искреннем вашем пути? ...Это ведь практически незнакомые между собой и даже враждебные друг другу люди. Тот настоящий художник и этот Просвещенный Консерватор. Тот артист и этот Борец за Мигалку. Тот режиссер и этот Бесогон».

В финальной части публикации автор использует прецедентные имена Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.И. Солженицына, отмечая их некоторые недостатки: «...Гоголь затевал трагикомическую переписку с друзьями, сжигал в печке неохотно горящие рукописи и морил себя голодом. Лев Толстой создавал новую религию, сильно опрощался, ругая ругал Шекспира и писал жалкие сказки для невеждых детей. Солженицын, ощутивший себя не писателем, но пророком, начинал катать свои неподъемные глыбы...». И лишь в одном предложении, включив несколько прецедентных имен, журналист написал о главах страны, правящих в последние годы: «...Солженицын... вернувшись, проклинал Ельцина с Горбачевым и дружил с Путиным, в котором видел нового Столыпина». Напомним, что Столы-

пин вошел в историю как первый глава российского правительства, успешно сотрудничавший с парламентом, и первый в мире глава правительства.

Прецедентное имя Н. Гумилева также было упомянуто в тексте статьи, но соотносится оно с личностью Н. Михалкова: «...Он начинает «пасти народы», по меткому определению Николая Гумилева...». Русский поэт Серебряного века был арестован и казнен в 1921 г. по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева». В статье И. Мильштейна очень умело переплетены политическая и литературная история последних двух веков. Чтобы прочесть скрытый замысел автора необходимо постоянно расширять и пополнять свои знания в различных сферах деятельности.

В своей колонке в журнале «Сноб» Ксения Собчак опубликовала статью «Американский майдан» [5]. Сопоставив президента Российской Федерации В.В. Путина и на тот момент еще кандидата в президенты США Д. Трампа. К. Собчак выразила свое видение ситуации, включив в данный ряд помимо глав государств прецедентные имена других фигур мировой значимости. «Выборы американского президента – это не выборы Ким Чен Ына, и именно это делает США настоящей демократической страной, за президентской кампанией в которой весь мир следил, затаив дыхание». Обратим внимание, что Ким Чен Ын – северокорейский политический, государственный, военный и партийный деятель, с конца 2011 г. занимающий высшие государственные и партийные посты в стране. Собчак сделала антонимичными прецедентные имена Дональда Трампа и Ким Чен Ына на том основании, что американцы, по ее мнению, сделали свой выбор самостоятельно, в отличие от граждан Северной Кореи.

Еще одно прецедентное имя, хорошо знакомое в кругах средств массовой информации, – Маргарита Симоньян. О ее политической позиции К. Собчак пишет следующее: «...пока шла предвыборная кампания, я с некоторым стыдом отводила глаза, когда Маргарита Симоньян и я с ней на Russia Today рассказывали, что в США нет свободы прессы: неспроста же американские СМИ монолитно и единодушно ополчились против Трампа!..» В колонке Собчак употребляются и другие прецедентные имена. На первый взгляд, имена В. Познера, А. Макаревича, А. Пугачевой и М. Симоньян (гл. редактора телеканала «Russia Today» и международного информационного агентства «Россия сегодня») не сопоставимы, и трудно представить контекст, в котором они могли бы быть рядоположенными. Однако в авторской колонке К. Собчак данные прецедентные имена современных медийных персон выступают в следующей оппозиции: с одной стороны, М. Симоньян, транслирующая проправительственную точку зрения, и либерально-мыслящие А. Пугачева, В. Познер, А. Макаревич, с другой.

Таким образом, в элитарном журнале оказываются задействованы прецедентные имена российских и зарубежных политиков, писателей-классиков различных эпох и диссидентов, представителей творческой элиты. В контексте одного публицистического материала прецедентные имена функционируют системно, журналистами используются их нестандартные трансформации, что в сравнении с другими изданиями провоцирует читателя на размышления, поиск дополнительной информации и в конечном счете формирует культуру элиты и лидеров современного информационного общества.

Список литературы

1. Байер А. Укрощение Хиллари. Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/111644>
2. Мильштейн И. До неба вознесшийся. Несколько лет из жизни Никиты Михалкова. Режим доступа: <https://snob.ru/magazine/entry/71428>
3. Кузюк Р. Конечный бенефициар. М.: Мультимедийное изд-во Стрельбицкого, 2016. 470 с.
4. Нахимов Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с.
5. Собчак К. Американский майдан. Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/116311>
6. Соколова Ж. Железная Лиза. Режим доступа: <https://snob.ru/magazine/entry/71428>
7. Усков Н. Кому на Руси жить хорошо? Режим доступа: <https://snob.ru/magazine/entry/97296>

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Мунтяну Ольга,
студент,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

В современном обществе социальная реклама представляет востребованный элемент культуры. В последнее время наблюдается значительный рост количества социальной рекламы: она все больше распространяется как на телевидении, так и на билбордах, плакатах, в сети Интернет. Исследователи (Е.Ф. Тарасов, Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина, О.А. Ксензенко, Д.Э. Розенталь, Н.Н. Кохтев, Ю.К. Пирогова и др.) занимались общим описанием особенностей языка социальной рекламы, анализом принципов ее воздействия. Несмотря на то, что социальная реклама является объектом исследования разных наук, она изучена еще недостаточно. Исследования социальной рекламы всегда остаются актуальными, поскольку, как справедливо отмечает М.А. Тертычная, она отражает современные проблемы общества и со временем подвержена трансформации [5, с. 288].

Термин «социальная реклама», используемый в России, является переводом с английского «public advertising». Воздействие рекламы на получателя призвано создавать у него социально-психологическую установку. В целом можно утверждать, что реклама – это не только информация, это также психологическое программирование людей,

манипулирование, т.е. скрытое управление сознанием и поведением людей. Рекламное внушение обращено не к логике и разуму человека, а к его готовности доверительно воспринимать предложенную информацию [2], в которой искусно используется весь спектр эмоционального воздействия, креативно выражается апелляция к желанию человека купить товар, воспользоваться услугой или же быть здоровым и благополучным.

Воздействие социальной рекламы можно быть двояким: позитивным и негативным. Первый подвид – позитивная реклама – посвящена рекламе спорта, безалкогольных напитков или социально важных проектов, участвуя в которых подрастающее поколение найдет правильную замену опасному праздному времяпрепровождению, когда, как показывает практика, молодежь чаще всего и «овладевает» вредными привычками. Негативная реклама рассказывает непосредственно о последствиях «непослушания» позитивной рекламе, т.е. о наркомании, заражении ВИЧ-инфекциями, алкоголизме, табакокурении и их последствиях для жизни и здоровья человека. Такая реклама распространяется как в СМИ (посредством телевидения, радио, газет).

В социальной рекламе, по данным А.Н. Солодовниковой, используются три способа воздействия на адресата: убеждение, внушение и побуждение. Убеждение – наиболее частотный способ воздействия в телевизионной социальной рекламе (71 % примеров) [4]. Данная коммуникативная стратегия базируется на приемах аргументации: приведение статистических данных, сведений из авторитетных научных исследований, экспериментов, социологических опросов, исторических фактов. Представляя факты адресату, создатели рекламы нередко используют манипулятивные технологии: отбор одних фактов и замалчивание других, расположение аргументов в определенной последовательности, отсутствие указания на источник публикуемых данных [1, с. 10].

Внушение – наиболее употребительный способ воздействия в печатной социальной рекламе (48 % примеров). В структуре печатной рекламы часто отсутствует компонент разъяснение тезиса, то есть аргументативная часть. Преобладание внушения над убеждением во многом объясняется особенностями носителя, поскольку печатная реклама ограничена в средствах воздействия (отсутствует видеоряд, аудиальное сопровождение), и создатели рекламы вынуждены представлять адресату некую компрессию смысла, готовую установку, которую адресат должен принимать на веру. Среди приемов внушения в социальной рекламе наиболее характерными являются создание целостной картины с помощью одной детали, использование детских образов, представление альтернативы.

Побуждение – наименее употребительный способ воздействия в социальной рекламе (27 % в печатной и 15 % в телевизионной), что связано с преобладанием скрытых призывов («Больницам не хватает самых необходимых вещей»), призывов общего характера («Брось курить!»; «Хватит пить!») над призывами к конкретным действиям.

Социальная реклама активно обращается к приемам речевого воздействия, при этом они нередко используются в качестве способов аргументации [1, с. 9]. Так, используются сравнения (выраженные вербально или визуально), например, сравнение, основанное на контрасте, используется в характеристике внешности курящей и некурящей девушки, или, наоборот, сравнение, в основу которого положено сходство двух явлений («Это так же интересно, как и сидеть в Сети»; «Читать книги»). В качестве приема аргументации используется метафора широкого контекста (весь рекламный текст или ролик представляет собой метафору, воздействующую на адресата).

Для социальной рекламы характерно употребление риторических фигур: повторов, синтаксического параллелизма, парцелляции, антитезы, умолчания, риторического обращения. Среди стилистических приемов следует в первую очередь отметить стилизацию разговорной речи, жанровую стилизацию, языковую игру (каламбур, буквальная подмена понятий и др.). Пример из артистического диалога, который носит юмористический характер. Гарик Бульдог Харламов в супермаркете: «Ты не пойдешь на выборы? И ты не пойдешь на выборы? А-а, ты хочешь пойти? Берет в руки перец. И ты хочешь пойти?» Берет огурец. Разыгрывает кукольный театр: Огурец: «Да, хочу». Харламов: «Не-а. Ты не пойдешь голосовать». Перец: «Это ещё почему»? Харламов: «Да потому что он овощ». Перец смеется. Харламов: «И ты овощ». Огурец смеется. Голос за кадром: «Согласно закону Российской Федерации овощи не принимают участие в голосовании на выборах». Тем временем Харламов показывает на овощи: «ты не пойдешь голосовать. И ты не пойдешь голосовать. Вы все не пойдете». Харламов: «Не будь овощем. Проголосуй». Голос за кадром: «2 декабря выборы в Государственную думу». Последняя фраза дублируется на экране. Здесь используется приём розыгрыша, юмористической ситуации.

Язык социальной рекламы занимает особое место среди тех функционально-стилевых образований, которые относятся к массовой информации. В социальной рекламе часто используются вопросительные конструкции, которые представляют собой как прямые вопросы, так и вопросы с дополнительной функцией, например со значением причины или побуждения («Детей? Пристегивать? А зачем?»).

Очень часто в рекламном слогане можно встретить ритмичное построение фразы-слогана: «Вдыхая – убиваешь себя, выдыхая – других»; «Мат – язык примата». Эффективно используются также рифмы: «Не гоните, водители. Вы ведь тоже родители»; «Табак – Родине враг». Иногда авторы рекламных текстов прибегают к использованию фразеологизмов, они делают слоган ярче, эмоциональнее, выразительнее: «Проглотил «собачье сердце» в 14 лет! Читай книги – будь личностью», «Мы в ответе за тех, кого приручили», «Ваш ребенок – чистый лист. Кто рядом, тот и заполняет». Использование лексического повтора придает связность, фиксирует внимание на главной мысли, а также подчеркивается упорядоченность построения высказывания: «Разный выбор – разные дороги», «Хочешь оторваться? Не отрывайся от жизни». Сообщение обретает необычную форму, повышая к себе интерес, если в нем используется жаргонизм: «Я любил рисовать гуашью. А он любил гонять на красный. Теперь меня нет», «СМСишь за рулем? Ответ не дойдет». Кроме того, общеизвестно, что чем больше реклама нарушает принятые коммуникативные нормы, тем более она привлекает внимание слушателей и зрителей. Слоган, содержа-

щий парадокс, заставляет потребителя задуматься над, казалось бы, очевидными вещами: *«Детей? Пристегивать? А зачем?»*. *«Мозги? Зачем? Тетя Катя всегда продаст мне свеженького пивка»*.

Также существуют слоганы, в которых используются сразу несколько лингвистических приемов [3, с. 92–93]. Так, в серии щитов против наркотической зависимости звучит слоган: *«От листочка до точки – короткий путь к короткой жизни»*. В построении слогана используются рифма «листочка – точки», и каламбур «точка от иглы и точка, как знак окончания», а также повтор – «короткий путь к короткой жизни», и использование сюжета. А, как известно, чем больше средств задействовано, тем выше шанс попадания в цель.

Помимо определенной лексики очень часто в рекламных текстах используются цифры сами по себе, ведь сила внушения у чисел очень велика, и текст с опорой на порой бессмысленную статистику вызывает гораздо больше доверия. Ведь мало кому в голову придет пересчитать или проверить статистические данные: «Стирка при температуре 30° вместо 50° позволяет сэкономить электроэнергию», «50 литров воды, не много ли это, чтобы один раз побриться».

Таким образом, коммуникативное воздействие рекламных текстов проявляется на всех уровнях его языковой структуры и оказывает влияние на все области человеческого сознания. На данный момент рекламный текст является одним из показателей социокультурного развития общества, отражая его основные ценности и потребности, следовательно, повышающийся интерес к данной теме является не случайным.

Список литературы

1. Гольдин В.Е., Сиротина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25. С. 9–19.
2. Деревянко А.Р., Зыбин О.С. Социальная реклама как вид коммуникационной деятельности в современных условиях // Современные исследования социальных проблем, 2012. № 7. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-kak-vid-kommunikatsionnoy-deyatelnosti-v-sovremennyh-usloviyah>.
3. Иванова Е.С. Коммуникативно-прагматические аспекты текстов интернет-рекламы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 91–98.
4. Солодовникова А. Н. Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата. Саратов, 2013. 197 с.
5. Тертычная М.А. Интернет как средство социальной рекламы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 6. С. 288–299.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ ЛИДЕРСТВА

Аглеев Искандер Абдулович,

специалист по учебно-методической работе,

ассистент кафедры современного русского языка,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

В последние годы, в связи с глобализацией мирового сообщества и повсеместного распространения методик создания бережливого производства возникла острая необходимость в наличии людей, способных поддерживать результаты на достигнутом уровне и вести компанию к новым вершинам. Для подобного стиля руководства необходимо глубинное понимание концепции эффективного лидерства и методов вовлечения всех сотрудников в деятельность компании. Следовательно, компаниям нужны новые специалисты, обладающие знаниями такого рода и набором личностных качеств, отвечающих предъявляемым требованиям. Этих специалистов мы можем назвать лидерами новой формации.

Наша работа посвящена формированию такого лидера и ломке стереотипов, связанных с лидерством, вытекающей из изменения существующего порядка.

Еще в IV в. до н.э. Аристотель сказал, что те, «кто не нуждается в правительстве, – или звери, или боги». Таким образом античный мыслитель подчеркнул, что любое человеческое общество (стоит вспомнить, что он же характеризовал человека как «животное общественное» (по мнению некоторых источников, не способных доказать свою авторитетность, «животное политическое»)) нуждается в наличии лидеров, за исключением двух категорий людских сообществ: общества, в котором все индивидуумы полностью посвящают себя общественному благу (общество «богов»), и человеческой стаи, в которой не соблюдаются никакие нравственные нормы (общество «зверей»). Любая сложная структура, состоящая из мыслящих людей, находящихся по уровню развития между двумя вышеозначенными категориями, должна иметь некий координирующий орган, отвечающий за выбор наиболее целесообразных для развития структуры решений. Подобным руководителем и становится лидер.

Существует множество дефиниций термина *лидер*. Наиболее значимыми в плане нашей темы нам показались следующие: «Индивид, обладающий наиболее ярко выраженными, полезными (с точки зрения внутригруппового интереса) качествами, благодаря которым его деятельность оказывается наиболее продуктивной. Такой лидер служит образцом для подражания, своеобразным «эталоном», к которому должны, с точки зрения групповых ценностей, примыкать другие члены группы. Влияние такого лидера основано на психологическом феномене отраженной субъективности (т.е. идеальном представлении других членов группы)»; «Лицо, за которым данное сообщество признает право на принятие решений, наиболее значимых с точки зрения группового интереса. Авторитет этого лидера основан на способности сплачивать, объединять других для достижения групповой цели. Такое лицо, независимо от сти-

ля лидерства (авторитарного или демократического), регулирует взаимоотношения в группе, отстаивает ее ценности в межгрупповом общении, влияет на формирование внутригрупповых ценностей, и в некоторых случаях символизирует их»; «(от англ. leader – ведущий) – член группы, за к-рым она признает право принимать ответственные решения в значимых для нее ситуациях, т. е. наиболее авторитетная (см. авторитет) личность, реально играющая центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе»; «Самая авторитетная личность, реально играющая центральную роль в организации деятельности совместной и регулировании взаимоотношений в группе. В психологии приняты различные классификации лидеров: 1) по содержанию деятельности – лидер-вдохновитель и лидер-исполнитель; 2) по характеру деятельности – лидер универсальный и лидер ситуативный; 3) по направленности деятельности – лидер эмоциональный и лидер деловой, и пр.»

Оговоримся: мы ни в коем случае не уравниваем понятия «руководитель» и «лидер», поскольку придерживаемся точки зрения, по которой первый термин обладает более узким значением, поскольку руководитель стремится сделать все так, как нужно, посвящая свою деятельность соблюдению установленных порядков, в то время как лидер старается делать то, что нужно. На лицо разительная разница между подходами. В первом случае мы видим ориентацию на процесс, в то время как во втором – на результат этого процесса и достижение чего-то нового.

С целью выяснения отношения к лидерам и лидерству, понимания этого явления нами был предложен ассоциативный эксперимент. Это исследование проведено в аудитории молодых специалистов разного уровня образования и разного социального положения, но близких по возрастному признаку. Позволим себе заметить, что исследование показало, что молодые люди, несмотря на вовлеченность в современные глобальные процессы, в подавляющем большинстве продолжают видеть лидера как традиционного руководителя. Лишь небольшая группа респондентов высказывала ассоциации, еще не вошедшие в стереотипное мышление: так, положительным качеством, присущим лидеру, была названа хитрость, а одним из обязательных условий успешности лидера в понимании некоторых опрошенных оказалось новаторство. Вместе с тем, нам хочется отметить, что позиция жесткого авторитарного лидера, популярная ранее, ушла на второй план: среди качеств, выделяющих хорошего лидера, были указаны гибкость и тактичность.

В ходе исследования общественного мнения мы просили испытуемых дать ассоциации к трем словосочетаниям, связанным с понятием лидерства: одним словом охарактеризовать понятия «лидер», «хороший лидер» и «плохой лидер». Ниже мы предлагаем Вашему вниманию результаты проведенного исследования.

В исследовании принимало участие 25 человек. Все опрошенные входили в возрастную группу от 20 до 30 лет, обладали законченным высшим образованием или находились в процессе получения одного. Большая часть уже успела реализоваться как специалисты по выбранным специальностям (к исследованию были привлечены специалисты IT-сферы, психологи, ветеринары, юристы и сотрудники иных сфер деятельности).

Отметим, что характеристики, данные понятию «лидер» в целом, можно разделить на две большие группы с точки зрения морфологического подхода: ассоциации, выраженные существительными и субстантивированными частями речи, и ассоциации, выраженные прилагательными. Вторая группа оказалась неожиданно меньше, чем первая. Первая группа, в свою очередь, может быть разделена на несколько подгрупп по детерминируемым в ассоциациях признакам: 1) личные качества, присущие лидеру. Словоформы ответственность, харизма, решительность. 2) качества, присущие лидеру по праву высокого положения в организации или обществе. Ассоциации власть и влияние. 3) свойства лидера, получаемые им как подтверждение высокого статуса: возможности, влияние, ресурсы, связи. 4) группа слов, вербализующих обязанности лидера: цель, планирование. 5) описание ситуации вокруг лидера: команда, связи. 6) роль лидера в глазах подчиненных: символ.

Касательно второй группы отметим, что наиболее часто использованными прилагательными, описывающими качества, приписываемые лидеру в целом, стали понятия «справедливый», «могущественный», «расчетливый», «объективный», «порядочный».

Для обозначения «хорошего лидера» респондентами использовались исключительно ассоциации-существительные. Основываясь на мнении опрошенных, формируем следующие группы ассоциаций, приписываемых хорошему, эффективному лидеру: 1) личные качества: гибкость, твердость, тактичность, мудрость, харизма, хитрость, ответственность. 2) группа словоформ, выражающих отношение коллектива к эффективному руководителю: первый, защитник, образец, вожак, вдохновитель, стимул. 3) качества, необходимые в управлении организацией: тактика, новаторство.

Отдельно хочется вынести респондентов, которые ассоциировали предложенные сочетания с историческими личностями. Так, хорошими лидерами были признаны Мандела, Черчилль, Наполеон и Цезарь, а регионом с хорошим лидерством – Рим (без указания на конкретную историческую формацию и форму правления; очевидно, подразумевалась вся история региона).

В завершение скажем об ассоциативных рядах, связанных с понятием «плохой лидер». Здесь респонденты оказались куда эмоциональнее, чем в ответах на предыдущие вопросы.

Итак, с образом плохого лидера связаны следующие свойства и качества: 1) личные качества. Жадность, грубость, эгоцентризм, эмоции, глупость, бесхребетность, слабость. 2) группа слов, характеризующих плохого лидера как человека, занимающего неправильное место: случайный человек, некомпетентность. 3) следствия деятельности такого лидера: изоляция. 4) эмоционально окрашенные эпитеты: клоун, пародия, кривое зеркало, «Сусанин».

Ассоциативный эксперимент показал положительное отношение молодежи к понятию лидер, комплексный подход к оценке лидера, умение видеть положительные и отрицательные качества лидера. Мы считаем, что те, кто становится лидером или видит в себе потенциальные черты лидера, должны выяснить, каких личностных качеств ждут от них те, чьи интересы они будут представлять.

Список литературы

1. Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М. Г. Ярошевский. Ростов н/Д: ФЕНИКС, 1998. Режим доступа: <http://psychology.academic.ru>.
2. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. М.: АСТ, Харвест, 1998. Режим доступа: <http://psychology.academic.ru>.

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ЭЛИТЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Диденко Ирина Викторовна,
магистрант,

Волгоградский государственный университет, г. Астрахань

Исследование элит, предполагающее вопросы об их статусе в истории и современности, способах воспроизводства, особенностях селекции и т.д., необходимо ставит своей конечной целью определить характер развития современной культуры. Именно элита является необходимым, передовым элементом общества. Под элитами мы понимаем «высшие, привилегированные слои общества, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры, который является необходимой составной частью любой социальной структуры». Существенной характеристикой элит является общественное признание достижений их деятельности. Во все времена в человеческом социуме формировались устойчивые общности людей, имеющих общие интересы и доступ к рычагам власти. Уже теория идеального государства Платона описывает вершину социальной пирамиды как сословие философов, чья мудрость определяет разумное управление обществом. Однако важно осознавать факт неоднородности элит, которые не могут быть сведены исключительно к властной или политической элите. В данном исследовании мы концентрируем внимание на культурной элите, которая в Словаре по общественным наукам определяется как «часть общества, обладающая высокой степенью культурной компетенции; занимающаяся разработкой научного знания, созданием произведений искусства, философских теорий, религиозных доктрин» [8].

Культурная элита выделилась в средневековой культуре. Существование университета способствовало оформлению академического образования: первой формы систематического производства, закрепления и трансляции знаний, культурного творчества и идеологических доктрин. На протяжении нескольких столетий решающий вклад в формирование культурной и в особенности научной элиты вносил университет. Университетское образование имеет длительную историю. Первые университеты появились в Западной Европе в XI–XII вв. Первоначально университеты нередко возникали на основе церковных школ и входили в систему духовного образования. Их задачи заключались в подготовке профессионалов в области философии, богословия, права и медицины, а также в повышении уровня грамотности и образованности в обществе. Вся система университетского образования оказала сильное влияние на формирование западноевропейской цивилизации. Университеты способствовали прогрессу самостоятельной мысли, росту общественного самосознания, развитию свободы личности. Обычная практика переезда магистров и студентов из города в город, из университета в университет, способствовала культурному обмену между странами. Качественное изменение культурных элит произошло в Новое время. Все эти факты говорят об определенной универсальной для пространства средневековой Европы форме воспроизводства культурной элиты.

В эпоху Возрождения, вместе с расцветом наук и искусств, наблюдается количественный и качественный рост знаний, формирующих культурную элиту. Идеи гуманизма постепенно распространялись в Европе, достигнув Англии в период церковной Реформации. Под влиянием новых идей университеты начали готовить студентов не только к церковной, но и к активной светской жизни и светской культуре. Изобретение книгопечатания привело к популяризации печатного слова. В частности, уже в XV в. стали популярными научные журналы, и к XVIII в. каждый университет обычно выпускал собственный журнал [7]. В XIX–XX вв. европейские университеты, помимо собственно образовательной деятельности, сфокусировались на науке и научных исследованиях, именно в это время их структура и идейное содержание приняли современный вид. Затронули эти процессы и Российскую империю: первые светские университеты появились в первой трети – первой половине XVIII в. в Санкт-Петербурге и Москве. Интеграция России в Запад предполагала началом такой интеграции выход элит на уровень европейских культурных элит [1, с. 134]. История европейского университета раскрывает его роль «кузницы элит». И средневековый университет, и университеты Нового времени ставили своей целью: 1) формирование высшего, господствующего слоя; 2) формирование системы легитимации результатов деятельности элит.

Перейдём непосредственно к рассмотрению элит. Уже в XVI в. слово «элита» стало пониматься определённая избранная категории людей, занимающих в иерархической социальной структуре общества привилегированное положение. При этом в каждой сфере жизнедеятельности, как правило, имеется своя элита, например: литературная элита, научная элита, творческая элита и т.д. Существует несколько теорий о видах и концепциях элит, но все они

сходятся в том, что в любом обществе, в любой жизненной сфере есть немногочисленный особый слой людей, обладающий привилегированным положением.

Именно аспект исключительности элит был поставлен под сомнение в XIX–XX вв. Наиболее ярко это было отражено в творчестве Хосе Ортега-и-Гассета, который зафиксировал восстание масс: общее снижение уровня культуры, упрощение её для восприятия основной массой населения и, как следствие, снижение качества элит. Однако именно в XIX в. была выделена и обратная тенденция – роста масс, которые в философии марксизма были оценены как носитель исторического развития. Такое сближение поставило задачу поиска таких форм образования, которые должны решить две задачи: сдержать деградацию элит и обеспечить обновление последних за счёт наиболее одарённых выходцев из масс.

Можно выделить два варианта селекции уровня элит через образование: 1) Элитарное образование; 2) Элитное образование. 3) «Элитарное образование» – это образование для узких и привилегированных групп населения (для детей знати, олигархов, правящего класса и проч.).» [5] Опора на элитарное образование значительно опередила осознание описанных в XIX–XX вв. тенденций и долгое время (вплоть до сегодняшнего дня) успешно осуществляла сдерживание «варваризацию» культуры. Принцип закрытого рекрутирования элит наиболее силён в образовательных традициях Великобритании. Их система независимых школ и аристократических высших учебных заведений. Несмотря на их негосударственный статус, именно в них создаётся «цвет нации». Важнейшей характеристикой такого образования является отрыв ученика от внешнего мира: даже выходец из масс, который сумел проявить свои способности и добиться места в таком учебном заведении полностью погружался во внутреннюю (формальную и неформальную жизнь) школы. Универсализм знаний и навыков, управленческие компетенции и дух конкуренции в условиях изоляции позволили выпускникам таких школ в течение многих лет поддерживать высокий уровень качества элит. Вероятно, что изоляция, в том числе и от семьи, позволила преодолеть возможный застой «элит крови» (принадлежность к элитам не приобреталась в наследство, а становилась достижением отдельной личности).

Элитное образование как исторически более поздняя форма селекции элит нашла опору в социалистическом принципе равенства. Поддержание высокого качества массового образования в сочетании с доступностью должно привести к более эффективности селекции элит. Возрастающая доступность образования привела к кристаллизации в XX в. класса интеллигенции / интеллектуалов. Интеллигенция стала источником, обеспечивающим обновление элит и слоем, обеспечивающим трансляцию высших достижений элиты. Эту позицию своеобразно поддерживают такие глобальные институты как ЮНЕСКО. Например, исследование «Грамотность в завтрашнем мире» подчёркивает более высокий образовательный уровень в странах, где отсутствует поляризация учебных заведений на массовые и элитарные (Финляндия, Канада, Швеция, Гонконг).

Каковы же главные проблемы стоит перед современным образованием в реализации их роли пополнения культурных элит?

1. Поддержание качества образования. Доступность образования не должна означать снижения его качества: селекция элит только тогда будет успешной, когда будут сохраняться неизменно высокие требования к кандидатам. Именно в этом заключается смысл элитного образования.

2. Самоуправление в образовании. Поддержание элитного образования предполагает наличие его автономии. Успешная реализация этого была предпринята в Великобритании, где без помощи государственных структур учебные заведения поддерживают свою эффективность на высочайшем уровне.

3. Осознание неоднородности элит. Подмена понятия элит понятием властных элит не должна затмевать аспект высокого уровня их достижений, сочетающегося с признанием. Культурная элита необходимо должна быть не сводима к иным формам элитности. Высочайшие достижения культуры: философия, искусство, наука – должны сохранять свою ценность, не смешиваться до полного растворения с элитой политической, экономической. Ценность культуры, субъектом создания которой служит культурная элита, не должна становится средством для иных ценностей, симуляцией.

Среди многообразия элит разных сфер жизнедеятельности культурная элита более всего соответствует самой этимологии термина «элита»: это именно лучшие, наиболее способные, творческие люди, способные найти нетривиальные решения проблем, стоящих перед страной, человечеством, расширить его интеллектуальные горизонты, обнаруживающие узость рамок прежних подходов и выводов. С точки зрения ценностного подхода можно рассматривать культурную элиту как истинную элиту человечества. Например, политическая элита несет ответственность за успехи и неудачи в социально-политической сфере, а культурная за то, каким будет человечество через пятьдесят, сто и более лет. Если принять точку зрения Вильфредо Парето о том, что власть расчленяется на ту, которая основана на силе, и ту, которая основана на убеждении, то политическая элита является носителем первой, а культурная элита – второй.

Роль университетов в формировании культурной элиты связана с функциями университетов, к основным из которых Карл Ясперс отнес образовательную, исследовательскую, воспитательную. В современном обществе оказываются особенно востребованными интеллектуальная, культурная и социальная функции, направленные на удовлетворение запросов как государства и общества, так и личности [6]. Еще в 1873 г. ректор Дублинского университета (Ирландия) кардинал Джон Ньюмена писал: «Университет – место, где обучают универсальному знанию... Цель университета, с одной стороны, интеллектуальная, не нравственная, с другой же – она скорее связана с распространением и приобретением знаний, а не с получением нового знания... Познавать новое и обучать – это разные функции; они предполагают разные способности, которыми человек, как правило, не располагает. Задача университета –

формирование интеллекта». Таким образом, задачей университета всегда было формирование интеллектуальной и культурной элиты.

Университетское образование призвано воспитать культ гармонично развитого человека – образованного, культурного и нравственного. Элитное же образование, предполагает создание подлинного субъекта культуры, её авангарда и творца, в котором глобальные тенденции будут осознаны, применены и подчинены фундаментальной ценности гуманизма.

Список литературы

1. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 134.
2. Ашин Г.К. Социология политики: Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001.
3. Бабун В. Введение в специальность: Конспект лекций для специальности «Государственное и муниципальное управление». Режим доступа: <http://uchebnik.online/munitsipalnyie-finansyi-gosudarstvennyie/universitetyi-rol-jizni-39373.html> (дата обращения 22.03.2017).
4. Бутырина М.В. Политология: Режим доступа: <http://freebooks.site/uchebnik-teoriya-politiki/ponyatie-politicheskoy-elityi.html> (дата обращения 19.03.2017).
5. Капранова В.А. Элитарное образование: теория и практика // Адукацыя і выхаванне. 2007. № 6. С. 52–59.
6. Отечественная элита: история и современность – Культурная элита. Режим доступа: <http://www.madrace.ru/elitologiya/kurs-otechestvennaya-elita-istoriya-i-sovremennost/kultumaya-elita> (дата обращения 15.03.2017).
7. Теории элит. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/teorii-elit.html> (дата обращения 19.03.2017).
8. Уварова П.Ю. «У истоков университетской корпорации». Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/02/04/university/> (дата обращения 20.03.2017).
9. Энциклопедический словарь «Слово о человеке». Режим доступа: <http://www.slovochel.ru/elita.html> (дата обращения 24.03.2017).

ЭЛИТЫ И ЛИДЕРЫ: СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

***Материалы Международного конгресса
19–22 апреля 2017 г.***

Публикуется в авторской редакции

Техническое редактирование, компьютерная верстка
С.Н. Лычагиной, С.С. Кострыкиной

Заказ № 3543. Тираж 100 экз.
Уч.-изд. л. 48,4. Усл. печ. л. 45,0.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел планирования и реализации),
48-53-45 (магазин), 48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru

